Весь

АЗИМОВ

АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

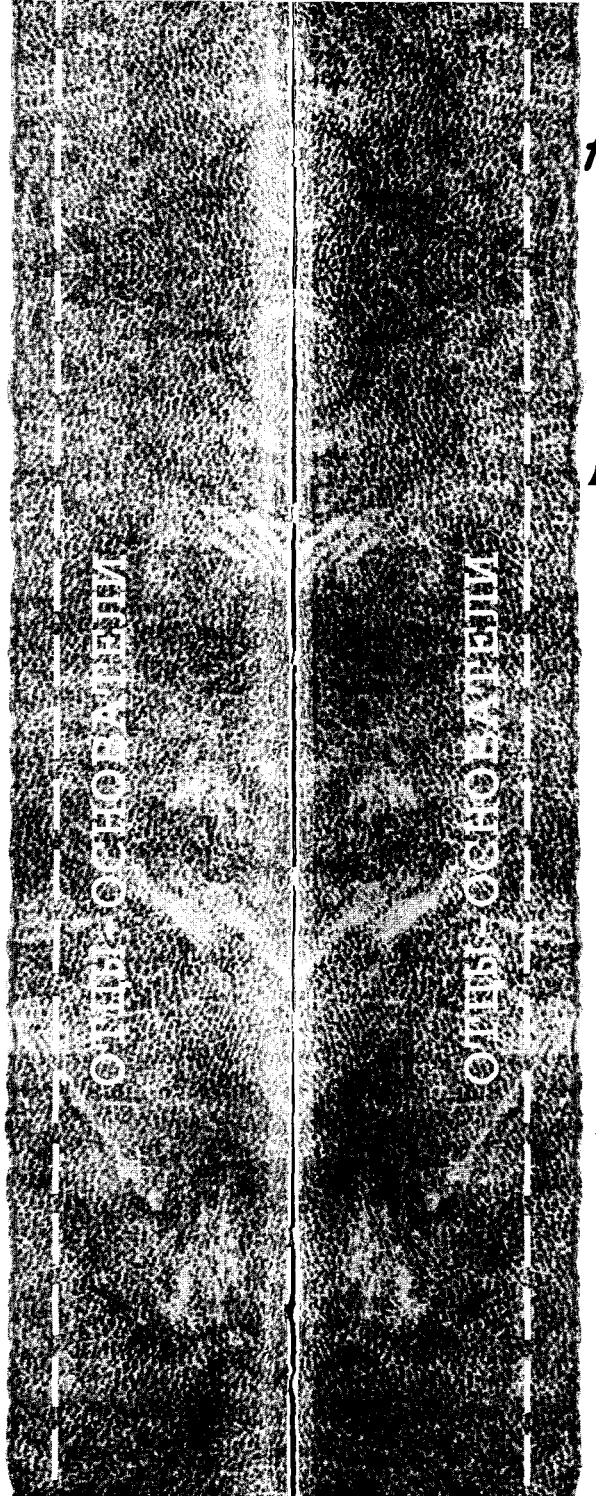
Весь

АЗИМОВ

Весь

АЗИМОВ

Я, РОБОТ
СТАЛЬНЫЕ ПЕЩЕРЫ
ТРАНТОРИАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
ПУТЬ К АКАДЕМИИ
АКАДЕМИЯ
АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Айзек

АЗИМОВ

АКАДЕМИЯ
НА КРАЮ ГИБЕЛИ
АКАДЕМИЯ И ЗЕМЛЯ

Москва
ЭКСМО
2008

УДК 82 (1-87)
ББК 84(7 США)
А 35

Isaac AZIMOV

FOUNDATION'S EDGE
Copyright © 1982 by Isaac Azimov

FOUNDATION AND EARTH
Copyright © 1986 by Isaac Azimov

This translation published by arrangement with Doubleday,
a division of Random House, Inc.

Составитель серии *Д. Байкалов*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2008 году

Азимов А.

А 35 Академия на краю гибели: Фантастические произведения / Айзек Азимов; [пер. с англ]. — М.: Эксмо, 2008. — 832 с. — (Весь Азимов).

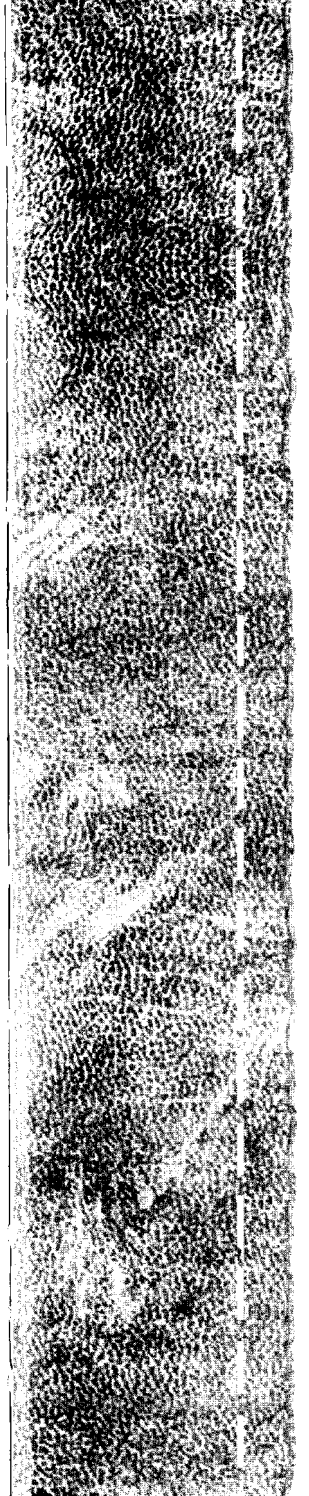
ISBN 978-5-699-28633-1

Ученый Гэри Селдон, основатель новой науки — психоистории, в своих работах доказал неизбежность краха Галактической империи, объединявшей миллионы обитаемых миров. Чтобы не допустить падения человечества в пучину надвигающегося хаоса, Селдон разработал детальный план рождения новой Империи на обломках старой. Для осуществления своего Плана Селдон создал в разных концах Галактики две Академии, объединившие лучшие умы человечества. Казалось, ничто не могло помешать осуществлению великого Плана Селдона, но людские амбиции привели к конфликту между Академиями, и человечество вновь оказалось на краю пропасти...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

ISBN 978-5-699-28633-1

© Перевод. Н. Сосновская, 2008
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2008

АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ

ПРОЛОГ

Гибель Первой Галактической Империи была неотвратима. Ее медленный распад и загнивание тянулись уже не одно столетие. Но только один-единственный человек знал об этом наверняка.

Звали его Гэри Селдон. Он был последним из величайших ученых Первой Империи. Именно ему принадлежит честь создания науки о поведении человека, науки, сведенной к математическим уравнениям.

Поведение отдельного человека непредсказуемо, но, как обнаружил Селдон, статистической обработке вполне поддаются реакции человеческих сообществ. И чем выше численность сообщества, тем точнее статистика. Свои исследования Селдон основывал на реакциях сообществ, численность которых составляла не менее населения всех обитаемых миллионов миров Галактики.

Выведенные Селдоном формулы показали ему, что, будучи оставленной на произвол судьбы, Галактическая Империя погибнет и пройдет тридцать тысячелетий страданий и агонии, прежде чем на руинах Первой родится Вторая Империя. Однако, решил он, если изменить некоторые условия, период Межвластия можно сократить до одного тысячелетия.

Для того чтобы это произошло, Селдон основал два поселения ученых, названных им Академиями, и произвольно расположил их «на противоположных концах Галактики». Первая Академия, деятельность которой была сосредоточена на развитии физических наук, была основана открыто, публично. Основание же другой, Второй Академии, мира психоисторической и «ментальной» науки, совершилось тайно.

В трилогии «Академия» описываются события, происходившие в течение первых трех столетий Межвластия. Первая Академия (чаще упоминаемая просто как «Академия», ведь о

существовании Второй долго никто не догадывался) начала свое бытие как скромная колония, поселение, затерянное в пустотах Внешней Периферии Галактики. Время от времени Академия сталкивалась с кризисами, каждый из которых характеризовался разнообразными вариантами поведения людей и различными политическими и экономическими тенденциями того времени. Свобода действий, свобода выбора была ограничена определенной, одной-единственной линией, и, когда Академия делала очередной шаг в этом направлении, перед ней открывались новые горизонты. Все это было спланировано Гэри Селдоном, который к тому времени уже давно покоился в мире.

Первая Академия, располагая новейшими достижениями науки, одолела окружавшие ее варварские планеты. Ей пришлось поочередно вступать в схватку то с анархистами, то с отколовшимися от погибающей Империи диктаторами, и победа была всегда на ее стороне. На долю Академии выпала и битва с останками самой Империи, которыми правил последний из могущественных Императоров. Армией Империи командовал последний из великих военачальников, но Академия и в этой схватке одержала победу.

Казалось, будто План Селдона выполняется, как задумано, что ничто не может помешать созданию Второй Империи в предсказанный срок — за одно тысячелетие.

Однако психоистория — наука сугубо статистическая. И всегда существует вероятность непредсказуемого поворота событий. И случилось то, что Гэри Селдон лишен был возможности предсказать. Неизвестно откуда появился человек по кличке Мул. Он обладал ментальными способностями, которых больше ни у кого в Галактике не было. Он был способен управлять людскими эмоциями, манипулировать умами так, что превращал самых злейших своих врагов в послушных, обезволенных рабов, а то и в ярых приверженцев. Целые армии не могли одолеть его одного. Первая Академия пала, и казалось — План Селдона никогда не возродится.

Но существовала таинственная Вторая Академия — застигнутая врасплох неожиданным появлением Мула на исторической сцене, она вскоре приступила к постепенному развертыванию контратаки. Главное средство защиты Второй Академии заключалось в том, что ее местонахождение оставалось тайной за семью печатями. Мул жаждал сразить ее, чтобы целиком и

полностью обрести власть над Галактикой. Люди из Первой Академии, верившие в существование Второй, искали ее, чтобы обрести помощь и поддержку.

Найти ее никому не было суждено. Мул был недалек от успеха, но его остановил героический подвиг женщины, Байты Дарелл, что дало Второй Академии время подготовиться к решающему контрудару и остановить Мула навсегда. Постепенно Вторая Академия подготовилась и к воссозданию Плана Селдона.

Однако эти события в некоторой степени раскрыли тайну существования Второй Академии. Узнав о ее сущности, Первая Академия воспротивилась будущему, в котором за ней наблюдали бы и которое для нее предопределяли бы психологи из Второй Академии. Первая Академия превосходила Вторую военной мощью, поэтому задача Второй Академии усложнилась вдвое — ей нужно было не только приструнить Первую Академию, но и восстановить свою анонимность.

И это ей удалось под руководством величайшего «Первого Оратора», Прима Пальвера. Первой Академии было позволено одержать мнимую победу, ее влияние и могущество в Галактике росло, она жила и процветала, не подозревая о том, что Вторая Академия продолжает не только существовать, но и действовать.

Итак, минуло четыреста девяносто восемь лет после создания Первой Академии. Она — на вершине могущества. Все уверены в этом, кроме одного человека...

Глава 1

СОВЕТНИК

1

— Нет, не верю, — решительно произнес Голан Тревайз, стоя на широкой лестнице Селдон-Холла и глядя на город, озаренный лучами теплого, ласкового солнца.

Климат Терминуса издавна славился мягкостью. Площадь суши на планете значительно уступала площади водной поверхности, а внедрение системы искусственного кондиционирования способствовало еще большему сглаживанию погодных ус-

ловий и, как частенько думал Тревайз, начисто лишило его какой бы то ни было экзотики.

— Ничему не верю, — повторил он, и улыбка промелькнула на его моложавом загорелом лице.

Его спутник Мунн Ли Компор — Советник, как и сам Тревайз, — носивший тройное имя вопреки давно установившимся на Терминусе традициям, недоуменно пожал плечами:

— Чему же ты не веришь? Тому, что мы спасли город?

— О, в это я верю на все сто. Спасли, спасли, и Селдон лично подтвердил, что мы это сделаем, и что это правильно, и что ему про это было все известно аж пятьсот лет назад.

Компор перешел на полушепот:

— Слушай, Голан, я не против, со мной можешь вести такие речи — мне-то что, но, если тебе взбредет в голову орать такое толпам народу, честно говоря, не хотелось бы стоять с тобой рядом, когда ударит молния. Как знать, в кого из нас она угодит.

— А что я такого сказал? — невинно поинтересовался Тревайз. — Мы спасли город, сказал я. Что в этом крамольного? Да еще и без войны обошлось — просто красота.

— А воевать было не с кем, — парировал Компор, слегка сощурив небесно-голубые глаза.

Как и имя, внешность у него была на редкость несовременная: светлые глаза, соломенно-желтые вьющиеся волосы. Порой ему жутко хотелось выглядеть иначе.

— А о гражданской войне ты не слыхал, Компор? — спросил Тревайз.

Он был строен и высок, темные волосы его едва заметно завивались. Руки его по обыкновению были засунуты в кармашки мягкой поясной сумки — сумок таких у него был целый набор, и он никогда и нигде не появлялся без этого неотъемлемого, почти ритуального аксессуара.

— Гражданская война по поводу местоположения столицы? Смешно.

— Не сказал бы. Вопрос оказался достаточно серьезным для того, чтобы разразился очередной селдоновский кризис. Политическая карьера Хенниса полетела в тартарары, мы с тобой были избраны в Совет, и вопрос, так сказать, повис в воздухе...

Он медленно, плавно покачал рукой, как маятником, готовым вот-вот остановиться.

Мимо приятелей по ступеням лестницы спускались члены правительства, корреспонденты, представители высшего света — все, кто откликнулся на приглашение засвидетельствовать очередное явление Селдона (точнее, его изображения). Кто-то болтал, кто-то довольно смеялся, кто-то выражал неподдельный восторг по поводу одобрительных высказываний Селдона.

Тревайз упрямо стоял на месте, позволяя веселой толпе огибать себя. Компор, успевший спуститься на две ступени ниже, тоже остановился. Казалось, между ними протянулась невидимая нить.

— Ты идешь или нет? — не оборачиваясь, спросил Компор.

— Торопиться некуда. Заседание Совета не начнется, пока Мэр Бранно не изучит ситуацию и не изложит ее по своему обыкновению — по слогам, через час по чайной ложке. А я не жажду выслушивать очередную напыщенную речь. Лучше взгляни на город!

— Вижу. И вчера видел.

— Да, но разве ты видел его пятьсот лет назад, когда он был основан?

— Четыреста девяносто восемь лет назад, — автоматически уточнил Компор. — Через два года — пятисотлетний юбилей, и к тому времени Мэр Бранно все еще будет у власти, противостоя событиям невысокой степени вероятности, как мы все надеемся.

— «Как мы все надеемся»... — сухо повторил Тревайз. — И все же, каков он был пятьсот лет назад? Один-единственный город на планете! Маленькое поселение, где жила горстка ученых, готовивших к изданию Энциклопедию, которая так никогда и не вышла в свет.

— О чем ты? Энциклопедия была издана, в этом нет сомнений.

— А ты о чем? О той Галактической Энциклопедии, которой мы располагаем сейчас? То, что имеем мы, — это совсем не то, над чем работали они. У нас теперь все данные введены в компьютер и ежедневно подвергаются пересмотру. А неоконченный оригинал ты когда-нибудь видел?

— Тот, что в Музее Гардина?

— Тот, что находится в Музее Первоисточников имени Сальвора Гардина. Если уж ты так любишь точность, давай

употреблять полные названия. Ну так видел ты оригинал или нет?

— Нет. А что, стоило посмотреть?

— Да нет. Не стоило. Но тем не менее все было именно так: ничтожная горстка Энциклопедистов — ядро города, одного маленького города, практически лишенного металлов, на планете, обращающейся вокруг солнца, отдаленного от остальной Галактики: на окраине, на самом ее краю. А теперь — пасторальный мир, один сплошной парк куда ни глянь, и у нас есть все металлы, какие душе угодно. Теперь мы — центр всего на свете!

— Не совсем, — не согласился Компор. — Мы по-прежнему обращаемся вокруг солнца, отдаленного от всей Галактики. И мы по-прежнему на самом ее краю.

— Ну нет, это ты брякнул не подумав. В этом-то как раз и заключается смысл теперешнего маленького селдоновского кризиса. Мы теперь — не крошечный мир Терминуса. Мы — Академия, протянувшая свои щупальца по всей Галактике и управляющая ею отсюда, с самого края. Мы способны на это потому, что больше не пребываем в изоляции — разве что в географическом смысле, а это не считается.

— Ладно. Согласен.

Компору был явно неинтересен этот разговор, и он шагнул еще на одну ступеньку вниз. Невидимая ниточка между приятелями слегка натянулась.

Тревайз выбросил вперед руку, будто пытался вернуть товарища назад.

— Разве ты не видишь разницы, Компор? Изменения колоссальны, но мы не желаем этого замечать. В душе мы хотим, чтобы по-прежнему была маленькая Академия, маленький мир, живущий сам по себе, внутри себя самого, как встарь — в дни несгибаемых героев и благородных святых, которые ушли навсегда.

— Ну и что?

— То самое. Ты на Селдон-Холл погляди. Начнем с того, что во времена первых кризисов, в дни правления Гардина существовал всего-навсего Склеп Селдона — маленькая аудитория, где появлялось голографическое изображение Селдона. И все. Теперь же это — грандиозный мавзолей. Но где тут силовое подъемное поле? Или спуск? Гравитационный лифт, на худой конец? Ничего нет — только эта лестница, и мы спускаемся

и поднимаемся по ней точно так же, как спускался и поднимался Гардин. В странные, непредсказуемые времена мы в страхе цепляемся за прошлое.

Он страстно взмахнул рукой.

— Попробуй отыскать в постройке хоть какие-то признаки наличия металлов! Нет их. И тут быть их не может, потому что во времена Гардина здесь не было ни крошки природных металлов, да и импорт был с гулькин нос. Нет, когда воздвигли этот колосс, раздобыли где-то старинный пластик, порозовевший от времени, чтобы гости из других миров могли всплеснуть руками и воскликнуть: «Ах, какой чудный, восхитительный старинный пластик!» Говорю тебе, Компор, это чистейшей воды самообман.

— Значит, именно в это ты не веришь? В Селдон-Холл?

— И во все его содержимое, — яростным шепотом проговорил Тревайз. — Действительно — не верю в то, что мы обязаны таиться здесь, на краю Галактики, только потому, что так жили наши предки. Я считаю, что мы должны быть там, в центре, в сердцевине!

— Но сам Селдон перечит тебе. План Селдона выполняется и должен выполняться.

— Знаю! Знаю! Каждый младенец на Терминусе с колыбели верит в то, что Гэри Селдон придумал План, что он все предвидел и предсказал пятьсот лет назад, что все наши кризисы предопределены, что его голографический образ будет являться нам всякий раз, как разрешится очередной кризис, и сообщать тот необходимый минимум информации, что поможет нам жить до следующего кризиса, и, таким образом, План проведет нас через тысячелетие, по истечении которого мы сможем без хлопот создать Вторую, Великую Галактическую Империю на руинах старой, погибшей формации, распад которой во всей красе начался пять веков назад и два века назад благополучно завершился.

— Мне-то зачем рассказываешь все это, Голан?

— Затем, чтобы ты понял, что все это — притворство и самообман. Все — обман. Вернее, это стало обманом **теперь**! Мы сами себе не хозяева. Это не **мы** выполняем План.

Компор более внимательно взглянул на приятеля.

— Слыхал от тебя и раньше подобные речи, Голан, но мне всегда казалось, что ты несешь околесицу только для того, что-

бы позлить, подразнить меня. Но теперь, черт подери, мне кажется, ты говоришь всерьез.

— Конечно, всерьез.

— Не может быть. Либо это какая-то чересчур забористая шутка, мне не понять, либо ты сошел с ума.

— Ни то ни другое, — возразил Тревайз, ставший вдруг совершенно спокойным, и сунул руки в любимую сумку — видимо, жестикуляция больше не требовалась ему для выражения эмоций. — Да, я подумывал обо всем этом и раньше, но все было на уровне интуиции. Сегодняшний же утренний фарс, однако, мне все прояснил окончательно. Ну а я, в свою очередь, намерен все объяснить Совету.

— Нет, — прошептал Компор, — ты действительно сошел с ума!

— Брось. Пошли послушаешь.

Они вместе пошли вниз по лестнице. Только они двое там и остались — остальные давно ушли. И когда Тревайз немного обогнал приятеля, губы Компора дрогнули и он беззвучно проговорил, глядя в спину Тревайза:

— Дурак!

2

Мэр Харла Бранно открыла заседание Исполнительного Совета, призвав собравшихся к порядку. Взгляд ее без видимого интереса скользил по лицам Советников, однако никто ни на мгновение не сомневался, что она отметила для себя, кто присутствует, а кто запаздывает.

Ее седые волосы были тщательно уложены в прическу, которая не была выраженно женственной, но все же не напоминала мужскую стрижку. Ее прическа — не более того. Лицо ее красотой не блистало, но, собственно говоря, никому и в голову не приходило подумать об этом.

Харла Бранно была выдающимся руководителем. Конечно, ей было далеко до блистательности Сальвора Гардина или Хобера Мэллоу, чьи жизненный путь и карьера стали символами первых двух столетий существования Академии, но никто не посмел бы обвинить ее в непроходимой тупости представителей династии Индбуров — правителей Академии во времена перед воцарением Мула.

Ораторские способности ее не потрясали слушателей, не слыла она и прирожденной актрисой, но зато обладала талантом принимать хладнокровные, продуманные решения и придерживаться их, покуда она сама верила, что права. Так, не обладая ни одним из перечисленных дарований, она умела заставить тех, кто голосовал за принятие решений, поверить, что они непогрешимы.

Исходя из доктрины Селдона, историческим переменам противостоять крайне трудно (правда, всегда существует элемент непредсказуемости, о котором предпочитают забывать большинство селдонистов, несмотря на головокружительный инцидент с Мулом), и Академия могла сохранить свою столицу на Терминусе при любых условиях. Именно «могла», однако Селдон, только что явившийся в обличье пятисотлетней давности, объявил, что вероятность сохранения столицы на Терминусе составляла восемьдесят семь и две десятые процента.

Так что даже селдонисты были вынуждены признать — вероятность переноса столицы в некое другое место, поближе к центру Федерации Академии, с исходящими из этого малоприятными последствиями, составляла двенадцать и восемь десятых процента. Об этих последствиях Селдон также упомянул. И то, что этот вариант не прошел, целиком и полностью явилось заслугой Мэра Бранно.

Она упорно боролась, доказывая свою точку зрения; пережив времена серьезной непопулярности, она продолжала стоять на своем: Терминус должен, обязан оставаться традиционным местом резиденции правительства Академии. Политические враги Мэра старались на все лады высмеять ее: в газетах то и дело мелькали карикатуры, на которых весьма выразительно красовалась ее тяжеловатая нижняя челюсть (а она таки была тяжеловата, что правда, то правда), а кое-кто изображал Мэра в виде неприступного гранитного утеса.

Но теперь сам Селдон подтвердил ее правоту, и как минимум на время это давало ей значительное политическое преимущество. Поговаривали, что она якобы год назад обмолвилась о том, что в случае одобрения Селдоном ее действий во время его грядущего явления она будет считать, что задачу свою выполнила, уйдет в отставку и станет внештатным консультантом правительства — устала, дескать, рисковать, сражаться и гадать, чем кончится очередная политическая драка.

Мало кто в это поверил. Никакие политические баталии ей не были страшны — в их сумятице она чувствовала себя как рыба в воде — это была ее стихия. Теперь же, когда Селдон явился и сказал то, что сказал, она, похоже, и думать забыла о своей отставке.

Мэр начала свою речь хорошо поставленным голосом, с откровенным акцентом Академии (она одно время служила послом в Мандрессе, но так и не переняла староимперского выговора, что был сейчас в таком фаворе — наглядный пример проимперских настроений во внутренних провинциях):

— Селдоновский кризис миновал, и согласно мудрой традиции не допускается никаких упреков по адресу тех, кто думал иначе, — ни словом, ни делом. Многие честные граждане полагали, что имеют веские причины хотеть того, чего не хотел Селдон. Несправедливо унижать их, заставляя публично признать величие Плана Селдона, дабы они образумились и обрели уважение к самим себе. Кроме того, существует не менее добрая традиция — те, кто поддерживал проигравшую сторону, должны принять поражение как данность и воздержаться от каких бы то ни было дальнейших обсуждений. Эта тема закрыта для обеих сторон навсегда.

Выдержав паузу, Мэр обвела взглядом лица Советников и продолжила:

— Минула половина срока, Советники, пройдена половина пути между двумя Империями — дорога длиной в пять столетий. Трудные были времена, но мы пережили их. На самом деле фактически мы уже стали Галактической Империей, и серьезных внешних врагов у нас нет. Период Межвластия мог бы тянуться тридцать тысячелетий, если бы не План Селдона. Случись так, могло бы оказаться, что некому было бы заняться воссозданием Империи. Разобщенные, гибнущие миры — вот все, что осталось бы к тому времени... Всем, что у нас есть сегодня, мы обязаны Гэри Селдону, его почившему гению мы обязаны тем, что, как мы все верим и надеемся, случится с нами в будущем. Следовательно, опасность, Советники, кроется в нас самих — теперь, с настоящего момента, просто не может быть никаких официальных сомнений в верности и ценности Плана. Давайте же теперь придем к согласию — пусть впредь более не звучат публично высказываемые критика, осуждения истинности Плана Селдона. Мы обязаны поддержать его целиком и полностью. За пять столетий он оправдал себя. В нем — безопасность и надежда человечества, и ни при каких условиях он не должен быть искажен. Согласны?

Советники ответили на ее вопрос тихим шепотком. Мэру вовсе не нужны были визуальные выражения согласия. Она досконально изучила всех членов Совета и знала, как отреагирует каждый. На гребне победы никаких возражений и быть не могло. Потом — может быть. Но не сейчас. Со всеми проблемами, что возникнут потом, она потом и разберется.

Итак, общее согласие... Но, как обычно...

— Запрет на высказывания, Мэр Бранно? — громко спросил Голан Тревайз, шагая по проходу. Место его, новоиспеченного Советника, находилось в задних рядах.

Бранно, не поднимая глаз, процедила сквозь зубы:

— Ваша точка зрения, Советник Тревайз?

— Моя точка зрения такова: правительство не имеет права накладывать вето на право свободного изложения мыслей. Моя точка зрения такова: все без исключения — а в первую голову Советники и Советницы, с этой целью избранные, — все имеют право обсуждать злободневные политические вопросы, и ни один политический вопрос не может быть решен в отрыве от Плана Селдона.

Мэр Бранно скрестила руки на груди и посмотрела на Тревайза.

— Советник Тревайз, — сказала она, не изменившись в лице, — вы вмешались в дебаты, нарушив повестку дня. Этого вам делать не следовало. Однако я позволила вам высказать вашу точку зрения и теперь отвечу вам... Никаких ограничений на свободное изложение своих мыслей в рамках Плана Селдона нет. Единственным ограничением является сам План, по его собственной природе. Можно как угодно интерпретировать события до того, как образ Селдона объявляет окончательное решение, но, после того как решение выслушано, в Совете оно более не оспаривается. Не принято его обсуждать и заранее — по типу: если Селдон скажет то-то и то-то, он будет не прав.

— Ну а если кто-то совершенно искренне так думает, Мэр Бранно?

— В таком случае этот кто-то имеет право на высказывание своего личного мнения в частной беседе.

— Следовательно, все ограничения на свободное выражение мыслей относятся исключительно к членам правительства?

— Именно так, и это отнюдь не новый принцип в законах

Академии. Его применяли все Мэры в прошлом, от какой бы партии ни выступали. Частная точка зрения ровным счетом ничего не меняет, а вот официальное выступление всегда весомо, а порой и опасно. Сейчас нам не стоит рисковать.

— Позвольте заметить, Госпожа Мэр, что упомянутый вами принцип применялся не так уж часто, да и то по отношению к весьма специфическим действиям со стороны Совета. Никогда и никто не пользовался им в отношении чего-либо столь глобального и безупречного, как План Селдона.

— План Селдона более всего нуждается в защите. Его осуждение может оказаться фатальным.

— А вам не кажется, Мэр Бранно, — произнося эти слова, Тревайз развернулся и обратился ко всем членам Совета, которые, затаив дыхание, ожидали окончания дуэли, — а вам, уважаемые члены Совета, не кажется, что есть все причины предположить, что никакого Плана Селдона вообще не существует?

— Однако все мы сегодня видели его в действии, — возразила Бранно, говоря тем более хладнокровно, чем сильнее распалялся Тревайз.

— Вот именно потому, что все мы видели его сегодня в действии, Советники и Советницы, мы и должны сделать вывод о том, что того Плана Селдона, в который нас приучили верить, не существует.

— Советник Тревайз, вы нарушаете порядок заседания. Я лишаю вас слова.

— Я располагаю официальными привилегиями, Мэр.

— Отныне вы лишены этих привилегий, Советник.

— Вы не имеете никакого права лишать меня привилегий. Ваше заявление об ограничении свободы на высказывание взглядов не может носить характер закона. Формального голосования в Совете по этому поводу не было, Мэр, да если бы и было, я бы первым оспорил легальность такого закона.

— Лишение вас привилегий, Советник, не имеет ничего общего с моим заявлением относительно необходимости защиты Плана Селдона.

— Чем же оно в таком случае вызвано?

— Вы обвиняетесь в измене, Советник. Мне бы хотелось склонить Совет к милосердию и просить, чтобы ваш арест не был произведен в зале Заседаний, но за дверью вас ожидают представители Службы Безопасности, которые сопроводят вас в место заключения, как только вы покинете зал. Теперь я попрошу вас спокойно удалиться. Если вы совершите какой-либо опрометчивый поступок, мне, к великому сожалению, придется счесть ваше поведение опасным и пригласить представителей Службы Безопасности войти в зал Заседаний. Искренне надеюсь, что этого не потребуется.

Тревайз нахмурился. В зале стояло гробовое молчание. (Неужели все ожидали этого — кроме него самого и Компора?) Он непроизвольно оглянулся на входные двери. Они были закрыты, но он ни на йоту не сомневался, что Мэр Бранно не пошутила.

— Я представляю влиятельную фракцию! — возмущенно воскликнул он.

— Что ж, я искренне сочувствую тем, кто выдвинул вас в Совет. Они будут весьма разочарованы.

— И на каком же основании мне выносится такое нелепое обвинение?

— Обвинение будет предъявлено вам в положенный срок, но не сомневайтесь, оснований для этого у нас вполне достаточно. Вы славитесь легкомыслием, молодой человек, но постарайтесь понять: кое-кто здесь может быть вашим другом, но при этом вовсе не жаждет последовать вместе с вами за решетку.

Тревайз резко обернулся и встретился с непроницаемым взглядом голубых глаз Компора.

Мэр Бранно спокойно проговорила:

— Призываю всех в свидетели, Советники: после моего заявления Советник Тревайз обернулся и посмотрел на Советника Компора. Ну, так вы покинете зал, Советник, или вынудите нас на неприятную процедуру произведения вашего ареста в помещении зала Заседаний?

Голан Тревайз медленно повернулся на каблуках, медленно взошел по ступеням лестницы. У дверей его крепко взяли под руки двое вооруженных до зубов охранников.

А Харла Бранно, проводив его бесстрастным взглядом, одними губами проговорила:

— Дурак!

3

Лайоно Коделл занимал пост Директора Службы Безопасности все то время, пока правила Мэр Бранно. «Работенка не пыльная», — любил поговаривать он, но врал или нет — этого

никому знать было не дано. Нет-нет, на вруна он нисколько не походил — но это опять-таки ничего не значило.

И внешность Коделла, и манера себя вести прямо-таки излучали дружелюбие и мягкость. Очень может быть, что это как нельзя лучше помогало его работе. Рост у него был ниже среднего, вес — гораздо выше среднего. Он носил густые, кустистые усы (исключительная редкость для жителя Терминуса), на вид скорее белесые, чем седые. Очень красили его живые, ярко-карие глаза. Нагрудный карман его блеклой униформы украшала яркая нашивка.

— Присаживайтесь, Тревайз, — сказал он. — Давайте постараемся удержаться в рамках дружеской беседы, если получится.

— Дружеская беседа? С изменником?

Тревайз решительно сунул руки в прорези сумки и не откликнулся на предложение садиться.

— С **обвиняемым** в измене. Мы пока еще не дожили до времен, когда обвинение, высказанное даже Мэром, становится эквивалентом приговора. И надеюсь, никогда не доживем. Мое дело — поговорить с вами и все выяснить. С гораздо большим удовольствием я бы сделал это сейчас, пока не приключилось серьезной беды и пока, кроме вашего самолюбия, ничто не пострадало. Честное слово, мне гораздо приятнее побеседовать с вами с глазу на глаз, чем доводить дело до открытого судебного процесса. Надеюсь, вас это тоже больше устраивает.

Тревайз не клюнул.

— Знаете что? Давайте не будем в игрушки играть. Ваше дело — обходиться со мной так, как будто я и **есть** изменник. Поскольку я сам считаю, что это не так, я смиряюсь с необходимостью доказать это вам, чтобы вы остались довольны. А чтобы и я остался доволен, придерживайтесь рамок лояльности. Идет?

— В принципе — никаких возражений. Печальный факт, однако, заключается в том, что на моей стороне — сила, а на вашей ее нет. Поэтому вопросы тут буду задавать я, а не вы. Если, не дай бог, на меня падет подозрение в измене, я, скорее всего, потеряю свой пост, и допрашивать меня будет кто-то другой. И я искренне надеюсь, что он со мной обойдется не хуже, чем я с вами.

— И как же вы намерены со мной обойтись?

— Полагаю — как с другом, как с равным, если вы отплатите мне тем же.

— Может, еще и выпить дадите? — язвительно усмехнулся Тревайз.

— Отчего же? Можно и выпить, только попозже, а пока садитесь. Прошу, как друга.

Тревайз немного помедлил и сел. Дальнейшие препирательства внезапно показались ему бесполезными.

— Ну и что теперь?

— Теперь позвольте поинтересоваться: готовы ли вы отвечать на мои вопросы честно, ничего не утаивая, без уклонений?

— А если — нет? Что мне грозит в таком случае? Психозондирование?

— Надеюсь, нет.

— Я тоже на это надеюсь. Вы должны понимать, что это — не для Советника. Психозондирование никакой измены с моей стороны не выявит, и, когда я буду оправдан, я получу вашу политическую голову и голову Мэра в придачу. Так что, знаете, в какой-то степени для меня даже лучше было бы, если бы пошли на психозондирование.

Коделл нахмурился и слегка покачал головой:

— О нет. Нет. Что вы! Слишком велик риск поражения мозга. После этого порой слишком долго оправляются, вам это совершенно ни к чему. Вы же знаете — стоит применить психозондирование, когда обследуемый в раздраженном состоянии, и...

— Это угроза, Коделл?

— Констатация факта, Тревайз. Не извращайте смысла моих слов, Советник. Если я вынужден буду прибегнуть к психозондированию, я сделаю это, и, даже если вы окажетесь невиновны, я вам не завидую.

— Что вы хотите узнать?

Коделл нажал кнопку на крышке стола.

— Все, что я у вас спрошу, и все, что вы мне ответите, будет записано и визуально, и вербально. Я не хочу от вас никаких добровольных признаний, но также не желаю, чтобы вы что-то утаили от меня. Надеюсь, вы меня понимаете.

— Понимаю я только то, что вы будете записывать исключительно то, что вам нужно, — убежденно ответил Тревайз.

— Это верно, но опять-таки не выворачивайте мои слова наизнанку. Я не извращу ничего из сказанного вами. Я этим либо воспользуюсь, либо нет. Но вы будете знать, чем именно я не воспользуюсь. Тем самым мы сбережем и ваше время, и мое.

— Посмотрим.

— У нас есть причины полагать, Советник Тревайз, — нотки официоза в голосе Коделла показали, что запись пошла, — что вы не раз открыто утверждали, будто Плана Селдона не существует.

Тревайз медленно, покачиваясь на стуле, проговорил:

— Ну, если об этом я говорил открыто и не раз — чего же вам еще?

— Давайте не будем тратить время на препирательства, Советник. Поймите, мне нужны ответы, произнесенные вашим собственным голосом. Полученная запись будет исследована в сравнении с эталоном вашего голоса в состоянии, когда вы полностью отвечаете за сказанные слова.

— Понятно. Видимо, применение гипноза, химических препаратов или того и другого вместе исказило бы звучание моего голоса?

— Да, и весьма значительно.

— А вам, конечно, безумно хочется показать, что вы не пользовались при допросе Советника нелегальными методами? Я вас в этом не обвиняю.

— Искренне рад. В таком случае продолжим, Советник. Вы не раз открыто заявляли, будто Плана Селдона не существует. Признаете вы это?

Тревайз ответил, старательно подбирая слова:

— Мое мнение таково: то, что мы привыкли именовать Планом Селдона, не имеет того значения, которое мы ему приписываем.

— Туманный ответ. Не будете ли любезны пояснить, что имеете в виду?

— Я считаю наивным общепринятое представление о том, что Гэри Селдон пятьсот лет назад, занимаясь разработкой математических основ психоистории, учел течение истории человечества до мельчайших деталей, о том, что мы идем по предначертанному пути от Первой Галактической Империи ко Второй по линии максимальной вероятности. Это невозможно.

— Хотите ли вы сказать, что, по вашему мнению, Гэри Селдона на самом деле никогда не было?

— Вовсе нет. Безусловно, он существовал.

— Может быть, вы хотите сказать, что он никогда не создавал психоисторической науки?

— Да нет же! Ничего подобного! Послушайте, Директор, если бы мне позволили, я бы все объяснил Совету. Могу объяснить и вам. Все так просто на самом деле...

Директор Службы Безопасности спокойно и откровенно отключил записывающее устройство.

Тревайз умолк и нахмурился:

— Зачем вы это сделали?

— Вы тратите мое время, Советник. Я не просил вас произносить речи.

— Но вы просили меня выразить мою точку зрения, не так ли?

— Не совсем. Я просил вас отвечать на вопросы — просто, прямо, без лишних подробностей. Отвечать **только** на вопросы и не добавлять ничего такого, о чем у вас не спрашивают. Поступайте так, и тогда наша беседа не займет много времени.

— Хотите выудить у меня заявления, которые помогут вам состряпать официальную версию моей предполагаемой измены?

— Наше единственное желание — получить от вас честные ответы. Уверяю вас, извращать их никто не собирается. Прошу вас, давайте попробуем сначала. Мы говорили о Гэри Селдоне.

Коделл включил записывающее устройство и методично повторил вопрос:

— Может быть, вы хотите сказать, что он никогда не создавал психоисторической науки?

— Несомненно, он создал науку, именуемую нами психоисторией, — отвечал Тревайз, безуспешно пытаясь взять себя в руки.

— Как бы вы определили ее сущность?

— Обычно, — отвечал Тревайз, стараясь не скрипеть зубами, — ее определяют как отрасль математики, оперирующую понятиями, описывающими общие реакции больших групп людей на заданные стимулы при заданных условиях. Другими словами, предполагается, что с ее помощью можно прогнозировать социальные и исторические перемены.

— Вы сказали «предполагается». Ваши сомнения основаны на математической экспертизе?

— Нет, — усмехнулся Тревайз. — Я не психоисторик. Как, впрочем, и ни один из членов правительства Академии, и ни один из граждан Терминуса, и ни один из...

Рука Коделла приподнялась над столом.

— Советник, прошу вас, — укоризненно проговорил он, и Тревайз умолк.

Коделл перешел к следующему вопросу:

— Есть ли у вас причина утверждать, что Гэри Селдон не произвел должного объема исследований, в которых были бы учтены с наибольшей точностью все факторы максимальной вероятности и минимальной длительности пути от Первой Империи до Второй под эгидой Академии?

— Меня там не было, — съязвил Тревайз. — Откуда мне знать?

— Так известно ли вам, что он этого не сделал?

— Нет.

— Может быть, вы отрицаете, что голографическое изображение Гэри Селдона, являвшееся во время ряда исторических кризисов за истекшие пятьсот лет, представляет собой подлинную видеозапись Гэри Селдона, сделанную в последний год его жизни?

— Нет, пожалуй, я этого не отрицаю.

— «Пожалуй» вы говорите. Как-то неточно. Не утверждаете ли вы, что это подделка, подмена, произведенная ранее или в более позднее время кем-то с какой-то целью?

— Нет, — вздохнул Тревайз, — я этого не утверждаю.

— Готовы ли вы признать, что речи, которые перед нами произносит Гэри Селдон, не сфабрикованы кем-то?

— Готов. У меня нет никаких причин подозревать какую бы то ни было фабрикацию. Не думаю, чтобы подобная подделка повлекла за собой что-либо существенно полезное, да и вообще не считаю такое возможным.

— Понятно. Вы были свидетелем последнего явления Селдона. Заметили ли вы, что анализ ситуации, проведенный им пятьсот лет назад, не совпал с реальными событиями наших дней довольно-таки точно?

— Совсем наоборот! — с неожиданным оживлением отозвался Тревайз. — Очень точно совпал!

Всплеск эмоций собеседника не вызвал у Коделла никакой реакции.

— И тем не менее, Советник, даже после явления Селдона вы продолжаете утверждать, что Плана Селдона не существует.

— Конечно, продолжаю. Я утверждаю, что его не существует, именно **потому**, что анализ был произведен настолько точно.

Коделл выключил записывающее устройство.

— Советник, — с упреком сказал он, — вы вынуждаете меня стереть ваш ответ. Я спросил вас о том, продолжаете ли вы придерживаться своего странного убеждения, а вы опять начинаете излагать мне его причины. Позвольте, я повторю вопрос: и тем не менее, Советник, даже после явления Селдона вы продолжаете утверждать, что Плана Селдона не существует?

— Откуда вам это известно? Вряд ли у вас была возможность побеседовать с моим приятелем Компором. Вероятно, он ваш осведомитель.

— Скажем так: мы догадались, Советник. Допустим, что на самом деле вы мне ответили: «Да, конечно». Если вы сами произнесете этот ответ без добавления отсебятины, мы покончим с этим вопросом.

— Да, конечно, — послушно, но не без сарказма произнес Тревайз.

— Отлично, — улыбнулся Коделл. — Сюда я вставлю «Да, конечно» из ваших ответов, которое будет звучать наиболее естественно. Благодарю вас, Советник.

Коделл выключил записывающее устройство.

— Это все? — удивленно спросил Тревайз.

— Все, что нам нужно.

— Ясно. Вам нужен набор вопросов и ответов, который вы сможете представить Терминусу и всей Федерации Академии, дабы показать, что я целиком и полностью принимаю легенду о Плане Селдона. Следовательно, любое отрицание или сомнение с моей стороны, высказанное впоследствии, выставит меня эксцентриком, а то и того хуже — просто безумцем.

— Более того, изменником в глазах большинства тех, кто понимает, как важен План для сохранения безопасности Академии. Возможно, мне и не придется обнародовать материалы нашей беседы, Советник Тревайз, если мы достигнем некоторого понимания. Но в случае необходимости, будьте уверены, мы проследим за тем, чтобы Федерация это услышала.

— Послушайте, сэр, — нахмурив брови, сказал Тревайз, — не хотелось бы считать вас тупицей, но неужели вам так-таки неинтересно то, что я собирался сказать на самом деле?

— Как человеку, почему же, очень даже интересно, и в более подходящий момент я бы вас с превеликим удовольствием

выслушал — с удовольствием, но не без здорового скепсиса. А как Директор Службы Безопасности я сейчас располагаю всеми необходимыми сведениями.

— Надеюсь, вы понимаете, что происшедшее ничего хорошего ни вам, ни Мэру не сулит?

— Как ни странно, у меня на этот счет противоположное мнение. Можете идти. В сопровождении охраны, как это ни прискорбно.

— Можно поинтересоваться, куда?

— До свидания, Советник, — широко улыбаясь, проговорил Коделл. — Вы, правда, не были откровенны до конца, но ожидать от вас этого было бы наивно.

Он протянул Тревайзу руку в знак прощания.

Тревайз на это проявление вежливости и дружелюбия никак не ответил. Он встал, расправил изнутри складки любимой сумки, вытащил руки и, прищурившись, отчеканил:

— Вы просто оттягиваете неизбежное. Так, как я думаю сейчас, могут думать и другие или станут так думать позднее. Посадите меня в тюрьму, казните — это вызовет удивление и только ускорит распространение подобных взглядов. Но в конце концов мы победим — истина и я.

Коделл отдернул протянутую руку и медленно покачал головой:

— Нет, Тревайз. Вы таки дурак.

4

Только к полуночи явились двое охранников, чтобы увести Тревайза из роскошных апартаментов Дирекции Службы Безопасности. Роскошных, но запертых на замок. Тюрьма она и есть тюрьма, как ни назови.

Четыре часа с лишним Тревайз чинил допрос самому себе, шагая из угла в угол комнаты и лишь изредка присаживаясь.

Как он мог довериться Компору!

А почему он должен был не доверять ему? Вроде бы тот был всегда согласен с ним... Нет, не то. Всегда не прочь был поспорить? Нет, опять не то. Просто Компор представлялся ему легко внушаемым человеком, начисто лишенным собственного взгляда на вещи, и Тревайз частенько наслаждался возможностью использовать его в качестве звукового стенда. Компор помогал

Тревайзу шлифовать собственные мнения и укрепляться в них. Он был удобен, и доверял ему Тревайз не по какой-либо другой причине, а только потому, что доверять Компору было удобно.

Теперь бесполезно было гадать, что он упустил и когда стоило приглядеться к Компору получше. Видимо, решил Тревайз, никогда нельзя изменять принципу: «Не доверяй никому».

Но как можно жить, не доверяя никому?

Мерзко, но деваться некуда.

Но кто бы мог представить, что Бранно решится на публичное изгнание Советника из зала Заседаний? Что ни один Советник пальцем не пошевелит, рта не раскроет, чтобы защитить его? Пусть они были не согласны с Тревайзом в глубине души, пусть они были готовы пролить свою кровь, до последней капли, на алтарь правоты Бранно, но, не защитив его, они же сами себя на веки вечные лишили стольких прав и привилегий! «Бранно Бронзовая» — так порой величали Мэра. Да, действовала она поистине с металлической жестокостью...

А вдруг она действует не по своей воле?

Нет! Так и до паранойи недалеко!

И все же, все же...

Навязчивая мысль на цыпочках вершила круги в его сознании и не уходила, никак не уходила... Вошли охранники.

— Вам придется проследовать с нами, Советник, — сообщил старший по званию (судя по знакам отличия, лейтенант) голосом вышколенного служаки. На правой щеке его был заметен небольшой шрам, и вид у него был бесконечно усталый. Казалось, он несет службу, не получая никакой отдачи — дело понятное, чего еще ждать от службы солдату, чей народ живет в мире и спокойствии больше века?

Тревайз не пошевелился.

— Ваше имя, лейтенант.

— Лейтенант Эвандер Сопеллор, Советник.

— Вы осознаете, что нарушаете закон, лейтенант Сопеллор? У вас нет права арестовывать Советника.

— У нас приказ, сэр.

— Это неважно. И быть такого не может. Вам не могут приказать арестовать Советника. Трибунала вы не боитесь?

— Мы не арестуем вас, Советник.

— Значит, я не обязан следовать с вами, так?

— Нам дан приказ сопроводить вас домой.

— Я знаю дорогу.

— Мы должны охранять вас по пути.

— От чего? От кого?

— Вокруг вас может собраться толпа.

— Толпа? В середине ночи?

— Потому мы и ждали полуночи, сэр. А теперь, сэр, ради вашей же безопасности прошу вас следовать с нами. Не хотелось бы угрожать вам, сэр, но я обязан сообщить вам, что в случае необходимости у нас есть право прибегнуть к применению силы.

Тревайз заметил у обоих охранников нейронные хлысты. Изо всех сил стараясь показаться равнодушным и не утратить достоинства, он встал со стула.

— Ну что ж, домой так домой, — сказал он как можно более небрежно. Хотя вполне может оказаться, что не домой, а в тюрьму.

— У нас нет инструкций обманывать вас, сэр, — возразил лейтенант с гордостью. Тревайз понял, что имеет дело с профессионалом, который и соврет только по приказу, но тогда уж ни выражение лица, ни интонация голоса его не выдадут.

— Прошу прощения, лейтенант, — извинился Тревайз. — Я вам верю.

На улице их ждал автомобиль.

Вокруг не было ни души. Какая толпа? Хотя, собственно, лейтенант никакой толпы не обещал. Он только сказал, что она может собраться.

Лейтенант теснил Тревайза к машине. Ни отойти в сторону, ни сделать резкое движение было невозможно. Скользнув в дверцу сразу же за Тревайзом, лейтенант захлопнул ее и уселся рядом с Советником.

Машина тронулась.

Не оборачиваясь, Тревайз спросил:

— Я полагаю, что, как только окажусь дома, имею право вести себя как мне заблагорассудится — уехать, к примеру?

— У нас нет инструкций каким-то образом мешать вам, Советник, но отныне мы обязаны охранять вас.

— Что сие означает?

— Я имею распоряжение сообщить вам, что, как только вы

окажетесь дома, вы не должны будете никуда выходить. Улица для вас небезопасна, а я отвечаю за вашу безопасность.

— Ясно. Домашний арест.

— Я не юрист, Советник. Не знаю, как это называется.

Лейтенант на Тревайза не смотрел — взгляд его был устремлен вперед, на дорогу, но локоть довольно чувствительно упирался в бок Советника, и при всем желании Тревайз не смог бы даже пошевелиться, чтобы лейтенант этого не заметил.

Автомобиль затормозил у маленького коттеджа Тревайза на окраине Флекснера. Ждать его дома было некому — нынешняя его подруга, Флавелла, устала от напряженной, беспорядочной жизни, которую ему, профессиональному политику и члену Совета, приходилось вести, и не так давно перебралась к себе.

— Могу я выйти? — спросил Тревайз.

— Я выйду первым, Советник. Мы проводим вас в дом.

— Печетесь о моей целости и сохранности?

— Да, сэр, — невозмутимо отозвался лейтенант.

За дверью их ожидали еще двое охранников. Снаружи казалось, что в доме темно, но, оказывается, окна были зашторены и горел ночник.

В первое мгновение Тревайз собрался было выразить возмущение, но тут же взял себя в руки — чего уж теперь возмущаться. Если собратья-Советники не смогли защитить его в зале Заседаний, то уж дом его тем более перестал быть его крепостью.

— Сколько же вас тут? Полк? — попытался пошутить Тревайз.

— Нет, Советник, — послышался в ответ твердый, уверенный голос. — Кроме тех, кого вы видите, только один человек — я, и жду вас уже очень долго.

В дверях гостиной стояла Харла Бранно, Мэр Терминуса.

— Нам пора побеседовать, не правда ли?

Тревайз не мог сдержать изумления:

— И весь этот маскарад для того, чтобы...

— Спокойно, Советник! — сказала Бранно тихо, но властно. — А вы, все четверо, пошли вон! Вон! Тут все будет в порядке. Марш отсюда!

Четверо охранников отсалютовали, развернулись на сто восемьдесят градусов и удалились. Тревайз и Бранно остались наедине.

Глава 2

МЭР

5

Последний час Бранно провела в напряженных раздумьях. Фактически она была виновна во взломе. Более того, она самым неконституционным образом нарушила иммунитет Советника. По суровым законам, принятым, когда миновали годы правления династии Индбуров и Мула, Мэр мог быть подвергнут импичменту за превышение полномочий.

Жаль, что это произошло в тот день, когда ей следовало бы быть непогрешимой.

«Ну да ладно. Это пройдет», — подумала она, раздраженно пошевелившись в кресле.

Первые два столетия существования Академии стали ее Золотым Веком, Эрой Героев — по крайней мере, так казалось теперь: кто знал, как жилось людям в то неспокойное время? Те годы дали Академии двух величайших героев — Сальвора Гардина и Хобера Мэллоу, полубогов, способных в славе поспорить с самим несравненным Гэри Селдоном. На этих трех китах покоилась не только легенда об Академии, но и ее истинная история.

Однако в те дни Академия была крошечным уязвимым миром, с колоссальным трудом удерживающим владычество над Четырьмя Королевствами, и не знала наверняка, насколько крепка десница Плана Селдона, надежно заслонившая ее от останков могущественной Галактической Империи.

И чем сильнее росло политическое и экономическое могущество Академии, тем менее значительными фигурами становились ее борцы и правители. О Латане Девересе почти позабыли. Если и вспоминали о нем, то лишь из-за его трагической гибели на невольничьих рудниках, а никак не по поводу ненужной, но героической схватки с Белом Риозом.

Да и сам Бел Риоз, величайший и наиболее титулованный из врагов Академии, ушел в небытие. Его заслонила тень Мула — единственного страшного врага, которому удалось разрушить План Селдона, покорить Академию и править ею. Он был Великим Врагом, но последним из Великих.

Мало вспоминали и о том, что победу над Мулом одержала женщина — Байта Дарелл и что сразилась она с ним в одиночку, без чьей-либо помощи и поддержки — и **План Селдона не был ей подспорьем.** Немногие помнили, что ее сын и внучка — Торан и Аркади Дарелл — победили Вторую Академию, после чего Академия, **Первая** Академия, стала единственной, вне всякой конкуренции.

Они, герои позднейших времен, героями не числились — пребывали в категории простых смертных. Помимо всего прочего, написанная Аркади Дарелл книга — биография ее бабушки — и вовсе превратила этот персонаж из исторического в литературный.

С тех пор героев не стало никаких, даже литературных. Калганская война была для Академии последним поводом для беспокойства, да и то весьма второстепенным. Два столетия ровного, спокойного, ничем не нарушаемого мира! За сто двадцать лет — всего-то пара царапинок на обшивке корабля!

Мир был прекрасен, более того, он был исключительно выгоден — с этим Бранно спорить не стала бы.

Академия не создала пока Второй Империи: согласно Плану Селдона, она находилась лишь на полпути к ней, но Федерация Академии держала под крепчайшим экономическим влиянием треть рассеянных по Галактике политических единиц, и даже там, где не в полной мере контролировала ситуацию, власть ее была велика. Мало осталось мест, где слова «я — гражданин Академии» не были бы встречены с подобающим уважением. Во всех миллионах обитаемых миров ни один правитель не мог сравниться с Мэром Терминуса. Этот титул существовал до сих пор, переходя по наследству от градоправителя крошечного поселения в затерянном на задворках цивилизации мире. Титул учредили пять веков назад, но никому до сих пор не приходило в голову изменить его или добавить к его звучанию хоть один лишний атом. Пожалуй, только громогласное звание Его Императорского Величества могло тягаться в величии со скромным титулом Мэра.

Так было везде, кроме самого Терминуса. Здесь власть Мэра была жестко ограничена. Еще не стерлась память об Индбурах. Но не их тиранию помнил народ, а то, что они покорились Мулу.

Теперь Терминусом правила она, Харла Бранно, могущественнейшая из лидеров Академии со времен кончины Мула, все-

го лишь пятая женщина, занимавшая этот высокий пост. И сегодня в ее жизни был единственный день, когда она могла полностью использовать свою власть и могущество.

Она вступила в схватку, чтобы доказать упрямой оппозиции, что права она, а не они, мечтавшие достичь престижа в Центре Галактики, стремящиеся к ауре имперского владычества, и выиграла бой!

Как долго ей приходилось сдерживать себя! «Еще рано», — то и дело твердила она. Поспешишь — людей насмешишь, нельзя торопиться выступать против Центра. Но явился Селдон и подтвердил справедливость ее собственных слов.

Это, хотя бы на время, сделало ее в глазах Академии такой же мудрой и прозорливой, как сам Селдон. Она знала — этого часа, что бы ни случилось потом, никто никогда не забудет.

Но надо же было, чтобы в такой, лучший из дней ее жизни этот сосунок, этот выскочка осмелился бросить ей вызов!

Вызов — ладно, но он осмелился быть прав!

Он был прав — опаснее быть не могло. Именно поэтому он мог погубить Академию.

Теперь он восседал перед ней.

— Ну разве вы не могли, — начала она укоризненно, — прийти ко мне лично? Неужели так необходимо было устраивать истерику в зале Заседаний, желая выставить меня в дурацком свете? Что вы наделали — вы, беспечный, сумасшедший мальчишка?

6

Тревайз понял, что вот-вот вспылит, но сдержался и промолчал. Неловко грубить женщине почти вдвое старше себя — в следующий день рождения Мэру исполнялось шестьдесят три.

Кроме того, Тревайз отлично знал, сколь опытна она в ведении политических дебатов и прекрасно понимает, что стоит вывести противника из равновесия в самом начале сражения — и он уже у нее в кармане. Но для пущей эффективности подобной тактики необходима была аудитория, в глазах которой противник был бы унижен. Аудитории не было. Он и она.

Так что он оставил без внимания сказанное ею и принялся как можно более бесстрастно ее разглядывать. Пожилая дама, одетая во что-то на редкость бесполое — такая одежда была теперь весьма популярна в Академии, но и этот наряд Мэру был совершенно не к лицу. Она, руководитель галактического масштаба (если тут уместно само понятие «руководитель», может ли быть руководитель у Галактики?), была самой обычной старухой — на самом деле ее легко было принять за старика, если бы ее седые волосы не были гладко зачесаны назад — мужчины предпочитали более фривольные прически.

Тревайз весело улыбнулся. Как бы престарелый оппонент ни старался заставить эпитет «мальчишка» звучать оскорбительно, адресат оскорбления располагал явными преимуществами в виде молодости и красоты и ни на минуту не забывал об этом.

— Что правда, то правда, — сказал он. — Мне тридцать два, и в каком-то смысле я мальчишка. А еще я Советник, то есть человек не от мира сего, по определению. Первое — неизбежность, а по поводу второго я искренне сожалею.

— Да вы понимаете, что натворили? Прекратите упражняться в остроумии. Садитесь. Будьте любезны сосредоточиться и отвечайте на мои вопросы серьезно.

— Я понимаю, что натворил. Я сказал правду, сказал то, что думаю.

— И в такой день вы надеялись попасть в цель? В тот самый день, когда престиж мой настолько высок, что я смогла запросто вышвырнуть вас из зала Заседаний, и даже никто не пикнул?

— Пикнут еще, успеется. Образумятся, начнут дышать ровнее и пикнут. Будет протест. Может быть, он уже зреет сейчас. Уверяю вас, ко мне еще сильнее прислушаются после ваших драконовских издевательств надо мной.

— Никто к вам не прислушается. Если мне кажется, что вы будете продолжать заниматься тем, чем занимались, в моих глазах и глазах всех вы по-прежнему останетесь изменником.

— Тогда я должен буду предстать перед судом. А в суде праздник будет на моей улице.

— Не рассчитывайте на это. Чрезвычайные полномочия Мэра безграничны, хотя прибегают к ним редко.

— На каком же основании вы прибегнете к использованию чрезвычайных полномочий?

— Найду основание. Придумаю, изобрету. Не волнуйтесь, у меня достанет воображения, чтобы рискнуть. Не заводите меня, молодой человек. Либо мы сейчас здесь придем к согласию, либо вы никогда больше не будете разгуливать на свободе. Ос-

таток своей жизни вы проведете за решеткой. Это я вам гарантирую.

Они не сводили глаз друг с друга. Серо-стальные глаза Бранно, казалось, видели собеседника насквозь. А взгляд светло-карих глаз Тревайза был язвителен и саркастичен.

— Какого рода согласие вы предлагаете, Мэр?

— Ага. Вам любопытно. Так-то лучше. Следовательно, вместо перепалки займемся разговором. Итак, ваше мнение.

— Вам оно прекрасно известно. Я так понимаю, что вместе с Советником Компором вы уже успели основательно покопаться в моем грязном белье.

— Я хочу все услышать из ваших уст — в свете только что разрешившегося кризиса Селдона.

— Что ж, отлично, если вы этого хотите, Госпожа Мэр! (Чуть было не сорвалось с языка «старуха».) Образ Селдона был просто потрясающе точен. Поразительно, невообразимо точен — а ведь прошло уже пять веков. Насколько мне известно, это его восьмое по счету явление. В ряде случаев во время явлений в Склепе никого не было. Но как минимум однажды, во времена правления Индбура III, он наговорил такого, что было ох как далеко от реальности. Правда, тогда появился Мул. Но когда, когда еще он был настолько точен, как сегодня? — Тревайз усмехнулся и сам себе ответил: — Никогда, Госпожа Мэр, на нашей памяти Селдону не удавалось так четко, до мельчайших подробностей обрисовать ситуацию.

— Вы что, хотите сказать, что нынешнее явление Селдона было спектаклем? Что кто-то придумал ему текст роли — я, к примеру, и какой-то актер сыграл ее?

— Это не так уж невозможно, Госпожа Мэр, но я этого сказать не хотел. Правда гораздо более горька. Я верю, что мы видим истинный образ Селдона, что описание нынешней исторической ситуации есть то самое, что он подготовил пятьсот лет назад. То же самое я сказал вашему приспешнику, Коделлу. Надо сказать, дока он в ведении допросов. Так ловко все обстряпал, что теперь, похоже, не найдется в Академии большего тупицы, чем я.

— Да. Запись вашего допроса в случае необходимости будет использована, чтобы Академия могла убедиться, что вы на самом деле никогда не были оппозиционером.

— Ну, это уж вы извините! — Тревайз театрально развел руками. — Оппозиционер я и оппозиционером останусь. Плана

Селдона не существует, заявляю я вам, — не существует в том смысле, в каком мы привыкли его воспринимать, верить в него, — его не существует по меньшей мере уже два столетия. Я уже не первый год подозревал это, и то, что мы выслушали сегодня в Склепе, только подтвердило мои подозрения.

— Потому что Селдон оказался прав? Настолько прав?

— Именно. И не улыбайтесь. Это железное доказательство.

— А я не улыбаюсь. Я вас слушаю. Продолжайте.

— Но откуда взялась такая точность? Ведь два века назад анализ Селдоном тогдашней ситуации оказался в корне ошибочным! Тогда минуло триста лет после основания Академии, а он уже успел так ошибиться. То есть напрочь ошибиться!

— Это, Советник, вы сами только что прекрасно объяснили. Все из-за Мула. Мул был мутантом с интенсивнейшим ментальным полем и в Плане никак не мог быть предусмотрен.

— Но он, как бы то ни было, существовал — можно это было предусмотреть или нельзя. План был разрушен. Мул правил недолго, наследников у него, слава богу, не было. Академия восстановила свою независимость и влияние, но вот как мог План Селдона вернуться на круги своя, как можно было заштопать в нем эту громадную дырищу?

Бранно нахмурилась и сжала кулаки.

— Ответ вам известен. Мы были одной из двух Академий. Вы читали учебники истории?

— Читал. Еще я читал принадлежащее перу Аркади Дарелл жизнеописание ее бабки — эта книжка была в школьной программе, но я читал и ее роман. Знакомы мне и разнообразные воззрения на историю Мула, высказанные в более поздние времена. Имею я право на сомнения?

— Какого рода сомнения?

— По официальной версии, мы, Первая Академия, призваны были сохранить знания в области физики и расширить их. Мы должны были существовать явно, открыто, а наше историческое развитие происходило — неважно, знали мы об этом или нет, — по Плану Селдона. Однако существовала и Вторая Академия, задача которой заключалась в сохранении и развитии психологических наук — психоистории, в частности, — и их существование должно было оставаться тайной даже для нас. Вторая Академия была хранителем и проводником Плана, она

управляла течением истории Галактики, следила за тем, чтобы никто не сворачивал с дорог, Планом предначертанных.

— Ну вот, вы сами себе отвечаете, — сказала Мэр. — Байта Дарелл подставила Мулу подножку — скорее всего, это было сделано ею под вдохновляющим началом Второй Академии, хотя внучка утверждает, что это не так. Но несомненно другое: именно Вторая Академия разработала мероприятия по возвращению истории на стезю Плана после смерти Мула, и, очевидно, она добилась успеха. Так о чем же вы толкуете, Советник?

— Госпожа Мэр, если мы оттолкнемся от того, что написано у Аркади, мы убедимся, что Вторая Академия, предпринимая попытки коррекции истории Галактики, хранила План в жесточайшем секрете — эти попытки могли дорого им обойтись: они утратили бы инкогнито. Первая Академия жила, развивалась и не смогла бы жить дальше, сознавая, что ею кто-то манипулирует, что кто-то направляет все ее действия. Поэтому мы решили найти Вторую Академию и уничтожить ее.

Бранно кивнула:

— И преуспели в этом, судя по тому, что пишет Аркади Дарелл. Но случилось это никак не ранее, чем тогда, когда Вторая Академия уже успела вернуть поток истории в нужное русло, измененное Мулом. И с тех пор он течет по этому руслу.

— Вы верите в это? В книге написано, что Вторая Академия была обнаружена и что с некоторыми ее сотрудниками расправились. Было это в триста семьдесят восьмом году эры Академии, то бишь сто двадцать лет назад. Пять поколений успело родиться на свет с тех пор, как мы вроде бы существуем в одиночку, без Второй Академии. И тем не менее остались так близки к Плану, что и вы, и образ Селдона сказали практически одно и то же!

— Это можно объяснить моей исторической прозорливостью.

— Прошу прощения. В вашей прозорливости у меня лично нет никаких сомнений, однако более очевидным мне представляется другое объяснение. Я полагаю, что Вторая Академия не была уничтожена. Она до сих пор управляет нами. Мы до сих пор в ее руках. Только поэтому мы и вернулись на стезю Плана Селдона.

7

Трудно сказать, шокировало ли Мэра это заявление. Виду она, по крайней мере, не подала.

Час пополуночи — время позднее, и ей отчаянно хотелось поскорее покончить с этим разговором, но торопить события она не могла. Этого юнца следовало обыграть, и нельзя было позволить ему раньше времени порвать финишную ленточку. Пусть сначала сослужит ей службу, а потом от него можно будет избавиться.

— Правда? — Бранно скептически вздернула брови. — Вы утверждаете, следовательно, что повествование о Калганской войне и победе над Второй Академией — вранье? Чепуха? Досужий вымысел?

Тревайз пожал плечами:

— Почему? Совсем не обязательно. Не об этом речь. Предположим, что рассказ Аркади совершенно достоверен, настолько, насколько она имела представление о ходе событий. Предположим, все происходило именно так, как пишет Аркади: логово Второй Академии было обнаружено и ликвидировано. Но как можем мы с уверенностью заявлять, что уничтожили их всех, до последнего? Вторая Академия манипулировала всей Галактикой, не только Терминусом и Академией. Она заботилась не только о существовании нашего столичного мира, не только всей нашей Федерации. На тысячу парсеков отсюда, а то и больше наверняка трудились другие представители Второй Академии. Как же можно утверждать, что мы избавились ото всех до единого?

Если это так, то что толку в нашей победе? Что толку было во всех завоеваниях Мула? Да, он захватил Терминус и все миры, которые Терминус контролировал, но Миры Независимых Торговцев продолжали сражаться. Он покорил Миры Независимых Торговцев, но остались трое беженцев — Эблинг Мис, Байта Дарелл и ее муж. Оба мужчины были у Мула в руках, и только Байту Дарелл он пощадил — если верить Аркади — исключительно из сентиментальных побуждений. Но этого оказалось достаточно. У одной только Байты была возможность вести себя так, как она хотела, и благодаря ее действиям Мулу не удалось определить местонахождение Второй Академии — это стало началом его поражения.

Один-единственный человек остался нетронутым, и все было кончено! Так насколько же важна, оказывается, роль одного-единственного человека, несмотря на то что все взахлеб орут, будто в рамках Селдона индивидуум — ноль без палочки, а массы решают все.

Ну а если мы оставили в живых не одного-единственного представителя Второй Академии, а несколько десятков, что тогда? Что мешало им собраться вместе, объединить усилия, воссоздать и приумножить свои сокровища, возобновить свою деятельность, увеличить число сотрудников за счет обучения и тренировки и снова повести нас за руку?

— И вы верите этому? — угрюмо спросила Бранно.

— Я в этом уверен.

— Но зачем им это, скажите на милость, Советник? Зачем тем жалким останкам, что выжили, пытаться продолжать деятельность, которую никто в Галактике не приветствует? Что побуждает их удерживать Галактику на пути ко Второй Галактической Империи? Даже если эта жалкая горстка людей так жаждет этого, нам-то что за дело? Работают — и ладно. Разве не в наших интересах оставаться на пути Плана? Разве не стоит сердечно поблагодарить их за то, что они заботятся о нас — пекутся, чтобы мы не сбились с пути, не заблудились?

Тревайз устало потер рукой глаза. Хоть он и был моложе, походило, что из двоих он устал больше.

— Просто не верится, — сказал он, глядя на Мэра в упор. — Неужели вы сохраняете иллюзию, будто Вторая Академия все это делает для *нас?* Думаете, они идеалисты? Как вы, профессиональный политик, собаку съевший в вопросах практики применения власти, управления, можете думать, что они делают это не для себя?.. Мы — лезвие бритвы. Мы — сила, тягач. Мы трудимся, истекаем потом и кровью, стонем и рыдаем. А они? Они вертят ручки туда-сюда, там-сям замыкают контакты — с легкостью и без всякого риска для себя. А потом, когда все будет сделано, когда минет тысяча лет борьбы и страданий и мы создадим Вторую Галактическую Империю, они въедут в нее на наших согбенных плечах как правящая элита.

— Надо понимать, вы хотите уничтожить Вторую Академию? — спросила Бранно. — На полпути ко Второй Империи взять все на себя, чтобы правящей элитой стали мы. Так?

— Конечно! Конечно! Разве вы не хотите того же самого? Вы и я — мы не доживем, не увидим этого, но у вас есть внуки,

надеюсь, в один прекрасный день они будут и у меня. А у них, в свою очередь, тоже будут внуки. Я хочу, чтобы они вкусили плоды наших трудов, я хочу, чтобы источник этих плодов они видели в нас, и благодарили, и славили нас за это. Я не хочу, чтобы все свелось к жизни в рамках предопределения и конспирации, воздвигнутых Селдоном, — он не мой герой. Поверьте, он может быть гораздо более опасным, чем Мул, — если мы позволим Плану продолжать осуществляться. Ей-богу, я бы предпочел, чтобы Мул **на самом деле** разрушил План до основания — во веки веков! Мула мы бы пережили. В конце концов он оказался весьма и весьма смертен. А вот Вторая Академия, похоже, вечна.

— Но вы хотели бы ее уничтожить?

— Если бы я знал *как!*

— Ну, если вы не знаете *как,* не кажется ли вам вероятным, что они запросто могут уничтожить вас?

Тревайз прищурился:

— Знаете, честно говоря, у меня было подозрение, что даже вы находитесь под их контролем. Вы так точно предвидели все, что скажет Селдон, а потом так круто обошлись со мной — ведь все это могло быть спровоцировано Второй Академией. Вы могли служить пустым сосудом, в который заглянула Вторая Академия и наполнила ее содержимым по своему усмотрению.

— Почему же вы тогда со мной так разговариваете?

— Потому что, если бы вами манипулировала Вторая Академия, я бы так или иначе проиграл — даже если бы не выразил своего негодования вслух. Поэтому я на всякий случай сделал ставку на то, что вы вовсе не под их контролем, а просто, прошу прощения, не ведаете, что творите.

— Ставку вы сделали верно, — кивнула Бранно, — и выиграли. Ни под чьим контролем я не нахожусь, кроме своего собственного. Но в любом случае, как вы можете быть уверены, что я вам не лгу? Будучи под контролем Второй Академии, разве я бы призналась в этом? Да и знала бы я сама, что «обработана»? Однако подобные вопросы лишены всякого смысла. Я считаю, что я не под контролем, и вам остается одно — поверить в это. Тем не менее давайте обсудим кое-что. Если Вторая Академия существует, несомненно, она должна быть убеждена, что никто в Галактике о ее существовании не догадывается. План Селдона только тогда работает на все сто, когда мы, марионетки, не знаем о том, каким образом он работает, каким способом нами ма-

нипулируют. Именно потому, что Мул привлек внимание Первой Академии к проблеме возможности существования Второй, она и была разбита во времена Аркади. Видимо, следовало добавить «вероятно» — так, Советник?.. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, резонно предположить, что к откровенным вмешательствам представители Второй Академии прибегают крайне редко — так редко, как только могут. Вряд ли они в таких условиях способны захватить власть над нами целиком и полностью. Все имеет свои ограничения — и деятельность Второй Академии тоже. Покорить некоторых, а остальным позволить гадать над свершившимся фактом — такое вызвало бы серьезные искажения в Плане. Вывод таков: их вмешательство настолько деликатно, косвенно и редко, что, следовательно, я не «обработана». Так же, как и вы.

— Первый вывод я готов принять, но, скорее всего, потому, что мне хотелось бы так думать. А второй?

— Он гораздо более прост и намного более неизбежен. Если Вторая Академия существует и намерена охранять тайну своего существования, только об одном можно судить наверняка: всякий, кто думает, что она жива и здорова и вопит об этом на всю Галактику, должен быть каким-то тихим и ненавязчивым способом удален со сцены, как можно скорее стерт с лица истории. Вам такой вывод не напрашивался?

— И поэтому вы взяли меня под стражу, Госпожа Мэр? Чтобы защитить меня от Второй Академии?

— В каком-то смысле. До некоторой степени. Произведенная Лайоно Коделлом подробная запись ваших высказываний будет обнародована не только для того, чтобы оградить народ Терминуса и всей Академии от вашей пустой болтовни, но и для того, чтобы не тревожить лишний раз Вторую Академию. Не хотелось бы привлекать к вашей персоне ее внимание, если она существует.

— Ну надо же, — иронично отозвался Тревайз. — За что же такая честь? Не за красивые же глаза?

Бранно поерзала в кресле и неожиданно тихо рассмеялась.

— Я еще не так стара, Советник, — сказала она, — чтобы не замечать, что у вас действительно красивые глаза. Лет тридцать назад это, пожалуй, было бы более веским мотивом. Сейчас, уверяю вас, я бы пальцем не пошевелила, чтобы сберечь ваши прекрасные глазки, да и все остальное. Но если Вторая Академия существует и вы ухитритесь привлечь к себе ее внимание,

они на вас не остановятся. Тогда в опасности будет и моя жизнь, и жизнь других людей — поумнее вас и подостойнее. Тогда под угрозой окажутся все намеченные нами планы.

— Вот как? Значит, вы тоже верите, что Вторая Академия существует? Видимо, верите, раз так боитесь ее.

Тяжелая рука Бранно опустилась на столик.

— Конечно, верю, законченный вы идиот! Если бы я не знала, что Вторая Академия существует, если бы я не боролась с ними так упорно и успешно, было ли бы мне хоть какое-то дело до вашей болтовни? Если бы ее не было, озаботило бы меня хоть на мизинец то, что вы утверждаете, будто она существует? Еще пару месяцев назад, когда вы принялись принародно произносить свои спичи, я хотела попросить вас заткнуться, но тогда я просто не могла позволить себе так резко обойтись с Советником. Явление Селдона выставило меня в наилучшем свете и дало мне неограниченную власть — пускай на время, и как раз тут-то вас понесло на публичные разглагольствования. Как видите, среагировала я мгновенно, и теперь ничто не помешает мне покончить с вами, не поколебавшись ни на сотую долю секунды, — если вы не станете делать то, что вам будет сказано. Наша встреча, затеянная в такое время, когда мне, честно говоря, гораздо приятнее было бы крепко спать, была задумана исключительно для того, чтобы вы мне поверили. Хочу, чтобы вы знали: проблема существования Второй Академии, на которую я так умело навела **вас** и позволила **вам** высказаться о ней, дает мне веское основание прекратить даже вашу жизнь без суда и следствия.

Тревайз подскочил, но на ноги встать не успел.

— О, не пытайтесь дергаться, — остановил его властный голос Бранно. — Я, конечно, лишь старая женщина — ведь вы об этом сейчас подумали, но вы умрете, прежде чем посмеете ко мне прикоснуться. Рядом мои люди, молодой тупица.

Тревайз откинулся на спинку кресла. Голос его едва заметно дрожал.

— Но вы... вы сами себе противоречите! Если бы верили, что Вторая Академия существует, вы бы не смогли позволить себе говорить о ней так открыто. Вы бы не стали подвергать себя опасности — ведь вы считаете, что я рискую!

— Тем самым, сударь, вы делаете мне комплимент — со здравым смыслом у меня получше, чем у вас. То бишь вы верите, что Вторая Академия существует, и говорите об этом откры-

то, потому что вы — дурак набитый. А я верю, что она существует, и говорю об этом открыто, но только потому, что мною приняты меры предосторожности. Судя по нашему разговору, вы довольно неплохо знакомы с литературными трудами Аркади. Думаю, вам нетрудно припомнить, что в одной из ее книг упоминается устройство, изобретенное ее отцом, — «менторезонатор». Прибор этот служил ширмой против того рода ментального воздействия, которым располагала Вторая Академия. Он существует до сих пор в условиях величайшей секретности. Ваш дом в данный момент совершенно свободен от такого воздействия. Если вам это ясно, позвольте объяснить, что вы должны делать.

— Что же?

— Вы должны выяснить, правы ли мы. Вы должны выяснить, существует ли Вторая Академия, и если да, то где. Это означает, что вы должны покинуть Терминус и отправиться неизвестно куда — даже если в конце концов окажется, что, как во времена Аркади, Вторая Академия находится здесь, среди нас. Это означает, что вы не имеете права вернуться без каких-либо сведений. Не раздобыв их, вы не вернетесь никогда, и на Терминусе станет на одного идиота меньше.

Тревайз вскинулся, с удивлением обнаружив, что заикается:

— Н-но к-как же, черт подери, я буду искать их, не выдав себя? Они п-просто-напросто прикончат меня, и от этого на Терминусе ни у кого ума не прибавится!

— Значит, *не* ищите их, наивное вы дитя. Ищите что-нибудь другое. Ищите всем сердцем и душой что-нибудь другое, но если в процессе поисков вы наткнетесь на *них* — вот и славно! Тогда пошлите нам шифрованную экранированную информацию по гиперволнам и можете возвращаться за положенной наградой.

— У меня есть подозрение, что вы уже придумали, что мне искать.

— Несомненно. Вам знаком Джен Пелорат?

— Даже не слыхал о таком.

— Завтра познакомитесь. Он вам и расскажет о том, что вам следует искать. Он станет вашим спутником, и вы получите в распоряжение один из самых лучших наших кораблей. Вас будет только двое — вполне достаточно для риска такого рода. Но если вам взбредет в голову вернуться обратно, не располагая, по нашему мнению, удовлетворительной информацией,

вы будете вышвырнуты в открытый космос, прежде чем успеете подлететь к Терминусу ближе чем на парсек. Все. Разговор окончен.

Она поднялась, посмотрела на свои руки, медленно натянула перчатки. Не успела она повернуться к двери, как тут же вошли двое охранников с оружием на изготовку и расступились, дав ей пройти.

На пороге она обернулась и сообщила:

— Снаружи есть еще охрана. Постарайтесь не заставлять их нервничать, чтобы мы были спокойны за вашу жизнь. Хотя, с другой стороны, поступайте с ней как вам угодно.

— Ну что вы, — попытался отшутиться Тревайз. — Теперь, когда я облечен столь высоким доверием...

— Посмотрим, оправдаете ли, — сказала Бранно со злорадной усмешкой.

8

На улице Мэра ждал Лайоно Коделл.

— Я все слышал, Мэр, — сказал он. — Вашей выдержке можно позавидовать.

— Устала зверски. Такое впечатление, что сегодня в сутках было как минимум семьдесят два часа. Теперь — ваша очередь.

— Хорошо. Я понял. Только скажите — дом действительно был защищен менторезонатором?

— О Коделл, — устало проговорила Бранно. — Кому это должно быть известно лучше, если не вам? Какова была вероятность того, что кто-то следит за домом? Неужели вы воображаете, что Вторая Академия — такое уж недреманное око? Я не романтик-сосунок типа Тревайза. Это он такое мог выдумать, но не я. Но даже будь это так, будь повсюду глаза и уши Второй Академии, разве наличие менторезонатора не выдало бы нас с головой? Разве само наличие ментально-непроницаемого поля в каком-то районе не вызвало бы у Второй Академии подозрений, что кто-то сопротивляется их вмешательству? Разве тайна существования такого поля — до тех пор пока у нас не будет возможности применить его в полном объеме — не более ценна, чем не только Тревайз, но и вы, и я, вместе взятые? И все-таки...

Машина уже неслась по ночным улицам. Коделл сидел за рулем.

— «И все-таки»? — переспросил Коделл.

— Что «и все-таки»? Ах да. И все-таки этот молодой человек не так прост. Его раз двадцать идиотом обозвала, чтобы он понял, кто в доме хозяин, но ведь я сама отлично понимаю, что это не так. Он молод и начитался книг Аркади и верил, будто Галактика действительно такова, — но в уме и сообразительности ему не откажешь. Жаль будет потерять его.

— А вы абсолютно уверены, что он не вернется?

— Уверена, к сожалению, — грустно ответила Бранно. — Но как бы то ни было, так будет лучше. Не нужны нам зеленые романтики, слепцы, готовые в одно мгновение разбить в пух и прах все то, на создание чего у нас ушли годы и годы. Ну и потом, службу он нам сослужит, это без сомнения. Он обязательно привлечет внимание Второй Академии — если, конечно, она действительно существует и мы действительно ее интересуем. Но пока они будут интересоваться им, по всей вероятности, они проигнорируют нас. А это сулит нам не просто удачу. Проявлением интереса к Тревайзу они могут себя выдать, а это даст нам возможность и время подготовиться к контратаке.

— Тревайз, следовательно, будет нашим громоотводом.

Губы Бранно скривились в усмешке.

— Ага, вот та метафора, которую я искала. Да, он станет нашим громоотводом — примет молнию на себя и защитит нас от ее удара.

— А этот Пелорат — ему тоже придется принять на себя удар молнии?

— Не исключено. Но тут ничего не попишешь.

Коделл кивнул:

— Вероятно, вы припомнили известное изречение Сальвора Гардина — «Никогда не позволяйте морали удерживать вас от правильных поступков»?

— Нет, сейчас я далека от соображений морального порядка, — покачала головой Бранно. — Одна только усталость, и все кости ломит. Но знаете, я бы могла назвать целую уйму людей, с кем я рассталась бы с более легким сердцем. Голан Тревайз... такой красивый, такой молодой... Конечно, он сам это знает...

Последние слова она пробормотала едва слышно, веки ее сомкнулись, и она крепко заснула.

Глава 3

ИСТОРИК

9

У Джена Пелората внешность была на редкость невыразительная — жидкие белесые волосы, бледное, безразличное лицо. Надо сказать, выражение безразличия очень нечасто сменялось каким-либо другим. Среднего роста, сутуловатый, худощавый, ходил он медленно и как-то робко и примерно так же разговаривал. Выглядел он гораздо старше своих пятидесяти двух лет.

Ни разу в жизни он не покидал пределов Терминуса — трудно сказать, как это ему удалось при его профессии. Он и сам бы вряд ли объяснил причину своего домоседства — не то оно напрямую связано с его работой, не то существует вопреки ей.

Увлекся историей он совершенно неожиданно для себя: ему было всего пятнадцать, когда он (крайне неохотно) прочел книгу древних сказаний и обнаружил в ней рефреном повторяющуюся мысль о том, что некогда существовал некий мир — одинокий, изолированный, сам не подозревающий о своей изоляции, потому что, кроме себя самого, ни о чем не имел представления.

Безразличие как рукой сняло. Двое суток подряд, не смыкая глаз, он перечитывал книгу от корки до корки и перечитал трижды. На третий день он сидел у терминала собственного компьютера, выуживая из памяти машины любые источники, способные содержать подобные легенды. Компьютер его был коммутирован с Университетской Библиотекой Терминуса.

Всю свою жизнь с тех пор он посвятил этим самым легендам. Университетская Библиотека оказалась не слишком большим подспорьем, но прошли годы, и он познал радость межбиблиотечного абонирования, получая в свое безраздельное пользование репринты из библиотек по гиперволновой связи из самых разных районов Галактики — вплоть до Ифнии.

Он стал профессором древней истории и впервые за тридцать семь последних лет должен был уйти в отпуск, во время которого намеревался совершить свое первое межпланетное путешествие — и не куда-нибудь, а на Трентор!

Пелорат и сам понимал, что торчать всю жизнь на Терминусе, никуда носа не высовывая, мягко говоря, необычно. Нет, у него вовсе не было какой-то принципиальной позиции в этом отношении. Все выходило как-то само собой: стоило ему куда-то собраться, как в руки попадала новая, безумно интересная книга, и он немедленно принимался за очередное исследование. Как обычно, он откладывал путешествие на потом и продолжал работать, пока не выжимал, как лимон, до последней капли, новый предмет изучения и, по возможности, прибавлял новый факт, вывод, догадку к куче уже собранных. Сожалел он по-настоящему лишь о том, что за всю жизнь не удосужился совершить самого важного путешествия — на Трентор.

Трентор был столицей Первой Галактической Империи, резиденцией Императоров в течение двенадцати тысячелетий, а до того — столицей одного из крупнейших доимперских королевств, которое мало-помалу захватило или поглотило иными способами другие королевства, дабы основать Империю.

Трентор был огромной планетой, целым миром, и мир этот был закован в прочнейшую стальную оболочку. Пелорат читал о нем в работах Гааля Дорника, который посетил Трентор при жизни самого Гэри Селдона. Томик работ Дорника давно стал библиографической редкостью, и Пелорату стоило больших трудов раздобыть себе личный экземпляр. Книга стоила ему половины годового жалованья, но одна мысль о возможности расстаться с ней приводила историка в ужас.

Несомненно, мечтая о Тренторе, Пелорат мечтал исключительно о Галактической Библиотеке. Во времена Империи она называлась Имперской и была крупнейшей в Галактике. Трентор был главным городом самой могущественной, самой многонаселенной Империи, какую когда-либо знало человечество. Он сам по количеству населения равнялся целому миру — там жило сорок миллиардов человек. В тамошней Библиотеке были собраны все значительные и не слишком значительные труды человечества, вся сумма людских знаний. Все хранимые в Библиотеке источники были компьютеризированы, и притом так замысловато, что для работы с компьютерами требовались специально обученные сотрудники...

А самое главное — Библиотека существует до сих пор! Именно это было предметом удивления и тихого восторга Пелората. Примерно два с половиной столетия назад Трентор пал,

был разграблен, подвергся колоссальным разрушениям — страшно представить себе, каким страданиям, какой нищете суждено было покориться тем из его обитателей, что остались в живых. Но Библиотека выжила, и спасли, защитили ее студенты Университета. Так, по крайней мере, все говорили, а еще говорили, будто бы студенты воспользовались при защите Библиотеки каким-то совершенно гениальным, ими изобретенным оружием. Кое-кто, правда, считал, что рассказы об этой героической обороне сильно попахивают выдумкой.

Но главное — Библиотека существовала. Эблинг Мис, попав на Трентор, работал в ней, и все там было так, как во времена Селдона, а весь Трентор лежал в руинах. Еще чуть-чуть, и Мис отыскал бы Вторую Академию. (Так гласила легенда, и народ в Академии верил в нее до сих пор. Историки, правда, сильно сомневались в ее подлинности.) Три поколения Дареллов: Байта, Торан и Аркади — все они, каждый в свое время, побывали на Тренторе. Аркади, правда, до Библиотеки не добралась, и потом про Библиотеку позабыли, и в истории Галактики она даже не упоминалась.

За сто двадцать лет ни один представитель Академии не совался на Трентор — но ведь из этого вовсе не следовало, что Библиотеки не существует. То, что Галактическая история молчала о ней, как раз и было наинадежнейшим подтверждением ее существования. Будь она разрушена, разграблена, наверняка поднялся бы шум.

Оборудование Библиотеки по нынешним временам не выдерживало никакой критики — оно устарело еще в то время, когда там побывал Эблинг Мис, — но Пелората это вовсе не огорчало. Он радостно потирал руки при одной мысли о том, чтобы поработать в древней, старомодной Библиотеке. Ведь чем древнее и старомоднее она была, тем скорее в ней могло отыскаться то, о чем он мечтал. Сколько раз он мысленно входил туда и дрожащим от волнения голосом спрашивал: «Надеюсь, в Библиотеке не было ремонта? Надеюсь, вы не выбросили старое компьютерное оборудование и записи?» И в ответ всегда слышал шелестящие голоса покрытых пылью веков библиотекарей: «Нет, Профессор, у нас все как было, все по-старому».

Наконец его мечтам суждено было сбыться! И не кто-нибудь, а лично Мэр Бранно заверила его в этом. Правда, Пелорат никак не мог взять в толк, откуда ей было известно о его работе. Публикаций у него было крайне мало: большая часть его трудов

не была столь безупречна, чтобы их публиковать, а те, что выходили в свет, большого фурора, прямо скажем, не производили. Поговаривали, правда, что Бранно Бронзовой ведомо все, что творится на Терминусе, что ушки у нее всегда на макушке, око недреманное и все такое прочее. Пелорат был готов поверить в это. Странно было другое — почему она не оказала ему финансовой и другой поддержки гораздо раньше, если понимала всю важность его работы?

Наверное, думал он, это потому, что взоры всех в Академии устремлены в будущее. Вторая Империя и собственная судьба — вот что их всех заботит. Нет у них ни времени, ни желания оглянуться в прошлое, а те, кто туда оглядывается, только раздражают их.

Сам он, конечно, считал законченными идиотами людей таких убеждений, но не мог же он в одиночку сражаться с их тупостью. Кто знает — может, так оно и лучше было. Это давало ему возможность быть единственным обладателем драгоценного сокровища. Настанет день, пробьет час, и его будут вспоминать как одного из Великих Первопроходцев.

Увы, это значило (Пелорат был слишком честен, чтобы не закрыть на это глаза), что и он не свободен от мыслей о будущем — о таком будущем, где его признают, где он станет таким же великим героем, как Гэри Селдон. Да нет, что там говорить — еще более великим! Разве может тягаться самая распрекрасная, самая детальная из всех детальных проработок будущего продолжительностью всего-навсего в одно тысячелетие с анализом прошлого длиной самое малое в двадцать пять тысячелетий?!

Настал день, и пробил его час.

Мэр сказала, что это случится на следующий день после явления Селдона. Только по этой причине Пелората и интересовал последний селдоновский кризис, о котором последние месяцы было столько трепотни на Терминусе, да и во всей Федерации.

Ему лично не было никакого дела до того, где будет размещаться столица Академии — останется ли она жить-поживать на Терминусе, или ее переместят в какое-то другое место. Теперь же, когда кризис миновал, Пелорат даже не удосужился поинтересоваться, чем же он завершился, чью точку зрения поддержал Селдон, да и вообще, касался ли он этого вопроса.

Для него главное было, что явление Селдона состоялось и сегодня был назначенный Мэром день.

Чуть позже двух часов пополудни около его одинокого домика на окраине Терминуса остановился автомобиль.

Распахнулась задняя дверца. Вышел офицер в форме Службы Безопасности Мэра, с ним — незнакомый молодой человек, а следом — еще двое охранников.

Пелорат не мог не удивиться. Оказывается, Мэр не только была в курсе его работы, но и придавала ей такое большое значение! Человеку, который должен был сопровождать его в путешествии, была придана почетная охрана, а в распоряжение их обоих был отдан первоклассный корабль. О, как лестно! Как почетно...

Домоправительница Пелората открыла дверь. Молодой человек вошел, а двое охранников встали по обе стороны от входа. В окно Пелорату было видно, что третий охранник остался у дорожки, и тут подъехала еще одна машина. Нет, ну надо же. Еще охрана? Даже странно.

Он оторвался от окна, обернулся и с удивлением посмотрел на вошедшего молодого человека. Он сразу узнал его — не раз видел на экране холовизора.

— Вы Советник, — сказал Пелорат. — Советник Тревайз!

— Голан Тревайз. Все точно. А вы — Профессор Джен Пелорат?

— Да-да, — радостно закивал Пелорат. — Значит, вы и есть тот, кто поведет...

— Да, мы попутчики, — сухо оборвал его Тревайз. — Так мне, по крайней мере, сказали.

— Но... вы ведь не историк?

— Нет. Я Советник, вы не ошиблись. Политик.

— Ну да, ну да... Собственно, что я вас об этом спрашиваю... Историк *я*, а больше и не нужно, верно? Вы умеете водить корабли?

— Да, и неплохо.

— Ну вот и славно, больше ничего и не нужно. Просто превосходно! Я, знаете ли, не слишком силен во всяких практических вопросах, так что, если вы человек умелый и сообразительный, у нас выйдет отличная команда.

— Знаете, — буркнул Тревайз, — я сейчас вряд ли могу похвастаться практичностью и сообразительностью, но, похоже,

выбора у нас нет, так что хочешь не хочешь, а попытаться составить что-то вроде команды нам придется.

— Ага... Ну что ж, будем надеяться, что я освоюсь в космосе. Я, знаете ли, никуда ни разу не летал, Советник. Самая что ни на есть сухопутная крыса. Хотите чашечку чаю? Я сейчас скажу Клоде, чтобы она нам что-нибудь приготовила. У нас ведь еще имеется несколько часов до вылета, правда? Хотя я лично, знаете ли, готов отправиться хоть сейчас. У меня все готово для нас обоих. Мэр была исключительно, исключительно любезна. Просто удивительно, насколько она заинтересована в этом проекте!

Тревайз удивленно спросил:

— Следовательно, вы знали об этом заранее? И как давно, если не секрет?

— Мэр обратилась ко мне... — Пелорат нахмурился, пытаясь припомнить, когда же это было, — две... нет, пожалуй, три недели назад. Я был просто в восторге, знаете ли. А теперь, когда я понял, что со мной полетит не второй историк, а пилот, то есть вы, дружочек, я просто в восторге, что это будете вы.

— Две-три недели назад... — изумленно пробормотал Тревайз. — Значит, она давно наготове. А я-то...

Он оборвал себя и умолк.

— Простите, дружочек?

— Да нет, ничего особенного, Профессор. У меня дурацкая привычка разговаривать с самим собой. Придется вам к этому привыкнуть, особенно если наше путешествие затянется надолго.

— Затянется? Конечно, затянется! — радостно воскликнул Пелорат, увлекая нового знакомца к столу, уже накрытому домоправительницей для легкого чая. — Совершенно неясно, знаете ли, сколько оно продлится. Мэр сказала, что продолжаться оно может сколько нам будет угодно, что к нашим услугам вся Галактика, что, куда бы мы ни отправились, мы сможем беспрепятственно пользоваться фондами Академии. Правда, она сказала, что нам не следует переходить границ разумного. Это я ей пообещал.

Он прищелкнул языком и довольно потер руки.

— Садитесь, дружочек, садитесь. Видимо, мы с вами в последний раз поедим на Терминусе.

Тревайз сел к столу и спросил:

— У вас есть семья, Профессор?

— У меня есть сын. Он уже большой мальчик — декан факультета в Сантаннийском Университете. Химик, если не ошибаюсь. Пошел по стопам матери. Мы уже давно живем врозь, так что, знаете ли, можно сказать, у меня ни перед кем нет ответственности, да и завещать мне, честно говоря, особенно нечего. Надеюсь, вы тоже ничем таким не обременены? Угощайтесь сандвичами, мой мальчик.

— Да, родственников у меня нет. Кое-какие женщины время от времени. Но они приходят и уходят.

— Да. Да. Приходят и уходят. Это замечательно, когда так получается. Прекрасно, знаете ли, когда это не принимаешь всерьез. Детишек нет, как я понимаю?

— Нет.

— Замечательно! У меня, знаете ли, очень приподнятое настроение сейчас. Правда, поначалу, когда вы только вошли, я немного опешил, признаюсь. Но теперь я вижу, что вы очень милый молодой человек. Мне как раз не хватает молодости, энтузиазма, знаете ли. Нужен кто-то, кто мог бы отыскать дорогу в Галактике. Нам ведь предстоит поиск, знаете ли. Потрясающий поиск.

Равнодушное лицо Пелората, его тихий голос оживились.

— Вы знаете об этом, дружочек?

Тревайз сощурился:

— Потрясающий поиск, говорите?

— О, поистине, поистине! Жемчужина, бесценная жемчужина спрятана посреди миллионов обитаемых миров Галактики, а мы располагаем лишь туманными догадками, чтобы отыскать ее. Но как будем мы вознаграждены, если сумеем найти ее! Если нам это будет суждено, мой мальчик, — простите за фамильярность, Тревайз, — если это сделаем мы — вы и я, наши имена прославятся в веках до скончания времен.

— Что за награда? Что за бесценная жемчужина? О чем вы, Профессор?

— Ах, я, видимо, заговорил в духе Аркади — той писательницы, которая... Ну, вы, наверное, знаете. Она писала о Второй Академии. Понятно, почему вы так удивлены.

Пелорат запрокинул голову — похоже было, что он громко рассмеется, но он всего-навсего улыбнулся.

— О нет, уверяю вас, никаких таких высокопарных глупостей!

— Ну если не о Второй Академии, так о чем же вы тогда говорите, Профессор?

Пелорат сразу изменился в лице, стал печален и удивленно, даже укоризненно спросил:

— Разве Мэр вам ничего не сказала?.. Странно, знаете ли... Я столько лет возмущался политикой нашего правительства, его невниманием к важности моей работы, но вот теперь наконец Мэр Бранно проявила такое удивительное благородство...

— О да... — сказал Тревайз, не пытаясь скрыть иронии. — Эта дама, вероятно, страдает тайной филантропией. Мне она, однако, ничего не сказала. Я не в курсе.

— Значит, вы незнакомы с моими исследованиями?

— Нет, как это ни прискорбно.

— О, не стоит сокрушаться. Это так естественно. Ведь я, знаете ли, звезд с неба не хватал. Но если позволите, я вам немного расскажу. Вам и мне предстоит найти, именно найти — поскольку я располагаю уникальными сведениями и догадками, — мы должны найти Землю!

10

В эту ночь Тревайз почти не спал. Краткие минуты забытья перемешивались с явью, и ему все время мерещилась жуткая старуха, тащившая его в застенок, откуда не было выхода.

Он и наяву прекрасно понимал, что Бранно сцапала его, а самое ужасное — он ничего не мог поделать. Она была настолько спокойна, самоуверенна, что ее не смутила даже откровенная антиконституционность собственных деяний. Он так рассчитывал на привилегии Советника, права гражданина Терминуса — она же плевать на них хотела.

А теперь еще этот Пелорат — чудаковатый ученый, который, казалось, живет в мире, сам его частью не являясь, — объявил ему, что эта кошмарная старушенция уже не одну неделю вела приготовления к атаке!

Тревайз начинал чувствовать себя тем самым «мальчишкой», как вчера обозвала его Мэр.

Итак, ему суждено отправиться в ссылку с сумасшедшим историком, для которого он был уже «дружочек» и «мой мальчик». Очень мило. Старик был, похоже, просто вне себя от счастья от перспективы отправиться по всей Галактике, чтобы искать Землю?!

Одной прабабушке Мула ведомо, на что ему сдалась эта Земля и что это такое, если на то пошло.

Надо спросить. И как только это слово было сказано, Тревайз тут же спросил.

— Простите, Профессор, — сказал он. — В вашей области я полный профан. Не могли бы вы мне популярно объяснить, что такое «Земля»?

Секунд двадцать Пелорат смотрел на него не мигая. Наконец дар речи вернулся к нему.

— Это планета. Планета-прародина. Та самая, где когда-то родились первые люди, дружочек. Там они появились впервые.

Тревайз в недоумении уставился на него.

— Впервые появились? Откуда же?

— Ниоткуда. Человеческие особи на этой планете развились из низших животных форм в процессе эволюции.

Тревайз немного подумал и покачал головой:

— Я вас не понимаю.

Пелорат был явно недоволен тем, что имеет дело с дилетантом. Справившись с раздражением, он пустился в объяснения:

— Были времена, когда Терминус был необитаем. На нем не было людей. Люди прибыли на эту планету из других миров. Это, надеюсь, вам известно?

— Естественно, — буркнул Тревайз. Лекторская интонация собеседника ему была не по душе.

— Ну вот. Аналогична ситуация и со всеми другими мирами — Анакреоном, Сантаннией, Калганом и прочими. Все они были в то или иное время **основаны**. Люди прибывали туда из других миров. Не избежал такой участи даже Трентор. Да, в течение целых двадцати тысячелетий он был гигантской метрополией, но и на нем когда-то не было людей.

— А что же там было?

— Ничего! То есть, по крайней мере, людей не было.

— Верится с трудом.

— Тем не менее это правда. Таковы древние исторические свидетельства.

— И откуда же взялись люди, впервые обосновавшиеся на Тренторе?

— Никто не знает наверняка. Есть масса планет, где с пеной у рта утверждают, будто они были населены еще в туманной древности. У народов этих планет существуют замечательные легенды о том, как и откуда туда впервые прибыли люди. Но ученые предпочитают открещиваться от подобных баек и не ломать голову над «Вопросом о Происхождении».

— Что за вопрос такой? Никогда не слыхал.

— Я нисколько не удивлен. В наши дни это далеко не самая популярная историческая проблема, а вот во времена начала распада Империи она привлекла к себе значительный интерес ученых. О ней, кстати, кратко упоминает в своих мемуарах Сальвор Гардин. Проблема заключается, знаете ли, в названии и местонахождении одной-единственной планеты, с которой пошел род человеческий. Стоит оглянуться назад, и мы увидим, что людские потоки текут вспять — от недавно обжитых планет к более древним, оттуда — к еще более древним, и, наконец, образуется единое русло, а исток его находится на одной планете — самой древней.

Тревайз тут же усмотрел порочность в рассуждениях собеседника:

— Но разве подобных прапланет не могло быть больше?

— Нет, что вы! Все человеческие существа в Галактике — представители одного вида. Один и тот же вид никак не мог зародиться сразу на многих планетах. Совершенно невозможно, знаете ли.

— Откуда вы знаете?

— Во-первых... — начал было Пелорат, и все шло к тому, что сейчас последует долгое и подробное объяснение: Профессор покачался на стуле, уставился в потолок, соединил кончики пальцев в глубокой задумчивости. Прошла минута. Пелорат перестал качаться, разнял пальцы и торжественно провозгласил: — Даю вам честное слово, что это так!

Тревайз церемонно кивнул:

— Да я и не думал сомневаться, Профессор. Ладно, допустим, что планета-прародина была единственная, но, вероятно, честь эту могут оспаривать многие?

— Не только могут, но и делают это. Однако совершенно бездоказательно, знаете ли. Ни на одной из сотен планет, пытающихся доказать свой приоритет, нет и следов докосмической цивилизации и не обнаруживается никаких признаков эволюции человека из низших организмов.

— Следовательно, вы утверждаете, что первичная планета существует, но существование ее по какой-то причине скрыто от всех?

— Именно так.

— И вы собираетесь искать ее?

— **Мы.** Это наша с вами миссия, дружочек. А организовала наше путешествие Мэр Бранно. Вам предстоит повести наш корабль на Трентор.

— На Трентор? Почему? Трентор — вовсе не первичная планета. Вы же сами только что говорили...

— Да, Трентор не первичная планета.

— При чем тогда Трентор?

— Видимо, я неудачно выразился, знаете ли. «Земля» — название легендарное, упоминаемое в древних сказаниях. Истинное значение этого слова нас не интересует, просто удобнее произносить его, чем длиннющую, знаете ли, фразу «планета — прародительница рода человеческого». Но какая именно планета в реальном космическом пространстве именно та, что зовется Землей, — неизвестно.

— А на Тренторе знают?

— Очень надеюсь, что нам повезет, и я сумею найти там кое-какие сведения. На Тренторе находится Галактическая Библиотека — самая древняя и крупная из всех библиотек.

— Сомневаюсь, чтобы ее давным-давно не обшарили те, кто, как вы говорили, проявлял интерес к «Вопросу о Происхождении» еще во времена Первой Империи.

— Да-да, возможно, — кивнул Пелорат, — но, вероятно, не слишком тщательно. Не побоюсь, знаете ли, сказать, что мне известно по «Вопросу о Происхождении» много такого, чего подданные Империи пятьсот лет назад не ведали. И я бы мог подойти к анализу древних источников с большим пониманием сути дела. Я так долго думал обо всем этом, и у меня есть одна замечательная догадка — поистине замечательная, знаете ли!

— Значит, все это вы рассказали Мэру Бранно, и она, так сказать, одобрила ваше начинание?

— Одобрила? Дружочек, она... она просто пришла в экстаз, да-да, знаете ли, в экстаз. Она сказала мне, что Трентор — то самое место, где я могу узнать все, что мне нужно.

— Понятно... — тихо пробормотал Тревайз.

Итак, еще один кирпичик в стену догадок, построенную за

бессонную ночь... Бранно отправила его на поиски Второй Академии. С ним вместе отправлялся Пелорат, чтобы замаскировать истинную цель путешествия поисками таинственной Земли. Эти искания могли завести их черт знает куда по всей Галактике. Прикрытие отличное, ничего не скажешь. Да, гениальная все-таки женщина Мэр, как ни крути.

На Трентор?! Но это странно. Ведь стоит им добраться до Трентора, как Пелорат тут же занырнет в недра Галактической Библиотеки и никогда не вынырнет на поверхность! Там такая уйма книг, пленок, записей, бесконечные компьютеры с устаревшей, требующей расшифровки символикой — нет, он явно никуда оттуда улетать не захочет.

И потом...

На Тренторе однажды побывал Эблинг Мис — во времена Мула. История гласит, что именно там он обнаружил свидетельства местонахождения Второй Академии и погиб, прежде чем успел сказать об этом вслух. Потом этой проблемой занялась Аркади Дарелл и преуспела. Но гнездо Второй Академии было обнаружено на самом Терминусе, где и было разгромлено. Где Вторая Академия располагается теперь? Да где угодно, так что от Трентора — никакого толку. Куда угодно, только не на Трентор!

И еще...

Какие еще камни за пазухой были у Бранно, Тревайз не знал, но подчиняться ей беспрекословно — нет уж, увольте! Как там сказал Пелорат — это привело ее в экстаз? Что ж, если Бранно до смерти хочется, чтобы они летели на Трентор, пусть будет что угодно, только не Трентор!

Лишь на рассвете Тревайз уснул тяжелым сном.

11

А у Мэра Бранно следующий после ареста Тревайза день сложился на редкость удачно. Она добилась большего, чем хотела, — никто и словом не обмолвился о вчерашнем инциденте.

Она не обольщалась, нет. Она прекрасно понимала, что Совет пока просто в шоке, но скоро оправится, и вопрос о правомочности ее деяний будет поднят. Действовать надо быстро. Поэтому, оставив на потом уйму важных дел, она решила довести дело Тревайза до конца.

В то самое время, когда Пелорат с Тревайзом вели столь отвлеченную беседу о Земле, в кабинете Бранно проходила ее встреча с Советником Мунном Ли Компором. Мэр в упор разглядывала собеседника, сидевшего напротив.

Тот был ниже ростом, более щуплый, чем Тревайз, и всего на пару лет старше. И Мунн, и Тревайз в Совете работали без году неделя и, вероятно, только поэтому и держались вместе. В остальном они были люди совершенно разные.

Там, где у Тревайза изо всех дыр лезла агрессивность, Компор так и светился лучезарным, беспечным спокойствием. Не исключено, что виной тому были его светлые волосы и голубые глаза — как мы уже говорили, внешность крайне нетипичная для обитателей Академии. Была в нем какая-то изломанность, женственность, что ли, и это (по мнению Мэра), вероятно, делало его не таким дамским любимцем, как Тревайза. Однако этот молодой человек старался выжать из своей романтической внешности все возможное — волосы локонами спускались до плеч, под глазами была умело наложена голубая тень, подчеркивающая их цвет (кстати говоря, в последние десять лет мужчины на Терминусе вовсю пользовались косметикой).

Бабником Компор не числился. Жил-поживал с законной супругой, детей у них пока не было, но любовниц у Советника тоже не отмечалось. В этом он также был полной противоположностью Тревайза, который менял подружек, как поясные сумки — предмет его обожания.

Ведомство Коделла знало абсолютно все об обоих молодых людях, а сам Коделл теперь восседал в углу кабинета, пребывая в традиционно благодушном настроении.

Бранно сказала:

— Советник Компор, вы оказали важную услугу Академии. Правда, как это ни прискорбно, это не тот поступок, за который вы могли бы получить общественное признание или государственную награду.

Компор понимающе улыбнулся. Зубы у него были ровные, ослепительно белые, и Бранно пришла в голову довольно странная мысль — а у всех ли обитателей Сирианского Сектора такие великолепные зубы? Компор был родом именно оттуда — там родилась его бабка по материнской линии, тоже голубоглазая блондинка. А она, в свою очередь, утверждала, что и ее мать родом оттуда же. По сведениям Коделла, однако, четких доказательств тому не было.

— Бабы есть бабы, — говаривал Коделл. — Могут такого наговорить и таких предков отыскать — лишь бы напустить тумана и экзотики.

— По вашему мнению, все женщины таковы? — поинтересовалась Мэр, когда Коделл однажды выразил эту точку зрения.

Тогда Коделл смущенно улыбнулся и пояснил, что имел в виду обычных, рядовых женщин.

— Мне совершенно безразлично, — сказал Компор, — узнает ли об этом народ Академии. Вполне достаточно, что все известно вам, Госпожа Мэр.

— Известно. Уверяю вас, я этого не забуду. Но не думайте, что теперь мы с вами распрощаемся. Вы ступили на кривую дорожку, и придется вам идти по ней дальше, ничего не поделаешь. Нам нужно узнать о Тревайзе кое-что еще.

— Я вам рассказал все, что знал.

— Не исключено, что вы рассказали ровно столько, чтобы я поверила, будто бы это все, что вам известно. Очень может быть, вы и сами в это искренне верите. Как бы то ни было, извольте отвечать на мои вопросы. Знаком вам джентльмен по имени Джен Пелорат?

Компор нахмурился, пытаясь припомнить, но морщинки на лбу быстро разгладились, и лицо его скоро приняло обычное выражение безмятежного спокойствия.

— Может быть, я бы узнал его, если бы увидел, но имя не вызывает у меня никаких ассоциаций.

— Он ученый.

Губы Компора вытянулись в трубочку и издали невыразительное «о-о-о!». Видимо, он был не на шутку удивлен тем, что Мэр думает, будто он хорошо знаком с научным миром.

Бранно продолжала:

— Пелорат — личность небезынтересная. У него есть собственные веские причины стремиться побывать на Тренторе. Советник Тревайз будет сопровождать его. Поскольку вы хороший приятель Тревайза, вам, вероятно, неплохо знакома его психология. Скажите мне, как вам кажется, Тревайз согласится отправиться на Трентор?

Компор пожал плечами:

— Если вы посадите его в корабль, летящий на Трентор, куда он денется?

— Вы меня не поняли, Советник. Он и Пелорат на этом корабле будут одни. Корабль поведет Тревайз.

— Вы хотите понять, полетит ли он на Трентор добровольно?

— Вот именно.

— Госпожа Мэр, но как мне знать, что ему в голову взбредет?

— Советник Компор, вы были близкими друзьями с Тревайзом. Вам известно, что он уверен в существовании Второй Академии. Разве он никогда не говорил вам о своих предположениях относительно того, где, по его мнению, она может находиться?

— Никогда, Госпожа Мэр.

— Как вы думаете, он найдет ее?

Компор скептически хмыкнул:

— Полагаю, Госпожа Мэр, что Вторая Академия, каковы бы ни были ее масштабы и что бы она собой ни представляла, была уничтожена до основания во времена Аркади Дарелл. Я склонен верить ее книгам.

— Вот как?! Зачем же в таком случае вы предали своего товарища? Если он вбил себе в голову такую блажь, как поиски чего-то несуществующего, какой вред мог из этого проистечь?

Компор возразил:

— Вред может принести не только правда. Предположения его могут быть и туманны, и бездоказательны, но они могли посеять сомнения в умах народа Терминуса, а эти сомнения повлекли бы за собой другие — сомнения в том, какую роль играет наша Академия в истории Галактики, ослабили бы ее позиции лидера Федерации, нанесли бы удар по мечте о создании Второй Империи. Думаю, это ясно и вам, иначе вы не решились бы арестовать Тревайза в зале Заседаний Совета и не держали бы его сейчас в заточении без суда и следствия. Почему вы так поступили, если, конечно, мне будет позволено спросить?

— Скажем так: я пошла на это потому, что допустила, что Тревайз может быть прав — пускай вероятность его правоты ничтожно мала. Все равно открытое выражение им своих взглядов таило в себе большую опасность.

Компор промолчал.

— Вы правы, Советник, что сомневаетесь. Да, все это попахивает вымыслом. Однако, учитывая возложенную на меня ответственность, я обязана принимать во внимание все, даже такие мелочи. Итак, я снова спрашиваю вас: есть ли у вас хоть

какая-то идея на предмет того, что думает Тревайз о местонахождении Второй Академии и куда в этой связи он может отправиться?

— Ни малейшего представления.

— Что, он никогда даже словом не обмолвился об этом?

— Нет.

— Нет? Не торопитесь, Советник. Подумайте. Никогда?

— Никогда, — твердо ответил Компор.

— Никаких намеков? Шутливых замечаний? Дурачества? Отвлеченных высказываний, которые теперь, в свете всего происшедшего, обретают конкретный смысл?

— Ничего такого. Я же сказал вам, Госпожа Мэр: его мечты о Второй Академии — не более чем свет звезд далекой туманности. Вам это известно не хуже, чем мне. К чему тратить время и эмоции?

— А может быть, Советник, вы вдруг взяли да передумали, сменили диспозицию и теперь пытаетесь выгородить преданного вами дружка?

— Нет, — отрезал Компор. — Я предал его исключительно из соображений патриотизма и благородства. У меня нет повода сожалеть о содеянном и менять свое отношение к случившемуся.

— Значит, вы даже намекнуть мне не можете, куда бы Тревайз мог отправиться, получив в свое распоряжение корабль?

— Я уже сказал вам...

— Тем не менее, Советник... —черты лица Мэра приняли выражение глубокой задумчивости, — мне бы хотелось знать, куда он направится.

— Чего проще? Установите на его корабле гиперреле.

— Я думала об этом, Советник. Однако Тревайз — человек неглупый и, думаю, сумел бы обнаружить это устройство, как бы хитро оно ни было запрятано. Конечно, можно попробовать разместить гиперреле таким образом, что от него нельзя будет избавиться, не рискуя повредить корабль. Тогда он просто вынужден будет оставить его нетронутым.

— Отличная мысль!

— Но тогда, — не моргнув глазом продолжала рассуждать Бранно, — он не будет свободен, он не сможет отправиться туда, куда хотел бы. Он поймет, что за ним следят. Вся полученная мной информация станет совершенно бесполезной!

— Выходит, следовательно, что вы никак не можете узнать, куда он отправится?

— Могу, поскольку собираюсь поступить весьма просто и бесхитростно. Видите ли, Советник, человеку, настроенному на хитрости и уловки, никогда не придет в голову учесть более простой вариант, более очевидный. Полагаю, за Тревайзом надо установить слежку. Нужен «хвост».

— «Хвост»?

— Именно. Нужен другой пилот, который полетит на другом корабле. Видите, как вас поразила эта идея? Вряд ли ему придет в голову обшаривать близлежащий космос в поисках отправленного за ним вслед корабля, а уж мы позаботимся, чтобы его собственный корабль не был оборудован масс-детектором — нашим новейшим достижением.

— Госпожа Мэр, — покачал головой Компор, — прошу простить меня, но я вынужден заметить: вам явно недостает опыта в области космонавигации. Слежение за одним кораблем с помощью другого обречено на неудачу. Тревайз удерет при первом же гиперпространственном Прыжке. Даже если он не будет знать, что за ним «хвост», первый же Прыжок откроет ему путь к свободе. Если на его корабле не будет гиперреле, проследить за ним ни за что не удастся.

— О да, опыта мне действительно недостает. В отличие от вас и Тревайза я никогда не изучала космонавигацию. Однако мои консультанты, не лишенные образования в этой области, сообщили мне, что, если пристально понаблюдать за кораблем непосредственно перед Прыжком, то есть определить его скорость, направление и ускорение, это даст возможность прогнозировать исход Прыжка, пускай даже в общих чертах. При условии же оснащенности корабля слежения высококлассным компьютером и наличия у навигатора неплохой головы на плечах пилот корабля слежения может достаточно точно продублировать Прыжок преследуемого, в особенности если корабль слежения оборудован чувствительным масс-детектором.

— Может быть, один раз такое и получится, — согласился Компор. — Может быть, и во второй раз повезет, но не более. Нельзя рассчитывать на бесконечное везение.

— А я думаю, что рассчитывать как раз можно... Советник Компор, вы ведь в свое время участвовали в космических гонках, не так ли? Видите, как я много знаю о вас. Вы превосход-

ный пилот, а в преследовании соперников в гиперпространстве вам просто равных не было.

Компор понял, куда клонит Мэр. Он широко раскрыл глаза и чуть было не вскочил.

— Но... это было давно! Я тогда учился в колледже. Теперь я не так молод!

— Но не так уж вы и стары. Вам еще тридцати пяти не исполнилось. Итак, Советник, в слежку за Тревайзом отправитесь именно вы. Куда бы его ни понесло, вы будете следовать за ним и постоянно посылать мне донесения. Старт следом за Тревайзом — через несколько часов. Если откажетесь от выполнения задания, будете арестованы как изменник. Если вам не удастся безукоризненно провести слежение, можете не заботиться о возвращении на Терминус. Предпримете такую попытку — будете взорваны в космосе вместе с кораблем.

Компор резко вскочил.

— Я хочу жить своей жизнью! У меня работа, жена, наконец! Не могу же я все это бросить!

— Придется. Те из нас, кто встал на путь служения Академии, должны быть готовы в любое мгновение встать по тревоге и выполнить любое задание, каким бы долгим и трудным оно ни было.

— Моя жена, конечно, полетит со мной?

— Не принимайте меня за дурочку, Советник. Ваша жена останется здесь.

— Как заложница?

— Это как вам угодно. Я бы, правда, предложила другое объяснение, примерно такое: вам предстоит опасное задание, и я предпочитаю не подвергать вашу супругу риску из соображений гуманности. Обсуждать тут нечего. Решение окончательное и обжалованию не подлежит. Вы задержаны, Советник, так же как ваш друг Тревайз. Уверена, вы понимаете, что мне нужно торопиться, пока Терминус не очнулся от эйфории. Звезда моя взошла, но очень скоро может закатиться.

12

— Сурово вы с ним, Госпожа Мэр, — отметил Коделл.

— Интересно! Он товарища предал, а мне с ним миндальничать прикажете?

— Но его предательство было нам на руку, согласитесь.

— Не спорю. Это предательство — да. А новое — кто знает.

— Откуда взяться новому?

— Слушайте, Лайоно, — одернула его Бранно, — дурачка из себя не стройте, не надо. Предал раз — предаст и другой, это закон.

— Хотите сказать, будто он может снова подружиться с Тревайзом, и они вместе...

— Вы, конечно, в это не верите. Я тоже не очень. Тревайз самонадеян, горяч, но к цели будет идти до последнего. Он не простит предательства и ни за что больше не доверится Компору.

— Прошу прощения, Мэр, — встрял Коделл, — но как же тогда вас понимать? До какой степени, в таком случае, Компору можете доверять вы? Как вы можете быть уверены, что он станет следить за Тревайзом и отправлять вам честные донесения? На что вы рассчитываете — на его беспокойство за судьбу жены и желание к ней вернуться?

— И на это тоже. Но не это главное. На корабле Компора будет установлено гиперреле. Тревайз заподозрит слежку и станет выяснять, кто за ним следит. А вот Компор, сам будучи преследователем, скорее всего за собой «хвоста» искать не будет. Но уж если такое паче чаяния случится, тогда нам придется положиться на обаяние и привлекательность его подруги жизни.

Коделл расхохотался:

— Замечательно! Такое впечатление, что вы у меня практику проходили! Ну а цель слежки?

— Двойная страховка. Если Тревайз провалится, задание будет перепоручено Компору, и он предоставит нам те сведения, которых не даст Тревайз.

— Понятно. Вопрос такой: что, если мы узнаем-таки о существовании Второй Академии, неважно, от кого из двоих, или несмотря на гибель обоих?

— Лайоно, я надеюсь, что Вторая Академия существует, — тихо, но уверенно сказала Бранно. — Во всяком случае, Плану Селдона давно пора на покой. Великий Гэри Селдон разработал его в дни гибели Империи, когда технический прогресс фактически остановился. Селдон был человеком своего времени — тут ничего не поделаешь, и как бы совершенна и блестяща ни

была его полулегендарная психоистория, она ненамного поднялась выше своих корней. Она никак не могла учитывать **бурного** развития техники. А в Академии это произошло, в особенности в течение последнего столетия. Мы владеем масс-детекторными устройствами, о которых раньше никто и мечтать бы не осмелился, компьютерами, управляемыми силой мысли, а самое главное — ментальным экраном. Вторая Академия не может больше контролировать нас, управлять нашими действиями. Я хочу, Лайоно, не потратить даром последние годы своего правления и стать тем человеком, который выведет Терминус на новый путь.

— Ну а если Второй Академии не существует?

— Тогда мы станем на этот путь немедленно.

13

Тревайз очнулся от тяжелого сна — кто-то тряс его за плечо.

Тревайз рывком сел, протер глаза, не понимая, почему он в чужой постели.

— Что такое? Что?! — хрипло крикнул он.

Пелорат смущенно проговорил:

— Прошу простить меня, Советник Тревайз. Вы мой гость, и следовало бы, знаете ли, дать вам отдохнуть, но... здесь Мэр.

Хозяин стоял рядом с кроватью, одетый во фланелевую пижаму, и заметно дрожал. Тревайз проснулся окончательно и все вспомнил.

Бранно ожидала их в гостиной, как обычно, уверенная и спокойная. Ее сопровождал Коделл — он добродушно поглаживал белесые усищи.

Тревайз на ходу поправил сумку на поясе. «Интересно, — подумал он, — они теперь так и будут везде парочкой ходить?»

Язвительно спросил:

— Ну как, Совет уже проспался? Обеспокоен отсутствием коллеги?

Мэр холодно ответила:

— Кое-какие признаки жизни отмечаются, но вам надеяться особенно не на что. У меня до сих пор хватает власти, чтобы заставить вас улететь. Вас сопроводят в космопорт Ультимейта...

— Вот как? Старт оттуда? А я-то думал, вы подарите мне возможность на прощание насладиться зрелищем утирающей слезы тоски толпы горожан Терминуса...

— Я вижу, вы уже вполне оправились от потрясения, Советник. Шуточки, как обычно, дурацкие, но я рада за вас. Значит, с головой у вас все в порядке. Итак, вас сопроводят в космопорт Ультимейта, откуда вы и Пелорат тихо и спокойно полетите...

— Чтобы не вернуться никогда?

— Может быть, и никогда, если только... — она усмехнулась, — не обнаружите чего-либо важного и полезного, настолько важного, что мне доставит радость встреча с вами. Тогда, и только тогда, вы вернетесь. Очень может быть, вас встретят с почетом.

— Не исключаю такой возможности, — театрально раскланялся Тревайз.

— И я не исключаю. Все возможно... Во всяком случае, полетите с комфортом. Вам предоставлен только что спущенный с верфи небольшой крейсер «Далекая Звезда», названный так в честь легендарного корабля Хобера Мэллоу. С ним может вполне справиться один навигатор, но места там хватит на троих.

— Надеюсь, корабль вооружен? — уже без ехидства спросил Тревайз.

— Нет, Советник, не вооружен, но оборудован всем необходимым. Куда бы вы ни отправились, вы останетесь гражданами Академии, везде и всюду вы можете разыскать наших консулов, к которым можете обратиться за помощью, так что оружие вам не потребуется. Вам обеспечена и материальная поддержка: денег вам должно хватить, но не советую тратить их безрассудно.

— Вы бесконечно благородны и щедры, Госпожа Мэр.

— Приятно слышать, Советник. Прошу вас не забывать об одном: вы вместе с Профессором Пелоратом отправляетесь на поиски Земли. И как бы вам ни казалось, что вы ищете нечто другое, помните: вы ищете Землю. Это должно быть очевидно абсолютно для всех, с кем вам суждено будет встретиться. И никогда не забывайте — «Далекая Звезда» *не* вооружена.

— Я... ищу... Землю... Угу. Постараюсь не забыть, — сверхсерьезно проговорил Тревайз, а глаза его смеялись вовсю.

— Что ж, если вам все понятно, вы отправитесь в космопорт незамедлительно.

— Прошу прощения, но мы еще не все обсудили. В свое время я действительно пилотировал кое-какие корабли, но опыта вождения современного малогабаритного крейсера у меня нет. Вдруг окажется, что я не сумею с ним справиться?

— Мне сообщили, Советник, что «Далекая Звезда» полностью компьютеризирована. Предупреждая ваш следующий вопрос, скажу: вам нет нужды получать какие-либо инструкции по обращению с главным корабельным компьютером. Он вам сам скажет все, что вам необходимо узнать. Что вас еще интересует?

Тревайз придирчиво оглядел себя с головы до ног.

— Не помешала бы смена одежды.

— Все найдете на корабле. Даже целый набор этих потешных кошельков или муфточек — не знаю, как они называются. У Профессора также будет все необходимое. Вы ни в чем не будете нуждаться, разве что представительницами женского пола я вас обеспечить не смогу.

— Вот это очень жаль. Правда, у меня сейчас нет на примете подходящей кандидатуры. Ну да ладно. Галактика велика, а я так понимаю, что, как только уберусь отсюда, я получаю на этот счет полную свободу?

— Что касается подружек? Ради бога. — Бранно тяжело поднялась на ноги. — Я вас провожать не поеду, — сообщила она. — Проводят вас другие, и убедительно прошу вас, ведите себя прилично. Попытаетесь удрать — вас тут же прикончат. То обстоятельство, что меня с вами рядом не будет, исключает другие варианты решения вопроса.

— Да нет, что вы, Мэр, я и не собирался, я только хотел вам кое-что сказать на прощание...

— Слушаю вас.

Тревайз на мгновение задумался. Лицо его озарилось улыбкой — ему очень не хотелось, чтобы она выглядела вымученной.

— Может настать день, Госпожа Мэр, — сказал он, — когда вы **попросите** меня уступить вам. Тогда я поступлю, как сочту нужным, и ни за что на свете не прощу вам всего, что случилось за эти два дня. Ни за что.

— Не надо мелодрамы, — поморщилась Бранно. — Будет день, будет и пища. Пока все решаю я.

Глава 4

КОСМОС

14

Тревайз помнил, в каких восторженных выражениях рекламировались крейсеры нового класса, и теперь имел возможность лично убедиться в великолепии корабля.

Впечатляли не его размеры — нет, он как раз был довольнотаки маленький, но зато мог великолепно маневрировать, набирать колоссальную скорость. Тревайз знал, что у корабля был гравитационный двигатель, а самое главное — совершеннейшее и наисовременнейшее компьютерное оборудование. Грандиозность такому кораблю была ни к чему, она бы только помешала выполнению задания.

Это одноместное транспортное средство с успехом заменяло старые громоздкие корабли, где была необходима команда не меньше дюжины человек. Имея возможность принять на борт еще одного, а то и двух членов команды, этот юркий кораблик мог запросто сразиться с целой флотилией превосходящих его по размерам кораблей других государств. Кроме того, он мог оставить любой корабль позади, если бы потребовалось удрать.

Крейсер был изящен и компактен: ничего лишнего, ни одной ненужной линии — ни внутри, ни снаружи. Каждый кубометр поверхности и пространства использовался с максимальной отдачей, но, как ни странно, казалось, что внутри прямотаки просторно. Никакие уверения Мэра в важности и ответственности его миссии не впечатлили бы Тревайза сильнее, чем корабль, с помощью которого он призван был эту миссию осуществить.

«Эта ушлая старуха, Бранно Бронзовая, — с досадой подумал Тревайз, — сделала все, как хотела. Поручила мне задание величайшей важности. Черта с два я бы на это согласился, если бы она все не провернула так, будто я сам только этого и хочу!»

Что касается Пелората, то пожилой историк был потрясен и растерян одновременно.

— Поверите ли, дружочек, — робко проговорил он, осторожно коснувшись пальцем обшивки корабля, — но до сих пор я и близко не подходил к кораблю?

— Поверить-то я поверю, раз вы так говорите. Весь вопрос в том, как вам это удалось?

— Не знаю, дружочек, как-то уж так само выходило. Ну вот, я опять вас дружочком назвал. Как-то, дорогой мой Тревайз, так получалось — слишком сильно я был занят своими изысканиями. Знаете ли, когда у вас дома стоит превосходный терминал, коммутированный с другими компьютерами по всей Галактике, то и лететь никуда не надо... Но, честно говоря, мне казалось, что корабли должны быть немножко побольше, чем этот. Или я не прав?

— Корабль совсем новой модели. Он действительно маленький, но зато внутри он гораздо просторнее, чем другие корабли.

— Разве это возможно? Вы, вероятно, шутите, пользуясь моей некомпетентностью?

— Нет-нет. Истинная правда. Просто это корабль с гравитационным двигателем.

— Что это значит? О, только если в этом много физики, лучше не объясняйте. Я готов поверить вам на слово, как вчера вы поверили мне, когда я рассказывал о природе человечества.

— Попытаюсь, Профессор. Дело в том, что на протяжении всей истории космических полетов люди пользовались различными типами двигателей — химическими, ионными, гиператомными, и все эти штуковины были жутко громоздкими. В староимперском флоте имелись корабли длиной метров в пятьсот, а жизненного пространства внутри — с гулькин нос. К счастью, в течение всего своего существования Академия была просто-таки вынуждена прибегать к принципу миниатюризации — из-за постоянной нехватки материальных ресурсов. Этот корабль — кульминация этого принципа. В основу его заложен эффект антигравитации, а устройство, обеспечивающее этот эффект, занимает... вернее, не занимает почти никакого места. Фактически оно вмонтировано в обшивку корабля. Если бы нам до сих пор приходилось пользоваться гиператомным...

Беседу прервал приблизившийся к ним охранник:

— Вам пора занять свои места, джентльмены. Прошу вас проследовать на борт.

Предрассветные сумерки рассеивались, но до восхода солнца оставалось еще добрых полчаса.

Тревайз посмотрел по сторонам.

— Мой багаж погрузили уже?

— Да, Советник, на корабле вы найдете все необходимое.

— Я себе представляю — одежда не моего размера или не в моем вкусе.

Охранник неожиданно улыбнулся — дружелюбно и искренне, совсем по-мальчишески.

— Думаю, все в порядке, — сказал он. — Мы как проклятые все для вас собирали почти двое суток — так Мэр распорядилась. Так что, надеюсь, вам все подойдет и понравится. И денежки приготовлены, не сомневайтесь. Послушайте... — Он воровато оглянулся, дабы убедиться, что никто не подслушивает. — Вам повезло! Это самый лучший корабль на свете. Такое оборудование! Оружия, правда, нет. Но полетите как по маслу, гарантирую.

— Сильно опасаюсь, что масло может оказаться прогорклым, — буркнул Тревайз. — Ну, Профессор, вы готовы?

— С этим хоть на край света, — сообщил Пелорат, гордо продемонстрировав спутнику небольшую коробочку в футляре из серебристого пластика.

Только сейчас Тревайз вспомнил, что с этой штукой Пелорат не расставался с тех самых пор, как они выехали из дому, даже тогда, когда остановились, чтобы перекусить.

— Что это такое, Профессор?

— Моя библиотека. Индексирована по тематике и алфавиту, и все умещается на одной кассете. Корабль, конечно, чудесный, но как насчет такой библиотеки, а? Здесь все, что я собрал за свою жизнь. Разве это не чудесно? По-моему, просто восхитительно!

— Ну что ж, — усмехнулся Тревайз, — тогда в путь! Может, и правда полетим как по маслу.

15

Изнутри корабль понравился Тревайзу ничуть не меньше, чем снаружи. Проблема использования пространства была решена просто гениально. Тут была кладовая с запасами продовольствия, одежды, фильмов и игр. Гимнастический зал, гостиная и две почти одинаковые каюты.

— Эта, по всей вероятности, ваша, Профессор, — предположил Тревайз. — По крайней мере, тут стоит факс-терминал.

— Прелесть какая! Зря, зря я пренебрегал космическими

полетами. Оказывается, тут замечательно можно жить и работать.

— Да. Здорово. Еще просторнее, чем я ожидал.

— И... двигатели действительно в обшивке, дружочек?

— Как и вся система обеспечения движения. Нам нет нужды запасаться никаким горючим, оно нам просто не понадобится. К нашим услугам — громадные запасы энергии всей Вселенной — наше горючее повсюду, — сказал Тревайз, небрежно махнув рукой.

— Но... как подумаешь... а вдруг что-нибудь сломается?

Тревайз пожал плечами:

— У меня есть кое-какой опыт в космонавигации, но на таких кораблях летать не доводилось. Если что-то выйдет из строя в системе гравитации, боюсь, я ничего не сумею поделать.

— Но вы сумеете вести этот корабль? Справитесь?

— Я сам об этом думаю, Профессор.

Пелорат нахмурился, но вскоре просиял:

— А... может быть, это, знаете ли, автоматизированный корабль? Мы, наверное, просто пассажиры, и нам только и надо — сидеть и ничего не делать?

— Подобные транспортные средства существуют, — кивнул Тревайз. — Грузовые корабли, которые курсируют между планетами и доставляют все необходимое на межзвездные космические станции, но об автоматизации гиперкосмических перелетов я не слыхал. Пока, по крайней мене, не слыхал.

Он внимательно оглядел каюту и поймал себя на том, что душу его гложут сомнения. Неужто злобная старуха и это предусмотрела? Кто знает — может быть, Академия уже имела на вооружении автоматизированные гиперпространственные перелеты? Не успеешь глазом моргнуть, а ты уже на Тренторе против своей воли. Что можно изменить, когда ты всего-навсего лишнее кресло на таком корабле?

С воодушевлением и радушием, которого вовсе не испытывал, Тревайз подбодрил Пелората:

— Да вы не волнуйтесь, Профессор. Садитесь, будьте как дома. Мэр сказала, что этот корабль полностью компьютеризирован. Раз уж в вашей каюте есть факстерминал, то в моей наверняка стоит пульт управления компьютером. Вы тут устраивайтесь, а я прогуляюсь к себе и вообще осмотрюсь, как тут и что.

Пелорат внезапно встревожился:

— Тревайз, дружочек, вы же не собираетесь меня тут бросить одного?

— О нет, это не входит в мои планы, Профессор. Попытайся я это сделать, меня тут же прикончат на месте. Так распорядилась Мэр. Я просто хочу разобраться, как лучше управлять «Далекой Звездой», вот и все. Я вас не покину, Профессор, — сказал Тревайз с улыбкой.

Улыбка исчезла с его лица только тогда, когда он вошел в свою каюту и закрыл за собой дверь. Тревайз немедленно приступил к поискам средства связи — обязательно должно быть средство связи, они не могли быть выброшенными в космос, не имея возможности с кем-то хоть словом перемолвиться. Где-то должен быть передатчик. Нужно было связаться с офисом Мэра и спросить, где находится пульт управления компьютером.

Сантиметр за сантиметром Тревайз обследовал стены, изголовье кровати, гладкую поверхность удобной, уютной мебели. Если в каюте ничего не обнаружится, придется обшарить весь корабль.

Не найдя ничего хотя бы смутно напоминающего средство коммуникации, он был готов выйти из каюты, но в последнее мгновение краешком глаза уловил вспышку света на гладкой светло-коричневой поверхности письменного стола. В два шага он оказался у стола и прочел в кружке крошечные буквы, которые гласили: «Инструкции по пользованию компьютером».

Ура!

Сердце Тревайза бешено колотилось. Неплохо! Однако кто знает, сколько времени уйдет на освоение инструкций? Существовали такие компьютеры и такие программы, на изучение которых требовались долгие годы. Тупицей себя Тревайз не числил, но «Великим Мастером» в этой области не был никогда. Он отлично знал, что он не из тех, кто обладает врожденными способностями к общению с компьютерами.

Во Флоте Академии он дослужился до звания лейтенанта, и как-то раз во время дежурства ему довелось попыхтеть над корабельным компьютером. Но наедине с компьютером, без страховки, он не оставался никогда, и никогда от него не требовалось большего, чем выполнение обязанностей дежурного офицера.

Со страхом не умеющего плавать утопающего он вспомнил толстенные тома полного программного обеспечения компьютера. Как живой предстал перед ним Технический Сержант

Крэснет, сидевший за пультом управления... Он играл на этом пульте, как на сложнейшем музыкальном инструменте в Галактике, и выходило это у него на удивление изящно, даже небрежно. Казалось, ему это прискучило до невероятности. Но и Сержанту Крэснету порой приходилось заглядывать в инструкции. Тогда он матерился, как сапожник.

Тревайз немного боязливо коснулся пальцем светящегося кружка, и вся поверхность стола немедленно ожила. Посередине крышки стола возникли очертания человеческих рук, правой и левой; крышка мягким, легким движением наклонилась под углом в сорок пять градусов.

Тревайз сел в кресло перед столом. Никого ни о чем спрашивать было не нужно. Все ясно.

Спокойно, без напряжения он опустил руки ладонями вниз на обозначенные на крышке стола очертания. Поверхность оказалась мягкой, почти бархатистой на ощупь, ему показалось, что руки как бы погрузились в нее.

На самом деле никакого погружения не произошло — это было удивительно! Руки лежали на поверхности стола. Тревайз не мог не поверить собственным глазам, но не мог отделаться от ощущения, будто что-то притягивало его руки и держало их, нежно и тепло.

Что, это все? А дальше?

Он удивленно огляделся по сторонам. Внезапная догадка мелькнула в мозгу, и в ответ на собственное предположение Тревайз прикрыл глаза.

Он ничего не услышал. Ровным счетом ничего!

Только в глубине сознания, как его собственная мысль, возникли совершенно отчетливые фразы: «Пожалуйста, закройте глаза. Расслабьтесь. Мы соединимся».

Что значит «соединимся»? Через посредство рук? Хорошенькое дело!

Если Тревайз как-то и представлял себе возможность «соединения» с компьютером, то ему казалось, что это должно происходить через какой-нибудь шлем с электродами, словом, через голову, грубо говоря.

Но... руки?!

А почему бы и нет?.. Тревайзу казалось, что он куда-то уплывает, во что-то погружается... Но острота восприятия была при нем. Ладно, решил он, руки так руки. В конце концов, что такое глаза? Не более чем органы чувств. А мозг что такое? Всего-навсего главный пульт управления, заключенный в костяную черепную коробку и отделенный от рабочей поверхности тела. А что самое важное в этой рабочей поверхности? Конечно, руки, руки, лежащие на пульсе Вселенной и управляющие ею.

Разве люди не думали руками? Ведь именно руки давали ответы на любые проявления любопытства: они щупали, хватали, трогали, переворачивали, поднимали и бросали. У некоторых животных был очень большой мозг, но не было рук, и от большого мозга толку было мало.

Итак, Тревайз и компьютер взяли друг друга за руки, их мышление объединилось, и теперь было все равно — открыты у Тревайза глаза или закрыты. Раскрой он глаза, он не увидел бы больше; закрой он их, он не ослеп бы.

Даже с закрытыми глазами он совершенно ясно видел всю свою каюту, и не только в том направлении, куда бы смотрел с открытыми глазами, но всю целиком — позади себя, вверху и внизу.

Его взору были доступны все помещения корабля и все, что было за его пределами. Взошло солнце, оно светило пока не в полную силу, яркость его лучей была приглушена утренним туманом, но Тревайз смотрел на него не жмурясь — компьютер автоматически фильтровал световые волны.

Тревайз ощущал легкое, ласковое прикосновение утреннего ветерка, услышал все звуки мира вокруг корабля. Определил силу притяжения планеты, ощутил покалывание разрядов атмосферного электричества в обшивке корабля.

Он понял всю систему управления кораблем, всю целиком, не вдаваясь в детали. Ясно было одно: если ему захочется поднять корабль, повернуть его, прибавить скорость, привести в действие любую из систем, которыми он оснащен, достаточно будет просто подумать об этом, представить, что эти действия он производит с собственным телом. Корабль будет повиноваться его воле — вот и все!

Между прочим, и собственная воля, видимо, не всегда была так уж обязательна. Компьютер многое умел делать сам. Тревайз все слышал внутри сознания в форме лаконичных, отточенных фраз и точно знал, когда и как корабль возьмет все функции на себя. В этом не было никаких сомнений. А потом — это Тревайз знал четко — он и сам сумеет принимать решения.

Забросив сеть своего усиленного компьютером сознания

глубже, Тревайз обнаружил, что сможет определить состояние верхних слоев атмосферы, все условия за бортом корабля, видеть другие стартующие и идущие на посадку корабли. Все это было необходимо, и все это компьютер учитывал. Не умел бы сам, стоило мысленно приказать, и сумел бы.

Просто блеск! И никаких фолиантов с инструкциями в помине нет! Тревайз снова вспомнил Сержанта Крэснета и улыбнулся. Ему доводилось читать о том, какую замечательную революцию произведет в Галактике антигравитация, но слияние компьютера с мозгом человека до сих пор держалось в строжайшем секрете. Такая революция обещала быть еще более грандиозной.

Тревайз чувствовал, как течет время. Он точно знал, который сейчас час по местному времени Терминуса и по Галактическому Стандарту.

А это как произошло?

Стоило ему задуматься об этом, как руки его утратили ощущение контакта, крышка стола вернулась в первоначальное положение, и Тревайз стал самим собой.

Ему сразу показалось, что он не то ослеп, не то стал беспомощен — будто бы нечто, некое сверхсущество, помогавшее ему, вдруг его покинуло. Не знай он, что в любое время может вернуть себе эту помощь и поддержку, он, наверное, здорово бы расстроился. Может быть, даже расплакался бы.

Но поскольку все было в порядке, он радостно потянулся, встал и вышел из каюты.

Пелорат, естественно, уже вовсю трудился у экрана факс-терминала. Взглянув на Тревайза снизу вверх, он сообщил:

— Восхитительно работает! Поисковая программа просто превосходна. Ну а как вы, мой мальчик? Отыскали пульт управления?

— Да, Профессор. Все в полном порядке.

— Ага... Наверное, теперь нам нужно подготовиться к старту? Пристегнуться там или еще что-то? Я, знаете ли, поискал инструкции, но ничего не нашел. Несколько забеспокоился, знаете ли, и решил заняться библиотекой. А когда я работаю...

Тревайз решил успокоить Профессора, однако руки на плечи ему он положить не решился, и они застыли в воздухе. Заговорил он громко, как будто убеждал не только Пелората, но и себя самого:

— Не волнуйтесь, Профессор. Пристегиваться не надо. Ан-

тигравитация — это... как бы вам сказать... это эквивалент неинерции. При изменении скорости мы ничего не ощутим, поскольку соответствующие изменения произойдут сразу повсюду на корабле.

— Вы, дружочек, хотите сказать, что мы даже не узнаем, когда покинем нашу планету и очутимся в космосе?

— Именно так, Профессор. Собственно говоря, мы уже взлетели. В ближайшие минуты мы преодолеем верхние слои атмосферы, а через полчаса будем в открытом космосе.

16

От этого известия Пелорат сразу как-то весь съежился, сильно побледнел, стрельнул испуганным взглядом по сторонам.

Тревайз вспомнил свои собственные впечатления во время первого полета за пределы атмосферы и сказал как можно более спокойно и небрежно:

— Джен, — он впервые назвал Профессора по имени и пошел на фамильярность только потому, что вынужден был играть роль космолетчика-аса, успокаивающего зеленого новичка, — бояться совершенно нечего. Мы в полной безопасности. Мы с тобой на борту корабля Флота Академии. Мы, правда, не вооружены, но во всей Галактике нет такого места, где имя Академии не защитило бы нас. Даже если какому-то кораблю взбредет в голову дурацкая мысль атаковать нас, мы смоемся в одно мгновение — только он нас и видел. Кроме того, я только что убедился, что с управлением я справлюсь просто замечательно.

Пелорат дрожащим голосом, хрипло проговорил:

— П-просто, Го... Голан, я подумал о п-пустоте, в которой...

— Ну если на то пошло, разве Терминус не пустотой окружен? Ведь между нами, находящимися на поверхности планеты, и вакуумом космоса лежит всего лишь тонкая прослойка атмосферы. Вот мы сейчас эту прослойку и пересекаем.

— Это я понимаю. Конечно, атмосфера очень тонкая, но все-таки... с ее помощью мы дышим...

— Здесь мы тоже дышим. Воздух внутри нашего корабля еще лучше и чище, чем естественная атмосфера Терминуса.

— А... метеориты?

— Что — «метеориты»?

— Атмосфера защищает нас от метеоритов, так ведь? Ну и от радиации, если на то пошло.

— Джен, человечество совершает космические полеты уже двадцать тысячелетий, так что...

— Двадцать два. Если мы обратимся к хронологии Хальбока, то, считая от...

— Стоп, стоп! Ты лично когда-нибудь слыхал о случаях столкновения с метеоритами или гибели от радиации? В последнее время, я имею в виду. Происходило что-либо подобное с кораблями Академии?

— Конечно, я не слишком внимательно следил за новостями в этой области, мой мальчик, и...

— Когда-то, очень давно, такие случаи бывали, но ведь техника не стоит на месте. Метеорит, достаточно крупный, чтобы нам повредить, просто не сможет приблизиться к кораблю на такое расстояние, что мы не успеем принять соответствующие меры. Пожалуй, если на нас полетят сразу четыре метеорита одновременно с четырех сторон, тогда наше дело было бы плохо, но попробуй рассчитать вероятность такого столкновения и поймешь, что имеешь шанс умереть от старости триллион триллионов раз, пока у тебя появится возможность хотя бы с половинной долей вероятности полюбоваться этим небезынтересным зрелищем.

— Вы... ты хочешь сказать, этого не случится, если ты будешь управлять компьютером?

— Нет, Джен, если управлять компьютером буду я, то будут задействованы мои собственные эмоции и реакции и все может случиться, прежде чем я сам успею понять, что произошло. А компьютер реагирует на всевозможные опасности намного быстрее, чем ты и я.

Он протянул спутнику руку:

— Джен, пойдем, я покажу тебе, на что способен компьютер. А еще я покажу тебе космос.

Пелорат некоторое время смотрел на Тревайза не мигая, нервно рассмеялся и сказал:

— Не уверен, что мне этого хочется, если честно.

— Не уверен? Ну конечно, ты просто не знаешь, что увидишь! Брось! Пошли в мою каюту.

Тревайз схватил Профессора за руку и почти поволок за собой в свою каюту. Бодро усевшись за компьютер, он спросил:

— Ты когда-нибудь видел Галактику, Джен? Смотрел на нее когда-нибудь?

— Это ты про небо, дружочек?

— Про небо, конечно.

— Небо я видел. Это, знаешь ли, любой видел. Посмотришь наверх и увидишь.

— А вот смотрел ли ты когда-нибудь на небо в темную, ясную ночь, когда Алмазы висят над самым горизонтом?

Алмазы — те из немногих звезд, что озаряли ночное небо Терминуса, небольшое созвездие, склонение которого составляло не более двадцати градусов. Большую часть ночи эти звезды располагались за линией горизонта и лишь ненадолго всходили над ним. Кроме этого созвездия, небеса Терминуса оживляли редкие, тусклые, далекие звездочки, с трудом различимые невооруженным глазом. А Галактика светилась далеким млечным сиянием — другого вида ночного неба и не мог ожидать тот, кто всю свою жизнь прожил на Терминусе, расположенном на самом краю самого дальнего витка громадной спирали Галактики.

— Наверное, — пожал плечами Пелорат. — Не понимаю, какой смысл на них смотреть. Звезды как звезды, ничего особенного.

— Вот все так думают, потому никто ничего и не видит. Что толку смотреть, когда это можно видеть каждую ночь? Но теперь я покажу тебе небо так, как ни ты, ни кто-то другой не мог бы его увидеть с Терминуса, где вечно туман и тучи. Ты все увидишь так, как не увидел бы в самую ясную ночь. Скажу тебе честно, я жутко жалею, что не новичок в Галактике, как ты. Как прекрасно увидеть Галактику впервые, в ее обнаженной, откровенной красоте! — Тревайз подтолкнул одной рукой стул, стоявший рядом с ним. — Садись, Джен. Придется немного подождать. Сейчас я договорюсь с компьютером. Пока мне ясно, что изображение будет голографическим, значит, никакой экран нам не понадобится. Компьютер напрямую связан с моим сознанием, но думаю, я сумею дать ему указание репродуцировать объективное изображение, и ты увидишь то же самое, что и я. Будь добр, выключи свет. О боже, какой же я балбес! Компьютер сам все сделает. Сиди, не беспокойся.

На этот раз Тревайз соединился с компьютером гораздо более уверенно и спокойно. Теперь это было похоже на рукопожа-

тие с добрым знакомым. Свет померк, и вскоре стало совсем темно. Было слышно, как Пелорат заерзал на стуле.

Тревайз посоветовал ему:

— Не нервничай, Джен. Сейчас все будет в порядке. Так... Вот! Видишь свечение? Полукруг видишь? Похоже на серп. Видишь?

Светящийся серп повис в темноте перед ними. Поначалу сияние его было тусклым, изображение немного подрагивало, но постепенно обрело четкость и яркость.

— Это... Терминус? — хрипло спросил Пелорат. — Мы уже так далеко от него?

— Да, корабль летит очень быстро.

Корабль скользил в ночную тень Терминуса, ограниченную ярким полумесяцем. У Тревайза возник порыв послать корабль прямо под эту световую арку, чтобы они смогли увидеть Терминус во всей его красе с орбиты, но он вовремя удержался. Конечно, в этом для Пелората был бы элемент новизны, но, с другой стороны, вид Терминуса с орбиты был запечатлен и на глобусах, и на фотоснимках. Каждый ребенок знал, как выглядит Терминус из космоса — громадные водные пространства, небольшие материки и острова. Всякому было известно, как мало на Терминусе полезных ископаемых, но зато тут прекрасно развито сельское хозяйство. Тяжелая промышленность никогда не отличалась большими успехами, а вот тонкие технологии и прогресс в области миниатюризации всевозможных устройств не знали себе равных в Галактике.

Можно было бы отдать компьютеру приказ применить микроволновое зондирование, транслировать изображение, тогда они увидели бы каждый из обитаемых островов Терминуса и тот единственный, что тянул на звание континента, тот самый, где находился Терминус-Сити, но...

Отвернись! Не думай об этом!

Стоило только мелькнуть этой мысли, стоило только проявить волю, и картина тут же переменилась. Светящийся полумесяц приблизился к границам зрения и исчез. Каюту наполнила темнота, непроницаемый мрак беззвездного пространства.

Пелорат прокашлялся.

— А нельзя ли вернуть назад Терминус, дружочек? А то у меня, знаешь ли, такое чувство, будто я ослеп.

Он был напуган не на шутку.

— Нет, ты не ослеп. Смотри!

Посреди каюты возникла зыбкая, неровная светящаяся лента. Она становилась все шире и ярче, свечение наполняло каюту целиком...

«Сожмись!»

Короткий приказ — и Галактика сразу уменьшилась, будто на нее посмотрели с противоположного конца телескопа и вместо увеличения прибавляли и прибавляли уменьшение. Яркость свечения в разных участках Галактики была разной.

Не изменяясь в размерах, Галактика засветилась ярче. Из-за того, что звездная система, где находился Терминус, располагалась выше плоскости Галактики, она не была видна целиком, от края до края. Она представляла собой сильно сжатую двойную спираль с извилистыми прорехами темных туманностей, пересекавшими ярко светящийся виток, находящийся ближе к Терминусу. Ядро Галактики выглядело тусклым, плотным комком, не слишком впечатляюще.

Пелорат взволнованно прошептал:

— Ты прав... Так я ее никогда не видел. Даже не думал, что в ней так много всего...

— Иначе и быть не могло! Ты же не мог увидеть вторую половину неба, когда между тобой и ней был Терминус и слой атмосферы. А уж ядра Галактики с Терминуса и вовсе не видно.

— Как жаль, что мы видим ее только в прямой проекции!

— Почему жаль? Компьютер может показать нам ее в любой проекции. Стоит мне только этого пожелать, даже не нужно произносить своего желания вслух...

«Смени координаты!»

Не слишком четкое указание, но картина Галактики начала медленно, постепенно изменяться — компьютер был послушен разуму и воле Тревайза.

Галактика поворачивалась, раскручивалась, как гигантская улитка, извилистые полосы черноты чередовались с узлами и нитями различной степени яркости. Центральный участок попрежнему был виден нечетко.

Пелорат спросил:

— Но... как компьютер может видеть Галактику отсюда так, будто мы находимся совсем в другом месте, которое, насколько я могу судить, не меньше чем в пятидесяти парсеках от нас? Прости меня, пожалуйста, дружочек, — добавил он извиняющимся шепотом, — что я тебя про это спрашиваю. Ведь я ничего в этом не понимаю.

Тревайз ответил:

— Не переживай и не извиняйся. Я об этом компьютере знаю ненамного больше тебя. Но даже гораздо менее сложный, маленький компьютер способен менять проекцию и показывать Галактику в разных ракурсах, начиная с изображения, помогающего нам ощутить ее реальное положение, то есть соответствующее реальному положению компьютера и корабля в пространстве. Конечно, когда такой компьютер дает изображение, он использует только начальный объем информации; и когда даешь увеличение, видишь крупные участки затемнения, всякие провалы, но в данном случае...

— Да?

— В данном случае изображение просто потрясающее! Видимо, наш компьютер владеет полной картой Галактики и способен показывать ее в любой проекции с одинаковой легкостью без потерь в изображении.

— Полная карта Галактики — но что это значит, дружочек?

— Координаты каждой звезды в пространстве — все это в памяти компьютера.

— Каждой звезды?

Похоже, Пелорат был просто-таки сражен этим заявлением Тревайза.

— Ну, может быть, не всех трехсот миллиардов. Но наверняка он имеет сведения обо всех звездах, освещающих населенные миры, обо всех звездах спектрального класса К и ярче. А это означает как минимум семьдесят пять миллиардов.

— Он знает каждую звезду, освещающую населенные миры?

— Боюсь ошибиться. Может, и не каждую. Но послушай: уже во времена Гэри Селдона было известно двадцать пять миллионов обитаемых миров — звучит внушительно, но это значит — одна звезда из каждых двенадцати тысяч. Прошло пять веков после кончины Селдона, и распад Империи не препятствовал дальнейшей колонизации Галактики. Мне лично кажется, что ей даже способствовал. До сих пор в Галактике есть куда податься — масса пригодных для обитания планет, где-то около тридцати миллионов. Так что очень может быть, что даже в Академии учтены не все новозаселенные миры.

— Ну а древние? Те, что заселены давно? Эти-то, наверное, должны быть учтены все без исключения?

— Думаю, да. Гарантировать, конечно, не могу, но сильно удивлюсь, если окажется, что в памяти компьютера отсутствует

хоть одна из давно населенных систем. А теперь... давай-ка я попробую показать тебе еще кое-что, если, конечно, слажу с компьютером.

Руки Тревайза немного напряглись, ему показалось, что они глубже погрузились в крышку стола. Наверное, вовсе и не надо было напрягать мышцы, достаточно было просто более четко и определенно сформулировать указание.

«Терминус», — была его мысль. В ответ на нее на самом краю спирали зажглась красноватая точка.

— Это наше солнце, — объяснил он, сам удивленный до предела. — Звезда, вокруг которой обращается Терминус.

— Ах! — восхищенно выдохнул Пелорат.

Но тут же в густом скоплении звезд в самом сердце Галактики ожила яркая желтая точка, чуть сбоку от ядра, чуть ближе к тому краю спирали, где находился Терминус.

— А вот это, — сообщил Тревайз, — солнце Трентора.

Шумно, глубоко вдохнув, Пелорат проговорил:

— Ты уверен? Ведь про Трентор всегда говорят, что он — в самой середине Галактики.

— В каком-то смысле так оно и есть. Он ближе к ее центру, чем любая другая обитаемая планета, чем любая из обитаемых систем. А истинный центр Галактики представляет собой черную дыру с массой, равной массе почти миллиона звезд. Думаю, это не слишком приятное местечко. Насколько известно на сегодняшний день, в самом ядре Галактики жизни не существует, наверное, ее там и быть не может. Итак, Трентор — самая близкая к центру Галактики планета, и, если бы ты увидел ее на ночном небе, ты бы точно подумал, что она в самом центре и находится. Она окружена очень плотным звездным скоплением.

— Ты бывал на Тренторе, Голан? — поинтересовался Пелорат с нескрываемой завистью.

— Нет, но голографическую картину его неба видел.

Тревайз восхищенно разглядывал Галактику. Во времена Великих Поисков Второй Академии — в дни царствования Мула — все кто ни попадя забавлялись с моделями Галактики. Сколько томов было исписано, сколько фильмов снято!

А все потому, что когда-то давным-давно Гэри Селдон изрек: «Вторая Академия будет основана на другом конце Галактики» — и назвал это место «концом Звезд».

«На другом конце Галактики»... Стоило Тревайзу подумать

об этом, как в поле зрения возникла тонкая голубая линия и протянулась от Терминуса через черную дыру в центре на другой конец Галактики. Тревайз чуть не подпрыгнул. Он вовсе не хотел, чтобы эта линия появилась, но, видимо, мысль его оказалась достаточно четко сформулированной — для компьютера этого вполне хватило.

О нет, прямой путь на другой конец Галактики — нонсенс. Не об этом говорил Селдон. Эту его загадку разгадала Аркади Дарелл (если верить ее автобиографической книге). Ответ был самый простой и проистекал из детской поговорки «у кольца нет начала и конца». Тогда всем показалось, что это и есть правильный ответ. И хотя Тревайз всеми силами постарался отбросить возникшую мысль, компьютер успел опередить его. Голубая линия пропала, вместо нее возникло кольцо, описавшее всю Галактику, пересекая красную точку — солнце Терминуса.

У кольца не было конца. Если оно начиналось с Терминуса, оно там и кончалось, и именно там была обнаружена Вторая Академия, жившая и работавшая там же, где и Первая.

Но что, если на самом деле это всего лишь самообман? Что за пределами прямой линии и круга имело хоть какой-то смысл?

— Ты играешь, Голан? — спросил Пелорат. — Что это за кружок?

— Да так, проверял кое-что в системе управления... А хочешь — найдем Землю?

Мгновение-другое ответа не было.

— Ты шутишь? — прошептал Пелорат.

— Вовсе нет. Сейчас попробую.

И попробовал. Ничего не вышло.

— Прошу прощения, — пробормотал Тревайз, донельзя удивленный.

— Ее нет? Нет Земли?

— Скорее всего, я неточно сформулировал команду, но... это маловероятно. Скорее всего, Земли нет в памяти компьютера.

— Может быть, она внесена в его память под другим названием? — предположил Пелорат.

— Под каким другим названием, Джен? — ухватился за эту мысль Тревайз.

Пелорат ничего не ответил, а Тревайз улыбнулся. Ну что ж,

все становится на свои места. Молчит, и ладно. Дозреет. Он решил сменить тему:

— Вот интересно, а не можем ли мы поманипулировать временем?

— Временем? Как это? Неужели это возможно?

— Галактика вращается, Джен. Для того чтобы пройти по ее окружности один-единственный раз, Терминусу потребуется почти миллиард лет. Звезды, что расположены ближе к центру, такое путешествие, естественно, совершают гораздо быстрее. Скорость обращения каждой звезды вокруг центральной черной дыры наверняка зафиксирована в памяти компьютера. Если так, то можно попросить компьютер ускорить любое движение в миллион раз и сделать эффект вращения видимым. Вот я и попытаюсь...

Попытка далась нелегко. Тревайзу показалось, будто он взял всю Галактику в свои руки и, превозмогая чудовищное сопротивление, принялся раскручивать ее.

Галактика послушалась! Медленно, тяжело, величественно начала она вращение в направлении, соответствующем сжатию витков спирали.

Время текло удивительно быстро — ненастоящее, искусственное время, и звезды все время меняли свои размеры.

Кое-какие из более крупных становились ярче и постепенно превращались в красные гиганты. Некоторые звезды в области центральных скоплений время от времени взрывались с бесшумными вспышками, на долю мгновения озарявшими всю Галактику и так же бесшумно гаснувшими... Потом подобное происходило и на витках спирали — то на одном, то на другом, то ближе, то дальше от центра...

— Сверхновые... — изумленно проговорил Тревайз.

Но как компьютеру удавалось предсказывать взрывы сверхновых? Откуда он знал, когда это произойдет? Может быть, это только приближение с большой долей ошибки?

Пелорат торопливо, взволнованно прошептал:

— Она живая, Голан! Галактика похожа на живое существо! Смотри, как она движется, будто кто-то живой, громадный, кто живет прямо в космосе...

— Да, похоже, — согласился Тревайз. — Но я, честно говоря, притомился. Пока не научусь тратить поменьше сил, не смогу играть в эти игры подолгу.

Он отсоединился от компьютера. Галактика замедлила ход,

постепенно остановилась, уменьшилась в размерах и скоро приняла тот вид, который был в самом начале.

Тревайз прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Открыв глаза, он увидел Терминус — тот становился все меньше и меньше, исчезая позади. Их корабль покидал атмосферу. Тревайз видел корабли, кружившие на орбите вокруг Терминуса, — одни взлетали, другие шли на посадку.

Ему и в голову не пришло проверить, не было ли чего-то особенного в каком-то из этих кораблей, поискать, нет ли среди них корабля, оборудованного точно таким же гравитационным двигателем, как их собственный, и двигающегося по сходной траектории чересчур точно, чтобы это могло быть чистой случайностью...

Глава 5

ОРАТОР

17

Трентор!

Восемь тысячелетий Трентор был столицей гигантской и могущественной политической структуры, которая правила процветающим Союзом Миров. Еще двенадцать тысячелетий Трентор был столицей Империи, правившей всей Галактикой, ее сердцем и мозгом, ее моделью в миниатюре.

Нельзя было представить себе Империю без Трентора.

Парадоксально, но наивысшего расцвета, вершины могущества Трентор достиг тогда, когда Империя по уши увязла в трясине распада. Там, на Тренторе, никто не замечал, как безнадежно больна Империя, что ей больше не суждено сделать ни шагу вперед, — Трентор сиял в лучах славы, отражавшихся от его металлической поверхности.

Вся планета стала одним огромным городом. Об ограничении народонаселения впервые задумались тогда, когда число обитателей Трентора дошло до сорока пяти миллиардов. Непроницаемую стальную броню Трентора оживляли лишь два покрытых живой зеленью островка — окрестности Императорского Дворца и комплекс зданий Галактического Университета со знаменитой Библиотекой.

Стальная оболочка крепко и надежно обнимала планету. И пустыни, и плодородные равнины уравнялись в правах и стали жилыми кварталами, джунглями административных построек, хитросплетениями компьютеризированных систем жизнеобеспечения, гигантскими хранилищами продовольствия, складами запасных частей. Горные вершины сровняли с землей, впадины засыпали. Под континентальными шельфами были проложены бесконечные коридоры города, а сами океаны были превращены в подземные плантации аквакультуры, ставшие единственным, весьма незначительным источником питания и кое-каких минералов.

Связь с другими мирами, из которых Трентор черпал все необходимое для своего существования, обеспечивали тысячи его космопортов, сотни тысяч торговых кораблей и миллионы космических грузовиков.

Ни один из крупных городов Галактики не существовал в таком режиме экономии. Ни одна планета не достигла таких высот в области использования солнечной энергии, нигде так гениально не была решена проблема избавления от избыточного тепла. Отраженные лучи тянулись к верхним слоям атмосферы на ночной стороне и отбрасывались на металлическую поверхность дневной стороны. Планета вращалась, терморадиаторы вращались вместе с ней вслед за ночной тенью. Такова была искусственная асимметрия Трентора — его своеобразный символ.

Итак, на пике своего могущества Трентор правил Империей!

И если он правил ею не слишком хорошо, все равно — лучше бы не смог править ею никто. Империя была слишком велика для того, чтобы с управлением ею сладил один-единственный мир, пускай даже под руководством могущественнейшего из Императоров. Да и как Трентор мог править Империей мудрее, если в век начала распада Имперскую Корону швыряли друг другу, как мячик, тупоголовые политики, амбициозные и недалекие дилетанты, когда бюрократия и коррупция превратились в мощную субкультуру?

Но даже в самые худшие времена Империя не смогла бы существовать без Трентора — своего главного двигателя.

Дерево Империи тут и там давало трещины, но ее сердцевина — Трентор — была цела и создавала впечатление гордости, тысячелетних традиций и питалась соками самоэкзальтации.

Лишь тогда, когда случилось непредсказуемое, немыслимое — когда Трентор пал и был захвачен, когда миллионы его жителей погибли, а миллирды были обречены на голодную смерть, когда стальную кожу планеты избороздили шрамы и раны, наносимые ей жестокими атаками варварского флота, — тогда, и только тогда, было **понято**, что Империя при смерти. Уцелевшие жалкие отщепенцы некогда могущественнейшего из миров еще сильнее разрушили то, что оставалось от Трентора, и за жизнь одного поколения он из величайшей планеты за всю историю Галактики превратился в жуткое скопище развалин.

Случилось это два с половиной столетия назад. В Галактике не забыли о Тренторе, о том Тренторе, которым он был когда-то. Ему суждено было остаться вечно живым как месту развития сюжетов исторических романов, стать символом великого прошлого, войти в пословицы и поговорки типа: «все корабли приземляются на Тренторе», или «это все равно что найти нужного человека на Тренторе», или «если это Трентор, то я — Император» и тому подобные.

Но это — в Галактике...

А на самом Тренторе все было совсем иначе! Былая слава его была забыта, похоронена под руинами. Металлическое покрытие планеты исчезло, Трентор стал малонаселенным миром крестьян, ведущих натуральное хозяйство. Сюда редко заглядывали торговые корабли, да их тут, честно говоря, особо и не ждали. Да и само название «Трентор», официально существовавшее, в разговорной речи местных жителей почти не применялось. Теперешние тренториане называли планету «Дум», что на их диалекте значило «Дом».

Обо всем этом и о многом другом, пребывая в привычном полудремотном состоянии, раздумывал Квиндор Шендесс, дав своему сознанию волю блуждать без привязи по потоку мыслей, непрерывно текущих и пересекающихся.

Уже восемнадцать лет он занимал пост Первого Оратора Второй Академии и мог бы остаться на этом посту еще лет десять, если бы удалось сохранить остроту мышления и умение вести политические баталии.

Фактически он был аналогом, зеркальным отражением Мэра Терминуса, правителя Первой Академии, но никакого сходства между ними не было и в помине. Мэра Терминуса знала вся Галактика, и Первая Академия для всех была просто «Академией». Первый Оратор Второй Академии был известен лишь своим сотрудникам.

И все же Вторая Академия существовала, управляемая им и его предшественниками, обладавшими реальной властью. Первая Академия сохраняла приоритет в области физической науки, техники, вооружений. А Вторая не знала себе равных на поприще развития ментальных наук, власти психологической, способности управлять сознанием. Случись двум Академиям столкнуться в бою, было бы совершенно неважно, сколько кораблей выставила бы Первая Академия против Второй — Вторая сумела бы справиться с разумом и кораблями тех, кто управлял кораблями и оружием Первой.

Но как долго можно было рассчитывать на покой и равновесие в осуществлении этой тайной власти?

Шендесс был двадцать пятым по счету Первым Оратором, и преимущества его власти были скорее иллюзорны, чем реальны. Не следовало ли, например, быть менее настойчивым в поддержке молодых аспирантов? Взять хотя бы Оратора Гендибаля, самого способного и самого нового за Столом Ораторов? Сегодня они должны были встретиться, и Шендесс думал об этой встрече. Стоит ли предполагать, что Гендибаль в один прекрасный день займет его место?

Ответ был прост — Шендесс не хотел уходить со своего поста. Слишком сильно он любил свою работу.

Конечно, он был очень стар, но с обязанностями своими пока справлялся прекрасно. Седина мало изменила его внешний облик — в молодости он был светловолос, а короткая стрижка создавала впечатление, что он по-прежнему блондин. Глаза у него были тускло-голубые, одевался он более чем скромно, почти как тренторианские крестьяне.

Первый Оратор мог бы запросто сойти за думлянина, но его скрытые силы никогда не покидали его. В любое мгновение он мог заставить любого человека думать так, как хотелось ему, и сделать так, чтобы ни один, испытавший такое воздействие, никогда и не вспоминал о встрече с ним.

Но такое случалось редко, вернее, почти никогда не случалось. Золотое Правило Второй Академии гласило: «Прибегай к действию лишь в случае крайней необходимости, но перед тем, как действовать, подумай!»

Первый Оратор тихо вздохнул. Живя здесь, в стенах Древнего Университета, совсем недалеко от печального великолепия

руин Императорского Дворца, порой волей-неволей приходилось задумываться о том, каким Золотым было это Правило...

Во времена Великого Побоища Золотое Правило готово было порваться, как до предела натянутая струна. Нельзя было спасти Трентор, не пожертвовав Планом Селдона, планом создания Второй Империи. Ради сохранения Плана представлялось гуманным дать погибнуть сорока пяти миллиардам обитателей Трентора, хотя их гибель неминуемо влекла за собой и смерть ядра Первой Империи. Сохранить людей — только отдалить неизбежное. Так или иначе, несколько веков спустя разрушение неминуемо, только тогда его масштабы могут оказаться столь грандиозны, что ни о какой Второй Империи и речи быть не может...

Прежние Первые Ораторы трудились над задачей неотвратимого Великого Побоища целые десятилетия, но не находили ответа — как сберечь Трентор и построить Новую Империю. Из двух зол нужно было выбрать наименьшее, и Трентор погиб!

Сотрудникам Второй Академии тех времен удалось спасти Университет и Библиотеку, сделав их местом выживания Академии, но это навсегда поселило в их сердцах чувство вины. Никто никогда не говорил вслух о том, что между сохранением Университета и Библиотеки и взрывоподобным возвышением Мула есть признаки причины и следствия, но интуиция всегда подсказывала, что неразрывная связь между тем и этим существует.

Сколь ужасны были последствия!

Но вслед за Великим Побоищем и годами царствования Мула наступил Золотой Век Второй Академии.

До этих времен, в течение двух с половиной столетий после кончины Селдона, Вторая Академия, словно стая кротов, таилась в недрах Библиотеки, скрываясь от взглядов последних подданных Империи. В умирающем мире Трентора сотрудники Академии стали тихими, незаметными библиотекарями. Это было удобно, ведь в Галактическую Библиотеку наведывались все реже и реже, потихоньку стали забывать, как она называется. Этого-то и надо было Второй Академии.

Такую жизнь можно было назвать жизнью лишь с большой натяжкой. Существование ради сохранения Плана — вот что это было. А на другом краю Галактики в это самое время Первая Академия не на жизнь, а на смерть билась с врагами, которые раз от разу становились все опаснее и сильнее, и не только не имела никакой помощи от Второй Академии, но и не подозревала о ее существовании.

Великое Побоище развязало руки Второй Академии — не так давно молодой Гендибаль имел дерзость объявить, что в этом как раз и состояла главная причина, по которой было позволено произойти Великому Побоищу.

После Великого Побоища Первая Империя прекратила свое существование, и за все последующие годы никто из оставшихся в живых на Тренторе никогда не переступал границ Второй Академии без приглашения. Сотрудники Второй Академии пристально следили за тем, чтобы Университет и Библиотека, уцелевшие во времена Великого Побоища, благополучно пережили и годы Великого Возрождения. Из древних построек сохранились только руины Императорского Дворца. Остальное пространство планеты навсегда сняло свои металлические одежды. Бесчисленные, бесконечные коридоры были засыпаны землей, перекрыты, повернуты, разрушены — острые камни и голая земля стали привычным пейзажем везде, за исключением университетского комплекса, где металл по-прежнему покрывал участки почвы, не занятые постройками.

В общем-то ничего особенного — нечто вроде мемориала былого величия, гробницы Империи, но для тренториан, точнее, для думлян это было заколдованное место, дом с привидениями, куда лучше было носа не совать. Так что только сотрудники Второй Академии безбоязненно ступали внутрь древних подземных коридоров и касались сверкающего титана поверхности.

Но даже при такой сверхпредосторожности все чуть не пошло прахом из-за Мула.

Мул лично побывал на Тренторе. Что, если бы он проведал, чем в действительности является мир, где он находится? В ту пору его материальное оружие было гораздо мощнее того, каким располагали во Второй Академии, а психологическое — почти таким же грозным. Второй Академии пришлось прибегнуть к тактике сдерживания, минимуму действий — любая попытка победить в мгновенной схватке привела бы к тяжелейшим, необратимым последствиям.

Исход поединка целиком зависел от Байты Дарелл, от ее решительности и смелости. А ведь она совершила свой подвиг без вмешательства Второй Академии!

Потом наступил Золотой Век — Первым Ораторам, возглавлявшим в те времена Вторую Академию, удалось проявить небывалую активность, положить конец завоевательской карьере Мула, взяв под контроль его сознание. Удалось им остановить и Первую Академию, сдержав ее упрямство и любопытство в поисках местонахождения и сущности Второй Академии. Тем, кому принадлежала честь спасти План Селдона, был Прим Пальвер, девятнадцатый в череде Первых Ораторов. План был спасен, но не обошлось без жертв.

Теперь, через сто двадцать лет, Вторая Академия снова была вынуждена скрываться в заброшенной части Трентора. Пряталась она уже не от подданных Империи, а именно от Первой Академии, могущество которой достигло небывалых высот, власть которой в Галактике была почти равна власти Первой Галактической Империи, а что касается развития техники, то она давно обошла Империю.

Веки Первого Оратора сомкнулись, он впал в забытье. Он не спал, но и не бодрствовал, полностью расслабившись.

Хватит печалиться. Все будет хорошо. Трентор — до сих пор столица Галактики, потому что именно здесь находится Вторая Академия, и она сильнее и мудрее любого из Императоров.

Настанет черед, и возникнет Вторая Империя, совсем не похожая на Первую. Это будет Федеративная Империя: миры, составляющие ее, будут обладать значительными правами в области самоуправления, а память об унитарном, централизованном правительстве, тщетно строящем хорошую мину при плохой игре, пытаясь выдать собственную слабость за могущество, навсегда останется в прошлом. Новая Империя должна стать пластичной, гибкой, способной адаптироваться, умеющей выдерживать и амортизировать напряжение... И всегда, всегда ею будут править никому не известные мужчины и женщины из Второй Академии. Трентор по-прежнему останется столицей, и под управлением сорока тысяч психоисториков он станет величавее и могущественнее, чем под управлением сорока пяти миллиардов...

Первый Оратор очнулся. Садилось солнце. Не проговорился ли он? Не обронил ли лишней мысли?

Если любому во Второй Академии приходилось знать много, а говорить мало, то Правящим Ораторам следовало знать еще больше, а говорить еще меньше. А уж Первому Оратору

суждено было знать больше всех, а говорить, естественно, меньше всех.

Шендесс криво усмехнулся. Сколь соблазнительна всегда была идея тренторианского патриотизма — видение всей цели созидания Второй Империи в образе сотворения гегемонии Трентора! Сам Селдон предостерегал против этого. Еще пять столетий назад он предвидел, что подобных мыслей не избежать.

Первый Оратор понял, что впал в забытье совсем ненадолго. До встречи с Гендибалем еще оставалось время.

Шендесс ждал личной встречи с молодым Оратором. Гендибаль мог взглянуть на План свежим взглядом, достаточно острым, чтобы увидеть то, чего не видят другие. Не исключено, что кое-чего и сам Шендесс не видел.

Никому не было ведомо, сколь много почерпнул Прим Пальвер, сам Великий Пальвер из встречи с юным Колем Бенджоамом, которому в ту пору не было и тридцати. Тогда они говорили о возможных вариантах правления Второй Академии, о построении схемы ее отношений с Первой. Бенджоам, впоследствии прославленный теоретик, самый выдающийся теоретик со времен Мелдона, никогда никому не рассказывал об этой встрече, но именно ему суждено было стать двадцать первым из Первых Ораторов. Некоторые считали, что он затмил самого Пальвера теми уникальными изменениями в Плане, которые были внесены по его предложению в План в годы правления Пальвера.

Шендесс принялся размышлять о том, что ему может сказать Гендибаль. По традиции способные молодые сотрудники при встрече с Первыми Ораторами всю свою доктрину излагали в начальной фразе. И конечно же, они никогда не просили об этой первой аудиенции по какому-либо тривиальному поводу — для решения малозначительного вопроса. Это могло на корню разрушить всю их последующую карьеру. Не дай бог показаться Первому Оратору легкомысленным прожектером!

Минуло четыре часа, и Гендибаль явился. Внешне он не выглядел взволнованным. Он спокойно ждал — разговор должен был начать Первый Оратор.

— Вы попросили о личной аудиенции, Оратор, — сказал Шендесс, — по вопросу, который вам представляется важным. Не могли бы вы вкратце изложить мне суть дела?

И Гендибаль с олимпийским спокойствием, как будто у него спросили о том, что он ел на обед, ответил:

— Дело в том, Первый Оратор, что План Селдона — бессмыслица!

18

Стор Гендибаль был сам себе голова. Он вовсе не нуждался в похвалах со стороны и не помнил такого времени, чтобы ему казалось, будто он никому не нужен. Во Вторую Академию он попал девятилетним мальчиком — его разыскал агент, ощутивший в нем громадные потенциальные способности.

Гендибаль успешно постигал науки, увлекся психоисторией и втянулся в нее, как звездолет в гравитационное поле. Психоистория окликнула его, и он пошел на ее зов. Он прочел от корки до корки труды Селдона в том возрасте, когда другие только пытаются решать дифференциальные уравнения.

Когда ему исполнилось пятнадцать, Гендибаль поступил в Галактический Университет Трентора (так он официально назывался). На предварительном собеседовании у него спросили, каковы его цели на будущее, и он без запинки ответил: «Стать Первым Оратором до сорокалетия».

Но он вовсе не собирался занять пост Первого Оратора, не получив необходимого образования. Он просто считал, что это должно произойти, а каким образом, при каких обстоятельствах — неважно. Приму Пальверу было всего сорок два, когда он занял эту должность.

Квиндор Шендесс воспринял заявление Гендибаля скептически, и скепсис собеседника не укрылся от молодого Оратора, в совершенстве владеющего психологической речью. Он прекрасно понял, как если бы Первый Оратор сказал это вслух: теперь в его досье появится отметка о том, что он, Гендибаль, резок и несговорчив.

Обязательно!

Ну и что? А Гендибаль и не собирался быть покладистым.

Ему уже за тридцать. Еще два месяца — и будет тридцать один, и он уже заседал за Столом Ораторов. На то, чтобы стать Первым Оратором, оставалось еще девять лет, и он знал, как этого достичь. Сегодняшняя встреча с Первым Оратором имела определяющее значение для всех его планов и для того, чтобы

произвести то впечатление, которое ему хотелось произвести; ему не было нужды изощряться в шлифовке психоязыка.

Когда двое Ораторов Второй Академии говорят между собой, они не пользуются ни одним из известных в Галактике языков. Их речь скорее напоминает мгновенную жестикуляцию, понимание сказанного собеседником заключается в выявлении перемен в линиях мышления.

Чужак не понял бы ни слова, а Ораторы за кратчайший промежуток времени обменивались необходимым объемом информации, и при этом сказанное ими передать буквально смог бы только еще один Оратор.

Этот язык имел огромные преимущества — скорость общения и тончайшая нюансировка. Главным же его недостатком было то, что абсолютно невозможно было скрыть от собеседника свое истинное мнение.

Мнение Гендибаля о Первом Ораторе было совершенно определенное: он считал Шендесса человеком, лучшие времена которого остались далеко позади. Старик, как думал Гендибаль, не ждал кризиса, не был к нему готов. Разразись кризис — ему не хватило бы остроты мышления, чтобы осознать действительность и справиться с ней. При всей доброте, мягкости и прочих привлекательных душевных качествах Шендесс был тем самым материалом, из которого строятся несчастья.

Свое мнение Гендибалю следовало не только камуфлировать словами, жестами и выражением лица, но сами мысли держать подальше. Однако он не знал, как сделать, чтобы Первый Оратор не догадался, о чем он думает.

Не могло от него укрыться и понимание того, что думает о нем самом Первый Оратор. Сквозь совершенно очевидные и искренние дружелюбие и доброту виднелась далекая стена удивления и снисходительности. Гендибаль напряг до предела собственную защиту, стараясь если не скрыть все, что видел и понимал, то, по крайней мере, не демонстрировать этого слишком открыто.

Первый Оратор улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Нет, ноги на стол он не забросил, но излучил верно подобранную смесь самоуверенности, насмешливости и неформальной фамильярности — ровно настолько, чтобы у Гендибаля зародилась неуверенность в том, какой именно эффект произвело его заявление.

Поскольку Гендибалю не было предложено сесть, он был

крайне ограничен в средствах нивелировки собственной неуверенности. Скорее всего, Первый Оратор именно на это и рассчитывал.

— План Селдона — бессмыслица? — переспросил Шендесс. — Потрясающее заявление! Вы заглядывали в последнее время в Главный Радиант, Гендибаль?

— Я постоянно сверяюсь с ним, Первый Оратор. Это моя обязанность. Но помимо всего прочего, это доставляет мне удовольствие.

— Вероятно, вы изучаете постоянно лишь те участки Плана, которые вам положено наблюдать по долгу службы. Вероятно, ваша работа носит микроскопический характер — вычленение отдельных систем уравнений, коэффициентов приведения. Дело, безусловно, важное и нужное, но я всегда полагал, что время от времени исключительно полезно упражняться в прослеживании всей линии Плана. Изучение отдельных участков Главного Радианта дает свои плоды, но обследование его как громадного континента — вот что по-настоящему вдохновляет, заставляет переосмыслить многое. Сказать правду, Оратор, я сам давненько этим не занимался. Давайте посмотрим вместе?

Гендибаль не осмелился колебаться. Нужно было либо с готовностью согласиться на предложение Первого Оратора, либо наотрез отказаться.

— Это было бы великой честью и удовольствием для меня, Первый Оратор.

Шендесс нажал рычажок на крышке письменного стола. Такое устройство находилось теперь в кабинете любого Оратора, и в кабинете Гендибаля в том числе — явное проявление демократии. Вторая Академия представляла собой сообщество равных возможностей во всех проявлениях, порой самых незначительных. Ведь единственной фактической прерогативой Первого Оратора было слово, содержащееся в его титуле — он всегда говорил Первым.

Комната постепенно погрузилась в темноту, но вскоре во мраке засветилась жемчужная дымка. Обе длинные боковые стены кабинета стали молочно-белыми, свечение их разгоралось все сильнее, и, наконец, на их поверхности возникли аккуратно очерченные уравнения — такие крошечные, что прочитать их можно было с большим трудом.

— Если вы не возражаете, Оратор, — предложил Шендесс с полной уверенностью в том, что возражений и быть не может, — мы уменьшим изображение для того, чтобы одновременно увидеть как можно больше.

Мелкие значки съежились, превратились в тончайшие — с волосок — линии, образовавшие причудливые рисунки на жемчужно-белом фоне.

Первый Оратор коснулся клавиш небольшого пульта, встроенного в подлокотник кресла.

— Вернемся в самое начало — во времена Гэри Селдона. И сообщим Радианту некоторое движение вперед. Скорость его составит одно десятилетие за момент наблюдения. При этом у нас возникнет восхитительное ощущение плавания по реке истории, не отвлекаясь на детали. Интересно, вы когда-нибудь проделывали подобное?

— Именно в таком виде — никогда, Первый Оратор.

— А следовало бы. Чувство просто потрясающее. Вот, обратите внимание, сколь широка черная линия в самом начале. В течение первых нескольких десятилетий вероятность отклонений была чрезвычайно низка. Со временем число ответвлений от генеральной линии экспоненциально нарастает, увы. Если бы не тот факт, что при избрании определенного ответвления множество остальных со временем угасает, отмирает, ход истории был бы неуправляем. Конечно, думая о будущем, мы должны быть крайне осторожны в том, на какие угасания рассчитывать и какие ответвления избирать.

— Знаю, Первый Оратор, — сухо отреагировал Гендибаль и ничего не смог поделать с ноткой раздраженности, промелькнувшей в речи.

Первый Оратор пропустил его реплику мимо ушей.

— Обратите внимание на извилистые линии красных значков. В них есть определенная закономерность. По смыслу они должны выглядеть произвольно, случайно, ведь каждый Первый Оратор вступает на высокий пост за счет внесения дополнений и изменений в План Селдона. Кажется, будто нет никакой возможности предсказать, кому из Ораторов такое дастся легко, а кому придется напрячься изо всех сил, но тем не менее у меня всегда было подозрение, что черные линии Плана Селдона и красные — Ораторских Изменений — следуют четкому закону с явной зависимостью от времени и мало от чего более.

Гендибаль следил взглядом за течением лет, видел, как красные и черные линии пересекаются. Картина создавалась

почти гипнотическая. Конечно, линии сами по себе мало что значили — главными были символы, значки, их составляющие.

То тут, то там в красно-черное хитросплетение линий вкрадывался синий ручеек. Затем он исчезал или вливался либо в черную, либо в красную линию.

— Синие Девиации, — сказал Первый Оратор, и чувство недовольства вспыхнуло в сознании обоих Ораторов, заполнив, казалось, все пространство между ними. — Все чаще и чаще мы сталкиваемся с ними и наконец приближаемся к Столетию Девиаций...

Так все и было. Невооруженным глазом было видно, когда именно убийственный феномен Мула выплеснулся на Галактику и буквально переполнил ее — Главный Радиант разросся в ширину, переплелся со множеством синих ручейков. Их стало так много, что не сосчитать. Казалось, вся комната стала синей, а линии все утолщались, ветвились и испещряли поверхность стены, все более и более покрывая собой генеральную линию Плана...

Достигнув пика, синева постепенно померкла, линии стали тоньше, слились воедино на одно долгое столетие, чтобы потом исчезнуть навсегда. В том месте, где синие линии пропали и остались только черные и красные, к Плану приложил руку великий Прим Пальвер.

Вперед, вперед...

Линии сплелись в причудливый узел, целиком черный, с редкими тонкими красными пометками.

— Это — создание Второй Империи, — сказал Первый Оратор, отключил Радиант, и комната постепенно наполнилась обычным светом.

— Весьма эмоциональное путешествие, — сказал Гендибаль.

— О да, — улыбнулся Первый Оратор. — И вы удивительно старательно прятали свои эмоции, насколько могли. Но это неважно. Позвольте, я выскажу кое-какие соображения. Во-первых, от вашего взора не должно было укрыться практически полное отсутствие Синих Девиаций со времен Прима Пальвера — другими словами, за последние сто двадцать лет. Думаю, вы заметили также, что в будущие пять столетий серьезных вероятностей появления Синих Девиаций также не наблюдается. Надеюсь, от вас не укрылось и то, что мы уже начали расширять возможности психоистории за пределы создания Второй

Империи. Без сомнения, вам известно, что Гэри Селдон, гениальность которого непререкаема, не был и не мог быть всезнающим. Мы оживили его теорию. О психоистории мы теперь знаем куда больше, чем знал он сам.

Селдон завершил свои расчеты временем создания Второй Империи, но мы пошли дальше. Фактически — и мне не стыдно в этом признаться — разработка нового Гипер-Плана, рассчитанного на времена после создания Второй Империи, — это моя заслуга, и именно это позволило мне занять пост Первого Оратора.

Все это я говорю вам, чтобы избежать лишних слов в предстоящей беседе. Учитывая все это, как можете вы утверждать, что План Селдона — бессмыслица? Он безупречен. Тот простой и очевидный факт, что мы пережили Столетие Девиаций, при всем уважении к гению Прима Пальвера, — лучшее подтверждение безошибочности Плана. Где же вы видите просчеты, молодой человек? Как можете вы заявлять, что План — бессмыслица?

Гендибаль выпрямился во весь рост.

— Вы совершенно правы, Первый Оратор. План Селдона безупречен.

— Следовательно, вы отказываетесь от своего заявления?

— Нет, Первый Оратор. Именно его безупречность порочна. Более того, она фатальна!

19

Взгляд Первого Оратора был хладнокровен. Он умел скрывать свои чувства, и некомпетентность Гендибаля в этом отношении забавляла его. Молодой человек изо всех сил старался маскировать эмоции при каждом мыслеобмене, но всякий раз обнаруживал себя целиком.

Шендесс бесстрастно разглядывал молодого Оратора: Гендибаль был строен и поджар. У него были тонкие губы и жилистые, беспокойные руки с длинными, изящными пальцами. В глубоко посаженных темных глазах таился тлеющий огонь.

«Трудновато будет, — подумал Первый Оратор, — заставить такого отказаться от своих убеждений».

— Вы упражняетесь в парадоксах, Оратор, — сказал Шендесс.

— Безусловно, мое утверждение звучит парадоксально, Первый Оратор, поскольку мы слишком сильно привыкли многое в Плане принимать как данность, не задаваясь вопросами.

— Какой же вопрос задаете вы в таком случае?

— Дело в самой сущности Плана. Нам всем известно, что План не сработает, если его природа и даже самое его наличие станет известно слишком многим из тех, чье поведение предполагается прогнозировать.

— Полагаю, Гэри Селдон это понимал. Полагаю, кроме того, что именно это стало одной из аксиом психоистории.

— Он не предусмотрел появления Мула, Первый Оратор, и поэтому не мог предвидеть того интереса, который проявит ко Второй Академии Первая, когда мы вынуждены были раскрыться.

— Гэри Селдон... — начал Первый Оратор, осекся и умолк.

Все сотрудники Второй Академии знали, как выглядел Гэри Селдон внешне. Его двух- и трехмерные изображения, барельефы и статуи можно было встретить повсюду. Но на них он всегда был запечатлен таким, каким был в последние годы жизни, — стариком, с изборожденным морщинами мудрой старости лицом, символизируя квинтэссенцию зрелости гения.

И вдруг, совершенно неожиданно для себя самого, Первый Оратор вспомнил фотографию, которая, как предполагалось, изображала Селдона в молодости. На нее никто большого внимания не обращал — сама мысль представить Селдона молодым казалась нелепой. Однако Шендесс видел эту фотографию, и Стор Гендибаль на мгновение показался ему поразительно похожим на молодого Селдона!

Он тут же одернул себя. Смешно и глупо! Просто один из предрассудков, которым подвержены все люди без исключения, как бы рациональны ни были. Конечно, его поразило чисто внешнее сходство. Если разобраться, сомнительное. Будь у Шендесса сейчас перед глазами та фотография, он бы обязательно уверился, что никакого особого сходства нет — иллюзия. Но вот только почему эта нелепая мысль пришла ему в голову именно **сейчас**?!

Он быстро овладел собой. Мгновенное колебание, краткая рассеянность, слишком мимолетная, чтобы кто-то мог заметить ее, разве только другой Оратор. Пусть Гендибаль интерпретирует эту рассеянность как ему заблагорассудится.

— Гэри Селдон, — твердо, уверенно повторил он, — прекрасно знал, что существует колоссальное число вероятностей, предвидеть которые он не в силах, и именно поэтому создал Вторую Академию. Мы также не предвидели появления Мула, но быстро распознали его, а когда он выступил против нас, остановили его. Мы не предвидели и возможного интереса к нам со стороны Первой Академии, но, как только он возник, мы и ему положили конец. Где вы видите ошибку, Оратор?

— Во-первых, — сказал Гендибаль, — интерес к нам в Первой Академии вовсе не иссяк.

Первый Оратор сразу заметил, насколько увереннее заговорил Гендибаль. Значит, от него не укрылось краткое замешательство Первого Оратора, и он интерпретировал его как некую слабость. Это надо учесть.

— Позвольте возразить, — пошел в атаку Шендесс. — Вполне вероятно, что в Первой Академии могут сыскаться люди, которые сравнят ту полную тревог и потерь жизнь, что вела Первая Академия в течение почти четырех столетий, с ее безоблачным, безмятежным существованием на протяжении последних ста двадцати лет. Сравнят и придут к выводу, что это связано с той заботой, какую Вторая Академия проявляет о выполнении Плана, — тут им не откажешь в правоте и справедливости. Сделав такой вывод, они могут решить, что на самом деле Вторая Академия уничтожена не была, и также будут правы. И действительно, у нас есть сведения о том, что некий молодой человек из столицы Академии, Терминуса, член тамошнего правительства, просто-таки убежден в этом... Имя его запамятовал, к сожалению...

— Голан Тревайз, — уточнил Гендибаль. — Именно я первым сообщил об этом, именно я направил материалы на эту тему вам, Первый Оратор.

— О! — воскликнул Первый Оратор с подчеркнутым уважением. — И как же вышло, что он привлек ваше внимание?

— Один из наших агентов на Терминусе прислал традиционный отчет о вновь избранных членах Совета Академии — дело привычное, и Ораторы, как правило, особого внимания к такого рода сообщениям не проявляют. Однако именно этот отчет вызвал у меня интерес, не сам отчет, конечно, а то, как необычно и подробно в нем описан этот молодой Советник, Голан Тревайз. Судя по характеристике, которую ему дает наш

агент, этот человек необычайно самоуверен и настроен крайне воинственно.

— Почувствовали родственную душу?

— Вовсе нет, — не отреагировав на язвительное замечание, парировал Гендибаль. — Он показался мне беззлобным человеком, совершающим экстравагантные поступки, но такая характеристика меня не устроила. Я приступил к более углубленному исследованию. Довольно быстро я понял, что этот человек мог бы стать крайне ценен для нас, если бы нам удалось завербовать его, когда он был моложе.

— Весьма вероятно, — сказал Первый Оратор. — Однако вам прекрасно известно, что мы не занимаемся вербовкой на Терминусе.

— Известно, конечно. Как бы то ни было, даже при отсутствии нашей тренировки и обучения он обладает необычайной интуицией. Она, правда, совершенно неупорядоченна. Меня нисколько не удивило, что этот человек догадался, что Вторая Академия до сих пор существует. Мне это представилось настолько важным, что я немедленно послал сообщение вам, Первый Оратор.

— Судя по тому, как вы рассказываете об этом, появились новые подробности?

— Да. Поняв, что мы до сих пор существуем, этот Тревайз изложил свою точку зрения в крайне резкой форме, нарушив некие принципы Академии. В результате он изгнан с Терминуса.

Брови Первого Оратора резко вздернулись.

— Неожиданный поворот событий. Вы хотите, чтобы я дал оценку происходящему, не так ли? Без помощи компьютера оценка будет приблизительная, грубая... Попробую решить несколько уравнений Селдона в уме... Мой вывод таков: проницательная Мэр, *также способная предположить*, что Вторая Академия все еще существует, предпочла избавиться от неугодного ей Советника, который кричит об этом на всю Галактику и тем самым рискует навлечь опасность на Первую Академию. Полагаю, Бранно Бронзовая решила, что будет спокойнее услать Тревайза подальше от Терминуса.

— Она могла бы посадить его в тюрьму или казнить.

— Уравнения становятся ненадежны, Оратор, если их применять при рассмотрении поведения отдельного человека, это вам должно быть известно. Они имеют смысл только в прило-

жении к реакциям крупных сообществ. Поведение отдельных людей, следовательно, непредсказуемо, и вероятно предположить, что Мэр — гуманный человек и считает тюремное заключение, не говоря уже о казни, немилосердным.

Гендибаль молчал. Но это было не просто молчание, это было преднамеренное молчание. Он затянул паузу ровно настолько, чтобы у Первого Оратора зародились сомнения в высказанной им оценке событий, но чтобы рассердиться тот не успел.

Паузу Гендибаль выдержал и сообщил:

— А я не склонен к такой интерпретации. Я полагаю, что Тревайз в данный момент является оружием величайшей опасности за всю историю Второй Академии — гораздо более грозным, чем Мул!

20

Гендибаль был доволен. Новое заявление сработало превосходно. Первый Оратор этого не ожидал и вышел из равновесия. Теперь перевес был на стороне Гендибаля. Если и были у него какие-то сомнения в собственном превосходстве, они тут же развеялись после вопроса Шендесса:

— Имеет ли это какое-то отношение к вашему предыдущему заявлению относительно бессмысленности Плана Селдона?

Гендибаль на полной скорости рванул вперед по волнам уверенности, не давая Первому Оратору опомниться:

— Первый Оратор, тот факт, что Прим Пальвер восстановил русло течения Плана, никаких сомнений не вызывает. Ему удалось компенсировать те страшные аберрации, которые возникли в конце Столетия Девиаций. Взгляните на Главный Радиант, и вы увидите, что Девиации сохранялись всего два десятилетия после смерти Пальвера, и с тех пор их просто не было. Ни единой! Честь столь гладкого течения Плана должна бы, по идее, принадлежать Первым Ораторам, занимавшим этот высокий пост после Прима Пальвера, но это мне не представляется вероятным.

— Вот как? Ну конечно, Пальверов среди нас не было, но... что тут такого невероятного?

— Да будет мне позволено изложить свою точку зрения, Первый Оратор? Пользуясь методами психоисторической мате-

матики, я мог совершенно точно доказать, что шансы полного исчезновения Девиаций ничтожно малы — независимо от того, что бы ни предпринимала Вторая Академия. Вы можете отказаться от подробного заслушивания, это займет примерно полчаса вашего драгоценного времени. Тогда, если вы откажетесь, я могу созвать общее Собрание Стола Ораторов и изложить все там. Но мне не хотелось бы упускать время и провоцировать ненужные споры.

— Да. Верно. Кроме того, для меня это означало бы потерю авторитета. Излагайте немедленно. Но... одно предупреждение.

Первый Оратор ухватился за соломинку.

— Если окажется, что все это глупо и бессмысленно, я этого не забуду, учтите.

— Если это окажется глупо и бессмысленно, — гордо и легко сказал Гендибаль, — я отступлюсь и немедленно подам в отставку.

Объяснение заняло гораздо больше получаса, поскольку Первый Оратор самым скрупулезным образом рассматривал все детали математической проработки.

Некоторое время у Гендибаля ушло на умелую демонстрацию собственного микро-Радианта. Это прибор, с помощью которого можно было вычленить любой участок генеральной линии Плана в голографическом изображении, и при этом не требовалось ни горизонтальной поверхности стен, ни пульта размером с письменный стол, — его начали применять всего десять лет назад, и Первый Оратор с ним еще не освоился. Гендибаль знал об этом, а Шендесс видел, что Гендибаль это знает.

Гендибаль набросил петельку микропульта на большой палец правой руки, а четырьмя остальными пальцами принялся манипулировать крошечными кнопками с такой легкостью, будто играл на музыкальном инструменте (раскроем секрет: он заранее подготовился к разговору и написал себе шпаргалку, но Первый Оратор ее не видел).

Уравнения, которые демонстрировал Гендибаль, скользили вперед и назад, как юркие змейки, сопровождая его пояснения. Он мог, если бы это понадобилось, представить подробнейшие объяснения, аксиомы и графики, как двух-, так и трехмерные, не говоря о проекциях многомерных взаимосвязей.

Пояснения Гендибаля были продуманны, остры и изящны, и Первый Оратор отставил всякие мысли о психологическом состязании. Он был побежден.

— Не могу припомнить такого анализа, — сказал он. — Чья это работа?

— Моя, Первый Оратор. Моя собственная. Математические выкладки уже опубликованы.

— Весьма похвально, Оратор Гендибаль. Если вы будете продолжать в таком духе, это позволит вам занять пост Первого Оратора после моего ухода в отставку.

— Я и не помышлял об этом, Первый Оратор... но, поскольку вы мне все равно не поверите, я лгать не стану. Да, я думал об этом и надеюсь, что стану Первым Оратором, поскольку, кто бы ни метил на этот пост, он **должен** будет совершить процедуру, суть которой известна пока лишь мне одному.

— От скромности вы не умрете, — вздохнул Первый Оратор. — Что за процедура? И не мог ли бы нынешний Первый Оратор осуществить ее? Если я оказался слишком стар для того, чтобы отважиться на такой творческий подвиг, какой совершили вы, может быть, мне еще хватит ума для того, чтобы пойти в указанном вами направлении?

Признал поражение, милосердная уступка! Сердце Гендибаля дрогнуло, смягчилось, он по-человечески оценил этот шаг Первого Оратора, хотя понял, что намерения старика именно таковы, как он сказал.

— Благодарю вас, Первый Оратор. Безусловно, мне понадобится ваша помощь и поддержка. Не смею ожидать, что мне удастся убедить Стол Ораторов в своей правоте, если вы меня не поддержите (добром за добро). Надеюсь, вы согласны со мной теперь, когда я продемонстрировал невероятность того, что исчезновение Девиаций — целиком и полностью дело наших рук.

— Это для меня очевидно, — согласился Шендесс. — Если ваши математические выкладки верны, из них следует, что для восстановления Плана необходим учет возможности прогнозирования поведения малых групп людей, даже отдельных людей, с высокой степенью вероятности.

— Именно так. Поскольку же психоисторическая математика такого не позволяет, Девиации исчезнуть не могли, более того, их не может не быть. Следовательно, вы понимаете, что именно я имел в виду, заявив ранее, что как раз безукоризненность, безупречность выполнения Плана Селдона и делает его ошибочным.

— Следовательно, — сказал Первый Оратор, — либо План

Селдона действительно не предусматривает Девиаций, либо что-то не так с вашей математикой. Поскольку же в Плане Селдона **действительно** не отмечается Девиаций уже столетие с лишним, тем более вероятно, что в ваших математических выкладках есть погрешность... но никаких ошибок я не заметил.

— Вы были бы совершенно правы, Первый Оратор, если бы не существовало третьей альтернативы. Очень может быть, что и План Селдона не допускает Девиаций, и с моей математикой все в порядке, когда она доказывает, что это невероятно.

— Не вижу альтернативы.

— Давайте допустим, что выполнение Плана Селдона контролируется с помощью психоисторического метода, совершенного настолько, что поведение маленьких групп людей, даже отдельных людей, прогнозироваться **может**. Иными словами, может с помощью такого метода, которым ни вы, ни я не располагаем, да и никто во Второй Академии. Тогда, и **только** тогда, мои математические выкладки покажут, что в Плане Селдона действительно нет Девиаций и быть не может!

Наступила пауза (по обычным представлениям, никакой паузы и в помине не было, лишь по стандартам Второй Академии). Затем Первый Оратор сказал:

— Мне такой метод психоисторического анализа действительно незнаком и, насколько я понял, вам тоже. Если он неведом нам с вами, остается единственная возможность — некий Оратор или группа Ораторов разработала такого рода микропсихоисторию и утаила этот секрет от остальных членов Стола. Надеюсь, вы не откажетесь признать, что вероятность такого поворота событий ничтожно мала? Или вы не согласны?

— Согласен.

— Следовательно, либо ваш анализ неверен, либо микропсихоистория находится в руках некой группы за пределами Второй Академии.

— Совершенно верно, Первый Оратор. Именно о такой альтернативе я думал.

— Можете продемонстрировать справедливость этого предположения?

— Формально — не могу. Но вспомните: разве уже не было в истории случая, когда один-единственный человек повредил Плану Селдона, обрабатывая сознание отдельных людей?

— Вы говорите о Муле?

— Конечно.

— Но Мулу удалось лишь на время сорвать выполнение Плана. Теперь же проблема состоит в том, что План Селдона выполняется прекрасно — слишком хорошо, как показывает ваша математическая проработка. Для такого нужен... Анти-Мул — некто, способный нарушить План, но действующий из совершенно иных соображений: не сорвать План, а усовершенствовать его.

— Все верно, Первый Оратор. Я не додумался до такого определения. Кем был Мул? Мул был мутантом. Но откуда он взялся? Какова причина его появления на свет? Этого никто не знает. Разве их не могло быть больше?

— Не могло, скорее всего. Ведь единственное, что мы знаем о Муле наверняка, так это то, что он был бесплоден. Отсюда и произошла его кличка. Или вы полагаете, что это — легенда?

— Я говорю не о потомках Мула. Разве не вероятно, что Мул был чем-то вроде выродка в некоем сообществе, которое теперь значительно расплодилось и, обладая в полной мере способностями Мула, не стремится нарушить План Селдона, а наоборот — помогает его выполнению?

— Но почему, ради всего святого, они обязаны нам помогать?

— А мы почему сохраняем План? Мы собираемся создать Вторую Империю — вернее будет сказать, это суждено совершить нашим интеллектуальным наследникам. По нашим расчетам, именно они станут теми, кто будет принимать решения в будущем. Если же некая другая группа печется о сохранении Плана еще более усердно, чем мы, они, видимо, вовсе не собираются предоставить нам право принимать решения. Решения будут принимать они — но **какие**? Так не следует ли нам попытаться выяснить, к какого рода Второй Империи они нас влекут?

— Каким же образом вы предлагаете выяснить это?

— Начнем с того, Первый Оратор, что попробуем уяснить, зачем Мэру Терминуса понадобилось отправлять в ссылку Голана Тревайза. Ведь, поступив так, она позволила потенциально опасному человеку разгуливать по всей Галактике. В то, что она действовала из соображений гуманности и милосердия, я не верю. В исторической ретроспективе лидеры Первой Академии всегда действовали сугубо реалистично — чаще всего это означает, что факторы морального порядка не имели для них определяющего значения. Один из их героев — Сальвор Гардин —

открыто заявлял, что он против всякой морали вообще. Нет, я не думаю, что Мэр действовала по принуждению агентов Анти-Мулов, да будет мне позволено воспользоваться вашим определением. Я думаю, что Тревайза завербовали они и что он служит оружием величайшей опасности для нас. Смертельной опасности.

И Первый Оратор сказал:

— Клянусь Селдоном, вы можете быть правы. Но как мы сумеем убедить в этом Стол?

— Первый Оратор, не преуменьшайте собственного авторитета.

Глава 6

ЗЕМЛЯ

21

Тревайз устал, вспотел, был раздражен. Они с Пелоратом только что позавтракали в маленькой столовой — отдельном отсеке.

— Удивительно! — нарушил молчание Пелорат. — Мы летим только два дня, а я уже привык, освоился, чувствую себя превосходно! Правда, недостает природы, свежего воздуха и всякого такого прочего. Странно... Странно, что недостает, правда? Раньше, когда все это было вокруг меня, я на такие мелочи внимания не обращал, знаешь ли. Но самое главное — со мной моя любимая библиотека, то есть все, что мне нужно по-настоящему, и поэтому мне ни капельки не страшно в космосе теперь. Просто потрясающе, знаешь ли!

Тревайз издал какой-то неопределенный звук. Он, казалось, смотрел внутрь себя.

— Ты о чем-то думаешь, Голан? Прости, я не хотел тебя тревожить. Просто мне показалось, что ты меня слушаешь. Я понимаю — собеседник из меня никудышный, я всегда был занудой, знаешь ли. Вот. Но о чем ты думаешь?.. Скажи, что-нибудь не так? Мы попали в беду? Скажи, не бойся. Помощи от меня, конечно, мало, но я не испугаюсь, ты не думай, дружочек.

— Попали в беду? — рассеянно переспросил Тревайз, стряхнул задумчивость и нахмурился. — С чего ты взял?

— Я про корабль. Ну все-таки — новая модель. Мало ли что, вдруг что-то не в порядке?

Пелорат неловко улыбнулся.

Тревайз энергично покачал головой:

— Зря беспокоишься, Джен. Все в полном порядке, все работает как надо. Просто... я искал гиперрелe.

— А, понятно... то есть совсем непонятно, знаешь ли. Что такое гиперрелe?

— Сейчас объясню, Джен. Мне нужно держать связь с Терминусом. Я могу выйти на связь в любое время, как только захочу, а Терминус, со своей стороны, может в любое время связаться со мной. Они знают координаты корабля, наблюдают за траекторией нашего полета. Даже если бы они не знали, где мы находимся, они могли бы лоцировать местонахождение нашего корабля методом масс-сканирования. Этим способом можно найти в космосе нечто объемное — корабль или, скажем, метеорит. Отличить корабль от метеорита они могут за счет обнаружения источника энергии, а найдя таковой, можно идентифицировать конкретный корабль. Понимаешь, нет двух кораблей, совершенно одинаковых с точки зрения использования энергии. Что-то есть в нашем корабле типичное только для него, и его особенности зафиксированы в реестрах Терминуса.

— Знаете, Тревайз... знаешь, Голан, — задумчиво проговорил Пелорат, — у меня такое впечатление, что все успехи цивилизации — не что иное, как упражнения в ограничении свободы.

— Не исключено, что ты прав. Однако раньше или позже мы будем вынуждены перейти в гиперпространство, иначе нам придется вечно болтаться в парсеке-двух от Терминуса. О межзвездных перелетах тогда и говорить нечего. Переходя в гиперпространство, мы теряем связь с обычным пространством. Перемещение происходит за краткие мгновения реального времени, и при этом мы покрываем расстояние в сотни парсеков. После перемещения мы можем оказаться в месте, координаты которого трудно прогнозировать заранее, и фактически обнаружить нас будет трудновато.

— ...Понимаю, — кивнул Пелорат. — Понимаю.

— Трудновато, если только на нашем корабле не установлено гиперрелe. Гиперрелe способно послать сигнал через гипер-

пространство — такой сигнал у каждого конкретного корабля свой собственный. И тогда на Терминусе знали бы, где мы находимся в любое время. Вот подтверждение твоей мысли, Джен. Тогда нигде во всей Галактике мы бы не смогли спрятаться от поисковой техники Академии.

— Но, Голан... зачем нам прятаться? Разве мы не нуждаемся в защите Академии?

— Почему? Нуждаемся, конечно, но только тогда, когда сами об этом попросим. Ты же сам сказал: «Успехи цивилизации — не что иное, как упражнения в ограничении свободы». Ну так вот: мне такое ограничение не по вкусу. Я хочу лететь куда угодно, куда захочу, чтобы меня не трогали, если только мне не понадобится помощь и защита. И в этом смысле я чувствовал бы себя гораздо спокойнее, если бы у нас на борту не было гиперреле.

— Но... ты нашел его, Голан?

— Нет. Не нашел. Нашел бы — наверное, сумел бы его поломать.

— А ты бы узнал его, если бы нашел?

— В том-то и загвоздка! Я могу не узнать его по виду! В принципе, я представляю себе, как должно выглядеть гиперреле, но ведь это корабль последней модели, и тут его могли так хитро запрятать, что ни за что не догадаешься, где оно.

— Но ведь, с другой стороны, ты мог его не найти именно потому, что его просто нет.

— Не знаю. Пока не уверюсь, что его действительно нет, о Прыжке даже и думать не хочу.

— А-а-а... Так вот в чем дело! А я-то думал, почему это мы все плывем и плывем в пространстве и все не прыгаем... Я, знаешь ли, слыхал о Прыжках. Признаться, немного побаивался и все ждал, когда ты скажешь мне, что надо пристегнуться или таблетку какую-нибудь дашь... ну или что-то в этом роде.

Тревайз не смог сдержать улыбки:

— Бояться нечего. То, о чем ты говоришь, — страшная древность. На таком корабле, как у нас, все предоставлено компьютеру. Нужно только дать ему соответствующие инструкции, а все остальное он сделает сам. Даже не почувствуешь, что что-то произошло, только картина в иллюминаторе изменится, вот и все. Если ты видел когда-нибудь слайд-шоу, то представляешь себе, как это бывает, когда кадры быстро сменяют друг друга. Вот так примерно выглядит Прыжок.

— Бог мой! Я ничего не почувствую? Правда? Это даже как-то обидно, знаешь ли.

— Ну я, по крайней мере, никогда ничего не ощущал, а ведь я летал не на таких современных кораблях, как наша малютка... Но Прыжок мы пока не совершили не только потому, что я не нашел гиперреле. Нам нужно улететь подальше от Терминуса и от его солнца. Чем дальше мы будем находиться от любого объекта с большой массой, тем легче проконтролировать Прыжок и произвести выход в обычное пространство в заданных координатах. В экстренных случаях можно, конечно, пойти на риск и совершить Прыжок, находясь всего в двухстах километрах от поверхности планеты, но тогда приходится положиться на удачу и надеяться, что все сойдет благополучно. Правда, пустого пространства в Галактике гораздо больше, чем занятого, но всегда есть вероятность, что после Прыжка окажешься где-нибудь поблизости от крупной звезды, а то и в самом центре Галактики. Тогда и глазом моргнуть не успеешь, как заживо изжаришься. Чем дальше держишься от крупных объектов, тем меньше такая вероятность.

— Что ж, тогда я целиком полагаюсь на твою осторожность. Насколько я понимаю, торопиться нам особо некуда.

— Вот именно... В особенности потому, что я бы сейчас душу отдал на заклание, чтобы найти гиперреле до первого Прыжка... либо я должен убедиться, что его здесь нет.

Тревайз снова глубоко задумался, и Пелорат осторожно, но довольно громко поинтересовался:

— И долго ты будешь искать? Сколько времени это займет?

— Что именно?

— Я хотел спросить... когда бы ты совершил Прыжок, если бы не искал гиперреле?

— Ну... при нашей скорости и траектории... скажем, на четвертый день после старта. К концу четвертого дня. Точное время определю с помощью компьютера.

— Значит, на поиски у тебя еще целых два дня. Можно я выскажу предложение?

— Валяй высказывай.

— В своей работе мне часто приходилось сталкиваться... конечно, у меня совсем другая работа, не такая, как твоя... но все-таки что-то общее всегда есть. Словом, когда зацикливаешься на чем-то одном, постоянно об этом думаешь — толку мало. Но стоит расслабиться, отвлечься, заняться чем-то другим — и твое

подсознание, освободившись от гнета раздумий, сможет решить твою проблему.

Тревайз зажмурился и рассмеялся:

— Действительно, а почему бы и нет?! Скажи-ка мне, Профессор, почему тебя так интересует Земля? И почему вообще затеян этот странный поиск конкретной планеты? Этой прародины человечества?

— А, понятно... — Пелорат радостно покивал. — Это было давно. Лет этак тридцать назад. Я, знаешь ли, собирался выучиться на биолога, когда поступал в колледж. Особенно меня интересовало разнообразие биологических видов в различных мирах. Хотя... разнообразие — не совсем верное слово. Вариаций, как тебе известно... хотя, наверное, неизвестно, — очень немного. Все формы жизни по всей Галактике — как минимум известные нам на сегодняшний день, — обладают белково-водно-нуклеиновой структурой.

— Я учился в военном колледже, — сказал Тревайз, — и там большое внимание уделялось ядерной физике и гравитации, но не такой уж я узкий специалист. О химических основах жизни я кое-что знаю. Нас учили тому, что вода, белки и нуклеиновые кислоты — единственная возможная основа для биологической жизни.

— Несколько поспешное заключение, знаешь ли. Правильнее было бы сказать, что до сих пор не найдено других форм жизни. Гораздо более удивительно то, что индигенные, эндемичные формы жизни — виды, которые бы обнаруживались только на одной планете, — удивительно немногочисленны. Большинство из существующих видов, включая и *Homo sapiens,* расселены по всем или, по крайней мере, большинству обитаемых миров Галактики и весьма сходны между собой биохимически, физиологически и морфологически. Индигенные виды же, с другой стороны, резко отличаются по межвидовым и внутривидовым признакам.

— И что из этого следует?

— Вывод таков: какой-то один мир в Галактике — один-единственный — *отличается от всех остальных. Десятки миллионов* миров в Галактике развили жизнь — простейшую, примитивную, хрупкую, трудно сохраняемую, не слишком разнообразную, не легко распространяемую. И единственный мир, только один, развил жизнь миллионов видов, да-да, именно миллионов, и некоторые из этих видов были высокоспециализированными, высокоразвитыми, с громадными способностями к размножению и распространению, включая нас. Мы оказались настолько разумны, что создали цивилизацию, разработали технику космических полетов и колонизировали Галактику. А распространяясь по Галактике, мы всюду брали с собой и распространяли другие виды, другие формы жизни, связанные между собой и с нами.

— Не понимаю, что тут такого удивительного, — равнодушно сказал Тревайз. — Все разумно. Да, в итоге мы имеем «человеческую» Галактику. Если предположить, что начало этому было положено в одном-единственном мире, то он действительно должен был отличаться неким многообразием видов. А почему бы и нет? Вероятность столь бурного развития жизни ничтожно мала, один против миллиона, следовательно, такое могло случиться в одном из сотен миллионов миров. Вполне может быть, что такой мир действительно был только один.

— Но что сделало этот мир столь уникальным, не похожим на другие? — подхватил его мысль Пелорат. — Какие условия?

— Простая случайность, наверное. Ведь, в конце концов, люди и те формы жизни, что они таскали за собой, теперь живут на десятках миллионов планет, а раз каждая из них способна поддерживать существование жизни, значит, каждая и годится на эту роль.

— Нет! — горячо возразил Пелорат. — Нет и нет! С тех пор как человечество развило технику и вовлекло себя в тяжкую борьбу за выживание, оно действительно научилось адаптироваться в любом мире — даже в таком, прямо скажем, малогостеприимном, как Терминус. Но разве можно себе представить, что на Терминусе могла зародиться разумная жизнь? Ведь когда на Терминус прибыли первые Энциклопедисты, они обнаружили там лишь мохоподобную растительность на скалах и кое-каких насекомых. Почти все они были уничтожены, люди заселили землю и водоемы рыбой, кроликами и козами, посадили деревья, засеяли землю зерном и так далее. Мы не оставили от индигенной жизни ничего — только то, что теперь живет в зоопарках и аквариумах.

— Гм-м-м... — нахмурился Тревайз.

Пелорат с минуту молча смотрел на него, потом вздохнул:

— Тебе до этого дела нет, я понимаю. Неудивительно. Правду сказать, мало я встречал людей, кому это было бы инте-

ресно. Наверное, я сам виноват — не умею увлекательно рассказывать, хотя меня самого это ужасно интересует.

— Почему? — пожал плечами Тревайз. — Очень интересно. Ну... ну и что?

— Разве тебе не кажется, что, с чисто научной точки зрения, было бы интересно исследовать мир, давший начало единственному по-настоящему процветающему экологическому равновесию, который когда-либо знала Галактика?

— Наверное, если бы я был биологом... Но я же не биолог, так что ты должен меня простить.

— Ну конечно, дружочек, конечно... Но дело в том, что я и биологов мало встречал, кто бы этим заинтересовался. Ну так вот... Как я уже сказал, я увлекался когда-то биологией. Я попробовал заговорить об этой проблеме с профессором, но он остался равнодушен. Посоветовал мне уделять больше внимания практическим вопросам, не витать в облаках. Но мне было так скучно, что в конце концов я переключился на историю, ею я увлекался еще в подростковом возрасте, но тогда это было просто хобби... В общем, я принялся изучать «Вопрос о Происхождении» с этой точки зрения.

— По-моему, — вставил Тревайз, — тебе следовало бы возблагодарить своего профессора: он подарил тебе дело жизни.

— Да, пожалуй, можно и так сказать. Это ведь так замечательно! Знаешь, я никогда не устаю от своей работы, она мне никогда не надоедает. О, как бы мне хотелось, чтобы тебе это тоже стало интересно! Я так устал говорить с самим собой...

Тревайз запрокинул голову и громко расхохотался.

— Почему ты смеешься надо мной, Голан? — оторопело и обиженно спросил Пелорат.

— Не над тобой, Джен! Над собственной тупостью. Дело в том, что ты был совершенно прав. Там, где ты корифей, я полный профан. Да, ты прав на все сто.

— В чем? В постановке вопроса о происхождении человечества?

— Да нет! Прости, не исключено, что и в этом тоже. Я хотел сказать, как прав ты был, когда посоветовал мне отвлечься от того, о чем я думал. Все сработало! И когда ты говорил о том, как появилась жизнь, я понял, как найти гиперреле, если оно, конечно, есть.

— О, вот как?

— Да, вот так! Ведь это просто сводило меня с ума. Я искал

реле так, будто нахожусь на корабле древней модели — таком тренировочном корабле, на каком летал когда-то, то есть занимался тем, что изучал все отсеки глазами, разыскивая нечто такое, что выглядело бы не похожим на все остальные предметы. Я забыл, что этот корабль — продукт тысячелетнего развития технической цивилизации. Понимаешь?

— Нет, Голан, — признался Пелорат.

— У нас есть компьютер. Как я мог о нем забыть?

Он схватил Пелората за руку и потащил в свою каюту.

— Сейчас попытаюсь связаться... — сказал Тревайз, положив ладони на крышку стола.

Нужно было попробовать наладить связь с Терминусом, который находился от них на расстоянии в несколько тысяч километров.

«Выходи на связь. Говори!»

Он чувствовал себя так, будто все нервные окончания вытянулись, натянулись, как струны, рванулись наружу с кошмарной скоростью — не иначе как со скоростью света, ведь именно она была нужна, чтобы наладить связь.

Тревайз ощутил прикосновение, нет, не прикосновение... не было для этого подходящего слова, но он знал, что Терминус на связи, и, хотя расстояние между кораблем и планетой преодолевалось со скоростью примерно двадцать километров в секунду, было полное ощущение, что корабль недвижим и между ними всего несколько метров...

Он ничего не сказал. Он молчал. Он просто проверял сам **принцип** связи. И молчал.

Неподалеку, всего в восьми парсеках, находился Анакреон, по Галактическим стандартам ближайшая крупная планета для задворок Галактики. Чтобы сигнал дошел туда, потребовалось бы пятьдесят два года при скорости света, достаточной для связи с Терминусом.

«Доберись до Анакреона! Думай об Анакреоне! Думай о нем четко, ясно, как только можешь. Ты знаешь о своем положении относительно Терминуса и Центра Галактики, ты изучал планетографию и историю, решал военные задачки. Помнишь эти задачки на необходимость захвата Анакреона? Господи! Да ведь ты был на Анакреоне! Картинку! Представь себе Анакреон! Будь здесь гиперреле, ты бы представил его себе, как наяву! Ну! Ну!»

Ничего. Ноль эмоций. Нервные окончания дрогнули, расслабились, напряжение спало.

— Нет у нас гиперреле, Джен. Я уверен. А если бы не внял твоему совету, я бы искал его еще неизвестно сколько времени.

Пелорат, не изменившись в лице, довольно кивнул:

— Как я рад, что хоть чем-то сумел тебе помочь. Означает ли это, что мы совершим Прыжок?

— Нет, все-таки выждем два дня, чтобы все вышло как нужно. Я говорил тебе, помнишь, — нам нужно улететь подальше от Терминуса. У меня так или иначе ушла бы пара дней на ознакомление с кораблем незнакомой конструкции и расчет Прыжка, но... у меня такое впечатление, что компьютер отлично сам справится.

— Ой... значит, нам предстоит скучать еще целых два дня?

— Скучать? — широко улыбнулся Тревайз. — Ничего подобного! Мы, дружище Джен, будем говорить о Земле.

— Правда?! — обрадованно воскликнул Пелорат. — Тебе хочется сделать старику приятное?! Как мило с твоей стороны. Очень мило, дружочек.

— Ерунда. Не надо так радоваться. На самом деле я хочу сделать приятное себе. Джен, да ты просто гений! После твоих объяснений мне стало ясно, что Земля — это самое интересное, что есть в Галактике!

22

И действительно, мысль эта промелькнула в сознании Тревайза, когда Пелорат говорил о Земле. Он отвлекся от нее только потому, что так упорно думал о гиперреле. Теперь, когда этот вопрос был снят, он понял, как это важно.

Ведь самой распространенной из цитат Селдона была его реплика относительно того, что «Вторая Академия находится на другом конце Галактики» от Терминуса. Селдон добавил еще одну характеристику этого места, сказав, что там «конец звезд».

Эти сведения содержались в отчете Гааля Дорника о знаменитом процессе — в описании им дня, предшествовавшего последнему слушанию дела Селдона. «Другой конец Галактики», — если верить Дорнику, Селдон произнес именно эти слова, и с этого дня весь мир пытался решить, что имел в виду Селдон.

Что связывало один конец Галактики с другим? Прямая линия, спираль, круг? Что?

На Тревайза неожиданно снизошло озарение, ему стало ясно, что не должно быть ни линии, ни круга, ни спирали — не они должны быть начертаны на карте Галактики. Все было гораздо тоньше и сложнее...

На одном конце Галактики, по определению, находились Терминус и Первая Академия. Это действительно был край Галактики, отчего слово «конец» принимало буквальное значение. Помимо всего прочего, Терминус был **самым новым** миром в Галактике в те времена, когда Селдон произносил свою сакраментальную фразу, миром, которого тогда фактически еще не существовало — он только должен был быть основан.

Что ж в свете этого могло быть другим концом Галактики? Тем ее краем, где располагалась Вторая Академия? Ну конечно, самый **древний** мир в Галактике! И, судя по фактам, которые излагал Пелорат, сам не догадываясь, как это важно для Тревайза, этим миром могла быть только Земля. Вторая Академия запросто могла находиться на Земле!

...Да, но Селдон сказал также, что там — «конец звезд». Но разве можно утверждать, что это не поэтический образ? Ведь если попробовать проследить историю человечества в обратном направлении, как это сделал Пелорат... то образуется потрясающая картина: от звезды к звезде, от одной обитаемой системы к другой протянутся нити — пути миграции, и в конце концов все нити приведут к той самой планете, откуда произошло человечество. К звезде, освещающей Землю. К концу звезд.

Тревайз улыбнулся и почти любовно попросил:

— Расскажи мне побольше о Земле, Джен.

Пелорат покачал головой:

— Я тебе все рассказал. Остальное мы узнаем на Тренторе.

— Нет, Джен. Там мы ничего не найдем. Почему? Потому что на Трентор мы не полетим. Корабль веду я, и ты можешь быть совершенно уверен — на Трентор мы не полетим.

Пелорат раскрыл рот, закрыл, опять открыл. Долго молчал, наконец, с трудом справившись с собой, выговорил:

— Ка-кая н-неожиданность, д-дружочек...

— Не расстраивайся, Джен. Не стоит. Мы будем искать Землю.

— Но только на Тренторе...

— Нет. На Тренторе ты не разыщешь ничего, кроме потрескавшихся кинопленок и пыльных документов, и сам потрескаешься и запылишься.

— Я столько лет мечтал...

— Ты мечтал найти Землю.

— Да, но...

Тревайз вскочил, схватил Пелората за край рукава:

— Все, хватит, Профессор. Хватит, слышишь? Ты же сам сказал мне, что мы обязательно найдем Землю — еще на Терминусе, помнишь, ты похвастался, я цитирую твои собственные слова: «Я располагаю уникальными сведениями и догадками». Так вот — ни слова больше о Тренторе. Я желаю узнать, что у тебя за догадки.

— Но... но это действительно только догадки! Надежды, всякие туманные идеи, знаешь ли...

— Прекрасно! Рассказывай!

— Ты не поймешь. Не поймешь! Я же не единственный, кто проводил исследования в этой области. Тут нет ничего исторического, ничего твердо доказанного, ничего реального. С одной стороны, люди говорят о Земле, как будто ее существование — факт, но, с другой стороны, во всем этом много мифического, легендарного. Существуют миллионы противоречащих друг другу сказаний...

— Ну хорошо. Лично **твое** исследование в чем состояло?

— Я вынужден был собирать все до единого сказания, исторические упоминания, легенды, самые невероятные мифы. Даже **фантастику.** Все, все, где фигурирует слово «Земля», все, где есть упоминание о планете-прародине. Целых тридцать лет я собирал все это. К моим услугам были все библиотеки Галактики. И теперь, если бы я смог разыскать нечто более надежное в Галактической Библиотеке на... Ой, прости, ты запретил мне произносить это слово.

— Правильно. Нечего его произносить. Вместо этого лучше скажи, что один вопрос особенно привлек твое внимание, и объясни — почему.

Пелорат грустно покачал головой:

— Прости меня, Голан, но позволь мне высказать замечание. Ты говоришь со мной как солдафон или политик. Историки так не работают.

Тревайз сделал глубокий вдох и взял себя в руки.

— Хорошо. Скажи мне, как они работают, Джен. У нас есть два дня. Ликвидируй мою безграмотность. Займись моим обучением.

— Хорошо, дружочек. Так вот... Нельзя полагаться на любой отдельно взятый миф, даже на любой из ряда подобных. Мне пришлось собрать их все, анализировать их, классифицировать, разработать целую систему кодов, отражающую различные аспекты содержания — рассказов о немыслимых климатических условиях, описаний астрономических подробностей планетарных систем по сравнению с теми, что имеются на самом деле, мест рождения легендарных героев, о которых сказано, что они попали в эти миры откуда-то еще, — сотни, тысячи аспектов. Все перечислять бесполезно. Двух дней тут не хватит. Я потратил тридцать лет, я же говорил тебе... Потом я разработал компьютерную программу, с помощью которой изучил все собранные мифы на предмет наличия сходных компонентов и исключения истинных невероятностей. Постепенно я разработал модель Земли — такой, какой она могла быть. В конце концов, если люди действительно произошли с одной планеты, она и должна являться фактом, общим для всех мифов... Ну что, ты хочешь услышать математические подробности?

Тревайз ответил:

— Не сейчас, благодарю. Но только — как ты можешь быть уверен, что твоя математика не подвела тебя? К примеру, мы знаем, что Терминус был основан пять веков назад, что первые люди прибыли туда как колонисты с Трентора, но ведь на Трентор они попали из десятков, а то и из сотен самых разных миров. Но кто-то, не знавший этого, мог предположить, что Гэри Селдон и Сальвор Гардин, ни один из которых не был рожден на Терминусе, были уроженцами Земли; и Трентор, таким образом, — то самое место, которое надо называть Землей. Возьмись сторонники такой гипотезы искать Трентор — такой Трентор, каким он был во времена Селдона, планету, закованную в металл, они бы его не нашли и сочли бы свою догадку мифом, невероятной легендой.

Пелорат довольно кивнул:

— Дружочек, я готов принести извинения за то, что сказал насчет солдафонов и политиков. У тебя потрясающая интуиция! Все правильно — мне нужно было очертить границы поиска. Я придумал уйму вариантов извращений истинной истории, имитировал мифы тех типов, которые мне удалось собрать. Затем я предпринял попытку внедрить собственные имитации в модель. Одно из моих произведений, кстати, касалось раннего этапа истории Терминуса. Все мои выдумки компьютер отверг.

Все до одной. Не исключено, конечно, что мне не хватило литературного таланта, но я старался, как мог.

— Не сомневаюсь. И что же сказала твоя модель о Земле?

— Получился ряд сведений различной степени вероятности. Нечто вроде шаблона, знаешь ли. Ну, например: девяносто процентов обитаемых планет в Галактике обращается вокруг своих звезд за период, продолжительность которого колеблется между двадцатью двумя и двадцатью шестью Стандартными Галактическими Часами. Так вот...

Тревайз не дал ему договорить:

— Надеюсь, этот фактор ты не стал принимать чересчур серьезно, Джен? Здесь никакой мистики нет. Чтобы планета была обитаемой, она не должна вращаться слишком быстро, иначе ускоренная циркуляция атмосферы создавала бы постоянные бури и ураганы. Не должна планета вращаться и слишком медленно, тогда колебания температуры приобретут экстремальный характер. Выходит нечто вроде самоизбирательной характеристики. Люди предпочитают селиться на планетах с благоприятными условиями, а когда оказывается, что почти все обитаемые планеты этим условиям удовлетворяют, некоторые восклицают: «Какое удивительное совпадение!» На самом же деле — ничего удивительного, и о совпадении говорить не приходится.

— Безусловно, — спокойно согласился Пелорат. — Это — крайне распространенная закономерность в области социальных наук. Наверное, такой стиль мышления характерен и для физиков, но я не физик и не могу быть в этом уверен. Называется это «антропным принципом». Наблюдатель влияет на события лишь за счет того, что наблюдает за ними или непосредственно в них участвует. Вопрос в другом: где находится планета, послужившая эталоном? Какая планета имеет период обращения, в точности равный Стандартному Галактическому Дню, то есть двадцати четырем Стандартным Галактическим Часам?

Тревайз задумался, прикусил губу...

— Ты думаешь, это и есть Земля? Но Галактический Стандарт мог быть списан с местных характеристик любого мира, да или нет?

— Маловероятно. Нетипично для людской психологии. Вот смотри: Трентор был столичным миром Галактики двенадцать тысяч лет. Двадцать тысячелетий он был самым населенным

миром в Галактике. Так? И тем не менее продолжительность его дня — один ноль восемь Стандартного Галактического Дня — не стала общепринятой по всей Галактике. Период обращения Трентора вокруг его светила составляет девяносто одну сотую Стандартного Галактического Года, но и этот стандарт не был насильно навязан другим планетам, которыми он правил. Каждая планета пользуется собственной системой расчетов, везде существует Местный Планетарный День, и только при решении вопросов межпланетной важности в силу вступают пересчеты по СГД в сравнении с МПД. Стандартный Галактический День должен был произойти с Земли!

— Почему так уж и должен?

— Во-первых, когда-то Земля была **единственным** обитаемым миром, и, естественно, ее день и год должны были быть стандартными и остались стандартными чисто за счет психологической инерции при заселении людьми других миров. Кстати говоря, модель Земли, что получилась у меня, давала именно эти параметры — обращение вокруг оси за двадцать четыре СГЧ и обращение вокруг звезды за СГД.

— А не могло тут быть совпадения?

Пелорат рассмеялся:

— Приехали! Теперь ты заговорил о совпадении! Разве можно тут допустить мысль о совпадении?

— Ну ладно, ладно... — смутился Тревайз.

— На самом деле есть еще кое-что... Существует архаичная, устаревшая единица измерения времени, называемая месяцем...

— Слыхал.

— Так вот. Месяц приблизительно равнялся продолжительности периода обращения спутника Земли вокруг нее. Однако...

— Ну?

— Однако при наблюдении за моей моделью Земли выяснилось, что спутник Земли был удивительно крупным: его диаметр равнялся четверти диаметра Земли!

— Вот это новость! Не припомню в Галактике обитаемой планеты с таким громадным спутником.

— Но ведь это как раз и замечательно! — воскликнул Пелорат. — Если Земля была столь уникальна с точки зрения многообразия видов и эволюции разума, значит, и с физической точки зрения она просто должна была быть уникальна!

— Да, но... какое отношение размеры спутника имеют к

многообразию видов, эволюции разума и тому подобным вещам?

— Трудно сказать. Очень трудно. Я не знаю, если честно. Но это заслуживает исследования, правда?

Тревайз встал, скрестил руки на груди, покачался с носка на пятку.

— Но в чем же тогда, собственно, проблема? Просмотри реестры обитаемых планет, отыщи ту, у которой период обращения вокруг оси и солнца составляет соответственно СГД и СГГ. Если при этом у такой планеты окажется крупный спутник — вот и все, что нужно. Раз ты говорил об «удивительных догадках», уж это-то тебе наверняка в голову пришло, не сомневаюсь.

Пелорат заметно погрустнел.

— Понимаешь, дружочек, все было бы хорошо, и департамент астрономии помог мне с этими реестрами, только... короче говоря, такой планеты нет.

Тревайз плюхнулся в кресло.

— Что же, выходит, всем твоим выводам грош цена?

— Не сказал бы.

— Как это — «не сказал бы»? У тебя вышла детальная, четко разработанная модель, но ничего в таком роде найти ты не сумел. Значит, модель неверна. Надо все начинать сначала.

— Вовсе нет. Это значит, что статистика по обитаемым мирам страдает неполнотой. Обитаемых миров очень много — десятки миллионов, и многие из них окутаны тайной. К примеру, надежной информации о количестве населения нет почти для половины. А для сорока тысяч шестисот миров нет ничего, кроме названий и координат. Некоторые галактографы предполагают, что может существовать около десяти тысяч обитаемых планет, не упомянутых в официальной статистике. Может быть, эти миры сами хотят, чтобы так было. Наверное, во времена Имперской Эры это помогало им избежать уплаты податей.

— Угу, — цинично процедил Тревайз. — А впоследствии такая политика помогла им превратиться в логова пиратов — намного, прямо скажем, более выгодное дело, чем законная торговля.

— Нельзя судить наверняка, — с сомнением в голосе сказал Пелорат.

— И все равно, — покачал головой Тревайз, — мне кажется, что Земля должна быть в перечне обитаемых планет независимо

от ее собственного желания. Старейшая планета, по определению. Как же ее могли забыть, проглядеть в первые века становления цивилизации в Галактике? И уж если она в перечень попала, она до сих пор там должна быть. Социальная инерция неистребима.

Пелорат тихо, тоскливо пробормотал:

— На самом деле есть планета под названием Земля в этом перечне...

— Как это? — изумился Тревайз. — Разве ты сам только что не сказал, что ее там нет?

— Она не так называется. Существует планета под названием Гея.

— При чем она тут? При чем тут эта — как ты сказал? Гейя?

— Пишется Г-Е-Я. Означает «Земля».

— Почему это слово должно означать «Земля»? Для меня это слово никакого смысла не несет.

Лицо Пелората исказила гримаса муки.

— Вряд ли ты мне поверишь... Понимаешь, если вернуться к анализу мифов... в общем, получается, что на Земле существовало множество независимых языков.

— Что?

— Да-да. В конце концов, и сейчас в Галактике говорят на тысяче разных диалектов.

— Верно, диалектов великое множество, но они не независимы. Действительно, понимание каждого из них вызывает определенные трудности, все это — варианты Галактического Стандарта.

— Правильно, но ведь это обусловлено постоянными контактами между мирами. А что, если какой-то мир находился в изоляции долгое время?

— Ты говоришь о Земле. Одном-единственном мире. При чем же тут изоляция?

— Земля — планета-прародина, не забывай. Человечество в этом мире когда-то обитало в таких примитивных условиях, что сейчас и представить невозможно. Никаких космических полетов, никаких компьютеров, вообще никакой техники — борьба за выживание...

— Странно... очень странно, — поджал губы Тревайз.

Пелорат склонил голову набок и печально улыбнулся:

— Наверное, все бесполезно, дружочек. Мне никогда не удавалось никого убедить. Сам виноват, очевидно...

— Прости, Джен. Получилось, что я тебе не верю. Просто все слишком непривычно. Ты трудился тридцать лет, а на меня все разом обрушилось. Ты должен сделать скидку. Ладно, постараюсь представить себе такую картину: на Земле живут примитивные люди и разговаривают на двух разных, совершенно непохожих языках...

— Языков таких было с полдюжины, — уточнил Пелорат. — Очень может быть, что на Земле существовали громадные, отделенные друг от друга участки суши, и сообщение между ними возникло далеко не сразу. У обитателей каждого из континентов мог развиться свой собственный язык.

Стараясь не звучать чересчур иронично, Тревайз вставил:

— И как только на одном континенте узнавали о наличии сородичей на другом, немедленно принимались спорить по «Вопросу о Происхождении», с пеной у рта доказывая, что именно тут люди впервые произошли от животных.

— Конечно, очень может быть, Голан. Ничего смешного. Для них это было бы вполне естественно.

— Ну-ну. И значит, на одном из этих языков «Гея» значит «Земля». А слово «Земля» существует в другом из этих языков. Так?

— Так, так.

— И поскольку слово «Земля» перешло в Галактический Стандарт, очень может быть, что теперь народ Земли называет свою планету «Гея» по какой-то ему одному ведомой причине.

— Вот именно! Ты удивительно сообразителен, Голан.

— Благодарю. Только что тут таинственного? Если Гея — действительно Земля, несмотря на разницу в названиях, следовательно, эта планета, если верить твоей модели, должна иметь период обращения вокруг оси, равный СГД, и период обращения вокруг солнца, равный СГГ, и обладать гигантским спутником, который обращается вокруг нее за один месяц.

— Да, это должно быть именно так.

— Ну так что: соответствует она этим характеристикам или нет?

— В том-то и дело, что я не знаю. В реестре нет такой информации.

— Нет? Ну так что, Джен, отправимся на Гею, замерим периоды ее обращения и скорость вращения ее спутника?

— Я не против, Голан, — вконец растерялся Пелорат. — Но только вот координаты ее тоже даны не слишком определенно...

— Что — одно название? Это и есть твоя «уникальная догадка»?

— Но ведь именно поэтому я так хотел попасть в Галактическую Библиотеку!

— Погоди, погоди... Ты сказал, что информация не слишком определенная. То есть совсем никаких координат?

— Там сказано, что планета находится в Сейшельском Секторе... а потом стоит знак вопроса.

— Раз так — не горюй, Джен. Мы отправимся в Сейшельский Сектор и во что бы то ни стало разыщем Гею!

Глава 7

КРЕСТЬЯНИН

23

Стор Гендибаль бежал трусцой по проселочной дороге далеко от Университета. Слишком далеко. Сотрудники Второй Академии предпочитали как можно реже наведываться в крестьянский мир Трентора. Это не возбранялось, но ни далеко, ни надолго никто от Университета не удалялся.

Гендибаль в этом плане являл собой исключение, но не задавался вопросом, зачем ему это нужно. Раньше, правда, его удивляла собственная склонность к далеким прогулкам. Он просто обязан был уяснить для себя, в чем причина, — самоанализ входил в перечень обязанностей сотрудников Академии, Ораторов — в особенности. Их сознание было их оружием и самоцелью, и они обязаны были держать его в полной боевой готовности.

Гендибаль удовлетворился тем, что решил, будто его любовь к далеким вылазкам кроется в том, что планета, с которой он прибыл на Трентор, отличалась суровым климатом — там было холодно и неуютно. Когда его мальчиком привезли на Трентор, он, к собственной радости, обнаружил, что тут и сила притяжения меньше, и климат мягкий и приятный. Может быть, именно поэтому ему больше, чем остальным, так нравилось бывать на открытом воздухе.

Уже в первые годы на Тренторе Гендибаль понял, что заточение в стенах Университета чревато пагубными последствиями — от рождения он был хил, тщедушен, маленького роста. Поэтому он уделял какое-то время физическим упражнениям. Определенного успеха он достиг. Правда, по-прежнему оставался худ, поджар, но стал жилист и подвижен. Бег трусцой превратился в один из неизменных компонентов поддержания физической формы. Кое-кто за Столом Ораторов неодобрительно прохаживался по этому поводу, да только Гендибалю это было в высшей степени безразлично.

Он упрямо шел своей дорогой, хотя был Оратором лишь в первом поколении. Все остальные Ораторы были детьми и даже порой внуками Ораторов, а также все они были намного старше Гендибаля, так что нечего от них было ждать, кроме недовольного бурчания.

По давней традиции на заседаниях Стола все Ораторы без исключения открывали глубины своего сознания нараспашку (в идеале, конечно, ибо редко у кого не возникало желания что-либо припрятать в уголке, хотя это было совершенно бесполезное ухищрение), и Гендибаль отлично знал, что все они завидуют ему. Понимал он, что его собственное отношение к Ораторам — не что иное, как презрение и амбиция сверх меры. И Ораторы это знали.

Помимо всего прочего, если вернуться к причинам любви Гендибаля к пешим прогулкам, надо упомянуть, что хотя мир, где прошло его раннее детство, и отличался суровостью климата, но тем не менее ему нельзя было отказать в своеобразной красоте — Гендибаль родился в плодородной долине, окруженной живописными горными хребтами, удивительно прекрасными в печальные дни долгих зим. Гендибаль помнил свой мир, свое детство, такое далекое теперь. Помнил и мечтал когда-нибудь вернуться туда. Как могло так выйти, что он оказался заключенным в бастионе, занимавшем всего несколько дюжин квадратных миль?

Гендибаль равнодушно поглядывал по сторонам на бегу. Да, климат Трентора, безусловно, был приятен, но глазу не на чем было задержаться — пейзаж был на редкость скучен, однообразен. Плодородной, цветущей планетой Трентор не был никогда. Может быть, это, наряду с другими причинами, и привело в свое время к тому, что он стал административным центром Союза Миров, а затем — и всей Галактической Империи. Никаких попыток изменить его предназначение никогда не предпринималось, да и вряд ли бы что из этого вышло.

После Великого Побоища Трентор мог поддержать свое жалкое существование лишь за счет распродажи накопленных на нем за долгие века металлов и сплавов: стали, алюминия, титана, меди, магния — в некотором смысле возвращал взятое взаймы и растрачивал свои богатства намного быстрее, чем они были накоплены.

До сих пор громадные запасы металла оставались на Тренторе, но находились они под землей, и добывать их оттуда было трудновато.

Думлянским крестьянам (тренторианами они себя не называли, для них это было проклятое слово, им пользовались лишь сотрудники Второй Академии) возиться с металлом было лень, и к добыче его они относились с предубеждением. Зря, кстати, ведь подземные залежи металлов могли отравлять почву и еще сильнее снижать ее плодородность. Спасало положение лишь то, что население Трентора было невелико и пока земля давала все необходимое для существования. Время от времени к тому же думляне все же продавали небольшие партии металлов.

Взгляд Гендибаля угрюмо скользил по плоскому горизонту. С геологической точки зрения Трентор был еще жив, как любая из обитаемых планет Галактики, но минуло уже по меньшей мере сто миллионов лет с тех пор, как здесь завершился последний мощный период горостроения. То, что когда-то было возвышенностями, теперь превратилось в округлые холмы, да и они большей частью исчезли в те времена, когда Трентор одевали в стальную броню.

Далеко к Югу, невидимый отсюда, находился берег Главного Залива Восточного Океана, восстановленного после разрушения подземных цистерн.

К Северу виднелось здание Галактического Университета, за ним — приземистое, широкое строение Библиотеки — большая часть ее помещений находилась под землей. Еще севернее располагались руины Императорского Дворца.

По обе стороны от дороги виднелись отдельные крестьянские постройки, паслись небольшие стада коров, овец, стайки кур. Все они мычали, блеяли, квохтали, пощипывали травку и никакого внимания на Гендибаля не обращали.

Гендибаль на краткий миг задумался о том, что такие домашние животные живут во всех обитаемых мирах Галактики и

все-таки везде они немного разные. Он вспомнил, какие были козы на его родной планете, вспомнил даже свою собственную козу, которую однажды подоил... Тамошние козы были крупнее на вид и более серьезно настроены, чем маленькие, философичного вида их сородичи, завезенные на Трентор и обосновавшиеся тут после Великого Побоища. Но как бы ни отличалась друг от друга домашняя скотина на разных планетах, во всех мирах люди обожали своих питомцев, чем бы они их ни снабжали — мясом, шерстью, молоком или яйцами...

Как правило, во время своих пробежек Гендибаль думлян не встречал. Видимо, фермеры избегали попадаться на глаза тем, кого называли «мучеными» — так они по-своему произносили слово «ученые». Еще один предрассудок.

Гендибаль мельком взглянул на солнце Трентора. Оно стояло довольно высоко, но жарко не было. Здесь, на этой широте, никогда не бывало ни палящей жары, ни дикого холода. (Гендибаль порой скучал по кусающему морозцу своей родной планеты. Может быть, правда, ему только казалось, что он скучает, — ведь за все годы он там ни разу не побывал — не исключено, что боялся разочароваться.)

Бег делал свое дело — Гендибаль чувствовал мышечную радость, все тело приобрело гибкость, ловкость. Решив, что бежать уже хватит, Гендибаль перешел на шаг, ровно и глубоко дыша.

Нужно было мысленно подготовиться к предстоящему Заседанию Стола, к последнему, решающему удару. Он должен был заставить всех переменить политику, провозгласить новую стратегию, учитывающую растущую опасность со стороны Первой Академии — да не только с ее стороны, положить конец фатальному доверию к «совершенству» Плана. И когда только они все поймут, что совершенство Плана и есть самый главный признак кроющейся в нем опасности?

Скажи об этом любой другой, не он сам — Гендибаль был уверен — все проскочило бы без сучка и задоринки. Отношение Стола Ораторов к собственной персоне он знал, но надеялся на помощь и поддержку старого Шендесса. Старик должен помочь обязательно! Он ни за что не захочет прописаться в учебниках по истории, как тот самый Первый Оратор, под руководством которого погибла Вторая Академия!

Внимание: думлянин!

Гендибаль был потрясен не на шутку. Он ощутил далекую вибрацию чужого сознания задолго до того, как увидел его обладателя. Сознание принадлежало крестьянину — грубое, неотесанное. Гендибаль мысленно отшатнулся, стараясь сделать прикосновение к сознанию этого человека как можно более легким и незаметным. Правила Второй Академии в этом отношении были очень строги — ведь крестьяне, сами о том не догадываясь, служили прикрытием для Второй Академии.

Ни один из тех, кто прилетал на Трентор по делам торговли, ни один залетный турист никогда не встречал здесь никого, кроме крестьян, да, может, двух-трех выживших из ума ученых. Убери отсюда крестьян, нарушь хоть немного их неведение, и ученые сорвали бы с себя и со своего дела покров секретности с катастрофическими последствиями. Этот вопрос одним из первых изучали в Университете новички: им наглядно демонстрировали, сколь грандиозны могут быть изменения в Главном Радианте, если затронуть сознание крестьян.

Гендибаль увидел крестьянина. Типичный думлянин — до мозга костей почти карикатурный персонаж — высокий, широкоплечий, смуглый, грубо одетый, с мускулистыми волосатыми ручищами, черноглазый, темноволосый, косматый. «С таким шутить не стоит, — подумал Гендибаль. — Подумать только, ведь Прим Пальвер в свое время сыграл роль крестьянина! И что за крестьянин из него вышел — бодряк, толстяк, коротышка... Не внешность его обманула Аркади, а колоссальная сила его сознания!»

Тяжело топая по дороге, крестьянин приближался к Гендибалю, глядя на него в упор. Гендибаль немного испугался. До сих пор никто из думлян не смотрел на него так! Даже дети убегали и подсматривали издалека.

Гендибаль не ускорил шагов, не сошел с дороги. И так хватало места разойтись, не вступая в разговор. Так было бы лучше. Он решил не касаться сознания думлянина. Ближе, ближе... Пришлось-таки сделать шаг в сторону. Но думлянин остановился и загородил дорогу — расставил ноги, упер руки в бока.

— Хо! — рявкнул он басом. — Быть ты мученый?

Сознание думлянина излучало угрозу, задиристость. Гендибаль понял, что молча пройти мимо не удастся — задача непростая. Говорить с простыми смертными, привыкнув к менторечи, очень трудно — все равно что пытаться сдвинуть валун с дороги руками, когда рядом валяется лом.

Гендибаль ответил как мог спокойно:

— Да. Я ученый. Я есть ученый.

— Хо! «Я есть ученый!» Мы что, на чужой язык говорить? Что, я не видеть, что ли, быть ты или есть? Кто еще ты быть, такой дохлый и носатый? — хмыкнул он, презрительно покачав головой.

— Что тебе нужно от меня, думлянин? — не двигаясь, спросил Гендибаль.

— Меня быть звать Руфирант. Другой имя быть Кароль.

Говорил он с ужасным думлянским акцентом, «р» произносил с гортанным грассированием.

— Так чего ты хочешь от меня, Кароль Руфирант?

— А тебя как быть звать, мученый?

— Какая тебе разница. Называй меня ученым.

— Есть я быть спрашивать, ты быть отвечать, дохлый жалкий мученый!

— Ну что ж, в таком случае меня зовут Стор Гендибаль. А теперь я пойду по своим делам.

— Какие такие у тебя быть дела?

Гендибаль ощутил легкое покалывание в области затылка. Поблизости были еще другие сознания. Не оборачиваясь, он сосчитал: еще три думлянина позади. Дальше — еще несколько. От крестьянина жутко разило потом.

— Каковы бы ни были мои дела, Кароль Руфирант, они тебя не касаются.

— А, ты так говорить? Ребята! — возгласил Руфирант громовым басом. — Он говорить, его дела нас не касаться!

Позади раздался дружный хохот, и чей-то голос произнес:

— Он говорить правда! Его дела — копаться в книжки и тюкать пальцы по компутеры — настоящие мужчины не для это занятие!

— Какие бы у меня ни были дела, — упрямо сказал Гендибаль, — я пойду и займусь ими.

— А как ты думать, мученый, заняться свои дела? — нагло поинтересовался Руфирант.

— Пройду мимо тебя.

— Ты хотеть попытаться? Не побояться, что я остановить тебя одна рука?

Гендибаль совершенно неожиданно для себя самого перешел на грубый думлянский диалект:

— Думать, я тебя испугаться? Хотеть задержать меня? Все вместе или ты один?

Вряд ли стоило дразнить великана, но, не вызови его Гендибаль на дуэль, крестьяне могли скопом навалиться на него, а тогда ему бы пришлось повести себя гораздо более резко.

Сработало. Руфирант немного сбавил тон:

— Если тут кто и бояться, так это быть ты, книжный сосунок! Ребята, разойтись быть! Отойти в сторонку, пусть мученый видеть, бояться я по-честный, один на один, или нет!

Руфирант поднял тяжеленные кулачищи и замахал ими. Искусство владения кулачным боем Гендибалю было незнакомо, но он не слишком боялся кулаков Руфиранта. У него было другое оружие. Правда, он был не застрахован от получения случайного удара.

Гендибаль по-кошачьи пошел на Руфиранта, быстро и точно воздействуя на сознание крестьянина. Легкие, нечувствительные касания, но вполне достаточные для того, чтобы замедлить рефлексы, подавить агрессию. Оставив на мгновение сознание Руфиранта, он перенес воздействие на остальных крестьян, которые собрались вокруг. Гендибаль работал виртуозно, молниеносно, не задерживаясь ни у кого из крестьян в сознании надолго — лишь только чтобы подметить то, что ему самому было нужно и полезно.

Осторожно, медленно он приближался к крестьянину, следя за тем, чтобы больше никто не вмешался в поединок.

Руфирант нанес резкий удар, но еще до того, как напряглись его мышцы, Гендибаль увидел этот удар в своем сознании и уклонился. Удар прошел мимо. Дружный хор издал разочарованный вздох.

Гендибаль не стал наносить ответного удара — для крестьянина это был бы комариный укус. Он мог только управлять этим мужланом, этим озверевшим быком и заставлять его все время промахиваться.

Грозно взревев, Руфирант ударил еще раз. Гендибаль был готов и отскочил в сторону. Еще удар — и опять мимо.

Гендибаль услышал собственное дыхание — воздух со свистом вырывался из ноздрей. Никаких физических сил он не затрачивал, но психологическая нагрузка в попытке воздействовать при минимуме вмешательства в сознание была колоссальна. Так долго не продержаться.

Спокойно, стараясь совсем чуть-чуть возродить в сознании Руфиранта его природный страх перед учеными, Гендибаль сказал:

— А теперь я пойду по своим делам.

Гримаса ярости исказила физиономию Руфиранта, мгновение он не двигался. Гендибаль видел его мысли, как на ладони: маленький ученый вдруг исчез! Сознание остальных крестьян на миг сковал испуг...

Но злоба пересилила страх. Руфирант вскричал:

— Ребята! Мученый быть танцор! Он устроить нам пляска, не хотеть драться по-честный, по-думлянски. Ну-ка, хватать его. Мы быть драться удар на удар тогда. Пускай он бить первый — это я ему дарить, а я — ударить последний!

Гендибаль заметил просвет в кольце окруживших их крестьян. Не дать кольцу сомкнуться, бежать как можно быстрее — положиться на свои ноги и способность подавить сознание крестьян!

Он отпрыгнул назад, рванулся вперед — все напрасно. Их было слишком много, а необходимость выполнять правила поведения на Тренторе сковывала его.

Сейчас его схватят за руки... И схватили.

Что делать? Воздействовать сразу на такое число людей? Тогда — конец его карьере. Но ведь его жизнь в опасности...

Как, почему это произошло?!

24

Полного кворума за Столом Ораторов не было. Опаздывающего Оратора, как правило, не ждали. Шендесс понимал, что Гендибаля ждать никто не станет в любом случае. Его не любили, а он вел себя так, будто его молодость сама по себе являла некую добродетель. Шендесс и сам к Гендибалю большой привязанности не питал. Только сейчас было не до привязанностей...

Раздумья Первого Оратора прервала Делора Деларми. За внешне невинным взглядом ее круглых голубых глаз, пухлым личиком, мягким голоском скрывались острый ум и жестокость. Скрывались — не совсем точное слово. Эти качества Оратора Деларми были прекрасно известны сотрудникам Второй Академии ее ранга.

Мило улыбнувшись, она спросила:

— Первый Оратор, долго ли мы будем еще ждать? — Официально Заседание пока не было открыто, поэтому Деларми могла говорить, а остальные молчали, ожидая, когда Первый Оратор скажет свое слово.

Шендесс без упрека взглянул на нее, не обращая внимания на легкое нарушение этикета.

— Как правило, мы никого не ждем, Оратор Деларми, но, поскольку сегодняшнее Заседание созвано именно для того, чтобы заслушать Оратора Гендибаля, разумнее было бы пренебречь правилами.

— А где он, Первый Оратор?

— Это, Оратор Деларми, мне неизвестно.

Деларми обвела взглядом всех собравшихся. Кроме Первого Оратора, их должно было быть одиннадцать. Всего двенадцать. Что бы ни происходило, как бы ни выросло могущество Второй Академии за пять столетий — число Ораторов оставалось неизменным.

Число это было утверждено после кончины Селдона, и ввел его второй в череде Первых Ораторов (самого Селдона считали первым).

Почему двенадцать? Потому, что число это легко делилось на группы. Вполне достаточно для общих дебатов и для работы подгрупп. Ни отнять, ни прибавить, словом. То есть так это объяснили на словах, а точно никто не знал, почему было избрано это число и почему оно должно было оставаться без изменений.

Итак, Оратор Деларми обвела взглядом лица собравшихся и на мгновение задержала его на пустующем кресле — месте самого младшего из Ораторов. На краткий миг глаза ее озарились огоньком сарказма.

Она была довольна — ни у кого из присутствующих она не ощутила симпатии к Гендибалю. Только его бесспорные таланты удерживали Ораторов от открытого желания избавиться от молодого непоседы (к слову, только двое Ораторов за полувековую историю были подвергнуты импичменту).

Однако неприязнь к Гендибалю значительно возросла из-за его отсутствия на Заседании, и это не могло не порадовать Деларми.

— Первый Оратор, — сказала она, — я была бы рада рассе-

ять ваше неведение относительно того, где находится Оратор Гендибаль.

— Слушаю вас, Оратор.

— Кому из нас неизвестно, что этот молодой человек, — она намеренно опустила почетный титул, и это не укрылось от остальных Ораторов, — постоянно болтается среди думлян? Что у него за дела с ними, мне неизвестно, но он и сейчас находится среди них. Видимо, предпочел их общество присутствию за Столом Ораторов.

— Может быть, — высказал предположение один из Ораторов, — он просто на своей обычной прогулке?

Деларми снова улыбнулась. Ей нравилось улыбаться. Ей это ровным счетом ничего не стоило.

— На прогулке... Мало ему окрестностей Университета и Библиотеки... Ну так что, Первый Оратор, начнем?

Первый Оратор мысленно вздохнул. Он мог, конечно, своей властью заставить Стол ждать. Мог даже перенести Заседание и собрать снова, когда Гендибаль появится. Однако ему не хотелось ссориться с остальными Ораторами. Даже Приму Пальверу время от времени приходилось идти на уступки... И потом — он сам был до крайности раздражен отсутствием Гендибаля. Пора было проучить его.

Официально взяв слово, Шендесс открыл Заседание:

— Начнем, Ораторы. Должен сообщить вам, что Оратор Гендибаль представил мне удивительные, заслуживающие пристального внимания выводы, основанные на исследовании им Главного Радианта. Он полагает, что существует некая организация, работающая над проблемой сохранения Плана более эффективно, чем мы, и занимается этим в своих собственных интересах. В этой связи нам следовало предпринять более углубленное исследование ситуации из соображений самозащиты. Вы заранее были оповещены вкратце о содержании его сообщения, и нынешнее Заседание было созвано для того, чтобы вы имели возможность лично спросить Оратора Гендибаля обо всем, что вас интересует, и чтобы мы могли принять какие-то решения относительно нашей тактики на будущее.

На самом деле вовсе не было нужды произносить такую долгую тираду. Шендесс раскрыл свое сознание для остальных, и вступительное слово его было лишь пунктом этикета, не более.

Деларми быстро пробежалась взглядом по лицам и сознаниям присутствовавших. Похоже было, все милостиво уступили ей роль оппонента Гендибаля.

— Но Гендибаль, — сказала она, вновь опустив титул, — не знает и не может сообщить нам, что это за организация.

Это было сказано резко, почти грубо. Точно так же она могла бы сказать прямо: «Я вижу ваше сознание насквозь, можете не трудиться отвечать».

Первый Оратор почувствовал вызов и не колеблясь решил не отвечать на него.

— Тот факт, что Оратор Гендибаль, — Шендесс пунктуально употребил титул, даже несколько подчеркнуто, и не скрыл этого, — не знает и не может сказать, что это за организация, не означает, что эта организация не существует. В Первой Академии долгое время ничего не знали о нас, да и теперь не слишком много знают. Вы, Оратор Деларми, сомневаетесь в факте нашего существования?

— Это не одно и то же, — заспорила Деларми. — То, что мы существуем, будучи неизвестными, вовсе не означает, что кто-то другой должен оставаться неизвестным и только этим доказать свое существование.

Деларми негромко рассмеялась.

— Справедливо, — сказал Первый Оратор. — Поэтому я подверг утверждения Оратора Гендибаля скрупулезной проверке. Выводы его основаны на профессионально проведенном методом математической дедукции анализе. Я внимательнейшим образом изучил все детали проработки и призываю вас учесть это. Выводы Оратора Гендибаля нельзя счесть... — он поискал в сознании наиболее подходящее слово, — неубедительными.

— Ну а этот Голан Тревайз, притаившийся у вас в сознании, этот человек из Первой Академии, — на сей раз Деларми грубейшим образом нарушила этикет и не назвала Первого Оратора его титулом (Шендесс залился легким румянцем), — о нем что скажете?

— Видите ли, — ответил Первый Оратор, — дело в том, что Оратор Гендибаль считает этого человека инструментом — не исключено, что невольным, — в руках той самой организации, так что игнорировать его нам не следует.

— Если, — упорствовала Деларми, откинув со лба прядь седых волос, — та организация, что бы она собой ни представляла, существует, если ее ментальное могущество столь велико и

тайно, разве вероятно, чтобы она действовала столь открыто и вдобавок при помощи столь заметной фигуры, как Советник Первой Академии?

— Можно было бы согласиться с вами, Оратор Деларми. Но... есть кое-что, вызвавшее у меня серьезное беспокойство. Я не понимаю этого.

Против собственной воли, стыдясь, как нашкодивший ребенок, Первый Оратор спрятал мелькнувшую мысль в своем сознании. Он испугался, что ее заметят другие.

Все Ораторы до единого зарегистрировали эту вспышку и в связи с правилами выразили снисхождение к смущению. Деларми тоже, но по-своему. Не нарушая формулы этикета, она задала вопрос:

— Да будет нам позволено попросить вас поведать нам свои мысли, поскольку мы понимаем и заранее прощаем всякие сомнения и смущения, которые вы можете испытывать?

Первый Оратор сказал:

— Как и вы, я не вижу достаточных оснований для того, чтобы утверждать, будто Советник Тревайз является инструментом предполагаемой организации и какой цели он мог бы служить, будучи таковым. Однако Оратор Гендибаль в этом твердо уверен, и нельзя отрицать высокой роли интуиции у того, кто получил квалификацию Оратора. Поэтому я предпринял попытку включения Тревайза в План.

— Отдельную личность? — тихо удивился один из Ораторов и поспешно спрятал свое отношение к сказанному, чтобы никто не успел заметить, что фраза была приправлена словами «ну *и балбес*!».

— Отдельную личность, — подтвердил Первый Оратор. — И вы совершенно правы — в каком-то смысле я действительно балбес. Мне отлично известно, что План не допускает учета роли отдельных людей. И все-таки мне было любопытно. Я провел экстраполяцию Межличностных Взаимозависимостей далеко за границы разумных пределов, но проделал это шестнадцатью различными способами и оперировал областью, а не точкой. Потом я использовал все имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Тревайзе — Советник Первой Академии действительно фигура немалая — и о Мэре Академии. Потом свел все данные воедино — правда, у меня было не так много времени...

Шендесс умолк.

— Ну? — поторопила его Деларми. — Смею догадываться... результаты поразительны?

— Не вышло никаких результатов, вы догадываетесь верно, — печально ответил Первый Оратор. — Нечего ждать при анализе поведения отдельных людей. И все-таки...

— Что «все-таки»?

— Сорок лет я занимался анализом результатов и привык к четкому, ясному ощущению того, какими должны быть результаты до проведения анализа, и я редко ошибался. В данном же случае, несмотря на то что результатов практически никаких, у меня возникло сильное подозрение, что Гендибаль прав, что Тревайза нельзя сбрасывать со счетов.

— Это почему же нельзя, Первый Оратор? — спросила Деларми, несколько обескураженная той явной уверенностью, что излучало сознание Первого Оратора.

— Стыд мне и позор, — тихо сказал Шендесс. — Я позволил себе использовать План в целях, для которых он не предназначен. Еще более стыдно мне теперь, когда я нахожусь под влиянием ощущений, носящих чисто интуитивный характер. Но я не могу отказаться — мне кажется, что мои ощущения не обманывают меня. Если Оратор Гендибаль прав и нам действительно грозит неведомая доселе опасность — я чувствую, придет время, и наши дела станут совсем плохи, и тогда именно Тревайз выложит на стол главный козырь.

— Каково основание ваших ощущений? — не унималась Деларми.

Первый Оратор обвел собравшихся печальным взглядом:

— Нет у меня оснований. Психоисторическая математика молчит, но все время, пока я наблюдал за игрой взаимосвязей, я не мог отделаться от ощущения, что ключом ко всему является Тревайз. Этот молодой человек заслуживает внимания.

25

Гендибаль понял, что к началу заседания в Университет не вернется. Не исключено, что не вернется вообще.

Держали его крепко, и он отчаянно искал в своем сознании ответ на вопрос: как заставить их отпустить себя?

Руфирант вплотную подошел к нему, угрожающе наклонил голову:

— Ну, быть готов теперь, мученый? Биться удар за удар, по-думлянски. Ладно, ты поменьше, так ты бить первый.

Гендибаль хрипло проговорил:

— А тебя тоже кто-то держать, как меня?

Руфирант смилостивился:

— Пускать его. Не, не — только руки пускать. Ноги держать крепко. Танцевать мы не будет.

Руки Гендибаля отпустили, а ноги, казалось, гвоздями приколочены к земле.

— Давай, мученый, бить, — потребовал Руфирант. — Ударять нас.

В это самое мгновение сознание Гендибаля ощутило чьи-то чувства — возмущение, понимание несправедливости происходящего, жалость. Вот он — ответ на вопрос. Выбора другого не было: оставалось одно — рискнуть, несколько превысить границы действия своих способностей и попытаться поимпровизировать...

Не понадобилось! Он и коснуться не успел этого нового сознания, а оно само заработало именно так, как ему было нужно!

Он мысленно разглядел этого человека — невысокий, коренастый, с длинными спутанными черными волосами, руки выброшены вперед — наконец фигура эта появилась в поле зрения, и... женщина злобно накинулась на Руфиранта.

— Кароль Руфирант! — яростно вскричала женщина. — Быть ты трус и ублюдок! Ишь ты — удар за удар, по-честный, по-думлянски! Одинаково быть как меня побить. Какой быть смелый — бить такой маленький бедный человек! Не стыдно тебе быть, а? На тебя все показывать палец и говорить: «Вот быть Руфирант, известный бить детишки!» Все смеяться на тебя, я так думать. Ни один честный думлянский мужчина не быть выпивать с тебя. Ни один честный думлянский женщина не быть спать с тебя!

Руфирант тщетно пытался прервать поток ее красноречия, неуклюже уворачивался от ударов, которые она наносила в его могучую грудь.

— Ну, Сура, — лопотал он. — Сура, ну...

Гендибаль понял, что теперь его никто не держит, на него никто не смотрит — внимание всех переключилось на новую дуэль.

И сама Сура на него не смотрела: двигающая ею ярость была целиком сконцентрирована на Руфиранте. Гендибаль постарался сохранить эту ярость в ее сознании и слегка повысил уровень смущения и стыда, который и без того уже бурным потоком заливал сознание Руфиранта. Делать это ему надо было мягко, незаметно, чтобы оба человека ничего не заметили. Но и это оказалось ненужным.

Женщина приказала:

— Разойтись быстро все! Подумать голова: если мало, что это герой Руфирант быть такой великан рядом с этим малышка, быть еще пять или шесть его дружки, какие быть так же стыдно и идти домой гордые говорить, как побить маленький и слабый. «Я держать руки этот малышка, — один быть говорить, — а здоровенный Руфирант бить его по лицо, когда он не мог быть дать сдачи». А другой сказать: «А я держать его за ноги, и я тоже очень знаменитый за это!» А этот бычище Руфирант сказать: «Я не мог быть драться с ним по-честный, потому мой лохматый дружки держать его, и все шесть помогать мне становиться главный над ним».

— Но, Сура, — обиженно пробормотал Руфирант. — Я сказал мученый, что он мог ударить первый!

— И сильно ты бояться могучие удары его маленькие ручонки, олух Руфирант! Уходить отсюда вон все! Пустить он идти, куда он хотеть идти, а все ходить домой быстро, если дома еще кто-то хотеть вас видеть! Лучше вам всем быть надеяться, что все забывать ваши великие подвиги этот день. Но если вы быть разозлить меня еще сильно, чем я злая, их никто не забывать!

Мужчины без слов расступились и, понурив головы, побрели прочь.

Гендибаль проводил их взглядом и обернулся к женщине. Она была одета в грубые штаны и блузу, на ногах красовались топорные самодельные башмаки. Лицо ее взмокло от пота, она тяжело дышала. Красотой она не блистала — круглое лицо, широкий нос. Не отличалась изяществом и ее фигура — широкие плечи, тяжелая грудь, открытые до плеч сильные, мускулистые руки. Другого и ждать не приходилось — думлянки трудились на полях до седьмого пота наравне с мужчинами.

Женщина разглядывала его в упор, склонив голову набок.

— Ну, мученый, чего ты быть ждать? Иди в свое Мученое Место. Ты быть бояться? Я быть проводить тебя, а?

От ее давно не стиранной одежды исходил терпкий запах

пота, но Гендибаль понимал, что в сложившихся обстоятельствах не следует выдавать неприязни.

— Благодарю вас, мисс Сура...

— Мой имя быть Нови, — сердито уточнила она. — Сура Нови. Звать меня мог быть Нови. Это быть хватит.

— Благодарю тебя, Нови. Ты мне очень помогла. Ты быть, — Гендибаль опять перешел на думлянский диалект, — хорошо проводить меня, не потому, что я бояться, а просто для компании.

И он вежливо поклонился ей, как поклонился бы девушке из Университета.

Нови покраснела, — видимо, колебалась, решая, идти или нет, и неуклюже воспроизвела его поклон.

— Быть мне... удовольствие, — сказала она, с трудом подбирая слова, изо всех сил стараясь выглядеть воспитанной.

Они пошли рядом. Гендибаль понимал, что каждый медленный шаг делает его опоздание на Заседание Стола все более непростительным, но теперь у него появилась возможность как следует обдумать происшедшее, и вскоре у него возникла холодная уверенность в том, что прийти ему нужно как можно позже.

Когда вдали показались здания Университета, Сура Нови остановилась и растерянно проговорила:

— Господин... мученый...

Было совершенно очевидно, что по мере приближения к тому, что она называла «Мученым Местом», она все более смущалась и становилась вежливее. Гендибаль чуть было не спросил: «Ты обращаться уже не к такой слабый малышка?»

Этого делать было нельзя — так он смутил бы ее еще сильнее.

— Да, Нови.

— Быть там сильно красиво и богато в Мученое Место?

— Там быть хорошо, — ответил Гендибаль.

— Я как-то мечтать быть в это место. И я... я быть мученая.

— Как-нибудь, — важно пообещал Гендибаль, — я тебе обязательно там все показать.

Она пораженно взглянула на него: явно не приняла его обещания всерьез — решила, что он из вежливости сказал такое.

— Я умею писать, — сообщила она. — Меня учить учитель в школе. Если я написать письмо... как быть сделать, чтобы оно попасть к вы?

— Очень просто: «Дом Ораторов, квартира 27», и оно попасть ко мне. Ну, мне пора, Нови.

Он поклонился ей на прощание, а она опять постаралась воспроизвести поклон. Они двинулись в противоположных направлениях, и Гендибаль тут же выбросил ее из своего сознания. Он думал о Заседании Стола, а больше всего — об Ораторе Делоре Деларми. Мысли у него были не самые нежные.

Глава 8

КРЕСТЬЯНКА

26

Ораторы сидели вокруг стола, как ледяные статуи. Казалось, все не сговариваясь спрятали свои сознания, закрыли их непроницаемыми экранами, стараясь не выразить чересчур открыто оскорблений в адрес Первого Оратора после его заявления относительно Тревайза. Все исподтишка поглядывали на Деларми, но даже она была подавлена. А ведь она славилась бесцеремонностью — даже Гендибаль более умело держал язык за зубами, если что.

Деларми чувствовала, что они ждут высказывания. Ей нужно было сделать решительный шаг, вступить в борьбу с открытым забралом. Она собиралась с силами. Нет, она не позволит закрыть эту тему. Что с того, что за всю историю Второй Академии не было случая смещения Первого Оратора с поста за неудачно проведенный анализ результатов исследования? Более того, тут еще была продемонстрирована **некомпетентность**! Прекрасная причина для импичмента, и она не отступит!

— Первый Оратор, — тихо проговорила Деларми. Тонкие, бесцветные губы ее стали почти невидимы на бледном фоне лица. — Судя по вашим собственным словам, вы не имеете никаких оснований для подобного суждения, и психоисторическая математика никаких результатов не продемонстрировала. Вы хотите, чтобы мы приняли решение первостепенной важности на основании вашего мистического чутья?

Первый Оратор поднял взгляд. Лоб его был нахмурен. Он ощущал, как закрыты сознания Ораторов. Он знал, что означала эта защита. Холодно, спокойно он сказал:

— Я ничего не скрываю от вас. Я вас не обманываю. Единственное, что я могу предложить вам, — это интуитивное ощущение Первого Оратора, обладающего большим опытом, человека, который почти всю свою жизнь провел за пристальным анализом Плана.

Он оглядел всех присутствующих с гордой уверенностью в своих силах, которую демонстрировал так редко, один за другим ментальные экраны дрогнули и исчезли. Последней, к кому он обратил свой физический и мысленный взор, была Деларми.

С обезоруживающим дружелюбием, переполнявшим ее сознание, как будто, кроме него, там ничего сроду не бывало, она сказала:

— Я принимаю ваше заявление безоговорочно, Первый Оратор. Тем не менее я думаю, что вам стоит все еще раз пересмотреть. Трудно сейчас рассматривать адекватно ваши утверждения — мы все были свидетелями вашего смущения и стыда за то, что вы положились на интуицию. Вероятно, вы бы хотели, чтобы ваши замечания не были учтены в протоколе заседания. Если вы желаете, чтобы они были изъяты...

— Какие же это замечания должны быть изъяты из протокола? — Ее прервал громкий голос Гендибаля.

Все Ораторы обернулись, как по команде. Если бы, конечно, ментальные экраны только что не были опущены, все бы, без сомнения, знали о приближении Гендибаля задолго до того, как он возник в дверях.

— Все закрылись и открылись только что? — насмешливо спросил Гендибаль. — Просто замечательно! Дружеские посиделки, а не Заседание Стола Ораторов. И никто не был настроен, чтобы заметить мое приближение? Ни одна душа не ведала, что я уже близко?

Этот эпатаж выходил за рамки всех приличий. Само по себе опоздание Гендибаля было плохо. Войти без предупреждения было еще хуже. Заговорить раньше Первого Оратора, не дав ему оповестить Стол о своем приходе, было хуже всего.

Все были ошеломлены. Первый Оратор повернулся к Гендибалю. Для начала он заговорил о дисциплине.

— Оратор Гендибаль, — строго сказал Шендесс, — вы явились с опозданием. Есть ли какая-либо веская причина, по которой я мог бы оставить ваш проступок безнаказанным и не лишил бы вас права присутствовать на Заседаниях на тридцать дней?

— Есть, конечно. Можно поговорить о моем наказании, но только после того, как мы решим, кто это все подстроил, кто сделал так, чтобы я опоздал, и зачем ему это понадобилось.

Голос Гендибаля был холоден, слова старательно взвешены, но сознание его заливала река гнева, и он даже не заботился о том, чтобы скрыть его.

И, конечно же, Деларми почувствовала это.

— Этот человек, — резко проговорила она, — сошел с ума!

— Сошел с ума? Мило. А не сошел ли с ума тот, кто это предполагает? Первый Оратор, я взываю к вам и прошу вас выслушать меня по вопросу о личной безопасности.

— Что вы имеете в виду, Оратор?

— Первый Оратор, я обвиняю одного из присутствующих здесь в покушении на убийство.

Комната, казалось, вот-вот взлетит на воздух — все Ораторы разом оказались на ногах, заговорили вместе, начался жуткий ментальный переполох.

Первый Оратор вскинул руки, призвал всех к порядку:

— Ораторы, позвольте Оратору Гендибалю высказаться!

Ему пришлось усилить воздействие собственного авторитета, силовой прием своего рода, но делать было нечего.

Шум утих.

Гендибаль упорно ждал полной тишины — словесной и ментальной.

— Когда я возвращался с прогулки, — сказал он, — и времени у меня было вполне достаточно, чтобы вовремя явиться на Заседание, мне преградили дорогу несколько крестьян, и я едва избежал избиения, а возможно, и убийства. Именно поэтому я и опоздал. Да будет мне позволено отметить, что со времен Великого Побоища не было в истории Второй Академии случая, чтобы с нашим сотрудником кто-либо из думлян обошелся столь, мягко говоря, невежливо.

— Я тоже не припоминаю такого случая, — согласился Первый Оратор.

Деларми злобно прокричала:

— Другие сотрудники Второй Академии не разгуливают по думлянской территории! Можете считать, что сами спровоцировали их на такие действия!

— Что правда, то правда, — кивнул Гендибаль. — Я действительно порой гуляю в одиночестве по думлянским землям. Не счесть, сколько раз я уходил далеко от Университета куда глаза

глядят. Но до сегодняшнего дня никто на меня не нападал. Да, другие не совершают таких далеких вылазок, но и добровольному заключению в стенах Университета никто себя не подвергает, не отрекается от мира, и ни на кого до сих пор не нападали. Если я не запамятовал, Деларми... — Он осекся, с опозданием вспомнив о почетном титуле, но тут же поправился и нанес сокрушительный удар: — Оратор Деларми и сама наведывалась на думлянскую территорию, однако она жива и здорова.

— Вероятно, — широко раскрыв глаза от возмущения, парировала Деларми, — со мной не случилось беды, потому что я всегда держалась на почтительном расстоянии от крестьян. Вероятно, я вела себя так, что вызывала уважение к себе, и потому на меня никто не напал.

— Правда? А я думал, что это потому, что у вас более внушительная фигура по сравнению со мной. К вам и в Университете-то не каждый осмелится подойти. Но скажите на милость, почему думляне выбрали для нападения на меня именно тот день, когда я обязательно должен был присутствовать на Заседании Стола?

— Если бы не ваше собственное поведение, можно было бы счесть происшедшее случайностью, — фыркнула Деларми. — Не слыхала, чтобы даже математические формулы Селдона ликвидировали все случайности в Галактике, если, конечно, говорить о том, что может произойти с отдельными людьми. Или у вас тоже интуиция? — Два-три Оратора испуганно вздохнули, заметив, что Деларми нанесла косвенный удар Первому Оратору.

— Дело не в моем поведении. Никакая это не случайность. Это преднамеренное покушение.

— Как можем мы убедиться в этом? — мягко спросил Первый Оратор, вынужденный против своей воли пожалеть Гендибаля после предыдущей реплики Деларми.

— Мое сознание открыто для вас, Первый Оратор. Я передаю вам и всем присутствующим на Заседании свои воспоминания о происшедшем.

Процесс передачи занял всего несколько мгновений.

— Ужасно! — воскликнул Первый Оратор. — Вы вели себя поистине достойно в обстоятельствах, когда все было против вас. Я согласен, Оратор, думляне вели себя крайне нетипично, и этот вопрос заслуживает исследования. Прошу вас, присоединитесь к собранию.

— Минуточку! — взорвалась Деларми. — Как можем мы быть уверены, что описание соответствует действительности?

Гендибаль вспыхнул, залился румянцем, но сдержался.

— Мое сознание открыто.

— Знавала я открытые сознания, — хмыкнула Деларми, — которые были открыты весьма приблизительно.

— Не сомневаюсь в этом, Оратор. Ведь вам, как и всем нам, не укрыться от остальных. Но мое сознание, если уж я говорю, — открыто.

Первый Оратор вмешался:

— Давайте воздержимся от дальнейших...

— Позвольте прервать, Первый Оратор, по вопросу о личных привилегиях, — оборвала его Деларми.

— Слушаю вас, Оратор Деларми.

— Оратор Гендибаль обвинил одного из нас в попытке покушения на его жизнь. Вероятно, он имеет в виду, что некто спровоцировал крестьян напасть на него. До тех пор пока это обвинение не снято, я вправе считать себя оскорбленной, как и любой из присутствующих, не исключая вас, Первый Оратор.

— Не желаете ли снять высказанное обвинение, Оратор Гендибаль? — предложил Гендибалю Шендесс.

Гендибаль опустился в кресло, крепко обхватил себя руками, будто защищая что-то свое, и сказал:

— Я готов сделать это, как только кто-нибудь возьмет на себя труд объяснить мне, почему думлянский крестьянин подговорил своих дружков напасть на меня, дабы помешать мне вовремя явиться на Заседание Стола.

— Для этого может быть тысяча причин, — сказал Первый Оратор. — Повторяю, происшедшее заслуживает изучения. Но согласны ли вы сейчас, Оратор, в интересах продолжения начатой дискуссии снять предъявленное вами обвинение?

— Не могу, Первый Оратор! Я старательно, как мог, изучил сознание крестьянина, искал возможность коррекции его поведения без вреда для него, и ничего у меня не получилось! Его эмоции не допускали никакой возможности отступить, сдаться — оно не поддавалось моему воздействию. Эмоции его, его упрямство были жестко зафиксированы, как будто над ним поработало чье-то сознание извне.

Ехидно усмехнувшись, Оратор Деларми сказала:

— Так вы полагаете, что это сознание принадлежит одному

из нас? Или, может быть, оно принадлежит кому-то из этой таинственной организации, такой могущественной и тайной?

— Не исключено, — согласился Гендибаль.

— В таком случае, поскольку мы членами этой организации не являемся, вам следовало бы снять ваше нелепое обвинение. Но, может быть, вы собираетесь обвинить кого-либо из присутствующих в том, что он состоит на службе в этой организации? Находится под ее воздействием? Может быть, кто-то из нас — не тот, за кого себя выдает?

— И это не исключено, — подтвердил Гендибаль, совершенно уверенный в том, что на другом конце веревочки, протянутой ему Деларми, заготовлена крепкая петля.

— Ну, знаете ли, — все ближе подбираясь к невидимой петле и готовясь затянуть ее, сказала Деларми, — это просто мания какая-то, паранойя, честное слово. Думляне спровоцированы, Ораторы под контролем... Так давайте следуйте к логическому завершению ваших фантазий. Кто, по-вашему, находится под воздействием? Может быть, я, Оратор?

— Не думаю, — покачал головой Гендибаль. — Вы бы не стали пытаться избавиться от меня таким диким способом — ведь всем известно, как вы меня не любите.

— Да? А вдруг это двойная игра? — Деларми была на высоте — только что не мурлыкала. — Такой вывод вполне укладывается в рамки параноидального бреда, вполне.

— Может быть. Вы более опытны в делах такого рода.

В разговор вмешался Оратор Лестим Джианни:

— Послушайте, Оратор Гендибаль, если вы не обвиняете Оратора Деларми, следовательно, вы обвиняете кого-то другого из присутствующих. Но на каком основании кому-либо из нас могло потребоваться отсрочить ваше прибытие на Заседание, не говоря уже о покушении на вашу жизнь?

Гендибаль ответил сразу, как будто только и ждал этого вопроса:

— Когда я вошел, было высказано предложение убрать из протокола Заседания замечания, высказанные Первым Оратором. Я был единственным, кому не удалось выслушать эти замечания. Так позвольте же поинтересоваться, что это были за замечания, и я немедленно сообщу вам причину, по которой меня хотели задержать.

Первый Оратор сказал:

— Я утверждал — и против этого резко возразили Оратор Деларми и все остальные Ораторы, — что, основываясь лишь на интуиции, решил, что будущее Плана Селдона может зависеть от действий изгнанного из Первой Академии Советника Голана Тревайза.

Гендибаль пожал плечами:

— Личное дело Ораторов думать что угодно по этому поводу. Лично я согласен с этой гипотезой. Тревайз — ключ ко всему. Я считаю, что его изгнание из Первой Академии чересчур любопытно, чтобы быть невинным.

— Не хотите ли вы сказать, — снова влезла Деларми, — что Тревайз — в руках этой вашей таинственной организации? Или в ее руках те, кто отправил его в ссылку? А может быть, в ее руках все и каждый, кроме вас и Первого Оратора, ну еще и меня, ведь вы только что сказали, что я вряд ли нахожусь под их контролем?

— Не считаю нужным отвечать на вашу эскападу, — сказал Гендибаль. — Предпочту спросить: есть ли здесь хоть один Оратор, готовый согласиться с Первым Оратором и со мной? Надеюсь, вы ознакомились с математическими выкладками, которые я представил, а Первый Оратор одобрил? — Стояла гробовая тишина. — Я повторяю свой вопрос, — упорствовал Гендибаль. — Ну так кто согласен? — Молчание. — Вот вам, Первый Оратор, — довольно проговорил Гендибаль, — и мотив моего опоздания.

— Поясните подробнее, — попросил Первый Оратор.

— Вы говорили о необходимости обратить внимание на Тревайза — опального Советника Первой Академии. Это важная стратегическая инициатива, и, прочитав мои выкладки, Ораторы в общем и должны были понять, от кого эта инициатива исходит. Если же все единодушно отвергли такую инициативу, дальше бы дело не пошло. Выступи против всех один-единственный Оратор — и новая стратегия могла быть принята. Этим единственным Оратором был я, следовательно, было совершенно необходимо не дать мне прибыть на Заседание. Хитрость почти удалась, но все-таки я пришел и выступаю в поддержку Первого Оратора. Да, я согласен с ним, и теперь он может, в соответствии с традицией, махнуть рукой на то, что думают остальные.

Деларми в сердцах стукнула кулаком по столу:

— Следовательно, речь о том, что кто-то заранее знал, какое предложение выскажет Первый Оратор, заранее знал, что Оратор Гендибаль это предложение поддержит, следовательно, знал то, чего знать не должен. Получается, что эта инициатива не по нраву выдуманной Оратором Гендибалем, созданной его параноидальной фантазией организации, и она борется за предотвращение подобной стратегии. Значит, кто-то из нас — один или больше — находится под контролем этой организации.

— Блестящий вывод, — согласился Гендибаль. — Просто мастерский анализ.

— Кого вы обвиняете? — вскрикнула Деларми.

— Никого. Просто призываю Первого Оратора это учесть. Совершенно очевидно — кто-то в наших рядах работает против нас. Поэтому я предлагаю подвергнуть тщательной ментальной проверке всех сотрудников Второй Академии. Всех, не исключая и Ораторов, не исключая меня самого и Первого Оратора.

О, как сильна была вспышка возмущения, гнева, обиды — такого никто не ожидал!

Когда наконец Первому Оратору удалось восстановить порядок и взять слово, Гендибаль молча встал и вышел из комнаты. Кому, как не ему, было знать, что друзей среди Ораторов у него нет и сейчас они в лучшем случае будут искренни наполовину, что бы ни говорили.

Гендибаль сам не знал, за кого боится больше — за себя самого или за всю Вторую Академию. Жгучая, всепоглощающая тоска охватила его.

27

Спал Гендибаль плохо, то и дело просыпался. Мысли его и во сне и наяву вертелись вокруг ссоры с Деларми. Образы ее и думлянина внезапно соединились — ему приснилось, будто он стоит перед громадной Деларми, которая размахивает у него перед лицом тяжелыми кулачищами, вот она все ближе и ближе, сладенько улыбается, и улыбка обнажает острые, как иглы, зубы...

Окончательно проснулся он гораздо позднее обычного. Сон не принес ни отдыха, ни облегчения, и он тут же услышал, что на столике рядом с кроватью тихо звенит сигнал вызова. Гендибаль повернулся на бок и нажал кнопку контакта:

— Да? В чем дело?

Голос принадлежал дежурному по этажу, но звучал несколько менее уважительно, чем обычно:

— К вам посетитель.

— Посетитель? — удивленно переспросил Гендибаль, нажал клавишу на пульте, вызвал программу дня и обнаружил, что до полудня у него никаких встреч назначено не было. Нажал кнопку точного времени — восемь тридцать две утра. Раздраженно спросил:

— Кто это там ко мне, черт подери?

— Он себя не называет, Оратор, — ответил дежурный и добавил с ноткой явного пренебрежения в голосе: — Из этих, из думлян. Утверждает, что по вашему приглашению.

— Пусть подождет в приемной. Я сейчас приду.

Гендибаль не спешил. Нужно было собраться с мыслями. Он вполне допускал, что кому-то взбрело в голову испортить ему репутацию и использовать для этого кого-то из думлян, но ему хотелось понять, кто был этот шантажист. И что означало вторжение думлянина сюда, в общежитие Ораторов? Хитрая ловушка? Что?

И каким образом думлянину удалось проникнуть на территорию Университета? Чем он мог объяснить свое желание попасть сюда? И какова истинная причина этого странного визита?

Гендибаль на миг задумался, не захватить ли оружие, но тут же отказался от этой мысли, решив, что на территории Университета ему совершенно нечего бояться какого-то крестьянина — здесь уж он с ним справится, и вдобавок у того не останется никаких воспоминаний о встрече.

«Вероятно, — решил Гендибаль, — на меня слишком сильно повлияла вчерашняя стычка с Руфирантом. Кстати, может быть, это он самый и пожаловал? Вдруг он уже избавился от постороннего воздействия и явился, чтобы извиниться за вчерашнее, опасаясь наказания? Но откуда Руфиранту знать, куда идти? К кому обратиться?»

Гендибаль решительно покинул свою комнату и прошел по коридору в приемную... и застыл на месте, пораженный до глубины души. Он резко обернулся и взглянул на дежурного. Тот восседал внутри стеклянной будки и притворялся, будто по уши занят своими делами.

— Дежурный, почему вы не сказали мне, что посетитель — женщина?

Дежурный невозмутимо ответил:

— Оратор, я сказал, что посетитель из думлян, а вы меня больше ни о чем не спрашивали.

— Минимум информации, дежурный? Ну как же, я забыл — это ваш принцип. (Надо проверить, не работает ли дежурный на Деларми. И потом — нельзя игнорировать «низших» сотрудников с высоты положения Оратора.)

— Есть свободная комната для переговоров?

— Только номер четыре, Оратор. Будет свободен три часа, — добавил он, с деланой невинностью поглядев сначала на думлянку, потом на Гендибаля.

— Благодарю, дежурный. Мы воспользуемся номером четыре. А вам впредь советую держать при себе свои мысли.

Гендибаль нанес удар по сознанию дежурного — не очень сильный, но чувствительный. Неблагородно с его стороны, конечно, было воспользоваться правом сильного, но человека, который не способен скрыть неуважение к высшему по рангу, следовало этому научить. Пару часов дежурный будет мучиться головной болью — он это заработал.

28

Имя женщины Гендибаль вспомнить не мог, углубляться в ее сознание не хотел. Да в общем-то вряд ли она ожидала, что он запомнил, как ее зовут.

Он недовольно начал:

— Ты...

— Я быть Нови, Господин Мученый, — выдохнула она. — Мой другой имя быть Сура, но можно быть звать просто Нови.

— Ну да, Нови. Мы познакомились вчера. Теперь я вспомнил. Я не забыл — ты же моя спасительница. — Переходить на грубый думлянский диалект в стенах Университета Гендибаль не стал. — Но как ты сюда попала?

— Господин, вы сказали, я могла писать письмо. Вы сказали надо так: «Дом Ораторов, квартира 27». Я сама принести письмо и показать, что написать — сама написать, Господин, — с застенчивой гордостью сообщила женщина. — А они спрашивать: «Для кого это письмо быть?» Ну а я-то слышать, как вы

себя называть, когда ругаться с этот тупоголовый осел, Руфирант. Я и говорить: «Это быть для Стор Гендибаль, Господин Мученый».

— И тебя пропустили, Нови? Не попросили показать письмо?

— Я быть очень испугаться. Наверно, они пожалеть меня. Я говорить: «Мученый Гендибаль обещать мне показать Мученое Место», а они улыбаться быть. А один там, около ворот, другому говорить: «И не только это он ей быть показать». А потом они говорить мне, куда идти и чтобы я идти только сюда, а если еще куда пойти, то меня выгонять вон сразу.

Гендибаль залился легким румянцем. О боже, если бы он действительно собирался развлечься с думлянкой, он ни за что на свете не стал бы делать этого так открыто да и выбрал бы кого-нибудь посимпатичнее. Он неприязненно смотрел на гостью.

Выглядела она довольно молодо — тяжелая работа еще не успела состарить ее. Вряд ли она была старше двадцати пяти — в этом возрасте думлянки, как правило, уже были замужем. Черные волосы ее были заплетены в косы, а это означало, что она не замужем, девственница. Надо сказать, Гендибаль не удивился. Ее вчерашнее поведение со всей наглядностью продемонстрировало, что в обиду она себя не даст, и Гендибаль сильно сомневался, что отыщется думлянин, который добровольно согласится на пытку — соединить свою жизнь с такой языкастой и задиристой особой. Да и внешность у нее была не слишком привлекательная. Правда, сегодня она явно поработала над собой, но все равно — лицо простое, угловатое, руки красные, шершавые, грубые. Фигура ее, казалось, была создана для нагрузок, а не для грации.

Она чувствовала, как и почему он разглядывает ее, и нижняя губа ее задрожала... Гендибаль почувствовал, что она вконец растерялась, что ей больно и страшно, и пожалел девушку. В конце концов, она здорово помогла ему вчера и заслуживала благодарности как минимум.

Он сказал, старательно разыгрывая благородство и снисходительность:

— Ну что же, все понятно, в общем, ты решила прийти взглянуть на... «Мученое Место»?

Она широко распахнула темные глаза (правду сказать, довольно красивые) и сказала:

— Господин, вы только не сердиться на меня, но я прийти стать мученая сама.

— Ты хочешь стать **ученой**?

Гендибаль был потрясен.

— Но, милая женщина...

Он оборвал фразу, не закончив. Господи, как мог он объяснить неотесанной крестьянке, каков уровень интеллекта, обучения ментальных талантов и тренировки, необходимый для того, чтобы стать тем, кого тренториане называли «мучеными»?

Но Сура Нови не отступалась:

— Я быть читатель и писатель. Я читать быть целые книжки от начала до конца, вот как. И я сильно хотеть стать мученая. Я не желать быть жена крестьянина. Я не пойти замуж за крестьянина и рожать крестьянские дети.

Она вскинула голову и гордо проговорила:

— Меня звать, просить. Много раз. Я всегда говорить: «Не». Не грубить, но всегда говорить: «Не».

Гендибаль прекрасно видел, что она лжет. Нет, конечно, никто ее не звал замуж, но он решил не затрагивать этого вопроса.

— Но как же ты будешь жить, если не выйдешь замуж?

Нови тяжело опустила руку на стол ладонью вниз.

— Я быть мученая. **Не быть** крестьянка.

— Ну а если я не смогу сделать из тебя ученую?

— Тогда пусть я быть никто и так умирать. Никто не быть в жизни, если не мученая.

У Гендибаля мелькнула мысль исследовать ее сознание, дабы понять мотивы этого непреодолимого желания. Но делать этого не следовало. Оратор не имел права забавляться, врываясь в беспомощное сознание другого человека. В менталике, как и в других профессиях, существовал свой кодекс. По крайней мере, должен был существовать. Тут Гендибалю стало стыдно за тот удар, что он нанес портье. Он сказал:

— Но почему ты не хочешь быть крестьянкой, Нови?

Слегка поработав над ее сознанием, он мог запросто изменить ее отношение к браку, внушить какому-нибудь думлянскому мужлану желание жениться на ней, а ей — желание выйти за него. Ничего дурного не случилось бы. Это было бы доброе дело. Но — противозаконное, и нечего было думать об этом.

Она ответила:

— Не хотеть, и все тут. Крестьянин грубый быть. Вся жизнь работать на земля, ворочать куски земля и сам становиться все равно что кусок земля. Если я стать крестьянка, я тоже быть кусок земля. У меня не хватать время, чтобы читать и писать, и я все забывать быть. А мой голова, — она приложила ладони ко лбу, — стать тупая, как пробка. Нет! Мученые — другой люди совсем. Мученые быть задумчивые. (Скорее всего, решил Гендибаль, она имела в виду «умные», а не «сосредоточенные».)

— Мученый человек, — продолжала Нови, — читать книжки и еще работать с эти... с эти... я забывать, как это называть.

Она сделала руками какие-то манипуляции, которые ничего не сказали бы Гендибалю, если бы он не имел возможности проследить за мыслями девушки.

— Микропленки, — кивнул он. — Откуда ты знаешь про микропленки?

— В книжки, — гордо объявила она, — я читать быть много разные умные вещи.

Гендибаль больше не мог бороться с искушением узнать о ней больше. Какая необычная думлянка! Такая местная жительница встретилась ему впервые. Думлян никогда не вербовали, но если бы Нови была помоложе, было бы ей лет десять...

Какая досада! Нет-нет, он не причинит ей вреда, не побеспокоит ее, но грош ему цена как Оратору, если он откажется от исследования необычного сознания и ничего о нем не узнает!

Он сказал:

— Нови, я прошу тебя минуточку посидеть спокойно. Не волнуйся. Ничего не говори. Ни о чем не думай. Постарайся уснуть. Думай, что засыпаешь. Понимаешь?

Страх снова объял ее:

— Это зачем все делать, Господин?

— Затем, что я хочу посмотреть, как сделать тебя ученой.

В конце концов, неважно, что она там вычитала в книжках, — важно было понять, знает ли она, что такое на самом деле быть «мученой».

Очень осторожно, почти с ювелирной тонкостью он коснулся ее сознания, как будто прикоснулся ладонью к полированной металлической поверхности, даже не оставив на ней отпечатков пальцев. Так... Ученый для нее был тем человеком, который только и делает, что читает книжки. Зачем, для чего он их читает — ни малейшего представления. А для нее самой быть ученой означало... Образы в ее сознании показывали ту работу,

к которой она привыкла, — принести, унести, приготовить еду, убрать, помыть посуду, выполнить приказ. Но где, вот что главное! Здесь, в Университете, где было так много книжек, где у нее будет время читать их и чему-то — неважно и непонятно чему — научиться. Следовательно, она хотела стать... служанкой. **Его** служанкой.

Гендибаль нахмурился. Взять себе в служанки думлянку — неотесанную, безграмотную, грубую. Нет, немыслимо.

Нужно было взять и отказать ей. Очень просто — отказать, поработать немножко над ее сознанием, дабы она отказалась от своих глупых намерений и удовлетворилась судьбой крестьянки, сделать это так, чтобы она и не ощутила никакого воздействия, словом, так, чтобы Деларми не подкопалась. И дело с концом.

А вдруг сама Деларми ее и подослала? Может быть, ее хитрый план в том и состоит, чтобы Гендибаль запятнал себя вмешательством в сознание думлянки, был пойман за руку и подвергнут импичменту?

Смешно. Похоже на параноидальный бред. Кто заметит? Совсем ничтожное вмешательство, чуть-чуть видоизменить направление мыслей — и все...

Да, против буквы закона, но вреда-то ведь никакого, да и не заметит никто.

Он помедлил.

Назад. Еще. Еще...

Боже! А он чуть было не пропустил!

Что же это такое — самообман?

Нет! Теперь он все видел яснее. Крошечная мысленная связка дезориентирована — дезориентирована искусственно. Да как тонко, только одна связочка задета!

Гендибаль вынырнул из сознания думлянки. Тихо окликнул ее:

— Нови.

— Да, Господин, — проговорила она, открыв глаза.

— Ты сможешь работать со мной. Я сделаю тебя ученой...

— Господин! — вне себя от радости воскликнула она.

Он сразу заметил: она была готова пасть к его ногам. Гендибаль крепко взял ее за плечи:

— Нет, Нови, не надо. Сиди на месте, слышишь, сиди! — Он говорил с ней как с полуприрученным животным. Как только понял, что она уяснила приказ, отпустил ее. Мышцы у нее

были — о-го-го! Он сказал: — Если хочешь стать ученой, и вести себя надо соответственно. Это значит: ты всегда должна быть спокойна, говорить тихо, вежливо и делать только то, что я тебе буду говорить. И еще: ты должна научиться говорить так, как разговариваю я. Тебе придется встретиться с другими учеными. Боишься?

— Я не быть бояться, я не забоюсь, Господин... если вы быть со мной.

— Я буду с тобой. Но сейчас, во-первых, я должен найти для тебя комнату, договориться, чтобы тебе выделили помещение с ванной и туалетом, место в столовой и одежду. Тебе придется носить одежду, более подходящую для ученой, Нови.

— Только у меня не быть больше!.. — отчаянно воскликнула она, оглядев себя с ног до головы.

— Мы найдем что-нибудь, не волнуйся.

Ясно — нужна женщина, которая бы позаботилась об одежде для Нови. Она же научит ее элементарным правилам гигиены. Конечно, она напялила на себя свои лучшие тряпки, но запах пота остался.

Кроме того, этой женщине нужно будет объяснить природу их отношений с Нови. Ни для кого не было секретом (хотя все изображали хорошую мину при плохой игре), что мужчины (да и женщины, если уж на то пошло) из Второй Академии время от времени наведывались к думлянам с целями, далекими от чистой науки. Если при этом они не касались сознания крестьян — ради бога, никто из таких похождений событий не делал. Гендибаль таких вылазок никогда не делал — ему нравилось думать, что причиной тому было то, что он не питал склонности к более грубым формам секса, чем те, что были доступны в стенах Университета. Университетские дамочки, конечно, были бескровны и бледны по сравнению с думлянками, но зато чистенькие и гладкокожие.

Но даже в том случае, если его поведение будет истолковано неверно и над ним начнут посмеиваться, как над Оратором, который не только связался с думлянкой, но и приволок ее к себе, — ничего, он переживет. Переживет, потому что эта крестьянка, Сура Нови, была его ключом к победе в предстоящей неизбежной дуэли с Оратором Деларми и всеми остальными за Столом Ораторов.

29

Гендибаль снова увидел Нови только после обеда. Ее привела женщина, которой пришлось долго и нудно втолковывать, в чем, собственно, дело, дабы она уяснила, что никаких интимных глупостей у него нет и в помине. В конце концов она все поняла, по крайней мере, сделала вид, что поняла, и слава богу.

Теперь Нови стояла перед ним смущенная, гордая и удивленная одновременно.

— Ты превосходно выглядишь, Нови, — сказал Гендибаль.

Подобранная для Нови одежда сидела на ней удивительно хорошо, и ничего отталкивающего Гендибаль в ее внешности не мог найти, как ни старался. Не то талию подчеркнули, не то грудь приподняли, или просто все это было незаметно под неряшливой крестьянской робой?

Бедра у нее были широкие, но не слишком. Лицо, конечно, особой тонкостью не отличалось, но это ничего: освоится немного, научится следить за кожей и пользоваться косметикой, и будет совсем неплохо.

Черт подери, он готов был поклясться, что женщина подумала-таки, что Нови — его любовница. Изо всех сил постаралась сделать из нее красавицу.

«А почему бы и нет?» — подумал он.

Нови должна предстать перед Столом Ораторов, и чем привлекательней она будет на вид, тем легче будет осуществить задуманное.

Как раз за этими размышлениями и застал его вызов Первого Оратора — совершенно особенная форма общения, принятая в ментальном сообществе. Более или менее официально называлось это «Эффектом Совпадения». Стоило хоть бы слегка задуматься о том, кто в это же самое время подумал о тебе, и немедленно происходила обоюдная ментальная стимуляция, эскалация импульсов. Пара секунд на концентрацию мыслей, и связь налажена.

Даже для тех, кто умом понимал принцип такой коммуникации, она оставалась удивительной, в особенности в тех случаях, когда поначалу мысли о будущем собеседнике были настолько туманны и расплывчаты с одной стороны, а то и с обеих, что сознательно их можно было просто не отследить.

— К сожалению, вечер у меня занят, Нови, — сказал Гендибаль. — Мне нужно заняться научной работой. Я отведу тебя в

твою комнату. Там много книг — можешь поупражняться в чтении. Я покажу тебе, как пользоваться сигнализацией, — вдруг тебе понадобится какая-то помощь. А завтра увидимся.

30

— Первый Оратор? — вежливо спросил Гендибаль.

Шендесс только кивнул в ответ. Выглядел он осунувшимся и постаревшим. Гендибаль точно знал, что Шендесс не пьет, но сейчас было полное впечатление, что старик только что глотнул чего-то крепкого.

— Получили мою записку?

— Нет, Первый Оратор. Записки мне никакой не приносили. Я явился на ваш зов. Понял, что дело важное.

— Верно. Этот человек из Первой Академии — Тревайз...

— Да?

— Он не прилетит на Трентор.

Гендибаль удивления не выразил.

— А почему, собственно, он должен сюда лететь? Судя по имеющейся у нас информации, он покинул Терминус вместе с Профессором, цель которого найти Землю.

— Да-да, легендарную планету — прародину человечества. И поэтому он должен был лететь именно на Трентор. В конце концов, разве Профессор знает, где Земля? Вы знаете? А я? Можем мы быть уверены, что она существует вообще или существовала когда-либо? Безусловно, они должны были прибыть сюда и искать недостающую информацию в Библиотеке, если такую информацию вообще можно добыть где бы то ни было. До сих пор я полагал, что ситуация не носит столь кризисного характера, я думал, что люди из Первой Академии прибудут сюда и через них мы узнаем то, что хотим узнать.

— А именно это является причиной, почему ему не дадут сюда попасть.

— Но куда в таком случае они направляются?

— Не знаю. Вероятно, это никому не известно.

— Похоже, вас это не слишком волнует?

Гендибаль пожал плечами:

— Я думаю, не лучше ли, что все складывается так? Вы хотели, чтобы Тревайз, целый и невредимый, попал на Трентор, и мы смогли бы использовать его как источник информации. Но

не станет ли он еще более ценным источником информации, если полетит туда, куда хочет лететь, не поможет ли он нам обнаружить кого-то, более важного, чем он сам, если только, конечно, мы не потеряем его из виду?

— Это еще не все! — воскликнул Первый Оратор. — Вы ухитрились так убедить меня в существовании этого нашего нового врага, что теперь я просто места себе не нахожу. Теперь я просто уверен, что мы обязаны захватить Тревайза, иначе все потеряем, проиграем окончательно. Не могу избавиться от ощущения, что ключ ко всему — он один.

— Что бы ни случилось, мы не проиграем, — твердо, убежденно сказал Гендибаль. — Другое дело, что эти Анти-Мулы, как вы их назвали, скрываются здесь, среди нас. Но теперь мы знаем, что они здесь, и не будем больше действовать вслепую. На следующем же Заседании Стола, если нам удастся достичь согласия, мы начнем контратаку.

— Не только из-за Тревайза я позвал вас, Оратор. Это мучило меня как мое личное поражение. Я виноват в том, что поставил личное дело выше общего. Есть еще кое-что, более важное.

— Более важное, Первый Оратор?

— Более важное, Оратор Гендибаль. — Шендесс глубоко вздохнул и застучал кончиками пальцев по крышке стола. Гендибаль спокойно стоял и ждал продолжения. Наконец Первый Оратор сказал — тихо, как будто старался облегчить удар: — На экстренном Заседании Стола Ораторов, созванном Оратором Деларми...

— Без вашей санкции, Первый Оратор?

— Для того, что ей было нужно, ей хватало согласия лишь троих Ораторов, не включая меня. Так вот, на этом экстренном Заседании вы были подвергнуты импичменту, Оратор Гендибаль. Вас объявили недостойным поста Оратора, и вы должны будете предстать перед судом. Билль по импичменту впервые за три столетия будет предъявлен Оратору...

Всеми силами стараясь подавить охвативший его гнев, Гендибаль спросил:

— Не сомневаюсь, что лично вы не голосовали за импичмент?

— Нет, но я был в одиночестве. Остальные Ораторы были единодушны — десятью голосами против одного было принято решение об импичменте. Для такого решения достаточно восьми голосов, включая Первого Оратора, или десяти без него.

— Но я не присутствовал на Заседании!

— Это ничего не изменило бы. Вы не имели права принимать участие в голосовании.

— Да, но я мог выступить в свою защиту.

— Защищаться вам теперь придется на суде, который, естественно, состоится в самое ближайшее время.

Гендибаль задумчиво кивнул, помолчал немного и сказал:

— Все ясно, но не это меня сейчас волнует. Думаю, Первый Оратор, вы были совершенно правы, что заговорили сначала о Тревайзе. На самом деле это гораздо серьезнее всех судов и импичментов. Можно попросить вас отсрочить судебный процесс на этом основании?

Первый Оратор протестующе поднял руку:

— Не склонен винить вас в непонимании происходящего, Оратор. Импичмент — настолько из ряда вон выходящее событие, что мне самому пришлось заглянуть в уголовный кодекс. Нет, ничто тут не поможет — никаких отсрочек, никаких приоритетов. Нам придется забыть обо всем и начать судебный процесс.

Гендибаль оперся кулаками о стол и склонился к Первому Оратору:

— Вы не шутите?

— Таков закон.

— Какой может быть закон, когда столь велика опасность?

— По мнению Стола, самой явной и главной опасностью являетесь вы, Оратор Гендибаль. Нет, не прерывайте, выслушайте меня. Закон, о котором идет речь, говорит о том, что нет ничего страшнее коррупции и использования своего положения со стороны Оратора.

— Но я не виновен ни в том, ни в другом, Первый Оратор, и вы это прекрасно знаете! Это просто-напросто личная месть Оратора Деларми. Если кто-то и пользуется незаконно своим положением, так это она. Мое преступление состоит лишь в том, что я никогда не выслуживался, не заискивал ни перед кем. В этом я действительно виноват — не обращал должного внимания на идиотов, которые достаточно стары для того, чтобы выжить из ума, но еще достаточно молоды для того, чтобы удерживать власть!

— Как я, Оратор?

Гендибаль огорченно вздохнул:

— Простите, сорвалось. Я вовсе не имел в виду вас, Первый

Оратор. Ну что ж, прекрасно, пусть будет суд. Пусть он начнется завтра. А еще лучше — сегодня же вечером. Покончим с этим и займемся Тревайзом. Промедление смерти подобно.

— Оратор Гендибаль, — печально сказал Шендесс, — вы, видимо, все-таки не понимаете всей серьезности ситуации. Попытки подвергнуть Оратора импичменту бывали и раньше. Их было всего две, и оба раза дело не закончилось осуждением, но вы будете осуждены! После этого вы больше не будете членом Стола Ораторов, и больше вам не удастся сказать ни слова в общественной политике. Вы будете лишены даже права высказываться на Ежегодной Ассамблее!

— И вы пальцем о палец не ударите, чтобы предотвратить это?

— Не могу при всем желании. Тогда мне придется уйти в отставку. Я думаю, именно этого Ораторам и хочется больше всего.

— И тогда Первым Оратором станет Деларми?

— Да, это весьма вероятно.

— Но этому нельзя позволить случиться!

— Конечно! Именно поэтому мне и придется проголосовать за ваше осуждение.

— И тем не менее, — глубоко вздохнул Гендибаль, — я настаиваю на немедленном начале процесса.

— Куда вы торопитесь? Вам нужно время, чтобы подготовиться к защите!

— К какой защите? Они не будут ничего слушать. Требую немедленно начать процесс!

— Суду, вероятно, нужно время подготовиться?

— Нечего им готовиться! В уме они меня уже осудили. На самом деле они с большей готовностью осудят меня завтра, чем послезавтра, и скорее вечером, чем назавтра. Передайте им это.

Первый Оратор тяжело поднялся. Они с Гендибалем в упор смотрели друг на друга.

— Почему вы так торопитесь? — спросил Первый Оратор.

— Дело Тревайза не терпит отлагательств.

— Но когда вас осудят, у меня не останется никаких шансов в чем-либо убедить объединившийся против меня Стол. Боюсь, мы ничего не сможем поделать.

Гендибаль проговорил громким шепотом:

— А вы не бойтесь! Вот увидите: несмотря ни на что, я не буду осужден!

Глава 9

ГИПЕРПРОСТРАНСТВО

31

— Джен, ты готов? — спросил Тревайз.

— В каком смысле, дружочек? К Прыжку?

— Да, к Прыжку через гиперпространство.

Пелорат проглотил комок в горле.

— Н-ну... а ты уверен, что никаких неудобств не будет? Я понимаю — бояться глупо, но все-таки сама мысль о том, что мой организм превратится в мельчайшие тахионы, никому не видимые...

— Ну, Джен, это такие пустяки, честное слово! Прыжки совершаются уже двадцать пять тысячелетий, и я не слыхал ни об одном несчастном случае. Мы можем, конечно, выйти из Прыжка в неудачном месте, но тогда уж несчастный случай будет иметь место в обычном пространстве, а не тогда, когда мы будем состоять из тахионов.

— Утешение слабое, на мой взгляд.

— Но ничего такого не случится. По правде говоря, я хотел тебе сначала ничего не говорить и сказать только тогда, когда все будет позади. Но все же мне захотелось, чтобы ты понял, что произошло, что ты перенес все сознательно и увидел, что нет в этом ничего страшного.

— Ну, — поджал губы Пелорат, — наверное, ты прав, только, честно говоря, я не спешу...

— Уверяю тебя...

— Нет-нет, дружочек, я тебе верю на слово, но только вот, видишь ли... скажи, ты читал когда-нибудь «Сантерестил Мэтт»?

— Конечно. Я грамотный.

— Ну да, ну да, и зачем я спрашиваю. Помнишь, о чем эта книжка?

— На амнезию я тоже пока не жалуюсь.

— Господи... похоже, у меня просто талант какой-то людей обижать! А ведь я всего лишь хотел сказать, что мне все время приходят на память те эпизоды, когда Сантерестил и его друг Бен удрали с планеты семнадцать и заблудились в космосе. Я пытался представить себе, как все это было. Наверное, есть

что-то гипнотическое в этом медленном плавании между звезд, неведомо куда, без слов, в глубоком молчании... И никогда не мог, знаешь ли, в это поверить. Мне нравилось читать эту книгу, это трогало меня, но по-настоящему я не верил в то, что там описано. Но теперь, когда я привык к самому понятию пребывания в космосе, когда сам пережил это ощущение — я знаю, как это глупо, но в общем мне не хочется теперь от этого отказываться. Я, знаешь ли, временами сам себе кажусь Сантерестилом...

— Угу, — кивнул Тревайз. — А я, следовательно, твой дружок Бен.

Тревайзу романтическое настроение Пелората было явно не по душе.

— Ну да, в некотором роде, — не заметил издевки Пелорат. — А маленькие, разбросанные тут и там звездочки неподвижны, и только наше солнце удаляется от нас, но мы этого не видим. Галактика хранит свое туманное величие, она такая, какой была всегда... Космос молчит, он безмолвен, и ничто не отвлекает меня...

— Кроме меня, — буркнул Тревайз.

— Кроме тебя, — автоматически повторил Пелорат. — Ой, я опять... Но, Голан, дружочек, разговоры с тобой о Земле и мои попытки рассказать тебе кое-что из древней истории человечества тоже имеют свою прелесть. Мне не хочется, чтобы это кончилось.

— Не закончится. Не скоро, во всяком случае. Не думаешь же ты, что мы совершим Прыжок и тут же окажемся на поверхности искомой планеты? Мы еще долго пробудем в полете, а Прыжок не займет много времени. На какой-либо планете мы окажемся не раньше чем через неделю, так что не волнуйся.

— Под искомой планетой ты, конечно, подразумеваешь Гею, дружочек. От нее мы можем оказаться еще очень далеко, когда выйдем из Прыжка.

— Знаю, Джен, но зато мы окажемся в нужном секторе, если твои данные верны. Если же это не так...

Пелорат грустно покачал головой:

— Как можем мы оказаться в нужном секторе, если не знаем координат Геи?

— Джен, а ты представь на минуточку, что попал на Терминус, тебе нужно попасть в Аргиреполь, но ты не знаешь точно, где этот город находится, знаешь только, что где-то на пере-

шейке. Как только доберешься до перешейка, что делать будешь?

Пелорат задумался — нет ли тут подвоха и не ждет ли от него Тревайз какого-то сложного ответа. Наконец он сдался и ответил:

— Пожалуй, я бы спросил у кого-нибудь, как туда добраться.

— Ну естественно! Как же иначе! А теперь ты готов?

— То есть прямо сейчас?

Пелорат с трудом встал. Обычно хладнокровное лицо его стало не на шутку озабоченным.

— Что я должен делать? Мне стоять? Сесть? Что?

— О боже, Пелорат, ничего тебе делать не надо! Мы просто пойдем сейчас в мою каюту, и я побеседую с компьютером. Хочешь — сиди, хочешь — стой, хочешь — ложись, песни пой — лишь бы только тебе было хорошо. Лично я бы тебе посоветовал сесть перед видовым иллюминатором. Будет интересно. Ну, пошли!

Пройдя по короткому коридору, они очутились в каюте Тревайза, тот уселся перед компьютером.

— А хочешь сам, Джен? — неожиданно предложил он. — Я дам тебе цифры, и тебе нужно будет только думать о них. А все остальное компьютер сделает.

— Нет, нет, не надо, спасибо большое, — поспешно отказался Пелорат. — Мне почему-то кажется, что мы с компьютером друг другу не подойдем, знаешь ли. Ты, конечно, скажешь, что просто у меня мало практики, но мне так не кажется. У меня, наверное, совсем другой тип мышления, Голан. Ты думаешь по-другому, не так, как я.

— Не дури...

— Нет-нет. Этот компьютер тебе так подходит. Вы просто созданы друг для друга, знаешь ли. Когда ты садишься к нему, вы как бы сливаетесь воедино. А... если я попробую, то нас все равно останется двое — Джен Пелорат и компьютер отдельно. А это не одно и то же.

— Ерунда, — отмахнулся Тревайз, хотя это ему немного и польстило. Он положил пальцы на очертания рук, почти любовно прикоснувшись к поверхности стола.

— Ну вот и славно, — обрадовался Пелорат. — А я тут посижу, погляжу... То есть я хочу сказать — по мне, лучше бы этого вовсе не было, но раз уж так выходит, то придется посмотреть...

И он с волнением уставился в видовой иллюминатор, где виднелось туманное тело Галактики, слегка припудренное порошком тускло светивших звезд.

— Обязательно скажи мне, когда это произойдет, — попросил он Тревайза, робко прислонился к стене и обнял себя руками.

Тревайз улыбнулся, руки его, казалось, погрузились в крышку стола — он ощутил ментальный контакт. День ото дня это ему стало удаваться все легче, связь его с компьютером становилась все более дружеской, интимной, и, как бы он ни смеялся над тем, что об этом сказал Пелорат, он действительно это ощущал. Сейчас ему казалось, что уже не надо сознательно думать о координатах. Компьютер знал, чего хочет Тревайз, без всякого мысленного «произнесения вслух» — он сам выуживал информацию для себя из его сознания.

На всякий случай Тревайз все-таки «произнес» задуманное и попросил компьютер совершить Прыжок через две минуты.

— Все в порядке, Джен. У нас две минуты... Сто двадцать... сто пятнадцать... сто десять... Смотри, смотри в иллюминатор!

Тревайз продолжал отсчет шепотом:

— Пятнадцать, десять... пять... четыре... три... два... один... ноль...

Ощущения движения не возникло — никаких ощущений вообще, но картина в иллюминаторе мгновенно переменилась. Звездное поле стало более густым. Галактика исчезла.

Пелорат, не отрывая глаз от иллюминатора, прошептал:

— Это оно было? Это самое?

— Что — «это самое»? Ты вздрогнул? Сам виноват. Ты ничего не почувствовал, признай.

— Признаю.

— Вот и все. Давным-давно, когда путешествия через гиперпространство еще были в новинку, судя по тому, что пишут в книгах, можно было ощутить что-то неприятное, типа головокружения или тошноты. Но по мере накопления опыта гиперпространственных полетов и совершенствования оборудования этих явлений становилось все меньше и меньше. А при наличии компьютера, такого, как наш, любые явления находятся за порогом ощущений. По крайней мере, я ровным счетом ничего не ощутил.

— Я тоже, честно признаюсь. И где же мы, Голан?

— Всего на шаг впереди. В Калганском Регионе. Лететь нам еще долго, и, прежде чем совершить следующий Прыжок, нужно проверить, насколько точно прошел этот.

— Но вот что меня немного беспокоит — куда подевалась Галактика?

— Вокруг нас она, Джен. Мы довольно здорово в нее занырнули. Если хорошо сфокусировать видовой иллюминатор, мы увидим ее самые отдаленные участки в виде светящейся полосы поперек неба.

— Млечный Путь! — радостно воскликнул Пелорат. — Почти во всех преданиях люди описывают его в своих небесах, но с Терминуса он не виден. Покажи мне его, дружочек!

Картина в иллюминаторе дрогнула, казалось, звездное поле поплыло сквозь него; и вскоре взору путешественников предстала, почти целиком заполнив собой иллюминатор, широкая, сверкающая молочной белизной полоса. Она плыла поперек поля зрения, стала у́же, потом — шире.

— Расширяется в направлении центра Галактики, — пояснил Тревайз. — Она могла бы выглядеть шире и ярче, но мешают темные тучи в области витков спирали. Вот так примерно она выглядит с поверхности большинства обитаемых миров.

— И с Земли.

— Не обязательно.

— Конечно. Но знаешь... Скажи, ты историю науки изучал?

— Не слишком старательно, но кое-что помню. Правда, если собираешься экзаменовать меня, сразу предупреждаю: я не эксперт.

— Видишь ли, этот наш Прыжок заставил меня вспомнить о том, что всегда меня занимало. Существует возможность описать такую Вселенную, где гиперпространственные полеты невозможны, где скорость света в вакууме есть абсолютный максимум.

— Конечно.

— При этих условиях геометрия Вселенной такова, что путешествие, только что совершенное нами, невозможно проделать быстрее, чем его проделал бы луч света. А если бы мы совершали его со скоростью света, время для нас текло бы по-другому. Если место, где мы сейчас находимся, отстояло бы от Терминуса, скажем, на сорок парсеков, мы бы не почувствовали никаких отклонений, попав сюда со скоростью света, но на Терминусе и во всей остальной Галактике прошло бы около ста

тридцати лет. Мы же совершили перелет со скоростью, в тысячи раз превышающей скорость света, но время нигде в Галактике не ушло вперед — по крайней мере, я так надеюсь.

— Только не жди, — сказал Тревайз, — что я сейчас начну тебе подробно пересказывать математическое обоснование Гиперпространственной Теории Оланхена. Единственное, что я могу сказать, так это то, что, если бы ты летел со скоростью света в обычном пространстве, время действительно уходило бы вперед, со скоростью примерно в три и двадцать шесть сотых года за парсек, как ты сказал. Так называемая релятивистская Вселенная, сущность которой человечество уяснило в незапамятные времена, — странно, кстати, что ты об этом заговорил, я не думал, что ты этим интересуешься, — так вот, такая Вселенная, я думаю, существует и никуда не делась, и законов ее никто не отменял. Однако при совершении Гиперпространственных Прыжков происходит нечто за пределами условий, в рамках которых действуют понятия релятивности, и законы тут другие. Гиперпространственная Галактика представляет собой крошечный объект, в идеале она является точкой, не подвергаемой измерениям, и релятивистских эффектов в ней нет вообще.

На самом деле в математических формулах космологии существуют два символа для обозначения Галактики: G^p — для «релятивистской Галактики», где скорость света максимальна, и G^r — для «гиперпространственной Галактики», где скорость практически ничего не значит. С точки зрения гиперпространства величина всякой скорости равна нулю, и мы вообще не двигаемся; в отношении же самого пространства скорость бесконечна. Лучше я, пожалуй, объяснить не смогу.

Кстати говоря, одной из самых знаменитых шуток в теоретической физике является подстановка символа G^p в уравнение, где на самом деле должен фигурировать символ G^r, и наоборот. Чаще всего неопытный студент попадается на удочку, корпит над уравнением до седьмого пота, матерится, как сапожник, и ничего не может добиться, пока наконец кто-то не сжалится над ним и не скажет ему, что его просто накололи. Я сам как-то попался, правда.

Пелорат некоторое время мучительно обдумывал сказанное Тревайзом и наконец растерянно спросил:

— Но... какая же из Галактик... настоящая?

— Обе. Все зависит от того, чем ты занимаешься. Вернешься на Терминус, сядь в автомобиль, поезжай по суше; сядь на

корабль и плыви по морю. Условия будут разные, верно? Так какой же Терминус настоящий — сухопутный или морской?

Пелорат кивнул:

— Аналогии — дело рискованное, конечно, но лучше уж я соглашусь на эту аналогию, чем буду сходить с ума, думая дальше о гиперпространстве. Давай лучше поговорим о том, что происходит сейчас с нами.

— Тогда считай, что мы сделали первую остановку на пути к Земле.

«Только ли к Земле?» — подумал Тревайз про себя.

32

— Так... — протянул Тревайз. — У меня день даром прошел.

— О? — рассеянно откликнулся Пелорат, с трудом оторвавшись от терминала. — А как это тебе удалось?

Тревайз огорченно развел руками:

— Понимаешь, я не поверил компьютеру. Просто не мог иначе — мало ли что. В общем, я сверил наши теперешние координаты с заданными перед Прыжком, и они полностью совпали. То есть никакой погрешности я не обнаружил.

— Но это же хорошо, правда?

— Это не просто хорошо. Это невероятно! Я о подобных вещах никогда не слышал. Я совершал Прыжки и раньше и определял их параметры всеми возможными способами с помощью уймы приспособлений. Еще в школе мне пришлось разработать схему Прыжка с помощью портативного компьютера, а потом проверить результаты с помощью гиперреле. Естественно, тогда я не мог отправить в путь настоящий корабль — слишком дорогое удовольствие, как ты понимаешь, да и вынырнуть я мог где-нибудь прямо в центре какой-нибудь звезды. Но даже тогда я не сделал ничего ужасного, — продолжал Тревайз, — хотя без погрешности не обошлось. Ошибка всегда есть, всегда — даже у величайших экспертов. Она просто обязана быть, когда учитывается такое число переменных. Скажем так: геометрия пространства безумно сложна, а геометрия гиперпространства еще сложнее — нечего даже притворяться, будто мы понимаем все его заморочки. Вот почему нам приходится идти шаг за шагом, вместо того чтобы взять да и прыгнуть отсюда прямо в Сей-

шельский Сектор. С расстоянием ошибки будут нарастать, понимаешь?

Пелорат, похоже, не совсем понял, о чем речь.

— Но ты сказал, что компьютер ошибки не сделал. То есть **этот**, наш компьютер.

— Это **он** говорит, что не сделал ошибки. Я дал ему команду сверить наши теперешние координаты с заданными перед Прыжком. Он ответил, что для его пределов измерений координаты идентичны, а я подумал: «А что, если он врет?»

До этого мгновения Пелорат не выпускал из рук портативный принтер. Теперь он положил его на стол и растерянно спросил:

— Ты шутишь? Компьютер не может врать. Если только ты не хочешь сказать, что он сломался.

— Нет, не в этом дело. Мне такое в голову не пришло. Мне действительно показалось, что он **врет!** Этот компьютер... он настолько умен, что иной раз я готов считать его человеком, даже сверхчеловеком. Достаточно человеком для того, чтобы иметь такое понятие, как самолюбие, а может быть, и умение лгать. Я дал ему задание: разработать курс полета через гиперпространство в точку, близкую к планете Сейшелл — столице Сейшельского Союза. Он сделал это с легкостью — выдал мне курс из двадцати девяти Прыжков. Самонадеянность выше всякой критики.

— Почему — самонадеянность?

— Потому что с каждым последующим Прыжком ошибки нарастают! Как можно рассчитать двадцать девять Прыжков сразу? Двадцать девятый может закончиться неизвестно где, в любом месте Галактики. Вот я и попросил его для начала совершить только первый Прыжок, чтобы мы могли сверить координаты, а уже потом двигаться дальше.

— Весьма, весьма разумный подход, — кивнул Пелорат. — Одобряю.

— Да, но все дело вот в чем: не мог ли компьютер, совершив первый Прыжок... обидеться на меня за то, что я ему как бы не доверяю? Не защитил ли он свое профессиональное самолюбие тем, что объявил мне об отсутствии ошибки? Мог он не признаться в ошибке, чтобы его не сочли несовершенным? Если это так, то с таким же успехом мы могли бы вообще обойтись без компьютера.

— Что же нам в таком случае делать, Голан? — озабоченно поинтересовался Пелорат.

— То самое, чем я занимался сегодня, — попусту тратить время. Я проверил координаты нескольких близлежащих звезд самыми примитивными методами: наблюдением в телескоп, фотографированием, ручными расчетами. Сравнил их действительные координаты с ожидаемыми и ошибки не обнаружил. Весь день я только этим и занимался, измучился жутко, но ошибки не нашел.

— Ну и что же?

— Нет, то есть две малюсенькие ошибочки я таки нашел, проверил все снова и понял, что они — в моих собственных расчетах. Исправил ошибки, запустил свои расчеты в компьютер, чтобы посмотреть, выдаст ли он такие же результаты независимо. Мало того, что он провел все расчеты с точностью до большего числа цифр после запятой: оказалось, что мои расчеты абсолютно верны, и, следовательно, **они** подтверждают, что компьютер прав и никакой ошибки не было. Может быть, наш компьютер на самом деле — самовлюбленный Мулов сынок, но, черт подери, ему таки есть чем гордиться!

— Ну и замечательно! — со вздохом облегчения проговорил Пелорат.

— Не спорю. Словом, я решил позволить ему совершить остальные двадцать восемь шагов.

— Все сразу? Но...

— Не все подряд. Не волнуйся. Я еще не настолько обалдел. Прыжки пойдут один за другим, но после каждого шага этот подлец будет проверять координаты, и следующий Прыжок последует лишь после того, как я выясню, что ошибки в допустимых пределах нет. Всякий раз, когда ошибка окажется слишком велика, — а пределы, поверь мне, я установил не слишком милосердно, — ему придется делать остановку и производить перерасчет оставшихся шагов.

— И когда ты собираешься к этому приступить?

— Когда? Да прямо сейчас... Послушай, а ты сейчас чем занимаешься? Индексацией своей библиотеки?

— Да, сейчас для этого такая прекрасная возможность. Я многие годы собирался это сделать, но всегда что-то мешало.

— Нет возражений. Занимайся индексацией и ни о чем не беспокойся. Об остальном позабочусь я.

Пелорат покачал головой:

— Не шути. Я не успокоюсь, пока все не окончится. Я напуган до смерти.

— Зря, значит, я тебе все рассказал, но я должен был **кому-то** рассказать! Нас ведь тут только двое! Давай поговорим начистоту, Джен. Всегда есть шанс очутиться в какой-то точке межзвездного пространства, где в это самое время одновременно окажется летящий с бешеной скоростью метеороид или маленькая черная дыра; корабль получит повреждение, и мы погибнем. Теоретически подобные случаи возможны.

К счастью, такое случается крайне редко. В конце концов, Джен, ты мог бы находиться дома — в своем кабинете, в своей постели, а метеороид мог бы преодолеть атмосферу Терминуса и угодить прямехонько в тебя. Такая вероятность тоже невелика.

В действительности шансов пересечь траекторию чего-то фатального, но настолько незначительного, чтобы об этом не знал компьютер, в гиперпространстве гораздо меньше, чем у себя дома. Никогда не слыхал, чтобы хоть один корабль погиб при таких обстоятельствах. Риск же вломиться в самую середину звезды — и того меньше.

— Тогда зачем ты мне рассказываешь все это, Голан?

Тревайз помолчал немного, склонил голову набок и, наконец, ответил:

— Рассказываю я тебе это, Джен, потому, что, как бы сильно я себя ни уговаривал, внутри меня кто-то все время шепчет: «А вдруг на этот раз что-то такое стрясется, а?» И я заранее чувствую себя виноватым. Вот такие дела. Джен, если что-то случится, прости меня!

— Но... Голан, дружочек, ведь, если что случится, мы оба погибнем, и я не успею тебя простить.

— Понимаю, вот поэтому ты и прости меня сейчас, ладно?

Пелорат улыбнулся:

— Сам не знаю почему, но ты меня подбодрил. Что-то в этом есть такое — смешное и трогательное. Прощаю тебя, Голан, конечно, прощаю. Знаешь ли, в мировой литературе есть множество мифов о жизни после смерти, и, если я попаду куда-нибудь после гибели, правда, это так маловероятно, как оказаться в маленькой черной дыре, там я буду точно знать, что в моей смерти ты не повинен, что ты сделал все, что мог.

— Спасибо тебе! Теперь мне легче. Я-то готов рисковать, но мне не хотелось, чтобы ты рисковал из-за меня.

Пелорат протянул Тревайзу руку, и тот пожал ее.

— Знаешь, Голан, мы ведь знакомы всего неделю, и, наверное, не стоило бы делать поспешных выводов, но мне кажется, что ты замечательный парень! В общем, ты делай все, что надо, и не будем больше об этом говорить, хорошо?

— Договорились! Пошли ко мне, посмотришь еще раз.

Тревайз уселся за компьютер.

— Ну вот. Надо только положить руки на контакты... Команда у компьютера уже есть, он только и ждет, когда я скажу: «Вперед!» Хочешь дать команду, Джен?

— Ни за что! Это твое дело и твой компьютер!

— Ладно. Все мое, и ответственность тоже. Я все еще пытаюсь юморить, как видишь. Смотри в иллюминатор!

Тревайз твердо, уверенно положил руки на крышку стола. Короткая пауза, и звездное поле в иллюминаторе изменилось, потом еще... и еще... Звезды все гуще усеивали поле зрения.

Пелорат считал про себя. На счете «пятнадцать» смена «кадров» прекратилась, как будто что-то заклинило в аппаратуре.

— Что-то случилось? — шепотом спросил Пелорат, видимо боявшийся, что громкий голос может усилить поломку.

Тревайз пожал плечами:

— Наверное, пошел перерасчет. Какой-то объект в пространстве нанес чувствительный толчок по общим очертаниям гравитационного поля. Что-то неучтенное в расчетах — не нанесенная на карту карликовая звезда или красная планета.

— Это опасно?

— Вряд ли, раз мы пока живы. Планета может находиться от нас в сотне миллионов километров и тем не менее давать достаточно высокую гравитационную модуляцию для того, чтобы потребовался перерасчет. Карликовая звезда может отстоять от нас на десять миллиардов километров, и...

Тут вид в иллюминаторе снова переменился, и Тревайз умолк. Снова и снова изменялась картина. Наконец, когда Пелорат прошептал «двадцать восемь», кадр в иллюминаторе остановился окончательно.

Тревайз проконсультировался с компьютером и сообщил:

— Приехали!

— Да, но я считал, и считал правильно! Первый Прыжок я не считал, начал со второго, и у меня вышло двадцать восемь, а ты сказал — будет двадцать девять.

— Может быть, перерасчет на пятнадцатом Прыжке сэконо-

мил нам один Прыжок. Я могу все проверить, если хочешь, но на самом деле это совершенно не нужно. Мы находимся недалеко от планеты Сейшелл. Так говорит компьютер, и я склонен ему верить. Если сориентировать соответствующим образом видовой иллюминатор, мы увидим прекрасное яркое солнце, но не стоит без нужды напрягать аппаратуру и зрение. Планета Сейшелл — четвертая от нас по счету и отстоит от теперешних наших координат примерно на три и две десятые миллиона километров. Туда мы доберемся дня за два-три. — Тревайз глубоко вздохнул, борясь с волнением. — Ты понимаешь, что это значит, Джен? Любой корабль — из тех, на которых мне доводилось летать раньше, вынужден был бы совершить такую серию Прыжков с остановкой на день минимум для долгих и нудных перерасчетов, даже при наличии компьютера. То бишь мы бы летели почти месяц. А мы летели полчаса. Если каждый корабль будет оборудован таким компьютером...

Тревайз откинулся на спинку кресла, забросив руки за голову.

— А интересно, — задумчиво поинтересовался Пелорат, — почему Мэр выделила нам такой современный корабль? Ведь он, наверное, стоит громадных денег?

— Кораблик экспериментальный, — сухо отозвался Тревайз. — Может быть, эта добрая женщина просто хотела, чтобы мы испытали его и посмотрели, нет ли у него каких-нибудь недостатков.

— Ты серьезно?

— Только не нервничай. Все в порядке, в конце концов. Пока мы никаких недостатков не наблюдаем. Правда, я не склонен относить это на ее счет. Не думаю, чтобы ее чувство гуманности слишком сильно пострадало, случись с нами что-то нехорошее. Она, между прочим, не снабдила нас оружием для самозащиты, что значительно снизило стоимость всего предприятия.

— А я вот думаю про компьютер, — задумчиво проговорил Пелорат. — Он удивительно хорошо приспособлен к тебе, но вряд ли он может так хорошо подходить каждому. На меня он очень плохо реагирует.

— Слава богу, что хотя бы с одним из нас он работает как надо.

— Да, но разве это просто случайность?

— А что еще, Джен?

— Я вот думаю: Мэр тебя хорошо знает?

— Думаю, хорошо, старый броненосец.

— А не могло ли быть так, чтобы она распорядилась сконструировать компьютер специально для тебя?

— Зачем?

— Понимаешь... я думаю, не может ли быть так, что мы летим туда, куда хочет компьютер?

Тревайз похолодел.

— Ты... хочешь сказать, что, когда у меня контакт с компьютером, он не мои команды выполняет, а делает все сам?

— Ну да, просто я вдруг так подумал.

— Не валяй дурака. Паранойя какая-то. Смотри сюда, Джен.

Тревайз повернулся к компьютеру и отдал команду сфокусировать изображение в иллюминаторе, показать планету Сейшелл и проложить к ней курс по обычному пространству...

Ерунда!

И почему только Пелорату такое в голову взбрело?

Глава 10

СУД

33

Прошло два дня, и Гендибаль понемногу успокоился — ни отчаяния, ни гнева не осталось в душе. Не стоило торопить события и требовать немедленного начала процесса. Он прекрасно понимал — будь он не готов, понадобись ему время, вот тогда они точно назначили бы суд немедленно.

Но поскольку Академии не грозило ничего, кроме страшнейшего со времен Мула кризиса, она предпочла потерять время — с единственной целью: раздразнить его.

Они добились своего, Гендибаль был готов Селдоном поклясться. Ну что ж, тем страшнее будет его ответный удар. В этом он был уверен.

Он огляделся по сторонам. В приемной было пусто. Так тут было уже два дня. Неспроста. Гендибаль был выдающимся человеком, Оратором, его все знали. Теперь всем и каждому было известно, что за действия, которые не имели прецедента за всю

историю Второй Академии, он должен был утратить свое высокое положение и, спустившись вниз по иерархической лестнице, стать простым, рядовым сотрудником Второй Академии.

Но одно дело — изначально быть рядовым сотрудником — вещь почетная сама по себе. Совсем же другое — быть некогда Оратором и претерпеть понижение в звании.

«Но этого не случится», — мстительно нахмурился Гендибаль.

Он прекрасно видел, как все избегают его последние два дня. Одна только Нови относилась к нему по-прежнему, но она была слишком наивна, чтобы понимать, что происходит. Для нее Гендибаль по-прежнему был Господином.

Гендибалю это нравилось — он ничего не мог с собой поделать и злился на себя за это. Когда она восторженно смотрела на него, он радовался и стыдился собственной радости. Неужели он становится благодарен судьбе за такие **скромные** подарки?

Из Палаты Суда вышел сотрудник и сообщил ему, что Стол собрался и готов принять его. Гендибаль с высоко поднятой головой прошествовал мимо сотрудника. Этого сотрудника он хорошо знал — он был человеком, до мельчайших подробностей соблюдавшим тонкости обращения, принятые во Второй Академии. По тому, как он вел себя сейчас, можно было с уверенностью сказать, что положение у Гендибаля незавидное. Простой служащий, пешка, обращался с ним так, будто его уже осудили.

Ораторы восседали вокруг стола торжественно, одетые в черные мантии правосудия. Деларми — одна из трех женщин-Ораторов — даже не взглянула на Гендибаля.

Первый Оратор сказал:

— Оратор Стор Гендибаль, вы подвергнуты импичменту за поведение, недостойное Оратора. Вы привсегласно обвинили членов Стола Ораторов в измене и покушении на убийство, не представив четких, обоснованных доказательств. Вы заявили, что все сотрудники Второй Академии, не исключая Первого Оратора, нуждаются в ментальной проверке, предназначенной для выявления тех, кому нельзя доверять. Подобное поведение подрывает самые устои нашего сообщества, без которых Вторая Академия не может контролировать события в изобилующей сложностями, порой враждебно настроенной Галактике, в отсутствие которых она не сможет построить способную к выживанию Вторую Империю. Поскольку эти оскорбления мы все

слышали, перейдем к изложению следующего пункта. Оратор Гендибаль, вы имеете что-либо сказать в свою защиту?

Деларми, все еще не глядя на Гендибаля, хитро, по-кошачьи улыбнулась.

— Если истина, — сказал Гендибаль, — может считаться оправданием, значит, мне есть что сказать в свою защиту. **Есть причины, позволяющие усомниться в целости нашего сообщества**, в его внутренней безопасности. Эти нарушения устоев нашего сообщества, с моей точки зрения, требуют проведения ментального обследования всех сотрудников, не исключая и здесь присутствующих, что создало, по вашему мнению, фатально кризисную ситуацию для Второй Академии. Если вы торопились осуществить это судилище в связи с тем, что хотя бы отдаленно понимаете, насколько опасен этот кризис, почему же тогда вы потеряли попусту целых два дня — ведь я просил начать процесс немедленно? Я признаюсь, что только смертельно опасный кризис вынудил меня сказать то, что я сказал. Вот если бы я промолчал, то тогда уж точно повел бы себя так, как Оратору не подобает.

— Вот он опять нас оскорбляет, Первый Оратор, — тихо сказала Деларми.

Кресло Гендибаля стояло дальше от стола, чем кресла остальных Ораторов — уже явное унижение. Он, как будто не имел ничего против, отодвинул его еще дальше и встал.

— Вы меня сразу, без разбирательства, обвините в нарушении закона, или мне будет предоставлена возможность подробно высказаться в свою защиту?

— Здесь не беззаконное сборище, Оратор, — укоризненно проговорил Шендесс. — Прецедентов слишком мало, чтобы мы могли руководствоваться опытом, но мы готовы склониться к милосердию, понимая, что, если излишняя гуманность заставит нас изменить истинному правосудию, все равно: лучше дать уйти виновному, чем наказать невинного. Поэтому мы дадим вам возможность изложить свои объяснения так, как вы хотите, и объяснения ваши могут длиться сколь угодно долго, до тех пор, пока решение не будет принято единогласно, **включая меня лично**, — решение о том, что мы выслушали достаточно.

— Позвольте, — сказал Гендибаль, — в таком случае начать с того, что Голан Тревайз — тот самый сотрудник Первой Академии, что был изгнан с Терминуса и которого Первый Оратор

и я считаем краеугольным камнем надвигающегося кризиса, — летит в неизвестном направлении.

— Встречный вопрос, — невинно вмешалась Деларми. — Откуда оратору (интонация явно указывала, что слово произнесено с маленькой буквы) это известно?

— Об этом меня проинформировал Первый Оратор, — ответил Гендибаль, — но это же самое подтверждают мои собственные сведения. Однако в сложившихся обстоятельствах, в свете моих подозрений о снижении уровня безопасности я предпочту не дезавуировать источник информации.

— Свое мнение оставляю при себе, — сказал Первый Оратор. — Продолжим заслушивание без уточнения источника информации. Но если Стол решит, что это необходимо, Оратору Гендибалю придется рассказать, кто это.

Деларми полезла в бутылку:

— Если Оратор не раскроет этой тайны сейчас, позволительно будет заподозрить, что на него работает агент, лично им нанятый, неподконтрольный Столу. И мы не можем быть уверены в том, что таковой агент действует в соответствии с правилами, принятыми во Второй Академии.

— Я все отлично понимаю, Оратор Деларми, — с явным неудовольствием отреагировал на ее реплику Первый Оратор. — Незачем мне выговаривать.

— Но я говорю об этом исключительно для протокола, Первый Оратор, — принялась оправдываться Деларми. — Это обстоятельство отягчает защиту и не значится в билле по импичменту, который, я хотела бы отметить, так и не был зачтен полностью.

— Можете быть спокойны, Оратор, я дал чиновнику указание внести этот пункт, а точная формулировка ему будет придана в нужное время. Оратор Гендибаль, — у него, по крайней мере, титул прозвучал с большой буквы, — вы сделали шаг назад в своей защите. Продолжайте.

Гендибаль сказал:

— Так вот, этот Тревайз не только отправился в неожиданном направлении, но и с беспрецедентной скоростью. По имеющимся у меня сведениям, о которых пока не знает Первый Оратор, ему удалось проделать путь длиной почти в десять тысяч парсеков меньше чем за час.

— Что, одним Прыжком? — с явным недоверием спросил один из Ораторов.

— Более чем за два десятка Прыжков: они следовали один за другим, почти без остановок, — ответил Гендибаль. — Такое гораздо труднее себе представить, чем один Прыжок. Даже если нам удастся его теперь обнаружить, следить за ним будет крайне трудно, а если он поймет, что за ним следят, и захочет обмануть нас и удрать, наша карта бита. А вы тратите время на дурацкие импичменты, тратите впустую два дня, будто больше делать нечего.

Первый Оратор с трудом подавил вспышку гнева.

— Будьте добры, Оратор Гендибаль, — сказал он, — сообщите нам, как вы сами оцениваете важность вашего сообщения.

— Это, Первый Оратор, неоспоримое свидетельство того, насколько грандиозна степень технического прогресса, достигнутая Первой Академией. Они теперь намного сильнее, чем были во времена Прима Пальвера. Нам не выдержать схватки с ними, если они найдут нас и будут свободны в своих действиях.

Оратор Деларми вскочила как ужаленная и гневно выкрикнула:

— Первый Оратор, мы тратим время на сущую чепуху! Мы не малые дети, чтобы пугаться сказочек Матушки-Кометушки. Совершенно неважно, какова техническая мощь Первой Академии, если мы можем контролировать их сознание.

— Что вы на это скажете, Оратор Гендибаль? — спросил Первый Оратор.

— Только то, что к вопросу о контроле над сознанием мы перейдем в свое время. Пока же я просто хотел подчеркнуть превосходящую нашу и постоянно растущую техническую мощь Первой Академии.

— Переходите к следующему пункту, Оратор Гендибаль. По первому пункту, изложенному в билле по импичменту, должен сказать, меня вы мало убедили.

Остальные Ораторы продемонстрировали единодушное согласие.

— Я продолжаю, — невозмутимо заявил Гендибаль. — Тревайз летит вместе со спутником. Это некто... — Гендибаль на мгновение умолк, чтобы вспомнить и лучше выговорить имя, — Джен Пелорат, довольно-таки безвредный кабинетный ученый-историк, посвятивший всю свою жизнь изучению мифов и легенд о Земле.

— Надо же, как много вы о нем знаете! Эта информация тоже из вашего тайного источника? — спросила Деларми, взявшая

на себя роль прокурора и очень уютно себя в ней чувствовавшая.

— Да, я многое о нем знаю, — твердо ответил Гендибаль. — Несколько месяцев назад Мэр Терминуса, женщина энергичная и влиятельная, без видимой причины выказала большой интерес к этому ученому, и я вследствие этого также не оставил его без внимания. Но имеющиеся у меня данные я не держал при себе. Все, что я знал, было передано Первому Оратору.

— Не отрицаю, — согласился Первый Оратор.

Один пожилой Оратор спросил:

— А что такое эта... Земля? Неужели тот самый мир — прародина человечества, о котором пишется в сказках? Тот, о котором было столько болтовни во времена Империи?

Гендибаль кивнул:

— В сказочках Матушки-Кометушки, как сказала бы Оратор Деларми. Полагаю, что мечтой Пелората было посетить Трентор, Галактическую Библиотеку, чтобы получить дополнительные сведения о Земле, которые на Терминусе ему доступны не были.

Покинув Терминус вместе с Тревайзом, он, следовательно, должен был мечтать о скорейшем осуществлении своей давней мечты. Естественно, мы ждали их обоих и рассчитывали на возможность их обоих обследовать не без пользы для себя. Теперь же получается, как мы все знаем, что они сюда не попадут. Они движутся в неизвестном направлении с целью, которая нам не ясна.

Физиономия Деларми при следующем вопросе была прямотаки ангельской.

— Но почему это должно нас волновать, не понимаю? Нам нисколько не хуже из-за их отсутствия, верно? Ведь если они так легко отказались от путешествия на Трентор, резонно сделать вывод: Первая Академия не знает об истинной природе Трентора, и мы можем только еще раз поаплодировать гению Прима Пальвера.

Гендибаль сохранял спокойствие.

— Если так думать, то что ж — вывод удобный, спору нет. Но если предположить совсем другое — что, если изменение курса вовсе не было связано с неучетом важности Трентора? Разве не могли они полететь в другом направлении из-за того, что захотели увидеть нечто более важное, чем Трентор? Вдруг

все это вообще произошло для того, чтобы Вторая Академия осознала, как важна Земля?

Стол впал в замешательство.

— Всякий, кому вздумается, — холодно сказала Деларми, — может фабриковать убедительно звучащие предположения и облекать их в форму красивых фраз. Но имеют ли они смысл, вот вопрос. Кому какое дело, что мы здесь, во Второй Академии, думаем о Земле? Будь она чем угодно — истинной прародиной человечества, мифом, не существуй она вообще — этот вопрос может интересовать только историков, антропологов да собирателей народных преданий, таких, как этот ваш Пелорат. Мы-то тут при чем?

— Вот именно, при чем тут мы? — с издевкой проговорил Гендибаль. — Настолько ни при чем, что теперь в Библиотеке вообще нет никакой информации о Земле.

Впервые с начала процесса в атмосфере почувствовалось что-то кроме всеобщей враждебности.

— Правда? Никаких? — спросила Деларми.

Гендибаль спокойно ответил:

— Когда я впервые узнал о том, что целью прибытия сюда Тревайза и Пелората может быть поиск сведений о Земле, я, естественно, поработал на библиотечном компьютере. Я дал ему команду выдать мне перечень документов, такую информацию содержащих. Я был просто поражен, когда он мне не выдал ровным счетом ничего. Ладно бы — мало. Но — ничего!..

Затем же вы все настояли, чтобы процесс состоялся только через два дня, а мое любопытство одновременно подхлестнуло сообщение о том, что представители Первой Академии на Трентор не прибудут вообще. Нужно же мне было как-то развлечься. Словом, пока остальные занимались, как говорится в пословице, потягиванием вина в то время, когда дом вот-вот рухнет, я просмотрел кое-какие книжки по истории из собственной библиотечки. И наткнулся там на целые параграфы, исключительно и непосредственно посвященные исследованиям в области «Вопроса о Происхождении» в дни Империи времени упадка. Там было полно ссылок, цитат из определенных документов, как печатных, так и микрофильмированных. Я опять наведался в Библиотеку и запросил там эти документы. Уверяю вас, их там нет.

Деларми упорствовала:

— Даже если это так, что в этом удивительного? В конце концов, если Земля действительно — миф...

— Тогда я отыскал бы интересующие меня первоисточники в картотеках литературы по мифологии, — не дал ей договорить Гендибаль. — Если бы это была сказка из сборника «Матушки-Кометушки», я бы нашел ее в этом самом сборнике. Если бы это было исчадием больного разума, я бы нашел информацию в картотеке литературы по психопатологии. Факт таков: все вы что-то знаете о Земле — иначе как хотя бы кто-то мог вспомнить, что она где-то упоминается как прародина человечества? Почему же тогда в Библиотеке напрочь отсутствуют какие бы то ни было документы, где бы упоминалась Земля?

Деларми не нашлась что сказать. Вместо нее в разговор вступил другой Оратор. Это был Леонис Чень, низкорослый толстячок, обладавший энциклопедическими познаниями в области тонкостей Плана Селдона и отличавшийся потрясающе близоруким отношением к тому, что творилось в Галактике наяву. Говоря, он часто-часто моргал.

— Хорошо известно, — сказал он, — что в последние годы своего существования Империя изо всех сил старалась создать нечто вроде мифа об Империи за счет педалирования интереса к доимперским временам.

Гендибаль кивнул:

— Попали в точку, Оратор Чень. За счет педалирования. Однако это — не эквивалент уничтожения свидетельств. И именно вам лучше, чем кому-либо другому, должно быть известно еще кое-что, характерное для периода упадка Империи: внезапная вспышка интереса к прошедшим и, вероятно, лучшим временам. Я только что упомянул об увлечении «Вопросом о Происхождении» во времена Селдона.

Чень громко откашлялся.

— Это мне прекрасно известно, молодой человек. Я знаю о социальных проблемах периода упадка Империи гораздо больше, чем вам кажется. Процесс «империализации» поставил точку на дилетантских спекуляциях о Земле. При Клеоне Втором, когда была предпринята последняя попытка возродить Империю, то есть через два века после Селдона, процесс империализации достиг своего пика, на всякие измышления о существовании Земли было наложено вето. То есть вышла в свет соответствующая директива, где интерес к подобным вопросам описывался (надеюсь, я сумею верно процитировать) как «бес-

плодные и устаревшие взгляды, провоцирующие падение уровня всенародного преклонения перед императорским троном».

Гендибаль не смог сдержать улыбки:

— Следовательно, вы полагаете, что все упоминания о Земле были уничтожены во времена Клеона Второго, Оратор Чень?

— Я не делаю выводов. Я сказал то, что сказал.

— Жаль, что вы не делаете выводов. Во времена Клеона Второго, что бы ни творилось в Империи, Библиотека как минимум была в наших руках — точнее, в руках наших предшественников. Абсолютно исключена возможность исчезновения каких-либо материалов из Библиотеки без ведома Ораторов Второй Академии. А такое задание могло быть поручено только Ораторам, хотя в Империи никто ни сном ни духом не ведал, кому оно было поручено — если это на самом деле произошло. — Гендибаль умолк. Чень, не говоря ни слова, смотрел в одну точку выше головы Гендибаля. Выдержав короткую паузу, Гендибаль продолжил: — Получается, следовательно, что во времена Селдона эти материалы не могли исчезнуть из Библиотеки, поскольку «Вопрос о Происхождении» был тогда в полном ходу. Не могли они исчезнуть и во времена Клеона Второго, поскольку тогда не дремала Вторая Академия. И все-таки на сегодняшний день в Библиотеке их нет. Что же это значит?

Деларми нетерпеливо вмешалась:

— Хватит решать дилеммы, Гендибаль. Нам все ясно. Какой вы предлагаете сделать вывод? Может быть, вы сами изъяли эти документы?

— Вы, как обычно, зрите в корень, Оратор Деларми, — отвесив учтивый поклон, съязвил Гендибаль. Деларми слегка приоткрыла рот. — Один из возможных выводов таков: документы изъяты кем-то из Ораторов — тем, кто знал, каким образом поработать с библиотекарями-хранителями, не оставив в их сознании и следа воспоминаний, и с библиотечными компьютерами, чтобы в их памяти не осталось ни капли информации.

Первый Оратор густо покраснел.

— Странный и нелепый вывод, Оратор Гендибаль. Просто невозможно представить себе Оратора за таким занятием. Каковы могли быть мотивы? Даже если допустить такое, как мог кто-то из Ораторов сохранить это в тайне от остальных членов Стола? К чему рисковать собственной карьерой, запятнав свою репутацию в Библиотеке, когда шансы обнаружения такого деяния столь велики? Кроме того, я уверен, что ни один, даже са-

мый умелый Оратор не смог бы совершить такого, не оставив никаких следов.

— Должен ли я заключить, Первый Оратор, что вы не согласны с Оратором Деларми относительно того, что это — моих рук дело?

— Конечно, не согласен. Порой ваши суждения вызывают у меня сомнения, но безумцем я вас никогда не считал.

— Значит, то, что случилось, не должно было случиться никогда, Первый Оратор. Материалы о Земле до сих пор должны быть в Библиотеке. Мы исключили все возможные причины их исчезновения. И тем не менее их там нет.

Деларми с подчеркнутой усталостью в голосе сказала:

— Ну, ну, давайте покончим с этим. Какой же вы все-таки предлагаете сделать вывод? Уверена, он у вас заготовлен.

— Ну, если уверены вы, Оратор, безусловно, мы все должны быть уверены не меньше. Вывод мой таков: Библиотека была ограблена кем-то, кто находится под влиянием тайных сил за пределами Второй Академии. Кража прошла незамеченной потому, что именно эти самые силы за этим проследили.

Деларми злорадно расхохоталась:

— Ну да, пока вы этого не заметили! Вы один такой неконтролируемый, не подверженный никакому влиянию! Если эти таинственные силы существовали на самом деле, как же они могли допустить, чтобы **вы** узнали об исчезновении материалов из Библиотеки?

Гендибаль сурово, укоризненно проговорил:

— Это не повод для смеха, Оратор. Они не хуже нас могут понимать, что всякие попытки контроля надо держать на минимуме. Несколько дней назад моя жизнь была в опасности, и меня гораздо сильнее волновала проблема отказа от вмешательства в сознание думлян, чем самозащита. Может быть, эти, другие, почувствовав себя в безопасности, прекратили держать меня под контролем. Сам факт того, что я смог понять, что произошло, может означать, что им более не интересно, чем я занимаюсь. Им все равно — значит, они считают, что победа у них в кармане. А мы продолжаем толочь воду в ступе!

— Но с какой целью они могли делать все это? С какой разумной целью? — вопросила Деларми, положив ногу на ногу и нервно покусывая губы. Она прекрасно чувствовала, что власть ее слабеет. Атмосфера Заседания менялась не в ее пользу.

Гендибаль спокойно ответил:

— Смотрите: Первая Академия, располагая колоссальным арсеналом технического могущества, ведет поиски Земли. Они делают вид, будто отправили двух граждан в ссылку, надеясь, что мы примем эту версию. Но стали ли бы они давать ссыльным корабль невероятной мощи, корабль, способный одолеть расстояние в десять тысяч парсеков меньше чем за час, будь они в действительности теми, за кого их хотят выдать?.. Что же до Второй Академии, мы никогда не искали Землю, и теперь совершенно очевидно, что без нашего ведения у нас отняли всякую информацию о ней. Первая Академия теперь так близка к тому, чтобы отыскать Землю, а мы так далеки от этой возможности, что...

Гендибаль замолчал. Деларми ехидно поторопила его:

— Ну? Досказывайте свою сказочку. Знаете вы ее конец или нет?

— Нет, Оратор, не знаю. Я еще не успел погрязнуть в паутине, которая оплела всех нас, но точно знаю, что паутина есть. Я не знаю, каково значение поиска Земли, но твердо уверен: Вторая Академия, будущее Плана Селдона и всего человечества — в ужасной опасности.

Деларми встала. Она больше не улыбалась. Говорила она нервно, но изо всех сил старалась держать себя в руках:

— Чушь! Первый Оратор, извольте прекратить это! На повестке дня вопрос о преступном поведении. Все, что он нам тут рассказывает, — не просто ребяческая дребедень, но не имеет никакого отношения к делу. Ему не удастся оправдать своего поведения за счет изложения туманных теорий, которые имеют смысл только в его воображении. Я предлагаю провести голосование: единогласное голосование за осуждение.

— Подождите! — резко вступил Гендибаль. — Мне была предоставлена возможность сколь угодно долго высказываться в свою защиту. У меня остался один вопрос, который я намерен вам изложить. Как только я расскажу об этом, можете переходить к голосованию, и с моей стороны не будет никаких возражений.

Первый Оратор устало потер руки.

— Можете продолжать, Оратор Гендибаль. Позвольте напомнить Уважаемым Ораторам, что обвинение подвергаемого импичменту Оратора — дело столь тяжкое и беспрецедентное, что мы никак не смеем предъявить обвинение, не дав Оратору высказаться полностью. Помните и о том, что даже тогда, когда

нам покажется, что вынесенный приговор удовлетворит нас, он может не удовлетворить тех, кто придет за нами. Не могу поверить, что любой сотрудник Второй Академии, особенно же члены Стола Ораторов не учитывали исторической перспективы такого события. Давайте же действовать так, чтобы не было стыдно перед Ораторами, которые сменят нас в будущие века.

Деларми язвительно прокомментировала:

— Наши потомки, Первый Оратор, скорее всего, посмеются над нами из-за того, что мы столько времени бьемся над решением столь очевидного вопроса. Учтите: продолжение защиты — **ваше** решение.

Гендибаль глубоко вздохнул.

— Итак, в соответствии с **вашим** решением, Первый Оратор, я хотел бы пригласить свидетельницу — молодую женщину, с которой я познакомился несколько дней назад и без помощи которой я не только не смог бы попасть на Заседание, но и вообще не остался бы в живых.

— Женщина, о которой вы говорите, Оратор, знакома членам Стола? — спросил Первый Оратор.

— Нет, Первый Оратор. Она уроженка этой планеты.

Деларми выпучила глаза:

— Дум-лян-ка?!

— Да. Именно так.

— Но о чем с ней можно говорить? Их свидетельства не могут быть приняты во внимание. Они... пустое место, их просто не существует!

Губы Гендибаля дрогнули — но нет, это не была улыбка. Резко, жестко он сказал:

— Физически думляне существуют. Они люди, и им отведена роль в Плане Селдона. Косвенно прикрывая Вторую Академию, роль они играют важнейшую. Я бы хотел сразу отмежеваться от негуманного отношения к местным жителям, высказанного Оратором Деларми. Надеюсь, ее реплика будет внесена в протокол и в дальнейшем рассмотрена при решении вопроса о ее несоответствии посту Оратора. Но, может быть, остальные Ораторы согласны с замечанием Оратора Деларми и готовы отказать мне в возможности представить мою свидетельницу?

Первый Оратор сказал:

— Пригласите вашу свидетельницу, Оратор.

Выражение лица Гендибаля стало более спокойным — так

выглядел бы любой человек на суде. Сознание его держало оборону, но за линией заграждения он ощущал, что опасность позади — он выиграл, он победил.

34

Сура Нови заметно нервничала — глаза ее были широко открыты, нижняя губа слегка дрожала. Время от времени она сжимала и разжимала пальцы, грудь ее вздымалась от неровного дыхания. Волосы ее были зачесаны назад и собраны в пучок. Руки теребили складки длинной юбки. Она обвела торопливым, испуганным взглядом всех собравшихся, и глаза ее наполнились страхом.

Ораторы взирали на нее — кто с жалостью, кто с неудовольствием. Деларми вообще не удосужилась посмотреть на нее — делала вид, что не замечает ее присутствия.

Гендибаль легко и нежно коснулся поверхности сознания Нови — как бы погладил его успокаивающей рукой. Он мог бы, конечно, приободрить ее, коснувшись ее руки или щеки, но в нынешних обстоятельствах это было невозможно, недопустимо.

Он сказал:

— Первый Оратор, я слегка успокоил сознание этой женщины, чтобы ее показания не были искажены страхом. Будет ли вам всем, Ораторы, угодно присоединиться ко мне и удостовериться, что, помимо успокоения, я больше никоим образом не воздействовал на ее сознание?

Ментальный голос Гендибаля так напугал Нови, что она в ужасе отшатнулась. Гендибаля это нисколько не удивило. Он понял, что она никогда не слышала, как разговаривают между собой сотрудники Второй Академии высокого ранга. Никогда в жизни ей еще не доводилось присутствовать при таком необычном общении, выражавшемся в диковинной, быстрой комбинации звуков, тона, интонации, выражения лица и мыслей. Испуг, однако, миновал так же быстро, как вспыхнул, едва только Гендибаль, образно говоря, смахнул его с сознания Нови.

На лице Нови воцарилось безмятежное спокойствие.

— Позади тебя стул, Нови, — сказал Гендибаль. — Садись, пожалуйста.

Нови немного неуклюже поклонилась и села.

Говорила она довольно-таки четко, и Гендибаль просил ее повторить сказанное лишь тогда, когда ее думлянский акцент становился слишком сильным. Иногда он повторял вопросы из формального уважения к заседателям.

Стычка между Гендибалем и Руфирантом была описана спокойно и подробно.

— Скажи, Нови, — спросил Гендибаль, — ты все видела от начала и до конца собственными глазами?

— Не, Господин, а то бы я быстрее покончить все это. Руфирант хороший парень быть, но не быть слишком умный.

— Но ты рассказала все, как было. Как это возможно, если ты всего не видела?

— Руфирант мне рассказать потом, когда я спрашивать. Он быть стыдно.

— Стыдно? Он когда-нибудь раньше вел себя так?

— Руфирант? Не, Господин. Он добрый быть, хотя и здоровый. Не забияка быть вовсе, и он бояться мученые. Он часто говорить: они могучие быть сильно, много сила есть у них.

— Почему же тогда он вел себя совсем по-другому, когда встретился со мной?

— Это странно быть. Мне не быть понятно. — Нови покачала головой. — Он быть не такой, как всегда. Я говорить ему: «Деревянный твой башка, как ты мог быть обижать мученый?» Он мне говорить: «Сам не знать, как такое случиться. Будто я быть не я, будто я смотреть, как кто-то другой делать это».

Оратор Чень прервал ее:

— Первый Оратор, какова ценность рассказа этой женщины? Что нам за дело до того, что она спросила и что ей ответил этот мужчина? Разве нельзя пригласить его самого и у него спросить об этом?

Гендибаль сообщил:

— Он здесь. Если, выслушав эту женщину, уважаемые Ораторы пожелают выслушать его показания, я тут же приглашу Кароля Руфиранта, моего недавнего обидчика. Если такового желания не возникнет, Стол может перейти к продолжению обсуждения дела, как только я закончу разговор с моей свидетельницей.

— Хорошо, — кивнул Первый Оратор. — Продолжайте опрос свидетельницы.

Гендибаль спросил:

— Ну а ты сама, Нови? Была ли ты похожа на себя, когда так гневно вмешалась в драку?

Мгновение Нови молчала. Маленькая морщинка залегла между ее бровей и тут же исчезла. Она сказала:

— Я не знать. Я не хотеть, чтобы кто-то делать плохое мученые. Я не сама думать, меня кто-то толкать вроде.

Помолчав, она добавила:

— Да, меня будто кто-то толкать.

Гендибаль сказал:

— Нови, сейчас ты уснешь. Ты не будешь думать ни о чем. Ты будешь отдыхать. Никакие сны тебе не приснятся.

Нови пробормотала что-то. Глаза ее закрылись, голова откинулась на высокую спинку стула.

Выждав мгновение, Гендибаль сказал:

— Первый Оратор, прошу вас, выдержав небольшой интервал, последовать за мной в сознание этой женщины. Вы наверняка заметите, как оно примитивно и симметрично. Это редкая удача, иначе вы не смогли бы увидеть то, что увидите... Вот... Здесь... Видите? Если остальные присоединятся... лучше, чтобы все одновременно...

Стол был положен на лопатки!

— У кого-либо есть сомнения? — спросил Гендибаль.

Деларми не заставила себя ждать:

— Да, я сомневаюсь, потому что... — и тут же осеклась, потому что даже ей было страшно произнести вслух то, о чем она подумала.

Гендибаль сказал за нее:

— Вам пришла в голову мысль о том, что я нарочно поработал над сознанием этой женщины с целью дачи ею ложных показаний? Вы, следовательно, такого высокого мнения обо мне, что полагаете, будто мне под силу видоизменить одну-единственную ментальную цепочку, не затронув близлежащие участки сознания? Если бы я действительно на такое был способен, разве я позволил бы всем вам так вести себя со мной? Разве я допустил бы, чтобы меня так унизили? Будь я способен сотворить такое, что все вы увидели в сознании этой женщины, вы все были бы беспомощны против меня... Неоспоримый факт состоит в том, что никто из нас, и я в том числе, не смог бы обработать сознание этой женщины так, как оно обработано. И тем не менее это сделано. — Он молча оглядел всех Ораторов поочередно и, задержав взгляд на лице Деларми, медленно, с расста-

новкой проговорил: — Теперь, если вы все не против, я вызову думлянского крестьянина, Кароля Руфиранта, которого я также обследовал и чье сознание было обработано точно так же.

— Не нужно, — сказал Первый Оратор, потрясенный до глубины души. — То, чему мы стали свидетелями, просто убийственно.

— В таком случае, — сказал Гендибаль, — будет ли мне позволено пробудить думлянку и отпустить ее? В приемной по моей просьбе ее ожидают те, кто проследит, чтобы ее выход из гипноза прошел безболезненно. — Когда за Нови закрылась дверь, Гендибаль проводил ее, нежно поддерживая за локоть, вернулся на свое место и сказал: — Подведем итоги. Итак, мы наблюдали изменения в сознании, произведенные методом, нам недоступным. Из этого следует, что библиотечные хранители совершенно спокойно могли, следуя чьему-то приказу, изъять материалы из Библиотеки. Теперь понятно, как было подстроено мое опоздание на заседание Стола. Мне угрожали. Меня спасли. В результате меня подвергли импичменту. Результат этого на вид столь естественного хода событий таков: я могу быть убран со сцены активных действий, с того пути, который я увидел и разработал и который угрожает нашим противникам, кем бы они ни были.

Деларми наклонилась к столу. Она не могла скрыть потрясения и сопротивлялась из последних сил:

— Но если эта секретная организация настолько хитра и изобретательна, как же вы смогли до всего докопаться?

Теперь уже Гендибаль улыбнулся без всякой задней мысли:

— Дело тут вовсе не во мне. Я могу поклясться, что по способностям не превосхожу никого из здесь присутствующих, тем более Первого Оратора. Однако, судя по всему, и эти Анти-Мулы — как исключительно, на мой взгляд, удачно назвал их Первый Оратор, — не до конца не уязвимы, в зависимости от обстоятельств. Очень может быть, что именно эту думлянку они избрали в качестве своего инструмента потому, что с ней было совсем немного работы. Она же, по ее собственным словам, очень симпатизировала тем, кого называет «мученьми», просто восхищалась ими.

Потом же, когда с дракой было покончено, она не смогла забыть о нашей встрече, и ее мечта стать «мученой» привела ее ко мне на следующий же день. Ее амбиции показались мне забавными, и я исследовал ее сознание и скорее случайно, чем

как бы то ни было еще, заметил обработку и оценил ее значение. Избери Анти-Мулы своим инструментом другую женщину, такую, у которой и в мыслях бы не было мечты стать ученой, им пришлось бы потрудиться более упорно, но тогда последствия оказались бы другими, и я остался бы в полном неведении относительно истинной сути происшедшего. Анти-Мулы просчитались или не смогли учесть невероятного. И то, что они способны вот так ошибаться, воодушевляет.

— Первый Оратор и вы, — сказала Деларми, — называете эту организацию «Анти-Мулами». Вероятно, вы избрали такое название потому, что полагаете, будто они трудятся на ниве созидания Плана Селдона, а не стараются его разрушить, как пытался Мул. Если Анти-Мулы действительно заняты этим, то в чем их опасность?

— Действительно, зачем бы им трудиться, не имея никакой цели? Нам их цель неизвестна. Циник тут сказал бы, что они могут поднять забрало в будущем, открыто вступить в игру и сотворить такое будущее, которое их устроит гораздо больше, чем нас. Сам я думаю именно так, хотя особым циником себя не числю. Или Оратор Деларми, доброта и доверчивость которой нам так хорошо известны, склонна полагать, что это — космические альтруисты, которые делают нашу работу за нас, так сказать, из любви к искусству?

Стол тихо рассмеялся в ответ на шутку, и Гендибаль окончательно уверился в своей победе. А Деларми понимала, что проиграла, — через барьер, которым она отчаянно защищала свое сознание, пробивались едкие лучи жгучей ярости — так лучи солнца пробиваются сквозь густую листву.

Гендибаль сказал:

— Видите ли, когда я поначалу пытался обдумывать стычку с крестьянином, мне казалось, что за всем происшедшим стоит другой Оратор. Обнаружив признаки обработки в сознании думлянки, я убедился, что прав в общем, но не прав конкретно. Я приношу свои извинения за высказанную ранее неверную интерпретацию событий и прошу оправдать меня на основании изложенных обстоятельств.

— Полагаю, — сказал Первый Оратор, — сказанное вами можно истолковать как принесение извинений...

— С уважением, Первый Оратор, — прервала его Деларми. Она чудесным образом переменилась: улыбочка сладенькая, голосок нежный — просто душка. — Да будет мне позволено пре-

рвать вас. Я предлагаю воздержаться от обсуждения вопроса об импичменте. В данный момент я не стала бы голосовать за осуждение и, думаю, остальные тоже. Я бы даже настаивала на том, чтобы вопрос об импичменте был вообще изъят из протокола, дабы личное дело Оратора Гендибаля осталось незапятнанным. Оратор Гендибаль защитил свою честь превосходно, и я поздравляю его с этим, а также с тем, что ему удалось разгадать наступление опасного кризиса, который остальные из нас могли бы проглядеть с непредсказуемыми последствиями. Я приношу Оратору **личные** извинения за свое враждебное поведение.

Она церемонно кивнула Гендибалю, а тот не мог не восхититься ее легкостью и изяществом — как потрясающе быстро и тонко она сменила маску, чтобы сгладить горечь собственного поражения. Но Гендибаль понимал — все это могло означать, что атака будет тут же начата по другому фронту, и ничего приятного ему это не принесет.

35

Сменив гнев на милость, Оратор Деларми снова обрела возможность доминировать на Заседании. Голос стал ровным, улыбка — милостивой, глаза лучились. Никто не осмеливался прервать ее — все ждали, когда грянет гром средь ясного неба.

— Хвала Оратору Гендибалю, — сказала она, — теперь всем нам ясно, что нужно делать. Мы не видим Анти-Мулов, ничего не знаем о них, кроме того, что они тонко и умело касаются сознания людей непосредственно здесь, в самой цитадели Второй Академии. Нам неизвестны планы силового центра Первой Академии. Вероятно, нам предстоит столкнуться с чужеродностью Анти-Мулов и враждебностью Первой Академии.

Нам известно, что некий Голан Тревайз и его спутник, имени которого я сейчас вспомнить не могу, движутся в неизвестном направлении и что Первому Оратору и Оратору Гендибалю кажется, будто в руках Тревайза ключи к исходу этого величайшего кризиса. Следовательно, мы должны выяснить все, что можно, об этом Тревайзе: куда он направляется, о чем он думает, какова его цель; если на самом деле у него есть какая-то конкретная цель и он стремится попасть в какое-то определенное место, является ли он инструментом в руках тех, кто представляет опасность гораздо большую, чем он сам.

— Он находится под наблюдением, — сообщил Гендибаль.

Деларми насмешливо поджала губы:

— Кто же за ним наблюдает? Один из агентов вашей внешней разведки? Можем ли мы ожидать, что таковые агенты способны противостоять силе столь могущественной, какая здесь была только что продемонстрирована? Безусловно, нет. И во времена Мула, и позднее Вторая Академия не боялась послать лучших из наших людей добровольцами на передний край битвы и даже пожертвовать ими. Сам Прим Пальвер, когда понадобилось реставрировать План Селдона, прочесал всю Галактику под видом тренторианского фермера и привез сюда эту девочку, Аркади. И теперь мы не можем сидеть тут сложа руки и ждать — нынешний кризис может оказаться гораздо более серьезным, чем все предыдущие. Нам нельзя опираться на низовых разведчиков и курьеров.

Гендибаль поинтересовался:

— Уверен, вы не склонны предложить Первому Оратору покинуть Трентор?

— Конечно, нет, — ответила Деларми. — Он нам так нужен здесь! Но у нас есть вы, Оратор Гендибаль. Именно вы первым почувствовали и верно оценили кризис. Именно вы выявили тончайшее вмешательство в сознание думлян и кражу в Библиотеке. Именно вы не побоялись противопоставить свою точку зрения сильнейшей, единодушной оппозиции всего Стола — и победили. Никто из присутствующих не сумел увидеть происходящего так четко, как вы, и вряд ли кому можно, как вам, доверить оценку событий в дальнейшем. По моему мнению, именно **вам** отведена роль выйти и сразиться с врагом. Позволено ли мне будет почувствовать мнение Стола по этому поводу?

Формального голосования не было, но все Ораторы настолько ясно ощущали сознание друг друга, что ошеломленный Гендибаль немедленно понял, что в самое мгновение его победы и собственного поражения эта зловещая женщина блестяще преуспела: решила отправить его в ссылку с заданием, продлиться которое могло сколь угодно долго, а она бы тем временем преспокойно осталась здесь, захватила бы лидерство за Столом, получила бы в свои руки власть над всей Второй Академией, а следовательно, и над всей Галактикой, хладнокровно шагая по трупам.

И если ссыльному Гендибалю удастся каким-то образом собрать нужные сведения, для того чтобы Вторая Академия ус-

пешно преодолела кризис, честь организации всего предприятия присвоит себе Деларми, и его успех только поможет ей утвердиться во власти. Чем быстрее и увереннее будет действовать Гендибаль, тем скорее у кормила власти утвердится Деларми.

Красивый маневр и потрясающе быстрая регенерация!

Лидерство Деларми стало настолько явным, что она открыто, не стесняясь узурпировала права Первого Оратора... Размышления Гендибаля были прерваны вспышкой ярости Шендесса.

Гендибаль обернулся. Первый Оратор даже не пытался скрыть охватившего его искреннего гнева, и всем стало ясно, что новый внутренний кризис грядет на смену только что разрешившемуся.

36

Квиндор Шендесс, двадцать пятый по счету из Первых Ораторов, не питал на свой счет никаких иллюзий.

Он знал, что его не назовут среди славных представителей ораторской плеяды, просиявших на этом посту на протяжении пятивековой истории Второй Академии, но, в конце концов, он к этому и не стремился. Он председательствовал за Столом Ораторов в спокойные годы процветания Галактики — время не требовало от него подвигов. Оно требовало сдержанности и умеренности, и самым подходящим для этой роли человеком был он. По этой самой причине его предшественник и выдвинул его на этот пост.

«Вы — не авантюрист, вы — ученый, — сказал ему двадцать четвертый из Первых Ораторов. — Вы сумеете сберечь План там, где авантюрист его погубит. Берегите же его, и пусть это слово станет вашим девизом».

Он всю жизнь следовал завету своего предшественника, но его тактика неизбежно была пассивна, что многими принималось за слабость. Время от времени бродили слухи, будто Шендесс собирается в отставку, и тогда начинались интриги по поводу преемственности высшего поста в Академии.

Шендесс не сомневался в том, что лидерство в этой борьбе захватила Деларми. Она, безусловно, была самой сильной личностью за Столом, и даже Гендибаль со всей своей горячностью и отвагой молодости уступал ей, как уступил сейчас.

Но у Первого Оратора, каким бы слабым и пассивным его ни считали, была одна прерогатива, от которой никто в ряду предшественников Шендесса не отказывался. Не откажется и он.

Он встал. Все разговоры тут же утихли. Когда Первый Оратор говорил стоя, никто не имел права прерывать его, никто — даже Деларми и Гендибаль.

— Ораторы! — сказал Шендесс. — Я согласен с тем, что мы стоим перед лицом опаснейшего кризиса и должны принять самые серьезные меры в этой связи. Оратор Деларми с присущей ей добротой склонна не подвергать меня риску открытого столкновения с врагом, утверждая, что я очень нужен здесь. Справедливо, однако, будет признать, что я одинаково не нужен ни там, ни здесь. Я старею и все больше устаю. Все давно ждут, что в один прекрасный день я объявлю о своей отставке, и, вероятно, я действительно должен это сделать. Как только наступивший кризис будет успешно преодолен, я уйду в отставку.

Однако привилегия Первого Оратора выбрать себе преемника остается моей привилегией. Я намерен сделать это сейчас. Среди нас есть один Оратор, который уже долго лидирует на заседаниях Стола, один Оратор, личные качества которого часто позволяли возглавить заседание тогда, когда этого не мог сделать я. Все вы знаете, что я говорю об Ораторе Деларми.

Он на мгновение умолк и спросил:

— Могу я узнать, Оратор Гендибаль, чем вы недовольны?

Шендесс сел, чтобы дать Гендибалю возможность ответить.

— Недоволен? Как я могу быть недоволен, Первый Оратор? Это ваша привилегия — выбрать себе преемника.

— Так я и сделаю. Когда вы вернетесь, преуспев в начале действий, призванных положить конец этому кризису, наступит время для моей отставки. Моему преемнику предстоит тогда непосредственно заняться проведением в жизнь той стратегии, которая потребуется для полной ликвидации кризиса. Имеете ли вы что-либо сказать, Оратор Гендибаль?

Гендибаль сдержанно ответил:

— Когда вы назначите Оратора Деларми своей преемницей, Первый Оратор, надеюсь, вы не забудете посоветовать ей...

Первый Оратор резко прервал его:

— Говоря об Ораторе Деларми, я не называл ее своей преемницей. Что еще вы хотели бы сказать?

— Прошу простить, Первый Оратор. Мне следовало сказать: если вы назовете Оратора Деларми своей преемницей после моего возвращения с задания, не забудете ли вы посоветовать ей...

— Ни при каких обстоятельствах я не собираюсь делать Оратора Деларми своей преемницей в будущем. Что теперь вы хотите сказать? — Первый Оратор не мог скрыть удовлетворения от удара, нанесенного самолюбию Деларми. Сильнее унизить он бы ее не смог. — Ну, Оратор Гендибаль, так что же вы молчите?

— Я... я растерян, Первый Оратор! Я в недоумении!..

Первый Оратор встал вновь и сказал:

— Оратор Деларми доминировала, лидировала на заседаниях, но, увы, это не все, что нужно для того, чтобы занять пост Первого Оратора. Оратор Гендибаль увидел то, чего не увидел никто из нас. Он не испугался единодушной враждебности Стола, заставил всех нас пересмотреть дело и изменить наше отношение к нему. У меня есть свое собственное подозрение относительно того, зачем Оратору Деларми понадобилось возлагать задачу преследования Голана Тревайза на плечи Оратора Гендибаля, но эта ноша ему по плечу. **Я знаю**, что ему это удастся — моя интуиция мне порукой в этом, и, когда Оратор Гендибаль возвратится, он станет двадцать шестым из Первых Ораторов.

Шендесс тяжело опустился на стул, и все Ораторы незамедлительно принялись высказывать свое мнение: поднялся сущий бедлам из звуков, тонов, полутонов, мыслей и гримас. Первый Оратор на эту какофонию никакого внимания не обращал: он безразлично смотрел в одну точку прямо перед собой. Теперь, когда все было позади, он с удивлением ощутил величайшее облегчение оттого, что груз ответственности упал с его плеч. Давно надо было сделать это, но он никак не мог его сбросить.

Только сейчас он сумел найти себе достойного преемника.

Шендесс отвлекся, но неожиданно сеть его сознания уловила излучение сознания Деларми. Он взглянул на нее.

Великий Селдон! Она безмятежно улыбалась! Ни отчаяния, ни обиды, ни разочарования — значит, она не сдалась. Шендесс призадумался: неужели он, паче чаяния, сыграл ей на руку? Что еще можно было от нее ожидать?

37

Делора Деларми дала бы волю чувствам, если бы это принесло ей хоть толику пользы.

О, как хотелось ей броситься с кулаками на этого старого маразматика Шендесса и на этого молодого выскочку, с которым, похоже, сговорилась Фортуна! Но тогда она бы всего лишь разрядилась. А ей было нужно совсем другое.

Она хотела стать Первым Оратором.

И пока у нее в руках оставалась хотя бы одна карта, она должна была выложить ее.

Она мило улыбнулась и подняла руку, прося слова. Встала и всем своим видом показала, что требует от всех не прерывать ее.

— Первый Оратор, — начала Деларми, — у меня, как и у Оратора Гендибаля, нет возражений. Ваша воля — выбирать себе преемника. Если я и говорю теперь, то лишь потому, что могу внести собственный вклад — искренне надеюсь — в успех дела, которым займется Оратор Гендибаль. Позволено мне будет изложить мою точку зрения, Первый Оратор?

— Прошу вас, — вежливо согласился Первый Оратор, а про себя подумал: «Ох, мягко стелет...»

Деларми торжественно запрокинула голову назад. Улыбка исчезла с ее лица.

— У нас есть космические корабли. Они, конечно, не так совершенны, как корабли Первой Академии, но один из них вполне годен для того, чтобы Оратор Гендибаль ступил на его борт. Он знает, как водить корабли, надеюсь. Наши представители находятся на всех ключевых планетах Галактики, и везде его ожидает радушный прием. Более того, теперь, когда он знает о существовании Анти-Мулов, он способен принять соответствующие меры самозащиты. Ведь даже тогда, когда мы не знали об их деятельности, они предпочли остановить выбор на низовых сотрудниках Академии и думлянских крестьянах. Безусловно, мы обязаны самым тщательным образом инспектировать сознание всех сотрудников Второй Академии, не исключая и Ораторов, но я уверена, что нас Анти-Мулы тронуть не осмелились.

Тем не менее я не вижу причин для того, чтобы Оратор Гендибаль рисковал сильнее, чем нужно. Ни о каком безрассудстве не может быть и речи, и было бы намного лучше, если бы его миссия была завуалирована — в наших интересах застигнуть

Анти-Мулов врасплох. Мне кажется, что для него самое разумное — выдать себя за думлянского торговца. Все мы хорошо знаем, что Прим Пальвер отправился в свой путь по Галактике именно в этой роли.

Первый Оратор прервал ее:

— Но у Прима Пальвера была веская причина для выбора такой маскировки. У Оратора Гендибаля такой причины нет. Я думаю, что, если камуфляж понадобится, у него достанет изобретательности.

— Со всем уважением, Первый Оратор, я хотела бы подчеркнуть важность именно минимума маскировки. Прим Пальвер, как вы помните, отправился в путь со своей супругой — его верной спутницей жизни. И это в значительной степени помогло ему добиться своей цели. Жена была для него превосходным прикрытием.

— У меня нет жены, — возразил Гендибаль, — нет у меня и подруг, то есть они были, но в сложившихся обстоятельствах ни одна из них не согласится надеть на себя подвенечное платье.

— Мы все знаем об этом, Оратор Гендибаль, — улыбнулась Деларми. — Тем более, значит, все воспримут как должное, если в путь с вами отправится любая женщина. Уверена, желающих можно будет отыскать без труда. Если вам кажется, что нужно документальное подтверждение брака, это будет сделано. Полагаю, с вами непременно должна лететь женщина.

У Гендибаля на миг перехватило дыхание. Нет, не может быть...

Что же это такое? Хитрая уловка с целью достичь своей доли успеха? Ставка на совместное или ротируемое занятие поста Первого Оратора?

Гендибаль угрюмо проговорил:

— Для меня большая честь вместе с Оратором Деларми...

Деларми расхохоталась и посмотрела на Гендибаля почти с обожанием. Попался! Угодил в ловушку. И Стол этого никогда не забудет. Никогда!

— О нет, Оратор Гендибаль, я вовсе не собиралась разделить с вами участие в вашей миссии. Дело это ваше, и только ваше, и пост Первого Оратора за вами, и только за вами. Да я бы и подумать не посмела, что вы захотите, чтобы я полетела вместе с вами. Что вы, Оратор, какая из меня прелестница — в моем-то возрасте...

Все Ораторы улыбнулись, даже Первый Оратор не смог сдержать улыбки.

Гендибаль принял удар и даже не попытался сгладить поражение, сказав ей какой-нибудь комплимент. Да, мастерски она его уделала.

— Что же вы в таком случае предлагаете? — безразлично поинтересовался он. — Уверяю, у меня и в мыслях не было, что вы полетите со мной. Вам гораздо более к лицу интриги за Столом Ораторов, чем сумятица галактической неразберихи.

— Не спорю, Оратор Гендибаль, не спорю, — сказала Деларми. — Мое предложение относится исключительно к тому, что вам следует играть роль думлянского торговца. Не кажется ли вам, что лучшей спутницей в этом случае для вас будет думлянка?

— Думлянка?

Гендибаль опять был пойман врасплох, и Стол прекрасно это заметил.

— Ну да, думлянка, — как ни в чем не бывало продолжала Деларми. — Та самая, что спасла вам жизнь. Та самая, что глядит на вас с таким обожанием. Та самая, чье сознание вы исследовали и которая затем, сама не подозревая, спасла вас от коечего гораздо более опасного, чем избиение. Я предлагаю вам захватить ее с собой.

Первым порывом Гендибаля было — отказаться, но он знал, что Деларми только этого и ждет. Стол только обрадуется. Теперь было ясно, что Первый Оратор, поспешно нанеся удар Деларми, совершил ошибку, назвав Гендибаля своим преемником, во всяком случае, Деларми быстро сориентировалась и пыталась высмеять эту ошибку.

Гендибаль был самым младшим из Ораторов. Он оскорбил членов Стола и избежал осуждения. Никто не хотел, чтобы это осталось безнаказанным.

Трудно было принять случившееся, но теперь все запомнят, с какой легкостью высмеяла его Деларми и какое удовольствие это доставило всем. Как легко ей будет теперь при любом удобном случае воспользоваться его конфузом и объявить, что ему недостает ни возраста, ни опыта для того, чтобы стать Первым Оратором! Стол объединит усилия и заставит Первого Оратора отказаться от принятого решения, пока Гендибаль будет отсутствовать на Тренторе. Даже если Шендесс останется при своем

мнении, Гендибаль займет свой пост, оказавшись абсолютно беспомощным перед лицом непримиримой оппозиции.

Все это он обдумал в считаные мгновения и быстро ответил без всякой растерянности:

— Оратор Деларми, я восхищен вашей прозорливостью. А я-то думал преподнести всем сюрприз. На самом деле я намеревался взять с собой думлянку Нови, но совсем не по той причине, на которую указала Оратор Деларми. Причина — в особенностях ее сознания. Вы все видели, каково оно: чистое, простое, симметричное, неспособное лгать. Ни одно самое мельчайшее прикосновение к такому сознанию со стороны не останется незамеченным. Я думаю, все с этим согласны.

Не знаю, додумались ли вы до того, Оратор Деларми, что эта женщина может сработать в качестве безотказного, совершенного средства сигнализации. Наблюдая за ней, я сумею без труда выявить всякое вмешательство постороннего менталитета гораздо быстрее, чем отслеживая таковое вмешательство с помощью собственного сознания. — Ответом ему были тишина и удивление. Он довольно проговорил: — А, так, значит, никто из вас не подметил этого! Ну да это неважно. А теперь я пойду. Времени терять нельзя.

— Погодите! — попыталась задержать его Деларми. Уже в третий раз за сегодняшний день инициатива ускользала из ее рук. — А что вы, собственно, собираетесь делать?

Гендибаль пожал плечами:

— К чему вдаваться в подробности? Чем меньше будет знать Стол, тем меньше вероятность вмешательства Анти-Мулов, не правда ли?

Сказал он это так, как будто больше всего на свете пекся о безопасности Ораторов. Он до краев наполнил этим чувством свое сознание и всем продемонстрировал как новую модель одежды.

Это обманет их. Польстит им. И потом — пусть остаются с этим ощущением, вместо того чтобы гадать, действительно ли Гендибаль знает, что делать.

38

Вечером этого дня Первый Оратор встретился с Гендибалем наедине.

— Вы поступили верно, — сказал Шендесс. — Не смог удер-

жаться — нырнул в ваше сознание поглубже и все понял. Я видел — вы сочли мое объявление поспешным. Так оно и было. Просто мне нестерпимо хотелось стереть с ее лица наглую улыбку и дать ей сдачи в той же манере, в какой она обычно узурпирует мои права.

Гендибаль с мягким упреком проговорил:

— Лучше было бы, если бы вы сказали мне обо всем наедине, а потом дождались моего возвращения.

— Но тогда мне не удалось бы отомстить ей... Да, да, понимаю, мотивация неважнецкая для Первого Оратора. Все понимаю.

— Она не остановится, Первый Оратор. Она будет продолжать плести интриги и пытаться занять пост Первого Оратора и найдет для этого массу веских причин. Уверен, отыщутся такие, кто скажет, что мне следовало отказаться. Совсем нетрудно будет доказать, что Оратор Деларми умнее меня, что у нее самый могучий ум за Столом и что из нее вышел бы превосходный Первый Оратор.

— Самый могучий ум за Столом... — пробурчал Первый Оратор. — Увы, не за его пределами. Она не способна распознать врагов — настоящих врагов, а не противников среди Ораторов. Ей вообще не стоило становиться Оратором... Послушайте, не должен ли я запретить вам брать с собой эту думлянку? Ведь это Деларми вас вынудила, я понимаю.

— Нет-нет, я на самом деле хочу взять ее с собой, и причина, которую я изложил Столу, самая что ни на есть истинная. Она **станет** моим прибором раннего оповещения, и я просто благодарен Оратору Деларми за то, что она натолкнула меня на эту мысль. Эта женщина окажет мне услугу, я уверен.

— Что ж, будь по-вашему. Кстати, я тоже не покривил душой. Я совершенно уверен в вашем возвращении с победой — если вы верите в мою интуицию.

— Верю, Первый Оратор, и согласен с вами. Обещаю: что бы ни случилось, я верну больше, чем получаю. Я вернусь Первым Оратором, как бы ни старались Анти-Мулы или Оратор Деларми.

Произнося эти слова, Гендибаль не мог не отследить собственной гордости и удовлетворения и не проанализировать их. Почему он так радовался, почему ему так хотелось поскорее отправиться в путешествие? Амбиции? Да, конечно. Почему бы и нет? Совершил же когда-то нечто подобное Прим Паль-

вер — так разве ему, Гендибалю, такое не по плечу? А когда все будет кончено, больше никто не сумеет помешать ему стать Первым Оратором. Ну еще, кроме амбиций, что? Азарт, желание поскорее сразиться с врагом? Обычное желание испытать острые ощущения у человека, всю жизнь просидевшего в потайной цитадели? Он не понимал своих чувств до конца. Знал только одно — ему нестерпимо хотелось улететь как можно скорее...

Глава 11

СЕЙШЕЛЛ

39

Джен Пелорат впервые в жизни был свидетелем удивительного зрелища: после того, что Тревайз назвал «микропрыжком», яркая точка на экране обзора превратилась в сияющий шар солнца. Четвертая обитаемая планета, цель их путешествия — Сейшелл — на протяжении четырех дней росла в размерах и становилась все ближе.

Компьютер составил карту планеты, и теперь она красовалась на портативном экране, умещавшемся на ладони у Пелората.

— Не спеши вникать в подробности, Джен, — посоветовал Тревайз. — Нам еще предстоит пообщаться со станцией приема на орбите, а это может оказаться трудновато.

— Наверняка — чистая формальность, — пробормотал Пелорат, недовольно оторвав взгляд от экрана.

— Да. Но все равно сложности могут возникнуть.

— Но ведь сейчас мирное время.

— Конечно. И нас обязательно пропустят, но непременно досмотрят. Во-первых, существует такая малость, как поддержание экологического равновесия. На каждой планете оно свое, собственное, и никто не хочет, чтобы оно нарушалось. И здесь тоже наверняка в таможенном досмотре есть пункт о проверке корабля на наличие нежелательных микроорганизмов и инфекции. Вполне резонная предосторожность.

— Я надеюсь, у нас ничего такого нет?

— Нет, конечно. И таможенники в этом убедятся. Но нельзя забывать о том, что Сейшелл не входит в Федерацию Академии, а это означает, что тут можно ждать некоторого снобизма — независимое государство, понимаешь?

Вскоре к «Далекой Звезде» пришвартовался маленький инспекционный катер, и в гости к путешественникам пожаловал официальный представитель сейшельской таможенной службы. Тревайз держался подтянуто, отвечал четко, односложно — пригодилась военная выучка.

Форма таможенника была на удивление яркой, в ней преобладал красный цвет. Физиономия его была гладко выбрита, но подбородок украшала небольшая, наподобие эспаньолки, бородка.

— Корабль «Далекая Звезда». С Терминуса, — сообщил ему Тревайз. — Вот корабельные сертификаты. Корабль не вооружен. Частное транспортное средство. Мой паспорт. Один пассажир. Его паспорт. Мы — туристы.

— Корабль Академии? — спросил таможенник, произнеся последнее слово как «Эйкейдеймии». Из дипломатических соображений Тревайз не улыбнулся и не стал поправлять его произношение. Диалектов Галактического Стандарта было столько же, сколько планет в Галактике, и всякий был волен говорить на своем собственном. Пока люди понимали друг друга, любые различия ровным счетом ничего не значили.

— Да, сэр, — подтвердил он. — Корабль Академии. Мой личный.

— Очень хорошо. Ваш байгайж, будьте добры.

— Мое что, простите?

— Байгайж. Что вы везете?

— А-а-а... Груз? Вот перечень. Тут только личные вещи. На продажу у нас нет ничего. Мы просто туристы, как я уже сказал.

Таможенник с нескрываемым любопытством огляделся по сторонам.

— Довольно-таки сложный корабль для туристов...

— Сложный? Сущие пустяки по понятиям Академии, — отшутился Тревайз. — Я неплохо зарабатываю — могу себе позволить.

— Хотите обогайтить меня? — быстро взглянул на него таможенник и тут же отвел взгляд в сторону.

Мгновение ушло у Тревайза на то, чтобы понять значение слова, и еще одно — на то, чтобы понять, как быть.

— Нет, — покачал он головой. — Я вовсе не намереваюсь всучать вам взятку. У меня нет причин подкупать вас — вы не похожи на человека, которого можно подкупить, будь у меня даже такое намерение. Можете осмотреть корабль, если желаете.

— Нет необходимости, — ответил таможенник, пряча в карман портативный компьютер-блокнот. — На наличие контрабандной инфекции вы уже обследованы. Все в порядке. Вам выделен радиомаяк, следуйте на посадку в соответствии с направлением радиосигнала.

И удалился. Все процедура заняла не более пятнадцати минут.

— Он мог испортить все дело? — вполголоса спросил Пелорат. — Он что, правда хотел взятку?

Тревайз пожал плечами:

— Подкуп таможенников — занятие столь же древнее, как сама Галактика. Повтори он попытку, я бы с радостью сделал это. А так — ну, в общем, мне показалось, что он предпочел лишний раз не рисковать с кораблем Академии, и поступил мудро. Старуха-мэрша, да будет благословенно ее ослиное упрямство, сказала, что упоминание об Академии защитит нас повсюду, и не ошиблась. Проверка могла занять гораздо больше времени.

— Почему? Похоже, он выяснил все, что хотел.

— Да, но из предосторожности сначала просмотрел нас с помощью дистанционного скеннера. Пожелал бы, мог прочесать весь корабль с ручным инструментом — это могло продлиться не один час. Потом мог бы засунуть нас в орбитальный госпиталь и продержать там не один день.

— О! Дружочек, но это же...

— Да-да, не удивляйся. Думаю, он мог это сделать, но не стал. В общем, мы свободны, как ветер, и можем идти на посадку. Я бы, конечно, с большей радостью приземлился с помощью нашей гравитики — это заняло бы всего пятнадцать минут, но я не знаю, где у них космопорты, и боюсь наделать беды. Значит, придется ползти по радиолучу, значит, несколько часов мы по спирали будем скользить через атмосферу.

Пелорат нисколько не огорчился:

— Но это же замечательно, Голан. Спуск будет достаточно медленным для того, чтобы осмотреть поверхность планеты?

Он достал из кармана экранчик, где по-прежнему красовалось изображение планеты.

— Увидишь довольно скоро, — пообещал Тревайз. — Но для начала придется преодолеть облачный слой, и двигаться мы будем со скоростью несколько километров в секунду. То есть мы не будем опускаться, как воздушный шарик, но полюбоваться планетографией ты сумеешь.

— Прекрасно! Прекрасно!

Тревайз задумчиво проговорил:

— Я вот думаю... стоит ли переводить часы на местное время? Как знать, удастся ли нам пробыть на планете Сейшелл достаточно долго...

— Все зависит от того, чем мы тут займемся... то есть так я думаю. А ты как думаешь, Голан, что мы будем делать?

— Наша задача — отыскать Гею, а сколько времени на это уйдет, не знаю.

Пелорат сказал:

— Тогда на местное время можно перевести наши наручные часы, а корабельные оставить как есть.

— Отличная мысль! — улыбнулся Тревайз.

Он смотрел на планету, все быстрее приближавшуюся к ним.

— Ну, хватит ждать, — решительно заявил Тревайз. — Настрою компьютер на радиолуч и перейду на гравитационный спуск, имитируя обычный полет. Так! Ну, полетели вниз, Джен, и посмотрим, что нас нам ожидает.

Тревайз не отрывал глаз от иллюминатора обзора. Корабль лег на курс приземления по тщательно выверенной гравитационной кривой.

Тревайз никогда не бывал в Сейшельском Союзе, но знал, что на протяжении последнего столетия особой дружбы между ним и Академией не отмечалось. Поэтому он был удивлен и немного обескуражен тем, что так быстро все уладилось с таможней.

Да, это казалось непонятным...

40

Таможенника звали Йогорот Собхадарта, и почти половину своей жизни он провел на орбитальной станции.

Он не имел ничего против такого образа жизни — это дава-

ло ему возможность один месяц из трех жить в свое удовольствие: просматривать книги, слушать музыку, отдыхать от общества сварливой жены и озорного сынишки.

Правда, последние несколько лет таможенную службу возглавлял Сновидец, и это в значительной степени портило дело. Нет ничего более мерзопакостного, чем иметь своим начальником человека, который любые собственные действия оправдывает тем, что на это якобы получил указания во сне.

Для себя Собхадарта сразу решил, что ни капельки не верит в эту дребедень, но был тем не менее достаточно осторожен для того, чтобы не высказывать свои убеждения вслух, ведь подавляющее большинство народа в Сейшелле находилось во власти мистических предрассудков; и на того, кто выражал какие-либо сомнения по поводу нужности и искренности Сновидцев, тут смотрели искоса. Обнаружить материалистические воззрения означало остаться без пенсии под старость.

Собхадарта неизвестно зачем пригладил и без того безукоризненно гладкую бородку, довольно громко кашлянул и с заискивающей вежливостью вопросил:

— Это тот самый корабль, Начальник?

Начальник, имя которого было Намарат Годхисаватта, не отрывая взгляда от экрана компьютера, даже не взглянул на подчиненного.

— Какой корабль? — рассеянно спросил он.

— «Далекая Звезда». Корабль Академии. Тот, что я пропустил только что на посадку. Тот самый, голографическую съемку которого во всех ракурсах мы произвели. Это он вам приснился?

Годхисаватта наконец удостоил Йогората взглядом. Начальник был невысокого роста, с темными, почти черными глазами, окруженными сеточками тонких морщинок, причиной которых была не склонность к смешливости.

— О чем ты спрашиваешь? — недовольно спросил он.

Собхадарта распрямил спину, темные брови его сошлись на переносице.

— Они сказали, что они туристы, но никогда раньше я не видел такого корабля у туристов и считаю, что они — агенты Академии.

Годхисаватта сердито откинулся на спинку кресла.

— Послушай, друг мой, что-то я не припоминаю, чтобы я спрашивал твоего мнения по этому поводу.

— Но, Начальник, мой патриотический долг диктует мне необходимость не оставлять без внимания...

Годхисаватта скрестил руки на груди и одарил подчиненного столь выразительным взглядом, что тот, будучи гораздо выше и крупнее начальника, сразу стал ниже ростом, как-то весь съежился.

— Друг мой, — возгласил Годхисаватта, — чтобы у тебя не было неприятностей, ты обязан выполнять свою работу без лишних разговоров, иначе я позабочусь о том, чтобы ты остался без пенсии, когда выйдешь в отставку, — и это произойдет, если я услышу от тебя хоть слово о том, что тебя не касается и не входит в твои обязанности.

— Да, сэр, — вполголоса пробормотал Собхадарта и тут же с подозрительной степенью услужливости в голосе поинтересовался: — Позволено ли мне будет узнать, сэр, входит ли в мои обязанности сообщить вам, что в пределах видимости наших экранов находится второй корабль?

— Будем считать, что я принял твое сообщение, — раздраженно буркнул Годхисаватта и повернулся к компьютеру.

— И он очень похож, — добавил Собхадарта еще более услужливо, — на тот, что я только что пропустил.

Годхисаватта слегка наклонился вперед и положил руки на колени.

— Второй?

Собхадарта мысленно злорадно улыбнулся. Этот малахольный продукт неравного брака, конечно же, не видел во сне двух кораблей. Вслух он сказал:

— Да, сэр, второй. А теперь я вернусь на свой пост, сэр, и буду ждать ваших распоряжений. И я очень надеюсь, сэр...

— Да?

— Я очень надеюсь, сэр, что мы пропустили не неправильный корабль.

41

«Далекая Звезда» быстро скользила над поверхностью планеты Сейшелл, Пелорат не отрывал от нее восхищенного взгляда. Облачный слой редел, здесь он вообще был менее плотным, чем над Терминусом. Судя по карте, площадь, занимаемая сушей, на Сейшелле была обширна, а окраска континентов на

карте говорила о том, что крупные участки суши заняты пустынями.

Пока казалось, что планета мертва и безжизненна — внизу раскинулись серые, мертвенные равнины, плоское однообразие которых лишь кое-где оживляли мелкие складки, вероятно, горы, ну и, конечно, океанские просторы.

— Да, скучновато... — разочарованно проговорил Пелорат.

— Что-то живое с такой высоты не разглядишь, — пояснил Тревайз. — Вот опустимся пониже, и увидишь зелень в складках поверхности. Но сначала увидишь, как красиво выглядит ночная сторона — она вся будет покрыта мерцающими огоньками. Люди по всей Галактике с наступлением темноты освещают свои миры: никогда не слышал, чтобы где-либо это правило нарушалось. Другими словами, первые признаки жизни, которые ты увидишь, будут не только признаками наличия людей, но и признаками наличия техники.

— Да, но ведь люди по своей природе существа с дневным образом жизни. И мне кажется, что первоочередной задачей техники должно стать превращение ночи в день. На самом деле мир, лишенный техники и вынужденный развивать ее, неизбежно сталкивается с проблемой освещения затемненной поверхности. А как ты думаешь, сколько времени уйдет на переход от всеобщей тьмы к всеобщему свету?

Тревайз рассмеялся:

— Странные у тебя мысли, однако! Наверное, это оттого, что ты мифолог. Не думаю, что когда-нибудь весь мир станет залит светом. Ночное освещение будет отражать картину плотности населения, и континенты будут покрыты точками и нитями огней. Даже Трентор в лучшие дни, представляя собой громадную неделимую структуру, никогда не был озарен светом со всех сторон.

На поверхности планеты, как и обещал Тревайз, вскоре стали видны зеленые участки. На последнем витке он указал Пелорату на то, что, по его мнению, было городами.

— Не слишком урбанизированный мир, — отметил Тревайз. — Я не бывал тут раньше, но, судя по той информации, которую мне выдал компьютер, здесь изо всех сил цепляются за прошлое. Высокое развитие техники в глазах всей Галактики ассоциируется с Академией, и там, где Академию не слишком горячо любят, всегда существует тенденция возвеличивать прошлое, — безусловно, это не касается развития техники военной. Уверяю тебя, в этом отношении Сейшелл вполне современен.

— Бог мой, Голан, но ведь у нас тут не будет неприятностей, правда? А вдруг... Ведь мы граждане Академии и находимся на вражеской территории...

— Это не вражеская территория, Джен. Не бойся, они будут с нами исключительно вежливы. Просто Академия тут непопулярна, вот и все. Сейшелл не входит в Федерацию Академии. Они гордятся своей независимостью, не желают признавать, что гораздо слабее Академии, и позволяют себе роскошь не любить нас. Но независимыми они остаются, покуда мы позволяем им это.

— Все равно мне кажется, что тут нам будет не очень уютно, — уныло покачал головой Пелорат.

— Вовсе нет! — весело откликнулся Тревайз. — Зря грустишь, Джен. Я же говорю об официальном отношении сейшельского правительства к Академии. А простые люди на планете — они просто люди, и если мы не станем корчить из себя хозяев Галактики, то все будет хорошо и мы с любым поладим. Не затем же мы прибыли на Сейшелл, чтобы устанавливать тут владычество Академии. Мы просто туристы и будем задавать сейшельцам такие вопросы, какие задал бы любой турист.

С юридической стороны, думаю, ничто не помешает нам задержаться тут на пару дней. Походим поглядим, что тут и как. Может быть, тут самобытная культура, интересная природа, приятная еда, ну и на худой конец — если ничего этого нет, может, тут хотя бы найдутся милые женщины. Денежки у нас есть, и мы вольны их потратить по своему усмотрению.

Пелорат смущенно нахмурился:

— Ой, дружочек...

— Да ладно тебе! — подбодрил его Тревайз. — Не такой уж ты дряхлый старик. Что, неужели женщины тебя совсем не интересуют?

— Я не хочу сказать, что не было времени, когда я... правильно играл эту роль, но, право, сейчас для этого не время. У нас важное дело. Мы хотим добраться до Геи. Я ничего не имею против того, чтобы приятно провести время, но... дружочек, если мы начнем чересчур сильно погружаться, потом будет трудно вырваться, так мне кажется.

Он покачал головой и дружелюбно добавил:

— Ты, наверное, боялся, что на Тренторе у меня будет слишком приятное времяпрепровождение, да? И что мне будет трудно вырваться оттуда? Конечно, ведь для меня Библиотека — все равно что для тебя миловидная дамочка... или пятьшесть дамочек.

— Я не бабник, Джен, но и аскетом быть не собираюсь. Я вовсе не собираюсь отказываться от путешествия на Гею, но, если на моем пути встретится что-то симпатичное, не вижу причин, почему бы не отреагировать на такой подарок, как положено.

— Ну конечно, конечно, дружочек, но Гея должна быть на первом месте, правда?

— Безусловно. Вот о чем хочу предупредить тебя, Джен. Никому не говори, что мы из Академии. В принципе, это и так не секрет: кредитки у нас тамошнего образца, разговариваем мы с явным терминусским акцентом, но если мы не станем во всю глотку вопить, кто мы такие, сейшельцы могут сделать вид, что принимают нас за пришельцев неведомо откуда, и будут с нами гораздо любезнее. Если же мы будем подчеркивать свое гражданство, они, вероятно, будут с нами вежливы, но ничего лишнего не скажут, ничего интересного не покажут, никуда не отведут, и мы останемся в полном одиночестве.

— Никогда не научусь понимать людей, — тяжело вздохнул Пелорат.

— Да ничего тут особенного нет! Нужно всего-навсего повнимательнее посмотреть на самого себя, и тогда любого другого поймешь без труда. Каждый человек особенный — не лучше и не хуже, и мы с тобой не исключение. Как бы мог Селдон разработать свой План — насколько изощренна была при этом его математика, мне безразлично, — если бы не понимал людей, и как бы ему это удалось, если бы людей понять было ужасно трудно? Покажи мне того, кто твердит, что не понимает людей, и я покажу тебе того, кто создал неверное представление о самом себе, — никого не хочу обидеть.

— Никто и не обиделся. Я готов признать, что мне не хватает опыта общения. Я всегда вел замкнутую жизнь, зациклился на самом себе, но... очень может быть, что и на самого себя я как следует тоже никогда не смотрел. Поэтому я доверяюсь тебе и верю, что, когда речь зайдет о тонкостях людской психологии, ты будешь моим проводником и советчиком.

— Идет. В таком случае мой первый совет — любуйся пейзажем. Скоро мы приземлимся. Уверяю тебя, ты ничего не почувствуешь. Мы с компьютером обо всем позаботимся.

— Голан, ты только, дружочек, не обращай внимания на мое брюзжание, ладно? Если правда тебе встретится молодая женщина, которая...

— Проехали. Дай-ка я займусь посадкой.

Пелорат повернулся к видовому иллюминатору и принялся смотреть на мир, ожидающий их в конце пути по спирали. Для него этот мир был первой в жизни иноземной планетой. Настоящее приключение! Хотя кому, как не ему, было знать, что все миры в Галактике населены людьми, которые в них не родились.

«Все, кроме одного», — успел подумать он, прежде чем полностью отдаться во власть ожидания новых впечатлений.

42

Сейшельский космопорт оказался, по понятиям Академии, небольшим, но оборудован был неплохо. Тревайз смотрел, как «Далекую Звезду» отвели на стоянку и закрепили. Им вручили сложно закодированный документ о приемке корабля. Пелорат испуганным шепотом спросил товарища:

— Мы что, так ее тут и оставим?

Тревайз кивнул и обнял Пелората за плечи, чтобы успокоить.

— Не беспокойся, — прошептал он Пелорату на ухо.

Они забрались во взятый напрокат автомобиль, Тревайз нажал кнопку, и на пульте управления тут же возникла миниатюрная карта города, высокие башни которого виднелись на горизонте.

— Сейшелл-Сити, — сообщил Тревайз. — Столица Планеты. Город, планета, звезда — все тут называется одинаково.

— А я волнуюсь за корабль, — не унимался Пелорат.

— Волноваться совершенно незачем, — убежденно сказал Тревайз. — К вечеру вернемся, спать будем на корабле, если придется задержаться подольше. И потом, пойми: существует межзвездный кодекс космопортовой этики, который, насколько мне известно, даже в военное время ни разу не нарушался. Корабль, совершивший посадку, неприкосновенен. Не будь это

так, никто не мог бы надеяться на свою безопасность, и тогда торговля между мирами стала бы невозможной. Всякий мир, где кодекс был бы нарушен, тут же получил бы бойкот от остальных миров, от всех пилотов в Галактике. Уверяю тебя, такому риску никто себя подвергать не станет. А кроме того...

— Кроме того?

— Ага, кроме того, я договорился с компьютером о том, что всякий, кто пожелает забраться в корабль и при этом не будет похож на одного из нас, будет убит на месте. Я не преминул рассказать об этом Коменданту Порта. Говорил я с ним исключительно вежливо и сказал, что я бы всей душой мечтал отключить это устройство, поскольку безоговорочно верю в безупречную репутацию Космопорта Сейшелл-Сити в плане безопасности и неприкосновенности судов, но вот беда, сказал я ему, модель совсем новенькая, и я просто не в курсе, **как** это устройство отключается.

— Он, конечно, тебе не поверил.

— Конечно, нет! Но был вынужден сделать вид, что поверил, потому что в противном случае ему оставалось только оскорбиться. А оскорбиться — значит унизиться. Этого ему уж точно не хотелось, так что он притворился, будто поверил. Так-то!

— Еще один пример знания людской психологии?

— Ага. Ничего, скоро привыкнешь.

— А ты уверен, что в автомобиле нет «жучков»?

— Почему? Запросто могут быть. Поэтому, когда мне предложили один автомобиль, я тут же выбрал наугад другой. Если «жучки» есть во всех автомобилях, ну и что? Что такого ужасного мы друг другу сказали?

Вроде бы все объяснилось, но на лице Пелората все равно осталось выражение искреннего недовольства.

— Послушай, Голан, не знаю, как и сказать тебе... Наверное, невежливо жаловаться, но мне... мне не нравится, как тут пахнет. Тут плохо пахнет.

— Где? В машине?

— Ну, для начала — в космопорте. Может быть, конечно, в космопорте так и должно пахнуть, но только... этот запах и в машине сохранился. Можно открыть окна?

Тревайз рассмеялся:

— Наверное, если поискать, тут найдется соответствующая

кнопка, но только, уверяю тебя, это не поможет. Да, планетка вонючая. Что, очень паршиво?

— Нет, не так чтобы очень... но заметно, и как-то обидно. Неужели весь этот мир так пахнет?

— Ох, я все время забываю, что ты никогда в других мирах не бывал. Понимаешь, всякий обитаемый мир имеет специфический запах. В основном это связано с местной растительностью, но думаю, люди и животные тоже вносят свою лепту. Насколько я знаю, мало кому поначалу нравится запах другой планеты, когда человек попадает туда впервые. Но ты привыкнешь, Джен. Пройдет пара часов — и думать забудешь, поверь.

— Нет, ты не хочешь сказать, что все миры так пахнут.

— Конечно. Каждый пахнет по-своему. Если бы люди обладали более тонким обонянием, таким, к примеру, как у анакреонских собак, мы бы сразу могли определить, в каком мире находимся, побывав там до этого хотя бы однажды. Знаешь, когда я только-только начал служить во флоте, всякий раз, попадая в новый мир, первые дни даже к еде не мог прикоснуться, а потом меня обучили древней уловке космолетчиков — до посадки несколько часов нюхать платок, пропахший ароматами мира, куда ты направляешься. К тому времени, когда нужно выйти на воздух, успеваешь свыкнуться с любым амбре. На самом деле самое трудное — потом возвращаться домой.

— Почему?

— А ты думаешь, Терминус не пахнет?

— Неужели пахнет?

— Конечно. После привыкания к запаху любого другого мира ароматы Терминуса просто потрясают. В старые времена, когда после долгого полета корабль возвращался на Терминус, вся команда зычным хором возглашала: «Здравствуй, милая помойка!»

Пелорат был обескуражен не на шутку. Вот так новости!

Они все ближе подъезжали к городу. Их обгоняли другие автомобили, навстречу тоже мчались машины, время от времени в небесах над ними скользили катера, но Пелората занимало совсем другое. Он смотрел на деревья, растущие вдоль дороги.

— Странная растительность... — пробормотал он. — Как думаешь, тут есть эндемичные виды?

— Сомневаюсь, — рассеянно отозвался Тревайз. Он внимательно изучал карту города и пытался выжать необходимые

сведения из автомобильного компьютера. — Эндемичная растительность, как любые формы жизни на планетах, населенных людьми, — вещь исключительно редкая. Колонисты всегда везут с собой собственную растительность, своих животных. Когда — сразу, когда — чуть попозже.

— И все равно растения тут необычные.

— Нельзя же ожидать, что везде все должно быть одинаковое, Джен. Я как-то краем уха слышал, что в свое время наши Энциклопедисты издали атлас разновидностей растений, и он занял восемьдесят толстенных компьютерных дискет, тем не менее оказался неполным и устарел уже ко времени выхода атласа в свет.

Автомобиль мчался вперед, и вскоре его поглотил мир городских окраин. Пелорат слегка поежился.

— Не впечатляет меня здешняя архитектура.

— Каждому свое, — отозвался Тревайз тоном видавшего виды звездолетчика.

— А куда мы, кстати говоря, направляемся?

— Ну... в общем, я пытаюсь заставить компьютер довести эту колымагу до Туристического Центра. Очень надеюсь, что компьютер знает, как справиться с машиной при одностороннем движении. Я местных дорожных правил не знаю.

— А что мы будем там делать, Голан?

— Начнем с того, что мы туристы, — самое естественное будет первым делом навестить такое местечко, правда? Для того чтобы ни у кого не вызвать подозрений, вести себя надо естественно. Ну а куда бы ты первым делом отправился, чтобы разузнать о Гее?

— В Университет, пожалуй. Или в Антропологическое Общество. Или в Музей. Но уж никак не в Туристический Центр.

— Вот и ошибаешься. В Туристическом Центре мы изобразим из себя ученых зануд, которых интересуют исключительно университеты, музеи и тому подобное. Мы выберем что-нибудь, а уж там постараемся найти людей, которые помогут нам найти тех, с кем можно проконсультироваться по проблемам древней истории, галактографии, мифологии, антропологии и всякого другого — придумывай, что твоей душе угодно. Но все дороги начинаются с Туристического Центра.

Пелорат промолчал. Машина ползла как черепаха, пока наконец не влилась в оживленный поток транспорта. Путешественники выехали на боковую улицу, въехали в туннель, минова-

ли какие-то непонятные дорожные знаки — по всей вероятности, они обозначали направление движения и еще какие-то подробности, но каллиграфия знаков делала их совершенно нечитабельными.

Похоже было, к счастью, что автомобиль таки знал дорогу, и вскоре припарковался у здания, на фасаде которого красовалась вывеска: «СЕЙШЕЛЬСКОЕ ИНОСТРАННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО». Буквы отличались такой же умопомрачительной каллиграфией, что и дорожные знаки. Ниже висела вывеска поменьше. На ней значилось: «СЕЙШЕЛЬСКИЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР». На этой вывеске буквы были вычерчены нормально, в каллиграфии Галактического Стандарта.

Войдя внутрь, путешественники обнаружили, что тут не так просторно, как показалось снаружи. Народу в Центре было совсем немного.

В зале стояло несколько застекленных будок. Внутри одной из них восседал мужчина, пробегавший глазами выползавший из принтера рулон бумаги с новостями. Еще одну занимали две женщины, казалось, они играют в какую-то странную игру с карточками и бланками. За конторкой, которая была чересчур внушительной для одного-единственного человека, озаренный бликами горящих лампочек компьютера, восседал унылого вида служащий, одетый в нечто, напоминавшее разноцветную шахматную доску.

Поглядев на него, Пелорат шепнул Тревайзу:

— А странно тут одеваются...

— Угу, — кивнул Тревайз. — Я заметил уже. Что тут скажешь? Мода переменчива. Расстояния, время... Кто знает, может, лет этак пятьдесят назад все на Сейшелле разгуливали в трауре? Принимай как должное, Джен.

— Постараюсь, конечно. Только наша одежда мне больше нравится. Не так раздражает глаз, знаешь ли.

— Из-за того, что мы все рядимся в серое? Знаешь, а многих это раздражает. Ей-богу, я слышал, как про нас говорили: «Они наряжаются в пыльные тряпки». Кто знает, может, тут люди рядятся в кричащие тряпки из-за того, что хотят подчеркнуть свою независимость от Академии. А может, все проще: просто они так привыкли. Ну, Джен, пошли.

Они не успели подойти к конторке, как мужчина, который просматривал, сидя в будке, новости, вышел оттуда и пошел им

навстречу, широко улыбаясь. В его одежде преобладали оттенки серого цвета.

Тревайз не сразу посмотрел на него, но первый же взгляд в сторону этого человека пригвоздил его к полу.

— Боже милостивый! — прошептал он. — Мой друг... предатель!

Глава 12

АГЕНТ

43

Мунн Ли Компор, Советник Академии, неуверенно протянул руку Тревайзу.

Тревайз угрюмо уставился на протянутую ему руку и не подал своей бывшему товарищу. Он сказал, не глядя Компору в глаза и обращаясь неизвестно к кому:

— Не хотелось бы, чтобы меня арестовали за нарушение порядка на чужой планете, но, клянусь, я за себя не отвечаю, если этот человек приблизится ко мне еще на шаг.

Компор отдернул руку, растерялся, перевел взгляд на Пелората и робко спросил:

— Поговорить-то хоть можно? Объяснить? Ты выслушаешь меня?

Пелорат недоуменно посмотрел на них обоих по очереди.

— Вот чудеса, Голан! Мы прибыли в такой далекий мир и сразу встретили твоего знакомого?

Тревайз в упор смотрел на Компора, но чуть-чуть развернулся в сторону Пелората и ответил ему:

— Это человеческое существо, как можно судить по его внешним очертаниям, некогда было моим другом. Дома, на Терминусе. Как правило, я ничего не скрываю от друзей, и ему я доверял. Я высказывал ему свои суждения, которые, пожалуй, не всегда предназначались для посторонних ушей. А он сообщил о них властям в мельчайших подробностях, но не потрудился сообщить мне, что сделал это. По той же самой причине я чуть было не попал в беду и теперь нахожусь в ссылке. Теперь же это человеческое существо желает, чтобы я принял его за друга.

Тревайз, завершив тираду, полностью развернулся к Компору, пятерней откинул назад волосы, но только сильнее растрепал их.

— Послушай, ты, у меня есть к тебе вопрос. Что ты тут делаешь? Почему из всех миров в Галактике, где бы ты мог оказаться, ты оказался именно здесь? И почему — **сейчас**?

Компор окончательно растерялся. Обычная самоуверенная улыбка стерлась с его миловидного лица, он сразу стал выглядеть моложе. Вид у него был ужасно удрученный.

— Объясню, — сказал он. — Но только с самого начала.

Тревайз быстро огляделся по сторонам:

— Что — здесь? Нет, правда, ты хочешь говорить об этом здесь? В общественном месте? Хочешь, чтобы я съездил тебе по физиономии здесь, когда вдоволь наслушаюсь твоего вранья?

Компор прижал руки к груди, как бы защищаясь:

— Уверяю тебя, это самое безопасное место.

И тут же, предупреждая реакцию Тревайза, поспешно добавил:

— Можешь не верить, конечно, дело твое. Я говорю правду. Я пробыл на этой планете на несколько часов дольше тебя и все проверил. В Сейшелле есть один особый день в году. День Медитации. Почти все сидят дома... или должны сидеть. Сам видишь, как тут пусто. Не думаешь же ты, что тут каждый день так.

Пелорат кивнул и вставил:

— Да-да, если на то пошло, я был очень удивлен, что тут так мало народу.

Он наклонился к уху Тревайза и прошептал:

— Почему не дать ему выговориться, Голан? Бедняжка, он совсем расстроился. Может быть, он искренне хочет оправдаться. Мне кажется, нечестно отказывать ему в такой возможности.

Тревайз усмехнулся:

— Похоже, доктор Пелорат горит желанием выслушать тебя. Я удовлетворю его просьбу, если ты, в свою очередь, удовлетворишь мою и будешь предельно краток. Видишь ли, у меня сегодня тоже особенный день, день, когда меня страшно легко разозлить. А если сегодня тут все медитируют, шум, который я подниму, может остаться не замеченным стражами порядка. Завтра мне, может, так уже не повезет. Зачем же я буду упускать такую восхитительную возможность?

Компор сдавленным голосом проговорил:

— Знаешь, если не шутишь, давай, я не против. Я и защищаться не стану. Бей, если тебе угодно. Но сначала выслушай меня!

— Валяй говори. Послушаю, пока терпения хватит.

— Во-первых, Голан...

— Будь добр, зови меня Тревайзом. Мы с тобой на брудершафт не пили.

— Во-первых, **Тревайз**, ты перестарался, убеждая меня в своих взглядах...

— Вот те раз! Перестарался? А мне казалось, что ты ими увлечен.

— Я старался казаться увлеченным, чтобы скрыть, как меня раздражают твои высказывания. Послушай, давай сядем вот тут, у стены? Народу мало, но все-таки вдруг кто-то войдет. Не стоит без нужды привлекать к себе внимание.

Троица медленно пересекла почти всю длину зала. На лице Компора блуждала натянутая улыбка, но из предосторожности он держался на расстоянии вытянутой руки от Тревайза.

Все уселись в кресла, слегка осевшие под грузом и немедленно принявшие очертания тел сидящих. Пелорат ужасно удивился и попытался встать.

— Не волнуйтесь, Профессор, — успокоил его Компор. — Я это уже пережил. Кое в чем они нас опережают. Это мир, где уважают силу маленьких удобств.

Развернувшись к Тревайзу, он положил руку на подлокотник кресла. Уверенности у него сразу поприбавилось.

— Так вот: ты встревожил меня. Ты заставил меня поверить, что Вторая Академия существует, и это меня крайне удручило. Представить только, что они есть на самом деле! Разве так уж невероятно, что тогда они держали бы тебя под присмотром? Что избавятся от тебя как от носителя угрозы? Веди я себя так, будто я с тобой заодно, они бы и меня убрали. Понимаешь?

— Я понимаю, что ты трус.

— А что толку корчить из себя героя триллеров? — широко раскрыв небесно-голубые глаза, спросил Компор и продолжил с воодушевлением: — Разве ты или я способны противостоять организации, способной управлять нашими умами и эмоциями? Единственный путь осознанной, результативной борьбы — скрыть для начала наши знания.

— Значит, ты скрыл их и остался невредим? Но от Мэра Бранно не скрыл, не удержался. Рискнул, хоть и трус?

— Да! Но я решил, что так надо. Разговоры между мной и тобой ни к чему бы не привели, разве что оба мы угодили бы под сеть ментального контроля или у нас обоих в памяти стерли бы всякие воспоминания. Но я подумал, что с другой стороны... рассказать Мэру... Ты знаешь, она была неплохо знакома с моим отцом. Мои родители эмигрировали из Смирны, а бабушка Мэра...

— Да-да, — нетерпеливо перебил его Тревайз. — Перечислив всех своих родственников до десятого колена, ты в конце концов доберешься до Сирианского Сектора. Эту байку ты плел всем, с кем знаком. Закругляйся, Компор.

— Короче говоря, она бы меня выслушала. Если бы мне удалось убедить Мэра в наличии опасности при помощи твоих же аргументов, Федерация могла бы принять какие-то меры предосторожности. Мы не так беспомощны теперь, как во дни Мула. В худшем случае опасные знания распространились бы немного, но сами мы не были бы тогда в такой опасности.

Тревайз сардонически усмехнулся:

— Поставить Академию под удар, а самим обезопаситься? Удивительное проявление патриотизма.

— Я же сказал — это в худшем случае. А я рассчитывал на лучшее.

Лоб Компора покрылся мелкими капельками пота. Казалось, он невыразимо страдает от несдвигаемой неприязни Тревайза.

— Но меня ты не удосужился оповестить о твоем хитром плане, если не ошибаюсь?

— Нет, и сожалею об этом, Тревайз. Мэр не велела мне этого делать. Она сказала, что хочет знать все, что знаешь ты, но сказала, что ты такой человек, который просто остолбенеет, если узнает, что кто-то передал его слова ей.

— О, как она была права!

— А я не знал, я даже не мог представить, что она додумается до такого — арестует тебя и отправит в ссылку.

— Она ждала удобного момента — времени, когда даже мой титул Советника не защитит меня. Этого ты не предвидел?

— А как я мог? Ты и сам не предвидел такого.

— Знал бы, что ей передали мои воззрения, предвидел бы.

С едва заметным оттенком дерзости Компор сказал:

— Ну да что теперь. После драки кулаками не машут.

— Ну а теперь-то тебе чего надо? Чего ты от меня хочешь?

— Я хочу извиниться. Извиниться за все неприятности, которые я, сам того не желая — **не желая**, — причинил тебе.

— Ах! — покачал головой Тревайз. — Как это мило с твоей стороны! Но ты пока не ответил на самый первый мой вопрос: как ты оказался здесь, на той самой планете, где нахожусь я?

— Ответить нетрудно, — сказал Компор. — Я следил за тобой!

— Через гиперпространство? При том, что мой корабль совершил целую серию Прыжков?

— Никаких чудес, — покачал головой Компор. — У меня точно такой же корабль и точно такой же компьютер. Ты же знаешь, я всегда был мастером в этих фокусах — отлично угадывал, где именно вынырнет корабль после Прыжка. Обычно одна догадливость мало что дает, и два раза из трех я всегда промахивался, но с компьютером все гораздо лучше получается. А перед серией Прыжков ты слегка растерялся, призадумался, что дало мне возможность определить направление и скорость, с которыми ты шел до входа в гиперпространство. Полученные данные вкупе со своими интуитивными экстраполяциями я ввел в компьютер, а он проделал все остальное.

— И действительно попал в город раньше меня?

— Ты не пользовался гравитикой, а я — да. Я подумал: ты наверняка отправишься в столицу, поэтому сразу пошел на посадку, пока ты... — Компор вычертил пальцем в воздухе нечто, напоминавшее путь корабля по спиральной орбите.

— И не побоялся схлестнуться с сейшельскими таможенниками?

— Ну... — очаровательно улыбнулся Компор. — Я не всегда и не во всем трус, как видишь.

Тревайз сдержался.

— А как тебе удалось заполучить такой же корабль, как у меня?

— Точно таким же образом, как ты заполучил свой. Мне его выделила старуха Мэр.

— Почему?

— Я совершенно откровенен с тобой. Я получил задание за тобой следить. Мэр хотела знать, куда ты направишься и что собираешься делать.

— И ты все честно докладывал ей? Или Мэра ты тоже предал?

— Нет, я ей ничего не докладывал. Но выбора у меня не было. Она распорядилась установить на моем корабле гиперреле. Она, видимо, предполагала, что я его не найду, но я его нашел.

— Ну?

— Увы, оно закреплено таким образом, что я не сумел отсоединить его, не повредив при этом корабль. Следовательно, она знает, где я, и знает, где ты.

— Ну а если допустить, что у нее не было бы возможности следить за мной? Тогда бы она не узнала, где я, — это тебе в голову не пришло?

— Пришло, конечно. У меня была мысль сообщить ей, будто я потерял твой след, но она не поверила бы мне, правда? Тогда я не смог бы вернуться на Терминус бог знает сколько времени. А на Терминусе у меня жена, и я хочу к ней возвратиться. Ты можешь позволить себе такую роскошь — думать только о себе. Я — нет. И потом, я прилетел сюда, чтобы предостеречь тебя. Селдоном клянусь, я хочу, чтобы ты выслушал меня, а ты говоришь о другом.

— Не впечатляет меня твоя трогательная забота. От чего ты хочешь предостеречь меня? Я глубоко убежден: единственное, от чего мне надо беречься, — это ты. Ты предал меня, теперь следишь за мной, чтобы предать еще раз. Никто, кроме тебя, мне никакого вреда не делает.

— Не надо, Тревайз. Перестань. Ты — громоотвод, как ты не понимаешь? Ты был послан, чтобы спровоцировать реакцию со стороны Второй Академии, если такая вещь, как Вторая Академия, существует. Моей интуиции хватает не только на преследование в гиперпространстве, и я уверен — это именно то, чего она хочет. Если ты будешь искать Вторую Академию, они узнают об этом и попытаются от тебя избавиться. Сделав это, они наверняка себя обнаружат. И тогда Мэр Бранно нападет на них.

— Как жаль, что твоя знаменитая интуиция молчала в тряпочку, когда Мэр Бранно задумала меня арестовать.

— Ну, знаешь, — покраснел Компор, — не всегда же она срабатывает...

— Теперь, однако, она тебе подсказывает, что Бранно собирается напасть на Вторую Академию? Она не осмелится.

— Думаю, осмелится. Но дело-то не в этом. Дело в том, что тебя бросили как приманку.

— Вот как?

— Да, вот так, клянусь всеми черными дырами, и не ищи Вторую Академию. Ей-то на тебя плевать, ей не будет жалко, что ты погибнешь, но мне не все равно. Я чувствую себя виноватым, что все так вышло, и мне не все равно.

— Я тронут, — холодно сказал Тревайз. — Но видишь ли, в данный момент у меня другие интересы.

— Другие?

— Пелорат и я заняты поисками Земли — планеты, которую некоторые считают прародиной человечества. Так, Джен?

Пелорат кивнул:

— Да, это чисто научное предприятие — предмет моих давних изысканий.

Компор на мгновение опешил.

— Ищете **Землю**? Но зачем?

— Чтобы исследовать ее, — ответил Пелорат. — Исследовать единственный мир, на котором развились люди — из низших форм жизни, по всей вероятности, а не прибыли туда, как во все остальные миры... Это будет потрясающее по своей уникальности исследование.

— Помимо того, — сообщил Тревайз, — не исключено, что в этом мире я сумею больше узнать о Второй Академии. Но это только вероятно.

Компор нахмурился:

— Но никакой Земли нет. Разве вы этого не знаете?

— Нет Земли? — Пелорат приготовился идти в атаку. — Вы хотите сказать, что нет планеты, откуда пошел род человеческий?

— О нет, конечно, когда-то Земля существовала. В этом нет сомнений. Но теперь никакой Земли нет. Нет **населенной** Земли. Она погибла!

Пелорат упрямо продолжал:

— Да, существуют такие предания...

— Погоди-ка, Джен, — прервал его Тревайз. — Откуда это тебе известно, Компор?

— Как это — откуда? Это моя родословная. Я же веду свой род из Сирианского Сектора, если мне будет позволено еще раз упомянуть о своем происхождении, не задев тебя. Там все знают о Земле. Она находится в этом секторе, а это означает, что

она не является субъектом Федерации Академии, и ею на Терминусе, естественно, никто не интересуется. Но, как бы то ни было, Земля находится именно там.

— Да, именно таково **одно** из предположений, — согласился Пелорат. — Этому вопросу в свое время было придано большое внимание, так называемой «Сирианской Альтернативе» — так это называлось во времена Империи.

— Это не альтернатива, — упрямо мотнул головой Компор. — Это факт.

Пелорат оседлал любимого конька.

— А что вы мне ответите, если я скажу, что мне известна масса мест в Галактике, которые обитающими в тех краях людьми называются или назывались «Землей»?

— Но это реальность, — возразил Компор. — Сирианский Сектор — самая древняя из обитаемых частей Галактики. Это известно всем.

— Да, сирианцы в этом клянутся, — без колебаний, убежденно и несколько насмешливо сказал Пелорат.

Компор был обижен и задет не на шутку.

— Да нет же, говорю вам...

Тревайз требовательно проговорил:

— Скажи нам, что случилось с Землей. Ты говоришь, она больше не населена. Почему?

— Радиоактивность. Вся поверхность планеты жутко радиоактивна. Ядерная реакция вышла из-под контроля или были ядерные взрывы — точно не знаю, но только жизнь там невозможна.

Все трое некоторое время молча смотрели друг на друга. Компор решил, что для вящей убедительности нужно повторить еще раз:

— Говорю вам: Земли не существует. И искать ее бесполезно.

44

Нельзя было сказать, что выражение лица Джена Пелората сильно переменилось. Ни страсть, ни гнев не отразились на нем. Только глаза сощурились немного, но этого хватило, чтобы обычно бесстрастная его физиономия обрела черты решимости. Он был задет за живое.

Без тени привычной робости он спросил:

— Позвольте узнать, откуда у вас такие сведения?

— Я уже сказал, — ответил Компор. — Это связано с моей родословной.

— Не надо шутить, молодой человек. Вы Советник, а это означает, что родиться вы были должны в одном из миров, входящих в Федерацию Академии. Если не запамятовал, вы упомянули Смирну?

— Это верно.

— О какой же родословной вы толкуете? Не хотите же вы сказать, что сведения о Земле передались вам с сирианскими генами?

— Нет, я этого сказать не хочу, — обескураженно пробормотал Компор.

— Что же вы в таком случае хотите сказать?

По-видимому, Компор собирался с мыслями и ответил не сразу:

— Дело в том, что в моей семье есть книги по древней сирианской истории. Не генетическая наследственность, конечно, — историческое наследие. На людях мы об этом говорить не любим — такое не в интересах решивших посвятить себя политической карьере. У Тревайза на этот счет другое мнение, но, поверьте мне, о своем истинном происхождении я упоминаю только в самом узком кругу.

В голосе Компора появился оттенок горечи и обиды.

— Теоретически все граждане Академии равны, но те, что родились в мирах, давно входящих в Федерацию, гораздо более равны, чем те, что родились в мирах, присоединившихся к ней в более позднее время. И уж менее всего к разряду равных относятся те, кому довелось появиться на свет за пределами Федерации. Ну да ладно. Дело в том, что я не только книги читал. Однажды мне довелось побывать в древних мирах... Эй, Тревайз, ты куда?

Тревайз в это время уже подходил к треугольному окну в противоположной стене зала. Оно было устроено так, чтобы лучше видеть небо и весь город в уменьшенном виде. Тревайз внимательно посмотрел вниз и вскоре вернулся на свое место.

— Забавный дизайн окна, — отметил он, усаживаясь в кресло. — Ты звал меня, Советник?

— Да. Помнишь, после окончания колледжа я отправился в путешествие?

— Сразу после выпуска? Как же, отлично помню. Мы тогда были друзья — водой не разлить. «Дружба до гроба». «Академия навсегда». «Вдвоем — хоть против всего мира». Ты отчалил в свое путешествие. Я, сгорая от патриотических порывов, поступил во Флот. Почему-то мне не захотелось полететь с тобой. Какое-то инстинктивное было нежелание. Жаль, что этот инстинкт не сохранился подольше.

Компор не ответил на вызов.

— Я побывал в Компореллоне, — сообщил он. — Семейная традиция гласила, что мои предки оттуда родом, по крайней мере, с отцовской стороны. В древности мы принадлежали к правящей фамилии — давно, когда Академия еще не поглотила наш мир. Собственно, и фамилия моя происходит от названия этого мира, так принято считать у нас в семье. У звезды, вокруг которой обращается Компореллон, — древнее, поэтически звучащее имя — Эпсилон Эридана.

— Что оно означает? — поинтересовался Пелорат.

Компор покачал головой:

— Не знаю, имеет ли название какое-то значение. Просто традиция. Там до сих пор живут, уделяя страшно много внимания традициям. Это очень древний мир. И у живущих там есть длинные, подробные описания Земли, ее истории, правда, говорить об этом там не слишком любят. У них какие-то предрассудки на этот счет. Всякий раз, собираясь заговорить о Земле и просто произнести это слово, они воздевают руки к небесам и скрещивают указательный и средний пальцы, чтобы избежать несчастья.

— Вы рассказали кому-нибудь об этом, когда вернулись?

— Ну что вы, конечно, нет. Кого бы это заинтересовало? Рассказывать кому-то местные байки? Вот уж спасибо! Я мечтал о политической карьере, и последнее, чего мне хотелось, так это подчеркивать, откуда я родом.

— Как насчет спутника? Можете описать спутник Земли? — неожиданно резко спросил Пелорат.

Компор удивленно приподнял брови:

— Спутник? Я об этом ничего не знаю.

— Есть у нее спутник или нет?

— Не припомню, чтобы я читал или слышал о таком. Но думаю, если вы заглянете в компореллонские книги, то сможете это выяснить.

— Но вам ничего не известно?

— Насчет спутника? Нет, не припоминаю.

— Хм-хм... А как вышло, что Земля стала радиоактивной? — Компор молча покачал головой. — Подумайте, может быть, припомните хоть что-нибудь.

— Это было семь лет назад, Профессор. Я же не знал, что настанет день и вы спросите меня об этом. Была, правда, одна легенда, то есть там считали, что это подлинная история...

— Что за легенда?

— Что-то вроде того, что Земля была радиоактивна, подвергнута остракизму и обманута Империей, население ее пришло к упадку, и она каким-то образом собиралась разрушить Империю — что-то в таком роде.

— Один умирающий мир грозил всей Империи? — скептически спросил Тревайз.

— Но я же сказал — это легенда. И потом, я подробностей не помню. Вроде бы там упоминался Бел Арвардан.

— Кто он был такой? — потребовал Тревайз.

— Реально существовавший человек. Это я выяснял как раз. Помешанный на истории Галактики археолог в первые века Империи. Он утверждал, что Земля находится в Сирианском Секторе.

— Мне знакомо это имя, — кивнул Пелорат.

— Он — народный герой Компореллона. Послушайте, если вы действительно интересуетесь подобными вещами, почему бы вам не отправиться в Компореллон? Тут торчать нет никакого смысла.

Пелорат спросил:

— Но все-таки что там говорилось — каким образом Земля угрожала Империи?

— Не знаю. Не помню, — несколько раздраженно ответил Компор.

— Сама радиация имела к этому какое-то отношение?

— Не знаю. В некоторых преданиях упоминался еще какой-то властелин умов, родившийся якобы на Земле, — Синапсифайер или что-то в этом роде.

— Создавал сверхразум? — спросил Пелорат тоном глубокого недоверия.

— Кто знает? Помню только, что вроде бы затея эта не удалась. Люди становились очень умными и рано умирали.

Тревайз сказал:

— Это, вероятно, моралите — сказочка с моралью. Лучшее — враг хорошего.

Пелорат сердито повернулся к Тревайзу:

— Ты много знаешь о нравоучительных историях?

Тревайз удивленно вздернул брови:

— У нас разные интересы, Джен, но это не означает, что я безграмотен.

— Что еще вам известно о том, кого вы назвали Синапсифайером, Советник Компор? — обратился к Компору Пелорат.

— Ничего, и у меня нет намерений долее подвергаться перекрестному допросу. Послушай, Тревайз, я следил за тобой по приказу Мэра. У меня не было распоряжений входить с тобой в личный контакт. Сделал я это только для того, чтобы предупредить, что за тобой слежка, и чтобы сказать тебе: ты послан для того, чтобы выполнить цель Мэра, какова бы она ни была. Больше я ничего обсуждать с тобой не собирался, просто оба вы меня несказанно удивили разговором о Земле. Но я повторю: что бы и когда бы ни существовало, теперь все в прошлом — Бел Арвардан, Синапсифайер... Повторяю: Земля — мертвый мир. Настойчиво рекомендую вам отправиться в Компореллон, если уж это все вас так сильно интересует. А отсюда вам лучше улететь.

— Ага, а ты самым добросовестным образом доложишь Мэру, что мы отправились в Компореллон, а потом отправишься туда за нами, чтобы лично в этом убедиться. А может быть, Мэр уже знает? Может быть, она с тобой старательно все отрепетировала, и вы по десять раз хором повторили каждое слово из тех, что ты тут наговорил? Может быть, ей как раз очень нужно, чтобы мы полетели именно в Компореллон? Что скажешь, а?

Компор сильно побледнел. Он встал и, с трудом подбирая слова, проговорил:

— Я пытался объяснить. Хотел помочь. Видимо, не стоило. Можешь катиться ко всем чертям, Тревайз.

Резко развернувшись на каблуках, он быстро, не оглядываясь, ушел.

Пелорат несколько смутился.

— Голан, дружочек, ты, пожалуй, был с ним не слишком тактичен. А мне кажется, я бы сумел еще кое-что у него выспросить.

— Нет. Не сумел бы, — печально отозвался Голан. — Ничегошеньки ты бы от него не узнал, кроме того, что он сам был готов рассказать. Джен, ты не знаешь, что это за человек. И я сам до сегодняшнего дня не знал, кто он такой.

45

Тревайз замолчал надолго. Он сидел в кресле не шевелясь, погрузившись в раздумья. Пелорат долго не решался побеспокоить его.

Наконец Пелорат собрался с духом и спросил:

— Мы так и будем всю ночь тут сидеть, Голан?

Тревайз отсутствующим взглядом посмотрел на спутника.

— Что? А, ты прав, пойдем отсюда. Лучше пойдем куда-нибудь, где есть народ. Пошли!

Пелорат встал.

— Вряд ли — это я насчет народа. Компор сказал, что сегодня у них тут День Медитации.

— Он так сказал? Ну-ну. Скажи, на дороге было движение, когда мы ехали сюда?

— Да, пожалуй, было кое-какое.

— Вот именно. А когда в город въехали, разве на улицах было пусто?

— Не очень... Но все-таки тут почти никого нет, это ты должен признать.

— Вот-вот. Это не давало мне покоя. Ну пошли, Джен, а то я голоден как волк. Надо разыскать приличное заведение, чтобы вкусно поесть. Можем себе позволить даже некоторые излишества в виде какого-нибудь экзотического сейшельского блюда. Ну а если оно вызовет у нас слишком сильное нервное напряжение, слопаем чего-нибудь стандартного галактического. Ну, вперед, а когда мы будем в надежном окружении людей, я тебе расскажу, что же на самом деле случилось — как мне кажется.

46

Тревайз прислонился к спинке стула. На лице его было написано удовольствие. Он действительно наслаждался новыми впечатлениями. Ресторанчик по меркам Терминуса оказался совсем недорогим, но удивительно уютным. Ну, например, обогревался он частично открытым огнем, на котором прямо на глазах посетителей готовили пищу. Мясо подавали обжаренным кусочками, приправленными разнообразными пикантными соусами. А брать кусочки полагалось руками; дабы не обжечь пальцы, нужно было заворачивать мясо в мягкие, нежные зеленые листья — на ощупь листья были холодные, влажные, с тонким мятным ароматом. В общем, завернул мясо в листик — и в рот. Официант во всех деталях, на словах и жестами, объяснил нашим путешественникам, как это проделывать. Вероятно, ему частенько доводилось иметь дело с иностранцами, поэтому он только отечески улыбался, наблюдая, как Пелорат и Тревайз тоскливо поглядывают на куски мяса, от которых валил густой пар, и выказал искреннюю радость, когда на лицах обоих посетителей отразилось понимание и удовлетворение — мясо, обернутое листьями, не обжигало.

— Восхитительно! — сказал Тревайз. — Я заказал вторую порцию.

Пелорат последовал его примеру.

Когда был подан похожий на губку, чуть сладковатый десерт и кофе с едва заметным привкусом карамели, они с сомнением покачали головой и добавили в кофе сиропа. Тут уж официант с сомнением покачал головой.

— А что же все-таки произошло в Туристическом Центре? — спросил Пелорат.

— Ты про Компора?

— Не знаю. Просто ты обещал объяснить.

Тревайз осмотрелся. Столик, за которым они сидели, стоял в нише, и в каком-то смысле они были отделены от других посетителей, которых, надо сказать, в ресторане было немало. Общий звук голосов давал прекрасную возможность говорить о чем угодно.

Тревайз вполголоса задал вопрос:

— Не странно ли, что он тащился за нами до Сейшелла?

— Он сказал, что ему помогли его интуитивные способности.

— Что правда, то правда — он действительно в колледже был чемпионом по гиперпространственному преследованию. В его способностях я до сегодняшнего дня не сомневался. Вполне можно допустить, что один человек, обладая определенным мастерством и опытом, зная кое-какие исходные параметры, может определить, как и куда прыгнет другой и где после

Прыжка окажется. Но я не могу понять, как можно вычислить, где окажется преследуемый после серии Прыжков. Готовишься ведь только к первому, а все остальные выполняет компьютер. Следящий может оценить и определить траекторию лишь первого Прыжка, но как он может понять, что в это время творится внутри компьютера?

— Но он сделал это, Голан.

— Сделал, вот именно. И добиться этого он мог единственным способом — он заранее знал, куда мы направляемся. Знал, а не вычислил.

Пелорат подумал и сказал:

— Невозможно. Совершенно невозможно, мой мальчик. Откуда ему было знать? Мы сами не знали, куда полетим, пока не взошли на борт «Далекой Звезды».

— То-то и оно, ну а как тебе нравится этот День Медитации?

— Компор не солгал нам. Я спросил у официанта, и тот сказал, что сегодня действительно такой день. Ты же сам слышал.

— Да, он так сказал, но не сказал же он, что ресторан закрыт? На самом деле он сказал примерно вот что: «Сейшелл-Сити не вымирает. Да, люди на планете медитируют, но только не в большом городе, где все просвещенные, неотсталые. Это в маленьких городках так. В общем, городской транспорт работает, и на улицах людно — ну, может, не так, как в обычные дни». Вот так он сказал.

— Но, Голан, в Туристический Центр никто не пришел, пока мы там были. Я же видел — никто.

— Я это тоже заметил. Во время беседы с Компором, если помнишь, я встал и подошел к окну и увидел, что на прилегающих к Центру улицах полно народу и автомобилей, и все-таки ни одна душа в Центр не заглянула. День Медитации — замечательное прикрытие. Мне бы и в голову не пришло подвергать сомнению столь счастливую случайность, позволившую нам побеседовать наедине, если бы я заранее не настроился не верить ни одному слову этого сынка двоих чужеземцев.

— Что же тогда все это значит? — недоумевающе спросил Пелорат.

— Я думаю, Джен, все предельно просто. Что мы имеем? Мы имеем человека, который знает, куда мы отправимся, стоит нам только подумать об этом; человека, способного превратить

бойкое общественное место в необитаемое для того, чтобы переговорить с кем-то с глазу на глаз.

— Ты хочешь убедить меня в том, что он способен творить чудеса?

— Конечно. Ничего нет удивительного, если Компор — агент Второй Академии и способен управлять сознанием кого угодно, если он способен прочесть мои и твои мысли, находясь в корабле, далеко отстоящем от нашего, если может без труда прошмыгнуть мимо таможенников, если может совершить посадку с помощью гравитационного двигателя, и при этом пограничная служба даже не отваживается предложить ему направляющий радиолуч, если он может настроить сознание людей таким образом, что они не войдут туда, куда хотели бы войти, если ему в этом месте вздумалось с кем-то переговорить с глазу на глаз... Могу повторить все в обратном порядке, — все более печально продолжал Тревайз, — от этого, клянусь, ничего не изменится. Я действительно не летал с ним тогда, после колледжа. Помню, что не захотел. Но не под его ли влиянием не захотел? Наверное, он должен был лететь один. Но куда он летал на самом деле, вот вопрос.

Пелорат отодвинул в сторону стоявшие перед ним тарелки, будто чистое пространство нужно было ему, чтобы лучше сосредоточиться. Оказалось, что только этого и ждал самодвижущийся столик — он тут же подкатился к их столу и подождал, пока на него составят использованную посуду, после чего бесшумно откатился.

— Но это безумие! — прошептал Пелорат. — На самом деле ничего не случилось такого, что не могло бы произойти естественным путем. Это всегда так. Стоит только в голову прокрасться мысли о том, что кто-то управляет естественным ходом событий, как начинаешь все этим объяснять и никогда не обретешь настоящей уверенности. Послушай, дружочек, это все условно и зависит от интерпретации. Не поддавайся паранойе.

— Поддаваться благодушию я тоже не собираюсь.

— Ну давай посмотрим на все логически. Допустим, он — агент Второй Академии. Зачем ему понадобилось рисковать и вызывать у нас подозрения, опустошая Туристический Центр? Что он такого сказал важного, чтобы этого не могли услышать посторонние, которые все равно были бы заняты своими делами?

— На это ответить легко, Джен. Ему нужно было держать

наши с тобой сознания под пристальным наблюдением, вблизи, и он не хотел, чтобы сознания других людей ему помешали.

— Это опять-таки всего лишь твоя интерпретация. Мне кажется, ничего такого особенного он нам не сказал. И вполне логично допустить, что цель разговора была именно такова, как он сказал: объяснить случившееся, извиниться за это и предупредить о грозящей нам опасности. Зачем залезать в дебри?

На дальнем краю стола загорелась щелочка приема кредитных карточек. Тревайз порылся в сумке и вытащил кредитную карточку, выданную в Академии, — она годилась для расчетов по всей Галактике — и опустил ее в щель. Расчет занял несколько мгновений, но Тревайз с врожденной предосторожностью проверил, какая сумма осталась за вычетом причитавшейся за еду, и только тогда убрал карточку в сумку.

Более пристально оглядев теперь уже немногочисленных посетителей ресторанчика, он переспросил полушепотом:

— Зачем лезть в дебри? Зачем? Это не все, о чем он говорил, Джен. Еще он говорил о Земле. Он утверждал, что она погибла, и самым настоятельным образом советовал нам не искать ее, а лететь в Компореллон. Полетим?

— Я как раз об этом и думал, Голан, — признался Пелорат.

— Что, готов лететь туда?

— Ну, сюда мы можем вернуться после того, как обследуем Сирианский Сектор.

— Ну-ну. А тебе не кажется, что вся цель встречи с нами как раз и состояла в том, чтобы увести нас подальше от Сейшелла? Выкинуть куда угодно, лишь бы только нас тут не было?

— Но зачем?

— Не знаю. Послушай: они ожидали, что мы отправимся на Трентор. Ты этого хотел безумно, и очень может быть, что именно на это они и рассчитывали. Отправившись на Сейшелл, я спутал их карты. Возможно, этого они как раз хотели меньше всего, и теперь им остается одно — попытаться отправить нас отсюда куда подальше.

Пелорат был просто убит.

— Но, Голан, зачем им это? Ты только делаешь заявления и ничего не объясняешь. Чем мы им можем помешать на Сейшелле?

— Не знаю, Джен, но мне вполне достаточно того, что они нас тут не хотят. Именно поэтому я остаюсь здесь. И улетать не собираюсь.

— Но... Но... Послушай, Голан, если бы Вторая Академия хотела, чтобы мы улетели отсюда, разве они не могли бы просто настроить наше сознание таким образом, чтобы мы сами захотели улететь?

— Ну, раз уж ты сам об этом заговорил... разве кое-что в этом смысле им не удалось провернуть? — Тревайз прищурился и в упор посмотрел на Пелората. — Ну говори: разве ты не хочешь улететь?

Пелорат ответил Тревайзу удивленным взглядом:

— Но... в общем, мне кажется, что это как бы не лишено определенного смысла...

— Естественно, кажется, раз на тебя определенным образом повлияли.

— Но я не...

— Естественно, ты будешь с пеной у рта клясться, что ничего не было, раз это было.

Пелорат пожал плечами:

— Знаешь, когда ты так говоришь, нет смысла доказывать обратное. И что ты собираешься делать?

— Останусь на Сейшелле. И ты тоже. Без меня тебе с кораблем не управиться, поэтому если Компору и удалось тебя обработать, не того он, голубчик, обработал, кого надо.

— Очень хорошо, Голан. Давай останемся здесь, пока у нас не возникает независимых причин улететь. Самое худшее для нас, так мне, по крайней мере, кажется, это потерять друг друга. Послушай, дружочек, если бы меня, как ты выразился, «обработали», разве я смог бы сейчас сидеть тут с тобой и говорить так, как говорю?

Тревайз лишь на мгновение задумался и порывисто протянул руку товарищу, улыбаясь:

— О'кей, Джен. А теперь пошли на корабль. Завтра стартуем. Если получится.

47

Самого момента, когда его завербовали, Мунн Ли Компор не помнил. Во-первых, он тогда был совсем ребенок, а во-вторых, агенты Второй Академии старались не оставлять следов.

Компор был Наблюдателем — должность для Второй Академии очень важная.

Это означало, что Компор был обучен основным принципам менталики и мог на определенном уровне общаться с сотрудниками Второй Академии на их языке, стоя, однако, на самой низкой ступени иерархической лестницы. Он умел «читать» сознания, но манипулировать ими не мог. Этому его не обучали. Его обязанностью было наблюдение, а не какая-либо активная деятельность.

В лучшем случае его должность тянула на второй класс, но против этого он нисколько не возражал. Его устраивала собственная роль в схеме событий.

В первые века своего существования Вторая Академия переоценивала свои возможности. Тогда полагали, что горстка ее сотрудников способна без особого труда справиться со всей Галактикой, что сохранение Плана Селдона потребует лишь случайных по большинству прикосновений в отдельных местах.

Мул излечил Вторую Академию от этих заблуждений. Он поймал ее (и Первую тоже, хотя это было и не так важно) врасплох, и обе Академии оказались совершенно беспомощными. Пять лет миновало, прежде чем была найдена возможность организовать контратаку, да и удалась она лишь ценой жизни некоторых сотрудников.

Полное выздоровление наступило только при Приме Пальвере. Нелегко дались ему принятые им меры. Он решил, что действия Второй Академии должны осуществляться целенаправленно и безгранично широко, но при этом опасность ее нечаянного обнаружения должна быть снижена до минимума. С этой целью он учредил институт Наблюдателей.

Компор не знал, сколько всего Наблюдателей в Галактике, не знал, и сколько их на Терминусе. И не должен был знать. В идеале никакие два Наблюдателя не должны были знать друг друга, чтобы гибель одного из них не повлекла за собой гибели второго. Все связи осуществлялись через высший эшелон на Тренторе.

Конечно, по-человечески Компор не был лишен амбиций и мечтал когда-нибудь побывать на Тренторе. Он знал, что это маловероятно, но знал также, что в редких, исключительно редких случаях Наблюдателей вызывают на Трентор и повышают в должности. Но случаев таких было очень мало. Качества, которыми было положено обладать хорошему Наблюдателю, совсем не те, что были нужны для работы за Столом.

Ну, например — существовал Гендибаль, и был он на целых

четыре года моложе Компора. Скорее всего, завербован он был в столь же нежном возрасте, что и Компор, но **он** сразу был взят на Трентор, и теперь он был Оратором. Компор отлично понимал почему. В последнее время он довольно часто контактировал с этим молодым человеком и имел возможность ощутить силу его сознания. В схватке с ним Компор бы и секунды не продержался.

На самом деле о том, что положение его не слишком высоко, Компор задумывался нечасто. В конце концов, думал он (и, наверное, так думали многие Наблюдатели), статус его невелик только по меркам Трентора. А в своих мирах, в нементальных сообществах Наблюдателям было довольно просто достичь высокого положения.

Компор, например, без особых хлопот учился в привилегированных учебных заведениях, вращался в прекрасных компаниях. Используя знания в области менталики на самом примитивном уровне, он усиливал свои природные интуитивные способности (а именно развитая интуиция стала причиной его вербовки, в этом он был уверен), ну, например, стал звездой колледжа в гиперпространственном преследовании. Преуспев в колледже, он обрел возможность шагнуть на первую ступень политической карьеры. Вот закончится теперешний кризис, кто знает, как высоко ему суждено шагнуть!

Если кризис разрешится успешно — а он наверняка разрешится именно так, — разве не вспомнят, что именно Компор первым обратил внимание на Тревайза, но не человека Тревайза — это мог сделать любой, — а исключительно на его сознание?

С Тревайзом Компор познакомился в колледже и поначалу видел в нем лишь веселого и неглупого приятеля. Но в одно прекрасное утро Компор очнулся от забытья и с горечью яви, захлестнувшей от края до края несуществующую страну полусна, осознал, что ему нестерпимо жаль, что Тревайз не завербован и никогда не будет завербован.

Это было невозможно в принципе, потому что Тревайз родился на Терминусе, а не был, как Компор, уроженцем другого мира. Но даже если оставить это в стороне, все равно уже было слишком поздно. Только юное, гибкое сознание годилось для обучения менталике, а болезненное внедрение этого искусства (это скорее все-таки было искусство, а не наука) во взрослый мозг, отягощенный накопленными представлениями, утратив-

ший гибкость и податливость, применялось лишь в течение жизни первых двух поколений после Селдона.

Но почему, почему, если Тревайз не годился для вербовки по первому признаку и давно вышел из возраста по второму, почему Компор вообще задумывался об этом?

При первой же встрече с Тревайзом Компор проник в его сознание более глубоко и понял причину своих мучений. Сознание Тревайза было совершенно особенным, было в нем что-то такое, что не укладывалось в рамки полученного Компором образования. Снова и снова оно ускользало от Компора. Он продолжал изучать сознание Тревайза и обнаруживал пропасти — нет, не настоящие пропасти, а участки, куда Компор просто не мог проникнуть.

Компор не знал, что это значит на самом деле, и принялся следить за поведением Тревайза в свете этой загадки. Скоро он заметил, что Тревайз способен принимать безошибочные решения в ситуациях, явно не изобиловавших количеством необходимой информации.

Была ли тут какая-то связь с обнаруженными Компором пропастями? Он не знал, знал лишь, что это за пределами его собственных способностей в области менталики — не исключено, что и Стол Ораторов не одолел бы этой задачи. Тяжелы были раздумья Компора — он думал, что, вероятно, способности принимать решения, природа самой этой способности неизвестны даже самому Тревайзу, что Тревайз мог бы...

Что мог бы сделать Тревайз? Знаний Компору явно недоставало. Порой ему казалось, что он почти ухватил конец ниточки, которая выведет его на верное решение, но ниточка ускользала. Всего лишь интуитивная догадка: Тревайз потенциально мог быть личностью, от которой многое зависело.

Компор не мог отбросить в сторону вероятность того, что это так и есть, и решил рискнуть. В конце концов, если он окажется прав...

Теперь, вспоминая о пережитом, он просто удивлялся, как ему хватило мужества, самообладания продолжать свои попытки. Он не мог проникнуть за административные барьеры, которыми, как колючей проволокой, был окружен Стол Ораторов. Ему грозила полная потеря репутации. Он отчаянно пытался пробиться хотя бы к самому младшему из членов Стола, и наконец на его призыв ответил Гендибаль.

Гендибаль терпеливо выслушал Компора, и с той поры ме-

жду ними установились совершенно особые отношения. Следуя указаниям Гендибаля, Компор сохранил отношения с Тревайзом; повинуясь Гендибалю, Компор выстроил цепочку событий, которые в конце концов привели к ссылке Тревайза. Именно благодаря Гендибалю к Компору вернулись слабые надежды на повышение в должности на Тренторе.

Однако все приготовления были рассчитаны на то, чтобы заманить Тревайза на Трентор. Отказ его от этого маршрута застал Компора врасплох. Видимо, думал он, это не было предусмотрено и Гендибалем.

Как бы то ни было, теперь Гендибаль торопился к месту событий. Компор понимал, что кризис углубляется.

Сигнал Компора понесся через гиперпространство.

48

Прикосновение к сознанию разбудило Гендибаля. Никакого раздражения он не ощутил — сигнал воздействовал непосредственно на центр сна головного мозга.

Проснулся, сел в кровати. Упавшая простыня обнажила его тренированный, с мягкими очертаниями мускулов торс. Гендибаль сразу узнал, кто его вызывает, — различия в менталике столь же выразительны, как различия в звучании голосов для тех, кто привык общаться звуками.

Гендибаль ответил на сигнал и спросил, можно ли выйти на связь чуть позже. Ответ был: «Срочности нет».

Затем размеренно, не спеша он принялся за обычные утренние дела. Гендибаль еще стоял под душем, когда решил, что пора возобновить связь.

— Компор?

— Да, Оратор.

— Вы говорили с Тревайзом и его спутником?

— Пелоратом. Его зовут Джен Пелорат. Да, Оратор.

— Хорошо. Подождите еще пять минут, я настрою визуальную связь.

По пути в отсек управления Гендибаль столкнулся с Сурой Нови. Она смотрела на него вопросительно и готова была заговорить, но он прижал палец к губам, и она немедленно повиновалась. Гендибаль все еще чувствовал себя неловко рядом с ней

— чересчур сильно ее сознание излучало преклонение перед ним, обожание. Он надеялся со временем к этому привыкнуть.

Тонкая нить соединяла их сознания постоянно, и теперь никто не смог бы принести вреда сознанию Гендибаля, не оставив для начала следа в сознании Нови. Гендибаль испытывал поистине эстетическое наслаждение, любуясь время от времени удивительной красотой и симметрией сознания этой простой женщины. Он был благодарен судьбе за тот благородный порыв, что овладел им, когда они стояли вдвоем у стен Университета, за то, что случай привел Нови к нему именно тогда, когда это было так нужно.

— Компор, — сказал Гендибаль.

— Да, Оратор.

— Расслабьтесь, пожалуйста. Я должен изучить ваше сознание. Прошу не обижаться на меня.

— Как вам будет угодно, Оратор. Могу я поинтересоваться, с какой целью?

— Чтобы убедиться, что ваше сознание не затронуто.

— Я знаю, Оратор, что у вас за Столом, — сказал Компор, — есть политические противники, но, конечно же, никто из них...

— Не размышляйте, Компор. Расслабьтесь... Так... Нет, с вами все в порядке. А теперь, если вы мне немного поможете, мы наладим визуальный контакт.

То, что произошло затем, в общем и целом можно было счесть иллюзией, обманом зрения, поскольку никто, кроме обладающего ментальной тренировкой сотрудника Второй Академии, не смог бы увидеть ровным счетом ничего как глазами, так и выявить что-либо с помощью какого-то физического прибора.

Происходило конструирование внешности собеседника по контурам сознания. Даже лучшим менталистам удавалось создавать туманные, размытые очертания. Лицо Компора появилось перед Гендибалем, окутанное легкой дымкой. Он знал, что Компор видит сейчас его точно так же.

Добавление к ментальному контакту физической силы гиперволн создавало у собеседников иллюзию беседы с глазу на глаз, в то время как их разделяли тысячи парсеков. Корабль Гендибаля был оборудован соответствующим устройством.

Видеоменталика имела свои преимущества. Главное состояло в том, что никакими имеющимися в распоряжении Первой Академии приборами ее нельзя было выявить. Кроме того, визуальное созерцание собеседника сообщало ментальной связи законченность, отточенность.

Что же касается Анти-Мулов — ну что ж, для того чтобы удостовериться, что никто не вмешивается в разговор, достаточно было самого чувствительного прибора — чистого сознания Нови.

— Передайте мне дословно, Компор, — потребовал Гендибаль, — ваш разговор с Тревайзом и этим... Пелоратом. Все в точности, до уровня сознания.

— Хорошо, Оратор.

Пересказ не занял много времени. Комбинирование звуков, мимики и менталики значительно сокращало время беседы, и объем информации передавался гораздо больший, чем при обычном разговоре.

Гендибаль был весь внимание. В ментовидении не было мелочей, ничего нельзя было упустить. При общении вблизи, даже при физическом гипервидении на расстоянии многих парсеков, можно было позволить себе роскошь что-то упустить из избыточных битов информации, не пропустив самого главного.

Дымка ментовидения создавала абсолютную безопасность общения ценой утраты этой роскоши.

От инструкторов к студентам из поколения в поколение на Тренторе переходили ужасные истории, сочинявшиеся специально для того, чтобы вселить в души юных, начинающих понятие сверхважности концентрации внимания. История, которую рассказывали чаще остальных, была, конечно, наименее реальной. Повествовала она о том времени, когда Мул добился самых первых успехов — еще до захвата им Калгана. Тогда якобы один младший сотрудник Второй Академии получил сообщение, и в сознании у него не отразилось ничего, кроме фразы «похожее на лошадь животное», поскольку он упустил тончайший оттенок значения в сообщении, где говорилось о том, что это — кличка. Этот сотрудник, ничтоже сумняшеся, решил, что сообщению такому не стоит придавать особого значения, и не стал передавать его на Трентор. К тому времени, когда поступило следующее сообщение, было уже слишком поздно действовать немедленно, и пришлось пережить пять горьких лет.

На самом деле, конечно, ничего такого и в помине не было, но это было неважно. История производила убийственное впечатление и служила своей цели: убедить любого студента в важности интенсивной концентрации.

Гендибаль до сих пор не забыл, как в студенческие годы совершил ошибку при ментальном приеме и сам счел ее незначительной и допустимой. Его учитель — старик Кендест, тиран до самой глубины серого вещества мозга — ехидно хихикнул тогда и поинтересовался: «Животное, похожее на лошадь, студент Гендибаль?» Гендибаль был готов сквозь землю провалиться от стыда.

Компор закончил пересказ разговора.

Гендибаль попросил:

— Оцените, пожалуйста, реакцию Тревайза. Вы знаете его лучше, чем я или кто-либо другой.

Компор ответил:

— Тут все просто. Ментальные причины налицо. Он думает, что мои слова и действия отражают мое непреодолимое желание отправить его на Трентор, в Сирианский Сектор — куда угодно, только не туда, куда он собрался отправиться. По моему мнению, это означает, что он из одного упрямства останется там, где находится, и полетит туда, куда хочет. Поскольку он считает, что его интересы диаметрально противоположны моим, он поступит именно так.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно уверен.

Подумав, Гендибаль решил, что Компор прав.

— Я доволен вами, — сказал он. — Вы хорошо поработали. Ваша история о радиоактивной гибели Земли была выдумана исключительно удачно — это вызвало в сознании собеседников адекватную реакцию без необходимости прямой манипуляции. Похвально.

Компор некоторое время боролся сам с собой. Наконец он сказал:

— Оратор, я недостоин вашей похвалы. Я не придумывал эту историю. Это правда. Планета под названием Земля действительно находится в Сирианском Секторе, и ее действительно считают прародиной человечества. Она радиоактивна — либо с самого начала была такой, либо стала такой впоследствии, и радиоактивность там нарастала. В конце концов планета погибла. На самом деле там было изобретено устройство для усиления активности мозговой деятельности, но это ни к чему не привело. У меня на родине эта информация считается достоверной.

— Вот как? Забавно, — откликнулся Гендибаль, не слишком веря истинности сказанного Компором. — Что ж, тем лучше,

если это правда. Солгать с той же долей искренности невозможно. Однажды Прим Пальвер сказал: «Чем больше ложь похожа на правду, тем лучше, и лучшая ложь — правда!»

— Я еще кое-что должен сообщить вам, Оратор, — сказал Компор. — Действуя в соответствии с распоряжениями удержать Тревайза в Сейшельском Секторе любой ценой, я, видимо, зашел слишком далеко, и теперь он подозревает, что я — агент Второй Академии.

Гендибаль кивнул:

— Полагаю, в данных обстоятельствах это неизбежно. Вторая Академия — его мономания, и он склонен видеть ее даже там, где ее нет. Нужно просто учесть это.

— Оратор, если так необходимо удержать Тревайза здесь, пока вы сюда доберетесь, дело бы значительно упростилось, если бы я вылетел вам навстречу, принял вас на борт моего корабля и доставил сюда. Это займет не более одного дня...

— Нет, Наблюдатель, — резко оборвал его Гендибаль. — Этого делать не следует. Люди на Терминусе знают, где вы находитесь. На вашем корабле находится гиперреле, которое вам не удалось уничтожить. Так?

— Так, Оратор.

— Если на Терминусе знают, что вы приземлились на Сейшелле, значит, об этом знает посол Академии. Знает он также, что на Сейшелле находится Тревайз. Ваше гиперреле сообщит на Терминус о том, что вы вылетели с Сейшелла в определенную точку на сотни парсеков от планеты и вернулись обратно. Сообщив об этом на Терминус, посол не преминет, однако, указать, что Тревайз остался в пределах Сейшельского Сектора. Сколько догадок промелькнет из-за этого у людей с Терминуса! Мэр Терминуса — жестокая женщина, и меньше всего нам хотелось бы задавать ей странные загадки. Мы не хотим, чтобы она выслала сюда бригаду Флота. Рисковать не стоит, Компор.

— Со всем уважением, Оратор, — почтительно обратился к Гендибалю Компор. — Но какие причины у нас бояться Флота, если мы можем воздействовать на сознание командующего?

— Как бы мало ни было причин, все равно гораздо безопаснее, если Флота тут не будет. Оставайтесь на месте, Наблюдатель. Когда я доберусь, я перейду в ваш корабль, и тогда...

— И тогда, Оратор?

— Тогда я все возьму на себя.

49

Ментовизионная связь с Компором прекратилась, а Гендибаль все сидел неподвижно, погруженный в раздумья. Шли минуты за минутами.

Долог оказался этот путь к Сейшеллу, ох как долог и в буквальном смысле, поскольку его корабль по техническим характеристикам не шел ни в какое сравнение с кораблем Компора, и в переносном — сообщения о Тревайзе шли уже целых десять лет.

Да, в свете последних событий у Гендибаля не было никаких сомнений в том, сколь ценным приобретением для Второй Академии мог бы стать этот человек, если бы со времен Прима Пальвера не практиковалась политика жесткой неприкосновенности Терминуса.

Трудно сосчитать, скольких потенциальных сотрудников лишилась за последнее столетие Вторая Академия. Возможности оценивать ментальные способности каждого из квадриллионов людей, живущих в Галактике, не было. Но ни один из этих людей не шел ни в какое сравнение с Тревайзом — он, и только он мог оказаться в такое время в таком месте...

Гендибаль с горечью покачал головой. Нет, нельзя, нельзя было упускать Тревайза, списывать его со счетов, где бы он ни родился, хотя бы даже на Терминусе. Честь и хвала Наблюдателю Компору за то, что вовремя заметил Тревайза, хотя тот уже тогда по возрасту не годился для вербовки.

Теперь Тревайз не годился ни по какой статье — для обучения, тренировки он был слишком стар, но по-прежнему обладал колоссальной интуицией, талантом принимать решения, делать выводы на основании предельного минимума информации и чего-то еще... чего-то еще...

Старик Шендесс заметил это; несмотря на всю свою усталость и апатию, он был-таки неплохим Оратором — он разглядел нечто необычное в Тревайзе, не располагая всеми теми сведениями, что накопились у Гендибаля за долгое время. Шендесс решил, что ключ к разрешению кризиса — в руках Тревайза.

Почему Тревайз на Сейшелле? Какие у него намерения? Чем он занимается?

А трогать его было нельзя! В этом у Гендибаля не было сомнений. До тех пор пока роль Тревайза не будет выяснена

окончательно, к сознанию его нельзя прикасаться никоим образом. Кто бы ни были, что бы собой ни представляли Анти-Мулы, один неверный шаг, одно неловкое движение в сторону Тревайза могли погубить все дело.

В раздумья Гендибаля вмешалось прикосновение чьего-то сознания, и он раздраженно отмахнулся от него, как будто пытался отогнать надоедливую тренторианскую мошку — разумом, конечно, а не рукой. Но тут же почувствовал, что этому сознанию больно, встрепенулся и поднял глаза.

Сура Нови стояла перед ним, прижав руку ко лбу.

— Простить меня, Господин, мой голова сильно заболеть вдруг.

Гендибалю стало стыдно.

— Прости, Нови. Я не думал... то есть, наоборот, я слишком сильно задумался.

И он нежно, ласково разгладил складки тревоги и боли на ткани ее сознания.

Нови просияла:

— Уже все пройти. Добрый звук ваших слов, Господин, мне хорошо очень помогает.

— Ну и хорошо, — улыбнулся Гендибаль. — Что-нибудь случилось? Зачем ты пришла? — спросил он, отказавшись выяснять причину сам. Все меньше хотелось ему переступать эту грань.

Нови растерялась и слегка склонила голову.

— Я быть не понимать. Вы быть смотреть никуда, делать звуки, и ваше лицо так дергаться... И я стоять тут и думать, может, вы заболеть, и я не знать, что мне делать.

Страх, озабоченность или какие-то еще эмоции снова исказили симметрию сознания Нови. Гендибалю так нравилось зрелище безмятежности и спокойствия разума Нови, но ему опять стало неловко вмешиваться извне; она сказала, что сами его слова, сам звук его голоса успокаивают ее — пусть так и будет.

— Нови, — спросил он, — почему мне нельзя звать тебя Сурой?

Лицо ее озарилось ужасом, глаза сверкнули.

— О Господин, не быть так делать!

— Но Руфирант звал тебя так в тот день, когда мы познакомились. Теперь мы с тобой хорошо знакомы, и...

— Я быть хорошо знать, как он называть меня, Господин. Так быть мужчина звать женщина, у которой не быть мужчина,

которая не иметь жениха, на которую никто не смотреть. Тогда такая женщина называть первый имя. Мне быть лучше, если меня вы называть «Нови», и я быть гордый, когда вы звать меня так. Пусть у меня не быть никакой мужчина сейчас, зато у меня быть Господин, и я очень довольная быть. Я надеяться, вам не быть сильно трудно звать меня Нови.

— Не трудно, Нови, конечно.

Сознание ее стало гладким, бархатистым, и Гендибаль обрадовался. *Слишком обрадовался. А следовало ли?*

Несколько стыдливо он вспомнил о том, что простая женщина из Первой Академии, Байта Дарелл, в свое время жутко уязвила Мула, затронув тему его бесплодия...

Тут, конечно, дело совсем другое... Эта думлянка нужна была ему как защита от вмешательства чужеродного сознания, и Гендибаль хотел, чтобы она служила этой цели как можно лучше.

О нет, нельзя врать самому себе... Какой же он Оратор, если перестанет честно отвечать на вопросы собственного сознания? Правда состояла в том, что его радовало, когда Нови спокойна и счастлива сама по себе, без его помощи и вмешательства, и нравилось ему это потому, что ему нравилась **она**, и ничего дурного в этом нет, мелькнула у него дерзкая мысль.

— Садись, Нови, — сказал Гендибаль.

Она осторожно присела на краешек кресла — так далеко от Гендибаля, насколько позволяли размеры отсека. Сознание ее светилось почтительным уважением.

— Нови, — принялся пояснять Гендибаль, — видишь ли... когда ты видела, что я произвожу странные звуки, я говорил с другим человеком на большом расстоянии. Так разговаривают ученые.

Нови смущенно опустила взгляд.

— Я видеть, Господин, что очень много быть такое, что делать и знать ученые, чего мне никак не понять быть. Это быть такой трудный наука, все равно как высокий-превысокий гора. Мне стыдно быть, что я прийти к вам и думать, что я уметь стать ученая. Не знаю, как это вы, Господин, не смеяться на меня?

Гендибаль улыбнулся:

— Нови, но вовсе не стыдно стремиться к чему-то, чего ты не понимаешь. Ты, конечно, слишком взрослая уже для того, чтобы стать ученой, — я начал учиться, когда был совсем маленьким. Но учиться никогда не поздно, всегда можно узнать больше, чем знаешь, и научиться делать больше, чем умеешь. Пока мы здесь, на корабле, я постараюсь научить тебя чему-нибудь. И к тому времени, когда мы доберемся до цели, ты будешь знать гораздо больше.

Гендибаль был окрылен. Почему бы и нет? Почему не отказаться от стереотипного отношения к думлянам, принятого во Второй Академии? И какое, собственно, право имела гетерогенная группа сотрудников Академии ввести этот стереотип? В конце концов, рожденные сотрудниками дети сами достигали больших высот не так уж часто. Дети Ораторов получали такую же квалификацию в исключительных случаях. Вроде бы три столетия назад в династии Лингвесторов насчитывалось три поколения, но было не исключено, что второе колено по чистоте кровных уз явно подкачало. Если так, то какое право имели люди из Университета возводить себя на столь высокий пьедестал?

Гендибаль смотрел в сияющие радостью глаза Нови и радовался. Она сказала:

— Я постараться хорошо учить, Господин, все, чему вы мне научите.

— Конечно, Нови, я уверен, что ты способная ученица, — кивнул Гендибаль и на мгновение растерялся: он вспомнил, что в разговоре с Компором ни словом не обмолвился о том, что не один на корабле. Да, о своей спутнице он ни слова не сказал.

Возможно, самому факту присутствия женщины Компор и не удивится, примет его как данность. Но... думлянка?..

На краткий миг привычный стереотип завладел сознанием Гендибаля, и он, спохватившись, обрадовался: вряд ли Компор распознает в Нови думлянку — ведь он не бывал на Тренторе.

И тут же отмахнулся от этой мысли. Абсолютно неважно, узнает Компор в Нови думлянку или нет. Гендибаль — Оратор Второй Академии и волен поступать как ему заблагорассудится. В конце концов, главное его дело — сберечь План Селдона, и какое ему дело до того, кто что подумает? Никто не смел мешать ему и не посмеет.

— Господин... — робко спросила Нови, — а когда мы добраться, куда вы хотеть добраться; мы потом расстаться, да?

Гендибаль пристально посмотрел на нее и ответил, пожалуй, чуть более уверенно, чем было нужно:

— Нет, Нови, мы не расстанемся.

Думлянка застенчиво улыбнулась. Выглядела она в это мгновение как любая счастливая женщина в Галактике — **любая.**

Глава 13

УНИВЕРСИТЕТ

50

Оказавшись вместе с Тревайзом внутри «Далекой Звезды», Пелорат брезгливо наморщил нос.

Тревайз пожал плечами:

— Что поделаешь, Джен. Человеческое тело — мощнейший генератор запахов. Система рециклирования никогда не работает мгновенно, искусственные запахи только накладываются на естественные, а не замещают их полностью.

— Наверное, Голан, два корабля не пахнут одинаково, если там долго живут разные люди?

— Верно, но ты мне скажи: разве ты не перестал морщиться от ароматов Сейшелла уже через час?

— Перестал, — признался Пелорат.

— Ну вот, и наш родной запах перестанет мучить тебя очень скоро. Вот увидишь, вернешься домой, обрадуешься всем запахам, которые тебя там встретят. Кстати, Джен, учти на будущее: крайне невежливо обсуждать, чем пахнет на любом корабле и в любом мире, если на то пошло, в присутствии их обитателей. То есть при мне — пожалуйста, я-то стерплю, но ты это учти.

— Понятно, Голан. Постараюсь. Знаешь, вот ведь странно: я уже «Далекую Звезду» домом считаю. Может быть, потому, что она сделана в Академии? — Пелорат улыбнулся: — Знаешь, ведь я особым патриотом не был никогда. Мне нравилось думать, что я — гражданин Галактики, что мои родственники — везде и всюду, но вот теперь почему-то разлука с Академией наполняет мое старое сердце любовью к ней.

Тревайз стелил постель.

— Не так уж ты далеко от нее улетел, если на то пошло. Да будет тебе известно: Сейшельский Союз почти целиком окружен территорией Федерации Академии. У нас тут посольство с

большим штатом, консулов полно. Языком сейшельцы любят трепать о своей независимости и о том, как они нас не любят, но воздерживаются предпринимать что-либо, способное вызвать наше неудовольствие. Ложись-ка ты, Джен, спать. Сегодня мы с тобой добились немногого, но утро вечера мудренее, будем надеяться, что завтра нам больше повезет.

Пелорат кивнул и отправился к себе, но скоро выяснилось, что слышимость на «Далекой Звезде» отличная — можно было запросто переговариваться из каюты в каюту. Погасив свет, Пелорат долго ворочался, наконец осторожно позвал:

— Голан?

— Да.

— Ты не спишь еще?

— Пока ты со мной разговариваешь — нет, естественно.

— Кое-что нам все-таки удалось сегодня. Твой друг, Компор...

— Бывший друг, — недовольно уточнил Тревайз.

— Пусть так. Неважно. Он говорил о Земле и сказал такое, с чем я не сталкивался ни разу за все время моих изысканий. Радиоактивность!

Тревайз перевернулся на бок, лицом к стене, подпер щеку рукой.

— Послушай, Джен, даже если Земля действительно погибла, это не означает, что мы полетим домой. **Я все равно** хочу найти Гею.

Пелорат издал странный звук, как будто сдул с губ пушинку.

— Дружочек, ну конечно. И я тоже! И потом, я вовсе не думаю, что Земля погибла. Компор мог быть уверен, что рассказывает непреложную истину, но ведь миров, претендующих на звание Земли, в Галактике такое количество!

В антропологии это явление называется глобоцентризмом. Люди предпочитают считать, что их мир лучше, чем все остальные, чем любые их соседи, и культура у них выше, и все остальное, и история богаче — ну, ты понимаешь. А уж если соседи их в чем-то превзошли, то это непременно означает, что такие достижения позаимствованы у них. А если у соседей что-то плохо, значит, это плохое ими было когда-то отвергнуто или вообще к ним отношения никакого не имеет либо это вообще невесть где придумали. Если нет логической возможности доказать, что Земля либо ее эквивалент — колыбель рода человеческого —

это именно их планета, то они как минимум помещают ее в своем секторе даже в тех случаях, когда не могут точно указать координаты.

Пелорат прищелкнул языком.

— Даже если бы удалось достоверно доказать, что ни одна планета в Сирианском Секторе — никакая не Земля, ничего бы из этого не вышло. Ты просто не представляешь себе, Голан, до какой степени мистицизм способен затмить здравый смысл. Как минимум в двенадцати секторах Галактики солидные ученые без тени усмешки утверждают, будто Земля (или как бы они ее ни назвали) находится в гиперпространстве и добраться до нее нет никакой возможности, разве что случайно.

— А они не говорят, что это кому-то **случайно** удалось?

— Ну, знаешь, мифов всяких много ходит, и из патриотических соображений люди порой готовы поверить в них, зато в других мирах только посмеиваются.

— В таком случае, Джен, у меня предложение: давай и мы с тобой в такое верить не будем, и... — Тревайз громко зевнул, — отправимся поскорее в замечательное гиперпространство снов.

— Но, Голан, понимаешь ли, самое упоминание о радиоактивности меня очень заинтересовало. Мне кажется, тут есть доля правды или чего-то похожего на правду.

— Ты это о чем?

— Видишь ли, радиоактивный мир — это такой мир, где уровень радиации гораздо выше обычного. В таком мире гораздо быстрее протекает процесс мутации, и эволюция должна происходить скорее и резче. Я ведь говорил тебе, если помнишь, почти все мифы о Земле сходятся в одном: Земля отличалась исключительным богатством видов. Именно это многообразие форм жизни, ее взрывное развитие, именно это могло привести к развитию разумной жизни на Земле и последующему его распространению по Галактике. Если по какой-то причине Земля была или оказалась радиоактивной, то вот оно — прекрасное объяснение ее уникальности.

Немного помолчав, Тревайз заговорил:

— Во-первых, нет причин так уж верить Компору. Этот соврет — не дорого возьмет. Он запросто мог с три короба наговорить, только бы заставить нас отсюда убраться, чтобы мы, как два идиота, помчались в Сирианский Сектор. Но даже если допустить, что он не врал, он ведь сказал, что радиоактивность на

Земле достигла такого уровня, что сама жизнь там стала невозможна.

— Правильно! Уровень радиации не был высок там, когда жизнь только начала развиваться, а жизни гораздо легче сохраниться, чем создаться заново. Допустим, жизнь на Земле возникла и сохранилась. Следовательно, если в самом начале уровень радиации там не был невыносимым для жизни, то и со временем он мог только падать. Ничто не способно **поднять** этот уровень.

— А ядерные взрывы? — высказал предположение Тревайз.

— При чем тут ядерные взрывы?

— Я хочу сказать: предположим, что на Земле были произведены ядерные взрывы.

— Где? На поверхности? Совершенно исключено. В истории Галактики нет ни единого упоминания о цивилизации настолько безумной, чтобы применять ядерные взрывы для военных целей. Нас бы просто не было тогда на свете. Во время Тригеллианского восстания, когда обе стороны были обречены на голод и отчаяние и когда Джендиппурус Хоратт предложил применить ядерную реакцию для...

— Его повесили матросы его же собственного флота. Это я проходил в колледже в курсе истории Галактики. Я не о том. Я имел в виду какой-нибудь несчастный случай.

— Нет в истории упоминаний о таких несчастных случаях, из-за которых мог бы повыситься общий уровень радиации на планете.

Пелорат глубоко вздохнул.

— Придется все-таки, когда освободимся, слетать в Сирианский Сектор и провести там небольшую разведку.

— Ага... — сонно откликнулся Тревайз. — Как-нибудь... Непременно... А теперь...

— Все-все, я умолкаю.

Пелорат выполнил обещание, а Тревайз еще почти целый час лежал в темноте с открытыми глазами, гадая, не успел ли он уже привлечь к своей персоне больше внимания, чем следовало, и не мудрее ли будет действительно для начала махнуть в Сирианский Сектор, а потом, когда о нем немного позабудут, вернуться сюда и искать Гею?

Заснул он тревожным сном, так и не успев принять твердого решения.

51

До города они добрались ближе к полудню. В Туристическом Центре на сей раз было полным-полно народу, но нашим путешественникам удалось пробиться в справочную библиотеку, где их проинструктировали, как пользоваться местной моделью информационного компьютера.

Самым внимательным образом они изучили всю информацию о музеях и университетах, обращая особое внимание на археологию, антропологию, историю и данные о деятелях в этих областях науки.

— Ах! — тихо воскликнул Пелорат.

— Ах? — сердито переспросил Тревайз. — И по какому поводу «ах»?

— Вот эта фамилия. Квинтесетц. Кажется, она мне знакома.

— Ты что, знаешь этого человека?

— Нет, лично нет, но вроде бы читал его работы. Когда вернемся на корабль, я загляну в каталог...

— Рановато пока возвращаться, Джен. Раз эта фамилия тебе что-то говорит, с него и начнем. Если он сам не сумеет помочь, может, к кому-то еще направит.

Тревайз встал.

— Значит, отправляемся в Сейшельский Университет. А поскольку сейчас время ленча, давай и мы где-нибудь по пути перекусим.

Во второй половине дня, ближе к вечеру они наконец добрались до Университета. Пройдя по длинному лабиринту коридоров, отыскали приемную, где и сидели теперь в ожидании молодой дамы, которая могла — а может, и не могла — отвести их к Квинтесетцу.

— Интересно, — вздохнул Пелорат, — долго ли нам еще ждать? Учебный день, наверное, уже заканчивается...

Как будто услыхав его, их недавняя знакомая впорхнула в приемную. Туфельки ее слепили глаза сочетанием ярко-красного и фиолетового цветов, каблучки при ходьбе издавали высокие звонкие нотки. Высота тона зависела от скорости и легкости походки.

Пелорат поежился. Видимо, каждый мир не только по-своему пахнет, подумал он, но и какими-то собственными экзотическими средствами воздействует на чувства. Интересно, подумал он, так ли легко будет свыкнуться с чудовищной какофонией, издаваемой каблучками этой дамочки, как с местными ароматами?

— Не могли бы вы назвать ваше имя полностью, Профессор? — любезно улыбаясь, спросила женщина.

— Джен Пелорат, мисс.

— С какой вы планеты?

Тревайз предостерегающе поднял руку, напоминая Пелорату об уговоре, но Пелорат не то не заметил его жеста, не то про уговор позабыл и ответил:

— С Терминуса, мисс.

Женщина довольно улыбнулась:

— Дело в том, что, когда я сообщила Профессору Квинтесетцу о том, что его желает видеть Профессор Пелорат, он сказал, что примет вас, если вы Джен Пелорат с Терминуса, и никто другой.

Пелорат часто заморгал:

— Вы... вы хотите сказать, что он слыхал обо мне?

— Мне так показалось, — пожала плечами женщина.

Губы Пелората разъехались в удивленной улыбке, он повернулся к Тревайзу:

— Он слыхал обо мне! Честно говоря, это даже как-то удивительно. Я ведь написал не так много и не думал, чтобы кто-нибудь... Там ничего такого не было... — закончил он, недоуменно покачав головой.

— Ладно, ладно, — поторопил его Тревайз. — Хватит себя недооценивать. Пошли. — Он повернулся к женщине: — Как добираться до Профессора, мисс? На каком-нибудь транспорте?

— Нет, можно пешком. Его кабинет — в этом комплексе зданий, и я с радостью провожу вас. Вы оба с Терминуса? — спросила она и, не дожидаясь ответа, вышла из приемной.

Зашагав следом за ней, Тревайз ответил:

— Да, оба. А какая разница?

— О нет, никакой, что вы! Просто у нас в Сейшелле есть такие люди, которые недолюбливают Академию, но здесь, в Университете, мы гораздо более космополитичны. «Живи сам и давай жить другим», — я так всегда говорю. Это я к тому, что в Академии тоже не звери живут. Понимаете?

— Понимаю. И у нас, бывает, услышишь, что сейшельцы — тоже люди как-никак.

— Вот и правильно, так и быть должно. А Терминус я никогда не видала. Большой город, наверное?

— Да нет, небольшой, — небрежно отозвался Тревайз. — Поменьше Сейшелл-Сити будет.

— Вы меня обманываете, — покачала головой женщина. — Это же столица Федерации Академии, так? То есть другого Терминуса нет или есть?

— Нет, насколько мне известно, Терминус у нас только один. И мы именно оттуда — из столицы Федерации Академии.

— Ну, тогда это же должен быть громадный город! А вы такой далекий путь проделали только для того, чтобы повидать Профессора? А знаете, мы тут им очень гордимся. Он — главный корифей в Галактике.

— Правда? — спросил Тревайз. — И в какой же области?

Женщина широко раскрыла глаза и изумленно глянула на Тревайза:

— Нет, вы точно шутник. Да он знает о древней истории больше, чем... чем я о своих родственниках!

И она пошла вперед, попискивая музыкальными каблучками.

Тревайз воспользовался тем, что его уже дважды назвали шутником и погрозили пальчиком. Этого нельзя было упускать.

— Ваш Профессор, наверное, и о Земле все-все знает? — невинно поинтересовался он.

— О Земле? — удивленно переспросила она, остановившись около двери кабинета и ошарашенно уставясь на него.

— Ну, вы знаете, конечно. О том мире, откуда пошел род человеческий.

— А, так вы про это... Про самую первую планету? Понятно. Я думаю, про нее он тоже знает. Ведь эта планета как-никак в Сейшельском Секторе находится. Уж это-то всякому известно. Вот кабинет Профессора. Сейчас я позвоню...

— Погодите минуточку, — попросил Тревайз. — Что вы знаете о Земле, милая дама?

— На самом деле что-то я не слыхала, чтобы ее Землей называли, — пожала плечами женщина. — Наверное, так ее у вас в Академии называют, а у нас тут ее зовут Геей.

Тревайз бросил быстрый взгляд на Пелората.

— О? И где она находится?

— Нигде, — женщина перешла на заговорщицкий шепоток. — Она в гиперпространстве. Я когда маленькая была, мне бабушка рассказывала, что когда-то вроде бы Гея в обычном пространстве была, но потом так сильно погрязла...

— В грехах и глупости человеческой, — пробормотал Пелорат, — что, не находя себе места от стыда, покинула обычное пространство, не желая иметь ничего общего со своими обитателями, а они рассеялись по всей Галактике...

— А, так вы знаете эту историю! А моя подружка говорит, будто это суеверие и предрассудок. Вот уж я ей расскажу. Так и скажу: вот, даже профессора из Академии...

Сияющие буквы в рамке на двери гласили: «СОТЕЙН КВИНТЕСЕТЦ, АБТ».

Имя Профессора изображали трудночитаемые сейшельские буквы, а чуть пониже в привычных очертаниях Галактического Стандарта значилось: «ФАКУЛЬТЕТ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ».

Женщина коснулась пальцем гладкого металлического кружка на двери. Звука звонка не послышалось, но дымчатое стекло таблички стало молочно-белым, и мягкий, низкий голос произнес:

— Назовите себя, пожалуйста.

— Джен Пелорат с Терминуса, — ответил Пелорат и поспешно добавил: — И Голан Тревайз, оттуда же.

Дверь распахнулась.

52

Высокий пожилой мужчина поднялся из-за стола и пошел навстречу Пелорату и Тревайзу. Лицо у него было смуглое, седые волосы покрывали голову жесткими завитками, отливавшими стальным блеском. Протянув руку для приветствия, он проговорил мягким баритоном:

— Меня зовут С.К. Рад познакомиться с вами, профессора.

Тревайз уточнил:

— У меня нет ученого звания. Я просто сопровождаю Профессора Пелората. Зовите меня просто Тревайзом. Рад познакомиться с вами, Профессор АБТ.

Квинтесетц смутился.

— Нет-нет, — сказал он, — АБТ — это просто глупейший титул, за пределами Сейшелла значения не имеющий. Не обращайте на это внимания и зовите меня просто С.К. Здесь, в Сей-

шелле, мы привыкли пользоваться инициалами. Я так рад, что вас двое, хотя ожидал только одного.

Мгновение помедлив, Квинтесетц еще раз протянул гостям правую руку, предварительно вытерев ее о брюки.

Тревайз пожал руку Профессора, искренне удивленный сейшельской манерой здороваться.

— Прошу садиться, — сказал Квинтесетц. — Кресла у меня обычные, неживые — я, понимаете, страшно не люблю, когда меня сзади хватают. Сейчас эти кресла-хваталки у нас в большой моде, но я не могу к такому привыкнуть. Не слишком приятно, правда?

— Конечно, — улыбнулся Тревайз. — Простите меня, С.К., но ваше имя, видимо, не сейшельского происхождения? Похоже, оно из пограничных миров. Извините, если я вас обидел.

— Нисколько. Мое семейство родом из Аскона. Давным-давно мои прапрапредки покинули Аскон, пять поколений назад — это произошло, когда там стало слишком сильным владычество Академии.

— А мы как раз из Академии, — смущенно проговорил Пелорат. — Наши извинения.

Квинтесетц дружелюбно помахал рукой:

— Не стоит извинений. Я не пронес чувства обиды через пять поколений, уверяю вас. Не всем это удалось, ну что ж — можно только сожалеть. Желаете перекусить? Выпить чего-нибудь? Можно включить музыку, будет приятнее беседовать.

— Если не возражаете, — сказал Пелорат, — хотелось бы сразу перейти к делу — конечно, если сейшельские традиции позволяют.

— Сейшельские традиции? Для меня это не непреодолимый барьер. Вы не представляете, Профессор Пелорат, как я рад вас видеть. Всего две недели назад я прочитал вашу статью о мифах о происхождении человечества в «Ревю Археологии». Она поразила меня глубиной синтеза материала и... краткостью.

Пелорат покраснел от удовольствия.

— Счастлив, что вам удалось прочесть мою работу. Увы, мне пришлось сильно сократить ее, иначе «Ревю» не сумело бы ее опубликовать. Я собирался подготовить обзор.

— О, это было бы превосходно! В общем, как только я прочитал вашу работу, мне очень захотелось познакомиться с вами. У меня даже мелькнула мысль отправиться на Терминус для этого, но такую поездку не так просто организовать.

— Да? Почему же? — поинтересовался Тревайз.

Квинтесетц неловко улыбнулся:

— Понимаете, как это ни прискорбно, но Сейшелл не стремится войти в Федерацию Академии, и не слишком приветствуют тут любые связи с Академией, даже научные. У нас традиция нейтралитета, вы знаете. Даже Мул нас не тронул, ему удалось лишь получить от Сейшелла особые гарантии нейтралитета. Ну вот. Так что любое обращение за разрешением посетить территорию Академии, а в особенности — Терминус, не слишком приветствуется, встречается с подозрением. Хотя, конечно, ученый моего ранга, наверное, в конце концов сумел бы получить и паспорт, и визу, но... видите, как все замечательно получилось — вы сами ко мне прибыли. Трудно поверить! Я спрашиваю себя: «Почему?» Слыхали ли вы обо мне, как я слыхал о вас?

Пелорат ответил:

— Мне известно о вашей работе, С.К., в моем каталоге есть кое-какие ваши труды. Именно поэтому я обратился к вам. Я изучаю вопрос о Земле — предполагаемой прародине человечества, а также ранний период освоения и завоевания Галактики. Сюда я прибыл, в частности, для того, чтобы навести справки по истории основания Сейшелла.

— Судя по содержанию вашей работы, — сказал Квинтесетц, — я понял, что вас интересуют мифы и легенды.

— Безусловно, но реальная история меня интересует еще больше, истинные факты, если таковые существуют.

Квинтесетц встал и заходил по кабинету, заложив руки за спину. Остановился, взглянул на Пелората и снова принялся расхаживать туда-сюда.

Тревайз нетерпеливо поторопил его:

— Ну, сэр?

— Странно! — нахмурился Квинтесетц. — Очень странно. Только вчера...

— Что случилось вчера? — спросил Пелорат.

— Я говорил вам, Профессор Пелорат... кстати, можно, я буду называть вас Дж.П.? Несколько непривычно употреблять полное имя.

— Ради бога.

— Я говорил вам, Дж.П., что пришел в восхищение от вашей работы, что захотел с вами познакомиться. Увидеться с вами лично мне хотелось именно потому, что вы явно располагаете обширным материалом по мифам и легендам о происхожде-

нии человечества, а вот предания о нашем мире, как мне показалось, у вас отсутствуют. Другими словами: мне хотелось встретиться с вами, чтобы рассказать вам как раз о том, о чем вы меня спрашиваете.

— Но при чем тут вчера, С.К.? — спросил Тревайз.

— У нас есть легенды. Вернее, одна легенда. Самая важная для нашей истории, для нашей цивилизации, потому что она стала нашей Великой Тайной.

— Тайной? — переспросил Тревайз.

— Я не имею в виду загадку или что-то в таком духе. Таково значение слова «тайна» в Галактическом Стандарте. У нас же это слово означает «нечто секретное», что-то такое, что известно только отдельным адептам, чего нельзя раскрывать чужим. А вчера был тот самый день.

— *Что за день? — подчеркнуто равнодушно спросил Тревайз.*

— День Перелета.

— А-а-а, — понимающе кивнул Тревайз. — Медитация, все сидят по домам и всякое такое.

— Теоретически — да, что-то вроде этого, правда, в больших городах древние традиции несколько угасли, но... я вижу, вы знаете об этом?

Пелорат, не очень довольный поспешностью Тревайза, захотел вернуть разговор в более спокойное русло:

— Да-да, мы немного слышали об этом, поскольку прибыли именно вчера.

— Угу, в этот самый день, — саркастически уточнил Тревайз. — Послушайте, С.К., как я уже говорил, я не ученый, но у меня есть вопрос: вы сказали, что у вас есть некая Великая Тайна, которую нельзя поверять иноземцам, посторонним. Почему же вы говорите об этом с нами? Мы ведь и есть посторонние.

— Да, это так, но, к счастью, я неофициальное лицо и к тому же почти лишен предрассудков. И потом... работа Дж.П. подхлестнула чувства, которые меня долго мучили. Ведь мифы и легенды не возникают из вакуума. В любой сказке всегда есть доля истины, как бы извращена она ни была, и мне хотелось бы раскрыть ту истину, что стоит за нашей легендой о Дне Перелета.

— А безопасно ли говорить об этом? — спросил Тревайз.

Квинтесетц пожал плечами:

— Не совсем, наверное. Консерваторы, которых у нас хватает, ужаснулись бы. Однако уже целое столетие они не контро-

лируют действий нашего правительства. Светская власть сильна и останется сильной, если консерваторы не воспользуются нашим — надеюсь, вы сумеете простить меня — издревле отрицательным отношением к Академии. И потом, если я буду обсуждать вопрос, представляющий для меня чисто научный интерес, Лига Ученых в случае необходимости окажет мне поддержку.

— Если так, — попросил Пелорат, — может быть, вы расскажете нам о вашей Великой Тайне?

— Да, но для начала позвольте удостовериться в том, что нас не прервут и, если уж на то пошло, не подслушают. Даже если смело смотреть в глаза быку, не стоит хвататься за кольцо, что у него в носу, — так гласит пословица.

Квинтесетц нажал рычажок на каком-то устройстве, что стояло на его письменном столе. Загорелась лампочка.

— Теперь мы ни для кого не досягаемы, — сообщил он.

— А вы уверены, что тут у вас нет «жучков»? — спросил Тревайз.

— Жучков?!

— Да. Не могут ли где-либо быть спрятаны устройства для прослушивания и подглядывания?

— Такого нет в Сейшелле! — возмущенно ответил Квинтесетц.

— Ну, если вы так уверены... — пожал плечами Тревайз.

— Прошу вас, С.К., — попросил Пелорат, — продолжайте.

Квинтесетц поджал губы, откинулся на спинку слегка осевшего под тяжестью его тела кресла, соединил кончики пальцев. Казалось, он обдумывает, с чего начать.

— Знаете ли вы, что такое робот?

— Робот?! — удивленно переспросил Пелорат. — Нет.

Квинтесетц вопросительно посмотрел на Тревайза. Тот недоуменно покачал головой.

— А что такое компьютер, знаете, надеюсь?

— Естественно... — кивнул Тревайз.

— В таком случае подвижный компьютеризированный инструмент...

— ...это подвижный компьютеризированный инструмент, — раздраженно закончил Тревайз. — Есть масса таких приспособлений, и я не знаю более общего определения для них, чем «подвижный компьютеризированный инструмент».

— ...*который очень похож на человека, называется роботом*, — хладнокровно завершил начатую фразу Квинтесетц. —

Главное отличие робота от других инструментов состоит в том, что внешне он похож на человека.

— Но почему? — с искренним удивлением спросил Пелорат.

— Не знаю наверняка. По моему мнению, это не самая эффективная форма для инструмента, но я всего-навсего пересказываю то, что говорится в легенде. «Робот» — слово из древнего языка, и наши ученые полагают, что произошло оно от слова, которое в этом языке отражало понятие «работа»[1].

— Что-то я такого слова не припомню, чтобы оно означало «работа» и было похоже на слово «робот», — пожал плечами Тревайз.

— Да, среди нынешних галактических языков такого нет, — подтвердил Квинтесетц, — но именно так говорится.

— Не исключена обратная этимология, — предположил Пелорат. — Если эти объекты применялись для работы, их и назвали роботами. Но почему вы нам рассказываете об этом?

— Потому, что древняя традиция Сейшелла гласит: когда Земля была единственным миром в Галактике, там были изобретены и сделаны роботы. Тогда стало два вида людей — настоящие и сделанные, люди из плоти и люди из металла, биологические и механические, простые и сложные... — Квинтесетц прервал рассказ, тихо рассмеялся. — Простите, но совершенно невозможно говорить о роботах, не сбиваясь на цитаты из «Книги Перелета». Итак, люди на Земле изобрели роботов, и больше ничего говорить не стоит. Это как раз довольно просто.

— Но зачем они изобрели роботов? — спросил Тревайз.

Квинтесетц пожал плечами:

— Кто может сказать, когда столько времени прошло? Может быть, людей тогда было мало, и они нуждались в помощи — в особенности при осуществлении великой задачи освоения и заселения Галактики.

— Разумное предположение, — кивнул Тревайз. — А когда Галактика была колонизирована, роботы стали не нужны. На сегодня в Галактике гуманоидных компьютеризированных инструментов не существует.

[1] Смысл дальнейшего разговора состоит в том, что слово «робот» изобретено чешским писателем К.Чапеком и имеет, следовательно, славянский корень. Это непонятно героям, оперирующим английским словом «work». — *Примеч. пер.*

— Я постараюсь изложить вам эту историю, — сказал Квинтесетц, — предельно упростив ее, опуская все поэтические приукрашивания, правда, наш народ именно эти приукрашивания и любит, но я их не принимаю. Итак, вокруг Земли образовались миры-колонии, обращавшиеся вокруг ближайших звезд, и роботов в этих новозаселенных мирах стало гораздо больше, чем на самой Земле. Это естественно — в девственных мирах для них было больше работы. А Земля впоследствии совсем отказалась от роботов и перестала их производить. А потом восстала против них.

— Что произошло? — встревоженно спросил Пелорат.

— Внешние Миры набрали силу, стали могущественнее Земли. С помощью своих роботов дети Земли предали Землю-Мать и взяли власть над ней. Простите, но все-таки трудно удержаться от цитирования. Но кое-кто покинул Землю — те, у кого были хорошие корабли, приспособленные к полетам через гиперпространство. Эти люди улетели к очень далеким звездам, подальше от уже заселенных миров. Образовались новые колонии — без роботов, где люди могли жить свободно. Это и были Времена Перелета, а тот самый день, когда первые люди ступили на Сейшелл, то есть на эту самую планету, называется Днем Перелета и ежегодно празднуется уже многие тысячи лет.

— Следовательно, дорогой друг, вы утверждаете, что Сейшелл был заселен непосредственно выходцами с Земли? — проговорил Пелорат.

Квинтесетц на мгновение растерялся, задумался и, наконец, сказал:

— Это — официальное убеждение.

— Которое вы, — сказал Тревайз, — судя по всему, не разделяете.

— Мне кажется, — неуверенно начал Квинтесетц и вдруг взорвался: — Нет, не разделяю! Нет и нет! Это совершенно невероятно, однако это — официальная догма, и какие бы великие секуляристы ни сидели в нашем правительстве, их такая болтовня как нельзя больше устраивает. Дж.П., в вашей работе я не нашел указаний на то, что вам известна эта история — о роботах и двух волнах колонизации: первой — с роботами и второй — без них.

— Нет, я об этом совершенно ничего не знал, — подтвердил Пелорат, — и несказанно благодарен вам, дорогой мой С.К., за то, что вы познакомили меня с этой легендой. И я просто пора-

жен, что даже намека на что-либо подобное мне не встретилось ни в одной из работ за все время...

— Лишнее доказательство того, — сухо сказал Квинтесетц, — как успешно трудится наша социальная система. Великая Тайна Сейшелла сберегается.

— Вероятно, — холодно согласился Тревайз. — Но вторая волна колонизации должна была докатиться не только до Сейшелла. Почему же только здесь хранят Великую Тайну?

— Ее могут хранить где угодно и держать в таком же секрете. Наши доморощенные консерваторы считают, что непосредственно с Земли был заселен только Сейшелл, а остальная Галактика — выходцами отсюда. Это, конечно, полная чепуха.

Пелорат сказал:

— Остальные загадки можно будет разрешить в свое время. Теперь, располагая отправной информацией, я смогу искать подобные сведения в других мирах. Главное: я знаю теперь, какие вопросы следует задавать, а задать верный вопрос — вот ключ к тому, чтобы получить верный ответ. Как же удачно, что я...

Тревайз прервал его:

— Все правильно, Джен, но добрейший С.К. рассказал нам историю не до конца. А что случилось со старыми колониями, с теми роботами, что остались там? Ваша легенда упоминает об этом?

— Весьма поверхностно, без подробностей. Очевидно, люди и гуманоиды не смогли жить вместе. Миры, населенные роботами, погибли. Они были нежизнеспособны.

— А Земля?

— Люди покинули ее и обосновались здесь, а вероятно (тут со мной не согласятся консерваторы), и на других планетах.

— Наверняка не все люди покинули Землю. Планета не вымерла.

— Все может быть. Я не знаю.

— Не была ли она покинута из-за радиоактивности? — неожиданно резко спросил Тревайз.

— Из-за радиоактивности? — недоуменно переспросил Квинтесетц.

— Да-да, из-за радиоактивности.

— Не знаю. По крайней мере, я никогда ни о чем подобном не слышал.

Тревайз впился зубами в костяшки пальцев и задумался. Помолчав, он сказал:

— С.К., уже поздно, и, видимо, мы злоупотребили вашим гостеприимством.

Тут Пелорат сделал протестующий жест, но Тревайз с такой силой сдавил рукой его колено, что Пелорат вынужден был повиноваться.

— Рад, если был вам полезен, — сказал Квинтесетц.

— Безусловно, вы оказали нам большую услугу и, если мы могли бы чем-то отблагодарить вас, скажите.

Квинтесетц тихо рассмеялся:

— Ну разве что добрейший Дж.П. упомянет мое скромное имя, когда задумает писать что-либо о нашей Великой Тайне, — вот это будет честная и вполне достаточная расплата.

Пелорат с готовностью проговорил:

— О, вы могли бы получить заслуженную награду и высокую оценку коллег, если бы вам удалось добиться разрешения посетить Терминус. Думаю, вы могли бы какое-то время пробыть в нашем Университете как ученый-гость. Это мы могли бы устроить, пожалуй. Сейшелл не любит Федерацию, но вряд ли ваши власти откажутся удовлетворить прямой запрос на ваше имя с приглашением на симпозиум по какому-то вопросу древней истории.

Сейшельский ученый чуть было не подпрыгнул от удивления.

— Вы хотите сказать, что в ваших силах **такое** осуществить?

Тревайз ответил:

— Лично я об этом не думал, но считаю, что Дж.П. совершенно прав. Попытаемся это устроить. Полагаю, особых трудностей быть не должно. И стараться сделать это мы будем тем сильнее, чем более благодарны вам останемся.

Немного помолчав, Квинтесетц настороженно спросил:

— О чем вы, сэр?

— Прошу вас, расскажите мне о Гее, С.К., — сказал Тревайз.

Горевшие светом радости глаза Квинтесетца тут же угасли.

53

Квинтесетц молча уставился на крышку стола. Рука его медленно, рассеянно скользила по жестким завиткам стрижки. Наконец, крепко сжав губы, он посмотрел на Тревайза. Похоже, отвечать не собирался.

Тревайз вопросительно приподнял брови. Он ждал. Наконец Квинтесетц не выдержал и дрожащим от волнения голосом проговорил:

— Уже правда поздновато. Смеркивается...

— Смеркивается? Я вас не понял, С.К.

— Уже почти ночь.

Тревайз кивнул:

— Да, я забылся. Я тоже голоден. Может быть, не откажетесь поужинать с нами, С.К.? Мы угощаем. А потом продолжим нашу беседу о Гее.

Квинтесетц тяжело поднялся с кресла. Ростом он был выше обоих гостей с Терминуса, но годы и обрюзглость не придавали его фигуре впечатления силы. Теперь он выглядел более устало, чем тогда, когда они вошли в его кабинет.

Посмотрев по очереди на Пелората и Тревайза, Квинтесетц сказал:

— Я забыл о гостеприимстве, простите меня. Вы чужестранцы, и не годится, чтобы вы угощали меня. Добро пожаловать ко мне домой. Я живу в кампусе, совсем недалеко отсюда, и, если вам угодно еще побеседовать, у меня дома будет гораздо удобнее и непринужденнее, чем здесь. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что сумею предложить вам самое скромное угощение. Мы с женой — вегетарианцы, и если вы едите мясо, то прошу заранее извинить меня.

Тревайз успокоил его:

— Не переживайте, С.К., мы с Дж.П. с легкостью разок откажемся от наших плотоядных наклонностей. Надеюсь, беседа с вами станет отличной заменой мясных блюд.

— Еда, во всяком случае, будет интересная, это я вам обещаю... если только вы выдержите вкус сейшельских специй. Мы с женой их много добавляем.

— Мы с радостью отведаем любой экзотики, — довольно весело заявил Тревайз, хотя по выражению лица Пелората было видно, что такая перспектива его немного пугает.

Квинтесетц возглавил процессию. Все трое вышли из кабинета и пошли по бесконечно длинному коридору. По пути Квинтесетц не раз по-сейшельски здоровался с коллегами, но попыток представить им новых знакомых не делал. От Тревайза не укрылись удивленные, любопытные взгляды, которые сотрудники Университета бросали на его сумку — она была серая.

Видимо, приглушенные цвета в кампусе были страшной редкостью.

Наконец они добрались до парадного входа и вышли на воздух. На улице было совсем темно и прохладно. Поодаль виднелись деревья, высокая трава обрамляла обе стороны широкой аллеи.

Пелорат остановился. Фигура его была озарена огнями окон здания Университета и фонарей, освещавших аллеи кампуса. Он устремил взгляд в ночные небеса.

— Прекрасно... — восхищенно вымолвил он. — У одного нашего замечательного поэта есть стихотворение, где говорится об испещренной крапинками звезд ткани ночного неба Сейшелла...

Тревайз, прищурившись, посмотрел на небо.

— Мы с Терминуса, — объяснил он Квинтесетцу. — Мой друг до сих пор не видел других небес. С Терминуса мы видим лишь туман Галактики вдали да редкие, тусклые звезды. Если бы вы, Профессор, когда-нибудь посмотрели на наши скучные небеса, вы бы еще больше восхищались картиной вашей ночи.

— О, мы очень восхищаемся нашими небесами, — отозвался Квинтесетц, — уверяю вас! Дело в том, что распределение звезд у нас удивительно равномерное. Вряд ли, я думаю, отыщется еще в Галактике место, где бы столь однородно были размещены звезды первой величины... Но все-таки их не так много. Мне довелось видеть небеса миров, располагающихся на краю шаровидных скоплений, и там настолько много ярких звезд, что почти не видно черноты неба. Это не так красиво.

— Совершенно с вами согласен, — кивнул Тревайз.

— Вот интересно, — сказал Квинтесетц, — видите ли вы вон там почти правильный пятиугольник из звезд практически одинаковой яркости? Вон там, прямо над деревьями. Пять Сестер — так мы называем это созвездие. Видите?

— Вижу, — ответил Тревайз. — Очень красиво.

— Да, красиво. Принято считать, что это созвездие символизирует успех в любви, и нет ни одного любовного послания, в конце которого не стоял бы вот такой пятиугольник из точек. Обозначает этот знак желание любить и быть любимым. Каждая из пяти звезд обозначает разную стадию развития любовного процесса. У нас есть знаменитые стихотворения, где на разные лады смакуется эта тема — поэты соревнуются между собой в

попытках наиболее эротично описать это. Когда я был помоложе, я тоже грешил стишками такого рода. Помышлял ли я тогда, что пройдут годы, и я стану совершенно безразличен к Пяти Сестрам! Ну да это, наверное, дело обычное. А видите внутри пятиугольника более тусклую звездочку?

— Да.

— Она символизирует безответную любовь. Есть легенда, в которой говорится, что некогда эта звезда была такой же яркой, как остальные, но потом потускнела от тоски.

И Квинтесетц быстро пошел вперед.

54

Обед был просто восхитительный — зря Квинтесетц скромничал. Блюд — бессчетное количество, гарниры и приправы — с тонким, но весьма выразительным вкусом.

Тревайз поинтересовался:

— Скажите, С.К., все ли овощи, которые были так очаровательны на вкус, входят в Галактический перечень?

— Да, конечно.

— А мне показалось, что среди них есть ваши местные растения.

— Безусловно. Планета Сейшелл, когда сюда прибыли первые поселенцы, оказалась миром с атмосферой, содержащей кислород, — значит, жизнь здесь должна была существовать. И нам удалось сохранить кое-какие эндемичные виды. У нас есть обширные природные парки, в которых бережно сохраняется как флора, так и фауна древнего Сейшелла.

— В этом вы впереди нас, С.К., — печально заметил Пелорат. — На Терминусе, когда туда прибыли первые поселенцы, оказалось крайне мало эндемичной жизни. Боюсь, долгое время не предпринималось особых попыток эту жизнь сберечь, сохранить, например, морскую флору и фауну, которые вырабатывали кислород, сделавший Терминус обитаемым. Теперь на Терминусе — самая стандартная природа.

— В Сейшелле искони берегут всякую жизнь, — с улыбкой скромной гордости сказал Квинтесетц.

Тревайз воспользовался моментом и пошел в атаку:

— Когда мы покидали ваш кабинет, С.К., вы обещали угостить нас, а затем рассказать нам о Гее.

Жена Квинтесетца — миловидная гостеприимная брюнетка, за ужином в основном помалкивавшая, — устремила на Тревайза пораженный взгляд, встала и, не говоря ни слова, вышла из комнаты.

— Моя супруга, — смущенно проговорил Квинтесетц, — придерживается довольно консервативных взглядов и не очень любит, когда при ней упоминают об этом мире. Прошу простить ее. Но почему вас... этот мир интересует?

— Видите ли, это очень важно для работы Дж.П.

— Но почему вы спрашиваете об этом **меня**? Мы с вами говорили о Земле, о роботах, об основании Сейшелла. Что тут общего с тем, о чем вы спрашиваете?

— Может быть, и ничего, и тем не менее в этом вопросе много загадок. Почему ваша супруга так занервничала при одном упоминании о Гее? Почему вы испытываете такую неловкость? Некоторые говорят о ней совершенно запросто. Не далее как сегодня нам сказали, что Гея на самом деле Земля и что она удалилась в гиперпространство из-за обиды на то зло, что совершили люди.

Гримаса боли исказила лицо Квинтесетца.

— Кто сказал вам такую несусветную чушь?

— Кто-то из тех, кого мы встретили в Университете.

— Вульгарное суеверие.

— Стало быть, это не имеет отношения к Великой Тайне Сейшелла?

— Нет, конечно! Это просто-напросто сказка, которая ходит среди простых, необразованных людей.

— Вы уверены? — холодно спросил Тревайз.

Квинтесетц прислонился к спинке стула и уставился на тарелку с остатками еды.

— Давайте пройдем в гостиную, — предложил он. — Моя жена не позволит, чтобы тут убирали, пока мы говорим об... этом.

— Вы уверены, что это всего-навсего сказка? — повторил Тревайз свой вопрос, когда они расселись в другой комнате перед выпуклым окном, из которого открывался восхитительный вид на ночное сейшельское небо. Квинтесетц включил ночник, дабы не мешать свету звезд, и его темная грузная фигура превратилась в большую бесформенную тень.

— А вы не уверены? — тихо проговорил Квинтесетц. — Вы полагаете, что это возможно, чтобы какой-то мир исчез в ги-

перпространстве? Вы должны понимать, что средний человек имеет весьма отдаленное понятие о том, что такое гиперпространство.

— Дело в том, — сказал Тревайз, — что я и сам имею весьма отдаленное представление о том, что такое гиперпространство, хотя бывал там сотни раз.

— Тогда поговорим о вещах реальных. Уверяю вас, что Земля, где бы, в каком бы пространстве она ни находилась, не находится в границах Сейшельского Союза; и тот мир, что вы упомянули, не Земля.

— Но даже если вы не знаете, где находится Земля, С.К., вы должны знать, где находится упомянутый мною мир. Он-то уж точно находится в границах Сейшельского Союза. Это мы знаем наверняка — так, Пелорат?

Пелорат, казалось внимательно слушавший разговор, вздрогнул, когда к нему обратился Тревайз.

— Если на то пошло, Голан, — сказал он, — я знаю, где он.

Тревайз обернулся и пристально посмотрел на него:

— И с каких пор, Джен?

— Недавно. Сегодня вечером понял. Вы показали нам Пять Сестер, С.К., на пути от Университета к вашему дому и указали на тусклую звездочку в центре пятиугольника. Я убежден — это и есть Гея.

Даже в темноте было понятно, что Квинтесетц жутко растерялся. Он довольно долго молчал и наконец проговорил:

— Ну так, по крайней мере, утверждают наши астрономы. То есть это планета, которая обращается вокруг этой звезды.

Тревайз с укором взглянул на Пелората, но выражения лица товарища в темноте не разглядел. Тревайз повернулся к Квинтесетцу.

— Вот и расскажите нам об этой звезде. У вас есть ее координаты?

— У меня? Нет. — И, видимо, решив, что нужно более четко высказать свое неведение, он добавил: — Здесь, дома, у меня нет справочника по координатам звезд. Можете попробовать запросить такие данные на астрономическом факультете, но мне кажется, это будет трудновато. На эту звезду запрещено путешествовать.

— Почему? Она на вашей территории, не так ли?

— Космографически — да. Политически — нет.

Тревайз ждал, не скажет ли хозяин еще что-нибудь. Не дождавшись ни слова, он встал.

— Профессор Квинтесетц, — проговорил он холодно и формально, — я не полицейский, не солдат, не дипломат и не разбойник. Я не собираюсь силой вытягивать у вас информацию. Придется, хотя я этого вовсе не хочу, обратиться к послу. Надеюсь, вы понимаете, что сведения нужны не мне лично ради собственного праздного интереса. Это — дело Академии, и мне очень не хотелось бы устраивать из него межзвездный скандал. Думаю, этого не хотелось бы и Сейшельскому Союзу.

— Что за дело Академии? — неуверенно спросил Квинтесетц.

— С вами я это обсуждать не могу. Если Гея — нечто такое, о чем мы с вами говорить не можем, придется перенести решение на правительственный уровень, и обстоятельства могут сложиться так, что лучше Сейшеллу от этого не будет. Сейшелл сохраняет независимость от Федерации, и лично у меня нет против этого возражений. Я не желаю Сейшеллу зла, и к послу меня не слишком тянет. Если честно, моя карьера здорово пострадает, если я к нему обращусь, поскольку у меня имеются четкие инструкции: добыть эти сведения, избегая забираться на правительственный уровень. Будьте же так добры, скажите мне: существует ли веская причина, из-за которой вы не желаете говорить о Гее? Вас что, арестуют или еще как-то накажут, если вы что-то скажете? Ну скажите мне, в конце концов: «Да, вам следует обратиться к послу».

— Нет-нет, — растерянно помотал головой Квинтесетц. — Правительство тут ни при чем, и я в этом ничего не смыслю. Просто мы не говорим об этом мире.

— Суеверие?

— Пусть так! Суеверие! О небеса Сейшелла, чем я лучше того тупицы, что сказал вам, будто Гея — в гиперпространстве, чем я лучше своей жены, которая не желает даже оставаться в комнате, где говорят о Гее: она ведь, может быть, даже из дома ушла от страха, что он будет разрушен...

— Чем? Молнией?

— Неважно чем. **Чем-то**! И я, даже я страшусь произносить это название. Гея! Гея! Слоги, звуки — ведь они же не бьют, не убивают. Никто ничего мне не делает плохого. И все-таки мне страшно... Но прошу вас, поверьте мне, не сомневайтесь, я правду говорю — у меня нет ее координат. Я могу попытаться

помочь вам раздобыть их, но позвольте еще раз напомнить вам: мы здесь избегаем говорить об этом мире. Стараемся держать и руки и умы подальше от него. Я могу сказать вам лишь то малое, что известно наверняка, и сомневаюсь, что во всех мирах Союза вы узнаете больше.

Мы знаем, что Гея — древний мир. Некоторые считают даже, что Гея — самый древний мир в этом секторе Галактики, но в этом мы не уверены. Патриотизм заставляет нас твердить, что Сейшелл старее Геи, а страх шепчет: нет, Гея старше...

Большинство историков полагают — про себя, конечно, — что Гея была заселена независимо. Они думают, что она не была колонией, не входила в Союз и что Союз с Геей также не был колонизирован. Согласия по вопросу об истинном времени заселения Геи не достигнуто — никто не уверен в том, раньше или позже Сейшелла на ней появились люди.

Тревайз пожал плечами:

— Информации — ноль. Всякий может избрать для себя ту или иную альтернативу.

Квинтесетц кивнул:

— Пожалуй. Мы сравнительно поздно узнали о существовании Геи. Вначале мы были заняты формированием Союза, потом — борьбой с Галактической Империей, потом — попытками избрать верную тактику поведения в качестве имперской провинции и ограничить власть вице-королей.

Только во времена ослабления власти Империи один из последних наших вице-королей обнаружил, что существует Гея и, по всей видимости, сохраняет независимость от Сейшельского Союза и от самой Империи. Каким-то образом Гея оставалась в тайне, в изоляции, и о ней тогда не было известно почти ничего — на самом деле не больше, чем сейчас. Вице-король решил попробовать захватить ее. Подробности происшедшего нам неизвестны, но его экспедиция была разбита, и лишь немногие уцелевшие корабли вернулись обратно. Правду сказать, в те дни корабли были не такие уж хорошие, да и пилотирование оставляло желать лучшего...

А на Сейшелле были рады тому, что вице-король потерпел поражение — его не без основания считали диктатором, угнетателем. Его провал напрямую привел к восстановлению нашей независимости: Сейшельский Союз порвал всякие связи с Империей, и годовщина этого события ежегодно отмечается как День Союза. Из одной лишь благодарности мы оставили Гею в

покое почти на столетие, но потом наступили времена, когда нам показалось, что мы уже достаточно сильны для того, чтобы приступить к небольшой собственной экспансии. Почему бы не попробовать одолеть Гею? Почему хотя бы не заключить с ней таможенное соглашение? Мы послали туда флот, и он был разбит.

Потом были редкие попытки наладить торговлю с Геей — и все до одной оказались безуспешными. Гея сохраняла строгую изоляцию, и никогда — насколько известно — не пыталась установить связь с каким-либо миром. Но и враждебности с ее стороны никакой не проявлялось. А потом... — Коснувшись кнопки в подлокотнике кресла, Квинтесетц зажег верхний свет. Сразу стало видно, что лицо его приобрело насмешливое выражение. Он продолжал: — Поскольку вы граждане Академии, вам должно быть знакомо имя Мула.

Тревайз вспыхнул. За пять веков своего существования всего лишь раз Академия была побеждена, захвачена. Оккупация долго не продлилась и не стала серьезной преградой на пути создания Второй Империи, но, конечно же, всякому, кто желал уязвить самолюбие Академии, стоило только упомянуть имя Мула, ее завоевателя, и цель была достигнута. «Очень может быть, — подумал Тревайз, — что Квинтесетц и свет включил именно для того, чтобы **воочию** убедиться, что самолюбие граждан Академии задето».

— Да, — ответил он как мог сдержанно, — мы в Академии помним Мула.

— Мул, — продолжил Квинтесетц, — некоторое время правил Империей, и Империя его была так же обширна, как та, которой нынче правит Академия. А вот нами, как бы то ни было, он не правил. Нас он не тронул. Однажды проездом он побывал в Сейшелле. Были подписаны декларация о нейтралитете и мирный договор. Больше он ничего не потребовал. Мы оказались единственными, кому он не поставил больше никаких условий во времена, пока болезнь не сломила его окончательно и не поставила точку на его завоевательской карьере. Вы знаете, кровожадным диктатором его назвать было нельзя. Он правил гуманно.

— Как всякий победитель, — саркастически проговорил Тревайз.

— Как и Академия, — уточнил Квинтесетц.

Не найдя, что ответить на этот выпад, Тревайз раздраженно спросил:

— А о Гее вам больше нечего рассказать?

— Могу лишь упомянуть об устном заявлении Мула при подписании соглашения о нейтралитете. Судя по официальному отчету о встрече Мула с тогдашним Президентом Союза Калло, Мул с радостью поставил свою подпись под документом и сказал: «Теперь вы нейтральны даже по отношению к Гее, что счастье для вас. Даже я не осмелился бы к ней приблизиться».

Тревайз недоверчиво покачал головой:

— А зачем ему это было нужно? Сейшелл стремился к нейтралитету, а Гея враждебных намерений не проявляла. Мул в ту пору вынашивал планы завоевания всей Галактики, и какой смысл ему было здесь задерживаться из-за такой мелочи? У него было достаточно времени, чтобы покончить со всеми остальными мирами, а потом вернуться к Сейшеллу и Гее.

— Может быть, может быть, — согласился Квинтесетц, — но, если верить словам одного из свидетелей, присутствовавших при подписании соглашения, человека, которому мы склонны доверять, Мул отложил ручку и сказал: «Даже я не осмелюсь приблизиться к Гее» — и шепотом добавил, видимо не желая, чтобы кто-то услышал: «Снова».

— Чтобы никто не услышал, вы говорите? Но как же вышло, что последнее слово было услышано?

— Потому что ручка, которую он отложил, покатилась по столу, и сейшелец, о котором я говорю, совершенно автоматически наклонился и подхватил ее, чтобы она не упала. И ухо его оказалось очень близко от губ Мула, когда тот прошептал: «Снова». Он услышал это слово. И молчал до самой смерти Мула.

— Как можно утверждать, что это не выдумка?

— Жизнь этого человека не такова, чтобы его можно было счесть выдумщиком. Его свидетельство — истина.

— Ну, допустим. И что?

— Видите ли, кроме этого единственного случая, Мул никогда не бывал ни в Сейшельском Союзе, ни в его окрестностях с тех самых пор, как появился на сцене галактической истории. Если он когда-либо побывал на Гее, это могло произойти только раньше.

— Ну и?..

— Где родился Мул?

— Этого, я думаю, не знает никто, — пожал плечами Тревайз.

— В Сейшельском Союзе есть сильное подозрение, что он родился на Гее.

— Из-за одного этого слова?

— Не только. Мул был непобедим из-за того, что обладал уникальной ментальной силой. Гея тоже непобедима.

— **Пока** непобедима. Это вовсе не означает, что она непобедима в принципе.

— Но Мул таки не осмелился к ней приближаться. Полюбопытствуйте, перечитайте записи об истории его правления. Посмотрите, отыщется ли хоть один мир, с которым бы он обошелся так милосердно, как с Сейшельским Союзом? Знаете ли вы о том, что даже те, кто отправлялся на Гею с мирными предложениями о торговле, никогда не вернулись оттуда? Вам этого мало? Вы по-прежнему считаете, что нам слишком мало о Гее известно?

Тревайз сказал:

— Много ли, мало ли, все равно ваше отношение сильно попахивает суеверием.

— Называйте как хотите. Словом, со времен Мула мы перестали думать о Гее. И не хотим, чтобы она о нас думала. Только тогда мы чувствуем себя в безопасности, когда притворяемся, будто ее не существует. Не исключено, что легенда об исчезновении Геи в гиперпространстве намеренно сочинена правительством в надежде, что народ попросту позабудет, что существует звезда с таким названием.

— Значит, вы полагаете, что Гея — мир Мулов?

— Может быть. И советую ради вашей же безопасности — не суйтесь туда. Попробуете — никогда не вернетесь. Если Академия сунется на Гею, значит, она глупее Мула. Можете это сообщить вашему послу.

— Добудьте мне координаты Геи, — сказал Тревайз, — и я тут же исчезну из вашего мира. Доберусь до Геи и вернусь.

— Я добуду вам координаты, — сказал Квинтесетц. — Астрономический факультет работает, естественно, ночью. Если сумею, постараюсь это сделать прямо сейчас. Но позвольте еще раз попробовать отговорить вас от попытки лететь на Гею.

— А я все равно попытаюсь, — упрямо проговорил Тревайз.

Квинтесетц тяжело вздохнул:

— Значит, вы намерены совершить самоубийство.

Глава 14

ВПЕРЕД!

55

С тоской смотрел Пелорат в иллюминатор на туманный, призрачный рассветный Сейшелл.

— Мы так недолго пробыли тут, Голан. А ведь мир очень интересный и милый. Хотелось бы побольше разузнать о нем.

С кислой усмешкой Тревайз оторвался от компьютера:

— А мне, думаешь, не хотелось бы? Три раза мы тут превосходно полакомились. Я бы не прочь тут задержаться. Женщин, которые нам тут попадались, мы видели недолго, а некоторые из них выглядят весьма недурно с точки зрения... ну, словом, с моей точки зрения.

Пелорат брезгливо наморщил нос.

— Ох, дружочек, не знаю... Эти коровьи колокольчики вместо нормальных туфель, да с головы до ног завернуты в крича-щие тряпки. И потом — что они делают со своими ресницами? Ты обратил внимание на их ресницы?

— Почему же? Обратил. И не только на ресницы. Джен, это все пустяки. В конце концов, их можно упросить умыться, а в нужный момент дело дойдет и до пищащих туфель, и до разноцветной одежды.

Пелорат пожал плечами:

— Верю тебе на слово, Голан. Я, правда, больше думал о Земле. Все, что нам пока о ней говорят, так противоречиво — одни говорят о радиации, другие — о роботах...

— Но все — о гибели.

— Верно, — согласился Пелорат. — Но ведь может быть, что один прав, а другой — нет, или оба правы до какой-то степени, или оба не правы. Именно тогда, Голан, когда выслушиваешь предания, окутанные туманом загадок, и хочется больше всего найти истину.

— Точно, — кивнул Тревайз. — И я этого хочу. Всеми черными дырами Галактики клянусь — только этого я и хочу. Сейчас же самое главное — разобраться с Геей. Как только все выясним — можно будет искать Землю или вернуться на Сейшелл, чтобы побыть тут подольше. Но первым делом — Гея.

Пелорат нахмурился:

— Первым делом... Если верить тому, что сказал Квинтесетц, мы можем погибнуть там. Стоит ли лететь туда?

— Я и сам задаю себе этот вопрос. Ты боишься?

Пелорат растерялся, подумал и честно ответил:

— Да. Ужасно.

Тревайз запрокинул голову и пристально посмотрел на товарища.

— Джен, — сказал он через некоторое время спокойно, как только мог, — не обязательно тебе рисковать. Скажи только слово, и я оставлю тебя в Сейшелле с личными вещами и половиной наших денег. На обратном пути, если хочешь, подберу тебя, и тогда мы отправимся в Сирианский Сектор искать Землю, если она там. Если я не вернусь, представители Академии в Сейшелле помогут тебе вернуться на Терминус. Я не обижусь, старина, если ты останешься.

Пелорат часто-часто заморгал, крепко сжал губы.

— «Старина»? — переспросил он растерянно. — Ты так меня назвал? Сколько же времени мы знакомы? Неделю? Чуть больше? Не странно ли, что я не хочу остаться? Да, я боюсь, но я хочу лететь с тобой.

Тревайз развел руками:

— Но почему? Я от тебя этого не требую, честно!

— Я сам не знаю почему. Это... Что-то такое... Голан, я верю в тебя. Мне кажется, ты всегда знаешь, что делаешь. Я хотел лететь на Трентор, но теперь понимаю, что из моей затеи ничего бы не вышло. Ты настаивал на поисках Геи, и теперь мне кажется, что Гея — это нечто вроде самого натянутого нерва Галактики. Очень, очень **похоже**, что именно из-за нее совершаются кое-какие события. И потом, если на то пошло, Голан, я наблюдал за тем, как ты заставил Квинтесетца выдать тебе сведения о Гее. Это была потрясающая по совершенству игра. Я был в восторге!

— Стало быть, ты веришь в меня.

— Да. Верю, — без колебаний ответил Пелорат.

Тревайз положил руку на плечо товарища и с минуту молчал, подбирая, видимо, верные слова.

— Джен, — сказал он наконец, — ты простишь меня заранее за то, что я совершу что-то неправильное, если так или иначе нам придется встретиться с какими-то неприятностями?

— О, дружочек! — воскликнул Пелорат. — Зачем ты спрашиваешь? У меня есть и собственные причины остаться. Только давай побыстрее улетим, пока я не струсил и не передумал. Тогда я буду сгорать от стыда до конца своих дней.

— Как скажешь, Джен, — улыбнулся Тревайз. — Стартуем сразу же, как только позволит компьютер. На этот раз рванем вверх без проволóчек, запустим гравитационный двигатель, как только небеса над нами будут свободны от других кораблей. А через час будем уже в открытом космосе.

— Хорошо, — кивнул Пелорат и оторвал язычок с герметичного контейнера с кофе. Кофе почти сразу вскипел. Пелорат принялся осторожно посасывать его через трубочку, стараясь не обжечь губы.

Тревайз усмехнулся:

— Гляди, как ловко ты уже управляешься с этими штуками. Ты теперь старый космический волк, Джен.

Пелорат задумчиво посмотрел на пластиковый контейнер и глубокомысленно изрек:

— Видишь ли, во времена, когда люди научились управлять гравитационным полем, стыдно не уметь пользоваться какими-то контейнерами.

— Угу. Только теперь кофе можно и из чашки попить на корабле. Странная штука получается — из области психологической инерции. Видишь кольца на стенах и потолке? Двадцать тысячелетий они монтируются на всех космических кораблях, но на гравитационном корабле они нужны как рыбе зонтик. Контейнер с трубочкой — из той же оперы.

Пелорат кивнул, продолжая меланхолично потягивать кофе.

— И когда же мы стартуем?

— Ага, попался! — весело рассмеялся Тревайз. — Пока я с тобой болтал про колечки и трубочки, мы успели попрощаться с Сейшеллом. Уже в миле от поверхности.

— Не может быть.

— Сам посмотри.

— Но... я ничего не почувствовал, — пролепетал Пелорат, стоя у иллюминатора.

— И не должен был.

— А мы ничего не нарушили? Нам не нужно было опять следовать по радиолучу, как тогда, когда мы приземлились?

— Нет причин, Джен. Никто нас не остановит. Никто на свете.

— Но когда мы садились, ты сказал...

— То было другое дело. Наше прибытие не было для них большим подарком, но от того, что мы улетаем, они просто в экстазе.

— Почему ты так говоришь, Голан? О Гее с нами говорил только Квинтесетц, а он умолял, чтобы мы туда не летели.

— Не обольщайся, Джен. Это он для проформы. Он прекрасно понимал, что мы полетим туда. Вот ты восторгался — как ловко я выудил у Квинтесетца нужные сведения. На самом деле моей заслуги тут нет. Он и сам бы все выложил. Если бы я заткнул уши, он бы стал кричать.

— Но почему, Голан, почему? Это просто безумие какое-то.

— Ну да, паранойя. Понимаю.

Тревайз повернулся к компьютеру.

— Нас не остановили, — сообщил он вскоре. — Ни единого корабля на пути, и дальше все чисто, и никаких предупреждений.

Подмигнув Пелорату, Тревайз спросил:

— А расскажи-ка мне, Джен, как ты узнал о Гее? Ты ведь знал о ней еще на Терминусе, знал, что она — в Сейшельском Секторе, знал, что ее название по значению близко к слову «Земля». Где ты слышал обо всем этом?

Пелорат явно растерялся.

— Если бы я смог вернуться на Терминус... я бы покопался в файлах. Я же не все взял с собой — во всяком случае, не взял указатель, откуда те или иные сведения почерпнуты.

— Но ты задумайся, это ведь не так просто! Сейшельцы язык не распускают о Гее, помалкивают в тряпочку — настолько боятся говорить о ней, что выдумали сказку об ее исчезновении в гиперпространстве. Но я тебе еще кое-что скажу. Вот, посмотри...

Тревайз наклонился к компьютеру, ладони уверенно легли на поверхность стола. Он с радостью ощутил тепло соединения и почувствовал, как его воля скользнула куда-то вовне...

— Вот, — сказал он, — компьютерная модель Галактики, какой она была в памяти компьютера до нашего приземления на Сейшелле. А сейчас ты увидишь кусочек карты, показывающий ночное небо Сейшелла таким, каким мы его видели прошлой ночью.

В каюте стемнело, и на экран легла картина ночного неба.

— Такое же красивое, как в тот вечер, — прошептал Пелорат.

— Еще красивее, — уточнил Тревайз. — Ведь здесь нет ни облаков, ни атмосферных искажений. Но погоди, сейчас я налажу подстройку...

У обоих наблюдателей возникло томящее ощущение передвижения в пространстве, а на самом деле Тревайз просто увеличил изображение. Пелорат инстинктивно вцепился в подлокотники кресла.

— Вот! — сказал Тревайз. — Видишь?

— Конечно. Пять Сестер — пятиугольник из звезд, который нам показывал Квинтесетц. Это они, без сомнения.

— Точно. Но где же Гея?

Пелорат прищурился, моргнул — тусклой звездочки в центре пятиугольника не было.

— Ее нет.

— Вот именно. Ее нет. А нет ее потому, что данные о ней в памяти компьютера отсутствуют. И поскольку я отвергаю возможность того, что данные не внесены в память компьютера намеренно, мне остается сделать вывод: галактографы Академии, разрабатывавшие банк данных, имея в распоряжении колоссальные объемы информации, данными о Гее не располагали.

— Не хочешь ли ты сказать, что если бы мы полетели на Трентор...

— Я хочу сказать, что и там бы мы ничего не узнали о Гее. Ее существование держится в тайне сейшельцами и — у меня сильное подозрение — теми, кто живет на Гее. Ты и сам не так давно говорил, что кое-какие миры стараются держаться в тени, от глаз подальше, ну, чтобы налоги не платить, и всякое такое.

— Да, но такие миры, как правило, располагаются в малонаселенных районах Галактики. Именно изоляция, географическая изоляция дает им возможность скрываться. О Гее такого сказать нельзя, она не изолирована.

— Правильно! Весьма необычно. Но удивительнее другое: такие знающие люди, профессионалы-галактографы ни сном ни духом не ведали о Гее. А ты как о ней узнал?

— Голан, милый, но я же собирал мифы, легенды, всяческие сведения о Земле целых тридцать лет. Без картотеки как я могу вспомнить?

— Но поищи какую-нибудь зацепку, Джен. Ну вспомни, когда ты о ней узнал — в первые или последние пятнадцать лет изысканий?

— О, если так, то, конечно, в последние.

— Можно и точнее. Я возьму на себя смелость утверждать, что о Гее ты узнал не раньше чем в последние пару лет.

Тревайз немного усилил освещение в каюте, чтобы разглядеть выражение лица Пелората. Великолепное сияние звездного неба чуть померкло. Пелорат окаменел; он не мигая смотрел в одну точку.

— Ну? — поторопил его Тревайз.

— Думаю... — тихо проговорил Пелорат. — Может быть, ты прав. То есть поклясться не могу, но... Когда я писал письмо Джимбору в Ледбетский Университет, Гею не упоминал, что в этом случае было бы весьма уместно, а было это... дай-ка припомнить... в девяносто пятом, стало быть, три года назад. Выходит, ты прав, Голан.

— Но как, где ты наткнулся на упоминание о ней? — настаивал Тревайз. — В письме? В книге? Научной статье? В древней песне? Где? Думай!

Пелорат прикрыл глаза, скрестил руки на груди. Долго, казалось целую вечность, он неподвижно сидел в глубоком раздумье. Тревайз нервничал, но не торопил его.

— В личном письме, дружочек, — наконец вымолвил Пелорат. — Только не спрашивай, от кого, я все равно не вспомню.

Тревайз вытащил руки из сумки. Ладони его взмокли от пота. Он продолжал пытаться говорить устами товарища...

— От кого было письмо? От историка? Мифолога? Галактографа?

— Бесполезно. Содержание письма не ассоциируется ни с каким именем.

— Скорее, никакого имени просто не было.

— О нет, это вряд ли.

— Почему? Ты не стал бы распечатывать анонимное письмо?

— Думаю, нет.

— Почему? Разве ты никогда не получал анонимных писем?

— Ну... когда-то очень давно. Но в последние годы я стал хорошо известен в определенных научных кругах и неплохо знал всех своих корреспондентов. Они любезно переправляли мне сведения, почерпнутые из самых разных источников. Вот источники порой не имели автора, это точно.

— Ну а от анонимного корреспондента такую безадресную информацию ты мог получить?

— Такое вроде бы бывало... Но очень редко.

— Значит, вовсе не исключено, что именно по такому каналу к тебе попала информация о Гее?

— Да, но... я этого не утверждаю.

— Хорошо. И тем не менее — такой вариант не исключен, правда?

— Наверное. Но к чему ты клонишь?

— Погоди, я еще не закончил. Откуда было это анонимное письмо? Из какого мира?

— Говорю же тебе — не знаю, не помню!

— Не с Сейшелла ли?

— Не могу вспомнить, Голан, хоть убей.

— Позволю себе предположить, что письмо пришло-таки с Сейшелла.

— Можешь предполагать все, что угодно, но это ничего не доказывает.

— Нет? А вспомни-ка, когда Квинтесетц показал на тусклую звездочку посреди пятиугольника Пяти Сестер, ты сразу понял, что это Гея. Помнишь?

— Да, конечно.

— Как это возможно? Как ты мог вот так сразу узнать ее, как понял, что это и есть Гея?

— Наверное, потому, что в материалах о Гее, что имелись у меня, она редко называлась своим истинным именем. Чаще употреблялись эвфемизмы. Иногда планета упоминалась как «младший братец Пяти Сестер». Еще встречались такие поэтические определения, как «Сердце Пятиугольника»... И как только Квинтесетц показал на Пять Сестер, все эти аллюзии сразу вспомнились.

— Интересно... А мне ты раньше ни слова не говорил об этих аллюзиях.

— Видимо, я просто не улавливал их истинного значения и не думал, что это нечто важное, достойное обсуждения с тобой, не...

Пелорат осекся и замолчал на полуслове.

— Договаривай. Не специалистом?

— Да.

— Допустим. Поговорим о другом. Надеюсь, ты понимаешь,

что пятиугольник Пяти Сестер, как всякое созвездие, носит весьма относительный характер?

— Что ты хочешь сказать?

— То, что ты сухопутная крыса. Ты думаешь, что звезды приколочены к тверди небесной? Пятиугольник Пять Сестер имеет такие очертания только для тех, кто живет в мирах Сейшельского Союза. Для жителей планеты, обращающейся вокруг любой другой звезды, Пять Сестер выглядят иначе. Как минимум видны под другим углом. Это во-первых. Во-вторых, звезды, составляющие Пять Сестер, находятся на разном расстоянии от Сейшелла, и, если на них смотреть объективно, никакой взаимосвязи между ними может не оказаться вообще. Одна-две звезды могут находиться на одном краю неба, а остальные — бог знает где. Смотри...

Тревайз снова полностью выключил свет в каюте и склонился над компьютером.

— Перед нами восемьдесят шесть обитаемых миров, составляющих Сейшельский Союз. Теперь поставим Гею, вернее, ту точку, где она должна находиться, на место (только он успел произнести эти слова, как в центре пятиугольника загорелась красная точка) и посмотрим, как выглядят ночные небеса с некоторых планет Сейшельского Союза.

Звездная картина дрогнула, сместилась. Пелорат мигнул. Красная точка осталась в центре экрана, а пятиугольник исчез. Яркие звезды были видны, но никакого пятиугольника! Еще и еще раз менялась картина небес... Красная точка неизменно оставалась на месте, но пять звезд никак не выстраивались в пятиугольник. Время от времени возникало нечто вроде неправильного пятиугольника, но тогда звезды вовсе не отличались столь равномерной яркостью, как те, что показывал им Квинтесетц.

— Ну что, хватит? — спросил Тревайз. — Так вот: ниоткуда больше Пять Сестер не видны так четко, как с Сейшелла, ни из одного мира Сейшельского Союза.

Пелорат предположил:

— Воззрения сейшельцев могли быть экспортированы на другие планеты. Ну, например, Трентор до сих пор фигурирует в массе пословиц...

— Ну да, конечно, и при этом в Сейшелле хранят тайну Геи за семью печатями? И потом, какое кому дело до нее в других

мирах, кроме Сейшелла? Что им за дело до «младшего братца Пяти Сестер», когда в их небесах нет никаких сестер и братьев?

— Не знаю... Может, ты и прав.

— Надеюсь, я сумел убедить тебя в том, что первоначальные сведения о Гее ты получил и мог получить только из Сейшелла. Причем — не из какого-то другого мира, а именно из той планетарной системы, где располагается столичная планета.

Пелорат обескураженно помотал головой:

— Ты так все выстраиваешь... вроде бы все сходится. Но сам я этого не помню. Ей-богу, не помню.

— Но в неоспоримость моих доказательств ты веришь, не так ли?

— Да.

— Ладно. Пошли дальше. Как ты думаешь, когда могла возникнуть эта легенда?

— Когда угодно. Я склонен полагать, что она возникла очень давно, еще в Эру Империи. У нее есть привкус древности...

— Ошибаешься, Джен. Пять Сестер сейчас находятся довольно близко от Сейшелла, вот почему они такие яркие. Но, как я уже говорил, они не связаны друг с другом раз и навсегда. Взять произвольно любую пару — и они не будут частью одного звездного семейства. То есть они движутся в разных направлениях. Погляди, что произойдет, если я сдвину картину назад во времени... — Красный кружок, обозначавший Гею, вновь остался на месте, а пятиугольник медленно, постепенно распался — четыре звезды поплыли в разных направлениях, а пятая немного отошла в сторону. — Ну, Джен, — потребовал Тревайз, — можно назвать этот пятиугольник правильным?

— Нет, он явно деформирован.

— А Гея где? В центре?

— Нет, она тоже ушла в сторону.

— Отлично. Вот так выглядело созвездие сто пятьдесят лет назад. Всего сто пятьдесят лет назад... Сведения, полученные тобой о Пяти Сестрах и звезде в центре пятиугольника, не имеют никакого смысла до наступления нашего столетия **нигде**, даже на Сейшелле. Легенда эта могла возникнуть на Сейшелле и только в течение последнего века. Скорее всего — в последние десять лет. Сейшельцы не любят и боятся об этом говорить, а ты об этом узнал.

Тревайз резко включил свет, убрал карту звездного неба и в упор посмотрел на Пелората.

— Я... совершенно растерян, — хрипло проговорил тот. — Что же это такое?

— Это ты мне скажи! Думай! Мне каким-то образом явилась мысль о том, что Вторая Академия все еще существует. Во время своей избирательной кампании я говорил об этом — самым откровенным образом давил на эмоции не слишком решительных избирателей, набирая голоса. Позже я подумал: «А что, если она действительно существует?» Я принялся читать книги по истории и еще через неделю был в этом просто убежден. Настоящих доказательств у меня не было, но я всегда чувствовал в себе способность делать верные выводы всего лишь на основании размышлений. Но на этот раз... — Тревайз сделал небольшую паузу и продолжил: — Смотри, что происходит потом: из всех людей я доверился только Компору, и он предал меня. Затем Мэр Бранно арестовала меня и отправила в ссылку. Почему в ссылку? Почему в тюрьму? В конце концов, можно было просто пригрозить мне, — дескать, держи язык за зубами, а не то... Ладно, в ссылку, но почему на корабле последней модели, способном совершать Прыжки через всю Галактику? А самое главное — зачем она настаивала, чтобы со мной полетел ты и чтобы я помог тебе в поисках Земли?

А почему я был твердо убежден, что нам не нужно лететь на Трентор? Я предполагал, что ты знаешь о более интересной цели поиска, и тут ты выложил мне рассказ о таинственном мире — Гее, сведения о которой, как теперь выясняется, ты получил при весьма загадочных обстоятельствах... Мы отправляемся на Сейшелл, делаем первую остановку и тут же встречаем Компора, который обстоятельно рассказывает нам о Земле, о ее гибели, уверяет нас, что она находится в Сирианском Секторе, и настоятельно рекомендует нам лететь туда.

— А, вот ты о чем... — протянул Пелорат. — Ты хочешь сказать, что обстоятельства влекли нас к Гее. Но, как ты только что сказал, Компор пытался убедить нас, что нам следует лететь совсем в другое место.

— А я, не доверяя этому человеку ни на йоту, из чистого упрямства решил не отказываться от задуманного. А тебе не кажется, что он именно этого и добивался? Собственно, я уже говорил тебе об этом.

— Романтика какая-то... — пробурчал Пелорат.

— Да? Пошли дальше. Мы очень быстро разыскали Квинтесетца. Сам нам в руки пошел.

— Не совсем, — возразил Пелорат. — Я узнал его имя...

— Оно показалось тебе знакомым. Ты даже не мог точно припомнить, читал ли что-либо из написанного им. Почему же оно показалось тебе знакомым?.. Потом оказалось, что он читал твою работу, а **это** насколько вероятно? Ты же сам признавался, что не так много опубликовал.

Дальше — больше: молодая дама, провожая нас до кабинета Профессора, довольно небрежно упоминает о Гее, рассказывает нам байку о том, что Гея — в гиперпространстве, да так, чтобы мы запомнили это. Мы спрашиваем об этом Квинтесетца, он пугается, не хочет говорить об этом, но нас за дверь не выставляет, несмотря на то что я был грубоват с ним. Наоборот, он приглашает нас к себе домой и по пути не забывает показать нам Пять Сестер. Не забывает даже спросить, заметили ли мы тусклую звездочку в центре пятиугольника. Зачем? Не слишком ли закономерно для случайного стечения обстоятельств?

— Ну, когда ты так перечисляешь...

— Перечисляй, как хочешь. Но я не верю, что это — случайное стечение обстоятельств.

— Что же это все значит? Что нас ведут на Гею?

— Да.

— Кто?

— А вот в этом у меня сомнений нет. Те, кто способен управлять сознанием, тонко манипулировать течением событий, направляя их в ту или иную сторону по своей воле.

— Сейчас ты скажешь, что это Вторая Академия.

— Ну а что нам известно о Гее? Она неприкасаема. К ней отправляется целый Флот, и Флот погибает. Люди летят туда с мирными намерениями и не возвращаются. Даже Мул не осмелился выступить против нее, и очень может быть — там родился. Естественно, мне кажется, что Гея — это Вторая Академия, а ведь отыскать ее — вот моя главная задача.

Пелорат покачал головой:

— Судя по тому, что пишут некоторые историки, Вторая Академия остановила Мула. Разве он мог быть оттуда?

— Ренегат, наверное.

— Но почему же тогда Вторая Академия так упорно ведет нас к себе?

Тревайз нахмурился, уставился в одну точку.

— Давай попробуем понять. Для Второй Академии всегда, во все времена было важно, чтобы в Галактике о ней знали как можно меньше. Это нам известно точно. Вот уже сто двадцать лет Вторая Академия думает, что о ней никто не знает, и это устраивает ее как нельзя лучше. Когда у меня возникли догадки о том, что она до сих пор существует, она не делала ничего. О моих воззрениях узнал Компор. Она могла использовать его для того, чтобы заткнуть меня тем или иным способом, может быть, даже убить. Но и тут она пальцем о палец не ударила.

— Да, — возразил Пелорат, — но тебя арестовали, если тебе угодно возложить ответственность за это на Вторую Академию. В итоге народ Терминуса о твоих воззрениях не узнал. Люди из Второй Академии добились этого, не прибегая к насилию. Очень может быть, что им известен знаменитый лозунг Гардина: «Насилие — последний козырь дилетантов».

— Ну и что с того, что об этом не узнал народ Терминуса? Мэру Бранно мои взгляды известны, и хотя бы она может пораскинуть мозгами — а вдруг я прав? Теперь Второй Академии уже поздно как-то помешать нам, навредить. Ведь если бы они избавились от меня сразу, они были бы ни при чем. Оставь они меня в покое, они тоже были бы ни при чем, поскольку нашли бы возможность убедить народ на Терминусе в том, что я — вот такой эксцентричный человек, может быть, даже чокнутый. Моя политическая карьера покатилась бы под откос, и одно это могло заставить меня замолчать — я бы понял, чем мне грозит открытое высказывание моих взглядов.

Теперь им поздно предпринимать что-либо. Мэр Бранно легковерием не отличается, поэтому послала Компора следить за мной, но, не доверяя и ему, отдала приказ установить на его корабле гиперреле. Вследствие этого ей, безусловно, известно, что мы — в Сейшельском Секторе. А ночью, когда ты спал, я через компьютер отправил сообщение нашему послу в Сейшелле, где доложил, что мы взяли курс на Гею. Я даже координаты не поленился сообщить. Даже если теперь Вторая Академия попытается сделать нам что-нибудь нехорошее, уверен: Бранно этого так не оставит, а пристальное внимание нашей Академии — это как раз то самое, чего Вторая Академия хочет меньше всего на свете.

— Но если они столь могущественны, — возразил Пелорат, — чего им бояться?

— Чего бояться? А почему они прячутся? Им не устоять в открытой схватке, понимаешь? Технический прогресс, достигнутый нашей Академией, превзошел ожидания самого Селдона. Вели они нас к своему миру тихо, почти незаметно, тайком — это, видимо, свидетельствует об их крайнем нежелании делать что-либо, способное привлечь к ним внимание. Но они все равно проиграли — не на того напали. Сомневаюсь, что теперь они сумеют изменить ситуацию.

— Но зачем им все это? Если ты прав, зачем им вести нас к себе через всю Галактику — ведь получается, что это грозит им гибелью?

Лицо Тревайза покрылось лихорадочным румянцем.

— Джен, — сказал он, — у меня странное предчувствие. Ты сам сказал: у меня редкий дар делать верные выводы, располагая... да почти ничем не располагая. Кто-то внутри меня подсказывает мне, что я прав. И сейчас подсказывает. Есть во мне что-то, чего они хотят, зачем-то я им нужен, — нужен настолько, что они готовы рискнуть самим своим существованием. Я сам не знаю, что это такое, и должен понять — раз у меня что-то такое есть и если это — мощное оружие, я обязан научиться им пользоваться ради того, что сам считаю верным. — Тревайз смущенно пожал плечами. — Ну вот. Ты все еще хочешь лететь со мной, старина, — теперь, когда видишь, какой я чокнутый?

Пелорат убежденно ответил:

— Я же сказал, что верю в тебя. Верю и сейчас.

— Восхитительно! — облегченно, радостно рассмеялся Тревайз. — Скажу тебе по секрету, у меня есть еще одно предчувствие: и у тебя тоже есть своя роль в этой истории. Ну, Джен, летим на Гею на полной скорости. Вперед!

56

Мэр Бранно явно постарела за последние дни. Она настолько глубоко задумалась, что совершенно машинально взглянула в зеркало по дороге в галактографический зал. Лучше бы она этого не делала.

Бранно горько вздохнула. Жизнь уходила из нее по каплям. Целых пять лет на посту Мэра, а до этого — еще двенадцать — разве они были легче? Тогда она фактически занималась тем же

самым, стоя за спиной двух марионеток. Спокойно, уверенно вершила она свое дело, но всегда на износ. «А как же иначе», — думала она порой. По другой схеме все выглядело бы так: «напряжение — неудача — срыв». Но как ужасно было сознавать, что именно спокойное плавание, дрейф по течению событий так измотали ее.

Залогом ее успеха был План Селдона, а Вторая Академия — залогом его успешного выполнения. Твердая рука Бранно лежала на пульсе Первой Академии, но никто, ни одна душа на Терминусе не догадывалась, как трудно Бранно устоять на гребне волны.

История скажет о ней мало или совсем ничего. Всю свою жизнь она просидела за пультом управления кораблем, которым на самом деле управляли извне.

Даже Индбур III, правивший Академией во времена ее позорного падения к ногам Мула, ухитрился сделать что-то, из-за чего его запомнили, — хотя бы в обморок упал!

А Мэра Бранно никто не вспомнит.

Если только ей не поможет Голан Тревайз, этот Советник-выскочка...

Бранно внимательно посмотрела на карту. Карта была совсем не такая, какую показывает современный компьютер: всего-навсего трехмерная модель — подвешенные в воздухе огоньки. Модель нельзя было разворачивать, двигать, увеличивать и уменьшать. Можно было лишь обойти ее вокруг.

Бранно нажала рычажок, и сразу загорелось огромное множество огоньков — около трети от общего количества (не считая ядра Галактики, где, как считалось, никто не живет). Такова была Федерация Академии — более семи миллионов обитаемых миров, и правил ими Совет во главе с Бранно. Семь миллионов миров имели голос и представительство в Совете Миров, решавшем дела второстепенной важности. Никогда, ни при каких обстоятельствах Совет Миров не принимал решений глобальной важности.

Бранно нажала другой рычажок, и по разные стороны от границ Федерации загорелись бледно-розовые огоньки. Сферы влияния. Территориями Академии эти регионы не являлись, но, формально сохраняя независимость, ни за что в жизни не осмелились бы мечтать об оказании сопротивления малейшему шагу со стороны Академии.

В голове у Мэра не укладывалось, что в Галактике может су-

ществовать сила, способная противостоять Академии, даже Вторая Академия, где бы она ни находилась. В любое время, когда захочет, Академия могла пустить в ход свой Флот, состоящий из суперсовременных кораблей, и уже сейчас без труда основать Вторую Империю.

Но со времен начала выполнения Плана Селдона минуло пока только пять столетий, а План гласил: между крахом Первой и созданием Второй Империи — путь длиной в десять веков. За выполнением Плана должна следить Вторая Академия... Мэр горестно покачала головой. Значит, если Академия начнет действовать сейчас, она проиграет. Пусть ее корабли непобедимы, но сама поспешность смерти подобна.

Все так, если только Тревайз, как громоотвод, не вызовет на себя гром и молнию Второй Академии и вспышка молнии не озарит ее источник...

Бранно нервно оглянулась на дверь. Где же Коделл? Не время опаздывать.

Он тут же вошел, как бы откликнувшись на ее мысленный упрек, — добродушно улыбаясь и гораздо более походя на добренького дедушку, чем мог бы, только за счет усов, бороды и хитрых морщинок на выдубленной годами коже лица. Да, дедушка, но не старик все-таки. Но, в конце концов, Коделл был на восемь лет моложе Бранно.

И как это, интересно, ему удалось так хорошо сохраниться? Пятнадцать лет Директором Службы Безопасности — и хоть бы что!

57

Коделл приветствовал Мэра низким медленным поклоном, то была необходимая формальность перед началом разговора. Странно — времена правления Индбуров старались не вспоминать, а ведь именно тогда был выдуман этот претенциозный этикет.

— Прошу прощения, — сказал он, — что запоздал, Мэр. Дело в том, что Совет очнулся после наркоза, арест Советника Тревайза понемногу начинают обсуждать.

— Вот как? — флегматично отозвалась Бранно. — Нам грозит дворцовый переворот?

— Ни в коем случае. Ситуация целиком под нашим контролем. Но шума не миновать.

— Пускай шумят, если им от этого легче. Меня это не касается. Ну а как общественное мнение в целом? На него я могу рассчитывать?

— Думаю, можете. Особенно — за пределами Терминуса. Там никому дела нет до того, что стряслось с заблудшим Советником.

— Мне есть дело.

— А? Есть новости?

— Лайоно, — сказала Мэр, — я хочу побольше узнать о Сейшелле.

— Ну, я не ходячий учебник истории, — улыбаясь, развел руками Коделл.

— История меня не интересует. Меня интересует правда. Почему Сейшелл независим? Посмотрите сюда.

Она показала на крошечный островок белых огоньков, со всех сторон окруженный красными.

— Видите? Мы его инкапсулировали, почти поглотили, а он все равно белый. Белый, даже не розовый, как лояльные нам территории.

Коделл пожал плечами:

— Да, официально Сейшелл — недружественное нам государство, но он нейтрален и никогда не досаждал нам.

— Отлично, — кивнула Бранно. — А теперь посмотрим еще...

Она нажала еще несколько рычажков на пульте. Красные огоньки поползли во все стороны и покрыли почти половину Галактики.

— Это, — пояснила Бранно, — царство Мула незадолго до его смерти. Тогда Сейшельский Союз тоже был окружен со всех сторон, но видите — он белый! Единственный анклав, оставленный Мулом на воле.

— Они и тогда сохраняли нейтралитет.

— Плевать хотел Мул на всякие там нейтралитеты.

— Выходит, в этом случае не наплевал.

— Выходит-то оно выходит, но почему? Что такого необыкновенного на Сейшелле? Чем он славится?

— Ничем, — помотал головой Коделл. — Поверьте, Мэр, стоит нам только пожелать — и он наш, хоть завтра.

— Да? Но почему же он не наш до сих пор?

— Думаю, просто он не был нам нужен, вот и все.

Бранно выключила пульт управления моделью Галактики, сцепила руки на груди, нахмурилась.

— Думаю, теперь он нам нужен.

— Пардон, Мэр?

— Лайоно, я послала этого балбеса Тревайза в космос как приманку. Мне казалось, что Вторая Академия может переоценить опасность, от него исходящую, и первым делом обратит внимание именно на него. Молния ударит в него, и нам станет ясно, откуда она ударила.

— Верно, Мэр.

— Я рассчитывала, что он направится на Трентор, в мир древних развалин, и вместе с Пелоратом будет копаться в том, что осталось от Галактической Библиотеки в поисках сведений о Земле. Это, как вы помните, мир, который занудные мистики считают прародиной человечества. Бог с ним, пускай даже оно так и есть — толку от этого ноль. По моим расчетам, Вторая Академия должна была не поверить, что его интересует эта дребедень, и заинтересоваться тем, что он ищет на самом деле.

— Но на Трентор он не полетел.

— Нет, не полетел. Ни с того ни с сего он отправился на Сейшелл. Почему?

— Не знаю. Но простите, Мэр, старую ищейку — я не доверяю никому и всех на всякий случай подозреваю: откуда вам известно, что он и этот, как его... Пелорат отправились на Сейшелл? Сообщение об этом поступило от Компора, но насколько можно верить Компору?

— Гиперреле подтверждает, что корабль Компора действительно приземлился на планете Сейшелл.

— Пусть так, но откуда вы знаете, что Пелорат с Тревайзом приземлились там же? Может, у Компора были свои причины махнуть на Сейшелл, и он ни сном ни духом не ведает, где эта парочка?

— Видите ли, Лайоно, наш посол на Сейшелле сообщил о прибытии туда корабля, на котором мы отправили Тревайза и Пелората. Сомневаюсь, чтобы корабль прилетел туда пустой. Компор, помимо всего прочего, их видел и разговаривал с ними. Допустим, мы не можем доверять ему, но у нас есть сведения о том, что Тревайз и Пелорат посетили Сейшельский Университет и беседовали там с одним не слишком известным историком.

— А у меня таких сведений нет, — с укором проговорил Коделл.

Бранно поморщилась:

— Только без обид, Лайоно. Я лично всем этим занималась и теперь все вам рассказала — почти сразу же, кстати говоря. Только что получено сообщение от посла. Наш громоотвод на месте не сидит. На планете Сейшелл он пробыл два дня и уже отбыл оттуда. Направился к другой планетарной системе, в нескольких десятках парсеков от Сейшелла. Он сам связался с послом и сообщил координаты этой системы и ее название. Посол сразу же сообщил все это мне.

— А от Компора есть что-нибудь?

— Донесение Компора о том, что Тревайз и Пелорат покинули Сейшелл, пришло еще раньше сообщения посла. В ту пору Компор не знал точно, куда именно направляется Тревайз. Вероятно, последует за ним.

— Мы упустили все «почему», — задумчиво проговорил Коделл, вытащил из кармана упаковку пастилок, отправил одну в рот и принялся посасывать ее. — Почему Тревайз отправился на Сейшелл? Почему улетел оттуда?

— Меня гораздо больше занимает другой вопрос: куда? Куда летит Тревайз?

— Если не ошибаюсь, Мэр, вы сказали, что посол передал вам название и координаты той планетарной системы, куда отправился Тревайз. Или вы думаете, он солгал послу? Или посол солгал вам?

— Допустим, никто не лжет. Меня интересует это название, Лайоно. Тревайз сказал послу, что направляется к Гее. Г-Е-Я — вот как называется это место. Тревайз по буквам назвал.

— Гея? — переспросил Коделл. — Впервые слышу.

— Правда? Ничего удивительного, впрочем.

Бранно ткнула пальцем в то место, где раньше светилась огоньками модель Галактики.

— На этой модели можно в любое время отыскать любую звезду, вокруг которой обращаются обитаемые планеты, и даже такие звезды, вокруг которых обращаются обширные необитаемые планетарные системы. Таких звезд почти тридцать миллионов — их можно наблюдать как угодно, если как следует отладить изображение: по отдельности, попарно, в созвездиях.

Я могу пометить их пятью различными цветами... но чего я не могу сделать, так это отыскать Гею. Если судить по этой карте, Геи не существует.

— На каждую из тех звезд, что показывает эта карта, наберется десяток ею не учтенных, — возразил Коделл.

— Согласна, но не учтенные картой звезды — лишь те, вокруг которых **нет** обитаемых планетарных систем. А Тревайзу с какой стати вздумалось лететь в необитаемый мир?

— Вы не пробовали связаться со службой Главного Компьютера? В его память заложены данные обо всех трех миллиардах звезд Галактики.

— Мне сказали, что это так, но так ли это на самом деле? Разве мы не знаем — вы и я, что довольно-таки многие планеты не внесены ни в один перечень только потому, что сами от этого уклонились? Их нет ни на этой карте, ни в памяти Главного Компьютера. Не исключено, что Гея — одна из них.

В спокойном голосе Коделла появились успокаивающие нотки.

— Пусть так, но стоит ли переживать, Мэр? Может быть, Тревайз просто странствует, как дикий гусь, а может быть, он наврал послу, и вовсе нет звезды под названием Гея, да и вообще ничего нет под теми координатами, которые он назвал. Может быть, встретив Компора, он понял, что за ним слежка, и попросту решил смотать удочки.

— Но как? Компор будет продолжать следить за ним. Нет, Лайоно, не все так просто. Еще одна мысль не дает мне покоя. Есть большая опасность. Послушайте меня... — Помолчав немного, она сказала: — Лайоно, этот зал экранирован, и никто нас не подслушает. Будем говорить открыто. Если верить полученной информации, эта Гея расположена в десяти парсеках от границ Сейшельского Союза и, по идее, должна бы входить в него. Сейшельский Союз — хорошо исследованный участок Галактики. Все его звездные системы — обитаемые и необитаемые — зарегистрированы, населенные системы подробно описаны. Гея — единственное исключение. Населена она или нет — о ней никто не знает, ее нет на нашей карте. Ни на этой, ни на какой другой. А Сейшелл сохраняет экзотичную независимость от Федерации Академии. Даже в царстве Мула он остался нетронутым. Он независим со времен распада Галактической Империи.

— И что же из этого следует? — осторожно спросил Коделл.

— Уверена, тут есть взаимосвязь. Сейшелл включает неизвестную планетарную систему. Сейшелл неприкасаем. Что бы собой ни представляла Гея, она явно защищает себя и следит за тем, чтобы никто, кроме самого ближайшего окружения, о ней ничего не знал. Она защищает и самое это окружение, да так, что никто не смеет нарушить его неприкосновенность.

— Клоните к тому, Мэр, что Гея — резиденция Второй Академии?

— Пока хочу сказать лишь, что Гея заслуживает внимания.

— Могу ли я указать на один пункт, из-за которого выстроенная вами теория не выглядит убедительной?

— Прошу.

— Если Гея — Вторая Академия и многие столетия физически защищала себя от захватчиков, а вместе с собой — весь Сейшельский Союз, сделав из него непробиваемый щит для себя, препятствовала распространению знаний о себе по Галактике, то куда же вся эта защита вдруг подевалась? Тревайз и Пелорат покинули Терминус, и, хотя вы настоятельно рекомендовали им лететь на Трентор, они незамедлительно, без всяких колебаний устремились на Сейшелл, а теперь — на Гею. Более того, вы вольны думать о Гее, размышлять о том, что она такое. Почему никто не мешает вам делать это?

Бранно ответила не сразу. Седые волосы ее тускло блеснули, когда она склонила голову.

— Видимо, потому, — сказала она наконец, — что Советнику Тревайзу удалось каким-то образом ускорить события. Что-то он такое сделал или делает, что угрожает Плану Селдона. Один.

— Один человек? Но это невозможно, Мэр.

— Никто не застрахован от просчетов, от уязвимых мест. Селдон тоже не был гарантирован от промахов. Где-то в теле Плана есть болевая точка, и Тревайз наступил на нее, может быть, сам того не зная. Мы должны понять, что случилось, мы обязаны быть в центре событий.

Коделл по-настоящему насторожился.

— Не принимайте самостоятельных решений, Мэр. Нам нельзя действовать необдуманно.

— Не принимайте меня за дурочку, Коделл. Войну объявлять я не собираюсь. Не собираюсь отправлять экспедиционный корпус на Гею. Я хочу лишь оказаться в центре событий —

или неподалеку от центра, если вам так больше нравится. Лайоно, окажите мне услугу — терпеть не могу толковать с нашим военным ведомством. Оно настолько погрязло в стодвадцатилетнем бездействии... но думаю, вам не составит труда выяснить, сколько наших военных кораблей сосредоточено на базах поблизости от границ Сейшельского Союза. Можем ли мы устроить так, чтобы их передвижение не вызвало подозрений и выглядело как нечто тривиальное?

— Я почти уверен, что по мирным временам кораблей там немного. Но я уточню.

— Хватило бы двух-трех, в особенности если хотя бы один будет класса «Сверхновый».

— И что вы хотите с ними делать?

— Я хочу, чтобы корабли подошли как можно ближе к Сейшеллу, не создавая неприятностей. Еще я хочу, чтобы они держались поближе друг к другу, на случай, если потребуется взаимовыручка.

— Ради чего все это, Мэр?

— Ради возможности гибкого управления ситуацией. Хочу нанести удар, если потребуется.

— Кому? Второй Академии? Если Гея сохранила неприкосновенность и устояла даже против Мула, что ей какие-то несколько кораблей?

Воинственный огонек блеснул в глазах Бранно.

— Друг мой, я же сказала вам: никто не совершенен, ничто не совершенно в этом мире. Даже Гэри Селдон. Он был человеком своего времени и ничего не мог с этим поделать. Он был великим математиком времен распада Империи, когда о развитии техники говорить не приходилось. Вот именно прогресса техники он и не мог предвидеть. Взять хотя бы антигравитацию — принципиально новое направление. Разве он мог его предугадать? Да мало ли еще чего мы добились.

— Но, вероятно, Гея тоже на месте не сидела.

— В изоляции? Не надо. В Федерации Академии живет десять квадриллионов человек, а сколько из них гениев, способных продвинуть вперед прогресс техники. Нет, изолированному миру о таком мечтать не приходится. Словом, наши корабли должны начать маневр, и я буду с ними.

— Простите, Мэр, не понял?

— Я лично отправлюсь к отряду кораблей, который сгруппируется у границ Сейшелла. Хочу все увидеть своими глазами.

Коделл с минуту сидел с раскрытым ртом.

— Мэр... но это... это не мудро.

В горле у него пересохло. Стало слышно, как он сглотнул слюну. Он явно хотел выразиться покрепче.

— Мудро или нет, — рявкнула Бранно, — я сделаю это! Вот у меня где альянсы, контральянсы, предательства и все такое прочее! Семнадцать лет я варюсь в этом соку. Надоело! Хватит! Может быть, где-то там, — она махнула рукой, — сейчас меняется вся история Галактики, и я хочу участвовать в этом.

— Но у вас нет никакого опыта в подобных делах, Мэр!

— Как знать, Лайоно, как знать...

Бранно решительно встала.

— Как только вы добудете мне необходимые сведения, я быстренько покончу с занудными домашними делами и отправлюсь туда. И не пытайтесь, Лайоно, меня отговаривать, а то мне придется забыть о нашей давней дружбе и наделать вам массу неприятностей. Это я еще могу.

Коделл кивнул:

— Знаю, что можете, Мэр, но, прежде чем вы примете решение, позволительно ли будет мне напомнить вам о могуществе Плана Селдона? То, что вы собираетесь совершить, сильно смахивает на самоубийство.

— Этого мне бояться нечего, Лайоно. План не предусмотрел Мула. Раз была хоть одна ошибка, не исключены и другие.

Коделл вздохнул:

— Ну что ж, раз вы уж так бесповоротно все решили, мне остается только поддержать вас. Можете на меня рассчитывать.

— Хорошо. Вам же лучше, если вы это говорите от души. Не забывайте об этом, Коделл, и летим на Гею. Вперед!

Глава 15

СОЛНЦЕ ГЕИ

58

В отсек управления маленького старомодного корабля вошла Сура Нови.

Она явно только что вышла из-под душа: завернулась в про-

стыню, стыдливо придерживая ее руками. Волосы ее были высушены феном, но растрепаны.

— Господин... — тихонько окликнула она Гендибаля.

Гендибаль оторвался от компьютера и карт:

— Да, Нови?

— Я быть очень стыдно, — заговорила было она, умолкла и начала фразу снова: — Мне очень неудобно беспокоить вас, Господин, — тут она снова скатилась на думлянский диалект, — я не уметь найти мой одежда.

— Твою одежду? — непонимающе переспросил Гендибаль, мгновение смотрел на Нови, потом на лице его изобразилось нечто вроде раскаяния. Он встал.

— Я забыл, Нови. Прости, нужно было постирать твои вещи. Они в стиральной камере. Выстираны, высушены, выглажены — все в полном порядке. Надо было все вынуть оттуда и положить на видное место. Я забыл.

— Я не хотела, — она смущенно оглядела себя, — вас оскорбить...

— Ерунда, не переживай, — мягко сказал Гендибаль. — Послушай, Нови, я обещаю тебе: когда все это закончится, я позабочусь о том, чтобы у тебя было много одежды — новой и самой модной. Мы улетели впопыхах, и я не успел об этом подумать. Но здесь, Нови, мы только вдвоем, мы так близко друг к другу, так что не стоит переживать... то есть волноваться о...

Гендибаль сделал рукой замысловатый жест, глаза Нови сверкнули нескрываемым ужасом. Гендибаль смутился. «В конце концов, — подумал он, — она всего-навсего деревенская девчонка, совсем неиспорченная, и, наверное, с ней можно говорить о многом, но только тогда, когда она одета».

Ему стало нестерпимо стыдно, и он обрадовался, что Нови — не «ученая» и не может прочесть его мысли.

— Принести тебе одежду? — спросил он.

— О нет, Господин! Это не быть для вас. Я сама найду.

Когда они встретились снова, Нови была аккуратно одета, волосы причесаны.

— Мне стыдно, Господин, — робко проговорила она, — что я так неправильно поступила. Должна была сама все найти.

— Ничего страшного, — улыбнулся Гендибаль. — Смотрика, Нови, тебе неплохо дается Галактический Стандарт. Скоро будешь говорить совсем как ученые.

Нови радостно улыбнулась. Зубы у нее были немного неровные, но лицо просто-таки засветилось от улыбки. «Какая она милая, — подумал Гендибаль, — когда я ее хвалю». И решил, что именно поэтому ему так нравится ее хвалить.

— Думляне будут презирать меня, когда я вернусь, — сказала Нови. — Они будут говорить, что я быть... что я словорубка. Так у нас зовут тех, кто говорит... непонятно. Таких не любят.

— Не думаю, что ты вернешься к думлянам, Нови. Уверен, для тебя найдется дело и место в Университетском комплексе, среди ученых, когда мы вернемся.

— Мне бы очень хотелось, Господин.

— Скажи, а ты не могла бы звать меня «Оратор Гендибаль»? Не хочешь? Нет, вижу, что не хочешь, — сказал он, заметив моментальный протест в ее глазах. — Ну и ладно.

— Это не будет хорошо, Господин, — покачала головой Нови. — А можно мне спросить: когда все это закончится?

Гендибаль нахмурился:

— Трудно сказать, Нови. Сейчас мне нужно как можно быстрее добраться... до одного места. У нас хороший, очень хороший корабль, но летит медленно. Хотелось бы побыстрее. Видишь, — он махнул рукой в сторону компьютера и разложенных карт, — я должен работать, чтобы проложить наш путь в космосе, но компьютер не все умеет делать, да и я, честно говоря, не такой уж опытный в этом деле.

— Вы хотите попасть туда быстро, потому что есть опасность, Господин?

— Почему ты решила, что есть опасность, Нови?

— Потому что иногда я смотрю на вас, когда вы меня не видите, и ваше лицо такое... я не знаю такого слова. Не пуганое, то есть не испуганное, не ожидающее плохого... не знаю, как сказать.

— Заметно, значит, — пробормотал Гендибаль себе под нос.

— У вас... задумчивое лицо. Это верное слово?

— Не знаю. Все зависит от того, как ты понимаешь слово «задумчивый», Нови.

— Я понимаю так: вы как будто говорите себе: «Что мне делать дальше в этой большой беде?»

Гендибаль был потрясен.

— Правильно, Нови... но неужели ты видишь это по моему лицу? Дома, в «Ученом Месте», я всегда стараюсь, чтобы никто не мог по моему лицу понять, о чем я думаю, но... я думал, поскольку мы с тобой тут одни, можно немного расслабиться,

ну... как будто я сижу в пижаме, что ли, прости, пожалуйста. А ты, видишь, забеспокоилась. Да, раз ты такая чувствительная, надо мне быть внимательнее. Придется привыкнуть — даже неспециалисты способны делать верные догадки.

Нови оторопела:

— Не понимаю, Господин...

— Я говорю сам с собой, Нови. Не становись задумчивой. Ну вот, опять это слово...

— Но есть беда, Господин?

— Есть проблема, Нови. Я не знаю, что меня ждет, когда доберусь до Сейшелла — так называется место, куда мы летим. Возможно, будут трудности.

— Это опасность?

— Нет, потому что я все сумею уладить.

— Как вы можете знать?

— Знаю, потому что я ученый. Я — лучший из ученых. Нет ничего такого во всей Галактике, что бы я не мог уладить.

— Господин... — лицо Нови исказила боль, — не хочу вас обидевать... обидеть, только я видела вас тогда, когда этот мерзавец Руфирант... и когда вы были в опасности, а он — простой думлянский крестьянин. А теперь... я не знаю, что вас ждет теперь, и вы тоже не знаете.

Гендибаль встревожился:

— Ты боишься, Нови?

— Не за себя, Господин. У меня есть страх... мне страшно за вас... я за вас боюсь.

— «Мне страшно» — тоже правильно, Нови. Можно и так говорить...

На мгновение Гендибаль задумался, уставился в пол, потом поднял взгляд, взял грубоватые руки Нови в свои ладони и сказал:

— Нови, я не хочу, чтобы ты боялась. Как бы тебе объяснить. Вот ты, например, увидела по моему лицу что-то такое... и тебе показалось, что есть опасность, о которой я думаю. Ты как бы прочла мои мысли.

— Да?

— Я могу читать мысли лучше тебя. Этому учатся ученые, а я — очень хороший ученый.

Глаза Нови широко раскрылись, руки ее выскользнули из рук Гендибаля.

— Вы... можете читать мои мысли?

Гендибаль торопливо поднял вверх указательный палец:

— Нет-нет, Нови. Могу, но не читаю.

Он знал, что обманывает ее. Он не мог, находясь с ней рядом, не улавливать общего направления ее мышления... Для этого вовсе не нужно было быть сотрудником Второй Академии. Гендибаль чувствовал, что вот-вот покраснеет. Да, она простая думлянка, но для любого мужчины лестно, когда к нему так относятся. И все-таки ее надо было разуверить — исключительно из соображений гуманности.

Он сказал:

— Я умею также изменять мысли людей. Могу сделать так, что человек как будто почувствует удар. Я могу...

Нови недоверчиво покачала головой:

— Вы можете делать все такое, Господин? А Руфирант...

— Забудь о Руфиранте, — решительно отрезал Гендибаль. — Я мог сразу остановить его. Мог заставить его повалиться на землю. Не только его — всех думлян.

Гендибаль замолчал, почувствовав, что зря так сильно разошелся. Кого он пытался убедить? Простую крестьянку? А Нови все еще покачивала головой.

— Господин, — сказала она, — вы стараетесь сделать, чтобы я не боялась, но я не боюсь — только за вас, а потому не надо. Я знаю, что вы великий ученый и можете делать, чтобы этот корабль летел через космос, где всякий другой человек может не делать ничего... я хотела сказать — может заблудиться. И вы умеете управлять машинами, которые я не могу понять, и ни один думлянин не может понять тоже. Но не надо говорить мне о том, что вы можете делать умом, потому что все, что вы говорите, вы не могли сделать Руфиранту и не сделали, хотя были в опасности.

Гендибаль нервно поджал губы. «Придется все оставить как есть, — решил он. — Говорит, что не боится за себя, — и прекрасно». Но до чего же ему не хотелось, чтобы она считала его трусом и слабаком! Этого он не хотел, и все тут.

— Нови, если я ничего не сделал плохого Руфиранту, то только потому, что не хотел. Мы, ученые, не имеем права ничего делать думлянам. Мы — гости в вашем мире.

— Вы — наши хозяева. Так **мы** всегда говорим.

На мгновение растерявшись, Гендибаль спросил:

— Как же тогда Руфирант осмелился напасть на меня?

— Не знаю, Господин. Не думаю, что он сам знал. Он, наверное, из ума вышел... нет, не так: с ума сошел.

Гендибаль усмехнулся:

— В общем, Нови, мы не имеем права приносить вред думлянам. Если бы пришлось ударить Руфиранта, обо мне бы очень плохо подумали другие ученые. Может быть, я потерял бы свое положение. Но я не хотел, чтобы он избил меня, поэтому я немного управлял им — совсем немного, сколько было можно.

Нови растерялась:

— Тогда мне не нужно было врываться, как дурочке...

— Ты все сделала правильно, — успокоил ее Гендибаль. — Я же сказал, как плохо было бы, если бы я ударил его. А ты сделала так, что это стало не нужно. Это **ты** остановила его, и у тебя это замечательно получилось. Я благодарен тебе.

Она радостно и смущенно улыбнулась:

— Теперь я вижу, почему вы так добры ко мне.

— Ну конечно, я благодарен тебе, Нови... но главное, чтобы ты поняла: нет никакой опасности. Я могу управлять целой армией обычных людей. Это может любой ученый, а особенно — хороший. Я же сказал тебе, что я — один из лучших. Нет никого в Галактике, кто мог бы устоять против меня.

— Если вы так говорите, Господин, я верю.

— Верь, Нови, это так. Ну а меня ты боишься?

— Нет, Господин, только... а... Господин, только **наши** ученые могут читать мысли, и... Нет ли других ученых, из других мест, которые так умеют?

Гендибаль на мгновение утратил дар речи. Эта женщина была удивительно догадлива!

Нужно было солгать.

— Нет, — ответил он решительно.

— А вдруг есть?

— Они все равно слабее меня.

— А если они будут нападать на вас неожиданно, когда вы не будете знать?

— Они не смогут этого сделать. Если будет приближаться какой-то другой ученый, я сразу узнаю об этом — задолго до того, как он сможет навредить мне.

— Вы сможете убежать?

— Мне не придется убегать... Но... — поторопился объяснить Гендибаль, чтобы опередить ее возражение, — если и придется, скоро, очень скоро я буду на новом корабле, самом лучшем в Галактике. Они не смогут меня поймать.

— А могут они изменить ваши мысли и заставить вас не убегать?

— Нет.

— Их может быть много. А вы один.

— Я их замечу заранее и уйду. И тогда против них выступит весь наш мир, и им не устоять. Они узнают об этом и не осмелятся что-либо делать. Они не захотят, чтобы я узнал о них, и все-таки я узнаю.

— Это потому, что вы так сильно лучше, чем они? — робко спросила Нови, сияя надеждой и гордостью.

Гендибаль был тронут до глубины души. Как радостно было находиться с нею рядом, восхищаться ее природным умом, быстротой понимания самых сложных вещей... Это сладкоголосое чудище, Оратор Делора Деларми, сама того не зная, сделала ему потрясающий подарок!

— Нет, Нови, — ответил он. — Не потому, что я лучше их, хотя это правда. Это потому, что **ты** со мной.

— Я?!

— Да, Нови. Ты догадалась об этом?

— Нет, Господин, — сказала она удивленно. — Что такого есть во мне? Что я могу сделать?

— Дело в твоем сознании, — ответил Гендибаль и предупреждающе поднял руку. — Нет-нет, я не читаю твои мысли. Я вижу только очертания твоего разума, а они такие ровные, гладкие, необыкновенно ровные и гладкие, Нови.

Она расстроенно прикоснулась ладонью ко лбу.

— Это потому, что я такая неграмотная, Господин? Потому что я такая глупая, да?

— Нет, милая. — И как это у него сорвалось, он и сам не заметил. — Это потому, что ты честная, искренняя, у тебя нет ни хитрости, ни подлости на уме, потому что ты говоришь, что думаешь, потому что у тебя доброе сердце... Если другие ученые захотят сделать что-нибудь плохое, они обязательно коснутся наших сознаний — твоего и моего, и такое прикосновение к поверхности твоего сознания станет сразу заметно. Я узнаю об опасности задолго до того, как кто-либо коснется моего собственного сознания, и получу время, необходимое для того, чтобы никто не смог навредить ни мне, ни тебе.

Наступила долгая пауза. Гендибаль видел, что глаза Нови

светятся теперь не только радостью, но и восторгом, и гордостью. Она тихо спросила:

— И вы поэтому меня взяли с собой?

Гендибаль кивнул:

— Это было очень важно.

Нови перешла на шепот:

— Как помочь вам еще лучше, Господин?

— Оставайся спокойной, Нови. Не бойся ничего. Просто — оставайся такой, какая ты есть.

— Я останусь, какая я есть, — твердо ответила она. — И я встану между вами и опасностью, как тогда, с Руфирантом.

Она вышла из каюты, а Гендибаль долго смотрел ей вслед.

Просто удивительно, как в таком простом, необразованном создании умещалось столько всего? Ровные контуры сознания — а под ними грандиозный ум, способность понимать другого, мужество, стойкость. Разве он мог просить большего — от кого бы то ни было?

Откуда ни возьмись, в сознании Гендибаля возник образ Суры Нови — не Оратора, даже не сотрудника Второй Академии — простой неученой женщины, но Нови стояла рядом с ним, торжественно, неколебимо, и была у нее какая-то важная роль в грядущей драме.

Образ виделся в тумане, нечетко, и Гендибаль не понимал пока, что ждет его впереди.

59

— Ну, еще Прыжок, и все, — пробормотал Тревайз.

— Гея? — с надеждой спросил Пелорат, глядя в иллюминатор через плечо Тревайза.

— Солнце Геи, — ответил Тревайз. — Называй его «Гея-С», если не хочешь путаться. Галактографы иногда так поступают.

— А сама Гея? Ее надо называть «Гея-П», так? То есть планета?

— Для планеты хватит одного названия, без всяких букв. Ее мы пока не видим. Планеты вообще не так легко увидеть, как звезды, а до Геи-С еще около сотни микропарсеков. Довольно яркая звезда, кстати, но пока мы еще достаточно далеко от нее, чтобы компьютер мог показать нам ее в виде диска. Ты лучше бы не смотрел на нее подолгу, Джен, — так

недолго и сетчатку повредить. Как только закончу расчеты, наложу фильтры. Потом сможешь смотреть, сколько твоей душе угодно.

— Сто микропарсеков... сколько же это будет в единицах, которые может понять мифолог, Голан?

— Три миллиарда километров, примерно двадцать раз столько, сколько от Терминуса до нашего солнца. Уяснил?

— Грандиозно... Но не стоит нам подойти поближе?

— Нет! — Тревайз удивленно оглянулся через плечо. — Не сразу, Джен. Зачем спешить после всего, что мы узнали о Гее? Одно дело — хотеть попасть туда, и совсем другое — мчаться туда сломя голову. Давай осмотримся для начала.

— А где мы будем осматриваться, Голан? Ты же сказал, что Геи пока не видно.

— Глазами не видно. Но у нас есть телескопические вьюеры и наш безотказный компьютер, способный быстро анализировать любую информацию. Изучим хорошенько Гею-С, проведем еще кое-какие наблюдения. Да ты не грусти, Джен.

Тревайз дружески похлопал товарища по плечу и продолжил беседу с компьютером.

Через некоторое время он сообщил:

— Гея-С — единичная звезда. Если и есть у нее пара, то вторая звезда слишком далеко отсюда. В лучшем случае это красный карлик, так что все равно нам до него никакого дела нет. Сама же Гея-С — звезда класса G, что означает высокую вероятность наличия неподалеку от нее обитаемой планеты. Это хорошо. Будь она класса А или М, нам ничего не оставалось бы, как развернуться и улепетывать.

Пелорат пожал плечами:

— Я, конечно, всего-навсего мифолог, но скажи, разве мы не могли узнать о том, к какому спектральному классу относится Гея-С, еще там, на Сейшелле?

— Могли и узнали, Джен, но никогда нелишне все проверить поближе... Так... у Геи-С есть планетарная система, что, впрочем, неудивительно. В поле зрения — два газовых гиганта. Если компьютер не ошибается в определении размеров, — один из них просто громадина. Другие планеты могут находиться за звездой и пока не видны. Не исключено, что ближе к звезде расположены и другие планеты, но о них пока ничего сказать нельзя.

— Это плохо?

— Это логично. Ведь обитаемые планеты всегда содержат какие-то металлы, и они гораздо меньше газовых гигантов, кроме того, они должны располагаться поближе к звезде, чтобы на них попадало достаточное количество тепла. Вот поэтому-то их и труднее наблюдать отсюда. Следовательно, нам нужно подойти поближе и обследовать пространство на расстоянии четырех микропарсеков от Геи-С.

— Я готов.

— А я нет. Прыжок сделаем завтра.

— Почему завтра?

— А почему нет? Давай подарим им денек — пусть нас заметят, а пожелают нас сцапать — успеем удрать, если они нам не понравятся.

60

Тревайз работал медленно и осторожно. Весь следующий день он провел в расчетах, сравнивал результаты, полученные с помощью разных методик. Не располагая достоверными данными, он мог полагаться только на интуицию, но она, как на грех, ничего ему не подсказывала. Той самой уверенности, что он порой ощущал в себе, как не бывало.

Наконец он отдал компьютеру команду, состоялся Прыжок, который увел корабль вверх от плоскости орбит планетарной системы.

— Сверху видно лучше, — объяснил он Пелорату. — Планеты будут видны на всей протяженности орбиты. Очень надеюсь, что для тех, кто, вероятно, наблюдает за нами, и мы станем лучше видны.

От Геи-С они теперь находились на таком же расстоянии, что и один из газовых гигантов, — примерно в полумиллиарде километров от него. Тревайз, к радости Пелората, показал гиганта с полным увеличением. Зрелище было впечатляющее, несмотря на наличие трех рассеянных колец помех.

— Самое что ни на есть обычное семейство спутников, — заявил Тревайз. — Но на таком расстоянии от Геи-С... нет, все они необитаемы. Кроме того, ни на одном из спутников не живут люди, вознамерившиеся выжить под стеклянным колпаком или еще в каких-нибудь немыслимо искусственных условиях.

— Откуда ты знаешь?

— Совершенно нет радиошумов, характерных для наличия разумной жизни, Джен. Правда, — тут же добавил он, обдумав собственный диагноз, — не исключено, что научный прогресс мог достичь такой стадии, что люди научились экранировать радиошумы, да и газовые гиганты, с другой стороны, продуцируют волны, способные замаскировать то, что ищу я. Но радиоприемник у нас очень чувствительный, и на компьютер тоже жаловаться не приходится. Я бы сказал: вероятность того, что эти планеты заселены людьми, крайне мала.

— Это означает, что Геи нет?

— Нет. Это означает, что, если Гея есть, она не может находиться на одном из этих спутников. Не могла или не захотела обосноваться здесь.

— Но вообще-то она есть или нет?

— Спокойствие, Джен. И терпение.

У самого Тревайза, казалось, запас терпения просто-таки неограничен. Бесконечно долго он рассматривал небо и прервал молчание только однажды:

— Знаешь, как-то странно, что они не выходят нам навстречу. Даже печально. Если у них действительно такие возможности, какие им приписывают, теперь-то уж им давно пора как-то на наше присутствие отреагировать.

— Значит, — мрачно пробурчал Пелорат, — это всего-навсего миф.

— Мифы, друг мой Джен, это по твоей части... — Тревайз уставился в иллюминатор, прищурился и объявил: — Миф не миф, а есть тут одна планета, которая проходит по орбите через экосферу, а следовательно, может быть обитаема. Хотелось бы понаблюдать за ней до конца дня.

— Почему?

— Чтобы убедиться в том, обитаема ли она.

— Но ты только что сказал, что она проходит через экосферу.

— Да. В данный момент. Но вовсе не исключено, что ее орбита сильно вытянута, то есть она может подходить к звезде слишком близко, где-нибудь на микропарсек, а порой отходить микропарсеков на пятнадцать. Нужно определить скорость движения планеты по орбите, замерить расстояние от Геи-С на разных участках орбиты и тому подобное.

61

Еще один день минул.

— Орбита почти круговая, — сообщил Тревайз. — Шансы обитаемости планеты значительно возрастают. Но даже теперь никто за нами не торопится. Придется осторожненько приблизиться.

Пелорат спросил:

— Почему ты теперь так долго готовишься к Прыжкам? Движешься — через час по чайной ложке.

— Нет, вы его послушайте! Да маленькие Прыжки гораздо труднее больших. Что легче вынуть из песка — булыжник или песчинку? Гея-С так близко, пространство сильно искривлено. Одно это даже для компьютера расчеты затрудняет. Полагаю, это должно быть понятно даже мифологу.

Пелорат хмыкнул и надулся.

— Видишь планету? — спросил Тревайз. — Теперь ее видно невооруженным глазом. Период обращения вокруг солнца — около двадцати двух галактических часов, ось наклонена под двенадцать градусов. Почти хрестоматийный пример обитаемой планеты, и жизнь на ней есть.

— Откуда ты знаешь?

— В ее атмосфере — значительное количество свободного кислорода. При отсутствии развитой растительности это невозможно.

— А как насчет разумной жизни?

— Все зависит от результатов анализа радиоволнового излучения. Может быть, конечно, там существует разумная жизнь, не достигшая такого прогресса в технике, но это вряд ли.

— Бывали такие случаи, — возразил Пелорат.

— Верю на слово. Это — из твоей голубятни. Только как-то не верится, чтобы тамошние пасторальные обитатели так напугали Мула.

— А спутник у планеты есть? — спросил Пелорат.

— Да, — равнодушно ответил Тревайз.

— О! Большой? — дрогнувшим голосом спросил Пелорат.

— Что-то около ста километров в поперечнике.

— Как обидно... — разочарованно протянул Пелорат. — Если бы...

— Если бы спутник оказался гигантским, это могла бы быть сама Земля собственной персоной?

— Да, но по всему видно, что это не так.

— Но если прав Компор, Земля даже не в этом секторе Галактики. Она где-то в районе Сириуса... Джен, правда, мне очень жаль.

— Ну что ты... — махнул рукой Пелорат.

— Послушай, мы немного выждем и сделаем еще один маленький Прыжок. Если найдем признаки разумной жизни, можно решиться совершить посадку, если только не окажется, что ее совершать не стоит. Идет?

62

После Прыжка Тревайз удивленно проговорил:

— Все сходится, Джен. Гея, она самая. По крайней мере, тут есть технически развитая цивилизация.

— Это ты по радиоволнам судишь?

— Все гораздо проще. Вокруг планеты летает орбитальная станция. Видишь?

На экране появился объект, в котором Пелорат не усмотрел ничего необыкновенного, но Тревайз объяснил:

— Объект искусственный, металлический, с источником радиоволн.

— И что же мы теперь будем делать?

— Пока ничего. Они никак не могут не заметить нас при такой стадии развития техники. Если будут молчать, я через некоторое время пошлю радиосигнал. Если же и тогда они ничего не предпримут — осторожно приближусь.

— Ну а если все же с их стороны будут какие-то действия?

— Все зависит от того какие. Если мне их действия не понравятся, придется воспользоваться преимуществами нашего положения — вряд ли они сумеют помешать нам совершить Прыжок.

— Мы обратимся в бегство, ты хочешь сказать?

— Гиперпространство — наше оружие и спасение.

— Но мы улетим отсюда не умнее, чем прилетели.

— Вовсе нет. По крайней мере, выяснили, что Гея существует, что на ней есть технически развитая цивилизация и что она предприняла нечто, чтобы отпугнуть нас.

— Но, Голан, давай не будем уж очень пугливыми.

— Так... Джен, я прекрасно понимаю, что тебе в жизни ни-

чего больше не надо, как только разузнать побольше о Земле, но не забывай: я не приверженец этой твоей мономании. Наш корабль не вооружен, а эти — там, внизу, жили в полной изоляции несколько столетий. Представь себе: они ни сном ни духом не ведают, что за Академия такая и с чем ее едят, и вовсе не обязаны питать к ней какое-либо уважение. А если допустить, что там — Вторая Академия? Не дай бог раздразнить их — тогда мы никогда больше не сможем стать такими, как сейчас. Тебе что, не терпится, чтобы твое сознание стерли подчистую и ты с удивлением обнаружил, что больше никакой не мифолог и не помнишь ни единой легенды?

Пелорат затосковал.

— Ну, если ты так говоришь... Но только — что мы будем делать, когда улетим отсюда?

— Все просто. Вернемся на Терминус с новостями... ну, если не на Терминус, то так близко к нему, как позволит наша милая старушка. Потом можно будет снова вернуться на Гею — гораздо быстрее, не блуждая по окрестностям, — и вернуться надо будет на военном корабле, а то и с целым Флотом. Тогда все будет по-другому.

63

Ожидание тянулось бесконечно. Становилось по-настоящему скучно. В окрестностях Геи они провели уже больше времени, чем потратили на перелет от Терминуса к Сейшеллу.

Тревайз запрограммировал на компьютере автоматический сигнал тревоги и расслабился — ухитрился задремать в мягком кресле.

Проснулся он оттого, что сигнал тревоги зазвучал. Напуганный, наполовину выбритый Пелорат вбежал в каюту Тревайза.

— Это что, сообщение? Вызов?

— Нет, — нервно отозвался Тревайз. — Мы двигаемся.

— Двигаемся? Куда?!

— К орбитальной станции.

— Почему?

— Не знаю. Двигатели работают, компьютер мне не отвечает, а мы движемся... Нас сцапали, Джен. Слишком близко мы подошли к Гее.

Глава 16

СТОЛКНОВЕНИЕ

64

Когда в видовом иллюминаторе корабля Гендибаля наконец показался корабль Компора, Гендибаль почувствовал по-настоящему, каким долгим было путешествие. До конца еще было далеко, все еще только начиналось. Путь от Трентора до Сейшелла — всего лишь пролог.

— Еще один корабль? — удивленно спросила Нови. — Еще один корабль космоса?

— Космический корабль, Нови. Тот самый, к которому мы стремились добраться. Он больше нашего и лучше. Он может двигаться через космос так быстро, что, если бы вздумал убегать от нас, нашему кораблю ни за что не догнать бы его.

— Он быстрее корабля ученых?

Видимо, Суру Нови сама эта мысль оскорбила.

Гендибаль пожал плечами:

— Ты зовешь меня Господином, но ученые не во всем господа, Нови. Нет у нас таких кораблей, нет многого другого, чем владеют те, кто владеет такими кораблями.

— Но как же может быть, Господин, что у ученых нет таких кораблей?

— Мы владеем более важными вещами, Нови. Все материальные богатства этих людей — чепуха, обман.

Нови задумалась, брови ее сошлись на переносице.

— А мне кажется, что, если они могут так быстро летать, что Господин не может догнать, это не ерунда. Кто эти люди, имели этих чудес... те, у которых есть такие чудеса?

Гендибаль ответил:

— Они называют себя Академией. Ты когда-нибудь слыхала об Академии, Нови?

(Ему вдруг стало интересно, что думляне знают и чего не знают о Галактике и почему так вышло, что Ораторам никогда не было дела до этого... Или это он сам не удосужился поинтересоваться? Он, который был так уверен, что интересы думлян не простираются дальше копания в земле?)

Нови задумчиво покачала головой:

— Я про такую никогда не слыхала, Господин. Когда школьный учитель учил меня буквознанию... учил читать, я хотела сказать, он говорил мне, что есть много других миров, и некоторые называл. Он сказал, что наш думлянский мир по-правильному называется Трентор, и когда-то он правил всеми мирами. Еще он говорил, что весь Трентор был покрыт сверкающим железом и тут был Император — всем господам Господин. А я, — она смущенно посмотрела на Гендибаля, — не шибко верю в такое. Есть много историй, которые разные словорубки... болтуны по вечерам рассказывают в домах собраний. Когда я была маленькая девочка, я во все верила, а как стала большая, поняла, что многие из этих историй — неправда. Теперь я почти ни во что не верю. Даже школьные учителя небылицы рассказывают.

— Может быть, Нови, но только то, что рассказал тебе твой учитель, верно. Трентор действительно был покрыт металлом, и тут действительно был Император, который правил всей Галактикой. Но когда-нибудь всеми мирами будет править народ Академии. Они становятся все сильнее, эти люди.

— Они будут править **всеми**, Господин?

— Не сейчас. Это будет через пятьсот лет.

— И господами ученым тоже станут править?

— Нет-нет, они будут править мирами. А **ими** будем править мы. Для их безопасности и для безопасности миров.

Нови опять нахмурилась и сказала:

— Господин, а у этих людей из Академии много таких хороших кораблей?

— Думаю, много, Нови.

— А другие вещи у них тоже такие удивительные?

— У них много мощного оружия, самого разного.

— Тогда, Господин, они, наверное, могут победить все-все миры сейчас?

— Нет, не могут. Еще не время.

— Но почему не могут? Ученые остановят их?

— Нам не придется их останавливать, Нови. Даже если бы мы совсем ничего не делали, они все равно не смогут сейчас захватить все миры.

— Но кто им помешает?

— Понимаешь... — начал Гендибаль... — есть такой план, его придумал один очень мудрый человек...

Он оборвал начатую фразу, улыбнулся, покачал головой:

— Трудно объяснить, Нови. Как-нибудь в другой раз. Знаешь, может быть, ты и сама все поймешь еще до того, как мы вернемся на Трентор.

— А что должно случиться, Господин?

— Точно пока не знаю, Нови. Но все будет хорошо.

Гендибаль отвернулся и приготовился к связи с Компором. И хорошо, что отвернулся, — с губ чуть было не слетели слова: «Я очень надеюсь». О, как он разозлился на себя за эти несказанные слова. Он отлично понимал, откуда они взялись: очертания корабля Компора породили их — символ мощи Академии, ее колоссального, изощренного могущества, и восторг в широко раскрытых глазах Нови, когда она смотрела на этот корабль!

Как глупо! Как он мог попасться на эту удочку? Как можно сравнивать обладание грубой физической силой со способностью управлять сознанием людей? «Рука на горле, которой на самом деле нет» — так называли такое ощущение многие поколения Ораторов.

Подумать только, а он до сих пор не свободен от подобных чар!

65

Мунн Ли Компор плохо понимал, как следует себя вести. Образ всемогущих Ораторов, который он сам создал, с которыми он время от времени выходил на связь, — таков ли он на самом деле? Какой он, один из этих людей, державших в могучей, таинственной деснице все человечество?

Стор Гендибаль был самым частым собеседником Компора в последние годы. Но не голос его приходил на память Компору, когда он думал о Гендибале, а сила и мощь его сознания при сеансах ментальной гиперсвязи.

Невидимые нити ментосвязи опутывали тонкой сетью всю Галактику, и в этом отношении Вторая Академия оставила Первую далеко позади. Концы всех ниточек держали в руках самые посвященные.

Не однажды Компор испытывал щемящую радость от своей, пусть маленькой, роли в грандиозном общем деле. Как та-

инственно, как великолепно было все это! Даже жена ничего не знала о его второй жизни.

Теми посвященными, кто держал в руках концы всех нитей, были Ораторы, а этот самый Оратор, Стор Гендибаль, который, как думал Компор, недалек от того, чтобы стать Первым Оратором, выше любого из Императоров... этот человек был рядом, в корабле, который донес его сюда с Трентора. О, как Компору было жаль, что встреча происходит не на самом Тренторе!

Но неужели этот корабль — с Трентора? Да у любого из древних Торговцев, что развозили товары из Академии по всей Галактике, корабли были наверняка получше этого. И ничего удивительного, что путь от Трентора до Сейшелла занял у Оратора столько времени. Его корабль не был даже оборудован устройством для стыковки, а даже корабли слабенького флота Сейшелла имели такие приспособления. Пришлось уравнять скорость кораблей, сейчас будет переброшен трап, и Оратор переберется по нему — совсем как в Имперские времена.

«Вот оно как, — думал Компор, не в силах прогнать разочарования. — Оратор *прилетел в старой Имперской посудине*...»

По трапу передвигались две фигурки — одна из них настолько неуклюже, что не оставалось никаких сомнений — этот человек в космосе впервые.

Наконец они вошли в люк и сняли скафандры. Оратор Стор Гендибаль оказался человеком невысокого роста, поджарым, не слишком выразительной внешности. Ни силы, ни могущества, ни какой-то необыкновенной учености от него не исходило. Единственным знаком мудрости были его темные, глубоко посаженные глаза. Вдобавок он оглядывался по сторонам с явным проявлением благоговейного трепета!

С ним была женщина самой заурядной внешности. Рот ее приоткрылся от восхищения.

66

Не так уж страшно было Гендибалю переходить из одного корабля в другой по трапу — да, он не был опытным космолетчиком, и никто во Второй Академии не был, но и оставаться законченной сухопутной крысой никому во Второй Академии не позволяли. Возможность необходимости совершения космических полетов витала в воздухе, но каждый из сотрудников старался о такой возможности не думать (кстати говоря, Прим Пальвер, намотавший столько парсеков по Галактике, что его опыт космолетчика стал попросту легендарным, обронил однажды фразу, смысл которой сводился примерно к следующему: «Успех Оратора в осуществлении Плана определяется тем, насколько часто он выбирается в космос»).

Переходным трапом Гендибаль раньше пользовался трижды. Если он и испытывал какую-то неуверенность, ее следовало побороть ради Нови. Не нужно было быть великим специалистом в менталике, чтобы увидеть, как страшна ей сама мысль о том, чтобы ступить в пустоту.

— Я быть страшно... — пролепетала она, забыв все свои успехи в грамматике. — Я делать шаг в никуда...

Тихим, добрым голосом Гендибаль принялся ее уговаривать:

— Я не могу оставить тебя на этом корабле, Нови, потому что должен перейти в другой. Ты должна пойти со мной. Это совсем не опасно, мы наденем скафандры, и они защитят нас от любого вреда. И еще: ты не упадешь, даже если отпустишь поручни — останешься совсем близко, рукой можно достать. Я помогу тебе. Пойдем, Нови, покажи мне, какая ты храбрая. Ты храбрая, ты умная, ты хочешь стать ученой, правда?

Она не сказала ни слова, а Гендибаль, не желая нарушить прекрасной симметрии очертаний ее сознания, лишь передал ему успокоение.

— Можешь и теперь говорить со мной, — сказал он Нови, когда они облачились в скафандры. — Хорошенько подумай, о чем хочешь сказать, и мысленно говори эти слова, одно за другим. Ты слышишь меня, Нови?

— Да, Господин, — был ее ответ.

Он видел, как движутся ее губы за прозрачным лицевым стеклом шлема.

— Говори, не двигая губами, Нови. В этом скафандре нет звука. Говори умом.

Губы Нови не двигались, лоб наморщился, брови сдвинулись.

— Вы слышите меня, Господин?

«Великолепно, — подумал Гендибаль. — А ты слышишь меня?» — мысленно спросил он.

«Да, Господин».

«Тогда ступай за мной и делай все, как буду делать я».

Они ступили на трап. Теоретически Гендибаль знал, что и как нужно делать, но не сказать чтобы на практике так уж замечательно все у него выходило. Ноги нужно было держать на ширине плеч и, не сгибая, выбрасывать вперед, от бедра. Чтобы центр тяжести тела равномерно перемещался вперед, нужно было попеременно выбрасывать вперед руки. Объяснив все это Нови, Гендибаль пошел по трапу и, не оборачиваясь, следил за сигналами двигательного центра мозга Нови.

Для новичка у нее все сошло на удивление неплохо, ненамного хуже, чем у Гендибаля. Страх прошел, и она спокойно выслушивала его советы. Гендибаль был очень ею доволен.

Но все-таки она ужасно обрадовалась, когда трап закончился и они оказались на борту корабля Компора. Честности ради надо сказать, что Гендибаль был доволен не меньше. Сняв скафандр и оглядев внутренний интерьер корабля, Гендибаль не мог не поразиться роскоши и стилю убранства и оборудования. Многие вещи были ему совершенно незнакомы, и он искренне затосковал — как жаль, что у него будет так мало времени, чтобы познакомиться с этими приборами поближе. Правда, ничто не мешало ему вытянуть и поглотить опять человека, который умел со всеми этими штуками обращаться, но так хотелось настоящего обучения!

Гендибаль обратил взгляд к Компору. Высокий, стройный, ненамного старше его самого, довольно красивый, правда, красота его отдавала мягкостью, слабостью: волнистые пушистые волосы Компора ниспадали на плечи крупными локонами — удивительно светлые, золотистые.

От Гендибаля не могло укрыться разочарование, испытываемое Компором. Мало разочарования — он осмелился испытывать жалость к Оратору, которого воочию видел впервые в жизни! Мало и этого — он не удосужился скрыть своих чувств!

В принципе Гендибаль не имел ничего против — в конце концов, кто такой Компор: он не с Трентора и не сотрудник высокого ранга из Второй Академии — бог с ним, пусть питает какие угодно иллюзии. Даже самое поверхностное исследование его сознания со всей ясностью показывало: он был из тех людей, для кого понятие «власть» связано с внешними проявлениями этого понятия. Иллюзии — иллюзиями, витать в облаках никому не запрещается, но только не сейчас.

Гендибаль сделал то, что при общении обычных людей выглядело бы примерно как тыканье пальцем. Резкая боль объяла все тело Компора, сдавила голову. Будто некая невидимая сила кольнула его сознание, напомнив о себе.

Компор излучил глубочайшее уважение к Оратору.

Гендибаль дружелюбно проговорил:

— Я просто попытался привлечь ваше внимание, друг мой. Будьте так добры, сообщите мне о теперешнем местонахождении вашего товарища Голана Тревайза и его спутника Джена Пелората.

Компор несколько растерянно спросил:

— Я должен говорить в присутствии этой женщины, Оратор?

— Считайте эту женщину частью меня, поэтому говорите открыто.

— Как скажете, Оратор. Тревайз и Пелорат в настоящее время приближаются к планете, известной под названием Гея.

— Так вы сказали в вашем последнем сообщении. Теперь они, скорее всего, уже высадились на Гее, а может быть, улетели еще куда-нибудь. На планете Сейшелл они надолго не задержались.

— За то время, что я следил за ними, Оратор, они не совершали посадку. К планете они приближаются осторожно, делают большие паузы между микропрыжками. Мне ясно, что они не знают ничего об этой планете, потому и медлят.

— А **вы** что знаете о ней, Компор?

— Ничего, Оратор, — ответил Компор. — Не только я. И мой компьютер тоже ничего не знает.

— Этот компьютер? — спросил Гендибаль, кивнув в сторону пульта управления. — А хорошо ли он помогает вести корабль?

— О, он прекрасно управляет кораблем, Оратор! Стоит только мысленно дать команду...

Гендибаль был обескуражен:

— Академия делает такие успехи?

— Да, но это не так легко, как может показаться, Оратор. Порой приходится по нескольку раз повторять мысли, да и то не всегда я получаю необходимую информацию.

— Думаю, у меня лучше получится, — заявил Гендибаль.

— Уверен в этом, Оратор, — с уважением и подобострастием ответил Компор.

— Пока оставим это. Но почему ваш компьютер не знает о Гее?

— Я не знаю, Оратор. Он утверждает, если так можно сказать о компьютере, что у него есть данные обо всех обитаемых планетах Галактики.

— Он не может располагать большим объемом информации, чем тот, что введен в него. Те, кто закладывал в компьютер информацию, считали, что знают обо всех планетах, но, видимо, не знали, а раз так, этого не может знать и компьютер, верно?

— Безусловно, Оратор.

— Вы наводили справки на Сейшелле?

— Оратор, — после небольшой заминки ответил Компор, — на Сейшелле есть люди, которые говорят о Гее... но эти разговоры большой ценности не представляют. Чистой воды предрассудки. Они твердят, будто Гея — могущественный мир, который сумел устоять даже против Мула.

— Так и говорят? — спросил Гендибаль, старательно подавляя удивление. — И вы так твердо уверились, что это — просто суеверие, и даже не потрудились узнать подробности?

— Нет, Оратор, я спрашивал много и многих, но все говорят об одном и том же.

— Вероятно, — задумчиво проговорил Гендибаль, — те же самые рассказы слышал и Тревайз и почему-то отправился на Гею, может быть, как раз для того, чтобы посмотреть, нет ли там на самом деле могущественной силы. Приближается к планете осторожно — стало быть, побаивается.

— Это очень вероятно, Оратор.

— И все-таки вы не полетели вслед за ним?

— Я полетел, Оратор, и летел довольно долго, и убедился, что он летит именно на Гею. Потому я вернулся сюда, в окрестности Геи.

— Почему?

— По трем причинам, Оратор. Во-первых, мне хотелось как можно скорее встретиться с вами, как вы мне приказали. На корабле Тревайза и Пелората нет гиперреле, но оно есть на борту моего корабля, и я не могу слишком сильно удаляться от их корабля — об этом сразу узнают на Терминусе. Во-вторых, стало ясно, что Тревайз идет к Гее очень медленно, и я решил, что еще до того, как он, может быть, высадится там, мне хватит времени вылететь вам навстречу. Мне хотелось как можно скорее увидеться с вами, Оратор, пока волна событий не захлестнула нас, — в особенности потому, что вы гораздо компетентнее меня, и вместе нам легче было бы проследить за Тревайзом до самой Геи и разрешить все срочные вопросы, если таковые возникнут.

— Справедливо. А третья причина?

— Со времени последнего нашего сеанса связи, Оратор, произошло нечто неожиданное и необъяснимое... и поэтому мне также хотелось увидеться с вами как можно скорее.

— Что такое произошло — неожиданное и необъяснимое?

— К границам Сейшельского Союза приближаются военные корабли Академии. Мне удалось перехватить передачу новостей по Сейшельскому радио. В составе отряда как минимум пять первоклассных кораблей, и их мощи хватит для того, чтобы победить весь флот Сейшелла.

Гендибаль ответил не сразу, ни в коем случае нельзя было подать вид, что он не ожидал этого или не понял, в чем дело. Через мгновение он спокойно, даже отсутствующе спросил:

— Вы полагаете, это как-то связано с полетом Тревайза к Гее?

— Это случилось сразу же после старта Тревайза к Гее. Ведь если Б движется следом за А, весьма вероятно, что А — причина этого движения.

— Ну что ж, похоже, все пути ведут на Гею. Все летят туда — Тревайз, я и Первая Академия. Отлично. Вы хорошо поработали, Компор, — похвалил Наблюдателя Гендибаль, — и вот что мы теперь сделаем... Во-первых, вы покажете мне, как обращаться с вашим компьютером и как с его помощью можно управлять кораблем. Уверен, это не займет много времени. Затем вы перейдете в мой корабль — я успею вложить в ваше сознание сведения о том, как управлять им. Он покажется вам весьма примитивным — собственно, вы могли уже об этом догадаться по его внешнему виду. Вы останетесь здесь, Компор, и будете ждать меня.

— Как долго, Оратор?

— Пока я за вами не вернусь. Не думаю, что я слишком долго задержусь и вы окажетесь за это время в опасности. Но если я все-таки задержусь, можете лететь на ближайшую планету Сейшельского Союза и ждать меня там. Я разыщу вас, где бы вы ни были.

— Слушаюсь, Оратор.

— И не тревожьтесь. Я справлюсь с этой таинственной Геей, а понадобится — и с пятью кораблями Академии.

67

Литораль Тубинг уже семь лет занимал должность посла Академии в Сейшелле, и работа эта устраивала его целиком и полностью.

Высокий, тучный, он не расставался с густыми каштановыми усами, хотя и в Академии, и в Сейшелле в моде было гладко бриться.

Тубингу было всего пятьдесят четыре, но он уже успел обзавестись скептически-равнодушным отношением ко всему на свете. Как он относился к собственной работе, сказать было трудновато.

Скорее всего, он все-таки любил ее, ведь должность давала ему возможность держаться подальше от политических распрей на Терминусе, а он их терпеть не мог, и вести образ жизни сейшельского сибарита. Зарабатывал он вполне достаточно для того, чтобы обеспечить жене и дочке ту жизнь, к которой они привыкли. Меньше всего он хотел, чтобы привычный уклад его жизни был нарушен.

Кроме того, он недолюбливал Лайоно Коделла, может быть, потому, что Коделл тоже носил усы, хотя, справедливости ради, надо отметить, что усы Коделла значительно уступали усам Тубинга по густоте, длине, да к тому же сильно поседели. Было время, когда в высших политических кругах только Коделл и Тубинг форсили усами, и между ними в этом плане было нечто вроде соревнования. «Теперь, — думал Тубинг, — и соревноваться нечего. По усам я его обставил». Но во всем остальном...

Коделл занимал пост Директора Службы Безопасности уже тогда, когда Тубинг вынашивал мечты занять пост Мэра. Однако от него откупились и назначили послом. Сделала это Харла Бранно для себя, разумеется, но теперь Тубинг был ей только благодарен.

Ей, но не Коделлу. Может быть, из-за того, что Коделл всю жизнь играл роль этакого рубахи-парня, с вечной очаровательной улыбочкой, которая не покидала его физиономии даже тогда, когда он был занят тщательным обдумыванием, каким именно образом лучше перерезать вам горло.

И вот теперь перед Тубингом восседало гиперпространственное изображение Коделла, источавшее по обыкновению всю гамму дружелюбия и фамильярности. Физически Коделл пребывал, естественно, на Терминусе, что, слава богу, избавляло Тубинга от необходимости проявлять по отношению к нему знаки гостеприимства.

— Коделл, — заявил Тубинг, — я хочу, чтобы эти корабли были убраны.

Коделл очаровательно улыбнулся:

— О, и я тоже, но старуха так решила.

— Вы вроде бы всегда умели переубеждать ее.

— Иногда, — уточнил Коделл. — Когда она сама была не против. На этот раз не желает ничего слушать... Тубинг, делайте свое дело. Успокойте Сейшелл.

— Я не о Сейшелле пекусь, Коделл. Я за Академию боюсь.

— Как и все мы.

— Коделл, не валяйте дурака. Я хочу, чтобы вы меня выслушали.

— С радостью, но на Терминусе сейчас нелегкие времена, и я при всем желании не могу слушать вас вечно.

— Постараюсь быть максимально краток. Речь идет о возможности гибели Академии. Если эта линия гиперпространственной связи не прослушивается, я буду говорить открыто.

— Не прослушивается.

— Тогда слушайте. Пару дней назад я получил сообщение от некоего Голана Тревайза. Если мне не изменяет память, я когда-то знавал человека с такой фамилией — он был сотрудником Транспортной Комиссии.

— Он... дядя этого молодого человека.

— Ага, значит, вам знаком этот Тревайз, что послал мне сообщение? Судя по сведениям, которые мне удалось собрать, он был Советником, и после успешного разрешения последнего селдоновского кризиса его арестовали и отправили в ссылку.

— Все точно.

— А я не верю.

— Чему не верите?

— Тому, что он был сослан.

— А что тут такого?

— А когда это, интересно, в истории Академии хотя бы од-

ного гражданина отправляли в ссылку? Гражданина Академии либо арестовывают, либо не арестовывают. Если арестовывают — либо судят, либо не судят. Если судят — либо осуждают, либо не осуждают. Если осуждают — штрафуют, лишают должности, понижают в звании, сажают в тюрьму или казнят. В ссылку никого и никогда не отправляли. Такого еще не бывало.

— Что-нибудь всегда происходит впервые.

— Чепуха. Он сослан на корабле последней модели? Дураку понятно: он выполняет задание особой важности для вашей старухи. Кого она обмануть хочет?

— Да? И какое же, по вашему мнению, это задание?

— Вероятно, отыскать планету Гея.

Взгляд Коделла несколько утратил традиционное дружелюбие, наполнился подозрительностью.

— Я знаю, — сказал он, — мистер посол, что особого желания верить мне вы не испытываете, но убедительно прошу поверить мне в этом, отдельно взятом случае. В то время, когда было принято решение о ссылке Тревайза, ни Мэр, ни я о Гее даже не слышали и узнали о ее существовании только вчера. Если вы согласны поверить в это, можем продолжить беседу.

— Трудновато, но так и быть.

— Понимаю, что трудновато, посол. Уверяю, я перешел на официальный тон лишь потому, что, когда все будет окончено, вы обнаружите, что придется ответить на кое-какие вопросы, и вы поймете, что дело совсем нешуточное. Вы говорите так, будто мир Геи вам знаком. Как же это вышло, что вам известно то, чего не знаем мы? Разве в ваши обязанности не входит посвящение нас во все то, что вы знаете о вверенной вашему попечению политической единице?

Тубинг тихо ответил:

— Гея не входит в Сейшельский Союз. Ее, может быть, на самом деле и нет вовсе. Разве я обязан передавать на Терминус разные там небылицы и сказочки, которые всякие тупицы рассказывают на Сейшелле о Гее? В некоторых из них утверждается, будто Гея находится в гиперпространстве. Другие говорят, что Гея якобы это такой мир, который каким-то сверхъестественным образом защищает Сейшелл. А третьи утверждают, что именно этот мир отправил Мула на захват Галактики. Так что, если вы собираетесь оповестить сейшельское правительство о том, что Тревайз был послан на поиски Геи, а пять новехоньких военных кораблей Академии посланы для того, чтобы оказать

ему моральную поддержку, они вам ни за что не поверят. Народ верит сказочкам про Гею, но не правительство, и вам не удастся убедить его, что в эти бредни верит Академия. Им покажется, что вы намереваетесь силой присоединить Сейшелл к Федерации Академии.

— Даже если так, то что из того?

— Это означает подписание смертного приговора Академии. Послушайте, Коделл, за всю нашу пятивековую историю разве мы хоть раз затевали завоевательную войну? Мы только оборонялись, защищали Академию от завоевателей. Однажды проиграли, но ни одна война не заканчивалась для нас расширением нашей территории. Все случаи присоединения государств к Федерации происходили мирным путем, и присоединялись к нам только те, кто видел преимущества присоединения.

— А Сейшелл таких преимуществ разве не способен увидеть?

— Не увидит, пока наши корабли не уберутся от его границ. Уберите их.

— Это невозможно.

— Коделл, поймите, Сейшелл — удивительный пример доброй воли, мирных намерений Академии. Он почти окольцован нашей территорией, положение его безмерно уязвимо, и все-таки вплоть до последних дней он был в полной безопасности, шел своим путем, даже открыто выражал антифедеральные взгляды. Разве это не лучший способ демонстрации всей Галактике того, что мы не исповедуем позицию силы, что мы ко всем идем с дружбой и миром! Захватив Сейшелл, мы захватим то, что фактически имеем и так. Мы и так здесь доминируем, но — мирно! Пойдем на военный захват — ославим себя на всю Галактику как жестокие экспансионисты.

— Ну а если я скажу вам, что по-настоящему нас интересует только Гея?

— Тогда я поверю этому не более, чем сейшельское правительство. Этот человек, Тревайз, отправляет мне сообщение о том, что он летит на Гею, и просит передать это сообщение на Терминус. Против своей воли и веры я делаю это, делаю, потому что обязан, и линия гиперпространственной связи еще не успевает остыть, как Флот Академии начинает маневры. Как это, интересно, вы собираетесь попасть на Гею, не нарушив территориальной целостности Сейшелла?

— Дорогой мой Тубинг, у меня такое впечатление, что вы себя не слышите. Не вы ли сказали мне только что, что Гея не входит в Сейшельский Союз? Уверен — вам известно, что гиперпространство и вовсе ничьей территорией не является. На что обижаться Сейшеллу, если мы тронемся с территории Федерации, где сейчас стоят наши корабли, через гиперпространство на территорию Геи и за время перелета не затронем ни единого кубического сантиметра сейшельской территории?

— Сейшелл не станет так трактовать происходящее, Коделл. Гея, если она в действительности существует, со всех сторон окружена территорией Сейшельского Союза, не являясь его политической составной частью. Бывали прецеденты, когда такие анклавы вдруг становились неотъемлемыми частями чьей-то территории, когда в дело вступали вражеские корабли.

— Наши корабли не вражеские. У нас мирный договор с Сейшеллом.

— Говорю вам, Сейшелл может объявить войну. Они, конечно, не смеют надеяться, что выиграют по военному превосходству, но такой оборот событий немедленно поднимет волну протеста против действий Академии по всей Галактике. Образуются альянсы недовольных нашей экспансионистской политикой государств. Некоторые из субъектов Федерации могут задуматься о расторжении союза с нами. Мы можем запросто проиграть войну только за счет внутренних распрей и тем самым нанесем необратимый удар по процессу роста Федерации, который успешно осуществляется уже пятьсот лет.

— Ну-ну, Тубинг, это вы хватили... Вы говорите так, будто пятьсот лет мы прожили, оставаясь Академией времен Сальвора Гардина, сражающейся с карманным королевством Анакреона. Мы теперь сильнее Империи на пике ее могущества. Одна эскадра наших кораблей сейчас способна одолеть весь флот прежней Империи, занять любой сектор Галактики, даже не почувствовав, что был бой.

— Мы сражаемся не с Галактической Империей. Мы сражаемся с планетами и секторами нынешней Галактики.

— Которые, — уточнил Коделл, — далеки от достигнутого нами прогресса. Мы могли бы владеть всей Галактикой уже сейчас.

— В соответствии с Планом Селдона это будет нам недоступно еще целых пятьсот лет.

— План Селдона недооценивает скорости развития техники. Мы можем сделать это сейчас! Поймите меня, я не говорю, что мы **сделаем** это или должны сделать. Но — можем.

— Коделл, вы всю жизнь прожили на Терминусе. Вы не знаете Галактики. Наш флот, наша техника позволяют нам одолеть вооруженные силы других миров, но мы пока не способны править всей мятежной, затаившей ненависть к нам Галактикой, а эта ненависть вырвется наружу, если мы возьмем Галактику силой. Уберите корабли!

— Это невозможно, Тубинг. Задумайтесь: что, если Гея — не миф?

Тубинг умолк и пристально посмотрел в глаза далекого собеседника, будто старался прочесть его мысли.

— Мир в гиперпространстве — не миф?

— Мир в гиперпространстве — суеверие, но любое суеверие может содержать крупицу правды. Тревайз, этот ссыльный Советник, говорит о Гее как о реально существующем мире, находящемся в реальном пространстве. Что, если он прав?

— Чушь. Не верю.

— Нет? А вы все-таки поверьте на минутку. Реально существующий мир, сохранивший безопасность и нейтралитет Сейшелла при Муле, при Академии?

— Вы сами себе противоречите. Разве безопасность Сейшелла сохранена, если вы посылаете против него корабли?

— Не против него! Нас интересует Гея, только она — загадочная, неизвестная и настолько пекущаяся о своей неизвестности, что, существуя в реальном пространстве, распускает о себе несусветные небылицы и ухитряется даже отсутствовать в банке данных нашего Главного Компьютера, в самых полных картах Галактики.

Выходит, что этот необычный мир способен манипулировать сознанием людей. И разве не вы сами сказали некоторое время назад, что в одной сейшельской байке говорится, будто именно Гея отправила Мула на завоевание Галактики? Разве Мул не умел манипулировать сознанием?

— Выходит, будто Гея — мир Мулов, так, что ли?

— Вы уверены в обратном?

— Но почему в таком случае она не может быть миром, где обитает возродившаяся Вторая Академия?

— Вот именно, почему бы и нет? Разве не стоит ее исследовать?

Тубинг помрачнел. До сих пор он только скептически усмехался, а теперь склонил голову и смотрел исподлобья.

— Если вы не шутите, скажите: такое исследование опасно?

— А разве нет?

— Вы отвечаете вопросами на вопросы, видимо, потому, что готовых ответов у вас нет. Что толку от военных кораблей против Мулов или Второй Академии? Разве вам не кажется, что, если они существуют, они планомерно ведут нас к гибели? Коделл, вы утверждаете, что Академия способна основать Вторую Империю уже сейчас, в обход Плана Селдона, выполненного лишь наполовину. Считайте, что я предупредил вас: примените силу, и хитросплетения Плана отбросят вас назад. Если Гея существует и представляет собой то, что вы о ней говорите, все просто создано именно для того, чтобы отбросить нас назад. Действуйте же мирно, не проливая крови, на что вас вынудят непременно. Уберите корабли.

— Это невозможно. Дело в том, Тубинг, что Мэр Бранно собирается лично присоединиться к отряду кораблей, а разведывательные катера уже стартовали к территории Геи через гиперпространство.

Брови Тубинга взлетели вверх.

— Точно, будет война, я вам говорю.

— Вы наш посол. Предотвратите это. Дайте сейшельцам любые заверения, в которых они нуждаются. Отрицайте всякий злой умысел с нашей стороны. Скажите им, что, если понадобится, мы готовы заплатить им за то, чтобы они сидели тихо, как мыши, — пусть спокойно дожидаются нашей гибели от руки Геи. Да что угодно говорите, только успокойте их.

Он замолчал, изучая ошарашенную физиономию Тубинга, потом сказал:

— Вот, собственно, и все. Насколько мне известно, ни один из кораблей Академии и не подумает приземлиться ни на одной из планет Сейшельского Союза — даже не проникнет ни в одну из точек обычного пространства, являющегося частью сейшельской территории. Однако любой корабль сейшельцев, попытающийся нарушить границу Федерации, будет немедленно превращен в космическую пыль. Это постарайтесь также объяснить сейшельскому правительству как можно яснее и проще. Ваша задача — успокоить сейшельцев, и туго вам придется, если вы провалитесь. До сих пор, Тубинг, работенка у вас была непыльная. Да, вам предстоят тяжелые времена, а ближайшие

недели решают все. Только попробуйте провалить наше дело, тогда на хорошее житье не рассчитывайте, не найдется в Галактике для вас спокойного уголка.

Коделл был сам на себя не похож — какое там дружелюбие! В разговоре с Тубингом он поставил жирную точку и прервал связь. А Тубинг долго-долго, не мигая, смотрел туда, где только что было изображение Коделла...

68

Голан Тревайз схватился за голову, словно пытался понять, что там происходит.

— Как у тебя дела с сознанием? — тревожно спросил он у Пелората.

— Как... у меня дела... с сознанием? — отрешенно переспросил Пелорат.

— Да. Ты же видишь — нас захватили, кто-то влечет наш корабль к миру, о котором мы ничего не знаем. Не испытываешь паники?

— Да нет вроде бы, — меланхолично пожал плечами Пелорат. — Не сказал бы, что я безумно счастлив, но мне не страшно.

— Мне тоже. Но разве это не странно? Почему все так, а не иначе? По идее, нам должно быть страшно. Почему мы уже не такие, как есть на самом деле?

— Но ведь мы этого как раз и ожидали, Голан. **Чего-то** вроде этого.

Тревайз обернулся к иллюминатору. В нем по-прежнему красовалась орбитальная станция. Судя по всему, они к ней приближались.

Дизайн станции не производил на Голана особого впечатления. Внешне в ней не было признаков развития супернауки. Наоборот, выглядела она скорее примитивно и все-таки сцапала их корабль.

— Что-то я стал чересчур аналитичен, Джен, — признался Тревайз. — Аналитичен и холоден. Мне нравится думать, что я не трус, не впадаю в панику под давлением чрезвычайных обстоятельств, но такое ощущение, будто я льщу себе. Даже не знаю, что это за напасть. Попрыгать, что ли, на месте, пропотеть как следует? Да, мы ожидали чего-то в таком роде, но это

ничего не меняет: мы беспомощны, нас запросто могут отправить на тот свет.

— Я так не думаю, Голан, — возразил Пелорат. — Если Гея сумела захватить наш корабль, разве не могла она убить нас на расстоянии? А раз мы еще живы...

— Но мы все-таки... Нас все-таки коснулись! Мы слишком спокойны, говорю тебе! Я думаю, нас транквилизировали.

— Зачем?

— Затем, чтобы сохранить наше сознание в хорошей форме, вероятно. Не исключено, что нас хотят допросить. А потом убьют.

— Если они настолько разумны, чтобы хотеть допросить нас, может быть, им достанет разума не убивать нас без веской на то причины?

Тревайз откинулся на спинку кресла и забросил ноги на стол, туда, где обычно покоились его руки при работе с компьютером.

— Знаешь, вескую причину они могут и придумать — это недолго. И все же если они и коснулись нашего сознания, то весьма незначительно. Будь это Мул, к примеру, он бы добился того, чтобы мы с тобой просто сгорали от желания поскорее попасть туда, мы испытывали бы восторг, эйфорию. Чувствуешь что-либо в таком духе? — спросил он, кивнув в сторону станции.

— Нет, ничего такого.

— Видишь, я пока еще в состоянии рассуждать логически. Очень странно... Но как я могу судить? Может быть, на самом деле я просто дрожу от страха, невменяем, безумен, и это просто иллюзия?

Пелорат пожал плечами:

— Вроде бы ты в порядке — на мой взгляд, по крайней мере. Правда, может быть, я так же безумен, как и ты, и у меня тоже иллюзия, но такие рассуждения нам ничего не дадут. Все человечество может пребывать во всеобщей иллюзии, в общем хаосе. Этого нельзя ни отрицать, ни доказать — остается одно: полагаться на наши собственные чувства.

Помолчав немного, он вдруг неожиданно резко сказал:

— Знаешь, мне кое-что пришло в голову.

— Да?

— Ну, понимаешь... мы говорим о Гее как о мире Мулов или как о возродившейся Второй Академии. А тебе не приходило в голову, что не исключен третий вариант? Более логичный, кстати, чем первые два.

— Какой третий вариант?

Пелорат, казалось, смотрит внутрь себя. Голос его стал тихим и отрешенным:

— Что мы имеем? Мы имеем Гею — мир, который изо всех сил на протяжении многих столетий старался остаться в изоляции. Он не делал попыток как-либо контактировать с каким-либо другим миром, даже с близлежащими планетами Сейшельского Союза. Там, если верить легендам о способности Геи уничтожать целые флотилии, существует технически развитая цивилизация, и их способность захватить наш корабль доказывает это. И все-таки они не пытались каким-то образом экспортировать свою власть. Они хотят только, чтобы им никто не докучал.

— Так, — прищурился Тревайз.

— Все это как-то... не по-человечески, понимаешь? На протяжении двадцати с лишним тысячелетий история деяний человечества в космосе представляет собой не что иное, как экспансию и попытки экспансии. Почти все миры, которые могут быть обитаемы, уже **обитаемы**. В этот процесс были вовлечены почти все миры, и почти каждый мир воевал со своими соседями раньше или позже. Если Гея столь не по-человечески ведет себя в этом отношении, может быть, это потому, что она населена не людьми.

Тревайз пожал плечами:

— Невозможно.

— Почему невозможно? — заупрямился Пелорат. — Разве я не говорил с тобой о том, как загадочен тот факт, что человечество — единственная высокоразвитая раса в Галактике? А что, если это не так? Разве не может существовать другая цивилизация, пускай на одной-единственной планете, у которой отсутствует столь характерное для человечества стремление к экспансии? А вдруг (Пелората явно понесло) в Галактике на самом деле миллионы высокоразвитых цивилизаций и только одна экспансионистская — мы сами? А другие сидят себе по домам — скрытые, потаенные...

— Глупо! — отрезал Тревайз. — Мы бы давным-давно на них напоролись. Давно бы уже побывали в таких мирах. Они никак не могли миновать определенных стадий в разработке техники и могли делать попытки остановить нас, но никаких

таких попыток не было. Да что говорить! Мы никогда не встречали даже руин нечеловеческой цивилизации, правда? Ты же у нас историк, вот ты мне и ответь. Ну, видели?

— Нет... Но, Голан, одна такая все-таки может быть. Эта!

— Не верю. Ты же сказал, что само ее название «Гея» на каком-то древнем диалекте означает «Земля». Откуда на ней **нелюди** возьмутся?

— Название планеты могли дать люди. Кто знает почему? Сходство ее с древним миром могло быть случайным совпадением. Задумайся, Голан: нас вели к Гее; ты сам не так давно в подробностях объяснил мне, что нас туда вели. Сейчас нас физически к ней притягивают — вот лишний аргумент в пользу того, что не люди там обитают.

— Почему? При чем тут не люди?

— Они проявляют **любопытство** к нам, людям.

Тревайз немного подумал и заявил:

— Ты сбрендил, Джен. Они жили в Галактике, со всех сторон окруженные людьми целые тысячелетия напролет. И чего же это вдруг, с бухты-барахты, они именно сейчас стали такими любопытными? Ну, пускай так, но почему они выбрали именно нас? Если им интересна культура, история людей, почему не выбрать для этой цели миры Сейшелла? Зачем им надо было приволакивать нас с тобой с Терминуса?

— Может быть, их интересует Академия.

— Бред! — яростно воскликнул Тревайз. — Джен, тебе просто до смерти хочется, чтобы тут оказалась нелюдская цивилизация. Но именно сейчас ты возмечтал о встрече с экзотическими носителями разума как раз потому, что тем самым отвлекаешься от мыслей о том, что тебя могут схватить, пытать, убить.

Пелорат собрался было возразить, но не сказал ничего, глубоко вздохнул и промолвил:

— Может быть, ты и прав, Голан, но я все равно останусь при своем мнении. Думаю, скоро нас рассудят. Смотри!

Он показал на иллюминатор, Тревайз, увлекшись разговором, прекратил наблюдение за станцией. Теперь он резко оглянулся.

— Что это? — ошарашенно пробормотал он.

— Не корабль ли, что стартовал к нам со станции?

— Это **нечто**, — неохотно отозвался Тревайз. — Деталей пока не вижу, поэтому подождем. Увеличить изображение нет возможности.

Прошло немного времени.

— Похоже, что оно к нам приближается, и похоже, оно таки корабль. Пари хочешь?

— Какое пари?

Тревайз злорадно ухмыльнулся:

— Условие такое: по возвращении на Терминус закатим званый ужин с гостями. Персоны так на четыре. Если на борту корабля, который летит к нам, люди — платишь ты, если же нет — я. Идет?

— Договорились, — рассеянно кивнул Пелорат.

— По рукам, — прошептал Тревайз и уставился в иллюминатор, стараясь как можно скорее разглядеть в приближавшемся транспортном средстве что-либо, выдававшее присутствие людей или не людей.

69

Серо-стальные волосы Бранно были гладко зачесаны назад. Выглядела она точно так же, как во дворце Мэра, — выдержанная, хладнокровная. Никак нельзя было догадаться, что в глубокий космос она попала всего второй раз в жизни (в принципе, первый раз ей было всего-навсего три годика — родители взяли ее с собой в отпуск на Калган).

Устало, раздраженно она сказала Коделлу:

— Ладно, в конце концов спасибо Тубингу — он выразил свое мнение и предупредил нас. Я не в обиде на него за это.

Коделл, прибывший на корабль, где находилась Мэр, для разговора с ней с глазу на глаз, кивнул:

— Он просто слишком долго там работает. Вот и стал думать как истинный сейшелец.

— Это профессиональное посольское заболевание, Лайоно. Ладно, как только все закончится, дадим ему отпуск, а потом придумаем новое назначение. Он человек способный... Надо отдать ему должное — сообщение Тревайза он передал нам без промедления.

Коделл криво усмехнулся:

— Кстати, мне он сказал, что сделал это вопреки своему желанию и убеждениям. «Сделал, потому что должен был» — вот

его слова. Понимаете, Госпожа Мэр, он «должен был». А почему? Потому, что, как только Тревайз появился внутри границ Сейшельского Союза, Тубинг получил от меня инструкции: сообщать о каждом его шаге.

— О! — вскинула брови Бранно и повернулась в вертящемся кресле к Коделлу, похоже, для того, чтобы лучше разглядеть его лицо: — И какие же соображения заставили вас дать Тубингу такие инструкции?

— Самые элементарные. Тревайз прибыл в Сейшелл на корабле самой последней модели производства Академии, и сейшельцы не могли не обратить внимания на такой корабль. Тревайз ни на йоту не дипломат, нахал известный — на это сейшельцы также могли обратить внимание. Он запросто мог угодить в какую-нибудь историю. Если и есть на свете что-то, что известно каждому гражданину Академии, так это то, что, попав в беду, за помощью они могут обратиться к ближайшему представителю Академии. Лично я ничего не имел против того, чтобы увидеть Тревайза попавшим в беду, — для него это было бы уроком. Глядишь, может, повзрослел бы чуток, ума-разума набрался. Но вы послали его на задание в роли громоотвода, вы хотели увидеть, откуда по нему ударит молния, так? Вот я и сделал так, чтобы этот самый ближайший представитель Академии прослеживал за ним.

— Понятно. Ясно теперь, почему Тубинг проявил такую удивительную дисциплинированность. Видите ли, Лайоно, точно такое же распоряжение дала ему я. А раз он получил эти указания от нас обоих независимо, нечего обвинять его в том, что он так сильно опасается приближения наших кораблей. Но как же так вышло, Коделл, что вы не проконсультировались со мной, прежде чем дать ему такие инструкции?

— Если бы я посвящал вас во все детали моей работы, у вас не осталось бы времени на работу Мэра. А как вышло, что вы не сообщили мне о том, что так проинструктировали Тубинга?

Бранно скорчила кислую мину.

— Если бы я посвящала вас во все, чем занимаюсь сама, Лайоно, вы бы слишком много знали. Но это так, мелочи, равно как и тревога Тубинга, как и любой фортель, который могут выкинуть сейшельцы. Меня гораздо больше интересует Тревайз.

— Наши разведчики запеленговали Компора. Он следует за

Тревайзом, и оба они крайне медленно и осторожно приближаются к Гее.

— У меня полные отчеты этих разведчиков, Лайоно. Совершенно ясно, что и Тревайз, и Компор принимают Гею всерьез.

— Да, Госпожа Мэр, вот ведь дела какие: все считают Гею выдумкой, суеверием, а между тем про себя думают: «А вдруг...» Даже наш Тубинг не совсем спокоен на этот счет. Не исключено, что такова хитрая политика сейшельцев. Если старательно распространять слухи о таинственном и могущественном мире, мире, приближаться к которому опасно, в конце концов люди отвернутся от такого мира, а заодно — от его ближайших соседей, таких как Сейшельский Союз.

— Вы думаете, Мул отвернулся от Сейшельского Союза поэтому?

— Вероятно.

— Но вряд ли вы думаете, что Академия не трогала Сейшелл из-за Геи, ведь у нас даже не было сведений о существовании такого мира.

— Признаю: в наших архивах нет упоминаний о Гее, но нет и другого объяснения умеренности нашей политики в отношении Сейшелла.

— Ну что ж, будем надеяться, что Тубинг тревожится понапрасну, и сейшельское правительство твердо убеждено, что приближаться к Гее смерти подобно.

— Что из этого следует?

— А то, что Сейшельский Союз не будет иметь ничего против нашего приближения к Гее. И чем меньше они будут противиться нашему продвижению, тем более они будут убеждаться в том, что это они позволили Гее погубить нас. Они посчитают, что мы получим превосходный урок — для себя и для всех будущих захватчиков.

— А что, если их уверенность не будет лишена оснований, Мэр? Что, если Гея действительно смертельно опасна?

Бранно улыбнулась:

— Ну вот, и вы туда же: «а вдруг, а если»...

— Я должен учитывать все варианты, Мэр. Это моя работа.

— Если Гея смертельно опасна, они захватят Тревайза. Это его работа — послужить громоотводом. Есть еще и Компор. На него тоже обратят внимание, надеюсь.

— Надеетесь? На что? И почему?

— Потому, что тогда они отвлекутся и недооценят наши силы. Тогда легче будет все уладить.

— А вдруг мы недооценим их?

— Нет, — равнодушно ответила Бранно.

— Но ведь эти... геяне могут оказаться чем-то или кем-то, о чем мы и понятия не имеем и потому не сможем верно оценить степень их опасности. Нужно и такую вероятность учитывать.

— Вот как? Почему у вас возникла такая мысль, Лайоно?

— Потому что мне кажется, думаю, я верно угадал ваши мысли: вы полагаете, что в худшем случае Гея — это Вторая Академия. Вы, вероятно, убеждены в этом. Однако история Сейшелла и в имперские времена не лишена интереса. Только Сейшелл ухитрился сохранить самоуправление. Только Сейшеллу удалось платить смехотворно низкие налоги во времена так называемых «плохих» Императоров. Короче говоря, такое впечатление, что, если Гея охраняет Сейшелл, она занималась этим и во времена Империи.

— И что?

— Как — что? Вторая Академия ведет свое существование не дольше, чем наша, — со времен Гэри Селдона. Второй Академии во времена Империи не было, а Гея была. Следовательно, Гея — не Вторая Академия. Что-то другое — не исключено, нечто пострашнее.

— Неизвестностью меня не напугаешь, Лайоно. Оружие может быть двух видов: физическое и психологическое, а мы готовы противостоять и тому и другому... Возвращайтесь на свой корабль и держите отряд на границе Сейшельского Союза. Этот корабль один пойдет к Гее, но оставайтесь на связи днем и ночью и будьте готовы добраться до нас одним Прыжком, если потребуется. Идите, Лайоно, меня тошнит от вашей кислой физиономии.

— Один вопрос. Последний. Вы уверены в том, что делаете?

— Да, — устало ответила Бранно. — Я тоже изучила историю Сейшелла и поняла, что Второй Академией Гея быть не может. Но, как я уже сказала, у меня есть подробные отчеты от разведчиков, и судя по ним...

— Да?

— Короче: я знаю, где находится Вторая Академия. Мы позаботимся сначала о Гее, Лайоно, а после перейдем к Трентору.

Глава 17

ГЕЯ

70

Тревайз с трудом пережил долгие часы, пока корабль, вылетевший с орбитальной станции, добирался до них.

Будь ситуация более обычной, Тревайз послал бы сигнал вызова, попытался бы наладить связь. Если бы ответа не последовало, предпринял бы какое-то решительное действие.

Но он был безоружен, ответа ждать было нечего, и не оставалось ничего другого — только ждать. Компьютер ни на какие его призывы не отвечал, если речь шла о действиях за пределами корабля.

А внутри все работало нормально, все системы жизнеобеспечения — в полном порядке. И он сам, и Пелорат физически чувствовали себя как обычно. Но от этого толку было мало. Умом Тревайз понимал, что жизнь висит на волоске, неизвестность угнетала его. У него даже аппетит пропал, и поэтому он ошарашенно поглядел на Пелората, который как ни в чем не бывало откупорил маленький контейнер с куриным филе и принялся спокойно, методично поглощать содержимое.

— Эй, Джен! — окликнул его Тревайз. — Что за пакость ты ешь? Воняет жутко!

Пелорат удивленно принюхался:

— Нормально пахнет, Голан.

Тревайз расстроенно покачал головой:

— Не обращай на меня внимания. Просто я в отчаянии. Только... ты бы вилку взял, что ли? А то пальцы у тебя будут курицей вонять весь день.

Пелорат обескураженно воззрился на собственные пальцы:

— Виноват... Даже не заметил. Думал о чем-то другом.

— Наверное, — саркастично предположил Тревайз, — пытался угадать, какого именно вида существа прибудут к нам?

Ему было нестерпимо стыдно, что сам он не так спокоен, как Пелорат. Он ветеран Флота (пусть даже в мирное время), а Пелорат — историк. И вот, пожалуйста, историк преспокойно вкушает курицу, а он...

Прожевав очередной кусок, Пелорат пустился в рассуждения:

— Невозможно, знаешь ли, представить, какое направление может принять эволюция в условиях, отличных от тех, что были на Земле. Вероятности не бесконечны, но их может быть много. Однако я возьму смелость предсказать, что здешние обитатели вовсе не обязательно жестоки и обойдутся с нами милосердно. Будь это не так, нас бы уже не было в живых.

— Смотри-ка, Джен, ты еще способен рассуждать, ты так спокоен. А у меня нервишки пошаливают, несмотря на транквилизацию. Внутри меня зреет желание встать во весь рост и вступить в бой! Почему, зачем к нам летит этот корабль и почему он летит так медленно, черт бы его побрал!

Пелорат сказал:

— Я человек пассивный, Голан. Всю жизнь провел за чтением сообщений в ожидании новых сообщений... Ничего не делал, только ждал. И сейчас жду. Ты же человек действия, потому тебе так больно, когда действовать невозможно.

Тревайз усмехнулся, напряжение немного спало.

— Видать, я недооценивал твоей способности к логической оценке, Джен.

— Да, недооценивал, — согласился Пелорат. — Даже наивный кабинетный ученый иногда кое-что смыслит в жизни.

— А опытный политик порой не смыслит ни черта.

— Я этого не говорил, Голан.

— Это я говорю. Раз так, надо действовать. Что я могу? Могу наблюдать. Корабль уже достаточно близко, можно разглядеть как следует... так... знаешь, он весьма, весьма примитивен.

— Да?

— Ну, если он — продукт деятельности негуманоидных умов и рук, то запросто может быть примитивным.

— Ты думаешь, это артефакт чужой цивилизации? — спросил Пелорат, и лицо его слегка порозовело.

— Не могу сказать. Но подозреваю, что артефакты, как бы сильно они ни отличались от культуры к культуре, никогда не бывают так пластичны, как продукты генетических различий.

— Это ты так думаешь. Нам известны лишь различные культуры, но неизвестны различные разумные виды, поэтому мы не можем судить, насколько сильно могут отличаться друг от друга артефакты.

Рыбы, дельфины, пингвины, креветки, даже двуногие неземного происхождения — наверное, есть и другие — решают проблему передвижения в вязкой среде за счет обтекаемости и внешне не отличаются друг от друга настолько сильно, насколько велики их генетические различия. С артефактами может быть то же самое.

— Но у всех перечисленных животных совершенно разные конечности. Разве можно сравнить ножки креветки с плавниками дельфина или ластами тюленя, видоизмененными крыльями пингвина? То же самое может быть и с артефактами.

— Как бы то ни было, — сказал Тревайз, — мне уже лучше. Болтовня о любой ерундистике с тобой, Джен, отлично успокаивает нервы. Кроме того, мы очень скоро узнаем, кто к нам пожалует. Этот корабль не оборудован устройством для стыковки, следовательно, то, что на нем летит, вынуждено будет воспользоваться перекидным трапом, или нас пригласят туда по такому трапу перебраться. Ну а может быть, нам предложат какое-нибудь еще экзотическое средство переправы.

— Корабль большой?

— Компьютер, собака, молчит, а без него нельзя воспользоваться радаром, а размеры корабля определить пока невозможно... — К «Далекой Звезде», змеясь, протянулся трап. Тревайз прищурился: — Либо там люди, либо какие-то существа применяют средство переправы, изобретенное людьми. Может быть, просто трап — единственное средство, которое можно использовать в таких условиях.

— А нельзя трубу какую-нибудь приспособить? Или, скажем, лестницу горизонтальную?

— Это все негибкие устройства. Слишком сложно соединиться. Нужно нечто, что соединяло бы в себе и прочность, и гибкость.

Конец трапа тупо ударил по обшивке «Далекой Звезды», послышался скрип — другой корабль уравнивал скорость. Наконец трап стал неподвижен относительно обоих кораблей.

Вскоре от поверхности другого корабля отделилась черная точка и стала увеличиваться в размерах — будто зрачок расширялся.

Тревайз буркнул:

— Так у них, значит, люк открывается... Расширяющаяся диафрагма, нескользящая плоскость.

— Что, не люди?

— Необязательно. Но занятно.

На трапе появилась фигурка.

— О... — разочарованно протянул Пелорат. — Человек, похоже.

— Почему? Пока ясно лишь, что у этого существа на теле пять выростов. Голова, две руки, две ноги — а может быть, и нет. Стой-ка!

— Что такое?

— Оно движется гораздо быстрее, чем я ожидал. А, ясно!

— Что?

— Какой-то вид ускорения. Не реактивный, похоже, но оно не перехватывает поручни руками. Кто знает, может, и не человек.

Существо передвигалось по трапу очень быстро, а казалось, ожидание тянется невыносимо долго. Наконец тот, кто добрался до них, коснулся обшивки.

— Сейчас войдет, кто бы он ни был, — стиснув зубы, проговорил Тревайз. — Чувствую непреодолимое желание заехать ему как следует, как только появится.

Он до боли сжал кулаки.

— Думаю, не стоит так настраиваться, — посоветовал Пелорат. — Вдруг оно сильнее нас? Оно сумеет управлять нашими умами. Может быть, на корабле еще есть такие же. Лучше подождать, пока не узнаем больше о том, с кем мы встретились.

— Ты рассуждаешь все логичнее, Джен, а я нет...

Люк открылся, и наконец перед ними возникла фигура...

— Размеры почти обычные, — пробормотал Пелорат. — Скафандр сгодился бы человеку.

— Никогда не видел скафандра такой конструкции, но ничего нечеловеческого пока не вижу. Пока судить трудно.

Фигура в скафандре стояла перед ними, передняя конечность пришельца поднялась, чтобы снять шлем — если у него и было лицевое стекло, оно имело одностороннюю прозрачность.

Быстрым, ловким движением конечность прикоснулась к чему-то, к чему именно, Тревайз не успел заметить, и шлем тут же отсоединился.

Перед изумленными взорами путешественников предстало лицо молодой и красивой женщины.

71

Итак, Пелорат проиграл пари и старался сделать все возможное, чтобы не показать, как он огорчен.

— Вы... человек? — хрипло пробормотал он.

Брови женщины вскинулись, губы расплылись в улыбке.

Не то она не поняла слов на чужом языке, не то ее удивил вопрос.

Рука ее быстро скользнула влево, скафандр разъехался, и она вышла из него. Некоторое время постояв на месте без содержимого, скафандр с легким вздохом, очень напоминающим человеческий, съежился и лег на пол.

Выйдя из скафандра, женщина оказалась еще моложе и красивее. Одежда на ней была свободная и прозрачная — нижнее белье туманными тенями просвечивало сквозь легкую ткань. Платье едва доходило до колен.

У нее была маленькая грудь, тонкая талия, полные, округлые бедра. От колена до бедра ноги были чуть полноваты, но икры стройные и лодыжки узкие. Густые темные волосы до плеч, большие карие глаза, пухлые, чуть несимметричные губы.

Она оглядела себя со всех сторон, и стало ясно, что вопрос она поняла:

— Разве я не **выгляжу** как человек?

Говорила она на Стандартном Галактическом языке — правда, немного с расстановкой, будто старалась правильно подобрать слова.

Пелорат учтиво поклонился, улыбнулся и сказал:

— Не могу отрицать. Совсем как человек. Просто восхитительный человек.

Молодая женщина протянула руки, как бы приглашая осмотреть себя поближе.

— Надеюсь, это так, джентльмены. Мужчины погибали за это тело.

— Я бы предпочел жить ради него, — брякнул Пелорат, изумившись собственной галантности.

— Вы сделали правильный выбор, — самодовольно кивнула женщина. — Стоит кому-то добиться этого тела, и все вздохи тут же становятся вздохами восторга.

Она рассмеялась, и Пелорат рассмеялся вместе с ней.

Тревайз хмуро наблюдал за таким «содержательным» обменом информацией. Наконец ему надоело.

— Сколько вам лет? — грубо спросил он.

Женщина, казалось, немного задумалась.

— Двадцать три, джентльмены.

— Зачем вы пришли? Что вам здесь нужно?

— Я прибыла, чтобы сопроводить вас на Гею.

Речь ее немного утратила гладкость. Гласные превратились

в дифтонги. «Прибыла» она произнесла как «пре-и-была», а «Гею» как «Ги-е-йю».

— Вы, девчонка, сопровождать нас?

Женщина выпрямилась во весь рост и ответила гордо:

— Я — это Гея, так же как любой другой. Я дежурила на станции.

— Вы? Вы были одна на корабле?

— Да, — сказала она. — Это было все, что нужно.

— И теперь корабль пуст? И станция?

— Меня там больше нет, джентльмены, но она не пуста. Она там.

— Она? Она — это кто?

— Она — станция. Она — Гея. Я ей не нужна. Она сама держит ваш корабль.

— А что же вы, простите, делаете на станции?

— Дежурю.

Пелорат потянул Тревайза за рукав, а тот стряхнул его руку. Пелорат снова ухватил его за рукав и прошептал:

— Не кричи на нее так, Голан. Она совсем ребенок. Позволь, я все улажу.

Тревайз сердито мотнул головой, но Пелорат спросил:

— Молодая дама, как ваше имя?

Женщина просияла в ответ на добрый голос Пелората.

— Блисс, — ответила она.

— Блисс... — повторил Пелорат. — Чудесное имя. Но наверняка не полное.

— Конечно, нет. Имя из одного слога — это смешно. Нужно было бы все время удваивать его, и мы не смогли бы отличить одного от другого, и тогда мужчины не знали бы, за какое тело погибать. Мое полное имя — Блиссенобиарелла.

— Ох, это же язык сломать можно...

— Что вы? Всего семь слогов. Это совсем немного. У некоторых моих приятелей имена из пятнадцати слогов, и мы никогда не устаем комбинировать слоги в разных сочетаниях друг для друга. На «Блисс» я остановилась, когда мне стало пятнадцать. Мама называла меня Ноби — представляете?

— На Стандартном Галактическом «блисс» означает «экстаз» или «удивительное счастье», — сказал Пелорат.

— И на геянском языке тоже. Он не слишком сильно отличается от Галактического. А «экстаз» — это как раз то впечатление, которое мне хотелось бы производить.

— А меня зовут Джен Пелорат.

— Я знаю. А другого джентльмена, этого крикуна, — Голан Тревайз. Мы получили весточку с Сейшелла.

Тревайз подозрительно прищурился:

— Как это, интересно, вы получили весточку?

Блисс обернулась к нему и спокойно ответила:

— Не я лично. Гея.

Пелорат вмешался:

— Мисс Блисс, вы не будете возражать, если мы минутку побеседуем наедине с моим спутником?

— Нисколько. Но вообще нам надо торопиться.

— Мы недолго.

Пелорат подхватил Тревайза под локоть, и тот неохотно последовал за ним в соседнюю каюту, где Тревайз шепотом спросил:

— На кой черт? Это исчадие ада наверняка читает наши мысли.

— Читает или нет — неважно, просто психологически нужно было нам уединиться на минутку. Послушай, дружочек, не надо на нее так наскакивать. Сделать мы все равно ничего не можем, ну зачем же так грубо с ней себя вести? Она ведь тоже ничего сделать не может. Ее послали за нами, вот и все. На самом деле, пока она тут, с нами, мы, скорее всего, в безопасности. Они бы не послали ее сюда, если бы хотели уничтожить корабль. Будешь хамить, вот тогда, глядишь, и уничтожат и корабль, и нас в придачу после того, как заберут ее.

— Ненавижу беспомощность! — пробурчал Тревайз.

— Кто же ее любит, дружочек? Но если ты будешь вести себя как последний хам, беспомощности от этого не убавится. Будешь всего-навсего беспомощным грубияном, и все. О, дружочек, только не обижайся — выходит, я тебе тоже грублю... но только эта девушка... она ни в чем не виновата!

— Джен, — прошипел Тревайз, — да она тебе в дочки годится!

Пелорат вытянулся в струнку, запрокинул голову.

— Тем более причина вежливо с ней обращаться. Кстати, я не понял, к чему ты это сказал.

Тревайз ненадолго задумался. Вскоре лицо его прояснилось.

— Ладно, — кивнул он. — Очень хорошо. Ты прав. Я не прав. Просто, понимаешь, жутко обидно, что за нами послали

девчонку. Ну, послали бы военного, офицера какого-нибудь, тогда было бы ясно, что нас принимают всерьез. Но девушка? И она занимает ответственный пост на Гее? Говорит от имени планеты?

— Может быть, она говорит от имени правителя, а имя планеты — нечто вроде его почетного титула. Может быть, она имеет в виду правительство, совет какой-нибудь. Мы все-все узнаем, но только не веди себя так, будто ведешь допрос.

— Мужчины погибали за ее тело! — фыркнул Тревайз. — Ха! Было бы за что погибать!

— Но тебя же никто не просит погибать за него, Голан, — мягко проговорил Пелорат. — Ну пусть пококетничает немного. По-моему, она забавная и прямодушная.

Вернувшись в каюту, они застали Блисс около компьютера. Она стояла около него, склонив голову набок, сложив руки за спиной, будто боялась к нему прикоснуться.

Когда Пелорат и Тревайз вошли, пригнув голову в низком дверном проеме, она обернулась.

— Забавный у вас кораблик, — улыбнулась она. — Половины не понимаю в том, что вижу. Но если вы вздумаете преподнести мне подарок в честь нашего знакомства, будет в самый раз. Красиво... Мой корабль выглядит просто ужасно по сравнению с вашим. А вы... — тут ее лицо озарилось самым искренним любопытством, — вы правда из Академии?

— Вы знаете об Академии? — спросил Пелорат.

— В школе мы изучали ее историю... в основном из-за Мула.

— Почему из-за Мула, Блисс?

— Он один из нас, джентль... Простите, но какой слог вашего имени мне лучше произносить, обращаясь к вам?

— Либо Джен, либо Пел. Как вам больше нравится.

— Он один из нас, Пел, — улыбаясь объяснила Блисс. — Он родился на Гее, правда, никто не знает, где точно.

Тревайз не преминул съязвить:

— О, я себе представляю. Народный герой Геи, а, Блисс?.. Меня можете звать Трев, так и быть.

— О нет, он преступник, — решительно возразила Блисс. — Он покинул Гею без разрешения, а этого никому нельзя делать. Никто не знает, **как** он сделал это. Но он покинул Гею и, думаю, именно поэтому так плохо кончил. Академия победила его окончательно.

— **Вторая** Академия? — попытался уточнить Тревайз.

— Разве Академия не одна? Ах, наверное, если бы я как следует задумалась об этом, я бы узнала. Но история меня не очень-то интересует. Я привыкла жить так: меня интересует то, что лучше для Геи. И если мне неинтересна история, то это либо потому, что историков достаточно, либо потому, что я плохо адаптирована к истории. Наверное, меня обучали как космотехника. Мне поручают вот такие дежурства, и мне это как будто нравится, и, конечно, мне бы это не понравилось, если бы...

Говорила она быстро, на одном дыхании, и Тревайзу с трудом удалось вставить вопрос:

— Гея... это кто?

Блисс изумленно уставилась на него:

— Просто Гея. Прошу вас, Пел и Трев, пока не будем об этом. Нам нужно поскорее приземлиться.

— Похоже, мы как раз этим и занимаемся. Или я не прав?

— Да, но медленно. Гея чувствует, что вы можете двигаться быстрее, если используете возможности вашего корабля. Можете сделать это?

— Могли бы, — саркастически кивнул Тревайз. — Но не кажется ли вам, что, как только я обрету возможность управлять кораблем, я тут же рвану в совершенно противоположном направлении?

Блисс рассмеялась:

— Вы смешной! Нет, вы не сможете двигаться ни в каком направлении — только туда, куда хочет Гея. Вы можете двигаться быстрее туда, куда хочет Гея. Понимаете?

— Понимаю, — кивнул Тревайз. — И постараюсь больше не смешить вас. Где я должен совершить посадку?

— Неважно. Просто летите вниз, а опуститесь вы в нужном месте. Гея позаботится об этом.

— А вы останетесь с нами, Блисс? — спросил Пелорат с нескрываемой надеждой. — Вы позаботитесь о том, чтобы с нами хорошо обращались?

— Думаю, что можно будет устроить. Сейчас подумаю... Обычная плата за мои услуги — я имею в виду **такие** услуги — может быть зачислена на мою балансовую карточку.

— А за другие услуги?

— О, вы очень милый старичок!

Пелорат поморщился.

72

На рывок к поверхности Геи Блисс отреагировала с наивным восторгом.

— И никакого ощущения ускорения! — воскликнула она.

— Это из-за гравитационного двигателя, — объяснил Пелорат. — Все ускоряется одновременно, и мы тоже, поэтому ничего не чувствуем.

— Но как он работает, Пел?

Пелорат пожал плечами:

— Думаю, Трев знает, но только он, похоже, сейчас не в настроении объяснять.

Тревайз нырнул в гравитационный колодец Геи почти безошибочно. Корабль вел себя точно так, как сказала Блисс. Он мог лишь слегка отклониться в сторону от вектора гравитационных сил. Попытка подняться вверх успехом не увенчалась. Корабль все еще ему не принадлежал.

— Не слишком ли быстро мы опускаемся? — тихо спросил Пелорат.

Тревайз несколько небрежно ответил:

— Молодая дама утверждает, что Гея позаботится о нас.

Блисс сказала:

— Конечно, Пел. Гея не сделает этому кораблю ничего дурного. Скажите, а у вас не найдется чего-нибудь перекусить?

— Найдется, конечно, — ответил Пелорат. — А чего бы вам хотелось?

— Чего угодно, только не мяса, — безразлично отозвалась Блисс. — Немного яиц, рыбы, овощей, если есть.

— Кое-что из еды мы взяли с Сейшелла, Блисс. Я точно не знаю, что в контейнере, но, может быть, вам понравится?

— Ну, не знаю, — пожала плечами Блисс. — Попробую. Не понравится — не буду есть.

— Люди на Гее — вегетарианцы? — спросил Тревайз.

— Многие, — кивнула Блисс. — Все зависит от того, в чем нуждается организм в определенное время. В последнее время мяса мне не хочется, значит, оно мне не нужно. И сладкого тоже не хочется. Хочется сыра и креветок. Вероятно, потому, что мне нужно похудеть.

Шлепнув себя по бедру, она сообщила:

— Вот тут надо бы сбросить фунтов пять-шесть.

— Но зачем? — искренне удивился Пелорат. — Так сидеть удобнее, наверное?

Блисс перегнула голову через плечо, чтобы получше рассмотреть себя сзади.

— Ну да это неважно. Вес приходит и уходит, когда нужно. А мне нечего об этом беспокоиться.

Тревайз помалкивал, поскольку был занят управлением. Он немного замешкался, выбирая орбиту, и теперь корабль рассекал нижние слои экосферы планеты. Корабль все меньше и меньше повиновался Тревайзу. Как будто кто-то другой отнимал у него «Далекую Звезду», научившись ею управлять. «Далекая Звезда», двигаясь как бы сама по себе, вошла в разреженные слои атмосферы и теперь снижалась медленно и плавно. Сама выбрала путь и заскользила по плавной нисходящей спирали.

Блисс, не обращая никакого внимания на свист трения обшивки, с удовольствием принюхалась к запаху пара, исходящему из открытого контейнера.

— Должно быть, вкусно, Пел. Если бы было невкусно, мне бы не захотелось этого есть. — Она запустила изящный пальчик в контейнер и облизнула его. — Верно угадали, Пел. Это креветки или что-то на них похожее. М-м-м... вкусно!

Обреченно махнув рукой, Тревайз встал и отошел от компьютера.

— Девушка, — обратился он к Блисс, как будто только что увидел ее.

— Меня зовут Блисс, — сердито ответила Блисс.

— Ладно, Блисс, вы знали наши имена?

— Да, Трев.

— А откуда вы их знали?

— Для моей работы было важно их узнать, и я их узнала.

— А вы знаете такое имя: Мунн Ли Компор?

— Если бы это было важно, знала бы. Раз я не знаю, кто это такой, значит, мистер Компор сюда не прибывает. И... — она ненадолго задумалась, — никто, кроме вас, не прибывает.

— Поживем — увидим, — буркнул Тревайз.

Он посмотрел в иллюминатор. Вокруг планеты было много облаков, но облачный слой был не плотный, а разреженный, и облака были разбросаны на удивление равномерно. Пока трудно было разглядеть поверхность планеты.

Он включил радароскоп. Поверхность оказалась почти зеркальным отражением неба. Мир островов — очень похоже на

Терминус, только островов было гораздо больше. Острова не слишком отличались один от другого по площади и находились не слишком далеко друг от друга. Этакий планетарный архипелаг. Корабль опускался под большим углом к экватору, но никаких признаков наличия полярных шапок не наблюдалось.

Трудно было судить и о какой-либо неравномерности распределения населения, судя по освещенности ночного полушария.

— Мы сядем где-нибудь поблизости от столицы, Блисс? — спросил Тревайз.

Блисс небрежно ответила:

— Гея опустит вас в каком-нибудь удобном месте.

— Я бы предпочел город.

— Вы имеете в виду — большое скопление людей?

— Да.

— Это как Гея решит.

Спуск продолжался. Тревайз решил развлечься и принялся угадывать, на какой именно остров сядет «Далекая Звезда».

Куда бы они ни сели, до посадки оставалось не меньше часа.

73

Корабль опустился тихо, почти как перышко. Они вышли друг за другом: Блисс, за ней Пелорат, последним шел Тревайз.

Погода напоминала раннее лето в Терминус-Сити. Дул легкий ветерок, утреннее солнце ярко светило с покрытых легкими облачками небес. Земля под ногами зеленела свежей травой. По правую руку выстроились ряды деревьев — видимо, сад; налево вдалеке виднелась линия морского побережья.

Воздух, казалось, весь гудел, вероятно, жужжали насекомые, доносился трепет птичьих крыльев или крыльев небольших летающих животных. Неподалеку раздавался скрип какого-то инструмента, может быть, садовых ножниц.

Первым заговорил Пелорат, но, как ни странно, не о том, что видел или слышал:

— Ах, как чудесно пахнет! Будто свежий яблочный сок.

Тревайз сказал:

— Вероятно, это — яблоневый сад. Яблочный сок, как известно, делают из яблок.

— А вот у вас на корабле, — фыркнула Блисс, — пахло, как... в общем, ужасно пахло.

— На корабле вы не жаловались, — буркнул Тревайз.

— Я вынуждена была соблюдать вежливость. Я была у вас в гостях.

— Почему бы вам и здесь не оставаться вежливой?

— Теперь я у себя дома. Здесь вы гости. Вот и ведите себя вежливо.

— Наверное, насчет запаха она права, Голан, — вступился Пелорат. — Можно как-нибудь проветрить корабль?

— Ага, — злорадно ответил Тревайз. — Конечно, можно устроить, если это маленькое создание заверит нас, что на корабле ничего не тронут. Пускай защитит его, если сможет.

Блисс сердито выпрямилась.

— Не такая уж я маленькая. А если уборка вашего корабля производится за счет неприкосновения к нему, то уверяю вас, неприкосновение будет большой радостью для меня.

— А теперь не будете ли вы так добры проводить нас к тому, кого вы называете Геей?

Блисс искренне удивилась:

— Не знаю, поверите ли вы, но я — Гея.

Тревайз смотрел на нее не мигая. Да, частенько ему приходилось слышать фразу «собраться с мыслями» в смысле переносном. Теперь у него было такое ощущение, будто он занимается этим буквально.

— Вы? — наконец выдавил он.

— Да. И земля тоже. И эти деревья. И вон тот кролик в траве. И тот мужчина, которого вы видите за деревьями. Вся планета и все на ней — это Гея. Все мы существуем как отдельные организмы, но у каждого есть своя доля в общем сознании. Неодушевленные предметы имеют меньшую долю, различные живые формы — ту или иную, а люди — самую большую. Но мы все участвуем в Гее.

Пелорат кивнул:

— Я думаю, Тревайз, Блисс хочет сказать, что Гея — нечто вроде коллективного разума.

— Я так и понял, — отозвался Тревайз. — Но кто же, в таком случае, правит вашим миром?

— Никто. Он сам собой правит. Деревья растут рядами, выбирая промежутки между собой, которые для них удобны. Они размножаются ровно настолько, насколько необходимо для за-

мены по какой-то причине погибших. Люди собирают яблок столько, сколько нужно, а животные, насекомые и птицы поедают свою долю — и только свою долю.

— Вот как? И насекомые **знают**, какова их доля? — спросил Тревайз, не скрывая усмешки.

— Да, в некотором смысле знают. Когда нужно — идет дождь, иногда очень сильный, если так нужно, а порой наступает сухой сезон, когда необходимо **это**.

— И дождь знает, когда ему идти?

— Да, знает, — совершенно серьезно ответила Блисс. — Разве в вашем собственном организме разные клетки не знают, что им делать? Разве не знают они, когда нужно расти, а когда прекратить рост? Когда выделять соответствующие вещества, а когда нет, и если выделять — в каком количестве — не больше и не меньше? Каждая клетка — это ведь маленькая независимая химическая фабрика, но каждая получает сырье из общего склада, а сырье доставляется к ней по общей транспортной сети, и все клетки-фабрики сбрасывают отходы в общую систему, и таким образом все клетки участвуют в общем сознании.

— Но это же замечательно! — с энтузиазмом подхватил Пелорат. — Вы говорите то есть о том, что планета являет собой суперорганизм, а вы клетка этого организма?

— Не совсем так. Я говорю об аналогии, а не об идентичности. Понимаете? Мы — не тождество клеток, мы — их аналоги.

— И чем же вы отличаетесь от клеток? — спросил Тревайз.

— Если говорить о людях, то мы сами состоим из множества клеток и являемся носителями коллективного сознания. Это коллективное сознание, этот разум отдельного человека — мой, например...

— Ну да, — кивнул Тревайз, — разум и тело, за которое погибают мужчины.

— Вот именно. Мой разум гораздо сильнее развит, чем разум каждой отдельной клетки моего организма, несравненно более развит. И тот факт, что каждый из нас, в свою очередь, является частью огромного коллективного разума, не опускает нас на уровень клеток. Я остаюсь человеком, и каждый человек остается человеком, но выше нас существует коллективный разум, более высокий, более могущественный, чем мой, — настолько же, насколько мой собственный разум выше разума каждой из моих клеток.

— Но кто-то отдал приказ о том, чтобы захватить наш корабль?

— Нет, не кто-то! Приказ отдала Гея. Мы все отдали такой приказ.

— И травка, и деревья, и пчелки, Блисс?

— Их участие очень невелико, но оно было. Как бы вам лучше объяснить... ну, скажем, если музыкант сочиняет симфонию, разве вы станете интересоваться, какая именно клетка его организма отдала команду сочинить симфонию, какая прослеживала за ее созданием?

— Насколько я понимаю, — задумчиво проговорил Пелорат, — коллективное сознание гораздо сильнее индивидуального, так же как, скажем, мышца сильнее каждой из клеток, ее составляющих. Следовательно, несмотря на то, что никто из обитателей Геи в отдельности не смог бы захватить наш корабль, это оказалось подвластно коллективному разуму.

— Совершенно верно, Пел.

— А я не понял, что ли? — огрызнулся Тревайз. — Было бы что понимать. Но что вам от нас нужно? Нападать на вас мы не собирались. Нам нужна была только информация. Зачем вы нас захватили?

— Чтобы поговорить с вами.

— А на корабле нельзя было поговорить?

Блисс грустно покачала головой:

— Я не знаю. Это не мое дело.

— Как? Разве вы — не часть группового разума?

— Да... но я не могу летать, как птичка, жужжать, как насекомое, или вырасти такой высокой, как дерево. Я делаю то, что лучше для меня, а для меня лучше, чтобы информацию вам передавала не я. Хотя все знания могли бы быть легко переданы мне, а через меня — вам.

— Кто же решил не передавать их вам?

— Все.

— А кто же ответит на наши вопросы?

— Дом.

— Кто такой Дом?

— Ну, — сказала Блисс, — его полное имя — Эндомандиовизамарондейясо... — и так далее. Разные люди называют его разными слогами в то или иное время, но мне он знаком как Дом. Думаю, вам обоим тоже лучше его так называть. Пожалуй,

у него самая большая доля участия в Гее, и живет он на этом острове. Он попросил разрешения встретиться с вами, и ему позволили.

— Кто же, если не секрет? — спросил Тревайз и сам себе ответил: — Ах, ну да, как я забыл, все вы.

Блисс кивнула.

— А когда мы увидим Дома, Блисс? — спросил Пелорат.

— Прямо сейчас. Пойдемте, я отведу вас к нему, Пел. И вас, конечно, тоже, Трев.

— А потом уйдете? — с тревогой поинтересовался Пелорат.

— А вы не хотите, чтобы я уходила, Пел?

— Конечно, не хочу!

— Ну вот, — сказала Блисс, как только они тронулись вслед за ней по гладко вымощенной дорожке, что вилась по саду. — Мужчины сходят от меня с ума с первого взгляда. Самые дряхлые старикашки начинают резвиться, словно мальчишки.

Пелорат рассмеялся:

— На мальчишескую резвость я не слишком рассчитываю, но вряд ли бы разрезвился, даже если бы мог, когда бы не вы, Блисс.

— О, не наговаривайте на себя. В вас еще полно мальчишества. А я умею творить чудеса.

Тревайз нетерпеливо прервал их разговор:

— Когда мы доберемся туда, куда должны добраться, долго нам придется ждать этого вашего Дома?

— Он будет ждать вас. Ведь Дом с помощью Геи столько лет трудился, чтобы вы попали сюда.

Тревайз резко остановился, будто ему стукнули под коленки, и послал Пелорату выразительный взгляд. Тот одними губами проговорил:

— Ты был прав.

Блисс, глядя прямо перед собой, спокойно проговорила:

— Я знаю, Трев, вы подозревали, что я (мы) Гея проявляет к вам интерес.

— Я (мы) Гея? — тихо переспросил Пелорат.

Блисс, улыбаясь, обернулась к нему.

— У нас существует много самых разных местоимений, отражающих степень участия и индивидуальности на Гее. Я бы могла объяснить вам оттенки их значения, но пока хватит этого: «Я (мы) Гея». Прошу вас, Трев, пойдемте. Дом ждет, а мне не

хотелось бы заставлять ваши ноги идти быстрее. Это не так приятно, когда к такому не привык.

Тревайз пропустил ее вперед, сопровождая взглядом, полным глубочайшего подозрения.

74

Дом оказался мужчиной почтенных лет. Разговор с гостями он начал с того, что произнес все двести пятьдесят три слога своего имени нараспев, кое-где делая ударения.

— На самом деле, — пояснил он затем, — это моя краткая биография. Мое имя повествует слушателю, читателю или сенситиву, кто я такой, какова моя доля участия в целом, что мне удалось сделать за свою жизнь. Но уже более пятидесяти лет я довольствуюсь одним-единственным слогом своего имени — Дом. Когда рядом находятся другие Домы, меня можно называть Домандио, а когда я занимаюсь чем-либо профессионально, употребляются другие слоги. Лишь один раз в геянском году, в мой день рождения, мое полное имя всеми произносится в уме так, как я произнес его для вас вслух. Это замечательно, хотя для непосвященного немного непривычно.

Дом был высокий, худой — еще чуть-чуть, и его можно было бы назвать тощим. Глубоко посаженные глаза его искрились нежданной молодостью. Двигался он медленно, плавно. Края ноздрей тонкого, длинного, с горбинкой носа были чуть красноватые. Руки покрывала сеть расширенных вен, однако не было похоже, что он страдал ревматизмом. На нем был длинный, до лодыжек, хитон — серый, серебристый, совсем как седые волосы Дома. Босые ноги были обуты в сандалии.

— Сколько вам лет, сэр? — спросил Тревайз.

— Прошу, зови меня Дом, Трев. На Гее принято называть друг друга на «ты». Всякие другие обращения создают формальность и снижают возможность свободного обмена мыслями. В Стандартных Галактических годах мне исполнилось девяносто три, но настоящий праздник будет еще через много месяцев, когда мне исполнится девяносто геянских лет.

— Я бы вам... тебе больше семидесяти пяти не дал, Дом, — признался Тревайз.

— По геянским меркам ничего удивительного — ни в том,

что я дожил до такого возраста, ни в том, как я выгляжу, Трев. Ну что, мы уже поели?

Пелорат глянул в свою тарелку, где осталось довольно много непрезентабельной на вид еды, — угощали их крайне небрежно приготовленными мясными блюдами — и осторожно обратился к Дому:

— Дом, можно я попробую задать один чудной вопрос? Конечно, если он покажется тебе обидным, я больше никогда о таком спрашивать не буду.

— Спрашивай, — ободряюще улыбнулся Дом. — Я просто горю желанием поведать вам о Гее все, что вызывает ваше любопытство.

— Почему? — незамедлительно встрял Тревайз.

— Потому, что вы — почетные гости... Позволь, я выслушаю вопрос Пела.

— Если все живущие на Гее, — начал Пелорат, — участники коллективного разума, как же может быть такое, что ты, элемент коллектива, можешь есть вот это, что явно является другим элементом?

— Верно подмечено! Но все на планете совершает круговорот. Мы должны питаться, и все, что мы можем употреблять в пищу, — и растения, и животные — являются частями Геи. Но надо учесть, что ничто и никто из того, чем мы питаемся, не убивается ради забавы, из спортивного интереса, никто и ничто не убивается так, чтобы испытывать при этом ненужную боль. Видимо, мы немного переусердствовали сегодня с мясными блюдами — сами геяне не едят мяса больше, чем должны. Тебе не понравилось, Пел? А тебе, Трев? Ну, собственно, еда не для наслаждения предназначена. Вот еще о чем следует сказать: то, что съедено, в конце концов остается частью планетарного разума. Пока я жив, эти частицы включены в мое тело и вместе со мной участвуют в нем. Когда я умру, меня тоже съедят, пускай всего лишь бактерии, питающиеся продуктами распада, но и тогда я тоже буду частью общего разума, хотя доля моя станет несравненно меньше. Но когда-нибудь частицы меня попадут в другого человека или многих людей, и я стану их частями.

— Нечто вроде переселения душ, — кивнул Пелорат.

— Что, Пел?

— Я говорю о древнем веровании, до сих пор распространенном в некоторых мирах.

— А-а-а... Я о таком не слышал. Как-нибудь обязательно расскажи мне.

— Но ведь твое индивидуальное сознание, — возразил Тревайз, — то, что теперь является Домом, никогда не возродится?

— Конечно, нет. Но разве это имеет значение? Я все равно буду частью Геи, а это главное. Среди нас есть некоторые мистики, они предлагают попробовать создавать мемуары о предыдущих воплощениях, но Гея чувствует, что это практически неосуществимо, да и пользы от этого никакой. Это просто затуманило бы теперешнее сознание... Конечно, в будущем условия могут измениться и ощущения Геи тоже, но не думаю, что это скоро произойдет.

— Но зачем тебе умирать, Дом? — спросил Тревайз. — Ты прекрасно выглядишь в девяносто с гаком. Разве не может коллективное сознание...

Впервые за все время разговора Дом нахмурился.

— Никогда, — сурово отрезал он. — Только так я могу внести свою долю. Каждый новый индивидуум своими генами и молекулами вносит в Гею нечто новое — новые таланты, способности. Мы нуждаемся в них, и единственный способ этого добиться — уходить и давать жить другим. Я сделал больше других, но и у меня есть свой предел, и он приближается. Желание прожить больше положенного ни у кого не сильнее желания умереть до срока.

Тут, решив, видимо, что его тирада придала беседе несколько загробный оттенок, он встал и протянул обоим гостям руки:

— Пойдемте, Трев и Пел, я отведу вас в свою мастерскую. Я хочу показать вам кое-какие свои безделушки. Мастерю на досуге. Надеюсь, вы не станете смеяться над стариком за это маленькое чудачество.

Он провел их в другую комнату, где на маленьком круглом столике были разложены предметы, смутно напоминавшие очки, — сдвоенные дымчатые линзы.

— Это, — пояснил Дом, — Партикуляры моего собственного произведения. Не скажу, что я такой уж корифей в этой области, но я специализируюсь на неодушевленных предметах, которыми другие мастера не так увлекаются.

— Можно взять в руки? — спросил Пелорат. — Они не хрупкие?

— Нет-нет, можно даже на пол бросить — ничего не случит-

ся. Хотя лучше этого не делать. От сотрясения может ухудшиться острота зрения.

— Как ими пользоваться, Дом?

— Нужно поднести их к глазам, они сами к ним прилипнут. Свет они не пропускают, наоборот, отфильтровывают его, чтобы вы не отвлекались на постороннее, хотя ощущения достигают вашего мозга через оптический нерв. Ваше сознание обостряется и позволяет участвовать в других фасетах Геи. Другими словами, если вы посмотрите вот на эту стену, к примеру, вы как бы станете этой стеной и увидите ее так, как она сама себя видит.

— Восхитительно... — пробормотал Пелорат. — Можно попробовать?

— Конечно, Пел. Каждое из этих приспособлений сделано по-разному и по-разному отражает тот или иной аспект сознания стены... и любого другого неодушевленного предмета.

Пелорат осторожно взял странные очки, поднес их к глазам, и они тут же прилегли к векам. Пелорат вздрогнул от прикосновения и замер.

Дом посоветовал:

— Когда закончите наблюдение, коснитесь пальцами внешних краев Партикуляров. Они тут же отпадут.

Через некоторое время Пелорат так и сделал, часто заморгал и протер глаза.

— Что вы пережили? — спросил Дом.

— Это трудно описать. Казалось, стена мерцает, искрится, порой было впечатление, что она испускает какую-то жидкость. Еще казалось, будто у нее есть какой-то каркас, похожий на ребра. Временами она будто бы меняла симметрию. Мне... очень жаль, Дом, но красивым мне это не показалось.

Дом вздохнул:

— Вы не участвуете в Гее, потому не можете видеть того, что видим мы. Я этого очень боялся. Как жаль! Но уверяю вас, Партикуляры нужны не только для получения эстетического наслаждения, у них есть и практическое применение. Счастливая стена — это крепкая стена, способная простоять много лет, практичная и полезная.

— **Счастливая** стена? — изумленно переспросил Тревайз, не в силах сдержать улыбки.

Дом объяснил:

— Да, у стены тоже есть чувства, они слабы, туманны, но

среди них есть и то, что аналогично нашему с вами понятию «счастье». Стена счастлива тогда, когда она надежно сложена, прочно закреплена на фундаменте, когда части ее уравновешены симметрией, когда она не испытывает нежелательной нагрузки и напряжения. Хороший дизайн может быть достигнут за счет правильного применения принципов механики, но при использовании нужных Партикуляров можно осуществить тончайшую настройку вплоть до атомного уровня. Ни один из скульпторов здесь, на Гее, не пренебрегает Партикулярами — без них он просто не способен создать истинный шедевр. Мне неплохо удаются эти конструкции — правда, нехорошо хвалить себя...

А вот одушевленные Партикуляры, которые изготовляют другие, — продолжал Дом с воодушевлением человека, говорящего о любимом деле, — позволяют нам аналогичным образом поддерживать экологическое равновесие. Оно на Гее не слишком сложно, как и в других мирах, но, по крайней мере, у нас есть надежда сделать его более сложным и тем самым обогатить общее сознание.

Тревайз предостерегающе взял Пелората за локоть, видя, что тот сейчас разразится уймой вопросов.

— Откуда вам известно, — опередив товарища, спросил Тревайз, — что экологическое равновесие на планетах может быть более сложным, если вы говорите, что сейчас везде равновесие простое?

— Ах, — сказал Дом, и глаза его утонули в сеточке веселых морщинок. — Поймали старика на слове? Вы не хуже меня знаете, что прародина человечества Земля обладала сложнейшим экологическим равновесием. Просты в этом отношении только вторичные, производные миры.

Тут уж Пелорат не смог сдержаться:

— Но ведь именно эту проблему я и пытаюсь решить! Ей я посвятил всю свою жизнь. Почему только Земля была носительницей сложной экологии? Что отличало ее от остальных миров? Почему миллионы и миллионы других миров Галактики, миров, способных стать носителями жизни, развили лишь примитивную растительность вкупе с мелкими и неразумными формами жизни?

Дом сказал:

— У нас есть предание об этом, наверное, сказка. Не могу отвечать за его подлинность. Звучит как фантазия, как выдумка.

Тут вошла Блисс, которая в трапезе не участвовала. На ней была серебристая просторная, почти прозрачная туника.

Пелорат тут же вскочил:

— А я думал, ты нас совсем покинула...

— Вовсе нет. Просто у меня была работа. Можно мне теперь присоединиться к вам, Дом?

Дом тоже поднялся, а Тревайз и не подумал встать.

— Добро пожаловать. Моим старым глазам так приятно смотреть на тебя.

— Именно поэтому я и надела эту тунику. Пел выше таких вещей, а Треву они не нравятся.

Пелорат запротестовал:

— Почему это я выше? Если ты так считаешь, я надеюсь когда-нибудь удивить тебя.

— О, какой это будет восхитительный сюрприз! — проворковала Блисс и села. Сели и двое стариков. — Прошу, не надо из-за меня прерывать вашу беседу.

— Я как раз собирался поведать нашим гостям рассказ о Вечности, — пояснил Дом. — Чтобы понять эту историю, для начала вы должны уяснить, что существует множество различных Вселенных — практически бесконечное множество. Договоримся также о том, что каждое отдельно взятое событие может либо произойти, либо не произойти. Если оно происходит, оно может произойти тем или иным образом. И каждая из этих бесчисленных альтернатив может сказаться на будущем течении событий — в той или иной степени. Блисс, к примеру, могла прийти позже или раньше. Придя сейчас, она могла явиться в другом платье, могла не улыбнуться старикам по обыкновению тепло и сердечно. В каждом из вариантов этого маленького, незначительного события таится вариант другого, альтернативного течения событий во Вселенной в дальнейшем, каким бы незначительным на первый взгляд ни было событие.

Тревайз нетерпеливо поерзал в кресле:

— Похоже, вы излагаете один из основных принципов квантовой механики — он стар как мир.

— А, так вы слышали об этом? Но продолжим. Представьте себе, что люди обрели возможность заморозить, зафиксировать все Вселенные, и по своему желанию переходить из одной в другую, и выбирать из них ту, которую сочтут «реальной», что бы ни значило это слово в данной связи.

— Я слышу твои слова, — сказал Тревайз, — и даже могу,

пофантазировав, представить себе то, что ты описываешь, но поверить в то, что такое возможно на самом деле, уволь, не могу.

— И я не могу, — согласился Дом. — Вот почему я говорю, что это похоже на сказку. И все же в сказке утверждается, будто на самом деле **существовали** те, кто умел выходить за границы времени и изучать бесконечные линии потенциальной Реальности. Эти люди назывались Вечными, а когда они покидали время, о них говорили, что они перешли в Вечность.

Их задача состояла в том, чтобы выбрать Реальность, наиболее оптимальную для человечества. Они осуществляли громадное число модификаций, и в предании это описано со множеством увлекательных подробностей, должен вам сказать, написано оно в эпической форме и очень длинное. Наконец, как там говорится, они отыскали Вселенную, в которой Земля была единственной планетой в Галактике, где могла быть основана сложная экологическая система, возможно развитие разумных видов, способных разработать и развить технику и достичь в этом прогресса.

Это, решили они, и есть условия, которые обеспечат наивысшую безопасность человечества. Они зафиксировали данную линию событий и прекратили вмешательство. Теперь мы живем в Галактике, которая колонизирована и заселена только людьми и теми растениями, животными, микроорганизмами, которых люди несут с собой с планеты на планету и которые, как правило, побеждают и угнетают эндемичные формы жизни.

Где-то, в туманных далях вероятности, существуют другие Реальности, и там Галактика населена многими видами разумных существ, но эти Реальности недостижимы, и мы одиноки в своей Реальности. От каждого события, от каждого действия в нашей Реальности тянутся новые нити, и в каждом отдельном случае лишь одна является продолжением Реальности, поэтому существует громадное количество потенциальных Вселенных, происходящих от нашей собственной. Но все они, скорее всего, сходны в том, что в них будет проживать всего один разумный вид, как в той Галактике, где мы живем сейчас... Хотя, наверное, точнее было бы сказать, что не исключен маленький процент альтернатив — обобщения опасны, когда ведешь речь о бесконечности. — Он умолк, смущенно пожал плечами и сказал: — Вот такая история. Она родилась задолго до создания Геи. За подлинность не отвечаю.

Трое слушателей молчали. Только Блисс кивнула — видимо, слышала уже эту историю — и подтвердила, что Дом все рассказал верно.

Пелорат хранил молчание еще с минуту, потом крепко сжал кулак и опустил его на подлокотник кресла.

— Нет, — заявил он убежденно. — Это ничего не дает. Подлинность предания нельзя определить умозрительно... но если отойти от такого подхода... представьте себе, что это правда? В той Вселенной, где мы живем, лишь на Земле развилась богатейшая экология, появился один-единственный разумный вид, и, следовательно, как бы то ни было — случайность это или предопределенность, — в планете Земля должно быть нечто уникальное, и мы по-прежнему должны желать узнать, что это за уникальность.

Снова наступила тишина, которую нарушил голос Тревайза. Покачав головой, он сказал:

— Нет, Джен, так не получается. Скажем так: вероятность того, что по чистой случайности именно на Земле развились сложная экология и разумная жизнь, составляет один против миллиарда триллионов — единица против десяти в двадцать первой степени. Если это так, значит, одна из десяти в двадцать первой степени линий потенциальной Реальности должна являть собой такую Вселенную, и Вечные выбрали ее. Следовательно, мы живем в такой Вселенной, где Земля является единственной планетой со сложной экологией, где развилась разумная жизнь и получила развитие техника, но не потому, что в Земле есть нечто уникальное, а лишь потому, что совершенно случайно все это появилось на Земле, а не где-то в другом месте. Можно пойти дальше, — продолжал Тревайз. — Почему бы не предположить, что существуют линии Реальности, следуя по которым разумная жизнь могла развиться только на Гее, или только на Сейшелле, или только на Терминусе — на любой планете, которая в теперешней Реальности, может быть, не является носителем какой-либо жизни вообще. Эти конкретные случаи — всего лишь крошечный процент от общего числа Реальностей, при которых в Галактике не один вид разумных существ, а гораздо больше... Думаю, если бы Вечные поискали получше, они бы отыскали такую линию потенциальной Реальности, при которой на каждой из обитаемых планет развилась своя собственная разумная жизнь.

Пелорат возразил:

— С другой стороны, почему не предположить, что была обнаружена именно та Реальность, при которой Земля оказалась не такой, какой была бы при других вариантах, но при этом почему-то особенно подходила для развития разумной жизни? Можно пойти дальше и предположить, что была обнаружена нить Реальности, при которой вся Галактика была не такой, какой была бы при выборе другой линии, и находилась в таком состоянии, что для развития разумной жизни могла быть избрана только Земля.

— Можно, конечно, и так рассуждать, — согласился Тревайз, — но мое предположение кажется мне более логичным.

— Тут все очень субъективно, — сказал Пелорат и готов был продолжать спор, но Дом прервал его:

— Вы начали упражняться в логике, друзья. Не будем омрачать заумными беседами приятный вечер.

— Как скажешь, Дом, — с улыбкой откликнулся на это предложение Пелорат.

Тревайз, искоса поглядев на Блисс, которая, как ему показалось, разыгрывала напускную скромность и сидела молча, обхватив себя руками под грудью, спросил у Дома:

— Но откуда взялась Гея? Как возник ваш коллективный разум?

Дом откинул назад седую голову и весело рассмеялся:

— И тут сказки! Знаете, я порой много думаю об этом, когда перечитываю историю человечества. Как бы скрупулезно, подробно ни писались летописи, как бы их ни формализовали, ни компьютеризировали, с течением времени они устаревают. Рассказы обрастают подробностями, как нарастает снежный ком или как будто слоями пыли покрываются. И чем больше времени минует, тем толще слой пыли веков. В конце концов любая история нисходит до уровня сказки.

Пелорат кивнул:

— Нам, историкам, знаком этот процесс, Дом. Надо сказать, люди предпочитают именно сказки. «Обман приятнее истины», — так сказал Либель Геннерат примерно пятнадцать столетий назад. Теперь это зовется Законом Геннерата.

— Вот как?! — изумился Дом. — А я-то думал, что это — изобретение моего старческого цинизма. Ну что ж, значит, по закону Геннерата наше прошлое наполнено славой, блеском и выдумками... Знаете ли вы, что такое робот?

— Нам рассказали на Сейшелле, — сухо ответил Тревайз.

— Вы там видели робота?

— Нет. Нас спросили, знаем ли мы, что это такое, мы ответили отрицательно, и тогда нам рассказали.

— Понятно... Значит, вы знаете, вероятно, что некогда люди жили бок о бок с роботами, но ничего хорошего из этого не вышло.

— Так нам и сказали.

— Психология поведения роботов определялась тем, что зовется «Тремя Законами Роботехники». Есть несколько версий формулировки этих Законов. Наиболее распространена такая: 1) Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред; 2) Робот должен повиноваться командам, которые ему дает человек, за исключением тех случаев, когда эти команды противоречат Первому Закону; 3) Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

Чем умнее, чем совершеннее становились роботы, тем сильнее у них проявлялась склонность по-своему интерпретировать Законы, в особенности Первый — самый главный. Роботы трактовали Законы все более и более обобщенно и в конце концов пришли к выводу, что на них возложена роль спасителей и защитников человечества. А людям надоело, что с ними носятся, как с малыми детьми, и они восстали против опеки роботов.

Роботы были добры, универсально добры. Они действовали из соображений гуманности для блага людей, что, однако, делало их все более невыносимыми.

Каждый успех в роботехнике только усугублял положение. Стали появляться роботы с телепатическими способностями, и это означало, что у них появилась возможность управлять мыслями людей, и поведение людей стало еще более зависимым от воли роботов.

Кроме того, роботы становились все более и более похожими на людей внешне, но линия отношения их к людям оставалась прежней — только гонора да обидчивости поприбавилось. Все шло к неизбежному концу.

— Почему неизбежному? — спросил Пелорат, который очень внимательно слушал Дома.

— Вот до чего доводит следование логике, — горько вздохнул Дом. — Постепенно роботы стали настолько умны, настолько человечны, что им стало жаль людей — они поняли,

что, заботясь о них, лишают людей свободы выбора и заботятся-то о них уже не ради их самих, а ради себя. Прошло еще какое-то время, и роботы решили, что пришла пора оставить людей без присмотра, чтобы они сами о себе заботились, как бы ни были легкомысленны и беспомощны.

Поэтому, как говорится в легенде, роботы и создали каким-то образом Вечность и стали Вечными. Они отыскали Реальность, в которой, по их понятиям, люди пребывали бы в наибольшей безопасности — одни во всей Галактике. Затем, сделав все от них зависящее для нашей защиты, роботы добровольно прекратили существование, последовав тем самым Первому Закону, и с тех пор мы стали людьми — нашу жизнь, наш прогресс, все наши успехи мы вершим в одиночестве.

Дом умолк, по очереди поглядел на Тревайза и Пелората и спросил:

— Ну как, верите в это?

Тревайз медленно покачал головой:

— Нет. Ничего подобного в исторической литературе я не читал и даже не слышал ни о чем подобном. А ты, Джен?

— В чем-то схожие с этим мифы существуют, — уклончиво отозвался Пелорат.

— Мифов, Джен, всяких хватает, и выдумать можно все, что угодно. Я говорю об истории, об исторических документах.

— Я понял. Ничего такого нет, насколько мне известно.

— Я нисколько не удивлен, — кивнул Дом. — Прежде чем роботы исчезли, многие отряды людей успели отправиться заселять миры, где роботов не было. Они улетали далеко, в глубокий космос, предпринимая собственные попытки обрести свободу. Они покидали перенаселенную Землю, где вели долгую борьбу с роботами. В новых мирах люди создавали свою жизнь наново и не хотели вспоминать о том, как их больно и горько унижали, как они, словно малые дети, жили когда-то с роботами-няньками. Записей о прошлом они не вели и постепенно обо всем забыли.

— Маловероятно, — скептически проговорил Тревайз.

— Нет, Голан, — обернулся к нему Пелорат. — Вовсе не маловероятно. Сообщества создают собственную историю и тяготеют к тому, чтобы забыть, стереть из памяти плохое — либо забывая об этом напрочь, либо сочиняя совершенно фантастические героические эпосы. Правители Империи изо всех сил старались уничтожить знания о доимперском прошлом Галак-

тики, чтобы заставить ауру имперского величия сиять сильнее. Потом: практически отсутствуют сведения о временах до начала гиперпространственных полетов. Ты знаешь, что само существование Земли — тайна для большинства людей.

Тревайз пожал плечами:

— Возможно, Джен, возможно. Но если Галактика забыла роботов, то как же вышло, что Гея о них помнит?

Мелодично рассмеявшись, на его вопрос ответила Блисс:

— А мы другие, не такие, как все!

— Да? И в чем же, если не секрет?

Дом вмешался:

— Нет, Блисс, позволь, я объясню. Дорогие гости, мы действительно другие. Из всех отрядов переселенцев, что стремились убежать от власти роботов, те, что добрались в конце концов до Геи, пойдя по следам тех, что добрались до Сейшелла, были единственными, кто принял от роботов дар телепатии.

Это действительно дар, талант. Он передается по наследству и от рождения есть у каждого человека, но развивать его нужно старательно и тонко. Много поколений должно прожить и умереть, прежде чем этот талант достигнет вершины, но, когда его направленно развивают, постепенно он начинает питать сам себя. Мы занимались этим более двадцати тысяч лет, но Чувство Геи даже теперь не достигнуто нами полностью. Давно, очень давно, за счет телепатии мы узнали о возможности существования коллективного сознания — вначале только среди людей, *потом и среди животных, растений, а всего лишь несколько* столетий назад — среди неодушевленной природы и предметов.

И поскольку этим мы обязаны роботам, мы и не забыли о них. Мы считаем их не няньками, а учителями. Мы чувствуем, что они открыли для нас такое, от чего мы никогда не сможем отвернуться, и вспоминаем о них с благодарностью.

— Получается, — прищурился Тревайз, — что вы детища роботов в прошлом, а теперь — детища коллективного сознания. Но не утратили ли вы человечности тогда и сейчас?

— Тут другое, Трев. Сейчас мы делаем то, что сами хотим. Это наш собственный выбор, он никем нам не навязан. Мы помним об этом. И еще в одном мы не такие, как все. Мы — одни в Галактике. Нет другого такого мира, как Гея.

— Как вы можете утверждать такое?

— Мы бы знали, Трев. Мы бы обязательно обнаружили признаки коллективного разума, даже если бы он существовал

на другом краю Галактики. Мы обнаружили начатки такого разума в вашей Второй Академии, к примеру, но это произошло всего два столетия назад.

— Во времена Мула.

— Да. Одного из нас, — печально вздохнул Дом. — Он был изменником, он покинул Гею. А мы были так наивны, что не верили в самую возможность такого оборота событий, поэтому вовремя не приняли мер, чтобы остановить его. Потом, потом, когда мы перенесли наше внимание во Внешние Миры, мы узнали о тех, кого вы зовете Второй Академией, и предоставили это им.

Тревайз несколько мгновений смотрел на Дома не мигая, затем процедил сквозь зубы:

— Вот они, наши учебнички истории! — Покачав головой, он спросил погромче: — А не трусость ли это со стороны Геи? Мул же ваш, вам бы и карты в руки?

— Ты прав. Но когда мы наконец обратили взор к Галактике, мы поняли, как были слепы до сих пор, и трагедия Мула для нас оказалась спасительной. Именно тогда мы осознали, какая великая опасность грозит нам, какой страшный кризис. Но он не наступил тогда, когда мы были не готовы к нему. Спасибо за это случаю с Мулом.

— Что за кризис?

— Угроза нашего уничтожения.

— Не могу поверить. Вы выстояли против Империи, против Мула, *против Сейшелла. Они не коснулись вас. Вы обладаете* коллективным разумом, способным захватить корабль в космосе, на расстоянии миллионов километров от Геи. Чего вам бояться? Посмотрите на Блисс. Непохоже, чтобы ее что-то беспокоило. Она и не думает ни о каком кризисе.

Блисс забросила ногу на подлокотник кресла и кокетливо пошевелила пальцами.

— О чем мне беспокоиться, Трев? Ты все уладишь.

— Я?! — вскричал Тревайз.

Дом сказал:

— Гея специально доставила тебя сюда. Именно ты должен разрешить наш кризис.

Тревайз долго изумленно смотрел на Дома, и постепенно изумление перешло в дикую ярость.

— Я?! Это почему же, черт бы вас подрал, я? Какое мне дело до этого?

— Как бы то ни было, Трев, — почти с гипнотическим спокойствием проговорил Дом, — ты. Только ты. Во всей Галактике — только ты.

Глава 18

СТОЛКНОВЕНИЕ

75

Стор Гендибаль подбирался к Гее так же осторожно, как Тревайз. Теперь, когда ее солнце выглядело внушительным диском и смотреть на него можно было лишь сквозь плотные фильтры, он сделал еще одну остановку, чтобы поразмыслить.

Сура Нови сидела рядом, время от времени робко поглядывая на него. Наконец она решилась спросить:

— Господин?

— Что, Нови? — безразлично отозвался Гендибаль.

— Вы несчастны?

— Нет. Я задумчив. Помнишь это слово? Пытаюсь решить — то ли быстрее двигаться вперед, то ли выждать подольше. И хватит ли мне храбрости, Нови?

— Я думаю, вы всегда очень храбрый, Господин.

— Но порой храбрость означает глупость, не так ли?

Нови улыбнулась:

— Как Господин ученый может быть глупым? А это — солнце или нет, Господин?

Она указала в иллюминатор.

Гендибаль кивнул.

После нерешительной паузы Нови спросила:

— Это то самое солнце, что освещает Трентор? Думское солнце?

— Нет, Нови, — ответил Гендибаль. — Это совсем другое солнце. Солнц очень много — их миллиарды.

— А! В голове-то я это знала, но никак поверить не могла. Как это получается, Господин, что головой знаешь, а не веришь?

Гендибаль едва заметно улыбнулся.

— В твоей голове, Нови... — начал Гендибаль и, сказав это, автоматически скользнул в ее сознание, по привычке нежно погладив его для начала. Так он делал всегда, чтобы успокоить ее, прогнать тревогу. Потом он собирался выйти и вовсе не намеревался задерживаться в сознании Нови надолго... если бы нечто не заставило его задержаться.

То, что он ощутил, не поддавалось описанию, не укладывалось не только в ментальные термины, но и ни в какие вообще! Поэтически говоря — сознание Нови светилось! Тихим, легким, едва заметным светом.

Это было возможно в единственном случае: если поблизости находилось ментальное поле — столь слабое, что Гендибаль при всей своей подготовке и способностях вряд ли бы заметил какое-либо воздействие.

— Нови, как ты себя чувствуешь? — резко спросил он.

Она широко раскрыла глаза:

— Хорошо, Господин.

— У тебя не кружится голова? Закрой глаза и не двигайся, пока я не скажу «можно».

Она послушно закрыла глаза. Гендибаль старательно, осторожно стер все внешние ощущения, успокоил ее мысли, убаюкал эмоции, принялся скользить по поверхности... нет, он не чувствовал ничего, кроме сияния, а оно было таким слабым, что он был готов убедить себя, что ему это только кажется.

— Можно, — сказал он, и Нови открыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь, Нови?

— Очень спокойно, Господин. Я как будто отдохнула.

Явно воздействие было слишком незначительным и пока не вызвало никаких изменений.

Он повернулся к компьютеру и принялся сражаться с ним. Гендибаль был вынужден признаться самому себе, что пока не слишком ловко управляется с этим компьютером. Может быть, дело было в том, что он слишком сильно привык пользоваться своим сознанием напрямую, а тут присутствовал элемент посредничества. Но искал он сейчас не чужеродное сознание, а чужой корабль, который как раз легче было найти с помощью компьютера.

И он нашел его, именно такой, какой предполагал найти. Корабль находился примерно в полумиллионе километров и по конструкции очень напоминал его собственный, но был больше и сложнее.

Обнаружив корабль с помощью компьютера, Гендибаль мог перейти к тому, чтобы обследовать его посредством собствен-

ного сознания. Он послал концентрированный пучок ментальных лучей и ощупал им корабль изнутри и снаружи.

Затем он послал импульс своего сознания к планете Гея, преодолел несколько миллионов километров пространства и вернулся, так и не сумев определить, что же было источником поля: планета, корабль или то и другое.

Он сказал:

— Нови, сядь, пожалуйста, ко мне поближе.

— Господин, есть опасность?

— Тебе не стоит волноваться, Нови. Я позабочусь о том, чтобы ты была жива и здорова.

— Господин, я не боюсь за то, чтобы я была жива и здорова. Если есть опасность, я хочу суметь помочь вам.

Гендибаль смягчился:

— Нови, ты уже помогла. Благодаря тебе я узнал об... одной мелочи, а узнать было крайне важно. Без тебя я бы попался в ловушку, а выбираться было бы тяжко.

— Это я своей головой сделала, Господин, как вы объясняли?! — потрясенно спросила Нови.

— Именно так, Нови. Ни один прибор не сумел бы сравниться с твоим сознанием. Даже мое сознание не могло бы — оно чересчур сложное.

Лицо Нови озарила радостная улыбка.

— Я так рада, что смогла помочь...

Гендибаль улыбнулся и кивнул. «К сожалению, — подумал он, — понадобится и другая помощь». А как не хотелось никого просить о помощи! Это было его дело, и только его!

Увы, к месту событий спешили другие...

76

А на Тренторе Квиндор Шендесс все с большим трудом выносил груз ответственности поста Первого Оратора. С тех пор как корабль, унесший Гендибаля, растаял в черноте небес, он не созывал Заседаний Стола и пребывал в постоянных размышлениях.

Мудро ли он поступил, разрешив Гендибалю лететь в одиночестве? Да, Гендибаль — блестящий Оратор, великолепный менталист, но он может переоценивать себя. «Самонадеянность — вот его главный порок, а мой, — горько подумал Шендесс, — старческая усталость».

Снова и снова приходил ему на память Прим Пальвер, который носился из конца в конец Галактики, чтобы все поставить на свои места; и Шендессу казалось теперь, что это было жутко опасно. Разве способен еще кто-то сравниться с Примом Пальвером? Даже Гендибаль? И потом — Пальвер брал с собой жену...

Да, Гендибаль взял с собой эту думлянку, но разве можно ее принимать всерьез? Жена Пальвера и сама была Оратором, кстати, неплохим.

Шендесс чувствовал, как с каждым днем стареет все сильнее, ожидая весточки от Гендибаля. А весточки все не было, и с каждым днем росли его беспокойство и тревога.

Нужно было послать целую флотилию...

Нет... Стол не позволил бы...

И все-таки...

Он спал тяжелым сном, когда наконец пришел сигнал. Ночь была ветреная, и Шендесс заснул с трудом. Как ребенку, ему все слышались какие-то голоса в завывании ветра. Перед тем как заснуть, он убаюкал себя сладостной мечтой об отставке, мечтой, далекой от реальности: Деларми была бы тут как тут...

Он почувствовал сигнал и проснулся, сел в кровати.

— У тебя все в порядке, мальчик? — спросил он.

— В полном порядке, — ответил Гендибаль. — Не хотите ли наладить визуальную связь для полноты общения?

— Может быть, но немного попозже, — ответил Шендесс. — Сначала расскажи, каково положение?

Гендибаль почувствовал, что Шендесс только что проснулся и как сильно он устал и постарел за последние дни. Поэтому решил говорить осторожно и бережно:

— Я нахожусь в окрестностях обитаемой планеты Гея, название которой, насколько мне известно, не значится ни в одном из галактических перечней.

— Это мир тех, кто трудился над сохранением Плана? Мир Анти-Мулов?

— Вероятно, Первый Оратор. Можно это предполагать. Во-первых, корабль, на борту которого Тревайз и Пелорат, вплотную подошел к Гее и, скорее всего, совершил там посадку. Во-

вторых, здесь, в космосе, примерно в полумиллионе километров от меня, находится военный корабль Первой Академии.

— Да, столь сильный интерес вряд ли без причины.

— Первый Оратор, интересы не могут быть независимыми. Я нахожусь тут, поскольку слежу за Тревайзом. Военный корабль Академии может находиться тут по этой же самой причине. Остается только понять, зачем здесь Тревайз.

— Собираешься последовать за ним на планету?

— Я обдумывал такую возможность, но... кое-что случилось. Сейчас я нахожусь в ста миллионах километров от Геи и ощущаю в пространстве вокруг себя ментальное поле — однородное и очень слабое. Сам бы я не узнал о его наличии, если бы не обнаружил воздействия на сознание думлянки. У нее необычное сознание — я именно поэтому согласился взять ее с собой.

— Значит, ты был прав, поступив так. Знала об этом Оратор Деларми, как ты думаешь?

— Когда настаивала, чтобы я взял думлянку с собой? Вряд ли... но я рад, что этим воспользовался, Первый Оратор.

— Рад, что все так вышло. Ты думаешь, источником поля является планета Гея?

— Чтобы убедиться в этом, нужно произвести замеры в далеко отстоящих друг от друга точках пространства и выяснить, обладает ли поле сферической симметрией. Единичная проба, которую я пока успел произвести, показала, что это вероятно, но пока неточно. Проводить более подробное обследование мне показалось небезопасным в присутствии военного корабля Первой Академии.

— Убежден, он не представляет опасности.

— Может быть. Но я пока не уверен в том, что корабль не является источником поля, Первый Оратор.

— Но как они...

— Первый Оратор, позвольте прервать вас. Мы ничего не знаем об успехах, достигнутых Первой Академией в области техники. Они ведут себя с вызывающей самоуверенностью и могут преподнести нам массу сюрпризов. Очень может быть, что они постигли тайны менталики с помощью каких-то своих приборов. Короче говоря, Первый Оратор, я столкнулся либо с их менталикой, либо с менталикой планеты. Если источник поля — корабль, то их менталика слишком слаба, чтобы остановить меня. Но ее может хватить, чтобы затормозить мои действия, и тогда они смогут уничтожить меня с помощью физического оружия, которого на корабле предостаточно. С другой стороны, если источником поля является планета, само наличие поля на таком расстоянии от нее может означать, что около ее поверхности оно весьма интенсивно — гораздо сильнее, чем я смогу вынести и побороть. В обоих случаях необходимо создать общую сеть, и в случае необходимости все резервы Трентора должны быть предоставлены в мое распоряжение.

Первый Оратор опешил:

— Общая сеть? Но мы никогда не пользовались ею, даже не думали об этом никогда — только во времена Мула...

— Нынешний кризис будет посерьезнее того, что был во времена Мула, Первый Оратор.

— Не уверен, что Стол согласится.

— Не думаю, что вам стоит спрашивать их согласия, Первый Оратор. Вы должны объявить чрезвычайное положение.

— На каком основании?

— Расскажите им то, что я вам рассказал, Первый Оратор.

— Оратор Деларми скажет, что вы трус и дилетант, сошедший с ума от страха.

Гендибаль ответил не сразу:

— Да, она запросто может сказать что-нибудь в таком духе, Первый Оратор, но пусть говорит все, что ей вздумается. Я переживу. На карте сейчас не моя гордость, не мое самолюбие, а самое существование Второй Академии.

77

Харла Бранно угрюмо улыбнулась, и морщины глубже залегли на ее грубом, некрасивом лице.

— Думаю, пора покончить с этим. Я готова встретиться и сразиться с ними.

— Вы все еще уверены в том, что делаете? — спросил Коделл.

— Если бы я на самом деле сошла с ума, Лайоно, разве вы бы настаивали столь упорно на том, чтобы остаться со мной на этом корабле?

Коделл пожал плечами:

— Видимо, я остался здесь для того, чтобы попробовать остановить, переубедить вас, как минимум — замедлить ваши

действия, пока вы не зашли слишком далеко. Но, конечно, если вы не сошли с ума...

— Что тогда?

— Тогда... тогда мне не хотелось бы, чтобы только вы одна стали достоянием будущей истории. Пусть тогда знают, что я тоже был рядом с вами, и гадают, кому принадлежит заслуга, а?

— Умно, Лайоно, умно, но совершенно напрасно. Я столько времени стояла за чужим троном, являя реальную силу, что вряд ли кто-то поверит, что я с кем-то поменялась ролями во время собственного правления.

— Поживем — увидим.

— Увидим? Вряд ли. Исторической оценке суждено появиться лишь тогда, когда нас с вами уже не будет на этом свете. Как бы то ни было, я не боюсь. Ни за свое место в истории, ни за это... — она ткнула указательным пальцем в видовой иллюминатор.

— Корабль Компора, — сказал Коделл.

— Верно, корабль Компора, — кивнула Бранно. — Но Компора там нет. Один из наших разведчиков наблюдал пересадку. Корабль Компора встретился с другим кораблем, Компор перешел в этот корабль, а двое перешли в его корабль.

Бранно довольно потерла руки.

— Тревайз сыграл свою роль замечательно. Он **стал** моим громоотводом. Он помог мне понять, откуда ударила молния. Корабль, встретившийся с кораблем Компора, из Второй Академии.

— Интересно, откуда у вас такая уверенность? — спросил Коделл, вынув изо рта трубку и набивая ее новой порцией табака.

— Все очень просто. Я давно начала задумываться над тем, не находится ли Компор под контролем Второй Академии. Уж больно гладенько у него жизнь текла. Все просто-таки ложилось к его ногам. И потом: такие блестящие успехи в гиперпространственных гонках! То, что он предал Тревайза, в принципе, можно объяснить самой обычной подлостью амбициозного политика; но сделал он это со столь исключительной последовательностью и скрупулезностью, что мне увиделось за этим нечто большее, чем только амбиции.

— Догадки, всего лишь догадки, Мэр...

— Догадки превратились в уверенность, когда ему удалось проследить за кораблем Тревайза после серии Прыжков.

— Ему помогал компьютер, Мэр.

Бранно, откинув голову, расхохоталась:

— Дорогой мой Лайоно, вы настолько погрязли в изобретении всяких хитростей, что просто забыли, насколько удачны могут оказаться самые тривиальные уловки. Я послала Компора следить за Тревайзом, но не потому, что мне это было так безумно необходимо. Какая в этом была нужда? Как бы ни старался Тревайз держать в секрете свои передвижения, он все равно засветился бы в каком-то мире, не относящемся к Академии. Его современнейший корабль, ярко выраженный акцент, деньги — валюта Академии... Он тут же привлек бы к себе внимание. А в случае опасности он незамедлительно обратился бы к представителям Академии за помощью, что, собственно, и сделал на Сейшелле — ведь мы сразу же узнали обо всем, что он там делал, незамедлительно и без всякой помощи Компора. Нет, — задумчиво продолжала она, — Компор был послан для того, чтобы засветить Компора же. И это нам удалось, потому что его компьютер был с маленьким дефектом. Все было в порядке — вот только за серией Прыжков он с его помощью ну никак не смог бы проследить. Однако это ему легко удалось.

— Я посмотрю, вы мне о многом не говорите, Мэр, пока почему-либо не решаетесь, что должны сказать.

— Я скрываю от вас только то, Коделл, что вам знать необязательно. Я отдаю вам должное и пользуюсь вашей помощью, но у моего к вам доверия есть жесткие границы — так же как у вашего ко мне, и не вздумайте отрицать.

— Не собираюсь, — сухо отозвался Коделл. — И надеюсь когда-нибудь напомнить вам об этом. Но, может быть, у вас найдется еще что-нибудь сообщить мне из того, что мне позволено знать сейчас? Естественно, если Компор — человек Второй Академии, то и корабль оттуда. Это ясно.

— Ну до чего же приятно с вами говорить, Лайоно! Вы потрясающе догадливы! Как видите, Вторая Академия даже не пытается замести следы. Они рассчитывают, что, когда понадобится, сумеют сделать это, но это не так. Разве Второй Академии могло такое в голову прийти — воспользоваться кораблем чужой конструкции, даже зная, что мы имеем полную возможность определить, где он произведен, по типу использования энергии, если бы ее люди не были уверены, что запросто могут стереть любые воспоминания из любого сознания? И что же? Нашему разведывательному кораблю удалось выявить тип ко-

рабля, который приблизился к кораблю Компора, за считаные минуты.

— И теперь, вероятно, Вторая Академия сотрет знания об этом?

— Если сумеет, — отрезала Бранно. — Но они могут обнаружить, что положение дел несколько изменилось.

Коделл сказал:

— Ранее вы утверждали, что знаете, где находится Вторая Академия. Вы сказали, что покончите с Геей, а потом приметесь за Трентор. Из этого я заключаю, что тот, другой корабль — с Трентора.

— Верно заключаете. Удивлены?

— Не очень, — медленно покачал головой Коделл. — Эблинг Мис, Торан и Байта Дарелл — все они побывали на Тренторе в то время, когда был положен конец деяниям Мула. Аркади Дарелл, внучка Байты, родилась на Тренторе и побывала там снова, после чего, как мы считали, Вторая Академия была уничтожена. В ее романе фигурирует некто Прим Пальвер, представившийся тренторианским торговцем; он сыграл ключевую роль в развитии событий и появлялся везде в самое подходящее время. Вполне очевидно, что Вторая Академия могла располагаться на Тренторе — там в свое время жил Гэри Селдон, который создал обе Академии.

— Да, удивительно очевидно — никому и в голову не приходило. Вторая Академия позаботилась об этом. Именно поэтому меня и удивляет, что теперь они ведут себя столь самоуверенно.

Коделл высказал предположение:

— Может быть, нам не стоит с такой готовностью принимать их версию происходящего? Но, как вы думаете, откуда узнал Тревайз, что Вторая Академия до сих пор существует? И почему его не остановили?

Бранно подняла руку с растопыренными пальцами и стала по очереди загибать их:

— Во-первых, Тревайз крайне необычный человек: есть в нем что-то особенное, несмотря на его горячность, дерзость и опасную неспособность верно оценивать реальность. В чем именно состоит его исключительность, я до сих пор не поняла. Во-вторых, Вторая Академия не бездействовала. Компор все знал и висел у Тревайза на хвосте, а в конце концов выдал его мне. Они понадеялись, что Тревайза заставлю замолчать я, а им и вмешиваться не придется. В-третьих, когда я приняла не со-

всем те меры, которые от меня ожидали, — не казнила Тревайза, не засадила за решетку, не отдала распоряжения применить психозондирование, а просто-напросто вышвырнула его в космос, — Вторая Академия забеспокоилась. Они решились на откровенное действие — послали свой корабль за ним вдогонку. О мой восхитительный громоотвод! — закончила она, растянув губы в злорадной усмешке.

— Каков же будет наш следующий шаг? — спросил Коделл.

— Мы сразимся с этим человеком из Второй Академии. Мы уже постепенно подбираемся к нему.

78

Гендибаль и Нови сидели рядышком и смотрели в иллюминатор.

Нови была напугана — Гендибаль прекрасно видел это, видел, как она всеми силами старается побороть страх. Но он ничем не мог помочь ей, поскольку считал нецелесообразным как-либо касаться сейчас ее сознания — нельзя было вуалировать ее реакцию на воздействие слабого ментального поля, окружавшего их.

Военный корабль Академии медленно приближался — медленно, но верно. Он был большой — команда не меньше шести человек. Оружия там было вполне достаточно для того, чтобы не только защитить себя, но в случае необходимости разбить в пух и прах весь Флот Второй Академии — если, конечно, учитывать только физическую мощь.

Поведение корабля позволяло кое о чем задуматься. Даже если бы он был источником ментального поля, вряд ли бы он стал лезть в пасть Второй Академии столь легкомысленно. Могло это быть по неведению? Могло, и у неведения могло быть несколько степеней.

Либо капитан корабля не знал о том, что Компора сменили, либо не знал, что сменил его сотрудник Второй Академии, либо понятия не имел, что такое — сотрудник Второй Академии.

Либо (Гендибаль старался учесть все варианты) корабль таки является носителем ментального поля и именно поэтому идет вперед столь самоуверенно. А уж это могло означать одно из двух: либо его ведет некто, страдающий манией величия, ли-

бо корабль несет оружие гораздо более могущественное, чем мог себе представить Гендибаль.

Варианты... варианты... До окончательного вывода было еще далеко.

Он внимательно исследовал сознание Нови. Нови не способна была сознательно реагировать на воздействие ментального поля. Гендибаль мог, но его сознание не могло регистрировать столь слабое поле, как то дано было Нови. Этот парадокс следовало изучить в будущем: результаты, возможно, превзошли бы все ожидания, и, в принципе, это было намного важнее приближающегося к ним корабля.

На самом деле Гендибаль еще тогда, когда впервые ощутил красоту, простоту и симметрию сознания Нови, интуитивно почувствовал, какие громадные возможности оно таит в себе, и испытал тихую гордость — вот какая у него превосходная интуиция! Ораторы всегда кичились своими интуитивными способностями, но не была ли интуиция подменой возможности замерять ментальное поле физическими методами? Как легко прикрывать невежество мистическим словом «интуиция». Как долго еще можно было продолжать переоценивать менталику и недооценивать физику?

«Слепая гордыня... Но когда я стану Первым Оратором, — думал Гендибаль, — все переменится, все будет иначе. Нужно будет сузить пропасть между Второй Академией и Первой. И Вторая Академия больше не столкнется с угрозой уничтожения, даже тогда, когда монополия на менталику хотя бы немного ускользнет из ее рук».

А она начинала ускользать. Либо Первая Академия достигла в этой области определенных успехов, либо образовался альянс Первой Академии с Анти-Мулами. Эта мысль пришла ему в голову впервые, он вздрогнул, поежился.

Мысли проносились в его сознании с быстротой, свойственной Ораторам. Он размышлял, ни на секунду не выпуская из поля зрения сознание Нови. А оно по-прежнему светилось, но свечение не усиливалось по мере приближения корабля Первой Академии.

Само по себе это вовсе не означало, что корабль не является носителем ментального поля. Достоверно известно, что ментальное поле не подчиняется закону прямой пропорциональности и не возрастает его интенсивность по мере сокращения расстояния между эмиттером и реципиентом. В этом состояло его

отличие от электромагнитного и гравитационного полей. Но полной независимости от расстояния не было. Реакция сознания Нови должна была демонстрировать выявимое нарастание свечения по мере приближения военного корабля — хотя бы **какое-то** нарастание.

(Как же могло случиться, что за пять столетий ни один сотрудник Второй Академии, начиная с самого Гэри Селдона, ни разу не задумался о выявлении наличия взаимосвязи между интенсивностью менталики и расстоянием? Нет, игнорированию физики должен быть положен конец, мысленно поклялся Гендибаль.)

Если военный корабль был носителем ментального поля и летящие на нем не сомневались, что движутся навстречу сотруднику Второй Академии, разве не должны они были увеличить интенсивность поля до максимума, прежде чем начать сближение? Тогда бы сознание Нови обязательно зарегистрировало усиление воздействия!

Но этого не происходило...

Гендибаль уверенно исключил возможность наличия ментального поля у корабля. Нет, приближался он исключительно по неведению, и, как физическую угрозу, его необходимо было обезвредить.

Ментальное поле, конечно, никуда не делось, но исходить оно могло только от Геи. Ничего особо приятного в этом не было, но сейчас корабль был ближе и важнее. Надо было избавиться от него, а потом устремить свое внимание к миру Анти-Мулов.

Гендибаль ждал. Корабль должен был либо произвести какое-то действие, либо подойти настолько близко, чтобы Гендибаль обрел возможность действовать решительно и быстро.

Корабль медленно шел на сближение, потом все быстрее и быстрее — но не предпринимал ровным счетом ничего. Наконец Гендибаль решил, что теперь силы его удара будет достаточно. Те, что на борту корабля, не ощутят ни боли, ни других неприятных ощущений — просто обнаружат, что мышцы спины и конечностей почему-то не совсем охотно реагируют на их желания что-либо сделать.

Гендибаль сузил, сфокусировал ментальное поле, излучаемое его сознанием. Набрав интенсивность, оно пересекло расстояние между кораблями со скоростью света, и Гендибаль тут же отпрянул, пораженный до самой глубины души.

Корабль Академии был защищен мощным ментальным экраном, плотность которого нарастала параллельно интенсивности ментального поля Гендибаля... Нет, не по неведению шел к нему этот корабль; он обладал неожиданным оружием, хорошо, если пассивным.

79

— Ага! — довольно проговорила Бранно. — Он попытался атаковать, Лайоно, смотрите!

Стрелка психометра дрогнула, пошла вверх и затрепетала.

Разработка противоментального экранирования шла уже сто двадцать лет. Ученые Академии занимались этим в обстановке строжайшей секретности, разве что только разработка психоистории группой Гэри Селдона могла тягаться с ним в этом. Пять поколений ученых трудились над поэтапной модернизацией устройства, принцип которого не был подкреплен фундаментальной теорией.

Трудно было судить, добились ли бы они успеха, не будь изобретен психометр — прибор, способный определять эффективность действия ментального экрана. Никто не мог объяснить, как он работает, но все говорило о том, что это — устройство, способное измерять неизмеряемое и выдавать в цифровом выражении неисчислимое. У Бранно было сильное подозрение (которое с ней разделяли и некоторые ученые), что, если бы когда-нибудь Первой Академии удалось постичь принцип действия психометра, она сравнялась бы со Второй Академией по способности управлять сознаниями.

Но это — в будущем. В настоящее время хватало и экрана, за которым стояло грандиозное превосходство по физическому оружию.

Бранно послала сигнал — запись синтезированного мужского голоса, звучавшего плоско и мертвенно:

«Вызываю корабль «Яркая Звезда» и членов его экипажа. Вы силой захватили корабль Флота Федерации Академии, совершив пиратский налет. Вам предписывается сдать корабль и немедленно сдаться самим. В противном случае будет начата атака».

— Мэр Терминуса Бранно, — зазвучал голос отвечавшего, — я знаю, что вы на корабле. Пиратского налета на «Яркую

Звезду» не было. Меня пригласил на ее борт капитан корабля Мунн Ли Компор с Терминуса. Я прошу вас вступить со мной в переговоры для обсуждения вопросов чрезвычайной важности для нас обоих.

Коделл наклонился к Бранно и прошептал:

— Позвольте мне поговорить с ним, Мэр.

Она резко отстранила его рукой.

— Это мое дело, Лайоно.

Настроив передатчик, она заговорила голосом не менее грозным и лишенным эмоций, чем только что звучавший синтезированный:

— Человек Второй Академии, осознайте свое положение. Если вы не сдадитесь немедленно, мы взорвем ваш корабль, мы готовы сделать это. Мы ничего не теряем, вы не нужны нам как источник информации. Мы знаем, что вы с Трентора, и, как только мы расправимся с вами, мы расправимся и с Трентором. Мы не против того, чтобы дать вам время на раздумья, но долго слушать вас не станем, поскольку сказать вам по сути нечего.

— В таком случае, — сказал Гендибаль, — позвольте мне высказаться быстро и только по делу. Ваше поле несовершенно и не может быть совершенным. Вы переоценили его возможности и недооценили мои. Я могу захватить и взять под контроль ваши сознания. Не так легко, конечно, как если бы у вас не было защитного экрана, но достаточно легко. Как только вы попытаетесь применить оружие, я нанесу удар и вот что советую понять: не будь у вас экрана, я бы видоизменил ваше сознание мягко, не причинив вам никакого вреда. При наличии экрана я вынужден буду нанести сокрушительный удар — сделать такое я способен, но не ждите от меня ни жалости, ни снисхождения. Ваше сознание будет поражено необратимо и жестоко. Другими словами: вы не сможете мне помешать, наоборот, я помешаю вам и буду вынужден сделать худшее, чем просто убить вас. Вы превратитесь в безмозглых скотов. Хотите рискнуть?

Бранно сказала:

— Вы знаете, что не можете сделать того, о чем говорите.

— Следовательно, вы хотите рискнуть? Учтите, я вас предупредил.

Коделл снова наклонился к Бранно и хрипло прошептал:

— Ради Селдона, Мэр...

Примерно секунда прошла, и ответ Гендибаля долетел до военного корабля:

— Я слежу за вашими мыслями, Коделл. Не стоит шептаться. Я слежу также и за мыслями Мэра. Она пока не приняла решения, поэтому не паникуйте раньше времени. Я прекрасно знаю: ваш экран недостаточно прочен, в нем есть прореха.

— Его интенсивность можно увеличить, — возразила Мэр.

— Так же, как и мое ментальное могущество, — парировал Гендибаль.

— Может быть, но я сижу здесь спокойно и управляю физическими приборами, обеспечивающими действие экрана, и заниматься этим могу сколь угодно долго. Вам же для пробивания экрана надо применять ментальную энергию. Вы устанете.

— Пока не устал, — заявил Гендибаль. — Уже сейчас ни один из вас не способен отдать ни единого приказа никому из членов команды вашего корабля и других кораблей. Я держу вас под контролем и пока, повторяю, не причиню вам вреда, но не делайте попыток выйти из-под контроля: иначе мне придется усилить интенсивность моего ментального поля, и последствия будут именно такими, как я обещал.

— Я подожду, — сказала Бранно, демонстративно сложив руки на груди. — Вы устанете, а когда устанете, приказы будут отданы. Мы не станем уничтожать вас — вы к тому времени будете совершенно безвредны, я отдам приказ об уничтожении Трентора. Весь Флот Академии выступит против него. Хотите спасти ваш мир — сдавайтесь. Вашей организации не уцелеть во время этой оргии разрушения, как в дни Великого Побоища.

— А вам не кажется, Мэр, что я успею уничтожить вас, как только почувствую первые признаки усталости, и тем самым спасу свой мир?

— Вы этого не сделаете. Ваша главная цель — сохранить План Селдона. Уничтожив Мэра Терминуса, вы нанесете удар по престижу Первой Академии, всеобщей вере в нее. Ее могущество дрогнет, а это вызовет колоссальный прилив воодушевления ее врагов по всей Галактике. Следствием явится такой грандиозный разрыв в ткани Плана, что для вас это окажется не менее ужасно, чем уничтожение Трентора. Все равно вы должны будете сдаться.

— Я могу вас уничтожить. Хотите поспорить?

Бранно сделала глубокий вдох, грудь ее колыхнулась, и она медленно, с натугой выдохнула.

— Да! — решительно проговорила она.

Коделл мертвенно побледнел.

80

Гендибаль разглядывал изображение Бранно, визуализированное им в воздухе неподалеку от стены отсека. Действие экрана сказывалось — изображение было зыбким, слегка подрагивало. Фигура мужчины, сидевшего рядом с Бранно, была почти неразличима — Гендибаль на него свою энергию не тратил. Все его внимание, все силы были сконцентрированы на Мэре.

Точности ради надо сказать, что она его изображения не видела и не могла знать, что он тоже не один, что у него есть спутница. Бранно не могла видеть выражения лица Гендибаля, его движений и делать какие-либо выводы на этом основании. В этом отношении преимущество было на его стороне.

Он сказал ей чистую правду. Он действительно **мог** превратить ее в кусок мяса за счет колоссальных затрат ментальной силы и при этом необратимо поразить ее сознание.

Но не лгала и она. Уничтожить ее означало нанести сокрушительный удар по Плану — сродни удару Мула. Даже хуже: ведь теперь игра зашла слишком далеко, и оставалось гораздо меньше времени на обдумывание контратаки и последующих шагов для выправления ситуации.

Хуже того: существовала Гея — таинственная, непознанная, испускавшая слабое, изматывающее ментальное излучение...

На мгновение он коснулся сознания Нови, чтобы убедиться, что оно все еще светится. Да, оно светилось, и никаких перемен не произошло.

Нови обернулась, хотя не могла ощутить прикосновения Гендибаля, и спросила:

— Господин, вон там у стены какой-то бледный туман. Это с ним вы говорите?

Вероятно, за счет контакта с его сознанием она увидела дымку. Гендибаль приложил палец к губам:

— Не бойся, Нови. Закрой глаза, отдохни.

Он сказал громче:

— Предположим, Мэр, вы выиграете, и я сдамся. И что потом? В упоении самонадеянностью, напрасно положившись на ваш противоментальный экран, как на панацею, вы и ваши преемники предпримете губительно поспешные попытки распространить вашу власть на всю Галактику. Сделав так, вы на самом деле оттянете сроки создания Второй Империи, поскольку также нарушите План Селдона.

Бранно сказала:

— Я совсем не удивлена, что вы не осмеливаетесь немедленно обрушить на меня свой удар. Видимо, вы уже поняли, что вообще не решитесь этого сделать.

— Не обольщайтесь, — ответил Гендибаль. — Слушайте меня. Большая часть Галактики все еще не принадлежит Академии, и население там настроено против нее. Даже внутри Федерации есть области, где народ еще не позабыл дней своей независимости. Если Академия поспешит расправиться со мной, она избавит, излечит часть Галактики от пассивности, разъединения и слабости. Вы спровоцируете ваших противников на объединение, начнется мятеж внутри Федерации и за ее пределами.

— Вы грозите мне пучком соломинок, — фыркнула Бранно. — У нас достаточно сил, чтобы поразить всех врагов, даже если бы против нас объединилась вся Галактика. Нет проблем.

— Проблем нет пока, Мэр. Не заблуждайтесь, не делайте скоропалительных выводов, не полагайтесь на то, что лежит на поверхности. Вы можете провозгласить создание Второй Империи, но сохранить ее, удержать не сумеете. Каждые десять лет вам придется завоевывать ее заново.

— Ну что ж, будем заниматься этим, пока наши противники не устанут, как устанете вы.

— Не устанут они — и я не устану. Нет, такое не сможет продолжаться долго. Существует другая, более опасная угроза псевдо-Империи, которую вы собираетесь провозгласить. Такая Империя будет держаться только за счет превосходящей физической мощи, вам нужно будет постоянно поддерживать состояние боевой готовности, и генералы Академии впервые в истории обретут более высокое и важное положение, чем гражданские власти. Ваша псевдо-Империя распадется на милитаристские регионы, власть в которых возьмут в свои руки отдельные высокопоставленные военные. Наступит анархия, вы скатитесь к варварству, которое может продлиться более тридцати тысячелетий, предсказанных Селдоном в случае незапуска его Плана в действие.

— Детские угрозы. Математическая основа Плана Селдона всего лишь прогнозирует вероятности, но никак не неизбежность.

— Мэр Бранно, — сурово проговорил Гендибаль, — забудьте о Плане Селдона. Вы не понимаете его математической сто-

роны и не можете даже приблизительно представить, как это выглядит визуально. Вероятно, вам это и не нужно. Судя по тому, какой пост вы занимаете и удерживаете, вы — опытный и удачливый политик. Даже более того: вы отважный политик — решились на такое опасное пари! Послушайтесь своего опыта, своего политического чутья. Вспомните политическую и военную историю человечества, все то, что вам известно о людской природе, о том, как действуют, реагируют и взаимодействуют простые люди, политики и военные, и вы увидите — прав я или нет.

— Даже если вы правы, человек из Второй Академии, мы должны рискнуть. Под мудрым руководством, при условии непрерывного развития и модернизации техники как в менталике, так и в физике мы сумеем победить. Гэри Селдон не мог предвидеть такого прогресса. Никак не мог. Где в Плане учтено создание в Первой Академии противоментального экрана? Да и вообще, зачем нам хотеть, чтобы План **был**? Мы рискнем основать Вторую Империю без него. Проиграть без него будет лучше, чем преуспеть при его наличии. Нам не нужна такая Империя, где мы будем марионетками в руках тайных кукловодов из Второй Академии.

— Вы говорите так только потому, что не понимаете, что будет означать такой проигрыш для народа Галактики.

— Может быть! — упрямо мотнула головой Бранно. — Вы начинаете уставать, человек из Второй Академии?

— Вовсе нет. И позвольте поговорить с вами о той альтернативе, которой мы пока не касались. Может быть, никому из нас не стоит сдаваться? Мы находимся в окрестностях планеты под названием Гея.

— Мне это известно.

— А известно ли вам, что, вероятно, именно там родился Мул?

— Попробуйте подтвердить ваше заявление.

— Планета окружена ментальным полем. Она родина множества Мулов. Уничтожите Вторую Академию — станете рабами этой планеты Мулов. Что плохого сделала вам Вторая Академия, какой вред она вам причинила, помимо надуманного вами? А потом спросите себя, сколько горя вам принес Мул?

— Пока, кроме необоснованных заявлений, я ничего от вас не слышу.

— Пока мы остаемся здесь, я ничего другого не могу вам

предложить. Я предлагаю перемирие. Держите свой экран включенным, если не доверяете мне, но будьте готовы действовать вместе со мной. Давайте вместе приблизимся к этой планете, и, когда вы убедитесь, что она опасна, я уничтожу ее ментальное поле, а вы отдадите приказ вашим кораблям захватить ее.

— А потом?

— Потом? Потом будет Первая Академия против Второй, без постороннего вмешательства. Будет честная схватка — сейчас нам нет смысла драться: обе Академии в одинаковой опасности.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

— Я думал, что и так сумею убедить вас в том, что мы не враги и могли бы сотрудничать. Поскольку это мне не удалось, я предлагаю хотя бы такое сотрудничество.

Бранно задумалась, склонив голову. Потом сказала:

— Вы хотите убаюкать меня колыбельной песенкой. Как вы, один-одинешенек, можете уничтожить ментальное поле целой планеты? Целой планеты Мулов? Это настолько нелепо, что я не могу поверить в искренность вашего предложения.

— Я не один, — ответил Гендибаль. — За мной — все могущество Второй Академии. Силы, переданные через меня, возьмут под контроль Гею. Кстати, если понадобится, эти силы могут сделать так, что ваш пресловутый экран растает, как дым.

— Если так, зачем вам моя помощь?

— Во-первых, затем, что одной ликвидации поля недостаточно. Вторая Академия не может заниматься этим вечно, как и я не могу до конца своих дней танцевать с вами этот словесный менуэт. Нам нужно, чтобы в бой вступили ваши корабли... И потом, если я словами не могу убедить вас, что две Академии не должны видеть друг в друге противников, может быть, совместное деяние жизненной важности убедит вас в этом. Там, где слова бесполезны, дела убедительнее.

После долгой паузы Бранно сказала:

— Мне бы хотелось совместно с вами поближе подойти к Гее. Никаких гарантий я не даю.

— Этого будет достаточно, — сказал Гендибаль, склонившись к компьютеру.

— Нет, Господин, — раздался внезапно голос Нови. — До сих пор я молчала, но не надо ничего делать. Мы должны дождаться Советника Тревайза с Терминуса.

Глава 19

РЕШЕНИЕ

81

Джен Пелорат расстроенно, даже немного капризно проговорил:

— Эх, Голан, ну никому нет дела до того, что я впервые за свою жизнь — не такую уж долгую, Блисс, — путешествую в космосе. Просто ужасно — стоит только попасть в какой-то мир, не успеешь оглянуться, а ты уже опять в космосе, так и не поняв ничего. Уже второй раз, между прочим.

— Но если бы, — улыбнулась Блисс, — ты задержался в предыдущем мире, то не встретил бы меня еще кто знает как долго. Уверена, ты не сожалеешь о прежней поспешности?

— Не жалею. Конечно, моя... моя милая, не жалею...

— И хотя на этот раз тебе тоже пришлось покидать Гею, у тебя есть я, а я — это Гея, равноправная ее частица, можно сказать — вся Гея.

Тревайз, хмуро слушавший их воркование, буркнул:

— Не нравится мне все это... Почему Дом не полетел вместе с нами? Черт подери, никак не привыкну к вашим односложным именам! У него имя из двухсот пятидесяти слогов, а мы пользуемся только одним. Да. Так почему он не полетел с нами вместе со всеми этими двумястами пятьюдесятью слогами? Если все так важно, если от этого зависит существование Геи, почему он не полетел, чтобы руководить нами?

— Но здесь **я**, Трев, — возразила Блисс, — а я — Гея ровно настолько же, насколько Дом.

Поведя глазами в сторону и затем внимательно посмотрев на него, она спросила:

— Значит, тебя тоже раздражает, когда я зову тебя Трев?

— Да. Раздражает, представь себе. Я имею не меньше тебя права на собственные привычки. Меня зовут Тревайз. Два слога: Тре-вайз.

— Прекрасно. Мне не хотелось бы сердить тебя, Тревайз.

— Я не сержусь. Я взбешен.

Он резко встал, прошел в другой конец каюты, переступив по дороге через вытянутые ноги Пелората, который испуганно

подобрал их. Вернулся, остановился, развернулся и в упор уставился на Блисс.

— Послушай! Я сам себе не хозяин! Меня приволокли с Терминуса на Гею, и даже тогда, когда я начал подозревать, что меня сюда тащат, я ничего не мог поделать. Потом, когда я попал сюда, мне объявляют, что я обязан спасти Гею. Почему? С какой стати? Что мне Гея? Что я Гее? Почему это я должен спасать ее? Неужели из всех квинтиллионов людей в Галактике не нашлось больше никого, кто мог бы это сделать?

— Пожалуйста, Тревайз, — умоляюще проговорила Блисс. Куда девалось ее кокетство? — Не злись. Вот видишь, я правильно произношу твое имя и буду говорить очень серьезно. Дом просил, чтобы ты был спокоен.

— Клянусь всеми планетами в Галактике — обитаемыми и необитаемыми, не желаю я быть спокоен! Если я такая важная, такая незаменимая фигура, разве я не заслуживаю, чтобы мне все объяснили? Для начала спрашиваю еще раз: почему Дом не отправился с нами? Разве для него недостаточно важно быть здесь, на «Далекой Звезде», вместе с нами?

— Но он **здесь**, Тревайз, — сказала Блисс. — Пока здесь я, и он здесь, и все, кто живет на Гее, тоже здесь.

— Это тебе так кажется, это ты так думаешь, но я так думать не привык. Я не геянин. Мы не можем погрузить на наш корабль целую планету, можем взять только одного человека. Мы взяли тебя, а Дом — часть тебя. Отлично. Почему мы не могли взять Дома, а ты была бы его частью?

— Во-первых, — ответила Блисс, — Пел... то есть Пе-лорат, попросил, чтобы с вами полетела я. Я, а не Дом.

— Он был галантен. Элементарная вежливость. Кому бы пришло в голову принимать это всерьез?

— О нет, дружочек дорогой, — возразил Пелорат, поднявшись и густо краснея. — Я был совершенно серьезен. Я не хочу, чтобы ты понял меня неправильно. Я думаю, что совершенно неважно, какой именно компонент Геи будет вместе с нами на борту, и для меня приятнее, чтобы этим компонентом была Блисс, а не Дом, да и тебе это должно быть более приятно. Голан, ну что ты ведешь себя так... ребячески?

— Я? Я?! — рявкнул Тревайз, грозно нахмурившись. — Ладно, пусть так. Все равно, — он ткнул пальцем в сторону Блисс, — чего бы от меня ни ожидали, уверяю тебя, и пальцем не пошевелю, пока со мной не будут обращаться как с человеком. Для начала два вопроса: что я должен делать? И почему — я?

Блисс широко раскрыла глаза и отшатнулась.

— Пожалуйста, — проговорила она, прижав руки к груди. — Сейчас я не могу тебе этого сказать. Вся Гея не может сказать тебе этого. Ты *должен* добраться до места, поначалу ничего не зная. Там ты *должен* все узнать. Потом *должен* будешь сделать то, что *должен*. Но спокойно, не поддаваясь эмоциям. Если ты будешь так же нервничать, как сейчас, все будет бессмысленно. Гея погибнет. Ты должен переменить настроение, а я не знаю, как этого добиться.

— А Дом знал бы, если бы был здесь? — требовательно спросил Тревайз.

— Дом здесь, — ответила Блисс. — Он (я) мы не знаем, как переменить твое настроение и успокоить тебя. Мы не знаем людей, которые не чувствуют своего места в схеме событий, не чувствуют себя частью огромного целого.

— Нет, это не так, — упрямо проговорил Тревайз. — Вы смогли захватить наш корабль на дальнем расстоянии от Геи и заставили нас успокоиться, когда мы были беспомощны. Ну так успокой меня сейчас! И не притворяйся, будто не можешь.

— Но мы не должны этого делать. Сейчас не должны. Если мы что-то изменим или настроим по-другому в тебе сейчас, пользы от тебя будет не больше, чем от любого другого человека в Галактике. На твою помощь мы можем положиться лишь потому, что ты — это **ты**, и ты должен остаться самим собой. Если мы хоть как-то коснемся тебя сейчас, мы погибли. Прошу тебя. Ты должен успокоиться сам.

— Ни за какие коврижки, мисс, пока вы не скажете мне кое-чего, что мне нужно знать.

— Блисс, можно я попробую? — вмешался Пелорат. — Голан, давай уйдем в другую каюту. Или ты, Блисс, пожалуйста, выйди.

Блисс, медленно пятясь к двери, вышла. Пелорат закрыл за ней дверь.

Тревайз сказал:

— Она все видит, слышит и чувствует. Какая разница?

— Для меня разница есть, — сказал Пелорат. — Я хотел остаться с тобой наедине, пускай даже это будет иллюзия... Голан, ты боишься.

— Не дури.

— Боишься, Голан. Ты не знаешь, куда мы летим, с чем ты встретишься, чего от тебя ждут. Имеешь полное право бояться.

— Да не боюсь же я ничего!

— Боишься, не спорь. Может быть, тебя не пугает физическая опасность, как меня, к примеру. Я боялся вылететь в космос, боялся каждого нового мира, каждой новой, незнакомой вещи. Но, в конце концов, я прожил полвека замкнутой, оторванной от мира жизнью отшельника, а ты служил во Флоте, занимался политикой, все время варился в самой гуще событий — и дома, и в Галактике. И все-таки я старался побороть страх, и ты мне в этом помог. За то время, что мы пробыли вместе, ты был терпелив, добр ко мне, ты все понимал и прощал, и благодаря тебе я перестал трусить и старался вести себя хорошо. Позволь же отплатить тебе благодарностью и помочь тебе, дружок.

— Говорю тебе: я ничего не боюсь.

— А я тебе еще раз повторяю: боишься. Если не чего-то еще, то как минимум возложенной на тебя ответственности. Совершенно очевидно: от тебя зависит судьба целого мира, и, если у тебя не получится, тебе придется жить дальше с сознанием того, что ты повинен в его гибели. Ты думаешь примерно так: «Какое право они имеют возлагать на меня такую ответственность? Ответственность за мир, который для меня ровным счетом ничего не значит?» Ты боишься не только неудачи, как любой на твоем месте, но тебя попросту бесит то, что тебя поставили в такое положение, когда ты вынужден бояться.

— Все неправда, от начала до конца.

— Не думаю. Позволь мне встать на твое место. Я все сделаю. Чего бы ни ждали от тебя, я добровольно согласен заменить тебя. Я думаю, большой физической силы не потребуется, иначе любое техническое устройство заменило бы тебя с успехом. Не думаю я также, что это нечто такое, чтобы потребовалась менталика — этим Гея располагает в достаточном количестве. Это что-то такое... ну, в общем, я не знаю, но если для этого не надо ни силы, ни менталики, то все остальное у меня точно такое же, как у тебя, и я готов принять ответственность на себя.

Тревайз резко и подозрительно спросил:

— С чего это вдруг ты так рвешься в бой?

Пелорат стыдливо потупил взор.

— Голан... — хрипло проговорил он. — У меня была жена.

Я знал женщин. Но они никогда много не значили для меня. Было забавно. Иногда приятно. Но никогда ничего такого важного. Но она...

— Кто? Блисс?!

— Она другая... почему-то... для меня...

— Клянусь Терминусом, Джен, ей известно каждое слово, которое ты произносишь.

— Неважно. Она и так все знает... Мне хочется сделать ей приятное. Я готов взять на себя это дело, рискнуть как угодно, только для того, чтобы она... хорошо обо мне подумала.

— Джен, она — ребенок!

— Нет, не ребенок... впрочем, мне все равно, что ты о ней думаешь.

— А тебе не приходит в голову, что она о тебе думает?

— Что я старик? Какая разница? Она — часть великого целого, а я — нет. Одно это — непреодолимая стена между нами. Ты думаешь, я ослеп и не вижу этого? Но я ничего не прошу у нее. Ничего мне не надо, только чтобы она...

— Думала о тебе хорошо?

— Да. Нет. Мне все равно, как она ко мне относится. Лишь бы относилась... как-то.

— И ради этого ты готов взять на себя мою работу? Но, Джен, разве ты не слышал? Ты им не нужен. По какой-то непонятной причине, космос их раздери, им нужен я.

— Но если ты не можешь, значит, им кто-нибудь нужен, а я — все-таки лучше, чем ничего, правда же?

Тревайз покачал головой:

— Просто в голове не укладывается... Седина в бороду — бес в ребро. Джен, ты пытаешься корчить из себя героя, готового погибнуть за ее тело.

— Не говори так, Голан. Сейчас не до шуток.

Тревайз был готов рассмеяться, но встретился глазами с отчаянным взглядом Пелората и вместо улыбки откашлялся.

— Наверное, ты прав, Джен. Позови ее. Позови.

Блисс вошла, слегка поеживаясь.

— Мне очень жаль, Пел, — сказала она тихо. — Но ты не сможешь заменить его. Или Тревайз, или никто.

— Отлично, — кивнул Тревайз. — Я буду спокоен. Что бы там ни было, постараюсь все сделать. Что угодно, лишь бы не заставлять Джена корчить из себя героя любовного романа — в его-то возрасте.

— Да знаю я свой возраст... — промямлил Пелорат и махнул рукой.

Блисс подошла к нему, нежно коснулась рукой его плеча.

— Пел, — сказала она ласково, — я... я думаю о тебе хорошо.

Пелорат отвернулся.

— Все нормально, Блисс. Не надо меня утешать.

— Я тебя не утешаю, Пел. Я очень, очень хорошо о тебе думаю.

82

Вначале отдаленно, туманно, потом все сильнее и яснее Сура Нови стала ощущать, что она — Сурановирембластриан, вспомнила, что, когда была маленькая, родители звали ее «Су», а друзья — «Ви».

На самом деле она никогда не забывала об этом, но все это таилось где-то очень глубоко в ней. И никогда ее воспоминания не были захоронены столь надежно, как в этот, последний месяц. Никогда раньше ей не доводилось находиться так близко к человеку, чье сознание было столь могущественно...

Но теперь ее час пробил. Сама она не хотела этого, но сопротивляться не могла. Огромный океан ее внутреннего мира выталкивал на поверхность, уносил могучими волнами маленькую ее частичку ради великой цели.

Творившиеся в ней перемены давались ей нелегко, но вскоре наступила радость — как у всякого, кто сбрасывает маску. Впервые за долгие годы она оказалась так близко от Геи.

Она радостно вспомнила одно животное, форму жизни, которая так нравилась ей, когда она маленькой девочкой жила на Гее. Поняв чувства этого существа как свои собственные, она ощутила еще острее происходящие с ней метаморфозы. Она ощутила себя бабочкой, выходящей из кокона.

83

Стор Гендибаль сурово, не отрываясь, смотрел в глаза Суры Нови. Он был настолько поражен, что на мгновение ослабил соединение с сознанием Мэра Бранно. Но ничего ужасного не

случилось — он получил поддержку, на которую вовсе не рассчитывал.

— Что тебе известно о Советнике Тревайзе, Нови?

И тут же, потрясенный тем, как видоизменилось ее сознание, в ужасе прокричал:

— Что ты такое?!

Он попытался схватить и удержать ее сознание, но обнаружил, что это ему не под силу.

Трагическая тень промелькнула по лицу Нови.

— Господин, — начала она и тут же поправилась: — Оратор Гендибаль, мое настоящее имя — Сурановирембластриан, и я с Геи.

Вот и все, что она сказала словами, а Гендибаль, охваченный дикой яростью, до предела усилил свое ментальное излучение и ударил по ее сознанию так, что ему показалось, будто кровь вскипела у него в сосудах! Ничего не вышло — она умело и решительно отвела его удар. Но сознание свое не закрыла. Не могла или не хотела?

Он заговорил с ней так, как говорил бы с другим Оратором:

— Ты сыграла свою роль, затащила меня сюда, предала... Ты одна из тех, кто породил Мула.

— Мул — предатель, Оратор. Я (мы) — не Мулы. Я (мы) — это Гея.

Вся сущность Геи была передана ему кратко и полно — гораздо подробнее, чем можно было передать словами.

— Целая живая планета... — пробормотал Гендибаль.

— Да, и обладающая ментальным полем, которое гораздо сильнее вашего отдельного. Прошу вас, не сопротивляйтесь этой силе. Мне бы не хотелось, чтобы вам был причинен вред.

— Даже как живая планета вы не сильнее, чем мои соратники с Трентора. Мы тоже живая планета, если на то пошло.

— Вы всего-навсего ментальное сообщество, всего несколько тысяч людей, Оратор, и вы не можете рассчитывать на поддержку своих товарищей, я ее заблокировала. Проверьте — убедитесь сами.

— Что ты собираешься делать, Гея?

— Думаю, Оратор, вы можете по-прежнему называть меня Нови. Да, я сейчас действую от имени Геи, но для вас я — Нови.

— Так что ты собираешься делать, **Гея**?

Послышался ментальный эквивалент печального вздоха. Нови ответила:

— Мы сохраним тройственное перемирие. Мы будем удерживать Мэра Бранно через ее экран, я помогу вам в этом, и мы не устанем. Вы, вероятно, будете удерживать мое сознание, а я — ваше, и оба мы не устанем от этого. Так все и останется.

— И до каких пор?

— Я вам объяснила: мы ожидаем Советника Тревайза с Терминуса. Только он разорвет эти цепи. Так, как он решит.

84

Компьютер на борту «Далекой Звезды» обнаружил поблизости два корабля. Тревайз наблюдал за обоими на плоском экране.

Оба корабля были производства Академии. Один был точной копией «Далекой Звезды» — корабль Компора, без сомнений. Другой — больше и мощнее.

Тревайз обернулся к Блисс и спросил:

— Ну что происходит? Теперь ты можешь меня просветить?

— Да! Не волнуйся. Они не сделают тебе ничего плохого.

— Вот интересно — почему это все так уверены, что я просто весь дрожу от страха? — ехидно поинтересовался Тревайз.

— Пусть она говорит, Голан, — вмешался Пелорат. — Не кричи на нее.

Тревайз шутливо поднял руки вверх:

— Не буду кричать. Говорите, леди.

Блисс сказала:

— На большом корабле находится правительница вашей Академии. С ней...

Тревайз удивился не на шутку:

— Правительница? Что — старуха Бранно?

— Уверена, ее титул звучит не так. Но она женщина, это верно.

Блисс помолчала немного, как будто внимательно прислушивалась к голосу великого организма, частью которого была.

— Ее имя Харлабранно. Немного странно — имя всего из четырех слогов, когда она занимает такой высокий пост в своей стране, но, вероятно, у негеян свои привычки.

— Думаю, — сказал Тревайз, — тебе можно называть ее

Бранн, если тебе так больше нравится. Но что она тут делает? Почему не сидит на... Все ясно. Гея и ее сюда приволокла. Зачем?

На этот вопрос Блисс не ответила.

— С ней, — продолжала она, — Лайонокоделл, пять слогов, хотя он ее подчиненный. Должное уважение явно отсутствует. Он важный чиновник в вашем мире. С ними еще четверо, они умеют владеть и управлять оружием. Сказать их имена?

— Нет. Я так понимаю, что на втором корабле находится Мунн Ли Компор и представляет Вторую Академию. Так вы сюда обе Академии вытянули... Зачем?

— Не совсем так, Трев... то есть Тревайз.

— Ой, да ладно, пускай будет Трев, не рассыплюсь.

— Не совсем так, Трев. Компор покинул этот корабль, и его сменили двое людей. Один из них — Сторгендибаль — важный деятель Второй Академии. Его называют Оратором.

— Важный деятель? Вероятно, обладает ментальной силой?

— О да. Очень могучей силой.

— Ты справишься?

— Конечно. Второй человек, который находится вместе с ним на этом корабле, — Гея.

— **Ваш** человек?

— Да, ее зовут Сурановиремблastриан. Хотя, не будь она так долго вдали от меня (нас), ее имя теперь было бы длиннее.

— Способна ли она выдержать схватку с важным деятелем Второй Академии?

— Его удерживает не она сама, а вся Гея. Она (мы) я способны уничтожить его.

— Она это и собирается сделать? Уничтожить его и Бранно? Что это значит? Гея хочет разбить обе Академии и основать собственную Галактическую Империю? Ренессанс Мула? Да это почище Мула будет...

— Нет, нет, Трев. Только не волнуйся. Тебе нельзя. Все трое находятся в неразрывной связке. Они ждут.

— Чего?

— Твоего решения.

— Снова-здорово... **Какого** решения? Почему **моего**?

— Прошу тебя, Трев, — сказала Блисс. — Скоро все объяснится. Я (мы) она сказали тебе ровно столько, сколько могли пока сказать.

85

Бранно устало, обреченно проговорила:

— Я совершила ошибку, Лайоно, и, вероятно, фатальную.

— Следует ли в этом признаваться? — одними губами спросил Коделл.

— Им известно все, о чем я думаю. Так что говори не говори — хуже не будет. Точно так же им известно все, о чем думаете вы, когда даже не шевелите губами... Надо было дождаться, когда наши ученые доведут мощь экрана до предела...

Коделл спросил:

— Как вы могли такое предвидеть, Мэр? Если бы мы ждали, пока экран укрепится вдвое, втрое, вчетверо, нам пришлось бы ждать вечно. По правде говоря, я очень жалею, что мы сами потащились сюда. Пусть бы такие эксперименты ставились на ком-то другом. Пусть хоть бы на вашем возлюбленном громоотводе.

Бранно вздохнула:

— Я не хотела дать им времени на передышку, Лайоно. Но тут вы попали в точку. Я должна была ждать до тех пор, пока экран не стал бы непробиваем. Ну, если не совсем непробиваемым, то хотя бы более плотным. Я знала, что пока в нем — большая прореха, но ждать больше не могла. Ждать, пока залепят дыру, — значило ждать, пока истечет мой срок пребывания на посту Мэра, а я так хотела, чтобы все произошло, пока я у власти! Как последняя дура, убедила себя в том, что экран выдержит. Не желала слушать никаких предостережений — ваших, к примеру.

— Мы все еще можем победить, если будем терпеливы.

— Да? Вы можете отдать приказ выстрелить по этому кораблю?

— Нет. Не могу, Мэр. Эта мысль почему-то мне противна.

— Мне тоже. Даже если бы вы или я смогли отдать приказ, никто из команды не сумел бы его выполнить.

— Это пока, Мэр, но обстоятельства могут измениться. На самом деле намечается выход нового актера на сцену.

Он указал в иллюминатор. Корабельный компьютер автоматически фокусировал изображение, делал его более плоским, как только в поле зрения бортовых систем попадал новый объект.

— Можете добавить увеличение, Лайоно?

— Без проблем. Необычайно ловок все-таки этот мужичок из Второй Академии. Все, что ему не мешает, мы можем проделывать с легкостью.

— Так... — пробормотала Бранно, изучая вид в иллюминаторе. — «Далекая Звезда» собственной персоной. На борту, скорее всего, Тревайз и Пелорат, если и этих не сменили людишки из Второй Академии. Громоотвод мой постарался на славу. Эх... — она скрипнула зубами, — был бы у меня экран поплотнее...

— Терпение и спокойствие! — проговорил Коделл.

В отсеке управления послышался чей-то голос, и почему-то Бранно поняла, что он звучит не в звуковом диапазоне. Она слышала его прямо у себя в сознании. Взгляда Коделла было достаточно, чтобы понять, что он ощутил то же самое.

Голос спросил:

— Вы слышите меня, Мэр Бранно? Если да, не трудитесь отвечать. Просто подумайте об этом.

— Кто вы? — тихо спросила Бранно.

— Я — Гея, — был ответ.

86

Все три корабля застыли в неподвижности и медленно кружили вокруг Геи, как три спутника, сопровождая Гею в бесконечном пути вокруг ее солнца.

Тревайз смотрел в иллюминатор. Он устал от догадок — какова могла быть его роль, ради чего его притащили сюда через тысячи парсеков.

Звук, раздавшийся у него в сознании, не испугал его. Он как будто ждал именно этого.

Голос произнес:

— Вы слышите меня, Голан Тревайз? Если да, не трудитесь отвечать. Просто подумайте об этом.

Голан оглянулся. Пелорат ошарашенно оглядывался по сторонам, значит, тоже услышал. Блисс, сложив руки на коленях, сидела спокойно, но Тревайз не сомневался — она тоже услышала голос.

Пропустив мимо ушей предложение оперировать только мыслями, он сказал вслух, старательно выговаривая каждое слово:

— Пока я не пойму, что происходит, я не сделаю ничего, о чем бы меня ни попросили.

— Скоро поймете, — ответил голос.

87

— Все вы, — сказала Нови, — будете слышать меня у себя в сознании. Все вы можете отвечать мне мысленно. Я сделаю так, что вы будете слышать друг друга. Никаких задержек связи не будет — ментальное поле распространяется со скоростью света, а мы не так далеко друг от друга. Начнем с того, что все мы попали сюда не случайно.

— Каким образом? — послышался голос Мэра Бранно.

— Не за счет ментальной «обработки», — ответила Нови. — Гея не вмешивалась ни в чье сознание. Это не в наших правилах. Мы просто воспользовались вашими амбициями. Мэр Бранно хотела без промедлений основать Вторую Академию. Оратор Гендибаль мечтал стать Первым Оратором. Было достаточно усилить эти желания и направить их в нужное русло.

— Я знаю, как попал сюда, — упрямо заявил Гендибаль.

И на самом деле — он знал. Он знал, почему ему так хотелось отправиться в космос, почему он старательно преследовал Тревайза, так уверен, что все ему подвластно...

Все дело было в Нови. О, Нови!

— С вами был особый случай, Оратор Гендибаль. Ваши амбиции были велики, но у вас мягкий, добрый характер, что значительно облегчило задачу. Вы добры к любому, кто, по вашему мнению, во всех отношениях ниже вас. Я воспользовалась этим и обернула все против вас. Мне (нам) очень стыдно, и оправданием мне (нам) может послужить лишь то, что Галактика в опасности.

Нови помолчала. Когда она заговорила вновь, голос ее, хотя говорила она без помощи голосовых связок, стал более печален, на лбу залегли горькие морщинки.

— Час пробил. Гея не могла больше ждать. В последнем столетии люди с Терминуса занимались разработкой противоментального экрана. Оставленные на произвол судьбы, они бы уже в следующем поколении стали неуязвимы даже для Геи и могли совершенно беспрепятственно всюду применять свое физическое оружие. Галактика не выстояла бы против них, они основали бы Вторую Империю образца Первой Академии вопреки Плану Селдона, вопреки воле народа Трентора и народа Геи. Мэра Бранно нужно было каким-то образом вынудить к действиям до того, как разработка экрана будет завершена.

Теперь — о Тренторе. План Селдона работал превосходно, потому что за его выполнением прослеживала сама Гея. В течение последнего столетия пост Первого Оратора занимали спокойные, рассудительные люди. Но вот вверх стремительно взлетел Стор Гендибаль. Он непременно стал бы Первым Оратором, и при нем позиция Трентора стала бы активной. Он сконцентрировал бы свои усилия на развитии физической мощи Трентора, ополчился бы против Терминуса до того, как закончилась бы разработка противоментального экрана, и победил бы Первую Академию. План Селдона был бы доведен до конца и увенчался бы созданием Второй Галактической Империи — Империи образца Трентора, вопреки воле народов Терминуса и Геи. Следовательно, и Гендибаля нужно было вынудить к действиям до того, как он стал Первым Оратором.

Гея упорно и старательно трудилась несколько десятилетий напролет, и нам удалось свести обе Академии в нужном месте в нужное время. Повторяю я все это для того главным образом, чтобы Советник Тревайз лучше понял, в чем дело.

— А я **не** понимаю, — немедленно встрял Тревайз, снова заговорив вслух. — Что такого ужасного в любой из версий Галактической Империи?

Нови ответила:

— Вторая Империя, созданная по образу и подобию Терминуса, будет милитаристской, основанной насильно, удерживаемой насильно. Она всего-навсего возродит в себе Первую Империю. Так думает Гея. Вторая Империя, созданная по образу и подобию Трентора, будет покровительственной, будет основана на расчетах и удерживаема с помощью расчетов — это будет вечно живой труп. Так думает Гея.

— А что Гея может предложить взамен? — поинтересовался Тревайз.

— Огромную Гею! Галаксию! Чтобы каждая из обитаемых планет стала такой же живой, как Гея. Чтобы все планеты, живые планеты, объединились для более высокой и великой гиперпространственной жизни. Чтобы в этом приняли участие и ненаселенные планеты. И звезды. Каждый атом межзвездного газа. Может быть — даже огромная черная дыра в центре Галак-

тики. Живая Галактика, наиболее благоприятная для всего живого, — как это было бы прекрасно! Жизнь, непохожая на ту, что была когда-то, и никаких повторений ошибок прошлого...

— Зато новых хоть отбавляй, — саркастически пробурчал Тревайз.

— Геей накоплен тысячелетний опыт.

— Да, но все-таки, какова моя роль во всем этом?

Голос Геи, транслируемый через сознание Нови, прогремел как раскат грома:

— **Выбрать!** Какой должна быть Галактика!

Наступило долгое, мучительное молчание. И вот голос Тревайза (наконец ментальный — он был слишком ошеломлен, чтобы пошевелить губами) проговорил:

— Почему я?

Нови сказала:

— Сами мы не можем ничего поделать, хотя смогли точно выбрать момент времени, когда ни Трентор, ни Терминус еще не стали настолько могущественны, что остановить их было бы уже нельзя, пока между ними не установилось бы смертельно опасное равновесие, которое разорвало бы Галактику. Мы нашли вас, Советник... хотя не совсем так. Люди с Трентора разыскали вас через человека по имени Компор, хотя даже не предполагали, что на самом деле нашли. А вслед за ними на вас обратили внимание мы. Голан Тревайз, вы обладаете удивительным даром принимать верные решения.

— Отрицаю, — отрезал Тревайз.

— Обладаете и не раз подтверждали это. Вы всегда действуете уверенно. Мы хотим, чтобы сейчас вы совершили выбор от имени всей Галактики. Вероятно, вам не хочется взваливать на себя груз ответственности. Вам захочется всеми силами отказаться от совершения выбора. И тем не менее вы будете понимать, что это верно. Вы будете **уверены**. А потом сделаете выбор. Когда мы нашли вас, мы поняли, что нашли верного человека, и многие годы потом разрабатывали такую схему стечения событий, чтобы не потребовалось ментальное вмешательство и чтобы вы трое: Мэр Бранно, Оратор Гендибаль и Советник Тревайз — одновременно оказались поблизости от Геи. Это нам, как видите, удалось.

Тревайз спросил:

— Но разве, Гея, сейчас, здесь тебе не под силу побороть Мэра и Оратора? Разве ты сама не можешь основать эту живую

Галактику без всякой моей помощи? Если можешь, почему не сделаешь этого?

Нови сказала:

— Не знаю, сумею ли объяснить так, чтобы вы были удовлетворены. Гея была основана тысячи лет назад с помощью роботов, которые когда-то служили людям, но теперь больше не служат. Они сумели убедить нас, что выжить мы сможем, лишь строго повинуясь Трем Законам Роботехники, примененным ко всему живому. Первый Закон для нас звучит так: Гея не может причинить вред ничему живому или за счет бездействия допустить, чтобы всему живому был причинен вред. Мы следовали этому закону на протяжении всей нашей истории и по-другому просто не можем.

В результате теперь мы беспомощны. Мы не можем насильно навязать нашу точку зрения о живой Галактике квинтиллионам человеческих существ и бесконечному числу других форм жизни и тем самым, вероятно, причинить вред многим. Но мы не можем безучастно наблюдать, как Галактика наполовину уничтожит себя в борьбе, которую мы в силах предотвратить. Мы не знаем, что дешевле обойдется Галактике — действие или бездействие, поддержка нами Трентора или поддержка Терминуса. Пусть же Советник Тревайз решит, и, каково бы ни было решение, Гея повинуется ему.

Тревайз спросил:

— А как это, интересно, должно выглядеть?

Нови сказала:

— У вас есть компьютер. Люди с Терминуса, создав его, сделали больше, чем хотели. Компьютер на борту вашего корабля включает в себя частицу Геи. Положите ваши руки на контакты и думайте. Если вы подумаете, например, что экран Мэра Бранно непроницаем, она тут же воспользуется оружием и уничтожит остальные два корабля, захватит власть над Геей, а потом над Трентором.

— И вы ничего не сделаете, чтобы предотвратить это?

— Пальцем не пошевелим. Если вы уверены, что власть Терминуса принесет Галактике меньше вреда, чем любой другой вариант, мы с радостью поможем этой власти установиться, даже ценой нашей собственной гибели... Вы можете также ощутить ментальное поле Оратора Гендибаля и подсоединиться к нему через компьютер. Тогда он избавится от меня. Потом он сумеет воздействовать на сознание Мэра, заберет ее корабли и

тоже захватит власть над Геей. И Гея ничего не сделает, чтобы предотвратить это. Либо отыщите мое ментальное поле и соединитесь с ним, и тогда будет положено начало существованию живой Галактики — не сразу, не при жизни нынешнего поколения, даже не при жизни следующего; но пройдут столетия трудов, и все эти столетия План Селдона будет выполняться. Вам выбирать.

Мэр Бранно вмешалась:

— Стойте! Не торопитесь! Могу я сказать?

— Говорите открыто, — сказала Нови. — Говорите и вы, Оратор Гендибаль.

Бранно сказала:

— Советник Тревайз, когда мы виделись с вами в последний раз, вы сказали: «Настанет день, Госпожа Мэр, и вам сможет понадобиться моя помощь. Тогда я поступлю, как сочту нужным, и не забуду вам этих двух дней». Уж не знаю, предвидели ли вы, что все так обернется, — видимо, либо интуитивно предчувствовали, либо у вас действительно столь редкий дар делать верные выводы, как говорит эта женщина, что толкует о живой Галактике. В любом случае вы были правы. Я прошу вас о помощи от имени всей Федерации. Может быть, вам не терпится поквитаться со мной за то, что я арестовала и выслала вас. Но не забывайте о том, что действовала я исключительно ради того, что считала лучшим для страны. Ну пусть я ошиблась, пусть вы думаете, что у меня на то были личные причины, — ошиблась **я**, а не Федерация. Не уничтожайте же всю Федерацию из желания отомстить мне. Помните: вы — гражданин Академии, вы — человек, и вам не хочется быть цифрой в планах бескровных математиков с Трентора или еще меньше чем цифрой в галактическом компоте жизни и нежити. Вы хотите, чтобы вы сами, и ваши друзья, и ваши потомки были независимыми носителями свободной воли. Остальное — чепуха. Эти, другие, скажут вам, будто бы наша Империя утвердится на крови и слезах. Но это вовсе не обязательно. Это зависит от нас — сделать так, чтобы это не произошло, или не сделать. В любом случае лучше добровольно проиграть, чем жить в бессмысленной, искусственной безопасности, словно винтики в машине. Поймите, сейчас вы должны сделать выбор как человеческое существо, обладающее свободой воли. Эти, с Геи, никакого решения принять не могут, кишка тонка, они зависят от вас. Они

готовы самоуничтожиться, если вы им прикажете. Этого вы хотите для всей Галактики?

— Не знаю, как у меня со свободой, Мэр. Вероятно, с моим сознанием таки тонко поработали, так что я могу дать лишь желаемый ответ.

Нови вмешалась:

— Ваше сознание не тронуто. Если бы мы могли поставить вас на службу своим целям, эта встреча была бы бессмысленна. Будь мы настолько беспринципны, разве нас стала бы волновать судьба человечества?

Гендибаль сказал:

— Полагаю, теперь моя очередь высказаться. Советник Тревайз, раскройте глаза, смотрите на все шире, не замыкайтесь в рамках дешевого патриотизма. Терминус не выше Галактики, хотя вы там родились. Уже пять столетий Галактика живет по Плану Селдона. Этот процесс идет не только внутри границ Федерации, но и за их пределами... Вы были и являетесь частицей Плана Селдона, а это выше, чем роль гражданина и деятеля Первой Академии. Не сделайте же ничего такого, что нарушило бы План, пусть вами не овладеют ни патриотизм, ни романтические стремления к новому и неизведанному. Вторая Академия ни в коем случае не покусится на свободную волю человечества. Мы посредники, а не деспоты... Наша Вторая Империя будет фундаментально отличаться от Первой. На протяжении всей истории человечества в Галактике шли войны, проливалась кровь даже тогда, когда в вашей Академии царили мир и спокойствие. Выберите вариант Мэра Бранно, и не будет этому конца и края. Порочный, смертельный круг. План Селдона предлагает освободиться от всего этого наконец, но **не** ценой того, чтобы человек стал атомом в Галактике атомов, не ценой того, чтобы сравняться с травой, бактериями и пылью под ногами.

Нови сказала:

— Оратор Гендибаль верно описал вариант новой Империи, которую может создать Первая Академия. С описанием его собственного варианта я не согласна. Ораторы Трентора — люди, живые люди, со своими слабостями, с той же свободой воли, такие, как были всегда. Разве нет на Тренторе изнурительной конкуренции, политики, борьбы за власть? Разве нет ссор, ненависти, скандалов, мести за Столом Ораторов? Хотелось бы

вам повиноваться таким вершителям судеб? Пусть Оратор Гендибаль ответит честно — спросите его об этом.

— Нет нужды взывать к моей честности, — парировал Гендибаль. — Все это мне прекрасно известно: и конкуренция, и ненависть, и все остальное. Но когда решение принято, ему повинуются все. Из этого правила еще никогда не бывало исключений.

Тревайз спросил:

— А что, если я не сделаю выбора?

— Вы должны, — сказала Нови. — Вы поймете, что будет вернее, если вы сделаете выбор.

— А что, если попытаюсь, но не смогу?

— Вы должны.

— Сколько у меня времени? — спросил Тревайз.

— Сколько угодно, — ответила Нови, — пока вы не будете уверены в том, что выбрали правильно.

Потекли минуты. Тревайз застыл в молчании.

Все остальные тоже молчали, но Тревайзу казалось, что он слышит биение множества сердец.

Он слышал, как голос Харлы Бранно твердо, решительно проговорил: «Свободная воля!» А голос Оратора Гендибаля — «Руководство и мир». А голос Нови прошептал: «Жизнь»...

Тревайз обернулся и увидел, что Пелорат во все глаза, не мигая, смотрит на него.

— Все слышал, Джен?

— Да, Голан, слышал.

— Что скажешь?

— Решение не мне принимать.

— Ясно. Но что ты думаешь?

— Не знаю. Меня пугают все три варианта. И все-таки мне пришла в голову одна идея — совершенно особенная...

— Да?

— Когда мы только-только вылетели в космос, ты показывал мне Галактику. Помнишь?

— Конечно.

— Ты ускорил ее движение во времени, и она задвигалась. Я тогда сказал, как будто предугадал теперешний момент: «Галактика похожа на живое существо». Тебе не кажется, что она уже сейчас живая?

Уверенность осенила Тревайза, как только он вспомнил то

мгновение. Он вспомнил и о том, что не так давно решил — Пелорат во всей этой истории сыграет не последнюю роль. Он поспешно отвернулся, чтобы не тратить времени ни на раздумья, ни на сомнения.

Он решительно опустил руки на контакты компьютера и подумал так решительно, как не думал никогда.

Он принял решение, решение, от которого зависела судьба Галактики.

ЭПИЛОГ

88

У Мэра Харлы Бранно не было причин для недовольства. Государственный визит не затянулся и при этом оказался необычайно продуктивным.

Она сказала без обычного высокомерия:

— Но, конечно, доверять им полностью нельзя.

Взгляд ее был устремлен в иллюминатор. Корабли Флота Академии один за другим уходили в гиперпространство и возвращались на базы.

Бесспорно, присутствие кораблей произвело должное впечатление на Сейшелл, однако никаких претензий и быть не могло: они не покинули космического пространства Академии и, как только Мэр Бранно отдала приказ, тут же без промедления удалились.

С другой стороны, Сейшелл прекрасно уразумел, что так же быстро корабли могут вернуться, если что. Этот маневр продемонстрировал одновременно и военную мощь Академии, и ее добрую волю.

Коделл сказал:

— Совершенно верно: доверять им полностью нельзя, как и никому в Галактике, и в интересах Сейшелла соблюдать все пункты договора. Мы повели себя благородно.

Бранно уточнила:

— Многое зависит от доработки деталей, думаю, это займет несколько месяцев. Общие положения можно набросать уже сейчас, но потом настанет черед мелочей: конкретные моменты организации карантинных мероприятий по импорту и экспорту, утряска вопроса по соответствию мер веса зерна и мяса и так далее.

— Знаю, но это действительно мелочи, а вы сделали великое дело, Мэр. Удар был точен и силен — зря я сомневался.

— Ну, будет вам, Лайоно. Дело состояло лишь в том, чтобы Академия учла самолюбие и гордость Сейшелла. В конце концов, они сохраняли независимость со времен Империи.

— Да, и теперь они больше нам докучать не станут.

— Конечно, так что всего-то и надо было немного смирить собственную гордыню и дать им возможность продемонстрировать свою. Признаю, это мне далось нелегко, чтобы я, Мэр Федерации, власть которой простирается почти на всю Галактику, унизилась до того, что предприняла визит в провинциальную звездную систему, но главное было принять такое решение. А им какое удовольствие! Надо было поспорить, Лайоно, — они бы тут же согласились на мой визит, если бы мы подвели корабли к их границам, но это означало бы хорошую мину при плохой игре.

Коделл кивнул:

— А мы избежали внешних проявлений силы, продемонстрировав взамен ее сущность.

— Вот именно... Кому принадлежат эти золотые слова?

— Вроде бы так говорится в какой-то из пьес Эридена, но точно не помню. Надо будет поинтересоваться у кого-нибудь из наших литературных светил, когда вернемся.

— Если я вспомню. Нужно будет поскорее организовать ответный визит сейшельцев на Терминус и проследить за тем, чтобы они были приняты как равные. Боюсь, Лайоно, вам лично придется заняться проблемой безопасности их делегации. Некоторые наши горячие головы могут не до конца понять ситуацию, а было бы крайне неразумно подвергать наших высоких гостей хоть сколько-нибудь заметному унижению, ну мало ли — вдруг затеют что-то вроде демонстраций протеста...

— Безусловно, — согласился Коделл. — Кстати, удивительно мудро вы поступили, послав вперед Тревайза.

— Вы про моего громоотвода? Да, честно говоря, я сама от него не ожидала такой прыти. Он с таким шумом ворвался в Сейшелл и вызвал такую бурю негодования с их стороны — поверить трудно. Молодчага! И какое прекрасное подспорье для моего визита — подумать только, гражданин Академии их немножко потревожил, а я уже тут как тут, с заверениями, что такое больше не повторится, и с благодарностью за их снисходительность.

— Замечательно!.. Кстати, вам не кажется, что было бы лучше забрать Тревайза с собой?

— Нет. Если честно, пусть он болтается где угодно, лишь бы не дома. На Терминусе от него покоя не будет. Его бредовая идея о существовании Второй Академии оказалась превосходной причиной для его ссылки, и, конечно, мы рассчитывали на то, что Пелорат потащит его на Сейшелл. Но чтобы он возвращался домой — нет, увольте! Опять начнет сеять смуту. Кто его знает, что он отчебучит в следующий раз.

Коделл крякнул:

— Да уж... Вряд ли отыщется более легковерный человек, чем ученый-фанатик. Я вот думаю — наверное, Пелората можно было и еще сильнее поднакачать.

— Веры в истинное существование мифической сейшельской Геи было вполне достаточно, но не будем больше об этом. Когда возвратимся, придется встретиться с Советом, нам потребуются их голоса для ратификации договора с Сейшеллом. К счастью, у нас имеется запись беседы с Тревайзом — достоверная, все честь по чести, подтверждающая, что он покинул Терминус добровольно. Принесу официальные извинения за кратковременный арест Тревайза, и Совет будет удовлетворен.

— Надеюсь, у вас это проскочит, Мэр, — сухо отозвался Коделл. — Только вот... вам не кажется, что Тревайз запросто может продолжить поиски Второй Академии?

— Пусть ищет, — пожала плечами Бранно. — Лишь бы на Терминусе этим не занимался. Чем бы дитя ни тешилось... Все равно ничего не найдет. Существование Второй Академии — такой же миф, как существование Геи для сейшельцев. — Она откинулась на спинку кресла, забросила руки за голову, излучая самодовольство. — А Сейшелл у нас теперь вот где (она крепко сжала кулак). И к тому времени, когда они это поймут, будет поздно. Так что Академия жила, живет и будет жить, и никто ей не помешает.

— И заслуга эта целиком и полностью принадлежит вам, Мэр.

— Не сомневайтесь, это от меня не укрылось, Коделл, — улыбнулась Бранно, и их корабль, скользнув в гиперпространство, вскоре вынырнул оттуда уже совсем неподалеку от Терминуса.

89

У Оратора Гендибаля также не было причин для расстройства. Стычка с Первой Академией оказалась краткой, но исключительно результативной.

Он отправил на Трентор сообщение о триумфальной победе — короткое и сдержанное. Самое главное сейчас было — заверить Первого Оратора в том, что все прошло без сучка без задоринки — в принципе, он и сам мог бы об этом догадаться — ведь объединенные усилия Второй Академии не понадобились. А детали можно будет сообщить попозже.

Тогда он расскажет о том, как ювелирная, почти незаметная манипуляция сознанием Мэра Бранно помогла в корне изменить направление ее намерений: вместо имперских амбиций появились чисто практические соображения, и она пошла на торговое соглашение с Сейшеллом. Он поведает и о том, как умелая, произведенная на большом расстоянии обработка сознания лидера Сейшельского Союза привела к тому, что Мэр получила приглашение посетить Сейшелл с официальным визитом, как потом он напрямую договорился с Компором, чтобы тот вернулся на Терминус, дабы лично приглядывать за соблюдением договора. «Хрестоматийный пример, — думал Гендибаль. — Вот как с помощью ювелирной менталики обстряпываются грандиозные по масштабу дела».

Деларми будет положена на обе лопатки, и очень скоро он займет пост Первого Оратора, как только на первом же заседании Стола расскажет в подробностях о блестяще проведенной операции.

Но даже от себя самого он скрывал, как важно было для него, что все время рядом с ним была Сура Нови, — хотя перед Ораторами особо распинаться об этом не собирался. Она не только помогла ему одержать победу, но сумела простить мальчишескую, нескрываемую радость, которую принесла ему эта победа (ведь он был человек, как и все Ораторы, и ничто человеческое ему было не чуждо). И как любому человеку, ему нужно было, чтобы его похвалили и порадовались вместе с ним, наверное, это было нужно ему не меньше, чем одобрение на заседании Стола Ораторов.

Нови, конечно, совершенно не поняла, что произошло, Гендибаль знал это, но она понимала, что он сделал все так, как

хотел, как задумал, и она просто светилась от гордости за него. Гендибаль любовно погладил очертания сознания Нови...

— Без тебя я не справился бы, Нови, — сказал он. — Только благодаря тебе я смог понять, что у Первой Академии — у тех людей на большом корабле...

— Да, Господин, я понимаю, про кого вы говорите.

— Так вот, благодаря тебе я смог понять, что у них есть защитный экран, но сила их сознания невелика. И по тому, как они действовали на **твое** сознание, я сумел подобрать к ним ключик, понял, как проникнуть через экран и манипулировать их сознаниями.

Нови смущенно пробормотала:

— Я точно не понимаю, Господин, про что вы говорите... Но если бы я могла, я помогла бы вам еще лучше.

— Знаю, Нови. Но довольно и того, что ты сделала. Ты представить себе не можешь, как опасны могли быть эти люди. Я их вовремя остановил. Мэр теперь летит домой, про такое устройство, как противоментальный экран, и думать забыла. Она страшно довольна тем, что подписала торговое соглашение с Сейшеллом, это превратит его в еще один коммерческий придаток Академии. Правда, для того, чтобы в Первой Академии навсегда позабыли о работе, проделанной в области создания экрана, нужно будет еще много потрудиться; это наше упущение, но это будет сделано обязательно.

Немного подумав над последними словами, Гендибаль тихо проговорил:

— Да, наша беда в том, что мы не слишком пристально наблюдали за Первой Академией. Как можно больше внимания должно быть уделено консолидации Галактики. Возможности менталики следует использовать для создания глобального сотрудничества на уровне сознания. Это не противоречит Плану. Я уверен в этом и приложу для этого все силы.

Нови встревоженно окликнула его:

— Господин...

— Прости, — улыбнулся Гендибаль. — Я говорю сам с собой. Нови, помнишь Руфиранта?

— Наглого крестьянина, что напал на вас, Господин? Еще бы мне его не помнить!

— Я уверен, его обработали агенты Первой Академии с помощью портативного экрана. Еще многое, многое на их совести... Представь только, что было бы, если бы не узнали об этом?

Тогда я обманулся — не мог представить, что Первая Академия способна на такое, да еще примешался этот миф, это сейшельское суеверие — Гея... Тут мне тоже помогло твое сознание. Оно окончательно убедило меня, что источником поля был корабль, а не планета.

Гендибаль довольно потер руки.

— Господин...

— Да, Нови?

— А вас наградят за то, что вы сделали?

— Конечно. Шендесс уйдет в отставку, и я стану Первым Оратором. Тогда я все возьму в свои руки. Мы больше не будем пассивными наблюдателями!

— Вы будете Первым Оратором?

— Да, Нови. Самым главным из ученых, самым могущественным.

— Самым главным?

О, как она расстроилась — невооруженным глазом видно!

— Почему у тебя такое лицо, Нови? Разве ты не хочешь, чтобы меня вознаградили?

— Нет, Господин, очень хочу... Только... если вы станете самым главным над всеми учеными, вы не захотите, чтобы рядом с вами... была думлянка. Вам это... не подойдет.

— Почему, Нови? Кто посмеет сказать мне такое?

Порыв любви захлестнул Гендибаля.

— Нови... Ты останешься со мной — всюду и всегда. Как я могу рискнуть вступить в схватку с цепными псами за Столом Ораторов, если тебя не будет рядом со мной! Твое чудесное сознание все расскажет мне — только они успеют задумать что-нибудь дурное. И вообще... — Казалось, он немного опешил от собственной откровенности. — И потом, я... мне... мне нравится, когда ты со мной, и мне так хотелось бы, чтобы ты была со мной всегда... То есть, конечно, если тебе этого тоже хочется...

— О Господин... — прошептала Нови.

Рука Гендибаля нежно обняла ее за талию, а ее голова легла ему на плечо.

Где-то глубоко внутри, под непроницаемой для Гендибаля оболочкой сознания Нови, хранилась сущность Геи, ответственная за дальнейшее выполнение цели...

А Нови — Нови-думлянка — была совершенно счастлива, так счастлива, что почти забыла, как далеко она от себя (их) всех, и сейчас хотела быть лишь такой, какой только казалась...

90

— Как славно, мы снова на Гее, — потирая руки и усиленно скрывая радость и облегчение, проговорил Пелорат.

— Гм-м-м... — промычал в ответ Тревайз.

— А знаешь, что мне Блисс сказала? Мэр на пути к Терминусу, она подписала торговый договор с Сейшеллом. А Оратор из Второй Академии летит на Трентор, убежденный в том, что именно он это устроил, а эта женщина, Нови, летит с ним, чтобы не упускать его из виду и присматривать, чтобы там, на Тренторе, все было в порядке в плане перехода к созданию живой Галактики. И ни одна из Академий не подозревает о существовании Геи. Это просто потрясающе!

— Я в курсе, — угрюмо буркнул Тревайз. — Меня оповестили. Но про то, что Гея существует, знаем мы с тобой, а у нас есть языки.

— Блисс говорит, что, даже если мы будем рассказывать, нам никто не поверит. И потом, что касается меня, то я не собираюсь покидать Гею.

Тревайз будто проснулся:

— Что ты сказал?

— Я хочу остаться здесь, Голан... Самому не верится, знаешь ли... Ведь всего несколько недель назад я жил один-одинешенек на Терминусе и жил бы еще бог знает сколько, думая только о том, что когда-нибудь смерть приберет меня, и ничего у меня не было, кроме моих записей и картотек; я думал, так оно и будет тянуться... И вдруг как удар грома — ни с того ни с сего я помчался странствовать по Галактике, окунулся в самую гущу галактического кризиса и... только не смейся! — повстречал Блисс.

— Я не смеюсь, Джен. Но ты знаешь, что делаешь?

— О да. Землей заниматься меня больше не тянет. Причину того, почему она оказалась единственным миром со сложной экологией и развитой разумной жизнью, нам адекватно объяснили. Ну, ты помнишь — Вечные.

— Помню. Значит, ты решил остаться на Гее?

— Да. Это решено. Земля — в прошлом. А я устал от прошлого. Гея — это будущее.

— Но ты не часть Геи, Джен. Или ты надеешься стать ее частью?

— Блисс говорит, что в каком-то смысле это возможно —

если не в биологическом, то хоть бы в интеллектуальном. Она поможет мне.

— Но ведь она неотъемлемая часть Геи! Как же вы сможете жить общей жизнью, какие у вас могут быть общие интересы?..

Друзья беседовали на воздухе, и Тревайз печально обвел взглядом окрестности цветущего плодородного острова. За морем, на горизонте, виднелся другой остров, занавешенный сиреневой дымкой, и все вокруг было такое спокойное, живое и единое...

— Джен, — сказал Тревайз. — Подумай: она целый мир, а ты один-единственный человек. А вдруг ты ей надоешь? Она так молода...

— Голан, я думал об этом. Все эти дни только и делал, что думал об этом. Конечно, я могу ей надоесть. Я не безумный романтик. Но... того, что она даст мне, пока я ей не прискучу, мне хватит. И так уже она дала мне очень много, так много — сколько никто мне в жизни не дал! Знаешь, если бы даже мне никогда не суждено было ее увидеть больше, я бы считал, что не зря прожил жизнь.

— В голове не укладывается, — тихо проговорил Голан. — Нет, все-таки ты безумный романтик и имей в виду, никем другим я тебя считать не намерен. Джен... мы знакомы без году неделя, но мы все время были рядом, вместе, и... ты уж прости, но... в общем, я успел тебя полюбить.

— И я тебя тоже! — горячо откликнулся Пелорат.

— Ну вот, и я не хочу, чтобы тебе было больно. Я должен поговорить с Блисс.

— Нет-нет, прошу тебя, только не это. Ты станешь кричать на нее, читать ей нотации! Не надо.

— Не бойся, не буду. Дело тут не только в тебе, и мне нужно переговорить с ней с глазу на глаз. Джен, я не хочу делать этого втайне от тебя! Прошу тебя, не упрямься, пойми — это очень важно! Я всего лишь задам ей несколько вопросов. Если ее ответы устроят меня, я от души поздравлю тебя и буду за тебя спокоен, что бы ни случилось.

— Ты все испортишь... — покачал головой Пелорат.

— Даю честное слово, ничего не испорчу. Умоляю тебя...

— Ну, ладно... Но только повежливее, дружочек дорогой, хорошо?

— Обещаю, Джен.

91

— Пел сказал, что ты хочешь меня видеть? — спросила Блисс.

— Да, — ответил Тревайз.

Тревайз принимал Блисс в небольшой квартире, ему отведенной.

Она грациозно уселась, положила ногу на ногу и испытующе поглядела на него. Прекрасные карие глаза ее лучились светом, длинные темные волосы струились до плеч и блестели.

— Ты осуждаешь меня, да? — спросила она. — Я тебе с самого начала не понравилась?

Тревайз покачался с носка на пятку, пожал плечами:

— Ты умеешь читать мысли. Ты знаешь, что я о тебе думаю и почему.

Блисс медленно покачала головой:

— Твое сознание для Геи непостижимо. Ты знаешь это. Ты *должен был принять решение сам по себе, и никто не должен* был касаться твоего сознания. Когда мы захватили ваш корабль, я окружила тебя и Пела успокоительным полем только потому, что это было нужно тогда. Паника, ярость, гнев могли повредить тебе, а решающий момент был так близок... Вот и все. Большего я сделать не могла и не делала. Поэтому я не знаю, о чем ты думаешь.

— Решение, которого от меня ждали, принято. Я выбрал Гею и Галаксию. К чему тогда этот треп о нетронутом сознании, ясном разуме? Вы получили, что хотели, и теперь можете делать со мной все, что пожелаете.

— Нет, Голан. Ты не прав. Может быть, в будущем от тебя потребуются другие решения. Ты останешься таким, какой есть, и, пока ты жив, ты уникален. Наверняка в Галактике есть другие, тебе подобные, они обязательно появятся в будущем, но пока мы знаем тебя, и только тебя, и мы не можем сделать тебе что-то дурное.

Тревайз ненадолго задумался.

— Ты Гея, а я сейчас не хочу говорить с Геей. Я хочу потолковать с тобой лично, если это возможно.

— Возможно. Гея — не компот какой-нибудь. Я могу отключиться от Геи на некоторое время.

— Отлично. Ну, отключилась?

— Да.

— Тогда вот что. Во-первых, ты лгунья. Ко мне в сознание, когда я принимал решение, ты, может быть, и не забиралась, но зато заглянула в сознание к Джену.

— Ты так думаешь?

— Да, *я так думаю. Потому что в решающее мгновение* Пелорат напомнил мне о Галактике, некогда показавшейся ему живым существом, и именно это навело меня на принятие решения. Не исключено, что мысль эта принадлежала ему, но ты помогла ее задействовать, не так ли?

Блисс ответила:

— Да, эта мысль была у него в сознании, но там было много всяких мыслей. Я просто расчистила дорогу для его воспоминания о живой Галактике. Именно эта мысль легко скользнула из полусознания в сознание и облеклась в слова. Запомни: я не сочинила эту мысль. Она была в его сознании.

— Тем не менее это означает, что косвенным образом мое сознание было обработано и мое так называемое независимое решение претерпело некую подстежку?

— Гея решила, что это необходимо.

— Вот как! Ну что же, если тебе легче от этого, можешь увериться в собственном благородстве. Знай: я бы и сам, без всяких слов Джена, принял это решение. Джен мог сказать, что сказал, мог промолчать, мог пытаться склонить меня к другому решению. Я бы все равно решил так, как решил.

— Мне легче, — холодно отозвалась Блисс. — Ты это хотел сказать мне, когда просил о встрече?

— Нет.

— Что еще?

Тревайз пододвинул стул и сел перед Блисс так близко, что их колени почти соприкасались. Наклонившись вперед, он заговорил, чеканя каждое слово:

— Когда мы приближались к Гее, на орбитальной станции была ты. Именно ты захватила нас, именно ты явилась за нами, ты потом все время вертелась вокруг нас, вот только на ужине у Дома не была. А самое главное, ты была с нами на «Далекой Звезде» во время принятия решения. Ты, все время ты.

— Я Гея.

— Это ни о чем не говорит. Кролик — тоже Гея. Камушек — тоже Гея. Все на вашей планете — Гея, но не все Гея одинаковы. Кто-то больше, кто-то меньше. Так почему — ты?

— А ты как думаешь — почему?

Тревайз глубоко вздохнул и выпалил:

— Почему? Потому, я думаю, что ты не Гея. Ты больше чем Гея. — Блисс прыснула. Тревайз не отступался: — Когда я принял решение, та женщина, что была вместе с Оратором...

— Он звал ее Нови.

— Так вот, эта Нови сказала, что Гея основана роботами, которых теперь уже нет в помине, но в свое время они приучили геян повиноваться Трем Законам Роботехники.

— Так оно и есть.

— И роботов больше нет?

— Так сказала Нови.

— Нови не так сказала. Я точно запомнил ее слова. Она сказала: «Гея была основана роботами, которые когда-то служили людям, а теперь больше не служат».

— Но, Трев, разве это не означает, что они больше не существуют?

— Нет. Это означает, что они больше не служат людям. Но разве они не могут вместо этого править людьми?

— Смешно.

— Ну, не править, так руководить, наблюдать. Почему ты была рядом в то время, когда нужно было принять решение? Казалось бы, твое присутствие там было совершенно необязательно. Всю операцию вела Нови, она была Геей. Ты-то зачем была нужна? Разве только затем...

— Ну? Договаривай.

— Разве только затем, что ты тот самый куратор, прослеживающий за тем, чтобы Гея не забывала о Трех Законах Роботехники, если только ты не робот, так хитро сделанный, что тебя невозможно отличить от человека.

— Но если меня невозможно отличить от человека, — насмешливо отозвалась Блисс, — какие претензии?

Тревайз скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу.

— А разве вы все не уверяли меня в моем исключительном таланте принимать верные решения, приходить к единственно правильным выводам? Я сам этим не хвастался, это вы меня с пеной у рта в этом убеждаете, только это и твердите. В общем, так: с того самого мгновения, как ты явилась к нам на корабль, я почувствовал себя не в своей тарелке. Что-то в тебе было не так... Уверяю тебя, я не меньше Пелората охотник до дамских прелестей, а внешне ты — хоть куда. Однако ты во мне никаких чувств не пробудила.

— Ты меня оскорбляешь.

Пропустив мимо ушей эту реплику, Тревайз продолжал:

— Как раз перед тем, как ты появилась у нас на корабле, мы с Дженом обсуждали возможность существования на Гее нечеловеческой цивилизации и даже заключили пари. Когда же ты появилась, Джен со свойственной ему непосредственностью спросил: «Вы — человек»? Может быть, робот не обязан говорить правду, но уверен, тут есть масса вариантов. Ты же ответила вопросом на вопрос. «Разве я не выгляжу как человек?» — спросила ты. Да, Блисс, выглядишь ты как человек, но ответь мне честно: человек ли ты? — Блисс молчала. — Так вот, — прищурился Тревайз, — видимо, уже тогда, в те самые первые мгновения, я ощутил, что ты не женщина. Ты робот, откуда-то я знаю об этом. И все дальнейшие события только подтверждали мою догадку, в особенности твое отсутствие за ужином.

— Ты что, думаешь, я не умею есть? — улыбнулась Блисс. — Разве ты забыл, как я за обе щеки уплетала креветок у вас на корабле? Уверяю, есть я умею, и все остальные биологические функции у меня в полном порядке. И с сексом тоже все нормально — ты бы все равно про это спросил, я знаю. Но конечно, я и сама могу сказать вместо тебя — все это само по себе не говорит, что я не робот. Еще тысячи лет назад роботы были столь совершенны, что отличить их от человека мог лишь тот, кто владел секретами ментального поля, — у роботов, естественно, был другой мозг. Оратор Гендибаль мог бы определить, робот я или нет, если бы ему пришло в голову об этом задуматься. Но он на меня внимания не обратил.

— Ну ладно, у меня с менталикой туговато, и тем не менее я убежден, что ты робот.

— Ну и что из того, даже если это так? Нет-нет, я этого не признаю, но мне просто любопытно. Что, если я действительно робот?

— Признаваться необязательно. Я знаю, что ты робот. И если была мне нужна последняя капля в полную чашу доказательств, я ее получил: как спокойно ты отреагировала на мое предложение отключиться от Геи! Будь ты действительно ее частью, ты бы не смогла этого сделать, уверен. Так позволь же спросить тебя: сколько на Гее таких, как ты, роботов-руководителей?

— А я повторяю: я не согласна с твоим заявлением, но все-таки что из того, если я робот?

— Если это так, я хочу знать: чего ты хочешь от Джена Пелората. Он мой друг, он немолод, но во многом — сущее дитя. Он вбил себе в голову, что влюблен в тебя, готов принять от тебя лишь то, что ты согласна дать ему, воображает, что ты уже многое для него сделала. Он пока не представляет, как это больно — полюбить и потерять любовь, и, если уж на то пошло, насколько больнее будет узнать, что ты не человек.

— А тебе знакома боль утраченной любви?

— У меня всякое бывало. Я не жил, как Джен, жизнью затворника. Я не жил под интеллектуальным наркозом, не вел заумных исследований, которые заслонили бы от меня весь мир, даже жену и ребенка. Джен жил именно так. И вот теперь, вдруг, с бухты-барахты, он готов бросить все это к твоим ногам. Я не хочу, чтобы ему было больно. Я оказал Гее услугу, я заслуживаю вознаграждения. Мне ничего не нужно, кроме твоего заверения, что с Дженом все будет хорошо.

— Я должна притвориться роботом и ответить тебе?

— Да, — твердо сказал Тревайз. — Прямо сейчас.

— Что ж, хорошо. Допустим, Трев, я робот и занимаю пост куратора. Допустим, существует еще несколько таких, как я. Допустим, мы встречаемся нечасто. Допустим, нами движет необходимость заботы о людях. Допустим, на Гее и нет настоящих людей, поскольку все тут являются составными частицами планетарного бытия. Допустим, мы заботимся о Гее. Допустим, в нас есть нечто, искони присущее роботам, — тяга к людям. Не пойми меня превратно — я не утверждаю, что мне уйма лет. Если я робот, то срок моего существования именно таков, как я вам с Дженом сообщила еще тогда, на корабле. Если я робот, то все у меня должно быть как у древних роботов, и забота о людях в том числе.

Пел — человек. Он не частица Геи. И в будущем не сможет стать ее частицей — для этого он слишком стар. Он хочет остаться на Гее, со мной, и я не вызываю у него таких чувств, как у тебя. Он не думает, что я робот. Но мне он тоже нужен. Если предположить, что я робот, ты поймешь, что это вполне естественно. Роботы такого уровня обладают способностью испытывать весь спектр чувств человека — и любовь в том числе. Конечно, если тебе угодно настаивать, что я робот, ты не поверишь, что робот способен полюбить возвышенно, мистически, как умеют люди, но поведение мое было бы неотличимо от поведения влюбленной женщины, так что какая разница?

Она умолкла и испытующе смотрела на него, гордая, довольная собой.

— Не хочешь ли ты сказать, что не бросишь его? — растерянно спросил Тревайз.

— Ну, коли ты считаешь меня роботом, то мог бы догадаться, что я точно его не брошу — мне не позволят Три Закона Роботехники. Если только он сам мне не прикажет, если я только не решу, что он действительно этого хочет и что ему будет больнее, если я останусь.

— Но разве ты не могла найти себе кого-нибудь помоложе?

— Кого? Вот ты, например, моложе, но тебе же я не нужна, как нужна Пелу. А раз я тебе не нужна, Первый Закон не позволил мне предпринимать попытку увлечь тебя.

— Ну, не меня, кого-нибудь другого, помоложе.

— Нет. Все остальные на Гее — другие, не совсем настоящие люди — в восприятии робота, если я — робот.

— Ну а если ты не робот? — более мягко спросил Тревайз.

— Знаешь, ты уж выбери что-нибудь одно.

— Я повторяю: что, если ты не робот?

— Тогда я тебе вот что скажу: если я не робот, тогда это вообще не твое дело. Дело мое и Пела.

— Тогда я вернусь к вопросу о моем вознаграждении. Я прошу, я требую, чтобы ты не обижала его. Не будем больше обсуждать, кто ты есть на самом деле. Я прошу тебя, как одно разумное существо может попросить другое: обращайся с ним хорошо.

Блисс тихо, нежно проговорила:

— Я буду относиться к нему бережно, но не тебе в награду, а лишь потому, что мне самой так хочется, ясно? — Она крикнула: — Пел! — Еще раз, погромче: — Пел!

Вошел Пелорат, бледный как полотно.

Блисс протянула ему руку:

— Иди сюда. Кажется, Тревайз что-то хочет сказать.

Пелорат сжал ее руку, а Тревайз взял за руки их обоих.

— Джен, — сказал он просто, — я счастлив за вас.

— О... дружочек дорогой, — пролепетал Пелорат, и у него слезы навернулись на глаза.

— Скорее всего, я покину Гею, — сказал Тревайз. — Сейчас как раз собираюсь сходить к Дому, потолковать об этом. Уж и не знаю, Джен, когда мы теперь свидимся, а ведь все-таки нам неплохо было вдвоем, а, старина?

— «Неплохо» не то слово, — улыбнулся Пелорат.

— Прощай, Блисс, спасибо тебе заранее.

— До свидания, Трев.

Помахав на прощание рукой им обоим, Тревайз решительно вышел из комнаты.

92

— Ты все сделал хорошо, Трев, — сказал Дом. — Именно этого я от тебя ожидал.

Они снова сидели за столом, уставленным блюдами с такими же невыразительными закусками, как в прошлый раз, но Тревайзу было не до еды. Не исключено, что это была его последняя трапеза на Гее.

— Да, — кивнул он, — ты этого от меня ожидал, но двигали мной собственные соображения.

— Не сомневаюсь, ты был уверен в правильности.

— Уверен. Но не думаю, что в этом повинен какой-то мистический дар. Я выбрал Галаксию, следуя элементарной логике, и думаю, на такое решение был бы способен любой человек. Хочешь, объясню?

— Конечно, Трев, очень хочу.

— Итак, у меня было три варианта выбора: в пользу Первой Академии, в пользу Второй и в пользу Геи.

Выбери я Первую Академию, Мэр Бранно немедленно прибрала бы к рукам Вторую Академию и Гею. Останови я свой выбор на Второй, Оратор Гендибаль не замедлил бы захватить власть над Геей и Первой Академией. В обоих случаях сложилась бы необратимая ситуация, и, окажись мой выбор неверен, последствия были бы катастрофичны.

Однако, выбирая Гею, я ничем особенно не рисковал, тогда обе Академии удовлетворились бы ощущением обманной победы, и все, в общем и целом, осталось бы как было; ведь на построение Галаксии, как мне было сказано, уйдет жизнь не одного поколения.

Выбор в пользу Геи давал возможность выиграть время, корректировать события или даже придавать им обратное течение в случае, если бы решение мое оказалось ошибочным.

Седые брови Дома слегка приподнялись. Глубоким, грудным баритоном он спросил:

— Ты все-таки сомневаешься в верности своего решения?

— Не то чтобы сомневаюсь, но, чтобы убедиться окончательно, мне нужно кое-что сделать. Я хочу посетить Землю, если удастся ее отыскать.

— Если ты хочешь нас покинуть, мы не вправе тебя задерживать, Трев...

— Я не подарок для вашего мира.

— Пел тоже, но он остается, и мы рады предложить тебе остаться. Но скажи мне, зачем ты хочешь попасть на Землю?

— Думаю, ты понимаешь зачем.

— Нет.

— Вы не все рассказали мне, Дом. И ты, и остальные. Может быть, у вас есть на то причины, но мне хотелось, чтобы таких причин не было.

— Не понимаю, о чем ты.

— Видишь ли, Дом, в то время, когда я должен был принять решение, я с помощью моего компьютера на краткий миг как на ладони увидел сознания всех, кто был рядом, — Мэра Бранно, Оратора Гендибаля, Нови. За считаные мгновения мне открылось многое — ну, например, вся цепочка манипуляций Геи в отношении Трентора через Нови, то есть как было подстроено, что Гендибаль отправился к Гее.

— Да?

— Я увидел в сознании Гендибаля мысль, которая поразила меня: это касалось пропажи всех источников информации о Земле из Галактической Библиотеки.

— Они пропали?

— Да. Поэтому мне и показалось, что это очень важно. Настолько важно, что нужно, чтобы об этом не знала не только Вторая Академия, но и я. И уж если на меня свалилась ответственность за выбор в пользу Галаксии, я не собираюсь соглашаться на добровольное неведение. Так скажи мне, для чего понадобилось скрывать знания о Земле?

Дом торжественно проговорил:

— Трев, Гея к этой пропаже никакого отношения не имеет. Мы ничего об этом не знаем.

— Вы тут ни при чем?

— Абсолютно ни при чем.

Тревайз глубоко задумался, нахмурился, облизнув высохшие губы.

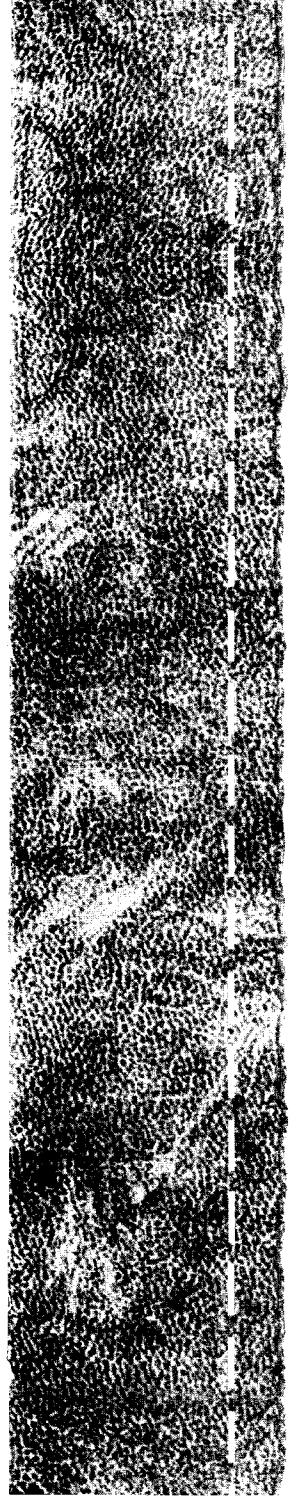
— Чьих же рук это дело в таком случае? — растерянно спросил он.

— Не знаю. И цели не понимаю.

Они долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова, и наконец Дом сказал:

— Ты прав. Нам казалось, что найден окончательный ответ, однако, пока этот вопрос висит в воздухе, покоя не будет... Прошу тебя, побудь у нас немного, давай подумаем, что можно сделать. А потом ты сможешь улететь, получив от нас всю помощь, какая тебе потребуется.

— Благодарю, — улыбнулся Тревайз.

АКАДЕМИЯ И ЗЕМЛЯ

Памяти Джуди-Линн дель Рей
(1943—1986) — гиганта мысли и духа

ИСТОРИЯ «АКАДЕМИИ»

1 августа 1941 года, когда мне исполнился двадцать один год, я заканчивал химфак Колумбийского университета и уже три года профессионально писал научную фантастику. Я торопился встретиться с Джоном Кэмпбеллом, редактором «Astounding», которому к тому времени уже продал пять рассказов. Я спешил поведать ему о новой идее, которая у меня появилась.

Она состояла в том, чтобы написать историю будущего; рассказать о падении Галактической Империи. Мой энтузиазм, должно быть, оказался настолько захватывающим, что Кэмпбелл пришел в такое же возбуждение, как и я. Он уже не соглашался, чтобы я написал только один рассказ. Он хотел заполучить целую серию, в которой прослеживалась бы вся тысячелетняя история беспорядков в промежутке между падением Первой Галактической Империи и подъемом Второй. Все это должно быть освещено с позиций науки «психоистория», которую мы с Кэмпбеллом совместно и придумали.

Первый рассказ появился в майском 1942 г., а второй — в июньском выпуске «Astounding». Они сразу же стали популярными, и Кэмпбелл объявил, что до конца десятилетия я должен написать еще шесть рассказов. Эти рассказы, впрочем, становились все длиннее. В первом было только двадцать тысяч слов. Два из последних трех были уже длиной по пятьдесят тысяч слов каждый.

К тому времени десятилетие кончилось, я все больше уставал от этой серии, вскоре забросил ее и перешел к другим вещам. Однако как раз тогда разные издательства начали выпускать научно-фантастические произведения в твердых обложках. Одним из таких издательств была небольшая фирма Gnome Press, которая опубликовала мою серию «Академия» в трех томах: «Академия» (1951); «Академия и Империя» (1952) и «Вторая Академия» (1953). Они получили известность как «Трилогия об Академии».

Книги расходились с большим трудом, поскольку у Gnome Press не было денег, чтобы рекламировать и продвигать их на рынке. Я же не получил ни сообщения об их выпуске, ни гонорара.

В начале 1961 года мой тогдашний редактор в Doubleday, Тимоти Селдес, оповестил меня, что получил прошение от иностранного издателя позволить ему переиздать книги об Академии. Поскольку права на них не принадлежали Doubleday, он передал эту просьбу мне. Я пожал плечами:

— Это не интересно, Тим. Ведь никто даже не подумал выплатить гонорар за эти книги.

Селдес ужаснулся и тотчас же вступил в переговоры с Gnome Press (которая была к тому времени уже умирающей фирмой) о приобретении прав на издание моих сочинений, и в августе того же года книги (вместе с «Я, робот») стали собственностью Doubleday. Doubleday издала трилогию под одной обложкой и распространила через клубы любителей фантастики.

Начиная с этого момента популярность серии «Академия» пошла вверх, и на мой счет стали поступать солидные гонорары.

В 1966-м, на Всемирной Конвенции, проходившей в Кливленде, фэны голосовали по категории «Лучшая Серия Всех Времен». Тогда, первый и последний раз, эта категория была включена в номинационные списки премии Хьюго. И «Трилогия об Академии» была ее удостоена.

Фэны все настойчивее просили меня продолжить серию. Я вежливо отказывался. Но все же меня очаровывало то, что люди, еще не родившиеся на свет, когда эта серия начиналась, впоследствии увлеклись ею.

Doubleday, однако, восприняла все требования гораздо серьезней, чем я. Они потворствовали мне двадцать лет, но, поскольку требования становились все настойчивей и многочисленней, их терпение лопнуло. В 1981-м они сказали, что я просто обязан написать еще одну повесть об Академии, и, чтобы подсластить пилюлю, предложили мне договор с авансом, в десять раз превышающим обычный.

Я согласился нехотя. Ведь прошло тридцать два года с тех пор, как я написал последний рассказ об Академии, а теперь меня попросили сочинить что-нибудь длиной на 140 000 слов, в два раза объемнее любого из более ранних томов и почти в три раза — отдельных рассказов этой серии. Я перечитал трилогию и погрузился в работу. «Край Академии» был издан в октябре 1982-го, а затем случилась очень странная вещь: книга сразу же появилась в списке бестселлеров нью-йоркской Times. Она оставалась там двадцать пять недель, к моему полнейшему изумлению.

Doubleday тотчас же заказала мне дополнительные вещи, и я написал две, ставшие частью другой серии — The Robot Novel's . А затем пришло время вновь вернуться к «Академии».

Итак, я написал «Академия и Земля», которая начинается в тот самый момент, когда кончается «Край Академии». Вы можете освежить свою память, заглянув в нее, но это не обязательно. «Академия и Земля» — самостоятельное произведение. Надеюсь, оно вам понравится.

АЙЗЕК АЗИМОВ.
Нью-Йорк-сити, 1986

Часть I

ГЕЯ

Глава 1

ПОИСК НАЧИНАЕТСЯ

1

«Почему я сделал это?» — думал Голан Тревайз.

Вопрос был не нов. Со времени своего появления на Гее он часто спрашивал себя об этом. Он мог проснуться среди ночи от того, что в висках бился крохотным молоточком неотвязный вопрос: «Почему я сделал это? Почему я сделал это?»

Сейчас, впрочем впервые, он ухитрился спросить об этом Дома, Старейшину Геи. Дому было прекрасно известно о мучениях Тревайза, поскольку ткань сознания Советника была перед ним как на ладони. Но Дом ничего не предпринимал. Гея никоим образом не должна была даже касаться сознания Тревайза, и для Дома лучшим способом не поддаться соблазну было игнорировать то, что он ощущал.

— Сделал что, Трев? — спросил Дом. Ему было трудно называть Тревайза полным именем, впрочем, тот уже успел привыкнуть к манере геянцев.

— Принял решение, выбрав Гею в качестве будущего.

— Ты оказался прав, сделав это, — сказал Дом садясь. Его старые, мудрые, глубоко посаженные глаза глядели исподлобья на стоявшего перед ним гражданина Академии.

— Это ты говоришь, что я прав, — проговорил Тревайз нетерпеливо.

— Я/мы/Гея знаем, что это так. В этом твоя ценность для нас. Ты обладаешь способностью принимать правильные решения, не имея на то полных сведений. Ты выбрал Гею! Ты отверг анархию Галактической Империи, построенной на технологии Первой Академии, и анархию Галактической Империи, построенной на ментальности Второй Академии. Ты решил, что ни та, ни другая не смогут долго просуществовать. Поэтому ты выбрал Гею.

— Да, — сказал Тревайз. — Верно! Я выбрал Гею, сверхорганизм, целую планету со всеобщим сознанием и личностью, где

любой вынужден говорить «я/мы/Гея», изобретая местоимение для невыразимого. — Он беспрестанно ходил взад-вперед. — И в конце концов, она когда-нибудь сможет стать Галактикой, сверхсверхорганизмом, охватывающим все скопления Млечного Пути.

Он остановился и резко повернулся к Дому.

— Я так же, как и вы, чувствую, что я прав, но вы *хотите* появления Галактики и поэтому удовлетворены решением. Что-то во мне, однако, *не желает* этого, и по этой причине я не могу так легко принять свою правоту. Я хочу знать, *почему* я принял это решение. Я хочу убедиться, что я прав, и успокоиться. Мне мало чувствовать, что я прав. Как я могу *узнать*, что я прав? Что, какое мое свойство делает меня правым?

— Я/мы/Гея не знаем, каким образом ты приходишь к правильному решению. Но разве это так важно теперь, когда решение принято?

— Ты говоришь за всю планету, не правда ли? За общее сознание каждой капли росы, каждого камешка, даже жидкого ядра?

— Да, и это же может сказать любая часть планеты, в которой достаточно велика доля всеобщего сознания.

— И все это всеобщее сознание удовлетворено, используя меня как черный ящик? Черный ящик работает, а что внутри — неважно? Это мне не подходит. Я не желаю быть черным ящиком. Я хочу знать, что внутри. Я желаю знать, как и почему я выбрал Гею и Галактику в качестве будущего, чтобы я мог быть спокойным.

— Но почему ты так сомневаешься в своем решении, почему оно так гложет тебя?

Тревайз глубоко вздохнул и медленно, глубоким и сильным голосом проговорил:

— Потому, что я не желаю быть частью сверхорганизма. Я не желаю быть никчемной частичкой, которую можно в любой момент уничтожить, если сверхорганизм сочтет это благом для целого.

Дом задумчиво посмотрел на Тревайза:

— Может быть, ты хочешь изменить свое решение, Трев? Это возможно, ты это знаешь.

— Я хотел бы изменить решение, но я не могу сделать этого только потому, что оно меня беспокоит. Чтобы изменить его, я

должен *знать*, верно ли прежнее решение. Мало просто *чувствовать*, что оно правильное.

— Если ты чувствуешь, что ты прав, значит, ты прав.

Опять этот тихий, ровный голос, который так не вязался с состоянием Тревайза и так злил его.

Тогда полушепотом, пытаясь вырваться из неразрешимых колебаний между чувствами и знанием, Тревайз сказал:

— Я должен найти Землю.

— Потому что это как-то связано с твоей страстной потребностью знать?

— Потому что это другая проблема, над которой я ломаю голову и *чувствую*, что между ними есть связь. Разве я не черный ящик? Я *чувствую*, что связь есть. Неужели этого недостаточно для того, чтобы заставить вас принять это как факт?

— Возможно, — довольно равнодушно ответил Дом.

— Вот уже тысячи лет, наверное, двадцать тысячелетий люди Галактики думают о себе как о выходцах с Земли. Как это стало возможным, что все забыли планету, откуда мы родом?

— Двадцать тысяч лет — время гораздо большее, чем ты себе представляешь. Мы многого не знаем о ранней истории Империи. В основном — легенды, которые почти наверняка вымышлены, но мы повторяем их и даже верим в них из-за отсутствия чего-либо более надежного. А Земля древнее, чем Империя.

— Но наверняка существуют какие-нибудь записи. Мой друг Пелорат собирает мифы и легенды о раннем периоде Земли, все, что можно наскрести из любых источников. Это его профессия и, что более важно, хобби. Но только и есть мифы да легенды. Нет достоверных записей, нет документов.

— Документов сроком в двадцать тысяч лет? Вещи разрушаются, гибнут из-за небрежности или во время войн.

— Но должны быть записи записей, копии, копии копий, копии копий копий, материалы, которые много моложе двадцати тысячелетий. Они изъяты. Галактическая Библиотека на Тренторе должна была иметь документы о Земле. На эти документы ссылаются в известных исторических записях, но документов этих в Галактической Библиотеке нет. Ссылки есть, выдержки отсутствуют.

— Не забывай, Трентор был разграблен несколько столетий назад.

— Библиотека осталась нетронутой. Она охранялась адептами Второй Академии. И именно эти люди недавно обнаружили, что материалов о Земле больше нет. Они были намеренно изъяты, и притом — совсем недавно. Почему? — Тревайз прекратил расхаживать и пристально посмотрел на Дома. — Если я найду Землю, я смогу обнаружить, что скрывают...

— Скрывают?

— Скрывают или скрывали. У меня есть предчувствие, что, как только я это обнаружу, смогу узнать, почему предпочел Гею и Галаксию нашей индивидуальности. Тогда, надеюсь, смогу узнать, а не чувствовать, что прав. Ну а если я прав, — он безнадежно пожал плечами, — пусть так и будет.

— Если ты чувствуешь, что это так, — сказал Дом, — и если ты чувствуешь, что ты должен искать Землю, тогда, конечно, мы поможем тебе в меру наших сил. Эта помощь, однако, ограничена. Например, я/мы/Гея действительно не знаем, где среди необъятной россыпи миров, галактик может находиться Земля.

— Все равно, — упрямо сказал Тревайз, — я должен искать. Пусть звезд в Галактике столько, сколько пыли под ногами, пусть я буду искать один — все равно.

2

Тревайза окружала укрощенная природа Геи. Температура, как всегда, была приятной, дул свежий, но не холодный ветерок. Облака плыли по небу, время от времени закрывая солнце, и, без сомнения, если уровень влажности где-то значительно падал, через какое-то время там обязательно должен был пролиться дождь.

Деревья росли ровными группами, подобно садам, и, несомненно, так было по всей планете. Суша и море были полны растительной и животной жизни в надлежащих количествах и в надлежащем разнообразии, чтобы обеспечить нужный экологический баланс, то и другое росло и уменьшалось в численности, медленно колеблясь относительно некоего оптимума, — впрочем, как и численность человеческих существ.

Из всего, открывавшегося взору Тревайза, только одно нарушало общую гармонию — его корабль «Далекая звезда».

Корабль был заботливо и умело вычищен, прибран кем-то из геянцев, снабжен запасами еды и питья, его оборудование — обновлено, механические устройства проверены и перепроверены.

Тревайз сам тщательно осмотрел и опробовал корабельный компьютер.

В топливе корабль не нуждался — это было одно из новейших гравитационных судов Академии, использовавших энергию всеобщего гравитационного поля Галактики. Ее хватило бы для питания всех флотов человечества на все время их существования без заметного уменьшения интенсивности поля.

Три месяца назад Тревайз был Советником Терминуса. Другими словами, он являлся представителем законодательной власти Академии и, ex officio, одним из больших шишек в Галактике. Неужели это было всего три месяца назад?! Казалось, что прошла половина его тридцатидвухлетней жизни с тех пор, когда его единственной заботой было — безупречен ли в своей истине великий План Селдона; было ли заранее предусмотрено плавное возвышение Основания от маленького поселения до Галактического величия.

Впрочем, в некотором смысле никаких перемен не произошло. Он все еще был Советником. Его статус и его привилегии остались неизменными, за исключением того, что он не предполагал когда-либо вернуться на Терминус для подтверждения этого статуса и этих привилегий. Большой беспорядок Академии привлекал его теперь не больше, чем уют и упорядоченность Геи. Он нигде не ощущал себя как дома, всюду был сиротой.

Тревайз стиснул зубы и в ярости запустил пятерню в свою черную шевелюру. Прежде чем понапрасну оплакивать судьбу, он должен найти Землю. Если он останется жив, потом можно будет сесть и всласть поплакать. К той поре для этого может появиться более веская причина.

Голан взял себя в руки и холодно, трезво вспомнил, как все произошло.

Три месяца назад он и Дженов Пелорат, талантливый, но наивный ученый, покинули Терминус. Пелорат, влекомый энтузиазмом антиквара отыскать давно потерянную Землю, и Тревайз, искавший нечто совсем иное, использовавший цель Пелората как прикрытие для того, что считал своей реальной целью. Они не нашли Землю, но нашли Гею, а затем Тревайза вынудили вынести решение, от которого зависела судьба Галактики.

Но произошел неожиданный поворот, и теперь Тревайз тоже искал Землю.

А еще Пелорат нашел то, что и не думал найти. Он нашел Блисс — черноволосую, темноглазую юную женщину, которая

была Геей так же, как и Дом — словно песчинки или листья травы. Пелорат, с необычным для своих преклонных лет пылом, влюбился в женщину почти вдвое моложе его, и эта юная женщина, как ни странно, не возражала против их союза.

Словом, как бы то ни было, Пелорат действительно был счастлив, и Голан смирился: каждый может найти счастье по своему вкусу. Это явилось проявлением индивидуальности, той индивидуальности, которую Тревайз своим выбором упразднял (со временем) во всей Галактике.

Боль вернулась. Решение, которое он вынес, которое он обязан был вынести, продолжало преследовать его все время и не давало...

— Голан!

Голос вторгся в мысли Тревайза, и он взглянул в направлении солнца, слепящего глаза.

— А, Дженов, — сказал он радостно. Тем более радостно, что не желал расспросов Пелората о причинах его печали. Он даже решил пошутить: — Я вижу, ты ухитрился оторваться от блаженства?

Пелорат кивнул. Нежный бриз шевелил его шелковистые седые волосы, а вытянутое лицо было необыкновенно серьезно.

— Да, дружочек, она сама предложила, чтобы я увиделся с тобой и кое-что обсудил. Не то чтобы я не хотел увидеть тебя лично, конечно, но она, похоже, соображает быстрее, чем я.

Тревайз улыбнулся:

— Все верно, Дженов. Ты пришел сказать «Прощай!». Я понимаю.

— Ну, нет, не совсем так. Наоборот, Голан, когда мы покинули Терминус, я настаивал на поисках Земли. Я посвятил этому почти всю свою разумную жизнь.

— И я продолжу поиски. Это дело теперь стало моим.

— Да, но оно и мое тоже, все еще мое.

— Но... — Тревайз развел руки в стороны, словно пытаясь охватить весь окружавший их мир.

— Я хочу полететь с тобой, — сказал Пелорат голосом, внезапно охрипшим от волнения.

Тревайз удивился:

— Ты не можешь этого хотеть, Дженов. Теперь у тебя есть Гея.

— Когда-нибудь я вернусь на Гею, но я не могу позволить тебе улететь одному.

— Почему? Я о себе сам сумею позаботиться.

— Не обижайся, Голан, но твоих знаний недостаточно. Это я знаю мифы и легенды и смогу помочь тебе.

— И ты сможешь покинуть Блисс? Прямо сейчас?

Щеки Пелората покрылись румянцем.

— Я совсем не хочу делать этого, дружочек, но она сказала...

Тревайз нахмурился.

— Так она все-таки пытается управлять тобой? Она обещала мне...

— Нет, ты не понял. Пожалуйста, выслушай меня, Голан. Всегда ты так — не дослушаешь до конца... Мне трудно сказать коротко, но...

— Хорошо, — сказал Тревайз мягко, — предположим, ты расскажешь мне все, что у Блисс на уме, и так, как сам того желаешь, а я обещаю потерпеть.

— Спасибо, но долго терпеть тебе не придется, Блисс тоже хочет полететь с нами.

— Блисс? С нами? — воскликнул Голан. — Нет, я сейчас взорвусь. Скажи мне, Дженов, почему Блисс вздумалось путешествовать? Я просто так спрашиваю.

— Она не сказала. Об этом она хочет поговорить с тобой.

— Тогда почему ее здесь нет?

— Я думаю — нет, не я думаю — ей кажется, что ты не особенно ее любишь, Голан, и она очень волнуется, когда видит тебя. Лучшее, что я мог сделать, дружочек, это уверить Блисс, что ты против нее ничего не имеешь. Не могу поверить, что к ней можно относиться иначе... иначе, чем с уважением. Словом, она попросила меня обговорить, так сказать, с тобой эту тему. Могу я передать, что ты не прочь увидеться с ней, Голан?

— Конечно. Я встречусь с ней прямо сейчас.

— И ты обещаешь вести себя разумно? Понимаешь, дружочек, ее это очень волнует. Блисс говорит, что дело жизненно важно и она должна лететь с тобой.

— Но она не сказала тебе, почему, верно?

— Нет, но если она считает, что должна отправиться, значит, так считает *Гея*.

— А это значит, что я не могу отказать. Не правда ли, Дженов?

— Наверное, не можешь, Голан.

3

Впервые за время своей краткой остановки на Гее Тревайз входил в дом Блисс, который служил сейчас жилищем и Пелорату.

Тревайз быстро огляделся. В жилищах на Гее все отражало стремление к простоте. При полном отсутствии каких-либо перепадов погоды, при неизменно мягком климате, когда даже континентальные плиты скользили плавно, если они были вынуждены скользить, не было нужды строить дома, предназначенные для надежной защиты или для поддержания комфортабельной обстановки внутри некомфортабельной внешней среды. Вся планета была домом, удобным для своих обитателей.

Дом Блисс внутри этого планетарного жилища был невелик: окна — скорее жалюзи, чем стекло, обстановка простая и изящно-утилитарная. На стене висели голографические портреты; один из них — Пелората, выглядевшего весьма озадаченным и смущенным. Губы Тревайза дрогнули, но он сдержался и небрежно потеребил шарф, повязанный вокруг пояса.

Блисс наблюдала за ним. Она против обыкновения не улыбалась. Даже была необычайно серьезна, ее прекрасные темные глаза широко раскрылись, волосы мягкой черной волной ниспадали на плечи. Только яркие пухлые губы горели на ее бледном лице.

— Спасибо, что пришел ко мне, Трев.

— Дженов очень просил, Блиссенобиарелла.

Блисс коротко улыбнулась.

— Хорошо сказано. Если ты будешь называть меня просто Блисс, я попытаюсь произносить твое имя полностью, Тревайз. — На втором слоге она едва заметно запнулась.

Тревайз торжественно поднял правую руку:

— Это было бы неплохо. Я не против геянского обычая пользоваться односложными именами, так что, если тебе случится время от времени сбиться и назвать меня Тревом, я не обижусь. Однако мне будет приятнее, если ты попытаешься говорить «Тревайз» так часто, как только сможешь, а я буду стараться называть тебя «Блисс».

Тревайз изучал ее, как всегда при встрече с ней. С виду — юная женщина чуть старше двадцати. Но ей, как части Геи, было много тысяч лет. Это не проявлялось внешне, но становилось заметным по тому, как она иногда говорила, и по атмосфере, неиз-

бежно окружавшей ее. Хотел ли он подобного для всех живущих? Нет! Наверняка нет, хотя...

Блисс прервала его размышления:

— Давай поговорим о деле. Ты настаиваешь на своем желании найти Землю...

— Я говорил с Домом, — сказал Тревайз. Он решил не уступать Гее без борьбы за собственное мнение.

— Да, но, говоря с Домом, ты говорил с Геей и с каждой ее частью, например, со мной.

— Ты слышала меня, когда я говорил с Домом?

— Нет, я не слышала, но тем не менее если я сосредоточусь, то смогу вспомнить, что ты сказал. Пожалуйста, поверь мне на слово. Так вот. Ты стремишься найти Землю и уверяешь, что это очень важно. Я не вижу почему, но у тебя — дар правоты, и потому я/мы/Гея должны согласиться с тобой. Если этот поиск — решающий момент для того выбора, что ты сделал, он такой же решающий и для Геи. Значит, Гея должна отправиться с тобой хотя бы для того, чтобы попытаться защитить тебя.

— Когда ты говоришь, что Гея должна отправиться со мной, ты подразумеваешь себя. Верно?

— Я Гея, — просто сказала Блисс.

— Здесь все и вся — Гея. Почему именно ты? Почему не какая-нибудь другая частичка Геи?

— Потому что Пел хочет сопровождать тебя, а, полетев с тобой, он не будет счастлив с любой другой частью Геи, кроме меня.

Пелорат, дотоле тихо, как мышка, сидевший в кресле в другом углу, спиной к своему портрету, негромко проговорил:

— Это правда, Голан. Блисс — *моя* часть Геи.

Блисс просияла, но тут же стала серьезной.

— Мне это льстит, но на самом деле все гораздо сложнее.

— Ну что ж, посмотрим. — Тревайз закинул руки за голову и навалился спиной на спинку стула. Тонкие ножки жалобно скрипнули, и Голан понял, что стул недостаточно крепок для такого с ним обращения, и, качнувшись вперед, опустил его на все четыре ножки. — А ты сможешь остаться частью Геи, покинув ее?

— Мне не обязательно все время быть ею. Я могу отделиться, например, если мне грозит серьезная опасность, и тогда беда не будет грозить всей Гее, или если для этого есть другая важная

причина. Однако такое возможно только при особых обстоятельствах. В общем, я останусь частью Геи.

— Даже в случае «прыжка» через гиперпространство?

— Да, хотя это несколько сложнее.

— Все равно как-то неприятно.

— Почему?

Тревайз наморщил нос, словно от неприятного запаха.

— Ведь получается, что все, сказанное и сделанное на моем корабле, все, что увидишь и услышишь ты, может быть увидено и услышано Геей.

— Я Гея, так что все, что я вижу, слышу, чувствую, увидит, услышит и почувствует Гея.

— Верно. Даже эта стена, — с издевкой сказал Тревайз, указав на стену.

Блисс взглянула на стену и пожала плечами.

— Да, и стена тоже. Она наделена бесконечно малым сознанием, так что чувствует и понимает ничтожно мало. Но я так разумею, в стене происходят какие-то сдвиги атомов в ответ, к примеру, на все сказанное сейчас нами, и это позволяет ей с большей пользой влиться в Гею, принося благо всему в целом.

— Ну, а если я хочу уединиться? Если я не хочу, чтобы стена следила за тем, что я говорю или делаю?

Блисс, похоже, рассердилась, и Пелорат вмешался в разговор.

— Знаешь, Голан, я не хотел встревать, ведь я, конечно, не слишком много знаю о Гее. Однако я провел больше времени с Блисс и тоже был отчасти озабочен тем, о чем вы сейчас говорили. Если ты идешь сквозь толпу на Терминусе, ты видишь и слышишь очень много всякого-разного и потом можешь кое-что из этого вспомнить. Ты можешь даже при определенном напряжении сознания все восстановить, но, как правило, тебе до этого просто нет никакого дела. Ты пропускаешь многое мимо ушей и глаз, даже если наблюдаешь какую-нибудь забавную эмоциональную сцену, и все равно, если это не особенно заботит тебя, ты проходишь мимо и вскоре обо всем забываешь. То же самое, должно быть, происходит на Гее. Даже если все здесь точно знают, чем ты занят, это не означает, что Гея все время следит за тобой. Верно, Блисс, дорогая?

— Я никогда не думала об этом вот так, Пел, но в том, что ты сказал, что-то есть. Однако это уединение, о котором говорил Трев, то есть Тревайз, — нечто, что мы совсем не ценим. Впро-

чем, не только это. Не желать быть частью, чтобы твой голос не был слышен, твои дела не были кому-то известны, а мысли не ощутимы... — Блисс энергично тряхнула головой. — Я сказала, что мы можем заблокировать себя при опасности, но кто же захочет *жить* так хоть час?

— Я, — сказал Тревайз. — Именно поэтому я должен найти Землю — отыскать главную причину, если таковая есть, которая привела меня к выбору этой ужасной судьбы для человечества.

— Эта судьба не ужасна, но не будем спорить. Я должна лететь с тобой не как надсмотрщик, но как друг и помощник.

Тревайз угрюмо буркнул:

— Гея помогла бы мне гораздо больше, указав, где находится Земля.

Блисс медленно покачала головой.

— Гея этого не знает. Дом уже сказал тебе.

— Я ему не совсем поверил. И потом, у вас должны быть хоть какие-то записи. Почему мне до сих пор не позволили на них взглянуть? Даже если Гея и вправду не знает, где Земля, может быть, я смогу о чем-нибудь догадаться, посмотрев эти записи. Я знаю Галактику прекрасно и, несомненно, лучше, чем ее знает Гея. Я способен понять такие туманные намеки в ваших записях, какие Гея, возможно, не совсем понимает.

— Но что это за записи, о которых ты говоришь, Тревайз?

— Какие угодно! Книги, фильмы, магнитозаписи, голографии, артефакты — все, что у вас есть. Но все время, пока я здесь, я ничего похожего не видел. А ты, Дженов?

— Нет, — ответил Пелорат, немного помедлив, — но я, честно говоря, и не искал.

— А я искал. По-своему, исподволь, — сказал Тревайз, — но ничего не нашел. Ничего! Я могу только предполагать, что все это спрятали от меня. Почему, я спрашиваю? Можешь сказать?

Блисс удивленно нахмурилась:

— Почему ты не спросил об этом раньше? Я/мы/Гея ничего не скрываем, и мы не лжем. Изолят[1] может солгать. Он отделен, одинок и боится, *потому что* он одинок. А Гея — планетарный организм величайшей ментальной силы и не ведает страха. Для Геи солгать, сказать неправду просто немыслимо.

Тревайз фыркнул:

[1] Изолят — так геянцы называют людей, не входящих в сообщество Геи. — *Примеч. пер.*

— Тогда почему меня заботливо держали подальше от любых документов? По какой причине?

— По единственной. — Она вытянула перед собой пустые ладони. — У нас нет никаких записей.

4

Пелорат опомнился первым. Вид у него, как ни странно, был гораздо менее удивленным, чем у Тревайза.

— Дорогая, — сказал он мягко, — но это просто невероятно. Вы не можете построить нормальную цивилизацию, не фиксируя каким-либо образом необходимой информации.

Блисс подняла брови:

— Это понятно. Я хотела сказать, что мы не имеем таких записей, о которых говорил Трев... Тревайз, и других, о которых он не упомянул. Я/мы/Гея не имеем летописей, печатной информации, фильмов, компьютерных банков данных — ничего такого у нас нет, даже наскальных надписей. Вот что я хотела сказать. А так как у нас всего этого нет, Тревайз, естественно, ничего и не нашел.

Тревайз не выдержал:

— Что же тогда у вас есть?

Блисс старательно, словно говорила с ребенком, произнесла:

— У меня/нас/Геи есть память. Я *помню*.

— Что ты помнишь?

— Все.

— Все справочные данные?

— Да.

— Но с каких пор? На сколько лет вглубь?

— На сколько угодно.

— И можешь выдать мне исторические, биографические, научные, географические данные? Каждую местную сплетню?

— Все.

— Все в этой маленькой головке? — Тревайз, сардонически улыбнувшись, показал на высокий лоб Блисс.

— Нет, — сказала она. — Память Геи не ограничивается содержимым моего мозга. Пойми, — на мгновение она стала церемонной и даже несколько суровой, словно перестала быть только Блисс и превратилась в совокупность множества других индивидуальностей, — когда-то, в доисторические времена, человече-

ские существа были настолько примитивны, что хотя они и могли вспомнить прошлые события, но еще не умели говорить. Речь была изобретена и предназначена для того, чтобы выражать воспоминания и передавать их от человека человеку. Письменность, вероятно, изобрели для того, чтобы записывать воспоминания и передавать их сквозь века, от поколения к поколению. Все технические достижения впоследствии служили для создания больших возможностей для передачи и хранения воспоминаний и более легкого извлечения необходимых данных. Однако, как только для формирования Геи объединилась группа индивидуальностей, все это стало излишним. Мы можем вернуться к памяти, базисная система сохранения данных которой все еще строится. Понимаешь?

— Ты имеешь в виду, что общая сумма сознаний на Гее может запомнить гораздо больше данных, чем отдельный мозг?

— Конечно.

— Но если все знания Геи распространены по всей планетарной памяти, что полезного это дает тебе как индивидуальной части Геи?

— Все, что я пожелаю. Все, что бы я ни захотела узнать, находится где-нибудь в чьем-нибудь личном сознании, а может быть, во многих из них. Если это что-то обиходное, такое, как, например, значение слова «стул», — такое знает и помнит каждый. Но даже если это что-то эзотерическое, что находится в одной-единственной маленькой частице сознания Геи, я могу вызвать это, если необходимо, хотя такой вызов может занять несколько больше времени, чем вспоминать что-либо более обыденное. Пойми, Тревайз, если ты хочешь узнать что-нибудь, чего не знаешь сам, ты смотришь какие-нибудь нужные книгофильмы или пользуешься компьютерным банком данных. Я же обследую всеобщий разум Геи.

— А вдруг информация хлынет бурным потоком, затопит твой мозг и сорвет в нем все краны?

— Зачем ты так шутишь, Тревайз?

— Правда, Голан, не надо грубить, — сказал Пелорат.

Тревайз переводил свой взгляд с Пелората на Блисс и наконец с видимым усилием заставил себя расслабиться.

— Извините. На меня давит груз ответственности, которой я не хотел и от которой не знаю, как освободиться. Наверное, и вправду, вышло грубовато. Блисс, но я действительно хочу знать. Как ты пробираешься сквозь содержимое сознаний других, без

того чтобы хранить все это в своем собственном мозгу, не подвергая его перегрузке?

— Я знаю, Тревайз, не больше, чем ты детали работы, например, своего мозга. Я полагаю, тебе известно расстояние от твоего солнца до ближайшей звезды, но ты же не держишь это постоянно в сознании. Ты хранишь это где-то и можешь вызвать число в любой момент, как только возникнет нужда. Представь мозг Геи как огромный банк данных, откуда я могу вызвать это число, но у меня нет необходимости вспоминать сознательно о любой повседневной вещи. Как только мне будет необходим какой-либо факт или воспоминание, я просто могу позволить ему всплыть из памяти. Точно так же я могу, соответственно, вернуть все назад, так сказать, на то место, откуда было взято.

— Как много людей на Гее, Блисс? Сколько человеческих существ?

— Около миллиарда. Назвать точное число на данный момент?

Тревайз успокаивающе улыбнулся.

— Я не сомневаюсь, что ты можешь, если пожелаешь, вызвать точное число, но меня вполне удовлетворит приближенное.

— На самом деле, — сказала Блисс, — население Геи устойчиво и колеблется относительно обычного уровня, который слегка превышает миллиард. Я могу определить, на сколько это количество превышает средний уровень или не достигает его, расширяя сферу моего сознания и, скажем, ощущая его границы. Я не смогу объяснить это лучше, чем только что попыталась, тому, кто никогда ничего подобного не проделывал.

— Сдается мне, однако, что миллиарда разумов — а ведь среди них есть и детские — все равно маловато для удержания в памяти всех данных, необходимых сложному сообществу.

— Но человеческие существа — не единственные живые организмы на Гее, Трев.

— Ты имеешь в виду, что животные тоже запоминают?

— Нечеловеческие сознания не могут хранить информацию такого же объема, как человеческие; кроме того, большое место во всех сознаниях — как человеческих, так и нет, должно быть отдано под личные воспоминания. Они, правда, имеют значение лишь для отдельной компоненты планетарного сознания, таящей их в себе. Однако и в сознании животных, и в сознании растительности, и в сознании минералов содержится большой объем информации.

— Минералы? Что — скалы и горные хребты?

— Да, а еще океаны и атмосфера. Все это — тоже Гея.

— Но что может знать и хранить неживая материя?

— Очень многое. Интенсивность хранимой ею информации невысока, но объем так велик, что подавляющее большинство общей памяти Геи находится именно в неживой материи, и больше всего — в горах и скалах. Нужно несколько больше времени, чтобы извлечь информацию из скал, и этим занимаются не слишком часто.

— А что происходит, когда умирает кто-нибудь, чье сознание хранит сведения, имеющие всеобщее значение?

— Эти сведения не исчезают. Они постепенно выделяются, когда мозг распадается после смерти, но со временем их впитывают другие частицы Геи. И как только вместе с рождением ребенка появляется новый мозг, он не только копит собственные воспоминания и мысли, но добавляет к ним знания из других источников. То, что ты называешь «образованием», со мной/нами/Геей происходит совершенно автоматически.

— Ей-богу, Голан, — сказал Пелорат, — мне кажется, что весь живой мир — это просто великолепно. Здесь многое достойно примера.

Тревайз искоса взглянул на приятеля.

— Безусловно, Дженов, но я не в восторге. Планета такая большая, где столько всего самого разного, представляет собой единый мозг. Единый! Каждый нарождающийся мозг вливается в целое. Где возможность для протеста, для несогласия? Когда думаешь об истории человечества, то можешь представить человека, чьи взгляды не разделяло большинство и, может быть, осуждало общество, но который в конце концов победил и изменил мир. Что бы мог поделать такой бунтарь здесь, на Гее?

— У нас есть внутренние конфликты, — сказала Блисс. — Не всякое мнение Геи обязательно безоговорочно принимается всеми.

— Наверняка конфликты сведены к минимуму, — сказал Тревайз. — Вы не можете себе позволить много сбоев внутри единого организма, иначе он не сможет нормально функционировать. Если прогресс и развитие и не остановятся, они как минимум должны замедлиться. Так что же, рискнуть? Взять вас за эталон и проделать такое со всей Галактикой? Со всем человечеством?

— Ты оспариваешь сейчас свое собственное решение? — бес-

страстно спросила Блисс. — Ты передумал и теперь считаешь, что Гея — нежелательное будущее для человечества?

Тревайз поджал губы и на некоторое время умолк.

— Когда-нибудь, — наконец медленно сказал он, — это мне, может быть, и понравится, но — не теперь. Я принял свое решение на какой-то основе, какой-то подсознательной основе, и до тех пор, пока не выясню, что это за основа, не смогу сказать, останусь при своем мнении или нет. А теперь давай вернемся к разговору о Земле.

— Где, как ты предчувствуешь, ты сможешь узнать правду? Так, Тревайз?

— Я предчувствую именно это. Впрочем, Дом говорит, что Гея и в самом деле не знает, где находится Земля. И ты согласна с ним, полагаю.

— Конечно, я согласна с ним. Я не меньше Гея, чем он.

— И ты утаиваешь знания от меня? Сознательно, я хочу сказать.

— Конечно, нет. Даже если бы Гея могла лгать, она не смогла бы солгать *тебе*. Прежде всего мы зависим от твоих решений, и нам необходимо, чтобы они были верны. Следовательно, в их основе должна лежать правда.

— В таком случае попробуем использовать твою всемирную память. Оглянись назад. Насколько глубоко ты можешь оглянуться?

Наступила пауза. Блисс не мигая, точно погрузившись в транс, глядела на Тревайза. Затем сказала:

— Пятнадцать тысяч лет.

— Почему ты не сразу ответила?

— Это требует времени. Древние воспоминания — самые древние — почти все лежат в недрах гор, и, чтобы вызволить их оттуда, нужно время.

— Значит, пятнадцать тысяч лет назад? Это время, когда была основана Гея?

— Нет, согласно нашим сведениям это произошло примерно на три тысячи лет раньше.

— Почему ты не уверена? Ты — или Гея — не можешь вспомнить?

— Это было прежде, чем Гея развилась до стадии, когда память стала глобальным явлением.

— Тогда выходит, что, прежде чем вы смогли опираться на коллективную память, Гея должна была вести записи, Блисс. За-

писи в обычном смысле этого слова — летописи, магнитозаписи, фильмы и тому подобное.

— Наверное, так оно и было, но они вряд ли смогли сохраниться, учитывая, сколько времени прошло.

— Они могли быть скопированы или, еще лучше, переведены в глобальную память, как только она развилась.

Блисс замерла. На этот раз пауза длилась дольше.

— Я не нахожу следов тех ранних записей, о которых ты говоришь.

— Почему?

— Не знаю, Тревайз. Может быть, они оказались не особо важными. Мне кажется, что в то время, когда стало ясно, что ранние записи пришли в негодность, устарели, Гея сочла, что они больше не нужны.

— Ты не знаешь этого. Ты предполагаешь, тебе кажется, но ты не знаешь этого наверняка. Гея не знает этого.

— Должно быть, так, — потупилась Блисс.

— Должно быть? Я не часть Геи, и, следовательно, мне нет нужды думать так, как думает Гея, — вот тебе пример того, как важно уметь мыслить независимо. Я, как изолят, думаю совсем о другом.

— О чем же?

— Во-первых, есть нечто, в чем я уверен. Существующие цивилизации не стремятся уничтожать все свои ранние записи. Вместо того чтобы объявлять их устаревшими и ненужными, они относятся к ним с явной ревностью, стараются любой ценой сохранить их. Если геянские предглобальные записи были уничтожены, Блисс, вряд ли такое уничтожение было добровольным.

— Как же тогда можно объяснить все это?

— В Библиотеке на Тренторе все сведения о Земле были уничтожены кем-то или какой-то иной силой, не самими ли адептами Второй Академии. Возможно, следовательно, что на Гее все сведения о Земле были удалены кем-то или чем-то другим, а не самой Геей.

— Как ты можешь утверждать, что в ранних записях упоминалась Земля?

— Судя по твоим словам, Гея была основана, по крайней мере, восемнадцать тысяч лет назад. Стало быть, в период перед созданием Галактической Империи, в период, когда колонистами заселялась Галактика. А первоисточником колонистов была Земля. Спроси у Пелората.

Пелорат, ошеломленный внезапной апелляцией к нему, взволнованно откашлялся.

— Так в легендах, моя дорогая. Я воспринимаю их серьезно и думаю, как и Голан Тревайз, что род человеческий был первоначально ограничен одной планетой, и этой планетой была Земля. Самые первые колонисты пришли с Земли.

— Следовательно, если Гея, — сказал Тревайз, — была основана в раннюю эру межпространственных путешествий, весьма вероятно, что колонизирована она была землянами или, возможно, уроженцами достаточно недавно заселенного мира, который незадолго до этого был колонизирован землянами. А значит, записи времен основания Геи и первых нескольких тысячелетий явно должны были упоминать Землю и землян. Эти записи пропали. *Что-то*, очевидно, есть в том, что Земля не упоминается нигде в архивах Галактики. И если так, у этого должна быть причина.

Блисс раздраженно проговорила:

— Это всего лишь предположения, Тревайз. У тебя нет доказательств.

— Но разве Гея не утверждает, что я обладаю удивительным даром приходить к правильным выводам, располагая неполными данными. В таком случае, если я в чем-нибудь твердо убежден, не говори, что у меня нет доказательств. — Блисс промолчала. Тревайз продолжал: — Тем больше причин для поиска Земли. Я настаиваю на отлете, как только «Далекая звезда» будет готова. Ну как? Полетите со мной?

— Да, — сразу сказала Блисс.

— Да, — сказал Пелорат.

Глава 2

НА КОМПОРЕЛЛОНЕ

5

Моросил мелкий дождь. Тревайз взглянул вверх, на низкое серовато-белое небо.

На нем была особая шляпа, для дождливой погоды. Капли отлетали от нее в разные стороны. Пелорат, стоящий чуть поодаль, был без шляпы.

— Зачем ты мокнешь, Дженов? — спросил Тревайз.

— Это ничего, дружочек, — ответил Пелорат по обыкновению. — Дождь тихий и теплый. Да и ветра нет. И потом, как говорили — «в Анакреоне веди себя, как анакреонцы». — Он указал в сторону геянцев, молчаливо стоящих неподалеку от корабля. Те даже не шелохнулись, хотя были под дождем без головных уборов. Молчаливые, неподвижные — ни дать ни взять — рощица геянских деревьев.

— Наверное, — сказал Тревайз, — они не боятся дождя, потому что все остальное на Гее тоже мокнет. Деревья, трава, почва — все, включая геянцев.

— Что же, по-моему, очень разумно, — заметил Пелорат. — Скоро выглянет солнце, и все быстро высохнет. Одежда не помнется и не сядет, здесь нельзя замерзнуть, а поскольку здесь совершенно нет никаких болезнетворных микробов, никто не подхватит насморк, грипп или пневмонию. Зачем же горевать, если немного промокнешь?

Тревайз был согласен — все логично, но не желал сдаваться.

— И все-таки, зачем надо было устраивать дождь в день нашего отлета? Ведь дождь здесь управляем. На Гее не пойдет дождь, если она этого не пожелает. Она словно бы афиширует презрение к нам.

— Может быть, совсем наоборот? Может быть, и Гея скорбно оплакивает наш отлет?

— Она — может быть, но я — нет.

— Знаешь, — продолжал Пелорат, — на самом деле все, наверное, гораздо проще: почва здесь нуждается в увлажнении, и это — гораздо более важно, чем твое желание видеть ясное небо и солнце.

Тревайз улыбнулся:

— Похоже, тебе в самом деле нравится этот мир. Помимо Блисс, я хочу сказать.

— Да, — сказал Пелорат, словно обороняясь. — Я всегда жил тихой, упорядоченной жизнью и, думаю, смог бы прижиться здесь, где целый мир трудится над поддержанием покоя и порядка. Понимаешь, Голан, ведь когда мы строим дом — ну, или корабль, — мы пытаемся создать для себя самое лучшее убежище. Мы снабжаем его всем, в чем нуждаемся, мы обустраиваем его так, чтобы можно было регулировать температуру, качество воздуха, освещение и так далее, и Гея — всего лишь расширение

этого стремления к комфорту и безопасности до размеров планеты. Что в этом плохого?

— Что в этом плохого? — переспросил Тревайз. — То, что мой дом или мой корабль построен так, чтобы они подходили *мне*, а не я им. Если бы я был частью Геи, то, как бы идеально ни старалась планета устраивать меня, меня бы все равно бесило то, что я должен устраивать ее.

Пелорат поморщился:

— Послушай, но ведь можно сказать, что любое общество формирует свое население в угоду себе. Развиваются устои, присущие данному обществу, и каждый индивидуум становится рабом общественного устройства.

— Ну, знаешь, в тех обществах, которые мне известны, кто-нибудь может, например, взять и взбунтоваться. Встречаются люди эксцентричные, даже преступники.

— Ты что хочешь, чтобы они были — чудаки и преступники?

— Почему бы и нет? Мы же с тобой — чудаки. Уж, конечно, мы не типичные представители населения Терминуса. Что до преступников, то все дело в определении. Но если преступники — цена, которую мы должны платить за существование бунтарей, еретиков и гениев, я готов платить. Я *требую*, чтобы эта цена была заплачена.

— Неужели, кроме преступников, за это нечем заплатить? Разве нельзя иметь гениев, не имея преступников?

— Найти гениев и святых можно лишь среди людей не совсем нормальных, а я не вижу, каким образом отклонения от нормы могут быть только в одну сторону. Должна быть симметрия. В общем, как бы то ни было, мне нужна более веская причина для решения избрать Гею в качестве модели будущего для человечества, чем всепланетный проект комфортабельного дома.

— Ах, дружочек, я вовсе не пытался убеждать тебя в правильности твоего решения. Я просто смотрел и ду...

Он не договорил. К ним спешила Блисс, ее темные волосы вымокли, платье прилипло к груди и широким бедрам. Блисс кивнула на ходу.

— Простите за опоздание, — сказала она, переведя дух. — Прощание с Домом затянулось. Нужно было кое-что уточнить.

— Неужели! — удивился Тревайз. — Ведь ты знаешь все, что знает он.

— Иногда мы расходимся в интерпретации. Мы не одинаковы, и мы об этом уже говорили. Взгляните, — сказала она не-

сколько резковато, — у вас две руки. Каждая из них — часть вас, и они кажутся одинаковыми, но одна является зеркальным отображением другой. При этом вы не пользуетесь ими совершенно одинаково, не правда ли? Есть вещи, которые чаще делаешь своей правой рукой, а другие — левой. Различия в интерпретации, так сказать.

— Положила на лопатки! — довольно крикнул Пелорат.

Тревайз кивнул:

— Эффектная аналогия, только вряд ли подходит к случаю. Ну да ладно. Не пора ли на корабль? *Дождь* идет все-таки.

— Да, да. Все наши ушли оттуда. Корабль в отличном состоянии. — Затем, с внезапным любопытством взглянув на Тревайза, Блисс заметила: — А ты совсем сухой. Капли на тебя не попадают.

— Угу, — буркнул Тревайз, — мокнуть неохота.

— Но разве не прекрасно иногда вымокнуть до нитки?

— Неплохо. Но, на мой вкус, не под дождем.

Блисс пожала плечами:

— Ну, дело твое. Багаж погружен, так что давайте войдем.

Все трое пошли к кораблю. Дождь утихал, но трава была совсем мокрой. Тревайз поймал себя на том, что боязливо ступает по ней, а Блисс сбросила тапочки, взяла их в руку и шлепала босиком.

— Восхитительное ощущение! — сказала она, поймав обращенный на ее ноги взгляд Тревайза.

— Не спорю, — сказал он рассеянно и тут же сердито поинтересовался: — А зачем тут собрались эти?

— Они будут записывать это событие, — ответила Блисс. — Гея находит его знаменательным. Ты для нас — очень важная фигура, Тревайз. Пойми, что, если ты изменишь свое мнение в результате этого путешествия и примешь решение против нас, мы никогда не превратимся в Галаксию и даже не останемся Геей.

— Следовательно, я олицетворяю собой жизнь и смерть Геи, целого мира?

— Мы думаем, что это именно так.

Тревайз внезапно остановился и снял шляпу. На небе появились голубые просветы. Он сказал:

— Но у вас уже есть мое слово в вашу пользу. Если вы убьете меня, я никогда не смогу изменить его.

— Голан, — обескураженно пробормотал Пелорат, — что ты говоришь?

— Типичное мышление изолята, — холодно отозвалась Блисс. — Ты должен понять, Тревайз, что нас интересуешь не ты лично и не твое слово, а истина, действительное положение дел. Ты важен только как проводник к истине, и твой голос — ее знак. Вот то, чего мы хотим от тебя, и, если мы убьем тебя, чтобы ты не смог изменить свое решение, мы просто скроем истину от самих себя.

— Если я скажу, что истина — это не Гея, вы с радостью согласитесь умереть?

— Не очень радостно, пожалуй, но хотелось бы именно так держаться под конец.

— Если что-нибудь и должно убедить меня в том, — покачал головой Тревайз, — что Гея ужасна и *должна* умереть, так это то самое, что ты только что сказала.

Затем, посмотрев в сторону бесстрастно наблюдавших, а может быть, и слушавших геянцев, он сердито спросил:

— Почему они так стоят? И почему их так много? Если один из них посмотрит на это событие и сохранит все в своей памяти, не будет ли этого достаточно? Разве воспоминание об отлете не сможет храниться в миллионах мест, если вы этого захотите?

— Каждый из тех, кто наблюдает это, воспринимает все по-своему, сохранит память об этом в своем сознании, не похожем на другие. Когда все наблюдения изучат, станет очевидным, что происшедшее может быть лучше понято из синтеза всех наблюдений, чем из любого, взятого отдельно.

— Целое — больше, чем сумма его частей, иначе говоря.

— Точно. Ты уловил смысл основного принципа существования Геи. Ты, как многоклеточный организм, состоишь примерно из пятидесяти триллионов клеток, но как личность более важен, чем эти пятьдесят триллионов в сумме их собственных значений. Наверняка ты не станешь с этим спорить.

— Да, — сказал Тревайз, — с этим я согласен.

Он поднялся по трапу и у самого люка резко обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Гею. Короткий дождь принес свежесть и благоухание. Перед Тревайзом лежал зеленый, тихий, мирный, цветущий мир, безмятежный сад посреди мятежной, измученной Галактики.

Но Тревайз всей душой надеялся, что никогда не увидит его вновь.

6

Когда люк шлюза захлопнулся позади них, Тревайзу показалось, словно он проснулся не то чтобы после кошмара, но после чего-то настолько ненормального, что ему было тяжело дышать.

Он не забывал, что элемент этой ненормальности все еще находился рядом с ним в лице Блисс. Пока она тут, Гея рядом. А еще он знал, что ее присутствие — не мелочь. Черный ящик заработал снова, и Тревайз горячо надеялся, что не купится на суждения этого ящика.

Он осмотрел судно и не нашел, к чему придраться. Оно принадлежало только ему с тех пор, как Мэр Академии Харла Бранно засунула его в этот корабль и отправила в межзвездную ссылку — громоотвод для себя, приманку для тех, кого считала врагами Академии. Ее задание выполнено, но корабль остался у него, и он не собирался его возвращать.

Корабль принадлежал ему не больше нескольких месяцев, но уже стал его домом, и теперь он с трудом мог вспомнить, какой же у него был дом на Терминусе.

Терминус! Далекая столица Академии, призванная, согласно Плану Селдона, основать новую, величайшую Империю через пять столетий — согласно Плану, который Тревайз пустил под откос. Своим личным решением он превращал Академию в ничто и взамен открывал новый путь развития общества, новую схему жизни, самую жуткую революцию из всех, что происходили со времен начала развития разумной жизни.

И вот он отправился в новое путешествие — для того, чтобы доказать самому себе, что сделал правильный выбор.

Тревайз прогнал мрачные мысли и поспешил в рубку. Компьютер еще находился на своем месте. Компьютер сверкал, искрился. Да, собственно, сверкало все. Здесь провели очень тщательную уборку. Все системы работали безукоризненно и, казалось, более легко, чем прежде. Вентиляционная система функционировала беззвучно, и Тревайз недоверчиво приложил руку к вентилятору, чтобы почувствовать поток воздуха.

Пучок света зазывно притягивал. Тревайз коснулся его, и свет разлился по поверхности пульта, очертив контуры ладоней. Голан судорожно вздохнул. Надо же — он, оказывается, от волнения задержал дыхание. Геянцы ничего не знали о технике Академии и могли запросто повредить компьютер безо всякого злого умысла. Правда, на вид все было как обычно.

Тревайз на мгновение замер. Он узнает, почти наверняка, если что-нибудь будет не так; однако если окажется, что так оно и есть, что он сможет поделать? Для ремонта нужно будет вернуться на Терминус, но, если он это сделает, Мэр Бранно его оттуда точно не выпустит. А если он не вернется...

Он почувствовал, как колотится сердце. Нет, хватит ждать.

Тревайз вытянул руки и совместил их с контурами на пульте. И тут же возникла иллюзия, что их сжала другая пара рук. Интенсивность его чувств возросла — теперь он мог видеть Гею со всех сторон — зеленую планету, еще не высохшую после дождя, глядящих в небо геянцев. Когда он посмотрел вверх, он увидел небо в густых облаках. По его мысленному приказу небо приблизилось, облака исчезли и возникла ясная синева и круг геянского солнца.

Еще одно мысленное усилие — и синева исчезла. Тревайз увидел звезды.

Но вот исчезли и они, и Тревайз увидел Галактику, подобную сжатой спирали. Голан проверил компьютерное изображение, меняя его ориентацию, манипулируя в зависимости от времени, заставлял Галактику вращаться сперва в одном направлении, затем — в другом. Он нашел солнце Сейшелла, ближайшую к Гее звезду; потом — солнце Терминуса, потом Трентора. Он путешествовал от звезды к звезде, по карте Галактики, скрытой внутри компьютера.

Потом он отнял руки от пульта и вернулся в реальный мир — и обнаружил, что простоял все это время, полусогнувшись над компьютером. Мышцы у него одеревенели, и ему пришлось потянуться перед тем, как сесть.

Тревайз смотрел на компьютер с чувством искреннего облегчения. Он работал исправно. Нет, чувство Тревайза называлось иначе — его можно было назвать любовью. Ведь в то время, когда он клал руки на контуры ладоней (он пытался отбросить мысль о том, что представляет, будто это женские руки), они становились одним целым, и его воля направлялась, контролировалась, испытывалась и превращалась в часть чего-то большего. Тревайз с неожиданным беспокойством подумал, что он и компьютер, наверное, чувствовали (в ничтожно малой степени) то объединение, что чувствовала гораздо сильнее Гея.

Он сердито тряхнул головой. Нет! В случае с компьютером он, Тревайз, владел ситуацией целиком и полностью. Компьютер был просто покорным, послушным созданием.

Он встал и прошел коротким коридором в салон. Здесь хранилось достаточное количество самой разнообразной пищи и соответствующие устройства для замораживания и быстрого разогрева.

Открыв дверь в свою комнату, Тревайз уже заметил, что библиофильмы стояли на своих местах, и он был почти уверен — нет, всецело уверен, что личная библиотека Пелората образцово сохранена. Однако, для верности, об этом нужно спросить у него самого.

Пелорат! Тревайз кое-что вспомнил и зашел в каюту Пелората.

— А здесь хватит места для Блисс, Дженов?

— О да, вполне.

— Можно было бы устроить спальню для нее в общей каюте.

Блисс, широко раскрыв глаза, снизу вверх взглянула на Тревайза.

— Мне не нужна отдельная спальня. Мне и тут будет очень хорошо с Пелом. Впрочем, я надеюсь, что смогу при необходимости пользоваться другими помещениями. Спортивным залом, например.

— Конечно. Любым помещением, кроме моей каюты.

— Хорошо. Так и я предложила бы расположиться, если бы это зависело от меня. Ну, а ты к нам не входи без стука.

— Естественно, — сказал Тревайз, опустил взгляд и понял, что стоит на пороге. Он сделал полшага назад и мрачно буркнул: — Тут не номер для новобрачных, Блисс.

— Да уж. Тут тесновато, хотя Гея вполовину расширила эту каюту.

Тревайз, стараясь сдержать улыбку, проговорил:

— Вам придется не ссориться.

— А мы и не ссоримся, — сказал Пелорат, которому явно неловко было от темы разговора, — но, правда, дружочек, покинул бы ты нас, мы уж как-нибудь устроимся.

— Устраивайтесь, — медленно проговорил Тревайз. — Но уясните, что здесь не место для медового месяца. Я не возражаю против всего того, что вы будете делать по взаимному согласию, но вы должны понять, что уединиться здесь невозможно. Я надеюсь, это понятно, Блисс.

— Здесь есть двери, — сказала Блисс, — и я полагаю, ты не будешь тревожить нас, когда они будут заперты, — само собой, за исключением случаев реальной опасности.

— Не буду. Однако здесь нет звукоизоляции.

— Ты хочешь сказать, Тревайз, что сможешь ясно услышать любой наш разговор и любые звуки, которые мы можем производить в порыве страсти?

— Да, именно это я хочу сказать. Принимая это во внимание, я ожидаю, что вы постараетесь вести себя потише. Может, вам это не по душе, но я прошу прощения — такова ситуация.

Пелорат откашлялся и негромко проговорил:

— Действительно, Голан, это проблема, с которой я уже столкнулся. Понимаешь, ведь любое ощущение, которое испытывает Блисс, когда она вместе со мной, охватывает всю Гею.

— Я думал об этом, Дженов, — сказал Тревайз, с трудом скрывая отвращение, — мне не хотелось говорить об этом, но, видишь, ты сам сказал.

— Да, дружочек.

— Не делайте из этого проблемы, Тревайз, — вмешалась Блисс. — В любое мгновение на Гее тысячи людей занимаются сексом; миллионы едят, пьют, занимаются чем угодно. Это вносит вклад во всеобщую ауру удовольствия, которое чувствует Гея, каждая ее частица. Низшие животные, растения — все испытывают свои маленькие радости, вливающиеся во всеобщую радость, которую Гея чувствует всегда, всеми своими частицами, и этого нельзя ощутить в другом мире.

— У нас свои собственные радости, — ответил Тревайз, — которые мы вольны делить с другими, следуя моде, или утаить, если не хотим огласки.

— Если бы ты мог чувствовать так, как мы, то понял бы, как обделены в этом отношении вы, изоляты.

— Откуда тебе знать, что и как мы чувствуем?

— Я не знаю, что чувствуешь ты, но резонно предположить, что мир всеобщей радости наверняка более изощрен, чем мир радости одного человека.

— Возможно, но пусть мои радости и скудны, я предпочитаю довольствоваться ими, оставаясь самим собой, а не кровным братом холодного булыжника.

— Не издевайся, — сказала Блисс. — Ты же ценишь каждый атом в своих косточках и не желаешь, чтобы хоть один из них повредился, хотя в них не больше сознания, чем в таком же точно атоме камня.

— Это, в общем, верно, — неохотно согласился Тревайз, — но мы ушли от темы разговора. Мне нет дела до того, что вся Гея

делит твою радость, Блисс, но я не желаю разделять ее. Мы будем жить здесь в соседних каютах, и я не желаю, чтобы меня вынуждали участвовать в ваших забавах даже косвенно.

— Это спор ни о чем, дружочек, — сказал Пелорат. — Я не менее тебя озабочен нарушением твоей уединенности. Как и моей, впрочем. Блисс и я будем сдерживаться, не правда ли, Блисс?

— Все будет, как ты пожелаешь, Пел.

— В конце концов, — сказал Пелорат, — мы проведем гораздо больше времени на планетах, чем в космосе, а на планетах препятствий для уединения...

— Мне до лампочки, чем вы будете заниматься на планетах, — оборвал его Тревайз, — но на этом корабле я главный.

— Конечно, конечно, — поспешно согласился Пелорат.

— Ну, раз мы это утрясли, пора трогаться.

— Но подожди. — Пелорат схватил Тревайза за рукав. — Трогаться. Куда? Где находится Земля, не знаем ни ты, ни я, ни Блисс, не знает и твой компьютер. Ведь ты давно говорил мне, что в нем отсутствует всякая информация о Земле. Что ты намерен предпринять? Ты же не можешь дрейфовать наугад по всему космосу, дружочек.

Тревайз на это только улыбнулся. Впервые с тех пор, как он попал в объятия Геи, он чувствовал себя хозяином своей судьбы.

— Уверяю тебя, — сказал он, — что дрейф не входит в мои намерения, Дженов. Я точно знаю, куда направляюсь.

7

Не дождавшись ответа на свой робкий стук в дверь, Пелорат тихонько вошел в рубку. Тревайз был поглощен внимательным изучением звездного пространства.

— Голан, — окликнул его Пелорат и остановился в ожидании.

Тревайз обернулся.

— Дженов! Присаживайся. А где Блисс?

— Спит. Мы уже в космосе, как я погляжу.

— Ты прав, — кивнул Тревайз.

Он не был удивлен неведением друга. В этих новых гравитационных кораблях просто невозможно было заметить взлет. Ни-

каких побочных явлений — ни перегрузок, ни шума, ни вибрации.

Обладая способностью отталкиваться от внешних гравитационных полей с какой угодно, вплоть до полной, интенсивностью, «Далекая звезда» поднималась с поверхности планеты, как бы скользя по некоему космическому морю. И пока она это проделывала, действие гравитации внутри корабля, как это ни парадоксально, оставалось нормальным. Конечно, пока корабль находился в атмосфере, не было нужды в ускорении, так что вой и вибрация быстро рассекаемого воздуха отсутствовали. Но, как только атмосфера оставалась позади, можно было начинать разгон, и притом довольно быстрый, не тревожа пассажиров.

Это было исключительно удобно, и Тревайз не видел, как еще можно усовершенствовать способ передвижения, если только люди не найдут возможности махнуть сквозь гиперпространство совсем без корабля, наплевав на любые, даже самые сложные гравитационные поля. Сейчас же «Далекой звезде» нужно было удирать от Геи в течение нескольких дней, пока интенсивность гравитационного поля не ослабнет и можно будет совершить Прыжок.

— Голан, дружочек, — сказал Пелорат, — могу я минуту-другую поговорить с тобой? Ты не слишком занят?

— Я совсем не занят. Компьютер делает все сам, после того как я его соответственно проинструктирую. А временами кажется, что он предугадывает мои инструкции и выполняет их прежде, чем я сформулирую приказ. — Тревайз любовно провел ладонью по поверхности пульта управления.

— Мы очень подружились, Голан, за то короткое время, что знаем друг друга, хотя, должен признать, я с трудом верю, что прошло так мало времени. Так много всего случилось. Это так удивительно... Когда я думаю об этом, то получается, что половина всех событий, которые я пережил за свою жизнь, произошла в последние несколько месяцев. Или это только кажется. Я готов сказать...

Тревайз протестующе поднял руку.

— Дженов, ты отвлекаешься. Ты начал с того, что мы с тобой быстро сдружились. Да, это так, и мы все еще друзья. Однако ты знаешь Блисс совсем недавно и с ней еще крепче подружился.

— Тут другое дело, — сказал Пелорат, смущенно кашлянув.

— Конечно. И что же следует из нашей недолгой, но крепкой и выстраданной дружбы?

— Если, дружочек, мы все еще друзья, как ты только что сказал, то я хотел бы поговорить о Блисс, которая, как ты верно отметил, особенно дорога мне.

— Я понимаю. И что из этого?

— Я знаю, Голан, ты не любишь Блисс, но ради меня, я хотел бы...

Тревайз взмахнул рукой.

— Минутку, Дженов. Я не в восторге от Блисс, но я не ненавижу ее. Ей-богу, у меня нет к ней враждебного чувства. Она привлекательная молодая женщина, и, даже если бы она такой не была, я готов был бы считать ее таковой ради тебя. Я не люблю Гею.

— Но Блисс — это и есть Гея.

— Знаю, Дженов. Именно это так осложняет дело. Пока я думаю о Блисс как о человеке — нет проблем. Как только я вижу в ней Гею — они появляются.

— Но ты не дал Гее ни единого шанса, Голан. Послушай, дружочек, позволь мне признаться кое в чем. Когда Блисс и я занимались любовью, она порой позволяла мне подключиться к ее сознанию на минуту-другую. Не дольше, так как считает меня слишком старым, чтобы адаптироваться к этому. Ах, не ухмыляйся, Голан, ты, должно быть, тоже слишком стар для такого. Если изолят, такой, как ты и я, станет частью Геи более чем на минуту или две, наш мозг может быть поврежден, а если это продолжится пять-десять минут, то приведет к необратимым изменениям. Если бы ты только мог испытать это, Голан!

— Что? Необратимое повреждение мозга? Нет уж, спасибо.

— Голан, ты нарочно не хочешь понять меня. Я имел в виду только тот краткий миг единения. Ты даже не представляешь, что теряешь. Это неописуемо. Блисс говорит, что это ощущение радости. Это все равно что говорить о радости, когда наконец выпьешь глоток воды после того, как чуть не умер от жажды. Я не могу даже придумать сравнения. Ты разделяешь все радости, которые миллиард человек испытывают по отдельности. Это не постоянная радость — будь это так, ты бы быстро перестал чувствовать ее. Это пульсирует... мерцает... такой дивный пульсирующий ритм, который не позволяет оторваться. Это большая — нет, не большая — *лучшая* радость, чем я когда-либо мог ощущать сам по себе. Мне хотелось плакать, когда она закрывала передо мной двери...

Тревайз покачал головой.

— Ты потрясающе красноречив, мой друг, но это звучит очень похоже на то описание состояния псевдоэндорфинной зависимости или действия других наркотиков, которые дарят краткую радость, за которую приходится потом платить непрекращающимся кошмаром. Это не для меня! Я не собираюсь продавать свою индивидуальность за короткие вспышки радости.

— *Я пока свою индивидуальность не потерял, Голан.*

— Но надолго ли ты сохранишь ее, если будешь продолжать в том же духе, Дженов? Ты будешь желать еще и еще этого дурмана — до тех пор, пока в конце концов твой мозг не разрушится. Дженов, ты не должен позволять Блисс проделывать такое с тобой. Наверное, лучше мне самому поговорить с ней об этом.

— Нет! Не надо! У тебя не хватит душевного такта, ты же знаешь, а я... я не хочу ее обидеть. Уверяю тебя, она сильнее беспокоится обо мне, чем ты можешь себе вообразить. Ее гораздо сильнее пугает возможность повреждения моего мозга, чем меня, не сомневайся.

— Ну, тогда, Дженов, я бы посоветовал тебе больше не ставить экспериментов. Ты прожил пятьдесят два года, зная другие способы испытывать удовольствие и радость, и твой мозг привык к ним. Не поддайся новому, экзотическому пороку. За это придется расплачиваться, если не сейчас, то потом.

— Но, Голан, — сказал Пелорат тихо, глядя себе под ноги. — Можно на это и так посмотреть. А представь, если бы ты был одноклеточным существом...

— Я понимаю, к чему ты клонишь, Дженов. Забудь это. Блисс и я уже апеллировали к этой аналогии.

— Да, но ты подумай все-таки. Допустим, мы вообразили одноклеточный организм с человеческим уровнем сознания и способностью мыслить. А теперь представь, что ему выпала возможность стать многоклеточным организмом. Не будет ли одноклеточное оплакивать потерю своей индивидуальности и горячо протестовать от мысли о предстоящем насильственном режиме работы клеток во всем организме? И будет ли оно право? Может ли отдельная клетка даже вообразить, какова мощь человеческого мозга?

Тревайз резко тряхнул головой:

— Нет, Дженов, это порочная аналогия. Одноклеточный организм не может обладать сознанием и всякой способностью мыслить, а если может, то способность эта так бесконечно мала, что ее возможно приравнять к нулю. Для таких существ утрата

индивидуальности — это утрата того, чего у них, в сущности, никогда и не было. У человека, однако, есть и должна быть способность мыслить. Он на самом деле обладает сознанием и если теряет его, то теряет свой независимый разум. Так что аналогия — на двоечку.

На некоторое время воцарилось молчание, почти гнетущая тишина, и наконец Пелорат, пытаясь сменить тему разговора, спросил:

— А зачем ты смотришь на экран?

— Привычка, — ответил Тревайз, кисло улыбнувшись. — Компьютер сообщает мне, что нас не преследуют геянские корабли и что сейшеллский флот не вылетел нам навстречу. Так что я смотрю на обзорный экран для самоуспокоения — нет ли где чужих кораблей. Правда, компьютерные сенсоры в сотни раз зорче и чувствительнее моих глаз. Более того, компьютер способен воспринимать некоторые свойства пространства очень тонко — такие свойства, которые мои органы чувств не могут ощутить ни при каких условиях. Знаю и все-таки смотрю.

— Голан, если мы правда друзья... — проговорил Пелорат.

— Обещаю, я не сделаю ничего, что может обидеть Блисс, по крайней мере, насколько позволят обстоятельства.

— Тогда другой вопрос. Ты скрываешь от меня цель нашего путешествия, словно не доверяешь мне. Куда мы направляемся? Ты думаешь, что знаешь, где находится Земля?

Тревайз взглянул на него, удивленно подняв брови.

— Прости. Похоже, будто я не хочу поделиться с тобой своей тайной?

— Да. Почему?

— И правда, почему? Не кажется ли тебе, друг мой, что все дело в Блисс?

— Блисс? Значит, ты не хочешь, чтобы она знала? Поверь, дружочек, ей можно доверять целиком и полностью.

— Не в этом дело. Что толку что-то скрывать от нее? Уверен, она может выудить любую тайну из моего сознания, если пожелает. Прости, это просто я, наверное, в детство впал. Мне казалось, что ты уделяешь внимание только ей, а я больше для тебя не существую.

— Но это неправда, Голан! — ужаснулся Пелорат.

— Знаю. Просто я пытаюсь понять собственные чувства. Вот ты сейчас пришел ко мне, потому что испугался за нашу дружбу, и теперь, поразмыслив, я понимаю, что у меня были такие же

страхи. Я не мог честно признаться себе в этом, но думаю, я чувствовал себя неинтересным тебе из-за Блисс. Возможно, я пытался поквитаться, из каприза скрывая от тебя правду. Да, вышло по-детски.

— Голан!

— По-детски, ну и что? Но покажи мне человека, который время от времени не вел бы себя так? Тем не менее мы друзья. Это решено, значит, я не должен больше играть в эти игры. Мы направляемся на Компореллон.

— Компореллон? — переспросил Пелорат, не сразу вспомнив, о чем речь.

— А ты вспомни моего бывшего приятеля-предателя Мунна Ли Компора. Того самого, которого мы встретили на Сейшелле.

Пелорат облегченно вздохнул:

— Конечно, помню. Он родом с Компореллона.

— Если это правда. Нельзя верить всему, что сказал Компор. Но Компореллон — общеизвестный мир, а Компор говорил, что его обитатели знают о Земле. Вот мы и отправимся туда и наведем справки. Наш визит может ничего не дать, но пока это единственная отправная точка, которая у нас есть.

Пелорат кашлянул и покачал головой:

— Ах, дружочек, ты так думаешь?

— Что тут думать? Есть единственная отправная точка, и, как бы сомнительна она ни была, у нас нет иного пути, кроме как следовать к ней.

— Да, но если мы делаем это, полагаясь на слова Компора, тогда, наверное, следует учесть все, что он сказал. Как я припоминаю, он заявил нам, очень решительно, что Земли как пригодной для жизни планеты больше не существует — ее поверхность радиоактивна и там нет никакой жизни. А если это так, то лететь на Компореллон бессмысленно.

8

Все трое обедали в крохотной столовой, которая с трудом вмещала даже такую небольшую компанию.

— Отлично, — похвалил еду Пелорат. — Это часть наших запасов с Терминуса?

— Нет, что ты, — ответил Тревайз. — Они давно кончились. Это из тех припасов, купленных на Сейшелле до того, как мы

направились к Гее. Забавно, не правда ли? Какие-то дары моря. Что же касается этого блюда, я думал, это капуста, когда покупал ее, но на вкус — ничего подобного.

Блисс слушала и помалкивала, брезгливо ковыряясь вилкой в тарелке.

— Ты должна поесть, дорогая, — нежно сказал Пелорат.

— Знаю, Пел, я и ем.

— У нас есть геянская еда, Блисс, — сказал Тревайз с некоторым раздражением.

— Я знаю, — сказала Блисс, — но я предпочитаю приберечь ее. Мы ведь не знаем, как долго будем путешествовать. В конце концов я должна научиться есть пищу изолятов.

— Неужели она так плоха? Или Гея должна есть только Гею?

— Верно, — вздохнула Блисс, — у нас есть поговорка, которая гласит: «Когда Гея ест Гею, никто ничего не теряет и не приобретает». Просто перемещение разума вверх и вниз по шкале. Все, что я ем на Гее, *является* Геей, и когда большая часть этого усваивается и становится мной — это по-прежнему Гея. При этом в процессе еды часть того, что я ем, имеет возможность стать частью более развитого разума, в то время как другая ее часть превращается в разного рода отбросы и, следовательно, опускается вниз по шкале разума. — Она взяла очередной кусок с тарелки, энергично пожевала его некоторое время, а затем продолжила: — Это — всемирный круговорот. Растения растут и поедаются животными. Животные едят и сами бывают съедены. Любой погибший организм поглощается плесенью, гнилостными бактериями, и так далее — словом, Геей. В этом громадном круговороте сознания участвует даже неорганическая природа, и все обладает возможностью стать частью высокоинтенсивного разума.

— Такое, — возразил Тревайз, — можно сказать о любом мире. Каждый атом во мне имеет долгую историю. Некогда он мог быть частью многих живых существ, включая людей, а когда-то мог быть каплей океанской воды, жить в обломке угля, камня, летать по свету под порывами ветра.

— На Гее, однако, — сказала Блисс, — все атомы являются также неотъемлемыми частицами высшего, планетарного сознания, о котором ты не знаешь ничего.

— Ладно. А что же произойдет с этими сейшеллскими овощами, которые ты съела? Станут ли они частью Геи?

— Станут, но очень медленно. И мои испражнения постепенно перестанут быть частью Геи. В конце концов, то, что покидает меня, навсегда теряет связь с Геей. И не участвует даже в менее непосредственном гиперпространственном контакте, который я могу поддерживать с Геей благодаря высокому уровню моего разума. Именно этот гиперпространственный контакт приводит к тому, что негеянская пища становится Геей — очень медленно — после того, как я съем ее.

— Ну, а геянская пища в нашей кладовой? Становится ли она постепенно не-Геей? Если так, лучше уж съешь ее, пока не поздно.

— Нет нужды беспокоиться об этом. Наши геянские продукты обработаны таким образом, что могут довольно долгое время оставаться частью Геи.

— А что случится, если мы съедим геянскую пищу? — неожиданно спросил Пелорат. — Мы ведь ели геянскую пищу на Гее. Не превратились ли мы сами постепенно в Гею?

Блисс покачала головой, и необычно тревожное выражение промелькнуло по ее лицу.

— Нет. То, что ели вы, было потеряно для нас. Или, по крайней мере, та часть, что была усвоена вашими организмами, была потеряна для Геи. То, что вы не усвоили, осталось Геей или постепенно стало ею, так что в принципе баланс сохранился, но ряд атомов Геи стал не-Геей в результате вашего визита к нам.

— Это почему? — спросил Тревайз с любопытством.

— Потому что вы не могли бы перенести превращение, даже частичное. Вы были нашими гостями, прибывшими в наш мир поневоле, так сказать, и мы должны были защитить вас от опасности даже ценой потери некоторой части Геи. Это цена, уплаченная нами добровольно, но без особого восторга.

— Искренне сожалеем, — сказал Тревайз, — но ты уверена, что негеянская пища, или какой-нибудь вид негеянской пищи, не может, в свою очередь, повредить *тебе*?

— Нет, — ответила Блисс. — То, что съедобно для тебя, должно быть съедобно и для меня. У меня, безусловно, есть кое-какие трудности в усвоении такой пищи и превращении ее в Гею, как и в мои ткани. Это создает психологический барьер, который слегка портит мне радость от еды и заставляет меня есть медленно, но я преодолею это со временем.

— А как же инфекции? — воскликнул Пелорат в тревоге. — Как же я не подумал об этом раньше, Блисс! В любом мире, где мы приземлимся, наверняка есть микроорганизмы, против кото-

рых ты беззащитна. Ты можешь умереть от обыкновенной простуды. Тревайз, мы должны вернуться.

— Не паникуй, Пел, дорогой, — улыбаясь, сказала Блисс. — Микробы тоже ассимилируются Геей, проникая в мое тело каким-либо путем. Если окажется, что они приносят вред, они ассимилируются быстрее; и как только станут Геей, больше не причинят мне зла.

Трапеза подходила к концу. Пелорат прихлебывал подогретую смесь фруктовых соков со специями.

— Дружочек, — сказал он, облизав губы, — я думаю, пора сменить тему. Похоже, мое единственное занятие на борту этого корабля — смена тем разговоров. Почему бы это?

— Потому что Блисс и я все время вредничаем, — торжественно произнес Тревайз, — о чем бы ни говорили, даже о смерти. Мы зависим от тебя, ты спасаешь нас от безумия. О чем ты хотел поговорить, старина, сменив тему на сей раз?

— Я просмотрел свои справочные материалы по Компореллону. Весь сектор, частью которого он является, богат древними легендами. Они относят свои поселения к довольно давним временам — к первому тысячелетию гиперпространственных путешествий. На Компореллоне толкуют даже о легендарном основателе по имени Бенбелли, хотя не могут точно сказать, откуда он появился. Говорят, что первоначальное название их планеты было «Мир Бенбелли».

— Как ты думаешь, много ли в этом правды, Дженов?

— Как и во всякой легенде — зернышко, да есть.

— Я никогда не слыхал ни о каком Бенбелли, вошедшем в историю. А ты?

— Я тоже. Но ты же знаешь, что в конце Имперской эры отмечалось старательное замалчивание предымперской истории. Императоры в последние беспокойные века Империи были озабочены подавлением местного патриотизма, считая его, видимо, фактором, несущим дестабилизацию. Почти в каждом секторе Галактики, следовательно, истинная история с полными записями и точной хронологией существовала лишь с момента его присоединения к тректорианской Империи или аннексии ею.

— Я не подозревал, что историю так легко уничтожить, — сказал Тревайз.

— Далеко не всегда это происходит таким образом, — ответил Пелорат, — однако решительно настроенное и мощное правительство может сильно исказить историю. В таких случаях

ранняя история сводится к рассеянным материалам, вырождается в устные предания. Как правило, такие легенды полны преувеличений и стремятся выставить сектор более древним и могущественным, чем он есть. И неважно, насколько наивны некоторые легенды или насколько невероятны описываемые в них события, эти предания становятся предметом патриотизма среди местного населения, верящего в них. Я мог бы показать тебе рассказы из каждого уголка Галактики, в которых говорится о первоначальной колонизации, начавшейся непосредственно с самой Земли, хотя это не всегда то имя, которое дают планете предков.

— Как еще называют ее?

— Как угодно. Иногда они называют ее «Единственной», а временами — «Старейшей». Или зовут ее «Лунным миром», что, согласно некоторым авторитетам, служит упоминанием о ее гигантском спутнике. Другие утверждают, что это означает «Утерянный мир» и что «Лунный» — вариант слова «Утерянный».

— Дженов, остановись! — мягко сказал Тревайз. — Ты можешь без конца цитировать авторитетов и их противников. Ты говоришь, эти легенды повсеместны?

— О да, мой друг. Именно так. Нужно только разобраться в них, для того чтобы понять эту способность человека — начать с малейшего зернышка правды и накручивать вокруг него слой за слоем совершеннейшее вранье — подобно моллюску Rhamopora, который наслаивает жемчуг на обломок камня. Я пришел к этой точнейшей метафоре только тогда, когда...

— Дженов! Погоди! Скажи, а есть ли что-нибудь в компореллонских легендах, что отличает их от других?

— О! — Пелорат бросил отрешенный взгляд на Тревайза. — Отличия? Ну, например, они утверждают, что Земля относительно близка. Это странно. На большинстве планет, где рассказывают о Земле, каким бы именем ее ни называли, есть тенденция туманно указывать ее местоположение — размещая ее бесконечно далеко или вообще, как говорится, в стране «никогда-никогда».

— Ну да, как некоторые сейшеллцы, которые говорили нам, что Гея находится в гиперпространстве.

Блисс рассмеялась.

Тревайз бросил на нее быстрый взгляд:

— Честно-честно. Именно так нам и говорили.

— Да нет, я верю. Просто забавно. Мы не хотим, чтобы нам мешали, и вера сейшеллцев в недостижимость Геи — то, что нужно. Где бы мы могли быть в большей безопасности, чем в ги-

перпространстве? И если люди полагают, что мы находимся там, — это почти то же самое, как если бы Гея там и находилась.

— Да, — сказал Тревайз сухо, — и похоже, есть что-то подобное, что заставляет людей полагать, что Земли не существует, или что она безумно далеко, или что ее поверхность радиоактивна.

— За исключением, — отметил Пелорат, — компореллонцев, которые утверждают, что она относительно недалеко от них.

— И тем не менее приписывают ей радиоактивную поверхность. Так или иначе, каждый народ, имеющий легенду о Земле, считает ее недостижимой.

— Более или менее так, — сказал Пелорат.

— Многие на Сейшелле говорили, что Гея недалеко от них. Некоторые даже верно определяли ее звезду, но все считали ее недостижимой. Может оказаться, что некоторые компореллонцы, настаивающие на радиоактивности Земли, смогут указать ее звезду. Тогда мы сумеем добраться до этой планеты, даже если они считают ее недостижимой. Добрались же до Геи.

— Гея хотела принять тебя, Тревайз, — возразила Блисс. — Вы были беспомощны в наших объятиях, но мы не думали причинять вам зла. Но что, если Земля столь же могущественна, но не благосклонна? Что тогда?

— Я должен все равно попытаться достигнуть ее и готов к любым последствиям. Однако это моя проблема. Как только я найду Землю и решу направиться к ней, вам будет еще не поздно покинуть корабль. Я высажу вас на ближайшей планете Академии или доставлю обратно на Гею, если пожелаете, а затем отправлюсь к Земле один.

— Дружочек, — с укором проговорил Пелорат, — не говори так. Я не хочу расставаться с тобой.

— А я — с Пелом, — сказала Блисс, нежно коснувшись рукой щеки Пелората.

— Ну что ж, хорошо. Вскоре мы будем готовы к Прыжку на Компореллон, а затем, надеюсь, и к Земле.

Часть II

КОМПОРЕЛЛОН

Глава 3

НА ОРБИТАЛЬНОЙ СТАНЦИИ

9

— Тревайз сказал тебе, что мы в любой момент должны быть готовы к Прыжку и полету через гиперпространство? — спросила Блисс, зайдя в каюту.

Пелорат оторвался от дисплея и взглянул на нее.

— Да, он только что заглянул и предупредил: «в течение получаса».

— Мне так неприятно, Пел. Терпеть не могу Прыжки. Будто меня наизнанку выворачивает.

Пелорат выглядел слегка удивленным.

— Вот уж не думал, что ты — космический путешественник, Блисс, дорогая.

— Я не так уж опытна и не столь самостоятельна. У Геи не было причин для регулярных космических полетов. По своей природе я/мы/Гея не нуждаемся в исследованиях, торговле и других связях через пространство. Но остается необходимость кому-то дежурить на орбитальных станциях...

— Как тогда, когда мы имели счастье встретиться с тобой?

— Да, Пел. — Она нежно улыбнулась ему. — Но иногда приходится посещать Сейшелл и другие звездные системы с разными целями, как правило, тайно. Но, как бы то ни было, Прыжки делать приходится, и, конечно, когда любая часть Геи совершает Прыжок, вся Гея чувствует это.

— Наверное, это не слишком приятно, — посочувствовал Пел.

— Могло быть и хуже. Большая часть Геи *не* участвует в Прыжке, так что ощущения получаются, так сказать, разбавленными. Однако я, похоже, более чувствительно воспринимаю Прыжки, чем большая часть Геи. Я уже пыталась объяснить Тревайзу, хотя все на Гее — Гея, отдельные компоненты неидентич-

ны. У нас есть различия, и я по каким-то причинам особенно чувствительна к Прыжкам.

— Постой, — сказал Пелорат, внезапно припоминая, — Тревайз объяснял мне однажды. Это в обычных кораблях ты испытываешь ужасные ощущения. В обычных кораблях ты покидаешь Галактическое гравитационное поле при входе в гиперпространство и возвращаешься в него, выходя в обычное пространство. Именно уход и возвращение приводят к таким ощущениям. Но «Далекая звезда» — гравитационный корабль. Он не зависит от гравитационного поля и, собственно говоря, не покидает его и не возвращается в него. По этой причине мы не почувствуем ровным счетом ничего. Поверь моему опыту.

— Но это просто замечательно. Как жаль, что я не додумалась сказать тебе об этом раньше. Не пришлось бы мучиться и переживать.

— У нашего корабля есть и другое преимущество, — продолжал Пелорат, взяв на себя необычную роль крупного специалиста по вопросам астронавтики. — Обычные корабли в обычном пространстве должны удалиться от объектов с крупной массой, типа звезд, на довольно большое расстояние, для того чтобы произвести Прыжок. Отчасти потому, что чем больше интенсивность гравитационного поля звезды, тем болезненнее ощущения от Прыжка, отчасти потому, что чем сильнее гравитационное поле, тем сложнее системы уравнений, от решения которых зависит безопасность Прыжка и определение точки выхода в обычное пространство. На гравитационном судне, однако, отсутствуют, как я уже сказал, любые ощущения Прыжка. К тому же корабль снабжен компьютером, который по совершенству значительно превосходит обычные и может решать сложнейшие уравнения с необычайным умением и быстротой. В итоге, вместо того чтобы улетать от звезды пару недель только из-за необходимости выбора безопасной и удобной для Прыжка дистанции, «Далекая звезда» проделывает это всего за два-три дня.

— Это прекрасно, — сказала Блисс. — Трев молодец, может управлять таким необыкновенным кораблем.

Пелорат едва заметно нахмурился:

— Пожалуйста, Блисс, зови его Тревайз.

— Да, да. Его здесь нет, и я немножко забылась.

— Не стоит. Пусть это войдет у тебя в привычку, милая. Ему не нравится, когда...

— Дело не в имени. Ему не нравлюсь я.

— Это неправда, — горячо возразил Пелорат. — Я говорил с ним о тебе. Подожди, подожди, не хмурься. Я был осторожен и вежлив, детка. Он уверил меня, что дело не в том, что ты ему не нравишься. Он с сомнением относится к Гее и удручен тем, что был вынужден назвать ее будущим человечества. Мы должны считаться с этим. Он наверняка передумает, по мере того как со временем осознает преимущества Геи.

— Надеюсь, что так и будет, но дело не только в Гее. Что бы он тебе ни говорил, Пел, не забывай, что он очень привязан к тебе и не хочет делать тебе больно — он не любит меня.

— Нет, Блисс. У него нет для этого никаких причин.

— Меня не обязаны любить все только потому, что любишь ты, Пел. Дело в том, что Трев, то есть Тревайз, думает, что я робот.

Пелорат необычайно изумился.

— Не может быть. Искусственное человеческое существо? Не может быть!

— Почему ты так удивлен? Гея была создана при помощи роботов. Это общеизвестный факт.

— Роботы могли помогать людям, как могут помогать машины, но Гею основали *люди*, люди с Земли. Именно так думает Тревайз. Я точно знаю.

— Но в памяти Геи нет ничего о Земле, я так и сказала тебе и Тревайзу. Однако в древнейших воспоминаниях есть роботы, работающие даже спустя три тысячи лет над задачей превращения Геи в обитаемый мир. В то же время мы формировали Гею как планетарное сознание. Это отнимало много времени, Пел, милый, и стало еще одной причиной того, почему наши ранние воспоминания смутны, и, возможно, дело тут вовсе не во вмешательстве Земли и уничтожении упоминаний о себе. Тревайз...

— Послушай, Блисс, — сказал озабоченно Пелорат, — но куда же девались роботы?

— Когда создание Геи завершилось, роботы ушли. Мы не хотели, чтобы они оставались на Гее, чтобы стали ее частицами. Мы были убеждены и остаемся при этом мнении сейчас, что длительное присутствие роботов вредно для человеческого общества независимо от того, изоляты люди или планетары. Я не знаю, откуда взялось такое утверждение, но возможно, что оно имеет в своей основе события, датирующиеся очень ранними временами галактической истории, а память Геи не простирается так далеко в прошлое.

— Но если роботы ушли...

— А вдруг некоторые остались? Вдруг я — одна из них? Вдруг мне пятнадцать тысяч лет? Тревайз так думает.

Пелорат обескураженно покачал головой:

— Но ведь это не так.

— А ты в этом уверен?

— Конечно, уверен. Ты не робот.

— Откуда ты знаешь?

— Блисс, я знаю. В тебе нет ничего искусственного. Если уж я не знаю ничего такого, то и никто не знает.

— Но разве не может быть так, что абсолютно во всем, от общего облика до мельчайших подробностей, я неотличима от настоящего человека? Если я такова, как ты сможешь найти различие между мной и настоящим человеком?

— Не думаю, чтобы ты могла быть столь мастерски изготовлена.

— Ну, а если это *было* возможно, несмотря на то что ты думаешь?

— Я просто не могу поверить.

— Тогда посмотри на это как на гипотезу. Если бы я была неотличимым от человека роботом, как бы ты к этому отнесся?

— Ну, я... я...

— Ну, еще точнее. Допустим, занимался любовью с роботом? Что скажешь?

Пелорат неожиданно щелкнул пальцами.

— А знаешь, есть такие легенды — о женщине, влюбившейся в искусственного мужчину, и... и наоборот. Я-то думал, что это всего лишь аллегория, и никогда не мог вообразить, что эти истории могут иметь отношение к правде. Ни Голан, ни я даже не слышали слова «робот» до тех пор, пока не оказались на Сейшелле, но теперь я понимаю, что упоминаемые в легендах искусственные мужчина и женщина наверняка и были роботами. По-видимому, такие роботы действительно существовали в древние времена. Это означает, что отношение к таким легендам как к вымыслу должно быть пересмотрено...

Он внезапно умолк и, когда Блисс резко хлопнула в ладоши, испуганно вздрогнул.

— Пел, дорогой, ты углубился в мифологию, чтобы уйти от ответа. Я повторяю: как бы ты отнесся к тому, чтобы заниматься любовью с роботом?

Пелорат обескураженно посмотрел на нее.

— Совсем-совсем неотличимым роботом? Таким, что похож на человека как две капли воды?

— Да.

— Ну... тогда я скажу так: робот, который неотличим от человека, является человеком. Если бы ты даже и была таким роботом, для меня ты все равно останешься человеком.

— Именно это я и хотела от тебя услышать, Пел.

Пелорат немного помолчал и спросил:

— Ну, а теперь, дорогая, может быть, ты скажешь, что ты — настоящий человек и мне не нужно решать эту гипотетическую проблему?

— Нет. Не скажу. Ты определил настоящего человека как объект, имеющий все свойства человеческого существа. Если тебя устраивает то, что я обладаю всеми этими свойствами, тогда дискуссия окончена. Мы пришли к рабочему определению и не нуждаемся в ином. Кроме всего прочего, как я могу узнать, что ты, например, не робот, которому посчастливилось оказаться неотличимым от человека?

— Но я же сказал тебе, что я не робот.

— О, но если бы ты был таким роботом, то мог бы быть устроен так, чтобы утверждать, будто ты — настоящий человек, и мог бы даже быть запрограммирован на веру в это утверждение. Рабочее определение — вот все, что у нас есть, и все, что у нас *может* быть.

Она обвила шею Пелората руками и поцеловала его. Поцелуй становился все более страстным и продолжался, пока Пелорат не оторвался от губ Блисс и не сказал вполголоса:

— Мы обещали Тревайзу не смущать его, превращая полет в свадебное путешествие.

— Давай не будем думать об этих обещаниях, — умоляюще проговорила Блисс.

— Не могу, дорогая, — покачал головой Пелорат. — Знаю, это обидит тебя, Блисс, но я все время думаю... Словом, я не могу позволить эмоциям захватить меня целиком. Эта черта характера развивалась во мне всю мою жизнь и, вероятно, досаждает окружающим. Я никогда не жил бы с женщиной, которая бы начинала возражать против этого рано или поздно. Моя первая жена... но я полагаю, что это не совсем подходящая тема для разговора...

— Да, не очень-то, но... Впрочем, ты не первый мой любовник.

— О! — сказал Пелорат в замешательстве, но затем, заметив добрую улыбку Блисс, продолжил: — Я хочу сказать, что все понимаю. Конечно, нет. Я даже не задумывался, какой я у тебя по счету. Все равно моя первая жена этого терпеть не могла.

— А я — наоборот. Ты мне очень нравишься такой... задумчивый.

— Не могу поверить. Но я о другом. Робот или человек — неважно. Тут мы согласны. Однако я изолят, и ты знаешь это. Я не часть Геи, и, когда мы ласкаем друг друга, ты разделяешь чувства с не-Геей. Даже когда ты позволяешь мне стать частью Геи на краткий миг, это не могут быть столь же сильные эмоции, какие ты испытываешь, когда Гея любит Гею.

— Любить тебя, Пел, — в этом есть своя прелесть. Я не заглядываю дальше в будущее.

— Но это ведь не только твое дело, что ты любишь меня. Ты — это не только ты. Что, если Гея сочтет подобное поведение извращением?

— Если бы дело обстояло так, я бы знала: ведь я — Гея. А так как мне приятно быть с тобой, Гее это тоже приятно. Когда мы занимаемся любовью, вся Гея разделяет мои ощущения в той или иной степени. Когда я говорю, что я люблю тебя, это означает, что Гея любит тебя, хотя только одна ее часть, которую я собой представляю, принимает в этом непосредственное участие. Ты смущен?

— Я изолят, Блисс, и не совсем улавливаю смысл всего этого.

— Можно представить это в виде аналогии с телом изолята. Когда ты насвистываешь мелодию, все твое тело, весь твой организм хотел бы свистеть, но непосредственная задача производить звуки доверена твоим губам, языку и легким. Твой правый большой палец в этом не участвует, верно?

— Он может отстукивать ритм.

— Но это не нужно для свиста. Отстукивание ритма — не само действие, но отклик на действие, и, наверное, все части Геи могут откликнуться так или иначе на мои эмоции, как я откликаюсь на твои.

— Значит, мне не стоит мучиться и смущаться?

— Конечно, нет.

— Но у меня все равно какое-то странное чувство ответственности. Когда я пытаюсь доставить тебе счастье, то, оказывается, должен осчастливить распоследний организм на Гее.

— Распоследний атом, если точнее, но ты так и делаешь. Ты добавляешь к чувству общей радости то, что я позволяю тебе ненадолго разделить со мной. Я полагаю, твой вклад слишком мал, для того чтобы его легко было измерить, но он есть, и знание этого должно усилить твою радость.

— Эх, знать бы наверняка, что Голан погружен в маневрирование в гиперпространстве и еще в рубке.

— Хочешь устроить медовый месяц?

— Верно.

— Тогда возьми лист бумаги и напиши: «Медовый месяц, не беспокоить!» Прикрепи его снаружи на двери, и если он захочет войти, то это его проблема.

Пелорат так и сделал, и все дальнейшее происходило уже во время совершения Прыжка. Но ни Пелорат, ни Блисс не заметили при этом ничего необычного, да и не смогли бы заметить, даже если бы и очень старались.

10

Всего лишь несколько месяцев прошло с того времени, когда Пелорат познакомился с Тревайзом и впервые в жизни покинул Терминус. До той поры, больше пятидесяти лет (галактических стандартных лет), он не расставался с родной планетой.

Думая о себе, он считал, что стал за эти месяцы старым космическим волком. Он повидал из космоса уже три планеты: сам Терминус, Сейшелл и Гею. А сейчас на обзорном экране он видел четвертую, правда, пока через компьютерную телескопическую установку. Этой планетой был Компореллон.

И вновь, уже в четвертый раз, Дженов был немного разочарован. Несмотря ни на что, он все еще ожидал, что, глядя на обитаемую планету из космоса, можно увидеть очертания ее континентов, окруженных морем, или, если это относительно безводная планета, очертания ее озер, окруженных сушей.

И никогда не видел ничего подобного.

Если планета была обитаема, она имела как атмосферу, так и гидросферу, а если там были вода и воздух — были и облака, заслонявшие обзор. И теперь Пелорат, глядя вниз, наблюдал лишь белые клочья туч с бледно-голубыми или ржаво-коричневыми проблесками.

Он удивлялся, как можно идентифицировать планету, на-

блюдая ее с расстояния в триста тысяч километров. Как можно отличить одно скопление облаков от другого?

Блисс взглянула на Пелората с некоторым недоумением:

— Что с тобой, Пел? У тебя такой огорченный вид.

— Думаю о том, что все планеты из космоса выглядят одинаково.

— Что ж из того, Дженов? — спросил Тревайз. — Любые побережья на Терминусе выглядят совершенно одинаково, пока они едва видны на горизонте, до тех пор пока ты не отыщешь какую-нибудь необычную горную вершину или прибрежный островок характерной формы.

— Наверное, — с явным неудовлетворением проговорил Пелорат, — но что можно высмотреть в массе несущихся облаков? И даже если попытаешься, то, прежде чем сможешь что-то разглядеть, наверняка уже окажешься над ночной стороной.

— А ты приглядись получше, Дженов. Если рассмотришь внимательно облачный покров, то увидишь, что облака стремятся сложиться в узор, покрывающий всю планету, и этот узор движется вокруг центра. А центр находится, как правило, поблизости от одного из полюсов.

— Какого из них? — с интересом спросила Блисс.

— Так как, с нашей точки зрения, планета вращается по часовой стрелке, мы смотрим, по определению, на южный полюс. Центр здесь смещен примерно на пятнадцать градусов от терминатора — планетарной линии тени, — и ось вращения планеты наклонена на двадцать один градус от перпендикуляра к плоскости вращения, значит, мы либо в середине весны, либо в середине лета. Компьютер может вычислить орбиту и сообщить мне краткие данные, если я попрошу его. Столица находится в северном полушарии, так что там середина осени или зимы.

Пелорат нахмурился.

— Ты можешь определить все это?

Он смотрел на слой облаков, словно ожидая, что они могут поведать нечто подобное и ему, но этого, конечно, не произошло.

— Да, и не только это, — кивнул Тревайз. — Если посмотришь на полярные области, то увидишь, что здесь нет разрывов в облачном слое, в отличие от областей, удаленных от полюсов. На самом деле здесь заметны разрывы, но сквозь них ты видишь лед, то есть белое на белом.

— О! — воскликнул Пелорат. — А я думал, так должно быть только на полюсах.

— На обитаемых планетах, безусловно. Безжизненные планеты могут быть безвоздушными или безводными, а могут иметь характерные признаки, указывающие, что их облака состоят не из водяного пара, а лед состоит не из воды. На этой планете такие признаки отсутствуют, так что мы можем быть уверены, что здешние облака насыщены водой и лед состоит из нее. Кроме того, можно отметить размер области сплошной белизны на дневной стороне терминатора, и наметанный глаз определит, что она больше средней. Затем можно различить явственный оранжевый отблеск (хотя и довольно слабый) отраженного света, и это означает, что солнце Компореллона существенно холоднее солнца Терминуса. Хотя Компореллон ближе к своей звезде, чем Терминус к своей, но близок не настолько, чтобы компенсировать ее более низкую температуру. Следовательно, Компореллон — холодный мир, хотя и обитаемый.

— Ты, дружочек, читаешь планету как книгу! — восхищенно проговорил Пелорат.

— Не обольщайся, — улыбнулся Тревайз. — Компьютер выдает мне запрошенные статистические данные о планете, включая и сведения о немного пониженной средней температуре. А из этого легко вывести остальные параметры. Фактически Компореллон находится в преддверии ледникового периода и уже переживал бы его, если бы конфигурация его континентов более соответствовала этим условиям.

Блисс прикусила губу.

— Мне не нравятся холодные планеты.

— У нас есть теплая одежда, — ответил Тревайз.

— Это не имеет значения. Люди по своей природе не адаптированы к холодной погоде. У нас нет ни теплой шкуры, ни перьев, ни подкожного жира. Холодные планеты, видимо, совершенно равнодушны к благополучию своих составных частей.

— Разве Гея однородно теплый мир?

— По большей части, да. Там есть холодные области для холодолюбивых растений и животных, есть жаркие — для теплолюбивых, но большая ее часть — теплая, где никогда не бывает чрезмерно жарко или холодно, — там живут все остальные, включая людей.

— Ну да, включая людей. Все части Геи равны, но некоторые, вроде людей, видимо, более равны, чем другие.

— Не язви. Это глупо, — сердито сказала Блисс. — Важны только уровень и мощность сознания и разума. Человек — более полезная часть Геи, чем камень той же массы; и свойства, и функции Геи как целого, естественно, смещены в направлении удовлетворения потребностей людей, но не настолько, однако, как на планетах, где обитают изоляты. Более того, бывают периоды, когда функции смещены в другую сторону — когда это необходимо Гее в целом. Не исключено их смещение на длительный период в сторону удовлетворения потребностей горных массивов. Иначе, в случае пренебрежения их потребностями, все части Геи могут пострадать. Нам ведь ни к чему неожиданные извержения вулкана, не правда ли?

— Нет, — согласился Тревайз, — и ожидаемые тоже, на мой взгляд.

— Я тебя не убедила, похоже?

— Пойми, — сказал Тревайз. — У нас есть планеты холоднее среднего и теплее; планеты, где широко раскинулись тропические леса; планеты — сплошные саванны. Нет двух одинаковых, но каждая из них — дом для тех, кто там живет. Я привык к относительной теплоте Терминуса — мы укротили его погоду почти так же, как вы на Гее, но мне нравится время от времени менять обстановку. Что у нас есть, Блисс, и чего нет у Геи — это разнообразие. Если Гея разрастется до Галаксии, не будет ли каждый мир превращен в теплицу? Однообразие может стать поистине непереносимым.

— Если случится такое и если кто-то пожелает разнообразия, оно может быть запрограммировано.

— В качестве подарочка от мозгового центра, так сказать? — ехидно спросил Тревайз. — И ровно столько, чтобы не подумали отделиться? Уж лучше оставить все как было.

— Но ведь вы сами не оставляете все как было? Каждая обитаемая планета в Галактике подверглась переделке. До колонизации все они были в первозданном состоянии, которое не устраивало людей, и в итоге все планеты переделывали под себя, на свой вкус. Если этот мир холоден, то лишь потому, уверена, что его обитатели не могут согреть его сильнее без больших, непомерных затрат. И даже если так, значит, те области, которые заселены, наверняка искусственно подогреваются в холодные периоды. Так что не стоит восхвалять свои добродетели, говоря о сохранении первозданности миров.

— Ты говоришь от имени Геи, я полагаю.

— Я всегда говорю от имени Геи. Я — Гея.

— Тогда, раз Гея так уверена в своем совершенстве, на что вам сдалось мое решение? Почему вы не можете обойтись без меня?

Блисс помолчала, словно собираясь с мыслями. Затем сказала:

— Потому что глупо и безрассудно чрезмерно доверять самим себе. Мы, конечно, видим свои добродетели более ясно, чем пороки. Мы думаем о том, верно ли то, что мы делаем. Не то, что кажется нам правильным, а то, что объективно правильно, если такое понятие, как объективная истина, существует. Ты оказался наилучшим проводником к объективной истине, какого мы смогли найти. Так что ты указываешь нам путь.

— Объективная истина в том, — печально сказал Тревайз, — что я сам не понимаю сути своего решения и ищу ему оправдание.

— Ты найдешь его.

— Надеюсь.

— Знаешь, дружочек, — вставил Пелорат, — мне кажется, что в последнем споре выиграла Блисс. Почему бы тебе не признаться в том, что ее аргументы оправдывают твое решение: Гея — будущее человечества?

— Потому что, — резко сказал Тревайз, — я понятия не имел об этих аргументах в то время, когда принимал решение. Я не знал ничего такого о Гее. Что-то еще влияло на меня, по крайней мере, подсознательно, что-то, что не зависело от знаний о Гее. Должно было быть что-то гораздо более важное. Именно это я должен отыскать и понять.

— Не горячись, Голан, — успокаивающе поднял руку Пелорат.

— Я не горячусь. Я просто вне себя. Я не желаю взваливать на себя всю Галактику.

— Я не виню тебя за это, Тревайз, — сказала Блисс, — но и я не виновата, что у тебя такой характер. Когда мы сможем опуститься на Компореллон?

— Через три дня, — ответил Тревайз, — и только после стоянки на одной из орбитальных станций.

— С этим не будет никаких проблем? — спросил Пелорат.

Тревайз пожал плечами.

— Это зависит от количества кораблей, прибывающих на планету, числа орбитальных станций приема, а главным обра-

зом, от особенностей правил, регламентирующих доступ в этот мир. Может, сюда вообще запрещено приземляться.

— То есть как это? — негодующе спросил Пелорат. — Как они могут не пустить к себе граждан Академии? Разве Компореллон не доминион Академии?

— И да, и нет. Это деликатный правовой вопрос, и я точно не знаю, как Компореллон интерпретирует его. Не исключена такая возможность, что посадка будет нам запрещена, но вряд ли.

— А если запретят, что будем делать?

— Что толку гадать, — пожал плечами Тревайз. — Подождем, поглядим. Не стоит ломать голову и строить поспешные планы.

11

Теперь они находились достаточно близко от Компореллона, и планета была видна без телескопического увеличения. Однако, когда такое увеличение включили, стали видны орбитальные станции. Они располагались на большем удалении от планеты, чем другие орбитальные объекты, и были хорошо освещены.

Подлетая к Компореллону, подобно «Далекой звезде», со стороны южного полюса планеты можно было заметить, что половина этих станций постоянно освещена солнцем. Орбитальные станции на ночной стороне были видны, естественно, более отчетливо — вспышки света, равномерно расположенные по дуге вокруг планеты. Шесть из них были ясно различимы (остальные шесть находились с дневной стороны) и все кружили вокруг планеты с одинаковой скоростью.

— А другие огоньки, ближе к планете? Что это? — спросил Пелорат, испытывая нечто вроде благоговения при виде такого зрелища.

— Я не так хорошо знаю эту планету, так что не могу поручиться за точность, — сказал Тревайз. — Может быть, это орбитальные заводы, лаборатории, обсерватории или даже обитаемые города-спутники. Некоторые планеты предпочитают держать все орбитальные объекты на теневой стороне, за исключением станций. Как на Терминусе, к примеру. Компореллон, очевидно, придерживается более свободных принципов.

— А к какой станции мы направимся, Голан?

— Это зависит от хозяев. Я послал запрос о посадке на Компореллон, и мы, вероятно, вскоре получим указания, к какой

станции нам лететь и когда. Многое зависит от того, сколько прибывших кораблей хотят в данный момент приземлиться. Если к каждой станции стоит в очередь дюжина кораблей, у нас нет другого выбора, кроме как терпеть и ждать.

— Раньше я всего дважды удалялась на расстояние Прыжка от Геи, и оба раза вблизи Сейшелла. Но так далеко никогда не бывала, — проговорила Блисс.

Тревайз пристально посмотрел на нее.

— Это имеет значение? Ты все еще Гея, не так ли?

На мгновение Блисс нахмурилась, но затем немного смущенно улыбнулась.

— Сейчас ты подловил меня, Тревайз, что да, то да. У слова «Гея» — двойное значение. Оно может быть использовано для обозначения планеты как твердого сферического объекта в космосе. Также можно использовать его и для обозначения живого объекта, входящего частью в эту сферу. Честно говоря, мы вынуждены пользоваться одним словом для этих двух различных понятий, но геянцы обычно понимают из контекста, о чем речь. Я вполне допускаю, что временами изоляты могут быть озадачены из-за таких разночтений.

— Ну, в таком случае, поставим вопрос так, — сказал Тревайз, — сейчас ты находишься в тысячах парсеков от Геи как сферы; остаешься ли ты при этом все еще частью планетарного организма Геи?

— Если речь об организме, я все еще Гея.

— Без ослабления связи с ней?

— Без особо существенного. Я ведь уже говорила тебе: существует некоторая сложность в том, чтобы оставаться Геей, поддерживая связь с ней через гиперпространство; но я остаюсь ею.

— А тебе не приходило в голову, — спросил Тревайз, — что Гею можно представить в виде Галактического Кракена — мифического монстра, чьи длинные щупальца раскинуты во все стороны? Вам вполне достаточно лишь заслать по нескольку геянцев на каждую из населенных планет — вот вам Галаксия, и притом прямо сейчас. Собственно говоря, вы скорее всего этим не брезгуете. Куда уже засланы геянцы? Наверняка пара-тройка есть на Терминусе и на Тренторе не меньше. Как далеко это зашло?

Блисс явно чувствовала себя неловко.

— Я сказала, что не могу лгать тебе, Тревайз, но это не значит, что я чувствую себя обязанной выкладывать всю правду.

Есть вещи, которые тебе знать ни к чему. В том числе — местонахождение и приметы отдельных представителей Геи.

— Могу я хотя бы узнать, зачем они нужны, эти щупальца, Блисс, не зная, куда они тянутся?

— По мнению Геи, ты не должен этого знать.

— Не должен знать! Ну-ну. Догадаться нетрудно. Вы небось считаете себя хранителями Галактики?

— Мы заботимся о покое и безопасности Галактики, Галактики мирной и процветающей. План, разработанный Гэри Селдоном, предназначен для создания Второй Галактической Империи, более устойчивой и жизнеспособной, чем Первая. План, постоянно совершенствуемый Второй Академией, неплохо работает до сих пор.

— Но если откровенно, Гея не стремится к созданию Второй Галактической Империи, верно? Вы хотите создать Галаксию — живую Галактику.

— *Если ты согласишься на это, мы надеемся* со временем создать Галаксию. Если ты откажешься, мы поможем созданию Второй Галактической Империи, Империи Селдона, и обеспечим ее безопасность насколько сумеем.

— Но что плохого... — Тут до слуха Тревайза донеслась тихая трель сигнала. — Компьютер зовет, — объяснил Тревайз. — Скорее всего получены указания насчет подлета к станции. Я быстренько.

Голан вошел в рубку, положил ладони на контуры на пульте и обнаружил, что и *в самом деле* направление на определенную орбитальную станцию получено. Тревайз начал сближение по предписанной траектории подлета.

Подтвердив получение сообщения, Тревайз откинулся на спинку кресла и задумался.

План Селдона! Он так давно не думал о нем... Первая Галактическая Империя распалась, за пятьсот лет выросла и развилась Академия, сперва — в состязании с Империей, потом — на ее руинах, и все в соответствии с Планом.

Произошла, правда, заминка из-за Мула, который грозил разбить План вдребезги, но Академия одолела и его — не исключено, что с помощью вечно потаенной Второй Академии, а может, и с помощью еще более потаенной Геи.

Теперь Плану грозило нечто пострашнее Мула. История отклонялась от обновления Империи к чему-то совершенно непо-

хожему на все известное ранее — Галаксии. И он сам согласился на это.

Но почему? Был ли в Плане изъян? В самых его основах?

На один-единственный, молнией промелькнувший момент Тревайзу показалось, что этот изъян действительно существует, что он знает, в чем этот изъян, знал, когда принимал решение, — но знание... или иллюзия его... исчезло так же быстро, как и пришло, и оставило наедине с пустотой.

Возможно, все это всегда было только иллюзией; и тогда, когда он принял решение, и сейчас. Ведь, честно говоря, он не знал почти ничего о Плане, не считая основных положений, которые стали краеугольными камнями психоистории. Подробности ему были неведомы, не говоря уже о математических тонкостях.

Он закрыл глаза и сосредоточился.

Ничего не вышло.

Может, компьютер поможет? Тревайз положил руки на пульт и ощутил тепло от соприкосновения с компьютером. Он закрыл глаза и снова сосредоточился.

И снова ничего не вышло.

12

Компореллонец, прибывший на борт корабля, предъявил голографическую идентификационную карточку. На ней его округлое, с короткой бородкой лицо было передано с потрясающей точностью. Внизу стояло имя: А. Кендрей.

Он был невысокого роста. Вся фигура у него была такая же округлая, как физиономия. Глаза его глядели весело, вел он себя обходительно, а корабль осматривал с нескрываемым удивлением.

— Как это вам удалось так быстро снизиться? Мы ожидали вас не раньше, чем через два часа.

— Корабль новой модели, — дипломатично ответил Тревайз.

Однако Кендрей только с виду казался невежественным юнцом. Войдя в рубку, он поинтересовался:

— Гравитационный?

Тревайз не видел смысла отнекиваться и небрежно кивнул:

— Да.

— Очень интересно. Слышать слышали, а видеть как-то не доводилось. Двигатели в обшивке?

— Попали в точку.

Кендрей взглянул на компьютер.

— Системы компьютера тоже?

— Да. По крайней мере, мне так говорили. Сам я их никогда не видел.

— Ну да. Будьте добры, я должен взглянуть на судовую документацию: номера двигателей, место производства, идентификационный код и все такое прочее. Уверен — у вас загнано все это в компьютер. Чистая формальность, на полсекунды.

Но процедура заняла гораздо больше времени. Кендрей оглянулся и спросил:

— На борту три человека?

— Да.

— Какие-нибудь животные? Растения? Состояние здоровья?

— Нет. Нет. Хорошее, — отчетливо отвечал Тревайз.

— Угу, — сказал Кендрей, делая пометки. — Не будете ли вы столь любезны приложить сюда вашу руку? Чистая формальность. Правую руку, пожалуйста.

Тревайз взглянул на прибор без особой радости. Он использовался все более и более широко и быстро совершенствовался. Об отсталости планеты можно было теперь запросто судить по качеству микродетектора. В нескольких новых мирах, совсем отсталых, их вообще не имели. Начало этому было положено во времена окончательного распада Империи, когда каждый ее осколок стал проявлять все более растущую озабоченность в самозащите от инфекций и чуждых микроорганизмов.

— Что это? — *тихо, но с любопытством спросила* Блисс, наклонившись над прибором и оглядев его со всех сторон.

— Микродетектор, — сказал Пелорат, — наверное, так он называется.

— Ничего загадочного, — добавил Тревайз. — Он автоматически проверяет кусочек вашего тела, изнутри и снаружи, на присутствие микроорганизмов, способных вызывать болезни.

— Он способен также классифицировать микроорганизмы, — уточнил Кендрей с нескрываемой гордостью. — Он разработан здесь, на Компореллоне. Если вы не против, я все еще в ожидании.

Тревайз протянул правую руку и стал смотреть, как серия маленьких красных точек затанцевала вдоль ряда горизонтальных линий. Кендрей прикоснулся к кнопке, из прибора выпала цветная копия этой картинки.

— Будьте добры подписать здесь, сэр, — сказал он.

Тревайз подписал.

— Ну как? — спросил он. — Надеюсь, я не слишком опасен?

— Я не физиолог, так что не могу сказать точно, но отметок, при наличии которых вы должны быть отправлены назад или поставлены на карантин, я не вижу. Это все, что меня интересовало.

— Просто подарок судьбы, — сухо сказал Тревайз, тряхнув затекшей рукой.

— Теперь вы, сэр.

Пелорат сунул руку в щель детектора немного боязливо, а затем подписал копию.

— Вы, мэм?

Спустя мгновение Кендрей, глядя на результат, ошеломленно проговорил:

— Никогда не видел ничего подобного... — Он восхищенно взглянул на Блисс. — Все анализы отрицательны! Все до одного!

Блисс очаровательно улыбнулась:

— Как замечательно!

— Да, мэм. Я завидую вам. — Он снова взглянул на первую копию. — Вашу идентификационную карточку, мистер Тревайз.

Тревайз протянул ему карточку. Кендрей заглянул в нее и удивленно посмотрел на Тревайза:

— Советник Магистратуры Терминуса?

— Совершенно верно.

— Высокопоставленный чиновник Академии?

— Совершенно верно, — холодно сказал Тревайз. — Если позволите, давайте побыстрее закончим.

— Вы капитан корабля?

— Да, я.

— Цель визита?

— Безопасность Академии — вот все, что я могу вам ответить. Надеюсь, это ясно.

— Да, сэр. Как долго вы намерены здесь пробыть?

— Не знаю. Возможно, неделю.

— Очень хорошо, сэр. А другой джентльмен?

— Это доктор Дженов Пелорат. У вас есть его подпись, и я ручаюсь за него. Он ученый с Терминуса и мой помощник в том деле, ради которого я здесь.

— Я понимаю, сэр, но я должен посмотреть его идентификационную карточку. Закон есть закон, увы. Надеюсь, вы меня понимаете, сэр.

Пелорат протянул свой документ.

Кендрей кивнул.

— А вы, мисс?

Тревайз сказал тихо:

— Нет нужды беспокоить леди. Я ручаюсь и за нее тоже.

— Да, сэр, но мне нужна идентификационная карточка.

— Я сожалею, но у меня нет никаких документов, сэр, — сказала Блисс.

Кендрей нахмурился:

— Прошу прощения!

— Эта юная леди не успела ничего взять с собой. По оплошности. С ней все в порядке. Тут я несу полную ответственность.

— Я хотел бы позволить вам это, но не могу. Ответственность здесь несу я. Но это не так уж важно. Получить дубликат несложно. Юная мисс, я полагаю, с Терминуса?

— Нет.

— Но хотя бы с территории Академии?

— Нет.

Кендрей пристально посмотрел на Блисс, затем на Тревайза.

— Это усложняет дело, Советник. Получение дубликатов с планеты, не входящей в пределы владений Академии, потребует дополнительного времени. Мисс Блисс, назовите планету, откуда вы родом, и мир, гражданкой которого вы являетесь. Затем придется ждать получения дубликата идентификационной карточки.

— Погодите, мистер Кендрей, — сказал Тревайз. — Я не вижу причин для задержки. Я высокопоставленный чиновник Академии и здесь с миссией огромной важности. Меня не должна задерживать бумажная рутина.

— Я не виноват, Советник. Если бы это зависело от меня, я позволил бы вам опуститься на Компореллон прямо сейчас, но надо мной висит толстенный свод правил. Я должен поступать согласно этому своду, или он обрушится на меня. Наверное, на Компореллоне вас ожидает важная персона. Если вы скажете мне, кто это, я свяжусь с этим человеком, и если мне прикажут пропустить вас, я так и сделаю.

Тревайз мгновение помедлил.

— Это будет недипломатично, мистер Кендрей. Могу я поговорить с вашим непосредственным начальником?

— Конечно, можете, но вряд ли вам удастся увидеться с ним немедленно.

— Я уверен, что он придет сразу же, когда поймет, что будет говорить с чиновником из Академии.

— Пожалуй, — сказал Кендрей, — но, между нами говоря, это только ухудшит положение дел. Мы не часть территории метрополии Академии, как вам должно быть известно. Мы присоединились к ней как союзная планета и воспринимаем это исключительно серьезно. Люди беспокоятся, как бы Компореллону не превратиться в марионетку Академии — так у нас говорят, уж вы простите, и демонстративно выдерживают дистанцию между Компореллоном и Академией, выказывая свою независимость. Мой начальник заработает в глазах планеты больше очков, если воспротивится предоставлению особых привилегий чиновнику из Академии.

Тревайз помрачнел:

— И вы тоже?

Кендрей покачал головой:

— Я вне политики, сэр. Никто ни за что мне никаких очков не начислит. Я буду счастлив, если мне хотя бы выплатят жалованье. Получить я ничего не получу, а вот разжаловать могут, и очень даже просто.

— Но, учитывая мой пост, я смог бы позаботиться о вас.

— Нет, сэр. Извините, если это звучит дерзко, но я не думаю, что вам это под силу. И еще, сэр, мне даже неловко говорить, только, пожалуйста, не предлагайте мне ничего ценного. Известны примеры, когда наши чиновники принимали подобные предложения, а когда все это раскрывалось, им не поздоровилось.

— Я и не думал давать вам взятку. Я только представил, что мэр Терминуса может сделать с вами, если вы помешаете моей миссии.

— Советник, я в совершенной безопасности до тех пор, пока мне порукой свод правил. Если члены Президиума Компореллона получат какой-либо выговор от Академии, это их забота, а не моя. Единственное, чем могу помочь, сэр, так это пропустить на корабле вас и доктора Пелората. Если вы оставите мисс Блисс на орбитальной станции, мы задержим ее здесь ненадолго и отправим на Компореллон, как только прибудет дубликат ее бумаг. Если ее документы по какой-либо причине не прибудут, мы будем вынуждены отправить ее назад, на ее планету, с торговым кораблем. Боюсь, впрочем, что в этом случае кому-нибудь придется оплатить ей дорогу.

Тревайз заметил, как отреагировал на это заявление Пелорат, и сказал:

— Мистер Кендрей, могу я поговорить с вами с глазу на глаз в рубке?

— Хорошо, но я не могу слишком долго оставаться на борту, иначе это вызовет законное подозрение.

— Это совсем ненадолго, — заверил Тревайз.

Войдя в рубку, Тревайз демонстративно закрыл поплотнее дверь и проговорил вполголоса:

— Я бывал во многих местах, но нигде не встречал таких суровых требований по соблюдению выполнения мельчайших подробностей правил иммиграции, особенно для граждан Академии и ее чиновников.

— *Но юная леди не из Академии.*

— Ну и что?

— Порядок есть порядок. У нас, видите ли, вышло несколько крупных скандалов, и теперь все очень ужесточилось. Если вы вернетесь к нам через год, вы скорее всего не встретите никаких затруднений, но сейчас я ничего не могу поделать,

— Попытайтесь, мистер Кендрей, — сказал Тревайз, его голос стал гораздо мягче. — Я готов положиться на ваше милосердие. Давайте поговорим как мужчина с мужчиной. Пелорат и я выполняем эту миссию уже довольно давно. Он и я. Только он и я. Мы добрые друзья, но одиночество сказывается, если вы меня правильно понимаете. Не так давно Пелорат познакомился с этой миленькой леди. Не буду говорить вам, что и как произошло, но мы решили взять ее с собой. Общение с ней в известном смысле поддерживает наше здоровье. Вопрос, однако, в том, что Пелорат связан узами брака на Терминусе. Я свободен, но Пелорат старше и вошел в тот возраст, когда мужчин тянет на «подвиги». В такие лета стремятся вернуть назад молодость и все с ней связанное. Он не может ее бросить. В то же время, если она будет фигурировать официально, хорошенькая встреча ожидает старину Пелората, когда он вернется на Терминус. Никакого вреда от нее не будет, вы же понимаете. Мисс Блисс, как она себя называет, — славненькое имечко, учитывая ее профессию, — не блещет умом; мы не за это ее взяли с собой. Стоит ли вам вообще упоминать ее? Не могли бы вы внести в список только меня и Пелората? Первоначально ведь только мы в нем и значились, когда покидали Терминус. Не стоит официально включать в список женщину. Кроме всего прочего, она абсолютно стерильна. Вы сами это установили.

Лицо Кендрея приняло официальное выражение.

— Я на самом деле не хочу причинять вам неудобства. Я готов войти в ваше положение и, поверьте, сочувствую вам. Послушайте, если вы думаете, что нести месяцами вахту на этой треклятой станции — шуточное дело, то вы жестоко ошибаетесь. И дело тут не в воспитании, это же Компореллон. — Он покачал головой. — И у меня тоже есть жена, так что я понимаю. Но поймите и вы, даже если я пропущу вас, как только обнаружится, что — уфф! — леди без документов, ее арестуют, у вас и мистера Пелората будут неприятности и вы будете вынуждены вернуться на Терминус. А сам я, как пить дать, полечу с работы.

— Мистер Кендрей, — сказал Тревайз, — положитесь на меня. Как только я окажусь на Компореллоне, я буду в безопасности. Я смогу поговорить о моей миссии с нужными людьми, и, когда это будет сделано, неприятностей больше уже ни за что не возникнет. Я принимаю на себя полную ответственность за все, что произойдет, если произойдет, в чем я сильно сомневаюсь. Более того, я порекомендую повысить вас в должности, и вы обязательно получите повышение. Терминус всегда поддерживает нужных людей. А заодно дадим Пелорату поразвлечься.

Кендрей замялся, затем сказал:

— Ладно. Так и быть. Я пропущу вас, но предупреждаю: с этого момента я буду настаивать на своем алиби. Придется спасать свою шкуру, если все выплывет. Я пальцем не пошевелю, учтите, чтобы спасти ваши. Кроме того, я знаю, как обстоят дела на Компореллоне, а вы — нет; а Компореллон жесток с теми, кто преступил закон.

— Благодарю вас, мистер Кендрей, — сказал Тревайз. — Моя шкура примет огонь на себя. Будьте покойны.

Глава 4

НА КОМПОРЕЛЛОНЕ

13

Их пропустили. Орбитальная станция маленькой звездочкой растаяла позади. Через пару часов корабль должен был пройти сквозь облачный слой.

Гравитационному кораблю не было нужды гасить скорость на спиральной орбите, но все-таки он не мог сразу нырнуть

вниз. Свобода от гравитации — это одно, но сопротивление воздуха остается, и никуда от него не денешься. Корабль мог спускаться по прямой, соблюдая при этом определенную осторожность: этот маневр нельзя было осуществлять на слишком большой скорости.

— Где мы спустимся? — озабоченно спросил Пелорат. — Я не могу отличить сквозь облака одно место от другого.

— Я тоже, не переживай, — успокоил его Тревайз, — но у нас есть официальная голографическая карта Компореллона, на которой виден рельеф материков и океанского дна — и политическое деление, кстати, тоже. Карта занесена в память компьютера, и это позволит сохранить ориентацию. Он совместит узор материков и морей планеты с картой, правильно сориентирует корабль и доставит нас к столице по спиральной траектории.

— Если мы появимся в столице, то немедленно попадем в атмосферу политических интриг. Раз там так сильны антиакадемические настроения, как говорил таможенник, нас могут ждать *неприятности*.

— Верно, но столица — это интеллектуальный центр планеты, и нужную информацию мы найдем либо здесь, либо нигде. Даже если тут недолюбливают Академию, сомневаюсь, что они чересчур откровенно высказывают эту нелюбовь. Мэр не питает ко мне большой и светлой любви, но все равно не позволит пренебрежительно обращаться с Советником, возникновения прецедента не допустит.

Блисс вышла из туалета с влажными после мытья руками, оправила платье, нисколько не смущаясь от присутствия мужчин, и спросила:

— Надеюсь, экскременты включены в замкнутый цикл?

— Несомненно, — ответил Тревайз. — Как ты думаешь, надолго ли хватило бы нам запаса воды без переработки экскрементов? На чем, по-твоему, растут эти изысканно приправленные дрожжевые брикеты, которые мы едим, чтобы добавить пикантности нашим замороженным продуктам? Я не испортил тебе аппетит, Блисс?

— Вовсе нет. Откуда, по-твоему, пища и вода появляются на Гее? Или на этой планете? Или на Терминусе?

— Ну, на Гее, конечно, — хмыкнул Тревайз, — экскременты такие же живые, как и вы.

— Не живые. Обладающие сознанием. В этом вся разница. Уровень сознания, естественно, очень низкий.

Тревайз брезгливо фыркнул, но ничего не ответил. Он только сказал:

— Я иду в рубку составить компанию компьютеру. Хотя он, честно говоря, в ней не нуждается.

— Можем мы присоединиться к компании, которая ему не нужна? — спросил Пелорат. — Я не могу успокоиться и окончательно поверить, что компьютер может доставить нас вниз самостоятельно, что он способен чувствовать близость других судов, приближение шторма или что там еще.

Тревайз широко улыбнулся.

— Зря сомневаешься. Компьютер управляет кораблем намного лучше меня. Ладно, пошли. Пожалуй, вам стоит посмотреть.

Они находились над солнечной стороной планеты; как объяснил Тревайз, карта в компьютере легче совмещается с реальным рельефом при солнечном свете, чем в темноте.

— Это очевидно, — сказал Пелорат.

— Не так уж и очевидно. Компьютер почти столь же быстро может сканировать местность и в инфракрасном свете, который поверхность излучает даже в темноте. Однако большая длина волн инфракрасного диапазона не позволяет компьютеру добиться такого же разрешения, как в диапазоне видимого света. Это означает, что компьютер не может видеть так же отчетливо в инфракрасных лучах, и, когда это не сверхнужно, я предпочитаю облегчить ему работу.

— А что, если столица на ночной стороне?

— Шансы примерно равные, — сказал Тревайз, — но если и так, то, как только карта будет совмещена с поверхностью при дневном свете, мы сможем совершенно уверенно спуститься к столице даже в полной темноте. И задолго до того, как мы к ней приблизимся, нас перехватят микроволновые лучи и сориентируют на наиболее удобный космопорт. Беспокоиться совершенно не о чем.

— Ты уверен? — спросила Блисс. — Ведь я без документов. Я обязана, как меня проинструктировали, ни в коем случае нигде не упоминать Гею. И что же мы будем делать, если у меня попросят документы, как только мы ступим на поверхность?

— Этого не должно случиться, — сказал Тревайз. — Все будут думать, что проверку мы прошли на орбитальной станции.

— А если все-таки потребуют?

— Будет день — будет пища. А пока и гадать не стоит.

— Знаешь, когда мы столкнемся лицом к лицу с трудностями, может оказаться слишком поздно.

— Я полагаюсь на мою изобретательность.

— Кстати, об изобретательности. Как ты ухитрился протащить нас через орбитальную станцию?

Тревайз взглянул на Блисс, и его губы медленно расплылись в загадочной улыбке, он стал похож на проказливого ребенка.

— Ум, ребята, с которым у меня все в порядке.

— Чем ты взял, дружочек? — спросил Пелорат.

— Все дело было в том, чтобы представить таможеннику ситуацию в нужном свете. Пытался запугать поначалу, сулил взятку. Я апеллировал к его разуму, лояльности к Академии. Ничего не вышло, и пришлось выложить последний козырь. Я сказал, что мы все дружно обманываем твою жену, Пелорат.

— Мою жену? Но, дружочек дорогой, у меня нет сейчас никакой жены.

— Я-то знаю, а он — нет.

— Под женой, я полагаю, вы подразумеваете некую женщину, которая является единичной, постоянной партнершей мужчины? — спросила Блисс.

— Поднимай выше, Блисс, — ответил Тревайз. — Постоянной партнершей с преимущественными правами, вытекающими из этого партнерства.

— Блисс, у меня *действительно* нет никакой жены, — занервничал Пелорат. — Раньше была, но теперь нет, притом довольно давно. Если ты желаешь совершить законный ритуал...

— О, Пел, — сказала Блисс и словно отмахнулась от чего-то, — зачем мне это? У меня неисчислимое множество партнеров, так же близких мне, как одна твоя рука близка другой. Это только изоляты чувствуют себя настолько отчужденными, что нуждаются в заключении искусственных договоренностей в целях иллюзорной замены истинного чувства партнерства.

— Но я изолят, Блисс, дорогая.

— Ты можешь со временем стать меньшим изолятом, чем теперь, Пел. Возможно, ты никогда не вольешься до конца в Гею, но уже и не будешь в полном смысле слова изолятом. Ты поймешь это, когда ощутишь заливающий тебя поток любви.

— Мне нужна только ты, Блисс.

— Это потому, что ты ничего об этом не знаешь. Но ты сможешь узнать.

Тревайз во время этого диалога не спускал сосредоточенного

нетерпеливого взгляда с обзорного экрана. Облачное покрывало приближалось, и спустя мгновение все поле зрения окутал густой серый туман.

«Микроволновый диапазон», — мысленно скомандовал он, и компьютер немедленно переключился на распознавание отраженных сигналов радара. Облака вскоре исчезли, и на экране появилась поверхность Компореллона, окрашенная в разные цвета. Границы между областями с различной поверхностью слегка расплывались и подрагивали.

— Так и будет? — с некоторым разочарованием спросила Блисс.

— Да, пока не опустимся ниже облаков. А потом снова увидим все при солнечном свете.

И стоило ему только это сказать, как засияло солнце и нормальная видимость восстановилась.

— Понятно, — сказала Блисс, глядя на экран. Потом, повернувшись к Тревайзу, продолжила: — Зато непонятно другое. Почему для таможенника с орбитальной станции было так важно, обманывает ли Пел свою жену?

— А я сказал тому парню, Кендрею, что, если он отправит тебя назад, этот слух долетит до Терминуса и, естественно, до жены Пелората. Пелорат вследствие этого может попасть в пикантное положение. Я не уточнял, какого сорта неприятности его ожидали, но я старался, чтобы прозвучало так, словно дело его будет совсем худо. Есть такая штука — мужское братство, — ухмыльнулся Тревайз, — и один мужчина никогда не выдаст другого. Даже поможет, если нужно. Все очень просто! В другой раз они запросто могут поменяться ролями. Есть у меня подозрение, — сказал он с напускной серьезностью, — что подобное братство существует и у женщин, но, не будучи женщиной, я никогда не смогу в этом убедиться наверняка.

Лицо Блисс стало похоже на хорошенькую грозовую тучку.

— Это что, шутка? — обеспокоенно спросила она.

— Нет. Я серьезен, как никогда, — ответил Тревайз. — Я не утверждаю, что Кендрей разрешил нам посадку на Компореллон только ради того, чтобы спасти Дженова от гнева супруги. Мужская солидарность могла просто стать последней каплей в чаше моих аргументов.

— Но это же ужасно! — воскликнула Блисс. — Законы, именно законы помогают сплочению общества и связывают его

воедино. Неужели это так легко и просто — пренебречь законами из-за таких пустяков?

— Ну, — протянул Тревайз, мгновенно перейдя к обороне, — некоторые из этих законов сами по себе пустяшны. Кое-какие планеты жутко ревниво относятся к посещениям своих секторов даже во времена мира и коммерческого процветания, какое сейчас царит благодаря Академии. Компореллон по каким-то причинам выделяется из общей массы. Внутренняя политика — дело темное. С какой же стати мы должны из-за этого страдать?

— Ты увиливаешь от ответа. Если мы будем повиноваться только тем законам, которые считаем справедливыми и разумными, то законов не останется совсем, потому что нет закона, который хотя бы кто-нибудь не счел несправедливым. И если только пожелаем, то всегда сумеем найти причины не исполнять те или иные законы. А там недалеко до анархии и катастрофы, даже для самого ловкого проныры, не пережить катаклизма беззакония.

— Общество так легко не рушится, — сказал Тревайз. — Ты говоришь как Гея, а Гея, вероятно, не может понять тонкости сообщества свободных индивидуумов. Законы, установленные справедливо и разумно, могут без труда выжить и сохраниться при любой погоде, но могут оставаться в силе и по инерции. Раз так, нарушать эти законы даже полезно — в знак признания того, что они стали больше не нужны или даже вредны.

— Тогда даже вор и убийца может утверждать, что он действует на пользу общества.

— Ты кидаешься в крайность. В суперорганизме Геи законы принимаются по всеобщему согласию, и никому не приходит в голову их нарушать. Можно сказать, что Гея живет как растение. В свободном сообществе присутствует элемент беспорядка, но это цена, которую приходится платить за способность создавать что-то новое и меняться. В целом это разумная цена.

Блисс заметно повысила голос:

— Ты абсолютно не прав, если думаешь, что Гея живет как растение. Наши поступки, критерии, взгляды постоянно находятся под контролем. Гея развивается, переживая и думая, и, следовательно, меняется при необходимости.

— Если даже все обстоит именно так, как ты говоришь, ваши самоконтроль и развитие наверняка слабы, потому что на Гее нет ничего, кроме Геи. У нас же, даже когда почти все согласны, обязательно отыщется несколько упрямцев, и порой именно они

оказываются правы. Если же они достаточно умны, энергичны и правы, они могут в конце концов победить и стать героями в будущем — подобно Гэри Селдону, который, создав психоисторию, противопоставил свою идею воззрениям всей Галактической Империи и победил.

— Он был победителем только до последнего времени, Тревайз, — возразила Блисс. — Вторая Империя, задуманная им, не родится. Вместо нее родится Галаксия.

— Родится ли? — мрачно буркнул Тревайз.

— Это твое решение, и, как бы ты ни спорил со мной о преимуществах изолятов, об их свободе становиться глупцами и преступниками, что-то, скрытое в тайниках твоего сознания, заставило тебя выбрать Гею.

— Сейчас в тайниках моего сознания, — еще более мрачно сказал Тревайз, — весьма приземленные соображения. Для начала — вот это, — кивнув в сторону экрана, на котором огромный город раскинулся до горизонта, добавил он.

Посреди кварталов приземистых строений, окруженные коричневыми полями, покрытыми легким туманом, торчали отдельные небоскребы.

Пелорат покачал головой.

— Как жаль. Я к тому, как трудно вас примирить, но вы втянули и меня в свой спор.

— Не переживай, Дженов, — сказал Тревайз. — Можешь возобновить попытки, когда мы уберемся отсюда. Я клянусь держать рот на замке, если ты постараешься убедить Блисс заняться тем же самым.

«Далекая звезда» послала микроволновый луч, запрашивая разрешение на посадку в космопорте.

14

Кендрей, вернувшись на орбитальную станцию, угрюмо наблюдал, как мимо проплывает «Далекая звезда». Он явно не был доволен собой.

Он садился ужинать, когда один из его напарников, тощий парень с широко поставленными глазами, жидкими светлыми волосами и белесыми бровями, вошел и уселся рядом.

— Что стряслось, Кен?

Кендрей скривился.

— Этот корабль, Гейтис, ну, который только что пролетел, — гравилет.

— Ты про тот странный, с нулевой радиоактивностью?

— Он и не мог быть радиоактивен. Он не нуждается в топливе. Гравилет, говорю же.

Гейтис кивнул.

— Это о нем нас предупреждали, верно?

— Верно.

— И он достался тебе. Счастливчик ты.

— Не сказал бы. У них на борту была женщина без документов, а я не сообщил о ней.

— Что? Заткнись. Я ничего не слышал. Ни слова больше. Хоть ты мне друг, но я не собираюсь задним числом становиться твоим соучастником.

— А я и не боюсь. Бояться-то особо нечего. Я *должен* был пропустить корабль на Компореллон. Им нужен был этот гравилет — или любой гравилет. Ты это знаешь.

— Верно, но ты мог бы, по крайней мере, сообщить о женщине.

— Не хотелось. Она не замужем. Ее просто подобрали для... для... ну, ты понимаешь.

— Сколько мужчин на борту?

— Двое.

— И они просто прихватили ее для... для этого? Они, должно быть, с Терминуса.

— Так и есть.

— Чего они только там, на Терминусе, не выделывают.

— Это точно. Что хотят.

— Мерзость какая. И они взяли ее с собой?

— Один из них женат и не хотел, чтобы его жена узнала про все такое... Если бы я сообщил о женщине на борту, его жене все стало бы известно.

— Но ведь эта дамочка не вернется на Терминус?

— Конечно, но его-то жена может узнать.

— Стоило ли тогда проявлять мужскую солидарность?

— Может, и не стоило, но отвечать-то не мне.

— Да тебя в порошок сотрут за то, что ты не сообщил о ней. Забота об этом развратнике — не извинение.

— Может, *ты* сообщишь?

— Наверное, я должен это сделать.

— А вот и не должен. Правительству нужен этот корабль.

Если бы я настаивал на включении сведений о женщине в рапорт, экипаж мог бы передумать насчет посадки и махнуть к какой-нибудь другой планете. Наверное, правительству это бы не понравилось.

— А они тебе поверили? Клюнули?

— Думаю, да. Очень милая дамочка, кстати. Представь, такая красотка полетела с двумя мужиками, и чтобы женатый не воспользовался таким случаем... Знаешь, это соблазнительно.

— Сомневаюсь, что ты не против, чтобы твоя мадам узнала о таких словах — да даже о таких мыслях.

— И кто же бросится уведомить ее? Не ты ли? — вызывающе спросил Кендрей. — Давай. Ты знаешь много чего про меня.

Возмущение в глазах Гейтиса сразу угасло, и он сказал, покачав головой:

— То, что ты пропустил их, не принесет этим парням ничего хорошего, да ты и сам все понимаешь.

— Понимаю.

— Там, внизу, дамочку быстренько обнаружат. Тебе это, может, сойдет с рук, а вот им — навряд ли.

— Знаю, — вздохнул Кендрей. — Я виноват перед ними. Чего бы им ни стоило присутствие женщины на борту, это ничто по сравнению с тем, что может случиться из-за корабля. Капитан кое-что сболтнул...

Кендрей умолк, и Гейтис поторопил его:

— Что сболтнул?

— Да так... Только если это выплывет, отвечать придется мне.

— Хорошо. Не хочешь — не говори.

— Не буду. Но я виноват перед этими мужиками с Терминуса.

15

Для любого, кто бывал в космосе и на себе испытал его однообразие, настоящее возбуждение от полета приходит во время посадки на очередную планету. Ее поверхность бежит под вами, вы ловите взглядом мелькание земли и воды, геометрических фигур и линий, может быть, это города и дороги. Вы узнаете зелень лесов и травы, серую краску бетона, коричневую — открытой земли, белую — снега. Больше всего вас волнуют населенные

участки; города, которые на каждой планете имеют свою планировку и архитектурные особенности.

Будь корабль обычным, и снижение, и посадка были бы более волнующими. «Далекая звезда» — дело другое. Она плыла сквозь атмосферу, снижая скорость благодаря мастерской манипуляции сопротивлением воздуха и гравитацией, и наконец замерла над космопортом. Дул порывистый ветер, а это сильно осложняло посадку. Двигатели «Далекой звезды» при посадке почти не оказывали сопротивления гравитационному полю планеты, вследствие чего и вес, и масса корабля снижались, и притом значительно. Если бы масса оказалась близкой к нулю, корабль снесло бы легким порывом ветра. При посадке поле гравитации планеты компенсируется, а вспомогательные реактивные двигатели включаются на небольшую мощность, создавая сопротивление не только притяжению планеты, но и порывам ветра. Без соответствующего компьютера это невозможно было бы сделать с такой точностью.

Вниз, вниз... с неизбежными небольшими смещениями, корабль дрейфовал, пока не опустился на очерченный участок взлетно-посадочного поля.

По бледно-голубому небу плыли легкие белые облака. Ветер дул резкими порывами даже у самой поверхности и, хотя больше не создавал особого риска для навигации, принес с собой холод. Тревайз вздрогнул и поежился, поняв, что их одежда совершенно не годится для компореллонской погоды.

Пелорат, наоборот, с радостью глядел по сторонам, глубоко вдыхал носом этот удивительный воздух и был не против немного охладиться. Он даже нарочно распахнул куртку, чтобы почувствовать ветер грудью. Он понимал, что скоро ему придется застегнуться и повязать шарф, но сейчас ему хотелось ощущать присутствие атмосферы — настоящей, какой не было и не могло быть на корабле.

Блисс поплотнее закуталась в пальто, надела перчатки и натянула на уши шапку. Вид у нее был совсем несчастный — казалось, она вот-вот заплачет.

— Этот мир злой, — пробормотала она. — Он не любит нас. Он нас не хочет.

— Ну почему, Блисс? — возразил Пелорат. — Уверен — местные жители любят свой мир, и он — э-э — любит их, если тебе так больше нравится. Не горюй, мы скоро окажемся в помещении, а там будет теплее.

Сообразив наконец, что словами не согреешь, Пелорат укутал ее курткой, а она крепко прижалась к его груди.

Тревайзу было некогда переживать из-за погоды. Он получил магнитную карточку от портовой службы, проверил ее в своем карманном компьютере и убедился, что она содержит необходимые подробности: номер и место его стоянки, номер и название двигателей корабля и так далее. Проверил еще раз на всякий случай, чтобы убедиться, включена ли охранная сигнализация, застрахован ли корабль по максимуму против всевозможных напастей (дело это было в принципе совершенно лишнее, поскольку корабль был абсолютно неуязвим при любых происках компореллонцев с их уровнем техники, а уж если бы «Далекая звезда» пропала, от страховки не было бы никакого толку).

Тревайз нашел стоянку такси там, где она и должна была быть. (Ряд служб в космопортах по всей Галактике был стандартизован в смысле размещения, внешнего вида и функции. Это было насущно необходимо, принимая во внимание разношерстность прибывающей клиентуры.)

Он вызвал такси, обозначив направление лаконично: «Город».

Такси скользнуло к нему на диамагнитных полозьях, слегка покачиваясь под порывами ветра и дрожа от вибрации своего, прямо скажем, не слишком бесшумного двигателя. На темно-сером корпусе выделялись лишь белые знаки на задних дверцах. На водителе было темное пальто и белая меховая шапка.

Пелорат, кашлянув для уверенности, шепнул:

— Похоже, любимые цвета на этой планете — черный и белый.

— В городе может оказаться повеселее, — предположил Тревайз.

— Прокатимся до города, ребята? — дружелюбно поинтересовался водитель через маленький микрофон, может быть, для того чтобы не открывать окна.

В его выговоре слышалась довольно милая нежная напевность, и понимать его было не так уж трудно — что само по себе очень неплохо на чужой планете.

— Можно, — согласился Тревайз.

Задняя дверь открылась. Блисс, а за ней Пелорат с Тревайзом уселись в такси. Дверь закрылась, и откуда-то сверху хлынул теплый воздух.

Блисс растерла руки и облегченно вздохнула.

Такси медленно тронулось. Водитель спросил:

— А корабль-то ваш — гравилет небось?

— Если вы видели, как он приземлялся, сомнений у вас быть не должно, — сухо проговорил Тревайз.

— Стало быть, с Терминуса?

— А вы знаете другую планету, где могут собрать такой корабль?

Водитель, похоже, усваивал эту информацию, пока такси набирало скорость. Затем спросил:

— А вы всегда так — вопросом на вопрос?

Тревайз не сдавался:

— Почему бы и нет?

— В таком случае интересно, что вы ответите мне, если я спрошу прямо: «Ваше имя Голан Тревайз?»

— Я могу спросить: «Зачем вам это знать?»

Такси затормозило на окраине космопорта, и водитель сказал, вздернув брови:

— Здорово! Я попробую еще разок: «Вы — Голан Тревайз?»

Голос Тревайза стал холодным и враждебным:

— Какое вам до этого дело?

— Послушайте, — сказал водитель, — мы не двинемся с места, пока вы не ответите на мой вопрос. И если в течение двух секунд вы не дадите ясного ответа — «да» или «нет», — я выключу обогрев салона и подожду. Вы — Голан Тревайз, Советник Терминуса? Если ответ будет отрицательным, вам придется предъявить ваши идентификационные документы.

— Да, я — Голан Тревайз и как Советник Академии требую, чтобы со мной обращались со всей учтивостью, приличествующей моему рангу. Ваша манера обращения со мной может дорого вам обойтись.

— Скажу напрямик. (Такси снова тронулось.) Я старательно выбирал своих пассажиров, но предполагал посадить только двух мужчин. Женщина оказалась для меня сюрпризом, и я подумал — вдруг ошибся. Но, поскольку выяснилось, что я все же угадал, попрошу объяснить присутствие женщины, как только мы доберемся до места назначения.

— Вы не можете знать, куда мне нужно.

— Представьте себе, знаю. Вы направляетесь в Департамент Транспорта.

— Вовсе нет.

— Все не так просто, Советник. Если бы я был водителем

такси, я бы доставил вас куда вам угодно. Поскольку я им не являюсь, мы едем туда, куда мне угодно.

— Простите, — сказал Пелорат, наклонившись к водителю, — вы так похожи на водителя такси. И ведете именно такси.

— Кто угодно может вести такси. Но не каждый имеет на это лицензию. И не каждый автомобиль, выглядящий как такси, является таковым.

— Хватит болтать, — прервал его Тревайз. — Кто вы и что вам нужно? Помните, вы ответите за все перед Академией.

— Не я, — ответил водитель. — Мои начальники — возможно. Я всего-навсего агент Службы Безопасности Компореллона. Я выполняю приказ: обращаться с вами со всем почтением к вашему рангу, но везти туда, куда нужно. Советую вам вести себя осторожно. Машина вооружена, а у меня приказ — обороняться в случае нападения.

16

Машина, достигнув крейсерской скорости, двигалась совершенно бесшумно, и Тревайз сидел в этой тишине как замороженный. Он был уверен, даже не глядя в сторону Пелората, что тот сейчас смотрит на него взволнованно, с застывшим в глазах немым вопросом: «Что нам делать? Пожалуйста, ответь!»

Тревайз украдкой глянул на Блисс. Та сидела спокойно и казалась совершенно беззаботной. А как иначе! Она несла в себе целый мир. Вся Гея, пусть их разделяли громадные расстояния, умещалась в ней. У Блисс были резервы, которые она могла призвать на помощь в случае реальной опасности.

Но что же произошло?

Ясно, чиновник с внешней станции, следуя заведенному порядку, отослал свой рапорт, не включив в него сведений о Блисс, и это вызвало интерес людей из КСБ и, кроме того, Департамента Транспорта. Почему?

Время было мирное, и Тревайз не слышал ни о каких особых трениях между Компореллоном и Академией. Он сам был важным чиновником Академии...

Так-так... Он сказал таможеннику с орбитальной станции — Кендрей, так его вроде бы звали, — что у него важное дело к правительству Компореллона. Он упирал на это, добиваясь права

на посадку. Кендрей наверняка должен был сообщить об этом, а это, должно быть, вызвало такой пристальный интерес властей.

Тревайз не предвидел подобного развития событий, а ведь должен был, по идее.

Куда же девался его так называемый дар провидца? Или он уже сам поверил, что он — черный ящик, как им его числила Гея? Сел в лужу, поддавшись растущей самоуверенности, основанной на глупом чужом суеверии?

Как он мог себе такое позволить! Неужели он ни разу в жизни не ошибался? Разве он когда-нибудь знал, какая завтра будет погода? Разве он хоть раз выигрывал круглые суммы в лотерею? Нет, нет и нет. Ну, тогда... может, только в великих, глобальных, галактического масштаба делах он мог оказаться прав? Как он мог судить?

Ладно, судить! Это все лирика. В конце концов, одно только то, что он заявил о важном государственном деле — нет, он сказал, что речь идет «о безопасности Академии»...

Хорошо. Значит, тот факт, что он появился здесь по делу, касающемуся безопасности Академии, но вел его в тайне, не разглашая его сути... наверняка должен был привлечь внимание здешних властей. Да, но до тех пор, пока они не знали, что это за дело, Служба Безопасности должна была действовать очень осмотрительно. Они должны были вести себя учтиво и обращаться с ним как с важным сановником. Они не должны были похищать его и прибегать к угрозам.

А они именно это и сделали. Почему?

Что заставило их почувствовать себя настолько могущественными, чтобы позволить себе обращаться с Советником с Терминуса подобным образом?

Может быть, дело в Земле? Работала ли сейчас та самая сила, которая скрыла планету-прародительницу так умело даже от величайших менталистов Второй Академии? Не она ли перехватила его на самой первой стадии поисков Земли? Была ли Земля всезнающей? Всемогущей?

Тревайз покачал головой. Нет, это верный путь к паранойе. Винить Землю во всем? Неужели каждый поступок, каждый поворот пути, каждое стечение обстоятельств — результат тайных действий Земли? Стоило ему начать думать в таком духе, как у него просто руки опускались.

Тут Тревайз почувствовал, что машина тормозит, и от толчка вернулся к реальности.

Они уже долго ехали по городу, а он даже не удосужился посмотреть в окно. Тревайз поспешно перевел взгляд на дорогу. Здания были невысокими, но на холодной планете большая часть строений, вероятно, уходила под землю.

Тут не было и в помине ярких цветов — все серое и белое. Это как-то не вязалось с привычками людей.

По улицам брели редкие прохожие, кутаясь в теплую одежду. Правда, основная масса людей могла находиться тоже, по большей части, под землей.

Такси остановилось перед приземистым, широким зданием, построенным в углублении, дна которого Тревайз разглядеть не мог. Прошло некоторое время, но машина оставалась на месте и сам водитель не двигался. Шерстинки меха его высокой белой шапки почти касались потолка салона машины.

Тревайз, неизвестно почему, задумался: как водитель ухитряется входить и выходить из машины, не сбивая при этом шапку с головы? Наконец, с трудом сдерживая возмущение, как и подобало надменному и презирающему всех, кто ему не ровня, сановнику, он процедил сквозь зубы:

— Ну, водитель, долго мы тут будем торчать?

Компореллонская версия силовой перегородки, отделяющей водителя от пассажиров, была не такой уж примитивной. Звуковые волны могли свободно проникать сквозь нее, но Тревайз не сомневался, что материальные объекты, обладающие солидным запасом энергии, пройти сквозь нее не смогут.

— Сейчас кто-нибудь поднимется и встретит вас, — сказал водитель. — Сидите и не дергайтесь.

Как только он это сказал, над краем углубления, в котором стоял дом, медленно и плавно появились три головы. Вслед за ними вскоре показалось и остальное. По-видимому, новые действующие лица поднимались на каком-то подобии эскалатора, но оттуда, где сидел Тревайз, деталей этого устройства видно не было.

Как только эти трое приблизились, дверь салона такси распахнулась и внутрь хлынул поток холодного воздуха.

Тревайз вышел наружу, подняв воротник куртки. Остальные последовали за ним — Блисс с явной неохотой.

Трое компореллонцев выглядели довольно смешно — на всех были забавные надутые костюмы, вероятно, с электрическим подогревом. Тревайзу стало жалко компореллонцев. Такие костюмы были не в ходу на Терминусе, и однажды ему случилось одолжить пальто с подогревом, когда выпало зимовать на одной

из планет Анакреона. Он обнаружил тогда, что нагревается пальто крайне медленно, а когда понимаешь, что тебе стало слишком тепло, ты уже мокрый с ног до головы.

Когда компореллонцы приблизились, Тревайз с гневом обнаружил, что они вооружены. Они и не пытались скрыть это. Напротив, бластер в кобуре у каждого из них болтался поверх одежды.

Один из подошедших, остановившись напротив Тревайза, грубовато сказал: «Прошу прощения, Советник», а затем резким движением распахнул на нем куртку. Протянув руки, он быстро провел вверх и вниз по груди и спине Тревайза, затем по бокам и бедрам, затем обыскал куртку. Тревайз был настолько обескуражен, смущен и удивлен, что понял, что это обыск, только тогда, когда все кончилось.

Пелорат, с перекошенным от возмущения и удивления ртом, выдержал обыск, произведенный вторым компореллонцем.

Третий приблизился к Блисс, но она не стала ждать, когда он до нее дотронется. Понимая, что от нее нужно, она сбросила пальто и осталась в легкой одежде под пронизывающим ветром.

— Видите? Я не вооружена, — холодно, под стать погоде, сказала она.

И действительно, это было видно любому. Компореллонец встряхнул ее пальто, словно по его весу мог понять, есть ли там оружие, — а может быть, он и вправду мог — и отступил назад.

Блисс накинула пальто, запахнула его, и на мгновение Тревайз восхитился ее поступком. Он знал, как Блисс относится к холоду, но ведь смогла заставить себя не дрожать, стоя на ветру в тонкой блузке и брюках. (Потом он, правда, подумал, не могла ли она при необходимости согреться теплом всей Геи.)

Один из компореллонцев махнул рукой, дав знак прибывшим следовать за ним. Двое других сопровождали их сзади. Пара-тройка прохожих, шедших мимо, не обратили никакого внимания на происходящее. То ли они были привычны к такому зрелищу, то ли (что вернее) их больше занимала проблема того, как бы поскорее попасть в помещение.

Подойдя ближе к краю углубления, Тревайз понял, что их конвоиры поднялись на подъемной рампе. Вшестером они тем же путем спустились вниз и миновали шлюз почти такой же сложный, как на космическом корабле. Конечно, он предназначался для удержания внутри не воздуха, а тепла.

И тут они вдруг сразу оказались внутри огромного здания.

Глава 5

БОРЬБА ЗА КОРАБЛЬ

17

Первое впечатление Тревайза было таково, словно он оказался участником гипервизионной драмы — по заурядному историческому роману времен Империи. Здесь все напоминало декорации, что использовались каждым продюсером гипервизионных драм (скорее всего все они использовали один и тот же комплект декораций), представляющие великий город-планету Трентор, город-повелитель Галактики, во всем его блеске и величии.

Здесь были и просторные площади, и оживленные потоки пешеходов, и юркие машины, несущиеся куда-то по отведенным для них трассам.

Тревайз посмотрел ввысь, почти уверенный в том, что увидит аэротакси, исчезающие в туннелях, но не увидел. И вообще, стоило первой вспышке удивления угаснуть, как стало ясно, что на самом деле здание значительно меньше, чем то, которое могло бы выситься на Тренторе. Это было всего лишь здание, а не часть неразрывного комплекса, простирающегося на многие тысячи миль во всех направлениях.

Иными оказались и цвета. В гипервизионных драмах Трентор обычно демонстрировали в кричащих тонах, а одежда персонажей была абсолютно несуразна и неудобна. Однако и яркие краски, и причудливые одежды, по задумке, служили чисто символической цели — показать во всей красе упадок (непререкаемая точка зрения по нынешним временам) Империи и в особенности Трентора.

Однако, если так оно и было на самом деле, Компореллон являл собой полную противоположность этому упадку. Приглушенная цветовая гамма, на которую обратил внимание Пелорат еще в космопорту, полностью сохранилась и здесь.

Темно-серые стены, белые потолки, черная, белая и серая одежда. Часто попадались встречные в абсолютно черных костюмах, еще чаще — в серых, а вот в чисто-белых Тревайз никого не замечал. Фасоны были, правда, различные. Видимо, люди, лишенные возможности пользования красками, все-таки пытались найти способы отстоять свою индивидуальность.

Лица прохожих были невыразительны или, на худой конец, мрачны. У женщин волосы были коротко острижены, а у мужчин — подлиннее, на затылке скрепленные в короткий хвостик. Проходя мимо, никто не смотрел друг на друга. Казалось, тут у каждого на уме некое важное дело и нет в голове места ни для чего больше. Мужчины и женщины, одетые почти одинаково, отличались только длиной волос, выпуклостью груди и шириной бедер.

Троих гостей (или пленников!) провели в лифт, который опустил их на пять уровней. Затем их проводили до двери, на которой мелкими неприметными буквами, белым по серому, значилось: «Мица Лайзалор, МинТранс».

Возглавлявший процессию компореллонец коснулся таблички, которая спустя мгновение вспыхнула. Дверь отворилась, и они вошли.

Кабинет был большой и просторный. Отсутствие обстановки служило, возможно, сознательному воздействию на посетителей и демонстрировало могущество хозяина кабинета.

Двое охранников стали у дальней стены, с каменными лицами. Их глаза зорко следили за каждым движением вошедших. Большой стол, немного отодвинутый назад, занимал центр кабинета. За столом сидела, по всей видимости, Мица Лайзалор — пышнотелая, с гладкой, холеной кожей, темноглазая. Две ее мускулистых ловких руки с длинными, приплюснутыми на подушечках пальцами покоились на столе.

МинТранс — «Министр Транспорта», — предположил Тревайз. На ее сером костюме выделялись широкие, ослепительно белые лацканы. Двойная белая полоса пересекалась на груди. Тревайз видел, что, хотя костюм был скроен таким образом, чтобы скрыть выпуклости грудей, белое *X* невольно влекло к ним взгляд.

Министр, несомненно, была женщиной. Даже не глядя на ее груди, об этом можно было догадаться по коротким волосам; и хотя косметики на ее лице не было, черты его были явно женскими.

Голос у Министра тоже оказался женским — богатым, глубоким контральто.

— Добрый вечер, — сказала она. — Нечасто мы удостаиваемся чести принимать у себя людей с Терминуса. А также незарегистрированных женщин.

Ее взгляд скользил с одного на другого, затем остановился

на Тревайзе, стоявшем подчеркнуто прямо, не скрывая недовольства.

— К тому же один из вас — член Совета.

— Советник Академии, — сказал Тревайз, стараясь, чтобы голос его гневно звенел. — Советник Голан Тревайз по заданию Академии.

— По заданию? — Министр вздернула брови.

— По заданию, — повторил Тревайз. — Почему же с нами здесь обращаются как с преступниками? Почему нас взяли под стражу вооруженные охранники и доставили сюда, словно пленников? Совету Академии, как вы, надеюсь, понимаете, это не понравится.

— И потом, — вмешалась Блисс, и ее голос прозвучал молодо и звонко по сравнению с голосом Министра, — мы что, так и будем стоять?

Министр окинула Блисс пристальным ледяным взглядом, затем подняла руку и приказала:

— Три стула сюда! Быстро!

Дверь открылась, и трое мужчин, одетых в полном соответствии со скромной компореллонской модой, поспешно внесли три стула. Гости сели.

— Теперь, — спросила Министр с ледяной ухмылкой, — вам удобно?

«Вот уж нет», — подумал Тревайз. Стулья подали жесткие, плоские, холодные, и сидеть на них оказалось жутко неудобно.

— Почему мы здесь? — спросил он.

Министр заглянула в бумаги, лежащие перед ней.

— Объясню, как только получу подтверждение имеющимся у меня данным. Ваш корабль — «Далекая звезда» с Терминуса. Это верно, Советник?

— Верно.

Министр выразительно взглянула на Тревайза.

— Я использовала ваш титул, обратившись к вам, Советник. Будьте так добры, используйте и вы мой.

— Будет ли достаточно «мадам Министр»? Или нужно что-то еще позабористее?

— Ничего особенного, сэр, и вам даже не нужно использовать оба эти обращения. Или «Министр», или «мадам», если хотите сэкономить время.

— Тогда я отвечу: «Да, Министр».

— Капитан корабля — Голан Тревайз, гражданин Академии

и член Совета Терминуса — новоиспеченный Советник, правда? Вы — Тревайз. Я верно все назвала, Советник?

— Да, Министр. И так как я гражданин Академии...

— Я еще не закончила, Советник. Возражать потом будете. Вас сопровождает Дженов Пелорат, ученый-историк, гражданин Академии. Это вы, не так ли, доктор Пелорат?

— Да, это так, моя до... — Он сконфуженно умолк и ответил снова: — Да, это так, Министр.

Министр сцепила пальцы.

— В сообщении со станции, которое передали мне, нет упоминания о женщине. Она тоже член экипажа?

— Да, Министр, — твердо произнес Тревайз.

— Тогда я обращаюсь к ней. Ваше имя?

— Я известна под именем Блисс, — ответила Блисс, сидя прямо и говоря спокойно просто, — хотя мое полное имя длиннее, мадам. Вы хотите услышать его целиком?

— Пока хватит и так. Вы гражданка Академии, Блисс?

— Нет, мадам.

— Гражданкой какого мира вы являетесь, Блисс?

— У меня нет документов, подтверждающих гражданство какого-либо мира, мадам.

— Нет документов, Блисс? — Министр сделала какую-то пометку в бумагах. — Я это отметила. Что вы делали на борту корабля?

— Я пассажир, мадам.

— Потребовали ли Советник Тревайз или доктор Пелорат ваши документы, прежде чем взять вас на борт, Блисс?

— Нет, мадам.

— Поставили ли вы их в известность об отсутствии у вас документов, Блисс?

— Нет, мадам.

— В чем заключались ваши функции на борту корабля, Блисс? Соответствует ли ваше имя этим функциям?

— Я пассажир и не имела других функций, — гордо сказала Блисс.

— С какой стати вы привязались к нашей пассажирке, Министр? — вмешался Тревайз. — Какой закон она нарушила?

Взгляд Министра Лайзалор скользнул с Блисс на Тревайза.

— Вы здесь впервые, Советник, — сказала она, — и не знаете наших законов. Тем не менее вы становитесь их субъектом, если

прибываете в наш мир. Вы не приносите с собой свои законы; это общая установка Галактического права, я полагаю.

— Вы правы, Министр, но я все равно не понял, какие из ваших законов она нарушила.

— В Галактике общепринято, Советник, что визитер с планеты, расположенной вне доминионов того мира, который он посещает, обязан иметь при себе документы, удостоверяющие его личность. Многие миры беззаботны в этом отношении — живут за счет туризма или безразличны к порядку. Мы на Компореллоне не таковы. У нас здесь правовое общество. Эта дама — лицо без гражданства и, как таковое, нарушает наш закон.

— У нее не было выбора, — сказал Тревайз. — Я пилотировал корабль. Я привез ее на Компореллон. Она вынуждена была сопровождать нас, Министр, или вы полагаете, она должна была попросить нас вышвырнуть ее в космос?

— Это означает, что вы нарушили наш закон, Советник.

— Нет, это не так, Министр. Я не чужак какой-нибудь. Я — гражданин Академии, а Компореллон с принадлежащими ему мирами входит в территорию Академии на правах ассоциированного члена. Как гражданин Академии я могу свободно путешествовать по Компореллону.

— Конечно, Советник, до тех пор, пока у вас есть документы, подтверждающие ваше гражданство.

— У меня они есть, Министр.

— Но, даже будучи гражданином Академии, вы не имеете права нарушать наши законы, привозя с собой лицо без гражданства.

Тревайз помедлил. Ясно: таможенник Кендрей не сдержал слова, так что не было нужды выгораживать его. Он сказал:

— Нас не задержали на иммиграционной орбитальной станции, и я усмотрел в этом позволение взять эту женщину с собой на планету, Министр.

— Это правда, вас не задержали, Советник. Это правда, что о женщине не сообщили служащие иммиграционной станции и она была пропущена. Я могу предположить, однако, что таможенник решил — и совершенно справедливо, — что гораздо более важно пропустить ваш корабль на поверхность и тем самым заполучить его, чем беспокоиться о лице без гражданства. То, что они сделали, прямо скажем, нарушение таможенных правил, и вопрос этот должен быть и будет рассмотрен, безусловно, в соответствующем порядке, но у меня нет сомнений, что решение

будет такое: нарушение в данном случае было оправданным. У нас мир твердых законов, Советник, но мы учитываем обстоятельства.

— Тогда я попросил бы объяснить причину вашей суровости, Министр, — немного помолчав, сказал Тревайз. — Если вы действительно не получали информации с орбитальной станции о присутствии лица без гражданства на борту корабля, тогда вы не знали и не могли знать, что мы нарушаем какой-либо закон в то время, покуда шли на посадку. И тем не менее вы были готовы взять нас под стражу, как только мы сели, да вы, собственно, так и сделали. Почему вы это сделали, если у вас не было причин подозревать, что какой-либо закон нарушен?

Министр улыбнулась.

— Мне понятны ваши сомнения, Советник. Уверяю вас, откуда бы мы ни получили подобные сведения касательно вашей пассажирки без документов, они не имеют никакого отношения к тому, что вас взяли под стражу. Мы действуем от имени Академии, с которой, как вы указали, мы состоим в договорных отношениях.

— Но это невозможно, Министр! — уставился на нее Тревайз. — Хуже того, это нелепо.

Министр медоточиво, негромко засмеялась и сказала:

— Вот забавно — почему вы решили, что нелепо хуже, чем невозможно, Советник? Впрочем, теоретически я с вами согласна. Однако, к несчастью для вас, ни то, ни другое места не имеет. Невозможно? Нелепо? Почему?

— Потому что я член правительства Академии и выполняю его задание, и невозможно, чтобы правительство захотело арестовать меня. Да и захоти, оно бы не смогло сделать этого, так как я обладаю парламентской неприкосновенностью.

— Ах, вы опустили мой титул, но вы сильно расстроены, и я вас прощаю. Однако будем точны. Меня не просили вас арестовывать. Я поступила так только для того, чтобы выполнить одну просьбу, Советник.

— Какую, Министр? — спросил Тревайз, стараясь не выйти из себя под испепеляющим взглядом демонической женщины.

— Конфисковать ваш корабль, Советник, и возвратить его Академии.

— Что?

— Вы опять не произнесли мой титул, Советник. Это большая ошибка. Подобная забывчивость не поможет решению ва-

шего дела. Этот корабль не ваш личный, я полагаю. Ведь не вы же его спроектировали, не вы собрали, не вы приобрели?

— Конечно, нет, Министр. Он был передан мне правительством Академии.

— Тогда, вероятно, правительство Академии имеет полное право забрать его у вас, Советник. Видимо, это ценный корабль. — Тревайз промолчал. Министр продолжала: — Это *нарушает*, Советник. Их не может быть много даже у Академии. Там, должно быть, теперь сожалеют, что отдали вам один из этих немногих кораблей. Может быть, вы сумеете уговорить правительство предоставить вам другой, менее ценный корабль, который тем не менее вполне сгодится для вашего задания. Но тот корабль, на котором вы появились, мы обязаны конфисковать.

— Нет, Министр, я не могу отдать вам корабль. И не могу поверить, что Академия попросила вас об этом.

Министр усмехнулась.

— Не только меня, Советник. И не только Компореллон. У нас есть причины подозревать, что такая просьба была передана в каждый мир и регион, находящиеся под юрисдикцией Академии, или в каждый из союзничающих с ней. Из этого я заключаю, что Академия не в курсе ваших планов и упорно разыскивает вас. Вами недовольны, Советник. Из чего я далее заключаю, что у вас нет задания на Компореллоне от имени Академии, так как в этом случае ваши люди должны были бы знать, где вы находитесь, и связаться с нами особо. Короче, Советник, вы солгали мне.

— Я хотел бы взглянуть на копию запроса, который вы получили от Совета Академии, Министр, — сказал Тревайз в некотором замешательстве. — Думаю, я имею на это право.

— Конечно, если все пойдет согласно официальной процедуре. Мы относимся к процессуальным формальностям очень серьезно, Советник, и ваши права будут полностью защищены, уверяю вас. Однако будет гораздо лучше и легче, если мы с вами договоримся здесь и сейчас — без огласки и необходимости в официозе. Мы предпочитаем, чтобы все сложилось именно так, и, я уверена, того же хочет и Академия. Она явно не желает, чтобы вся Галактика узнала о беглом Советнике. Это может выставить Академию в нелепом свете, а мы с вами не так давно пришли к согласию, это будет хуже, чем нелепо, — гораздо хуже, чем невозможно.

Тревайз снова промолчал.

Министр подождала мгновение, затем продолжила, так же невозмутимо, как прежде:

— При любом раскладе, Советник, корабль мы намерены забрать. А вот наказание за провоз пассажирки без гражданства будет зависеть от того, какой путь мы изберем. Потребуете соблюдения законности, и это станет пунктом обвинения против вас, и все вы можете подвергнуться полному наказанию за это преступление, а оно может оказаться тяжелым, уверяю вас. Договоримся — ваша пассажирка может улететь торговым рейсом куда пожелает, и вы, при желании, сможете к ней присоединиться. Либо, если Академия пожелает, мы можем снабдить вас одним из наших собственных кораблей в пригодном для полета состоянии при условии, конечно, что Академия возместит нам расходы, передав в наше распоряжение эквивалентный корабль. Либо, если по какой-либо причине вы не пожелаете вернуться на контролируемую Академией территорию, мы можем предложить вам убежище, а возможно, и постоянное компореллонское гражданство. Как видите, у вас есть много недурных вариантов, если вы склонитесь к дружескому соглашению, но их не будет вовсе, если вы продолжите настаивать на ваших официальных правах.

— Министр, вы слишком резвы, — усмехнулся Тревайз. — Вы обещаете невозможное. Вы никак не можете предложить мне убежище, если Академия требует от вас моей выдачи.

— Советник, я никогда не обещаю невозможного, — невозмутимо ответила Министр. — Требования Академии касаются только корабля, а не вас лично или кого-либо еще на борту. Их единственная просьба — вернуть судно.

Тревайз быстро взглянул на Блисс и сказал:

— Позвольте мне, Министр, коротко переговорить с доктором Пелоратом и мисс Блисс.

— Конечно, Советник. Пятнадцати минут вам достаточно?

— Да, Министр, но с глазу на глаз.

— Вас отведут в комнату и спустя пятнадцать минут приведут обратно, Советник. Вам не будут мешать и, уверяю, не станут подслушивать. Я даю вам слово и сдержу его. Однако вы будете под охраной, так что не будьте настолько глупы, чтобы думать о побеге.

— Не будем, Министр.

— А когда вы вернетесь, я буду ждать от вас добровольного

согласия отдать корабль. В противном случае в действие вступит закон, и это будет гораздо хуже для вас, Советник. Понятно?

— Понятно, Министр, — ответил Тревайз, сдерживая гнев. Злиться было в высшей степени бесполезно.

18

Их отвели в маленькую, но хорошо освещенную комнату. Там стояли диван и два стула. Слышалось тихое урчание вентиляции. В целом тут было намного более уютно, чем в грандиозном стерильном кабинете Министра.

Угрюмый высокий охранник сопроводил их сюда, по дороге не убирая руки с приклада бластера. Он остался за дверью, когда они вошли, и грозным голосом напомнил:

— У вас пятнадцать минут.

Как только он это сказал, дверь скользнула по пазам и с глухим стуком захлопнулась.

— Будем надеяться, что нас не подслушивают, — сказал Тревайз.

— Она дала слово, Голан, — упрекнул друга Пелорат.

— Ты судишь о других по себе, Дженов. Ее так называемое «слово» не стоит ни гроша. Она нарушит его не задумываясь, если этого пожелает.

— Ну, тогда, — сказала Блисс, — я могу экранировать эту комнату.

— У тебя с собой экранирующее устройство? — изумился Пелорат.

— Разум Геи — экранирующее устройство, Пел, — улыбнулась Блисс, сверкнув белыми зубами. — Это потрясающий разум.

— Мы торчим здесь, — сердито буркнул Тревайз, — из-за тупости этого потрясающего разума.

— Ты о чем? — спросила Блисс.

— После ликвидации противостояния вы стерли меня из памяти и нашего Мэра, и Оратора Второй Академии Гендибала. Никто из них теперь не вспомнит меня, разве только косвенно и абсолютно равнодушно. Я был предоставлен самому себе.

— Мы вынуждены были сделать это, — сказала Блисс. — Ты наш главный козырь.

— Ну-ну. Голан Тревайз, который-никогда-не-ошибается. Но вы не удосужились заодно стереть мой корабль из их памяти,

верно? Мэр Бранно не вспомнила обо мне, я ей не интересен, но зато она вспомнила о корабле. Его она не забыла.

Блисс нахмурилась.

— Подумай об этом, — сказал Тревайз. — Гея, вероятно, предположила, что я и мой корабль — нечто единое. Если Бранно не будет думать обо мне, стало быть, она не будет думать и о корабле. Беда и промашка в том, что Гея не представляет себе, что такое индивидуальность. Она считает меня и корабль единым организмом и жестоко ошибается.

— Это возможно, — тихо сказала Блисс.

— Хорошо. Тогда дело твоей чести исправить эту ошибку, — решительно сказал Тревайз. — Я должен вернуть себе гравилет и компьютер. Этого достаточно. Следовательно, Блисс, устрой все так, чтобы корабль остался у меня. Ты ведь можешь управлять чужим сознанием.

— Да, Тревайз, но мы не так уж легко справляемся с этим. Во время тройного противостояния нам это удалось, но знаешь ли ты, как долго планировалось это противостояние, рассчитывалось, взвешивалось? На это ушли долгие годы. Я не могу просто подойти к женщине и перевернуть ее сознание на чей-то лад.

— Но разве сейчас не время...

Блисс яростно продолжила:

— Знаешь, так можно далеко зайти. Я могла воздействовать на сознание таможенника с орбитальной станции, и он, не раздумывая, разрешил бы нам посадку; могла бы воздействовать на сознание агента, и он позволил бы нам уйти...

— Хорошо, если на то пошло, почему ты этого не сделала?

— Потому что мы не знали, к чему это могло привести. Мы не представляли, какие могут быть последствия. Можно было с тем же успехом все испортить. Если я вмешаюсь в сознание Министра сейчас, это может сказаться на ее отношениях с теми, с кем она вступит в контакт, а так как она высокопоставленный чиновник в своем правительстве, это может повлиять на межпланетные отношения. До тех пор пока не будем точно знать всех тонкостей, мы не имеем права вмешиваться в ее мысли.

— Тогда зачем ты с нами?

— Затем, что может настать мгновение, когда в опасности окажется твоя жизнь. Тогда я должна буду любой ценой защищать ее, даже ценой жизни Пела или моей. Тебе ничто не грозило на орбитальной станции. Ничто не грозит тебе и сейчас. Ты должен выпутаться сам и поступать так до тех пор, пока Гея не

оценит последствий необходимых действий, а оценив, не предпримет их.

Тревайз обдумал сказанное Блисс.

— В таком случае придется постараться. Есть одна задумка. Не знаю, проскочит или нет.

Дверь открылась, уйдя в пазы с таким же шумом, как и тогда, когда закрывалась.

— Выходите, — приказал охранник.

По дороге Пелорат прошептал:

— Что ты задумал, Голан?

Тревайз покачал головой и прошептал в ответ:

— Точно не знаю. Попробую сымпровизировать на ходу.

19

Министр Лайзалор все еще сидела за столом, когда трое путешественников вернулись в ее кабинет. При виде входящих по ее лицу пробежала мрачная ухмылка.

— Надеюсь, Советник Тревайз, вы вернулись, чтобы сообщить мне, что добровольно покидаете корабль Академии.

— Я вернулся, Министр, — спокойно возразил Тревайз, — обсудить условия.

— Какие условия? Какое обсуждение, Советник? Судебное разбирательство, если вы на нем настаиваете, может быть начато очень быстро и проведено еще быстрее. Я гарантирую вам осуждение даже при соблюдении справедливости, так как ваша вина в том, что особа без гражданства проникла на Компореллон, очевидна и неоспорима. Затем мы совершенно легально отберем корабль и вы все трое подвергнетесь тяжкому наказанию. Не навлекайте на себя это наказание. Мы ничего, кроме времени, не потеряем, поймите.

— А у меня такое мнение, что нам все-таки есть что обсудить, Министр, потому что независимо от того, как скоро вы осудите нас, вы не сможете захватить корабль без моего согласия. Любая попытка, какую вы предпримете для вторжения на борт без меня, приведет к гибели корабля, а с ним — и всего космопорта, и любого человека, который окажется поблизости. Это наверняка разгневает Академию, как бы вы потом ни выкручивались. Угрозы, принуждение открыть корабль наверняка противоречат вашим законам. И если вы от безысходности нарушите

свои собственные законы и подвергнете нас пыткам или отправите в тюрьму, Академия узнает об этом и разбушуется еще сильнее. Как бы они ни хотели заполучить корабль, они не могут позволить подобного обращения с гражданином Академии. Так мы обсудим условия?

— Все это чушь, — сердито нахмурившись, процедила сквозь зубы Министр. — Если понадобится, мы можем связаться с Академией. Они должны знать, как открывается их собственный корабль, а если нет, то смогут заставить вас открыть его.

— Вы не произнесли мой титул, Министр, но вы волнуетесь, так что я вас прощаю. Вы отлично понимаете, что последнее, на что вы пойдете, — это не то, чтобы связаться с Академией, потому что у вас нет никакого желания передавать ей корабль.

Лицо Министра посуровело:

— Что за дребедень, Советник?

— Такая дребедень, Министр, которую остальным, возможно, и слушать ни к чему. Позвольте моему другу с дамой устроиться в каком-нибудь уютном отеле и обрести заслуженный после долгого пути отдых, отошлите охрану. Они могут остаться снаружи, а вам пусть оставят бластер. Вы не хрупкая женщина и, обладая бластером, сможете не бояться. Я безоружен.

— Я вас и без бластера не боюсь, — заявила Министр, наклонившись к Тревайзу через стол.

Не оборачиваясь, она подозвала одного из охранников. Тот подошел и остановился сбоку от Министра, прищелкнув каблуками. Министр отдала распоряжение:

— Охранник, доставьте эту парочку в номер. Пусть там у них будут все удобства и охрана. Вы несете ответственность за любую несправедливость по их адресу, так же как и за любое нарушение порядка с их стороны.

Министр встала, и, как ни старался Тревайз сохранять самообладание, он не удержался и чуть-чуть отшатнулся. Лайзалор оказалась очень высокого роста, не ниже, по крайней мере, Тревайза, возможно, даже на несколько сантиметров выше. У нее была тонкая талия, а две белых полосы, скрещивающихся на груди и опускающихся ниже, охватывая талию, делали ее на вид еще стройнее. Однако в фигуре Лайзалор была какая-то слоновья грация, и у Тревайза мелькнула мысль, что ее утверждение о том, что она его не боится, не лишено справедливости. «Случится подраться, — подумал он, — она без труда положит меня на лопатки».

— Пойдемте со мной, Советник, — сказала она. — Если вы собираетесь и дальше нести чепуху, тогда, как вы верно выразились, чем меньше народа вас услышит, тем лучше.

Она резво зашагала прочь из кабинета. Тревайз последовал за ней, чувствуя себя пигмеем в ее массивной тени — такого он никогда не испытывал прежде с женщиной.

Они вошли в кабину лифта, и, как только дверь закрылась, Лайзалор сказала:

— Мы теперь одни, и, если у вас еще есть иллюзии, Советник, что вы можете помериться со мной силой, дабы чего-либо добиться, рекомендую оставить их. — И немного мягче добавила: — На вид вы не слабак, Советник, но уверяю вас, мне ничего не стоит сломать вам руку — или хребет, если понадобится. Я вооружена другим, поэтому оружие мне не понадобится.

Тревайз задумчиво потер щеку, оценивающе смерив министершу взглядом.

— Министр, я могу одержать победу в схватке с любым мужчиной моей весовой категории, но с вами я заранее отказываюсь драться. Я не дерусь, когда уверен в проигрыше.

— Вот и славно, — кивнула Министр. Было заметно, что она польщена.

— Куда мы направляемся, Министр, если не секрет?

— Вниз. Довольно глубоко. Однако не переживайте. В гипервизионных драмах героев всегда отводят в темницу, полагаю, но у нас на Компореллоне темниц нет — только обычные тюрьмы. Мы направляемся в мои личные покои. Там не так романтично, как в темнице старых грозных имперских времен, зато гораздо более комфортабельно.

По подсчетам Тревайза, они опустились не меньше чем на пятьдесят метров ниже поверхности планеты, когда дверь остановившейся кабины скользнула в сторону и они вышли из нее.

20

Тревайз с нескрываемым удивлением огляделся по сторонам.

— Вам не нравится у меня, Советник? — спросила Министр.

— Нет, почему же, Министр. Наоборот, я поражен. Я не ожидал ничего подобного. Впечатление, которое я получил от вашего мира за то короткое время, что нахожусь здесь, от того

немногого, что я видел и слышал, — это мир строгости, умеренности, а уж никак не томной роскоши.

— Так оно и есть, Советник. Наши ресурсы ограничены, и наша жизнь должна быть так же сурова, как и наш климат.

— Но все это, Министр... — И Тревайз развел руками, словно пытаясь обнять комнату, где, впервые на этой планете, увидел разные цвета, где на кушетке лежало множество мягких подушек, где от стен струился нежный свет, где устланный коврами пол приглушал звук шагов. — Это же настоящая роскошь.

— Мы отвергаем, как вы верно подметили, Советник, бесполезную роскошь, кичливую роскошь, излишне дорогостоящую роскошь. Тут же роскошь в чистом виде, которая к тому же полезна. Я много работаю и несу большую ответственность. Мне необходимо место, где я могу расслабиться, забыть ненадолго о тяготах, связанных с работой на посту Министра.

— И что же, все компореллонцы живут так же, когда за ними не подсматривают, Министр?

— Все зависит от степени ответственности и важности работы. Немногие могут позволить себе подобное, заслужить такое или в соответствии с нашим моральным кодексом возжелать этого.

— Но вы, Министр, можете позволить и то, и другое, и третье?

— Ранг имеет свои привилегии. — Лайзалор уселась на кушетку, которая заметно прогнулась под ее основательным весом, и указала на мягкий стул, стоявший рядом. — А теперь усаживайтесь, Советник, и откройте мне все ваши безумные мысли.

Тревайз сел и расслабился.

— Безумные, Министр?

— В приватной беседе нет нужды слишком пунктуально соблюдать формальности, — вальяжно промурлыкала министерша, облокотившись о подушку. — Можете называть меня Лайзалор. Я буду называть вас Тревайзом. Скажите мне, что у вас на уме, Тревайз. Давайте выкладывайте.

Тревайз положил ногу на ногу и откинулся на спинку стула.

— Поймите, Лайзалор, вы предоставляете мне выбор: либо согласиться покинуть корабль добровольно, либо стать подсудимым на официальном процессе. В обоих случаях вы в конце концов завладеете кораблем. Правда, вы убедительно советуете мне склониться к первой альтернативе. Вы готовы предложить мне другой корабль взамен нынешнего, на котором, как вы говорите,

друзья и я можем отправиться куда угодно. Можем даже остаться здесь, на Компореллоне, и ходатайствовать о гражданстве, если пожелаем. Что касается не таких ответственных решений... вы охотно позволили мне пятнадцать минут посоветоваться с друзьями. Вы даже привели меня сюда, в ваши личные покои, а мои друзья находятся сейчас, по-видимому, в комфортабельных номерах. Короче, вы подкупаете меня, Лайзалор, и притом откровенно, чтобы гарантировать себе обладание кораблем без необходимости судебного разбирательства.

— Послушайте, Тревайз, вы что, не считаете меня способной на обычные человеческие порывы? Думаете, не они мной движут?

— Представьте, думаю именно так.

— Или сомневаетесь в том, что добровольная капитуляция быстрее и удобнее, чем судебное разбирательство?

— Да! Есть у меня одно подозрение.

— Какое же?

— Суд имеет один недостаток — публичность. Вы несколько раз упоминали добросовестную правовую систему вашего мира, и смею предположить, вам будет затруднительно организовать процесс так, чтобы он не был целиком и полностью записан. А если так, то Академии все станет известно, корабль ускользнет из ваших рук, как только процесс закончится.

— Конечно, — без всякого выражения сказала Лайзалор. — Владелец корабля — Академия.

— С другой стороны, — продолжал Тревайз, — договоренность со мной не должна официально регистрироваться. Вы получите корабль, и, поскольку Академия ничего не узнает, — они ведь даже не ведают, что мы находимся на этой планете, — Компореллон сможет оставить его себе. Уверен, это именно то, что вы собираетесь провернуть.

— Зачем нам это, как вы думаете? — усмехнулась Лайзалор. Она все еще сохраняла бесстрастность. — Разве мы не часть конфедерации Академии?

— Не совсем. Ваш статус — ассоциированный член. На карте Галактики, где миры — члены конфедерации Академии показаны красным, Компореллон и зависимые от него планеты окрашены в бледно-розовый цвет.

— Даже если и так, то, будучи ассоциированным членом, мы призваны верно сотрудничать с Академией.

— Призваны? Разве Компореллон не грезит о полной неза-

висимости и о господстве? Вы — древний мир. Почти все миры объявляют себя старше, чем есть на самом деле, но Компореллон-то действительно древний мир.

Министр Лайзалор позволила себе холодную улыбку.

— Старейший, если верить некоторым из наших патриотов.

— Разве не было такого времени, когда Компореллон действительно был во главе пускай и небольшой группы миров? Неужели вы до сих пор не мечтаете о возвращении этого положения и былого могущества?

— Зачем мечтать о несбыточном? Я назвала ваши мысли безумными, когда вы еще рта не раскрыли, и, как вижу, не ошиблась.

— Мечты могут быть несбыточными, но все, так или иначе, о чем-то мечтают. Терминус расположен на самом краю Галактики. Его пятивековая история короче истории любого другого мира. И он правит фактически всей Галактикой. Почему это недоступно Компореллону? А? — Тревайз улыбнулся.

— Терминус достиг такого положения, — не обратив внимания на его улыбку, сказала Лайзалор, — насколько мы понимаем, выполняя План Гэри Селдона.

— План — психологическая опора превосходства Терминуса и продержится скорее всего лишь до тех пор, пока люди верят в План. Возможно, само компореллонское правительство в действительности не верит во все это. Кроме того, Терминус обладает еще одной опорой — техникой. Гегемония Терминуса в Галактике, несомненно, основана на его превосходстве в технике, в качестве образчика которой вы так страстно желаете заполучить мой гравилет. Ни один мир, кроме Терминуса, не располагает гравилетами. Если Компореллон сможет завладеть кораблем и разобраться в принципах его действия, это поможет вам совершить гигантский технологический скачок. Уверен, это не позволит вам уйти из-под власти Терминуса, но ваше правительство, вероятно, надеется именно на это.

— Вы шутите, Тревайз? Любое правительство, захватившее этот корабль, тогда как Академия стремится во что бы то ни стало вернуть его, наверняка навлечет на себя гнев Академии. А история показывает, что Академия в гневе страшна.

— Гнев Академии может вспыхнуть только в том случае, если она знает, из-за чего и на кого ей гневаться.

— В этом случае, Тревайз, если предположить, что предложенный вами анализ — не безумие, разве не выгодно вам передать нам корабль и провернуть тем самым выгодную сделку? Мы хорошо заплатим за то, что все останется в тайне, и обсудим ваши условия.

— А вдруг я возьму да и сообщу обо всем Академии?

— Ни за что. Вы не сможете скрыть свою роль в этом деле.

— Я могу объяснить, что действовал под принуждением.

— Можете. Тем не менее здравый смысл подсказывает вам, что ваш Мэр не поверит ни единому вашему слову. Ну, соглашайтесь же.

— Не могу, мадам Лайзалор, — покачал головой Тревайз. — Корабль мой и должен остаться моим. Как я уже сказал, если вы попытаетесь силой проникнуть внутрь, может произойти мощный взрыв. Уверяю вас, это чистая правда. Не надейтесь на то, что я блефую.

— Вы можете разблокировать корабль и перепрограммировать компьютер.

— Несомненно, но я и не подумаю этого делать.

Лайзалор глубоко вздохнула.

— Вы знаете, что мы можем заставить вас передумать. Поговорим по душам, если не с вами, так с вашими друзьями — доктором Пелоратом и юной леди.

— Пытки, Министр? И это — ваша законность?

— Нет, Советник. Нам нет нужды прибегать к настолько примитивным методам. Всего-навсего психозондирование.

Впервые с момента прихода к Министру Тревайз похолодел. Было чего испугаться.

— Вы и этого не имеете права сделать. Использование психозонда для любых целей, кроме медицинских, считается противозаконным во всей Галактике.

— Но если ситуация продиктует такую необходимость...

— Я готов рискнуть, — сказал Тревайз, — но это не даст вам ровным счетом ничего. Мое стремление сохранить корабль настолько глубоко, что психозонд разрушит мой мозг раньше, чем перестроит его настолько, чтобы я отдал корабль вам. («*Это* блеф», — подумал он и похолодел сильнее.) И даже если вы будете настолько искусны, что переориентируете, убедите меня, не разрушив моего сознания, и если я разблокирую корабль, разоружу и передам его вам, все равно толку вам от этого не будет. Корабельный компьютер — вещь еще более совершенная, чем сам корабль, и он как-то устроен — я сам точно не знаю как, —

чтобы работать с полной отдачей только со мной. Что-то вроде персонального компьютера в буквальном смысле.

— Предположим тогда, что вы передадите нам корабль, но останетесь его пилотом. Согласитесь пилотировать его для нас — как почетный гражданин Компореллона? Высокая оплата. Роскошь в пределах разумного для вас и ваших друзей.

— Нет.

— Что же вы думаете? Что мы дадим возможность вам и вашим друзьям сесть на корабль и покинуть планету? Предупреждаю вас: прежде чем мы позволим сделать это, мы сообщим Академии, что вы были здесь на своем корабле, а они уж пускай дальше сами решают, как с вами быть.

— И потеряете корабль?

— Если уж нам суждено его потерять, то пусть уж лучше он достанется Академии, чем наглому чужаку.

— Тогда позвольте изложить мой собственный вариант.

— Вариант? Хорошо, послушаю. Приступайте.

— Я выполняю важное задание, — тщательно подбирая слова, начал Тревайз. — Оно началось при поддержке Академии. Поддержка исчезла, но миссия не стала от этого менее важной. Предоставьте мне взамен поддержку Компореллона, и, если я добьюсь успеха, Компореллон только выиграет.

— И ты не вернешь корабль Академии? — с нескрываемым сомнением, неожиданно переходя на «ты», спросила Лайзалор.

— И не собирался. Академия, уверяю вас, не искала бы корабль так рьяно, если бы они не догадывались, что никакого намерения возвращать его у меня нет, а если это и произойдет, то лишь случайно.

— Однако это далеко не то же самое, что твое согласие передать корабль нам.

— Как только я завершу свою миссию, корабль мне больше не понадобится, я не стану возражать — пусть Компореллон забирает его. Все может быть.

Они оба молча некоторое время смотрели друг на друга.

— Вы использовали сослагательное наклонение, — взяла себя в руки Лайзалор. — Что значит «может быть»? Мы не можем считать это обещанием.

— Я мог бы и поклясться, но что толку? Да, мои обещания осторожны и скромны, но как раз в этом залог их искренности.

— Умно, — сказала Лайзалор, кивнув. — Мне нравится. Ну, а

в чем заключается ваша миссия и какой от нее прок Компореллону?

— Нет, нет, теперь ваша очередь, — покачал указательным пальцем Тревайз. — Поддержите меня, если я докажу вам, что моя миссия важна и для Компореллона?

Министр Лайзалор встала с кушетки и сразу заполнила собой пространство.

— Я голодна, Советник Тревайз. Нет сил говорить на пустой желудок. Давайте перекусим, потом покончим с делами.

Тревайз на краткое мгновение поймал в ее взгляде что-то хищное. Улыбнуться ему удалось с невероятным трудом.

21

Угощение оказалось сытным, но жутко невкусным. Главным блюдом было вареное мясо под горчичным соусом с гарниром из листьев какого-то растения, но какого, Тревайз не смог распознать. Они не понравились ему горько-соленым вкусом. Позднее он узнал, что это какие-то морские водоросли.

Потом были поданы ломтики фруктов, по вкусу напоминавших яблоки с привкусом персика (довольно вкусные), и горячий темный напиток, настолько горький, что Тревайз осилил только половину и спросил, нельзя ли ему выпить просто холодной воды. Все порции оказались небольшими, но сейчас Тревайзу было не до сытости.

Обед проходил в интимной обстановке, без прислуги. Министр собственноручно разогрела еду, сервировала стол и сама убрала тарелки и приборы.

— Надеюсь, вам понравилось, — сказала Лайзалор, когда они покинули столовую.

— Очень вкусно, — отозвался Тревайз без всякого энтузиазма.

Министр снова устроилась на кушетке.

— Вернемся к нашему прерванному разговору. Вы сказали, что Компореллон может возмутиться тем, что Академия лидирует в технике и владычествует в Галактике. В общем-то, все так, но это может интересовать только тех, кого интересует межзвездная политика, а таких сравнительно мало. Что гораздо более важно, так это то, что среднего компореллонца приводит в ужас безнравственность, царящая в Академии. Безнравствен-

ность сейчас процветает в большинстве миров, но на Терминусе — это уж слишком. Я бы сказала, что любые антитерминусские настроения, существующие в нашем мире, проистекают скорее из этого, чем из каких-либо абстрактных материй.

— Безнравственность? — удивленно сказал Тревайз. — Какие бы ошибки Академии вы ни имели в виду, она управляет своей частью Галактики добросовестно, успешно и согласно законам. Гражданские права в целом не нарушаются и...

— Советник Тревайз, я говорю о сексуальной нравственности.

— В таком случае я понимаю вас еще меньше. В сексуальном плане мы абсолютно нравственное общество. Женщины у нас полноценно представлены во всех сферах общественной жизни. Наш Мэр — женщина, и Совет почти наполовину состоит из...

По лицу Министра проскользнула раздраженная гримаса.

— Советник, вы смеетесь надо мной? Наверняка вы знаете, что означает сексуальная нравственность. Является ли брак таинством на Терминусе?

— Что вы подразумеваете под таинством?

— Существует ли официальная церемония бракосочетания?

— Конечно, если люди хотят этого. Такая церемония упрощает денежные и наследственные проблемы.

— Но разводы имеют место?

— Конечно. Безнравственно связывать людей друг с другом, если...

— Разве не существует религиозных ограничений?

— Религиозных? Некоторые разводят философию вокруг древних культов, но что общего это может иметь с браком?

— Советник, здесь, в Компореллоне, каждый аспект секса строго контролируется. Никакого секса вне брака. Его внешние проявления ограничены даже в браке. Нас просто шокируют те миры — и Терминус в особенности, — где секс, по-видимому, рассматривается больше как публичное наслаждение. Причем вам не особенно важно, где, как и с кем предаваться удовольствию без оглядки на религиозные ценности.

— Простите, — пожал плечами Тревайз, — но при всем желании я не могу учинить реформу в масштабе Галактики или даже Терминуса — и потом, какое отношение все это имеет к вопросу о моем корабле?

— К вопросу о вашем корабле имеет отношение общественное мнение, и оно ограничивает мои возможности свести дело к компромиссу. Граждане Компореллона ужаснутся, если узнают,

что ты взял на борт молодую привлекательную женщину для удовлетворения похотливых желаний, твоих и твоего спутника. И именно в интересах безопасности всех вас я настаиваю на том, чтобы ты предпочел мирную капитуляцию открытому судебному процессу, — взъярилась Лайзалор.

— Как я понимаю, вы использовали обед, чтобы прибегнуть к угрозам после угощения... Что? Опасаться суда Линча?

— Я всего-навсего описала возможные опасности. Будете ли вы отрицать, что женщина, приглашенная вами на борт корабля, взята с какой-либо иной целью?

— Конечно, буду, могу опровергнуть это. Блисс — подруга моего друга доктора Пелората. Кроме нее, у него никого нет. Может быть, по вашим законам, их связь браком не является, но я уверен, что, по мнению Пелората и Блисс, они женаты на все сто.

— Хотите сказать, что не имеете с ней никаких отношений?

— Конечно, нет, — выпалил Тревайз. — За кого вы меня принимаете?

— Трудно сказать. Я не знаю, каковы ваши понятия о нравственности.

— Тогда позвольте объяснить, что мои понятия о нравственности диктуют мне непозволительность покушения на любую собственность моего друга — в частности, на его подружку.

— Вы даже не испытываете такого искушения?

— Искушение искушением, но соблазнить меня невозможно.

— Совсем невозможно? А, наверное, вас не интересуют женщины.

— Ну что вы! Очень даже интересуют.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы были близки с женщиной?

— Несколько месяцев. Этого не было с тех пор, как я покинул Терминус.

— Наверняка это вас не радует.

— Еще бы, — с чувством воскликнул Тревайз, — но ситуация такова, что у меня нет выбора.

— Наверняка ваш друг Пелорат, заметив ваши страдания, был бы рад поделиться с вами своей женщиной.

— Я ему про свои мучения не докладывал, но, если бы и так, он не захотел бы делить со мной Блисс. И она, я думаю, не согласилась бы. Я ей не нравлюсь.

— Вы это говорите потому, что уже пытались проверить на практике?

— Не пытался. Мне не нужна проверка на практике. Да и она мне не особенно нравится.

— Удивительно! Она хороша собой и должна привлекать внимание мужчин.

— Внешне она на самом деле привлекательна. Но во мне она никаких порывов не будит. Может быть, из-за того, что слишком юна, в некотором смысле еще совсем ребенок.

— Значит, вы предпочитаете зрелых женщин?

Тревайз замолк. Ловушка?

— Мне попадались и зрелые женщины — я ведь и сам не мальчик, — уклончиво ответил он. — А какое отношение это имеет к моему кораблю?

— Да забудьте вы про свой корабль хоть ненадолго! Мне сорок шесть лет, и я незамужем. Я все время была слишком занята, чтобы выйти замуж.

— В таком случае, по компореллонским правилам, вы должны были всю вашу жизнь посвятить воздержанию. Поэтому вы спрашивали, когда я последний раз был близок с женщиной? Хотели моего совета? Если так, я скажу, что это не еда и не вода. Это неприятно — обходиться без секса, но возможно.

Министр улыбнулась, и снова в ее взгляде мелькнуло что-то хищное.

— Зря вы так думаете обо мне, Тревайз. У каждого ранга — свои привилегии, особенно если вести себя осмотрительно. Я не так уж целомудренна. Тем не менее компореллонские мужчины не удовлетворяют меня. Я согласна с тем, что нравственность — абсолютное благо, но мужчины из-за своих понятий чувствуют себя виноватыми и в постели трусливы и неизобретательны. Долго раскачиваются, а потом спешат — словом, не мастера.

— Но я-то что могу с этим поделать? — исключительно осторожно спросил Тревайз.

— Хочешь сказать, — снова резко перешла на «ты» Лайзалор, — что это моя вина? Что я непривлекательна?

Тревайз протестующе поднял руку.

— Я вовсе не это хотел сказать!

— Ну, а как бы ты себя повел, представься тебе случай? Ты — мужчина из безнравственного мира, который, должно быть, имел богатую сексуальную практику и вдобавок перенес

несколько месяцев вынужденного воздержания в присутствии юной очаровательной женщины. Как бы ты повел себя с такой женщиной, как я, зрелой, которые, как ты сам признался, тебе по вкусу?

— Я вел бы себя с уважением и благопристойностью, приличествующей вашему высокому положению.

— Не дури! — прошептала Министр. Ее левая рука скользнула направо, к талии. Белая полоска вокруг нее ослабла и спала с груди и шеи. Черная ткань платья обвисла свободными складками.

Тревайз застыл. Было ли это у нее на уме... и с каких пор? Или это была взятка, чтобы добиться того, чего она не смогла добиться угрозами?

Платье соскользнуло с плеч Лайзалор. Ее груди оказались такими же, как она сама, — массивными, упругими, могучими.

— Ну? — сказала она.

— Великолепно! — совершенно откровенно восхитился Тревайз.

— И что же ты будешь делать?

— А как же моральный кодекс Компореллона, мадам Лайзалор?

— Что до него мужчине с Терминуса? Каков *твой* моральный кодекс? Не тяни. Моя грудь холодна и жаждет тепла.

Тревайз встал и начал раздеваться.

Глава 6

ПРИРОДА ЗЕМЛИ

22

Тревайз, объятый чувством, похожим на наркотический дурман, гадал, сколько же прошло времени.

Рядом с ним лежала Мица Лайзалор, Министр Транспорта, на животе, повернув голову набок, с открытым ртом и громко храпела. Тревайз с облегчением понял, что она спит, и как только проснется, надеялся он, поймет, что спала.

Тревайз хотел еще поспать, но понимал, как важно отказаться от этого удовольствия. Проснувшись, она не должна увидеть его спящим. Мица должна поверить, что, когда она погрузилась

в бессознательный транс, он еще бодрствовал. Ей и следовало ожидать такой прыти от терминусского распутника, и, пожалуй, лучше ее не разочаровывать.

Между прочим, он был на высоте. Он верно угадал, что Лайзалор, обладающая такими формами и силой, и политической властью, презирающая компореллонских мужчин, с которыми ей случалось быть в связи, и в то же время завороженная кошмарными историями (что же она слышала? — недоумевал Тревайз) о сексуальных подвигах развратников с Терминуса, будет стремиться доминировать. Скорее всего она этого и ждала.

Тревайз пошел, на всякий случай, ей навстречу и, к счастью, оказался прав. («Тревайз-который-никогда-не-ошибается» — поддразнил он себя.) Это доставило Мице удовольствие, а Тревайзу дало возможность сберегать силы, пока она истощала свои.

Ему пришлось нелегко. У министерши оказалось изумительное тело (сорок шесть, сказала она, но за такое не стыдно было бы двадцатипятилетней гимнастке) и поистине неисчерпаемый запас энергии — энергии, уступавшей только той беззаботности, с которой она ее тратила.

«Честное слово, — думал Тревайз, — если ее немного обуздать, обучить (правда, останусь ли я жив после таких сеансов?), дать ей понять, чего она стоит и, что еще более важно, чего стою я, она могла бы стать неплохой любовницей».

Храп внезапно прекратился, и Лайзалор пошевелилась. Тревайз коснулся ее плеча и ласково погладил. Глаза Мицы открылись. Тревайз приподнялся на одном локте и постарался принять вид полного сил и энергии мужчины.

— Я рад, что ты поспала, дорогая, — сказал он. — Тебе нужно было отдохнуть.

Она сонно улыбнулась, и на мгновение Тревайз ужаснулся: вдруг Лайзалор захочет вернуться к прерванному занятию, но она лишь вяло приподнялась и перевернулась на спину, сказав нежным и довольным голосом:

— Я не ошиблась в тебе. Ты — король секса.

Тревайз попытался состроить из себя скромника:

— Наверное, я перестарался.

— Нет, ты был то, что нужно. Я боялась, что ты обманул меня и все-таки был близок с этой женщиной, но ты доказал мне, что я зря боялась. Это правда, скажи?

— Разве я был похож на полупресыщенного любовника?

— Нет, что ты! — И она громко рассмеялась.

— Ты все еще думаешь о психозондировании?

— Ты что, с ума сошел? — вновь рассмеялась она. — Могу ли я думать о том, чтобы потерять тебя теперь?

— Знаешь, для тебя, пожалуй, было бы даже лучше терять меня время от времени...

— Что? — выдохнула Лайзалор.

— Если я буду торчать здесь все время, моя... моя прелесть, сколько пройдет времени, прежде чем глаза увидят, а рты зашепчут? Если же я продолжу свою миссию, я буду время от времени возвращаться для доклада, и будет только естественно, что мы будем какое-то время проводить наедине. Пойми, моя миссия на самом деле исключительно важна.

Она задумалась, рассеянно поглаживая крутое бедро, и наконец сказала:

— Наверное, ты прав. Мне не хочется думать об этом, но... Наверное, ты прав.

— И не бойся, что я не вернусь, — сказал Тревайз. — Я не такой дурак, чтобы забыть, что ожидает меня здесь.

Мица улыбнулась ему, нежно коснулась его щеки и спросила, глядя в глаза:

— Тебе было хорошо, любовь моя?

— Больше, чем хорошо, моя прелесть.

— А ведь ты — мужчина в расцвете сил с самого Терминуса. Ты, должно быть, знавал самых разных женщин, истинных мастериц своего дела.

— Но ни одной — ни одной — похожей на тебя, — произнес Тревайз убежденно и легко, ведь в конце концов он говорил чистую правду.

— Хорошо, если ты меня не обманываешь, — благодушно проворковала Лайзалор. — Но все-таки старые привычки отмирают нелегко, и я не думаю, что смогу заставить себя доверять тебе на слово, просто так. Ты и твой друг Пелорат сможете продолжить вашу миссию, как только я ознакомлюсь с ней и сочту возможным одобрить, но задержу вашу спутницу здесь. Не волнуйся, с ней будут хорошо обходиться, но думаю, твой друг будет скучать по ней, а значит, захочет чаще возвращаться на Компореллон, чтобы увидеться с ней, даже если ты с головой уйдешь в дела.

— Но, Лайзалор, это невозможно.

— Неужели? — подозрительно прищурилась она. — Почему же невозможно? Зачем тебе нужна эта женщина?

— Не для секса. Я не лгал тебе и сейчас не лгу. Она принадлежит Пелорату, и я ею не интересуюсь. С другой стороны, я уверен, что она просто сломается, если попытается проделать то, что вытворяла ты.

Лайзалор готова была улыбнуться, но, сдержав улыбку, строго спросила:

— Что же тогда тебе горевать из-за того, что она останется на Компореллоне?

— Потому что она — не последнее звено в успехе нашего дела. Мы обязательно должны взять ее с собой.

— Ну, тогда скажи наконец, в чем заключается ваша миссия? По-моему, пора бы открыться.

Тревайз ответил не сразу. Отвечать надо было честно. Он не мог придумать более эффектной лжи.

— Послушай, — сказал он. — Компореллон — древний мир, даже один из древнейших, но он не может быть самым древним. Человеческая жизнь зародилась не здесь. Первые человеческие существа пришли сюда из какого-то другого мира, и, возможно, жизнь человеческая зародилась даже не там, но была принесена с еще одной, более древней планеты. Очевидно, впрочем, что эта ретроспектива должна где-то оборваться, и мы должны в конце концов добраться до самого первого мира, мира, где появился человек. Я ищу Землю.

Перемена, внезапно произошедшая с Мицей Лайзалор, сильно смутила Тревайза.

Она выпучила глаза, задышала тяжело и неровно, каждый ее мускул, казалось, напрягся, хотя она лежала по-прежнему на спине. Она резко взмахнула руками и скрестила на обеих указательный и средний пальцы.

— Ты произнес ее имя, — хрипло прошептала она.

23

Больше она ничего не сказала, даже не взглянула на него. Ее руки медленно опустились, ноги скользнули к краю постели. Мица села спиной к Тревайзу. Он застыл, не шевелясь.

Тревайзу казалось, будто он отчетливо слышит слова Мунна Ли Компора, произнесенные им в безлюдном туристском центре на Сейшелле. Тот говорил о планете своих предков — той самой, на которой Тревайз находился сейчас. «У компореллонцев полно

предрассудков насчет Земли. Всякий раз, когда при них или они сами упоминают это слово, они вскидывают обе руки с перекрещенными пальцами, чтобы отвести беду».

Увы, вспомнил он о словах Компора поздновато.

— Что я такого сказал, Мица? — пробормотал он.

Она покачала головой, встала и пошла в ванную. Спустя мгновение раздалось журчание воды.

Оставалось только ждать. И Тревайз ждал, гадая, не пойти ли за Мицей в ванную. Подумав, он окончательно решил, что этого делать не стоит. Но как только решил, так ему сразу нестерпимо захотелось попасть туда.

Мица наконец вышла и молча принялась одеваться.

— Ты не возражаешь, если я... — робко показал на душевую Тревайз.

Она промолчала, и он принял молчание за согласие.

Тревайзу хотелось пройти по комнате гордо и высокомерно, но чувствовал он себя почти так, как в те далекие дни, когда мать, обиженная каким-нибудь его проступком, наказывала не иначе как молчанием, заставляя съеживаться от стыда.

Он оглядел изнутри кабину с голыми стенами. Тревайз присмотрелся внимательнее — ничего, то есть совсем ничего.

Он приоткрыл дверь, высунулся и спросил:

— Слушай, а как у тебя душ включается?

Она отставила дезодорант (по крайней мере, Тревайз предположил, что она пользовалась именно дезодорантом), прошествовала в душевую и, все еще не глядя на него, ткнула пальцем. Тревайз посмотрел в ту сторону и заметил пятнышко на стене — круглое, бледно-розовое, едва заметное, словно дизайнер был сердит на то, что вынужден нарушить совершенную белизну стен из-за столь пустяковой причины.

Тревайз недоуменно пожал плечами, дотянулся до стены и коснулся пальцами пятна. Вероятно, это и надлежало сделать с самого начала, так как моментально поток тонких струй ледяной воды обрушился на него со всех сторон. Сдержав вопль, он вновь прикоснулся к розовому кружку, и душ выключился.

Он снова приоткрыл дверь, понимая, что выглядит теперь еще более жалко, так как сильно дрожал и даже не мог внятно выговаривать слова. Он только сумел проквакать:

— А как же включается горячая вода?

Мица наконец удостоила его взглядом. Вид Тревайза был на-

столько жалок, что она не выдержала — прыснула и громко расхохоталась.

— Какая горячая вода? — отсмеявшись, спросила она. — Не думаешь ли ты, что мы будем тратить энергию на то, чтобы греть воду для мытья? Вода теплая, то есть не очень холодная. Чего еще тебе надо? Ах ты, неженка! Ну-ка иди мойся!

Тревайз замялся, но ненадолго, так как выбора у него не было.

Он неохотно коснулся розового кружка и попытался мысленно подготовить свое тело к готовым хлынуть ледяным струям. Теплая вода? Он почувствовал, как кожа покрывается мыльной пеной, и поспешно стал тереть себя с ног до головы, решив, что тут скорее всего существует некий заданный цикл подачи воды, и, судя по всему, не особенно длинный.

Затем начался цикл ополаскивания. Теплая — ну если не теплая, то все-таки не такая холодная вода омыла его совершенно промерзшее тело.

Стоило Тревайзу подумать о том, чтобы опять нажать на розовый кружочек, дабы выключить воду, и удивиться, как это могла Лайзалор выйти из ванной сухой — ведь здесь не было ни полотенца, ни чего-либо, хотя бы смутно его напоминающего, — вода перестала литься. А потом подуло, да так, что вполне могло бы сбить с ног, если бы не дуло со всех сторон сразу.

Воздух, в отличие от воды, оказался горячим, слишком горячим. Тревайз решил, что это потому, что для нагрева воздуха необходимо гораздо меньше затрат энергии, чем для нагрева воды. Горячий воздух испарил с него воду, и через несколько минут он вышел таким же сухим, словно никогда в своей жизни близко не подходил к воде.

Лайзалор на вид совершенно пришла в себя.

— Как себя чувствуешь?

— Здорово, — ответил Тревайз. Он и в самом деле чувствовал себя поразительно — бодро и свежо. — Мне нужно было только морально подготовиться к такой температуре. Ты ведь меня не предупредила...

— Неженка, — презрительно фыркнула Лайзалор.

Тревайз побрызгался ее дезодорантом и начал одеваться, внутренне страдая оттого, что у него нет чистого белья.

— Как я должен называть... эту планету? — осторожно спросил он.

— Мы называем ее «Старейшая».

— Откуда я мог знать, что произнесенное мной название запрещено? Разве ты мне сказала?

— Разве ты спросил?

— Откуда мне знать, что нужно спрашивать?

— Зато теперь знаешь.

— Я могу и забыть.

— Лучше не забывать.

— Но в чем крамола? — Тревайз почувствовал, как разгорается в душе азарт спорщика. — Это же просто слово, сочетание звуков.

— Есть слова, которые не произносят, — угрюмо проговорила Лайзалор. — Разве ты произносишь все слова, какие знаешь, при любых обстоятельствах?

— Некоторые слова вульгарны, некоторые неподходящи, другие в какой-то ситуации могут оказаться жестокими. К каким из них относится слово, которое я произнес?

— Это слово печальное и торжественное. Оно обозначает планету, являющуюся прародиной для всех нас и более не существующую. Это трагично, и мы чувствуем это особенно, потому что она недалеко от нас. Мы предпочитаем не говорить о ней, а если вынуждены говорить, не произносим ее названия.

— А перекрещивание пальцев? Это что — облегчает боль и печаль?

Лайзалор вспыхнула.

— Это бессознательная реакция, и я не скажу тебе спасибо за то, что ты принудил меня к ней. Есть люди, которые верят, что это слово, даже произнесенное мысленно, приносит несчастье, а этим жестом они отводят его.

— Ты тоже веришь, что скрещивание пальцев помогает избежать несчастья?

— Нет... Или да, иногда. Мне будет не по себе, если я не сделаю этого. — Она отвела взгляд. Потом, словно стремясь сменить тему, быстро спросила: — И какое же значение имеет эта черноволосая женщина для успеха вашей миссии — достижения... той планеты, которую ты упомянул?

— Говори «Старейшей». Или ты предпочитаешь не говорить о ней даже так?

— Я предпочла бы не обсуждать это совсем, но я задала тебе вопрос.

— Видишь ли, у ее народа есть кое-какие традиции, которые, как она говорит, являются ключом к пониманию Старейшей, но

только если мы доберемся до нее и сможем изучить тамошние записи.

— Она лжет.

— Возможно, но мы обязаны проверить это.

— Хорошо, у вас есть эта женщина с ее проблематичными, на мой взгляд, знаниями, и вы хотите попасть на Старейшую с ней. Почему вы очутились на Компореллоне?

— Для того, чтобы узнать местоположение Старейшей. У меня был один приятель... он, как и я, гражданин Академии. Предки его, однако, происходили с Компореллона, и он уверял, что многое из истории Старейшей было хорошо известно здесь.

— Неужели? А рассказывал он тебе что-нибудь из этой истории?

— Да, — сказал Тревайз, вновь возвращаясь к честности. — Он сказал, что Старейшая — мертвая планета с сильнейшей радиацией. Он не знал, откуда она взялась, но думал, что это могло быть результатом ядерных взрывов. Во время войны, вероятно.

— Нет! — воскликнула Лайзалор импульсивно.

— Нет — войны не было? Или нет — Старейшая не радиоактивна?

— Она радиоактивна, но войны никакой не было.

— Тогда как же она стала такой? Она не могла быть радиоактивна изначально, так как жизнь людей началась на Старейшей. В этом случае на ней никогда не смогла бы возникнуть жизнь.

Казалось, Лайзалор впала в замешательство. Она стояла выпрямившись и глубоко дышала, словно ей не хватало воздуха.

— Это в наказание, — сказала она наконец. — На этой планете пользовались роботами. Ты знаешь, что такое роботы?

— Да.

— У людей там были роботы, и за это они были наказаны. Каждый мир, имевший роботов, наказан и больше не существует.

— Кто наказал их, Лайзалор?

— Тот-Кто-Наказывает. Силы истории. Я не знаю, — она отвела взгляд, словно чувствуя себя неловко, затем тихо проговорила: — Спроси других.

— Я бы хотел, но кого я должен спросить? Есть ли на Компореллоне люди, которые изучают древнюю историю?

— Есть. Они не популярны среди нас — средних компореллонцев. Но Академия, ваша Академия, призывает к интеллектуальной свободе, как они это называют.

— Неплохой призыв, на мой взгляд, — заметил Тревайз.

— Все плохо, что навязывается извне, — парировала Лайзалор.

Тревайз пожал плечами. Спорить не имело смысла.

— Мой друг доктор Пелорат изучает древнюю историю. Он был бы рад, я уверен, познакомиться со своими компореллонскими коллегами. Можешь устроить, Лайзалор?

— Есть такой историк, Бэзил Дениадор. Он работает в Университете, здесь, в городе, — кивнула она. — Он уже не преподает, но, возможно, сумеет тебе помочь.

— А почему он не преподает?

— Не то чтобы ему запрещают, просто студенты не хотят изучать его курс.

— Я полагаю, — сказал Тревайз, стараясь, чтобы в его словах не прозвучал сарказм, — что студентов подбивают не изучать его.

— Зачем он им нужен? Он скептик. У нас такие попадаются, знаешь ли. Гордецы, противопоставляющие свой образ мыслей общепринятому, высокомерные, думают, что только они правы, а все остальные ошибаются.

— Разве не может быть так, что они действительно правы кое в чем?

— Никогда! — огрызнулась Лайзалор с такой твердой уверенностью, что стало ясно: дальше спорить — пустое дело. — Но, несмотря на весь свой скептицизм, он будет вынужден сказать тебе то же самое, что и любой компореллонец.

— И что же?

— А то, что, если ты ищешь Старейшую, ты не найдешь ее.

24

Пелорат задумчиво выслушал Тревайза, при этом его вытянутое серьезное лицо оставалось бесстрастным. И лишь после того, как Тревайз закончил, он сказал:

— Бэзил Дениадор? Что-то не припомню. Правда, возможно, вернувшись на корабль, я смогу найти его статьи в моей библиотеке.

— Ты уверен, что не слышал о нем? Подумай!

— Нет, не слышал. По крайней мере, сейчас вспомнить не могу, но, вообще говоря, дружочек дорогой, существуют сотни достойных уважения ученых, о которых я и слыхом не слыхивал, а если слышал, то не могу вспомнить.

— Значит, он не из разряда светил, иначе ты бы знал о нем.

— Изучение Земли...

— Лучше говорить «Старейшей», Джен. В противном случае ты сильно осложнишь себе жизнь.

— Изучение... Старейшей, — продолжил Дженов, — неблагодарное занятие, так что первоклассные ученые, даже в области первобытной истории, не стремятся найти призвание в нем. Или, говоря другими словами, те, кто уже занимается Землей, не сделают себе такого громкого имени, чтобы равнодушный мир признал их светилами, даже если они таковы. Любой скажет, что бывают специалисты и получше меня, я уверен.

— Я бы сказала, что ты самый лучший, — нежно произнесла Блисс.

— Да, конечно, ты бы так сказала, моя дорогая, — отозвался Пелорат, мило улыбнувшись, — но ты не можешь судить обо мне как об ученом.

Судя по времени, приближалась ночь, и Тревайз чувствовал, как терпение оставляет его. Это происходило с ним всегда, когда Блисс и Пелорат начинали говорить друг другу всякие нежности.

— Я попытаюсь организовать встречу с этим Дениадором завтра, — сказал он, — но, если он знает о том, что нас интересует, столько же, сколько Министр, мы не продвинемся вперед ни на йоту.

— Возможно, он направит нас к кому-нибудь, кто окажется более полезен, — предположил Пелорат.

— Сомневаюсь. Отношение этой планеты к Земле — нет, я лучше закреплю привычку — отношение этой планеты к Старейшей — глупость и суеверие. — Он отвернулся. — Но день был трудный, и нам пора подумать об ужине, если мы сможем переварить их сомнительную стряпню, и потом надо будет подумать о том, как бы немного поспать. Вы уже познакомились со здешним душем?

— Дружочек, — ответил Пелорат, — с нами обходились очень вежливо. Мы выслушали уйму всевозможных наставлений, большинство из которых нам не пригодилось.

— Послушай, Тревайз, — сказала Блисс, — а что с кораблем?

— А что?

— Компореллонское правительство конфисковало его?

— Нет, я не думаю, что они осмелятся это сделать.

— О, очень приятно. А почему?

— Потому что я убедил министершу изменить ее планы.

— Удивительно, — сказал Пелорат. — Мне она не показалась такой уж сговорчивой дамой.

— Я не знаю, — сказала Блисс. — Из структуры ее сознания стало ясно, что Тревайз будет подходящей кандидатурой в любовники.

Тревайз ошеломленно глянул на Блисс.

— Так это ты подстроила все это, Блисс?

— Ты о чем, Тревайз?

— Я имею в виду вмешательство в ее...

— Я не вмешивалась. Однако, когда я заметила, что ее влечет к тебе, я не могла удержаться, чтобы не снять кое-какие психологические барьеры. Они рухнули бы в любом случае, но мне показалось важным увериться в том, что она исполнена добрых чувств к тебе.

— Добрых чувств? Более чем исполнена! Она смягчилась, да, но уже потом, после того, как...

— Наверняка ты не хочешь сказать, дружочек...

— Почему бы и нет? — вопросом ответил Тревайз. — Она не первой молодости, но зато с опытом. Министерша не новичок, уверяю тебя. Не мог же я разыгрывать джентльмена и отказывать даме. Это была ее идея, но я и сам не устоял бы. Слушай, Джен, не гляди на меня как пуританин. Прошли месяцы с тех пор, как у меня была подобная возможность. У тебя... — И он неопределенно махнул рукой в сторону Блисс.

— Поверь мне, Голан, — сказал Пелорат смущенно, — если ты думаешь, что я осуждаю тебя, ты ошибаешься. Я совсем, совсем не против. Какой я пуританин?

— Но она пуританка, — сказала Блисс. — То есть я не предполагала пробудить в ней добрые чувства к тебе посредством пароксизма страсти.

— Но именно этого ты и добилась, маленькая, во все вмешивающаяся Блисс, — сказал Тревайз. — Министерше необходимо играть пуританку на публике, но если так, это, похоже, только подлило масла в огонь.

— Но если так, значит, она, разжигаемая страстью, способна предать Академию...

— Она должна была это сделать в любом случае, — ухмыльнулся Тревайз. — Она хотела получить корабль... — Он запнулся и спросил шепотом: — Нас не подслушивают?

— Нет!

— Ты уверена?

— Совершенно. Нельзя повлиять на сознание Геи любым недозволенным образом без того, чтобы Гея не заметила этого.

— В нашем случае Компореллон желает заполучить корабль для себя как ценную прибавку к своему флоту.

— Но Академия наверняка не позволит этого.

— Компореллон не горит желанием сообщать об этом Академии.

— В этом все вы, изоляты, — вздохнула Блисс. — Министерша готова предать Академию во имя Компореллона, но, отдавшись Тревайзу, незамедлительно предала также и Компореллон. А Тревайз, он рад продать свои мужские услуги, чтобы спровоцировать предательство. Что за беспорядок повсюду в вашей Галактике? Что за хаос?!

— Ты ошибаешься, девочка... — холодно сказал Тревайз.

— То, что я только что сказала, я сказала не как девочка, а как Гея. Я — вся Гея.

— Значит, ты ошибаешься, Гея. Я не продавал своих услуг. Я дарил ей радость. Я осчастливил ее и никому не принес вреда. Что касается последствий, то они оказались удачными для меня, и я принял их. И если Компореллон жаждет получить корабль для своих собственных целей, как тут решить — кто прав, кто не прав? Корабль принадлежит Академии, а мне предоставлен для поисков Земли. Следовательно, он мой, пока я не завершу поиски. Стало быть, Академия не права, отменяя свое же распоряжение. Что же до Компореллона, он не желает быть доминионом Академии и мечтает о независимости. По-своему он прав, поступая так и обманывая Академию, поскольку для него это не государственная измена, а проявление патриотизма. Кому судить?

— Точно. Кому судить? В Галактике, где царит анархия, можно ли отличить разумные поступки от неразумных? Как решить: что правильно, а что нет, что добро, а что зло, как отличить правосудие от преступления, полезное от бесполезного? А как объяснить предательство Министром своего собственного правительства, когда она позволяет тебе оставить корабль? Тоской по собственной независимости в мире, где независимость угнетается? Предательница она или просто человек, просто женщина, отстаивающая право быть самой собой?

— По правде говоря, — сказал Тревайз, — я не уверен, что она решила оставить мне корабль только из благодарности за доставленное удовольствие. И вообще, у меня сильное подозрение, что она приняла это решение только после того, как я сказал ей, что ищу Старейшую. Эта планета — для нее знак, а значит, и мы, и корабль, на котором мы странствуем в поисках ее, тоже несут отпечаток этого знака. Ей, вероятно, кажется, что, пытаясь добыть этот корабль, она навлекает несчастье на себя и свой мир, и теперь она с ужасом думает обо всем, и ей кажется, что, отпустив нас вместе с кораблем на все четыре стороны, она отведет от Компореллона беду, а это, по ее понятиям, проявление патриотизма.

— Если бы все так и было, в чем я лично сомневаюсь, Тревайз, источником этого решения оказался предрассудок. Ты согласен?

— Согласен не согласен — какая разница? Предрассудки обычно правят людьми при отсутствии достоверных знаний. Академия верит в План Селдона, хотя никто в нашем мире не может ни понять его, ни вникнуть в его детали, ни воспользоваться им для предсказаний. Мы следуем ему слепо, полагаясь только на веру. Разве это не предрассудок?

— Да, возможно, так оно и есть.

— А Гея что? Вы уверены, что я вынес правильное решение, объявив, что Гея должна поглотить Галактику и переродиться в один огромный организм, но вы не знаете, почему я прав и насколько безопасны для вас последствия моего решения. Вы стремитесь пойти по этому пути, отметая все мои попытки найти факты, которые рассеяли бы неведение и помогли бы обойтись без слепой веры. Разве это не предрассудок?

— Мне кажется, он положил тебя на лопатки, Блисс, — заметил Пелорат.

— Вовсе нет, — сказала Блисс. — Эти поиски либо вовсе ни к чему не приведут, либо Тревайз найдет что-нибудь такое, что укрепит его в верности принятого решения.

— Опять одно и то же — смесь невежества и веры. Предрассудок, как ни крути.

25

Бэзил Дениадор оказался человеком маленького роста, с мелкими чертами лица и имел обыкновение смотреть на всех исподлобья, не поднимая головы. Все это, в сочетании с мимолетной улыбкой, время от времени освещавшей его лицо, создавало

впечатление, что он молча посмеивается над всем и всеми на свете.

Его кабинет оказался длинным и узким, от пола до потолка забитым лентами с какими-то записями. Казалось, они находятся в диком беспорядке, но это была лишь иллюзия, так как ленты всего-навсего стояли в своих нишах, придавая полкам вид челюстей, владельцу которых, мягко говоря, не помешало бы обратиться к ортодонту. Три кресла, на которые ученый указал своим посетителям, принадлежали разным гарнитурам и носили следы недавней, но не очень тщательной чистки от пыли.

— Джен Пелорат, Голан Тревайз и Блисс... Я не знаю вашей фамилии, мадам, — сказал он.

— Блисс, — сказала она, садясь в кресло, — чаще меня зовут так, и этого достаточно.

— Я думаю, этого вполне достаточно, — поклонившись ей, резюмировал Дениадор. — Вы достаточно привлекательны, чтобы вовсе не иметь имени.

Все рассмеялись.

— Я слышал о вас, доктор Пелорат, хотя мы никогда не переписывались, — продолжил Дениадор. — Вы из Академии, не так ли? С Терминуса?

— Да, доктор Дениадор.

— А вы — Советник Тревайз. Я вроде бы слыхал, что недавно вас исключили из Совета и выслали. Правда, я не понял и вряд ли пойму, почему.

— Не исключили, сэр. Я все еще член Совета, хотя и не знаю, когда смогу вернуться к своим обязанностям. Меня не выслали, а послали с миссией, касательно которой мы хотели бы проконсультироваться с вами.

— Чем смогу — помогу, — улыбнулся Дениадор. — А божественная леди? Она тоже с Терминуса?

— Неважно, откуда она, доктор, — быстро вмешался Тревайз.

— О, как, наверное, прекрасен этот мир — «Неважно-откуда», если все там так красивы. Но так как двое из вас из столицы Академии, Терминуса, а третья — хорошенькая женщина, невесть откуда, как случилось, что Мица Лайзалор, известная своей нелюбовью к чужеземцам, так радушно препоручила вас моим заботам?

— Думаю, — сказал Тревайз, — это была попытка избавиться

от нас. Чем скорее вы поможете нам, тем раньше мы покинем Компореллон.

Дениадор с интересом уставился на Тревайза, просияв улыбкой, и сказал:

— Конечно, энергичный молодой человек, такой, как вы, например, мог привлечь ее, откуда бы ни был родом. Ей неплохо удается роль холодной весталки, но играет она все же с толикой фальши.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — холодно промолвил Тревайз.

— Тем лучше. При посторонних, по крайней мере. Но я — скептик и профессионально не расположен верить в то, что лежит на поверхности. Вернемся к делу, Советник. В чем состоит ваша миссия? Позвольте мне узнать, смогу ли я помочь вам?

— Это вопрос к доктору Пелорату.

— У меня нет никаких возражений. Итак, доктор Пелорат?

— Если говорить откровенно, уважаемый доктор, — начал Пелорат, — я всю сознательную жизнь пытался подобраться как можно ближе к основному ядру утверждений, касающихся планеты, где возник род человеческий; и меня послали в путь с моим добрым другом Голаном Тревайзом — хотя, если быть точным до конца, мы тогда были едва знакомы, — чтобы найти, если удастся... э-э... Старейшую, как, я полагаю, вы называете ее.

— Старейшую? — переспросил Дениадор. — Я так понимаю, вы имеете в виду Землю?

У Пелората просто-таки отвисла челюсть. Затем он сказал, слегка заикаясь:

— У меня создалось впечатление... то есть мне дали понять... что никто не...

Он довольно беспомощно оглянулся на Тревайза.

— Министр Лайзалор сказала мне, что этим словом не пользуются на Компореллоне, — пояснил Тревайз.

— Вы хотите сказать, что она изобразила вот это? — Рот Дениадора скривился, нос сморщился, и доктор, энергично выбросив руки вперед, скрестил по два пальца на каждой руке.

— Да, — подтвердил Тревайз. — Именно это я хотел сказать.

Дениадор откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

— Ерунда, джентльмены. Мы делаем это по привычке; в глубине сознания, правда, кто-то может воспринимать это серьезно, но, в общем, это не имеет значения. Я не знаю ни одного компо-

реллонца, кто не мог бы сказать «Земля» с досады или в испуге. Это наиболее распространенное ругательство.

— Ругательство? — почти шепотом переспросил Пелорат.

— Бранное слово, если вам так больше нравится.

— Тем не менее, — сказал Тревайз, — Министр очень расстроилась, когда я произнес это слово.

— Ну да, она же горянка, это понятно.

— Что это значит, сэр?

— То и значит: Мица Лайзалор родом с Центрального Горного Хребта. Дети из тех мест воспитываются в так называемом «старом добром духе», что означает: какое бы блестящее образование они ни получили, вы никогда не сможете отбить у них привычку скрещивать пальцы.

— А вас слово «Земля» совсем не задевает, не так ли, доктор? — поинтересовалась Блисс.

— Не совсем так, милочка. Я — скептик, только и всего.

— Я знаю, что означает слово «скептик» на галактическом стандарте, — сказал Тревайз, — но что понимаете под ним вы?

— То же самое, что и вы, Советник. Я принимаю только то, что вынужден, если имеются разумные и достоверные доказательства, и все принятое на веру служит для меня истиной до появления новых доказательств. Такое мировоззрение не придает нам, скептикам, популярности.

— Почему же? — спросил Тревайз.

— Мы обречены на непопулярность. Вы можете представить себе мир, где люди не предпочитают удобную, приятную и твердую веру, пусть нелогичную, холодным, пронизывающим ветрам неуверенности? Не нужно далеко ходить, ведь вы же верите в План Селдона? Ведь верите — без доказательств?

— Да, — сказал Тревайз, рассматривая кончики своих пальцев, — я тоже привел этот довод вчера в качестве примера.

— Могу я вернуться к предмету разговора, дружочек? — вмешался Пелорат и обратился к Дениадору: — Что известно о Земле такого, что может принять скептик на веру?

— Очень мало, — сказал Дениадор. — Мы можем предположить, что существует единственная планета, на которой развился род человеческий. Ведь совершенно невероятно, что существа, настолько похожие, что могут давать потомство друг от друга, могли независимо развиться на разных планетах или хотя бы на двух. Эту планету-праматерь мы называем Землей. На Компо-

реллоне общепринято убеждение, что Земля находится в нашем секторе Галактики, поскольку миры здесь необычайно древние, и, похоже, издревле заселенные миры были скорее ближе к Земле, чем удалены от нее.

— А имела ли Земля какие-либо уникальные особенности, кроме того, что была планетой-праматерью? — спросил Пелорат нетерпеливо.

— У вас есть какая-то догадка? — задал встречный вопрос Дениадор, улыбнувшись.

— Я думаю о ее спутнике, который некоторые называют Луной. Должно быть, он необычен, не правда ли?

— Это основной вопрос, доктор Пелорат. Вы словно читаете мои мысли.

— Я не сказал, из-за чего именно Луна необычна.

— Из-за размеров, конечно. Я прав? Да, я вижу, что это так. Все легенды о Земле повествуют об огромном разнообразии фауны на ней и о ее гигантском спутнике — не то три тысячи, не то три с половиной тысячи километров в диаметре. Огромное разнообразие жизни легко объяснить следствием длительной биологической эволюции, если то, что мы знаем об этом процессе, верно. Гигантский же спутник вообразить гораздо труднее. Ни у одной обитаемой планеты в Галактике нет такого спутника. Большие спутники неизменно сопутствуют необитаемым газовым гигантам. Следовательно, как скептик, я предпочитаю не верить в существование Луны.

— Если Земля уникальна обладанием миллионами видов жизни, разве не может она быть уникальна и своим гигантским спутником? Одна уникальность могла породить другую.

— Я не понимаю, — продолжал улыбаться Дениадор, — как существование миллионов видов на Земле могло сотворить гигантский спутник из ничего.

— А вы взгляните с другой стороны — возможно, гигантский спутник мог поспособствовать зарождению этих миллионов видов.

— Все равно не понимаю, как это возможно.

— А что вы скажете относительно истории о радиоактивности Земли? — спросил Тревайз.

— Это общеизвестно: все об этом говорят и все в это верят.

— Но Земля не могла быть настолько радиоактивной, чтобы

помешать зарождению жизни и ее поддержанию в течение миллиардов лет. Как же она стала радиоактивной? Ядерная война?

— Это наиболее распространенная гипотеза, Советник Тревайз.

— По тону, каким вы это сказали, можно предположить, что вы в это не верите.

— Нет доказательств, что такая война была. Общая вера, даже тотальная, сама по себе — не доказательство.

— Что же еще могло случиться?

— Нет доказательств, что вообще что-либо случилось. Радиоактивность может быть такой же ни на чем не основанной легендой, как и огромный спутник.

— Такова общепринятая версия, — кивнул Пелорат. — Я собрал множество легенд о происхождении человечества. Многие из них связаны с планетой под названием «Земля». Но у меня нет ни одной компореллонской — ничего, кроме туманного намека на Бенбэли, *который явился ниоткуда*, — вот и все, что говорят компореллонские легенды.

— Неудивительно: мы обычно стремимся не распространять наши легенды, и я поражен, что вы нашли записи о Бенбэли. Все те же суеверия.

— Но вы не суеверны и вы не отказались бы поговорить об этом, а?

— Это верно, — сказал историк-коротышка, взглянув на Пелората. — Если я так поступлю, это не добавит мне непопулярности; но вы скоро покидаете Компореллон, и я расскажу вам все, что знаю, если вы никогда не проговоритесь, что информация поступила от меня.

— Мы даем вам честное слово, — быстро произнес Пелорат.

— Тогда вкратце о том, что, по предположениям, произошло, если очистить эту историю от всякой мистики и моралите. На протяжении неопределенного периода времени Земля была единственной планетой, населенной людьми, а затем, примерно двадцать — двадцать пять тысяч лет назад, люди начали межзвездные путешествия с помощью гиперпространственных Прыжков и колонизировали несколько планет. Поселенцы на этих планетах стали использовать роботов, которые первоначально были придуманы на Земле до внедрения гиперпространственных перелетов, и... знаете ли вы, кстати, что собой представляют роботы?

— Да, — сказал Тревайз. — Нас не раз спрашивали об этом. Мы знаем, что такое роботы.

— Поселенцы, чье общество было чрезвычайно роботизировано, развили высокую технологию, добились необычайной продолжительности жизни и презирали мир своих предков. Согласно более драматической версии они даже взяли власть над ним и держали его в повиновении. В конце концов Земля выслала новую группу поселенцев, которым было запрещено пользоваться роботами. Компореллон был одной из первых планет, которые они заселили. Наши патриоты настаивают, что он был самым первым, но этому нет доказательств, какие могли бы убедить скептика. Первая партия поселенцев вымерла и...

— Почему первая партия вымерла, доктор Дениадор? — спросил Тревайз.

— Почему? Как правило, наши романтики объясняют, что они были наказаны за неповиновение «Тем, Кто Наказывает», хотя ни один не позаботился уточнить, почему «Он» ждал так долго. Но принимать всерьез подобные сказочки не стоит. Легко доказать, что общество, зависящее во всем от роботов, становится слабым, изнеженным, сокращается и вымирает от скуки или, что точнее, от потери воли к жизни.

Вторая волна поселенцев, не имеющая роботов, выжила, и люди рассеялись по всей Галактике, но Земля стала радиоактивной и постепенно потеряла свое значение. Причина, приводимая для объяснения этого, обычно следующая: на Земле тоже были роботы, так как первая волна получила их там.

Блисс, которая все это время внимательно следила за беседой, вмешалась:

— Хорошо, доктор Дениадор, была ли радиоактивность или нет и сколь бы ни было волн поселенцев, но вопрос остается: где именно расположена Земля? Каковы ее координаты?

— Ответ прост: я не знаю, — признался Дениадор. — А не пора ли перекусить? Мы сможем еще поговорить о Земле за едой.

— Вы не знаете?! — удивился Тревайз нарочито громко.

— Вообще-то, насколько мне известно, этого не знает никто.

— Но это невозможно!

— Советник, — сказал Дениадор, вздохнув, — если вы хотите называть правду невозможной — это ваше право, но это вам ничего не дает.

Глава 7

ПРОЩАНИЕ С КОМПОРЕЛЛОНОМ

26

Ленч состоял из горки нежных мучных шариков, покрытых корочкой различного цвета и содержащих разнообразную начинку.

Дениадор взял со стола небольшой предмет, который, будучи развернутым, оказался парой тонких прозрачных перчаток, и надел их. Гости последовали его примеру.

— Что внутри этих шариков? — спросила Блисс.

— Розовые наполнены рубленой рыбой со специями, лучшим нашим деликатесом. Желтые — с сыром, очень нежным и вкусным. В зеленых — овощная смесь. Ешьте, пока они не остыли. Попозже будет горячий миндальный пирог и напитки. Рекомендую отведать горячего сидра. У нас холодно, и мы стараемся подогревать пищу, даже десерт.

— Неплохо придумано, — похвалил Пелорат. — И как красиво сервировано!

— Я просто стараюсь быть гостеприимным, — ответил Дениадор. — Что до меня, то я нуждаюсь в немногом.

Тревайз попробовал розовый шарик. Внутри действительно оказалась рыба, приправленная специями, приятными на вкус, но настолько острыми, что их привкус запросто мог отравить жизнь до конца дня, а возможно, и на всю ночь.

Отложив надкушенный шарик, он заметил, что края корочки сжались. Здесь берегли продукты. А еще он подивился назначению перчаток. Казалось, не было никакой возможности намочить или испачкать руки, даже не пользуясь перчатками, и Тревайз решил, что они нужны для перестраховки. Перчатки заменяли мытье рук в отсутствие воды, но никто, вероятно, не настаивал на их употреблении, если руки были вымыты. (Лайзалор не надевала перчаток, когда они вместе обедали днем раньше. Может быть, потому, что была родом с гор.)

— А удобно ли говорить о делах за едой? — спросил он. — Принято ли это?

— По компореллонскому этикету, не очень, Советник, но вы — мои гости, и мы будем себя вести по-вашему. Если вы желаете говорить серьезно и не думаете — или не боитесь, — что

это испортит вам удовольствие от еды, то, пожалуйста, говорите, а я присоединюсь.

— Благодарю. Министр Лайзалор высказала предположение... нет, она прямо утверждала, что воззрения скептиков у вас непопулярны. Это так?

Хорошее настроение Дениадора еще больше улучшилось, как ни странно.

— Конечно. Мы бы сильно огорчились, будь это не так. Компореллон, видите ли, мир, утративший былое могущество. Коротко говоря, существует общепринятое убеждение, будто бы некогда, много тысяч лет назад, когда обитаемая часть Галактики была невелика, в ней главенствовал Компореллон. Мы никогда не забываем об этом, и тот факт, что теперь мы не лидеры, воспринимается нами болезненно, вызывает у нас... то есть, точнее, у народа, что-то вроде... чувства несправедливости. Но что тут поделаешь? Когда-то правительство было вынуждено сделать Компореллон лояльным вассалом Императора, а теперь — лояльным союзником Академии. И чем больше мы осознаем нашу подчиненность, тем сильнее вера в возможное возвращение к великим, таинственным дням прошлого. Но на что способен Компореллон? Он никогда не решался бросить открытый вызов Империи, а теперь не может игнорировать Академию. Так что большая часть населения отводит душу, нападая на нас, потому как мы не верим в легенды и смеемся над суевериями. Тем не менее мы не опасаемся худшего — то есть открытого преследования. Под нашим контролем наука, мы работаем на факультетах Университета. Правда, кое-кому из нас, кто особенно резко высказывается, становится трудно преподавать. Я тоже, к примеру, испытываю подобные затруднения, хотя у меня есть студенты и я провожу занятия приватно, вне Университета. А вот если мы действительно будем изолированы, наука придет в упадок и Университет потеряет свой авторитет в Галактике. Вероятно, такова уж глупость человеческая: перспектива интеллектуального самоубийства может не удержать их от утоления своей ненависти. Но Академия поддерживает нас. Следовательно, нас постоянно бранят, осмеивают, обвиняют, но никогда не трогают.

— Неужели общественное мнение удерживает вас от того, чтобы сообщить нам, где находится Земля?! — воскликнул Тревайз. — Неужели вы боитесь, что, несмотря ни на что, ура-патриотические настроения могут стать слишком агрессивными, если вы зайдете чересчур далеко?

Дениадор покачал головой.

— Нет. Координаты Земли неизвестны. Я ничего не скрываю от вас из страха или по любой другой причине.

— Но послушайте, — сказал Тревайз настойчиво. — В этом секторе Галактики определенное число планет, обладающих физическими свойствами, делающими их пригодными для обитания, и почти все они должны быть не просто пригодны для обитания, но и заселены, и, что вполне вероятно, хорошо вам известны. Неужели трудно будет исследовать сектор в поисках планеты, которая была бы пригодна для обитания, если бы не ее радиоактивность? Кроме того, необходимо искать планету с огромным спутником. Имея такие признаки, Землю опознать несложно и ее не пропустить даже при поиске наугад. На это уйдет некоторое время, но особых трудностей возникнуть не должно.

— Точка зрения скептиков такова, — сказал Дениадор, — что и гигантский спутник, и радиоактивность Земли — просто легенды. Искать ее — все равно что искать птичье молоко и рыбий мех.

— Возможно, но не должно же это удерживать Компореллон хотя бы от попытки поиска. Если бы вы отыскали радиоактивную планету с большим спутником и пригодную для обитания, то это придало бы достоверности компореллонским легендам.

— Очень может быть, — усмехнулся Дениадор, — что Компореллон ничего не ищет как раз по этой самой причине. Если мы ничего не найдем или обнаружим Землю, но она окажется не похожей на ту, что описывается в легендах, произойдет прямо противоположное. Компореллонские легенды будут уничтожены дочиста и станут мишенью для насмешек. Компореллон не может пойти на такой риск.

Тревайз нетерпеливо выслушал и вернулся к своим рассуждениям:

— С другой стороны, даже если мы просчитаемся по этим двум редчайшим признакам — есть третий признак, который должен существовать по определению, безо всякой оглядки на легенды. Земля должна обладать либо поразительно разнообразной цветущей жизнью, либо остатками таковой, ну или по крайней мере ее ископаемыми останками.

— Советник, — сказал Дениадор, — пока Компореллон действительно не занимался организованными поисками, но мы время от времени все-таки совершали космические путешествия, и у нас есть сообщения с кораблей, которые по той или иной

причине сбивались с курса. Прыжки вовсе не так уж точны, это вы и сами знаете. Тем не менее среди этих сообщений нет сведений о каких-либо планетах, которые по характеристикам напоминали бы легендарную Землю, или о планетах, настолько богатых формами жизни. И это при том, что любой корабль с готовностью садится на планету, кажущуюся пригодной для жизни, чтобы экипаж мог заняться разведкой залежей полезных ископаемых. И если, впрочем, за тысячи лет ничего подобного не нашли, я могу не сомневаться, что найти Землю невозможно, потому что Земли здесь нет.

— Но Земля должна где-то быть! — раздраженно воскликнул Тревайз. — Где-то есть планета, на которой зародилось и эволюционировало человечество и все известные формы жизни, сопровождающие человека. Если Земля не в этом секторе Галактики, она должна быть где-то еще.

— Возможно, — хладнокровно произнес Дениадор, — но в настоящее время она не обнаружена нигде.

— Наверное, потому, что ее никто не искал.

— Ну, теперь этим занимаетесь вы. Я от души желаю вам удачи, но никогда не рискнул бы поспорить с кем-то насчет вашего успеха.

— А были ли попытки, — спросил Тревайз, — определить вероятные координаты Земли косвенным способом? Каким-либо иным методом, нежели прямой поиск?

— Да, — ответили два голоса одновременно. Дениадор — один из голосов принадлежал ему — повернулся к Пелорату: — Вы, наверное, о проекте Ярриффа?

— Да.

— Тогда не объясните ли его суть Советнику? Я думаю, он скорее поверит вам, чем мне.

— Видишь ли, Голан, на закате Империи «Поиск Прародины», как его называли, был чем-то вроде популярного хобби и, возможно, помогал людям отвлечься от тягот суровой действительности. В то время Империя была на грани гибели, ну, да это ты и сам знаешь.

Ливианский историк Хамбалу Ярифф выдвинул гипотезу о том, что где бы ни была расположена планета предков, она скорее всего раньше колонизировала бы ближайшие планеты и только потом отдаленные. Словом, чем дальше находится планета от Земли, тем позже она заселена.

Далее, предположим, что записываются даты заселения всех

обитаемых миров в Галактике и выбираются только те, чей возраст — несколько тысяч лет. Затем из них выбираются те, что старше десяти тысяч лет, среди оставшихся — те, что старше пятнадцати, и так далее. Каждая выборка теоретически должна приблизительно укладываться в некое подобие кольца, и эти кольца должны быть почти концентрическими. Более древние выборки должны представлять собой кольца меньшего диаметра, чем более молодые. И, если определить центры всех колец, они должны оказаться на сравнительно небольшом участке пространства, который и заключает в себе планету предков... Землю. — Лицо Пелората все сильнее разгоралось, пока он изображал руками концентрические круги. — Понимаешь, Голан?

— Да, — кивнул Тревайз. — Но, судя по всему, гипотеза оказалась не работающей.

— Теоретически должна была сработать, старина. Единственное препятствие представляла неточность дат основания поселений на планетах. Каждый мир в той или иной степени преувеличивал свой возраст, и было трудно отделить правду от вымысла.

— А по распаду углерода-14 в ископаемом дереве? — спросила Блисс.

— Конечно, дорогая, — сказал Пелорат, — но нужно было добиться от миров сотрудничества, а это не удалось. Ни один мир не пожелал отказаться от своих претензий на завышенный возраст, а Империи тогда было попросту не до того. У нее своих забот хватало. Все, что сумел сделать Ярифф, — это отобрать планеты с возрастом не более двух тысяч лет, даты основания поселений на которых были зафиксированы. Таких оказалось немного, и расположены они были примерно по кольцу, а центр кольца оказался достаточно недалеко от Трентора, имперской столицы, поскольку именно отсюда стартовали колонизационные экспедиции к этим относительно немногочисленным планетам. Это, безусловно, представляет собой новую проблему. Земля являлась не единственной отправной точкой миграции к другим планетам. Время шло, и старейшие миры отправляли собственные экспедиции, и во времена расцвета Империи Трентор стал довольно активным источником таких экспедиций. Ярриффа, увы, несправедливо осмеяли, и его профессиональная репутация сильно пострадала.

— Все ясно, Джен. Доктор Дениадор, неужели же нет совсем ничего, за что можно было бы уцепиться, никакого проблеска

надежды? Нет ли какой-нибудь другой планеты, где, возможно, хранятся хоть какие-нибудь сведения о Земле?

Дениадор глубоко задумался и наконец, с трудом подбирая слова, заговорил:

— Ну-у... как скептик, я обязан сказать, что не уверен в существовании Земли, равно как и в том, что она вообще когда-либо существовала. Однако... — он снова умолк.

— Видимо, — не выдержала Блисс, — вы задумались о чем-то очень важном, доктор?

— Важном? Да не то чтобы... — пробормотал Дениадор. — Но, возможно, удивительном. Дело в том, что Земля не единственная планета, чье местонахождение — загадка. Существуют планеты первой волны миграции, так называемые «космонитские». Кое-кто, правда, именует их «запретными». Последнее сейчас употребляется чаще. Во времена славы и величия, как гласят легенды, космониты добились необычайной продолжительности жизни и запретили посещать свои планеты нашим предкам, не умевшим жить так долго. После того как мы взяли верх, ситуация изменилась с точностью до наоборот. Мы брезговали общаться с ними, бросили их на произвол судьбы, запретив пилотам и торговым кораблям иметь с ними дело. С тех самых пор их планеты и стали запретными. Мы не сомневались, как утверждают легенды, что «Тот-Кто-Карает» уничтожит их и без нашей помощи, и, судя по всему, он так и сделал. По крайней мере, насколько нам известно, космониты не появлялись в Галактике много тысячелетий подряд.

— Так вы думаете, космониты могли что-то знать о Земле? — спросил Тревайз.

— Вероятно, так как их миры старше любого из наших, то есть могли бы знать, если бы существовали, а это навряд ли.

— Даже если их нет, сохранились планеты, где могли остаться их записи.

— Остается только найти эти планеты.

Тревайз раздраженно резюмировал:

— Вы клоните к тому, что секрет местонахождения Земли можно найти только на планетах космонитов, местонахождение которых тоже неизвестно.

— Мы не имели с ними дела двадцать тысяч лет, — пожал плечами Дениадор. — И не задавались подобными мыслями. Они ведь тоже, подобно Земле, ушли в туман небытия.

— А сколько было у космонитов планет?

— Легенды говорят, что пятьдесят — подозрительно круглое число. Скорее всего их было намного меньше.

— И вы не знаете, где находится хотя бы одна из пятидесяти?

— Ну, вообще-то, вроде бы...

— Что вам кажется?

— Поскольку древняя история — мое хобби, как и хобби доктора Пелората, я время от времени исследовал архивные документы в поисках чего-либо, более достоверно описывающего старину, чем легенды. Год назад я разбирал документы, найденные на древнем корабле, которые с трудом поддавались дешифровке. Они датировались очень отдаленными временами, когда наш мир еще не назывался Компореллоном. Там употреблялось название «Мир Бейли», которое, что не исключено, может быть даже более ранним, чем «Мир Бенбэли» наших легенд.

— Вы опубликовали свои выводы? — громко и взволнованно спросил Пелорат.

— Нет, — покачал головой Дениадор. — Я не люблю нырять, пока не удостоверюсь, есть ли вода в плавательном бассейне, как говорится в старой пословице. Видите ли, в документах было записано, что капитан корабля посетил космонитскую планету и забрал с собой космонитскую женщину.

— Но вы сказали, — встрепенулась Блисс, — что космониты никого к себе не пускали.

— Совершенно верно. Вот потому-то я и не стал публиковать эти материалы. Уж больно невероятно получалось. Есть туманные сказания, которые можно интерпретировать как имеющие отношение к космонитам и их конфликту с поселенцами — нашими прямыми предками. Такие сказания существуют не только на Компореллоне, но и на многих других планетах во множестве вариантов, но все они непререкаемо согласны в одном аспекте. Две группы — космониты и поселенцы — не смешивались. Раз социальных контактов между ними не было, остаются только межполовые, и, очевидно, капитана поселенцев и женщину космонитов связали узы любви. Это настолько невероятно, что я не вижу, как еще можно поверить в эту историю, как не счесть ее отрывком из исторического романа.

Тревайз нахмурился:

— И это все?

— Нет, Советник, есть кое-что еще. Мне попались на глаза какие-то цифры, видимо, оставшиеся от вычислений курса корабля, которые могут, вероятно, представлять собой пространственные координаты. Если это так и есть — но дабы не уронить чести скептика, я вынужден повторить, что это может быть безнадежно далеко от правды, — то интуитивное чутье подсказывает мне, что это пространственные координаты трех космонитских планет. Одна из них может быть той самой, где побывал капитан и откуда он похитил женщину.

— Не может ли оказаться так, что вся история — выдумка, а координаты настоящие? — спросил Тревайз.

— Все может быть, — ответил Дениадор. — Я могу передать вам эти цифры, и вы вольны использовать их как вам будет угодно, да вряд ли это вам что-то даст. Но у меня странное предчувствие, — улыбнулся старый скептик.

— Какое же? — поторопил его Тревайз.

— А вдруг какие-то координаты принадлежат Земле?

27

Ярко-оранжевое солнце Компореллона казалось на вид больше солнца Терминуса, но стояло ниже над горизонтом и не так сильно грело. Ветер, на сей раз, к общей радости, слабый, коснулся щеки Тревайза ледяным дыханием.

Он дрожал, хотя был одет в пальто с электроподогревом — подарок Мицы Лайзалор, которая стояла рядом с ним.

— Ну хоть когда-нибудь бывает у вас тепло, Мица? — зябко поежился Тревайз.

Мица бросила рассеянный взгляд на небо. Высокая и пышнотелая, она была одета гораздо легче, чем Тревайз, но если и ощущала холод, то относилась к этому с полным безразличием.

— У нас прекрасное лето, — сказала она. — Не слишком долгое, но наши культурные растения адаптированы к здешнему климату. Сорта семян тщательно отбираются в ходе селекции и в результате быстро дают всходы и устойчивы к заморозкам. У наших домашних животных густой мех, и компореллонская шерсть, по всеобщему признанию, — лучшая в Галактике. Кроме того, на орбите вокруг Компореллона есть фермы, где выращиваются тропические фрукты. Мы даже экспортируем очень вкусные консервированные ананасы. Большинство людей, думающих, что Компореллон — холодная планета, об этом и не догадываются.

— Спасибо, Мица, что пришла проводить нас, и за то, что

решила помочь нам. Однако ради моего собственного спокойствия я просто обязан спросить, не грозят ли тебе неприятности из-за этого?

— Нет! — Она надменно покачала головой. — Никаких неприятностей. Во-первых, меня никто не спросит. Я распоряжаюсь транспортом. Это означает, что я единолично устанавливаю правила как для этого космопорта, так и для всех остальных; для орбитальных станций; для кораблей, что прибывают и улетают. Во всем этом премьер-министр полагается на меня и только рад оставаться в стороне от всех деталей. И даже если меня спросят, мне не требуется говорить ничего, кроме правды. Правительство только устроит мне овацию за то, что я не вернула этот корабль Академии. Народ поступит точно так же, если ему сообщат. А Академия не узнает ничего.

— Да, не спорю, ваше правительство было бы не прочь удержать корабль, не возвращая его Академии, но одобрит ли оно то, что ты позволила нам улететь на нем?

— Какой ты порядочный, Тревайз, — улыбнулась Лайзалор. — Так упорно сражался за свой корабль, а теперь, когда он у тебя, проявляешь трогательную заботу обо мне.

Она любовно потянулась к нему, но сумела сдержаться.

— Пусть только попробуют хоть слово сказать, — сказала она, вздернув подбородок. — Мне только и надо будет объяснить, что вы искали и продолжаете искать Старейшую, тогда они вздохнут с облегчением и скажут, что я правильно поступила, быстренько избавившись от всех вас и от вашего корабля. Ну, разве что начнут махать руками и гневно вопрошать, как это вам было позволено совершить посадку, хотя иного способа узнать, кто вы такие и чем занимаетесь, попросту не было.

— Значит, на самом деле боишься, что я самим своим присутствием мог навлечь и на тебя, и на всю планету беду?

— Конечно, — уверенно ответила Лайзалор. Затем немного смущенно добавила: — Ты уже принес мне горе; теперь, когда я узнала тебя, компореллонские мужчины будут казаться мне еще более никудышными. Я буду страдать от неутоленной страсти. «Тот-Кто-Карает» уже успел позаботиться об этом.

Тревайз помолчал и сказал:

— Конечно, я хочу, чтобы ты думала иначе, но не хочу, чтобы ты без нужды боялась чего-то. Пойми: мысль о том, что я принес тебе горе, — чистой воды суеверие.

— Тебе это скептик сказал?

— Я и без него это знал.

Лайзалор смахнула снег с густых бровей и ресниц и сказала:

— Конечно, есть такие, кто думает, что это суеверие. Но то, что Старейшая приносит беду, — это точно. Тому было много подтверждений, и все заумные доводы скептиков не могут затмить правду. — Она резко протянула Тревайзу руку: — Прощай, Голан. Ступай на корабль, к своим спутникам, пока не замерз.

— Прощай, Мица. Я надеюсь увидеть тебя, когда вернусь.

— Да, ты обещал вернуться, и я всеми силами хотела поверить, что так оно и будет. Я даже подумывала о том, не следует ли мне вылететь тебе навстречу, чтобы беда досталась мне одной, а не всей моей планете, но ты не вернешься, я знаю.

— Почему? Я обещаю! Не думай, что я сказал так только для того, чтобы обмануть и утешить тебя.

В это мгновение Тревайз был твердо уверен, что говорит чистую правду.

— Пусть так, мой милый, но тем, кто отправляется на поиски Старейшей, не суждено возвратиться куда бы то ни было. Я сердцем чувствую это.

Тревайза била дрожь, у него зуб на зуб не попадал. Как ему не хотелось, чтобы Мица подумала, что это от страха.

— Это тоже суеверие, — сказал он.

— И все-таки правда, — обреченно проговорила она.

28

Как приятно было снова очутиться в рубке «Далекой звезды» — тесноватой, похожей на тюремную камеру в безбрежном космосе, но такой знакомой, дружелюбной и теплой.

— Ну, наконец-то, — сказала Блисс. — А я гадала, долго ли еще ты простоишь там с министершей.

— Там долго не простоишь, — ответил Тревайз. — Жутко холодно.

— А мне уже начало казаться, — усмехнулась Блисс, — что ты готов остаться с ней и отложить поиск Земли. Мне не хотелось как-либо вмешиваться в твое сознание, но я боялась за тебя: искушение, которому ты подвергся, словно захлестнуло меня.

— Ты не ошиблась. Мгновение, по крайней мере, я боролся с искушением. Министерша — восхитительная женщина, я таких

раньше не встречал. А ты не помогла ли, случаем, мне в этой борьбе, Блисс?

— Я много раз говорила тебе, что я не имею права вмешиваться в твое сознание, Тревайз. Ты отбросил искушение, как мне кажется, из-за того, что у тебя есть четкое чувство долга.

— Нет, вряд ли. — Он криво усмехнулся. — Ничего такого возвышенного и благородного. Я выиграл битву с искушением по одной простой причине — было ужасно холодно, а еще меня подгоняла мысль о том, что, останься я, министерша быстренько угробила бы меня. Я не выдержал бы такого напора.

— Ну, как бы то ни было, теперь ты на борту и в безопасности, — улыбнулся Пелорат. — Что дальше?

— Прежде всего — как можно быстрее уйти за пределы планетной системы в пространство, а когда окажемся достаточно далеко от солнца Компореллона, сможем совершить Прыжок.

— Ты думаешь, нас могут задержать или установить за нами слежку?

— Нет. Уверен, министершу заботит только одно: чтобы мы убрались как можно быстрее и, по возможности, подальше, дабы месть «Того-Кто-Карает» не постигла всю планету. На самом деле...

— Да?

— Она верит, что кара наверняка не минует нас. Она твердо убеждена, что нам ни за что не вернуться. Это, поспешу добавить, не из-за того, что она не сомневается в моей неверности. Она не вправе об этом судить. Она имела в виду, что Земля — настолько ужасный источник бед, что любой, кто разыскивает ее, должен умереть, независимо от того, найдет он ее или нет.

— Сколько же обитателей Компореллона не вернулось с поисков Земли, что она так твердо убеждена в этом? — поинтересовалась Блисс.

— Сомневаюсь, чтобы вообще хоть один компореллонец рискнул на такое путешествие. Я сказал Мице, что ее страхи по большей части — суеверие.

— А сам-то ты действительно уверен в этом или позволил ей поколебать твои убеждения?

— Я знаю, что ее страхи в той форме, в которой она выразила их, чистейшей воды суеверия, но они могут быть не беспочвенны.

— Ты хочешь сказать, что радиоактивность Земли может убить нас, если мы попытаемся приземлиться?

— Я не верю, что Земля радиоактивна. Во что я действительно верю, так это в то, что Земля сама защищает себя. Вспомните: все материалы о Земле из библиотеки Трентора были изъяты. Вспомните: поразительная память Геи, сформированная всей планетой вплоть до гор и огненного ядра, обрывается, не углубляясь так далеко в прошлое, чтобы поведать нам что-либо о Земле.

Ясно, что Земля достаточно могущественна, чтобы сделать такое, она, очевидно, способна и заставить поверить в свою радиоактивность и таким образом застраховать себя от всяких посещений. Возможно, поскольку Компореллон недалеко от Земли, он может представлять для нее особую опасность, потому что здесь сильнее угроза проявления любопытства. Дениадор, хоть он и скептик, и ученый, бесповоротно убежден в тщетности поисков Земли. Он утверждает, что ее нельзя обнаружить. И именно поэтому суеверия министерши могут быть обоснованны. Если Земля так стремится спрятаться, разве не предпочтет она прикончить нас или извратить наше сознание, нежели позволить нам найти себя?

Блисс нахмурилась и проговорила:

— Гея...

— Только не говори, что Гея способна защитить нас, — резво откликнулся Голан. — Раз Земля оказалась в силах стереть ранние воспоминания Геи, ясно, что возникни любое противоречие, и Земля выиграет.

— Откуда тебе знать, — холодно ответила Блисс, — что воспоминания были стерты? Может статься, что просто Гее потребовалось время для формирования планетарной памяти, и теперь мы можем изучать прошлое только до периода этого формирования. И если даже воспоминания были стерты, как ты можешь быть уверен, что это проделки Земли?

— Я ничего не знаю наверняка, — пожал плечами Тревайз. — Я просто высказал предположение.

— Если Земля столь могущественна, — робко вмешался Пелорат в их спор, — и так стремится сохранить свою неприкосновенность, что толку от наших поисков? Ты, похоже, считаешь, что Земля не позволит нам преуспеть в этом и убьет нас, если понадобится. В таком случае стоит ли нам искать ее?

— Пожалуй, действительно может показаться, что мы должны все бросить, но я убежден, что Земля существует и что я дол-

жен ее найти. И я найду ее. И Гея утверждает, что, когда я твердо уверен в чем-либо, я чаще всего оказываюсь прав.

— Но как мы сможем остаться в живых, после того как найдем Землю, дружочек?

— Может статься, — сказал Тревайз полушутливо, — что Земля также осознает бесценность моей потрясающей способности оказываться правым и предоставит меня самому себе. Но я не могу быть уверен в том, что вы тоже уцелеете, и это мучает меня. Это давно не дает мне покоя, но сейчас особенно, и мне кажется, что я должен отвезти вас обоих обратно на Гею и только потом самостоятельно продолжить полет. Это не ты, не забывай, не ты, а я в ссылке. Значит, я один и должен рисковать. Согласен, Джен?

Пелорат опустил голову, подбородок его прижался к шее, и от этого его лицо стало как бы еще длиннее.

— Не скажу, что мне не страшно, Голан, но мне будет стыдно тебя покинуть. Я изменю себе, если так поступлю.

— Блисс, что скажешь?

— Гея не может покинуть тебя, Тревайз, что бы ты ни делал. Если окажется, что от Земли будет исходить опасность, Гея защитит тебя, насколько это будет возможно. И потом: я, Блисс, не покину Пела, и если он хочет быть с тобой, то я хочу быть с ним.

— Ну что же, — угрюмо кивнул Тревайз. — Я дал вам шанс передумать. Значит, продолжаем поиск вместе.

— Вместе, — сказала Блисс.

Пелорат улыбнулся и обнял Тревайза за плечи:

— Вместе. Всегда.

29

— Взгляни-ка сюда, Пел, — позвала Блисс.

Она вручную наводила корабельный телескоп скорее всего ради баловства, чтобы отвлечься от мифологической библиотеки Пелората.

Пелорат подошел, обнял ее за плечи и посмотрел на обзорный экран. В поле зрения находился один из газовых гигантов Компореллонской планетной системы, увеличенный почти до своих реальных размеров, нежно-оранжевый с более бледными полосами. Видимый с плоскости эклиптики и более удаленный

от центрального светила, чем корабль, газовый гигант казался почти идеальным светящимся кругом.

— Красиво! — восхищенно проговорил Пелорат.

— А центральная полоса больше диаметра планеты, Пел, посмотри-ка.

Пелорат сосредоточился.

— Да, Блисс, и мне так кажется.

— А это не оптический обман?

— Не уверен, Блисс. Я такой же новичок в космосе, как и ты. Голан!

Тревайз отозвался нехотя:

— Что там еще? — и вошел в рубку, немного растрепанный, словно только что вздремнул, не раздеваясь, да, собственно, так оно и было. — Пожалуйста, не балуйтесь с приборами, — сердито буркнул он.

— Да мы только в телескоп смотрим, — оправдываясь, проговорил Пелорат. — Посмотри сам.

Тревайз подошел поближе.

— Это газовый гигант под названием Галлия, судя по имеющимся у меня данным.

— Как ты можешь судить с первого взгляда?

— Во-первых, — сказал Тревайз, — я сужу на основании удаленности нашего корабля от солнца, учитывая размер планет и их положение на орбите, которые я изучал при прокладке курса. Это — единственная планета, которую вы сейчас можете разглядывать при таком увеличении. Во-вторых, вокруг нее кольцо.

— Кольцо? — заинтересованно переспросила Блисс.

— Оно видно почти в горизонтальной плоскости, потому и кажется тонкой полоской. Мы можем выйти за пределы эклиптики, и тогда обзор будет лучше. Хочешь?

— Я не хочу утруждать тебя перерасчетами курса, Голан.

— Да ну, компьютер может сделать это за меня без всякой натуги.

Тревайз сел к компьютеру и положил руки на световые контуры. Компьютер, тончайшим образом адаптированный к мысленным приказам Тревайза, сделал все, что было нужно.

«Далекая звезда», не знавшая трудностей с топливом и не изнурявшая от перегрузок, быстро набрала скорость. И вновь Тревайз ощутил прилив неподдельной любви к кораблю и компьютеру, который так отвечал ему, словно это его мысль питала и

направляла судно, словно оно было могучим и послушным исполнителем его воли.

Неудивительно, что Академия так хотела вернуть себе корабль; неудивительно, что Компореллон хотел захватить его. Удивительно было то, что силы предрассудков оказалось достаточно для того, чтобы заставить Компореллон отказаться от корабля.

Будь на корабле соответственное вооружение, он мог бы без труда обогнать или победить в бою любой корабль в Галактике и даже целую эскадру — при единственном условии: если не встретит другой такой же корабль.

Но о соответственном вооружении не могло быть и речи. Мэр Бранно, вручая ему корабль, в одном как минимум поостерегся, оставив его невооруженным.

Пелорат и Блисс внимательно следили за тем, как планета Галлия неторопливо поворачивалась перед ними. Вскоре обозначился какой-то из полюсов, окруженный широкой полосой вихрей. Другого полюса не было видно.

Верх полушария темной стороны планеты постепенно входил в зону оранжевого света, и идеальный кружок становился все более ущербным.

Но особое впечатление произвела центральная бледная полоса. Она больше не была прямой, а искривлялась, подобно другим полосам на юге и севере, но гораздо заметнее их.

Теперь полоса явно выходила за края планеты и узкими петлями загибалась по обе ее стороны. Ясно, это не был оптический обман. Вокруг планеты вращалось вполне материальное кольцо.

— Ну, для общего впечатления хватит, — сказал Тревайз. — Если бы мы летели над планетой, вы бы увидели кольцо в виде концентрической окружности вокруг планеты, нигде ее не касающееся. Вы, вероятно, заметили, что это не одно кольцо, а несколько концентрических.

— Я и не думал, что такое возможно, — ошеломленно проговорил Пелорат. — Что же удерживает их в пространстве?

— То же самое, что удерживает в пространстве спутники, — ответил Тревайз. — Кольцо состоит из мелких частиц, каждая из которых движется по орбите вокруг планеты. Кольца настолько близки к планете, что центробежная сила не дает им слипнуться.

Пелорат тряхнул головой.

— Просто потрясающе, если задуматься, дружок, как это я,

ученый, ухитрился прожить жизнь, так мало зная об астрономии?

— А я совсем ничего не знаю о мифах. Нельзя объять необъятное. Дело в том, что в этих кольцах нет ничего необычного. Они есть почти у каждого одинокого газового гиганта хотя бы в виде тонкой полосы пыли. Так уж вышло, что в планетной системе солнца Терминуса нет настоящего газового гиганта, и если бы терминусианцы не летали в космос или не располагали знаниями по астрономии, они бы ничего о планетных кольцах не знали. Кольца, широкие и яркие, как у этой планеты, — вот что действительно необычно. Это кольцо прекрасно. Должно быть, его ширина не меньше пары сотен километров.

Пелорат прищелкнул пальцами и воскликнул:

— Это именно то, о чем я думал.

— О чем, Пел? — поразилась Блисс.

— Я изучал однажды фрагменты поэмы, очень древней, написанной на архаичной версии галактического языка, так что читать было трудно, но именно это служило надежным доказательством ее древности. Хотя... мне ли жаловаться на архаизмы, дружочек. Моя работа превратила меня в эксперта по разнообразным вариациям древнегалактического, чему я благодарен, даже если и не нахожу этому применения помимо моей работы. Так о чем я говорил?

— О древнем поэтическом отрывке, Пел, милый.

— Спасибо, Блисс, — сказал он и пояснил Тревайзу: — Она следит за моей речью, чтобы вернуть меня назад, если я собьюсь с курса, что частенько происходит.

— Это придает тебе очарование, Пел, — нежно улыбнулась Блисс.

— Словом, оказалось, что в этом отрывке описана планетарная система, частью которой была Земля. Почему — не знаю, так как целиком поэма не сохранилась, по крайней мере, я так и не смог разыскать ее. Только этот единственный отрывок и уцелел — может быть, из-за астрономического содержания. В общем, там говорится о сверкающем тройном кольце шестой планеты «both brade and lange, sae the woruld shronk in comparisoun»[1]. Как ни странно, я сумел его процитировать. Я не понимал, что это может быть за планетное кольцо. Я, помнится, думал о трех

[1] «Яркое и широкое, заставляющее саму планету померкнуть в сравнении с собой». — *Пер. с древнегалактического. — Примеч. автора.*

кругах, расположенных в ряд по одну сторону от планеты. Это казалось так бессмысленно, что я даже не включил этот отрывок в мою библиотеку. Какой позор, какое невежество. — Он сокрушенно покачал головой. — Быть мифологом в современной Галактике — такая редкая специальность, что порой забываешь о том, что не грех проконсультироваться у других специалистов.

— Не суди себя строго, Джен, — попытался утешить друга Тревайз. — Это ошибка — принимать буквально поэтические образы.

— Но ведь подразумевалось именно это, — возразил Пелорат, показывая на экран. — Именно об этом говорилось в поэме. *Три широких кольца, концентрических, больше, чем сама планета.*

— Я никогда не слышал о таком, — сказал Тревайз. — И не думаю, что кольца могут быть столь широки. По сравнению с планетой они обычно очень узкие.

— Между прочим, мы никогда не слышали об обитаемой планете с гигантским спутником. Или с радиоактивной поверхностью. Вот вам и уникальность номер три. Если мы найдем радиоактивную планету, которая, вероятно, раньше была обитаема, с гигантским спутником, неподалеку от которой находится планета с огромным кольцом, не останется сомнений, что мы нашли Землю.

— Согласен, Джен, — улыбнулся Тревайз. — Если мы найдем все три признака, мы сможем быть уверены, что обнаружили Землю.

— Если!.. — вздохнула Блисс.

30

Позади осталось большинство планет системы. Проскочив между двумя самыми большими планетами, корабль мчался вперед. Теперь в пределах полутора миллиардов километров не было крупных объектов. Впереди лежало только обширное кометное облако, *в гравитационном отношении опасности не представляющее.*

Скорость «Далекой звезды» возросла до 0,1 с. Тревайз хорошо знал, что теоретически корабль мог быть разогнан почти до скорости света, но он также знал, что 0,1 с было вполне достаточно.

При такой скорости можно было избежать столкновения с любым объектом со значительной массой, но не было возможности избавиться от неисчислимых космических пылинок, в особенности от гораздо чаще попадающихся на пути отдельных атомов и молекул. На очень большой скорости даже такие крошечные частички могут нанести кораблю вред, царапая и скребя корпус корабля. При скорости, близкой к световой, каждый атом, попадающий в корпус корабля, обладает свойствами частиц космических лучей, а под воздействием проникающей космической радиации всякий бы недолго протянул на борту корабля.

Далекие звезды неподвижно застыли на обзорном экране, и, хотя корабль летел со скоростью тридцать километров в секунду, казалось, что он стоит на месте.

Компьютер сканировал пространство на большую глубину в поисках любого встречного объекта, представляющего опасность при столкновении с кораблем. И слегка лавировал, когда это было необходимо, чтобы избежать подобной встречи. Учитывая ничтожно малые размеры любого встречного объекта, скорость корабля и отсутствие эффекта инерции в результате изменения курса, было невозможно понять, происходило ли в действительности что-либо вроде того, что зовется «звонками с того света».

Тревайз, впрочем, совсем не беспокоился о таких вещах или вспоминал о них очень редко. Он полностью погрузился в размышления о трех системах координат, которые ему передал Дениадор, в особенности о той, что указывала ближайший к кораблю объект.

— Что-нибудь напутано в цифрах? — озабоченно спросил Пелорат.

— Пока не могу сказать. Координаты сами по себе бесполезны, пока не знаешь точку отсчета и принцип построения системы — направление, в котором считывается расстояние, чему равняется нулевой меридиан и так далее.

— Как же ты собираешься определить все это? — удивился Пелорат.

— Я нашел координаты Терминуса и некоторых других планет относительно Компореллона. Если я введу их в компьютер, он сможет определить принципы построения этих координат, если координаты Терминуса и прочие координаты указаны верно. Я просто пытаюсь собраться с мыслями, чтобы поточнее запрограммировать компьютер. Как только принцип будет опреде-

лен, цифры, имеющие отношение к Запретным мирам, вероятно, обретут смысл.

— Всего лишь вероятно? — спросила Блисс.

— Боюсь, что так, — ответил Тревайз. — И потом, это старые расчеты, предположительно — компореллонские, но не на сто процентов. Что, если расчеты основаны на других принципах?

— Что тогда?

— Тогда перед нами всего-навсего бессмысленные цифры. Была не была, посмотрим.

Пальцы Тревайза запорхали над приглушенно светящимися клавишами компьютера, вводя нужную информацию. Затем он положил руки на контуры пульта и стал ждать, пока компьютер выработает и выдаст принципы построения координат известных планет, затем интерпретирует координаты ближайшей из Запретных Планет на основе этих же принципов и, наконец, найдет эти координаты на хранящейся в его памяти карте Галактики.

На экране звездное поле возникло и быстро задвигалось, занимая правильное положение. Когда картинка остановилась, пошло увеличение. Звезды бледнели по мере удаления от центра, покуда почти все не исчезли. Наконец их осталось совсем немного. Глаз не мог уследить за всеми быстрыми изменениями, подобными мерцанию светящихся крапинок. И вот остался лишь квадрат с длиной стороны в одну десятую парсека, судя по цифрам внизу. Дальнейших изменений не происходило, и только полдюжины тусклых огоньков вносило некоторое оживление в темноту на экране.

— Которая из них Запретная Планета? — негромко спросил Пелорат.

— Никакая, — ответил Тревайз. — Четыре из них — красные карлики, один — недоформировавшийся красный карлик, а остальные — белые карлики. На орбите вокруг любого из них возможно обнаружить пригодный для обитания мир.

— А как ты, только взглянув на экран, узнал, что это красные карлики?

— Мы же смотрим не на реальные звезды; мы смотрим на часть карты Галактики, хранящейся в памяти компьютера. Каждая имеет обозначение. Вам обозначения не видны, и чаще всего я тоже их не вижу, а только тогда, когда мои руки лежат на клавишах компьютера, как сейчас. Тогда я узнаю довольно многое о любой звезде, на которой остановится взгляд.

— Значит, все координаты бесполезны и бессмысленны, — страдальчески вымолвил Пелорат.

— Не спеши, Джен, — взглянул на него Тревайз. — Я не закончил. Это еще и вопрос времени. Координаты Запретной Планеты были записаны двадцать тысяч лет назад. Все это время и Компореллон, и эта планета вращались вокруг центра Галактики, и с таким же успехом они могли вращаться с другой скоростью, иметь иной наклон орбиты и эксцентриситет. Следовательно, со временем два мира могли как приблизиться друг к другу, так и отдалиться, и за двадцать тысяч лет Запретная Планета могла совершить дрейф в любом направлении на расстояние от полутора до пяти парсеков от отмеченной точки. Тогда, очевидно, он может не попасть в квадрат со стороной в одну десятую парсека.

— И что же нам делать?

— Мы заставим компьютер перенести Галактику на двадцать тысяч лет назад относительно Компореллона.

— Он и такое может? — спросила Блисс с нескрываемым благоговением.

— Ну, не саму Галактику, а содержащуюся в его памяти карту.

— А можем мы увидеть, как это происходит?

— Смотрите, — сказал Тревайз.

Звезды очень медленно поползли по экрану. Вдруг слева появилась звезда, которой прежде не было на экране, и Пелорат радостно воскликнул:

— Вот она! Вот!

— Извини, — сказал Тревайз. — Еще один красный карлик. Их очень много. По крайней мере, три четверти звезд в Галактике — красные карлики.

Изображение на экране сдвинулось вниз и замерло.

— Ну? — нетерпеливо проговорила Блисс.

— Ну вот, — сказал Тревайз. — Вот вам вид на данный участок Галактики, каким он был двадцать тысяч лет назад. В самом центре экрана точка, где должна была бы находиться Запретная Планета, если бы дрейфовала с некоторой средней скоростью.

— Должна была быть, но ее нет, — выпалила Блисс.

— Нет, — бесстрастно согласился Тревайз.

Пелорат только грустно вздохнул.

— Ах, какая досада, Голан.

— Погоди, не отчаивайся. Я не ожидал увидеть здесь эту звезду.

— Не ожидал? — удивленно спросил Пелорат.

— Нет. Я же сказал тебе, что это не сама Галактика, а компьютерная ее карта. Если реальная звезда не нанесена на карту, мы не увидим ее. Если планета зовется «запретной» и называлась так двадцать тысяч лет, велика вероятность того, что ее не нанесли на карту. И это так и есть, поскольку мы не видим ее.

— Но мы можем не видеть ее еще и потому, что ее не существует, — возразила Блисс. — Легенды Компореллона могут лгать, а координаты быть ошибочными.

— Не исключено. Однако теперь компьютер может оценить, каковы должны быть координаты Запретной Планеты в наше время, поскольку нашел точку, где ее звезда находилась прежде. Используя скорректированные по времени координаты (такую коррекцию я могу сделать только при помощи звездной карты), мы можем сейчас переключиться на реальную картину звездного поля.

— Но ты только предположил, какова могла быть средняя скорость дрейфа Запретной Планеты. Что, если она была другой? Тогда тебе не скорректировать координаты.

— В общем, ты права, но коррекция с учетом предполагаемой средней скорости почти наверняка приблизит нас к реальному положению звезды, чем тогда, когда бы мы вообще не проводили временной коррекции.

— Ну, это ты только надеешься, — с сомнением сказала Блисс.

— Совершенно верно, — подтвердил Тревайз. — Надеюсь. А сейчас давайте взглянем на реальную Галактику.

Пелорат и Блисс, с трудом сдерживая нетерпение, смотрели на экран, пока Тревайз (возможно, чтобы унять собственное волнение и оттянуть решающий момент) неторопливо, словно читал лекцию, пояснял:

— Наблюдать реальную Галактику очень сложно. Карта в компьютере — искусственное творение. Свечение звезд на ней далеко от истинного. Если поле зрения заслоняет туманность, я могу убрать ее. Если для моих наблюдений не годится угол зрения, я могу изменить его, и так далее. Реальную Галактику, однако, я должен принимать такой, какова она есть, и, если я хочу изменений, я должен физически двигаться сквозь пространство,

что может отнять намного больше времени, чем применение карты.

Пока он говорил, экран заволокла такая густая пелена звезд, что отдельные светила казались беспорядочным облаком светящейся пудры.

— Это общий вид части Млечного Пути, — пояснил Тревайз, — и я пожелал, естественно, передний план. Если я его увеличу, то задний план в сравнении с ним может стать практически не различим. Координаты нужной точки довольно близки к Компореллону, так что я все-таки могу увеличить изображение до размеров, которые мы видели на карте. Погодите, я попытаюсь уговорить компьютер, если мой организм еще сможет работать. Ну вот.

Звездный узор рывком увеличился, так что тысячи звезд исчезли за краями экрана, давая наблюдателям настолько реальное ощущение движения к экрану, что все трое автоматически отклонились назад, словно по инерции.

На экране возник прежний вид, но картина была не такая темная, как на карте, а с полудюжиной звезд, показанных такими, какими они выглядели на самом деле. А еще здесь, ближе к центру, горела другая звезда, гораздо более яркая, чем остальные.

— Это она... — испуганным шепотом произнес Пелорат.

— Возможно. Я попросил компьютер определить ее спектр и проанализировать его. — После довольно долгой паузы Тревайз продолжил: — Спектральный класс *G-4*, значит, она лишь ненамного тусклее и меньше, чем солнце Терминуса, но гораздо ярче, чем солнце Компореллона. К тому же звезды класса *G* не должны быть пропущены в компьютерной карте Галактики. Так как она отсутствует, это явный признак того, что именно вокруг нее вращается Запретная Планета.

— А не может быть так, что у этой звезды вообще нет планет? — спросила Блисс.

— Может быть. Тогда мы попытаемся найти две другие Запретные Планеты.

— А если другие две тоже обманут наши ожидания? — упорствовала Блисс.

— Тогда мы попытаемся придумать что-нибудь еще.

— Что, например?

— Я и сам хотел бы знать, — мрачно ответил Тревайз.

Часть III

АВРОРА

Глава 8

ЗАПРЕТНАЯ ПЛАНЕТА

31

— Голан, — спросил Пелорат. — Ничего, если я посмотрю? Не помешаю?

— Вовсе нет, Джен.

— Можно спросить?

— Валяй.

— Чем ты занят?

Тревайз оторвался от дисплея.

— Собираюсь измерить расстояние до каждой звезды, которая на экране кажется близко расположенной к Запретной Планете, и тогда смогу определить, насколько она близка к ней на самом деле. Важно узнать параметры их гравитационных полей, а для этого мне нужно выяснить значение их массы и расстояние до них. Не располагая такими сведениями, нельзя точно рассчитать Прыжок.

— И как ты этого добьешься?

— Ну... каждая звезда, которую я вижу, имеет свои координаты в банке памяти компьютера, и они могут быть переведены в систему координат, принятую на Компореллоне. Полученные данные можно, в свою очередь, немного подкорректировать с учетом положения «Далекой звезды» в пространстве относительно солнца Компореллона, и это даст мне возможность определить расстояние до каждого светила. Все эти красные карлики выглядят на экране довольно близко расположенными к Запретной Планете, но некоторые могут быть намного ближе к ней, а другие — намного дальше. Видишь ли, нам необходимы их пространственные координаты.

Пелорат кивнул и спросил:

— И ты уже определил координаты Запретной Планеты?

— Да, но этого мало. Мне необходимо знать расстояние до других звезд с точностью до сотых. Воздействие их гравитационных полей неподалеку от Запретной Планеты настолько ничтожно, что небольшая погрешность не сделает погоды. Солнце, вокруг которого вращается Запретная Планета — вернее, может вращаться, — создает сильнейшее гравитационное поле рядом с планетой, и мне необходимо знать расстояние между ними с точностью, возможно, в тысячи раз большей, чем до соседних звезд. Одних только координат для этого мало.

— Что же ты будешь делать?

— Я измерю кажущееся расстояние от Запретной Планеты, вернее, от ее звезды — до трех ближайших звезд, которые настолько тусклы, что придется прибегнуть к значительному увеличению, дабы сделать их видимыми. Предположительно, все три звезды очень отдалены. Мы располагаем одну из них в центре экрана и прыгаем на одну десятую парсека в направлении, перпендикулярном воображаемой прямой, соединяющей «Далекую звезду» и Запретную Планету. Это мы можем проделать без особых опасений, даже не зная расстояний до сравнительно далеких звезд.

Звезда, которая находится в центре экрана, должна остаться на своем месте и после Прыжка. Две других тусклых звезды, если все три действительно очень далеки, серьезно не изменят своего положения. Запретная Планета, однако, достаточно близка, чтобы изменить видимую позицию из-за сдвига параллакса. На основании значения параллакса можно определить расстояние до нее. Если нужна более высокая точность, я могу выбрать другие три звезды и попытаться повторить все снова.

— И сколько времени все это займет?

— Не очень много. Черную работу сделает компьютер. Я лишь отдам ему распоряжения. Что действительно потребует времени, так это проверить результаты и убедить себя в том, что они верны и что в мои инструкции компьютеру не вкралась какая-нибудь ошибка. Если бы я был одним из тех сорвиголов, что на все сто верят себе и компьютеру, это могло бы быть проделано за пару минут.

— Просто удивительно. Подумать только, как много компьютер делает для нас.

— Я тоже не устаю удивляться.

— Что бы ты без него делал?

— А что бы я делал без гравилета? Что бы я делал без своей практики астронавта? Что бы я делал без двадцатитысячелетнего опыта гиперпространственной технологии за плечами? Я таков,

каков есть. Здесь и сейчас. Попробуем вообразить себя через двадцать тысяч лет. За какие чудеса мы тогда благодарили бы науку и технику? Правда, может случиться так, что через двадцать тысячелетий человечества уже не будет.

— Вряд ли, — сказал Пелорат. — Вряд ли человечества не станет. Даже если мы не станем частью Галаксии, нас все равно будет направлять психоистория.

Тревайз отвернулся от пульта и сложил руки на груди.

— Пусть поработает — уточнит расстояние, проверит все несколько раз. Спешить не стоит. — Вопросительно посмотрев на Пелората, он хмыкнул: — Психоистория! Ты знаешь, Джен, эта тема дважды затрагивалась на Компореллоне, и оба раза психоистория выставлялась как суеверие. Однажды это сказал я сам, а потом то же самое повторил Дениадор. В конце концов, как еще можешь ты определить психоисторию, кроме как суеверие, бытующее в Академии? Разве это не вера без доказательств? Что скажешь, Джен? Это скорее твоя область, чем моя.

— Почему ты говоришь, что нет доказательств, Голан? Образ Гэри Селдона появлялся в Склепе и высказывался о случившемся. Он не мог знать в свое время, что за события произойдут в будущем, если бы не был способен предсказывать их на основании психоистории.

Тревайз кивнул.

— Звучит впечатляюще. Он, правда, промахнулся в случае с Мулом, но, даже невзирая на это, все равно впечатляюще. И все же есть во всем этом какой-то неприятный осадок таинственности. Любой фокусник может проделывать подобные трюки.

— Ни один фокусник не может предсказать события на столетия вперед.

— Ни один фокусник не может на самом деле делать то, что, как тебе кажется, он вытворяет.

— Послушай, Голан. Я не могу вообразить ни одного трюка, с помощью которого я бы мог предсказать, что случится через пять столетий.

— Ты не можешь представить и трюк, который позволил бы фокуснику прочитать текст сообщения, спрятанного в псевдотессеракт[1] на необитаемом орбитальном спутнике. А я своими глазами видел человека, который сделал это. Откуда ты знаешь,

[1] Псевдочетырехмерный куб. — *Примеч. пер.*

что Склеп, в котором появляется образ Гэри Селдона, куплен правительством?

Пелорат взглянул на Тревайза, словно это предположение вызвало у него содрогание.

— Они не посмеют этого сделать! — Тревайз презрительно фыркнул. — Их бы поймали за руку, попытайся они сделать такое, — добавил Пелорат.

— Вот уж не уверен. Ну да ладно, дело-то не столько в этом, сколько в том, что мы совсем не знаем, как работает психоистория.

— Я не знаю, как работает компьютер, но знаю, что он работает.

— Это потому, что другие знают как. А если никто не знает, как он работает? Тогда, случись ему сломаться, никто не сможет его починить. А теперь представим на месте компьютера психоисторию.

— Вторая Академия знает о психоистории все.

— Откуда тебе это известно, Джен?

— Так говорят.

— Сказать можно все, что угодно. А, прости, компьютер заговорил. Так... Он определил расстояние до звезды Запретной Планеты, и, надеюсь, очень точно. Дай-ка подумать.

Тревайз глядел на цифры довольно долго, беззвучно шевеля губами, словно что-то подсчитывал про себя. Наконец, не отрывая глаз от экрана, спросил:

— А Блисс что поделывает?

— Отсыпается, дружочек, — ответил Пелорат. Затем, словно желая защитить ее, добавил: — Ей необходим сон, Голан. Поддерживать с Геей непосредственный контакт через гиперпространство — на это нужны силы.

— Не спорю, — кивнул Тревайз, положил руки на пульт и пробормотал: — Попробую несколько раз, проверю и перепроверю. — Оторвав руки от пульта, он обернулся. — Я серьезно, Джен. Что ты на самом деле знаешь о психоистории?

Пелорат не без труда вернулся к прерванному разговору.

— Ничего. Историк и психоисторик — это огромная разница. Конечно, два фундаментальных постулата психоистории мне известны, но они известны каждому.

— Даже мне. Первое требование — количество людей, вовлеченных в исторический процесс, должно быть достаточно вели-

ко, чтобы результаты статистических подсчетов были достоверными. Но что такое «достаточно велико»? Сколько?

— По последней оценке, население Галактики — что-то около десяти квадриллионов, и это, вероятно, заниженные цифры. Наверняка это и есть «достаточно велико».

— Как ты можешь судить?

— Поскольку психоистория действительно работает, Голан. Как бы ты ни изощрялся в логике, она действительно работает.

— А второе требование, — сказал Тревайз, — заключается в том, чтобы люди пребывали в неведении относительно существования психоистории, и тогда знание будущего не извратит их поведения. Но они не пребывают в неведении, вот ведь какое дело.

— Но ведь все знают только одно, что она в принципе существует, дружочек. Это не в счет. Второе требование на самом деле заключается в том, чтобы люди не были осведомлены о предсказаниях психоистории, — и они таки ничего о них не знают, за исключением адептов Второй Академии, но о них разговор особый.

— И только на этих двух постулатах зиждется вся психоистория? Верится с трудом.

— Не только, — сказал Пелорат. — В ее основе лежат передовые и тщательно разработанные метафизические и статистические методы. Традиционная версия такова: якобы Гэри Селдон изобрел психоисторию, взяв за модель кинетическую теорию газов. Каждый атом и молекула в газе движется настолько беспорядочно, что невозможно вычислить положение или скорость любой из них. Тем не менее с помощью статистики можно выработать законы, довольно точно диктующие образ поведения в целом. Селдон стремился разработать подобные этим законам обобщенные принципы поведения человеческого общества, пускай и не приложимые к поведению отдельных людей.

— Возможно. Однако люди — не атомы.

— Верно. Человек обладает сознанием, и его поведение значительно сложнее. Существует так называемая свобода воли. Как Селдон справился с этим, я не имею понятия и уверен, что не смог бы понять, даже если бы специалист-профессионал попытался объяснить, — но ему это удалось.

— И все зависит от поведения множества ни о чем не подозревающих людей? Не кажется ли тебе, что грандиозное математическое здание психоистории построено на песке? Если постулаты сформулированы неверно, оно должно рухнуть...

— Не рухнуло же до сих пор.

— ...Либо, если постулаты не так уж ошибочны или неадекватны, а просто недостаточно устойчивы, психоистория могла работать без перебоев целые столетия, а потом, по достижении какого-нибудь очередного кризиса, рухнуть — как, собственно, и случилось в эпоху Мула. Или... вдруг существует третий постулат?

— Какой еще третий постулат? — оторопело спросил Пелорат.

— Я не знаю, — сказал Тревайз. — Всякое доказательство может казаться безупречно логичным и элегантным и все-таки содержать скрытые допущения. Может быть, третий постулат как раз и представляет собой допущение, настолько принимаемое на веру, что никто и не думал упоминать о нем.

— Допущение, которое так аксиоматично, как правило, исключительно верно, иначе оно не было бы таким само собой разумеющимся.

Тревайз фыркнул.

— Если бы ты знал историю науки так же хорошо, как и обычную историю, Джен, ты бы понял, как жестоко ошибаешься. Так... Похоже, приближаемся к солнцу Запретной Планеты.

И действительно, в центре экрана сияла яркая звезда — настолько яркая, что компьютер автоматически убавил яркость до такой степени, что все остальные звезды угасли.

32

Помещения для личной гигиены на борту «Далекой звезды» были компактными, и пользование водой обычно сводилось к минимуму во избежание перегрузки систем очистки. Тревайз строго напоминал об этом и Пелорату, и Блисс.

Но даже в таких условиях Блисс всегда выглядела свежей и чистенькой: ее темные длинные волосы всегда блестели, а ногти были старательно ухожены.

— Вот вы где! — воскликнула она, войдя в рубку.

Тревайз взглянул на нее исподлобья и хмыкнул:

— Где же нам еще быть? Мы вряд ли могли покинуть ко-

рабль, а за полминуты нас можно легко найти внутри, даже если ты и не можешь засечь нас мысленно.

— Это всего-навсего форма приветствия, и нет нужды воспринимать ее буквально, как ты прекрасно понимаешь, — сказала Блисс. — Где мы? Только не говори «в рубке».

— Блисс, милая, — сказал Пелорат, подняв руку, — мы внутри планетарной системы ближайшей из трех запретных планет.

Блисс подошла, встала сбоку и коснулась рукой плеча Пелората. Он обнял ее за талию.

— Вряд ли тут так уж запретно, — сказала Блисс. — Никто не остановил нас.

— Планета запрещена лишь постольку, поскольку Компореллон и другие миры второй волны колонизации намеренно прервали отношения с мирами первой волны — Внешними. Если мы сами не чувствуем себя связанными этими запретами, что может удержать нас? — сказал Тревайз.

— Но космониты, если кто-либо из них еще жив, могли также разорвать связь с мирами второй волны. То, что нас не заботит наше вторжение к ним, вовсе не означает, что и им нет дела до нас.

— Верно, — сказал Тревайз, — если они сохранились. Но до сих пор мы даже не знаем, есть ли хотя бы одна планета, на которой они могли бы жить. Пока мы видим обычные газовые гиганты. Их два, и не особенно крупные.

— Но это не означает, что космонитской планеты не существует! — выпалил Пелорат. — Любая обитаемая планета должна быть гораздо ближе к солнцу и меньше по размерам. И очень трудно различить ее в солнечном сиянии на таком расстоянии. Нам нужно совершить микропрыжок к центру системы, чтобы обнаружить такую планету. — Он, казалось, прямо-таки лучился гордостью, говоря как испытанный космический путешественник.

— Если так, — сказала Блисс, — почему бы нам и правда не подойти поближе?

— Не сразу, — ответил Тревайз. — Мне необходимо произвести компьютерное сканирование в поисках каких-либо искусственных объектов. Затем мы двинемся вперед скачками — десятком скачков, проверяя все досконально на каждом этапе. Я не хочу попасть в ловушку, как это случилось при первом нашем приближении к Гее. Помнишь, Джен?

— Ловушки, подобные той, могут подстерегать нас хоть каждый день. Та, на Гее, подарила мне Блисс. — Пелорат нежно посмотрел на возлюбленную.

— Ты хочешь сказать, что каждый день надеешься получать по новой Блисс? — ухмыльнулся Тревайз.

Пелорат, похоже, был не на шутку задет, а Блисс с досадой проговорила:

— Дружочек, или как там Пел тебя называет, ты можешь без опаски двигаться гораздо быстрее. Пока я с тобой, ты не попадешь в ловушку.

— Это Гее по силам?

— Определить присутствие чужого сознания? Конечно.

— Ты уверена, что достаточно сильна, Блисс? Думаю, тебе нужно немного отдохнуть, чтобы с новыми силами поддержать контакт с большой Геей. Насколько я могу положиться на твои способности? Вряд ли они такие уж большие на таком расстоянии от источника?

— Сила связи не ослабевает, — вспыхнула Блисс.

— Не обижайся, — сказал Тревайз. — Я просто поинтересовался. Не кажется ли тебе, что быть Геей не так уж хорошо? Я не Гея. Я самодостаточная и независимая личность. Это значит, что я могу улететь так далеко от моей планеты и моего народа, как пожелаю, и все же оставаться Голаном Тревайзом. Какими бы способностями я ни обладал, они остаются при мне, где бы я ни был. Если бы я был один-одинешенек в космосе, на много парсеков от любого человеческого существа, лишенный какой-либо связи с людьми, не мог бы разглядеть искорку хотя бы одной звездочки во мраке небес, я бы все равно остался Голаном Тревайзом. Пусть бы я не смог выжить и умер, но я бы умер Голаном Тревайзом.

— Один в космосе, вдалеке от всех на свете, ты не мог бы позвать на помощь своих друзей, воззвать к их талантам и знаниям, не похожим на твои. Ты был бы свободен и независим, но страдал бы от осознания своей ничтожности по сравнению с тем, что ты мог бы совершить, оставаясь частью интегрированного сообщества. Ты должен это понимать.

— И все-таки моей ничтожности было бы далеко до твоей. Связь, существующая между тобой и Геей, гораздо сильнее, чем между мной и моими собратьями; эта связь тянется через гиперпространство и требует энергии для своего поддержания, так что ты должна психологически буквально задыхаться в попытке

удержать эту связь, наверняка ты должна чувствовать себя ничтожной и одинокой гораздо сильнее, чем я при подобных обстоятельствах.

Юное лицо Блисс стало по-взрослому суровым. Сейчас на Тревайза скорее смотрела Гея, а не Блисс.

— Даже если все, что ты сказал, правда, Голан Тревайз, — сказала она, — то так есть, было и будет, и тут нечего прибавить и отнять. Даже если все так и есть, не кажется ли тебе, что за выгодное преимущество нужно заплатить? Разве не лучше быть теплокровным существом — таким, как ты, а не холоднокровным, вроде рыбы или еще кого-нибудь.

— Черепахи тоже холоднокровные, — сказал Пелорат. — На Терминусе их нет, но они обитают на некоторых планетах. Это существа, покрытые панцирем, очень медленно передвигающиеся, но зато долго живущие.

— Но разве не лучше быть человеком, чем черепахой? Разве не лучше двигаться быстро при любой температуре, а не замедленно? Разве не лучше развивать высокую активность, иметь быстро сокращающиеся мышцы, быстро функционирующие нервные волокна, интенсивные и широкие умственные способности, чем еле-еле ползать, мало что чувствовать и получать лишь смутное представление об окружающем мире? Разве не так?

— Ну, так. И что из этого?

— А разве ты не знаешь, чем ты должен заплатить за свою теплокровность? Для того чтобы поддерживать температуру своего тела на более высоком уровне, чем температура окружающей среды, ты должен расходовать энергию гораздо интенсивнее, чем черепаха. Ты должен есть почти непрерывно, чтобы твое тело получало энергию так же быстро, как она покидает его. Ты вынужден стареть гораздо быстрее, чем черепаха, и умереть раньше. Что, предпочтешь ли стать черепахой и жить медленнее, но дольше? Или ты предпочитаешь заплатить положенную цену и быть подвижным, чувствительным и разумным организмом?

— Разве это верное сравнение, Блисс?

— Нет, Тревайз, потому что в случае с Геей все более выгодно. Мы не тратим излишнего количества энергии, когда мы все вместе. Лишь тогда, когда часть Геи находится на гиперпространственном расстоянии от большой Геи, затраты энергии существенно возрастают. И вспомни — то, что ты высказал, — не просто большая Гея, не просто большая отдельная планета. Ты выбрал Галаксию, огромный комплекс звезд и планет. Повсюду

в Галактике ты будешь частицей Галаксии, окруженной другими ее частицами — частицами громадной Галаксии, связь между которыми тянется от каждого межзвездного атома до центра черной дыры. Тогда для поддержания единства потребуется мизерное количество энергии, ни одна частица никогда не будет на большом расстоянии от остальных частиц. Вот что ты выбрал, Тревайз. Как можешь ты сомневаться, что твой выбор верен?

Тревайз в задумчивости склонил голову. Наконец он поднял взгляд и сказал:

— Возможно, я сделаю правильный выбор, но я должен быть уверен в этом. Решение, которое я принял, самое важное в истории человечества, и мне мало, что я или кто-то другой считает его верным. Я должен наверняка знать, что оно верно.

— Разве тебе мало того, о чем я сказала?

— Окончательный ответ я найду на Земле, — заявил Тревайз.

— Голан, звезда уже видна в виде диска, — прервал их Пелорат.

Так оно и было. Компьютер делал свое дело, и его не заботили никакие споры, бушевавшие вокруг него. Он приближался к звезде поэтапно и теперь достиг точки, указанной для него Тревайзом.

Они все еще продолжали оставаться вне плоскости эклиптики, и компьютер вывел на экран каждую из трех малых внутренних планет.

На самой близкой к солнцу температура поверхности была в пределах, позволяющих воде находиться в жидком состоянии, и планета имела кислородную атмосферу.

Тревайз подождал расчета орбиты, и предварительные оценки показались ему обнадеживающими. Он продолжал вычисления, так как чем дольше наблюдалось движение планеты, тем точнее рассчитывались элементы ее орбиты.

Наконец Тревайз довольно хладнокровно произнес:

— В поле нашего зрения — планета, подходящая для обитания. И это почти наверняка она.

— Ах! — восторженно воскликнул Пелорат, отбросив обычную серьезность.

— Впрочем, я опасаюсь, — сказал Тревайз, — что здесь нет гигантского спутника. То есть пока не обнаружено ни одного спутника. Так что — это не Земля. По крайней мере, если верить традиции.

— Не огорчайся, Голан, — сказал Пелорат. — Я понял, что

мы не найдем здесь Земли, когда увидел, что ни у одного из газовых гигантов нет той самой необычной системы колец.

— Ну, ладно, — кивнул Тревайз. — Следующий шаг — выяснить природу жизни на этой планете. Она имеет кислородную атмосферу, значит, мы можем быть абсолютно уверены, что на ней есть растения, а вот...

— Животная жизнь тоже есть, — внезапно прервала его Блисс. — И довольно обильная.

— Что? — повернулся к ней Тревайз.

— Я чувствую это. Очень слабо на таком расстоянии, но планета, несомненно, не только пригодна для обитания, но и обитаема.

33

«Далекая звезда» летела по полярной орбите вокруг Запретной Планеты, на достаточно большом расстоянии от поверхности. Период обращения составлял шесть с половиной дней. Тревайз, казалось, не торопился покидать орбиту.

— Поскольку планета обитаема, — объяснял он, — и поскольку, согласно рассказу Дениадора, она была когда-то заселена людьми, преуспевающими в технике, — представителями первой волны колонизации, так называемыми космонитами, они могут опережать нас в своем развитии и не питать большой любви к нам, представителям второй волны, которые некогда вытеснили их. Я предпочитаю, чтобы они проявили себя сами, первыми. Тогда мы могли бы хоть немного изучить их повадки и настроения, прежде чем рискнуть совершить посадку.

— Они могут и не знать, что мы здесь, — сказал Пелорат.

— Было бы наоборот — мы бы знали. Следовательно, я должен предполагать, что, если здесь есть люди, они наверняка попытаются войти с нами в контакт. Могут даже попытаться захватить нас.

— Но если они действительно выступят против нас, будучи сильнее технически, мы можем оказаться беспомощными при...

— Не верится, — покачал головой Тревайз. — Техническое превосходство не может быть обязательно во всем сразу. Они могли с самого начала быть далеко впереди нас в некоторых областях, но одно ясно: они не преуспевают в межзвездных перелетах. Колонизировали Галактику мы, а не они, и во всей истории

Империи нет ни единого упоминания о том, что они покидали свои миры и как-то напоминали нам о себе. Если они не практикуют космических перелетов, как можно ожидать от них серьезных достижений в астронавтике? А если так, у них не может быть ничего, подобного гравилету. Мы совершенно безоружны, но даже если они пустят против нас боевой корабль, то не смогут догнать нас. Нет, мы не должны оказаться беспомощными.

— Их превосходство может оказаться ментальным. Вдруг Мул был космонитом?

Тревайз раздраженно пожал плечами:

— Мул не мог быть тем, и тем, и этим одновременно. Геянцы считают его отщепенцем с Геи, его еще числили экстраординарным мутантом...

— Наверняка существовало также мнение — не принимаемое, конечно, всерьез, — что он был искусственно созданным существом. Роботом, другими словами, хотя его так и не называли.

— Если здесь есть что-нибудь, что представляет ментальную опасность, нам остается положиться на то, что Блисс нам поможет. Она могла бы... Кстати, она спит сейчас?

— Спала, — кивнул Пелорат, — но уже просыпалась, когда я уходил.

— Просыпалась? Ну, она бы сразу вскочила, случись что-то нехорошее. Ты бы заметил это, Джен.

— Да, Голан, — тихо проговорил Пелорат.

Тревайз переключил свое внимание на экран компьютера.

— Единственное, что меня смущает, — это орбитальные станции. Обычно они служат верным признаком того, что планета заселена людьми с высоким уровнем техники. Но эти...

— С ними что-нибудь не так?

— Сразу несколько странностей. Во-первых, они жутко устаревшие, возможно, им несколько тысяч лет. Во-вторых, они ничего не излучают, кроме обычных инфракрасных лучей.

— Что это значит?

— Термальное излучение сопровождает любой объект, несколько более теплый, чем окружающая среда. Если наличествует только оно — это явный признак того, что с объектом все кончено. Термальное излучение — это целый спектр излучений с зависящим от температуры распределением. Если бы на борту этих станций стояли работающие приборы, это неизбежно приводило бы к выбросам упорядоченного нетермального излучения. Так

как обнаружено только термальное, можно предположить, что либо станции пусты, и пусты, возможно, не одну тысячу лет; либо, если они обитаемы, то обитаемы людьми с высокоразвитой техникой, не допускающей подобных утечек.

— А может быть, на планете — высокоразвитая цивилизация, — предположил Пелорат, — а орбитальные станции пусты, так как планету так давно оставили и с тех пор не посещали поселенцы нашей волны, что здешних жителей больше не беспокоит возможность чьего-либо прибытия.

— Может, и так. А может, это какая-то приманка.

Вошла Блисс; Тревайз, заметив ее краем глаза, проворчал:

— Да, вот они мы.

— Вижу, — улыбнулась Блисс, — и все на той же орбите. Может, уже хватит?

— Голан осторожен, дорогая. Орбитальные станции на вид не обитаемы, и мы не совсем понимаем, что это означает, — поспешно объяснил Пелорат.

— Нечего тут понимать, — безразлично проговорила Блисс. — На планете, вокруг которой мы летим, нет различимых признаков разумной жизни.

Тревайз, обернувшись, с удивлением уставился на нее.

— О чем это ты? Ты же сама сказала.

— Я сказала, что на планете есть животная жизнь. Так оно и есть, но где это видано в Галактике, чтобы животная жизнь обязательно включала человека?

— Почему же ты не сказала этого сразу, когда обнаружила животных?

— Потому, что оттуда я не могла этого четко различить. Я могу отчетливо обнаружить явный всплеск животной нейроактивности, но никоим образом не могу при столь малой интенсивности отличить бабочку от человека.

— А сейчас?

— Сейчас мы гораздо ближе. Наверное, вы думали, что я уснула, но это не так, — если я спала, то совсем недолго. Я... как бы это сказать, вслушивалась изо всех сил в поисках какого-нибудь признака ментальной активности, достаточно сложной для того, чтобы означать присутствие разума.

— И ничего не услышала?

— Позволю себе предположить, — осторожно произнесла Блисс, — что, если я ничего не почувствовала на таком расстоянии, на планете не может находиться более нескольких тысяч человек. Подойдем поближе — скажу точнее.

— Ну... это меняет дело, — сказал Тревайз с некоторым смущением.

— Вот-вот, — тряхнула головой Блисс, выглядевшая сильно заспанной и раздраженной, — а потому ты можешь уже бросить всю эту ерунду — анализ излучения, выводы, дедукцию, и кто знает, чем еще ты мог заниматься. Мои геянские чувства сделали эту работу гораздо точнее. Думаю, ты понимаешь теперь, что я имею в виду, когда говорю, что лучше быть геянцем, чем изолятом.

Прежде чем ответить, Тревайз выждал, явно стараясь сдержаться. Заговорил он в вежливом, почти формальном тоне:

— Я благодарен тебе за информацию. Тем не менее ты должна понимать, что, прибегая к сравнению, мысль о преимуществе усовершенствования моего обоняния была бы для меня незначительным мотивом, чтобы решиться отбросить мою человеческую природу и стать, скажем, гончим псом.

34

Запретная Планета лежала внизу, совсем близко. Корабль опустился ниже слоя облаков и проходил сквозь атмосферу. Планета выглядела забавно — казалось, она была побита молью.

Как и следовало ожидать, полярные области были покрыты льдом, но площадь обледенения была невелика. Встречались также не поражавшие размерами и высотой бесплодные горные районы с редкими пробелами глетчеров. Были тут и небольшие пустыни, довольно равномерно рассеянные по поверхности планеты.

И все-таки планета была по-своему красива. Берега крупных материков, которые были причудливо изрезаны заливами, белели пляжами, за полосами которых простирались широкие прибрежные низменности. Тянулись пояса тропических и умеренных лесов, окаймленные степями; и все же все казалось каким-то потрепанным.

В лесных массивах то тут, то там виднелись проплешины, а область степей поражала скудностью растительности.

— Какая-то болезнь растений? — удивленно спросил Пелорат.

— Нет, — медленно проговорила Блисс. — Что-то похуже, чем болезнь. Более давнее и постоянное.

— Я видел разные планеты, — нахмурился Тревайз, — но ни одной похожей на эту.

— Я видела очень мало планет, — сказала Блисс, — но мне порукой опыт и мысленные возможности Геи. Перед нами то, что можно ожидать от планеты, с которой люди уже ушли.

— Почему? — спросил Тревайз.

— А ты возьми и подумай, — с сарказмом ответила Блисс. — Ни на одной из обитаемых планет нет истинного экологического равновесия. На Земле такое равновесие должно было существовать с самого начала, поскольку если именно на ней появились люди, то до их появления довольно долго не было ничего и никого, способного развивать технику и вызывать изменения окружающей среды.

В то время естественное равновесие — постоянно меняющееся, конечно, — должно было существовать. На всех иных обитаемых планетах люди тщательно переделывали среду на земной манер, насаждали растительную и животную жизнь. Но экосистемы, которые они создавали, не отличались равновесием. Они могли включать в себя лишь ограниченное число видов — только те, что были нужны людям, или те, что никак нельзя было не включить в экосистему...

— Знаешь, что это мне напомнило? — встрял Пелорат. — Прости, Блисс, что перебил, но сходство так поразительно, что я не могу устоять. Надо сказать тебе прямо сейчас, пока не забыл. Это древний миф о творении, на который я однажды наткнулся. Там говорится о зарождении жизни на одной планете, жизнь там состояла из ограниченного числа видов, точно так же, как ты сказала, — полезных или приятных для людей. А потом первые люди совершили какую-то глупость — неважно, какую именно, дружочек, потому что эти старые мифы чаще всего символичны, и голова идет кругом, если их воспринимать буквально, — и почва планеты была проклята. «Thons also and thistles shall it forth to thee»[1], — так звучит это проклятие, хотя на древнегалактическом получается гораздо красивее. Вопрос, однако, в том, проклятие ли это было? Ведь то, чего люди не любят и не хотят, вроде колючек и чертополоха, может быть необходимо для сбалансирования экологии.

[1] «Да родятся из нее для вас только тернии да чертополох». — *Примеч. пер.*

— Просто потрясающе, Пел, — улыбнулась Блисс, — у тебя в памяти есть легенды на все случаи. Легенды порой просто замечательны. Люди, переделывая планеты на свой вкус, забывают про колючки, чертополох, тому подобные вещи, а потом должны вновь трудиться, чтобы сохранить жизнь на планете. Это не саморегулирующийся организм вроде Геи. Это скорее разнообразная коллекция изолятов, причем коллекция недостаточно разнообразная, чтобы сколь угодно долго поддерживать экологическое равновесие. Если люди исчезают, а с ними вместе исчезают их заботливые руки, картина жизни всей планеты неизбежно начинает рассыпаться. Планета перепеределывает сама себя.

— Если все так и есть, — скептично проговорил Тревайз, — это может происходить слишком быстро. На этой планете, вероятно, людей нет уже двадцать тысяч лет, и все-таки большая ее часть выглядит довольно неплохо.

— Верно, — сказала Блисс, — но это зависит от того, насколько хорошо было установлено с самого начала экологическое равновесие. Если это действительно хорошее равновесие, оно могло сохраняться долгое время и без человека. Кроме всего прочего, двадцать тысяч лет — хоть и долгий срок по людским меркам, но всего лишь краткий миг по сравнению со временем существования планеты.

— Думаю, — сказал Пелорат, вглядываясь в панораму планеты, — если планета деградирует, мы можем быть уверены, что люди с нее ушли.

— Я все еще не могу обнаружить ментальной активности, соответствующей человеку, и позволю себе предположить, что людей на планете нет совсем. В наличии непрерывный гул и жужжание созданий с низшими уровнями сознания, однако уровни эти достаточно высоки, чтобы принадлежать птицам и млекопитающим. Впрочем, я не уверена, что процесс, обратный терроформированию, — безоговорочный показатель того, что люди отсюда исчезли. Планета может деградировать и тогда, когда люди еще живут на ней, если само людское сообщество становится порочным и не может понять важности охраны окружающей среды.

— Такое сообщество, — сказал Пелорат, — наверняка не может долго просуществовать. Не верю, что люди могут не понимать важности сохранения всего, что поддерживает их жизнь.

— У меня нет твоей розовой веры в человеческий разум, Пел, — покачала головой Блисс. — Мне кажется вполне уместным, что в планетарном сообществе, состоящем только из изолятов, местнические и даже индивидуальные интересы могут без особого труда взять верх над общепланетными.

— Я не думаю, что это возможно, — сказал Тревайз. — Скорее прав Пелорат. В самом деле, ведь населенных людьми планет миллионы, и ни одна из них не выродилась, не растерроформировалась, так что твоя боязнь изоляционизма наверняка преувеличена, Блисс.

Корабль тем временем перелетел из дневного полушария в ночное. Следствием этого стали быстро сгустившиеся сумерки, а затем — полная тьма снаружи. Лишь там, где небо было ясным, светили звезды.

Корабль точно выдерживал высоту, тщательно отслеживая параметры атмосферного давления и силы притяжения. Полет протекал на большой высоте, чтобы не задеть горные вершины: на планете не так давно прошла очередная стадия горообразования. И все же компьютер на всякий случай прощупывал путь впереди микроволновым локатором.

Тревайз вгляделся в бархатную черноту и задумчиво проговорил:

— Для меня наиболее убедительный признак необитаемости планеты — это отсутствие искусственной освещенности на ночной стороне. Ни одна технологически развитая цивилизация не будет мириться с темнотой. Как только покажется дневная сторона, мы спустимся ниже.

— Какой будет от этого толк? — спросил Пелорат. — Здесь ничего и никого нет.

— Кто сказал, что здесь ничего нет?

— Блисс. И ты.

— Нет, Джен. Я сказал, что здесь нет излучений техногенной природы, а Блисс утверждает, что здесь нет признаков ментальной активности людей, но это не означает, что здесь вообще ничего нет. Если даже на планете нет людей, здесь наверняка должны быть какие-нибудь реликты. Мне необходима информация, Джен, и остатки техносферы могут в этом смысле представлять собой определенную ценность.

— Спустя двадцать тысяч лет? — дрожащим голосом произнес Пелорат. — Как ты думаешь, что может пережить такой срок? Здесь не может быть ни фильмов, ни рукописей, ни книг — металл заржавел бы, дерево сгнило, пластик рассыпался бы в порошок. Даже камень растрескался бы и выветрился.

— Может быть, прошло не двадцать тысяч лет, — спокойно сказал Тревайз. — Я назвал этот срок как максимальный, потому что легенды Компореллона повествуют о ее процветании в те времена. А вдруг последние люди умерли, или исчезли, или улетели отсюда только тысячу лет назад?

Корабль пересек границу ночной стороны. Разгорелась заря, и почти мгновенно засиял солнечный свет.

«Далекая звезда» опускалась ниже, замедляя скорость, пока не стали ясно видны детали поверхности. Теперь можно было отчетливо видеть и маленькие острова, рассыпанные вдоль берегов материков. Большинство из них было покрыто зеленым ковром растительности.

— Пожалуй, — сказал Тревайз, — особенно внимательно следует изучить пустынные области. Мне кажется, что в тех местах, где люди жили особенно скученно, больше пострадало и экологическое равновесие. Эти места могут быть и центрами распространяющейся волны растерроформирования. Что скажешь, Блисс?

— Возможно. В любом случае, при отсутствии точных знаний, мы можем осмотреть то, что легче всего осмотреть. Степи и леса могли скрыть большинство следов обитания человека, так что высадка там может оказаться пустой тратой времени.

— Меня поражает то, — сказал Пелорат, — что планета постепенно восстанавливает равновесие, располагая и тем, что на ней осталось. Могут образоваться новые виды, и эти пораженные области будут снова заселены, только по-другому.

— Все может быть, — кивнула Блисс. — Это зависит прежде всего от того, насколько разбалансирована была эта планета. И для того чтобы мир исцелил себя сам и достиг нового равновесия в ходе эволюции, потребовалось бы намного больше двадцати тысяч лет. Может быть, миллионы лет.

«Далекая звезда» больше не кружила над планетой. Она медленно дрейфовала над протянувшейся на пятьсот километров саванной с редкими купами деревьев.

— Что вы на это скажете? — внезапно спросил Тревайз, указывая вниз. Корабль перестал дрейфовать и повис в воздухе. Слышалось лишь тихое, но непрерывное гудение гравитаторов, почти полностью нейтрализующих силу притяжения планеты.

Ничего особенного там, куда указывал Тревайз, не было видно. Обрывистые холмы с выветренной почвой и редкой травой — вот и все.

— Мне сказать нечего, — пожал плечами Пелорат.

— А ты посмотри повнимательнее на расположение холмов. Ведь это параллельные линии. А еще линии потоньше, и они пересекаются под прямыми углами. Видишь? Видишь?! Ты не встретишь такого ни в одной природной формации. Это человеческая архитектура, остатки фундаментов и стен, такие же ясные, словно они все еще стоят здесь.

— Предположим, это так, — сказал Пелорат. — Но это всего лишь руины. Если бы мы должны были проводить археологические исследования, нам пришлось бы тут копать и копать. Профессионалам потребовались бы годы и годы, чтобы проделать все это по правилам...

— Да, но у нас нет времени, чтобы делать все по правилам. Здесь мог стоять древний город, и что-нибудь от него могло остаться. Проследим за этими линиями и посмотрим, куда они нас приведут.

Вскоре на краю одной области, неподалеку от места, где деревья росли не так густо, они увидели полуразрушенную стену.

— Неплохо для начала. Садимся, — сообщил Тревайз.

Глава 9

ВСТРЕЧА СО СТАЕЙ

35

«Далекая звезда» опустилась у подножия небольшой возвышенности холма на совершенно плоской равнине. Тревайз сделал это, почти не задумываясь, считая само собой разумеющимся, что лучше, чтобы корабля не было видно на мили со всех сторон.

— Температура снаружи — двадцать четыре градуса, — сообщил он, — скорость ветра около одиннадцати километров в час с запада, переменная облачность. Компьютер еще недостаточно знает об общей схеме круговорота воздуха, чтобы уверенно предсказать погоду. Однако, поскольку влажность около сорока процентов, дождь вряд ли пойдет. В общем, мы, похоже, выбрали

подходящую широту и время года, и после Компореллона это радует.

— Думаю, — сказал Пелорат, — если на планете продолжится деградация, климат со временем станет более контрастным.

— Я просто уверена в этом, — кивнула Блисс.

— Будь уверена, в чем хочешь, — сказал Тревайз. — У нас в запасе еще тысячи лет. Сейчас же это — приятная планета и останется такой, покуда мы живы, и даже столетия после нас.

Произнося эту тираду, он застегивал на поясе широкий ремень.

— А это что, Тревайз? — довольно резко спросила Блисс.

— Ничего особенного. Старая привычка — со времен службы во флоте. Я не выхожу в неизвестный мир безоружным.

— Ты что, серьезно намереваешься взять оружие?

— Совершенно серьезно. Здесь, справа, — он хлопнул по кобуре, в которой находился массивный пистолет с широким дулом, — мой бластер, а здесь, слева — пистолет поменьше с тонким глухим стволом — нейрохлыст.

— И то, и другое несет смерть, — недовольно проговорила Блисс.

— Только один. Убивает бластер. Нейрохлыст не для этого. Он лишь раздражает болевые окончания, и это настолько ужасно, что сам будешь молить о смерти; по крайней мере, так мне говорили. По счастью, в меня никогда не целились из этой штуковины.

— Зачем ты берешь их?

— Я же сказал тебе. Это — чужая планета.

— Тревайз, это пустая планета.

— Да, здесь нет техногенной цивилизации, очевидно, но что, если здесь остались забывшие технику дикари? У них вряд ли есть что-то получше дубинок и камней, но и они могут убивать.

Блисс выглядела раздраженной, но сказала негромко, стараясь остаться рассудительной:

— Я не обнаружила человеческой нейроактивности, Тревайз. Значит, тут нет никаких дикарей.

— Значит, у меня не будет нужды использовать оружие, — пожал плечами Тревайз. — Послушай, какой вред в том, чтобы взять его? Оно только добавит мне немного веса, а так как сила тяжести на поверхности планеты примерно девяносто один процент от терминусской, я могу себе это позволить. Пойми, ко-

рабль может быть безоружен сам по себе, но на нем есть необходимый арсенал ручного оружия. Я полагаю, вы двое тоже...

— Нет, — сразу же сказала Блисс. — Я даже пальцем не пошевелю ради убийства или для причинения кому-то боли, что в принципе одно и то же.

— Дело не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы не погибнуть самому, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Я смогу защитить себя по-своему.

— Джен?

Пелорат колебался.

— Мы же не брали с собой оружия, когда высаживались на Компореллоне.

— Послушай, Джен, Компореллон — известная планета, состоящая в союзе с Академией. Кроме того, нас сразу же арестовали. Если бы у нас было оружие, его бы отобрали. Хочешь бластер?

— Я никогда не служил во флоте, дружочек, — покачал головой Пелорат. — Я даже не знаю, как пользоваться такими предметами, и в случае опасности я ни за что вовремя об этом не вспомню. Я просто побегу — и буду убит.

— Ты не будешь убит, Пел, — энергично сказала Блисс. — Гея взяла тебя под мою/ее защиту. И этого напыщенного героя-вояку тоже, — презрительно добавила она.

— Хорошо, — сказал Тревайз. — У меня нет возражений против такой защиты, но при чем тут напыщенность? Я просто предпочитаю иметь лишнюю страховку, и, если мне так и не придется дотронуться до этих вещичек, я буду совершенно доволен, обещаю тебе. Но все же я должен иметь их при себе. — Он ласково погладил обе кобуры и продолжил: — А теперь пошли. Шагнем на поверхность планеты, где уже тысячи лет не ступала нога человека.

36

— Почему-то у меня такое чувство, — сказал Пелорат, — что уже довольно поздно, хотя солнце стоит достаточно высоко и похоже на полдень.

— Я думаю, — сказал Тревайз, до сих пор молча смотревший по сторонам, — что это чувство возникает у тебя из-за оранжевого оттенка солнца, создающего иллюзию заката. Если бы мы

оказались здесь во время настоящего заката и при соответствующей облачности, мы наблюдали бы гораздо более багровый диск солнца, чем привыкли. Не знаю, покажется ли это тебе прекрасным или, наоборот, угнетающим. По той же причине закат на Компореллоне был, вероятно, еще более багровым, но там мы все время находились в помещениях.

Он медленно повернулся, осматривая пейзаж. Кроме поразительной странности света, здесь ощущался отчетливый запах этой планеты — или этой ее части. Как бы немного затхлый, но не настолько, чтобы быть неприятным.

Ближние деревья были не слишком высоки и казались старыми; то ли из-за преобладающих ветров, то ли из-за особенностей почвы их стволы, покрытые потрескавшейся корой, были наклонены в одну сторону. Вид этих деревьев вызывал ощущение опасности. А может быть, оно исходило еще откуда-то?

— Что ты намерен делать, Тревайз? — прервала молчание Блисс. — Мы ведь проделали такой путь не для того, чтобы любоваться пейзажем?

— Да, пожалуй, пора браться за дело. Я предложил бы, чтобы Джен осмотрел это место. Руины остались в той стороне. А ты, Джен, единственный среди нас, кто может судить о ценности любых найденных записей. Я надеюсь, ты сумеешь понять надписи на старогалактическом или фильмы. Про себя я точно знаю, мне это не по зубам. А еще я думаю, Блисс, что тебе надо пойти с ним, чтобы защитить его. Что касается меня, я остаюсь здесь, чтобы прикрыть вас в случае чего.

— *От кого? От дикарей с дубинками и камнями?*

— Может быть. — Улыбка, игравшая на губах Тревайза, исчезла, и он признался: — Довольно странное чувство, Блисс. Мне малость не по себе здесь. Но почему — не могу понять.

— Пошли, Блисс, — сказал Пелорат. — Я был кабинетным коллекционером древних преданий всю свою жизнь, так что никогда сам не держал в руках древних документов. Только представь, если мы сможем найти...

Тревайз проводил друзей взглядом. Голос Пелората становился все тише. Он торопливо шагал к руинам, Блисс грациозно вышагивала рядом.

Тревайз некоторое время глядел им вслед, потом повернулся и продолжил осмотр окрестностей. Что же здесь было такого, что вызывало опасения?

Он действительно никогда не ступал на необитаемую плане-

ту, но видел много таких сверху, из космоса. Обычно это были небольшие планеты, недостаточно массивные, чтобы удержать воду или воздух, и использовали их как ориентиры мест встречи при военных маневрах (на памяти Тревайза войн не было. Их не было уже за сто лет до его рождения — но маневры проводились) или как тренажеры при отработке аварийных ситуаций. Корабли, на которых он летал, кружили на орбитах вокруг таких планет или даже опускались на них, но выйти из корабля в то время ему никогда не доводилось.

В чем же тут дело? В том ли, что он сейчас действительно стоял на пустой планете? Ощущал бы он то же самое, если бы стоял на одной из многих маленьких, безвоздушных планет, на которые мог попасть в годы учебы — и потом, позже?

Тревайз покачал головой. Там такого не было бы. Он был уверен в этом. На нем был бы скафандр, как тогда, когда он выходил из корабля в открытый космос. Все было бы привычно, и от прикосновения к камням ничего ужасного не произошло бы. Наверняка!

Правда, сейчас он был без скафандра.

Тревайз стоял на пригодной для жизни планете, такой же приятной для пребывания, как Терминус, и гораздо более приятной, чем Компореллон. Он чувствовал прикосновение ветра к своим щекам, тепло солнца, согревавшего спину, слышал, как поскрипывают деревья. Все казалось знакомым, но здесь, на этой планете, не было людей — по крайней мере, уже не было.

В чем же все-таки дело? Почему планета кажется такой угрюмой? Потому ли, что она не просто не обитаема, а оставлена людьми?

Он никогда прежде не бывал на покинутых планетах, даже не слышал о таких; никогда не думал, что планета может быть брошенной. Все известные ему до сих пор планеты, стоило на них появиться людям, оставались населенными навсегда.

Он посмотрел вверх, на небо. Прочие обитатели как будто никуда не делись. В небе летела одинокая птица и казалась почему-то более естественной, чем ярко-синее небо с оранжеватыми облаками, обещавшими хорошую погоду. (Тревайз не сомневался — проведи он здесь несколько дней, цвета неба и облаков стали бы привычными и перестали бы удивлять.)

Он слышал трели птиц в ветвях деревьев, приглушенный стрекот насекомых. Блисс говорила о бабочках, и их тут действительно оказалось великое множество — всех цветов радуги.

В густой траве под деревьями раздавались время от времени осторожные шорохи, но Тревайз не мог точно сказать, кто именно там шуршал.

Но не очевидное присутствие живого в окрестностях пугало Тревайза. Как сказала Блисс, терроформированные миры прежде всего исключали опасных животных. Действия волшебных сказок детства и героических фантазий юности разворачивались в легендарном мире, черты которого, должно быть, были списаны с туманных преданий о Земле. Голографические гипердрамы кишели монстрами — львами, единорогами, драконами, китами, медведями. Их были десятки — Тревайз не помнил, как они все назывались. Были животные поменьше, которые кусались и жалили, были даже растения, которые опасно было трогать, но все вымышленные. Он как-то слыхал, будто древние пчелы больно жалили, но в это трудно было поверить, так как нынешние пчелы были совершенно безобидными.

Он медленно пошел направо, в обход холма. Трава, высокая и густая, росла отдельными островками. Тревайз вошел в заросли между деревьев, которые тоже росли отдельными рощицами.

Немного погодя он зевнул. Похоже, ничего особо выдающегося встретиться не могло, и Тревайз подумал, не вернуться ли на корабль и не вздремнуть ли немного. Нет, немыслимо. Ясно, он должен оставаться на страже. Наверное, ему надо вести себя на манер образцового часового — маршировать: раз-два, раз-два, поворачиваясь со щелчком и совершая сложные приемы с парадным электрохлыстом. (Это было оружие, не использовавшееся в войне уже три столетия, но все еще абсолютно незаменимое при муштре, а почему — вряд ли кто мог бы объяснить.)

При этой мысли Тревайз усмехнулся, а потом подумал, не догнать ли Пелората и Блисс в руинах. Но зачем? Какой там толк от него?

А вдруг он увидит что-нибудь такое, что Пелорат случайно пропустит? Ерунда. Можно сходить туда потом, когда Пелорат вернется. Если здесь есть что-либо, что видно с первого взгляда, пусть уж Пелорат сам сделает открытие.

А вдруг они попали в беду? Глупости! В какую беду можно попасть?

Да и случись что, они бы крикнули, позвали бы на помощь.

Тревайз остановился и прислушался. Тишина.

И опять к нему вернулась неотвязная мысль об обязанностях часового — и он не без удивления понял, что марширует, чеканя

шаг, воображаемый электрохлыст снят с плеча, развернут, выброшен вперед, развернут опять в прежнее положение и принят на другое плечо. Довольно улыбнувшись, Тревайз посмотрел туда, где стоял корабль (теперь до него было довольно далеко).

И вот тут-то он просто окаменел, и вовсе не из подражания часовому.

Он был не один.

До сих пор он не видел ни одного живого существа, кроме растений, насекомых и птиц. Он никого не видел, не слышал ничьих шагов, но теперь между ним и кораблем стояло какое-то животное.

Тревайз настолько был удивлен, что не сразу сумел понять, кого именно видит. Лишь спустя некоторое время он понял, кто перед ним.

Это была всего-навсего собака.

Тревайз собак особо не жаловал. У него никогда не было своей, а чужие не вызывали у него теплых чувств. Не испытал он таких чувств и сейчас.

Не без брезгливости он подумал о том, что не было планеты, на которой эти животные не жили бы рядом с людьми. Существовало бесчисленное множество пород собак, и Тревайзу давно казалось, что на каждой планете имелась по крайней мере одна характерная для нее порода. Тем не менее все породы собак были схожи в одном: для чего бы они ни содержались — для развлечения, выставок или какой-нибудь полезной работы, — они воспитывались в любви и доверии к человеку.

А как раз эти любовь и доверие Тревайз никогда не ценил. Он однажды жил с женщиной, у которой была собака. Этот пес, которого Тревайз терпел ради подруги, его просто обожал, повсюду за ним таскался, укладывался отдохнуть к нему на колени (а в нем было не меньше пятидесяти фунтов веса), облизывал его в самые неожиданные моменты и, сидя под дверью, скулил, в то время как Тревайз и его приятельница пытались предаться любви.

Из этой истории Тревайз вынес твердое убеждение о том, что по каким-то причинам, ведомым только собачьим мозгам и их способности анализировать запахи, он является объектом страстной привязанности представителей собачьего рода.

Однако, как только первоначальное удивление отхлынуло, Тревайз разглядел пса повнимательнее, без предубеждения. Это был крупный пес, поджарый и стройный, с длинными крепкими лапами. Он смотрел на Тревайза без явного обожания. Пасть собаки была приоткрыта, словно в доброжелательной усмешке, но зубы ее были так устрашающи, что Тревайз сразу решил, что ему было бы гораздо уютнее, если бы никакой собаки здесь не стояло.

Затем он подумал: может быть, эта собака никогда не видела человека и бесчисленные поколения ее предков тоже в глаза не видели людей. Пса могло точно так же смутить внезапное появление человека, как Тревайза — внезапное появление собаки. Тревайз, по крайней мере, сразу понял, кто перед ним, а вот поняла ли собака? Она все еще была удивлена и, возможно, встревожена.

Явно небезопасно было заставлять нервничать такого крупного зверя с такими жуткими зубами. Тревайз понял, что рано или поздно придется сойтись с ним покороче.

Медленно, осторожно он пошел к псу (стараясь не делать резких движений). Вытянув руку в знак готовности дать ее обнюхать, он принялся приговаривать что-то вроде «Славная собачка» и чувствовал себя в высшей степени по-дурацки.

Пес, не спуская глаз с Тревайза, постепенно попятился на пару шагов. Но вот он сердито сморщил нос и угрожающе зарычал. Хотя Тревайзу никогда не попадались собаки, ведущие себя подобным образом, он не мог объяснить подобные действия ничем иным, как выражением угрозы.

Тревайз тут же остановился и замер. Поймав краешком глаза какое-то движение сбоку, он медленно повернул голову и увидел еще двух псов. Вид у них был такой же убийственный, как и у первого.

«Убийственный»? Это слово пришло ему на ум только теперь, и, увы, смысл его был жуть как точен.

Сердце Тревайза часто забилось. Путь к кораблю был отрезан. Бежать бессмысленно — собаки настигнут его через несколько ярдов. Если он будет стоять на месте как вкопанный и начнет палить из бластера, то, пока он прикончит одного пса, два других уже будут рядом с ним. Издалека подходили все новые и новые собаки. Умели ли эти Твари общаться между собой? Охотились ли они стаями?

Тревайз медленно шагнул влево, туда, где не было видно собак — пока. Медленно. Очень медленно.

Собаки повторили его движения. Тревайз решил, что от немедленного нападения его спасает только то, что собаки не виде-

ли раньше никого похожего на него. У них не было выработано рефлекса, которому они могли последовать в такой ситуации.

А вот если он побежит, это как раз и будет сигналом для собак. Они наверняка знают, что им делать, если некто размером с Тревайза испугается и побежит. Они тоже побегут, только быстрее.

Тревайз продолжал красться к ближайшему дереву. У него возникло жуткое желание как можно скорее забраться повыше — туда, где собаки не смогут его достать. Пока же они двигались следом за ним, негромко ворча. Все три пса, приближаясь, неотрывно смотрели на Тревайза. Еще две твари вскоре присоединились к ним. Издали мало-помалу подходили другие. Еще немного, совсем чуть-чуть, и нужно будет сделать рывок. Ни медлить, ни торопиться нельзя. И то, и другое может стоить жизни.

Вперед!

Он, вероятно, установил личный рекорд в беге на короткую дистанцию и все равно еле-еле успел. Он услышал, как лязгнули челюсти по каблуку, на мгновение тот даже задержался в пасти пса, но затем зубы соскользнули с прочного керамоида.

Тревайз не слишком ловко лазал по деревьям. Последний раз он забирался на дерево в десятилетнем возрасте, и, насколько он мог припомнить, попытка окончилась полным фиаско. В данном случае, на счастье, ствол дерева был не таким уж ровным, а сучки и корявая кора давали возможность хвататься руками. Вдобавок Тревайза толкала вверх насущная необходимость — просто потрясающе, чего можно добиться при нужде!

Через несколько мгновений Тревайз сидел в развилке ветвей, метрах в десяти от земли. Вид ободранной и кровоточащей руки не вызывал у него ни боли, ни огорчения.

Под деревом уселись пять оскалившихся собак и пялились вверх, изредка вываливая красные языки. Они, похоже, приготовились ждать.

Что же будет?

37

Тревайз был не в том положении, чтобы обдумать ситуацию логически и детально. Мысли мелькали в странной и искаженной последовательности. Имей он возможность упорядочить их, вышло бы примерно вот что: Блисс говорила о том, что, терро-

формируя планету, люди должны создать уравновешенную экологию, которую они способны удержать от спада только беспрестанным трудом. К примеру, колонисты никогда не брали с собой крупных хищников. Правда, от мелких вредителей избавляться возможности не было. Насекомые, паразиты, даже небольшие ястребы, землеройки и тому подобные существа неизменно сопровождали людей.

А жуткие твари из легенд и туманных литературных описаний — тигры, гризли, медведи, орки, крокодилы? Кому бы взбрело в голову таскать их с планеты на планету, даже если бы в этом был какой-то смысл? И почему в этом мог быть смысл?

Это означало, что люди становились единственными крупными хищниками, и их задачей было собирать дань со всех растений и животных, которые, будучи оставленными на произвол судьбы, погибли бы от собственной избыточности.

А если люди почему-либо исчезли, их место должны занять другие хищники. Но какие? Единственными более или менее крупными существами были кошки и собаки, приручение и живущие рядом с человеком.

Что, если не останется людей, чтобы кормить их? Они тогда должны будут сами искать пищу, чтобы выжить, а также ради того, чтобы не вымирали те, кого они поедают: ведь чтобы не произошло превышения оптимальной численности популяции за счет естественного вымирания, потребуется гораздо более высокая смертность, чем тогда, когда за дело берутся хищники.

В итоге размножаются собаки. Большие псы нападают на крупных, беззаботных травоядных; маленькие — на птиц и грызунов. Кошки могут охотиться ночью, а собаки — днем; первые — в одиночку, вторые — стаями.

Возможно, эволюция постепенно разовьет больше видов, чтобы заполнить пустующие экологические ниши. Может быть, какие-нибудь из собак мало-помалу приучатся питаться рыбой, а кто-то из кошек видоизменится так, что сумеет летать и охотиться на птиц в воздухе так же, как и на земле?

Все эти блестящие озарения мелькали в голове у Тревайза, пока он собирался с мыслями и соображал, что может сделать.

Собак становилось все больше. Под деревом Тревайз насчитал двадцать три, еще несколько псов приближалось. Сколько же их в стае? Хотя какое это имеет значение? Тех, что были здесь, хватало выше головы.

Тревайз вытащил из кобуры свой бластер, но привычная тяжесть приклада в ладони все же не давала ему того чувства безопасности, которое его удовлетворило бы. Когда он последний раз менял в нем батареи? Сколько раз он может выстрелить? Наверняка не двадцать три.

Что же с Блисс и Пелоратом? Если они появятся, бросятся ли собаки на них? Все ли будет в порядке, даже если его спутники и не придут сюда? Если собаки учуют запах двух человек в руинах, что сможет помешать им напасть на людей прямо там? Наверняка в развалинах нет ни дверей, ни каких-то других препятствий, способных удержать злобную свору.

Может ли Блисс остановить их и даже прогнать прочь? Может ли она сконцентрировать силы, передаваемые ей через гиперпространство, до необходимой интенсивности? И как долго сможет она поддерживать эту интенсивность?

Может, позвать на помощь? Прибегут ли они, если он крикнет, и убегут ли собаки, не выдержав взгляда Блисс? (Надо ли ей смотреть на собак, или это будет просто психологическое воздействие, не видимое никому из тех, кто не обладает такими же способностями?) А вдруг Блисс и Пелорат будут разорваны на части на глазах у Тревайза, вынужденного беспомощно наблюдать жуткое зрелище, пребывая в относительной безопасности на дереве?

Нет, все-таки без бластера не обойтись. Если удастся убить одну собаку, а остальных распугать хотя бы ненадолго, можно будет слезть с дерева, позвать Пелората и Блисс, прикончить еще какого-нибудь пса, если обнаглеют, и тогда все трое смогут прорваться к кораблю.

Тревайз вывел мощность микроволнового луча на отметку 3/4. Этого должно было хватить для того, чтобы пса разорвало на куски. Шум взрыва поможет отпугнуть собак, и не придется зря тратить энергию.

Он старательно прицелился в тварь в середине стаи, в ту, что показалась ему наиболее опасной, поскольку она не бесновалась, а, наоборот, сидела более спокойно, а потому просто-таки излучала хладнокровную уверенность в достижении цели. Пес не отрывал глаз от оружия. Смотрел он так, словно разгадал худшие намерения Тревайза и презирал его за это.

Тревайз вдруг вспомнил, что никогда не стрелял из бластера по человеку и даже не видел, чтобы это делали другие. Во время

тренировок стрельба велась по наполненным водой кожаным или пластиковым манекенам: вода от выстрела почти мгновенно нагревалась до точки кипения и со взрывом разрывала оболочку.

Но кто в мирное время станет стрелять в человека? И какой человек может выстоять против бластера и силы, заложенной в нем? Только здесь, на планете, ставшей без людей враждебной...

Сознание — удивительная штука. Неизвестно почему Тревайз заметил, что солнце скрылось за тучей, и выстрелил.

В воздухе яркая вспышка, тоненькая нить, на мгновение протянулась от дула бластера к собаке. Светило бы солнце — вспышки и видно не было.

Пес скорее всего сразу ощутил поток тепла и успел дернуться, словно хотел отпрыгнуть. Но как только часть его крови и клеточной жидкости превратилась в пар, он взорвался.

Взрыв получился разочаровывающе тихим, поскольку шкура собаки была просто не настолько прочна, как оболочка манекенов, на которых они в свое время практиковались. Однако кожа, мясо, кровь и кости разлетелись в стороны, и у Тревайза противно засосало под ложечкой.

Собаки отпрянули, напуганные посыпавшимся на них градом из мелких кусков горячей плоти. Но это было, однако, лишь мимолетное замешательство. Псы тут же собрались в кучу и принялись пожирать то, что им перепало. Тревайзу стало мерзко. Какой ужас! Он не отпугнул их, он их просто подкормил. Так они никогда не уберутся. Хуже того, запах свежей крови и теплого мяса может привлечь еще больше собак и мелких хищников в придачу.

Вдруг его окликнули:

— Тревайз, что... тут...

Тревайз оглянулся. Блисс и Пелорат спешили к нему со стороны руин. Блисс резко остановилась, протянула руки, чтобы удержать Пелората. Она смотрела на собак. Все было яснее ясного. Что тут спрашивать?

— Я пытался прогнать их, чтобы они не тронули тебя и Джена! — крикнул Тревайз. — Можешь сдержать эту свору, Блисс?

— Вряд ли, — ответила Блисс так тихо, что Тревайз с трудом расслышал ее, хотя рычание собак утихло, словно на них было наброшено звукопоглощающее покрывало.

— Их слишком много, — сказала Блисс, — и я незнакома с таким типом нейроактивности. У нас на Гее нет таких страшилищ.

— На Терминусе тоже нет! И на любой цивилизованной планете, — крикнул Тревайз, — тоже нет. Я перестреляю столько, сколько смогу, а ты попытайся справиться с остальными. Может, тебе станет легче, когда их станет поменьше.

— Нет, Тревайз. Убийство этих зверюг только привлечет других. Встань позади меня, Пел. Ты все равно не сумеешь защитить меня. Тревайз, твое другое оружие!

— Нейрохлыст?

— Да. Он причиняет боль. Но на малой мощности. На малой!

— Ты что, боишься сделать им больно? — в гневе бросил упрек Тревайз. — Разве сейчас время думать о том, что жизнь этих тварей драгоценна?

— Жизнь Пела драгоценна. И моя. Делай, как я говорю. На малой мощности, и стреляй только по одной собаке. Я не смогу сдерживать их слишком долго.

Собаки отошли от дерева и теперь окружили Блисс и Пелората, стоявших спиной к полуразвалившейся стене. Ближайший к ним пес сделал нерешительную попытку подойти поближе, негромко, но нервно поскуливая, словно пытаясь понять, что же сдерживает его и его сородичей, хотя они не чувствуют никакой угрозы. Некоторые псы безуспешно пытались взобраться на стену и напасть сзади.

Дрожащей рукой Тревайз настроил нейрохлыст на малую мощность. Он потреблял гораздо меньше энергии, чем бластер, и одной батареи хватало на сотню разрядов, подобных ударам кнута, но, если подумать, он и этим оружием в последний раз пользовался неизвестно когда.

Точность прицела была не так уж важна. Поскольку используемая энергия была не так велика, Тревайз мог стрелять широким пучком по всей массе собак. Именно так и разгоняли нейрохлыстами толпы людей, затевавших беспорядки.

Однако Тревайз послушался совета Блисс. Он прицелился в одну из собак и выстрелил. Пес перевернулся на спину, задергал лапами, громко, пронзительно завизжал.

Остальные собаки отпрянули от визжащего сородича, в страхе прижав уши. Потом, завизжав хором на разные голоса, развернулись и побежали прочь — сперва медленно, затем быстрее

и наконец во всю прыть. Последним, скуля, ковыляя на подгибающихся лапах, захромал пес, попавший под удар хлыста.

Визг затих в отдалении, и Блисс, тяжело дыша, проговорила:

— Нам лучше уйти на корабль. Они могут вернуться. Или придут другие.

Тревайз подумал, что никогда прежде он так быстро не управлял входным механизмом корабля. И вряд ли сумел бы повторить это в другой раз.

38

Только ближе к ночи Тревайз почувствовал себя лучше. Небольшая полоска синтекожи, наклеенная на оцарапанную руку, немного снижала боль, но вот израненную психику залечить было не так-то просто.

Дело было не в пережитой опасности. Опасность для Тревайза значила не больше, чем для любого храброго мужчины. И не потому, что опасность возникла из совершенно непредвиденного стечения обстоятельств. Дело было в ощущении нелепости происходящего. Как бы выглядел Тревайз, если бы кто-то узнал, что его загнали на дерево рычащие собаки? Вряд ли это было бы позорнее, чем если бы его обратил в бегство щебет разъяренных канареек.

Шли часы, а Тревайз все вслушивался — не вернутся ли собаки, не начнут ли свой жуткий вой, не станут ли царапать когтями обшивку корабля.

Пелорат вроде бы совсем не нервничал.

— Я не сомневался, дружочек, что Блисс все уладит, но должен сказать, что ты здорово управлялся с нейрохлыстом.

Тревайз пожал плечами. Он был не в настроении обсуждать происходящее.

Пелорат держал в руках свою библиотеку — единственный компакт-диск, на котором хранились все материалы, собранные посредством исследований мифов и легенд, — с ним он и удалился в свою каюту, где находился его небольшой терминал.

Пелорат, похоже, был собой вполне доволен. Тревайз заметил это, но не спросил о причине. Времени для этого будет достаточно и потом, когда он сумеет забыть о собаках.

Когда они с Блисс остались наедине, она довольно робко спросила:

— Ты, наверное, испугался?

— Угу, — громко признался Тревайз. — Кто бы мог подумать, что при виде собаки — собаки! — я так позорно побегу?

— Двадцать тысяч лет без людей — это уже не просто собаки. Эти твари теперь — доминирующие крупные хищники.

— Я понял это, пока сидел на ветке в качестве доминирующей жертвы, — кивнул Тревайз. — Ты была совершенно права насчет нарушения экологического равновесия.

— Оно нарушено, конечно, но только с точки зрения человека. Подумай, ведь собаки отлично делают свое дело. Я не удивлюсь, если Пел окажется прав, предполагая, что экология может самоуправляться и различные ниши будут заполнены эволюционирующими видами тех немногих животных, которых когда-то завезли на эту планету.

— Как ни странно, — заметил Тревайз, — и я об этом подумал.

— Все может быть, но лишь в том случае, если нарушение равновесия не зашло слишком далеко и на его выправление не нужно слишком много времени. Планета может погибнуть окончательно гораздо раньше, чем это случится. — Тревайз хмыкнул. — А почему ты решил вооружиться? — прищуриваясь, спросила Блисс.

— Толку-то от моего оружия. Если бы не твои способности...

— Не только в них дело. Мне необходимо было твое оружие. Короче говоря, одного только гиперпространственного контакта с Геей при таком количестве незнакомых мне типов сознания было мало, и я бы ничего не сумела сделать без твоего нейрохлыста.

— А бластер оказался бесполезен. Я пробовал — бессмысленно.

— С помощью бластера, Тревайз, ты просто уничтожил собаку как факт. Остальные могли удивиться, но не испугались.

— Хуже, — буркнул Тревайз, — они поедали останки. Вышло так, что я сам уговаривал их остаться.

— Да, понимаю. Другое дело — твой нейрохлыст. Он причиняет боль, собака от боли испуганно вопит, это хорошо понимают остальные, которые хотя бы на основании условного рефлекса сами чувствуют испуг. С собаками, уже предрасположенными к испугу, мне было легче справиться: я просто слегка усилила страх в их сознании, и они убежали прочь.

— Да, но ты поняла, что *хлыст* более действенное оружие в данном случае, а я — нет.

— Потому что я привыкла иметь дело с сознанием, а ты — нет. Именно поэтому я просила тебя дать разряд малой мощности по одной собаке. Я не хотела, чтобы боль была чересчур велика, чтобы пес умер, стало быть, затих. Не нужна была и слабая боль, от которой он только заскулил бы. Нужна была сильная, сконцентрированная в одной точке боль.

— И ты получила ее, Блисс, — кивнул Тревайз. — Сработало, как часы. Я очень тебе благодарен.

— Ты завидуешь, — задумчиво покачала головой Блисс, — тебе кажется, что ты опростоволосился. И все же, повторяю: я не смогла бы ничего сделать без твоего оружия. А вот чего я не могу понять, так это то, почему ты все-таки вооружился, несмотря на мои уверения насчет отсутствия здесь людей, — в этом я до сих пор уверена. Ты что, предвидел, что тут окажутся собаки?

— Нет, что ты. Не сознательно, по крайней мере. И привычки вооружаться до зубов у меня нет. Мне никогда не приходило в голову взять с собой оружие на Компореллоне. Но я не склонен считать, что произошло чудо. Ерунда. Немыслимо. Я думаю, что, как только мы начали говорить о нарушениях в местной экологии, я вдруг на мгновение представил себе, почти неосознанно, животных, ставших опасными в отсутствие человека. Это очень просто понять теперь, задним умом — это что касается предвидения, если оно у меня было. Чепуха.

— Не такая уж чепуха. Я, как и ты, участвовала в разговоре об экологии, но у меня не возникло никакого предвидения. Это твой дар, за который тебя так ценит Гея. И еще я вижу, что это раздражает тебя. Раздражает то, что у тебя есть скрытый дар предвидения. Природу его понять ты не можешь и действуешь решительно, но без явных причин.

— На Терминусе это называется «действовать интуитивно».

— На Гее мы говорим «знать, не думая». Тебе не нравится знать, не думая, не правда ли?

— Верно, это беспокоит меня. Я не люблю действовать под влиянием какого-то необъяснимого порыва. Я чувствую, что за порывом скрывается какая-то причина, но незнание ее заставляет думать, что я не хозяин своего собственного сознания — нечто вроде тихого помешательства.

— Значит, когда ты выбрал Гею и Галаксию, ты действовал импульсивно, а теперь ищешь причину.

— Я повторял это не меньше десятка раз.

— А я не принимала твоих слов буквально. Прости. Я больше не буду спорить с тобой об этом. Правда, я надеюсь, что могу продолжать приводить доводы в пользу Геи.

— Сколько угодно, если ты, в свою очередь, поймешь, что я могу не согласиться с твоими доводами.

— Скажи, а тебе не кажется, что эта планета постепенно дичает и, возможно, в конце концов станет совершенно необитаемой из-за того, что на ней не стало единственного вида, способного действовать как разумная направляющая сила? Если бы эта планета была Геей или, что еще лучше, если она была бы частью Галаксии, такого бы не могло произойти. Разумная сила осталась бы в единой Галаксии, и экология, как бы и по каким причинам она ни расшаталась, снова пришла бы в равновесие.

— Означает ли это, что собаки перестали бы питаться?

— Нет, они питались бы точно так же, как люди. Но питались бы они не бесцельно, а в интересах поддержания экологического равновесия в определенных рамках, без всяких случайностей.

— Утрата индивидуальности, — проворчал Тревайз, — для собак ровным счетом ничего не значит. Собаки не люди. А что, если все люди исчезнут — повсюду, а не просто на одной или нескольких планетах? Что, если в Галаксии вообще не останется людей? Сохранится ли тогда направляющий разум? Будут ли все остальные формы жизни и неживая материя способны собрать воедино свою разумность и выполнить стоящие перед ним цели?

Блисс задумалась.

— Такое, — сказала она наконец, — еще никогда не происходило. И, похоже, вряд ли произойдет в будущем.

— Послушай, но неужели для тебя не очевидно то, что разум человека качественно отличен от всех других, и, если он отсутствует, сумма всех других сознаний не сможет заменить его? Разве это неправда, что люди — нечто совершенно особенное, и говорить о них можно только в этом ключе. Их друг с другом соединить невозможно, не говоря уже обо всем остальном, к людям отношения не имеющем.

— И все же ты выбрал Галаксию.

— Да, но вот почему, никак не пойму.

— А может быть, потому, что понимал, что такое несбалансированная экология? Разве ты не понимаешь, что каждая планета в Галактике балансирует на острие ножа и только Галаксия

может предотвратить такую катастрофу, какая случилась на этой планете, не говоря уж о бесконечных страданиях людей от войн и ошибок правителей? Не в этом ли причина твоего решения?

— Нет. Я тогда об экологии не думал.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— Я могу не знать, что именно я предвидел, но, если потом что-то случается, я понимаю, что это действительно то самое, что я предвидел. Вот сейчас, к примеру, мне кажется, что я вполне мог предвидеть, что на этой планете есть хищники.

— Вот и получается, — улыбнулась Блисс, — что мы могли бы погибнуть из-за этих ужасных хищников, если бы не сочетание наших талантов: твоего дара предвидения и моей ментальной силы. Так давай же не будем больше ссориться.

— Давай попробуем, — кивнул Тревайз.

Сказано это было, однако, с прохладцей, и Блисс нахмурилась, но в это мгновение в каюту влетел Пелорат.

— Я думаю, — выпалил он, отдышавшись, — мы кое-что нашли.

39

Тревайз вообще-то не верил в легкие победы, но, как любой человек, был готов поверить тому, в чьей компетенции не сомневался. Сердце его часто забилось, дыхание перехватило, но он взял себя в руки и спросил:

— Координаты Земли? Ты их нашел, Джейнав?

Пелорат несколько мгновений, не мигая, смотрел на Тревайза и вдруг покраснел и смутился.

— Нет, нет, — пристыженно пробормотал он. — Не то чтоб совсем уж так. Точнее, Голан, совсем не так. Об этом я забыл. Я нашел в развалинах кое-что другое. Наверное, ничего такого особенного.

Тревайз глубоко вздохнул и попытался успокоить друга:

— Пустяки, Джен. Любая находка важна. О чем ты хотел рассказать?

— Ну, собственно говоря... ты же понимаешь, что здесь почти ничего не сохранилось. Двадцать тысяч лет, бури и ветра сделали свое дело. Ну, а еще растения и животные вносили свою лепту в постепенное разрушение, но все это неважно. Дело в том, что «почти ничего» — не то же самое, что «ничего». Скорее

всего там когда-то стояло какое-то большое общественное здание — мы видели несколько поваленных камней или бетонных блоков с высеченными на них надписями. Трудно было что-то прочесть, дружок, ты понимаешь, но я сделал фотографии с помощью одной из тех камер, которые есть у нас на борту, — ну, знаешь, со встроенным компьютерным оптимизатором. Я не спросил у тебя разрешения взять ее, Голан, но это было очень важно, и я...

— Давай дальше, — нетерпеливо отмахнулся Тревайз.

— Я смог разобрать некоторые из надписей, и они оказались очень древними. Даже с помощью компьютерной обработки и при том, что я неплохо умею читать подобные надписи, было невозможно разобрать большинство из них, за исключением одной короткой фразы. Здесь буквы оказались крупнее и несколько отчетливей, чем остальные. Вероятно, они были высечены глубже, поскольку представляли собой название планеты. Фраза читается: «Планета Аврора», и поэтому мне кажется, что эта планета, на которой мы находимся, называется или называлась Авророй.

— Должна же она как-то называться, — пожал плечами Тревайз.

— Да, но названия крайне редко выбираются случайно. Я провел тщательные поиски в моей библиотеке и обнаружил две старые легенды с двух далеких друг от друга планет, так что вполне резонно предположение об их независимом заселении, если вспомнить, что... ну, да ладно. В обеих легендах Аврора — название зари. Можно предположить, что слово «Аврора» в самом деле означало утреннюю зарю в каком-то протогалактическом языке. Довольно часто слова, обозначающие рассвет или зарю, использовались в названиях космических станций или других сооружений, которые являлись первыми в своем роде. Если этим словом обозначали зарю в каком-то языке, эта планета может в каком-то смысле оказаться первой.

— Ты готов предположить, что эта планета — Земля, что Аврора — другое ее название, потому что обозначает зарю жизни и человечества?

— Я не осмелился зайти так далеко, Голан.

— Еще бы, — сказал Тревайз с легкой горечью в голосе, — здесь нет радиоактивной поверхности, нет гигантского спутника, нет поблизости газового гиганта с огромными кольцами.

— Точно. Но Дениадор с Компореллона, похоже, думал, что

это — одна из планет, заселенных первой волной колонистов — космонитами. Если это так, то ее название — «Аврора» — может означать, что это первая из космонитских планет. Может быть, мы сейчас находимся на старейшей из планет Галактики, населенных некогда людьми, не считая самой Земли. Разве это не восхитительно?

— Во всяком случае, интересно, Джен, но не хватил ли ты через край, выводя все это из одного только названия — «Аврора»?

— Есть кое-что еще, — возбужденно выпалил Пелорат. — Насколько я мог проверить по своим записям, сегодня в Галактике планеты с названием «Аврора» нет, и я уверен, что твой компьютер подтвердит это. Как я сказал, есть множество планет и космических объектов, называемых «Заря» на различные лады, но нигде не используется это слово — «Аврора».

— Ну и что? Если это протогалактическое слово, оно не должно быть особенно распространенным.

— Но названия остаются даже тогда, когда становятся бессмысленными. Если это первая колонизированная планета, она должна была иметь широкую известность; она могла быть некоторое время главной планетой Галактики. Наверняка должны были существовать другие планеты, называвшие себя «Новая Аврора», или «Малая Аврора», или еще как-нибудь в этом роде. А затем другие...

— Но, может быть, это вовсе не первая колонизированная планета, — прервал его Тревайз. — Может быть, она никогда не представляла из себя ровным счетом ничего особенного.

— Есть, по-моему, и более важные доказательства, друг мой.

— Какие же, Джен?

— Если первая волна поселенцев была побеждена и вытеснена второй волной, которой сейчас принадлежат все планеты Галактики, как утверждал Дениадор, значит, весьма вероятно, что существовал период времени, когда эти волны враждовали между собой. Вторая волна, люди, давшие названия планетам, не использовали имена, данные мирам людьми первой волны. Таким образом, исходя из того, что название «Аврора» нигде больше не употреблялось, мы можем заключить, что две волны поселенцев существовали, а это — планета первой волны.

— Краткий курс в творческую лабораторию мифолога, — улыбнулся Тревайз. — Ты, Джен, строишь восхитительную суперструктуру, но она может оказаться воздушным замком. Ле-

генды сообщают нам, что поселенцев первой волны сопровождали многочисленные роботы, и это, вероятно, явилось ошибкой поселенцев. Так вот, если мы сможем найти на этой планете робота, я буду готов принять все эти гипотезы о первой волне, но нельзя же ожидать, что через двадцать тысяч...

Пелорат, беззвучно шевеля губами, пытался вставить слово. Наконец ему это удалось.

— Но, Голан, разве я не сказал тебе? Нет, конечно, не сказал. Я так волнуюсь, что не могу изложить все в нужной последовательности. Там был робот.

40

Тревайз потер лоб, словно у него заболела голова.

— Робот? Там был робот?

— Да, — сказал Пелорат, подтверждающе кивая головой.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, это же был робот. Как я мог его не узнать, если я его видел?

— А ты когда-нибудь видел робота раньше?

— Нет, но это был металлический объект, который был похож на человека. Голова, руки, ноги, туловище. Правда, я говорю «металлический», но он почти целиком проржавел, и, когда я подошел к нему, видимо, вибрация от моих шагов на него так повлияла... в общем, когда я попытался прикоснуться к нему...

— Зачем тебе понадобилось его трогать?

— Ну, наверное, я не мог до конца поверить собственным глазам. Это произошло бессознательно. Как только я коснулся его, он рассыпался. Правда...

— Ну?

— Прежде чем это произошло, его глаза вроде бы едва заметно блеснули и он издал какой-то звук, словно хотел что-то сказать.

— Ты имеешь в виду, что он все еще *функционировал*?

— Едва-едва, Голан. Потом он просто рассыпался.

— Так все и было? — спросил Тревайз, обернувшись к Блисс.

— Там был робот, и мы его видели, — кивнула она.

— И он все еще работал?

— Когда он рассыпался, — равнодушно отозвалась Блисс, — я уловила слабый всплеск нейроактивности.

— Откуда могла взяться нейроактивность? У робота нет органического мозга, построенного из клеток.

— Я думаю, это был компьютерный эквивалент человеческого мозга. Разницу я чувствую.

— Значит, ты ощутила именно ментальность робота, а не человека?

Блисс, поджав губы, ответила:

— Ментальность была слишком слабой, чтобы сказать что-то определенное, кроме того, что она была.

Тревайз перевел взгляд с Блисс на Пелората и вздохнул:

— Это меняет дело.

Часть IV

СОЛЯРИЯ

Глава 10

РОБОТЫ

41

За обедом Тревайз молчал, и Блисс сосредоточилась на еде.

Пелорат, наоборот, был необычайно разговорчив. Начал он с того, что, если планета, на которой они находятся, Аврора, следовательно, первая колонизированная планета, она должна располагаться довольно близко к Земле.

— Может быть, стоит прочесать ближайшие звезды? — сказал он. — Придется просмотреть самое большее несколько сотен звезд.

Тревайз пробурчал что-то вроде того, что метод тыка — занятие для дураков и что он предпочитает узнать о Земле как можно больше, прежде чем высаживаться на нее, даже если он ее найдет. Больше он ничего не сказал, и Пелорат, явно уязвленный, тоже умолк.

Поскольку Тревайз после еды как в рот воды набрал, Пелорат неуверенно спросил:

— Мы задержимся здесь?

— Переночуем, во всяком случае, — ответил Тревайз. — Мне нужно кое-что обдумать.

— Это безопасно?

— Даже если здесь и появится что-нибудь пострашнее собак, на корабле мы в полной безопасности.

— Как быстро удастся взлететь, если здесь *есть* что-то похуже собак?

— Компьютер находится в стартовой готовности. Я думаю, на взлет уйдет от двух до трех минут. Случится что-то непредвиденное — компьютер нас оповестит. Нам всем стоит как следует выспаться. Утром я решу, что нам делать дальше.

«Легко сказать — решу», — думал Тревайз, глядя в темноту. Не раздеваясь, он свернулся калачиком на полу отсека управления. Лежать было неудобно, но он был уверен, что в кровати ему

сейчас все равно не заснуть, а здесь он, по крайней мере, может предпринять немедленные действия, если компьютер подаст сигнал тревоги.

Вдруг он услышал звук шагов и резко сел, стукнувшись головой о край стола, — голову не рассек, но ушибся здорово.

— Джен? — спросил Тревайз, потирая ушибленную макушку.

— Нет. Это я, Блисс.

Тревайз приподнялся и, нащупав, нажал кнопку на панели компьютера; в мягком свете возникла фигура Блисс в бледно-розовой накидке.

— В чем дело?

— Я заглянула в твою каюту и не нашла тебя. Однако твоя нейроактивность безошибочно привела меня сюда. Почувствовала, что ты не спишь, и вошла.

— Ладно. Чего тебе нужно?

Блисс села на пол у стены, обхватив колени руками.

— Не волнуйся. На остаток твоей невинности я покушаться не намерена.

— Мне это и в голову не пришло, — сардонически хмыкнул Тревайз. — Почему ты не спишь? Тебе это даже нужнее, чем нам.

— Поверь мне, — сказала Блисс тихо и очень искренне, — я жутко устала после этой сцены с собаками.

— Верю. Понимаю.

— И я хотела поговорить с тобой, когда Пел заснет.

— О чем?

— Когда он рассказал о роботе, ты заявил, что это все меняет. Что ты имел в виду?

— А ты сама не понимаешь? У нас три набора координат; три Запретные Планеты. Я хочу посетить все три, чтобы узнать как можно больше о Земле, прежде чем попытаюсь добраться до нее.

Тревайз немного пододвинулся к Блисс, чтобы можно было говорить потише, но тут же резко отпрянул.

— Слушай, я не хочу, чтобы Джен пришел и застал нас вот так. Что ему может взбрести в голову?

— Он не придет. Пел крепко спит, и я немного помогла ему в этом. Стоит ему пошевелиться, я это сразу замечу. Продолжай. Ты хочешь посетить все три планеты. Но что-то изменилось. Что?

— Я не намерен без толку тратить время на каждой планете. Если эта планета, Аврора, покинута людьми двадцать тысяч лет назад, значит, вряд ли здесь сохранилась какая-либо ценная ин-

формация. Я не желаю торчать тут недели, месяцы, тупо ковыряясь в развалинах, сражаясь с собаками, кошками, быками, — мало ли кто тут еще мог одичать и стать опасным! — в надежде найти обрывки необходимых сведений среди пыли, ржавчины и гнили. А вдруг на одной или на обеих других запретных планетах еще есть люди и нетронутые библиотеки? Словом, я поначалу хотел как можно скорее убраться отсюда. Мы были бы сейчас в космосе, если бы я так и сделал, и мирно спали бы в теплых постельках.

— Но?

— Но если на этой планете еще есть функционирующие роботы, они могут владеть важной информацией, которая нам может понадобиться. С ними иметь дело безопаснее, чем с людьми, поскольку, как я слышал, они должны подчиняться приказам и не могут причинить вред человеку.

— Значит, ты изменил свои планы и готов теперь терять время на этой планете в поисках роботов?

— Нет, Блисс. Не совсем так. Мне кажется, что роботы не могут просуществовать двадцать тысяч лет без ухода за ними. Хотя... раз ты видела робота с проблесками активности, ясно, что на мои логические представления о роботах полагаться нельзя. На невежестве далеко не уедешь. Роботы могут оказаться более крепкими ребятами, чем я о них думал. А может быть, у них есть определенный потенциал самосохранения.

— Послушай меня, Тревайз... только прошу тебя, пусть это останется между нами.

— Между нами? — удивленно и довольно громко переспросил Тревайз. — А от кого у нас могут быть секреты?

— Тс-с! От Пела, конечно. Так вот, тебе не стоит менять планы. Ты был прав. Здесь нет действующих роботов. Я ничего не обнаружила.

— Одного обнаружила, а это уже кое-что.

— Ничего я не нашла. Этот робот бездействовал. Давно бездействовал.

— Ты сказала...

— Я знаю, что я сказала. Пелу показалось, будто он видел какое-то движение и слышал звук. Пел — романтик. Он всю свою сознательную жизнь занимался сбором информации, а таким путем трудно сказать свое слово в науке. Он наверняка мечтает лично сделать важное открытие. Он обнаружил название планеты — «Аврора», это бесспорно, и он так счастлив — ты просто

представить себе не можешь, как он счастлив. И ему отчаянно хотелось найти что-нибудь еще.

— Ты что, хочешь сказать, что он так жаждал совершить открытие, что убедил себя в том, что нашел функционирующего робота? А на самом деле что он нашел?

— Он нашел глыбу ржавого металла, в которой разума не больше, чем в камне, на котором она лежала.

— Но ты подтвердила его рассказ!

— Я не могла заставить себя лишить Пела радости открытия. Он мне так дорог...

Тревайз с минуту молча смотрел на Блисс. Наконец он спросил:

— Послушай, давай начистоту. Чем он тебе так дорог? Что ты в нем нашла? Я хочу понять. Честно и откровенно — хочу понять. Тебе он должен казаться стариком — безо всякой там романтики. Он — изолят, а ты презираешь изолятов. Ты юна и прелестна, наверняка на Гее есть молодые крепкие мужчины. С ними ты можешь поддерживать такие отношения, которые, будучи пропущены через Гею, могут унести к высотам экстаза. Так что же ты нашла в Джене?

— Разве ты не любишь его? — пристально посмотрела Блисс на Тревайза.

— Я? Люблю, конечно, — пожал плечами Тревайз. — По-братски.

— Ты знаешь его не так уж давно, Тревайз. Почему же ты любишь его этой своей братской любовью?

Тревайз не сумел сдержать искренней улыбки.

— Ну, знаешь, он такой чудак. Я, честно говоря, готов поверить, что никогда в жизни он не думал о себе. Ему приказали отправиться вместе со мной — и он отправился. Без возражений. Он хотел, чтобы мы полетели на Трентор, но, когда я сказал, что хочу лететь на Гею, он не стал спорить. И теперь он странствует со мной в поисках Земли, хотя понимает, как это опасно. Я уверен, что, если потребуется пожертвовать жизнью за меня или за кого-нибудь, он пожертвует. Без раздумий.

— А ты отдашь свою жизнь за него, Тревайз?

— Могу, если у меня не будет времени подумать. Если оно у меня будет, я могу растеряться. Я не такой добрый, как он. И из-за этого у меня такое ужасное желание защищать и охранять его. Я не хочу, чтобы Галактика перевоспитала его. Понимаешь? И я должен защищать его от тебя, особенно от тебя. Мне нестерпима

мысль о том, что ты бросишь его, когда он, старый чудак, перестанет тебя забавлять.

— Я так и думала. Значит, угадала. Но почему ты не можешь поверить, что я вижу в Пеле то же самое, что видишь в нем ты, — и даже больше, чем ты, так как я могу непосредственно контактировать с его сознанием? Неужели я веду себя так, словно хочу сделать ему больно? Разве поддержала бы я его фантазию о действующем роботе, если бы не желала ему добра? Тревайз, я привыкла к тому, что ты зовешь добротой; ведь каждая частица Геи готова пожертвовать собой ради целого. Мы не знаем, не понимаем иного образа действий. Но при этом мы ничего не теряем, поскольку каждая частица сохраняется в целом, хотя тебе это не понять. А Пел — он совсем другой.

Блисс не смотрела на Тревайза. Казалось, она говорила сама с собой.

— Он — изолят. Он — альтруист. Он не думает о себе, но не потому, что является частицей чего-то большего. Он альтруист просто потому, что он таким родился. Понимаешь? Он способен потерять все и ничего не обрести, и все же он таков, каков есть. Мне стыдно перед ним из-за того, что я живу без страха потерь, а он таков, каков есть, — без надежды на обретение чего-либо.

Блисс вновь взглянула на Тревайза. Во взгляде ее горело торжество.

— Да знаешь ли ты, насколько лучше тебя я понимаю Пела? И ты всерьез опасаешься, что я могу хоть как-то обидеть его?

— Блисс, вот ты сегодня сказала: «Слушай, давай не будем ссориться», а я ответил: «Как хочешь». Это вырвалось у меня потому, что я все время волновался за Джена. Теперь моя очередь. Слушай, Блисс, будем друзьями. Ты вольна убеждать меня в преимуществах Галаксии, я оставляю за собой право спорить с тобой, но все равно и несмотря ни на что — будем друзьями, — сказал Тревайз и протянул Блисс руку.

— Конечно, Тревайз, — улыбнулась Блисс, и их руки встретились в крепком рукопожатии.

42

Тревайз мысленно усмехнулся. Когда он работал с компьютером в поисках звезды, задав первую комбинацию координат, и Пелорат, и Блисс не отходили от него и засыпали вопросами. Теперь же они мирно спали в своей каюте или, по крайней мере, отдыхали и оставили Тревайза наедине с компьютером.

В каком-то смысле это льстило Тревайзу — ему казалось, что теперь его спутники наконец признали, что он знает, что делает, и не нуждается в понукании или надзоре. Тревайз, успешно осуществив первую попытку, теперь больше полагался на компьютер и подозревал, что может не то чтобы совсем устраниться, но как минимум гораздо меньше присматривать за его работой.

На экране появилась новая звезда — очень яркая и, как и предыдущая, не отмеченная на карте Галактики. Она оказалась ярче той, вокруг которой вращалась Аврора, а самое главное — ее не было в памяти компьютера.

Тревайз думал о странностях древних традиций. Целые века могли с одинаковым успехом либо препарироваться до мелочей, либо напрочь выбрасываться из памяти. Целые цивилизации могли оказаться низвергнутыми в небытие. И все-таки из тьмы веков доходили, неведомо как уцелев, отрывочные знания, вспоминаемые без искажений, такие, как, например, эти координаты.

Пару дней назад он заговорил об этом с Пелоратом, и тот сказал, что именно это и делает изучение легенд и мифов таким благодатным полем в деле исследования прошлого. «Хитрость состоит в том, — сказал Пелорат, — что нужно решить или угадать, какие именно фрагменты легенды представляют собой неискаженную, хотя и замаскированную истину. Это не так легко, и разные мифологи чаще всего выбирают разные фрагменты, как правило, те, что подтверждают избранные концепции или варианты интерпретации».

Во всяком случае, звезда была именно там, где ей и положено было быть, согласно координатам Дениадора, скорректированным во времени. Тревайз сейчас готов был заключить пари на кругленькую сумму насчет того, что и третья звезда окажется на месте. А если так, Тревайз готов был допустить, что легенды правы и в остальном, то есть в том, что некогда существовало пятьдесят запретных планет (каким бы подозрительно круглым ни казалось это число). Где же остальные сорок семь?

Вокруг звезды вращалась вполне подходящая для обитания запретная планета — на сей раз ее наличие ни капли не удивило Тревайза. Он был непоколебимо уверен в том, что такая планета здесь окажется. Он вывел «Далекую звезду» на планетарную орбиту.

Слой облаков оказался достаточно тонким, и поверхность планеты просматривалась с большой высоты. На планете, как почти на всех обитаемых планетах, были обширные водные пространства — один тропический океан и два полярных. В средних широтах одного из полушарий лежал спиралеобразный материк, опоясывающий планету. Берега его были изрезаны заливами и беспорядочно разбросанными узкими перешейками. В другом полушарии суша была разбита на три большие части. Все эти материки расширялись к югу, в отличие от противолежащего континента.

Тревайз жалел, что не слишком хорошо знал климатологию и не мог определить на глаз, какие сейчас на планете температура и время года. На мгновение ему показалась забавной мысль подсунуть эту задачку компьютеру. Но, увы, сейчас было не до климата.

Гораздо важнее было то, что компьютер вновь не обнаружил излучения техногенного происхождения. Телескоп свидетельствовал, что планета целехонька и здесь нет признаков запустения. Проплывавшая под кораблем суша пестрела разными оттенками зеленого цвета, но ничего похожего на города на дневной стороне, ни огней на ночной стороне видно не было.

Опять зоопарк — и нет людей?

Тревайз осторожно постучал в дверь каюты Пелората и Блисс.

— Блисс? — позвал он тихим шепотом и снова постучал. Послышался шелест простыни, и голос Блисс произнес:

— Да?

— Можешь выйти? Мне нужна твоя помощь.

— Подожди немножко; я только приведу себя в порядок.

Когда она наконец вышла, Тревайз не заметил ничего особенного. Блисс выглядела как всегда. «Чем она там занималась? Торчишь тут, ждешь... Ну, да ладно, — решил Тревайз, — мы теперь друзья и надо сдерживаться».

— Чем я могу помочь тебе, Тревайз? — сказала Блисс, ласково улыбаясь.

Тревайз кивнул в сторону экрана:

— Как видишь, мы летим над поверхностью планеты, а по виду с ней все в порядке — растительность буйная и все такое. Однако здесь нет ни огней на ночной стороне, ни техногенного излучения. Посмотри, будь добра, нет ли здесь какой-нибудь животной жизни. Мне показалось, что я в одном месте видел табун

пасущихся животных, но я не уверен. Это мог быть как раз тот случай, когда видишь то, что хочешь увидеть.

Блисс «прислушалась». Наконец ее лицо озарилось любопытством.

— О да, здесь богатая фауна, — сказала она.

— Млекопитающие?

— Должно быть.

— Люди?

Казалось, теперь она сконцентрировалась сильнее. Прошла целая минута, затем другая, и наконец Блисс вздохнула:

— Не могу точно сказать. Только на миг мне показалось, что я уловила всплеск активности разума, достаточно интенсивный, чтобы принадлежать человеку. Но так слабо и так коротко, что, может быть, и я почувствовала то, что хотела почувствовать. Понимаешь...

Она замолчала и задумалась, и Тревайз был вынужден поторопить ее.

— Ну?!

— Дело в том, — продолжила Блисс, — что я, похоже, нашла что-то еще. Что-то незнакомое, но это не может быть чем-то другим...

Ее лицо вновь стало отрешенным, и она стала «вслушиваться» еще внимательнее.

— Ну?! — не выдержал Тревайз.

Блисс расслабилась.

— Я не могу объяснить это ничем иным, кроме как присутствием роботов.

— Роботов?!

— Да. Но если я обнаружила их, я должна была бы обнаружить и людей. Но не могу.

— Роботы! — повторил Тревайз и нахмурился.

— Да, — подтвердила Блисс, — и, насколько я могу судить, их тут множество.

43

Пелорат, узнав новость, воскликнул «Роботы!» почти так же, как Тревайз. Смущенно улыбнувшись, он проговорил:

— Ты был прав, Голан, а я ошибался, сомневаясь в тебе.

— Что-то не припоминаю, когда это ты во мне сомневался, Джен.

— О нет, дружочек, я не в том смысле! Я так и *говорил*. Я только в глубине души полагал, что нам не стоило покидать Аврору. Я думал, вдруг нам там удастся побеседовать с каким-нибудь уцелевшим роботом. Но теперь мне ясно: ты знал, что здесь роботов будет намного больше.

— Вовсе нет, Джен. Я ничего не знал. Просто надеялся на удачу. Блисс говорит, что ментальные поля здешних роботов таковы, что они кажутся ей активно функционирующими, и мне сдается, что они не могут функционировать так активно без помощи и заботы людей. Правда, признаков присутствия людей она пока не обнаружила, но все может быть.

Пелорат задумчиво изучал обзорный экран.

— Похоже, тут сплошные леса, верно?

— Лесов больше. Но кое-где есть участки, похожие на степи. Беда в том, что я не вижу ни городов, ни ночного освещения — ничего, кроме теплового излучения.

— Значит, людей здесь все-таки нет?

— Если бы я знал. Блисс уединилась в камбузе, пытается сосредоточиться. Я установил произвольный нулевой меридиан, теперь компьютер может разработать для планеты систему координат: долготу и широту. У Блисс есть небольшой приборчик, на котором она нажимает кнопку, как только замечает концентрацию ментальной активности роботов — похоже, слово «нейроактивность» тут не годится — или хоть какие-то следы человеческого разума. Прибор связан с компьютером, который зафиксирует все отмеченные Блисс точки. Потом мы дадим ему волю, пусть сам выберет подходящее место для посадки.

Пелорат, похоже, был шокирован.

— Разумно ли доверять выбор компьютеру?

— Почему нет, Джен? У нас очень умный компьютер. Да и потом, не можешь выбрать сам — почему не положиться на компьютер?

Лицо Пелората просветлело.

— А в этом что-то есть, Голан. В кое-каких древнейших легендах встречаются рассказы о людях, которые совершали выбор, бросая на землю кубики.

— Правда? Это как?

— На каждой грани кубика были выгравированы варианты решения: «да», «нет», «возможно», «не стоит» — и так далее. Какой бы гранью вверх ни упал кубик, его совету свято следовали. А еще запускали шарик по диску с прорезями, а разные решения

были записаны под этими щелочками. Шарик попадал в щелочку — это и было верное решение. Кое-кто из мифологов думает, что это больше смахивает на азартную игру, чем на лотерею, но, по-моему, это одно и то же.

— Стало быть, — усмехнулся Тревайз, выбирая место посадки, — мы играем в азартную игру.

Блисс, выйдя из камбуза, услышала остроту Тревайза.

— Никакая это не азартная игра, — возразила она. — Было несколько «может быть», а потом один раз совершенно точно выпало «да», вот там мы и должны сесть.

— И что означает это «да»? — спросил Тревайз.

— Я уловила проблеск человеческого разума. Точно. Сомнений нет.

44

Недавно прошел дождь — трава намокла. По небу неслись тучи, но время от времени в них появлялись просветы.

«Далекая звезда» опустилась вблизи зарослей деревьев. («На случай, если здесь окажутся дикие собаки», — подумал Тревайз почти без юмора.) Местность казалась похожей на пастбище, а с высоты Тревайз видел нечто вроде фруктовых садов и засеянных полей, а еще — на этот раз он не сомневался — пасущихся животных.

Но никаких построек — ничего искусственного, кроме аккуратной посадки деревьев в садах и отчетливых границ, разделяющих поля. Правда, все это по уровню искусственности не уступало бы микроволновой антенне, принимающей энергию с орбитальной станции, окажись она здесь.

Однако мог ли этот уровень искусственности быть создан одними роботами? Без людей?

Тревайз спокойно застегивал ремень с амуницией. Теперь он точно знал, что оба вида оружия в рабочем состоянии и заряжены на полную катушку. На мгновение он поймал взгляд Блисс и замешкался.

— Давай-давай, — сказала она. — Не думаю, что от оружия будет толк, но, правда, я думала так и в прошлый раз.

— А ты не хочешь вооружиться, Джен?

— Нет, спасибо. — Пелорат поежился. — Зачем? У тебя оружие, у Блисс — ментальное поле, так что мне с вами рядом не

страшно. Наверное, мне должно быть совестно прятаться за вашими спинами, но я так вам благодарен, так благодарен, и это чувство сильнее стыда. Вы избавляете меня от тревоги и необходимости сражаться.

— *Ясное дело,* — кивнул Тревайз. — *Только не отходи никуда один.* Если Блисс и я разойдемся, держись с кем-нибудь из нас и не бросайся никуда опрометью, как бы ни хотелось.

— Не волнуйся, Тревайз, — сказала Блисс. — Это я беру на себя.

Тревайз первым вышел из корабля. Дул свежий ветер, и немного похолодало после дождя, но Тревайзу это даже понравилось. Перед дождем, наверное, было слишком влажно и душно.

Он сделал вдох и удивился. Запах планеты был восхитителен. У каждой планеты — свой аромат, Тревайз это знал; аромат всегда чужой и, как правило, неприятный — может быть, только из-за того, что чужой? Но может ли незнакомый запах оказаться приятным? Или это всего лишь случайность — может, они попали на планету сразу после дождя в определенное время года? Как бы то ни было...

— Выходите, — позвал он спутников. — Тут просто великолепно.

— Великолепно — самое подходящее слово, — согласился Пелорат, выйдя из люка. — Ты думаешь, здесь всегда так пахнет?

— Какая разница? Через часок мы так привыкнем, что наши обонятельные рецепторы перегрузятся и мы не будем ощущать никакого запаха.

— Жаль, — огорчился Пелорат.

— Трава сырая, — проворчала Блисс.

— Ну и что? В конце концов, у вас на Гее тоже бывают дожди, — сказал Тревайз. И тут золотистые лучи солнца на мгновение блеснули сквозь маленький просвет в тучах. Скоро, должно быть, станет теплее.

— Да, бывают, — согласилась Блисс, — но мы знаем, когда пойдет дождь, и готовимся к этому.

— Просто ужасно, — поморщился Тревайз. — Никаких неожиданностей. Скучно.

— Может быть, ты прав. *Я постараюсь не вспоминать Гею так часто.*

Пелорат огляделся по сторонам и разочарованно протянул:

— Похоже, тут нет ничего интересного.

— Только похоже, — отозвалась Блисс. — К нам кто-то при-

ближается из-за того холма. — Она взглянула на Тревайза. — Как думаешь, может, пойти им навстречу?

— Нет, — покачал головой Тревайз. — Мы шли к ним навстречу многие парсеки. Пусть они пройдут остаток пути. Мы подождем их здесь.

Никого видно не было, но вскоре с той стороны, куда Блисс показывала пальцем, появилась фигура, постепенно вырастая над вершиной холма. Потом вторая, третья.

— Видимо, пока все, — сказала Блисс.

Тревайз с любопытством наблюдал. Хотя ему никогда раньше не приходилось видеть роботов, он совершенно не сомневался, что это они и есть. Их фигуры напоминали человеческие. Чем ближе они подходили, тем меньше казалось, что они сделаны из металла. Поверхность роботов была тусклой и казалась мягкой, словно покрытой плюшем.

Но как знать, иллюзия это или нет? Тревайзу вдруг нестерпимо захотелось потрогать этих медлительных роботов. Если это на самом деле Запретная Планета и ни один корабль никогда даже не приближался к ней — а это наверняка так и было, поскольку ее солнце не значилось на карте Галактики, — то «Далекая звезда» и люди, которых она привезла, должны быть чем-то таким, чего роботы никогда не видели. Но они шли к людям так уверенно, словно для них это было самым обычным делом.

— Здесь мы можем добыть такие сведения, — негромко проговорил Тревайз, — каких нигде в Галактике не найти. Мы можем спросить их о расположении их планеты относительно Земли, и если они знают, то скажут нам. Ведь неизвестно, сколько им лет. Они могут обладать колоссальными знаниями. Представляете?

— И наоборот, — охладила его пыл Блисс, — они могут быть сделаны недавно и не знать ровным счетом ничего.

— Или, — добавил Пелорат, — могут знать все, но отказаться разговаривать с нами.

— Вряд ли они откажутся, — сказал Тревайз, — если только не получили приказа не отвечать нам. А откуда взяться такому приказу, если никто на этой планете никак не мог ожидать нашего появления?

Не дойдя до людей метров трех, роботы остановились. Они молчали и не шевелились.

Держа руку на прикладе бластера и не отрывая глаз от роботов, Тревайз спросил Блисс:

— Можешь определить, что у них на уме?

— У меня нет никакого опыта контактов с подобным сознанием, Тревайз, но ничего похожего на враждебность я не чувствую.

Тревайз убрал правую руку с гашетки бластера, а левую поднял ладонью к роботам и сказал, медленно выговаривая слова:

— Я приветствую вас. Мы пришли на эту планету как друзья.

Робот, стоявший посередине, отвесил короткий и неуклюжий поклон — пожалуй, большой оптимист мог бы почесть это движение за знак мира — и что-то проговорил.

У Тревайза от удивления отвисла челюсть. В мире трансгалактических коммуникаций кто бы мог подумать о таком нелепом затруднении? Увы, робот говорил не на стандартном галактическом — его речь даже смутно не напоминала общепринятый язык. Тревайз не понял ни единого слова.

45

Пелорат удивился не меньше Тревайза, но одновременно чему-то обрадовался.

— Ну не странно ли?! — воскликнул он.

Тревайз повернулся к нему и довольно резко возразил:

— Не странно. Ужасно.

— Вовсе нет. Это галактический язык, но очень древний. Несколько слов я разобрал. Я, вероятно, мог бы легче понять, если бы то, что он сказал, было написано. Ведь я никогда не слышал, как говорят на этом языке.

— Ну и что же он сказал?

— Я думаю, он сказал, что не понял твоих слов.

— Я не поняла, что он сказал, — вмешалась Блисс, — но в его сознании чувствую удивление и ничего больше. Надеюсь, вы верите, что я способна анализировать эмоции роботов — если такое понятие, как эмоции роботов, вообще существует.

Очень медленно и с явным трудом Пелорат произнес несколько слов, и три робота дружно кивнули.

— Что ты им сказал? — спросил Тревайз.

— Я сказал, что не умею хорошо изъясняться на их языке, но попытаюсь. Я попросил их немного подождать. Блисс, милая, Голан, дружочек, это безумно интересно.

— А по-моему, все это безумно разочаровывает, — пробормотал Тревайз.

— Понимаете, — продолжал Пелорат, — каждая обитаемая планета в Галактике стремилась создать свой собственный вариант галактического, и потому существуют миллионы диалектов, которые порой с трудом понимаемы, но при разработке стандартного галактического все они были собраны воедино. Если предположить, что эта планета пребывала в изоляции двадцать тысяч лет, здешний язык изменился и теперь значительно отличался бы от остальных языков Галактики. Этого не произошло, вероятно, из-за того, что здесь обитают только роботы, которые могут понимать только такой разговорный язык, какой был заложен в них при программировании. Если их не перепрограммировать, язык остается неизменным, и то, что мы слышим сейчас, — не что иное, как архидревний галактический.

— Замечательный пример того, как в роботизированном обществе может начаться застой, а после него — деградация, — сказал Тревайз.

— Но, дружочек, — возразил Пелорат, — относительная неизменность языка вовсе не является признаком деградации. В этом есть свои преимущества. Ведь при этом документы, хранимые веками, тысячелетиями, не утрачивают смысла и придают историческим записям жизненность и авторитет. Повсюду в Галактике, например, язык Имперских эдиктов времен Гэри Селдона уже сейчас начинает звучать неуклюже.

— А ты на самом деле знаешь этот древнегалактический язык?

— Не то чтобы я его знал, Голан. Просто, штудируя древние мифы и легенды, я уловил, в чем тут хитрость. Словарный запас не слишком отличается от нашего, но склонения выглядят иначе, встречаются идеоматические выражения, каких мы давно уже не употребляем, и, как я уже сказал, у нас в корне изменилось произношение. Я могу попробовать поработать переводчиком, но вряд ли у меня так уж хорошо получится.

Тревайз глубоко и с облегчением вздохнул.

— Все равно это лучше, чем ничего. Давай, Джен, беседуй.

Пелорат повернулся было к роботам, но замешкался и растерянно обернулся к Тревайзу:

— А что я должен им сказать?

— Не будем рассусоливать. Спроси их прямо, где находится Земля.

Пелорат произнес фразу, тщательно выговаривая слова и усиленно жестикулируя.

Роботы переглянулись и издали несколько звуков. Средний, тот, что уже говорил с Пелоратом, развел руками, словно растягивал резиновую ленту, и ответил, так же тщательно произнося слова. Пелорат выслушал ответ и обратился к Тревайзу:

— Я не уверен, смог ли я точно выразить, что понимаю под словом «Земля». Полагаю, они подумали, что я имею в виду какую-то область на их планете, и сказали, что не знают такой области.

— А они не сказали, как называется их планета, Джен?

— Если я правильно понял, их планета называется Солярия.

— Тебе попадалось такое название в легендах?

— Нет. Впрочем, Аврора мне тоже не попадалась.

— Ладно. Теперь спроси их, есть ли какое-нибудь место, называемое «Земля», в небе — среди звезд. Покажи вверх.

Произошел обмен фразами, наконец Пелорат обернулся и сказал:

— Они говорят, что в небе вообще ничего нет. Это все, чего я смог от них добиться, Голан.

— Спроси роботов, — вмешалась Блисс, — сколько им лет. Или нет, лучше так: сколько лет они функционируют.

Пелорат покачал головой:

— Я не знаю, как сказать «функционируют». Слишком современное слово. На самом деле я даже не уверен, смогу ли произнести: «Сколько вам лет». Никудышный из меня переводчик.

— Постарайся, как сумеешь, Пел, дорогой.

После серии вопросов и ответов Пелорат объявил:

— Они функционируют двадцать шесть лет.

— Двадцать шесть лет, — недовольно проворчал Тревайз. — Да они твои ровесники, Блисс.

— Знаешь что... — вдруг вспыхнула Блисс.

— Прости, ошибочка вышла. Ты — Гея, которой тысячи лет. В любом случае, эти роботы ничего не могут сказать о Земле на основании личного опыта. Их банки данных явно не включают ничего, кроме того, что нужно для работы. Например, они полные профаны в астрономии.

— Здесь где-нибудь могут быть другие роботы, — возможно, более старые, самые первые, — высказал предположение Пелорат.

— Сомневаюсь, — хмыкнул Тревайз, — но спроси их об этом, если сумеешь, Джен.

На сей раз разговор с роботами продолжался гораздо дольше. Наконец Пелорат прервал его. Он покраснел и явно расстроился.

— Голан, — сказал он, — я не все понял, но похоже, что старейшие роботы здесь используются на черных работах и ничего не знают. Если бы этот робот был человеком, я сказал бы, что он отзывается о них презрительно. Эти трое — домашние роботы. Так они сказали. Им не положено стареть — просто их меняют время от времени. Они единственные, кто знает что к чему — это не я говорю, это они так сказали.

— Да уж. Много же они знают, — пробурчал Тревайз. — По крайней мере, совсем не то, что нам нужно.

Пелорат вздохнул.

— Как жаль, что мы так поспешно покинули Аврору. Если бы мы нашли там уцелевшего робота — а мы наверняка нашли бы его, поскольку в том, которого я нашел, еще теплилась жизнь, — мы узнали бы от него о Земле. Тамошние роботы могли помнить о ней.

— При условии, что их память не повреждена, Джен. Мы всегда можем вернуться туда, и если понадобится, то, честное слово, — гори огнем тамошние псы — мы так и сделаем. Но раз эти роботы сделаны всего пару десятков лет назад, здесь должны быть те, кто сделал их, и создатели эти, по идее, должны быть людьми. — Он повернулся к Блисс: — Ты уверена, что почувствовала только...

Блисс подняла руку, не дав Тревайзу договорить. Лицо ее стало чужим, отстраненным.

— Кто-то идет, — тихо сказала она.

Тревайз обернулся к холму. На вершине появилась и стала спускаться к ним фигура, несомненно принадлежащая человеку. Человек был бледен, его длинные светлые волосы странно топорщились за ушами. Лицо незнакомца было угрюмо, а когда он подошел поближе, стало ясно, что он довольно молод. Худые руки и ноги человека были обнажены.

Роботы расступились перед ним, а он, не останавливаясь, прошел вперед.

И сказал чистым, приятным голосом, немного вычурно, но на вполне понятном стандартном галактическом:

— Приветствую вас, гости из космоса. Что вам угодно от моих роботов?

46

Реакция Тревайза не сделала ему чести.

— Вы... говорите на галактическом? — спросил он совершенно по-дурацки.

— А почему бы и нет? Ведь я не немой, — с ухмылкой ответил солярианин.

— А они? — Тревайз показал пальцем на роботов.

— Они роботы. Они говорят на нашем языке, как и я. Но я — солярианин. Я слушаю гиперпередачи иных миров и изучил вашу речь так же, как и мои предшественники. Мои предшественники оставили описание этого языка, но я постоянно слышу новые слова и выражения, которые изменяются год от года. Такое впечатление, что вы не можете навести порядок в своем языке так же, как с планетами. Почему же ты так удивлен, что мне понятен ваш язык?

— Да-да, я не должен был удивляться, — сказал Тревайз. — Прошу прощения. Просто после разговора с роботами я уже не ожидал услышать галактический на этой планете.

Он с любопытством разглядывал солярианина. На том была легкая белая туника, чуть присобранная на плечах, с широкими прорезями для рук и большим вырезом. Костюм солярианина дополняли набедренная повязка и пара легких сандалий.

Тревайз вдруг понял, что не может определить пол солярианина. Торс у того был явно мужской, но на груди не росли волосы, а под набедренной повязкой вроде бы ничего мужского не было.

Тревайз повернулся к Блисс и шепнул:

— Должно быть, это робот, но очень похожий на человека, оде...

— У него разум человека, а не робота, — ответила Блисс, едва шевеля губами.

Тут солярианин снова обратился к ним:

— Вы не ответили на мой вопрос. Я готов простить вам замешательство, приписав его удивлению. Теперь я спрашиваю вас вновь, и вы должны ответить. Что вам угодно от моих роботов?

— Мы путешественники. Мы ищем знания, которые помогли бы нам добраться до цели нашего путешествия, — ответил Тревайз. — Мы спросили ваших роботов о том, что могло бы помочь нам, но они этого не знают.

— Какие знания вы ищете? Может быть, я сумею помочь вам?

— Нас интересует местоположение Земли. Можете ли вы сказать нам, где она находится?

Солярианин вздернул брови.

— А я думал, что первым объектом вашего любопытства буду я. И я отвечу, хотя вы меня и не спросили. Я — Сартон Бандер, а вы стоите на территории поместья Бандера, которая простирается до горизонта и даже дальше. Я не могу сказать, что рад видеть вас, поскольку, явившись сюда, вы преступили закон. Вы — первые поселенцы, ступившие на поверхность Солярии впервые за много тысяч лет, и, оказывается, вы явились сюда только затем, чтобы узнать, как вам лучше добраться до другой планеты. В старые добрые времена и вы и ваш корабль были бы уничтожены в мгновение ока.

— Это был бы варварский поступок. Так не принято обращаться с людьми, которые никому не желают зла, — осторожно проговорил Тревайз.

— Согласен. Но тогда, когда представители расширяющегося сообщества ступают на планету, где обитает сообщество беззащитное и статичное, само их появление несет в себе потенциальное зло. Пока мы боялись этого зла, мы были готовы немедленно уничтожить тех, кто осмелится прийти сюда. Теперь нам нечего бояться. Мы, как видите, согласны даже говорить с вами.

— Я признателен вам за сведения, — сказал Тревайз, — которые вы нам так любезно сообщили, хотя и не ответили на мой вопрос. Я повторю его. Можете ли вы сказать нам, где находится планета Земля?

— Под Землей, как я понимаю, ты подразумеваешь планету, на которой зародился род человеческий и различные виды растений и животных? — Солярианин красиво повел рукой, будто хотел показать гостям свои владения.

— Да, я подразумеваю именно ее, сэр.

Лицо солярианина брезгливо скривилось.

— Будьте добры, называйте меня просто Бандером, если уж вам так необходимо использовать какую-то форму обращения. Не применяйте в обращении ко мне никаких слов, несущих признак пола. Я не мужчина и не женщина. Я — целое. Если я говорю о себе в мужском роде, то лишь потому, что я — человек. Совершенный человек. Солярианин.

Тревайз кивнул (он таки оказался прав).

— Как вам будет угодно, Бандер. Так где же находится Земля, наша общая прародина?

— Я этого не знаю, — отрезал Бандер. — И знать не желаю. Но если бы даже знал, это не принесло бы вам ничего хорошего, поскольку Земли как обитаемой планеты больше не существует. Ах! Как славно греет солнце, — проговорил он, раскинув руки в стороны. — Я нечасто появляюсь на поверхности и лишь тогда, когда светит солнце. Я послал моих роботов поприветствовать вас, пока солнце еще скрывалось за облаками. Сам же я последовал за ними только тогда, когда облака рассеялись.

— Но почему на Земле больше нет жизни? — настойчиво спросил Голан, заранее смиряясь с необходимостью снова выслушивать историю о радиации.

Бандер, однако, проигнорировал его вопрос или, вернее, решил пока не отвечать.

— Слишком долгая история, — сказал он. — Ты заявил мне, что вы пришли с миром.

— Верно.

— Почему же ты вооружен?

— Простая предосторожность. Я не знал, что и кто мне может встретиться.

— Это не имеет значения. Твое ничтожное оружие не представляет для меня опасности. И все же мне интересно. Я, конечно, много слышал о вашем оружии и вашей удивительно варварской истории, которая, похоже, почти всецело зиждется на вооружении. Но я никогда не видел никакого оружия. Могу я посмотреть на твое?

Тревайз сделал шаг назад.

— Боюсь, что нет, Бандер.

Бандер, похоже, здорово удивился.

— Я спросил только из вежливости. Мне и не нужно твое позволение.

Он протянул руку, и из правой кобуры Тревайза сам по себе выскочил бластер, а из левой — нейрохлыст. Тревайз машинально потянулся за оружием, но почувствовал, что руки словно связаны сзади тугими эластичными веревками. Пелорат и Блисс тоже качнулись вперед — стало ясно, что их тоже связали.

— Не утруждайте себя, — посоветовал Бандер, — и не пытайтесь сопротивляться. Вам это не удастся. — Оружие оказалось в его руках, и он внимательно осмотрел его. — Это, — сказал он, показывая на бластер, — видимо, микроволновый излучатель,

который генерирует тепло и, следовательно, способен взорвать любое тело, содержащее жидкость, другое — более слабое. Должен признаться, с первого взгляда не могу понять, как оно действует. Однако, раз вы никому не желаете зла, вам ни к чему оружие. Я могу разрядить энергетические батареи вашего оружия, что я и сделаю. Оно станет безвредным, если только вы не вздумаете превратить одно или другое в дубинку, но для этого они не слишком хороши.

Солярианин выпустил из рук оружие, и бластер с нейрохлыстом по воздуху вернулись к Тревайзу и улеглись на свои места. Тревайз, почувствовав, что его больше не связывают невидимые путы, выхватил бластер, но грозное оружие бездействовало. Контактная кнопка свободно болталась в гнезде, а батарея явно была разряжена. То же самое произошло и с нейрохлыстом.

Он взглянул на Бандера, а тот, посмеиваясь, проговорил:

— Ты совершенно беспомощен, пришелец. Если я пожелаю, то могу так же легко уничтожить ваш корабль, да и вас в придачу.

Глава 11

ПОДЗЕМЕЛЬЕ

47

Справившись с потрясением, Тревайз обернулся и посмотрел на Блисс.

Она стояла, обняв Пелората за талию, словно хотела защитить его, и с виду была совершенно спокойна. Она еле заметно улыбнулась и тихонько, успокаивающе кивнула.

Тревайз обернулся к Бандеру. Расценив поведение Блисс как спокойствие и искренне надеясь, что поступает правильно, он вежливо спросил:

— Как вы это делаете, Бандер?

— Скажи мне, ничтожный пришелец, — спросил Бандер, надменно улыбаясь, — веришь ли ты в колдовство? В магию?

— Нет, не верю, ничтожный солярианин, — огрызнулся Тревайз.

Блисс дернула Тревайза за рукав и прошептала:

— Не серди его. Он опасен.

— Сам вижу, — ответил Тревайз, с трудом переходя на шепот. — Сделай же что-нибудь.

— Не теперь, — еле слышно сказала Блисс. — Он будет менее опасен, если будет думать, что ему ничто не грозит.

Не обращая внимания на перешептывающихся пришельцев, Бандер беззаботно повернулся к ним спиной. Роботы расступились перед хозяином.

Обернувшись, он поманил пришельцев пальцем:

— Следуйте за мной. Все трое. Я расскажу вам историю, которая, может быть, вам не покажется интересной, но зато очень интересует меня. — И он двинулся вперед прогулочной походкой.

Тревайз какое-то время не двигался с места, размышляя, слушаться Бандера или нет. Но Блисс пошла за Бандером и повела за собой Пелората. Что оставалось Тревайзу? Общество трех роботов? Он вздохнул и поплелся за товарищами.

— Может быть, Бандер будет так любезен, — бросила Блисс, — и на ходу поведает нам историю, которая не стоит нашего интереса?

Бандер остановился, обернулся и внимательно посмотрел на Блисс, словно впервые увидел ее.

— Ты — женская половина человека, не правда ли? Слабая половина?

— Слабая половина, Бандер. Верно.

— Следовательно, эти двое — мужские половины человека?

— Именно так.

— А есть у тебя дети, женщина?

— Меня зовут Блисс, Бандер. У меня пока нет ребенка. Это — Пел. Это — Тревайз.

— И который же из них поможет тебе, когда придет время? Оба? Или ни один из них?

— Пел поможет мне, Бандер.

Бандер переключил внимание на Пелората.

— У тебя, как я вижу, белые волосы.

— Да.

— Это обычный цвет?

— Нет, Бандер, они становятся такими с возрастом.

— А сколько тебе лет?

— Пятьдесят два, — ответил Пелорат и поспешно добавил: — Стандартных галактических.

Бандер двинулся дальше («Наверное, ведет нас к дому», — предположил Тревайз), но немного медленнее.

— Я не знаю продолжительности стандартного галактического года, — сказал он, — но она не может значительно отличаться от длительности нашего года. А сколько тебе будет, Пел, когда ты умрешь?

— Не знаю. Надеюсь прожить еще лет тридцать.

— Следовательно, восемьдесят два года. Вы мало живете и разделены на две половины. Невозможно. Непостижимо. А ведь мои далекие предки были подобны вам и жили на Земле. Но некоторые из них покинули Землю, чтобы основать новые поселения на планетах у новых звезд — чудесные миры. Их было множество, и все прекрасно управлялись.

— Не такое уж множество. Всего пятьдесят, — нарочито громко возразил Тревайз.

Бандер бросил на Тревайза взгляд, в котором несколько поубавилось надменности.

— Тревайз. Так тебя зовут?

— Голан Тревайз мое полное имя. Я говорю о том, что космонитских планет было пятьдесят. Число наших планет измеряется миллионами.

— Значит, ты знаешь историю, которую я хотел поведать вам? — чуть растерянно спросил Бандер.

— Если смысл истории состоит в том, что существовало только пятьдесят Внешних миров, то нам она известна.

— Для нас дело не только в количестве, ничтожный получеловек. Для нас важно еще и качество. Их было пятьдесят, но таких, что всем вашим миллионам за ними не угнаться. А Солярия была пятидесятой, последней, следовательно, самой лучшей. Солярия во всем превосходила другие космонитские планеты, а они все превосходили Землю.

И только мы здесь, на Солярии, поняли, как должна быть прожита жизнь. Мы не толпимся, не бродим стадами, как животные и как люди на ваших планетах и на Земле, и даже как те, что жили на других космонитских планетах. Мы живем каждый сам по себе, у всех есть роботы-помощники, а друг друга видим только по видео и лишь тогда, когда пожелаем. В непосредственный контакт друг с другом мы вступаем крайне редко. Прошло много лет с тех пор, как я видел перед собой человека так, как теперь вижу вас, но, впрочем, вы — всего лишь полулюди, и, следова-

тельно, ваше присутствие вовсе не ограничивает мою свободу — не более, чем ее может ограничить корова или робот.

Справедливости ради надо сказать, что когда-то мы тоже были полулюдьми. Хоть и совершенствовали мы свою свободу, хоть и становились единоличными хозяевами множества роботов — свобода наша все же не была абсолютной. Для воспроизводства детей нужно было спаривание. Можно было, конечно, взяв у людей сперму и яйцеклетки, проводить процесс оплодотворения in vitro, а последующий рост эмбрионов поддерживать искусственно в автоматическом режиме. Детям для полноценного воспитания вполне хватило бы заботы роботов. Все это было вполне осуществимо, но полулюди не пожелали отказываться от побочных радостей оплодотворения, вследствие которых развивается извращенная чувственная привязанность, лишающая людей свободы. Надеюсь, вам понятно, что с этим нельзя мириться.

— Нет, Бандер, — ответил Тревайз, — потому что мы не меряем свободу на ваш лад.

— Это из-за того, что вы не знаете, что такое свобода. Вы никогда не жили иначе как в толпе, и вы не знаете иного образа жизни, кроме постоянного рабства — даже по пустякам унижаетесь то перед одним, то перед другим, или, что столь же подло, заставляете других исполнять вашу волю. Откуда здесь возьмется какая-то свобода? Свобода — возможность жить так, как ты хочешь! Только так, как хочешь. Но я отвлекся.

Затем настало время, когда люди с Земли вновь стали странствовать и просто заполонили космос. Другие космониты, пусть не столь обуреваемые стадными инстинктами, как земляне, пытались конкурировать с ними.

Мы, соляриане, не пытались. Мы предвидели неизбежный крах такого образа жизни. Мы ушли под землю и прервали все контакты с Галактикой. Мы решили остаться самими собой, чего бы то ни стоило. Мы создали роботов и оружие, защищающее кажущуюся пустой поверхность планеты, и оно превосходно сделало свою работу. Прилетавшие корабли уничтожались, а потом перестали прилетать. Планету сочли покинутой и забыли, на что мы и надеялись.

А тем временем мы работали под землей над решением наших задач. Мы осторожно, ювелирно изменяли наши гены. Мы терпели неудачи, но добивались успехов и продвигались вперед. На это ушло много столетий, но в конце концов мы стали полноценными человеческими существами, соединившими мужское

и женское начала в одном теле. Мы умеем испытывать полное удовлетворение по собственному желанию и производить детей, когда захотим, оплодотворяя яйцеклетки для последующего развития под заботливым надзором роботов.

— Гермафродиты, — резюмировал Пелорат.

— Так это называется на вашем языке? — равнодушно откликнулся Бандер. — Я никогда не слышал такого слова.

— Гермафродизм — мертворожденная ветвь на древе эволюции, — сказал Тревайз. — Любой ребенок становится генетическим дубликатом своего родителя-гермафродита.

— Послушайте, — сказал Бандер, — вы смотрите на эволюцию как на игру с попаданиями и промахами. Мы же можем моделировать своих детей, если пожелаем. Мы можем изменять и улучшать гены и порой так и делаем. Ну вот мы и пришли. Войдемте. День кончается. Солнце уже не греет так, как надо, и нам будет намного удобнее внутри.

Замка на двери не было. Она распахнулась, как только Бандер и трое гостей приблизились, и сразу же захлопнулась позади. Внутри не было окон, но, как только вошедшие направились в большую комнату, напоминавшую пещеру, стены ожили и засветились. Покрытый коврами пол мягко пружинил под ногами. Вдоль стен стояли неподвижные роботы.

— Это, — пояснил Бандер, показывая на противоположную двери стену, с виду ничем не отличавшуюся от других, — мой обзорный экран. С его помощью я могу наблюдать за планетой, но это никоим образом не ограничивает мою свободу, поскольку никто не заставляет меня им пользоваться.

— А если вы пожелаете видеть кого-то на своем экране, а он, допустим, этого не хочет, — вы же не можете его заставить, — заметил Тревайз.

— Заставить? — недоуменно переспросил Бандер. — Каждый может делать что ему вздумается, если это не будет мешать мне делать то, что я хочу.

У экрана стояло единственное кресло, в которое и уселся Бандер.

Тревайз оглянулся, гадая, не появятся ли в комнате еще кресла. Но откуда им было взяться? Разве что из-под пола.

— Вы позволите нам присесть? — спросил он у Бандера.

— Как вам угодно.

Блисс улыбнулась и села на пол. Пелорат последовал ее примеру. И только Тревайз упрямо продолжал стоять.

— Скажи же, Бандер, — сказала Блисс, — сколько людей живет на вашей планете?

— Говори «соляриан», получеловек Блисс. Слово «люди» осквернено. Так называют себя полулюди. Мы могли бы называть себя «совершенными людьми», но это звучит громоздко. «Соляриане» — самое подходящее слово.

— Хорошо. Сколько соляриан живет на планете?

— Точно не знаю. Нам нет нужды считать. Около двенадцати сотен.

— Только двенадцать сотен на всей планете?

— Целых двенадцать сотен. Вот опять вы за свое. Для вас важно количество, а для нас — качество. Вы не в силах понять истинной свободы. Если бы другой солярианин взялся оспаривать мое абсолютное господство над любым участком моего поместья, роботами, животными или постройками, моя свобода была бы ограничена. Поскольку другие соляриане существуют, ограничения свободы сведены к минимуму за счет расселения всех таким образом, чтобы контактов между нами не происходило. В условиях, близких к идеальным, на Солярии может разместиться ровно двенадцать сотен соляриан. Станет больше — свобода сразу ограничится, и жизнь будет невыносимой.

— Это означает, что у вас каждый ребенок должен быть на счету и смертность равна рождаемости, — неожиданно заявил Пелорат.

— Естественно. Это условие необходимо соблюдать на всякой планете мира со стабильной численностью населения — даже на ваших скорее всего.

— Безусловно, — кивнул Пелорат и умолк.

— Мне вот что интересно, — сказал Тревайз. — Каким образом вы заставили мое оружие парить в воздухе? Вы не объяснили этого.

— Я предложил тебе поверить в колдовство или чудо. Но ты ведь отказался принять такое объяснение?

— Еще бы. За кого вы меня принимаете?

— Может быть, тогда ты согласишься поверить в сохранение энергии и необходимый рост энтропии?

— Да, пожалуй. Не могу же я поверить, что за двадцать тысяч лет вы изменили эти законы или хотя бы переделали.

— Конечно нет, получеловек. А теперь вдумайся. Там, снаружи, светит солнце. — Бандер грациозно повел рукой. — Но не

везде. Есть и тень. На солнце теплее, чем в тени, и тепло самопроизвольно передается от освещенных мест к затененным.

— Не надо мне лекции читать, — буркнул Тревайз. — Это я знаю.

— Но, вероятно, ты знаешь это так хорошо, что не задумываешься об этом. А ночью поверхность Солярии теплее, чем объекты за пределами ее атмосферы, так что тепло самопроизвольно излучается поверхностью планеты в космос.

— Это я тоже знаю.

— И днем и ночью внутренняя часть планеты теплее, чем ее поверхность. Следовательно, тепло самопроизвольно передается от внутренних областей к поверхности. Думаю, это тебе тоже известно.

— И что же из этого, Бандер?

— Перетекание тепла из более теплых мест к более холодным, происходящее на основе второго закона термодинамики, может быть использовано для работы.

— Теоретически — да, но солнечный свет рассеян, поверхностное тепло рассеяно еще больше, а скорость, с которой тепло покидает внутреннюю область планеты, делает его еще более рассеянным. Количества тепла, которое можно использовать, вряд ли будет достаточно для того, чтобы поднять камешек.

— Все зависит от того, какими устройствами пользоваться, — возразил Бандер. — Наше собственное устройство совершенствовалось тысячи лет, и теперь это не что иное, как часть нашего мозга.

Бандер приподнял волосы на висках, повертел головой и стало видно, что за ушами у него находятся выступы, размерами и формой напоминающие тупой конец куриного яйца.

— Эта часть моего мозга, отсутствующая у вас, и есть то, что отличает соляриан от полулюдей.

48

Тревайз то и дело бросал взгляды на Блисс, которая не спускала глаз с Бандера. Тревайз почти уверился в том, что понимает, что происходит.

Бандер, несмотря на весь свой пиетет перед свободой, не в силах был устоять перед таким уникальным случаем. Он ведь не мог на равных беседовать с роботами, не говоря уже о животных.

Беседы со своими собратьями, солярианами, могли быть ему порой неприятны, и какой бы ни была связь, она всегда оказывалась вынужденной, а не добровольной.

Что касается Тревайза, Блисс и Пелората, то для Бандера они, полулюди, не более нарушали его свободу, чем роботы или козы — но тем не менее были интеллектуально равны ему (или почти равны), и возможность говорить с ними стала той необъяснимой роскошью, которой он никогда прежде не имел.

«Неудивительно, — думал Тревайз, — что Бандер дал себе такую поблажку». А Блисс (в этом Тревайз не сомневался) поощряла его, корректно управляя сознанием Бандера и заставляя его делать то, чего тот и так страстно желал.

Блисс, вероятно, предполагала, что если Бандер хорошенько разговорится, то может выболтать что-нибудь о Земле. А потому Тревайз решил, что, даже если предмет дискуссии ему будет совершенно до лампочки, он все равно должен стараться поддержать разговор.

— И как же работают эти доли мозга? — спросил он.

— Они служат преобразователями, — ответил Бандер. — Активизируются потоком тепла и превращают его в механическую энергию.

— Я не могу в это поверить. Ведь поток тепла крайне незначителен.

— Ничтожный получеловек, ты даже думать не умеешь. Если бы все соляриане сбились в кучу и каждый попытался бы использовать поток тепла, тогда, конечно, энергии было бы недостаточно. Но я один владею более чем сорока тысячами квадратных километров поверхности, и они мои, только мои. Я могу собирать поток тепла с любой площади моего владения, и никто не посмеет помешать мне — так что энергии достаточно. Теперь понимаешь?

— Так ли это просто — собрать поток тепла с такой большой площади? Сама концентрация теплового потока, должно быть, требует больших затрат энергии.

— Возможно, но мне об этом думать не приходится. Мои преобразователи сами непрерывно концентрируют тепловой поток, и как только возникает необходимость произвести работу, она производится. Когда я передвигал твое оружие по воздуху, определенный объем прогретой солнцем атмосферы потерял некоторые излишки тепла, вместо того чтобы передать его затемненным областям. Мне помогла солнечная энергия. Мне не по-

требовались никакие механические или электронные приборы, я использовал свое нейронное устройство. — Бандер любовно коснулся одного из выростов за ушами. — Оно работает быстро, эффективно, постоянно — и никаких усилий.

— Невероятно... — пробормотал Пелорат.

— Почему же невероятно? — удивился Бандер. — Подумай получше о тонкости строения глаз и ушей, о том, что они способны превращать ничтожные количества фотонов и воздушных колебаний в ценную информацию. Это может показаться невероятным, если никогда прежде ни с чем подобным не встречался. Мои преобразователи не более невероятны и не показались бы вам такими, если бы не были так непривычны.

— И как же вы используете эти постоянно работающие мозговые преобразователи? — спросил Тревайз.

— Мы правим планетой, — ответил Бандер. — Каждый робот в моем огромном поместье получает энергию от меня или, вернее, от природного теплового потока. Нажимает ли робот кнопку или валит дерево — энергия поступает от ментального преобразователя — моего ментального преобразователя.

— А когда вы спите?

— Процесс преобразования происходит независимо от того, бодрствую я или сплю, презренный получеловек, — сказал Бандер. — Разве ты перестаешь дышать, когда спишь? Разве твое сердце перестает биться? Ночью мои роботы работают за счет некоторого охлаждения недр Солярии. В глобальном масштабе изменение ничтожно мало, а нас здесь только двенадцать сотен, так что вся энергия, которую мы используем, не может ощутимо сократить жизнь нашего солнца и истощить запасы внутреннего тепла планеты.

— А не приходило ли вам в голову использовать их как оружие?

Бандер посмотрел на Тревайза так, словно вопрос показался ему в высшей степени идиотским.

— Видимо, ты хотел сказать, что Солярия может противостоять другим планетам, обладая оружием, основанным на преобразовании тепла? Зачем нам это? Даже если бы мы создали оружие, которое превосходит изготовленное на основании других принципов — нам бы это наверняка удалось, — что бы мы приобрели? Власть над другими планетами? Какое нам дело до других планет, когда у нас есть своя собственная, идеальная? Разве мы жаждем владычества над полулюдьми? Зачем они нам? Исполь-

зовать их на принудительных работах? У нас есть роботы, более пригодные для этих целей, чем полулюди. У нас есть все. Мы не хотим ничего — только бы нам никто не мешал. А теперь слушай — я расскажу тебе другую историю.

— Давайте, — кивнул Тревайз.

— Двадцать тысяч лет назад, когда полусущества с Земли ринулись в космос, а мы ушли под землю, другие Внешние миры решили бороться с притоком новых колонистов с Земли. И они нанесли удар по Земле.

— По Земле, — эхом отозвался Тревайз, пытаясь скрыть радость от того, что разговор перешел в нужное русло.

— Да, прямо в центр мишени. Разумно в каком-то смысле. Если вы хотите кого-нибудь убить, то метите не в палец, не в колено, а прямо в сердце. И наши собратья космониты, не менее вспыльчивые, чем земляне, ухитрились сжечь с помощью радиации поверхность Земли, так что планета стала совершенно непригодна для жизни.

— Так вот что произошло! — Пелорат сжал кулак и стукнул им по полу. — Я знал, что это не могло быть природным явлением. Как же они это сделали?

— Не имею понятия, — равнодушно ответил Бандер, — но ничего хорошего из этого не вышло. В том-то и смысл моей истории. Поселенцы продолжали плодиться, а космониты вымирали. Они пытались бороться — и исчезли. Мы, солярианe, отступили, отказались от борьбы — и все еще живы.

— Поселенцы тоже, — не без сарказма заметил Тревайз.

— Да, но так не будет вечно. Полулюди могут сражаться и суетиться, но в конце концов обречены на вымирание. Пусть пройдут десятки тысяч лет. Мы можем подождать. А когда они вымрут, мы, солярианe, полноценные, совершенно свободные, обретем всю Галактику. И сможем присоединить к нашей планете любую, какую пожелаем.

— А эта история о Земле, — вмешался Пелорат, нетерпеливо щелкая пальцами, — та, что вы нам рассказали, — легенда или правда?

— Кто может сказать наверняка, получеловек Пелорат? Вся история — легенда, более или менее.

— А что говорят об этом ваши записи? Мог бы я просмотреть их, Бандер? Пожалуйста, поймите меня. Легенды, мифы, древние сказания — моя специальность. Я — ученый, это предмет

моих исследований, и в особенности — все, имеющее отношение к Земле.

— Я просто повторяю то, что слышал. — Бандер пожал плечами. — Никаких записей об этом нет. Наши записи касаются только Солярии, а другие планеты упоминаются в них постольку, поскольку имеют к нам какое-то отношение.

— Но Земля наверняка имела к вам отношение.

— Может быть. Но если и так, то было давным-давно, а из всех планет Земля нам была наиболее неприятна. Если у нас и были когда-то какие-то записи о Земле, уверен, они уничтожены в порыве отвращения.

Тревайз сердито скрипнул зубами.

— Неужели вы сами уничтожили записи?

Бандер обернулся к Тревайзу:

— Кроме нас некому.

Пелорат не пожелал оставлять тему разговора.

— Что еще вы слышали о Земле?

Бандер ненадолго задумался и ответил:

— В молодости я слышал от робота историю о землянине, который посетил Солярию, и о солярианской женщине, которая улетела с ним и стала важной фигурой в Галактике. Однако, по-моему, эта история — выдумка.

— Вы уверены? — Пелорат закусил губу.

— Как тут можно в чем-то быть уверенным? Тем более что это почти немыслимо — чтобы землянин осмелился явиться на Солярию и чтобы Солярия допустила такое вторжение. Еще менее вероятно, что солярианка — мы тогда, правда, были полулюдьми, но это все равно — могла добровольно покинуть нашу планету. А теперь пойдемте, я покажу вам мой дом.

— Ваш дом? — удивилась Блисс. — Разве мы не у вас дома?

— Не совсем. Это всего лишь прихожая. Зал связи. Здесь я вижу других солярианe, когда мне необходимо. Они появляются на экране или в трехмерном изображении перед экраном. Эта комната — своего рода место встреч и не является частью моего дома. Следуйте за мной.

Бандер зашагал вперед, не оборачиваясь. Четыре робота вышли из своих ниш, и Тревайз понял, что, если он и его спутники не пойдут за Бандером по доброй воле, роботы вежливо, но настойчиво заставят их это сделать.

Блисс и Пелорат поднялись с пола. Тревайз шепотом спросил у Блисс:

— Ты заставляешь его говорить?

Блисс сжала его руку и кивнула.

— Я еще не уверена в его намерениях, — тревожно прошептала она.

49

Все трое последовали за Бандером. Роботы выдерживали корректную дистанцию, но их присутствие постоянно ощущалось.

Шагая по длинному коридору, Тревайз уныло пробормотал:

— Здесь нет ничего, что помогло бы нам в поисках Земли. Я уверен. Всего лишь очередная вариация на тему радиоактивности. — Он пожал плечами и добавил: — Мы должны отправиться туда, куда указывает третий набор координат.

Через некоторое время они подошли к двери, за которой оказалась небольшая комната.

— Входите, полулюди, — произнес Бандер, — я хочу показать вам, как мы живем.

— Он радуется, как мальчишка, — прошипел Тревайз. — Так и хочется врезать ему как следует.

— Держи себя в руках. Не впадай хоть ты в детство, — предостерегающе проговорила Блисс.

Следом за Бандером все трое вошли в комнату. За ними последовал один из роботов. Солярианин жестом отослал остальных прочь. Дверь закрылась.

— Лифт, — радуясь сделанному открытию, проговорил Пелорат.

— Верно, — подтвердил Бандер. — С тех пор как мы ушли под землю, мы, как правило, не поднимались на поверхность. Да, собственно, и не хотели, хотя я нахожу приятным время от времени видеть солнечный свет. Я не люблю облачную погоду, не люблю оставаться ночью под открытым небом. Возникает такое чувство, что ты под землей, хотя на самом деле это не так — если вы понимаете, что я имею в виду. Что-то вроде обмана зрения, и мне это очень не нравится.

— На Земле люди тоже строили подземелья, — сказал Пелорат. — Стальные пещеры — так они называли свои города. И Трентор в старые имперские времена большей частью тоже

строился под землей. А на Компореллоне строительство под землей идет и сейчас. Это общая тенденция, пожалуй, и...

— Полулюди, роящиеся под землей, и мы, живущие в великолепном уединении, — далеко не одно и то же, — оборвал его Бандер.

— На Терминусе, — вставил Тревайз, — жилые здания расположены на поверхности.

— И подвергаются воздействию погоды, — добавил Бандер. — Крайне примитивно.

Поначалу Пелорату показалось, что лифт падает, но вскоре это ощущение исчезло. Интересно, подумал Тревайз, как глубоко мы опустились? — но тут внезапно возникло краткое чувство, словно их прижало к полу, и дверь кабины открылась.

Перед ними была большая, изысканно обставленная комната. Источник тусклого света не был виден. Казалось, слабо светится сам воздух.

Бандер ткнул пальцем в пространство, и там, куда он показал, свет разгорелся ярче. Указал в другую сторону — произошло то же самое. Опершись левой рукой о невысокий столбик у двери, он широко повел правой — и вся комната осветилась, словно озарилась солнцем — только это солнце не грело.

Тревайз скривился и вполголоса сказал:

— Да он шарлатан.

— Солярианин! — отрезал Бандер. — Мне неведомо значение слова «шарлатан», но, судя по твоей интонации, это что-то оскорбительное.

— Так называют того, кто обманывает других, — пояснил Тревайз, — кто прибегает к эффектным трюкам, чтобы сделанное им производило яркое впечатление. Показуха.

— Признаю, — согласился Бандер, — я люблю эффекты, но то, что я сделал, — не обман. Это реальность. — Он похлопал по столбику. — Это теплопроводный стержень. Он уходит на несколько километров вниз. Таких стержней у меня в поместье много. Я знаю, что они есть и в других поместьях. Они увеличивают скорость истечения тепла из недр Солярии на поверхность и облегчают его превращение в работу. На самом деле я мог бы не двигать руками, чтобы зажечь свет, но это эффектно и, пожалуй, действительно производит впечатление обмана. Мне это доставляет истинное наслаждение.

— И часто вы испытываете наслаждение от таких маленьких спектаклей? — поинтересовалась Блисс.

— Нет, — ответил Бандер, качая головой. — На моих роботов такие вещи не производят никакого впечатления. Как и на других соляриан. Какая удача — встретить полулюдей и показать им это — просто... замечательно.

— Когда мы вошли, в комнате тускло горел свет. Он так горит все время? — спросил Пелорат.

— Да. Для этого не нужно много энергии — как и для поддержания роботов в рабочем состоянии. Все мое поместье всегда в действии, а неработающие части поддерживаются в готовности.

— И вы беспрерывно обеспечиваете энергией все свое огромное поместье?

— Солнце и ядро планеты обеспечивают его энергией. Я — всего лишь проводник. Но не все у меня в поместье продуктивно. Я оставил большую часть территории в первозданном виде. Во-первых, так легче защищать свои границы, а во-вторых, я получаю от этого эстетическое наслаждение. На самом деле мои поля и фабрики невелики. Они нужны только для удовлетворения моих личных потребностей и для кое-какого обмена. У меня есть роботы, которые могут производить и устанавливать теплопроводные стержни. Многие соляриане в этом смысле зависят от меня.

— А ваш дом? — спросил Тревайз. — Он большой?

Видимо, Тревайз попал в точку — Бандер просиял.

— Очень большой. Думаю, он один из самых больших на планете. Он тянется на километры во всех направлениях. Для обслуживания дома у меня под землей столько же роботов, сколько на тысячах квадратных километров поверхности.

— Но вы не можете жить во всех комнатах сразу, — поразился Пелорат.

— Очень может быть, что у меня есть помещения, где я никогда не бывал, — ну и что? — Бандер пожал плечами. — Роботы поддерживают порядок всюду. Прошу сюда.

Они вышли через другую дверь и снова попали в коридор, где стояла небольшая открытая гусеничная машина.

Бандер указал гостям на машину, и они друг за другом забрались в нее. Для четверых здесь было тесновато, да еще и робот втиснулся. Пелорат и Блисс прижались друг к другу, чтобы дать место Тревайзу. Бандер с комфортом уселся впереди, робот — рядом с ним, и машина тронулась с места. Бандер управлял ею, время от времени плавно шевеля рукой.

— Просто специальный робот в виде машины, — небрежно пояснил Бандер.

Машина двигалась медленно, плавно. Двери открывались при ее приближении и закрывались за ней. Все двери были украшены разными рисунками, словно роботам было дано указание украшать их как попало.

И впереди и позади было темно. Но машину все время сопровождало свечение, подобное солнечному, но не дающее тепла. Как только двери открывались, в комнатах тотчас же становилось светло. И всякий раз Бандер медленно и грациозно поводил рукой.

Казалось, путешествию не будет конца. Время от времени машина поворачивала, и довольно долго казалось, что подземный особняк находится на одном уровне. Но в одном месте обозначился пологий спуск.

Везде, где бы они ни проезжали, им встречались роботы, — их было десятки, сотни — и все занимались работой, смысл которой Тревайз понимал с трудом. Машина проехала через большой зал, где много роботов сидели за рядами столов.

— Что они делают, Бандер? — спросил Пелорат.

— Ведут учет, — ответил Бандер. — Статистические записи, финансовые счета и все такое прочее, во что, к счастью, мне нет нужды вникать. У меня не такое уж бездействующее поместье. Примерно четверть площади занята садами, десятая часть — зерновыми, но основная моя специализация — все-таки сады. Мы выращиваем лучшие фрукты в Галактике и вывели множество различных сортов. Персики Бандера — настоящие солярианские персики. Мало кто еще здесь выращивает персики. У нас — двадцать семь сортов яблок и... и так далее. Роботы могут проинформировать вас точнее.

— И что же вы делаете со всеми этими фруктами? — спросил Тревайз. — Вы же не можете съесть все сами?

— Конечно. Выращивание фруктов — мое маленькое увлечение. Я торгую ими с другими поместьями.

— И на что же вы их меняете?

— Главным образом на минеральное сырье. В моем поместье нет сколько-нибудь ценных месторождений. Кроме того, я выменяваю многое другое, что необходимо для поддержания здорового экологического равновесия. У меня здесь очень много растений и животных.

— Видимо, обо всем этом заботятся роботы, — высказал предположение Тревайз.

— Именно. И весьма успешно.

— И все это для одного-единственного солярианина?

— Все это — для поместья и его экологической устойчивости. Я единственный из соляриан лично осматриваю все свое поместье, когда пожелаю, а это — часть моей абсолютной свободы.

— Вероятно, — сказал Пелорат, — другие солярианe тоже поддерживают местное экологическое равновесие и владеют болотами, горными районами или морским побережьем.

— Скорее всего, — ответил Бандер. — Подобные вопросы решаются у нас на конференциях, посвященных решению планетарных проблем.

— И как часто вам приходится собираться? — спросил Тревайз.

Машина ехала по довольно узкому коридору, длинному, без дверей. Тревайз предположил, что это туннель, проложенный в твердых породах и служащий переходом между двумя частями поместья.

— Слишком часто, — ответил Бандер. — Почти каждый месяц мне приходится посвящать часть своего времени собраниям одного из комитетов, членом которых я состою. И все же, хотя в моем поместье и нет гор или болот, мои фруктовые деревья, рыбные садки и ботанические сады — лучшие на планете.

— Но дружочек... то есть прошу прощения, Бандер, — извинился Пелорат, — я думал, что вы никогда не покидаете своего поместья и не навещаете других...

— Конечно, нет, — оскорбленно отозвался Бандер.

— Я ведь только так подумал... — успокоил его Пелорат. — Но в таком случае как вы можете быть уверены, что у вас все самое лучшее, если никогда не изучали и даже не видели другого?

— Я сужу об этом по спросу на мои товары в межсолярианской торговле.

— А как насчет промышленности? — поинтересовался Тревайз.

— Есть поместья, производящие оборудование и механизмы. Как я уже говорил, в моем поместье делают теплопроводные стержни, но это довольно просто.

— И роботов.

— Роботов производят всюду. Солярия всегда была лидером Галактики в конструировании самых умных роботов.

— Вы и теперь лидеры, похоже, — сказал Тревайз. Это прозвучало скорее как утверждение, а не вопрос.

— Теперь? — удивился Бандер. — С кем же нам теперь состязаться? Роботов сейчас делают только солярианe. На ваших планетах их не производят, если я верно понимаю то, что слышу на гиперволнах.

— А другие космонитские планеты?

— Я же сказал. Они больше не существуют.

— Совсем?

— Не думаю, что где-нибудь, кроме Солярии, остались живые космониты.

— Значит, здесь никто не знает о местонахождении Земли?

— Кому это нужно?

— Мне, — вмешался Пелорат. — Это область моих исследований.

— Тогда, — сказал Бандер, — я бы посоветовал тебе сменить область исследований. Я ничего не знаю о местонахождении Земли и не знаю никого, кто бы знал — я не дал бы даже кусочка металла, из которого делают роботов, — ответ на этот вопрос.

Машина остановилась, и Тревайзу показалось, что Бандер обиделся. Однако, выйдя из машины, солярианин снова принял обычный самодовольный вид и дал остальным знак выходить.

Освещение в комнате, куда они попали, осталось немного приглушенным даже после пассов Бандера. Дверь вывела их в коридор, по обе стороны которого находились комнаты поменьше. В каждой из них стояли одна или две расписные вазы. Около некоторых стояли устройства, судя по всему — фильмопроекторы.

— Что это, Бандер? — спросил Тревайз.

— Место упокоения предков, Тревайз, — ответил Бандер.

50

Пелорат с интересом огляделся:

— Здесь предан земле прах ваших предков?

— Если под словами «предан земле» ты имеешь в виду захоронение в почве, то ты не совсем прав, — ответил Бандер. — Мы под землей, но это — моя усадьба, мой дом, и прах находится в

нем, как и мы сейчас. В нашем языке существует выражение «предать дому». — Он помедлил и добавил: — «Дом» — древнее слово, означающее «особняк».

— И здесь все ваши предки? — спросил Тревайз. — Сколько их?

— Около сотни, — ответил Бандер, не стараясь скрыть гордости. — Девяносто четыре, если точнее. Конечно, самые древние — не истинные соляриане; по крайней мере, не в современном смысле этого слова. Они были полулюдьми — мужчинами и женщинами. Прах этих полупредков помещен их непосредственными потомками в урны неподалеку отсюда. Естественно, я не захожу в те комнаты. Это «стыдостранно». Так это чувство называется по-солярианski, но как это перевести, я не знаю. У вас может и не быть такого понятия.

— А фильмы? — поинтересовалась Блисс. — Как я понимаю, вот это — кинопроекторы?

— Дневники, — ответил Бандер. — Жизнеописания. Сцены их бытия, заснятые в самых любимых уголках поместья. Это означает, что они в каком-то смысле не умерли совсем. Часть их сохранилась, и это часть моей свободы. Я могу присоединиться к ним, когда пожелаю, и посмотреть тот или иной кусочек фильма.

— Но не из этих «стыдостранных», да?

Бандер отвел взгляд.

— Да, — признался он, — но у всех нас были такие предки. Это общее несчастье.

— Общее? У других солярian тоже есть такие склепы? — спросил Голан.

— О да, у всех, но мой — самый лучший, самый красивый и ухоженный.

— А ваш собственный склеп уже подготовлен?

— Конечно. Давно построен. Это стало моей первейшей заботой, как только я унаследовал это поместье. И когда я лягу во прах, выражаясь поэтически, мой наследник должен будет заняться постройкой своего склепа — и это будет его первейшая забота.

— У вас есть наследник?

— Будет, когда придет время. Я могу еще долго прожить. Когда я должен буду уйти, у меня будет взрослый наследник, вполне созревший для того, чтобы управлять поместьем, с хорошо развитыми долями мозга, преобразующими энергию.

— Это будет ваше дитя?

— О да.

— А вдруг случится что-нибудь непредвиденное? — Тревайз прищурился. — Думаю, от случайностей и несчастий не застрахована даже Солярия. Что произойдет, если солярианин ляжет во прах преждевременно, не имея наследника, или его наследник слишком молод для управления поместьем?

— Такое случается редко. В моем роду это произошло только однажды. В таких случаях имущество передают наследникам, подрастающим в других поместьях. Некоторые из них вполне взрослые, чтобы исполнить роль наследника, а их родитель еще достаточно молод и может произвести на свет второго потомка и дождаться, пока тот не повзрослеет. Один из таких наследников может быть назначен моим преемником.

— Кто же его назначит?

— У нас есть правительство, обязанностью которого является подобное назначение наследников в случае преждевременной смерти хозяев поместий. Вся эта деятельность, естественно, осуществляется с помощью головизионной связи.

— Но как же так? — изумился Пелорат. — Если соляриане никогда не видятся друг с другом, как кто-то может узнать, что кто-либо где-либо — скоропостижно или в свой срок, неважно, — обратился во прах?

— Когда один из нас умирает, — принялся объяснять Бандер, — снабжение поместья энергией прекращается. Если наследника, который должен немедленно взять на себя управление, нет — нарушение нормы заметят сразу же, и будут приняты соответствующие меры. Уверяю вас, наша социальная система работает без перебоев.

— А нельзя ли посмотреть некоторые из этих фильмов? — спросил Тревайз.

Бандер окаменел. После довольно продолжительной паузы он ответил:

— Только твое невежество извиняет тебя. То, что ты сказал, — грубо и пошло.

— Прошу прощения. Я не хотел вас обидеть, но мы уже объясняли, что нам крайне необходимы сведения о Земле. Я думаю, что самые старые фильмы могли быть сняты в те времена, когда Земля еще не была радиоактивной. Следовательно, она может быть там упомянута. Могут проскользнуть какие-нибудь подробности. Мы ни в коей мере не посягаем на вашу собственность, но, может быть, вы или ваш робот все-таки покажете нам эти

фильмы и тем самым позволите нам получить какую-нибудь достоверную информацию? Естественно, если вы с пониманием отнесетесь к нашему желанию, а мы, со своей стороны, приложим все усилия и постараемся не задеть ваши чувства, то разрешите нам самим заняться просмотром фильмов.

— Видимо, вы и понятия не имеете, что ведете себя все более и более вызывающе, — холодно ответил Бандер. — Однако хватит об этом. Я заверяю вас, что фильмов о жизни моих древних предков-полулюдей нет.

— Ни одного?! — не скрывая разочарования, воскликнул Тревайз.

— Они были, эти фильмы. Но даже вы можете себе представить, что они собой представляли. Двое полулюдей, проявляющие интерес друг к другу или даже... — он прокашлялся и с трудом договорил: — ...взаимодействующие! Естественно, все фильмы о полулюдях были уничтожены много поколений назад.

— А у других соляриан?

— Все уничтожено.

— Вы уверены?

— Нужно быть сумасшедшим, чтобы не уничтожить их.

— Но, может быть, некоторые соляриане как раз и оказались сумасшедшими, сентиментальными, забывчивыми? Надеюсь, вы будете так любезны и покажете нам дорогу к ближайшим поместьям?

Бандер изумленно глянул на Тревайза:

— Ты думаешь, другие будут так же терпимы к вам, как я?

— Почему бы и нет, Бандер?

— Вы быстро поймете, что это не так.

— Придется рискнуть.

— Нет, Тревайз, нет. Слушайте меня.

Из-за спины Бандера вышли роботы. Бандер умолк.

— В чем дело, Бандер? — встревоженно спросил Тревайз.

— Я развлекся беседой с вами и насмотрелся на вашу... странность. Это уникальный случай. Мне было очень интересно, но я не могу отразить нашу встречу ни в моем дневнике, ни в памятном фильме.

— Почему же?

— Я говорил с вами, слушал вас, я привел вас в мой особняк и даже сюда — в склепы предков. Все это — крайне постыдные действия.

— Но ведь мы не соляриане. Мы значим для вас так же мало, как и роботы, не так ли?

— Только это меня и утешает. Но сей факт может не оправдать меня в глазах других соляриан.

— Какое вам до всего этого дело? Вы обладаете абсолютной свободой и делаете то, что хотите, не правда ли?

— Даже наша свобода имеет предел. Если бы я был единственным солярианином на планете, то мог бы совершенно свободно совершать даже постыдные поступки. Но на планете есть другие соляриане, а потому моя личная свобода только приближается к недостижимому идеалу. На планете обитают двенадцать сотен соляриан, и они станут презирать меня, если узнают о том, что *я сделал*.

— А зачем им об этом узнавать?

— Верно. Незачем. Эта мысль не давала мне покоя с того самого мгновения, как вы появились. Я думал об этом все время, пока получал удовольствие от общения с вами. Другие соляриане не должны узнать об этом.

— Если вы боитесь, что, посетив другие поместья в поисках сведений о Земле, мы можем навредить вам, — вмешался Пелорат, — то, естественно, мы никому ни слова не скажем о том, что сперва посетили вас. Это само собой разумеется.

— Я обязан исключить даже малейшую случайность, — покачал головой Бандер. — Сам, конечно, буду молчать. Мои роботы — тоже. Кроме того, им будет дан приказ даже не вспоминать о вашем визите. Ваш корабль можно опустить под землю и исследовать для получения дополнительной информации, которая нам может понадобиться, и...

— Постойте, — сказал Тревайз, — вы что, думаете, мы можем долго гостить здесь, пока вы будете инспектировать наш корабль? Нет. Это немыслимо.

— Ничего немыслимого тут нет, и говорить об этом нечего. Жаль. Очень жаль. Я хотел бы подольше поговорить с вами и обсудить множество разных вопросов, но, видите ли, ситуация становится все более опасной.

— Почему? — воскликнул Тревайз.

— Я сказал «опасной», ничтожный получеловек. Боюсь, настало время, когда я должен наконец сделать то, что мои предки сделали бы сразу. Я должен убить вас, всех троих.

Глава 12

НАВЕРХ

51

Тревайз резко обернулся к Блисс. Она спокойно, но напряженно-строго смотрела на Бандера, так, словно забыла обо всем на свете, кроме него.

Пелорат стоял, широко раскрыв полные изумления глаза.

Тревайз, не понимая, что хочет сделать Блисс, попытался справиться с жутким отчаянием (его не так пугала самая мысль о смерти, сколько мысль о том, что он умрет, так и не узнав, где находится Земля и почему он выбрал Гею в качестве будущего для человечества). Он решил, что должен выиграть время, и, стараясь говорить спокойно, четко сказал:

— Вы показали себя учтивым и обходительным солярианином, Бандер. Вы не рассердитесь на нас за то, что мы вторглись в ваш мир. Вы были исключительно любезны — показали нам свое поместье и особняк, отвечали на наши вопросы. Позвольте нам покинуть вас немедленно — это будет больше похоже на вас. Никто даже не узнает, что мы побывали на вашей планете, а причин возвращаться сюда у нас нет. Мы явились к вам с вполне невинными намерениями — всего лишь в поисках информации.

— Верно говоришь, — равнодушно бросил Бандер. — До сих пор я вас не трогал. Но вы были обречены уже тогда, когда ваш корабль вошел в нашу атмосферу. Я мог бы — и должен был — убить вас сразу. Затем я должен был приказать роботам-специалистам анатомировать ваши тела, чтобы добыть для меня информацию о пришельцах. Но я не сделал этого. Я удовлетворял свое любопытство, уступал своему легкомыслию — но с меня довольно. Хватит. Я бы подверг Солярию опасности, если бы в порыве слабости позволил уговорить себя отпустить вас, потому что другие ваши сородичи наверняка последовали бы сюда за вами, несмотря на все ваши обещания, что этого не будет.

По крайней мере одно я вам обещаю: ваша смерть будет безболезненной. Я просто слегка подогрею ваш мозг и доведу его до инактивации. Вы не почувствуете боли. Просто перестанете жить. Затем, когда завершится анатомирование и изучение ваших тел, я превращу вас в пепел с помощью сильного теплового удара — и все будет кончено.

— Если мы должны умереть, то я не имею ничего против быстрой и безболезненной смерти, но почему мы должны умирать, не совершив никакого преступления? — не сдавался Тревайз.

— Преступлением было само ваше появление здесь.

— Бессмысленно. Лишено всякой логики. Мы не могли знать, что это преступление.

— Общество всегда само решает, что считать преступлением. Вам это может казаться нелогичным, проявлением произвола, но мы так не считаем. Это наша планета, где мы имеем полное право решать любые вопросы. Вы причинили зло и должны умереть. — Бандер улыбнулся, словно говорил о чем-то приятном, и продолжил: — Впрочем, вы не имеете никакого права жаловаться, судя по вашим собственным моральным установкам. У вас — бластер, микроволновый луч которого несет мощный смертельный поток тепла. Именно такой луч я намерен использовать, но ваше оружие, я уверен, работает гораздо более грубо и причиняет боль. Вы бы не замедлили испробовать его на мне прямо сейчас, если бы я не разрядил его или оказался бы настолько глуп, что дал бы вам возможность вытащить оружие из кобуры.

Боясь взглянуть на Блисс, чтобы не привлечь к ней внимания, Тревайз в отчаянии воскликнул:

— Прошу вас, будьте милосердны! Не делайте этого!

— В первую очередь я должен быть милосерден к себе и своей планете, — внезапно помрачнев, ответил Бандер, — и поэтому вы должны умереть.

Он поднял руку — и Тревайз мгновенно погрузился в кромешную тьму.

52

На миг Тревайзу показалось, что мрак душит его, и в голове у него пронеслась дикая мысль: «Это и есть смерть?»

И словно эхо, он услышал шепот Пелората:

— Это и есть смерть?

Тревайз попробовал шевельнуть губами и обнаружил, что это ему удается.

— Что за вопрос? — проговорил он с чувством огромного облегчения. — Раз ты можешь спросить об этом, значит, еще не смерть.

— В древних легендах говорится, что есть жизнь после смерти.

— Чушь, — пробурчал Тревайз. — Блисс! Ты здесь, Блисс?

Никто не отозвался.

И вновь, словно эхо, раздался голос Пелората:

— Блисс! Блисс! Что случилось, Голан?

— Должно быть, Бандер мертв, — ответил Тревайз. — Только по этой причине могло прекратиться энергоснабжение поместья. Свет погас — понимаешь?

— Но как могло... Ты хочешь сказать, что это сделала Блисс?

— Думаю, да. Надеюсь, она не пострадала.

Тревайз встал на четвереньки и пополз, сам не зная куда, в полной темноте, которую нарушали случайные, едва видимые вспышки от распада радиоактивных атомов в стенах.

Вдруг его рука наткнулась на что-то теплое и мягкое. Он ощупал свою находку и сообразил, что это нога, но слишком маленькая, чтобы принадлежать Бандеру.

— Блисс?

Нога вздрогнула, и Тревайз отдернул руку.

— Блисс! — позвал он. — Скажи что-нибудь.

— Я жива, — послышался странно искаженный голос Блисс.

— С тобой все в порядке?

— Нет.

В это мгновение комната слабо осветилась. Стены как-то вяло ожили, совершенно беспорядочно загораясь и потухая.

Бандер лежал, скрючившись, на полу. Рядом, обхватив его голову, сидела Блисс.

Она смотрела на Тревайза и Пелората.

— Солярианин мертв, — сказала она, и на щеках ее блеснули слезы.

— Почему же ты плачешь? — обескураженно спросил Тревайз.

— Как же мне не плакать, если я убила живое существо — мыслящее и разумное? Я не хотела этого.

Тревайз нагнулся, чтобы помочь ей подняться, но она его оттолкнула.

Пелорат опустился рядом с Блисс на колени и тихо сказал:

— Пожалуйста, Блисс, не надо. Даже ты не можешь вернуть его к жизни. Скажи нам, что случилось.

Блисс с помощью друзей наконец поднялась с пола и печально проговорила:

— Гея умеет делать то, что делал Бандер. Гея умеет использовать хаотично рассеянную энергию Вселенной и передавать ее для производства нужной работы одной только силой мысли.

— Знаю. — Тревайз от всей души хотел утешить ее, но не знал, как это лучше сделать. — Я хорошо помню нашу встречу в космосе, когда ты — или скорее Гея — захватила наш корабль. Я подумал об этом, когда он обездвижил меня после того, как забрал оружие. Тебя он тоже обездвижил, но я почему-то не сомневался, что ты сможешь освободиться, если пожелаешь.

— Нет. У меня бы ничего не вышло. Когда твой корабль был в моих — или наших с Геей — руках, — сказала она с досадой, — я и Гея действительно составляли одно целое. Сейчас гиперпространственный разрыв ограничивает мою — или нашу с Геей — силу. И потом, Гея действует за счет объединения большого числа разумов. Но даже сила объединенных разумов уступает возможностям мозговых преобразователей одного соляриянина. Мы не можем пользоваться энергией так же изобретательно, эффективно и непрерывно, как он. Вы же видите, я не могу заставить стены светиться ярче. Я даже не знаю, надолго ли меня хватит, чтобы обеспечивать хотя бы такое освещение. Он же мог снабжать энергией все это огромное поместье, даже когда спал.

— Но ты остановила его.

— Потому что он не догадывался о моих способностях. Я вела себя так, чтобы не дать ему повода заподозрить неладное. Поэтому он не обращал на меня особого внимания. Сосредоточился Бандер исключительно на тебе, Тревайз, — потому что ты был вооружен. Смотри, как нам опять помогла твоя привычка вооружаться. А мне осталось только уловить момент и обезвредить его одним быстрым и неожиданным ударом. Когда он был готов убить нас, когда все его внимание сосредоточилось только на тебе — только тогда я смогла нанести удар.

— Красиво у тебя получилось.

— Откуда в тебе столько жестокости, Тревайз? Ведь я хотела только остановить его, блокировать работу его преобразователей. Я рассчитывала, что захвачу его врасплох — собиралась воздействовать на него, как только он начал бы, как обещал, подогревать нас на медленном огне и обнаружил бы, что не может этого сделать. Тогда я заставила бы его крепко и надолго уснуть и ослабила бы действие его мозговых преобразователей. Тогда энергоснабжение поместья не прекратилось бы и мы бы смогли выбраться отсюда, найти корабль и покинуть планету. Я надеялась

сделать так, что когда он проснулся бы, то забыл бы обо всем, что случилось с того момента, как он увидел нас. У Геи нет стремления убивать, если добиться желаемого можно иным способом.

— Что же случилось, Блисс? — осторожно спросил Пелорат.

— Я никогда не встречала ничего похожего на эти преобразователи энергии, а времени разбираться и изучать их работу у меня не было. Я просто нанесла сильный блокирующий удар, и, как видите, получилось не то, чего я хотела. Я блокировала не подвод энергии к долям мозга Бандера, а отвод ее. Энергия непрерывно вливается в преобразователи с ужасающей скоростью, но, как правило, мозг охраняет себя, столь же быстро отдавая энергию. А как только я заблокировала отвод, энергия моментально переполнила доли мозга, и в доли секунды температура его поднялась до точки, при которой белковое вещество мозга стремительно разлагается, — и Бандер умер. Свет погас, я немедленно прекратила блокаду, но, как оказалось, поздно.

— По-моему, ты сделала все, что могла, дорогая, — сказал Пелорат.

— Что толку в рассуждениях, если я совершила убийство?

— Бандер сам собирался убить нас, — напомнил Тревайз.

— Ему надо было помешать, убивать его я не хотела.

Тревайз задумался. Он не хотел выказывать растущего нетерпения, потому что боялся еще больше огорчить Блисс, которая теперь была их единственной защитой во враждебном мире.

— Блисс, хватит печалиться о Бандере. Надо думать о будущем, — сказал он. — Поскольку он мертв, энергоснабжение поместья прекратилось. Это будет замечено — и скорее рано, чем поздно, — другими солярианами. Они будут вынуждены разобраться, в чем дело. Я не думаю, что ты сможешь сдержать их объединенную атаку. И, как ты сама призналась, ты не способна долго поддерживать ограниченный приток энергии, который сейчас генерируешь. Поэтому нам необходимо незамедлительно вернуться на поверхность и на корабль.

— Но как нам это сделать, Голан? — недоуменно спросил Пелорат. — До поверхности многие километры извилистых проходов. Похоже, здесь, внизу, целый лабиринт. Что касается меня, то я понятия не имею, куда идти, чтобы выбраться на поверхность. У меня всегда было плохо с ориентацией.

Оглядевшись по сторонам, Тревайз понял, что Пелорат прав.

— Думаю, должно быть несколько выходов на поверх-

ность, — сказал он, — и нам не обязательно искать именно тот, через который мы вошли.

— Но мы не знаем, где другие выходы. Как же мы найдем их?

Тревайз вновь повернулся к Блисс:

— Можешь ли ты при помощи своих ментальных способностей помочь нам найти выход?

— Роботы повсюду бездействуют. Я чую прямо над нами какой-то тихий шелест. Это что-то живое, но не обладающее разумом. Однако это всего лишь доказательство, что поверхность планеты наверху, а это мы и так знаем.

— Ну, тогда нам остается только искать выход, — вздохнул Тревайз.

— Наугад? — ужаснулся Пелорат. — Так нам никогда не удастся выбраться.

— Удастся, Джен, — сказал Тревайз. — Если мы будем искать, то появится пусть и небольшой, но шанс. Что еще остается? Оставаться здесь? Тогда уж нам точно никогда не выбраться. Пошли. Маленький шанс все-таки лучше, чем ничего.

— Подождите, — сказала Блисс. — Я что-то чувствую.

— Что?

— Сознание.

— Разумного существа?

— Да. Но не очень развитого, похоже. Правда, кое-что я чувствую очень отчетливо.

— Что? — с трудом сдерживаясь, спросил Тревайз.

— Страх! Невыносимый страх! — прошептала Блисс.

53

Тревайз обескураженно огляделся. Он знал, как они сюда вошли, но не надеялся, что вспомнит проделанный путь. Он ведь не обращал внимания на повороты и извивы коридоров. Кто мог подумать, что им придется возвращаться одним, без посторонней помощи и почти в полной темноте?

— Думаешь, тебе удастся оживить машину, Блисс? — спросил Тревайз.

— Уверена, что удастся, но я не умею управлять ею.

— Наверное, Бандер управлял ею мысленно, — заметил Пелорат. — Я видел — он ни к чему не прикасался, пока мы ехали.

— Да, — согласилась Блисс, — он делал это мысленно, Пел, — но как? Но даже если бы он вел машину руками, нам это не помогло бы. Ведь я не знаю, как пользоваться механизмом управления.

— Ты можешь попытаться, — возразил Тревайз.

— Если я попытаюсь, мне придется целиком отдаться этому занятию, и тогда я вряд ли смогу поддерживать освещение. В темноте от машины толку не будет, даже если я научусь управлять ею.

— Значит, мы должны идти пешком?

— Боюсь, что так.

Тревайз вгляделся в густую непроницаемую тьму, лежащую сразу за кругом тусклого света. Он не услышал и не увидел ничего.

— Блисс, ты все еще чувствуешь чей-то страх?

— Да.

— Можешь сказать, где это? Можешь привести нас туда?

— Ментальное чувство идет по прямой. Мысленные волны не ослабляются обычной материей, так что я могу сказать точно. Ощущение исходит оттуда. — Она указала на светящееся на стене пятнышко и добавила: — Но мы не можем пройти сквозь стену. Лучшее, что мы можем сделать, — пойти по коридору и попытаться найти ход, ведущий приблизительно в направлении источника ощущения. Короче, мы должны сыграть в «горячо — холодно».

— Тогда пошли скорее.

— Постой, Голан, — Пелорат покачал головой. — Мы действительно хотим найти это существо, кем бы оно ни было? Если оно испугано, может статься, что у нас тоже появится причина для страха.

— У нас нет выбора, Джен. — Тревайз нетерпеливо мотнул головой. — Это разум. Испуган его владелец или нет, он может — или будет вынужден — показать нам путь наверх.

— И что же, мы так и бросим Бандера здесь? — растерянно спросил Пелорат.

— Послушай, Джен, — сказал Тревайз, схватив друга за локоть, — у нас нет выбора. Пройдет время, и какой-нибудь соляриан оживит здесь все. Роботы найдут Бандера и позаботятся о нем — искренне надеюсь, что это случится не раньше, чем мы окажемся далеко отсюда — и в безопасности.

Тревайз предоставил Блисс самой выбирать дорогу. Рядом с

ней свет разгорался ярче, а она останавливалась перед каждой дверью, перед каждым разветвлением коридора, пытаясь отыскать дорогу к тому месту, откуда исходил страх. Порой она входила в дверь, поворачивала за угол, а потом снова возвращалась и опять искала дорогу, и Тревайз не в силах был помочь ей.

Каждый раз, когда Блисс уверенно шагала в том или ином направлении, свет двигался впереди нее. Тревайз заметил, что он казался теперь намного ярче — то ли потому, что глаза привыкли к полумраку, то ли потому, что Блисс лучше научилась управлять преобразованием энергии. Проходя мимо металлического стержня, уходящего вниз, в недра планеты, Блисс положила на него руку — и свет стал намного ярче. Явно довольная собой, она кивнула.

Все казалось незнакомым. Похоже, они шли по той части запутанного подземного лабиринта, в которой еще не были.

Тревайз пытался обнаружить коридоры, ведущие вверх, и поглядывал на потолки в поисках потайного люка. Однако ничего подобного им не встречалось, и неизвестно кому принадлежащий испуганный разум оставался их единственной надеждой на спасение.

Все трое молчали. Тишину нарушал лишь звук шагов; они шли и шли сквозь мрак в круге тусклого света, сквозь смерть, — здесь все было мертво, кроме них самих. Порой они различали во мраке призрачные фигуры, замершие сидя и стоя. Один робот лежал на боку. Руки и ноги его были странно скрючены. Потерял равновесие, подумал Тревайз, когда прекратилась подача энергии, и упал. Бандер, живой или мертвый, уже не мог влиять на силу притяжения. Наверное, во всем огромном поместье Бандера роботы стояли и валялись в бездействии, и скоро это будет замечено.

А может, и не будет, внезапно подумал Тревайз. О том, что кто-то из них должен скоро умереть от старости и физического истощения, соляриане наверняка знали заранее. И вся планета была обеспокоена и готова к этому событию. Бандер же умер внезапно, в самом расцвете сил. Кто мог знать об этом, ожидать этого? Кто мог заметить, что в поместье прекратилась всякая жизнь?

Нет. Нет. Тревайз отмел оптимистическое убаюкивание — оно могло привести к ненужной самоуверенности. Соляриане могут заметить полное отсутствие активности в поместье Бандера и быстро принять соответствующие меры. Все они слишком

заинтересованы в успешном функционировании поместья и вряд ли останутся равнодушными, заметив неладное.

— Вентиляция отключилась, — тоскливо пробормотал Пелорат. — Такое место обязательно должно вентилироваться, Бандер обеспечивал это своей энергией. Теперь все остановилось.

— Ничего страшного, Джен, — отозвался Тревайз. — Здесь, в пустом подземелье, воздуха хватит не на один год.

— Все равно. Психологически невыносимо.

— Пожалуйста, Джен, не хватало тебе еще заболеть клаустрофобией. Блисс, мы хоть немного продвинулись к цели?

— Значительно, Тревайз. Ощущение сильнее, и я уточнила расположение источника.

Блисс шла вперед все уверенней и реже задерживалась по пути.

— Здесь! Здесь! — воскликнула она наконец. — Я очень хорошо чувствую!

— Теперь и я чувствую. Точнее — слышу, — сухо заметил Тревайз.

Все трое остановились и безотчетно затаили дыхание. Стал слышен тихий плач, прерываемый всхлипами.

Они вошли в большую комнату и, когда стало светлее, увидели, что она, в отличие от всех прежде виденных, богато и броско обставлена.

В центре комнаты стоял робот. Он немного наклонился вперед, вытянув руки, словно хотел кого-то обнять.

Из-за робота послышался шелест одежды. Выглянул чей-то круглый, испуганный глаз. Душераздирающие рыдания звучали, не прекращаясь.

Тревайз направился было к роботу, но стоило ему приблизиться, как сбоку с пронзительным криком выскочила маленькая фигурка. Существо споткнулось, упало, закрыло глаза и, продолжая кричать, стало колотить по полу ногами, словно отбиваясь от кого-то.

— Это ребенок! — воскликнула Блисс, но это и так было ясно.

54

Тревайз, пораженный до глубины души, отшатнулся. Что здесь мог делать ребенок? Бандер так гордился своим абсолютным уединением, так пекся об этом...

Пелорат, менее склонный отказываться от логики в странных ситуациях, нашел ответ сразу:

— Видимо, это наследник.

— Ребенок Бандера, — согласилась Блисс, — но, видимо, слишком маленький, чтобы стать наследником. Соляриане должны будут найти другого.

Она смотрела на ребенка, но не сердито, а нежно, гипнотизирующе, и постепенно рыдания утихли. Он открыл глаза и посмотрел на Блисс, изредка тихо всхлипывая.

Блисс стала говорить ему ласковые слова, не особо наполненные смыслом, но усиливающие успокаивающее действие потока ее мыслей. Казалось, она ментально прикасается к незнакомому ей сознанию ребенка и старается пригладить взъерошенные эмоции.

Через некоторое время, не отрывая взгляда от Блисс, ребенок поднялся, мгновение постоял, покачиваясь на месте, потом бросился к безмолвному, оцепеневшему роботу и обнял его мощную ногу, словно само прикосновение было надеждой на защиту.

— Наверное, этот робот — его нянька или гувернер, — сказал Тревайз. — Думаю, солярианин не стал бы заботиться о другом солярианине, даже родитель ребенка.

— А я думаю, — заявил Пелорат, — что ребенок — гермафродит.

— Кем он еще может быть, — согласился Тревайз.

По-прежнему не спуская глаз с ребенка, Блисс медленно пошла к нему, вытянув руки ладонями вперед, словно показывая, что у нее нет намерения схватить малыша. Ребенок молчал, глядя на Блисс, только крепче вцепился в ногу робота.

— Ну-ну, детка теплый, маленький... все хорошо... не страшно... детка... не бойся... не бойся, — тихо приговаривала Блисс.

Остановившись и не оглядываясь, она негромко попросила:

— Пел, поговори с ним на его языке. Скажи, что мы роботы и пришли позаботиться о нем, потому что отключилась энергия.

— Роботы?! — испуганно воскликнул Пелорат.

— Мы должны притвориться роботами. Он не боится их. Он ведь никогда не видел человека — может быть, даже не имеет понятия о существовании людей.

— Не знаю, смогу ли я подобрать нужные слова... — смутился Пелорат. — Я не знаю древнего эквивалента слова «робот».

— Тогда говори просто «робот», Пел. Если это не сработает,

попытайся сказать «металлическое существо». Скажи, что сможешь.

Медленно, подбирая слова, Пелорат начал что-то говорить на древнем языке. Ребенок взглянул на него, напряженно нахмурившись, словно пытался понять.

— Можешь еще спросить его, как выбраться отсюда, раз уж на то пошло, — сказал Тревайз.

— Нет. Пока рано, — вмешалась Блисс, — сперва — доверие, потом — вопросы.

Ребенок, который теперь смотрел на Пелората, нерешительно отпустил ногу робота и заговорил высоким музыкальным голосом.

— Он говорит слишком быстро. Не успеваю, — расстроился Пелорат.

— Попроси его повторить помедленней, — предложила Блисс. — А я пока успокою его.

Пелорат снова выслушал ребенка и сказал:

— Похоже, он спрашивает, почему Джемби остановился. Должно быть, этого робота так зовут.

— Проверь и убедись в этом, Пел.

Пелорат сказал что-то, выслушал ответ и заключил:

— Да, Джемби — робот. А ребенка зовут Фаллом.

— Хорошо! — Блисс ласково и весело улыбнулась ребенку, показала на него и проговорила: — Фаллом. Хороший Фаллом. Храбрый Фаллом. — Потом положила руку себе на грудь: — Блисс.

Ребенок улыбнулся. Улыбка была ему очень к лицу.

— Блисс, — повторил он, чуточку пришепетывая.

— Блисс, — обратился к ней Тревайз, — если бы ты могла оживить этого робота, Джемби, может быть, он сумел бы показать нам дорогу наверх. Пелорат сможет поговорить с ним так же, как с ребенком.

— Нет, — ответила Блисс. — Этого делать нельзя. Главная обязанность робота — защищать дитя. Если он заработает, то тут же обнаружит наше присутствие — присутствие чужих людей, и тогда может немедленно напасть на нас. Здесь не должно быть чужих. Если мне потом придется отключить его, мы никаких сведений не получим, а ребенок, увидев, что снова остановился его любимый робот — единственный родитель, которого он знает... Короче, я этого делать не буду.

— Но ведь нам говорили, что роботы не могут причинить зла человеку, — осторожно возразил Пелорат.

— Да, нам так говорили, — отозвалась Блисс, — но мы не знаем, каких именно роботов производят соляриане. И даже если этот робот не способен причинить зло, ему пришлось бы сделать выбор между ребенком и тремя существами, которые, по его понятиям, для него и не люди вовсе, а просто чужие — воры, убийцы, да мало ли кто. Естественно, он предпочтет защитить ребенка и нападет на нас. — Блисс снова обратилась к ребенку. — Фаллом, — сказала она, — Блисс. — И, показав на остальных, назвала их имена: — Пел... Трев.

— Пел, Трев, — послушно повторил ребенок.

Блисс подошла поближе, заботливо протянув руки к ребенку. Тот следил за ней и отступил на шаг.

— Спокойно, Фаллом, — приговаривала Блисс. — Хороший Фаллом. Иди ко мне, Фаллом. Умница, Фаллом.

Ребенок шагнул к ней, и Блисс снова похвалила его:

— Умница, Фаллом.

Она нежно коснулась обнаженной руки Фаллома — он, как и его родитель, был одет только в тунику с вырезом на груди и набедренную повязку, Блисс отняла руку, подождала и снова прикоснулась к руке Фаллома, тихо поглаживая ее.

Ребенок прикрыл глаза. Ментальное поле Блисс явно действовало на него успокаивающе.

Блисс медленно, нежно вела руками, едва касаясь кожи, вверх к плечам ребенка, шее, ушам, затем — под длинные русые волосы немного выше ушей.

Опустив руки, она сообщила:

— Преобразователи энергии еще невелики. Соответствующие части черепных костей еще не развились. Пока у него здесь только ороговевший слой кожи, который постепенно разрастется и заменится костью, после того как соответствующие доли мозга полностью разовьются. Это означает, что ребенок пока не может управлять энергией на территории поместья и даже оживить своего личного робота. Спроси, сколько ему лет, Пел.

— Ему четырнадцать, если я правильно понял, — ответил Пелорат после переговоров с Фалломом.

— А выглядит на одиннадцать, — заметил Тревайз.

— Длительность года на этой планете может не соответствовать Стандартному Галактическому, — предположила Блисс. — И потом, вспомните, считалось, что космониты жили дольше.

Если соляриане подобны в этом другим космонитам, у них может быть длиннее и период развития. Тут по возрасту судить трудно.

— Довольно антропологии, — сказал Тревайз, нетерпеливо прищелкнув языком. — Мы должны выбраться на поверхность, а пока мы тут возимся с ребенком, время уходит без толку. Вряд ли он знает дорогу наверх. Скорее всего никогда и не бывал там.

— Пел! — воскликнула Блисс.

Пелорат понял, чего она хочет, и завел с Фалломом довольно длинный разговор.

— Ребенок знает, что такое солнце, — сообщил он наконец. — Говорит, что видел его. Я думаю, он видел и деревья. Он вроде бы не очень понимает, что означает это слово — или, по крайней мере, то слово, которое я использовал...

— Хорошо, Джен, — кивнул Тревайз, — только не тяни.

— Я сказал Фаллому, что, если он сможет вывести нас наружу, мы, наверное, сумеем включить робота. То есть, если точнее, я сказал, что мы сумеем его включить. Как вы думаете, мы сумеем?

— Об этом позже. Он сказал, что проведет нас?

— Да. Я подумал, что ребенок сделает это с большей охотой, понимаешь, если я пообещаю включить робота. Но мы рискуем его разочаровать...

— Пошли, — сказал Тревайз, — пора наверх. Все это останется болтовней, если нас схватят здесь, в подземелье.

Пелорат что-то сказал ребенку. Тот двинулся с места, но тут же остановился и оглянулся на Блисс.

Блисс взяла его за руку, и дальше они пошли вместе.

— Я — новый робот, — сказала она, улыбаясь.

— Похоже, ему это нравится, — заметил Тревайз.

Фаллом вприпрыжку шел по коридорам, и у Тревайза мелькнула мысль: был ли ребенок счастлив только из-за того, что над ним поработала Блисс, или он волновался потому, что хотел оказаться наверху, а может быть, радовался, что у него теперь целых три новых робота, а может, был счастлив от того, что его приемный отец Джемби снова будет с ним. Впрочем, все это не имело значения — по крайней мере сейчас, пока Фаллом вел их наружу.

Казалось, ребенок знал дорогу. Там, где коридоры скрещивались, он без колебания выбирал поворот. Знал ли он действительно, куда идти, или это просто было ему совершенно безразлично? Может, он просто играл, сам не понимая, куда и зачем идет?

Однако довольно скоро Тревайз почувствовал, что запыхался. Они точно шли вверх. Ребенок, сосредоточенно подпрыгивая, вдруг остановился, указал куда-то перед собой и что-то быстро залопотал.

Тревайз взглянул на Пелората. Тот откашлялся и перевел:

— Думаю, он сказал «дверь».

— Надеюсь, ты думаешь правильно, — буркнул Тревайз.

Ребенок отпустил руку Блисс, пробежал немного и показал на участок пола, более темный, чем соседние. Фаллом встал на темный квадрат, подпрыгнул несколько раз, потом обернулся и что-то капризно пронзительно проверещал.

— Я должна передать ему энергию, — поморщилась Блисс. — Как я устала.

Ее лицо слегка покраснело. Свет померк, и прямо перед Фалломом открылась дверь. Он радостно рассмеялся.

Ребенок выбежал, мужчины последовали за ним. Блисс вышла последней и обернулась. Свет внутри погас, дверь закрылась. Блисс постояла, чтобы отдышаться. Вид у нее был утомленный.

— Ну, — сказал Пелорат, — вот мы и вышли. Где же корабль?

Окрестности были погружены в тихие сумерки.

— Мне кажется, — пробормотал Тревайз, — что он где-то там.

— Мне тоже так кажется, — сказала Блисс. — Пошли? — и она протянула руку Фаллому.

Было тихо. Только ветер шелестел травой, и где-то далеко бродили и перекликались звери. В одном месте путники прошли мимо робота, неподвижно застывшего у дерева и державшего в руках какой-то странный предмет.

Пелорат шагнул было к роботу, но Тревайз резко остановил его.

— Это не наше дело, Джен. Вперед.

Издалека они увидели еще одного робота. Этот лежал на земле ничком.

— Сколько же их тут валяется... — пробормотал Тревайз и тут же победно воскликнул: — А вот и корабль!

Все зашагали быстрее, но вскоре резко остановились. Фаллом возбужденно вскрикнул.

Рядом с кораблем стояло нечто, напоминающее примитивное воздушное судно — с винтом, ужасно неказистое и к тому же хрупкое на вид. У судна, загородив дорогу маленькому отряду пришельцев, стояли четыре человеческие фигуры.

— Поздно, — пробормотал Тревайз, — мы потеряли слишком много времени. Ну, что теперь?

— Четыре солярианина? — удивился Пелорат. — Не может быть! Ведь они не могут вступать в физический контакт. Может быть, это голографические образы?

— Они абсолютно материальны, — сказала Блисс. — Я уверена. Впрочем, это не солярианe. Судя по типу сознания, это роботы.

55

— Ну, тогда вперед! — устало сказал Тревайз и уверенно зашагал к кораблю. Остальные последовали за ним.

— Что ты намерен делать? — задыхаясь, спросил Пелорат.

— Если они роботы, то должны подчиниться приказам.

Роботы ждали людей, а Тревайз на ходу разглядывал их все внимательнее.

Да, это были роботы. Их лица, казавшиеся покрытыми кожей, были лишены всякого выражения. Роботы были одеты в форму, закрывавшую все тело, кроме лица. Даже руки скрывали тонкие, но плотные перчатки.

Тревайз попытался жестами дать понять роботам, чтобы те отошли в сторону.

Но роботы не сдвинулись с места.

Тогда он тихонько сказал Пелорату:

— Прикажи им, Джен. Да построже.

Пелорат откашлялся и непривычным баритоном медленно произнес несколько слов, показывая в сторону, как перед этим Тревайз. Один из роботов, который был чуть выше других, что-то ответил бесстрастным грудным голосом.

Пелорат повернулся к Тревайзу:

— Я думаю, он сказал, что мы пришельцы.

— Скажи ему, что мы люди и нас нужно слушаться.

Неожиданно робот ответил на искаженном, но понятном галактическом:

— Я понимаю тебя, пришелец. Я говорю на галактическом. Мы — роботы Охраны.

— Значит, вы слышали, что мы — люди, а вы, следовательно, должны выполнять наши приказы.

— Мы запрограммированы на подчинение только Правителям, пришелец. Вы не Правители и не соляриане. Правитель Бандер не отозвался в обычное время Контакта, и мы прибыли, чтобы узнать, в чем дело. Это наш долг. Мы обнаружили несолярианский космический корабль, наличие нескольких пришельцев и то, что роботы Бандера выведены из строя. Где находится Правитель Бандер?

Тревайз покачал головой и медленно, отчетливо проговорил:

— Мы не знаем ничего из того, о чем вы говорите. Наш корабельный компьютер не в порядке. Мы оказались около этой незнакомой планеты не по своей воле и совершили посадку, чтобы установить свое местоположение. Все роботы уже бездействовали. Мы понятия не имеем о том, что тут могло произойти.

— Это неправдоподобное объяснение. Если все роботы поместья не действуют и вся энергия отключена, Правитель Бандер, должно быть, мертв. Нелогично предполагать, что по какому-то совпадению он умер в тот самый момент, когда вы приземлились. Здесь должна быть какая-то причинно-следственная связь.

Тревайз попытался запутать роботов, сделав вид, что он понятия не имеет, что произошло. Он пожал плечами и сказал:

— Но энергия не отключена. Вы же действуете.

— Мы — роботы Охраны, — ответил робот. — Мы не принадлежим никому из Правителей. Мы принадлежим всей планете. Правители нас не контролируют, а энергию мы получаем от атомных элементов. Я вновь спрашиваю: где находится Правитель Бандер?

Тревайз оглянулся. Пелорат явно испугался. Блисс крепко сжала губы, но казалась спокойной. Фаллом весь дрожал, но рука Блисс коснулась его плеча, и он замер.

— Последний раз спрашиваю: где Правитель Бандер? — повторил робот.

— Не знаю, — мрачно ответил Тревайз.

Робот кивнул, и двое его спутников быстро ушли. Он пояснил:

— Мои товарищи, Охранники, обыщут особняк. А вы будете

задержаны для допроса. Передай мне вещи, которые висят у тебя на поясе.

Тревайз отступил назад.

— Они не опасны.

— Стой и не двигайся. Я не спрашиваю, опасны они или нет. Я попросил отдать их.

— Нет.

Робот резко шагнул вперед и выбросил вперед руку так быстро, что Тревайз не успел понять, что случилось. Рука робота легла ему на плечо и сильно надавила — Тревайз упал на колени.

— Вещи! — произнес робот и протянул другую руку.

— Нет, — прохрипел Тревайз.

Блисс бросилась к нему, выхватила его бластер из кобуры — робот крепко держал Тревайза, тот не смог помешать ей — и протянула бластер роботу.

— Возьмите, Охранник, — сказала она, — подождите... возьмите и это. А теперь отпустите моего спутника.

Взяв оружие, робот шагнул назад, а Тревайз медленно поднялся, растирая левое плечо и морщась от боли.

Фаллом тихо хныкал. Пелорат растерянно обнял ребенка и прижал к себе.

— Зачем ты сопротивлялся? — гневно прошептала Блисс. — Он мог убить тебя одним пальцем.

Тревайз тяжело вздохнул и процедил сквозь зубы:

— А ты почему не помешала ему?

— Я пытаюсь. Но на это нужно время. Его сознание устойчиво, жестко запрограммировано и не поддается внешнему воздействию. Я должна изучить его. Попытайся выиграть время.

— Не надо его изучать. Просто уничтожь, и все, — почти беззвучно проговорил Тревайз.

Блисс незаметно взглянула на робота. Тот внимательно разглядывал оружие, а его напарник просто смотрел на пришельцев. Казалось, их обоих нисколько не интересует перешептывание Тревайза и Блисс.

— Нет. Никаких уничтожений. Мы убили одну собаку и ранили другую на предыдущей планете. Что случилось здесь, ты отлично знаешь. — Блисс снова бросила быстрый взгляд на охранников. — Гея не уничтожает жизнь и разум бессмысленно. Мне необходимо время, чтобы проделать это мирно.

Она шагнула назад, пристально глядя на робота.

— Это — оружие, — произнес робот.

— Нет, — возразил Тревайз.

— Да, — сказала Блисс, — но оно больше не действует. Оно лишено энергии.

— Это действительно так? Почему же вы носите оружие, в котором нет энергии? А может, она еще есть? — Робот зажал в кулаке рукоятку нейрохлыста и осторожно положил палец на гашетку. — Таким образом оно включается?

— Да, — подтвердила Блисс, — если нажать сильнее, оно могло бы включиться, будь в нем заряд энергии. Но его там нет.

— Это точно? — Робот прицелился в Тревайза. — Так ты говоришь, что, если я нажму сейчас, оно не сработает?

— Оно не может сработать, — ответила Блисс.

Тревайз застыл на месте, лишившись дара речи. После того как Бандер разрядил бластер, он проверял его и убедился, что оружие обезврежено, но робот держал нейрохлыст. Его Тревайз не проверил.

Если там осталась хоть капля энергии, ее может оказаться достаточно для стимуляции болевых рецепторов, и тогда железная хватка робота покажется дружеским похлопыванием по плечу по сравнению с тем, что почувствует Тревайз.

В пору муштры в академии флота Тревайза подвергали слабому нейроудару, как и всех курсантов. Это делали для того, чтобы курсанты получили представление о том, что при этом чувствуют люди. Тревайз не горел желанием испытать это еще раз.

Робот нажал на гашетку, и на мгновение Тревайз болезненно напрягся — и медленно расслабился. Хлыст тоже был полностью разряжен.

Робот посмотрел на Тревайза и отбросил оружие в сторону.

— Как оно оказалось разряженным? — спросил робот. — Если оно бесполезно, зачем ты носил его?

— Я привык и носил его просто так.

— Это бессмысленно. Вы все арестованы и будете задержаны для допроса. Если Правители решат, впоследствии вы будете уничтожены. Как открывается корабль? Мы должны обыскать его.

— Это вам ничего не даст, — сказал Тревайз. — Вы ничего там не поймете.

— Если не я, то Правители поймут.

— Они тоже не поймут.

— Тогда ты объяснишь так, чтобы они поняли.

— Нет.

— Тогда вас уничтожат.

— Это вам не поможет. Впрочем, я думаю, что меня уничтожат, даже если я все объясню.

— Продолжай в том же духе, — пробормотала Блисс, — я начинаю разбираться в работе его мозга.

Робот не обращал на Блисс никакого внимания. («Ее это работа или нет?» — думал Тревайз и страстно на это надеялся.)

Обращаясь исключительно к Тревайзу, робот проговорил:

— Если вы станете сопротивляться, то мы уничтожим вас частично. Мы повредим вас, и тогда вы скажете нам то, что мы хотим знать.

— Подождите! — воскликнул Пелорат каким-то страшным сдавленным голосом. — Вы не можете сделать этого! Охранник, вы не имеете права!

— Я получил точные инструкции, — хладнокровно отозвался робот, — и могу сделать это. Безусловно, я нанесу вам настолько незначительные повреждения, насколько будет необходимо для получения нужных сведений.

— Но вы все равно не имеете права! Никакого! Я — чужестранец, как и двое моих спутников. Но этот ребенок, — Пелорат взглянул на Фаллома, которого прижимал к себе, — соляриании. Он скажет вам, что делать, и вы должны подчиниться.

Фаллом взглянул на Пелората круглыми, ничего не понимающими глазами.

Блисс резко качнула головой, но Пелорат явно ее не понял.

Робот перевел взгляд на Фаллома.

— Ребенок не имеет никакого значения, — сказал он. — У него нет мозговых преобразователей.

— Эти преобразователи у него пока полностью не развиты, — сказал Пелорат, — но со временем разовьются. Это солярианский ребенок.

— Это ребенок, но пока его преобразователи не развиты полностью, он не солярианин. Я не обязан ни выполнять его приказы, ни оберегать его от опасности.

— Но это отпрыск Правителя Бандера.

— Неужели? Откуда вам это известно?

— К-какой другой ребенок мог бы оказаться в его поместье? — заикаясь, как это порой с ним случалось в минуты горячности, выговорил Пелорат.

— Откуда ты знаешь, что их здесь не десяток?

— А вы видели других?

— Здесь я задаю вопросы!

В этот момент робота отвлек его спутник, коснувшись его руки. Двое роботов, посланных в особняк, бежали обратно — быстро, но как-то неровно.

До тех пор пока они не приблизились, все молчали. Подбежав, один из роботов что-то сказал по-солярианski. Это известие вызвало странную реакцию — казалось, из всех четверых выпустили воздух.

— Они нашли Бандера, — догадался Пелорат, прежде чем Тревайз успел дать ему знак молчать.

Робот медленно повернулся и сказал, растягивая слоги:

— Правитель Бандер мертв. Из того, что ты сейчас сказал, нам ясно, что вы знали об этом. Как это произошло?

— Откуда мне знать? — огрызнулся Тревайз.

— Вы знали, что он мертв. Вы знали, что его найдут. Откуда бы вы знали это, если не вы лишили его жизни?

Робот уже говорил, как обычно. Он справился с шоком и приспособился к изменившейся обстановке.

— Как бы, интересно, мы могли убить Бандера? — ответил Тревайз вопросом на вопрос. — С помощью мозговых преобразователей он мог в мгновение ока уничтожить нас.

— Откуда ты знаешь, что могут и чего не могут мозговые преобразователи?

— Вы только что упомянули о них.

— Не более чем упомянул. Я не описал их свойства и способности.

— Знание пришло к нам во сне.

— Это неправдоподобный ответ.

— Предположение, что мы явились причиной смерти Бандера, тоже неправдоподобно, — заявил Тревайз.

— В любом случае, — добавил Пелорат, — если Правитель Бандер мертв, значит, нынешний хозяин поместья — Правитель Фаллом. Здесь находится Правитель, и вы должны подчиняться ему.

— Я уже объяснял, — сказал робот, — что отпрыски с недоразвитыми преобразователями — не соляриане. Он не может быть наследником, и как только мы сообщим всем печальную новость, сюда прибудет другой наследник подходящего возраста.

— А Правитель Фаллом?

— Он не Правитель Фаллом. Он всего лишь ребенок, а у нас — избыток детей. Он будет уничтожен.

— Вы не посмеете! Это ребенок! — яростно воскликнула Блисс.

— Не обязательно мне придется это сделать, — пояснил робот, — и уж, конечно, не я приму такое решение. Все будет так, как решат Правители. Однако сейчас детей слишком много, и я могу предположить, какое решение ими будет принято.

— Нет! Говорю вам — нет!

— Это будет безболезненно... А вот и другой воздухолет. Теперь мы должны пойти в бывший особняк Бандера и связаться по головизору с Советом, который назначит наследника и решит, что с вами делать. Дайте мне этого ребенка.

Блисс вырвала Фаллома, который, похоже, был в полуобморочном состоянии, из рук Пелората и крепко обняла ребенка.

— Не прикасайтесь к нему!

Робот выбросил вперед руку и шагнул к Фаллому. Опередив его, Блисс тоже шагнула вбок. Робот продолжал двигаться, словно Блисс все еще стояла перед ним. И вдруг, судорожно согнувшись, он повалился ничком. Трое его спутников стояли как каменные и смотрели прямо перед собой пустыми глазами.

Блисс горько и гневно заплакала.

— Я уже... почти поняла... как ими управлять, но мне не хватило времени... У меня не было выбора... пришлось отключить их, и теперь все четверо... бездействуют. Пойдемте скорее на корабль, пока не подоспели другие. Я слишком устала и не перенесу новой встречи с роботами.

Часть V

МЕЛЬПОМЕНА

Глава 13

ПРОЧЬ ОТ СОЛЯРИИ

56

Дальше все было как во сне. Тревайз подобрал свое бесполезное оружие, открыл люк, и все ввалились внутрь. До тех пор пока корабль не взлетел, Тревайз даже не заметил, что вместе с ними на борту находится Фаллом.

Они, вероятно, не успели бы взлететь вовремя, если бы солярианe не были такими профанами в воздухоплавании. Их космический аппарат словно завис в воздухе. А компьютер «Далекой звезды» практически мгновенно поднял гравилет ввысь.

И хотя присутствие гравитационного взаимодействия, а следовательно, и инерции от сопротивления воздуха устраняло неизбежные в ином случае и непереносимые эффекты ускорения, которые сопутствовали бы такому стремительному взлету, деваться было некуда. Температура обшивки росла явно быстрее, чем это допускали нормы космофлота да и сама конструкция корабля.

Корабль уже взлетел, когда неуклюжее солярианское судно приземлилось. Потом подлетело еще несколько таких же. Тревайз подумал о том, сколько роботов могла бы еще вывести из строя Блисс, и решил, что их всех наверняка схватили бы, пробудь они на поверхности Солярии еще минут пятнадцать.

Выйдя в космос (точнее, в сильно разреженные слои атмосферы), Тревайз переместил корабль на ночную сторону планеты. Поскольку они поднялись с поверхности в сумерках, лететь пришлось совсем недолго. В темноте «Далекая звезда» могла бы остыть быстрее. Вскоре корабль стал уходить от планеты по широкой спирали.

Пелорат вышел из каюты, которую делил с Блисс.

— Ребенок крепко спит, — сообщил он. — Мы показали ему, как пользоваться туалетом, и он понял это без особого труда.

— Ничего удивительного. У них в особняке должны были быть подобные удобства.

— Я не нашел, хотя и искал, — с чувством сказал Пелорат. — Мы очень даже вовремя вернулись на корабль.

— Да уж. И не только в смысле туалета. Но зачем мы захватили на борт ребенка?

Пелорат смущенно пожал плечами:

— Блисс не оставила бы его, как будто хотела спасти чью-то жизнь взамен той, которую забрала. Она не может вынести...

— Знаю.

— Очень странный ребенок.

— Ясно, ведь он гермафродит.

— Представляешь, у него есть яички.

— Вряд ли он смог бы обойтись без них.

— И еще что-то вроде маленького влагалища.

— Отвратительно, — скривился Тревайз.

— Вовсе нет, Голан, — запротестовал Пелорат. — Все приспособлено к его нуждам. Он может произвести на свет оплодотворенную яйцеклетку или очень маленький зародыш, который затем развивается в лабораторных условиях, опекаемый, осмелюсь предположить, роботами.

— А что случится, если их роботизированная система даст сбой? Если это произойдет, они больше не смогут получать жизнеспособное потомство.

— Любой мир может оказаться в беде, если его социальная структура совершенно разрушится.

— Честно говоря, я не стану рыдать и рвать на себе волосы, если у соляриан такое случится.

— Ну, — сказал Пелорат, — я согласен, эта планета не особенно симпатична — для нас, я имею в виду. Но этому виной люди и социальная структура. Да, там все не так, как у нас, дружочек. Убери людей и роботов, и ты получишь планету, которая иначе бы...

— Рассыпалась бы в порошок, как Аврора, — закончил за него Тревайз. — Как там Блисс, Джен?

— Боюсь, она просто в изнеможении. Сейчас спит. Всем пришлось очень худо, Голан.

— Я тоже не в восторге от пережитого.

Тревайз закрыл глаза и решил, что неплохо бы ему вздремнуть. Он еще не был уверен окончательно, что соляриане не догонят их в космосе, но пока компьютер ничего не сообщал о наличии искусственных объектов в окружающем корабль пространстве.

Он с горечью вспомнил об обеих космонитских планетах, которые они посетили. Злобные дикие псы — на одной, враждебные гермафродиты-отшельники — на другой, и ни малейшего намека на местоположение Земли. Единственный трофей, добытый в результате двух визитов, — это Фаллом.

Тревайз открыл глаза. Пелорат все еще сидел в кресле напротив и печально смотрел на Тревайза.

— Мы должны были оставить этого солярианского ребенка на его планете, — неожиданно убежденно заявил Тревайз.

Пелорат покачал головой:

— Они убили бы его.

— Пусть так. Его место там. Он — часть их системы. Быть убитым из-за того, что оказался лишним, — в порядке вещей для рожденного на Солярии.

— О, дорогой дружочек, как это жестоко!

— Это рационально. Мы не знаем, как о нем заботиться. Он помучается с нами, и так или иначе умрет. Что он ест?

— Видимо, то же, что и мы, дружочек. Кстати, а как у нас дела с тем, что мы едим? Сколько у нас осталось припасов?

— Достаточно. Вполне достаточно. Хватит даже на прокорм нашего нового пассажира.

Новость не заставила Пелората прыгать до потолка.

— Как-то мы скучно питаемся. Однообразно, — поморщился он. — Надо было запастись чем-нибудь на Компореллоне — несмотря даже на то, что стряпают там так себе.

— Не могли мы там запасаться. Мы стартовали, если помнишь, довольно поспешно, примерно так же, как с Авроры и Солярии. Да и потом, подумаешь — «однообразно». Согласен — радости мало, но жить-то можно.

— А мы пополним запасы, если возникнет нужда?

— В любое время, Джен. При наличии гравилета и гиперпространственных двигателей Галактика становится необычайно мала. За день мы сумеем перенестись куда угодно. Но дело в том, что половина планет страстно желает обнаружить наш корабль. Я предпочел бы некоторое время держаться от них в стороне.

— Наверное, ты прав. А... Бандер, похоже, вовсе не заинтересовался кораблем.

— Скорее всего он даже не понял, что это такое. Подозреваю, соляриане давным-давно отказались от космических поле-

тов. Их главное желание — быть предоставленными самим себе, и они вряд ли сумели бы в полной мере наслаждаться одиночеством, постоянно выходили бы в космос и демонстрировали свое присутствие.

— Что же мы будем делать дальше, Голан?

— Осталась третья планета.

Пелорат покачал головой:

— Судя по первым двум, от нее многого ждать не приходится. Лично я не жду.

— Я пока тоже, но как только немного посплю, посижу за компьютером, чтобы проложить курс к третьей планете.

57

Тревайз проспал значительно дольше, чем собирался, но не особенно огорчился. Здесь на корабле не было ни дня, ни ночи в привычном смысле, и суточные биоритмы время от времени сбивались. Часы устанавливались произвольно, и Тревайз с Пелоратом (а особенно Блисс) частенько спали и ели в разное время.

Тревайз, вытираясь полотенцем (необходимость экономии воды вынуждала стирать с себя пену), уже подумывал о том, не поспать ли ему еще час-другой, когда, обернувшись, обнаружил, что перед ним стоит Фаллом. Совершенно голый, как и он сам.

Тревайз инстинктивно попятился, стукнулся, естественно, обо что-то — ведь санузел был крохотный — и негромко выругался.

Фаллом, с любопытством глядя на Тревайза, показал на его половой член. При этом что-то сказал. Тревайз не понял слов, но и так было видно, что ребенок не верит своим глазам. Тревайз не придумал ничего лучшего, как стыдливо прикрыться руками.

А Фаллом проговорил тоненьким голоском:

— Приветствую.

Тревайз вздрогнул, поскольку не ожидал, что Фаллом заговорит на галактическом, но, по-видимому, тот просто запомнил звучание слова.

— Блисс — говорит — ты — мыть — меня, — продолжил Фаллом, с непосильным трудом выговаривая слова.

— Вот как! — Тревайз положил руки на плечи Фаллома. — Ты — стой — здесь.

Он ткнул пальцем вниз, в пол, и Фаллом, конечно, тут же уставился на то место. Он Тревайза явно не понял.

— Не двигайся, — сказал Тревайз, прижимая руки ребенка к туловищу, словно пытаясь сообщить ему состояние неподвижности, а сам второпях вытерся и натянул трусы и брюки.

Выйдя из санузла, Тревайз заорал:

— Блисс!

Поскольку на «Далекой звезде» трудно было отдалиться от кого-либо свыше четырех метров, Блисс тотчас же вышла из двери своей каюты.

— Ты звал меня, Тревайз, — улыбаясь, спросила она, — или это нежный ветерок прошумел в траве?

— Шутки в сторону, Блисс. Что это такое? — Он показал большим пальцем назад. Блисс заглянула в санузел и сказала:

— Ну... это похоже на юного солярианина, которого мы вчера взяли на борт.

— Ты взяла на борт. С какой радости я должен мыть его?

— Я подумала, что ты не откажешься. Он очень мил. Так быстро схватывает галактический, стоит только раз объяснить. Я помогаю ему, как ты понимаешь.

— Естественно.

— Да. Я успокаиваю его. Я держала его под гипнозом почти все время на Солярии. Я следила за тем, чтобы он крепко спал на борту корабля, и пытаюсь понемногу отвлечь его от мысли об утраченном роботе Джемби, которого он, похоже, очень сильно любит.

— Словом, ты хочешь, чтобы ему здесь было хорошо?

— Конечно. Он очень восприимчив, потому что еще маленький, и я поощряю это, насколько могу осмелиться, влияя на его мозг. Я собираюсь научить его говорить на галактическом.

— Вот ты сама и мой его, ясно?

— Вымою, если ты настаиваешь, — пожала плечами Блисс, — но я хотела бы, чтобы он подружился с каждым из нас. Было бы хорошо, чтобы мы все исполняли родительские функции. Наверняка ты тоже можешь в этом поучаствовать.

— Но не в такой же степени!.. И когда закончишь мыть, избавься от него. Я хочу с тобой поговорить.

— Что ты этим хочешь сказать — «избавься от него»? — спросила Блисс с внезапной враждебностью.

— Я не имел в виду «выкинь его через шлюз». Я хотел ска-

зать — отведи его в свою каюту. Усади в уголок. Я хочу поговорить с тобой.

— Всегда к вашим услугам, — холодно произнесла Блисс.

Некоторое время Тревайз смотрел ей вслед, пытаясь успокоиться, а потом прошел в рубку и включил обзорный экран.

С левой стороны в виде темного кружка со светлым серпиком сбоку красовалась Солярия. Тревайз положил руки на пульт, входя в контакт с компьютером, и обнаружил, что раздражение мгновенно улетучилось. Для полноценной связи мозга и компьютера необходимо было спокойствие, и условный рефлекс связал между собой прикосновение к контактам и успокоение.

Вокруг корабля до самой планеты не было никаких искусственных объектов. Соляриане (а скорее роботы) не желали или не могли преследовать их.

Ну и прекрасно. Теперь он мог выйти из тени Солярии. В любом случае, если продолжать удаляться от планеты, тень исчезнет, поскольку видимые размеры Солярии на расстоянии уменьшаются по сравнению с более далеким, но и более крупным ее солнцем.

Он дал компьютеру команду вывести корабль из плоскости эклиптики, так как это давало возможность более безопасно перейти в режим ускорения. Так они быстрее достигнут области, где кривизна пространства будет достаточно малой для осуществления Прыжка.

И, как часто бывало в таком случае, он принялся наблюдать звезды. Они словно гипнотизировали его своей спокойной неизменностью. Все их истинные смещения и вращения исчезли благодаря огромному расстоянию, превращавшему их в простые пятнышки света.

Одно из этих пятнышек могло быть солнцем, вокруг которого вращается Земля, — тем Солнцем, под лучами которого зародилась жизнь и по чьей милости развилось человечество.

Наверняка, если Внешние миры вращались вокруг звезд, бывших яркими и удаляющимися представителями звездного семейства и тем не менее не включенных в компьютерную карту Галактики, то же самое могло произойти и с Солнцем.

Или только солнца Внешних миров отсутствовали на карте из-за какого-то древнего договора, согласно которому они были предоставлены самим себе? Может быть, Солнце Земли есть на карте Галактики, но ничем не отличается от подобных ему, но не имеющих на своих орбитах пригодных для обитания планет?

В конце концов, в Галактике насчитывалось около тридцати миллиардов солнцеподобных звезд, но только у одной из тысячи имелись подходящие для обитания планеты. В радиусе нескольких сот парсеков вокруг корабля могли находиться тысячи таких обитаемых планет. Неужели придется по одной прочесывать эти солнцеподобные звезды в поисках таких планет?

А может, то первое и главное Солнце находится даже не в этом районе Галактики? Мало ли где непоколебимо уверены, что Солнце — одна из их ближайших звезд? Что именно они были первопоселенцами?

Тревайзу нужна была информация, но ее до сих пор не было.

Он сильно сомневался, дало ли бы даже самое тщательное исследование тысячелетних руин на Авроре какую-нибудь информацию о местоположении Земли. Еще сильнее он сомневался, что можно было выудить такие сведения у солярианин.

И потом, если все сведения о Земле исчезли из огромной библиотеки на Тренторе, если никаких воспоминаний о Земле не осталось в коллективной памяти Геи, то, похоже, найти сведения на затерянных мирах космонитов шансов было маловато.

А если ему посчастливится все-таки найти земное Солнце и, следовательно, Землю, не заставят ли его даже не понять, что он нашел? Не абсолютна ли самооборона Земли? Не непререкаемо ли ее стремление оставаться неприкасаемой?

Что же он искал? Землю? Или изъян в Плане Селдона, который, как он думал (без особых на то причин), ему удастся обнаружить на Земле?

План Селдона работал уже пять столетий и мог в конце концов привести человечество в спокойную гавань (так говорили, по крайней мере) в океане Второй Галактической Империи, более могущественной, чем Первая, более благородной и свободной — и все-таки он, Тревайз, проголосовал против нее, за Галаксию.

Галаксия должна была стать единым колоссальным организмом, в то время как Вторая Галактическая Империя, как бы велики ни были ее размеры, оставалась бы не более чем союзом индивидуумов микроскопического размера по сравнению с ней самой. Вторая Империя могла бы быть еще одним примером того типа союзов индивидуальностей, какие человечество основывало с тех пор, как стало человечеством. Вторая Галактическая Империя могла бы стать величайшим и лучшим из таких союзов, но все равно оставалась бы не более чем еще одним членом в их ряду.

А для того чтобы Галаксия — пример организации абсолютно другого типа — превзошла Вторую Империю в совершенстве, в План должна была вкрасться ошибка, нечто такое, чего не предусмотрел сам великий Гэри Селдон.

Но если Селдон что-то упустил, как мог Тревайз поправить дело? Он не был математиком; не знал ничего, абсолютно ничего о тонкостях Плана; более того — не мог бы в этом ничего понять, даже если бы ему объяснили.

Он знал только о наличии допущений: во-первых, необходимость большого количества людей для расчетов и, во-вторых, их неведение относительно результатов этих расчетов. Первое допущение не могло не быть аксиомой, если учесть, как велико население Галактики, а второе стало аксиомой, поскольку только адепты Второй Академии знали детали Плана и при этом старательно держали их при себе.

Следовательно, должно было существовать еще одно неизвестное допущение — само собой результирующееся, причем настолько, что его нигде не упоминали и даже не думали о нем, хотя оно могло оказаться ложным. Это допущение, если оно было ложным, могло бы изменить генеральный вывод Плана и привести к тому, что Галаксия стала бы более предпочтительным вариантом, чем Империя.

Но если это допущение было таким очевидным и таким само собой разумеющимся, что о нем даже не упоминали, как оно могло быть ложным? А если никто не упоминал о нем, не думал о нем, откуда Тревайзу знать, что оно вообще существует, или иметь хоть какое-то понятие о его природе, раз уж он предположил, что оно существует?

Был ли он тем самым, кем его считала Гея — с безошибочной интуицией? Действительно ли он знал, как правильно поступить, даже не понимая, почему делает это?

Теперь он занялся посещением всех космонитских планет, которые ему были известны. Верный ли путь он избрал? Здесь ли ответ? Ну хотя бы начало ответа?

Что там было на Авроре, кроме руин и диких собак? Может быть, другие смертельно опасные хищники? Бешеные быки? Крысы-переростки? Коварные зеленоглазые тигры? Солярия оказалась живой, но что было там, кроме роботов и энергопреобразующих людей? Какое отношение имела каждая из этих планет к Плану Селдона, если они не хранили секрета местонахождения Земли?

А если хранили, какое Земля имела отношение к Плану? Не безумие ли все это? Может, он слишком долго и слишком серьезно прислушивался к фантазиям о собственной непогрешимости?

Жуткий стыд тяжелой волной залил его. Казалось, еще чуть-чуть, и он захлебнется. Тревайз взглянул на звезды — далекие, равнодушные — и подумал: «Я, должно быть, величайший глупец в Галактике».

58

Его размышления прервал голос Блисс.

— Ну, Тревайз, зачем ты хотел меня видеть? — бодро начала она, но тут же спохватилась: — Что-нибудь не так?

Тревайз взглянул на Блисс и на мгновение почувствовал, как ему трудно скрыть свое настроение. С полминуты он молча смотрел на нее, потом ответил:

— Нет-нет. Все в порядке. Я... я просто задумался. Мне свойственно, знаешь ли, время от времени думать.

Ему было немного не по себе от сознания того, что Блисс может прочесть его эмоции. Правда, она дала ему слово, что добровольно отказывается от всякого наблюдения за его сознанием.

Похоже, его ответ ее удовлетворил.

— Пелорат занимается с Фалломом, — сообщила она, — учит его галактическому. Вроде бы наша пища ребенку не вредит. Но из-за чего ты хотел меня видеть?

— Скажу, только не здесь. Сейчас компьютер во мне не нуждается. Пройдем ко мне? Кровать прибрана, и ты устроишься на ней, а я сяду на стул. Или наоборот, как хочешь.

— Все равно, — ответила Блисс.

Они прошли в каюту. Блисс пристально разглядывала Тревайза.

— А ты как будто уже не бесишься, — сказала она.

— Копаешься у меня в сознании?

— Вовсе нет. По лицу видно.

— Я и не бесился. Могу, правда, на мгновение выйти из себя, но это не то же самое, что взбеситься. Послушай, если ты не против, я хотел бы задать тебе кое-какие вопросы.

Блисс уселась на край кровати Тревайза, выпрямив спину. Темно-карие глаза ее смотрели серьезно. Длинные, до плеч, чер-

ные волосы были аккуратно причесаны. Тонкие руки спокойно лежали на коленях. От Блисс веяло тонким ароматом духов.

— Ты сделала из себя просто куколку, — улыбнулся Тревайз. — Наверное, решила, что я не отважусь орать на юную и прелестную леди.

— Можешь орать сколько угодно, если тебе от этого легче. Я только не хочу, чтобы ты орал на Фаллома.

— Не собираюсь. Честно говоря, и на тебя я не собирался орать. Разве мы не решили стать друзьями?

— Гея никогда не испытывала к тебе, Тревайз, никаких иных чувств, кроме дружеских.

— Я не говорю о Гее. Я знаю, что ты часть Геи, что ты Гея. Но все же существует некая часть тебя, которая является личностью хотя бы отчасти. Я обращаюсь к этой части. Я обращаюсь к женщине по имени Блисс без оглядки — или с минимальной оглядкой — на Гею. Разве мы не решили быть друзьями, Блисс?

— Да, Тревайз.

— Тогда скажи, как случилось, что ты замешкалась с роботами на Солярии, после того как мы покинули усадьбу и добрались до корабля? Меня унизили, опустили на колени, но ты пальцем не шевельнула. Несмотря на то что в любой момент могли появиться новые роботы и превзойти нас числом, ты не сделала ровным счетом ничего.

Блисс серьезно поглядела на него и сказала, но не оправдываясь, а объясняя:

— Я не бездействовала, Тревайз. Я изучала сознание роботов охраны и пыталась понять, как управлять ими.

— Знаю. То есть ты мне сказала. Только я не вижу в этом смысла. Зачем тебе нужно было управлять их сознанием, когда ты бы могла запросто его разрушить, что ты в конце концов и сделала?

— Думаешь, это так просто — уничтожить разумное существо?

Тревайз брезгливо поморщился.

— Подожди, Блисс. Разумное существо? Это же всего-навсего робот.

— «Всего-навсего робот»! — В голосе Блисс зазвучали гневные нотки. — Так всегда. Всего-навсего! Всего-навсего! А почему солярианин Бандер не убил нас сразу? Мы ведь для него были всего-навсего людьми без мозговых преобразователей. Почему без угрызения совести не бросить Фаллома на произвол судьбы?

Он ведь всего-навсего солярианин и притом маленький. Если начнешь ко всему на свете прицеплять табличку со словами «всего-навсего», то сумеешь уничтожить всех, кого пожелаешь.

— Не надо придираться к словам, — махнул рукой Тревайз. — Я ничего такого не сказал. Робот — всего-навсего робот. Ты не можешь отрицать этого. Это не человек. Это не разумное существо в нашем понимании. Это машина, имитирующая проявления разумности.

— Как легко ты говоришь, ничего не зная об этом, — укоризненно проговорила Блисс. — Я Гея. Да, я также и Блисс, но я — Гея. Я мир, который считает каждый свой атом значимым и необходимым, а любую совокупность атомов еще более необходимой и значимой. Я/мы/Гея не можем с легкостью уничтожить организованную совокупность атомов, хотя мы были бы рады включить ее во что-нибудь более сложное, стараясь, безусловно, не навредить целому.

Наивысшая из известных нам форм такой организации обладает разумом, и только в чрезвычайных обстоятельствах позволительно уничтожить разумное существо, механическое или биологическое — не имеет значения. У робота охраны был разум такого типа, какого я/мы/Гея никогда не встречали. Изучить его было восхитительно. Уничтожить его — немыслимо, за исключением момента прямой угрозы для нашей жизни.

— Ты рисковала тремя более разумными существами, — сухо заметил Тревайз, — собой, Пелоратом — человеком, которого ты любишь, и, уж прости за откровенность, мной.

— Четырьмя. Ты все время забываешь о Фалломе. А риска практически не было, насколько я могла судить. Пойми... представь, ты увидел картину, настоящий шедевр, существование которого грозит тебе гибелью. Тебе достаточно было бы махнуть по холсту широкой кистью с краской как попало, и картина была бы уничтожена навеки, а ты — спасен. А теперь представь, что вместо этого ты внимательно изучаешь картину и делаешь мазки то здесь, то там, а где-то соскребаешь немного слой старой краски — тем самым ты можешь достаточно сильно изменить картину для того, чтобы избежать смерти, и все же сохранить ее как шедевр. Естественно, необходимо старательное предварительное изучение. На это уйдет время, но наверняка, если бы оно у тебя было, ты попытался бы спасти картину так же, как и свою жизнь.

— Может быть, — кивнул Тревайз. — Но в конце концов ты таки уничтожила этот шедевр, рассмотрев его со всем внимани-

ем. Широкая кисть опустилась на холст и зачеркнула все чудесные мельчайшие оттенки цветов и нежные сочетания форм и образов. И сделала ты это мгновенно, когда под угрозой оказалась жизнь маленького гермафродита, в то время как опасность для нас с Пелоратом и тебя самой тебя на это не подвигла.

— Нам, чужестранцам, немедленная гибель не грозит, а вот Фаллому, мне показалось, наоборот. Я была вынуждена выбирать между роботами охраны и Фалломом. И, не имея в запасе времени, я выбрала Фаллома.

— Неужели это так и было, Блисс? Быстрый подсчет и взвешивание в пользу одного и другого разума, стремительное вынесение приговора по делу столь сложному и важному?

— Да.

— А я тебе вот что скажу. Дело может быть совсем в другом. Рядом с тобой был ребенок, обреченный на смерть. Тебя охватило инстинктивное чувство материнства, и ты спасла дитя, тогда как раньше ты лишь просчитывала степень риска, которому подвергались трое взрослых.

Блисс залилась легким румянцем.

— Возможно, нечто подобное и было, но не в таком карикатурном виде. За этим тоже стояли вполне рациональные причины.

— Интересно! Если за этим стояли вполне рациональные причины, ты же должна была сделать другой вывод. Этому ребенку суждено было встретить судьбу, неизбежную в его обществе. Кто знает, сколько тысяч детей было убито, чтобы поддерживать постоянно число жителей, которое соляриане считают оптимальным для своего мира.

— Не совсем так, Тревайз. Ребенок был бы убит из-за того, что оказался слишком молод для наследования. А это произошло потому, что его родитель умер преждевременно, потому что я его убила.

— В тот миг, когда мы стояли перед выбором — убить его или погибнуть самим.

— Неважно. Я убила его родителя. Я не могла стоять рядом и смотреть, как по моей вине убивают ребенка... И потом, это даст возможность изучить сознание такого типа, какой никогда прежде не изучался Геей.

— Сознание ребенка.

— Он недолго останется таким. Он разовьет мозговые преобразователи. Они дают солярианам такие способности, каких Гея

достичь не может. Одно лишь поддержание тусклого света и включение механизма открывания двери полностью меня истощило. Бандер же мог снабжать энергией все свое поместье, настолько же большое и сложное, как город, который мы видели на Компореллоне, — и делал это даже во сне.

— Следовательно, ты смотришь на этого ребенка как на важный вклад в фундаментальные исследования сознания.

— Да, пожалуй.

— Я так не думаю. Мне сдается, на борту у нас появилась опасность. Большая опасность.

— Какая опасность? Фаллом может отлично приспособиться — с моей помощью. Он разумен и, похоже, уже немного привязался к нам. Он ест, когда мы едим, ходит за нами, и я/мы/Гея можем получить знания неоценимой важности, исследуя его мозг.

— А что, если он родит детеныша? Ему не нужен партнер — он сам себе и муж и жена.

— Пройдет еще много лет, пока он достигнет половой зрелости. Космониты живут столетиями, а соляриане не горели желанием увеличивать свою численность. Задержка воспроизводства, вероятно, генетически заложена у всех них. У Фаллома еще долго не будет детей.

— Откуда ты знаешь?

— Я не говорю, что знаю. Просто пытаюсь рассуждать логически.

— А я говорю тебе, что Фаллом может оказаться опасным.

— Ты не знаешь этого наверняка. И ты как раз рассуждаешь без всякой логики.

— Я чувствую это, Блисс, безо всяких на то причин. Ведь это ты утверждаешь, что моя интуиция непогрешима.

Блисс нахмурилась и смутилась.

59

Пелорат задержался у двери рубки и робко заглянул внутрь. Казалось, он пытается понять, сильно занят Тревайз или нет.

Руки Тревайза лежали на пульте, как всегда, когда он входил в контакт с компьютером. Смотрел он на обзорный экран. Пелорат решил, что Тревайз таки занят сильно, и стал терпеливо ждать, стараясь не шевелиться, чтобы не помешать.

Наконец Тревайз заметил Пелората. Правда, посмотрел он на него довольно-таки отрешенно. Глаза его смотрели отстраненно, взгляд блуждал. Как будто во время контакта с компьютером он видел, думал, жил несколько иначе, чем обычно.

Однако он медленно кивнул Пелорату, словно образ друга, с трудом проникая в сознание, произвел наконец какое-то воздействие на те участки мозга, что отвечают за распознавание зрительных образов. Затем, спустя мгновение, он отнял руки от пульта, улыбнулся и вновь стал самим собой.

— Боюсь, я оторвал тебя от дела, Голан, — извиняющимся тоном проговорил Пелорат.

— Ничего страшного, Джен. Я просто производил проверку готовности к Прыжку. Теперь мы готовы, но я думаю, что выжду еще несколько часов, на всякий случай.

— Разве случайности имеют к этому какое-то отношение?

— Да нет. Это всего лишь поговорка, — улыбаясь ответил Тревайз, — хотя от случайностей никто не гарантирован, по крайней мере, теоретически. Ну, что стряслось?

— Могу я сесть?

— Конечно, но давай лучше пройдем в мою каюту. Как там Блисс?

— Прекрасно. — Он откашлялся. — Она снова спит. Она должна выспаться, ты же понимаешь.

— Естественно. Гиперпространственный разрыв. Понимаю.

— Верно, дружочек.

— А Фаллом?

Тревайз устроился на кровати, предложив стул Пелорату.

— Помнишь те книги из моей библиотеки, которые ты распечатал через компьютер для меня? Сказки и предания. Он читает их. Конечно, он слабо понимает галактический, но, кажется, ему доставляет удовольствие произносить слова вслух. Но... почему-то я говорю о нем в мужском роде. Почему бы это, как ты думаешь?

— Возможно, потому, что ты сам мужчина, — пожал плечами Тревайз.

— Может быть. Он страшно умный, знаешь ли.

— Я просто уверен в этом.

Пелорат замялся.

— Я вижу, тебе не очень-то нравится Фаллом.

— Ничего не имею против него лично, Джен. У меня никогда не было детей, и я, в общем, никогда не питал к ним особо

нежных чувств. А у тебя вроде бы были дети, насколько я помню?

— Сын. Знаешь, это такое удовольствие — иметь сына, особенно когда он еще маленький. Может быть, именно поэтому я невольно считаю Фаллома мальчиком. Это возвращает меня на четверть века назад.

— У меня нет никаких возражений из-за того, что он тебе нравится, Джен.

— Ты тоже полюбишь его, если только попробуешь отнестись к нему непредвзято.

— Думаю, что да, Джен, и в один прекрасный день я, может быть, попробую.

Пелорат помолчал немного и сказал:

— Ты, наверное, уже устал спорить с Блисс.

— На самом деле мне не кажется, что мы так уж много спорим, Джен. Мы с ней в действительности вполне нормально сотрудничаем. Вчера мы даже очень конструктивно побеседовали — без криков, без взаимных упреков — насчет того, почему она не сразу вывела из строя роботов охраны. В конце концов, она продолжает спасать нам жизнь, так что я не могу предложить ей что-либо, кроме дружбы, не правда ли?

— Да, понимаю. Только я не про это. Я про споры, а не про «ссоры». Я про ваше постоянное расхождение во мнениях о Галаксии как противоположности индивидуальности.

— Ах это! Я полагаю, эти дискуссии продолжатся, но будут корректными.

— А что ты скажешь, Голан, если я приведу аргумент в пользу Галаксии?

— Никаких возражений. Только скажи: это твое личное мнение или ты просто чувствуешь себя счастливым, когда соглашаешься с Блисс?

— Это мое мнение, честное слово. Я думаю, Галаксия — это самое логичное будущее. Ты сам выбрал это направление развития человечества, и я все больше убеждаюсь в том, что оно верно.

— Потому что я выбрал его? Это не аргумент. Что бы Гея ни говорила, я способен ошибаться, ты же знаешь. Так что не позволяй Блисс убеждать себя в преимуществах Галаксии на этом основании.

— Я думаю, что ты не ошибся. Это мне доказала Солярия, а не Блисс.

— Каким образом?

— Ну, во-первых, мы изоляты, ты и я.

— Это ее термин, Джен. Я предпочитаю думать, что мы личности.

— Это просто вопрос семантики, дружочек. Называй как хочешь, но мы заключены в наши собственные шкуры, окружающие наши собственные мысли, думаем сперва и прежде всего о самих себе. Самосохранение для нас первый и главный закон природы, даже тогда, когда это означает, что всем остальным на свете будет причинено зло.

— Известны люди, отдавшие свои жизни за других.

— Это редкое явление. Гораздо больше известно людей, покушающихся на насущнейшие нужды других ради какой-нибудь собственной глупейшей прихоти.

— И какое отношение это имеет к Солярии?

— Ну, на Солярии мы могли видеть, во что могут превратиться отдельные независимые личности, если тебе так больше нравится. Сольряне с трудом смогли разделить между собой целую планету. Они решили, что жизнь в полнейшей изоляции есть совершенная свобода. Они не привязаны даже к своим собственным отпрыскам и убивают их, если их слишком много. Они окружили себя роботами-рабами, которых обеспечивают энергией, и когда солярианин умирает, все поместье символически умирает вместе с ним. Разве это достойно восхищения, Голан? Разве это можно сравнить с тонкостью, добротой, заботой, царившими на Гее? Блисс вовсе не обсуждала это со мной. Это мои собственные мысли и чувства.

— Да, они похожи на твои, Джен. И я их разделяю. Я тоже думаю, что солярианское общество ужасно, но оно не всегда было таким. Они не произошли от землян, близкими их предками были космониты, которые жили гораздо дольше, чем обычные люди. Сольряне почему-то выбрали путь, приведший к крайности, но нельзя судить по крайностям. Во всей Галактике с ее миллионами обитаемых планет известна ли тебе хоть одна планета, теперь или в прошлом, имеющая общество, подобное солярианскому? Или хотя бы отдаленно напоминающая его? И смогла бы Солярия создать его, если бы не заигралась с роботами? Сомнительно, чтобы общество, состоящее из личностей, могло превратиться в такое вот солярианское средоточие ужаса без роботов.

— Ты всегда находишь дырочку, Голан, — поморщился Пелорат, — ну, то есть я хотел сказать, тебе ничего не стоит защитить тот тип Галактики, против которого ты проголосовал.

— Ты меня неверно понимаешь. Разумный довод в пользу Галаксии существует, и когда я найду его, когда узнаю, в чем он состоит, я соглашусь и сдамся. Или точнее говоря, если найду.

— Ты думаешь, что тебе это может и не удаться?

— Откуда я знаю? — пожал плечами Тревайз. — Ты, к примеру, понимаешь, почему я жду несколько часов, прежде чем совершить Прыжок, и почему мне так и хочется уговорить себя подождать несколько дней?

— Ты сказал, что подождать — это безопаснее.

— Да, я так сказал, но никакой опасности нет и теперь. Чего я действительно боюсь, так это того, что космонитские планеты, чьи координаты у нас есть, все хором обманули наши ожидания. У нас только три набора координат; и на двух планетах мы уже побывали, и оба раза еле ноги унесли. При этом мы все еще не получили ни единого намека на расположение Земли или даже на то, существует ли она вообще. Сейчас я использую третий и последний шанс. А что, если и здесь нас ждет провал?

— Знаешь, — вздохнул Пелорат, — есть одна старая сказка, она, кстати, есть среди тех, что я дал Фаллому, чтобы он попрактиковался в языке; так вот... там кому-то дали возможность загадать три желания, но только три. «Три» в таких делах — число особенное, возможно, потому, что оно первое простое число, наименьшее простое число после единицы. Ну, и одно из трех сбывается. Но в сказках получается так, что от желаний — никакого толку. Никто их не загадывает правильно, что, как я думаю, является отражением древней мудрости: удовлетворение желаний дается трудом, а не... — Пелорат смутился и не закончил фразу. — Прости, дружочек, я отвлекаю тебя. Я становлюсь болтливым, когда речь заходит о моем увлечении.

— Мне всегда интересно с тобой, Джен. Тогда попытаюсь найти тут аналогию. У нас было три желания, мы использовали два, но это не принесло нам ничего хорошего. Осталось одно. Отчего-то я уверен, что нам вновь не повезет, а мне этого жутко не хочется. Вот потому-то я так и тяну с Прыжком.

— Что ты будешь делать, если ожидания будут вновь обмануты? Вернешься на Гею? На Терминус?

— О нет, — прошептал Тревайз, качая головой. — Поиск надо продолжать... но если б я только знал как.

Глава 14

МЕРТВАЯ ПЛАНЕТА

60

Тревайз устал. Те немногие победы, что он одержал с начала поиска, были далеки от совершенства — скорее, они просто на время отодвигали поражение.

Теперь же он так оттянул Прыжок к третьей космонитской планете, что его тревога передалась другим. Когда же он наконец решил, что должен дать компьютеру команду перебросить корабль через гиперпространство, Пелорат с озабоченным видом встал у двери рубки, а Блисс — позади, сбоку от него. И Фаллом был с ними. Моргая, как сова, он глядел на Тревайза, одной рукой крепко сжимая пальцы Блисс.

Тревайз оторвался от компьютера и довольно грубо бросил:

— Ну, вся семейка в сборе!

Однако неудобство от сказанного испытал только он сам.

Он задал компьютеру параметры Прыжка таким образом, чтобы выйти в обычное пространство на большем расстоянии от звезды, чем требовалось. Он убеждал себя: это потому, что он научился осторожности в результате событий на первых двух космонитских планетах, но сам не верил в это. В глубине души он знал, что надеется вынырнуть в пространстве на достаточно большом расстоянии от звезды, чтобы остаться неуверенным в том, есть ли вокруг нее пригодные для жизни планеты или нет. Тогда у него было бы еще несколько дней на полет, прежде чем он сможет обнаружить их (или нет) и (возможно) взглянуть горькой правде в лицо.

И вот под взглядами «дружной семейки» он поглубже вздохнул, задержал дыхание, а затем со свистом выдохнул, дав компьютеру окончательные инструкции.

Звездный узор заскользил в бесконечном безмолвии, и обзорный экран почти опустел, показывая область пространства с редкими звездами. А одна ярко сияла совсем рядом с центром экрана.

Тревайз довольно усмехнулся — победа, в некотором роде. В конце концов, третий набор координат мог оказаться ошибочным и не привести корабль к подходящей звезде класса *G*. Он посмотрел на своих спутников и сказал:

— Вот она. Звезда номер три.

— Ты уверен? — негромко спросила Блисс.

— Смотрите! Я переключу экран компьютера на соответствующий участок карты Галактики, и, если эта яркая звезда исчезнет, значит, она не нанесена на карту, а стало быть, она-то нам и нужна.

Компьютер выполнил его команду, и звезда мгновенно погасла. Казалось, ее никогда и не было, а остальные звезды горели там же, где и раньше, в величественном равнодушии.

— Она самая, — сказал Тревайз.

И все-таки задал «Далекой звезде» скорость чуть больше половины той, которую мог легко поддерживать. Присутствие или отсутствие обитаемых планет все еще вызывало сомнения. Он не торопился отвечать на этот вопрос. Даже после трехдневного приближения нечего еще было сказать об их возможном наличии.

Хотя... возможно, кое-что было уже сейчас. Звезду сопровождал крупный газовый гигант. Он вращался очень далеко от своего солнца и испускал бледный желтый свет, отражавшийся от его дневной стороны, которая была видна на экране в виде тонкого полумесяца.

Тревайзу не понравился его вид, но он постарался не показать этого и объяснил небрежно, словно по путеводителю:

— Это газовый гигант. Довольно эффектный. У него пара тонких колец и два приличных спутника, которые со временем можно будет разглядеть.

— Большинство систем включает газовые гиганты, верно? — спросила Блисс.

— Да, но этот очень крупный. Судя по расстоянию от него до спутников и по периоду их обращения, этот гигант, должно быть, почти в две тысячи раз массивней, чем пригодная для жизни планета.

— Какая разница? — пожала плечами Блисс. — Газовый гигант — это газовый гигант, и не имеет значения, какого он размера, правда? Обычно они находятся на больших расстояниях от звезды, вокруг которой обращаются, и ни один из них не годится для жизни из-за своих размеров и отдаленности. Надо подойти к звезде поближе и поискать планеты, годные для жизни людей.

Тревайз растерялся, а потом решил все выложить в открытую.

— Дело в том, — сказал он, — что газовые гиганты стремятся как бы чисто-начисто подмести все близлежащие пространства. Та материя, что они не смогли вобрать в себя, может срастись в довольно большие тела, которые становятся его спутниками. Это предотвращает образование других космических тел даже на значительных расстояниях от гигантов, так что чем он больше, тем более вероятно, что вокруг данной звезды вращается только одна крупная планета. Здесь же вполне может оказаться лишь этот газовый гигант и астероиды.

— Ты имеешь в виду, что здесь нет подходящих для жизни планет?

— Чем больше газовый гигант, тем меньше вероятность встретить такие планеты, а этот так массивен, что тянет на карликовую звезду.

— А можно посмотреть? — спросил Пелорат.

Все трое приникли к экрану (Фаллома Блисс отвела в каюту читать).

Увеличение планеты продолжалось до тех пор, пока светящийся серп не заполнил весь экран. На некотором расстоянии от центра его пересекала тонкая темная линия — тень системы колец, которые были видны за краем поверхности планеты в виде сверкающей дуги, протянувшейся на темную сторону.

— Ось вращения планеты наклонена примерно на тридцать пять градусов к плоскости эклиптики, — сказал Тревайз, — кольца расположены в экваториальной плоскости. Так что звездный свет при данном положении планеты отбрасывает тень колец практически на экватор.

— Кольца тонкие, — не отрывая глаз от экрана, заметил Пелорат.

— Немного поменьше средних размеров, — уточнил Тревайз.

— Согласно легенде кольца вокруг газового гиганта в планетарной системе Земли гораздо шире, ярче и более отчетливы, чем эти. Такие кольца, что в сравнении с ними газовый гигант кажется карликом.

— Я не удивлен, — сказал Тревайз. — Когда история передается от человека к человеку тысячи лет, вряд ли в ней что-либо уменьшается при пересказе.

— Прекрасно... — произнесла Блисс. — Когда смотришь на серп, кажется, что он переливается и изгибается прямо на глазах.

— Атмосферные бури, — пояснил Тревайз. — В общем-то можно рассмотреть их получше, если выбрать подходящую длину световых волн. Сейчас попробую. — Он положил руки на пульт и приказал компьютеру пройтись по спектру и остановиться на оптимальной частоте.

Нежно светящийся серп планеты стал менять свою окраску, причем так быстро, что стало темно в глазах. Наконец серп стал красно-оранжевым, и по нему заплавали отчетливые спирали, закручиваясь и раскручиваясь по мере движения.

— Невероятно... — пробормотал Пелорат.

— Восхитительно... — прошептала Блисс.

Вполне вероятно, горько думал Тревайз. И вовсе не восхитительно. Ни Пелорат, ни Блисс, погруженные в созерцание этого великолепия, не подумали о том, что планета, которой они восторгались, уменьшает шансы разгадать ту тайну, что мучила Тревайза. Но, впрочем, почему они должны думать об этом? Обоих вполне удовлетворяет то, что решение Тревайза правильно, и они сопровождают его в его поисках, не переживая так эмоционально, как он сам. Бесполезно обижаться на них за это.

— Ночная сторона кажется темной, — сказал он, — но, если бы наши глаза могли воспринимать инфракрасное излучение, мы бы увидели ее красной, глубоко и злобно красной. Планета очень сильно излучает в инфракрасном диапазоне, поскольку она достаточно велика, чтобы быть нагретой почти докрасна. Это больше чем газовый гигант — это субзвезда. — Он подождал немного и продолжал: — А теперь выкинем этот объект из головы и поищем подходящую для жизни планету, которая, может быть, здесь есть.

— Наверное, она есть, — улыбнулся Пелорат. — Не сдавайся, дружочек.

— Я не сдаюсь, — без особого энтузиазма возразил Тревайз. — Образование планет — слишком сложное дело, чтобы для этого существовали жесткие правила. Мы говорим только о вероятностях. При наличии этого чудовища вероятность уменьшается, но не до нуля.

— Почему бы тебе не подумать немного иначе? — вмешалась Блисс. — Поскольку первые два набора координат дали тебе две обитаемые планеты космонитов, то третий, который уже дал тебе подходящую звезду, тоже приведет к обитаемой планете. Зачем рассуждать о вероятностях?

— Хотел бы надеяться, что ты права, — ответил Тревайз, вовсе не чувствуя себя утешенным. — Сейчас стартуем из плоскости эклиптики по направлению к звезде.

Компьютер позаботился об этом почти в тот же миг, как прозвучали эти слова. Тревайз откинулся на спинку пилотского кресла и решил, что единственный недостаток пилотирования гравилета с такими современными компьютерами — то, что испытавший это не захочет никогда — никогда — пилотировать корабль любого другого типа.

Разве он сумеет снова вынести такую муку — самостоятельные расчеты? Разве сумеет думать об ускорении, ограничивать его разумными пределами? Скорее всего он позабыл бы об этом и такое бы отколол, что и сам, и все на борту размазались бы по внутренним переборкам.

А этим кораблем будет управлять — или другим, в точности подобным ему, если только сумеет вынести все эти перемены, — всегда.

И поскольку Тревайз хотел отвлечься от вопроса о наличии обитаемых планет, он сосредоточился на том, чтобы вывести корабль над плоскостью, а не под нее. При отсутствии какой-либо веской причины выходить под плоскостью пилоты почти всегда выбирали первый вариант. Почему?

Кстати, почему рассматривают одно направление как верх, а другое — как низ? В симметричном космосе это чистейшая условность.

Точно так же он обычно обращал внимание на то, в каком направлении вращаются наблюдаемые им планеты вокруг своей оси и вокруг звезды. Если оба направления оказывались против часовой стрелки, то поднятая рука означала север, а под ногами находился юг. Север в Галактике воспринимался как верх, а юг — как низ. Точнее, чистейшая условность, возникшая во мгле прошлого, но которой рабски следовали до сих пор. Если кто-нибудь увидит перевернутой югом вверх знакомую карту, вряд ли сможет узнать ее. Карту потребовалось бы перевернуть, чтобы она обрела свой смысл. И все, что на ней обозначено, стало бы ясным, стоило лишь сориентировать ее на север — «верхом вверх».

Тревайз вспомнил о сражении, данном Белом Риозом, генералом Империи, три века назад. В критический момент он развернул свою эскадру, вывел ее под плоскость эклиптики и застал врасплох эскадру вражеских судов, которые, ожидая нападения, были не готовы к отражению атаки с этого направления. Этот маневр сочли бесчестным. Кто? Проигравшие, естественно.

Условность, столь могущественная и столь древняя, должно

быть, возникла на Земле... и мысли Тревайза снова вернулись к обитаемым планетам.

Пелорат и Блисс продолжали разглядывать газовый гигант, который медленно поворачивался на экране, постепенно откатываясь назад. Часть, освещенная солнцем, расширялась, и, так как Тревайз продолжал наблюдение в оранжево-красном диапазоне волн, вихревая картина ураганов на поверхности гиганта становилась все более безумной и гипнотической.

Тут пришел Фаллом, и Блисс решила, что ему пора спать, да и ей самой сон тоже не помешает.

— Я увожу корабль от газового гиганта, Джен, — сказал Тревайз оставшемуся с ним Пелорату. — Я хочу переключить компьютер на поиск гравитационных возмущений от планет нужных нам размеров.

— Конечно, дружочек, конечно.

Но задача на самом деле была более сложной. Компьютер должен был искать планеты не только подходящих размеров, но и находящиеся на нужном расстоянии от звезды. Должно было пройти несколько дней, прежде чем Тревайз мог обрести полную уверенность.

61

Тревайз вошел в свою каюту хмурый, серьезный, мрачнее тучи, и застал у себя гостей. Его ждала Блисс, а рядом с ней — Фаллом. Его набедренная повязка и остальная одежда были чисто выстираны и отутюжены. Подросток в своей одежде выглядел лучше, чем в одной из укороченных ночных рубашек Блисс.

— Я не хотела мешать тебе, но послушай. Начинай, Фаллом.

Своим высоким музыкальным голосом Фаллом произнес:

— Приветствую тебя, опекун Тревайз. Мне очень приятно, что я се... су... сопровождаю тебя в этом корабле. Я счастлив также, видя доброе отношение ко мне моих друзей, Блисс и Пела.

Фаллом закончил и очаровательно улыбнулся. Тревайз подумал: «Кто для меня этот ребенок? Мальчик или девочка? Или оба вместе? А может, ни то, ни другое».

— Очень хорошо вызубрено, — кивнул он. — Почти верно произнесено.

— Вовсе не вызубрено, — возразила Блисс. — Фаллом соста-

вил предложения сам и спросил, можно ли сказать тебе. Я не знала даже, что скажет ребенок, пока сама не услышала.

— В таком случае, очень хорошо, — выдавил улыбку Тревайз.

Он заметил, что Блисс хоть и говорит о Фалломе, как Пелорат, в мужском роде, но местоимением «он» не пользуется.

— Я говорила, что Тревайзу понравится, — обернулась к Фаллому Блисс. — Теперь иди к Пелу и можешь еще почитать, если хочешь.

Фаллом кивнул и выбежал, а Блисс сказала Тревайзу:

— Просто удивительно, как быстро Фаллом освоился с галактическим. У соляриан, должно быть, особые способности к языкам. Вспомни, как хорошо говорил Бандер, а ведь он только прослушивал гиперпространственные передачи. Солярианское сознание наверняка способно не только к преобразованию энергии.

Тревайз что-то буркнул себе под нос.

— Не говори мне, что тебе все еще неприятен Фаллом, — настаивала Блисс.

— Не то чтобы он был мне неприятен, но и особой любви к нему я не испытываю. Это существо просто доставляет мне неудобство. Кроме того, это просто противно — иметь дело с гермафродитом.

— Тревайз, это попросту смешно. Фаллом — вполне нормальное живое существо. Подумай, какими отвратительными должны казаться гермафродитам мы — просто мужчины и женщины. Каждый — лишь половина целого, а для воспроизводства должно происходить временное и неуклюжее слияние воедино.

— Ты против этого, Блисс?

— Не прикидывайся, что не понимаешь, Тревайз. Я пытаюсь представить, как мы выглядим с точки зрения гермафродитов. Им это, должно быть, кажется исключительно отталкивающим; нам — вполне естественным. Так, Фаллом кажется отталкивающим тебе, но это всего лишь недальновидный, обывательский взгляд.

— Честно говоря, — сказал Тревайз, — надоедает не использовать в общении с этим существом местоимения. Это мешает думать, и в разговоре запинаешься на местоимениях.

— Но это просто недостаток нашего языка, а не Фаллома. Ни один человеческий язык не развивался с учетом гермафродизма. И я рада, что ты затронул эту тему, потому что я сама уже думала об этом. Говорить «оно» не выход. Это местоимение для

предметов, у которых пол не может быть установлен, а местоимения для тех, кто сексуально активен в обоих смыслах, в нашем языке отсутствуют. Почему бы тогда не выбрать одно из местоимений произвольно? Я думаю о Фалломе, как о девочке. Высокий голос, способность давать потомство, что является жизненным определением женственности. Пелорат согласен, почему бы тебе не сделать то же самое? Пусть будет «она».

— Хорошо, — пожал плечами Тревайз. — Это будет звучать странно, учитывая, что у нее есть яички, но пускай, мне-то что.

— У тебя противная привычка все обращать в шутку, — вздохнула Блисс, — но я знаю, как ты нервничаешь, и прощаю тебя. Только, говоря о Фалломе, подразумевай, что это — девочка.

— Ладно, — Тревайз замялся, но был не в силах сдержаться: — Чем дальше, тем больше Фаллом начинает казаться мне твоим приемным ребенком всякий раз, как я вижу вас вместе. Не потому ли это, что ты хочешь детей? А не лучше ли подумать о том, что Джен может дать тебе хотя бы одного?

Глаза Блисс широко распахнулись.

— При чем тут дети! Неужели ты думаешь, что я использую его как удобный инструмент для обзаведения ребенком? В любом случае, мне не время пока заводить детей. Но когда такое время настанет, это будет геянский ребенок, а Пел для этого не подходит.

— То есть Джен будет отвергнут?

— Вовсе нет. Ну разве что на время. Это может быть даже проведено путем искусственного осеменения.

— Я полагаю, ты только тогда сможешь иметь ребенка, когда Гея решит, что это необходимо — когда возникнет вакансия из-за смерти одной из уже существующих частей Геи.

— Безумное объяснение, но достаточно правдивое. Гея должна быть пропорциональной во всех своих частях и взаимосвязях.

— Ну прямо как Солярия.

Губы Блисс сжались, а лицо слегка побледнело.

— Совсем не так. Солярианe производят детей больше, чем им необходимо, и уничтожают лишних. Мы же рожаем ровно столько, сколько нужно, и у нас нет необходимости никого лишать жизни — скажем, как у тебя замещается отмирающий верхний слой кожи на новый, и ни одной клеткой больше.

— Я понял. Надеюсь, правда, что тебе небезразличны чувства Джена.

— В связи с моим возможным ребенком? Об этом у нас никогда не заходил разговор да и не зайдет.

— Нет, не об этом. Меня удивляет то, что ты все больше и больше увлекаешься Фалломом. Джен может почувствовать себя покинутым.

— Я вовсе не пренебрегаю им, и сам он тоже интересуется Фалломом. Она — еще одна точка взаимного увлечения, и это сближает нас еще сильнее. Может быть, это ты чувствуешь себя покинутым?

— Я? — удивился Тревайз.

— Да, ты. Я не больше понимаю изолятов, чем ты — Гею, но у меня такое чувство, что тебе доставляет удовольствие быть в центре внимания на этом корабле, и тебе может казаться, будто Фаллом заняла твое место.

— Глупости.

— Не больше чем твое предположение, что я пренебрегаю Пелом.

— Тогда заключим перемирие, и хватит об этом. Я попытаюсь считать Фаллома девочкой и не буду чересчур беспокоиться о том, что ты равнодушна к чувствам Джена.

— Спасибо, — улыбнулась Блисс. — Тогда все отлично.

Тревайз повернулся было к экрану, но Блисс окликнула его:

— Подожди!

— Да! — немного устало сказал он, обернувшись.

— Я прекрасно вижу, что ты грустен и угнетен. Я не имею права вторгаться в твой разум, но ты мог бы поведать мне, что случилось. Вчера ты сказал, что в этой системе есть подходящая планета, и казалось, это тебя обрадовало. Надеюсь, планета никуда не исчезла! Ты не ошибся, правда?

— В системе обнаружена подходящая планета, и она никуда не делась.

— Она нужного размера?

Тревайз кивнул.

— Раз подходящая, естественно, она нужного размера. И кроме того, находится на приемлемом расстоянии от звезды.

— Ну а что же тогда не в порядке?

— Сейчас мы подошли достаточно близко к планете, чтобы проанализировать ее атмосферу. Оказалось, что говорить о ней нечего.

— Нет атмосферы?

— Не о чем говорить. Эта планета не пригодна для жизни, а другой, обращающейся вокруг этого солнца и имеющей хотя бы малейший шанс быть обитаемой, нет. В нашей третьей попытке результат нулевой.

62

Пелорат, печально стоя у двери рубки, боялся заговорить с хмуро молчавшим Тревайзом, надеясь, что тот сам начнет разговор.

Тревайз как в рот воды набрал. Если молчание можно назвать упрямым, он молчал именно так.

Наконец Пелорат не выдержал и довольно робко спросил:

— Чем мы занимаемся?

Тревайз посмотрел на Пелората, еще немного помолчал, отвернулся и ответил:

— Начинаем отсчет времени перед посадкой на планету.

— Но раз здесь нет атмосферы...

— Это компьютер говорит, что здесь нет атмосферы. До сих пор он обычно сообщал мне то, что я хотел услышать, и я принимал его ответы. Теперь он сообщил мне то, чего я слышать не желаю, и я должен проверить это. Если компьютеру когда-нибудь суждено ошибаться, я хочу, чтобы это произошло именно сейчас.

— Ты думаешь, он действительно ошибся?

— Нет, не думаю.

— Ты можешь представить себе какую-нибудь причину, по которой он мог бы ошибаться?

— Нет, не могу.

— Тогда в чем же дело, Голан?

Тревайз повернулся в кресле и оказался лицом к лицу с Пелоратом. Лицо его было полно отчаяния.

— Неужели ты не видишь, Джен, что я просто больше ничего не могу придумать? Что касается Земли, мы вытащили пустые билетики на первых двух планетах, а теперь и эта оказалась пустышкой. Что я должен делать? Порхать от планеты к планете, приставать ко всем и спрашивать: «Простите, где тут Земля?» Земля слишком хорошо замела все свои следы, не оставив нигде ни намека о себе. А это, видимо, означает, что мы вряд ли заметили бы такой намек, даже если бы он существовал.

— Я и сам думал об этом, — кивнул Пелорат. — Может, поговорим? Я знаю, ты в отчаянии, дружочек, и не хочешь разговаривать... в общем, если хочешь, чтобы я оставил тебя в покое, я могу уйти.

— Да говори, говори... — почти простонал Тревайз. — На что я еще способен, кроме как слушать? Давай, поехали.

— Я так понял, что ты все-таки не очень настроен слушать, ну да ладно. Попробую. Пожалуйста, останови меня в любой момент, если тебе надоест моя речь... Мне кажется, Голан, что Земле нет нужды предпринимать только пассивные и негативные меры, скрывая себя. Ей нужно было не просто уничтожить сведения о себе. Не могла ли она взять и подбросить фальшивую информацию и активно распространять ее, тем самым скрывая правду?

— Как ты себе это представляешь?

— Ну... мы много раз слышали о радиоактивности Земли, и такой слух мог быть распущен, чтобы заставить любого отказаться от всяких попыток отыскать ее. Если Земля действительно радиоактивна, значит, она совершенно неприступна. Если это так, то мы не смогли бы шагнуть на ее поверхность. Даже исследовательские роботы, если бы они у нас были, не вынесли бы радиации. Вот и получается — зачем ее искать? А если она не радиоактивна, натолкнуться на нее можно только случайно, и тогда у нее должна быть другая причина прятаться.

— Как ни странно, Джен, — вымучил улыбку Тревайз, — эта мысль и мне приходила в голову. Мне даже представлялось, что сведения о невероятно огромном спутнике могли быть нарочно внедрены во всемирные легенды. Что касается газового гиганта с чудовищной системой колец, это точно так же маловероятно и точно так же может оказаться выдуманным для отвода глаз. И все это, возможно, предназначено именно для того, чтобы заставить нас искать нечто несуществующее, так что мы спокойно пройдем мимо нужной планетной системы, поглядим на Землю, но не обратим на нее никакого внимания, так как на самом деле у нее нет ни большого спутника, ни кузена с тремя кольцами, ни радиоактивной поверхности. Следовательно, мы не узнаем ее и даже не подумаем, что смотрим на нее. И даже хуже.

— Разве может быть хуже? — ошарашенно спросил Пелорат.

— Запросто. Хуже — это когда сходишь с ума по ночам и начинаешь рыскать по безграничным просторам фантазии, пытаясь найти хоть что-нибудь, от чего становится еще страшнее.

Что, если Земля обладает исключительной способностью маскироваться? Что, если мы загипнотизированы? Что, если мы могли пройти мимо Земли, у которой есть гигантский спутник с громадными кольцами, и не увидеть ничего из этого? Что, если это уже произошло?

— Но если ты веришь в это, почему же мы тогда...

— Я не сказал, что верю в это. Я говорю о сумасшедших фантазиях. Мы продолжаем поиски.

— Сколько же можно искать, Тревайз? — помедлив, спросил Пелорат. — Когда-нибудь нам наверняка придется бросить все это.

— Никогда! — рассвирепел Тревайз. — Если мне суждено провести остаток жизни, скитаясь от планеты к планете, оглядываясь и спрашивая: «Простите, сэр, не подскажете, где тут Земля?» — так тому и быть. В любое время я могу доставить тебя, Блисс и даже Фаллом, если ты пожелаешь, обратно на Гею, а затем продолжать поиск самостоятельно.

— О нет! Ты знаешь, я не брошу тебя, Голан, и Блисс не бросит тоже. Мы будем скитаться от планеты к планете вместе с тобой, если так надо. Но зачем?

— Затем, что я должен найти Землю и найду ее. Не знаю как, но найду... А теперь смотри. Я пытаюсь достичь точки, откуда смогу изучить освещенную сторону планеты, но так, чтобы солнце не находилось слишком близко... Погоди немного.

Пелорат замолчал, но не ушел, а стал смотреть на экран. Тревайз изучал изображение наполовину освещенной планеты. Пелорат не видел ничего особенного, но знал, что Тревайз, связанный с компьютером, рассматривает ее более зорко.

— Дымка... — прошептал Тревайз.

— Значит, здесь все-таки есть атмосфера?

— Но не слишком плотная. Недостаточная для поддержания жизни, однако способная создавать слабый ветер, который может поднять пыль. Это общеизвестный признак планет с разреженной атмосферой. Здесь даже могут быть маленькие полярные ледяные шапки. Ну знаешь, немного заледеневших водяных паров, сконденсировавшихся на полюсах. Планета слишком теплая для образования твердой углекислоты... Так. Я должен переключиться на радиолокационное картографирование. Тогда мне будет гораздо легче работать на ночной стороне.

— Правда?

— Да. Я должен был сделать это с самого начала, но планета

практически безвоздушна и, следовательно, безоблачна, мне представилось естественным попытаться рассмотреть все в видимом свете.

Тревайз надолго замолчал, а на экране возникло столь причудливое переплетение радарных импульсов, что абстрактная картина планеты казалась нарисованной мастером Клеонского периода. Затем он выразительно протянул:

— Та-ак... — и вновь замолчал.

— Что — «так»? — не вытерпел Пелорат.

Тревайз мельком взглянул на него.

— Я не вижу кратеров.

— Нет кратеров? Это хорошо?

— Совершенно неожиданно, — сказал Тревайз и широко улыбнулся. — Очень хорошо. То есть просто великолепно.

63

Фаллом стояла, прижавшись носом к иллюминатору, через который маленький участок Вселенной был виден точно в той же форме, в какой его видно было бы невооруженным глазом — без компьютерного увеличения и настройки.

Блисс, пытавшаяся объяснить Фаллом, что та видит, вздохнула и тихо шепнула Пелорату:

— Не знаю, что из всего этого ей понятно, Пел, дорогой. Для нее особняк ее родителя и та часть поместья, на которой он расположен, были всей Вселенной. Я не думаю, что она когда-либо выходила на поверхность ночью и видела звезды.

— Ты действительно так думаешь?

— Да. Я не отваживалась показать ей все это, пока она не накопила достаточный словарный запас, чтобы хоть немного понимать меня — и какое счастье, что ты можешь говорить с ней на ее собственном языке.

— Вся беда в том, что я не особенно силен в нем, — виновато возразил Пелорат. — А Вселенную действительно очень трудно воспринять, если она наваливается на тебя так неожиданно. Она сказала мне, что если эти маленькие огоньки — гигантские миры, каждый из которых подобен Солярии, на самом деле они даже намного больше ее, то они не могут висеть в пустоте. «Они должны упасть», — сказала Фаллом.

— И она права, исходя из того, что ей известно. Она задает

разумные вопросы и мало-помалу начинает понимать что к чему. По крайней мере, она заинтересована, а не испугана.

— Понимаешь, Блисс, я тоже заинтригован. Посмотри, как Голан изменился, как только обнаружил, что на планете, к которой мы направляемся, нет кратеров. У меня нет ни малейшего понятия, какое это имеет значение. А у тебя?

— Абсолютно никакого. Он все-таки разбирается в планетологии гораздо лучше нас. Мы можем только предполагать, что он знает, что делает.

— Мне бы тоже хотелось знать, что он делает.

— Ну так спроси его.

— Я все время боюсь рассердить его, — смущенно сморщился Пелорат. — Я уверен: он думает, что я должен знать всякие такие вещи и без его объяснений.

— Это глупо, Пел. Он же не стесняется спрашивать тебя обо всех нюансах легенд и мифов Галактики, которые, по его мнению, могут быть полезными для дела. Ты всегда готов ответить и объяснить ему все это, так почему же он должен вести себя иначе? Пойди и спроси его. Если рассердится, получит повод попрактиковаться в коммуникабельности, и это пойдет ему на пользу.

— А ты пойдешь со мной?

— Нет, конечно. Нет. Я хочу остаться с Фаллом и продолжить попытки объяснить ей понятия Вселенной. Поговори с Голаном сам, а потом мне расскажешь.

64

Пелорат неуверенно вошел в рубку и страшно обрадовался: Тревайз весело насвистывал и явно пребывал в хорошем настроении.

— Голан, — окликнул его Пелорат так беззаботно, как сумел.

Тревайз оглянулся.

— Джен! Вечно ты входишь на цыпочках, словно думаешь, что мешать мне — преступление. Закрой дверь и садись. Садись! Полюбуйся-ка! — Он ткнул пальцем в планету на экране и пояснил: — Я обнаружил не больше двух или трех кратеров, и все маленькие.

— Это что-то меняет, Голан? В самом деле?

— Меняет? Конечно. Как ты можешь спрашивать?

— Для меня все это — тайна, покрытая мраком, — беспомощно развел руками Пелорат. — Я в колледже изучал преимущественно историю. В дополнение к ней я проштудировал социологию и психологию, а также языки и литературу, в основном древнюю, и специализировался в университете по мифологии. Я никогда близко не касался планетологии или любой другой естественной науки.

— Это не преступление, Джен. Я предпочитаю, чтобы ты знал то, что знаешь. Твои способности к древним языкам и знание мифологии приносят нам огромную пользу. Ты это сам отлично понимаешь. А когда дело доходит до планетологии — тут уж мне карты в руки... Понимаешь, Джен, — продолжал он, — планеты образуются путем постепенного слипания мелких объектов. Последние из них уже наталкиваются на основную массу и оставляют после себя отметины в виде кратеров. Потенциально то есть. Если планета достаточно велика для того, чтобы стать газовым гигантом, она состоит в основном из жидкости под газовой атмосферой, и последние коллизии представляют собой всего лишь всплески и не оставляют никаких следов. Меньшие планеты — твердые, покрытые камнем или льдом, должны иметь кратеры, и они существуют неопределенно долгое время, пока появятся факторы, способствующие их уничтожению. Уничтожение бывает трех типов. Во-первых, планета может быть покрыта коркой, под которой плещется океан. В этом случае любой столкнувшийся с поверхностью объект пробивает лед и расплескивает воду. Затем лед вновь намерзает и залечивает, так сказать, рану. Такая планета или спутник должны быть холодными и не являются тем, что мы понимаем под «пригодными для жизни»... Во-вторых, если планета вулканически очень активна, то постоянные лавовые потоки или выбросы пепла постепенно заполняют или хоронят под собой любые кратеры. Однако такая планета или спутник тоже вряд ли могут быть населены... Третий случай — обитаемая планета. Такая планета может иметь полярные ледяные шапки, но бóльшая часть ее океана должна быть свободна ото льдов. Она может иметь вулканы, но их не должно быть много. Такие планеты не способны ни залечить кратеры, ни заполнить их. Однако существует эрозия. Ветер и текучая вода могут источить кратеры, а если на планете есть еще и жизнь, то деятельность живых существ тоже сильно влияет на эрозию местности. Понимаешь?

Пелорат поразмыслил над этим, а затем сказал:

— Но, Голан, я совсем тебя не понимаю. Планета, к которой мы приближаемся...

— Мы садимся на нее завтра, — бодро заявил Тревайз.

— Эта планета, к которой мы приближаемся... на ней нет океана?

— Только довольно тонкие полярные шапки.

— И плотной атмосферы?

— Только одна сотая плотности атмосферы Терминуса.

— И жизни?

— Я, по крайней мере, не обнаружил.

— Тогда что же могло разрушить эти кратеры?

— Океан, атмосфера, жизнь, — ответил Тревайз. — Пойми, если эта планета с самого начала была безвоздушна и безводна, любые прежние кратеры все еще существовали бы, и ее поверхность была бы ими покрыта. Отсутствие кратеров доказывает, что она не могла быть безвоздушной и безводной с момента возникновения и в недавнем прошлом могла даже иметь плотную атмосферу и океан. С другой стороны, здесь есть огромные впадины, видимые с орбиты, которые, должно быть, заключали в себе озера и океаны; не говоря уже о том, что отчетливо видны русла высохших рек. Следовательно, эрозия здесь была и видоизменилась не так уж давно, так как новые кратеры еще не успели образоваться.

— Я, конечно, не планетолог, — недоверчиво проговорил Пелорат, — но мне кажется, что, если планета достаточно велика, чтобы удерживать плотную атмосферу миллиарды лет, она же не может так внезапно потерять ее, верно?

— Вряд ли. И я так думаю. Но эта планета, несомненно, была обитаема до того, как атмосфера исчезла. Очень может быть, что здесь жили люди. Думаю, планета перенесла терраформирование, как почти все заселенные людьми планеты Галактики. Вся загвоздка в том, что мы не знаем, какой она была до прихода человека, что было сделано для того, чтобы превратить ее в удобный для жизни людей мир, не знаем и того, по какой причине жизнь здесь прекратилась. Могла произойти катастрофа, высосавшая атмосферу и положившая конец человеческой жизни. Или же на планете мог существовать какой-то странный разбаланс, который люди контролировали, пока жили здесь, и который дал порочный цикл исчезновения атмосферы, как только люди исчезли. Может быть, мы найдем ответ, когда приземлимся, а может быть, и нет. Это не имеет значения.

— Но тогда не имеет значения и то, была ли здесь вообще жизнь, раз ее нет сейчас. Какая разница, была ли планета всегда необитаема или она необитаема только теперь?

— Если она необитаема только теперь, тогда здесь могут сохраниться руины.

— На Авроре тоже были руины.

— Точно, но на Авроре двадцать тысяч лет шел дождь и снег, все таяло и замерзало, дул ветер и менялась температура. И там была жизнь — не забывай про жизнь. Там уже не было людей, но жизнь продолжалась. Руины эрозировали точно так же, как кратеры. И спустя двадцать тысяч лет для нас осталось мало чего полезного. Здесь, на этой планете, двадцать тысяч лет, а возможно, и меньше, прошло без ветров, без бурь, без жизни. Максимум — менялась температура, вот и все. Руины должны хорошо сохраняться.

— Если только они здесь есть, — с сомнением проворчал Пелорат. — Может, здесь никогда не было жизни или никакой разумной жизни, и само отсутствие атмосферы было той самой причиной, по которой люди никогда не жили здесь.

— Нет, нет. Не корчи из себя пессимиста. Не выйдет. Уже отсюда вижу остатки того — я уверен, — что было некогда городом. Так что завтра мы садимся.

65

— Фаллом убеждена, что мы вернем ее обратно к Джемби, ее роботу, — озабоченно сказала Блисс.

— Хм-м... — промычал Тревайз, не отрывая глаз от планеты, проплывающей под парящим над ней кораблем. Он долго молчал, а потом взглянул на Блисс так, словно только что услышал ее слова. — Ну, это же был единственный... опекун, которого она знала, не так ли?

— Да, конечно, но она думает, что мы вернулись на Солярию.

— Разве эта планета похожа на Солярию?

— Откуда ей знать?

— Скажи ей, что это не Солярия. Постой, я дам тебе пару подходящих библиофильмов с графическими иллюстрациями. Покажи ей виды нескольких обитаемых планет. И объясни, что

их миллионы. У тебя есть для этого время. Я понятия не имею, как долго мы с Дженом пробродим после посадки.

— Вы с Дженом?

— Да. Фаллом не может пойти с нами, даже если бы я очень хотел этого, хотя я еще не сошел с ума. Для посещения этой планеты необходимы скафандры, Блисс. Здесь нет пригодного для дыхания воздуха. А у нас нет подходящего скафандра для Фаллом. Так что она останется на корабле с тобой. — Тревайз невесело улыбнулся. — Признаться, с тобой мне было бы спокойнее, но мы не можем оставить Фаллом одну на корабле. Она может что-нибудь испортить, пусть даже ненарочно. А Джен обязательно должен пойти со мной, потому что он хорошо разбирается в древних надписях. Вдруг они здесь окажутся. Значит, остаться с Фаллом придется тебе. Думаю, ты и сама не против. — Блисс выглядела так, словно Тревайз ее не убедил. — Послушай, это ты хотела, чтобы Фаллом улетела с нами, а не я. Я предупреждал, что от нее будут одни неудобства. Итак, ее присутствие вызывает трения, и ты должна смириться с этим. Она останется на корабле, так что и тебе придется остаться. Вот такие дела.

— Понятно, — вздохнула Блисс.

— Ну и славненько. А где Джен?

— Он с Фаллом.

— Очень хорошо. Смени его. Я хочу с ним поговорить.

Тревайз все еще изучал поверхность планеты, когда появился Пелорат и кашлянул, сообщая о своем приходе.

— Что-нибудь не так, Голан? — спросил он.

— Не то чтобы не так, Джен. Просто я сомневаюсь. Это — странная планета. Ума не приложу, что с ней стряслось. Моря тут наверняка были обширными, судя по оставшимся от них впадинам, но мелкими. Насколько я могу судить, это была планета с системой опресненных водоемов и каналов, или, возможно, моря были не особенно соленые. Этим можно объяснить отсутствие во впадинах солевых отложений. Или... вот что. Когда океаны исчезли, соль исчезла вместе с ними — тогда это выглядит делом рук человека.

— Прости мое невежество в подобных вещах, Голан, — нерешительно начал Пелорат, — но какое отношение это имеет к тому, что мы ищем?

— Я полагаю, никакого, но я не могу сдержать любопытства. Если бы я только знал, каким образом терраформировали эту планету и какой она была до того, тогда я, возможно, смог бы

понять, что случилось с ней, после того как она опустела — или перед этим. А если мы сумеем узнать, что с ней случилось, мы сможем подготовиться к неприятным сюрпризам.

— *Каким сюрпризам? Это же мертвая планета, верно?*

— Достаточно мертвая. Очень мало воды; разреженная, не годная для дыхания атмосфера; а Блисс не обнаружила следов ментальной активности.

— Чего же еще?

— Отсутствие ментальной активности не гарантирует отсутствия жизни.

— Но означает отсутствие опасной жизни.

— Не знаю. Но об этом я хотел поговорить с тобой. Здесь есть два города, которые мы можем посетить. Они, похоже, довольно крупные, как, впрочем, и все города. То, что уничтожило воздух и океан, вероятно, не затронуло городов. В любом случае, эти два особенно велики. Больший, однако, кажется каким-то приземистым из-за своего расположения на голой равнине. За его чертой находится космодром, но в самом городе ничего подобного нет. В том, что поменьше, тоже есть космодром, маленький и пустой, но, впрочем, кому теперь о нем заботиться?

— Ты хочешь, чтобы я принял решение, Голан? — испуганно сдвинул брови Пелорат.

— Нет, решение я сам приму. Просто я хочу знать, что ты об этом думаешь.

— Судя по виду, большой город, должно быть, торговый или промышленный центр. Меньший, вероятно, административный *центр. Нам ведь он и нужен? Там есть монументальные здания?*

— То есть?

— Вряд ли я сумею объяснить, — улыбнулся Пелорат. — Архитектура их меняется со временем и варьирует на разных планетах. Впрочем, я полагаю, что они обычно громоздкие, бесполезные и дорогие. Вроде того, где нас принимали на Компореллоне.

Тревайз не смог сдержать улыбки.

— Глядя сверху, сказать трудно. И на взлете и при посадке их вовсе не разглядишь. А почему ты предпочитаешь административный центр?

— Именно там мы скорее обнаружим центральный музей, библиотеку, архивы, университет и так далее.

— Хорошо. Значит, именно туда мы и направимся: в меньший город. Глядишь, и найдем что-нибудь. У нас уже было два промаха, но, может, нам повезет на этот раз.

— Бог троицу любит.

— Откуда ты выкопал эту мысль? — поднял брови Тревайз.

— Это древняя поговорка. Я нашел ее в древних легендах. Как я думаю, это означает, что успех приходит с третьей попытки.

— Звучит правдоподобно. Прекрасно — тогда «Бог троицу любит», Джен.

Глава 15

МОХ

66

Тревайз выглядел довольно нелепо в своем скафандре. Снаружи остались только кобуры, да и то не те, что он обычно пристегивал к ремню, а более увесистые, составляющие часть его костюма. В правую руку он с осторожностью поместил бластер, а в левую — нейрохлыст. Оружие снова было заряжено, и на этот раз, с ухмылкой подумал Голан, никто у него ничего не отнимет.

Блисс улыбнулась:

— Неужели ты потащишь оружие даже на планету, где нет воздуха и... Ладно, не обращай внимания! Я не собираюсь с тобой спорить.

— Ну и хорошо, — сказал Тревайз и повернулся к Пелорату, чтобы помочь ему подогнать гермошлем, прежде чем надеть свой.

Пелорат, никогда прежде не надевавший скафандра, с опаской поинтересовался:

— А что, я действительно смогу дышать в этой штуковине, Голан?

— Обещаю, сможешь.

Блисс, обняв за плечи Фаллом, наблюдала за тем, как мужчины делали последние приготовления. Юная солярианка явно встревоженно смотрела на две фигуры в скафандрах. Она дрожала, руки Блисс обнимали ее нежно и успокаивающе.

Дверь люка открылась, и Тревайз с Пелоратом вошли внутрь. Их неуклюже раздувшиеся руки помахали на прощание. Люк закрылся. Крышка внешнего люка отъехала в сторону, и Тревайз, а

за ним Пелорат неловко ступили на поверхность мертвого мира планеты.

Светало. Небо, естественно, было безоблачным, фиолетового оттенка, но солнце еще не взошло. Вдоль светлеющего горизонта, откуда оно должно было появиться, стелилась легкая дымка.

— Холодно, — сказал Пелорат.

— Ты чувствуешь холод? — удивился Тревайз.

Скафандры отличались хорошей изоляцией, и проблема состояла в основном в удалении время от времени излишнего тепла, выделяющегося телом.

— Да нет, но посмотри...

Голос Пелората ясно звучал в наушниках Тревайза. Тот посмотрел туда, куда Джен указывал пальцем: в розовом свете зари сверкал иней. Им был покрыт шероховатый камень фронтона здания, к которому они приближались.

— Из-за разреженной атмосферы здесь ночью должно быть гораздо холоднее, чем ты можешь представить, — пояснил Тревайз, — а днем гораздо жарче. Сейчас — самая холодная часть суток, и пройдет еще несколько часов, прежде чем станет слишком жарко, чтобы мы могли оставаться на солнце.

И, словно Тревайз произнес магическое заклинание, шар солнца в тот же миг появился над горизонтом.

— Не смотри на него, — посоветовал Тревайз Пелорату, — хотя в твоем шлеме — отражающее и не пропускающее ультрафиолет стекло, все же это может оказаться опасным.

Он повернулся к восходящему солнцу спиной, и его длинная тень упала на стену. Под лучами светила иней исчезал прямо на глазах. Уже через несколько мгновений стена потемнела из-за остатков влаги, но затем и влага исчезла.

— Вблизи здания выглядят не так хорошо, как с орбиты. Они растрескались и осыпаются. Это результат колебаний температуры, я думаю, а также того, что остатки воды замерзают каждую ночь и тают днем вот уже двадцать тысяч лет.

— Тут на стене вырезаны какие-то буквы. Над входом, видишь? — отозвался Пелорат. — Но камень так растрескался, что их трудно разобрать.

— Попробуй, Джен.

— Какое-то финансовое учреждение. По крайней мере, я вижу слово, похожее на «Банк».

— Что это такое?

— Дом, в котором хранили, выдавали, вкладывали, давали

взаймы и пускали в оборот деньги, если это действительно то, о чем я думаю.

— Целое здание для такой ерунды? Без компьютеров?

— Может быть, тут были компьютеры, но они не производили все операции.

Тревайз пожал плечами. Такие факты древней истории его не вдохновляли.

Они пошли дальше, все быстрее и быстрее, делая краткие остановки у каждого дома. Тишина, мертвая тишина просто угнетала. Медленное, растянувшееся на тысячелетия разрушение, в которое они вторглись, делало это место похожим на скелет. Ничего не осталось от города, кроме останков.

Друзья находились в умеренной температурной зоне, но Тревайзу все время казалось, что спиной он чувствует жар солнца.

Пелорат, шедший метров на сто правее, вдруг громко крикнул:

— Посмотри сюда!

У Тревайза зазвенело в ушах.

— Не ори, Джен. Я так же ясно услышу и твой шепот, несмотря на то что ты далеко от меня. Что это?

— Это здание — «Зал Планет», — приглушил голос Пелорат. — По крайней мере, я думаю, так читается эта надпись.

Тревайз подошел к другу. Перед ними возвышалось трехэтажное сооружение. Край крыши был завален крупными обломками камня. Вероятно, какие-то скульптуры, стоявшие наверху, разбились на куски.

— Ты уверен?

— Если мы войдем внутрь, то сможем убедиться.

В пять широких шагов друзья пересекли пустую площадь. В разреженной атмосфере их металлические подошвы производили скорее колебания на уровне шепота, чем полновесные звуки.

— Теперь мне ясно, что ты имел в виду под «громоздкими, бесполезными и дорогостоящими» зданиями, — пробормотал Тревайз.

Они вошли в обширный и высокий зал, освещенный солнцем сквозь узкие окна. Внутренняя обстановка четко была видна там, куда падали солнечные лучи, а ее остальная часть скрывалась в тени. Разреженная атмосфера слабо рассеивала свет.

В центре стояла фигура человека, много больше натуральных размеров, выполненная из чего-то вроде синтетического камня.

Одна рука статуи отвалилась, другая треснула у плеча, и Тревайз почувствовал, что, если он резко топнет, эта рука тоже отломится. Он сделал шаг назад, борясь с искушением проявить столь неподобающее варварство.

— Интересно, кто это такой, — сказал Тревайз. — Нигде никаких надписей. Я думаю, те, кто установил статую, считали его имя настолько нарицательным, что оно не нуждается в напоминании. Но сейчас... — Он сдержал себя, опасаясь углубиться в пространные разглагольствования, и переключил свое внимание на другие подробности интерьера.

Пелорат смотрел вверх, и Тревайз направил взгляд туда же. Там, на стене, было что-то высечено — какие-то знаки, которые Тревайз не мог прочитать.

— Поразительно, — пробормотал Пелорат. — Им двадцать тысяч лет... или больше... а здесь, отчасти защищенные от солнца и влаги, они еще вполне разборчивы.

— Не для меня, во всяком случае.

— Это написано древним шрифтом, и даже для него излишне витиевато. Позволь, я посмотрю... сейчас... семь-один-два... — голос Пелората перешел в бормотание, но вскоре он опять громко произнес: — Здесь пятьдесят названий, очевидно, принадлежащих пятидесяти космонитским планетам, и это — «Зал Планет». Я полагаю, названия перечислены в порядке очередности заселения. Аврора — первая, а Солярия — последняя. Если ты обратил внимание, здесь семь колонок с семью названиями в первых шести и восемью — в седьмой. Словно бы планировали таблицу семь на семь, а затем добавили Солярию как свершившийся факт. Я полагаю, старина, что этот список относится к тому времени, когда Солярия еще не была терраформирована и заселена.

— И какая из них — планета, на которой мы находимся? Ты понял это?

— Посмотри на пятое название в третьей колонке, то есть — девятнадцатое, высеченное буквами намного более крупными, чем другие. Писавшие это, кажется, были достаточно себялюбивы, чтобы выделить свою планету. С другой стороны...

— Как читается это название?

— Насколько я могу воспроизвести его звучание, это — Мельпомена. Мне это название совершенно незнакомо.

— Может ли оно соответствовать слову «Земля»?

Пелорат усиленно замотал головой. Это, конечно, не было видно, но Тревайз услышал его слова:

— В древних легендах для обозначения Земли существуют десятки слов. Гея — одно из них, как ты знаешь. Также используются Терра, Эрда и так далее. Они все довольно короткие. Мне не известно ни одного длинного названия Земли или какого-либо слова, напоминающего укороченную версию «Мельпомены».

— Значит, мы находимся на Мельпомене, и это не Земля.

— Да. С другой стороны, можно еще с большей уверенностью говорить, что это Мельпомена, опираясь не на увеличенные буквы, а на координаты — 0; 0; 0. Таковы и должны быть координаты, соответствующие какой-либо собственной планете.

— Координаты? — Тревайз чувствовал себя полным идиотом. — Этот перечень и координаты дает?

— В перечне — три числа для каждой планеты, и я готов предположить, что это — координаты. Чем же еще они могут быть?

Тревайз не ответил. Он открыл небольшую книжку в той части скафандра, что защищала его правое бедро, и вытащил компактный прибор, соединенный кабелем со скафандром. Он приложил его к глазам и старательно навел на настенную надпись; негнущиеся пальцы в перчатках затрудняли дело, а ведь в принципе работа была минутная.

— Камера? — неизвестно зачем уточнил Пелорат.

— Она может передавать изображение прямо в корабельный компьютер.

Тревайз сделал несколько снимков в разных ракурсах, после чего обратился к Пелорату:

— Погоди, я должен забраться повыше. Помоги мне, Джен!

Пелорат сцепил кисти рук, изобразив из себя лестницу, но Тревайз покачал головой:

— Ты не выдержишь моего веса. Встань лучше на четвереньки.

Пелорат с трудом опустился на пол, и Тревайз, вновь затолкав камеру на место, с не меньшим трудом встал на плечи Пелората и перебрался на пьедестал статуи. Он осторожно постучал по камню скульптуры, проверяя его прочность, закинул ногу на колено каменной фигуры, используя его как опору для того, чтобы подняться выше, и ухватился за безрукое плечо. Уцепившись ногами за какие-то незаметные выступы на груди, он подтянулся и наконец после нескольких попыток уселся на плече статуи.

Тем давно умершим людям, кто почитал эту статую и того, кого она олицетворяла, сделанное Тревайзом, наверное, могло показаться богохульством. Тревайзу было не по себе от этой мысли, и он старался сидеть аккуратнее.

— Ты свалишься и разобьешься! — взволнованно крикнул Пелорат.

— Я не собираюсь падать и разбиваться, а вот *ты* можешь оглушить меня.

Тревайз вынул камеру и снова навел на резкость. Сделав несколько снимков, он закрыл ее и осторожно спустился на пьедестал. Затем спрыгнул на пол, и вибрация от его приземления стала, очевидно, той последней каплей, которой не выдержала треснувшая рука. Она отвалилась и, упав, превратилась в кучу щебня у подножия статуи. Причем все это произошло совершенно беззвучно.

Тревайз замер. Его первым импульсом было найти место, где можно спрятаться, пока не прибежал сторож и не схватил его. Поразительно, думал он впоследствии, как быстро оживают дни детства в ситуациях вроде этой: когда случайно разобьешь что-нибудь весьма ценное. Длится это только мгновение, но задевает до печенки.

— Ну... ну, все в порядке, Голан. — Голос Пелората звучал глухо и смущенно — так и следовало говорить человеку, ставшему свидетелем и даже подстрекателем варварского деяния, но пытавшемуся найти слова утешения. — Так или иначе, она бы сама вот-вот отломилась.

Он подошел к осколкам у пьедестала, словно хотел доказать это, дотянулся до одного из самых крупных, поднял его и позвал друга:

— Голан, иди-ка сюда.

Тревайз подошел, и Пелорат, указывая на кусок камня, который явно был частью руки, раньше державшейся на плече, спросил:

— Что это такое?

Тревайз пригляделся. Это был клочок чего-то пушистого, ярко-зеленого. Он осторожно поцарапал рукой в перчатке и без труда отскреб этот пух.

— Смахивает на мох, — сказал он.

— Та самая неразумная жизнь, про которую ты говорил?

— Уверен, что совсем неразумная. Блисс, думаю, будет настаивать на том, что мох обладает разумом, но ведь она наверняка заявит, что и камень им обладает.

— Ты думаешь, этот мох и разрушил камень?

— Не удивлюсь, если он этому разрушению помог. В этом мире много солнечного света и осталось немного воды. Половину той атмосферы, что есть у планеты, составляет водяной пар. Остальное — азот и инертные газы. Также остались следы двуокиси углерода, что заставляет предположить отсутствие растительности, но может оказаться, что углекислого газа мало из-за того, что он фактически весь заключен в коре. И если в этих камнях имеется немного карбонатов, возможно, мох разрушает их, выделяя кислоты, а затем использует полученную при этом двуокись углерода. Может статься, что мох — доминирующая форма жизни, оставшаяся в этом мире.

— Восхитительно.

— Несомненно, — сказал Тревайз, — но только в некотором смысле. Координаты Внешних миров гораздо более интересны, но нам нужны координаты Земли. Если их нет здесь — они могут быть где-нибудь еще в этом здании или в каком-нибудь другом. Пошли, Джен.

— Но знаешь... — начал было Пелорат.

— Нет, нет, — нетерпеливо оборвал его Тревайз. — Потом поговорим. Лучше посмотрим, что еще можно заполучить нам в этом месте. Становится все теплее. — Он взглянул на маленький датчик температуры, встроенный с тыльной стороны левой перчатки. — Пошли, Джен.

Шагая, они подняли небольшое облачко пыли, которая, правда, быстро осела из-за разреженности атмосферы. Позади них протянулись цепочки следов.

Время от времени в каком-нибудь темном углу то один, то другой замечали островки росшего там мха. Они не ощущали особой радости от присутствия здесь чего-то живого, своей примитивностью лишь усиливавшего мрачное, угнетающее чувство от прогулки по мертвой планете, особенно по такой, где на каждом шагу все напоминало о том, что когда-то, давным-давно, здесь кипела жизнь и развивалась цивилизация.

— Я думаю, здесь была библиотека, — произнес внезапно Пелорат.

Тревайз с любопытством огляделся. В зале стояло множество полок, и когда он пригляделся к ним внимательнее, то заметил, что принятые им было за украшения элементы могли с таким же

успехом оказаться и библиофильмами. Стараясь не дышать, он вытащил одну кассету. Она была массивной, и Тревайз быстро понял, что это только футляр. Он вскрыл его неуклюжими из-за перчаток пальцами и увидел внутри несколько дисков. Они тоже были довольно толстыми, но казались хрупкими. Проверять Тревайз не решился.

— Невероятно примитивно, — заметил он.

— Им тысячи лет, — с упреком, словно оберегая мельпомениан от обвинений в отсталой технике, возразил Пелорат.

Тревайз показал на центр диска, где проступали завитки древних замысловатых букв.

— Это название? Что оно означает?

Пелорат пристально рассмотрел диск.

— Не уверен, дружочек, но думаю, одно из этих слов относится к микроорганизмам. Наверное, это специфический термин микробиологии, который я не понял бы и на стандартном галактическом.

— Вероятно, — угрюмо проговорил Тревайз. — И столь же вероятно, что это не даст нам ровным счетом ничего, даже если мы сможем прочесть название. Нас не интересуют микробы. Сделай одолжение, Джен. Просмотри несколько книг и отбери те, у которых достаточно интересные заглавия. Пока ты займешься этим, я взгляну на считывающие устройства.

— Это они? — удивленно спросил Пелорат.

Устройства были приземистые, кубической формы, увенчанные наклонным экраном с закругленными выступами сверху, которые могли бы служить подставками для локтей или же местом, куда ставился электроблокнот, если таковые существовали бы на Мельпомене.

— Если это библиотека, — сказал Тревайз, — то должны быть и различного вида считывающие устройства, и, кажется, *вот эти вполне подходят.*

Он осторожно стер пыль с экрана и обнаружил — какая разница, из чего тот сделан, — что поверхность его не разрушилась от прикосновения. Тревайз покрутил ручки одну за другой — ничего не произошло. Он испробовал следующий прибор, затем следующий, результат все тот же.

Он не удивился. Даже если прибор оставался в рабочем состоянии в течение двадцати тысяч лет в столь разреженной атмосфере и был влагонепроницаемым, оставалась еще и проблема источников питания. Запасенная энергия утекала, что бы

ни предпринимали для предотвращения этого — еще один аспект всеобъемлющего, непререкаемого второго закона термодинамики.

Пелорат подошел к нему сзади.

— Голан.

— Да.

— У меня здесь книгофильм...

— Какой?

— Похоже, история космических полетов.

— Великолепно, но это ничего нам не даст, если я не заставлю проклятый считыватель работать.

Он от злости сжал кулаки.

— Мы можем взять микрофильм с собой на корабль.

— Я понятия не имею, как приспособить эту кассету к моему компьютеру. Она не подойдет к нему, и наша сканирующая система наверняка с ней несовместима.

— Но разве все это действительно необходимо, Голан? Если мы...

— Это действительно необходимо, Джен. Не перебивай меня. Я пытаюсь придумать, что делать. Попробую добавить немного энергии этому устройству. Может быть, это все, что нужно.

— Откуда ты ее возьмешь?

— Ну... — Тревайз вытащил свое оружие, быстро взглянул на него, затем убрал бластер обратно в кобуру, вскрыл отсек питания нейрохлыста и проверил заряд. Заряд был максимальным. Тревайз распростерся на полу, запустил руки за считыватель (продолжая считать, что это именно он) и попытался двинуть его на себя. Прибор слегка сдвинулся, и Тревайз стал изучать то, что при этом обнаружилось.

Один из проводов должен был подводить питание, и наверняка это был тот, что выходил из стены. Но ни вилки, ни соединения. (*Как можно понять чужую, к тому же древнейшую культуру, в которой совершенно не признаются такие простейшие меры безопасности?*)

Он осторожно потянул на себя кабель, потом потянул чуть сильнее. Повертел туда-сюда, нажал стену вблизи его выхода и затем осмотрел полувскрытую заднюю стенку прибора, но не обнаружил ничего, что помогло бы ему привести считыватель в рабочее состояние.

Опершись одной рукой на пол, он встал и потянул кабель. Тревайз не мог понять, как удалось освободить его. Однако вот

он, и совершенно не поврежден. И установка, кажется, в полном порядке. В стене осталось лишь аккуратное отверстие.

— Голан, могу я... — осторожно сказал Пелорат.

Тревайз отмахнулся от него и безапелляционно заявил:

— Не сейчас, Джен. Прошу тебя!

Он внезапно обнаружил на складке своей левой перчатки пятно от зеленого мха. Наверное, подцепил его за прибором и вытащил на свет. Перчатка сперва была слегка влажной, но на глазах Тревайза мох высох и из зеленоватого превратился в коричневый.

Тревайз снова стал разглядывать конец провода и увидел два отверстия. Вот везение — сюда же можно воткнуть другие провода.

Тревайз вновь уселся на пол и открыл отсек питания своего нейрохлыста. Осторожно отсоединил один из проводков. Потом медленно и осторожно вставил его в одно из отверстий провода считывающего аппарата. И проталкивал до упора. После этого он попытался потихоньку вытащить его обратно, но провод не поддавался, словно что-то его зажало. Тревайз с трудом справился с желанием выдернуть провод силой. Было ясно, что им можно-таки замкнуть цепь и снабдить энергией считыватель.

— Джен, — сказал Тревайз, — ты имел дело с уймой библиофильмов. Посмотри, нельзя ли каким-то образом вставить этот считыватель.

— Если это действительно необ...

— Прошу тебя, Джен, постарайся не задавать лишних вопросов. Мы потеряли уже уйму времени! Я не хочу торчать здесь до ночи, ожидая того момента, когда здание достаточно остынет, чтобы можно было вернуться.

— Он должен вставляться вот так, но...

— Хорошо. Если это история космических полетов, значит, она должна начинаться с Земли, поскольку именно там были изобретены космические корабли. Теперь посмотрим, работает ли эта штука.

Пелорат несколько неуклюже вставил библиофильм в щель приемника и принялся изучать обозначения около различных клавишей, пытаясь понять, на которую из них нужно нажать.

Ожидая результатов, Тревайз негромко, отчасти для того чтобы немного успокоиться, проговорил:

— Наверное, тут где-то есть и роботы — по идее, в полном порядке и блеске, ведь здесь почти полный вакуум. Беда лишь в

том, что их источники энергии давно иссякли, и если их снова зарядить, что будет с их мозгом? Рычаги и шестеренки могли выдержать груз прошедших тысячелетий, но что за это время случилось с какими-нибудь микрореле и позитронными цепочками у них в мозгу? Они наверняка вышли из строя, а если даже и нет, что они могут знать о Земле? Что они могут...

— Считыватель работает, дружочек, — обрадовался Пелорат. — Смотри.

Экран вскоре тускло замерцал, правда, еле-еле. Но Тревайз слегка повернул регулятор мощности нейрохлыста, и экран засветился ярче. Из-за разреженности воздуха в местах, куда не попадали лучи солнца, стоял полумрак, и свет от экрана на темном фоне казался сильнее.

Экран продолжал мерцать. По нему проплывали бесформенные тени.

— Нужно отладить изображение, — сказал Тревайз.

— Знаю, — ответил Пелорат, — но это максимум, чего я смог добиться. Сама пленка, должно быть, испорчена.

Тени задвигались быстрее. Периодически на экране появлялось что-то, смутно напоминающее печатный текст. На мгновение возникло резкое изображение и тут же исчезло.

А Пелорат и сам уже занялся этим. Он прогнал запись назад, затем вперед и наконец нашел и остановил кадр.

Тревайз мучительно пытался прочесть текст, но вскоре в отчаянии спросил у Пелората:

— А ты понимаешь, что здесь написано, Джен?

— Не совсем, — не спуская глаз с экрана, ответил Пелорат. — Что-то об Авроре. Это точно. Похоже, тут речь идет о первой гиперпространственной экспедиции — как тут сказано, «о первом броске».

Он пустил пленку дальше, и экран вновь замигал.

— Во всех кусках, — сказал Пелорат немного погодя, — которые я смог разобрать, упоминаются только Внешние миры, Голан. О Земле — ни слова.

— И быть не может, — с горечью констатировал Тревайз. — На этой планете все сведения уничтожены, как и на Тренторе. Выключи эту штуку.

— Но это не имеет значения... — начал Пелорат, выключая прибор.

— Потому что мы можем попытать счастья в другой библиотеке? Там тоже все окажется уничтоженным. Везде одно и то же.

Знаешь... — сказал он и, в ужасе глядя на Пелората, оборвал начатую фразу.

— Что у тебя со шлемом, Джен? — наконец выдавил Тревайз.

67

Пелорат машинально коснулся рукой в перчатке лицевого стекла скафандра, затем отдернул ее и посмотрел на пальцы.

— Что это? — удивился он. Затем взглянул на Тревайза и пронзительным от волнения голосом проговорил: — У тебя со шлемом, Голан, тоже что-то странное.

Тревайз растерянно огляделся по сторонам, ища, нет ли где зеркала. Зеркала не было, да и будь оно тут, без дополнительного освещения рассмотреть себя в нем было бы все равно невозможно.

— Пошли к свету, — буркнул Тревайз.

Он полувывел-полувытолкнул Пелората на солнце, бьющее из ближайшего окна. Несмотря на изолирующее действие скафандра, Тревайз уже ощущал, как жарко греют лучи.

— Повернись лицом к солнцу, — приказал он. — Закрой глаза.

Теперь стало ясно, что случилось с лицевым стеклом шлема Пелората: там, где оно соединялось с металлизированной тканью самого скафандра, вырос пышный мох. Лицевое стекло окантовал зеленый пух. Тревайз понял, что сам выглядит точно так же.

Он провел пальцем по мху на шлеме Пелората. Часть этого мха легко стерлась. Раздавленная зелень осталась на перчатке. Даже теперь она влажно блестела на солнце, однако уже казалась жестче и суше. Тревайз потер ее, и на этот раз мох рассыпался, стал коричневым и сухим. Протер края лицевого стекла Пелората, нажимая пальцами как можно сильнее.

— Теперь ты меня почисти, Джен, — попросил он... — Все? Хорошо, спасибо. Пошли. Я думаю, нам здесь больше нечего делать.

Солнце в небе над мертвым городом палило нещадно. Стены зданий блестели ярко, до рези в глазах. Тревайз, щурясь, старался двигаться по теневой стороне улиц. Остановившись около трещины в фасаде одного из зданий, достаточно широкой, чтобы просунуть в нее палец, Тревайз так и сделал — вытащил палец,

взглянул на него, пробормотал «мох», неторопливо подошел к границе тени и некоторое время подержал палец на солнце.

— Углекислота, — сказал он, — вот слабое место. Повсюду, где найдется углекислота — разрушающийся камень, — везде он будет расти. Мы, кстати, прекрасный источник углекислого газа, вероятно, более богатый, чем что-либо еще на этой почти мертвой планете, и, видимо, часть этого газа просачивается по краям лицевых стекол.

— И поэтому там вырастает мох?

— Да.

Обратный путь к кораблю казался нестерпимо долгим, и, конечно, теперь было намного жарче, чем на заре. Корабль, на счастье, все еще оставался в тени, когда они добрались до него; Тревайз на это рассчитывал и не ошибся.

— Смотри! — воскликнул Пелорат.

Тревайз увидел, что по всему периметру шлюзового люка идет кайма зеленого мха.

— Еще бóльшая утечка углекислоты? — спросил Пелорат.

— Конечно. Но количество газа незначительно. Этот мох, похоже, является лучшим индикатором следов двуокиси углерода из всех, что я видел. Его споры, должно быть, рассеяны повсюду, и где бы ни обнаружилось хотя бы несколько молекул углекислоты, они прорастают. — Тревайз настроил свое радио на волну корабля и произнес: — Блисс, ты слышишь меня?

— Да, — прозвучал в его наушниках голос Блисс. — Вы готовы войти? Нашли что-нибудь?

— Мы снаружи. Но не открывай люка. Мы откроем его отсюда. Повторяю, не открывай люка.

— Почему?

— Блисс, делай только то, что я прошу, хорошо? Все объясним потом.

Тревайз вынул свой бластер, осторожно уменьшил его мощность до минимума и неуверенно посмотрел на оружие. Ему еще никогда не приходилось использовать бластер на минимальной мощности. Огляделся. Кругом, как назло, не валялось никакого подходящего обломка камня, на котором можно было бы испробовать бластер.

В полном отчаянии он повернулся и направил бластер на каменистый склон холма, в тени которого стояла «Далекая звезда». Мишень не раскалилась докрасна под действием теплового луча. Тревайз подошел и пощупал пятно от выстрела. Нагрелся камень

или нет, сказать точно было трудно — мешала теплоизоляция скафандра.

Тревайз немного подумал и решил, что обшивка корабля должна быть не менее устойчива к действию тепла, чем камень. Он направил бластер на край люка и, затаив дыхание, резко нажал спуск.

Несколько сантиметров мохоподобной растительности мгновенно побурело. Он махнул рукой около этого участка, и даже малейшего дуновения, возникшего в почти безвоздушном пространстве, хватило для того, чтобы легкий бурый порошок рассеялся без следа.

— Сработало? — озабоченно спросил Пелорат.

— Вроде получается.

Тревайз обработал всю окружность люка — зелень немедленно побурела. Тогда он постучал по люку, и бурый порошок осыпался на грунт — пыль была настолько мелкой, что даже повисла в разреженном мельпоменском воздухе.

— Пожалуй, теперь можно открыть люк, — сказал Тревайз и, нажав несколько кнопок на запястье, набрал комбинацию радиоволн, активировавшую механизмы шлюза. Появилась щель, и не успел люк и наполовину открыться, как Тревайз подтолкнул Пелората: — Не стой столбом, Джен, входи. Не жди трапа. Влезай, быстро!

Тревайз последовал за другом, не переставая обрабатывать лучом края люка. Он также тщательно прожарил трап, как только тот опустился. Затем Тревайз дал сигнал закрытия люка и продолжал прогревать крышку, пока та не захлопнулась полностью.

— Мы в шлюзе, Блисс, — сообщил Тревайз по радио. — Пробудем здесь еще несколько минут. Не волнуйся и ничего не делай!

— Ну скажи хоть словечко! — умоляюще проговорила Блисс. — С вами все в порядке? Как там Пел?

— Я здесь, Блисс. Все нормально, — отозвался Пелорат. — Не волнуйся, милая!

— Я верю, Пел, раз ты так говоришь. Но потом обязательно все объясните. Объяснить придется.

— Обещаю, — ответил Тревайз и включил свет.

Двое в скафандрах стояли лицом к лицу в тесном шлюзе.

— Мы должны выкачать весь воздух, по возможности, так что придется подождать, — объяснил Тревайз.

— А корабельный воздух? Мы напустим его сюда?

— Не сразу. Мне точно так же невтерпеж избавиться от скафандра, как и тебе, Джен. Я просто хочу убедиться, что мы избавились от всех спор, которые проникли сюда вместе с нами — или на нас.

В шлюзе было не только тесно, но и не очень светло, к тому же Тревайз с бластером повернулся к внутренней стороне люка и нажал на спуск. Старательно прогрел пол, стены и еще раз пол.

— Теперь твоя очередь, Джен. — Пелорат засуетился, но Тревайз успокоил его: — Ты только почувствуешь тепло. Больше ничего. Если станет неприятно, сразу скажи. — Он провел невидимым лучом по лицевому стеклу шлема Пелората, особенно тщательно — по краям, затем постепенно по всей остальной поверхности скафандра. — Подними левую руку, Джен, — бормотал он. — Теперь правую. Обопрись на мои плечи и подними ногу — я должен обработать подошвы, теперь другую. Тебе не слишком жарко?

— Не сказал бы, что меня обдувает прохладный ветерок, Голан.

— Ну, теперь дай и мне испробовать мое собственное средство на себе. Поработай надо мной.

— Я никогда не держал в руках бластера.

— Придется подержать. Вот так. Большим пальцем нажми на эту кнопку и крепко сожми рукоятку. Правильно. Теперь прогрей лицевое стекло. Двигай бластером, Джен, не целься долго в одно место. Давай. Еще по шлему немного, а потом вниз по всему скафандру.

Тревайз показывал Пелорату, куда направлять бластер, и только когда основательно вспотел, забрал оружие и проверил заряд батарей.

— Больше половины израсходовано, — отметил он и вновь тщательно прогрел стены, пол и потолок шлюзовой камеры, пока не кончился заряд.

Оружие и само здорово нагрелось. Тревайз наконец засунул бластер в кобуру и только тогда подал сигнал для входа в корабль. Обрадовался свисту воздуха, устремившегося в шлюзовую камеру, как только открылся внутренний люк. Теперь его прохладные струи быстро остудят скафандр — гораздо быстрее, чем он остыл бы снаружи. Наверное, это была иллюзия, но Тревайз почти мгновенно почувствовал охлаждающий эффект. Пусть это был плод воображения, все равно приятно.

— Сними скафандр, Джен, и оставь его здесь, в шлюзе.

— Если ты не против, я хотел бы прежде всего принять душ.

— Не прежде всего. До этого и даже раньше, чем ты сможешь опорожнить свой исстрадавшийся мочевой пузырь, ты должен поговорить с Блисс.

Блисс, конечно, ждала их с нетерпением. Позади нее, выглядывая сбоку, стояла Фаллом, крепко вцепившись пальцами в левую руку Блисс.

— Что случилось? — строго спросила Блисс. — Что произошло?

— Предохранительные меры против инфекции, — сухо ответил Тревайз. — А еще я включу ультрафиолетовые лампы. Наденьте темные очки. Быстрее, пожалуйста. — В ультрафиолетовом свете, добавившемся к обычному свечению стенных панелей, Тревайз стащил с себя влажную от пота одежду, встряхнул и повертел, внимательно осматривая. — Из чистой предосторожности, — сказал он. — Советую то же самое сделать и тебе, Джен. И еще... Блисс, я должен раздеться догола. Если тебе это неприятно, пройди в свою каюту.

— Мне ни неприятно, ни неудобно. Я достаточно хорошо представляю, как ты выглядишь, думаю, что ничего нового не увижу. А что за инфекция?

— Да так, мелочь, — стараясь говорить равнодушно, произнес Тревайз. — Однако, если этой пакости дать волю, она может причинить большой вред человечеству.

68

Официально, согласно содержанию комплекса фильмов с информацией и инструкциями, которые имелись на «Далекой звезде» и которые Тревайз обнаружил еще тогда, когда впервые ступил на борт этого корабля, ультрафиолет предназначался именно для дезинфекции. Тревайз предполагал, правда, что этот свет является и источником великого искушения, и временами этому искушению уступали, используя ультрафиолет для получения загара, уроженцы планет, где в моде была смуглая кожа. Но для чего бы им ни пользовались, он все равно дезинфицировал помещения корабля.

Корабль покинул планету, и Тревайз занялся маневрами вблизи солнца Мельпомены, делая все, что мог, чтобы не причинить неприятностей и не доставить лишних неудобств экипажу за счет непрерывных поворотов. Тревайз хотел на все сто увериться, что вся обшивка корабля омыта ультрафиолетовым излучением звезды.

Напоследок из шлюза извлекли скафандры и осматривали их до тех пор, пока Тревайз не удовлетворился их состоянием.

— И все это, — сказала наконец Блисс, — из-за мха? Ты же так сказал, Тревайз? Мох?

— Я назвал эту дрянь мхом, потому что она мне его напоминала. В конце концов, я не ботаник. Все, что я могу сказать, так это то, что это — ярко-зеленая растительность, и, вероятно, она может существовать при очень слабом освещении.

— Почему?

— Мох чувствителен к ультрафиолету, и он не может расти или сохранять жизнеспособность под прямыми солнечными лучами. Его споры — повсюду, и он растет в укромных уголках, в трещинах статуй, на нижних сторонах различных предметов, питаясь энергией рассеянных фотонов везде, где есть источники двуокиси углерода.

— Я поняла так, что ты считаешь его опасным.

— Это не исключено. Если бы хоть несколько спор проникли с нами, когда мы вошли, они бы нашли на корабле вполне подходящее освещение, без примеси вредного ультрафиолета, воду и неиссякаемый источник углекислого газа.

— Только три сотых процента в нашей атмосфере, — заметила Блисс.

— Им хватит за глаза. Добавь еще четыре процента в выдыхаемом нами воздухе. Что, если споры мха проросли бы у нас в ноздрях и на коже? Что, если бы они съели и испортили пищевые запасы? Что, если они производят токсины, способные нас убить? Даже если бы мы бросили все силы на уничтожение этих спор, но все же оставили хоть несколько, этих оставшихся могло бы оказаться достаточно, когда они вместе с нами попадут на другие планеты, чтобы заразить их, а оттуда перенестись на следующие. Кто знает, какой вред они могут причинить?

— Жизнь не обязательно опасна только потому, что она отличается от обычной, — покачала головой Блисс. — Как же ты любишь убивать.

— Это слова Геи, — буркнул Тревайз.

— Конечно. Но я надеюсь, они не лишены смысла. Мох привык к условиям этого мира. Поэтому он использует свет в не-

больших количествах, но гибнет при его избытке; поэтому он использует малейшие дозы двуокиси углерода, но может погибнуть при больших его концентрациях. Он может оказаться безопасным на любой другой планете, кроме Мельпомены.

— Ты хочешь, чтобы я дал мху шанс попытать счастья? — с возмущением сказал Тревайз.

— Да нет, — пожала плечами Блисс. — Не кипятись. Я тебя понимаю. Ты изолят, и у тебя, видимо, не было другого выбора, кроме как поступить так, как ты поступил.

Тревайз хотел было что-то ответить, но его прервал чистый, пронзительный голосок Фаллом. Она что-то сказала на своем языке.

— Что она говорит? — спросил Тревайз у Пелората.

— Она говорит, что... — начал Пелорат, но не договорил.

Фаллом, видимо, решив, что ее язык понять нелегко, начала снова:

— Был ли там Джемби, там, где вы были?

Фаллом произнесла слова так старательно, что Блисс просияла:

— Разве не прекрасно она говорит на галактическом? И как быстро выучилась!

— Я все перепутаю, — тихо сказал Тревайз, — если попытаюсь объяснять сам, но ты скажи ей, Блисс, что мы не нашли роботов на этой планете.

— Я сам, — вмешался Пелорат. — Послушай, Фаллом, — он нежно положил руку на плечо подростка, — пойдем в нашу каюту, и я дам тебе почитать еще одну книгу.

— Книгу? О Джемби?

— Не совсем... — улыбнулся Пелорат, уводя Фаллом, и дверь за ними закрылась.

— Знаешь, — сказал Тревайз, проводив их недовольным взглядом, — мы тратим время зря, играя в нянек этого ребенка.

— Зря? Разве это мешает тебе в поисках Земли, Тревайз? Нет. То, что ты называешь «игрой в нянек», на самом деле укрепляет наши отношения, снимает страх, создает любовь. Разве это такая уж чепуха?

— Ты вновь говоришь устами Геи.

— Да, — согласилась Блисс. — А теперь о деле. Мы посетили три из древних космонитских планет и ничего не добились.

— Все правильно, — кивнул Тревайз.

— Фактически мы обнаружили, что все они по-своему опасны, верно? На Авроре — дикие собаки; на Солярии — странные, агрессивные люди; на Мельпомене — несущий угрозу всем обитаемым планетам мох. Очевидно, когда планета остается предоставленной самой себе, заселена она людьми или нет, она все равно становится опасной для межзвездного сообщества.

— Это нельзя возводить в ранг всеобщего закона.

— Три из трех — это впечатляет.

— И как же это впечатляет тебя, Блисс?

— Я скажу тебе. Только, пожалуйста, выслушай меня без предубеждений. Если в Галактике существуют миллионы взаимодействующих планет — так оно и есть на самом деле, — и если каждая из них населена исключительно изолятами, что тоже так и есть, то на каждой планете доминируют люди, и они могут навязать свою волю другим формам жизни, неживым геологическим образованиям и даже себе подобным. Галактика, следовательно, на сегодняшний день является вполне примитивным, некоординированным и плохо функционирующим миром. Начатком, зародышем объединения. Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Я понял, к чему ты клонишь, но это не означает, что я должен с тобой соглашаться.

— А ты послушай. Соглашаться или нет, дело твое, но выслушай меня. Галаксия может родиться только из прото-Галаксии, и чем меньше будет «прото», чем больше «Галаксии», тем лучше. Галактическая Империя была попыткой создать сильную прото-Галаксию. Когда она раскололась, сразу настали плохие времена, и возникло стремление усилить концепцию прото-Галаксии. Конфедерация Академии является воплощением этого стремления. Таким же воплощением была и Империя Мула. Такова и планируемая Второй Академией Новая Империя. Но даже если бы не было таких империй или конфедераций, но, будь вся Галактика сумасшедшим домом, это был бы взаимосвязанный сумасшедший дом, в котором между собой общались бы отдельные миры, пусть даже только враждебно. Это было бы все равно некое единение, и не самое худшее.

— Куда уж хуже?

— Ты знаешь ответ, Тревайз. Ты видел его своими глазами. Если населенная людьми планета будет брошена на произвол судьбы, становясь истинным изолятом, если она теряет все связи с другими населенными мирами, она развивается, но развивается злокачественно.

— Наподобие раковой клетки?

— Да. Не такова ли Солярия? Она противостоит всем мирам. Там каждый против всех остальных. Ты видел это. А если люди исчезают совсем, испаряются последние следы дисциплины. Каждый-против-каждого — этот принцип становится инстинктивным, как у собак, или просто законом природы, как в мире мхов Мельпомены. Понимаешь, я думаю, что чем ближе мы к Галактике, тем совершеннее сообщество. Тогда зачем останавливаться за несколько шагов до цели?

Тревайз некоторое время молча смотрел на Блисс.

— Я думаю об этом, — сказал он наконец. — Но зачем предполагать, что увеличение дозы лекарства — единственный выход, что если немного — это хорошо, что больше — лучше, и все это — лучшее из возможного? Разве ты сама не говорила, что мох, возможно, так адаптировался к очень малому содержанию двуокиси углерода, что ее богатое содержание может убить его? Человек ростом в два метра лучше, чем ростом с метр, но он лучше и трехметрового великана. Мыши не станет лучше, если она вырастет до размеров слона. Ей просто не выжить. Да и слону не станет лучше, если он уменьшится до размеров мыши.

Существуют естественные размеры, естественная сложность, какое-то оптимальное качество для всего — звезда это или атом, и это, очевидно, столь же истинно для живых существ и их сообществ. Я не говорю, что старая Галактическая Империя была идеальной, и, безусловно, вижу ошибки в деятельности Конфедерации Академии, но я не могу заявить, что, поскольку тотальный изоляционизм плох, хороша тотальная унификация. Крайности могут быть ужасны как та, так и другая, и старая добрая Галактическая Империя, пусть и несовершенная, могла бы быть нам меньшим из зол.

— Сомневаюсь, — покачала головой Блисс, — веришь ли ты сам себе, Тревайз. Станешь ли ты доказывать, что и вирус, и человек равно неудовлетворительны, и возжелаешь стать чем-то промежуточным — вроде скользкой плесени?

— Нет. Но я могу спорить, что и вирус, и суперчеловек одинаково плохи, и предпочесть остаться чем-то средним — обычным человеком. Да спорить-то пока не о чем. Я вынесу решение, когда найду Землю. На Мельпомене мы нашли координаты остальных сорока семи космонитских планет.

— И ты посетишь их все?

— Каждую, если понадобится.

— Все время рискуя жизнью?

— Да, если это потребуется, чтобы найти Землю.

Пелорат вышел из каюты, где оставил Фаллом, и только успел рот раскрыть, как угодил в перепалку между Блисс и Тревайзом. Он смотрел то на одного, то на другую, пока они перебрасывались репликами.

— Сколько же времени это займет?

— Сколько бы ни потребовалось. Мы можем найти то, что ищем, прямо на следующей планете.

— Или ни на одной из них.

— Этого мы не сможем узнать, пока не посетим все.

Тут наконец Пелорат попытался вставить словечко:

— Но послушай, Голан! У нас же есть ответ.

Тревайз нетерпеливо отмахнулся, но вдруг замер, повернулся к нему лицом и бессмысленно уставился на друга:

— Что?

— Я сказал, у нас есть ответ. Я пытался сказать тебе это, по крайней мере, раз пять на Мельпомене, но ты был так занят, что...

— Что за ответ? О чем ты говоришь?

— О Земле. Я думаю, мы знаем, где она.

Часть VI

АЛЬФА

Глава 16

ЦЕНТР МИРОВ

69

Тревайз смотрел на Пелората долго и с явным недовольством. Наконец спросил:

— Было ли там что-нибудь, что ты видел, а я нет, и о чем ты не сказал?

— Нет-нет, — покачал головой Пелорат. — Ты тоже видел это, и, как я только что сказал, я пытался заговорить с тобой, но ты отмахнулся.

— Хорошо, попытайся снова. Попытка не пытка.

— Не дразни его, Тревайз, — возмутилась Блисс.

— Я не дразню его, я хочу получить от него информацию. И не считай его ребенком.

— Прошу вас, — умоляюще проговорил Пелорат, — слушайте меня, если можете, а не друг друга. Помнишь, Голан, мы раньше говорили о попытках установить происхождение рода человеческого? Проект Ярриффа — помнишь? Он пытался установить времена основания различных миров, предполагая, что планеты заселялись равномерно во всех направлениях от центра расселения — мира-прародины.

— Насколько я помню, — нетерпеливо кивнул Тревайз, — гипотеза сработала из-за того, что все даты были ненадежны.

— Верно, дружок. Но планеты, которые брал в расчет Ярифф, были основаны второй волной переселенцев. Тогда же развились и усовершенствовались гиперпространственные перелеты, и поселения возникали и росли совершенно беспорядочно. Преодолевать даже очень большие расстояния стало совсем просто, и картина образования поселения перестала представлять собой правильную расширяющуюся сферу. Вот еще одна сложность вдобавок к недостоверным датам основания колоний...

А теперь, Тревайз, задумайся на мгновение о том, как заселялись космонитские планеты. Это была первая волна пересе-

ленцев: ранние гиперпространственные полеты были еще очень несовершенными и мало напоминали наши Прыжки. В то время как миллионы планет второй волны заселялись, по всей вероятности, довольно хаотично, пятьдесят первых наверняка заселялись в определенном порядке. Планеты второй волны заселялись целых двадцать тысяч лет, а пятьдесят первых были колонизированы за какие-то несколько веков — почти мгновенно по сравнению с поселенческими планетами. Эти пятьдесят, вместе взятые, должны располагаться сферично вокруг планеты, с которой они все ведут свое происхождение.

У нас есть координаты пятидесяти миров. Ты сфотографировал их — помнишь, со статуи? Кто бы это ни был — тот, кто уничтожил все сведения о Земле, он все же проглядел эти координаты или не подумал о том, что из них можно извлечь необходимую информацию. Все, что тебе нужно сделать, Голан, это учесть смещения звезд за двадцать тысяч лет и, скорректировав эти координаты, найти центр сферы. В результате вычислений ты получишь точку, достаточно близкую к земному Солнцу или, по крайней мере, к его положению двадцать тысяч лет назад.

Рот Тревайза не закрывался от удивления все время, пока продолжался этот подробный рассказ, и только через несколько секунд после того, как Пелорат умолк, Тревайз обрел дар речи.

— Почему же я не подумал об этом? — воскликнул он наконец.

— Я пытался сказать тебе все это еще тогда, когда мы были на Мельпомене.

— Я верю тебе. И прости дурака, Джен, за то, что отказался тебя выслушать. Мне тогда и в голову не пришло... — Он смущенно умолк.

— Что я могу сказать что-нибудь толковое? — тихо усмехнулся Пелорат. — Чаще всего так и бывает, но видишь ли, это было как-никак по моей специальности. Большей частью ты прав, когда затыкаешь мне рот.

— Ничего подобного! — запротестовал Тревайз. — Это не так, Джен. Я чувствую себя идиотом и получил по заслугам. Еще раз извини — я должен поспешить к компьютеру.

Они с Пелоратом прошли в рубку, и Пелорат, как обычно, стал с изумлением и недоверием одновременно наблюдать за тем, как руки Тревайза опустились на пульт и Тревайз превратился в единый человеко-компьютерный механизм.

— Придется сделать определенные допущения, Джен, — ска-

зал Тревайз, не глядя на Пелората. Как всегда, когда он работал с компьютером, лицо его было бесстрастным, отрешенным. — Я предположил, что первое число — дистанция в парсеках, а два других — углы в радианах, и первый из них — вертикальный, второй же — горизонтальный. Я также думаю, что использование плюса-минуса к углам отвечает галактическим стандартам и что точка — 0,0,0 — это солнце Мельпомены.

— Звучит довольно правдоподобно, — кивнул Пелорат.

— Неужели? Существуют шесть возможных способов расположения чисел, четыре — знаков; расстояние может быть указано в световых годах, а не в парсеках, углы — в градусах, а не в радианах. Итого девяносто шесть различных вариантов. Прибавь к этому то, что, если для обозначения расстояния используются световые годы, я не могу быть уверен в том, какова величина светового года, принятая здесь. Добавь и то, что я не знаю действовавшего тогда принципа измерения углов — в первом случае наверняка от экватора Мельпомены, ну а во втором — ее нулевой меридиан?

— А теперь, — растерялся Пелорат, — все звучит совершенно безнадежно.

— Не безнадежно. Аврора и Солярия включены в этот список, а я знаю их расположение в пространстве. Я использую координаты и посмотрю, смогу ли совместить их. Если компьютер выдаст мне неправильное расположение этих планет, я скорректирую координаты и буду продолжать подбирать варианты, пока не добьюсь успеха. Тогда я смогу понять, какие из моих первоначальных допущений ошибочны по отношению к стандарту. Как только все допущения окажутся верными, я смогу найти центр сферы.

— Так много неясностей. Тебе будет трудно решить, что делать?

— Что? — переспросил Тревайз. Он весь ушел в работу с компьютером. После того как Пелорат повторил вопрос, он ответил: — А? Нет, шансы на то, что координаты заданы в соответствии с Галактическим Стандартом, высоки, и привязка их к неизвестному нулевому меридиану не составит большого труда. Эта система локализации точек в пространстве была разработана давным-давно, и большинство астрономов вполне уверены, что она предшествовала эпохе межзвездных перелетов. Люди ведь очень консервативны в определенных вещах и практически никогда не меняют достигнутых соглашений, касающихся измерений. Мне думается, многие порой даже впадают в заблуждение, считая их законами природы. Какие уж тут законы, когда каждая планета имеет свои собственные системы измерений, которые меняются каждое столетие. Правда, я искренне надеюсь, что научные изыскания в этой области когда-нибудь завершатся и система измерений будет унифицирована. — Тревайз говорил, продолжая работать, и речь его постоянно прерывалась. Немного погодя он пробормотал: — А сейчас — тихо... — Тревайз напрягся, нахмурился и только спустя несколько минут откинулся в кресле, глубоко вздохнул и еле слышно проговорил: — Все правила соблюдены. Данные местоположения Авроры совпали с ее истинными координатами. Один к одному. Видишь?

Пелорат посмотрел на звездный узор и на яркую точку вблизи центра:

— Ты уверен?

— При чем тут я? Это компьютер уверен. Кроме того, мы были на Авроре. Нам известны ее характеристики: диаметр, температура, масса, альбедо, спектр, не говоря уже о расположении соседних звезд. Компьютер утверждает, что это — Аврора.

— Ну, выходит, что эта планета и есть Аврора.

— Поверь мне, это так. Сейчас я настрою экран, и компьютер начнет работу. У него — пятьдесят наборов координат, и в его силах обработать их одновременно. — Тревайз занялся настройкой экрана. Компьютер спокойно работал в четырехмерном пространстве-времени, но наблюдателю-человеку редко требовалось больше двух измерений. Сейчас же казалось, что экран превратился в некий темный колодец, глубокий и широкий. Тревайз приглушил до минимума освещение рубки, чтобы было легче наблюдать звездное поле на экране. — Сейчас начнется, — прошептал он.

Через какое-то мгновение на экране вспыхнула звезда, затем еще одна и еще. Изображение на экране сдвигалось при появлении очередной звезды так, чтобы все они были видны. Казалось, что весь космос отодвигался от них и перед глазами разворачивалась все более и более широкая панорама. Добавьте к этому еще и сдвиг вверх-вниз и вправо-влево...

Наконец все пятьдесят светил яркими точками повисли в пространстве.

— Я-то надеялся получить восхитительную сферу, — сказал Тревайз, — но это больше походит на остатки снежка, который второпях слепили из слишком жесткого и рассыпчатого снега.

— И это все портит?

— Это создает определенные трудности, но без них, я думаю, не обойдешься. Сами звезды распределены вовсе не равномерно, и наверняка то же самое можно сказать о пригодных для жизни планетах, и с этим, естественно, связана неравномерность в заселении новых миров. Компьютер рассчитывает для каждой из звезд ее современное положение согласно ее наиболее вероятному смещению за последние двадцать тысяч лет — даже учет такого большого срока не займет много времени — и затем разместит их по «оптимальной сфере». Другими словами, он найдет сферическую поверхность, от которой расстояние до всех светил будет минимальным. Затем мы отыщем центр этой сферы, и Земля должна оказаться где-то вблизи этой точки. По крайней мере, будем на это надеяться. Скоро все станет видно на экране.

70

Так оно и вышло. Даже Тревайз, казалось бы, привыкший к компьютерному волшебству, удивился тому, как мало времени потребовал расчет.

Тревайз запрограммировал компьютер на выдачу нежной, вибрирующей ноты после получения координат центра сферы. В принципе это ничего не значило, кроме удовольствия от самого звука и сознания того, что долгие поиски, может быть, завершены.

Звук возник примерно через минуту и был подобен нежному, прозрачному тону звучного гонга. Звук нарастал до тех пор, пока Тревайз и Пелорат физически не ощутили его вибрацию, а затем постепенно угас.

В это время вошла Блисс.

— Что это? — спросила она, широко открыв глаза. — Тревога?

— Вовсе нет, — отозвался Тревайз. — Мы, наверное, нашли Землю, Блисс, — постепенно объяснил Пелорат. — Этим звуком компьютер сообщил об окончании расчетов.

— Могли бы предупредить, — укоризненно проговорила Блисс.

— Извини, Блисс, — сказал Тревайз. — Я не думал, что сигнал окажется таким громким.

Фаллом вошла следом за Блисс и спросила:

— Зачем этот звук?

— Смотри-ка — интересуется! — хмыкнул Тревайз и устало вздохнул.

Теперь следовало бы тестировать результаты относительно реальной Галактики, сфокусировать координаты центра сферы Внешних миров и посмотреть, нет ли вблизи звезды класса *G*. А он снова тянул время, не делал того, что логично было бы сделать, не в силах заставить себя подвергнуть результаты последней, критической проверке.

— Конечно, интересуется, — сказала Блисс с вызовом. — Почему бы и нет? Она такой же человек, как и мы.

— Ее родитель был на этот счет совсем другого мнения, — рассеянно заметил Тревайз. — Я беспокоюсь за нее. Это плохая новость для ребенка.

— С чего ты это взял? — поинтересовалась Блисс.

— Просто предчувствие, — развел руками Тревайз.

Блисс одарила его презрительным взглядом и повернулась к Фаллом:

— Мы пытаемся найти Землю, Фаллом.

— Что такое Земля?

— Другая планета. Особенная. Это мир, откуда явились наши предки. Ты уже знаешь из разных книг, что означает слово «предки»?

— Означает ли это?.. — Последнее слово прозвучало не на галактическом.

— Это древнее слово, — пояснил Пелорат. — Ближе всего по смыслу к нему наше «предшественники».

— Ну да, — просияла Блисс. — Земля — это мир, откуда явились наши предшественники, Фаллом. Твои, и мои, и Пела, и Тревайза.

— Твои, Блисс, и мои тоже? — Фаллом явно была потрясена. — И те, и другие?

— Были только одни предшественники. Они у нас одни и те же, у всех.

— Похоже, малышка очень хорошо знает, что непохожа на нас, — вставил Тревайз.

— Не говори так, — понизив голос, сказала ему Блисс. — Она не должна понимать этого. По крайней мере, она не должна думать, что разительно отличается от нас.

— Мне кажется, гермафродизм — это значительное отличие.

— Я говорю о разуме.

— Мозговые преобразователи — тоже существенное отличие.

— Тревайз, перестань. Она разумное существо, человек, несмотря на некоторые особенности.

Блисс обернулась к Фаллом и сказала:

— Подумай спокойно, Фаллом, и пойми, что это значит для нас. У тебя и меня были одни и те же предшественники. Все люди, на всех планетах — многих-многих планетах — все они имели одних предшественников, и эти предшественники жили раньше на планете Земля. Это означает, что все мы — родственники, верно? А теперь иди в каюту и подумай над услышанным.

Фаллом, бросив на Тревайза задумчивый взгляд, вышла из рубки.

— Пожалуйста, — обернулась Блисс к Тревайзу, — обещай мне, что не будешь в ее присутствии отпускать никаких реплик, которые могли бы навести Фаллом на мысли о ее отличии от нас.

— Ладно, обещаю. Я не собирался вмешиваться в процесс воспитания, но ты ведь знаешь, она действительно отличается от нас.

— В некотором смысле. Как я отличаюсь от тебя, как Пел.

— Не будь наивной, Блисс. Различие в случае с Фаллом куда серьезнее.

— Ненамного. Сходство важнее. Уверена, в один прекрасный день она и ее народ смогут стать частью Галаксии, и очень полезной частью.

— Хорошо. Не будем спорить. — Тревайз повернулся к компьютеру, явно оттягивая контакт. — И все же, боюсь, мне придется все-таки проверить предполагаемое положение Земли в реальном пространстве.

— Боишься?

— Ну, — Тревайз пожал плечами, пытаясь обратить все в шутку, — вдруг там нет подходящей звезды?

— Нет, значит, нет. — Блисс тоже пожала плечами.

— Вот я и думаю... — стоит ли сейчас проверять? Мы все равно не сможем совершить Прыжок еще несколько дней.

— Зачем ты меня мучаешь? Займись вычислениями. Ожидание ничего не изменит.

Тревайз несколько мгновений молчал, сжав губы, и наконец изрек:

— Ты права. Прекрасно. Тогда... поехали.

Он положил руки на контуры пульта. Экран почернел.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала Блисс. — Ты будешь нервничать, если я останусь.

Она ушла, помахав на прощание рукой.

— Дело в том, — проворчал Тревайз, — что мы должны сперва проверить компьютерную карту Галактики. Даже если Солнце Земли находится в нужной точке, карта может не включать его. Но тогда мы...

Он удивленно прервался. Экран озарился огнями звезд. Их было множество — тусклых и ярких, искрящихся, рассеянных по поверхности экрана. Но вблизи центра сияла звезда, более яркая, чем остальные.

— Мы сделали это! — ликовал Пелорат. — Это она, она, дружочек! Посмотри, какая она яркая!

— Любая звезда в центре координат выглядела бы ярче остальных, — остудил его пыл Тревайз, пытаясь побороть в себе любое проявление необоснованного восторга.

— Эта картина, между прочим, соответствует взгляду с расстояния в один парсек от центра координат. И все-таки эта звезда в центре не красный карлик, не красный гигант, не горячая бело-голубая. Подожди, сейчас компьютер проверит свой банк данных и выдаст информацию. — На несколько секунд воцарилось молчание, затем Тревайз продолжил: — Спектральный класс *G-2*, — после паузы: — Диаметр: миллион четыреста тысяч километров; масса — одна целая и две сотых массы терминусианского солнца; температура поверхности — шесть тысяч по абсолютной шкале; вращение медленное, около одного оборота за тридцать дней, нет необычной активности или нерегулярности.

— Разве все это не типично для звезд, около которых могут находиться пригодные для жизни планеты?

— Типично, — кивнул Тревайз. — И, следовательно, звезда похожа на Солнце Земли. Если именно здесь возникла и развивалась жизнь, солнце должно соответствовать обычным стандартам.

— Значит, вполне вероятно, что здесь могут быть подходящие планеты.

— Нам нет нужды строить на этот счет догадки, — сказал Тревайз, в голосе которого звучало неподдельное изумление. — На галактической карте звезда отмечена как обладающая планетой, населенной людьми, правда, со знаком вопроса.

Энтузиазм Пелората еще более возрос.

— Это именно то, чего следовало ожидать, Голан! Здесь есть

населенная планета, но этот факт пытаются скрыть, поставив на карте знак, который заставляет компьютер сомневаться.

— Нет, тут что-то не так, — возразил Тревайз. — Это не то, чего мы должны были ожидать. Ожидать мы должны были большего. Учитывая старание, с которым уничтожены данные о Земле, картографы не должны были знать о существовании жизни в этой системе, тем более о поселениях людей. Они не должны были знать даже о существовании Солнца Земли. Миров космонитов на карте нет. Почему же есть Солнце Земли?

— Ну вот, опять... Что толку спорить об этом? А какая еще информация об этой звезде имеется в компьютере?

— Название.

— О! Какое же?

— Альфа.

После короткой паузы Пелорат нетерпеливо сказал:

— Это она, старик. Это последнее доказательство. Судя по тому, что это значит.

— Разве оно что-то значит? Название как название, и довольно странное. Никакого намека на галактический язык.

— Оно и не из галактического. Оно из доисторического языка Земли — того самого, что дал название «Гея» планете Блисс.

— И что же означает «альфа»?

— Альфа — первая буква алфавита древнего языка. Это одно из наиболее достоверных сведений о нем, которые у нас есть. В древности слово «альфа» использовали для обозначения чего-то первого в своем роде. Название солнца — «альфа» — подразумевает, что это первое солнце. А разве не вокруг первого солнца вращалась планета Земля, на которой впервые возникли люди?

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно.

— А есть ли что-либо в ранних легендах — ты ведь мифолог, верно? — что приписывает Солнцу Земли какие-нибудь очень необычные признаки?

— Нет, что ты! Оно должно быть стандартным по определению, и характеристики, выданные нам компьютером, я полагаю, стандартны настолько, насколько возможно. Разве нет?

— Солнце Земли, согласно мифам, одиночная звезда?

— Да, конечно! Насколько я знаю, все обитаемые планеты вращаются около одиночных звезд.

— И я так думал. Беда в том, что эта звезда в центре экра-

на — не одиночная звезда; она двойная. Более яркая из двух — действительно стандартная, и о ней компьютер выдал нам все данные. На орбите вокруг этой звезды с периодом обращения порядка восьми лет кружится, однако, другая звезда с массой в четыре пятых первой. Мы не можем видеть их раздельно невооруженным глазом, но если увеличить изображение, то различим их.

— Это точно, Голан? — сдавленным голосом спросил Пелорат, внезапно вернувшись с небес на землю.

— Это сообщил мне компьютер. Раз это двойная звезда, значит, это не Солнце Земли.

71

Тревайз прервал контакт с компьютером и включил обычное освещение.

Поэтому, очевидно, Блисс решила, что можно вернуться. Фаллом, словно хвостик, вошла следом.

— Ну и каковы результаты? — спросила Блисс.

— Несколько разочаровывающие, — равнодушно сообщил Тревайз. — Там, где я ожидал найти Солнце Земли, я обнаружил бинарную систему. Солнце Земли — одиночная звезда, так что в центре не оно.

— И что же теперь, Голан? — спросил Пелорат.

— Собственно говоря, — пожал плечами Тревайз, — я и не надеялся увидеть Солнце Земли строго в центре. Даже космониты не могли основать колонии таким образом, чтобы они образовывали правильную форму. Аврора, старейшая из космонитских планет, могла посылать по свету собственных мигрантов, от этого сфера могла исказиться. И потом, Солнце Земли могло смещаться не с точно такой же скоростью, как планеты и звезды космонитов.

— То есть Земля может оказаться где угодно, — резюмировал Пелорат. — Ты это хочешь сказать?

— Нет. Вовсе не «где угодно». Все эти возможные источники погрешностей не могут привести к большим отклонениям. Солнце Земли должно быть в окрестностях этих координат. Та звезда, которую мы выловили почти с уверенностью, должна быть соседкой Солнца. Просто поразительно, что могла сущест-

вовать соседняя звезда, так похожая на Солнце Земли, но двойная — так оно и есть.

— Но тогда бы мы видели Солнце Земли на карте, не так ли? Я имею в виду — вблизи Альфы.

— Нет, поскольку я уверен, что солнца на карте нет. Моя уверенность рассыпалась в прах, когда мы впервые увидели Альфу. Сколь сильно бы она ни напоминала Солнце Земли, простой факт, что она обозначена на карте, вынудил меня предположить ошибочность наших надежд.

— Хорошо, — сказала Блисс. — Почему тогда не сосредоточиться на тех же самых координатах в реальном пространстве? Если рядом с Альфой есть какая-либо яркая звезда, не обозначенная на компьютерной карте, и если она очень напоминает своими характеристиками Альфу, но является одиночной, разве она не является Солнцем Земли?

— Будь это так, — вздохнул Тревайз, — я поставил бы половину моего состояния, каким бы оно ни было, на то, что вокруг той звезды, о которой ты говоришь, обращается планета Земля. И снова мне страшно проверять.

— Боишься ошибиться?

Тревайз кивнул.

— Тем не менее, — сказал он, — дайте мне минутку — отдышусь и заставлю себя сделать это.

А пока трое взрослых смотрели друг на друга, Фаллом пробралась к пульту управления, с любопытством уставилась на контур для рук оператора и потянулась к нему, но Тревайз резко загородил пульт и прикрикнул:

— Не трогай, Фаллом!

Юная солярианка испугалась не на шутку и бросилась в спасительное объятие Блисс.

— Мы должны посмотреть правде в глаза, Голан, — сказал Пелорат. — Что, если ты ничего не обнаружишь в реальном пространстве?

— Тогда придется вернуться к прежнему плану, — ответил Тревайз, — и посетить каждую из сорока семи оставшихся космонитских планет.

— А если и это ничего не даст?

Тревайз нервно мотнул головой, словно хотел вытряхнуть оттуда пессимистические мысли, пока не успели укорениться. Уставившись в пол, он сказал, как отрезал:

— Тогда я придумаю что-нибудь еще.

— А что, если планеты предшественников вообще нет?

Тревайз резко обернулся на звук дрожащего голоса.

— Кто это спросил? — проговорил он, на самом деле довольно быстро поняв кто.

— Я, — призналась Фаллом.

Тревайз поглядел на нее, слегка нахмурясь.

— Ты понимаешь, о чем идет речь?

— Вы ищете планету предшественников, но вы все еще не нашли ее. Может быть, такой планеты совсем не существует.

— Нет, Фаллом, — серьезно ответил Тревайз. — Ее просто очень старались спрятать. А раз старались, значит, было что прятать. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, — ответила Фаллом. — Вы не позволили мне положить руки на пульт. Раз вы мне не позволили этого, значит, это очень важно.

— Ага, только тебе нельзя его трогать, Фаллом. Блисс, ты сотворила монстра, который всех нас доведет до могилы. Никогда не пускай ее сюда, если меня нет за пультом. И даже когда я здесь, лучше подумай, стоит ли ей входить, ладно?

Эта маленькая перепалка, как ни странно, каким-то образом развеяла его нерешительность.

— Очевидно, — сказал Тревайз, — мне лучше заняться работой. Если я буду просто сидеть здесь и гадать, что мне делать, это маленькое страшилище завладеет кораблем.

Свет померк. Блисс тихонько сказала:

— Ты же обещал, Тревайз. Не называй Фаллом монстром и страшилищем в ее присутствии.

— Тогда не спускай с нее глаз и научи вести себя прилично. Скажи ей, что детей не должно быть слышно, а еще лучше, чтобы и видно не было.

Блисс нахмурилась:

— Как ты жесток к детям, Тревайз! Это ужасно!

— Может быть, но сейчас не время об этом спорить.

Через пару минут голосом, в котором одинаково сильно чувствовалось удовлетворение и облегчение, он произнес:

— Вот Альфа в реальном пространстве. А слева от нее, чуть выше, почти столь же яркая звезда, и ее нет на компьютерной карте. Это и есть Солнце Земли. Я готов поставить на это все свое состояние.

72

— Ну а теперь, — поинтересовалась Блисс, — когда от твоего состояния ничего не останется, если ты проиграешь, что толку медлить? Давай стартуем к этой звезде, как только все будет готово к Прыжку.

— Нет, — покачал головой Тревайз. — На этот раз дело не в нерешительности и не в страхе. Необходимо соблюдать осторожность. Три раза мы высаживались на неизвестные планеты и три раза уносили ноги из-за неожиданной опасности. Более того, все три раза мы улепетывали с этих планет сломя голову. Теперь положение критическое, и я не желаю снова играть втемную или, по крайней мере, хочу знать хоть какие-то из тех карт, что у меня на руках. До сих пор все, чем мы располагали, были слухи о радиоактивности Земли, но этого мало. По странному стечению обстоятельств, которого никто не мог предвидеть, всего лишь на расстоянии парсека от Земли есть планета, населенная людьми...

— Ты в самом деле знаешь, что Альфа населена людьми? — вмешался Пелорат. — Ты же сказал, что компьютер поставил около нее знак вопроса.

— Даже если так, имеет смысл поглядеть своими глазами. Если там действительно есть люди, попробуем узнать, что они помнят о Земле. Для них, кроме всего прочего, Земля — не далекий мир легенд; это — соседняя планета, а Солнце Земли — яркая и заметная в небе звезда.

— Неплохая идея, — задумчиво произнесла Блисс. — Еще я думаю, что если Альфа обитаема и ее жители не закоренелые изоляты, они могут оказаться дружелюбно настроенными, и тогда нам удастся раздобыть, в обмен на что-нибудь, приличную еду.

— И познакомиться с приятными людьми, — добавил Тревайз. — Не забывай об этом. Согласен, Джен?

— Тебе решать, дружочек. Куда ты, туда и я.

— А мы найдем там Джемби? — неожиданно спросила Фаллом.

Блисс торопливо, не дожидаясь ответа Тревайза, сказала:

— Мы его поищем, Фаллом. Обязательно.

А Тревайз объявил:

— Тогда решено. На Альфу.

73

— Две больших звезды, — сказала Фаллом, указывая на экран.

— Точно, — согласился Тревайз. — Две. Блисс, приглядывай за ней. Тут не игрушки.

— Она очарована механизмами и приборами, — возразила Блисс.

— Вижу, но я не очарован ее очарованием. Хотя, по правде сказать, я восхищен не меньше, чем Фаллом. Звезды и впрямь великолепны.

Пара звезд была достаточно яркой, чтобы каждая из них выглядела маленьким диском. Компьютер автоматически ввел дополнительные фильтры, чтобы избавиться от проникновения жесткой радиации, и пригасил свечение экрана, оберегая от повреждения сетчатку глаз. В итоге ярких звезд осталось немного, двойная звезда воцарилась на экране в гордом одиночестве.

— Дело в том, — признался Тревайз, — что я никогда так близко не подбирался к двойным звездам.

— Правда? — удивился Пелорат. — Как же это?

Тревайз усмехнулся:

— Я поколесил по Галактике, но я не такой уж закоренелый космический бродяга, как ты думаешь.

— Я никогда не был в космосе, пока не повстречал тебя, Голан, но всегда думал, что каждый, кто хоть однажды отважился в него выйти...

— Должен побывать всюду. Знаю. Это довольно естественно. Вся трудность общения с людьми-домоседами состоит в том, что, сколько бы разум ни твердил обратное, их воображение просто не в силах нарисовать истинных размеров Галактики. Можно скитаться по ней всю жизнь, но не увидишь большую ее часть. И потом, системы двойных звезд популярностью у космонавтов не пользуются.

— Почему? — нахмурилась Блисс. — Мы на Гее плохо знаем астрономию по сравнению с вами, непоседливыми изолятами, но у меня такое впечатление, что двойные звезды — вовсе не редкость.

— Это так, — согласился Тревайз. — Двойных звезд существенно больше, чем одиночных. Однако формирование двух звезд в непосредственной близости друг от друга нарушает обычные процессы возникновения планет. Двойные звезды обладают

меньшим количеством пригодного для строительства планет материала, чем одиночные. Даже если вокруг них возникают планеты, они часто имеют относительно нестабильные орбиты, и среди них крайне редко встречаются пригодные для жизни.

Пионеры космоплавания, видимо, изучили с близкого расстояния множество двойных звезд, но потом для целей заселения стали выбирать только одиночные. И, конечно, как только Галактику достаточно плотно заселили, практически все путешествия ограничились торговыми экспедициями или почтовыми маршрутами, пролегавшими между населенными планетами, обращавшимися вокруг одиночных звезд. Ко времени войн, вероятно, на небольших или необитаемых планетах, обращавшихся вокруг одной из двойных звезд, расположенных в стратегически важных районах, основывались военные базы; но по мере развития гиперпространственных полетов такие базы потеряли свое развитие.

— Как же я невежествен, просто поразительно, — смущенно пробормотал Пелорат.

— Ладно тебе, Джен, — усмехнулся Тревайз. — Когда я служил во флоте, мы прослушали дикое количество лекций о вышедшей из моды военной тактике, которую уже никто не применял и не стремился использовать, но по инерции ее изучали. Я сейчас всего-навсего воспроизвел кусок одной из таких лекций. Вспомни только, сколько всего ты знаешь о мифологии, фольклоре и древних языках, чего не знаю я и что известно только тебе да еще нескольким ученым.

— Пусть так, но эти две звезды составляют двойную систему, и около одной из них — обитаемая планета, — заметила Блисс.

— Надеюсь, это так, — сказал Тревайз. — Но везде бывают исключения. А тут еще этот официальный вопросительный знак, еще одна загадка... Нет, Фаллом, эти кнопки не игрушки. Блисс, или надень на нее наручники, или уведи отсюда.

— Она ничего не испортит, — защищая Фаллом, ответила Блисс, прижав девочку к себе. — Если ты так интересуешься обитаемой планетой, почему мы еще не там?

— По одной простой причине. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Я восхищаюсь видом двойной звезды с такого расстояния. И потом, мне, как всякому человеку, свойственна осторожность. Как я уже объяснял, с тех пор как мы покинули Гею, не произошло ничего такого, что заставило бы меня плюнуть на нее.

— Какая из этих звезд — Альфа? — спросил Пелорат.

— Мы не заблудимся, Джен. Компьютер точно знает, какая из них — Альфа, а потому знаем и мы. Так как она больше, то горячее и более желтая. Сейчас та, что справа, имеет явный оранжевый оттенок и напоминает солнце Авроры. Видишь?

— Да, теперь вижу, когда ты обратил на это мое внимание.

— Прекрасно. Это та, что меньше. Какая там вторая буква в том древнем языке, о котором ты говорил?

Пелорат на мгновение задумался, а затем ответил:

— Бета.

— Тогда назовем оранжевую звезду Бетой, а бело-желтую — Альфой, и направимся к ней.

Глава 17

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

74

— Четыре планеты, — пробормотал Тревайз. — Все небольшие, да еще несколько астероидов. Газовых гигантов нет.

— Ты разочарован? — спросил Пелорат.

— Пожалуй, нет. Это следовало ожидать. Двойные звезды, вращающиеся на малом расстоянии друг от друга, не могут иметь планет, вращающихся вокруг только одной из них. Планеты могут обращаться исключительно вокруг центра масс обеих звезд, но очень маловероятно, что такие планеты будут пригодны для жизни — слишком далеки они будут от источников света и тепла.

С другой стороны, если компоненты двойной звезды достаточно отдалены друг от друга, у каждой из них могут существовать планеты со стабильными орбитами, если они близки к одной из двух звезд. По данным компьютера, среднее расстояние между этими светилами — 350 миллионов километров, и даже в периастрии они не сходятся ближе, чем на 170 миллионов километров. Положение планет, чьи орбиты отдалены менее чем на 200 миллионов километров, может оставаться стабильным, но на более удаленных орбитах планеты не могут существовать. Это означает отсутствие газовых гигантов, поскольку они должны располагаться дальше двухсот миллионов километров от своей звез-

ды, но какая, собственно, разница? На газовых гигантах жить невозможно.

— А одна из этих четырех планет может быть пригодна для жизни?

— На самом деле единственно возможный вариант — вторая планета. По одной простой причине — только она достаточно велика, чтобы иметь атмосферу.

Корабль быстро приближался ко второй планете, и за два дня пути ее изображение на экране заметно увеличилось: сперва — величественно и постепенно, а затем, когда стало ясно, что никакого корабля-перехватчика нет и в помине — со все возрастающей, почти пугающей скоростью.

«Далекая звезда» неслась по временной орбите в тысяче километров от слоя облаков, когда Тревайз с усмешкой сказал:

— Теперь ясно, почему в банке данных компьютера после замечания об обитаемости планеты поставлен знак вопроса. Здесь нет следа ни от излучения — нет освещения в ночном полушарии, — ни от радиоволн.

— Тут такая плотная облачность, — заметил Пелорат.

— Она не может поглощать радиоволны.

Они наблюдали за планетой, вращающейся внизу, за симфонией вихрей белых облаков, в редких разрывах которых мелькали синеватые пятна океана.

— Облачный слой слишком плотный для обитаемой планеты, — сказал Тревайз. — Планета, должно быть, довольно мрачная. Но что беспокоит меня гораздо больше, — добавил он, как только корабль вновь вошел в ночную тень, — это отсутствие вызовов с орбитальных станций.

— Как на Компореллоне?

— Как около любой обитаемой планеты. Нас должны были бы остановить для обычной проверки документов, груза, виз и так далее.

— Может быть, нас вызывают, но мы не заметили? — предположила Блисс.

— Наш компьютер принял бы вызов на любой длине волны, которую для этого пожелали бы использовать местные жители. Кроме того, мы непрерывно посылаем свои собственные сигналы, но они никого не заинтересовали. Нырять под слой облаков без переговоров со службами орбитальных станций — нарушение космической этики, но я не вижу другого выхода.

«Далекая звезда» сбавила скорость, одновременно увеличивая нагрузку на антигравитаторы, чтобы не потерять высоту. Корабль снова вышел на освещенную сторону и продолжил снижение скорости. Тревайз вместе с компьютером обнаружил подходящий по размерам разрыв в облаках. Корабль накренился и проник сквозь разрыв. Внизу раскинулся океан, волнуемый свежим ветром. Его ребристая поверхность, испещренная редкими полосами белой пены, находилась на расстоянии нескольких километров.

Проскочив разрыв в облаках, корабль теперь скользил под облачным покровом. Воды океана сразу же стали грифельно-серыми, и заметно упала температура.

Фаллом, глядя на обзорный экран, что-то произнесла на своем богатом согласными звуками языке, но тут же перешла на галактический. Голос ее дрожал:

— Что это, что я вижу под нами?

— Это океан, — успокоила ее Блисс. — Очень много воды.

— А почему она не высыхает?

Блисс посмотрела на Тревайза. Тот ответил:

— Здесь слишком много воды, чтобы она могла высохнуть.

— Я не хочу столько воды, — вполголоса произнесла Фаллом. — Давайте уйдем отсюда. — Тоненько взвизгнула, и «Далекая звезда» ушла вверх, в самую гущу грозовых туч.

Экран стал молочно-белым и покрылся отметинами от дождевых капель.

Огни в рубке померкли, корабль затрясло.

Тревайз в ужасе оглянулся и крикнул:

— Блисс, твоя Фаллом уже достаточно выросла, чтобы управлять энергией! Она использует электрическую сеть корабля, пытаясь взять его под свой контроль. Останови ее!

Блисс обхватила Фаллом руками и крепко сжала ее.

— Все в порядке, Фаллом, не бойся. Здесь нечего бояться. Это просто другая планета, вот и все. Их на свете много, в том числе и таких.

Фаллом несколько расслабилась, но продолжала дрожать.

— Ребенок никогда не видел океана, — обратилась к Тревайзу Блисс, — и, возможно, судя по тому, что я знаю о ней, никогда не попадала в туман или под дождь. Не мог бы ты проявить хоть немного сочувствия?

— Нет, ведь она вмешивается в управление кораблем. Значит, она опасна для всех нас. Отведи ее в каюту и успокой.

Блисс коротко кивнула.

— Я пойду с тобой, Блисс, — сказал Пелорат.

— Нет, нет, Пел, — отозвалась она. — Останься здесь. Я успокою Фаллом, а ты утешь Тревайза, — сказала она и вышла.

— Не нужны мне никакие утешения, — проворчал Тревайз. — Прошу прощения за то, что не смог сдержаться, но мы не должны позволять ребенку играть с пультом управления, верно?

— Конечно, не должны, но Блисс не успела среагировать, настолько неожиданно все произошло. Она все-таки справляется с Фаллом, которая ведет себя просто замечательно для ребенка, увезенного из дому, от любимого робота, и вовлеченного волей-неволей в такую жизнь, которой совершенно не понимает.

— Да знаю я! Но вспомни, ведь это не я хотел взять ее с собой. Это Блисс так решила.

— Да, но в противном случае ребенка убили бы.

— Хорошо. Извинюсь перед Блисс позже. Перед ребенком тоже.

Но Тревайз явно еще не отошел от страха за «Далекую звезду», и Пелорат тихо спросил:

— Голан, дружочек, что еще беспокоит тебя?

— Океан, — отозвался Тревайз.

Корабль давно покинул зону шторма, но все еще находился в тени облаков.

— Что с ним не так?

— Его слишком много, вот и все.

Пелорат непонимающе смотрел на него, и Тревайз со вздохом пустился в объяснения:

— Нет суши. Мы до сих пор не видели никакой суши. Атмосфера совершенно нормальная, кислород и азот в подходящей пропорции, так что планета явно искусственно обустроена, и где-то должна быть растительность, поддерживающая содержание кислорода. В естественном состоянии такие атмосферы не встречаются — за исключением, возможно, Земли, где она бог знает как сформировалась. Но тогда, раз планета терраформирована, здесь должна быть определенная площадь суши — от одной трети поверхности и не менее одной пятой. Так как же эта планета может быть переделана и не иметь суши?

— Может быть, — задумчиво проговорил Пелорат, — поскольку эта планета — часть системы двойной звезды, она совершенно нетипична. Может быть, она не терраформирована, а атмосфера сформировалась в результате такого процесса, который совершенно не встречается на планетах возле одиночных звезд.

Возможно, и жизнь здесь развивалась независимо, как это однажды произошло на Земле, но только морская жизнь.

— Даже если допустить такое, — сказал Тревайз, — это не даст нам ничего. Обитатели океана не могут развивать технику. Техника всегда основана на применении огня, а огонь в океане... ты ведь понимаешь. Планета с жизнью, но без технологически развитой цивилизации — это не то, что нам нужно.

— Понимаю, понимаю, но я только высказываю предположение. Кроме всего прочего, насколько нам теперь известно, технику создали только единожды — на Земле. А переселенцы разнесли ее с собой по Галактике. Нельзя говорить о технике «всегда», если тебе известен только один ее тип.

— Передвижение в воде требует обтекаемой формы. Морские животные не могут иметь неправильную форму и конечности наподобие рук.

— У осьминогов есть щупальца.

— Фантазировать можно сколько угодно, но если ты в силах представить интеллигентных головоногих моллюсков, без взаимосвязи эволюционировавших где-то в Галактике и разработавших технику, исключающую применение огня, на мой взгляд, у тебя извращенное воображение.

— На твой взгляд, — осторожно уточнил Пелорат.

Тревайз ни с того ни с сего расхохотался.

— Лихо, Джен! Как я посмотрю, ты часто пренебрегаешь логикой, ради того чтобы я успокоился после стычки с Блисс. Здорово у тебя получается. Я обещаю тебе, что, если не найду сушу, мы просеем весь океан на предмет наличия цивилизованных осьминогов.

Пока он говорил, корабль снова оказался над ночной стороной планеты, и обзорный экран потемнел.

Пелорат вздрогнул.

— Я вот думаю... Безопасно ли это?

— Что именно?

— Мчаться сквозь тьму, как ты мчишься сейчас? Можно ведь во что-нибудь врезаться или нырнуть в океан и погибнуть.

— Совершенно невозможно, Джен. Что ты! Компьютер ведет корабль вдоль эквипотенциальных линий гравитационного поля. Другими словами, он летит так, чтобы сила притяжения была постоянной, то есть остается практически на одной высоте над уровнем моря.

— Но на какой?

— Около пяти километров.

— Это меня не успокаивает, Голан. Разве не можем мы долететь до земли и врезаться в горы, которых не заметим?

— Мы не заметим — корабельный радар заметит, и компьютер заставит корабль обогнуть их или перелететь через них.

— А что, если суша здесь очень ровная? Мы можем проглядеть ее в темноте.

— Нет, Джен, не можем. Отражение сигнала радара от воды совсем не похоже на отражение от суши. Водная поверхность плоская, а поверхность суши, как правило, нет. А потому отражение от нее гораздо более рассеянное, чем от воды. Компьютер распознает отличие и даст мне знать, если внизу покажется суша. Даже днем, при солнечном освещении он распознает сушу раньше меня.

Оба умолкли. Через несколько часов вновь показалось солнце, океан внизу снова монотонно катил свои волны, и лишь тогда, когда «Далекая звезда» пересекала очередной грозовой фронт, его просторы пропадали из виду. Один из штормовых вихрей даже отклонил корабль от курса. Тревайз объяснил, что компьютер уступил напору ветра, чтобы не допустить бессмысленного расхода горючего и свести к минимуму риск физических повреждений. Затем, когда воздушная круговерть осталась позади, «Далекая звезда» легла на прежний курс.

— Вероятно, это была граница циклона, — пояснил Тревайз.

— Послушай, дружочек, мы же просто летим с запада на восток или с востока на запад. Так мы, кроме экватора, ничего не увидим.

— Это было бы глупо, верно? На самом деле мы облетаем планету по наклонной орбите с северо-запада на юго-восток. Таким образом, минуя тропики и зоны умеренного климата, с каждым новым витком мы смещаемся на запад, поскольку планета вращается под нами вокруг своей оси. Мы планомерно осматриваем ее. Сейчас, поскольку мы до сих пор не видели суши, шансы наличия здесь крупного материка, по данным компьютера, — меньше чем один из десяти, а острова — меньше чем один из четырех. Шансы падают с каждым нашим новым витком вокруг планеты.

— Знаешь, как бы я поступил? — медленно произнес Пелорат, когда вокруг корабля вновь сгустился мрак ночи. — Я остался бы на достаточно большом расстоянии от планеты и с помощью радара обшарил бы все полушарие, обращенное ко мне. Облака не помешали бы мне, так ведь?

— А потом перелетел бы на другую сторону, — подхватил Тревайз, — и проделал бы то же самое там. Или просто подождал, когда повернется сама планета. Хорошо думать задним умом, Джен. Кто бы мог ожидать, приближаясь к обитаемой планете, что его не остановят орбитальные станции и не укажут траекторию посадки или запретят ее? А потом, миновав слой облаков, так и не встретишься со станциями. Кто мог ожидать, что не найдет тотчас же сушу? Обитаемые планеты — это... это суша!

— Но не только же суша! — не согласился Пелорат.

— Я не об этом! — с внезапным возбуждением воскликнул Тревайз. — Я хотел сказать, что мы нашли сушу! Тихо!

Затем, стараясь изо всех сил справиться с волнением, Тревайз положил руки на пульт и соединился с компьютером.

— Это остров, — сообщил он, — около двухсот шестидесяти километров в длину и около шестидесяти пяти в ширину. Площадь, стало быть, примерно семнадцать тысяч квадратных километров. Небольшой, но и не маленький. Больше, чем просто точка на карте. Погоди-ка...

Свет в рубке померк, а затем вообще выключился.

— Что такое? — спросил Пелорат, инстинктивно перейдя на шепот, словно сама темнота была чем-то хрупким, что можно было разбить.

— Ждем, когда глаза привыкнут к темноте. Корабль завис над островом. Сиди и смотри. Видишь что-нибудь?

— Нет. Вроде бы слабые пятнышки света. Но я не уверен.

— Я тоже вижу их. Сейчас попробую включить телескоп.

И они увидели свет! Ясные, беспорядочно разбросанные точки.

— Остров обитаем, — заключил Тревайз. — Возможно, это единственное населенное людьми место на этой планете.

— И что же мы будем делать?

— Подождем наступления дня. Несколько часов можно отдохнуть.

— А они не могут напасть на нас?

— Как? Я не обнаружил почти никакого излучения, кроме видимого света и инфракрасных лучей. Планета обитаема, ее обитатели явно разумны. У них развита техника, но, очевидно, на доэлектронном уровне, так что я не думаю, что здесь нам сто-

ит чего-нибудь опасаться. Даже если я не прав, компьютер заблаговременно предупредит меня.

— А когда настанет день?

— Мы приземлимся, естественно.

75

Корабль пошел на снижение, когда первые лучи утреннего солнца сквозь разрывы в тучах осветили видимую часть острова — ярко-зеленую, с цепью низких, округлых холмов, посередине вытянувшихся к горизонту и исчезающих в лиловой дымке.

Когда корабль подлетел к острову, стали видны отдельные купы деревьев, разбросанные там-сям сады, но большую часть острова занимали ухоженные фермы. Прямо под кораблем, на юго-восточном побережье, раскинулся серебристый пляж, огражденный прерывистой линией валунов, за которой начинался луг. Время от времени попадались отдельные дома, но они не группировались во что-либо подобное городу.

Там стала видна тонкая сеть дорог, кое-где проходивших мимо жилищ. Потом увидели вдалеке аэрокар, парящий в прохладном утреннем воздухе. От птицы на таком расстоянии он отличался лишь своими маневрами в воздухе. Это был первый несомненный признак разумной жизни, который путешественники увидели на планете.

— Наверное, он автоматический, если только такое возможно без электроники, — сказал Тревайз.

— Наверное, — отозвалась Блисс. — Мне кажется, если бы им управлял человек, он направился бы к нам. Нас, должно быть, прекрасно видно... Интересно смотреть, как мы садимся без пламени из сопел или реактивного торможения.

— Картина непривычная, что ни говори, — задумчиво кивнул Тревайз. — Не так уж много найдется планет, где видели бы, как приземляется гравилет. Этот пляж мог бы стать прекрасным местом для посадки, но если поднимется ветер... Я не хочу, чтобы корабль хлестнуло. Мне больше нравится лужок по ту сторону валунов.

— Хорошо, — встрял в разговор Пелорат, — что гравилет не может спалить частную собственность при посадке.

Сели они мягко, на четыре медленно выехавшие наружу во

время последней стадии приземления широкие опоры. Они вдавились в почву под весом корабля, и «Далекая звезда» замерла.

— Наверное, мы все-таки оставим здесь отметины, — вздохнул Пелорат.

— По крайней мере, климат здесь ровный, я бы даже сказала, теплый. — В голосе Блисс проскользнули не совсем одобрительные нотки.

На траве стоял человек и следил за кораблем, не проявляя, впрочем, ни страха, ни удивления. На его лице отражались только восхищение и интерес.

При ближайшем рассмотрении человек оказался женщиной, очень легко одетой, что подтверждало оценку климата, данную Блисс. Сандалии на женщине, похоже, были из парусины, а вокруг бедер был обернут, наподобие юбки, кусок ткани с цветастым рисунком, составлявший всю ее одежду.

Волосы женщины были темными, длинными, блестящими и струились волнами почти до пояса. Кожа смуглая, глаза миндалевидные.

Тревайз оглядел окрестности — других людей поблизости видно не было. Он пожал плечами и сказал:

— Ну... раннее утро, как-никак. Местные жители, наверное, сидят по домам, а может, и спят еще. В общем, я бы не сказал, что это густонаселенный район. — Он обернулся к остальным: — Пойду потолкую с дамой. Глядишь, добьюсь чего-нибудь вразумительного. А вы...

— Я думаю, мы тоже можем выйти, — твердо проговорила Блисс. — Женщина на вид совершенно безопасна, и в любом случае я хотела бы размяться, подышать свежим воздухом. Может быть, удастся договориться насчет местных продуктов. Я хочу, чтобы Фаллом вновь ощутила под собой твердую почву, и думаю, Пел будет рад посмотреть на эту женщину поближе.

— Кто? Я? — зардевшись, вскричал Пелорат. — Вовсе нет, Блисс, но ведь я... как-никак переводчик у нас в отряде.

Тревайз пожал плечами:

— Пошли. Пошли вместе. Все же, хотя она и безопасна с виду, я намерен взять с собой оружие.

— Сомневаюсь, — заметила Блисс, — что у тебя возникнет потребность его использовать против этой юной женщины.

— Хорошенькая, верно? — ухмыльнулся Тревайз.

Он первым покинул корабль, за ним сошла Блисс вместе с Фаллом, обнимая ее одной рукой. Пелорат шел последним.

Юная черноволосая женщина продолжала с интересом рассматривать их, не отступив ни на дюйм.

— Ну, попробуем, — пробормотал Тревайз.

Он отвел руки от оружия и произнес:

— Здравствуй.

Юная женщина, казалось, некоторое время размышляла над этим, а затем ответила:

— Приветствую тебя, чужеземец. Приветствую и твоих спутников.

— Чудесно! — обрадовался Пелорат. — Она говорит на классическом галактическом и с правильным произношением!

— Я тоже понял ее, — кивнул Тревайз. — Хоть говорит она витиевато. Надеюсь, она понимает меня.

Он улыбнулся и, придав своему лицу самое дружелюбное выражение, продолжал:

— Мы прибыли через космос, мы пришли с другой планеты.

— Это хорошо, — сказала юная женщина ясным чистым сопрано. — Прибыл ли твой корабль из Империи?

— Он прибыл с далекой звезды, и сам называется «Далекая звезда».

Туземка посмотрела на надпись на корабле.

— Гласит ли написанное то, что ты изрек? Если это так и если первая буква — *F*, тогда, о чужеземец, она написана задом наперед.

Тревайз готов был возразить, но Пелорат, впавший от радости в экстаз, воскликнул:

— Она права, права! Буква *F* перевернулась примерно двести лет назад. Какой восхитительный случай — изучить классический галактический как живой язык!

Тревайз же изучал юную островитянку. Ростом она была не выше полутора метров. Правда, девочкой ее назвать было трудно. Груди красивой формы были невелики. Соски были большими и темными, — может быть, оттого, что девушка была так смугла.

— Меня зовут Голан Тревайз, — сказал он, — моего друга — Джен Пелорат, женщину — Блисс, а ребенка — Фаллом.

— По обычаю, следовательно, на далекой звезде, откуда вы появились, мужчины обладают двойным именем? Я — Хироко, дочь Хироко.

— А твой отец? — внезапно вмешался Пелорат.

В ответ Хироко равнодушно пожала плечами:

— Имя его, как говорила моя мать, Смул, но это неважно. Я не знаю его.

— А где остальные? — спросил Тревайз. — Похоже, ты одна встречаешь нас.

— Многие из мужчин — на рыбачьих лодках, многие из женщин — на полях. Я два дня свободна, и посему мне посчастливилось узреть ваш величественный корабль. Впрочем, корабль ваш можно было узнать даже издалека. Люди любопытны и вскоре прибудут сюда.

— А много этих других на острове?

— Их двадцать тысяч и еще пять, — с гордостью сообщила Хироко.

— В океане есть другие острова?

— Другие острова, благородный господин? — спросила она удивленно.

Тревайз счел, что это ответ. Этот остров — единственное место на этой планете, где живут люди.

— А как вы называете свою планету?

— Она именуется Альфа, благородный господин. Нас учили тому, что полное ее название — альфа Центавра, если это о чем-то тебе говорит, но мы зовем ее просто Альфа, и, как видите, это благообразная планета.

— Какая-какая? — непонимающе переспросил Тревайз и обернулся к Пелорату.

— Она имела в виду «прекрасная».

— Это точно, — согласился Тревайз, — по крайней мере, здесь и сейчас. — Он взглянул на нежно-голубое утреннее небо с редкими облаками. — Будет чудесный солнечный день, Хироко, но я думаю, такие не часты на Альфе.

— Столько, сколько нам потребно, господин, — холодно ответила Хироко. — Облака могут являться, когда нам потребен дождь, но большую часть дней нам лучше, когда небо ясное. Конечно, доброе небо и тихий вечер гораздо более желаемы в те дни, когда в море выходят рыбачьи суда.

— Следовательно, ваш народ управляет погодой, Хироко?

— Не поступай мы так, господин Голан Тревайз, мы бы вымокли до нитки под дождем.

— Но как вы это делаете?

— Не будучи обученным инженером, господин, я не в силах этого объяснить.

— Да будет мне позволено узнать название этого острова, на

котором живешь ты и остальные люди? — поинтересовался Тревайз, неожиданно для себя переключившись на обороты классического языка и отчаянно гадая, правильно ли он говорит.

— Мы зовем наш благословенный остров посреди безбрежного моря Новой Землей, — ответила Хироко.

Тревайз и Пелорат обменялись удивленными и восторженными взглядами.

76

Переспрашивать времени не было. Появились другие люди. Десятки людей. «Должно быть, — подумал Тревайз, — это те, кто не ушел в море на лодках, не работал в поле, те, кто оказался неподалеку от места посадки». Большую часть пути люди явно прошли пешком, хотя видны были и два автомобиля — довольно старых и затрапезных.

Ясно, цивилизация тут была в техническом отношении слаборазвитая, но все же погодой местные жители управляли.

Известно, что техника вовсе не обязательно развивается во всех направлениях одинаково; отсутствие успехов в какой-либо области не исключает наличия значительных достижений в других, но наверняка данный пример неравномерности развития являлся необычным.

Из тех, кто сейчас рассматривал корабль, по крайней мере половину составляли старики и старухи; были и дети — трое-четверо. Остальные, в основном женщины, помоложе. Непохоже, чтобы островитяне были напуганы.

— Ты что, управляешь ими? — шепотом спросил Тревайз у Блисс. — Они кажутся такими умиротворенными.

— Я и не думала прикасаться к их сознанию. Я делаю это в самых крайних случаях. А сейчас я забочусь только о Фаллом.

Всякому, кто повидал зевак, показалось бы, что у корабля собралась жалкая горстка людей, но для Фаллом это было непривычно. Она и к трем взрослым на «Далекой звезде» только-только начала привыкать. Солярианка часто, коротко дышала, полуприкрыв глаза. Казалось, еще чуть-чуть, и наступит обморок.

Блисс ласково гладила волосы Фаллом и что-то успокаивающе шептала. Тревайз не сомневался, что Блисс при этом самым деликатным образом убаюкивает сознание солярианки.

Фаллом неожиданно глубоко вздохнула — почти всхлипнула,

и вздрогнула. Подняла голову, посмотрела вокруг почти отстраненным взглядом, но тут же спрятала лицо, уткнувшись в грудь Блисс.

Блисс ласково сжала плечи девочки, словно подтверждая свое присутствие и защиту. Пелорат переводил благоговейный взгляд с одного альфианина на другого.

— Голан, они такие непохожие, — сказал он наконец.

Тревайз тоже заметил это. Тут были люди с разными цветом кожи и волос. У одного туземца была ярко-рыжая шевелюра, синие глаза и вся физиономия в веснушках. Двое-трое взрослых были одного роста с Хироко, а парочка — выше Тревайза. У некоторых мужчин и женщин разрез глаз был таким же, как у Хироко, и Тревайз вспомнил, что на одной густонаселенной торговой планете сектора Файли такие глаза, по слухам, отражали лица всех местных жителей, но самого его никогда туда не заносило.

На всех альфианах выше пояса не было никакой одежды. Все женщины, как на подбор, — с маленькой, просто-таки девичьей грудью. Вот и все, что было у туземцев общего.

— Мисс Хироко, — неожиданно обратилась к островитянке Блисс, — моя девочка не привыкла к длительным полетам. Она увидела столько нового, что больше уже не в силах впитать. Нельзя ли ее усадить где-нибудь и, если можно, дать ей немного поесть и попить?

Хироко нахмурилась. Пелорат повторил для нее слова Блисс, но на более замысловатом галактическом среднеимперского периода. Рука Хироко вспорхнула к губам, и островитянка опустилась на колени:

— Я молю о пощаде, уважаемая госпожа! Я не подумала ни о нуждах этого ребенка, ни о твоих. Необычайность происшедшего излишне очаровала меня. Не будете ли вы так добры — вы все — стать нашими гостями и пройти в дом для утренней трапезы? Будет ли нам позволено присоединиться к вам, дабы мы смогли прислуживать вам как хозяева?

— Ты очень добра, — сказала Блисс. Она говорила медленно, старательно выговаривая слова, надеясь, что так ее легче понять. — Хотя было бы лучше, если ты одна будешь прислуживать нам — ради спокойствия ребенка, непривычного к большому стечению народа.

Хироко поднялась с колен.

— Да будет так, как ты сказала, — ответила она, склонив голову, и легкой походкой зашагала по траве.

Другие альфиане подошли поближе. Они, похоже, особенно интересовались одеждой незнакомцев. Тревайз снял с себя легкую куртку и протянул мужчине, который подошел сбоку и ткнул в куртку пальцем.

— Вот, — сказал он, — посмотри, но потом верни. — Затем он обратился к Хироко: — Проследи, чтобы я получил ее назад, мисс Хироко.

— Вне всяких сомнений, вещь будет возвращена, благородный господин, — сказала та и уверенно кивнула.

Тревайз улыбнулся и пошел дальше. Ему было гораздо легче шагать без куртки под легким теплым ветерком.

Он не заметил оружия у окружавших их людей. Вот забавно — никто, казалось, не обнаруживал ни страха, ни стесненности при виде оружия Тревайза. Островитяне даже не проявляли к нему особого любопытства. Впрочем, они просто могли не принимать эти штуки за оружие. Судя по тому, что увидел Тревайз, Альфа могла оказаться планетой, совершенно лишенной какого бы то ни было насилия.

Одна из женщин обогнала Блисс, обернулась, с пристрастием уставилась на ее блузку и спросила:

— Есть ли у тебя груди, уважаемая госпожа?

И, словно не в силах была дождаться ответа, протянула руку и недоверчиво провела по груди Блисс.

Блисс улыбнулась и ответила:

— Как ты смогла убедиться, они у меня есть. Возможно, они не такие красивые, как твои, но я скрываю их не по этой причине. В моем мире обнажать грудь считается непристойным.

— Как тебе мой классический галактический? — шепнула Блисс Пелорату.

— У тебя вполне прилично получается, Блисс.

Трапезная оказалась большим помещением с длинными столами, вдоль которых тянулись скамьи. Очевидно, альфиане предпочитали есть сообща.

Тревайз почувствовал угрызения совести. Из-за просьбы Блисс оставить их одних они оказались в огромном зале впятером и вынудили большинство альфиан остаться снаружи. Однако некоторые из них расположились на небольшом расстоянии от окон (которые представляли собой всего лишь отверстия в

стенах, не прикрытые даже ставнями), так чтобы иметь возможность наблюдать за тем, как едят чужестранцы.

«А если бы шел дождь?» — подумал Тревайз. Но, вероятно, дождь здесь начинался только тогда, когда в нем возникала нужда, причем дождь, наверное, редкий и теплый, без сильного ветра. Более того, дождь, видимо, начинался в определенное время, так что альфиане, решил Тревайз, успели бы к нему подготовиться.

Окна выходили на море. Далеко на горизонте Тревайз как будто разглядел грозовые тучи, вроде тех, что почти целиком затягивали небо над планетой, кроме этого крохотного райского островка.

В этом и состояло преимущество управления погодой.

Вскоре им стала прислуживать юная девушка, ходившая вокруг стола на цыпочках. Она не спрашивала, чего бы им хотелось, а просто накрывала на стол. Девушка поставила перед каждым по небольшому стакану с молоком, побольше — с виноградным соком, еще больше — с водой. Обед каждого состоял из двух больших зажаренных яиц с ломтиками белого сыра. Кроме того, стояли большие блюда с отварной рыбой и маленькие — с жареным картофелем, разложенным на холодных зеленых листьях латука.

Блисс потрясенно смотрела на такое количество еды и явно растерялась — с чего бы начать. Фаллом не испытывала подобных затруднений. Она жадно и с явным удовольствием выпила стакан сока, затем перешла к рыбе и картофелю. Фаллом попыталась запустить в еду пальцы, но Блисс протянула ей большую ложку с заостренными краями, которая могла служить и вилкой. Фаллом взяла ее.

Пелорат довольно улыбнулся и принялся за яйца.

— А я, оказывается, забыл, — заметил Тревайз, — каковы на вкус настоящие яйца.

Хироко, забыв о своем собственном завтраке, в восторге глядела на то, как едят гости (даже Блисс наконец начала кое-что пробовать, и видно было, что ей нравится), и наконец спросила:

— Хороша ли еда?

— Просто прекрасна! — ответил Тревайз, прожевав очередной кусок. — На этом острове, судя по всему, нет богатых источников продовольствия. Или вы подали нам больше, чем едите сами, просто из вежливости?

Хироко слушала, внимательно глядя на него, и, видимо, уловила смысл вопроса:

— О нет, благородный господин. Наша страна щедра, а наше море — еще щедрее. Наши утки несут яйца, наши козы дают молоко, и мы делаем сыр, колосятся наши нивы. В океане — бесчисленные виды рыбы, и нет им числа. Вся Империя могла бы делить с нами трапезу и не истощить запасов рыбы в нашем море.

Тревайз неуверенно улыбнулся. Ясно, молодая альфианка не имела ни малейшего понятия об истинных размерах Галактики.

— Ты, Хироко, назвала этот остров Новой Землей, — сказал он. — Где же тогда Старая Земля?

Она в замешательстве посмотрела на Тревайза.

— Вы сказали *Старая* Земля? Я прошу простить меня, господин. Я не поняла смысла этих слов.

— Прежде чем возникла эта Новая Земля, ваши люди должны были где-то жить. Где же было это место, откуда они явились?

— Мне ничего не ведомо об этом, благородный господин, — с трогательной серьезностью ответила Хироко. — Эта страна была моей всю мою жизнь, это страна моей матери, и бабушки, и, несомненно, их бабушек и прабабушек. Никакие другие страны мне неведомы.

— Но, — попытался осторожно поспорить Тревайз, — ты говоришь о своей стране как о *Новой* Земле. Почему ты называешь ее именно так?

— Потому, благородный господин, — ответила Хироко негромко, — что она так зовется всеми, и ни одна женщина не находит это странным.

— Но это *Новая* Земля, следовательно, более поздняя. Должна быть и *Старая* Земля, предшествовавшая этой, в честь которой ваш мир и был назван. Каждое утро наступает новый день, и это означает, что раньше него был старый день, прошедший. Разве ты не понимаешь, что так и должно быть?

— Нет, благородный господин. Мне ведомо только, как называется наша страна. Я не знаю более ничего и не могу уследить за твоими рассуждениями, которые, на мой взгляд, напоминают то, что мы зовем здесь болтологией. Прости, я не хотела тебя обидеть, господин.

Тревайз покачал головой — никакого толку.

77

Тревайз наклонился к Пелорату и прошептал:

— Куда бы мы ни попадали, что бы мы ни делали — никакой информации.

— Мы знаем, где Земля, так в чем же дело? — ответил Пелорат, едва шевеля губами.

— Я хочу знать хоть что-нибудь о ней.

— Эта женщина очень молода. Вряд ли она располагает необходимыми знаниями.

Тревайз подумал немного и кивнул:

— Правильно, Джен.

Он повернулся к Хироко и сказал:

— Мисс Хироко, вы так и не поинтересовались, зачем мы здесь, в вашей стране.

Хироко потупила глаза и объяснила:

— Я не смею высказывать никакого интереса, исходя из вежливости и гостеприимства, до тех пор пока вы все не поедите и не отдохнете, благородный господин.

— Но мы уже поели, можно считать, и отдыхали перед посадкой, так что я скажу тебе, зачем мы здесь. Мой друг, доктор Пелорат, — известный ученый в нашем мире, образованный человек. Он — мифологист. Ты знаешь, что это такое?

— Нет, благородный господин. Не знаю.

— Он изучает древние предания, те, которые рассказываются на разных планетах. Эти предания называются мифами или легендами, и они интересуют доктора Пелората. Есть ли на Новой Земле кто-нибудь, кто знает ваши предания?

Хироко слегка наморщила лоб, задумалась и сказала:

— Я в этом не искусна. В этой части острова есть старик, который любит говорить о былых временах. Откуда он мог все это узнать, мне неведомо, и думаю, он либо сам все выдумал, либо услыхал от других выдумщиков. Возможно, это именно то, что твой ученый друг хотел бы услышать, хотя я могла и неверно понять тебя. Сама я думаю, — она огляделась по сторонам, словно не желая, чтобы ее кто-то услышал, — что старик этот — просто болтун, хотя многие охотно его слушают.

— Нам как раз такая болтовня и нужна, — кивнул Тревайз. — Не могла бы ты отвести моего друга... к этому старику?

— Он называет себя Моноли.

— ...К Моноли. А как ты думаешь, Моноли согласится поговорить с моим другом?

— Он? Согласится ли поговорить? — презрительно скривилась Хироко. — Вы бы лучше спросили, согласится ли он когда-нибудь перестать говорить. Он всего лишь мужчина и, следовательно, может проболтать до третьих петухов, не закрывая рта, не в обиду ему будет сказано, благородный господин.

— Так можешь ты прямо сейчас отвести моего друга к Моноли?

— Это может сделать любой и когда угодно. Старик всегда дома и всегда готов приветствовать слушателей.

— И, возможно, какая-нибудь пожилая женщина не прочь пообщаться с госпожой Блисс. Она должна заботиться о ребенке и не сможет далеко от него отходить. Ей понравилось бы, если бы ей составили компанию; женщины, как ты знаешь, рады...

— Посплетничать? — удивилась Хироко. — Впрочем, так считают мужчины, хотя я не раз наблюдала, как сами же мужчины оказывались гораздо большими болтунами. Дайте им только вернуться после рыбалки, и они начнут соперничать друг с другом в полете фантазии, расписывая свою добычу. Никто не может ни проверить их, ни поверить, но это, впрочем, их не останавливает. Но довольно и мне болтать. У моей матери есть подруга, ее я сейчас узрела в окно, которая может составить компанию госпоже Блисс и ее ребенку, но раньше может проводить твоего друга, уважаемого доктора, к Моноли. Если твой друг столь же горазд слушать, как Моноли — говорить, тогда ты вряд ли сможешь разлучить их в этой жизни. А теперь, с вашего позволения, я покину вас на минуту.

Когда она ушла, Тревайз обратился к Пелорату:

— Послушай, выжми все, что сможешь, из этого старика; а ты, Блисс, выпытай как можно больше от той, что придет посидеть с тобой. Все о Земле.

— А ты? — спросила Блисс. — Что собираешься делать ты?

— Я останусь с Хироко и попытаюсь найти третий источник информации.

— Ну да, — понимающе улыбнулась Блисс. — Пел будет говорить со стариком. А ты, так уж и быть, останешься с хорошенькой полуголой девушкой. Разумное распределение труда, ничего не скажешь.

— Выходит так, Блисс, что это *действительно* разумно.

— Но тебя не огорчает, что труд распределится именно так, а не иначе?

— Нет, конечно. Почему это должно меня огорчать?

— Действительно, почему?

Вернулась Хироко и, сев на скамью, сообщила:

— Все устроилось. Уважаемый доктор Пелорат будет сопровожден к Моноли; благородная госпожа Блисс, вместе с ее ребенком, обретет компаньонку. Теперь я могу надеяться, благородный господин Тревайз, продолжить столь приятную моему сердцу беседу с тобой, быть может, даже об этой Старой Земле, о которой ты...

— Болтал? — копируя ее, пошутил Тревайз.

— Нет! — смеясь, возразила Хироко. — Но ты славно передразнил меня. Я проявила к тебе неуважение, отвечая на эти вопросы в дурном тоне. Я стражду принести извинения и исправить свою ошибку.

— «Стражду»? — Тревайз оглянулся на Пелората.

— «Жажду», — негромко перевел Пелорат.

— Мисс Хироко, я не почувствовал неуважения, но, если тебе станет легче, я рад буду поговорить с тобой.

— Ты несказанно добр. Благодарю тебя, — сказала Хироко, вставая.

Тревайз тоже поднялся.

— Блисс, — позвал он, — удостоверься, что Джен в безопасности.

— Предоставь это мне. А у тебя есть... — Блисс красноречиво взглянула на оружие Тревайза.

— Не думаю, что оно понадобится, — проворчал Тревайз.

Он последовал за Хироко, вышедшей из трапезной. Солнце поднялось уже высоко, и стало еще теплее. Ощущался, как всегда, запах новой планеты. Тревайз припомнил, что на Компорелоне почти ничем не пахло, вспомнил слегка затхлый запах Авроры, довольно приятный — Солярии. (На Мельпомене они были в скафандрах и могли чувствовать лишь запах собственных тел.) В каждом случае к запаху они привыкали буквально за несколько часов, как только насыщались обонятельные рецепторы носа.

Здесь, на Альфе, приятно пахло травой, нагретой солнцем, и Тревайзу стало грустно — этот запах ему нравился.

Они приближались к небольшому домику, построенному, похоже, из бледно-розовой глины.

— Это, — показала рукой Хироко, — мой дом. Некогда он принадлежал младшей сестре моей матери.

Она вошла внутрь и жестом пригласила Тревайза за собой. Дверь была открыта — точнее, как заметил Тревайз, проходя сквозь дверной проем, — ее не было вовсе.

— А что же вы делаете, когда идет дождь? — поинтересовался он.

— Мы всегда готовы к этому. Дождь длится два дня, по три часа на заре, когда холоднее и когда он способен увлажнить почву наиболее щедро. Тогда я просто натягиваю на проем этот полог, тяжелый и отталкивающий воду.

Этим она и занялась, не прекращая своих объяснений. Полог был сделан из прочного, похожего на парусину материала.

— Я оставлю его так, — продолжала она. — И все будут ведать, что я дома, но не желаю, чтобы меня беспокоили, поскольку я сплю или занята важными делами.

— Не слишком надежная защита от непрошеных гостей.

— Но почему же? Смотри, вход закрыт.

— Но любой может отодвинуть полог и войти.

— Не согласуясь с волей хозяина? — Хироко была потрясена подобным предположением. — И такое может произойти в твоем мире? Какое варварство!

— Я просто спросил, — усмехнулся Тревайз.

Хироко провела его в дальнюю комнату, и, повинуясь ее приглашению, Тревайз уселся в мягкое кресло. В маленькой полутемной комнате он ощущал что-то вроде приступа клаустрофобии, но, видимо, дом их и предназначался только для уединения и отдыха. Окна были невелики и располагались почти под потолком, но по стенам были выложены узоры из тусклых зеркальных полосок, отражающих падающий на них свет в разные стороны. Из щелей в полу тянуло холодком. Признаков искусственного освещения Тревайз не нашел и задался вопросом, не встают ли альфиане с рассветом и не ложатся ли с закатом?

Вопрос уже готов был сорваться с его губ, но Хироко опередила его:

— Госпожа Блисс — твоя женщина?

Тревайз осторожно переспросил:

— Ты хотела узнать, не является ли она моей сексуальной партнершей?

— Умоляю тебя, соблюдай приличия ведения вежливой беседы, — покраснела Хироко. — Я действительно имела в виду телесные радости.

— Нет. Она женщина моего ученого друга.

— Но ведь ты моложе и более хорош собой.

— Ну, спасибо за комплимент, однако Блисс так не думает. Ей нравится доктор Пелорат, и гораздо сильнее, чем я.

— Это очень удивляет меня. А он не готов поделиться с тобой?

— Я не спрашивал, но уверен, что он делиться не пожелает. Впрочем, я и не стремлюсь к этому.

— Тебя можно понять, — рассудительно кивнула Хироко. — У нее слишком фундаментальная...

— Что-что фундаментальное?

— Ты понимаешь. Вот это, — и Хироко грациозно шлепнула себя пониже спины.

— Ах это! Теперь я понял. Да, Блисс щедро наделена тем, что называется бедрами. — Он изобразил руками нечто округлое и подмигнул. Хироко рассмеялась. — Тем не менее многие мужчины находят великолепной подобную округлость фигуры.

— Не могу поверить в это. Наверное, это извращение — желать того, что превосходит некий приятный средний уровень. Разве ты стал бы лучшего мнения обо мне, если бы мои груди были массивными, с отвисшими сосками? Я сама, по правде говоря, видела таких женщин, хотя и не замечала, чтобы мужчины толпились вокруг них. Несчастная женщина, которую так покарала судьба, поистине должна прикрывать свое уродство — как это делает госпожа Блисс.

— Такая гипертрофированность меня тоже не привлекает, хотя я уверен, что Блисс прикрывает грудь вовсе не из-за того, что она у нее некрасива.

— Следовательно, ты не испытываешь отвращения, глядя на меня?

— Я не безумец. Ты прелестна.

— А что ты делал для своего удовольствия на этом корабле, когда летал от одной планеты к другой, — ведь госпожа Блисс отказывала тебе?

— Ничего, Хироко. С этим ничего не поделаешь. Я время от времени думал об удовольствиях, и в этом были свои неудобства, но все, летающие в космосе, хорошо знают: бывают времена, когда приходится обходиться без этого. Страсти можно предаться по возвращении.

— А если воздержание мучительно, как можно все исправить?

— Я чувствую гораздо большее мучение оттого, что ты затронула эту тему. Не думаю, что это вежливо — интересоваться тем, как можно исправить подобное.

— Будет ли неучтиво с моей стороны сделать предложение?

— Это будет зависеть исключительно от того, что это будет за предложение.

— Я хочу предложить, чтобы мы получили удовольствие друг от друга.

— Ты привела меня сюда для этого, Хироко?

— Да! — призналась Хироко с довольной улыбкой. — Это одновременно и мой долг вежливости как хозяйки, и мое искреннее желание.

— В таком случае, я готов признать, что это также и мое желание. В самом деле, я очень благодарен тебе за это. Я... как это... стражду доставить тебе удовольствие.

Глава 18

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК

78

Обед был подан в том же самом помещении, где они завтракали. Теперь тут было полно альфиан, и среди них Тревайз и Пелорат, которых угощали напропалую. Блисс и Фаллом ели отдельно, более или менее уединенно, в маленькой пристройке.

На столе стояли блюда с разной рыбой, супницы с бульоном, в котором плавало нечто напоминающее кусочки вареной молодой козлятины. Лежали нарезанные караваи хлеба, масло и джем. Салаты подали потом, а вот на десерт не было ничего, хотя фруктовые соки гуляли по столам в казавшихся бездонными кувшинах. Оба гражданина Академии ели мало, поскольку не так давно сытно позавтракали, а остальные уплетали обед за обе щеки.

— Как они только ухитряются не толстеть? — удивленно шепнул Пелорат.

— Наверное, трудятся в поте лица, — пожал плечами Тревайз.

Никто явно не заботился о соблюдении строгого этикета. В трапезной было шумно, то и дело слышались смех, стук о столы толстых, очевидно, небьющихся чашек. Женщины вели себя столь же шумно, как мужчины, только голоса у них были попискливее.

Пелорат поморщился, но Тревайз (временно, по крайней мере), избавленный от того неудобства, о котором беседовал с Хироко, чувствовал себя прекрасно и благодушествовал.

— Честное слово, — сказал он, — такая жизнь имеет свои прелести. Вот люди, которые радуются жизни и у которых совсем мало забот. Погода стоит такая, какую они пожелают, еда обильна и вкусна. У них поистине золотой век, который просто не прекращается.

Тревайз почти кричал, чтобы его было слышно, Пелорат прокричал в ответ:

— Да... Только уж очень шумно.

— Они так привыкли, наверное.

— Я удивляюсь, как они могут понимать друг друга в этом бедламе.

Конечно, им обоим было трудно разобрать смысл разговоров. Странное произношение, устаревшая грамматика и порядок слов языка альфиан мешали восприятию речи, особенно в таком гаме. Им казалось, что они попали в зоопарк, где по клеткам мечутся испуганные звери.

Только после обеда они встретились с Блисс в маленькой пристройке, которая напомнила Тревайзу домик Хироко. Здесь им всем предстояло временно разместиться. Фаллом уединилась в дальней комнате и, по словам Блисс, собиралась вздремнуть.

Пелорат посмотрел на дверной проем в стене и неуверенно произнес:

— Не очень-то уютное жилье. Как же мы сможем свободно поговорить?

— Уверяю тебя, — отозвался Тревайз, — стоит нам натянуть полог в дверях, и нас никто не потревожит. Никому и в голову не придет войти — таковы тут обычаи.

Пелорат перевел взгляд на оконные проемы.

— Нас можно легко подслушать.

— Что мы, кричать будем? Альфиане не подслушивают. Даже когда они стояли напротив окон трапезной во время нашего завтрака, они выдерживали вежливую дистанцию.

— Ты так много узнал об альфианских обычаях, — улыбну-

лась Блисс, — за то время, что провел наедине с нежной маленькой Хироко, и так уверен теперь в воспитанности местных жителей. Что произошло?

— Если ты заметила, что картина моего сознания изменилась в лучшую сторону, и интересуешься причиной этого, я могу только попросить тебя оставить мое сознание в покое.

— Ты прекрасно знаешь, что Гея не тронет твоего сознания ни при каких обстоятельствах, исключая лишь опасность для жизни, и ты знаешь почему. Но я не слепая. Я могу ощутить то, что происходит на километр вокруг. Это что, неотъемлемая часть твоих космических странствий, мой друг-эротоман?

— Эротоман? Помилуй, Блисс. Второй раз за все время! Второй!

— Мы посетили всего лишь две планеты, на которых живут нормальные женщины, и на каждой из них мы пробыли лишь несколько часов.

— Тебе хорошо известно, что на Компореллоне у меня не было выбора.

— Не спорю. Я помню, какова она была внешне. — На несколько мгновений Блисс расплылась в улыбке. — А вот представить, что Хироко сжала тебя, беспомощного, в своих мощных объятиях и сломила железной волей твое слабое тело...

— Конечно, нет. Я сам этого хотел. Но предложение исходило от нее.

— Неужели у тебя так всегда получается, Голан? — с ноткой зависти в голосе спросил Пелорат.

— Конечно, так оно и должно быть, — усмехнулась Блисс, — женщины к нему так и льнут, не в силах противиться его обаянию.

— Хотел бы я, чтобы это было так, — вздохнул Тревайз. — Но это далеко от истины. И я рад. Есть много другого в жизни, чем заняться. Но на этот раз я *действительно* не сопротивлялся. В конце концов, мы были первыми людьми с другой планеты, которых когда-либо видела Хироко да, пожалуй, и любой из ныне живущих на Альфе. Я понял из того, что она не хотела обсуждать, из случайных замечаний, что Хироко предполагала, будто обнаружит у меня необычайные анатомические подробности или дождется какой-нибудь изысканной техники, но я не оправдал ее надежд. Боюсь, она была разочарована.

— О! Неужели? А ты?

— Я — нет. Я бывал на многих планетах, и у меня есть опре-

деленный опыт. Оказалось, что люди есть люди, а секс есть секс, где бы все это ни происходило. Если и есть какие-то отличия, они обычно тривиальны и часто неприятны. Каких только ароматов я в свое время не нанюхался! Одна дама так просто ничего не позволяла, пока не начинала играть громкая музыка, приправленная отчаянными воплями. Но когда она включала эту музыку, я был бессилен. Уверяю тебя, если все складывается, будто в добрые старые времена, меня это вполне устраивает.

— Кстати, о музыке, — сказала Блисс, — после ужина мы приглашены на музыкальное представление. Очевидно, в нашу честь. Похоже, альфиане очень гордятся своей музыкой.

— Их гордость вряд ли сделает звуки музыки приятнее для нашего слуха, — поморщился Тревайз.

— Дослушай меня. Я поняла так, что гордятся они в основном тем, что играют исключительно на древних инструментах. *Очень* древних. Мы можем узнать что-нибудь о Земле, познакомившись с ними.

Тревайз нахмурился:

— Интересная мысль. Кстати, может быть, вы что-нибудь разузнали? Джен, ты виделся с этим... Моноли, о котором говорила Хироко?

— Да, виделся. Я проговорил с ним три часа. Хироко не преувеличивала. Непрерывный монолог. Когда я собрался обедать, он вцепился в меня и не давал мне уйти, пока я не пообещал вернуться, когда смогу, чтобы послушать его еще.

— А он действительно сказал что-то интересное?

— Ну, он тоже, как и все, настаивал на полной и смертоносной радиоактивности Земли; на том, что предки альфиан последними покинули ее и что, если бы не это, все они умерли бы. И, Голан, он так убежден в этом, что я не мог не поверить ему. Я пришел к выводу, что Земля в *самом деле* мертва и что все наши поиски оказались в итоге бесполезными.

79

Тревайз опустился на стул, глядя на Пелората, сидящего на узкой койке. Блисс встала и молча посмотрела по очереди на мужчин.

— Позволь мне судить, бесполезны были наши поиски или

нет, Джен, — смог наконец выговорить Тревайз. — Лучше скажи, что натрепал тебе этот болтун, но только покороче.

— Я делал пометки по ходу беседы. Это помогло произвести на старика впечатление ученого, но мне нет нужды заглядывать в них. Его речь была непрерывным потоком сознания. О чем бы он ни заговорил, это тут же напоминало ему о чем-то еще, но, конечно, я потратил бы всю жизнь, пытаясь переварить эту информацию в поисках надежных и состоятельных сведений, так что моя задача сейчас — суметь преобразовать длинные и бессвязные рассуждения...

— Во что-нибудь столь же длинное и бессвязное? Ближе к делу, Джен, дружище, — вежливо перебил его Тревайз.

Пелорат откашлялся и продолжил:

— Да, конечно, дружок. Я попытаюсь сделать связный и хронологически верный отчет из всего услышанного. Итак, Земля была родным домом человечества и миллионов видов животных и растений. Так продолжалось бессчетное число лет, пока не начались гиперпространственные полеты. Тогда и были заселены Внешние миры. Они откололись от Земли, развив свою собственную культуру, и стали презирать и угнетать планету-прамать.

После пары столетий таких отношений Земля сумела вернуть себе свободу, хотя Моноли так и не объяснил, каким образом это произошло, а я не решился расспросить поподробнее. Даже если бы он и позволил мне прервать его, что маловероятно, это могло просто увести старика в новые дебри воспоминаний. Он, кстати, упомянул исторического героя по имени Элайдж Бейли, но упоминания о нем столь характерны для попытки приписать одной личности все достижения целого поколения, что не было смысла пытаться...

— Пел, дорогой, тут все ясно, — оборвала его Блисс.

Пелорат умолк на полуфразе, пытаясь сосредоточиться.

— Конечно. Извините. С Земли ушла вторая волна поселенцев, основав множество новых миров и на новый лад. Новая группа поселенцев, действуя более энергично, чем космониты, вытеснила, разгромила и пережила их и, наконец, создала Галактическую Империю. Во время войн между поселенцами и космонитами — нет, не войн... он использовал слово «конфликты» — Земля и стала радиоактивной.

— Это же нелепо, Джен! — с явным раздражением заявил Тревайз. — Как могла целая планета *стать* радиоактивной? Каждая планета в той или иной степени радиоактивна с момента своего образования, и эта радиоактивность постепенно снижается. *Стать* радиоактивной невозможно.

— Я лишь передаю тебе слова Моноли, — пожал плечами Пелорат. — А он рассказал мне только то, что сам слышал — от кого-то, кто рассказал ему, что *он* слышал — и так далее. Это — народные предания, передающиеся от поколения к поколению, из уст в уста, кто знает, с какими искажениями, возникающими при каждом очередном пересказе.

— Я понимаю, но разве здесь нет книг, документов, древних летописей, которые сохранили историю былых времен и которые могли бы дать нам что-нибудь поточнее, чем современные сказки?

— Я спросил старика и об этом, но ответ был — нет. Он туманно объяснил, что были книги в давние времена, но что они давным-давно утеряны, но тем не менее все сказанное им содержалось в тех книгах.

— Да, славная работа. И здесь та же самая история. На каждой планете, которую мы посетили, записи, касающиеся Земли, так или иначе исчезли. Хорошо. Так откуда, он сказал, взялась радиоактивность Земли?

— Он не привел никаких подробностей. Максимум, что он сказал, так это — что космониты были благоразумны, а потом стал утверждать обратное — что космониты были теми злыми демонами, которых люди Земли винили во всех напастях. Радиоактивность...

В это мгновение его перебил звонкий голосок:

— Блисс, я — космонитка?

Фаллом со взъерошенными волосами стояла в узком дверном проеме между двумя комнатами. Ночная рубашка (предназначенная для более пышных форм Блисс) соскользнула с одного ее плечика, обнажив неразвитую грудь.

— Мы беспокоились о неожиданных визитерах снаружи, — сказала Блисс, — и забыли об одном внутри. Ну, Фаллом, почему ты спрашиваешь?

Она встала и подошла к подростку.

— У меня нет того, что есть у них, — заявила Фаллом, показав на мужчин, — или того, что есть у тебя, Блисс. Я... другая. Это потому, что я — космонитка?

— Да, Фаллом, — успокаивающе произнесла Блисс, — но небольшие отличия не страшны. Ступай обратно в постель.

Фаллом стала покорной, как всегда, когда Блисс хотела этого. Девочка повернулась и уходя, словно разговаривая сама с собой, пробормотала:

— Я — демон? Что же такое — демон?

Блисс, бросив через плечо: «Подождите меня минутку, я скоро вернусь», — вышла вслед за ней.

Она вернулась через пять минут, качая головой:

— Теперь она будет спать, пока я не разбужу ее. Я должна была это сделать раньше, но любое вмешательство в сознание должно проводиться лишь в самом крайнем случае. — Словно оправдываясь, она добавила: — Я не могу избавить ее от размышлений о различиях между ее гениталиями и нашими.

— В один прекрасный день она все-таки узнает, что она — гермафродит, — заметил Пелорат.

— Но не теперь, — возразила Блисс. — Продолжай свой рассказ, Пел.

— Да, — поддержал Тревайз, — пока еще кто-нибудь не помешал нам.

— Хорошо. Земля стала радиоактивной или, по крайней мере, ее поверхность. Тогда на Земле жило огромное население, сосредоточенное в гигантских городах, размещавшихся по большей части под землей...

— Ну уж это, — встрял Тревайз, — точно вранье. Должно быть, из местного патриотизма они превозносят золотой век родной планеты, а все подробности — просто-напросто искаженные воспоминания о Тренторе времен *его* золотого века, когда он был столицей Империи, раскинувшейся на всю Галактику.

— Послушай, Голан, — после некоторого раздумья ответил Пелорат, — ты не должен меня учить, как заниматься моим делом. Мы, мифологисты, хорошо знаем, что мифы и легенды содержат заимствования, морали, природные циклы и сотни других включений и искажений. Но мы трудимся над тем, чтобы их отсеять и добраться до того, что может оказаться сердцевиной, правдой. Фактически те же приемы могут быть применены и к самым достоверным историям, поскольку никто не пишет явную и очевидную правду, хотя и говорят, что она существует. В конце концов, сейчас я рассказываю вам то, что говорил мне Моноли, хотя, полагаю, и я внес свои собственные искажения, несмотря на все мои попытки избежать этого.

— Хорошо, хорошо, — согласился Тревайз. — Продолжай, Джен. Я не хотел тебя ни в чем упрекать.

— Я не в обиде, дружок. Так вот. Огромные города (примем за истину их существование) разрушались и становились меньше по мере того, как радиоактивность все более и более возрастала, пока население, вернее то, что от него осталось, постепенно не было вытеснено в относительно свободные от радиации области. Численность его была сокращена посредством контроля над рождаемостью и убийством людей старше шестидесяти лет.

— Ужасно, — негодующе произнесла Блисс.

— Несомненно, — согласился Пелорат, — но именно так они поступали, по словам Моноли, и это могло быть правдой, хотя и не красит землян. И не похоже, чтобы такая нелестная характеристика могла быть выдумана. Люди Земли, презираемые и угнетаемые космонитами, не испытывали презрения и гнета Империи, хотя... здесь может иметь место преувеличенная жалость к себе — очень соблазнительное чувство. Это случай...

— Да, да, Пелорат, но в другой раз. Пожалуйста, продолжай о Земле.

— Простите. Империя, сделав благородный жест, согласилась заменить импортированной, свободной от радиации почвой верхний зараженный слой Земли и вывезти его прочь. Нет нужды говорить, что эта грандиозная задача вскоре утомила Империю, особенно из-за того, что именно в то время (если мои догадки верны) произошло свержение Кандора V, после чего у Империи появилось много гораздо более важных забот, чем забота о Земле. Радиоактивность все росла, население все сокращалось, и наконец Империя, в новом порыве благотворительности, предложила перевезти остатки населения на новую планету — короче говоря, сюда. Задолго до этого, оказывается, какая-то экспедиция засеяла океан, так что ко времени, когда были разработаны планы переселения сюда землян, здесь уже была кислородная атмосфера и достаточное количество пищи. Никто из миров Галактической Империи больше не претендовал на Альфу из-за определенной антипатии к планетам, обращающимся вокруг двойных звезд. Видимо, в подобных системах существовало так мало пригодных для жизни планет, что к ним не приближались из-за подозрений, что на них что-то нечисто. Это общепринятый предрассудок. Был хорошо известный случай...

— Расскажешь о нем потом, Джен. Давай про перевозку людей.

— Осталось подготовить сушу, — в спешке глотая слова, продолжил Пелорат. — Была обследована наиболее мелкая часть океана и подняты осадочные породы с более глубоких участков, чтобы нарастить шельф и в конце концов создать остров — Новую Землю. Потом к нему добавились валуны и кораллы, зацепленные драгами, насадили растения, способствовавшие укреплению почвы. И вновь Империя взвалила на себя непосильную ношу. Возможно, вначале планировалось сотворить на Альфе целые континенты, но ко времени, когда успели создать только один остров, имперская благотворительность иссякла. На остров перевезли уцелевших землян. Имперский флот увез своих людей и машины и больше никогда не возвращался. Земляне, живущие на Новой Земле, оказались в полной изоляции.

— Полной?! — усомнился Тревайз. — Моноли действительно утверждает, что никто изо всей Галактики не появлялся здесь до нашего прилета?

— Почти полной. Я полагаю, здесь нет ничего такого, ради чего стоило бы прилетать, даже если оставить в стороне суеверную неприязнь к системам двойных звезд. Случайные корабли поначалу могли время от времени залетать сюда, как наш, например, но в конце концов про Альфу совсем забыли, прилетавшие сюда раз больше не возвращались. Вот и все.

— Ты спросил Моноли, где расположена Земля?

— Конечно, спросил. Он не знает.

— Как может он столько знать об истории Земли, не ведая, где она находится?

— Я специально спросил его, Голан, не та ли звезда примерно в парсеке от Альфы — именно то солнце, вокруг которого обращается Земля. Он не знал, что такое парсек, и я объяснил, что с точки зрения астрономов это очень небольшое расстояние. Большое или нет, сказал Моноли, но он не знает, где Земля, и не знает никого, кто бы знал. И, по его мнению, ничего хорошего попытка найти ее не принесет. Ей должно быть позволено, заявил он, до скончания времен плыть в покое и одиночестве через пространство.

— Ты согласен с ним?

— Не то чтобы... — печально покачал головой Пелорат. — Но он сказал, что при той скорости, с которой нарастала радиоактивность, планета должна была стать совершенно непригодной для жизни вскоре после переселения остатков людей и что сейчас она должна настолько интенсивно излучать, что никто не сможет к ней приблизиться.

— Чепуха, — уверенно заявил Тревайз. — Планета не может стать радиоактивной и, даже если так, не может постоянно наращивать свою радиоактивность. Радиоактивность способна только спадать.

— Но Моноли так в этом уверен! Столько людей говорили нам одно и то же на разных планетах — что Земля радиоактивна. Скорее всего продолжать поиски бесполезно.

80

Тревайз глубоко вздохнул, затем, старательно взвешивая слова, сказал:

— Чепуха, Джен. Выдумки.

— Но послушай, дружочек, нельзя же верить во что-то только потому, что хочется в это верить.

— Мои желания тут совершенно ни при чем. Мы обыскивали планету за планетой и обнаружили, что все сведения о Земле изъяты. Зачем это сделано, если скрывать нечего, если Земля — мертвый радиоактивный мир, к которому даже приблизиться нельзя?

— Я не знаю, Голан.

— Нет, знаешь. Когда мы приближались к Мельпомене, ты сказал, что радиоактивность может оказаться обратной стороной медали. Уничтожение записей, чтобы сделать недоступными точные сведения; создание легенд о радиации, чтобы внести дезинформацию — и то, и другое могло у любого отбить охоту искать Землю, но мы не должны поддаваться панике и разочарованию.

— Слушай, — вмешалась в их диалог Блисс, — ты, кажется, думал, что ближайшая звезда — Солнце Земли. Зачем тогда продолжать спор о радиоактивности? В чем проблема? Почему просто не слетать туда и не посмотреть, Земля ли это? И если это она, что с ней такое?

— Потому что земляне, — ответил Тревайз, — должны быть по-своему могущественны, и я предпочел бы появиться там хоть с какими-то знаниями об их планете и о них самих. Поскольку же я продолжаю оставаться в неведении о том, что творится на Земле, приближение к ней остается опасным. Предлагаю вам ос-

таться на Альфе, а сам я двинусь к Земле. Хватит одной жизни. Это рискованно.

— Нет, Голан, — горячо возразил Пелорат. — Блисс и ребенок могут ждать здесь, но я должен лететь с тобой. Я занимался поисками Земли еще до того, как ты появился на свет, и не вправе отступить.

— Блисс и ребенок не *будут* ждать здесь, — заявила Блисс. — Я Гея, а Гея может защитить всех нас даже от Земли.

— Надеюсь, ты права, — мрачно отозвался Тревайз, — но Гея не смогла предотвратить уничтожения всех ранних записей о роли, сыгранной Землей в ее основании.

— Это произошло на заре истории Геи, когда она еще не была столь хорошо организована, столь развита. Теперь дело обстоит иначе.

— Надеюсь, это так. Или это сведения о Земле, которые ты почерпнула только утром и еще не поделилась с нами? Ты ведь говорила с кем-то из этих старушек, и что-то из сказанного может нам пригодиться.

— Так оно и есть.

— И что же ты узнала?

— Ничего о Земле. Тут все покрыто мраком.

— А-га...

— Но альфиане — потрясающие биотехнологи.

— О!

— На этом маленьком острове они вырастили и проверили бесчисленные сорта растений и животных; достигли поразительного экологического баланса, стабильного и самоподдерживающегося, несмотря на скудость видов, с которыми они начинали свою работу. Альфиане улучшили виды океанической фауны, обнаруженные в самом начале несколько тысяч лет назад, повысили их питательность, сделали вкуснее. Это биотехника сделала планету подлинным рогом изобилия. У них есть планы и в отношении самих себя.

— Что за планы?

— Альфиане прекрасно осознают, что не могут существенно увеличить свою численность при современных обстоятельствах, живя, как теперь — на небольшом клочке земли. Они мечтают стать амфибиями.

— Стать *чем*?

— Амфибиями. Они собираются отрастить себе жабры вдобавок к легким. Они мечтают о возможности проводить значительную часть жизни под водой, найти мелководные участки и возвести постройки на дне океана. Старушка сияла от гордости, говоря об этом, хотя призналась, что альфиане добиваются этой цели уже несколько столетий, но успех пока невелик, если вообще есть.

— Получается, — резюмировал Тревайз, — они, возможно, опередили нас по двум направлениям: в управлении погодой и биотехнологии. Хотел бы я знать, что представляет собой их техника.

— Придется искать специалистов, — сказала Блисс, — но они могут не пожелать распространяться о своих достижениях.

— Для нас лично это не главное, но Академии явно имеет смысл попытаться изучить этот миниатюрный мир.

— Мы тоже управляем погодой, — присоединился к разговору Пелорат, — на Терминусе, например, и вполне успешно.

— Такое управление хорошо поставлено на многих планетах, — согласился Тревайз, — но, как правило, контролируется погода на всей планете в целом. Здесь же альфиане управляют погодой лишь на ограниченном участке планеты и, должно быть, обладают такой техникой, какой у нас нет. Что-нибудь еще, Блисс?

— Общественные собрания. Кажется, эти люди устраивают праздники все время, когда могут оторваться от сельхозработ и рыбной ловли. После обеда, ночью, состоится музыкальный праздник. Завтра днем — пляжный праздник. Очевидно, по всему побережью острова все, кто сможет уйти с полей, соберутся и будут радоваться солнцу и воде, поскольку потом, вероятно, пару дней будет идти дождь. Затем, на следующее утро, вернется рыболовная флотилия, хлынет дождь, а вечером будет праздник пищи, сортировка улова.

— Еда и так уже обильна — дальше некуда, — простонал Пелорат. — Какой может быть праздник пищи?

— Видимо, его особенность будет состоять не в количестве еды, а в ее разнообразии. В любом случае, мы все четверо приглашены принять участие в этих праздниках, особенно в музыкальном сегодня ночью.

— Обещают игру на древних инструментах? — спросил Тревайз.

— Да.

— Что же делает их такими древними? Примитивность компьютеров?

— Нет-нет. Дело в том, что это вовсе не электронная музыка, а механическая. Они мне ее описали. Они щиплют струны, дуют в трубы и стучат по барабанам.

— Надеюсь, ты просто чего-то недопоняла, — ужаснулся Тревайз.

— Нет, все правильно. И я поняла, что твоя Хироко будет дудеть в одну из этих труб... забыла ее название... и ты обязан стерпеть это.

— Она не «моя Хироко», — холодно сказал Тревайз. — Но ты думаешь, это будут инструменты того типа, что когда-то использовались на Земле?

— Так мне кажется. По крайней мере, альфианка сказала, что они были изобретены задолго до прихода сюда их предков.

— В таком случае, возможно, имеет смысл послушать весь этот концерт, какую бы информацию о Земле он ни дал.

— Что касается меня, — заявил Пелорат, — я с радостью пойду. Я очень мало знаю о примитивной музыке и хотел бы услышать ее.

81

Как ни странно, больше всех в восторг от предвкушения музыкального вечера пришла Фаллом. Они с Блисс купались в маленькой пристройке за их домом. Там была ванна с проточной водой, горячей и холодной (или, вернее, теплой и прохладной), умывальник и комод. Все чистое, удобное и весело сияющее в лучах послеполуденного солнца.

Как обычно, Фаллом заинтересовалась грудью Блисс, и та вынуждена была сказать (поскольку теперь Фаллом понимала галактический), что в ее мире таким образом и выглядят люди. На что последовал неизбежный вопрос Фаллом «почему?» — и Блисс, после некоторого раздумья решила, что нет иного разумного пути ответить на него, и прибегла к универсальному во всех отношениях ответу «потому!».

Когда они закончили мыться, Блисс помогла Фаллом надеть белье, присланное им альфианами, и разобралась в способе, которым поверх надевалась юбка. Выше пояса Фаллом осталась обнаженной, что было вполне логично. Сама Блисс, ниже пояса облачившаяся в альфианскую одежду (довольно узкую для ее бедер), надела и свою блузку. Возможно, это было глупо — прикрывать грудь в обществе, где никто из женщин этого не делает, особенно если ее собственная была вполне нормальной и той же формы, как и у большинства виденных Блисс женщин. И все-таки...

Мужчины приводили себя в порядок в другой пристройке. Тревайз ворчал, говоря то, что обычно говорят мужчины по поводу времени, необходимого женщинам для одевания.

Блисс повертела Фаллом, чтобы убедиться, что юбка хорошо сидит на ее мальчишеских бедрах и ягодицах. Наконец она сказала:

— Просто прелестная юбка, Фаллом. Тебе нравится?

Фаллом поглядела в зеркало и ответила:

— Да. Но не будет ли холодно? — и провела рукой по обнаженной груди.

— Не думаю, Фаллом. Здесь вообще тепло.

— Но *на тебе* кое-что надето.

— Да. Так принято у меня на родине. Теперь вот что, Фаллом. Мы встретимся со множеством альфиан во время ужина и потом. Как думаешь, сможешь ты вытерпеть все это? — На лице Фаллом появилась гримаска страдания, и Блисс продолжила: — Я буду сидеть справа и возьму тебя за руку. Пел сядет с другой стороны, а Тревайз — напротив тебя. Говорить с тобой мы никому не позволим.

— Я попытаюсь, Блисс, — тоненько пропищала Фаллом.

— После этого некоторые альфиане будут для нас музицировать на свой особый манер. Ты знаешь, что такое музыка?

Она напела, как смогла, нечто, имитирующее электронную гамму.

Лицо Фаллом осветилось.

— Ты имеешь в виду... — последнее слово было из ее родного языка, и солярианка громко запела.

Глаза Блисс удивленно расширились. Это была прекрасная мелодия, пусть и диковатая, но богатая звонкими, виртуозными трелями.

— Правильно. Это музыка, — сказала она.

Фаллом возбужденно начала:

— Джемби... — Она помедлила, но затем все же решила использовать слово из галактического, — музицировал постоянно. Он играл на... — и снова слово на солярианском.

— На «фифьюле»? — в сомнении повторила это слово Блисс.

— Не на «фифьюле», а на... — Фаллом рассмеялась.

Когда оба слова произносились подряд, Блисс могла уловить различие, но отчаялась воспроизвести второе. Тогда она спросила:

— А на что она похожа?

Но поскольку Фаллом была еще ограничена в знании галактического, то не могла дать точного описания, а ее жесты не сумели внести ясность в представление Блисс об этом инструменте.

— Он показывал мне, как пользоваться ею, — гордо заявила Фаллом. — Я делала пальцами в точности так же, как Джемби, но он сказал, что вскоре они мне не понадобятся.

— Это чудесно, дорогая. После ужина мы посмотрим, столь ли искусны в музыке альфиане, как твой Джемби.

Глаза Фаллом искрились. Приятные мысли о том, что будет после, помогли ей пережить обильный ужин, несмотря на скопление народа, смех и шум вокруг нее. Только однажды, когда случайно опрокинулось блюдо, вызвав вблизи их компании возбужденные крики, Фаллом испугалась, и Блисс проворно прижала ее к себе теплым, оберегающим от всего на свете объятием.

— Я вот думаю, нельзя ли договориться, чтобы мы питались отдельно, — пробормотала она, обращаясь к Пелорату. — Иначе придется улетать отсюда. Есть эти животные белки само по себе отвратительно, но я *должна* хотя бы есть эту пищу в покое.

— Да ведь шум — от хорошего настроения, — заметил Пелорат, который готов был стерпеть что угодно, если имелся шанс изучить примитивное поведение или веру.

Наконец ужин завершился, и объявили, что вскоре начнется музыкальный праздник.

82

Зал, в котором он должен был состояться, оказался почти столь же велик, как и обеденный. Здесь стояли складные сиденья (довольно неудобные, как выяснил Тревайз) примерно на сто пятьдесят человек. Как почетных гостей их провели в первый ряд, и множество альфиан вежливо и восхищенно обсуждали их одежду.

Оба гостя, по здешнему обычаю, обнажились выше пояса. При мысли об этом Тревайз напрягал пресс и в самодовольном восхищении поглядывал вниз, на заросшую темными волосами грудь. Пелорат, с восторгом глазевший по сторонам, был безразличен к своей внешности. Блузка Блисс вызвала косые удивленные взгляды, но вслух никто ничего не говорил.

Тревайз заметил, что зал заполнен только наполовину и что большую часть аудитории составляли женщины, поскольку, вероятно, многие мужчины рыбачили в море.

Пелорат шепнул Тревайзу:

— У них есть электричество.

Тревайз бросил взгляд на вертикальные трубы на стенах и горизонтальные на потолке. Они мягко светились.

— Флуоресценция, — сказал он. — Весьма примитивно.

— Да, но они работают. Такие же штуки есть в наших комнатах и в пристройках. Я думал, это просто декоративные элементы. Если мы найдем, как их включать, нам не надо будет сидеть в темноте.

— Могли бы и просветить, — пробурчала Блисс.

— Они думают, что мы знаем как, — вступился Пелорат, — что каждый должен знать это.

Из-за ширмы появились четыре женщины и уселись группой перед зрителями. Каждая держала лакированный деревянный инструмент. Все инструменты были похожи, но разного размера. Один из них был очень мал, два — чуть больше, а четвертый — значительно больше трех других. Каждая женщина держала в свободной руке длинную палочку.

Зрители тихо засвистели, как только показались музыканты. В ответ женщины поклонились. Их груди были туго подвязаны полосками прозрачной ткани, вероятно, чтобы легче было играть.

Тревайз, расценив свист как знак одобрения и предвкушения удовольствия, счел уместным добавить к хору и свой собственный свист. Фаллом тоже решила не оставаться в стороне и испустила трель, звучавшую намного громче, чем общий свист. Зрители начали оборачиваться. Блисс нежно сжала руку Фаллом, и та умолкла.

Три женщины подняли инструменты под подбородки, а самый большой зажала в коленях четвертая музыкантша. Длинные палочки в руках женщин заходили поперек струн, натянутых почти по всей длине инструментов, а пальцы левых рук быстро запорхали по верхним концам струн.

Это, подумал Тревайз, и был «скрип», которого он ожидал, но звучало это намного нежнее скрипа. Нежно и мелодично пели

ноты; каждый инструмент вносил что-то свое, и все сливалось в нечто восхитительное.

Тут не было и в помине бесконечной сложности электронной музыки («настоящей музыки», как продолжал думать о ней Тревайз), и чувствовалось некоторое однообразие. Но прошло какое-то время, и его слух приспособился к такой странной системе подачи звука — он начал различать неуловимые оттенки. Это оказалось утомительно, и Тревайз с тоской вспомнил об электронной музыке — холодной, математически просчитанной и с обнаженностью реальности. Но ему показалось, что, если он довольно долго будет слушать такую музыку, она сможет ему в конце концов понравиться.

Концерт шел уже минут сорок пять, когда на сцену вышла Хироко. Она заметила в первом ряду Тревайза и улыбнулась ему. Он чистосердечно присоединился к одобрительно засвистевшей аудитории. Хироко выглядела прелестно в длинной, искусно сшитой юбке, с большим цветком в волосах и с обнаженной грудью, — видимо, ее игре это не было помехой.

Ее инструментом была темная деревянная трубка, примерно в две трети метра длиной и почти два сантиметра толщиной. Она поднесла ее к губам и дунула в отверстие вблизи одного из концов, взяв высокую нежную ноту, меняющуюся по высоте, когда ее пальцы бегали по металлическим клапанам вдоль трубки.

При первых же звуках Фаллом вцепилась в рукав Блисс и зашептала:

— Блисс, это... — и Блисс опять послышалось «фифьюл».

Блисс покачала головой, но Фаллом настаивала:

— Но это она!

Альфиане уже начали оглядываться на Фаллом. Блисс ладонью прикрыла ей рот и, наклонившись, пробормотала «тише» прямо в ухо солярианки.

После этого Фаллом слушала игру Хироко молча, но ее пальцы периодически двигались, словно работали с клапанами инструмента.

Последним выступающим на концерте был пожилой мужчина, игравший на инструменте с гофрированными боками, висевшем на его плечах. Он то сдвигал, то раздвигал его, в то время как одна рука мужчины двигалась вдоль ряда белых и черных клавиш, нажимая их поодиночке и по нескольку сразу.

Тревайз нашел эти звуки особенно утомительными, варварскими и неприятными, напоминающими вой диких собак с Авроры. Не то чтобы они были так уж похожи, но вызываемые ими эмоции совпадали. Блисс выглядела так, словно предпочла бы заткнуть пальцами уши, а лицо Пелората застыло в каком-то непередаваемом выражении. Похоже, это доставляло удовольствие только Фаллом, поскольку она притопывала ногой, и Тревайз, заметив это, понял, к своему удивлению, что она отбивает такт.

Наконец концерт завершился, и поднялся громовой свист, сквозь который отчетливо пробивались звонкие трели Фаллом.

Затем слушатели разделились на маленькие группы, громко заговорили и вновь превратились в шумных и крикливых альфиан, какими они, казалось, были при большом скоплении людей. Музыканты, игравшие на концерте, стояли у стены, беседуя с подошедшими поблагодарить их.

Фаллом выскользнула из рук Блисс и подбежала к Хироко.

— Хироко, — воскликнула она задыхаясь, — позволь мне посмотреть...

— Что, дорогая? — не поняла Хироко.

— Вещь, на которой ты играла.

— Ах, — рассмеялась Хироко. — Это — флейта, маленькая флейта.

— Могу я потрогать ее?

— Разрешаю только взглянуть. — Хироко открыла футляр и вынула инструмент. Он состоял из трех частей, но она быстро собрала их вместе и протянула Фаллом: — Подуй в это отверстие.

— Я знаю, знаю, — нетерпеливо бросила Фаллом и схватила флейту.

Машинально Хироко отдернула ее и взяла покрепче.

— Дунь, но не прикасайся к ней.

Фаллом казалась разочарованной.

— Могу я тогда поглядеть на нее подольше? Я не прикоснусь к ней.

— Конечно, дорогая.

Она снова протянула флейту, и Фаллом пристально уставилась на инструмент.

И вдруг свет в зале померк, и в шуме людских голосов раздался немного неуверенный и дрожащий звук флейты.

Хироко от удивления чуть не выронила флейту, а Фаллом воскликнула:

— Получилось, получилось! Джемби говорил, что когда-нибудь у меня получится.

— Это ты вызвала звук флейты? — спросила Хироко.

— Да, я, я!

— Но как же ты это сделала, детка?

— Я виновата, Хироко, — вмешалась красная от смущения Блисс. — Я уведу ее отсюда.

— Нет, — возразила Хироко. — Я хочу, чтобы она сделала это еще раз.

Несколько альфиан приготовились слушать. Фаллом нахмурила брови, словно в большом напряжении. Свет померк, и вновь возник звук флейты, только более чистый и уверенный. Затем он стал меняться, по мере того как металлические клапаны вдоль флейты двигались, сами складывая аккорды.

— Это не похоже на то, как... — Фаллюм слегка задыхалась, словно это ее дыхание привело флейту в действие, а не движимый энергией Фаллом воздух.

— Она, должно быть, черпает энергию от электрического тока, питающего лампы, — шепнул Тревайзу Пелорат.

— Еще, еще раз, — хрипло проговорила Хироко.

Фаллом закрыла глаза. Звук теперь стал сильнее, но мягче, чувствовалась большая уверенность. Флейта играла сама по себе, а клапанами двигали не пальцы, а энергия, передаваемая через пока недоразвитые частички мозга Фаллом. Возникая почти случайно, звуки складывались в музыкальную последовательность, и постепенно все зрители собрались вокруг Хироко и Фаллом, наблюдая, как Хироко осторожно держит флейту большим и указательным пальцами за концы, а Фаллом, закрыв глаза, управляет потоками воздуха и движением кнопок.

— Это фрагмент того, что я играла, — прошептала Хироко.

— Я запомнила, — торопливо кивнула Фаллом и снова сосредоточенно сдвинула брови.

— Ты не сделала ни единой ошибки, — сказала Хироко, когда музыка стихла.

— Но это неправильно, Хироко. Надо играть по-другому.

— Фаллом! — возмутилась Блисс. — Это невежливо! Ты не должна...

— Пожалуйста, — повелительно сказала Хироко, — не надо мешать. Почему неправильно, дитя?

— Потому что я бы сыграла иначе.

— Покажи как.

И вновь зазвучала флейта, но более затейливо, поскольку та сила, что нажимала клапаны, делала это теперь быстрее, в стремительной последовательности и более продуманных сочетаниях, чем прежде. Музыка стала сложнее, эмоциональнее и живее. Хироко стояла прямо, как натянутая струна, в зале воцарилась гробовая тишина.

Даже после того, как Фаллом перестала играть, никто не проронил ни слова, пока Хироко не произнесла, глубоко вздохнув:

— Малышка, ты когда-нибудь играла это раньше?

— Нет, — сказала Фаллом, — прежде я могла играть только пальцами, а ими я не смогла бы извлечь ничего подобного. — Затем добавила, простодушно и без следа превосходства: — И никто не сможет.

— Сыграй что-нибудь еще!

— Я могу что-нибудь придумать.

— То есть сымпровизировать?

Фаллом нахмурилась, не поняв слова, и оглянулась на Блисс. Та кивнула, и Фаллом ответила:

— Да.

— Тогда, пожалуйста, сделай это.

Фаллом на пару минут задумалась, затем медленно заиграла, начав с очень простой последовательности звуков — что-то раздумчивое, мечтательное. Флуоресцентные огни меркли и разгорались вновь, когда количество энергии, забираемое Фаллом, увеличивалось или уменьшалось. Казалось, никто этого не замечал, словно мерцание огней сопровождало музыку, словно электрические искры возгорались от заклинания звуков.

Сочетания нот затем повторились, но более четко, а потом — усложненно. Возникли вариации, не заслоняющие собой основной композиции, мелодия становилась все более пламенной, возбуждающей — настолько, что просто дух захватывало. И наконец музыка зазвучала еще громче, так что когда мелодия стихла, это произвело на слушателей впечатление внезапного падения с небес на землю.

Альфиане очнулись и разразились оглушительным свистом. И даже Тревайз, привыкший к совершенно другой музыке, с грустью подумал: «Как жаль, ведь я никогда больше этого не услышу...»

Когда альфиане более или менее утихомирились, Хироко протянула флейту Фаллом:

— Возьми, Фаллом. Она твоя!

Фаллом жадно потянулась к флейте, но Блисс перехватила протянутые руки девочки и сказала:

— Мы не можем принять флейту, Хироко. Это очень ценный инструмент.

— У меня есть другая, Блисс. Правда, не такая хорошая, но быть посему. Этот инструмент должен принадлежать тому, кто играет на нем лучше. Я никогда не внимала такой музыке, и было бы несправедливо, если бы я обладала инструментом, которым не владею в совершенстве. Хотела бы я знать, как можно играть на нем, не касаясь пальцами.

Фаллом взяла флейту и радостно, крепко прижала к груди.

83

В каждой из двух комнат горела флуоресцентная лампа. Пристройку освещала третья. Свет они давали тусклый, неудобный для чтения, но, по крайней мере, в комнатах теперь было не так уж темно.

Но все же они вышли наружу. В небе сияло множество звезд, что совершенно очаровало уроженцев Терминуса, где в ночном небе почти не было звезд, а виднелась только слабо светящаяся туманность.

Хироко проводила их до дома из страха, что они могут заблудиться в темноте или оступиться. Всю дорогу она держала Фаллом за руку и потом, после того как зажгла в доме свет, осталась с гостями снаружи, все еще не в силах расстаться с солярианкой.

Ясно было, что Хироко обуревали противоречивые чувства, и Блисс еще раз попыталась помочь ей:

— Правда, Хироко, мы не можем взять твою флейту.

— Нет, на ней должна играть Фаллом, — проговорила Хироко, с трудом шевеля губами.

Тревайз не отрываясь глядел в ночное небо. Ночь была темная, и эту темноту практически не нарушали ни три светильника, горевшие в доме, ни огоньки в других домах, стоявших вдалеке.

— Хироко, видишь эту яркую звезду? — спросил он. — Как она называется?

Хироко глянула вверх и без особого интереса сказала:

— Это — спутник.

— Почему его так назвали?

— Он кружит около нашего солнца с периодом в восемь Стандартных Лет. Это — вечерняя звезда в нынешнее время года. Вы можете увидеть ее и днем, когда она низко над горизонтом.

«Хорошо, — подумал Тревайз. — Она не совсем невежественна в астрономии».

— Ты знаешь, — спросил он, — что у Альфы есть еще один спутник, очень маленький, тусклый? Он дальше, чем эта яркая звезда. Ты не можешь увидеть его без телескопа. (Он и сам его не видел и не позаботился отыскать, но корабельный компьютер имел соответствующую информацию в своем банке данных.)

— Нам говорили об этом в школе, — равнодушно отозвалась она.

— А это что? Видишь? Вот шесть звезд, образующих что-то вроде зигзага.

— Это Кассиопея.

— Да? — удивился Тревайз. — Какая из них?

— Все они. Весь зигзаг. Это и есть Кассиопея.

— А почему они так называются?

— Не ведаю. Я ничего не ведаю об астрономии, благородный господин Тревайз.

— А видишь самую нижнюю звезду зигзага, ту, что ярче других? Что это?

— Звезда. Мне неведомо ее название.

— Но, за исключением двух звезд-спутников, это ближайшая к Альфе из всех звезд. До нее всего около парсека.

— Вот как? Я этого не ведала.

— Не может ли она быть той звездой, вокруг которой вращается Земля?

Хироко поглядела на звезду с некоторым интересом:

— Нет, не ведаю. Я ни от кого не слыхала ничего подобного.

— Ты думаешь, что это не так?

— Откуда я могу ведать? Никому не ведомо, где может быть Земля. Я... я должна покинуть вас теперь. Завтра утром мой черед трудиться в поле, до пляжного праздника. Я увижу вас всех там, сразу после обеда. Да? Да?

— Конечно, Хироко.

Она быстро, почти бегом бросилась во тьму. Тревайз поглядел ей вслед, затем вместе со всеми вошел в тускло освещенный дом.

— Можешь определить, лжет Хироко или нет, говоря о Земле? — спросил он Блисс.

— Не думаю, чтобы она лгала, — покачала та головой. — Она находится в огромном напряжении. Хотя такого я не чувствовала в ней до окончания концерта. А ведь оно существовало еще до того, как ты спросил ее о звездах.

— Из-за того, что отдала свою флейту?

— Возможно. Точно не могу сказать. — Она повернулась к Фаллом. — Теперь, Фаллом, я хочу, чтобы ты шла в свою комнату. Когда подготовишься ко сну, сходи в пристройку, вымой руки, лицо и зубы.

— Я предпочла бы поиграть на флейте, Блисс.

— Тогда недолго и *очень* тихо. Поняла, Фаллом? И ты должна перестать играть, как только я скажу тебе.

— Да, Блисс.

Теперь взрослые остались одни; Блисс села на стул, а мужчины расселись на своих койках.

— Есть ли какой-то смысл еще задерживаться на этой планете? — спросила Блисс.

Тревайз пожал плечами:

— Мы не спрашивали о том, как связана Земля с древнейшими музыкальными инструментами. Может, тут что-то и есть. Возможно, полезно дождаться возвращения рыболовецкой флотилии. Рыбаки могут знать что-нибудь, чего не знают домоседы.

— *Крайне* маловероятно, на мой взгляд, — возразила Блисс. — Ты уверен, что не темные глаза Хироко удерживают тебя здесь?

— Я не понимаю, Блисс, — нетерпеливо сказал Тревайз, — какое тебе дело до моей личной жизни? Почему ты присваиваешь себе право морального суда надо мной?

— Я вовсе не озабочена твоей моралью. Но это влияет на нашу экспедицию. Ты хочешь найти Землю, чтобы наконец решить, был ли ты прав, выбирая Галаксию, а не миры изолятов. Я хочу, чтобы ты поскорее пришел к такому решению. Ты говоришь, что для этого необходимо посетить Землю, и ты вроде бы уверен, что Земля вращается вокруг той яркой звезды. Тогда отправимся туда. Я согласна, было бы неплохо заполучить какие-нибудь сведения о ней, прежде чем мы полетим туда, но мне ясно, что таких сведений здесь не добыть. И я больше не желаю оставаться здесь только из-за того, что тебе нравится Хироко.

— Может, мы и улетим, — сказал Тревайз. — Дай мне подумать об этом, но Хироко тут совершенно ни при чем, уверяю тебя.

— Я чувствую, — сказал Пелорат, — что мы должны лететь к Земле хотя бы только для того, чтобы посмотреть, радиоактивна она или нет. Не вижу смысла оставаться здесь.

— А ты уверен, что не прекрасные глаза Блисс тянут тебя отсюда? — съязвил Тревайз, но совладал с собой и извинился: — Беру свои слова обратно, Джен. Я опять повел себя по-детски. Все-таки Альфа — очаровательная планета, даже помимо Хироко, и я вам честно скажу: при иных обстоятельствах я непременно задержался бы здесь. Не кажется ли тебе, Блисс, что Альфа нарушает стройность твоей теории об изолятах?

— Каким образом? — спросила Блисс.

— Ты утверждала, что любая по-настоящему обособленная планета становится опасной и враждебной.

— Даже Компореллон не избежал этого, — спокойно проговорила Блисс, — который стоит всего поодаль от основного русла Галактической активности, несмотря на то что теоретически является ассоциированным членом Федерации Академии.

— Но *не* Альфа. Эта планета живет в полной изоляции, но можешь ли ты пожаловаться на их дружелюбие и гостеприимство? Они кормят нас, одевают, дают нам кров, устраивают в нашу честь праздники, просят нас остаться. К чему здесь можно придраться?

— Ни к чему, ты прав. Хироко даже подарила тебе свое тело.

— Блисс, какое тебе до этого дело? — рассердился Тревайз. — Она не подарила мне свое тело. Мы подарили друг другу наши тела. Это было исключительно взаимно и исключительно приятно. Не станешь же ты утверждать, что мучаешься сомнениями, решая, дать ли кому-то свое тело, когда сама хочешь этого?

— Прошу тебя, Блисс, — вмешался Пелорат, — Голан совершенно прав. Не стоит обсуждать его личные дела.

— До тех пор пока они не касаются нас всех, — упрямо проговорила Блисс.

— Это никак не касается наших поисков. Мы улетим, уверяю вас. Скорее всего дальнейшие поиски сведений продлятся недолго.

— Все же я не доверяю изолятам, даже когда они приходят с дарами.

— Сделать вывод, — всплеснул руками Тревайз, — а потом перетасовать доказательства. Как это похоже на...

— Не говори так! — в ярости воскликнула Блисс. — Я женщина, я — Гея. Это Гея, а не я так упряма.

— Нет причин... — начал Тревайз, и в этот миг что-то зашу шало за дверью.

Тревайз замер.

— Что это? — прошептал он.

Блисс передернула плечами.

— Открой полог и посмотри. Ты утверждал, что это добр планета, где нет никаких опасностей.

Тревайз все же помедлил, пока не услышал нежный гол из-за двери:

— О господи! Это я!

Это был голос Хироко. Тревайз отдернул полог.

Хироко быстро вошла в дом. Ее щеки блестели от слез.

— Задерни полог... — всхлипнула она.

— Что случилось? — спросила Блисс.

Хироко буквально вцепилась в Тревайза.

— Я не могу! Я пыталась, но не вынесла этого! Уходи, и в все тоже уходите. Пожалуйста, увозите скорее ребенка. Забира те ваш корабль — и прочь, прочь от Альфы, пока не поздно.

— Но почему? — спросил Тревайз.

— Потому что иначе вы умрете, вы все.

84

Трое гостей замерли, глядя на Хироко, и довольно долго ни кто не мог вымолвить ни слова. Наконец Тревайз спросил:

— Ты хочешь сказать, что ваши люди убьют нас?

— Ты сам уже на пути к смерти, благородный Тревайз, сказала Хироко. Слезы катились по ее щекам. — И твои спутни ки тоже. Давным-давно кто-то из ученых мужей вывел виру безвредный для нас, но смертельный для пришельцев. У нас нему иммунитет. — Она в замешательстве схватила руку Треваі за. — Ты заражен.

— Каким образом?

— Когда мы предавались удовольствию. Это единственны способ заражения.

— Но я чувствую себя совершенно нормально!

— Вирус пока не активирован. Он активируется ко времен возвращения рыбаков. По нашим законам, все должны прини

мать решение в таком деле — даже мужчины. Но все наверняка решат, что это должно быть сделано, и мы задержим вас здесь до того времени, которое настанет через два утра. Бегите же теперь, пока еще темно и никто этого не ожидает.

— Почему же ваши люди так мерзко поступают? — резко спросила Блисс.

— Ради нашей безопасности. Нас мало, но мы владеем многим. Мы не желаем нашествия пришельцев. Если явится один, а затем поведает о наших землях, то придут другие; поэтому, когда изредка к нам прибывает корабль, мы должны быть уверены, что он не уйдет от нас.

— Но тогда зачем ты предупредила нас? — спросил Тревайз.

— Не спрашивайте меня. Нет! Но я скажу вам, потому что опять внимаю этим звукам... Слушайте... — Из соседней комнаты донеслись нежные звуки флейты. — Я не смогла бы вынести гибели этой музыки, поскольку и ребенок тоже умер бы, — призналась Хироко.

— Так ты поэтому дала флейту Фаллом? — сурово спросил Тревайз. — Ты знала, что получишь ее обратно, как только она умрет?

— Нет, этого и в мыслях у меня не было! — ужаснулась Хироко. — А когда я это уразумела, я поняла, что это не должно произойти. Бегите же с ребенком, возьмите флейту, и пусть я не увижу ее никогда более. Вы будете в безопасности там, в космосе, и, оставшись неактивированным, вирус со временем погибнет в вашем теле. Взамен я прошу, чтобы никто из вас никогда не говорил об этой планете, чтобы никто больше не мог о ней проведать.

— Мы не скажем о ней никому, — пообещал Тревайз.

Хироко посмотрела на него и тихо произнесла:

— Не позволено ли мне будет поцеловать тебя один только раз, прежде чем ты покинешь меня?

— Нет, — наотрез отказался Тревайз. — Меня уже инфицировали один раз, и наверняка этого достаточно. — Но затем уже менее грубо добавил: — Не плачь. Люди могут спросить тебя, почему ты плачешь, а ты не сможешь объяснить им. Я прощаю тебя за то, что ты сделала со мной, из благодарности за эту попытку спасти всех нас.

Хироко выпрямилась, старательно вытерла щеки тыльной стороной ладони, глубоко вздохнула и сказала:

— Благодарю тебя за это. — И поспешно ушла.

— Включим свет, — распорядился Тревайз, — подождем немного и... уберемся отсюда. Блисс, скажи Фаллом, чтобы она перестала играть. Не забудь захватить флейту. Давайте быстрее пробираться к кораблю, если сможем, конечно, найти его в темноте.

— Я найду его, — сказала Блисс. — На борту осталась моя одежда, она, пусть в небольшой степени, тоже Гея. Гее нетрудно отыскать Гею. — И она скрылась в соседней комнате, чтобы собрать Фаллом в дорогу.

— Как ты думаешь, альфиане не могли повредить наш корабль, чтобы удержать нас на планете? — спросил Пелорат.

— У них нет техники, способной сделать это, — хмуро проговорил Тревайз.

Когда появилась Блисс, держа за руку Фаллом, он выключил свет.

Они тихо сидели во тьме, и им казалось, что прошло почти полночи, а может быть — лишь полчаса. Затем Тревайз медленно и бесшумно отворил дверь. Показалось, стало больше облаков, но в разрывах между ними по-прежнему сияли звезды. Высоко в небе стояло созвездие Кассиопеи, включавшее звезду, которая могла быть Солнцем Земли. Стояла тишина — ни ветерка, ни звука.

Тревайз, крадучись, вышел из дому и махнул рукой остальным, чтобы они шли следом. Рука его почти автоматически легла на рукоятку нейрохлыста. Он был уверен, что пользоваться им не придется, но...

Блисс возглавила процессию, взяв Пелората за руку, а Пелорат сжал руку Тревайза. Другой рукой Блисс держала руку Фаллом, та свободной рукой сжимала флейту. Осторожно ступая в почти полной темноте, Блисс тянула всех за собой, туда, где она ощущала, пусть и очень слабо, свою геянскую одежду, оставшуюся на борту «Далекой звезды».

Часть VII

ЗЕМЛЯ

Глава 19

РАДИОАКТИВНА?

85

«Далекая звезда» бесшумно взлетела и покинула слой атмосферы, оставив внизу темный силуэт острова. Несколько тусклых пятнышек света померкли и исчезли. По мере того как с высотой нарастала разреженность атмосферы, скорость корабля увеличивалась, а звезды становились все многочисленнее и ярче.

Время от времени путешественники поглядывали вниз, на Альфу, которая теперь представляла собой полумесяц, почти целиком окутанный облаками.

— Наверное, у альфиан нет мощной космической техники. Они не смогут преследовать нас, — сказал Пелорат.

— Не сказал бы, что это снимает камень с моей души, — мрачно отозвался Тревайз. — Я заражен.

— Неактивированным штаммом, — уточнила Блисс.

— Штамм может быть активирован. Альфиане знают, как это делать. Знать бы, как?

Блисс пожала плечами:

— Хироко говорила, что вирус в неактивированной форме постепенно погибнет в организме, не привыкшем к нему, — в твоем, например.

— Да? — яростно воскликнул Тревайз. — Откуда ей знать? И потом, если на то пошло, откуда мне знать, не были ли заверения Хироко ложью во спасение? И разве активация не может произойти естественным путем? Кто знает, что способно пробудить дремлющий вирус? Какое-нибудь химическое соединение, воздействие определенного излучения или... или... да мало ли что? Я могу заболеть внезапно, а потом и вы трое тоже умрете. А если это случится после того, как мы доберемся до населенной планеты, там вспыхнет ужасная эпидемия, которую беглецы разнесут по всей Галактике.

Он взглянул на Блисс:

— Ты можешь что-нибудь сделать?

Блисс медленно покачала головой:

— Это нелегко. На Гее есть паразиты — микроорганизмы, черви. Эти частицы экологического равновесия живут и вносят свой вклад в планетарное сознание, но никогда не размножаются сверх меры. Их существование не наносит заметного вреда. Беда в том, Тревайз, что вирус, поразивший тебя, не часть Геи.

— Ты сказала «нелегко», — нахмурившись, проговорил Тревайз. — Но раз уж так вышло, может, все-таки попытаешься сделать это, даже если работа окажется тяжелой? Можешь найти во мне вирус и убить его? Если это не удастся, можешь по крайней мере повысить мою сопротивляемость?

— Ты понимаешь, о чем просишь, Тревайз? С микрофлорой твоего тела я незнакома. Я просто не смогу отличить вирус в клетках твоего тела от здоровых генов. Еще сложнее будет отличить те вирусы, к которым ты уже привык, от тех, которыми заразила тебя Хироко. Я попробую, Тревайз, но это потребует времени и может ничего не дать.

— Пусть так. Попытайся.

— Хорошо.

— Если Хироко сказала правду, — вмешался Пелорат, — ты, Блисс, может быть, сумеешь найти вирусы, которые уже начали утрачивать жизнеспособность, и сможешь ускорить их гибель.

— Попробую. Это интересная мысль.

— А ты не передумаешь? — сказал Тревайз. — Ведь, убивая вирусы, ты уничтожишь совершенное творение эволюции.

— Опять язвишь, Тревайз? — усмехнулась Блисс. — Но все равно это правда. Как бы там ни было, ты мне дороже вирусов. Я убью их, если повезет, не сомневайся. И потом, ведь если я не помогу тебе, — Блисс сжала губы, словно пыталась сдержать улыбку, — то тогда окажутся в опасности Пелорат и Фаллом, а ты мог уже убедиться в моих чувствах к ним. Да я и сама рискую, если на то пошло.

— Маловато я верю в твое себялюбие, — проворчал Тревайз. — Ты всегда готова отдать жизнь за какую-нибудь высокую идею. Забота о Пелорате — это другое дело. Погоди, я не слышу флейты. С Фаллом все в порядке?

— Да. Она спит. Самый что ни на есть естественный сон. И я предлагаю, чтобы после того, как ты рассчитаешь Прыжок к звезде, которую мы принимаем за Солнце Земли, мы тоже выспались. Мне это крайне необходимо, да и тебе тоже, Тревайз.

— Да, если смогу заснуть. А знаешь, ты была права.

— В чем, Тревайз?

— В отношении изолятов. Новая Земля не рай, хотя и походила на него. Это гостеприимство — все, что сперва показалось гостеприимством, — предназначалось для того, чтобы усыпить в нас любые подозрения, а потом одного из нас заразить. А все эти фигли-мигли, все эти праздники им нужны были, чтобы задержать нас на Альфе до возвращения рыбаков, когда появится возможность провести активацию вируса. Так бы оно и вышло, если бы не Фаллом и ее музыка. Возможно, ты была права и в этом.

— Насчет Фаллом?

— Да, я не хотел брать ее с нами и не радовался ее присутствию на корабле. Это твоя, Блисс, заслуга, что она здесь и именно она — я не шучу — спасла нас. И все же...

— Все же что?

— Несмотря на это, я *все еще* ощущаю тревогу оттого, что она на корабле. А почему — не знаю.

— Если тебе от этого станет легче, Тревайз, признаюсь: я не уверена в том, что честь нашего спасения целиком и полностью принадлежит Фаллом. Хироко ухватилась за музыку Фаллом, чтобы оправдаться перед самой собой в том, что другие альфиане наверняка назвали бы изменой. Она могла даже в это поверить, но в ее сознании было что-то еще. Что-то, что я различала с трудом и не могла точно определить; что-то, чего, возможно, она слишком стыдилась, чтобы позволить этому всплыть на поверхность сознания. У меня такое впечатление, что она прониклась искренним чувством к тебе и не хотела, чтобы ты погиб, независимо от Фаллом и ее музыки.

— Ты и вправду так думаешь? — улыбнулся Тревайз — впервые со времени отлета с Альфы.

— Да. Ты, должно быть, обладаешь определенным даром в обращении с женщинами. Ты убедил министершу Лайзалор позволить нам забрать корабль и покинуть Компореллон, ты помог нам спастись своим влиянием на Хироко. Мы все в долгу перед тобой.

Тревайз улыбнулся шире.

— Ну ладно. Если ты так считаешь... Тогда — к Земле, — твердо проговорил он и прогулочным шагом отправился в рубку.

Пелорат задержался и спросил:

— Все-таки ты убаюкала его тревогу, Блисс?

— Нет, Пелорат. Я не прикасалась к его сознанию.

— Наверняка ты это проделала, когда так откровенно польстила его мужскому тщеславию.

— Исключительно косвенно, — улыбнулась Блисс.

— Даже если так, спасибо тебе, Блисс.

86

После Прыжка звезда, которая вполне могла быть земным Солнцем, все еще находилась на расстоянии в одну десятую парсека от корабля. Это был теперь самый яркий объект на экране, но все еще не более чем звезда.

Тревайз слегка приглушил ее свет, чтобы легче было наблюдать, и с мрачным видом разглядывал.

— Нет сомнения, что это фактически двойник Альфы, звезды, вокруг которой обращается эта Новая Земля, хотя Альфа обозначена на карте в компьютере, а эта звезда — нет. Мы не знаем ее названия, у нас нет ее характеристик, отсутствует любая информация касательно ее планетной системы, если она у нее есть.

— Разве не этого мы ожидали в том случае, если вокруг этого солнца действительно вращается Земля? — спросил Пелорат. — Такой пробел в сведениях вполне укладывается в общую картину уничтожения сведений о Земле.

— Да. Но это может просто оказаться космонитской планетой, почему-либо не попавшей в перечень на стене того здания на Мельпомене. Мы ведь не можем быть уверены, что перечень полный. А может, около этой звезды нет планет, и поэтому, возможно, ее не сочли достойной для внесения в карты Галактики, которые в основном используются в военных и коммерческих целях. Джен, есть ли в каких-нибудь легендах упоминания о том, что Солнце Земли имеет двойника менее чем в парсеке от себя?

— Извини, Голан, но такого я не встречал, — покачал головой Пелорат. — Хотя, может быть, что-то и есть об этом. Память у меня неважная. Я покопаюсь в записях.

— Не обязательно. Есть ли у Солнца Земли какое-нибудь название?

— Названия разные. Я думаю, в каждом языке было свое.

— Все время забываю, что на Земле их было множество.

— Так и должно было быть. Это единственный способ докопаться до сути многих легенд.

— Ну хорошо, и что же нам делать? — постепенно раздражался Тревайз. — Мы ничего не можем сказать о планетарной системе с такого расстояния и должны подойти поближе. Я предпочел бы соблюдать осторожность, но есть и другая крайность — трусость, а никаких признаков опасности я не вижу. Вероятно, нечто столь могущественное, чтобы убрать во всей Галактике информацию о Земле, столь же сильно, чтобы стереть нас в порошок даже на таком расстоянии, если всерьез заинтересовано в том, чтобы не дать себя обнаружить. Но ничего не случилось. В таком случае, что толку торчать здесь только из-за того, что что-либо может случиться, если мы подойдем ближе, верно?

— Я попросила бы компьютер проверить, нет ли там чего-то, что может представлять опасность, — предложила Блисс.

— Когда я говорю, что не вижу опасности, я говорю это, опираясь на данные компьютера. Естественно, я ничего не могу, да и не ожидаю увидеть невооруженным глазом.

— Я сказала это, заметив, как ты ищешь поддержки, принимая рискованное решение. Но если так, то все в порядке. Я — за. Мы ведь зашли так далеко не для того, чтобы повернуть назад без особых на то причин, верно?

— Верно, — ответил Тревайз. — А что скажешь ты, Пелорат?

— Я двинулся бы дальше только из любопытства. Было бы невыносимо вернуться, не зная, нашли ли мы Землю.

— Ну тогда, — подытожил Тревайз, — единогласно.

— Нет, — возразил Пелорат. — Есть еще Фаллом.

— Ты предлагаешь спросить совета у ребенка? — удивился Тревайз. — Какое значение может иметь ее мнение, даже если оно у нее есть? И потом — ведь она больше всего хочет вернуться домой, на родную планету.

— Не судить же ее за это, — мягко проговорила Блисс.

И из-за того, что разговор зашел о Фаллом, Тревайз вдруг услышал флейту, которая играла бодрый марш.

— Потрясающе, — сказал Тревайз, — где она могла слышать что-либо в ритме марша?

— Возможно, их играл для нее Джемби.

— Сомневаюсь, — покачал головой Тревайз. — Ну колыбельные там, танцы. Послушайте, Фаллом по-прежнему меня тревожит. Она учится слишком быстро.

— Я *помогаю* ей, — заявила Блисс. — Не забывай об этом. Кроме того, она *очень* умна, и ее очень подстегивает общение с

нами. Новые ощущения переполняют ее мозг. Она видит космос, различные планеты — и все это впервые.

Марш Фаллом стал несколько диковатым и бравурным.

— Ну ладно, — вздохнул Тревайз, — она здесь, и играет музыку, казалось бы, преисполненную оптимизма и удовольствия от приключений. Я считаю, что это ее голос в пользу приближения к Солнцу. Давайте осторожно подойдем поближе и поглядим на его планетную систему.

— Если она у него есть, — уточнила Блисс.

— Есть, — хитро улыбнулся Тревайз. — Спорим? Ваша ставка, госпожа Блисс?

87

— Ты проиграла, — рассеянно заметил Тревайз. — Сколько ты решила поставить?

— Нисколько. Я никогда не держу пари.

— Что ж, прекрасно. Все равно я не взял бы с тебя денег.

Они находились на расстоянии около десяти миллиардов километров от Солнца. Оно все еще походило на звезду и было почти в четыре тысячи раз тусклее, чем среднее солнце при взгляде на него с обитаемой планеты.

— При увеличении две планеты видны уже сейчас, — сообщил Тревайз. — Судя по их диаметру и спектру отраженного света, это явно газовые гиганты.

Корабль находился вне плоскости эклиптики, и Блисс с Пелоратом, глядя поверх плеча Тревайза на обзорный экран, видели два тоненьких зеленоватых полумесяца. Меньший находился в несколько иной фазе, чем больший, и выглядел шире.

— Джен! — воскликнул Тревайз. — Не правда ли, что у земного Солнца должно быть четыре газовых гиганта?

— Согласно легенде это так.

— Ближайший к Солнцу — самый большой, а у следующего — кольцо. Так?

— Большие широкие кольца, Голан. Да. В точности так, дружочек, но учти возможные преувеличения при многократном пересказе легенды. Если мы не найдем такой планеты, то я не думаю, что стоит серьезно воспринимать это как аргумент против наших предположений. То есть что эта звезда — Солнце Земли. Тем не менее те два гиганта, что мы видим, могут оказаться более дальними, а два ближних к Солнцу могут находиться сейчас по другую его сторону и слишком далеко от нас, чтобы их можно было различить на фоне звезд.

— Мы должны подойти еще ближе и осмотреть Солнце с другой стороны.

— Разве можно проделать такое в присутствии столь близкой и большой массы, как эта звезда?

— Уверен, компьютер, с разумной осторожностью, может осуществить такой Прыжок. Однако если он решит, что опасность слишком велика, то откажется от быстрого способа передвижения, и мы будем приближаться к Солнцу осторожно, маленькими шажками.

Внимание Тревайза переключилось на компьютер — и звездный узор на обзорном экране изменился. Звезда ярко вспыхнула и исчезла с экрана, поскольку компьютер, выполняя команду, обшаривал небо в поисках других газовых гигантов. И небезуспешно.

Все трое замерли. Наконец Тревайз, почти беспомощный от удивления, отдал команду компьютеру еще сильнее увеличить изображение.

— Невероятно, — выдохнула Блисс.

88

Перед ними на экране повис газовый гигант, видимый под таким углом, что его поверхность оказалась почти полностью освещена Солнцем. Вокруг гиганта кружились широкие сверкающие кольца, наклоненные так, что видны были блики света на их боковых сторонах. Они сияли ярче, чем сама планета, и были разделены тонкой линией примерно в треть их собственной ширины.

Тревайз затребовал у компьютера максимальное разрешение, и кольца превратились в колечки — узкие, концентрические, блестящие под лучами Солнца. Теперь лишь часть системы колец умещалась на экране, да и сама планета с него исчезла. Еще одна команда Тревайза — и в углу экрана возникла вставка, демонстрирующая планету и ее кольца в миниатюре.

— Это часто встречается? — благоговейно спросила Блисс.

— Нет, — ответил Тревайз. — Почти у каждого газового гиганта есть кольца из различных обломков, но они, как правило,

тусклые и узенькие. Я лишь однажды видел такой, у которого кольца были узкими, но яркими. Но я никогда не видел ничего подобного этой планете, даже не слышал о такой.

— Перед нами явно тот самый окольцованный гигант, о котором говорит легенда. Если подобные вещи действительно уникальны... — Пелорат захлебывался от восторга.

— Естественно, уникальны! Насколько мне известно. Или, точнее, насколько известно компьютеру.

— Тогда это *наверняка* планетная система, включающая Землю. Никто не смог бы придумать такую планету. Такое нужно видеть, чтобы описать в легендах.

— Я готов теперь поверить всему, о чем говорят твои легенды. Это — шестая планета, а Земля должна быть третьей?

— Верно, Голан.

— Тогда я должен объявить, что мы менее чем в полутора миллиардах километров от Земли, а нас еще никто не остановил. Гея остановила нас, когда мы приблизились.

— Вы были ближе к Гее, когда вас остановили, — заметила Блисс.

— Ага, — кивнул Тревайз, — но это — лишнее подтверждение моего мнения о том, что Земля могущественнее, чем Гея; и я считаю это добрым предзнаменованием. Если нас все еще не задержали, то, возможно, Земля вовсе не возражает против нашего прибытия.

— Или что это — не Земля, — сказала Блисс.

— Еще одно пари? — ухмыляясь, спросил Голан.

— Как я понял, Блисс хотела сказать, — вмешался Пелорат, — что Земля может оказаться радиоактивной, как все говорят, и что никто не остановил нас из-за отсутствия на ней всякой жизни вообще.

— Нет, — сказал Тревайз, — я верю всему, что говорится о Земле, только *не этому*. Теперь мы вблизи нее и можем убедиться во всем сами. И у меня такое чувство, что нам не помешают.

89

Газовые гиганты остались позади. Ближе к Солнцу лежал пояс астероидов (он был большим и содержал множество обломков — все как в легендах).

Внутри пояса астероидов кружились четыре планеты.

Тревайз внимательно изучил их.

— Третья — самая большая, размеры ее вполне подходящие, как и расстояние от Солнца. Она может оказаться обитаемой.

Пелорат уловил нотку неуверенности в его словах.

— У нее есть атмосфера? — спросил он.

— О да. У второй, третьей и четвертой планет есть атмосфера. И, как в старой сказке для детей, у второй она слишком плотная, у четвертой — слишком разреженная, у третьей — в самый раз.

— Значит, ты думаешь, что это может быть Земля?

— Думаю? — почти взорвался Тревайз. — Мне нет нужды думать. Это — Земля. У нее — гигантский спутник, о котором ты мне твердил.

— Спутник? — Лицо Пелората расплылось в такой широкой улыбке, какой Тревайз еще никогда не видел.

— Все в точности! Вот, взгляни при максимальном увеличении.

Пелорат увидел два полумесяца, причем один был значительно больше и ярче второго.

— Меньший, как я понимаю, и есть тот спутник?

— Да. Он дальше от планеты, чем можно было бы ожидать, но, несомненно, обращается вокруг нее. Он размером с малую планету; на самом деле — меньше любой из четырех внутренних планет. Тем не менее он велик для спутника. Не меньше двух тысяч километров в диаметре, что делает его сопоставимым с самыми большими спутниками газовых гигантов.

— Всего-то? — Пелорат был искренне разочарован. — Это не гигантский спутник?

— Гигантский. Спутник с диаметром в две или три тысячи километров, вращающийся вокруг огромного газового гиганта, — это одно. Тот же самый спутник небольшой, твердой, обитаемой планеты — совсем другое. Диаметр спутника составляет около четверти диаметра Земли. Где еще ты слышал о подобном? Да это же, считай, двойная планета.

— Я профан, сознаю, — смущенно проговорил Пелорат.

— Тогда поверь мне на слово, Джен. Подобный спутник — уникальное явление. Мы смотрим на нечто, являющееся практически двойной планетой, а ведь обитаемых планет, вокруг которых летает что-нибудь крупнее нескольких камней, очень мало. Если ты сопоставишь этот газовый гигант с его огромной системой колец, являющийся шестой планетой, и этот громадный

спутник у третьей — о которых правдиво, вопреки всем ожиданиям, говорили легенды, тогда планета, на которую ты сейчас смотришь, *должна* быть Землей. Немыслимо, чтобы она оказалась чем-то иным. Мы нашли ее, Джен, мы нашли ее!

90

Шел второй день постепенного приближения к Земле. За обедом Блисс зевнула.

— Мне кажется, мы только и делаем, что подлетаем к той или иной планете, а потом столь же медленно от нее удаляемся. Недели тратим, целые недели.

— Отчасти это потому, — стал объяснять Тревайз, — что Прыжок опасно совершать *слишком* близко к звезде. Но мы так плетемся потому, что я не хочу оказаться перед лицом очередной возможной опасности слишком быстро.

— Помнится, ты уверял: «Я чувствую, что нас не остановят».

— Это так, но я не хочу во всем полагаться на предчувствия. — Голан посмотрел на содержимое ложки, прежде чем отправить ее в рот, и сказал: — Что-то я заскучал по альфианской рыбке. Мы ведь там только три раза попировали.

— Жаль, — согласился Пелорат.

— Что поделаешь, — пожала плечами Блисс, — мы побывали на пяти планетах и покидали каждую из них столь поспешно, что не имели времени пополнить запасы пищи или как-либо их разнообразить. Даже тогда, когда продукты можно было без проблем раздобыть, как, например, на Компореллоне или Альфе, и, вероятно...

Она не договорила, поскольку Фаллом, бросив на Блисс быстрый взгляд, закончила за нее:

— На Солярии. Вы не пробовали нашу еду? Там она прекрасна. Так же, как на Альфе. И даже еще лучше.

— Я знаю это, Фаллом, — ответила ей Блисс. — Но на это просто не было времени.

Фаллом печально посмотрела на нее:

— Увижу ли я Джемби когда-нибудь вновь, Блисс? Скажи мне правду.

— Увидишь, если мы вернемся на Солярию.

— А мы когда-нибудь туда вернемся?

— Я не могу так сразу сказать, — замялась Блисс.

— Сейчас мы летим к Земле, верно? Это та планета, откуда, как ты говорила, мы все ведем свое происхождение?

— Откуда ведут свое происхождение наши предшественники.

— Я уже знаю слово «предки».

— Да, мы летим к Земле.

— Зачем?

— Разве не хотел бы любой человек увидеть мир своих предков?

— Я думаю, это скорее касается вас. Вы все так взволнованы.

— Мы никогда не были здесь раньше. Мы не знаем, чего ожидать от Земли.

— Мне кажется, тут что-то большее.

Блисс улыбнулась:

— Ты уже поела, Фаллом, милая, так почему бы тебе не пойти в свою каюту и не порадовать нас небольшой серенадой на флейте? Ты все прелестней на ней играешь. Давай, давай. — Она легонько подтолкнула Фаллом, и та вышла, но в дверях обернулась и задумчиво взглянула на Тревайза.

Он посмотрел ей вслед с явной неприязнью:

— Это существо, что же, мысли читает?

— Не называй ее «существом», Тревайз, — резко сказала Блисс. — Она что, читает твои мысли? Ты можешь ответить?.. Нет, не читает. И Гея тоже. Это недоступно даже адептам Второй Академии. Чтение мыслей в прямом смысле невозможно и не будет возможно в ближайшем будущем. Мы можем распознавать и интерпретировать эмоции и, в некоторой степени, управлять ими, но и это непростое дело.

— Откуда ты знаешь, что ей неподвластно то, что тебе кажется невозможным?

— Я имею право так утверждать, поскольку обладаю определенными способностями.

— Возможно, она просто управляет тобой, так что ты остаешься в неведении о том, на что она способна.

— Образумься, Тревайз! — воскликнула Блисс, закатив глаза. — Даже если она обладает необычными способностями, она ничего не может сделать со мной, ведь я не только Блисс, но и Гея. Ты по-прежнему забываешь об этом. Ты представляешь себе, что такое ментальная инертность целой планеты? Неужели ты думаешь, что один изолят, каким бы талантливым он ни был, мог преодолеть ее?

— Ты не знаешь всего, Блисс, так что не будь столь самоуве-

ренна, — угрюмо пробурчал Тревайз. — Эта тв... *Она* с нами не так уж давно. Я за такое время только научился бы слова составлять, а она уже в совершенстве владеет галактическим и фактически освоила почти весь его словарный запас. Знаю, ты помогала ей, но я хотел бы, чтобы ты это прекратила.

— Да, я говорила тебе, что помогаю ей, но я также сказала, что она удивительно умна. Настолько умна, что я рада была бы, чтобы она стала частицей Геи. Если мы присоединим ее к себе, пока она еще достаточно молода, то сможем многое узнать о солярианах, так чтобы постепенно ассоциировать всю Солярию. Это было бы очень полезно для нас.

— И тебя не беспокоит, что соляриане — патологические изоляты, даже по *моим* понятиям?

— Они не будут такими, став частью Геи.

— Я думаю, ты ошибаешься, Блисс. Я думаю, что солярианский ребенок опасен и что мы должны избавиться от нее.

— Как? Выбросить ее через шлюз? Убить ее, размельчить и добавить к нашим запасам пищи?

— Ох, Блисс, ну что ты такое говоришь! — всплеснул руками Пелорат.

А Тревайз поморщился:

— Да уж, действительно, сказанула. — Он прислушался на минуту: флейта играла и играла, и Тревайз перешел на полушепот. — Когда все это кончится, мы должны вернуть ее на Солярию и лишний раз убедиться, что соляриане навечно отрезаны от Галактики. Мне было бы еще спокойнее, если бы они были уничтожены. Я не доверяю им и боюсь их.

Блисс ненадолго задумалась и сказала:

— Тревайз, я знаю, что ты обладаешь умением приходить к правильному решению, но я также знаю, что ты с самого начала испытывал антипатию к Фаллом. Я полагаю, это может быть следствием того унижения, которое ты пережил на Солярии и из-за которого возненавидел планету и ее жителей. Поскольку я не имею права вмешиваться в твое сознание, я не могу это утверждать наверняка. Пожалуйста, пойми, что, если бы мы не взяли Фаллом с собой, мы до сих пор оставались бы на Альфе — наверное, нас бы уже похоронили.

— Я все понимаю, Блисс, но даже так...

— А ее разум достоин восхищения, а не зависти.

— Я не завидую ей. Я боюсь ее.

— Ее ума?

— Нет, не только, — в задумчивости закусил губу Тревайз.

— Чего же тогда?

— Я не знаю, Блисс. Если бы я знал, чего я боюсь, я бы смог побороть страх. Это что-то, чего я не могу до конца понять. — Его голос стал тише, словно он разговаривал сам с собой. — Галактика, как оказалось, переполнена вещами, которых я не понимаю. Почему я выбрал Гею? Почему я должен искать Землю? Было ли забыто еще одно допущение психоистории? Если да, то какое? И в завершение всего: почему Фаллом так действует мне на нервы?

— К несчастью, я не могу ответить на твои вопросы, — сказала, вставая, Блисс и вышла из каюты.

Пелорат посмотрел ей вслед:

— На самом деле все обстоит не столь мрачно, Голан. Мы подлетаем все ближе и ближе к Земле и как только доберемся до нее, все загадки наконец разрешатся. И до сих пор никто, похоже, не делает никаких попыток остановить наше к ней приближение.

Тревайз только моргал, глядя на Пелората, но потом тихо сказал ему:

— А я бы хотел, чтобы кто-нибудь попытался.

— Да? Почему ты этого хочешь?

— Честно говоря, я рад был бы хоть какому-то признаку жизни.

Пелорат широко открыл глаза:

— Ты наконец обнаружил, что Земля — радиоактивна?

— Не то чтобы... Но она теплая. Намного теплее, чем я ожидал.

— Это плохо?

— Необязательно. Она может быть довольно теплой, но это вовсе не должно сделать ее непригодной для жизни. Облачный покров плотный, определенно присутствуют водяные пары, так что эти облака, вместе с водами океана, могут поддерживать жизнь, несмотря на температуру, которую мы вычислили, исходя из микроволнового излучения. Впрочем, я не могу быть уверен. Разве что только...

— Да, Голан.

— Ну, если бы Земля *была* радиоактивной, этим может объясняться большая, чем мы ожидали, температура.

— Но это не противоречит и первому, не правда ли? Если

она теплее, чем ожидалось, это не означает, что она *должна* быть радиоактивной.

— Нет, не означает. — Тревайз попытался выдавить улыбку. — Нам нет нужды гадать, Джейнав. Через день-другой я смогу больше сказать об этом, и мы узнаем все наверняка.

91

Фаллом сидела на койке в задумчивости, когда в каюту вошла Блисс. Фаллом коротко взглянула на нее, затем снова уставилась в пол.

— В чем дело, Фаллом? — тихо сказала Блисс.

— Почему я так не нравлюсь Тревайзу, Блисс?

— Что навело тебя на подобные мысли?

— Он смотрит на меня нетерпеливо — это правильное слово?

— Возможно.

— Он нетерпеливо смотрит на меня, когда я вблизи него. Его лицо немного кривится.

— У Тревайза сейчас множество забот, Фаллом.

— Потому что он ищет Землю?

— Да.

Фаллом немного подумала и сказала:

— Он особенно нетерпелив, когда я привожу что-нибудь в движение.

Губы Блисс сжались.

— Послушай, Фаллом, разве я не говорила тебе, что ты не должна этого делать, особенно в присутствии Тревайза?

— Ну, это было вчера, в этой каюте, он стоял в дверях, а я не заметила. Я не знала, что он наблюдает. Это был всего лишь один из библиофильмов Пела, и я пыталась заставить кассету встать на ребро. Я не сделала ничего плохого.

— Это нервирует нашего друга, Фаллом, и я хотела бы, чтобы ты не делала ничего подобного, вне зависимости от того, видит он тебя или нет.

— Это нервирует его, потому что сам он ничего похожего не может?

— Возможно.

— А ты можешь?

— Нет, я не могу, — медленно покачала головой Блисс.

— Но *тебя* же не нервирует, когда я так делаю. И Пела тоже.

— Все люди разные.

— Я знаю, — сказала Фаллом с внезапной уверенностью, которая и удивила Блисс, и привела ее в замешательство.

— Что ты знаешь, милая моя девочка?

— Я — другая.

— Конечно, я так и сказала. И Пелорат другой.

— У меня другие формы тела. И я умею двигать вещи.

— Это правда.

— Мне *необходимо* двигать вещи, — продолжила Фаллом с вызовом в голосе. — Тревайз не должен сердиться на меня за это, ты не должна останавливать меня.

— Но зачем это тебе нужно?

— Это — тренировка. Упружнение — это правильное слово?

— Не совсем. Упражнение.

— Да. Джемби постоянно твердил, что я должна постоянно тренировать мои... мои...

— Мозговые преобразователи?

— Да. И делать их сильнее. Тогда, когда я вырасту, я смогу управлять всеми роботами. Даже Джемби.

— Фаллом, кто управляет всеми роботами, когда тебя нет?

— Бандер. — Фаллом словно бы просто констатировала факт.

— Ты знаешь Бандера?

— Конечно. Я видела его много раз. Я должна была стать следующим главой поместья. Поместье Бандера станет поместьем Фаллом. Так говорил мне Джемби.

— Ты имеешь в виду, что Бандер приходил в твою...

Фаллом в ужасе открыла рот и сказала каким-то придавленным голосом:

— Бандер никогда не мог бы прийти к... — Фаллом стало трудно дышать, она запнулась и замолчала. Потом она успокоилась: — Я *видела* изображение Бандера.

— А как Бандер к тебе относился? — нерешительно спросила Блисс.

Фаллом поглядела на нее, сощурив от удивления глаза:

— Бандер мог спросить меня, в чем я нуждаюсь, удобно ли мне. Но Джемби всегда был рядом, так что я никогда ни в чем не нуждалась и мне всегда было удобно.

Она наклонила голову и уставилась в пол. Потом закрыла глаза ладонями и еле слышно произнесла:

— Но Джемби остановился. Я думаю, это из-за того, что Бандер тоже остановился.

— Почему ты так говоришь?

— Я думала об этом. Бандер управлял всеми роботами, и, если Джемби остановился и все остальные роботы тоже, должно быть, остановился и Бандер. Разве это не так?

Блисс промолчала.

— Но когда вы вернете меня назад, на Солярию, я смогу обеспечить энергией Джемби и всех остальных роботов и буду вновь счастлива.

Она всхлипнула.

— Разве ты не счастлива с нами, Фаллом? Хоть немного? Иногда?

Фаллом подняла залитое слезами лицо к Блисс и, покачав головой, дрожащим голосом выпалила:

— Я хочу Джемби.

В порыве нежности Блисс обхватила ее руками.

— Ох, Фаллом, как бы я хотела, чтобы я могла вновь соединить тебя и Джемби! — И внезапно обнаружила, что и сама плачет вместе с Фаллом.

92

Такими их и увидел вошедший в каюту Пелорат. Он застыл у двери и спросил:

— Что случилось?

Блисс отстранилась от Фаллом и потянулась за носовым платком, чтобы вытереть заплаканные глаза. Она тряхнула головой, и Пелорат озабоченно повторил:

— Но все-таки, что случилось?

— Фаллом, успокойся, — сказала Блисс. — Я придумаю что-нибудь, чтобы тебе стало хоть немного легче. Помни — я люблю тебя так же, как любил Джемби.

Она взяла Пелората за локоть и вытолкнула в обеденный отсек, повторяя:

— Это так, ничего, Пел. Пройдет.

— Это из-за Фаллом, верно? Она все еще жалеет о Джемби.

— Ужасно. И мы ничего не можем с этим поделать. Я могла только сказать ей, что люблю ее — и в самом деле это так. Как можно не любить такое нежное и разумное дитя? Удивительно

разумное. Тревайз думает, что даже *слишком* разумное. Она видела Бандера в свое время или скорее его голографическое изображение. Однако эти воспоминания ее не трогают, она очень спокойно и рассудительно говорила о нем, и я могу понять почему. Их связывало лишь то, что Бандер был владельцем поместья и что Фаллом должна была стать следующим его хозяином. Других отношений между ними не существовало.

— А понимала ли Фаллом, что Бандер — ее отец?

— Ее *мать*. Если уж мы согласились рассматривать Фаллом как женщину, так же следует думать и о Бандере.

— Неважно, Блисс. Знает ли Фаллом об их родственных связях?

— Я не уверена, что она поняла бы, что это такое. Вероятно, она может знать, но не придает этому никакого значения. Однако, Пел, она пришла к выводу, что Бандер мертв, поскольку ее озарило: выключение Джемби должно быть результатом прекращения подачи энергии, а так как этим занимался Бандер... Все это пугает меня.

Пелорат задумчиво сказал:

— Почему, Блисс? В конце концов, это всего лишь логический вывод.

— Потому что другой логический вывод может последовать из самого факта его смерти. На Солярии, с ее долгоживущими и одинокими космонитами, смерть — нечто редкое и отдаленное. Представление о естественной смерти должно существовать лишь у немногих из них, и, вероятно, совсем отсутствовать у солярианских детей возраста Фаллом. Если она продолжит размышлять о смерти Бандера, она наконец начнет гадать, *почему* он умер, и то, что это случилось, когда мы, чужаки, появились на их планете, наверняка наведет ее на мысль о возможной причине и следствии.

— Что мы убили Бандера?

— Это не мы убили Бандера, Пел. Это была я.

— Она не догадается.

— Но я должна буду сказать ей об этом. Она обижается на Тревайза, а ведь он — руководитель экспедиции. Фаллом может решить, что, возможно, именно он повинен в гибели Бандера, а как я могу позволить, чтобы на Тревайза кто-то возвел напраслину?

— Стоит ли беспокоиться обо всем этом, Блисс? Ребенок не

испытывал никаких чувств к своему от... матери. Только к своему роботу Джемби...

— Но смерть ее матери означает и смерть ее робота. Я почти готова уже признаться в своей ответственности за это. Я испытываю огромное искушение.

— Почему?

— Так я смогу объяснить это в нужном свете. Так я смогу успокоить Фаллом, предупредив ее собственное открытие этого факта в процессе размышлений. Сама она может не найти оправданий убийству Бандера.

— Но оправдание *существует*! Это была самооборона. Спустя мгновение мы были бы мертвы, не решись ты на крайнюю меру.

— Именно это я и должна бы сказать, но не могу заставить себя объясниться. Я боюсь, что она не поверит мне.

Пелорат, покачивая головой, сжал зубы.

— Ты думаешь, было бы лучше, если бы мы не привели ее на «Далекую звезду»? Теперь ты так несчастна...

— Нет, — рассердилась Блисс, — не говори так! Я была бы бесконечно более несчастна, если бы мы сидели сейчас и вспоминали оставленного нами невинного ребенка, осужденного на безжалостную смерть из-за того, что *мы* натворили на Солярии.

— Такова планета Фаллом.

— Послушай, Пел, только наш разговор не передавай Тревайзу. Изоляты находят возможным соглашаться с подобными вещами и не думать больше о них. Мораль же Геи — спасение жизни, а не уничтожение ее. Жизнь во всех ее проявлениях должна, как мы знаем, заканчиваться, чтобы другая жизнь могла начаться, но никогда — без пользы, без смысла, без конца. И смерть Бандера, пусть и неизбежную, довольно трудно перенести. Смерть же Фаллом была бы просто невыносима.

— Ну хорошо. Думаю, ты права. Но в любом случае, я пришел к тебе не с заботами о проблемах Фаллом. Дело касается Тревайза.

— Что с ним?

— Блисс, я беспокоюсь за него. Он ждет установления параметров Земли, и я не уверен, что он сможет перенести такое напряжение.

— Я не боюсь за него. С ума он не сойдет.

— У каждого из нас есть предел выносливости. Послушай, планета Земля оказалась теплее, чем он ожидал; так он сказал

мне. Полагаю, он думает о том, что она может быть слишком теплой для существования там жизни, хотя явно старается убедить себя, что это не так.

— Быть может, он прав. Может, она *не слишком* горяча для жизни.

— Кроме того, он допускает, что, возможно, это тепло можно объяснить наличием радиоактивной поверхности, но тоже отказывается в это верить. Через день-другой мы подойдем достаточно близко к Земле, так что станет ясным истинное положение вещей. Что, если Земля *действительно* радиоактивна?

— Тогда ему останется только смириться с этим.

— Но — я не знаю, как сказать... — что, если в его мозгу...

Блисс подождала, а затем криво усмехнулась:

— Полетят предохранители?

— Да. Полетят предохранители. Не могла бы ты предпринять что-нибудь, чтобы поддержать его? Держать его под контролем и в уравновешенном состоянии, так сказать?

— Нет, Пел. Я не могу поверить, что он так слаб, и, кроме того, существует твердое решение Геи: его сознание неприкосновенно.

— Но сейчас особые обстоятельства. У него есть эта необычная «правота» или как ты ее там называешь. Шок от полного провала его прожектов в тот момент, когда все, казалось бы, успешно завершено, способен пусть и не уничтожить его мозг, но расстроить его «правоту». Он обладает очень необычным талантом. Разве не может этот талант оказаться необычайно хрупким?

Блисс на миг задумалась, пожала плечами и сказала:

— Ну что же, возможно, мне и следует присмотреть за ним.

93

Следующие тридцать шесть часов Тревайз смутно ощущал, что Блисс и, в меньшей степени, Пелорат ходят за ним по пятам. Впрочем, это было не так уж необычно на таком компактном корабле, да и занимали его ум совсем другие вещи.

Теперь, сидя за компьютером, он был уверен, что Блисс с Пелоратом стоят у двери. Тревайз обернулся и испытующе уставился на них.

— Ну? — очень тихо спросил он.

— Как ты себя чувствуешь, Голан? — довольно неуклюже попытался вывернуться Пелорат.

— А ты у Блисс спроси, — ответил Тревайз. — Она часами с меня глаз не спускает. Должно быть, насквозь видит мой мозг. Не так ли, Блисс?

— Нет. Нет, — спокойно сказала Блисс, — но, если ты чувствуешь, что нуждаешься в моей помощи, я могу попробовать... Тебе нужна помощь?

— Это еще зачем? Оставьте меня в покое. Оба.

— Пожалуйста, скажи нам, что происходит, — попросил Пелорат.

— Спрашивай!

— Является ли Земля...

— Да, является. То, на чем настаивали все в разговорах с нами, — истинная правда. — Тревайз махнул в сторону экрана, на котором виднелась ночная сторона Земли, затмившей Солнце. Она выглядела резко очерченным кружком темноты на фоне звездного неба, а окружность сияла прерывистым ореолом оранжевого света.

— Этот оранжевый свет — радиоактивность? — спросил Пелорат.

— Нет. Просто отраженный свет Солнца в атмосфере. Ореол был бы сплошным, если бы не сильная облачность. Радиоактивность мы видеть не можем. Различные излучения, даже гамма-лучи, поглощаются атмосферой. Однако они порождают вторичное излучение, сравнительно слабое, хотя компьютер может его обнаружить. Оно невидимо для глаз, но компьютер способен преобразовать в фотоны видимого света каждую частицу или волну, принятую его детекторами, и Земля предстанет окрашенной в условные цвета. Взгляните.

И черный кружок расцвел голубыми красками.

— И насколько сильная здесь радиоактивность? — тихо спросила Блисс. — Достаточная для того, чтобы человек здесь не мог существовать?

— Вообще никакая жизнь. Планета не пригодна для обитания. Последняя бактерия, последний вирус давно погибли.

— А сможем мы исследовать ее? — спросил Пелорат. — Я имею в виду, в скафандрах?

— Лишь несколько часов — иначе вернемся с необратимыми радиационными поражениями.

— Тогда что же мы будем делать, Голан?

— Делать? — Тревайз безо всякого выражения поглядел на Пелората. — Ты знаешь, что я собираюсь делать? Я возьму тебя и Блисс — и ребенка, естественно, — и верну вас на Гею, и оставлю там всех троих навсегда. Потом я вернусь на Терминус и сдам корабль. Подам в отставку из Совета, что должно сильно обрадовать мэра Бранно. А потом буду жить на пенсию, пошлю Галактику куда подальше вместе с Планом Селдона, нашей Академией, Второй Академией и Геей. Галактика не маленькая, сама выберет, как ей жить. Почему я должен беспокоиться о том, что случится после меня? Я еще пожить хочу.

— Наверняка ты так не думаешь, Голан, — настойчиво сказал Пелорат.

Тревайз посмотрел на него и глубоко вздохнул.

— Нет, не думаю, но ох как хотелось бы, чтобы я смог сделать точно так, как только что сказал тебе.

— Никогда бы я в это не поверил. Ну а что ты собираешься предпринять *на самом деле?*

— Вывести корабль на околоземную орбиту, отдохнуть, выйти из шока и подумать о том, что делать дальше. Да и вообще...

— Да?

И Тревайз сорвался:

— *Что* я могу предпринять еще? Что еще я могу осмотреть? Что здесь еще искать?

Глава 20

СОСЕДНЯЯ ПЛАНЕТА

94

После этого Пелорат и Блисс видели Тревайза только четыре раза, и то только за обеденным столом. Все остальное время он находился либо в рубке, либо в своей каюте. За едой молчал. Ел мало.

В четвертый раз, однако, Пелорату показалось, что необычная суровость покинула Тревайза. Пелорат дважды кашлянул, словно хотел что-то сказать да передумал.

Наконец Тревайз обвел своих спутников взглядом и произнес:

— Ты что-то желаешь сказать, Джен?

— Ты... ты обдумал создавшееся положение, Голан?

— Почему ты задаешь такой вопрос?

— Ты уже вроде бы в норме.

— Да такой же, как и был, но я кое-что придумал. Правда, с трудом.

— Можно узнать, что?

Тревайз коротко взглянул на Блисс. Она упорно смотрела в тарелку, храня осторожное молчание, словно чувствовала, что Пелорат добьется большего в этот щекотливый момент, чем она.

— Тебе тоже любопытно, Блисс?

— Да, конечно. — На мгновение она подняла взгляд.

Фаллом, болтая ногой, пнула ножку стула и спросила:

— Мы нашли Землю?

Блисс сжала ее плечо; Тревайз же не обратил на ее вопрос никакого внимания.

— Начнем с самого начала, — сказал он. — Итак, все сведения о Земле были изъяты на самых разных планетах. Это неизбежно приводит нас к определенному заключению. Что-то на Земле скрывается. И все же, наблюдая Землю, мы видим: она настолько мертва и радиоактивна, что все находящееся на ней автоматически сокрыто — и навечно. Никакой корабль не может сесть на эту планету, а с такого расстояния — с внешней границы магнитосферы — нам ничего на ней не разглядеть.

— Ты уверен? — мягко спросила Блисс.

— Я торчал все это время за компьютером, анализируя Землю всеми методами, какими только мог. И ничего. Более того, я *чувствую*, что здесь ничего нет. Почему же тогда были стерты все данные, касающиеся Земли? Наверняка то, что нужно было спрятать, нельзя спрятать более эффективно, чем сейчас: эффективней и вообразить нельзя. И нет никакой необходимости делать этот кусок масла еще более масляным.

— Может оказаться, — предположил Пелорат, — что что-то действительно было сокрыто на Земле еще в то время, когда она не была столь радиоактивна, какой нашли ее мы. В то время люди Земли могли бояться, что кто-либо отважится сесть здесь и найти это, чем бы оно ни было. И *тогда* Земля попыталась сокрыть информацию, касающуюся ее. То, что мы имеем сейчас, — призрачные останки того тревожного времени.

— Нет, я так не думаю, — возразил Тревайз. — Изъятие информации из Галактической библиотеки на Тренторе, вероятно,

произошло совсем недавно. — Он резко повернулся к Блисс. — Я прав?

Блисс спокойно ответила:

— Я/мы/Гея извлекли это по большей части из сознания находящегося в замешательстве адепта Второго Основания Тендцобаля, когда он, ты и я встретились с мэром Терминуса.

— Значит, что бы там ни было сокрыто, сейчас существует возможность раскрыть тайну Земли, несмотря на ее радиоактивность.

— Но как? — спросил Пелорат.

— Предположим, — начал рассуждать Тревайз, — что нечто, некогда бывшее на Земле, больше там не находится, а было перепрятано, когда возросла радиационная опасность. И хотя этого секрета больше нет на Земле, может статься, что, уж если мы смогли найти саму Землю, мы сумеем отыскать и место, куда перепрятали секрет. Будь это так, подступы к Земле все еще оставались бы закрытыми.

И тут послышался голос Фаллом:

— Если мы не найдем Землю, Блисс говорила, что ты вернешь меня к Джемби.

Тревайз повернулся к Фаллом и пристально уставился на нее. Блисс тихо сказала девочке:

— Я говорила: «может быть». Поговорим об этом после. А теперь иди к себе и почитай, или поиграй на флейте, или займись чем-нибудь еще, что тебе по душе. Давай беги...

Фаллом, выскользнув из-за стола, оставила их.

— Но как же так, Голан? — нахмурил брови Пелорат. — Мы здесь, мы нашли Землю, сейчас можем определить, где этот секрет, если его нет на Земле?

Тревайз некоторое время молчал, пытаясь прогнать мысли о Фаллом. Наконец он сказал:

— Почему бы и нет? Вообрази, что радиоактивность земной коры все нарастает. Население постепенно сократилось из-за смертей и эмиграции. А тайна, вне зависимости от ее содержания, находится во все возрастающей опасности.

Кто мог остаться, чтобы охранять ее? По идее, тайну нужно было переправить на другую планету, или же польза от нее, чем бы ни была эта тайна, оказалась бы утерянной для Земли. Видимо, вопрос о перемещении рассматривался с большой неохотой, это произошло более или менее недавно. А теперь, Джен, вспом-

ни старика с Новой Земли, рассказавшего тебе свою версию истории Земли.

— Моноли?

— Да. Именно его самого. Не сказал ли он, упоминая об основании Новой Земли, что те из землян, что остались в живых, были перевезены на их планету?

— Ты хочешь сказать, дружочек, что предмет наших поисков находится сейчас там? Взят с собой покидавшими Землю последними людьми?

— Могло ли быть иначе? Вряд ли Новая Земля лучше известна Галактике, чем старая, а ее обитатели настойчиво стремятся держать подальше всех инопланетников.

— Мы были там, — вмешалась Блисс. — И ничего не нашли.

— Мы и не искали ничего, кроме сведений о местоположении Земли.

Теперь удивился Пелорат:

— Но ведь мы-то ищем что-то такое... высокоразвитое, передовое... сверхразумное — то, что могло бы изъять информацию из-под самого носа Второй Академии и даже из-под носа — прости меня, Блисс, — Геи. Эти люди с Новой Земли, может быть, и способны управлять погодой над своим клочком суши, и владеют развитой биотехнологией, но, я думаю, ты согласишься, что их уровень развития в целом очень низок.

— Я согласна с Пелом, — кивнула Блисс.

— Мы судим лишь по немногим деталям, — сказал Тревайз. — Мы так и не увидели мужчин из рыболовецкой флотилии, не видели других частей острова, кроме того места, где совершили посадку. Кто знает, что бы мы могли найти, исследуй мы планету более тщательно? Кстати говоря, мы не узнали флуоресцентные светильники, пока не увидели их в действии, и если нам казалось, что техника там была не развита, я повторяю...

— Что, что, Голан? — явно заинтересованная его монологом, торопила Блисс.

— Тогда все это могло быть лишь частью маскировки, призванной скрыть правду.

— Невозможно, — как отрубила Блисс.

— Невозможно?! Это *ты* говорила мне, еще на Гее, что на Тренторе вся цивилизация искусно поддерживается на примитивном уровне, чтобы скрывать ее достижения от Второй Академии. Почему та же самая тактика не может быть использована на Новой Земле?

— Следовательно, ты предлагаешь, чтобы мы вернулись на Новую Землю и вновь встретились с инфекцией? На этот раз ее уж точно активируют. Половой акт, несомненно, исключительно приятный способ заразиться, но он может оказаться не единственным.

— Я не жажду вернуться на Новую Землю, — возразил Тревайз, — но, может быть, придется...

— *Может быть* или придется?

— Может быть! В конце концов, есть еще одна вероятность.

— Какая же?

— Новая Земля обращается вокруг Альфы. Но Альфа — часть двойной системы. Не может ли существовать пригодная для жизни планета на орбите вокруг спутника Альфы?

— Слишком уж он тусклый, — не согласилась Блисс. — Его яркость составляет лишь четверть яркости Альфы.

— Тусклый, но не слишком. Если планета расположена близко к этой звезде, будет в самый раз.

— А компьютер знает что-нибудь о планетах этой звезды-спутника? — вставил свой вопрос Пелорат.

— Я уже проверял, — мрачно ухмыльнулся Тревайз. — Там пять планет средних размеров. Газовых гигантов нет.

— А хоть одна из этих планет обитаема?

— У компьютера нет информации о них, кроме количества и того факта, что они невелики.

— Ох! — разочарованно вздохнул Пелорат.

— Не стоит расстраиваться. Ни одной космонитской планеты вообще не было в памяти компьютера. Информация о самой Альфе — минимальна. Все эти сведения тщательно скрывались, и если почти ничего не известно о спутнике Альфы, это, вероятно, можно рассматривать как добрый знак.

— Тогда что ты собрался делать, — деловым тоном поинтересовалась Блисс, — посетить спутник и, если этот номер окажется пустым, — вернуться к Альфе?

— Да. И на этот раз, когда мы доберемся до Новой Земли, мы будем подготовлены ко всему. Мы скрупулезно исследуем весь остров, прежде чем сделать посадку, и, Блисс, я надеюсь на твои ментальные способности как на защиту от...

И вдруг «Далекая звезда» слегка накренилась и вздрогнула, Тревайз вскрикнул в гневе и растерянности:

— Кто за пультом?

И спрашивать было нечего. Он отлично знал кто.

95

Фаллом, стоя перед пультом управления, была совершенно поглощена связью с компьютером. Она широко развела маленькие руки с длинными пальцами, чтобы ими накрыть слабосветящиеся контуры на панели. Казалось, ее ладони почти слились с пультом, хотя было ясно, что он сделан из твердого и скользкого материала.

Она несколько раз видела, что Тревайз держал руки именно так и больше ничего не делал, хотя было совершенно ясно, как он управляет кораблем.

Фаллом видела и то, как Тревайз закрывал при этом глаза, и сама зажмурилась. Спустя пару минут она ощутила нечто вроде тихого, далекого голоса, зазвучавшего в голове. Как она смутно догадывалась, ей помогали мозговые преобразователи. Они оказались даже более важны, чем руки. Фаллом напряглась, пытаясь разобрать слова.

— Распоряжения, — говорил голос почти умоляюще. — Какие будут распоряжения?

Фаллом ничего не ответила. Она никогда не замечала, чтобы Тревайз что-либо говорил компьютеру, но знала, чего ей хотелось всем сердцем: она мечтала вернуться на Солярию, в удобное пространство особняка, к Джемби... Джемби... Джемби...

Она хотела туда и, как только подумала о любимой планете, вообразила ее на обзорном экране, там же, где она видела другие планеты, к которым не стремилась. Фаллом открыла глаза и посмотрела на экран, желая, чтобы там оказалась ненавистная ей Земля; глядя на то, что она там видела, Фаллом представила на месте этой планеты Солярию. Она ненавидела огромную Галактику, в которую попала против своей воли. Слезы заволокли ее глаза. Корабль дрогнул.

Она почувствовала эту дрожь и сама задрожала.

А потом Фаллом услышала громкий топот в коридоре, открыла глаза и увидела перед собой искаженное лицо Тревайза, заслонившее обзорный экран, на котором возникло то, чего она так хотела. Тревайз что-то кричал, но Фаллом было все равно. Это он забрал ее с Солярии, убив Бандера, это он мешал ей вернуться, думая только о Земле, и она не желала слушать его.

Она хотела увести корабль к Солярии. Отвечая на ее решимость, «Далекая звезда» содрогнулась вновь.

96

Блисс в отчаянии схватила за руку Тревайза:

— Нет! Не надо! — Она его сдерживала, не подпуская к Фаллом, а сконфуженный Пелорат в полной растерянности застыл у нее за спиной.

— Убери руки от компьютера! — кричал Тревайз. — Блисс, не мешай. Иначе я буду вынужден сделать тебе больно.

— Не срывай гнев на ребенке! — измученным голосом просила Блисс. — Иначе буду вынуждена я сделать больно *тебе*, несмотря на все договоренности.

Взгляд Тревайза дико метался между Фаллом и Блисс.

— Тогда уведи ее прочь, Блисс. Немедленно!

Блисс оттолкнула его с удивительной силой. (Наверное, у Геи позаимствовала, подумал потом Тревайз.)

— Фаллом! — приказала она. — Убери руки с пульта!

— Нет! — пронзительно вскрикнула Фаллом. — Я хочу, чтобы корабль летел на Солярию. Я хочу, чтобы он летел туда. Туда. — Она кивнула в сторону экрана, не убирая рук с пульта.

Но как только руки Блисс коснулись плеч Фаллом, та вся задрожала, обмякла и расплакалась.

Блисс стала нежно приговаривать:

— Давай, Фаллом, скажи компьютеру, чтобы он сделал все, как было, и пойдем со мной. Пойдем со мной, — говорила Блисс и гладила истерически рыдавшего ребенка.

Руки Фаллом упали, она покачнулась, и Блисс, подхватив ее под мышки, прижала к груди и дала выплакаться.

Обращаясь к Тревайзу, загородившему дверь, Блисс сказала:

— Уйди с дороги и не дотрагивайся до нас.

Тревайз мгновенно отступил в сторону.

Блисс на секунду остановилась и зловеще прошептала:

— Я была вынуждена вмешаться в ее сознание, пусть и ненадолго. Если я причинила ей хоть какой-то вред, я этого тебе не прощу.

Первым порывом Тревайза было заявить Блисс, что ему совершенно безразлично сознание Фаллом, что он боялся только за компьютер. Однако под пристальным взором Геи (наверняка это была не только Блисс, поскольку одно только выражение ее лица заставило его мгновенно похолодеть от ужаса) Тревайз промолчал.

Он молчал и не двигался довольно долго, даже после того

как Блисс и Фаллом исчезли в своей каюте. Стоял и молчал, пока Пелорат робко не окликнул его:

— Голан, с тобой все в порядке? Она ведь ничего не сделала тебе, правда?

Тревайз энергично замотал головой, словно старался стряхнуть охватившее его оцепенение.

— Со мной все в порядке. Вопрос в том, все ли в порядке с пультом.

Он сел за пульт и положил руки туда, где только что лежали руки Фаллом.

— Ну? — поторопил его Пелорат.

— Вроде бы откликается нормально, — успокоился Тревайз. — Может, потом что-то проявится, но сейчас, похоже, все в полном порядке. — И затем более сердито: — Компьютер не должен эффективно работать с любыми другими руками, кроме моих, но тут, с этой гермафродиткой... тут были не только руки. Мозговые преобразователи, я уверен, тоже поучаствовали.

— Но что заставило корабль вздрагивать? Он не должен был так вести себя, не правда ли?

— Нет. Это — гравилет, и у него должны отсутствовать подобные инерционные эффекты. Но эта монстриха... — Он умолк, вновь не в силах справиться с гневом.

— Ну что ты замолчал? Продолжай, Голан.

— Видимо, она подала компьютеру два взаимоисключающих приказа, и каждый настолько беспрекословный, что у компьютера не было иного выхода, кроме как попытаться выполнить их одновременно. Пытаясь сделать невозможное, он, должно быть, на какое-то мгновение не смог удержать корабль в безынерционном состоянии. По крайней мере, мне кажется, что случилось именно это. — Его лицо постепенно смягчилось. — И это, возможно, даже хорошо, поскольку сейчас я понял, что все мои речи об альфе Центавра и ее спутнике были идиотской болтовней. Теперь я знаю, где Земля должна была спрятать свои тайны.

97

Пелорат уставился на Тревайза, но затем, игнорируя его замечание, вернулся к тому, что его поразило раньше:

— Каким образом Фаллом могла попросить что-то взаимоисключающее?

— Ну... Она сказала, что хочет, чтобы корабль летел к Солярии.

— Да, конечно, она должна была это сказать.

— Но что она подразумевала под Солярией? Она не могла узнать Солярию из космоса. То есть она никогда и не видела ее из космоса, Фаллом спала, когда мы в спешке покидали эту планету. И, несмотря на все, что она вычитала в твоей библиотеке, и то, что сказала ей Блисс, думаю, она вряд ли реально представляет себе истинную картину Галактики. То есть то, что в ней сотни миллиардов звезд и миллионы населенных планет. Выросшая в подземелье, в одиночестве, она еще могла с трудом представить, что существуют другие планеты — но сколько их? Две? Три? Четыре? Для нее любая планета, которую она видела, походила на Солярию и, повинуясь силе ее желания, *становилась* ею. А поскольку я предполагаю, что Блисс пыталась утешить Фаллом, обещая вернуть ее обратно на Солярию, если мы не найдем Землю, она могла даже прийти к выводу, что эти планеты довольно близки друг другу.

— Но почему ты так говоришь, Голан? Что заставляет тебя так думать?

— Она сама сказала нам это, Джен, когда мы ворвались сюда. Она кричала, что хочет на Солярию, и затем добавила «туда, туда», кивая на экран. А что на экране? Спутник Земли. Его там не было, когда я уходил на обед; была Земля. Но Фаллом, должно быть, представила спутник в уме, когда просила Солярию, и компьютер сфокусировал телескоп на спутнике. Поверь мне, Джен, я знаю, как эта штука работает. И кто может знать лучше?

Пелорат посмотрел на тонкий полумесяц света на обзорном экране и задумчиво произнес:

— Он должен называться «*Moon*», по крайней мере, на одном из языков Земли; Луна — на другом. Вероятно, у него было много и других названий. Вообрази, дружочек, неудобства планеты, где несколько языков — непонимание, сложности...

— Луна? — сказал Тревайз. — Хорошо. Это достаточно простое название. Слушай, продолжая размышлять о случившемся, я могу предположить также, что, возможно, Фаллом инстинктивно пыталась сдвинуть корабль при помощи своих мозговых преобразователей, используя собственные энергетические источники корабля, и это, вероятно, привело к временному нарушению безынерционного полета. Но это ладно, Джен. Что сущест-

венно, так это то, что все вместе взятое привело к появлению Луны — да, мне нравится это название — на экране и увеличению ее изображения. Я смотрю сейчас на нее и поражаюсь.

— Поражаешься чему, Голан?

— Ее размерам. Мы привыкли игнорировать спутники, Джен. Они такие маленькие. А этот совсем другой. Целая планета. Ее диаметр — около трех с половиной тысяч километров.

— Планета? Наверное, ты не должен называть ее так. Она не может быть пригодна для жизни. Даже такой диаметр слишком мал. У нее нет атмосферы. Это же и так видно. Нет облаков. Край диска — резкий, как и линия терминатора.

— Ты становишься настоящим космическим волком, Джен, — кивнул Тревайз. — Ты прав. Нет воздуха. Нет воды. Но это означает только, что Луна не обитаема снаружи. А вот внутри...

— Внутри? — с сомнением переспросил Пелорат.

— Да. Внутри. Почему бы и нет? Земные города находились под поверхностью планеты, ты сам говорил. Мы знаем, что Трентор тоже размещался под корой. Большая часть столицы Компореллона расположена под землей. Особняки солярian почти полностью подземные. Это вполне обычное дело.

— Но, Голан, в каждом из этих случаев люди жили на пригодной для обитания планете. Поверхность тоже была обитаема, да и атмосфера, и моря. Можно ли жить внутри планеты, если поверхность абсолютно безжизненна?

— Слушай, Джен, подумай хорошенько! Где мы живем сейчас? «Далекая звезда» — крошечный мирок с не пригодной для жизни поверхностью. Там, снаружи, нет ни воздуха, ни воды. И все же мы живем здесь со всеми удобствами. Галактика полна космических станций и поселений, совершенно необитаемых за исключением внутренних помещений. Представь, что Луна — гигантский космический корабль.

— С экипажем внутри?

— Да. Там могут жить миллионы людей, исходя из того, что нам известно — растения и животные, передовая технология. Подумай, Джен, разве это лишено здравого смысла? Если Земля в свои последние дни могла выслать партию колонистов на планету возле альфы Центавра и если, с помощью Империи, те предприняли попытку терраформировать ее, заселить ее океаны и создать сушу там, где ее не было, разве не могла она также послать часть людей на свой спутник и терраформировать его изнутри?

— Возможно и так, — с неохотой уступил Пелорат.

— Это *должно* было произойти. Если Земле было что скрывать, зачем посылать это что-то через парсеки пространства, когда можно все укрыть на планете, находящейся настолько ближе Альфы. И Луна была бы более подходящим местом для этого еще и с точки зрения психологии. Никто и не подумает о возможной связи спутника с жизнью, исчезнувшей с Земли. Например, мне это и в голову не приходило. Луна висела на экране в дюйме от моего носа, а мои мысли унеслись к Альфе. Если бы не Фаллом... — Он сжал челюсти и помотал головой. — Теперь уж я точно в долгу перед ней. И перед Блисс.

— Но послушай, дружочек, если что-то и спрятано под поверхностью Луны, как мы сможем обнаружить это? Площадь ее поверхности составляет, должно быть, миллионы квадратных километров.

— Около сорока миллионов.

— И мы должны будем обшарить их все, в поисках неизвестно чего? Отверстия? Шлюза?

— Если идти по такому пути, то это действительно покажется нелегкой задачей. Но мы будем искать не просто какие-то сооружения, а жизнь, и жизнь разумную. И у нас есть Блисс, чей талант — обнаруживать разум, не так ли?

98

Блисс сердито смотрела на Тревайза:

— Я наконец смогла усыпить ее. Мне пришлось нелегко. Она стала совершенно неуправляемой. К счастью, я не думаю, что причинила ей вред.

— Советую тебе попытаться ослабить ее привязанность к Джемби, — холодно выдавил слова Тревайз, — поскольку я не намереваюсь когда-либо вернуться на Солярию.

— Ослабить привязанность? Убить совсем? Думаешь, это легко? Что ты знаешь о таких вещах, Тревайз? Ты, никогда не ощущавший чужого сознания! У тебя нет и малейшего представления о том, как это трудно. Если бы ты знал хоть что-то об этом, ты не говорил бы об удалении привязанности так, словно это все равно что джем из банки вынуть.

— Ну, по крайней мере, ослабь ее.

— Я могу немного ее ослабить, но на это уйдет целый месяц,

в течение которого нужно будет заниматься штопкой ее сознания.

— Что еще за штопка?

— Тому, кто этого не знает, объяснять бесполезно.

— А сейчас? Что ты думаешь делать с этим ребенком сейчас?

— Еще не знаю. Надо подумать.

— В таком случае, позволь сказать тебе, что мы собираемся делать с кораблем.

— Я знаю, что ты собираешься делать. Вернуться на Новую Землю и встретиться с любвеобильной Хироко, если она пообещает не заражать тебя на этот раз.

Тревайз сохранил невозмутимое выражение лица.

— Нет, дело обстоит иначе. Я изменил свои намерения. Мы отправляемся на Луну — таково название спутника Земли, если верить Джену.

— Спутник? Потому что он близко? Я и не подумала об этом.

— Я тоже. Никто об этом не догадывался. Нигде в Галактике нет спутника, о котором стоило бы говорить, но этот, будучи таким огромным, уникален. Более того, анонимность Земли бросает на него тень. Тот, кто не смог найти Землю, не найдет и Луну.

— Она обитаема?

— Не на поверхности — нет, но она не радиоактивна, совершенно! Так что Луна не абсолютно непригодна для жизни. На ней может существовать жизнь — самая настоящая, но под поверхностью. И, конечно, ты сможешь сказать, есть ли она там, как только мы подойдем к Луне достаточно близко.

— Я попытаюсь, — пообещала Блисс. — Но, послушай, откуда у тебя эта идея — исследовать спутник?

— Да так... — тихо проговорил Тревайз. — Спасибо Фаллом, ее рук дело.

Блисс помолчала, ожидая продолжения, но, не дождавшись, пожала плечами:

— Ну вот. А ты ее убить был готов.

— Да не хотел я ее убивать, Блисс!

— Ладно, — отмахнулась Блисс. — Хорошо. Значит, мы летим к Луне?

— Да. Из осторожности я не приближаюсь к ней слишком быстро, но, если все пойдет нормально, мы окажемся рядом с ней через тридцать часов.

99

Луна оказалась пустынной. Тревайз обозревал ее освещенную Солнцем поверхность, проплывавшую внизу. Перед его глазами расстилалась однообразная панорама кратерных цирков и горных районов. Черные тени лежали там, куда не попадали лучи Солнца. Цветовые оттенки поверхности изменялись почти неуловимо. Время от времени попадались области относительно ровные, нарушаемые лишь небольшими кратерами.

По мере того как корабль подлетал к ночной стороне, тени становились длиннее и наконец слились воедино. Позади еще какое-то время сияли на солнце отдельные пики, похожие на лучи звезд. Затем и они исчезли, и остался лишь слабый свет Земли, большой голубовато-белой сферы, освещенной почти наполовину. В конце концов и она ушла за горизонт, светилась лишь звездная пыль, а внизу все погрузилось в непроглядную тьму. Но для Тревайза, выросшего в беззвездном мире Терминуса, даже такое небо казалось удивительным.

Затем появились новые яркие звезды, сперва — одна или две, потом еще, расширяясь и расплываясь, пока наконец не соединились в одну. И вот корабль вновь перелетел через терминатор и оказался над дневной стороной. Солнце светило ярко, компьютер сменил угол обзора, оберегая глаза людей от адского сияния, и ввел поляризующие фильтры, чтобы уменьшить силу света, отраженного от поверхности Луны.

Тревайз отлично понимал, что бесполезно надеяться найти какой-нибудь вход в обитаемые глубины, осматривая огромный спутник невооруженным глазом.

Он повернулся к Блисс. Она не смотрела на экран — сидела с закрытыми глазами, опустив плечи.

Тревайз, думая, уж не заснула ли она, тихо спросил:

— Еще что-нибудь почувствовала?

Блисс едва заметно качнула головой.

— Нет, — шепнула она. — Только слабый всплеск. Лучше вернись туда. Ты помнишь, где расположено то место?

— Компьютер запомнил.

Дальнейшее было похоже на стрельбу по мишени с целью попасть в яблочко. Корабль, казалось, передвигался ползком. Загадочная область находилась в глубине ночной стороны, и, несмотря на сияние низко стоящей в небе Земли, заливавшей своим пепельным светом поверхность там, где ее ничто не затеняло,

ничего невозможно было разглядеть, даже когда потушили свет в рубке для лучшей видимости.

Пришел Пелорат и, переминаясь с ноги на ногу у двери, спросил хриплым шепотом:

— Нашли что-нибудь?

Тревайз поднял руку, призывая друга молчать. Он наблюдал за Блисс. Он знал, что пройдут дни, прежде чем сюда вернется Солнце, но он знал также, что для Блисс и того, что она чувствовала, свет был безразличен.

— Это здесь, — сказала она вдруг.

— Ты уверена?

— Да.

— И это единственная точка?

— Это единственная точка, которую я обнаружила. Ты прошел над всей поверхностью Луны?

— Мы пролетели над значительной ее частью.

— Значит, это все, что я обнаружила на этой значительной части. Оно сильнее сейчас, словно *оно* обнаружило *нас*, и не кажется опасным. Я ощущаю что-то вроде приглашения.

— Ты уверена?

— Я так чувствую.

— Не может ли это быть ловушкой? — спросил Пелорат.

— Я ощутила бы обман, уверяю тебя, — с оттенком обиды в голосе сказала Блисс.

Тревайз проворчал что-то насчет чрезмерной самоуверенности, затем громко спросил:

— То, что ты обнаружила, разумно, я надеюсь?

— Я чувствую сильнейший разум. Только... — Ее голос звучал как-то странно.

— Только что?

— Ш-ш. Не мешай мне. Дай сосредоточиться, — произнесла она одними губами. И, с трудом скрывая удивление, добавила: — Это не человек.

— Не человек? — гораздо сильнее удивился Тревайз. — Мы снова имеем дело с роботами? Как на Солярии?

— Нет, — улыбнулась Блисс. — Это не совсем робот.

— Одно из двух — или робот, или человек.

— Ни то ни другое. — Она довольно прищелкнула языком. — Это не человек и все же не похож ни на одного робота, какого я знала раньше.

— Вот бы посмотреть! — воскликнул Пелорат, широко раскрыв глаза. — Это восхитительно! Так ново, необычно!

— Новое... Новое, — пробормотал Тревайз, и вспышка неожиданного прозрения, казалось, осветила его изнутри.

100

Экипаж ликовал. Корабль приближался к поверхности Луны. Даже Фаллом присоединилась к взрослым и с детской непосредственностью подпрыгивала от радости, словно и вправду возвращалась на Солярию.

Что до Тревайза, то он чувствовал, что здравый смысл говорит о странности поведения Земли или того, что оставалось от нее на Луне. Она предприняла такие меры, чтобы держать всех как можно дальше, а теперь сама звала их к себе. Не могла ли ее цель оставаться той же самой? Не обстояло ли дело так: «Если не можешь прогнать, замани и уничтожь»? Разве не останутся тогда тайны Земли неприкосновенными?

Но эта мысль вскоре утихла и утонула в потоке радости, что захлестывала Тревайза тем сильнее, чем ближе была поверхность Луны. А еще Тревайз пытался вернуть миг озарения.

Похоже, он не сомневался в том, куда вести корабль. «Далекая звезда» повисла над вершинами невысокой горной гряды, и Тревайзу расхотелось отдавать команды компьютеру. Он чувствовал, будто его вместе с компьютером ведут куда-то, и было так приятно, что тяжелая ноша ответственности упала с его плеч.

Корабль скользнул параллельно поверхности к скалам, вставшим, словно барьер, слабо светящийся в сиянии Земли и свете прожекторов «Далекой звезды». Вероятность столь очевидного столкновения, казалось, совсем не пугала Тревайза, и он не удивился, увидав, как часть скалы перед кораблем отъехала в сторону, и перед глазами путешественников озарился искусственным освещением туннель.

Корабль снизил скорость — казалось, сам по себе точно вписался в отверстие-вход и вплыл в туннель. Скалы сомкнулись, а корабль через туннель попал в гигантский зал.

«Далекая звезда» замерла. Все они нетерпеливо кинулись к шлюзу. Никому из них, даже Тревайзу, и в голову не пришло проверить, есть ли снаружи пригодная для дыхания атмосфера или любая атмосфера вообще.

Однако здесь *был* воздух, вполне пригодный для дыхания. Путешественники смотрели по сторонам с чувством людей, которые наконец-то попали домой, и не сразу заметили человека, вежливо ждавшего их приближения.

Он был высок и серьезен. Коротко подстриженные волосы отливали бронзой. Скулы широкие, глаза блестели, а одежда на нем была того фасона, какой можно встретить на иллюстрациях в древнейших исторических книгах. Хотя он казался крепким и энергичным, в нем чувствовалась какая-то внутренняя усталость.

Первой очнулась Фаллом. С громким визгом она бросилась к мужчине, размахивая руками и задыхаясь от крика:

— Джемби! Джемби!

Она мчалась со всех ног, но когда подбежала вплотную, мужчина остановил ее и поднял на руки. Она обвила руками его шею, всхлипывая и не переставая повторять:

— Джемби! Джемби!

Остальные приблизились более спокойно, и Тревайз медленно и отчетливо произнес (гадая, понимает ли этот человек галактический):

— Мы просим прощения, сэр. Этот ребенок потерял своего воспитателя и отчаянно его ищет. То, что она так обрадовалась вам, удивляет нас, поскольку она ищет *металлического* робота.

В ответ человек заговорил. Его голос был скорее механическим, чем музыкальным, в речи проскакивали архаизмы, но говорил он на галактическом свободно.

— Я приветствую вас всех, — сказал он вполне дружелюбно, несмотря на то что его лицо продолжало сохранять серьезное выражение. — Что касается ребенка, — продолжал он, — то он, возможно, продемонстрировал большую проницательность, чем вы думаете, поскольку я и есть робот. Меня зовут Р. Дэниел Оливо.

Глава 21

ПОИСК ОКОНЧЕН

101

Тревайз не верил собственным ушам. Он избавился от странной эйфории, которую чувствовал перед посадкой на Луну, — эйфории, как он думал теперь, внушенной ему этим удивительным роботом.

Тревайз по-прежнему изумленно смотрел на все окружающее. Несмотря на то что его разум вновь стал совершенно нормальным и не подвергался уже постороннему влиянию, он все еще не мог прийти в себя от удивления. Он что-то говорил, поддерживая беседу, вряд ли понимая, что произносит или слышит, и продолжал искать хоть что-нибудь во внешности этого явно человеческого существа, в его поведении, в манере говорить, что выдало бы в нем робота.

Неудивительно, думал Тревайз, что Блисс обнаружила что-то, что не было ни роботом, ни человеком, а, по словам Пелората, «чем-то новым». Впрочем, это тогда направило мысли Тревайза по другому, более ясному пути. Но теперь они копошились где-то на задворках его сознания.

Блисс и Фаллом прогуливались, осматривая зал. Предложила походить Блисс, но Тревайзу почудилось, что эта идея возникла после молниеносного обмена взглядами между ней и Дэниелом. Когда Фаллом отказалась и попросилась остаться с существом, которое она по-прежнему называла «Джемби», какого-то серьезно сказанного слова и поднятого пальца оказалось достаточно, чтобы она тут же рысцой побежала к Блисс. Тревайз и Пелорат остались рядом с Дэниелом.

— Они не из Академии, — сказал робот так, словно это все объясняло. — Одна — Гея, другая — космонитка.

Тревайз молчал, пока все не уселись на простые стулья под деревом, повинуясь жесту робота. Тогда он наконец спросил:

— Ты действительно робот?

— Правда, сэр.

Лицо Пелората вспыхнуло от радости.

— В древних легендах есть упоминания о роботе по имени Дэниел. Ты назван в его честь?

— Я и есть тот самый робот. Это не легенда.

— О нет. Если ты тот самый робот, тебе, должно быть, тысяча лет.

— Двадцать тысяч, — тихо произнес Дэниел.

Пелорат растерялся и взглянул на Тревайза, а тот сердито проговорил:

— Если ты робот, я приказываю тебе говорить правду.

— Нет нужды заставлять меня говорить только правду, сэр. Я *должен* это делать. Сэр, вам предстоит решить задачу, имеющую три возможных решения: или я человек, который лжет вам, или я робот, который запрограммирован верить, что ему два-

дцать тысяч лет, но на самом деле это не так, или я робот и мне *действительно* двадцать тысяч лет. Вы должны решить, какой вариант выбрать.

— Я это выясню в ходе дальнейшей беседы, — сухо сказал Тревайз. — Что касается обстановки, то трудно поверить, что мы внутри Луны. Ни свет (говоря это, он посмотрел вверх, поскольку свет был столь же мягким, рассеянным, хотя его и не было на небе, а, кстати, самого неба не было видно)... ни гравитация не кажутся лунными. Поверхностная гравитация здесь должна быть меньше 0,2 g.

— Нормальное притяжение на поверхности — 0,15 g, сэр. Обычное притяжение, однако достигается тем же самым способом, который дает вам на вашем корабле ощущение нормальной силы тяжести, даже когда вы находитесь в состоянии свободного падения или ускорения. Другие энергетические потребности, включая освещение, удовлетворяются также за счет гравитации, хотя мы используем и солнечную энергию там, где это удобно. Все наши нужды в материалах обеспечивают лунные породы, за исключением легких элементов — водорода, углерода и азота, которых здесь практически нет. Мы получаем их, перехватывая случайные кометы. Одной такой кометы в столетие более чем достаточно, чтобы удовлетворять наши потребности в этих элементах.

— Я так понимаю, что Земля бесполезна как источник ресурсов?

— К несчастью, это так, сэр. Наши позитронные мозги столь же чувствительны к радиации, как и человеческие белки.

— Ты использовал множественное число, и это сооружение вокруг нас кажется большим, прекрасным и детально продуманным — по крайней мере, на первый взгляд. Есть ли другие существа на Луне? Люди? Роботы?

— Да, сэр. У нас здесь на Луне создана совершенная экосистема и огромные, сложные пустоты, внутри которых она существует. Однако разумные существа здесь — только роботы, более или менее похожие на меня. Впрочем, вы не увидите ни одного из них. Что касается этого помещения, им пользуюсь только я, и с самого начала определилось, что оно спроектировано для одного меня, когда я поселился здесь двадцать тысяч лет назад.

— Которые вы помните во всех деталях, да?

— Совершенно верно, сэр. Я был смонтирован и существовал некоторое время — какое короткое время, как мне кажется теперь! — на космонитской планете Аврора.

— На той, где... — Тревайз замялся.

— Да, сэр. На той, где дикие собаки.

— Ты знаешь об этом?

— Да, сэр.

— Как же ты попал сюда, если сначала жил на Авроре?

— Сэр, это произошло при попытке предотвратить превращение Земли в радиоактивную планету; я появился здесь в самом начале колонизации Галактики. Со мной был другой робот, которого звали Жискар, и он мог воспринимать и изменять мысли людей.

— Как Блисс?

— Да, сэр. Мы потерпели поражение, и Жискар прекратил свое существование. Но перед этим, однако, он передал мне свой талант и оставил меня заботиться о Галактике, и особенно — о Земле.

— Почему о Земле?

— Отчасти из-за человека по имени Элайдж Бейли, землянина.

Пелорат нетерпеливо прервал их диалог:

— Это собирательный образ, о котором я упоминал некоторое время тому назад, Голан.

— Собирательный образ, сэр?

— Доктор Пелорат имеет в виду, — пояснил Тревайз, — что Элайдж — некая личность, которой очень многое приписывается и которая может быть лишь квинтэссенцией множества людских судеб в реальной истории, а то и просто выдуманной фигурой.

Дэниел какое-то время размышлял над сказанным, а затем совершенно спокойно произнес:

— Это не так, сэр. Элайдж Бейли был реальным человеком, и он был только им. Я не знаю, что говорят о нем ваши легенды, но в действительности Галактику могли бы никогда и не колонизировать без его участия. В память о его деяниях я пытался сделать все, что мог, чтобы спасти Землю, после того как она стала превращаться в радиоактивную свалку. Мои друзья-роботы разбрелись по Галактике, чтобы попытаться повлиять на нужных людей то там, то здесь. Сперва я предпринял попытку заменить почву Земли. Позже я попытался организовать терраформирование мира около ближайшей звезды, называемой сейчас Альфой. Ни в том, ни в другом случае мне не удалось довести начатое до конца. Я никогда не мог изменить мысли людей в точности так,

как хотел, поскольку всегда был риск, что я могу нанести вред всем этим людям, вмешиваясь в их сознание. Я был связан, вы понимаете, — и связан по сей день — законами роботехники.

— Да?

Не было нужды обладать ментальной мощью Дэниела, чтобы уловить в этом «да» недоверие.

— Первый Закон, — сказал он, — таков, сэр: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Второй Закон: «Робот должен повиноваться приказам человека, если эти приказы не противоречат Первому Закону». Третий Закон: «Робот должен заботиться о собственной безопасности, насколько это не противоречит Первому и Второму Законам». Естественно, я привел эти законы приблизительно, насколько их возможно сформулировать на вашем языке. Фактически они представляют собой сложнейшие математические выражения в схемах позитронного мозга.

— Ты считаешь, что трудно поступать в соответствии с ними?

— Но я должен, сэр. Первый Закон — абсолютен. Он почти запрещает использование моего ментального таланта. Когда имеешь дело со всей Галактикой, маловероятно, что любой образ действий не принесет никому вреда. Вероятно, что некоторые люди, а возможно, многие, могут пострадать, так что робот должен выбирать наименьшее из зол. Хотя сложность всех вариантов такова, что для выбора требуется время, и даже тогда ты не вполне уверен в его правильности.

— Понимаю, — согласился Тревайз.

— Все время, пока длится история Галактики, я пытался сгладить худшие стороны споров и бедствий, постоянно дававших о себе знать в Галактике. Иногда мне это удавалось случайно и лишь в некоторой степени, но если вы знаете вашу историю, то должны понимать и то, что успех мне сопутствовал нечасто, да и тот оказывался невелик.

— По большей части так оно и было, — криво улыбнулся Тревайз.

— Только перед своей кончиной Жискар вывел закон, превосходящий даже Первый. Мы назвали его «Нулевым Законом», не сумев придумать другое название, имевшее смысл. Он гласит: «Робот не может причинить вред человечеству или своим бездействием допустить, чтобы человечеству был причинен вред». Это автоматически означает, что Первый Закон должен быть изменен так: «Робот не может причинить вред человеку или своим

бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, поскольку это не противоречит Нулевому Закону». И соответствующие изменения должны быть внесены во Второй и Третий Законы.

— Но как вы решаете, — нахмурился Тревайз, — что может причинить вред человечеству в целом, а что нет?

— Резонный вопрос, сэр. Теоретически Нулевой Закон решает все наши проблемы. На практике же мы никогда не можем быть совершенно уверены. Человек — конкретный объект. Вред, нанесенный ему, может быть рассмотрен и оценен. Человечество же — абстракция. Как можно рассматривать вред, нанесенный абстракции?

— Я не знаю, — сказал Тревайз.

— Подождите, — вмешался Пелорат. — Вы можете превратить человечество в единый организм. Как Гею, например.

— Это именно то, что я пытаюсь сделать, сэр. Я возглавлял создание Геи. Если человечество может быть преобразовано в единый организм, оно станет вполне конкретным объектом и с ним можно будет иметь дело. Оказалось, однако, что создать суперорганизм не так легко, как я надеялся. Во-первых, это не может быть сделано, пока люди не предпочтут его своей индивидуальности, и я хотел бы создать в них такой образ мыслей, который позволял бы это. Много времени прошло, пока я не подумал о законах роботехники.

— А, значит, геяне *действительно* роботы. Я предполагал это с самого начала.

— На этот раз вы предположили неправильно, сэр. Они люди, но в их мозги прочно внедрен эквивалент законов роботехники. Они ценят жизнь. *Действительно* ценят. Но даже после этого оставалась серьезная проблема. Суперорганизм, состоящий только из людей, нестабилен. Он не может оставаться в первозданном состоянии. Должны быть добавлены другие животные, затем растения, затем и неорганические компоненты. Наименьший стабильный суперорганизм — это целая планета, достаточно большой и сложный мир, чтобы иметь устойчивую экосистему. Потребовалось немало времени, чтобы понять это, и только несколько столетий назад Гея *полностью* устоялась и стала способной двигаться дальше — к Галаксии. Но даже при таком положении дел это займет много времени. Возможно, не так много, сколько потребовал пройденный этап, поскольку мы теперь знаем все правила.

— Но вам был нужен я, чтобы принять за вас решение. Это так, Дэниел?

— Да, сэр. Законы роботехники не позволили бы ни мне, ни Гее принять решение и рискнуть, и, возможно, причинить вред человечеству. И тем не менее пять столетий назад, когда мне казалось, что я никогда не найду способа преодолеть все сложности, что возникали на пути становления Геи, я обратился ко второму, несколько худшему варианту и помог вызвать к жизни психоисторию.

— Я должен был догадаться... — пробормотал Тревайз. — Знаешь, Дэниел, я начинаю верить, что тебе в *самом деле* двадцать тысяч лет.

— Благодарю вас, сэр.

— Подождите, — сказал Пелорат. — Мне кажется, я начинаю что-то понимать. Вы ведь сами — часть Геи, Дэниел? Именно так вы узнали о собаках на Авроре? Через Блисс?

— В каком-то смысле, сэр, вы правы. Я связан с Геей, хотя и не являюсь ее частью.

Брови Тревайза поползли вверх.

— Это похоже на Компореллон — планету, которую мы посетили сразу после отлета с Геи. Там настаивают на том, что Компореллон не входит в Конфедерацию Академии, а лишь ассоциирован с ней.

— Я полагаю, что эта аналогия верна, сэр, — медленно кивнул Дэниел. — Я могу как ассоциированный с Геей организм знать то, что знает Гея, — например, в лице женщины Блисс. Гея, однако, не может знать того, что знаю я, так что я сохраняю свободу действий. Это необходимо, пока Галаксия как следует не устоялась.

Тревайз некоторое время в упор смотрел на робота, а затем спросил:

— И ты использовал свою осведомленность для того, чтобы организовывать соответствующие события во время нашего путешествия, делая его таким, каким оно тебе больше нравилось?

Дэниел, на манер человека, вздохнул, что получилось очень любопытно.

— Я не мог слишком много сделать, сэр. Законы роботехники обычно сдерживали меня. И все же я уменьшил нагрузку на мозг Блисс, приняв часть ответственности на себя, так что она могла разобраться с собаками Авроры и космонитами на Солярии быстрее и с меньшим вредом для себя. Кроме того, через

Блисс я повлиял на женщин на Компореллоне и на Новой Земле, чтобы они обратили на тебя внимание, и в результате ты смог продолжать свое путешествие.

Тревайз с легкой печальной усмешкой сказал:

— Я должен был знать, что это не моя заслуга.

Дэниел отнесся к его утверждению совершенно серьезно, не обратив внимания на содержащуюся в нем печальную самоиронию.

— Напротив, сэр, — сказал он, — большая часть заслуг в этом ваша. Каждая из двух женщин изначально относилась к вам благосклонно. Я просто усилил уже имевшееся влечение — насколько это можно было проделать в рамках законов роботехники. Из-за этих ограничений, а также по ряду иных причин, прибегая лишь к косвенным воздействиям, я с большим трудом смог привести вас сюда. И при этом на некоторых этапах моей операции существовала опасность потерять вас навсегда.

— И теперь я здесь, — сказал Тревайз. — Что же ты хочешь от меня? Подтверждения моего выбора в пользу Галаксии?

На лице Дэниела, обычно лишенном всякого выражения, казалось, промелькнуло отчаяние.

— Нет, сэр. Простого решения больше недостаточно. Я собрал вас здесь, сделав все, что смог в моем теперешнем состоянии, из-за возникновения более отчаянной ситуации. Я умираю.

102

Возможно, из-за того тона, которым Дэниел сообщил это, возможно, из-за того, что жизнь длиной в двадцать тысяч лет делала смерть чем-то не похожим на трагедию для того, кто жил менее половины процента этого времени, но, в любом случае, Тревайз не испытывал в этот момент никакой симпатии к Дэниелу.

— Умираешь? Как может машина умирать?

— Я могу прекратить существовать, сэр, называйте это как вам нравится. Я стар. Ни один свидетель моего появления в Галактике, когда во мне впервые пробудилось сознание, не дожил до настоящего дня — ни органическое создание, ни робот. Даже сам я не существовал непрерывно.

— Каким образом?

— Не осталось ни одной материальной части моего тела, сэр,

которая не избежала бы неоднократной замены. Даже мой позитронный мозг заменяли пять раз, каждый раз переписывая его содержимое до последнего позитрона. При этом новый мозг отличался от предыдущего большей мощностью и сложностью, так что появлялось дополнительное место для воспоминаний, возможность ускорения решений и действий. Но...

— Но?

— Чем более прогрессивен и сложен мозг, тем он более нестабилен и тем быстрее выходит он из строя. Мой современный мозг в сотни тысяч раз чувствительней первого и в десять миллионов раз мощнее. Но в то время как первый мозг служил мне больше десяти тысяч лет, настоящий работает лишь шесть сотен лет и, несомненно, начинает уже отказывать. За двадцать тысяч лет он переполнен воспоминаниями, да и механизмы их поиска тоже занимают много места. Возникла все более усиливающаяся неспособность принимать решения; еще быстрее нарушается возможность контролировать и влиять на умы на гиперпространственных расстояниях. Я не могу разработать и шестой мозг. Дальнейшая миниатюризация разбивается о стену принципа неопределенности, а дальнейшее усложнение приведет к почти мгновенному его разрушению.

Пелорат, казалось, впал в отчаяние:

— Но, Дэниел, Гея наверняка сможет продолжить начатое и без тебя. Теперь, когда Тревайз рассудил и выбрал Галаксию...

— Просто процесс потребовал слишком много времени, сэр, — как обычно без эмоций, продолжил Дэниел. — Я дожидался полного становления Геи, несмотря на встающие передо мной трудности. К тому времени, когда был найден человек — мистер Тревайз, способный принимать ключевые решения, было уже слишком поздно. Не думайте, впрочем, что я не предпринимал никаких мер, чтобы продлить свою жизнь. Мало-помалу я уменьшил свою активность, чтобы сохранить, что только возможно, для чрезвычайных ситуаций. Когда я больше уже не мог полагаться на активные действия, обеспечивавшие сохранение изоляции Земли и Луны, я перешел к пассивным. В течение ряда лет человекоподобные роботы, работавшие со мной, были отозваны домой один за другим. Их последней задачей было изъятие всех упоминаний о Земле из планетных архивов. И в лице меня и моих друзей-роботов Гея утратила значительную силу, способствовавшую развитию Галаксии в разумный промежуток времени.

— И ты знал все это, — спросил Тревайз, — когда я принимал свое решение?

— Задолго до этого, сэр. Но Гея, конечно же, не знала.

— Но тогда, — рассердился Тревайз, — что толку было пробираться сквозь эту шараду? Кому это нужно? После принятия мной решения я обшарил Галактику в поисках Земли и того, что считал ее «тайной», — для подтверждения своего выбора — не зная, что тайна — это *ты*. Хорошо, я *подтвердил* его. Я понял, что Галаксия абсолютно необходима. И теперь оказывается, что все это — впустую. Почему бы тебе не предоставить Галактику самой себе, а меня — мне самому?

— Потому что, сэр, я искал выход и не терял надежды, что смогу его найти. И думаю, что нашел. Вместо того чтобы менять свой мозг на еще один позитронный, совершенно непрактичный, я могу вместо этого слиться с мозгом человека; его мозг не подвержен действию Трех Законов и может не только добавить мощности моему, но помочь мне выйти на новый уровень способностей. Именно поэтому я и привел вас сюда.

— Ты имеешь в виду, — ужаснулся Тревайз, — что планируешь встроить человеческий мозг в свой? Он должен потерять свою индивидуальность, так что ты превратишься в некую двухголовую Гею?

— Да, сэр. Это не сделает меня бессмертным, но позволит прожить достаточно долго, чтобы успеть установить Галаксию.

— И ты привел *меня* сюда для этого? Ты хочешь получить мою независимость от Трех Законов и мое чувство правоты, сделать их частью себя ценой подавления моей индивидуальности? Ну уж нет!

— Хотя ты заявил мгновением раньше, что Галаксия необходима для лучшего будущего человечества...

— Даже если и так, это займет много времени, и я смогу остаться личностью всю оставшуюся мне жизнь. С другой стороны, если она установится быстро, то вся Галактика потеряет свою индивидуальность, и моя потеря окажется лишь малой частью невообразимо огромного целого. Я, однако, никогда не соглашусь потерять свою индивидуальность, пока остальная Галактика сохраняет свои.

— Все обстоит именно так, как я и думал. Твой мозг не способен полностью слиться с другим, и, в любом случае, будет лучше, если ты сохранишь способность к независимым суждениям.

— Когда ты успел изменить свое решение? Ты сказал, что привел меня сюда для слияния.

— Да, и только огромным напряжением своих угасающих сил. Но когда я сказал «именно поэтому я привел вас сюда», ты должен вспомнить, что в стандартном галактическом слово «вы» имеет значение как единственного числа, так и множественного. Я имел в виду всех вас.

Пелорат выпрямился на своем стуле.

— В самом деле? Скажи мне тогда, Дэниел, сможет ли человеческий мозг, слившись с твоим, разделить все его воспоминания, все двадцать тысяч лет, вплоть до легендарных времен?

— Конечно, сэр.

Пелорат глубоко вздохнул.

— Это завершит поиск, которому я посвятил жизнь, и за это я с радостью отдал бы мою индивидуальность. Пожалуйста, даруй мне эту привилегию — разделить с тобой твой мозг.

— А Блисс? Что будет с ней? — мягко спросил Тревайз.

Пелорат замялся лишь на мгновение.

— Блисс поймет, — сказал он. — Ей в любом случае будет лучше без меня. Спустя некоторое время.

Дэниел покачал головой:

— Ваше предложение, доктор Пелорат, великодушно, но я не могу принять его. Ваш мозг стар и не сможет прожить больше двух-трех десятилетий, даже слившись с моим. Мне необходимо нечто иное. Смотрите! — показал он и пояснил: — Я позвал ее назад.

Блисс возвращалась, счастливая, веселая.

Пелорат судорожно вскочил и крикнул:

— Блисс? О нет!

— Не тревожьтесь, доктор Пелорат, — сказал Дэниел. — Использовать Блисс я не могу. Это соединило бы меня с Геей, а, как я уже объяснял вам, я должен сохранять независимость от нее.

— Но в таком случае, — удивился Пелорат, — кто...

А Тревайз, посмотрев на тоненькую фигурку, бегущую за Блисс, произнес:

— Все это время, Джен, роботу была нужна Фаллом.

103

Блисс улыбалась, испытывая огромное удовольствие.

— Мы не могли выйти за границы этого зала, но все вокруг очень напоминает мне Солярию. Фаллом, конечно, уверена, что это — и в *самом деле* Солярия. Я спрашивала ее, не думает ли

она, что Дэниел внешне отличается от Джемби — кроме всего прочего, Джемби был металлическим, — и Фаллом ответила «нет, на самом деле — нет». Я не знаю, что она подразумевала под этим «на самом деле».

Она глянула в центр помещения, где Фаллом теперь играла на флейте, а Дэниел внимательно слушал и временами одобрительно кивал. Звуки инструмента иногда доносились и до них, тонкие, ясные и нежные.

— Ты знал, что она взяла флейту с собой, когда мы покидали корабль? — спросила Блисс. — Я полагаю, мы теперь довольно долго не сможем разлучить ее с Дэниелом.

Замечание это было встречено тяжелым молчанием, и Блисс с внезапной тревогой посмотрела на двух мужчин:

— В чем дело?

Тревайз махнул в сторону Пелората. «Это вопрос к нему», казалось, говорил этот жест.

Пелорат откашлялся и сказал:

— Послушай, Блисс, я думаю, что Фаллом будет лучше навсегда остаться у Дэниела.

— Навсегда? — Блисс, напрягшись, качнулась в сторону Дэниела, но Пелорат поймал ее за руку.

— Блисс, дорогая, ты не можешь ничего сделать. Он могущественнее, чем Гея даже сейчас, и Фаллом должна остаться с ним, если мы хотим становления Галаксии в будущем. Позволь, я объясню — Голан, пожалуйста, поправь меня, если я в чем-либо ошибусь.

Блисс вслушивалась в объяснения, и по выражению ее лица можно было понять, что она близка к отчаянию.

Тревайз вмешался в их разговор, пытаясь привнести толику холодного разума.

— Посмотри, как обстоят дела, Блисс. Ребенок — космонит, а Дэниел был спроектирован и собран космонитами. Ребенок воспитан роботом и не знает ничего, кроме своего поместья, столь же пустого, как и эти места. Фаллом обладает способностью преобразовывать энергию, в которой нуждается Дэниел, и может прожить три или четыре столетия. Возможно, этого хватит для создания Галаксии.

Блисс, чьи щеки пылали, а глаза были мокры от слез, сказала:

— Я полагаю, что робот таким образом направлял наше путешествие к Земле, чтобы мы не миновали Солярию. И все для того, чтобы добыть этого ребенка.

— Он мог просто использовать благоприятное стечение обстоятельств, — пожал плечами Тревайз. — Я не думаю, что его мощь сейчас настолько велика, что сделала из нас марионеток на гиперпространственных расстояниях.

— Нет. Это было целенаправленно. Он был уверен, что я настолько привяжусь к ребенку, что скорее возьму его с собой, чем брошу на верную смерть; что я буду защищать Фаллом даже от тебя, в то время как ты не станешь проявлять ничего, кроме негодования и раздражения от ее присутствия среди нас.

— С тем же успехом это может быть твоим чувством геянской этики, — сказал Тревайз, — которое Дэниел лишь слегка усилил, как мне кажется. Послушай, Блисс, так ты ничего не добьешься. Предположим, ты *сможешь* забрать отсюда Фаллом. Что ты можешь дать ей взамен, чтобы сделать столь же счастливой, как здесь? Вернешь ли ты ее на Солярию, где она будет безжалостно убита; возьмешь ли на Гею, где ребенок зачахнет от тоски по Джемби; или на какой-нибудь перенаселенный мир, где Фаллом ослабеет и умрет; или в бесконечное странствие по Галактике, где она будет считать каждый новый мир ее Солярией? А сможешь ли ты найти подходящую замену для Дэниела, чтобы он смог закончить становление Галаксии?

Блисс печально молчала.

Пелорат робко протянул к ней свою руку.

— Блисс, — сказал он, — я добровольно предложил, чтобы мой мозг соединился с мозгом Дэниела. Он не принял это, сказав, что я слишком стар. Хотел бы я, чтобы это произошло, если таким образом мог бы спасти Фаллом.

Блисс схватила его руку и поцеловала ее.

— Благодарю тебя, Пел, но цена была бы слишком высока, даже за Фаллом. — Она глубоко вздохнула и попыталась улыбнуться. — Возможно, когда мы вернемся на Гею, в ее глобальном организме найдется место и для моего ребенка — и я назову его в честь Фаллом.

Дэниел в это время шел к ним, словно уверенный, что все разрешилось, а рядом весело прыгала Фаллом.

Она сорвалась на бег и первой подоспела к ним, сказав Блисс:

— Благодарю тебя за то, что ты вернула меня домой к Джемби и за заботу обо мне там, на корабле. Я всегда буду вспоминать тебя.

Она прильнула к Блисс, и они сжали друг друга в крепких объятиях.

— Я надеюсь, ты всегда будешь счастлива, — сказала Блисс. — Я тоже буду вспоминать тебя, милая Фаллом, — и с неохотой отпустила ее.

Фаллом повернулась к Пелорату:

— Благодарю и тебя, Пел, за позволение читать твои библиофильмы. — Затем, без лишних слов и слегка помедлив, протянула тонкую девичью руку Тревайзу. Он на мгновение взял ее, а затем отпустил.

— Удачи, Фаллом, — пробормотал он.

— Благодарю вас всех за то, что вы сделали. Все вы вольны покинуть меня сейчас, поскольку ваш поиск окончен. Что касается моей работы, она тоже будет окончена, и теперь — успешно, — торжественно произнес Дэниел.

Но Блисс все же сказала:

— Подожди. Это еще не все. Мы еще не знаем, по-прежнему ли Тревайз считает, что лучшее будущее для человечества — Галаксия, а не огромный конгломерат изолятов.

— Он уже объявил свое решение некоторое время назад и высказался в пользу Галаксии.

Губы Блисс сжались.

— Я предпочла бы услышать это от него. Это так, Тревайз?

— А что ты хотела, Блисс? — спокойно ответил Тревайз. — Если бы я высказался против Галаксии, ты могла бы получить Фаллом обратно.

— Я Гея. Я должна знать, что ты решил и причины твоего решения, ради выяснения истины — и ничего более.

— Скажите ей, сэр, — попросил Дэниел. — Ваш разум, как об этом и заботилась Гея, остается нетронутым.

И Тревайз сказал:

— Мое решение — это Галаксия. У меня больше нет сомнений по этому поводу.

104

Блисс застыла на время, за которое можно было сосчитать до пяти, причем не торопясь. Казалось, она ждала, пока информация дойдет до всех частей Геи, и лишь затем спросила:

— Почему?

— Послушай меня, — сказал Трéвайз. — Я с самого начала знал, что существовали два возможных будущих для человечества: Галаксия или же Вторая Империя — венец Плана Селдона. И мне казалось, что это взаимоисключающие возможности развития. То есть мы не смогли бы установить Галаксию, если по какой-то причине План Селдона не содержал бы в себе какой-нибудь фундаментальной ошибки. К несчастью, я ничего не знал о Плане Селдона, за исключением двух аксиом, которые лежали в его основе: одна — для возможности рассмотрения человечества как группы случайно взаимодействующих индивидуумов, то есть статистически: в рассмотрение должно быть принято достаточно большое количество людей; и вторая — человечество не должно знать результаты психоисторических исследований, пока эти результаты не воплотятся в жизнь. Уже высказавшись в пользу Галаксии, я понимал, что должен был быть подсознательно уверен в порочности Плана Селдона, а его ошибки могли возникнуть только из-за аксиом, поскольку это было все, что я знал о нем. Хотя я и не мог обнаружить их ошибочность. Тогда я пустился на поиски Земли, чувствуя, что без нужды ее не стали бы так тщательно скрывать. Я хотел выяснить, с какой целью ее так прятали. У меня не было реальных причин ожидать, что обнаружение Земли автоматически решит эту проблему, но я был в отчаянии и не мог больше ни о чем думать. Возможно, стремление Дэниела получить ребенка с Солярии усилило мою тягу к путешествиям.

Во всяком случае, мы наконец достигли Земли, а затем и Луны, и Блисс обнаружила сознание Дэниела, которое он, конечно, преднамеренно обнаружил. Она описывала этот разум как нечто не человеческое, но и не относящееся к роботам. Задним числом это утверждение имело смысл, так как мозг Дэниела далеко превосходит мозг любого из существовавших роботов и не должен восприниматься как простой разум робота. Однако он ни в коем случае не напоминает человеческий. Пелорат охарактеризовал его как «нечто новое», и это стало толчком для моего собственного «чего-то нового» — новых мыслей.

Точно так же, как давным-давно Дэниел со своим коллегой выработали четвертый Закон роботехники, более фундаментальный, чем три других, так и я смог внезапно увидеть третью базисную аксиому психоистории, более фундаментальную, чем две другие; настолько фундаментальную, что никто даже и не позаботился упомянуть ее.

Вот она. Две известные аксиомы касаются людей, и они основаны на той невысказанной аксиоме, что люди — *единственные* разумные существа в Галактике и, следовательно, единственные, чьи действия имеют значение для развития истории и общества. Итак, неизвестная аксиома: «В Галактике есть только одно разумное существо и это — *Homo Sapiens*». Если бы возникло «что-то новое», если бы нашлись другие разумные формы жизни, отличные от людей по своей природе, тогда их поведение не описывалось бы точно математическим аппаратом психоистории и План Селдона не имел бы смысла. Понимаешь? — Тревайз чуть не дрожал от сильнейшего стремления быть правильно понятым. — Понимаешь? — повторил он.

— Да, понимаю, но как адвокат дьявола, дружочек.

— Да? Давай.

— Человек — *действительно* единственное разумное существо в Галактике.

— А роботы? — предположила Блисс. — А Гея?

Пелорат призадумался, а затем медленно произнес:

— Роботы не играют заметной роли в истории человека с момента исчезновения космонитов. Гея не имела значения до недавнего времени. Роботы — творение человека, а Гея — творение роботов, и роботы и Гея, поскольку они связаны Тремя Законами, не имеют иного выбора, кроме как покоряться воле человека. Несмотря на двадцать тысяч лет работы Дэниела и долгое развитие Геи, одно-единственное слово Тревайза, человеческого существа, могло положить конец и этой работе, и этому развитию. Из этого следует, что человечество — единственный, имеющий значение вид разумной жизни в Галактике, и психоистория остается в силе.

— Единственная форма разумной жизни, — медленно повторил Тревайз. — Я согласен. Хотя мы так много и часто говорим о Галактике, что не можем понять, что это еще не все. Галактика — это не вся Вселенная. Есть и другие галактики. — Пелорат и Блисс насторожились. Дэниел, как всегда серьезный, слушал Тревайза, медленно поглаживая волосы Фаллом. — Слушайте дальше, — продолжил Тревайз. — За пределами Галактики находятся Магеллановы Облака, в которые еще не проникали наши корабли. За ними — другие небольшие галактики, а неподалеку — гигантская Туманность Андромеды, которая больше нашей. И дальше — миллиарды других.

В нашей Галактике развилась только одна форма разума,

достаточно мощного, чтобы построить технологическое общество, но что мы знаем о других? Наша может оказаться нетипичной. В некоторых других — возможно, даже во всех — могут быть различные конкурирующие разумные расы, сражающиеся друг с другом, и каждая — непостижима для нас. Возможно, эта взаимная борьба полностью поглощает их внимание, но что, если в одной из галактик какая-либо из рас добьется преобладания над остальными и затем получит время поразмышлять над возможностью проникновения в другие галактики?

В гиперпространстве галактика — только точка — как и вся Вселенная. Мы не бывали в иных галактиках, и, насколько нам известно, ни один разумный организм из другой галактики никогда не появлялся в нашей, но такое положение вещей может в один прекрасный день измениться. И если пришельцы явятся, они постараются найти способы повернуть каких-либо людей против всего человечества. До сих пор только мы использовали это в наших междоусобных ссорах. Пришельцы, обнаружившие нас разделенными и воюющими друг с другом, смогут покорить нас всех или вообще уничтожить. Единственная надежная защита — установление Галаксии, которая не может обратиться против самой себя, но встретит пришельцев всей своей мощью.

— Ты нарисовал пугающую картину, — сказала Блисс. — Будет ли у нас время сформировать Галаксию?

Тревайз поглядел вверх, словно пронзая взглядом толстый слой лунных скал, отделяющий его от поверхности и от космоса, словно пытаясь увидеть эти отдаленнейшие галактики, медленно плывущие сквозь невообразимые дали космоса.

— За всю историю человечества, — сказал он, — ни одна другая разумная раса, насколько мы знаем, не нападала на нас. Нам нужно выстоять еще только несколько столетий, возможно, меньше одной десятитысячной того времени, что уже существует наша цивилизация, и мы будем в безопасности. Кроме всего прочего, — и тут Тревайз почувствовал внезапное сомнение, которым все же заставил себя пренебречь, — ведь сейчас среди нас еще нет врагов.

Но он не посмотрел вниз. Иначе бы встретился глазами с пристальным взглядом Фаллом — гермафродита, способного преобразовывать энергию и вообще не похожего на людей.

Содержание

АКАДЕМИЯ НА КРАЮ ГИБЕЛИ. Роман.
(*Перевод с английского Н. Сосновской*) 7

АКАДЕМИЯ И ЗЕМЛЯ. Роман.
(*Перевод с английского Н. Сосновской*) 411